ISSN 2658-5383

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЕЖЕГОДНИК

STATE LEGAL RESEARCH

RESEARCH AND EDUCATIONAL ANNUAL

АКТУАЛЬНЫЙ ВЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Материалы Международной научной конференции

Тамбов, 3–4 октября 2019 года

Мероприятие проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-011-20152

ВЫПУСК 3

2020

ISSN 2658-5383

20003 >

9 772658 538006

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА»

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

САРАТОВСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР «ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»

ТАМБОВСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ РОССИИ»

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЕЖЕГОДНИК

Выпуск 3
2020

(2019-2020 учебный год)

АКТУАЛЬНЫЙ ВЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Материалы Международной научной конференции

Тамбов, 3-4 октября 2019 года

Мероприятие проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-011-20152

Тамбов 2020

УДК 34
ББК 67
Г72

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Стромов Владимир Юрьевич, ректор ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», кандидат юридических наук, доцент, **председатель редакционного совета;**

Придворов Николай Антонович, профессор-консультант ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», доктор юридических наук, профессор;

Малько Александр Васильевич, директор Саратовского филиала ФГБУН «Институт государства и права» Российской академии наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Баранов Владимир Михайлович, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника», доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Вопленко Николай Николаевич, профессор кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса», доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Сырых Владимир Михайлович, руководитель отдела теории и истории права и судебной власти Российского государственного университета правосудия (г. Москва), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Сапун Валентин Андреевич, профессор-консультант Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Трофимов Василий Владиславович, директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», руководитель Научно-образовательного центра «Государственно-правовая политика современной России», доктор юридических наук, доцент, **главный редактор;**

Баранова Марина Владимировна, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Липинский Дмитрий Анатольевич, профессор департамента магистратуры ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», доктор юридических наук, профессор;

Давыдова Марина Леонидовна, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Мазуренко Андрей Петрович, профессор кафедры теории и истории государства и права филиала ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» в г. Пятигорске, доктор юридических наук, доцент;

Смирнова Марина Геннадьевна, профессор кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского университета правосудия (г. Санкт-Петербург), доктор юридических наук, адвокат Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов;

Нематов Акмал Рауфджонович, главный научный сотрудник Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан (г. Душанбе), доктор юридических наук, доцент;

Соколова Алла Анатольевна, профессор-эмеритус Европейского гуманитарного университета (Литва, г. Вильнюс), кандидат юридических наук, доцент;

Власенко Валерий Николаевич, председатель Совета молодых ученых и специалистов Российского государственного университета правосудия (г. Москва), кандидат юридических наук;

Белянская Ольга Викторовна, заместитель заведующего кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», кандидат юридических наук, доцент;

Самородов Владимир Юрьевич, аспирант кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Учредитель: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Г72 **Государственно-правовые** исследования : научно-образовательный ежегодник. Вып. 3. 2020 (2019/2020 уч. год). Актуальный вектор государственно-правовых исследований: проблема применения междисциплинарного подхода в теории и практике государства и права : материалы Международной научной конференции. Тамбов, 3-4 октября 2019 года / М-во науки и высш. обр. РФ [и др.] ; гл. ред. В.В. Трофимов. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2020. – 552 с.

16+

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2020

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION «G.R. DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY»

RESEARCH INSTITUTE OF STATE LEGAL RESEARCH

SARATOV BRANCH OF INSTITUTE OF STATE AND LAW OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

RESEARCH AND EDUCATIONAL CENTRE «STATE AND LEGAL POLICY OF MODERN RUSSIA»

TAMBOV REGIONAL BRANCH OF ALL-RUSSIAN SOCIAL ORGANISATION «ASSOCIATION OF RUSSIAN LAWYERS»

STATE LEGAL RESEARCH

RESEARCH AND EDUCATIONAL ANNUAL

Issue 3
2020
(2019/2020)

ACTUAL VECTOR OF STATE LEGAL RESEARCHES: PROBLEM OF APPLICATION OF INTERDISCIPLINARY APPROACH IN THEORY AND PRACTICE OF THE STATE AND LAW

Proceedings of the International Scientific Conference

Tambov, October 3-4, 2019

The event was held with the financial support of Russian Foundation for Basic Research, project № 19-011-20152

Tambov 2020

EDITORS:

Stromov Vladimir Yurievich, Rector of FSBEI HE «G.R. Derzhavin Tambov State University», PhD in Law, Associate Professor, **Chairman of Editors;**

Pridvorov Nikolay Antonovich, Professor-Consultant FSBEI HE «G.R. Derzhavin Tambov State University», Doctor of Law, Professor;

Malko Aleksandr Vasilievich, Director of Saratov Branch of State and Law Institute, Russian Academy of Science, Chief research scientist at the Scientific Research Institute for State – Legal Research of FSBEI HE «G.R. Derzhavin Tambov State University», Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation;

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Associate Administrator of Nizhny Novgorod Academy of MIA of Russia on Innovation Development of Research, President of Nizhny Novgorod Research Centre for Applied Science «Legal Engineering», Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

Voplenko Nikolay Nikolaevich, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of PEI HE «Volgograd Business Institute», Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation;

Syrykh Vladimir Mikhailovich, Head of the Department of Theory and History of Law and Judiciary, Russian State University of Justice (Moscow), Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation;

Sapun Valentin Andreevich, Professor-Consultant of North-West Institute of Management of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor

EDITORIAL BOARD:

Trofimov Vasiliy Vladislavovich, Director of Scientific Research Institute of State-Legal Research, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of FSBEI HE «G.R. Derzhavin Tambov State University», Head of Scientific Educational Centre «State Legal Policy of Modern Russia», Doctor of Law, Associate Professor, **Editor-in-Chief;**

Baranova Marina Vladimirovna, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Candidate of Cultural Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

Lipinskiy Dmitriy Anatolievich, Professor of the Department of Magistracy, FSBEI HE «Togliatti State University», Doctor of Law, Professor;

Davydova Marina Leonidovna, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Doctor of Law, Professor;

Mazurenko Andrey Petrovich, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Branch of FSAEI HE «North Caucasus Federal University» (Pyatigorsk), Doctor of Law, Associate Professor;

Smirnova Marina Gennadievna, Professor, Department of Civil Procedure Law, North-Western Branch of the Russian University of Justice (St. Petersburg), Doctor of Law, Attorney of St. Petersburg State Advocacy;

Nematov Akmal Raufjonovich, Senior Research Associate of Institute of Philosophy, Political Science and Law, A. Bakhovaddinov Academy of Sciences of Tajikistan (Dushanbe), Doctor of Law, Associate Professor;

Sokolova Alla Anatolievna, Professor-Emeritus of European Humanities University (Lithuania, Vilnius), Candidate of Law, Associate Professor;

Vlasenko Valeriy Nikolaevich, Chairman of the Counsel of Postdoctoral Students and Specialists of Russian State University of Justice, Candidate of Law;

Belyanskaya Olga Victorovna, Deputy Director of the Department of Theory and History of State and Law of FSBEI HE «G.R. Derzhavin Tambov State University», Candidate of Law, Associate Professor;

Samorodov Vladimir Yurievich, postgraduate of the Department of Theory and History of State and Law of FSBEI HE «G.R. Derzhavin Tambov State University»

Founder: FSBEI HE «G.R. Derzhavin Tambov State University»

State Legal Research : Research and Educational Annual. Issue 3. 2020 (2019/2020): Actual vector of state legal researches: problem of application of interdisciplinary approach in theory and practice of the state and law : proceedings of the International Scientific Conference. Tambov, October 3-4, 2019 / Ministry of Science and Higher Education of RF [etc.] ; Editor-in-Chief V.V. Trofimov. – Tambov : Derzhavinsky Publishing House, 2020. – 552 pp.

16+

© FSBEI HE «G.R. Derzhavin Tambov State University», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово главного редактора 15

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Стромов В.Ю. (Тамбов) Развитие междисциплинарного подхода к получению знаний в системе вузовского юридического образования (введение в проблему) 16
Сырых В.М. (Москва) Общая теория права как философия, методология, логика и социология права 20
Ударцев С.Ф. (Нур-Султан) Космическая перспектива эволюции государственности: необходимость междисциплинарного и межотраслевого исследования 23
Коваль Н.А. (Тамбов) Духовность как условие формирования нравственных норм личности . . . 33
Семякин М.Н. (Екатеринбург) Экономическая концентрация как междисциплинарная модель познания в правоведении и экономической науке 38
Соколова А.А. (Минск – Вильнюс) Социология права и ее эвристическая роль в исследовании государственно-правовых явлений 44
Арзамасов Ю.Г. (Москва) «Общее» и «особенное» в нормографии, легиспруденции и юридической лингвистике 49
Тлепина Ш.В. (Нур-Султан) Применение междисциплинарного подхода в изучении и преподавании Истории международного права (на примере истории международного права Арабского Востока) 58
Репин В.В. (Тамбов) Институт уполномоченного по правам человека как дополнительная гарантия государственной защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина 65
Малько А.В. (Саратов) Правовая жизнь общества: междисциплинарный подход к ее исследованию 75
Ионайтис О.Б. (Екатеринбург) Философская герменевтика о возможностях интерпретации правовой реальности 83
Баранов В.М. (Нижний Новгород), Трофимов В.В. (Тамбов) Проблемы конвергенции естественных, гуманитарных наук и практик в технике правотворчества современной России (постановка проблемы) 88
Гусев А.А. (Тамбов), Захарова О.В. (Тамбов), Баранчиков П.А. (Тамбов) Безопасность нанотехнологий: медико-экологические, технологические и юридические стороны 96
Мамитова Н.В. (Москва) Экспертиза как междисциплинарный институт 101
Трофимов В.В. (Тамбов) Междисциплинарный вектор государственно-правовых исследований: проблемы и перспективы 107
Цыбулевская О.И. (Саратов) Вектор сближения права и морали в меняющемся мире: философский и правовой аспекты 113
Туранин В.Ю. (Белгород) О формировании нового междисциплинарного учебного курса «Юридическая терминология» 119
Панченко В.Ю. (Красноярск) Ситуационный анализ как междисциплинарный подход в юридическом познании и обучении 123
Медушевская Н.Ф. (Москва) Междисциплинарность и синкретизм как важнейшие интенции современной юридической науки 128
Жуковский Е.С. (Тамбов), Шиндяпин А.И. (Мапуту) Естественнонаучные методы в исследовании государственно-правовых вопросов: введение в проблему 133
Анисимова А.С. (Саратов) Становление Интернет-права: междисциплинарный подход 136

СЕКЦИЯ I.
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ МОДЕЛЬ ПОЗНАНИЯ И ЕЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ В РЕШЕНИИ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ НАУКИ (ОБЩЕНАУЧНЫЕ И КОНКРЕТНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ)

Смирнова М.Г. (Санкт-Петербург) Междисциплинарная научная модель в практике выявления и юридической формализации социальных притязаний 141

Петрова Е.А. (Иваново) Механизм правотворчества в контексте сравнительно-правовых исследований 150
Денисенко В.В. (Воронеж) Лингвистическая парадигма в праве: преимущества методологии . . 154
Малышева Н.И. (Санкт-Петербург) О перспективах параметрального подхода в познании государственно-правовых явлений 159
Сулейманов Б.Б. (Махачкала) Социологические методы в исследовании правовых явлений 163
Самородов В.Ю. (Тамбов) Культурологический и социологический аспекты изучения проблем современного правового творчества 170
Милинчук Д.С. (Москва) Коллизионное право как межотраслевой институт и научное направление 177
Шубин М.Ю. (Тамбов) Ограничение прав личности: доктринальные подходы в гуманитарных науках 181
Жуковская Т.В. (Тамбов), Плужникова Е.А. (Тамбов) Об использовании математического моделирования при разработке программ борьбы с социально-правовыми отклонениями: опыт актуализации вопроса 185
Панасенко Е.А. (Тамбов), Пасечников И.И. (Тамбов) О государственном управлении в информационном обществе: к постановке проблемы 188
Александрова Ю.А. (Саратов) Морально-нравственный аспект политико-правового пространства современной России как область симулякров 191
Андросов М.В. (Москва) Государственная национальная политика Российской Федерации: от Концепции к Стратегии 197
Байдарова М.А. (Саратов) Исключения в праве и нормативный договор: междисциплинарные аспекты соотношения 204
Барсуков А.Ю. (Саратов) Цикличность как форма правового развития общества: междисциплинарный подход в исследовании 207
Бордакова А.Г. (*Пенза)* Специальные нормы: междисциплинарный подход к исследованию . . . 212
Глебова В.К. (Воронеж) Преодоление кризиса социализации правовых норм с позиции теории Юргена Хабермаса 217
Белянская О.В. (Тамбов) Автономия как междисциплинарная категория и ее использование в юридических исследованиях 221
Ерыгина В.И. (Белгород) Методологические подходы смешанной природы в юриспруденции как результат междисциплинарных связей 226
Репьев А.Г. (Барнаул) Преимущества в праве: междисциплинарный подход исследования 231
Бибаров-Государев А.П. (Тамбов) Междисциплинарный подход к осмыслению категории «национальное достояние» 235
Булгаков В.В. (Тамбов), Булгакова Д.В. (Тамбов) Справедливость и современное российское право: проблема взаимосвязи 243
Зрячкин А.Н. (Саратов) Роль междисциплинарного подхода в преодолении деформаций правосознания 248
Нестерова Е.М. (Тамбов) Личностные (соматические) права человека как предмет междисциплинарного исследования 252
Аркова Т.И. (Москва), Хантурова И.Е. (Москва) Право и духовная культура российской студенческой молодежи: проблемы и пути формирования 256
Стерликова В.С. (Тамбов) Перспективы развития судебной системы России как межотраслевая проблема 261
Ларина Е.А. (Тамбов) Генезис категории «юридическая сила» в российском и зарубежном законодательстве 264
Голоскоков Л.В. (Москва) Деятельностный подход в строительстве и модернизации институтов государства и права 270
Трофимов Г.В. (Москва) Логистика и право: проблема взаимосвязи. Моделирование цепи контрактов в цепях поставок 274
Грачев Д.В. (Саратов) Соотношение понятий бюрократия и бюрократизм 278
Гук П.А. (Пенза) Актуальность исследования проблем судебного нормотворчества 282
Исаков И.Н. (Саратов) Особенности формирования национальных правовых систем современных государств 290

Кальяк А.М. (Новосибирск), Кальяк Н.А. (Новосибирск) Послания Президента России Федеральному Собранию России за период 1999-2019 гг. как отражение государственной политики в сфере образования 295

СЕКЦИЯ II.
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНАЯ МОДЕЛЬ И ЕЕ РОЛЬ В РЕШЕНИИ ПРИКЛАДНЫХ ПРОБЛЕМ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ (ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ КОНВЕРГЕНЦИИ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО, ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО ВИДОВ ЗНАНИЯ)

Милушева Т.В. (Саратов) Методология познания пределов деятельности государственной власти: междисциплинарный подход 299
Ишеков К.А. (Москва) Применение междисциплинарного подхода в формировании единой антикоррупционной политики в сфере государственного управления 305
Елистратова В.В. (Саратов) Применение междисциплинарного подхода в исследовании проблем теории и практики межгосударственных объединений 310
Зелепукин Р.В. (Тамбов) Новые формы лоббистской деятельности 315
Левчук С.В. (Тамбов) Проектная деятельность как средство формирования социально-правовых компетенций у школьников 318
Липунцова А.В. (Тамбов) Государственный контроль на современном этапе реформирования . . 324
Михина Е.Г. (Тамбов) Национальные проекты – драйвер трансформации федерального и регионального законодательства. Проблемы уголовной ответственности 328
Пирожкова И.Г. (Тамбов) Концепт средовой безопасности: категориальный аппарат и современное состояние 333
Джасем Мустафа А.Д. (Тамбов) История и градостроительное право: симбиоз и обусловленность 338
Факурдинова А.Г. (Тамбов) Квазисудебность как межотраслевой конструкт: понятие и система в государственном управлении СССР 343
Иванова Н.А. (Тамбов) Междисциплинарный подход в изучении и решении проблем совершенствования семейного законодательства 347
Назаров В.В. (Тамбов) К вопросам судебного реформирования и начала работы отдельных кассационных и апелляционных судов 351
Корнилов А.Р. (Рязань) Цифровизация правоэкспертной деятельности: проблемы и перспективы 354
Теткин Д.В. (Рязань) Инструментальная ценность функционального подхода в рамках исследования либерально-демократической правовой системы 359
Коршунова П.В. (Пенза) Судебная политика современной России: актуальные проблемы реализации 363
Кулик О.В. (Москва) Значение социо-аксиологической методологии в исследовании правотворческих процессов 368
Мазуренко А.П. (Пятигорск) Правотворческая политика как новый государственно-правовой феномен 373
Мамитова Е.В. (Москва) Грантовая политика государства в молодежной среде 378
Маркунин Р.С. (Саратов) Методологические подходы к исследованию юридической ответственности органов государства 382
Петренко А.В. (Ростов-на-Дону) Роль правовой политики в устранении правотворческих ошибок 386
Давыдов П.А. (Астрахань) Применение междисциплинарных методов при реформировании судебной системы 389
Затонский В.А. (Саратов) Междисциплинарный подход – методологическая основа определения эффективности права и правоприменения 392
Ламонов Е.В. (Тамбов) Совершенствование законодательства об административных правонарушениях в области разграничения полномочий Российской Федерации и её субъектов в свете Концепции нового кодекса РФ об административных правонарушениях 398
Павленко К.А. (Воронеж) Междисциплинарный подход к исследованию доказывания в административном судопроизводстве 403

Волков И.А. (Тамбов) Правовые основы обеспечения экономической безопасности государства на современном этапе 409
Воробьева С.В. (Тамбов) Актуализация исследований проблематики суверенизации современного государства как фактор стабилизации межгосударственных отношений 412
Комаров В.В. (Тамбов) Социальные девиации как фактор противоправного поведения личности 418
Сидорова А.В. (Самара) Концепция правонарушения в контексте психологической теории деятельности 423
Орцханова Т.М. (Тамбов), Демьянов В.Н. (Тамбов) Проблематика противодействия преступным посягательствам в области биомедицины и биотехнологий 428
Муравьева М.С. (Москва) Актуальные проблемы установления сервитута в отношении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности 436
Юсупов Р.З. (Самара) К вопросу о приоритете комплексного подхода правового регулирования банковской деятельности в РФ 441
Соколова О.В. (Иваново) Преступления в сфере экономической деятельности: вектор развития уголовного законодательства 445
Терехов Е.М. (Балаково) Важность междисциплинарного подхода в разработке Концепции развития правоинтерпретационной деятельности в РФ 449
Тисленко Д.И. (Воронеж) Социальные условия и факторы совершения экологических преступлений 453
Чепус А.В. (Москва) Особенности реализации парламентской ответственности региональных органов власти в федеративных государствах 458
Попова Н.А. (Тамбов) Криминологическая характеристика организованной преступной группы: к проблеме актуализации междисциплинарных связей 463
Савина А.В. (Тамбов) Актуальные правообразующие факторы развития системы финансово-правового регулирования электронной коммерции 466
Майборода Э.Т. (Санкт-Петербург), Потапов Ю.А. (Санкт-Петербург) Актуализация связей с общественностью в правоохранительной и судебной системе (опыт, тенденции, проблемы) 470
Репьева А.М. (Барнаул) Принудительные меры воспитательного воздействия: вектор развития 475
Уздимаева Н.И. (Саранск) Правовая самозащита глазами юристов и не только... (актуальные проблемы методологии познания на стыке юриспруденции и неюридических гуманитарных наук) 479
Пестикова Т.А. (Тамбов) Правовое регулирование контрактной системы как элемента экономической системы государства 484

СЕКЦИЯ III (МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ).
ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Гасанова Д.П. (Тамбов) Юридическое образование как фактор правовой социализации молодежи 488
Егиазарян А.К. (Тамбов) Правовая социализация и девиантное поведение молодежи 493
Казарян С.Н. (Тамбов) Особенности конституционного права человека и гражданина на объединение 497
Бренёва М.О. (Тамбов) Низкий уровень правовой социализации как одна из причин проявления молодежного экстремизма 501
Муминова М.С. (Тамбов) Проблема правосознания молодежи в вопросе сохранения исторического и культурного наследия, памятников истории и культуры 504
Стерликова В.С. (Тамбов) Особенности принципа равенства в соответствии со статьей 19 Конституции Российской Федерации 507
Хованова С.В. (Тамбов) Правовой нигилизм молодёжи как социальная проблема российского государства 511
Горнов А.И. (Тамбов) Правовая асоциализация молодежи как рискогенная среда правовой жизни современного общества 514

Каримова К. (*Липецк*), *Кротова Е.С. (Липецк)* Выборы как одна из форм прямой демократии . . 521
Катунина А.И. (Тамбов) Особенности и проблемы государственной молодежной политики как фактора социализации молодого поколения в современной России 524
Колодина А.В. (Тамбов) Роль института образования в правовой социализации молодежи 529
Кротова Е.С. (Липецк), Бутар В.Е. (Липецк) Современные формы гражданской активности в политическом процессе Российской Федерации 533
Козина Я.А. (Тамбов) Правовая социализация молодежи как фактор противодействия негативному информационному влиянию на личность в социальных телекоммуникационных сетях: постановка проблемы 536
Чернышова Е.А. (*Тамбов*) Правовая социализация и девиантное поведение молодежи на современном этапе развития общества 541

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 545

ФОТООТЧЕТ О МЕРОПРИЯТИИ 547

CONTENTS

Opening speech of editor-in-chief 15

PLENARY MEETING

Stromov V.Yu. (Tambov) Development of an interdisciplinary approach to obtaining knowledge in the system of university legal education (introduction to the problem) 16
Syrykh V.M. (Moscow) The general theory of law as a philosophy, methodology, logic and sociology of law 20
Udartsev S.F. (Nur-Sultan) The Cosmic Perspective of the Evolution of Statehood: The Need for Interdisciplinary and Interdisciplinary Research 23
Koval N.A. (Tambov) Spirituality as a condition for the formation of person`s moral standards 33
Semyakin M.N. (Yekaterinburg) Economic concentration as an interdisciplinary model of cognition in jurisprudence and economic science 38
Sokolova A.A. (Minsk – Vilnius) Sociology of law and its heuristic role in the study of state-legal phenomena 44
Arzamasov Yu.G. (Moscow) «General» and «Special» in Normography, Legal Studies and Legal Linguistics 49
Tlepina SH.V. (Nur-Sultan) Application of an interdisciplinary approach in the study and teaching of the History of international law (using the history of international law of the Arab East as an example) 58
Repin V.V. (Tambov) The Commissioner for Human Rights as an additional guarantee of state protection of the rights, freedoms and legitimate interests of a person and a citizen 65
Malko A.V. (Saratov) The legal life of society: an interdisciplinary approach to its study 75
Ionaitis O.B. (Yekaterinburg) Philosophical hermeneutics about the possibilities of interpreting legal reality 83
Baranov V.M. (Nizhny Novgorod), Trofimov V.V. (Tambov) Problems of convergence of natural sciences, humanities and practices in the law-making technique of modern Russia (problem statement) 88
Gusev A.A. (Tambov), Zakharova O.V. (Tambov), Baranchikov P.A. (Tambov) Safety of nanotechnologies: medical-ecological, technological and legal aspects 96
Mamitova N.V. (Moscow) Expertise as an interdisciplinary institute 101
Trofimov V.V. (Tambov) Interdisciplinary vector of state legal research: problems and prospects 107
TsybulovskaYa O.I. (Saratov) Vector convergence of law and morality in a changing world: philosophical and legal aspects 113
Turanin V.Yu. (Belgorod) On the formation of a new interdisciplinary training course «Legal Terminology». 119
Panchenko V.Yu. (Krasnoyarsk) Situational analysis as an interdisciplinary approach in legal knowledge and training 123
Medushevskaya N.F. (Moscow) Interdisciplinarity and syncretism as the most important intentions of modern legal science 128
Zhukovsky E.S. (Tambov), Shindyapin A.I. (Maputo) Natural science methods in the study of public law issues: an introduction to the problem 133
AnisimovA A.S. (Saratov) Formation of Internet law: an interdisciplinary approach 136

SECTION I.
AN INTERDISCIPLINARY MODEL OF COGNITION AND ITS METHODOLOGICAL ROLE IN SOLVING GENERAL THEORETICAL ISSUES OF MODERN STATE LAW SCIENCE (GENERAL AND SPECIFIC RESEARCH PRACTICES)

Smirnova M.G. (St. Petersburg) Interdisciplinary scientific model in the practice of identifying and legal formalization of social claims 141

Petrova E.A. (Ivanovo) Lawmaking mechanism in the context of comparative legal research 150
Denisenko V.V. (Voronezh) Linguistic paradigm in law: advantages of methodology 154
Malysheva N.I. (St. Petersburg) On the prospects of a parametric approach to the knowledge of state-legal phenomena 159
Suleymanov B.B. (Makhachkala) Sociological methods in the study of legal phenomena 163
Samorodov V.Yu. (Tambov) Cultural and sociological aspects of studying the problems of modern legal creativity 170
Milinchuk D.S. (Moscow) Conflict law as an interdisciplinary institution and a scientific direction . . . 177
Shubin M.Yu. (Tambov) Restriction of individual rights: doctrinal approaches in the humanities 181
Zhukovskaya T.V. (Tambov), Pluzhnikova E.A. (Tambov) On the use of mathematical modeling in the development of programs to combat social and legal deviations: the experience of actualizing the issue 185
Panasenko E.A. (Tambov), Pasechnikov I.I. (Tambov) On public administration in the information society: to the statement of the problem 188
Alexandrova Yu.A. (Saratov) Moral and moral aspect of the political and legal space of modern Russia as a region of simulacra 191
Androsov M.V. (Moscow) State national policy of the Russian Federation: from Concept to Strategy 197
Baidarova M.A. (Saratov) Exceptions to the law and regulatory agreement: interdisciplinary aspects of the relationship 204
Barsukov A.Yu. (Saratov) Cyclicity as a form of legal development of society: an interdisciplinary approach to research 207
Bordakova A.G. (Penza) Special Standards: An Interdisciplinary Approach to Research 212
Glebova V.K. (Voronezh) Overcoming the crisis of socialization of legal norms from the perspective of the theory of Jürgen Habermas 217
Belyanskaya O.V. (Tambov) Autonomy as an interdisciplinary category and its use in legal research . . 221
Erygina V.I. (Belgorod) Methodological approaches of a mixed nature in jurisprudence as a result of interdisciplinary ties 226
Repev A.G. (Barnaul) Advantages in law: an interdisciplinary research approach 231
Bibarov-GosudareV A.P. (Tambov) Interdisciplinary approach to understanding the category of «national treasure» 235
Bulgakov V.V. (Tambov), Bulgakova D.V. (Tambov) Justice and modern Russian law: the problem of interconnection 243
Zryachkin A.N. (Saratov) The role of an interdisciplinary approach in overcoming deformations of justice 248
Nesterova E.M. (Tambov) Personal (somatic) human rights as a subject of interdisciplinary research 252
Arkova T.I. (Moscow), Khanturova I.E. (Moscow) Law and spiritual culture of Russian students: problems and ways of formation 256
Sterlikova V.S. (Tambov) Prospects for the development of the judicial system of Russia as an interdisciplinary problem 261
Larina E.A. (Tambov) Genesis of the category «legal force» in Russian and foreign legislation 264
Goloskokov L.V. (Moscow) An active approach in the construction and modernization of state and law institutions 270
Trofimov G.V. (Moscow) Logistics and law: the problem of interconnection. Supply Chain Modeling 274
Grachev D.V. (Saratov) Correlation of the concepts of bureaucracy and bureaucracy 278
Guk P.A. (Penza) The relevance of the study of the problems of judicial rule-making 282
Isakov I.N. (Saratov) Features of the formation of national legal systems of modern states 290
Kalyak A.M. (Novosibirsk), Kalyak N.A. (Novosibirsk) Messages from the President of Russia to the Federal Assembly of Russia for the period 1999-2019. as a reflection of public education policy . . 295

SECTION II.
AN INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC MODEL AND ITS ROLE IN SOLUTION OF APPLIED PROBLEMS OF STATE LEGAL LIFE (PRACTICAL EXPERIENCE OF CONVERGENCE OF SOCIO – HUMANITARIAN, NATURAL SCIENCE AND TECHNICAL KNOWLEDGE)

Milusheva T.V. (Saratov) Methodology of cognition of the limits of state power: an interdisciplinary approach 299
Ishekov K.A. (Moscow) Application of an interdisciplinary approach in the formation of a unified anti-corruption policy in public administration 305
Elistratova V.V. (Saratov) Application of an interdisciplinary approach in the study of problems of the theory and practice of interstate associations 310
Zelepukin R.V. (Tambov) New forms of lobbying 315
Levchuk S.V. (Tambov) Project activity as a means of forming social and legal competencies among schoolchildren 318
Lipuntsova A.V. (Tambov) State control at the present stage of reform 324
Mikhina E.G. (Tambov) National projects – the driver of the transformation of federal and regional legislation. Criminal liability issues 328
Pirozhkova I.G. (Tambov) The concept of environmental safety: categorical apparatus and current status 333
Jasem Mustafa A.D. (Tambov) History and town-planning law: symbiosis and conditionality 338
Fakurdinova A.G. (Tambov) Quasi-judicial as an intersectoral construct: the concept and system in public administration of the USSR 343
Ivanova N.A. (Tambov) An interdisciplinary approach to the study and solution of problems of improving family law 347
Nazarov V.V. (Tambov) On issues of judicial reform and the start of work of individual cassation and appeal courts 351
Kornilov A.R. (Ryazan) Digitalization of legal expertise: problems and prospects 354
Tetkin D.V. (Ryazan) The instrumental value of a functional approach in the framework of the study of the liberal democratic legal system 359
Korshunova P.V. (Penza) Judicial policy of modern Russia: actual problems of implementation 363
Kulik O.V. (Moscow) The importance of socio-axiological methodology in the study of law-making processes 368
Mazurenko A.P. (Pyatigorsk) Law-making policy as a new state-legal phenomenon 373
Mamitova E.V. (Moscow) Grant policy of the state among youth 378
Markunin R.S. (Saratov) Methodological approaches to the study of legal responsibility of state bodies 382
Petrenko A.V. (Rostov-on-Don) The role of legal policy in eliminating law-making mistakes 386
Davydov P.A. (Astrakhan) The use of interdisciplinary methods in the reform of the judicial system . . 389
Zatonsky V.A. (Saratov) Interdisciplinary approach – a methodological basis for determining the effectiveness of law and enforcement 392
Lamonov E.V. (Tambov) Improving the law on administrative offenses in the area of delimitation of powers of the Russian Federation and its subjects in the light of the Concept of the new Code of the Russian Federation on administrative offenses 398
Pavlenko K.A. (Voronezh) Interdisciplinary approach to the study of evidence in administrative proceedings 403
VolkoV I.A. (Tambov) The legal basis for ensuring the economic security of the state at the present stage 407
Vorobyeva S.V. (Tambov) Actualization of studies of the problems of the sovereignty of the modern state as a factor in the stabilization of interstate relations 412

Komarov V.V. (Tambov) Social deviations as a factor of illegal personality behavior 418
Sidorova A.V. (Samara) The concept of an offense in the context of a psychological theory of activity 423
Ortskhanova T.M. (Tambov), Demyanov V.N. (Tambov) Problems of combating criminal offenses in the field of biomedicine and biotechnology 428
Muravyeva M.S. (Moscow) Actual problems of establishing easement in relation to land owned by state or municipal property 436
Yusupov R.Z. (Samara) On the priority of an integrated approach to the legal regulation of banking in the Russian Federation 441
Sokolova O.V. (Ivanovo) Crimes in the field of economic activity: a vector for the development of criminal legislation 445
Terekhov E.M. (Balakovo) The importance of an interdisciplinary approach in the development of the Concept for the development of interpretation activities in the Russian Federation 449
Tislenko D.I. (Voronezh) Social conditions and environmental crime factors 453
Chepus A.V. (Moscow) Features of the implementation of parliamentary responsibility of regional authorities in federal states 458
Popova N.A. (Tambov) Criminological characteristics of an organized criminal group: on the problem of actualization of interdisciplinary connections 463
Savina A.V. (Tambov) Actual legal factors of development of the system of financial and legal regulation of electronic com 466
Mayboroda E.T. (St. Petersburg), Potapov Yu.A. (St. Petersburg) Actualization of public relations in the law enforcement and judicial systems (experience, trends, problems) 470
Repeva A.M. (Barnaul) Forced educational measures: development vector 475
Uzdimaeva N.I. (Saransk) Legal self-defense through the eyes of lawyers and not only... (Actual problems of the methodology of cognition at the intersection of jurisprudence and non-legal humanities) 479
Pestikova T.A. (Tambov) Legal regulation of the contract system as an element of the state economic system 484

SECTION III (YOUNG SCIENTISTS).
LAW SOCIALISATION OF RUSSIAN YOUTH
AS AN INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC
AND PRACTICAL ISSUE

Hasanova D.P. (Tambov) Legal education as a factor in the legal socialization of youth 488
Egiazaryan A.K. (Tambov) Legal socialization and deviant behavior of youth 493
Kazaryan S.N. (Tambov) Features of the constitutional right of a person and citizen to unite 497
Breneva M.O. (Tambov) Low level of legal socialization as one of the causes of youth extremism . . . 501
Muminova M.S. (Tambov) The problem of legal awareness of youth in the preservation of historical and cultural heritage, historical and cultural monuments 504
Sterlikova V.S. (Tambov) Features of the principle of equality in accordance with Article 19 of the Constitution of the Russian Federation 507
Khovanova S.V. (Tambov) Legal nihilism of youth as a social problem of the Russian state 511
Gornov A.I. (Tambov) Legal asocialization of youth as a risk-generating environment of the legal life of modern society 514
Karimova K. (Lipetsk), Krotova E.S. (Lipetsk) Elections as a form of direct democracy 521
Katunina A.I. (Tambov) Features and problems of state youth policy as a factor in the socialization of the young generation in modern Russia 524
Kolodina A.V. (Tambov) The role of the institute of education in the legal socialization of youth 529
Krotova E.S. (Lipetsk), Butar V.E. (Lipetsk) Modern forms of civic activity in the political process of the Russian Federation 533
Kozina Ya.A. (Tambov) Legal socialization of youth as a factor in counteracting negative informational influence on a person in social telecommunication networks: statement of the problem 536

Chernyshova E.A. (Tambov) Legal socialization and deviant behavior of youth at the present stage of development of society 541

INFORMATION FOR AUTHORS 545

ACTIVITY PHOTO REPORT 547

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Представляемый читателю очередной (третий) выпуск ежегодника «Государственно-правовые исследования» особенный – выпуск полностью посвящен научным материалам проведенной на базе Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина Международной научной конференции «Актуальный вектор государственно-правовых исследований: проблема применения междисциплинарного подхода в теории и практике государства и права» (Тамбов, 3-4 октября 2019 года). *Мероприятие было проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-011-20152.*

Масштаб мероприятия стал во многом беспрецедентным – в работе конференции приняло участие более 300 человек, из них – более 100 участников – докладчиков, остальные принимали участие в качестве слушателей (главным образом, это представители молодежной аудитории, составленной из наиболее успешных студентов Державинского университета, причем самых разных его учебных институтов, не только гуманитарного, но и естественнонаучного профиля).

В числе тех, кто принимал участие в научной конференции в качестве докладчиков, представители самых разных географических уголков как России, так и ряда зарубежных стран. Вот лишь небольшой перечень тех российских городов, ученые из которых прибыли на тамбовскую землю: Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Самара, Воронеж, Белгород, Екатеринбург, Махачкала, Барнаул, Красноярск, Астрахань, и др. Зарубежная наука была представлена учеными из Казахстана и Беларуси.

Структура ежегодника соответствует основным этапам и направлениям работы конференции в рамках пленарного и секционного заседаний, учитывая, что наряду с проведенным в первый день полноформатным пленарным заседанием, конференция обогатилась активной работой трех научных секций, в том числе молодежной секции, посвященной проблеме правовой социализации молодежи. Другие две секции были посвящены соответственно аспектам применения междисциплинарного научного подхода в теории и практике государства и права.

Научные материалы докладов, представляемые в настоящем издании, во многом говорят сами за себя – их число (более 100) и внутреннее содержание только убеждают, что поставленные цели и задачи конференции были успешно решены, причем многие вопросы получили не только текущие ответы в рамках прошедшей конференции, но и приоткрыли перспективы для новых, возможно, еще более интересных обсуждений.

Хотелось бы высказать слова искренней признательности *руководству вуза – Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина и всем, кто был задействован в организации и проведении научного форума, всем сотрудникам и подразделениям Державинского университета*, которые активно и добросовестно оказывали всестороннюю поддержку в деле реализации поставленных организационных задач, что было отмечено и тамбовскими участниками, и в особенности прибывшими из других регионов гостями научного мероприятия, подтвердившими неоднократно в своих положительных откликах, что почувствовали не только высокий научный уровень конференции, но и замечательную организацию международного научного форума! Очень надеемся, что работа состоявшейся конференции действительно была проведена не напрасно, и общие научные итоги будут иметь развитие в новых идейных конструкциях и практических разработках государственно-правового плана, отвечающих современным жизненным состояниям и процессам.

В.В. Трофимов

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 340

Владимир Юрьевич Стромов,
ректор ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: stromov@tsutmb.ru

Vladimir Yurievich Stromov,
Rector of FSBEI HE «G.R. Derzhavin Tambov State University»,
PhD in Law, Associate Professor

РАЗВИТИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА К ПОЛУЧЕНИЮ ЗНАНИЙ В СИСТЕМЕ ВУЗОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ)

В статье обосновывается актуальность разработки и применения междисциплинарного подхода в области государственно-правовой науки и практики. Обосновывается, что формирование синтезированных знаний и эффективных прикладных государственно-правовых решений на основе интердисциплинарных связей востребовано современной общественной жизнью, обусловлено необходимостью реагировать на очень сложные проблемы и вызовы сегодняшнего дня. Устанавливается, что опыт привития навыков применения подобного подхода к изучению сложных социальных проблем и принятию верных решений должен закладываться уже на стадии подготовки специалистов в учреждениях высшего образования. Особенно, по мнению автора, это значимо для профессий в сфере государственного управления и права. Приводятся некоторые примеры апробации междисциплинарных связей в области высшего юридического образования.

Ключевые слова: высшее юридическое образование, государственно-правовая наука, юридическая профессия, государственное управление, научно-технологическое развитие, современные технологии, государственно-правовые решения, междисциплинарный подход.

DEVELOPMENT OF AN INTERDISCIPLINARY APPROACH TO GETTING KNOWLEDGE IN THE SYSTEM OF UNIVERSITY LEGAL EDUCATION (INTRODUCTION INTO THE PROBLEM)

The article substantiates the relevance of the development and application of an interdisciplinary approach in the field of public law science and practice. It is substantiated that the formation of synthesized knowledge and effective applied state and legal decisions based on interdisciplinary connections is in demand by modern social life due to the need to respond to very complex problems and challenges of today. It is established that the experience of instilling skills in applying this approach to the study of complex social problems and making the right decisions should be laid already at the stage of training specialists in higher education institutions. According to the author, it is especially significant for the professions which are in the field of public administration and law. Some examples of testing interdisciplinary relations in the field of higher legal education are given.

Key words: higher legal education, state-legal science, legal profession, state administration, scientific and technological development, modern technologies, state-legal decisions, interdisciplinary approach.

Актуальная сегодня идея междисциплинарности в научном познании и нарабатываемый опыт ее реализации в практике государственно-правовой жизни современного общества имеют объективные истоки. Думается, что повышенное внимание к этому срезу научно-практического плана – интердисциплинарным исследованиям и разработкам – отнюдь не случаен. Этот вопрос вызван на повестку самой жизнью, теми современными тенденциями, которые мы наблюдаем в экономике, науке, производстве. Наверное, так было всегда, но в настоящее время особенно очевидно, что с помощью сугубо специального знания не ре-

шить всех вопросов государственно-правового строительства, которое сегодня не просто предполагается поддерживать на определенном уровне, а планируется осуществить как своего рода прорыв, создав государство и право современного (технологичного) типа, готовые к реагированию на все существующие и ожидаемые глобальные вызовы, способные обеспечивать масштабные модернизационные преобразования в стране. Как отметил, в частности, в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент Российской Федерации В.В. Путин: «Всё наше законодательство нужно настроить на новую технологическую реальность. Оно, это законодательство, а точнее, они, эти законы, не должны ограничивать становление передовых перспективных отраслей, а должны помогать этому развитию»[1].

Безусловно, каждая сфера деятельности нуждается в информационной подпитке из других смежных областей: промышленному производству нужны экономические алгоритмы, архитектору – данные геологии и метеорологии, биологу – математические знания и т. п. Однако государству и праву (государственно-правовой науке и практике государственного управления и законотворчества), поскольку именно здесь (на этом уровне) осуществляется принятие значимых решений и действий, полнота представлений (из различных научных областей – философии, социологии, психологии, лингвистики, кибернетики, физики, биологии, инженерии и пр.) о том, по каким законам развивается определенная область государственного управления и юридического регулирования просто необходима, поскольку все соответствующие решения отзываются на судьбах людей, населения, общества, страны, ведь отсутствие верной и всесторонней информации по той или иной проблеме государственно-правового характера может привести к негативным результатам и последствиям (существовавший вопрос будет не решен, решен не полностью, решен ошибочно и пр.).

Сегодня в условиях активного научно-технического прогресса многие сферы регулирования существенно обновились и очень сильно усложнились. Это касается и современной экономики, куда очень активно вторглись информационные и цифровые технологии. Появились так называемые криптовалюта, биткоины, блокчейны, смарт-контракты и пр. новомодные вещи. Это же можно сказать и о медицине, где внедряются современные технологии, которые меняют привычный образ отношений врач – пациент и требуют новых регулятивных практик и подходов. А проводимые геномные исследования (результаты их апробации на практике) могут вообще радикально поменять ценностные и правовые основания социума.

Поэтому закономерно, что в Стратегии научно-технологического развития России эти вещи максимально четко были обозначены уже несколько лет назад (начиная с 2016 г., когда она была принята), и именно в этом направлении (на стыке разных наук и отраслей знания) проводится попытка активизации научных фундаментальных и прикладных исследований. Так, говоря словами Стратегии, одними из главных приоритетов для науки являются те **направления развития**, которые обеспечат: «а) переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, создание систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта… ж) возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук»[2].

Российское государство, по сути, обозначило этот ведущий тренд в своей политике, основная задача – реализовать все намерения на практике: обеспечить переход российского общества на новые технологии, ответить достойно на вызовы «большие вызовы» и пр. По-

[1] http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863 (дата обращения – 20.11.2019).

[2] Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6887.

этому так важно использовать междисциплинарный подход, способный повысить качество и результативность исследований в области государства и права, а значит – позволить предложить более эффективные государственно-правовые решения. В книге основателя Всемирного экономического форума в Давосе Клауса Шваба и его соавтора Николаса Дэвиса (руководителя Давосского форума по развитию общества и инновациям), посвященной технологиям Четвертой промышленной революции справедливо замечается, что для того чтобы осознать важность Четвертой промышленной революции и обеспечить достижение интересов всего общества, необходим новый образ мышления, широкое понимание технологий, влияющих на каждого из индивидов и человеческую цивилизацию в целом[1].

Понимая все эти глобальные и сложные проблемы современной действительности, тем не менее нужно четко представлять, что основной кадровый человеческий ресурс, которому предстоит в ближайшем будущем их решать непосредственно, еще только формируется и, главным образом, в стенах высших учебных заведений, перед которыми стоят задачи подготовки специалистов высокого класса и уровня. А этот уровень сегодня немыслим без широкого кругозора, без способности преодолевать ограниченность специальных отраслей знания и искать решения на более широком поле знаний. В особой мере этот тезис следует адресовать к тем, кто получает профессию в сфере государственного или муниципального управления или юриста, и соответственно к тем, кто готовит специалистов подобного плана. Государственно-правовая наука и юридическое образование довольно консервативны, но и они не могут обойтись без союза с иными областями знания. Если говорить о подготовке современного юриста, то ему наряду с чисто правовыми знаниями нужны знания в области экономики, социологии, информатики, биологии и т. п.

Например, чтобы расследовать компьютерные преступления, нужны знания в информатике. Это же необходимо, чтобы разобраться с экономическими правонарушениями в сети Интернет. Или такой вид правонарушений, как правонарушения в области авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях и пр., безусловно, потребует познаний в информационных технологиях. Даже, казалось бы, такая извечная проблема, как коррупция (являющаяся предметом, прежде всего, уголовно-правовых и криминологических научных исследований), ее причины, динамика и пр., не может быть изучена исключительно с помощью догматического юридического подхода, поскольку речь должна идти не столько о самих фактах соответствующих преступных деяний и мерах наказания за подобные преступления, сколько о социальном (экономическом, политическом и пр.) контексте проблемы в целом. Не случайно, исследователями этого вопроса подчеркивается, что «наиболее перспективной и верифицирующей положения и выводы научных исследований… (имеется в виду вопрос изучения коррупции. – Уточнение наше. – *В. С.*) представляется методология междисциплинарности…»[2]. Именно данная методология (методологическая парадигма) в науке и практике государства и права может позволить найти верные (обоснованные) и адекватные ответы на сложные вопросы государственно-правовой реальности.

Очевидно, что способность видеть государственно-правовые проблемы в таких ракурсах, знать и понимать, какие познавательные ресурсы целесообразно привлечь, чтобы решить соответствующие проблемы, а также уметь применить необходимый методологический инструментарий и пр., может быть выработана (сформирована), прежде всего, с помощью высшего образования. Все, что было приведено в качестве примера выше, и многое другое из подобных вопросов, связано с широкими познаниями и навыками, которые можно сформировать в ходе подготовки специалистов в области государства и права (других учебных специальностей) только в сотрудничестве с иными науками и отраслями жизнедеятельности. Поэтому сегодня нужны обновленные учебные планы и программы подготовки юристов,

[1] См.: Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции. М., 2018. С. 10-15.

[2] Степаненко Р.Ф. Причинность коррупции: методологические и общеправовые проблемы // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 3 (53). С. 74.

экономистов, да и вообще всех тех специалистов, которые готовятся в сфере вузовского образования, основанные на конвергенции различных областей научного знания с целью наиболее эффективной реализации заложенных компетенций на практике. Как справедливо отмечает в своей статье М.В. Ковальчук, «междисциплинарность – основа новой системы организации науки и образования»[1].

Таким образом, без сомнения, идеология междисциплинарного подхода в области государственно-правовой теории и практики сегодня нуждается в углубленной доктринальной разработке, результаты этого научного процесса должны получать все более отчетливое выражение в сфере высшего образования, в частности, в области вузовского юридического образования. Только в этом направлении можно, пожалуй, увидеть позитивные перспективы для государственно-правовых специальностей, студентам получить качественное фундаментальное юридическое образование, а дипломированным специалистам найти своим знаниям достойное применение, быть востребованными и успешными в своей профессии.

Список литературы

1. Ковальчук М.В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. – 2011. – Т. 6. – № 1-2. – С. 13-23.

2. Степаненко Р.Ф. Причинность коррупции: методологические и общеправовые проблемы // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – № 3 (53). – С. 73-84.

3. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции. – М.: Эксмо, 2018. – 320 с.

List of references

1. Kovalchuk M.V. *Konvergentsiya nauk i tekhnologiy – proryv v budushcheye* – [The convergence of sciences and technologies – a breakthrough into the future // Russian Nanotechnology. – 2011. – V. 6. – № 1-2. – Pp. 13-23].

2. Stepanenko R.F. *Prichinnost' korruptsii: metodologicheskiye i obshchepravovyye problemy* [The cause of corruption: methodological and general legal problems] // *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* [Leningrad Journal of Law]. – 2018. – №. 3 (53). – Pp. 73-84.

3. Schwab K., Davis N. *Tekhnologii chetrvyortoy promyshlennoy revolutsii* [Technology of the Fourth Industrial Revolution]. – M.: Eksmo Publ., 2018. – 320 p.

[1] Ковальчук М.В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. 2011. Т. 6. № 1-2. С. 19.

УДК 340

Владимир Михайлович Сырых,
заведующий отделом теории и истории права и судебной власти
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
E-mail: 2707xyz@mail.ru

Vladimir Mikhailovich Syrykh,
Head of the Department of Theory and History of Law and the Judiciary
of the Russian State University of Justice,
Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА КАК ФИЛОСОФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ЛОГИКА И СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

Обосновывается понимание общей теории права как единой целостной науки, выполняющей одновременно функции теории, философии, методологии, логики и социологии права. Попытка современных исследований расчленить общую теорию права на ряд самостоятельных наук не способствуют развитию теории права как единой науки и характеризуются произвольным дублированием отдельных ее частей в качестве предмета якобы новых отраслей правовой науки: философии права, методологии права, логики права и социологии права. В результате общая теория права расчленяется на ряд отдельных и фактически не связанных между собой дисциплин, которые неизбежно дублируют друг друга и одновременно противоречат друг другу. Научное решение проблемы должно быть иным. Общая теория права способна успешно развиваться лишь тогда, когда ее единый предмет исследуется с одновременным и логически взаимосвязанным использованием всех методов правовой науки, имеющих своим основанием диалектико-материалистический метод.

Ключевые слова: общая теория права, философия права, методология права, логика права, социология права, метафизический подход, диалектико-материалистический подход.

THE GENERAL THEORY OF LAW AS A PHILOSOPHY, METHODOLOGY, LOGIC AND SOCIOLOGY OF LAW

The author substantiates the understanding of the general theory of law as a single holistic science that simultaneously performs the functions of theory, philosophy, methodology, logic and sociology of law. The attempt of modern studies to divide the general theory of law into a number of independent sciences does not contribute to the development of the theory of law as a unified science and is characterized by arbitrary duplication of its individual parts as the subject of supposedly new branches of legal science: philosophy of law, methodology of law, logic of law and sociology of law. As a result, the general theory of law is divided into a number of separate and practically unrelated disciplines that inevitably duplicate each other and at the same time contradict each other. The scientific solution to the problem should be different. The general theory of law can successfully develop only when its single subject is studied with the simultaneous and logically interconnected use of all methods of legal science, which are based on the dialectical materialistic method.

Keywords: general theory of law, philosophy of law, methodology of law, logic of law, sociology of law, metaphysical approach, dialectical-materialistic approach.

Предмет общей теории права представляет собой, во-первых, систему общих закономерностей права как тотального целого, во-вторых, социальных, экономических, политических и иных закономерностей, которые влияют на процессы функционирования и развитие права; в-третьих, закономерности познания предмета данной науки. Необходимым условием успешного развития общей теории права является комплексное изучение всех названных закономерностей в составе единого предмета названной науки.

Как показывает многовековая история развития правовой науки, попытки исследовать общие закономерности права «в чистом виде» посредством формально-логического изучения текстов нормативных правовых актов, в отрыве от определяющих их экономических и иных социальных закономерностей сводятся к выведению некоторых общих и особенностей черт

воли законодателя, выраженной в праве, а также систематизации легализованных определений отдельных правовых терминов. В конечном итоге общая теория права остается чисто эмпирической наукой, не способной даже отличить действительное право от его превращенной формы, признавая даже фашистский юридический произвол правом.

Правомерной реакцией на этот путь развития является принцип и лозунг современного правоведения – комплексного подхода к праву, изучение права в его необходимой связи с детерминирующими его явлениями и процессами. Но к великому сожалению, этот единый комплексный подход понимается и реализуется, отнюдь, не комплексно, а механически посредством расчленения теории права на такие части, как философия права, методология права, логика права и социология права.

Подобный метафизический метод членения предмета общей теории права приводит к тем же результатам, что и представление позитивистской науки об ее «чистом предмете». Совокупность исследований кратно увеличивается, а заметных достижений в познании предмета науки пока что не ощущается. Тот же субъективизм в трактовке проблем общей теории права, помноженный на дублирование одних и тех же проблем в составе выделенный наук, пустопорожние призывы освоить современные западные методы субъективного идеализма, типа синергетики, феноменологии права, герменевтики и т. д. Однако дальше общих призывов, «освоить, перейти, творчески применить» дело не идет и, вполне понятно, идти не может. Методология субъективного идеализма, оторванная от анализа реального бытия права, ничего, кроме произвольной трактовки тех или проблем права в общем виде, на отдельных удачно подобранных примерах, дать не может.

Никакой философии права вне и помимо общей теории права не существует по то простой причине, что философия представляет собой систему научного знания, не совпадающего с конкретными, отраслевыми науками. Если последние, в том числе и правовая наука, исследуют конкретные закономерности той или иной сферы непосредственной действительности, то философия права имеет своим предметом всеобщие закономерности движения природы, общества и мышления. В силу качественного различия предметов философии и специальных наук, «философия права» сводится к формально-логическому сопоставлению всеобщих философских положений с данными общей теории права с целью «преломления» философских категорий применительно к особенностям диалектического развития правовых явлений. В результате современные российские философы права не могу решить ни одной сколько-нибудь значимой теоретической проблемы правоведения, даже вразумительно обосновать предмет своей науки.

Действительное соотношение философии и теории права состоит в том, что философия применяется напрямую в качестве мировоззрения юристов, а также теоретической и методологической основы теории права, определяющей путь и критерии поиска правовых закономерностей с учетом и в рамках достоверно познанного всеобщего.

Не образует в составе правоведения самостоятельной науки логика права по тем же основаниям, что и философия права. Как наука о всеобщих законах и формах мышления, логика изучает общечеловеческие законы логически правильного мышления (тождества, противоречия, исключенного третьего и достаточного основания), соблюдение которых является необходимым условием достоверности любых, в том числе и научных знаний. Кроме того, логика исследует такие всеобщие формы мышления, как понятия, суждения и умозаключения. Общая теория права в совокупности ее понятий и категорий, их закономерных связей раскрывает логику мышления в сфере правоведения и ни в какой дополнительной логике права не нуждается.

В отличие от философии и логики права, методология правовой науки имеет свой предмет – закономерности познания закономерностей такой объективной реальности, как право. Будучи особым компонентом правовой науки, метод представляет собой органически целостное системное образование, состоящее из четырех элементов: философского метода,

общих (логических), специальных и частнонаучных методов познания права. Его разработка представляет самостоятельное направление научных исследований правоведов и является необходимым условием успешного развития правовой науки. Значительная часть современных юристов методологические функции приписывает теоретико-понятийному аппарату правовой науки, тогда как суть разработки методологических проблем теории права состоит прежде всего в разработке специальных принципов, правил познания права с опорой на имеющиеся, наличные теоретические знания. Ибо, любое правило научного познания права представляет собой закономерность движения мысли сообразно познанным закономерностям права к его новым еще непознанным закономерностям. Соответственно, вся система научно обоснованных знаний теории права выступает объективной основой методологии права. Вследствие этой органической связи теоретического знания и содержания научного метода, методология права как отрасль правоведения может рассматриваться также в качестве особого направления, общей теории права.

Неубедительными представляются предложения выделить социологию права из общей теории права. Предмет общей теории права не может быть познан без познания с помощью конкретно-социологических методов механизма реального действия права, политико-правовой практики, Ибо научное познание начинается не с анализа сущности и закономерностей права, а с изучения эмпирии, наличного бытия права. В свою очередь, социология права как наука, не имеет своего предмета, т. е. совокупности закономерностей, которые были бы присущи только ей и не входили в предмет общей теории права или отраслевых юридических наук. Между тем система научных знаний, не имеющая своего предмета, не может претендовать на уровень отрасли научного знания.

Таким образом, проблемы комплексных исследований в области общей теории права и правовых наук в целом видятся в поиске и разработке путей органичного сочетания и применения всего богатства современных и традиционных подходов, методов, позволяющих существенно повысить возможности правоведов в познании предмета общей теории права и правовой науки в целом. Обособление тех или иных частей предмета общей теории права в качестве новых самостоятельных отраслей права, как показывает опыт современных исследований, является бесперспективным и малополезным занятием. *Действительное комплексное исследование права представляет собой акт познания, основанный на творческом применении философии в качестве его всеобщего методологического и теоретического основания, а также метода правовой науки, при условии непременного изучения социальной обусловленности исследуемых правовых явлений и логически правильного мышления в процессе восхождения от эмпирических знаний к теоретическим.*

УДК 340; 341.229; 35

Сергей Фёдорович Ударцев,
профессор Университета «КАЗГЮУ» им. М.С. Нарикбаева (г. Нур-Султан, Республика Казахстан),
доктор юридических наук
E-mail: sudartsev@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-5517-9314

Sergey F. Udartsev,
Professor, M. Narikbaev «KAZGUU» University
(Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan), Doctor of Juridical Sciences

КОСМИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: НЕОБХОДИМОСТЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО И МЕЖОТРАСЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье отмечается, что поднимающаяся новая волна космической деятельности, влияющая на все сферы общественной жизни, начало формирования космической цивилизации человечества и космической государственности в развитых странах, угроза космических войн, актуализируют необходимость междисциплинарного и межотраслевого подхода к исследованию новых явлений. Раскрываются в общих чертах проблемы, которые в связи с началом формирования космической государственности встают перед философией права, общей теорией государства и права, историей государства и права, международным публичным и частным правом, сравнительным правоведением, конституционным, административным правом и другими отраслевыми юридическими дисциплинами. Необходимость исследования космического государства требует объединения усилий юридической науки также с другими социальными науками – экономикой, философией, политологией, социологией, историей, экологией, психологией, а также военными науками. Системное многоаспектное научное исследование формирующейся космической государственности, учет этой тенденции и связанных с ней рисков в стратегических документах государства позволит достичь позитивных результатов в познании современной государственности и ее перспектив, в создании новой международной системы безопасности на Земле и в космическом пространстве.

Ключевые слова: космическая деятельность, космическое государство, звездные войны, эволюция государства, перспективы государства, теория государства, междисциплинарные и межотраслевые исследования государства.

COSMIC PROSPECTIVE OF STATEHOOD EVOLUTION: NEED FOR INTERDISCIPLINARY AND INTERSECTIONAL RESEARCH

This article notes that a renewed wave of space activity affecting all spheres of public life, the formation of space human civilization and space statehood in the developed countries, and the threat of space war actualize the need for an interdisciplinary and intersectional approach to the study of new phenomena. It outlines a broad picture of the problems that the philosophy of law, the general theory of state and law, the history of state and law, public and private international law, comparative law, constitutional law, administrative law and other specialized legal disciplines are confronted with because of the formation of space statehood. The need to study the space-faring state requires joint efforts of legal science and other social sciences – economics, philosophy, political science, sociology, history, ecology, psychology, as well as military sciences. A systematic multi-aspect scientific study of emerging space statehood, taking into account this trend and risks associated with strategic arrangements of the state will allow achieving positive results in understanding modern statehood and its prospects, in creating a new international security system on Earth and in outer space.

Key words: space activity, space-faring state, star wars, evolution of a state, prospects of a state, theory of state, interdisciplinary and intersectional studies of a state.

Введение

Междисциплинарный подход в науке всегда присутствует в том или ином объеме для синтеза знаний и выработки нового. Однако в истории науки периодически сменяют друг

друга эпохи, когда особенно важное значение приобретает или утрачивает необходимость междисциплинарных и межотраслевых исследований общественных явлений.

Актуальность междисциплинарного подхода возрастает во времена исторических перемен и в непосредственно предшествующие им периоды. В таких условиях возникают новые и/или существенно меняются ранее существовавшие явления, которые уже не вписываются в представления о них. Прежние знания и прогнозы оказываются недостаточными, неточными и даже ошибочными. Требуется новое комплексное глубокое и многоаспектное осмысление и переосмысление изменившейся реальности. Без решения крупных методологических, философских, общетеоретических проблем прикладная теория и практика оказываются в нестабильном, неопределенном состоянии относительно существующей ситуации, тенденций развития и обозримого будущего.

После комплексного решения общих познавательных проблем наука и практика включаются в детальную проработку различных аспектов и элементов новых явлений, переформатированной реальности и ее изменений. На этом этапе вновь особенно востребованными становятся прикладные разработки, более узкая специализация, актуализируется проработка внутридисциплинарных, частных вопросов. Междисциплинарные и межотраслевые исследования несколько сужаются, продолжая выполнять синтез, координацию и проверку нарабатываемого знания, частных отраслевых теорий и идей, активизируясь периодически для прорывного осмысления нового.

Приближающееся «цунами» космической деятельности

Космическая деятельность в настоящее время в странах мира растет лавинообразно, в ней так или иначе участвуют все страны. После полувекового относительного затишья, на волне научно-технической и технологической революции, космическая деятельность разворачивается с новой силой и в новом масштабе. Создаются условия для начала практической экспансии человечества в космос, идет глобальный процесс формирования космической цивилизации Земли, оказывающий воздействие на все сферы жизни стран и народов.

Подготовка к космической экспансии человечества становится расширяющимся повседневным потоком деятельности многих стран. Приведу несколько новостей только за последнюю декаду августа 2019 г.[1]

Президент США выпустил Меморандум об использовании космических аппаратов, содержащих ядерные реакторы. Макет космического ядерного буксира, разрабатываемого в России, впервые показали на Международном авиакосмическом салоне (МАКС) – 2019 (предназначен для транспортировки грузов в дальнем космосе, в том числе при создании в перспективе баз на других планетах). К 2030 г. на космодроме Восточный планируется создание комплекса по производству спутников с таким ядерным буксиром. В России утверждены правила создания и функционирования федерального фонда данных дистанционного зондирования Земли из космоса.

Китайский луноход «Юйту-2» возобновил работу по изучению обратной стороны Луны для анализа структуры грунта на наличие полезных ископаемых, определения уровня нейтронной радиации, излучаемой звездами. Индийская Лунная станция «Чандраян-2» вышла на орбиту вокруг Луны[2].

[1] Далее в сокращенном и систематизированном виде приводится некоторая информация из издания: Дайджест космических новостей / Московский космический клуб; Институт космической политики. 2019. № 483 (21.08.2019–31.08.2019). 33 с.

[2] 6 сентября 2019 г. за 2 км до поверхности Луны была потеряна связь с индийским спускаемым на Луну аппаратом. 8 сентября он был найден на поверхности Луны в 500 м от места посадки в перевернутом положении и не разрушен. Предпринимались попытки установить связь. – См.: Индийский луноход пошел на посадку. 2 сентября 2019 // Рамблер. URL: https:// news.rambler.ru/scitech/42756540/?utm_content=rnews&utm_medium=read _more&utm_sou rce=copylink (09.09.2019); Индия обнаружила разбившийся луноход // ЛІГА.Новости. URL: https://news.liga.net/world/news/indiya-vosstanovila-svyaz-s-razbivshimsya-lunohodom (09.09.2019).

Продолжается обсуждение участия в создании и эксплуатации окололунной орбитальной станции США, Канады, Японии, России и Европейского космического агентства. НАСА начало прием заявок от национальных космических компаний на участие в программе снабжения будущей окололунной орбитальной станции (на что выделяется $7 млдр). На 2021 г. США намечают беспилотный облет Луны, в 2024 г. – возвращение людей на Луну. Европейское космическое агентство продолжает исследование пригодности пещер и лавовых трубок на Луне для обеспечения жизнедеятельности астронавтов. «Роскосмос» и РАН готовят к концу осени 2019 г. программу исследования и освоения Луны. «Роскосмос» объявил тендер на проведение исследований по пилотируемому полету на Луну, на начало 2030-х гг. планируются ежегодные полеты людей на Луну и начало создания постоянной Лунной базы. В КНР собрали первый летный образец перспективного пилотируемого, частично многоразового космического корабля, который создается для использования в полетах на космические станции и Луну.

Космический корабль «Союз МС-14» с роботом «Федором» со второй попытки состыковался с МКС. На Землю на корабле SpaceX CRS-18 вернулся с МКС разработанный в Германии роботизированный помощник астронавтов, позволяющий автоматизировать и облегчить ряд функций астронавтов.

В 2019 г. готовится к запуску первый вьетнамский спутник радиолокационного наблюдения Земли. Иран опроверг сообщение западных СМИ о неудачной попытке запуска спутника в Космическом центре Имама Хомейни.

В НАСА объявили о завершении сборки нового космического телескопа James Webb («Джеймс Уэбб») стоимостью $9,7 млрд, запускаемого в марте 2021 г. Телескоп позволит вести поиск следов жизни в атмосфере планет других звезд, изучать формирование первых звезд и галактик Вселенной, свет от которых шел к Земле до 13,5 млрд лет.

В 2020 г. японский аппарат «Хаябуса-2» доставит на Землю образцы грунта с астероида Рюгу. В NASA завершили монтаж вертолета–беспилотника на марсоходе Mars 2020 Rover, который планируется десантировать на поверхность Марса зимой 2021 г. На 2025 г. НАСА официально утвердило миссию к спутнику Юпитера Европе.

В Узбекистане создано Агентство космических исследований и технологий «Узбеккосмос», которое к ноябрю 2019 г. внесет в парламент закон «О космической деятельности» и в течение года подготовит программу развития космической отрасли страны на ближайшие 10 лет.

Официально приступило к работе Космическое командование США (появился 6-й вид вооруженных сил США). В Таиланде военные запустили новый военно-космический центр по обеспечению национальной безопасности страны в космическом пространстве. НАСА опубликовало отчет об испытании индийского противоспутникового оружия весной 2019 г. (около 15 % фрагментов уничтоженного спутника остаются на орбите, создавая угрозу аварий в ближнем космосе)[1].

И это не полная информация о событиях только 10 дней. В космическую деятельность вовлечены десятки тысяч гражданских и военных организаций всех стран. Она оказывает все большее влияние на жизнь человечества, открывает новые перспективы перед государственностью.

Появилась информация о планах США разместить в космосе оружие, поскольку, считается, что деятельность всех наземных войск в настоящее время во многом зависит от спутников, их защищенности. Министерство обороны США объявило тендер на создание военной орбитальной станции. Предположительно, она может использоваться как космический командный пункт и откроет возможность присутствия военных США на орбите Земли и в про-

[1] Подробнее см.: Дайджест космических новостей / Московский космический клуб; Институт космической политики. 2019. № 483 (21.08.2019–31.08.2019). 33 с.

странстве между Землей и Луной. Это неизбежно вызовет ответную реакцию РФ и КНР, тем более, что в СССР уже был опыт разработки военных космических станций[1].

В настоящее время активно ведется разработка разных видов космического оружия, в частности, лазерного и др. Размещение оружия массового поражения в космосе запрещено международным правом (ст. IV Договора о космосе 1967 г.). Однако некоторые разновидности такого вида атомного оружия, как нейтронное (в частности, нейтронные пушки), эксперты отдельных стран пытаются вывести за пределы установленных запретов, хотя это оружие, менее эффективное в земной атмосфере, в безвоздушном космическом пространстве может быть оружием массового поражения.

Формирование космической государственности и фундаментальное значение этого процесса

В условиях начавшейся четвертой промышленной революции в технологиях (особенно информационных), фундаментальных прорывов в естественных и технических науках, в связи с поднимающейся новой мощной волной космической деятельности, процессами глобализации в экономике, политике, культуре, информации, праве, происходит трансформация государства и права. Меняются их ценности, исторические цели, масштабы и технологии функционирования, раскрываются новые грани и перспективы их потенциала и макроисторического предназначения.

В начале XXI в. обретает законченные черты обозначившийся во второй половине XX в. процесс начала формирования космической государственности[2].

В ходе исторической эволюции государства приобретали много новых черт и свойств, эволюционируя к более крупным, сильным, устойчивым и правовым образованиям. В разных исторических, географических и культурных условиях менялись формы и режимы функционирования государств – от сравнительно простых до весьма сложных конструкций власти, от диктаторских до максимально гуманных и просвещенных. Ряд государств в разные эпохи охватывали своей властью огромную территорию на континентах, появлялись и распадались колониальные империи, выходившие территориально за рамки континентов. Но все это происходило в рамках освоения планеты Земля. И только во второй половине XX в., особенно в начале XXI в., в связи с развитием практической космонавтики, науки и техники, открылись новые возможности для расширения сначала научной, а затем и практической деятельности человека за пределами Земли.

Впервые открывшиеся возможности освоения нового огромного пространства, космических объектов и богатств космоса, ведут к значительному изменению государства и права для гибкого, умного и четкого управления неограниченным, постоянно растущим количеством субъектов управления в неограниченном по протяженности и физическим особенностям

[1] См., напр.: Бовдунов, Александр и Комарова, Елизавета. «Проект в формате “звёздных войн”»: зачем Пентагон планирует создать военную орбитальную станцию. 4 июля 2019 // URL: https://russian.rt.com/world/article/646898-ssha-boevaya-kosmicheskaya-stanciya (09.09.2019). Некоторые эксперты, несколько преувеличивая угрозу, пишут, что сегодня в космосе «постоянная ситуация мая 1941 года на западной границе СССР». – См., напр.: Покровский, Александр. Путин готовит Россию к войне в космосе. Поспеет ли за президентом «Роскосмос»? // URL: https://tsargrad.tv/articles/putin-gotovit-rossiju-k-vojne-v-kosmose-pospeet-li-za-prezidentom-roskosmos_200015 (09.09.2019).

[2] См.: Ударцев С.Ф. Космическое государство как государство будущего: возможные варианты формирования и юридического закрепления статуса // Правовая культура. Научный журнал = The Legal Culture. Scientific journal. 2019. № 1 (36). С. 23-37; Ударцев С.Ф. Космическое государство как государство будущего: возможные варианты формирования // Государство будущего: новые технологии и государственное управление: международная научно-исследовательская конференция, г. Астана, 28 ноября 2018 г.: сб. статей / под ред. Бокаева Б.Н. / Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан. Астана, 2019. С. 21-29; Udartsev, Sergey F. Space State: Possible Options for Forming // RUSSIAN LAW: Theory and Practice. 2019. № 1. P. 66-75.

пространстве за пределами Земли. Это потребует переосмысления и своевременной перенастройки механизмов государственного управления и правового регулирования.

Данная проблема, с одной стороны, уже сегодня актуальна для общетеоретического и стратегического осмысления природы и перспектив развития государства и права в контексте текущего процесса эволюции человечества и формирования космической цивилизации. С другой стороны, что не менее важно, эта проблема имеет футурологический аспект для определения и стимулирования развития передовых технологий, знаний, наиболее эффективных при движении к перспективным целям, а также для исследования формирования новой идеологии, стратегии планирования и развития глобальной космической цивилизации как сложносоставного целого и системы входящих в нее государств с учетом возможных рисков на национальном и международном уровнях.

Требуется осмысление проблем государственного управления с учетом развития искусственного интеллекта, его широкого внедрения, автономного и подконтрольного человеку функционирования, клонирования, генетического совершенствования и приспособления к разным космическим условиям человека, возможности значительного продления человеческой жизни в условиях выращивания, трансплантации и замены человеческих органов. В перспективе актуализируются проблемы управления и правового регулирования в условиях предстоящего, видимо, уже в следующем веке, начала масштабного промышленного освоения космических ресурсов и постепенного поэтапного создания станций и поселений сначала на Луне, ближних планетах Солнечной системы, а в дальнейшем и за ее пределами.

Необходимость междисциплинарных и межотраслевых исследований формирования космической государственности

Предварительно сделаем два общих замечания.

Во-первых, современное земное государство, превращающееся в космическое, по сравнению с предстоящим его развитием в перспективе как космического государства разного уровня[1], представляет собой еще ранний этап эволюции систем управления космической цивилизации. Однако уже в настоящее время начинается процесс изменения государства с учетом его открывающегося нового направления развития.

Во-вторых, с самим государством, механизмами, целями, средствами государственного управления, регулирования, планирования и контроля в космическом государстве, по мере его развития, очевидно, произойдут значительные изменения. Как справедливо отмечено в современной теории права, правообразование происходит по двум основным направлениям – стихийно (спонтанно) в процессе саморегулирования общественной жизни, а также в процессе целенаправленного правотворчества и правового регулирования (планомерно-рациональное в правообразовательном процессе)[2]. Гармоничное сочетание этих двух начал в правообразовании дает наилучший результат.

Эти два начала – спонтанное и целенаправленное (самоорганизация, самоуправление и организация, управление применительно к государственному управлению и политической системе), очевидно, могут получить максимальное развитие в организации общественной жизни космической цивилизации, в государственном управлении и правовом регулировании в космической государственности. Эта государственность будет существовать и эволюционировать в еще более разнообразных (по сравнению с земными) космических условиях с их пространственно-временными, природными и социальными особенностями.

В литературе также обращено внимание на то, что глобализация не только фактор правообразования, но в современных условиях – в значительной мере правопреобразующий

[1] См.: Krichevsky S., Udartsev S. Space State on Earth and Beyond: Philosophy, Models, Experience and Prospects // Philosophy and Cosmology. 2019. Vol. 23. P. 30-52.

[2] См., напр.: Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве: монография. М., 2012. С. 135-155 и др.

фактор[1]. Многообразная растущая космическая деятельность отдельных стран и частных корпораций (в том числе сверхглобальная) также влияет на образование и преобразование, адаптацию к новым условиям и вызовам государственных органов, правовых норм и институтов.

Предстоящая конкуренция стран мировых лидеров в космосе, в космической экономике, энергетике и других областях, прежде всего за космические ресурсы и территории Луны[2], Марса, ближних астероидов, требует расширения подготовки юристов космического профиля, прежде всего – теоретиков, международников, цивилистов и др. Необходимы как ученые в сфере космического права и космического государства, так и юристы-практики космического профиля. По итогам обсуждения российской Лунной программы в РАН и «Роскосмосе» в конце 2018 г. справедливо отметили: «Считать необходимым… разработать план юридического обеспечения интересов Российской Федерации в потенциально возможных территориальных спорах и поручить профильным вузам (МГУ, РУДН и др.) подготовку необходимого числа специалистов по космическому праву»[3]. Эта задача неизбежно встает и перед другими странами.

Начало преобразования земных государств в космические (в первую очередь государств-лидеров) ставит фундаментальные философские и общетеоретические задачи, а также связанную с ними ветвь отраслевых теоретико-прикладных и практических вопросов, которые будут координироваться, расширяться и углубляться по мере развития и ускорения запущенного исторического процесса.

Можно полагать, что со временем теория формирования космического государства и его дальнейшей эволюции заменит прежние представления о будущем государства – об остановке его эволюции на планетарном уровне, а также леворадикальные идеи об отмирании или отмене государства в обозримом будущем. Государству как историческому явлению, по мере формирования и развития космической цивилизации человечества, предстоит пройти длительный исторический путь, при этом адаптируясь к меняющимся условиям существования человеческой (возможно и постчеловеческой) цивилизации и ее распространения в космосе, к различным космическим масштабам функционирования и уровням развития космических цивилизаций.

В связи с этим философии права и государства, а также общей теории государства и права предстоит исследовать основные тенденции эволюции, модели, формы, структуру и функции космических государств, условия, факторы и особенности преобразования земных государств в космические, их взаимоотношения, взаимосвязь с иными социальными институтами, индивидуальным, групповым и общественным сознанием, искусственным интеллектом. Космос поставит перед правовой наукой много фундаментальных проблем, о которых мы пока можем лишь догадываться.

История государства и права и история правовой и политической мысли должны будут исследовать опережающие, отстающие и сопровождающие процессы в общественном сознании, правовой и политической науке, в практическом институциональном развитии в связи с наметившейся трансформацией государственности, а также предысторию и историю этого многоаспектного процесса в политической и правовой реальности разных стран.

Перед наукой конституционного права встанут проблемы разработки конституционных основ, принципов деятельности космических государств, переформатирования основных за-

[1] См.: Малько А.В., Трофимов В.В. Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации: монография. М., 2018. С. 109.

[2] Подробнее о Луне см.: Кричевский, Сергей. Освоение Луны: история, модель, сверхглобальный проект и экологичные технологии // Воздушно-космическая сфера (ВКС). 2019. № 3 (100). Тема номера: КАК ПОДЕЛИТЬ ЛУНУ? С. 16-25.

[3] Кучер, Егор. Битва за космос: В России могут появиться юристы по лунным спорам. 7 февраля 2019 // URL: https://tsargrad.tv/articles/bitva-za-kosmos-v-rossii-mogut-pojavitsja-juristy-po-lunnym-sporam_183004 (09.09.2019).

конов государства с учетом начала и перспектив освоения космоса – сначала ближнего, за тем и более отдаленного. Необходима будет выработка адекватной модели прорастающего в космическую деятельность государства, пространство деятельности которого будет расширяться. Важно уточнить соотношение подсистем его органов (ветвей власти), определить статус новых государственных органов космического государства, а также оптимальное сочетание полномочий государственных органов, прав, свобод и обязанностей (в том числе новых) человека и гражданина с учетом новой пространственно-временной реальности, целей и задач развития, технического уровня цивилизации. Очевидно, актуализируется и необходимость определенной дальнейшей унификации конституционного законодательства космических государств.

От теорий административного права, государственного управления (сегодня около 40 стран уже имеют различные государственные органы по организации и управлению космической деятельностью) и государственной службы, таможенного и налогового права потребуется уточнение, переосмысление и расширение понятийного аппарата, теоретических конструкций связанных с обеспечением порядка и эффективного государственного управления и необходимости иного уровня квалификации государственных служащих. Потребуется научная и законотворческая проработка правового регулирования использования качественно иных транспортных средств, технологий, связанных с развертыванием космической промышленности и перевозкой грузов, иными масштабами и уровнями рисков, их устранения. Необходимо будет достраивать качественно новую высокотехнологичную космическую таможенную и санитарно-эпидемиологическую службу.

Отдельно стоят проблемы научного осмысления правового регулирования расширения использования искусственного интеллекта для работы в недоступных для человека космических условиях, на запредельных для человека космических скоростях и с наиболее сложной космической техникой, а также гармонизации таких компонентов с государственным управлением, человеком и правопорядком. Осмысление новых аспектов военной (в настоящее время шесть стран создали космические войска или космические подразделения) и правоохранительной службы в космосе за пределами Земли, как и службы космической и иной безопасности также не всегда может быть описано представлениями об их земном варианте.

Науке гражданского права предстоит разработка возможности распространения на многоаспектную сферу космической деятельности теории и правовых конструкций права собственности, различных ее форм и разумных ограничений, права недропользования с особенностями для различных космических объектов, условий и добываемых веществ, различных гражданско-правовых конструкций участников правоотношений, видов договоров, а также при необходимости – их модификации. Актуализируется потребность в выработке новых концепций и теорий участия государства и частного капитала в разных видах космической деятельности, государственно-частного партнерства в технической, интеллектуальной, информационной, транспортной, банковской, страховой и иной деятельности в космосе (как и в изучении развивающегося законодательства и практики его применения в странах, лидирующих в космической деятельности).

В теории уголовного права, преступления и наказания, как и в теории административных правонарушений, уголовно-исполнительного права появятся неизвестные ранее запреты и разрешения, новые понятия, составы правонарушений и преступлений. Представления о многих других правовых понятиях, нормах и институтах несколько расширятся и будут постепенно корректироваться по мере накопления государствами опыта обеспечения правопорядка в ходе космической деятельности и регулирования отношений в космических производствах, базах и поселениях за пределами Земли, а также в ходе накопления и отбора оптимальной практики применения соответствующего законодательства.

Теории процессуального права (конституционного, административного, гражданского, уголовного и т. д.) предстоит выработать оптимальные дистанционные процессуальные

формы, что окажется неизбежным, учитывая космические расстояния, особенности течения времени и необходимость более оперативного решения многих вопросов без излишнего обязательного перемещения людей и техники в космическом пространстве.

Важную роль в интеграции и согласовании деятельности космических государств, в унификации некоторых их государственных и правовых институтов и правовых норм, по мере накопления необходимой информации, может играть сравнительное правоведение. Необходимо будет также детальное исследование государства и права развитых зарубежных стран, развивающихся в космические государства и формирующих национальное космическое право (США, КНР, Франция, Израиль, Индия, Япония, Великобритания и др.).

Значительную роль в разработке проблем космической государственности и ее правового функционирования, мирной направленности космической деятельности международных организаций, космических государств и частных корпораций, участвующих в космической деятельности, должны сыграть международное публичное и международное частное право. Получат развитие философия и общая теория международного права. Современный кризис международного права и системы международной безопасности может иметь катастрофические последствия. Без правового регулирования межгосударственных отношений и повышения роли в результате реформирования ООН, без создания на планетарном уровне более сильных структур глобального управления, эффективных сдержек и противовесов, правового регулирования и обеспечения мира, очевидно, что взрывное развитие космической деятельности, может привести не только к обострению конкуренции, но и к космическим войнам государств за космические ресурсы и пространство. Наука и практика международного права должны содействовать обеспечению общечеловеческих интересов в космической деятельности, интересов космической цивилизации планеты Земля в целом, а также сохранению относительного баланса сил, прав и обязанностей стран лидеров, поддержания международного правопорядка, международной безопасности и мира на Земле и в космосе. Необходимо создание надежных международно-правовых основ международного (прежде всего межгосударственного) взаимовыгодного сотрудничества в подготовке и реализации сверхглобальных проектов человечества с надлежащим международным контролем.

Трансформация развитых земных государств в космические требует также участия в осмыслении данного феномена и его последствий других общественных и гуманитарных наук: философии, политологии, экономики, экологии, социологии, истории, психологии, филологии и др. Для каждой из этих наук начавшиеся глубокие изменения в государственности потребуют корректировки и расширения общих представлений о государстве и политической системе, их природе, назначении, масштабах, уровнях, методах социального управления и регулирования, о природе и историческом месте человека в эволюции разума и т. д.

Формирование космической цивилизации будет стимулировать развитие постепенно расширяющихся подотраслей всех указанных наук с добавлением слова «космическая» (космическая политология, космическая экономика, космическая экология и т. д.). Выход армий развитых государств в космос – в России, КНР, США, Франции, Японии, Великобритании (этот список явно будет продолжен в ближайшие годы), угроза распространения военных конфликтов и вооружений в космос, возможная в обозримом будущем конкуренция и борьба наиболее развитых стран за стратегически важные участки в космосе, на Луне и иных планетах, ставит много новых проблем перед военной наукой, а также теориями национальной, глобальной и космической безопасности.

Формирование космического государства требует объединения усилий исследователей разного профиля для всестороннего изучения раскрывающегося в истории глубинного космического потенциала государства и права, возможностей и последствий этого процесса в контексте других глобальных и сверхглобальных процессов, в которые вошло и входит человечество.

Юридическая наука на базе междисциплинарных исследований и в контексте межотраслевых исследований иных социальных и гуманитарных наук должна активнее включиться

в изучение процесса начала формирования космической государственности и формирования обновленной системы международной безопасности для обеспечения мира и минимизации новых возникающих рисков на Земле и в космосе.

Список литературы

1 Бовдунов, Александр и Комарова, Елизавета. «Проект в формате “звёздных войн”»: зачем Пентагон планирует создать военную орбитальную станцию. 4 июля 2019 // URL: https://russian.rt.com/world/article/646898-ssha-boevaya-kosmicheskaya-stanciya (09.09.2019).

2. Дайджест космических новостей / Московский космический клуб; Институт космической политики. 2019. № 483 (21.08.2019–31.08.2019). – 33 с.

3. Кричевский, Сергей. Освоение Луны: история, модель, сверхглобальный проект и экологичные технологии // Воздушно-космическая сфера (ВКС). – 2019. – № 3 (100). Тема номера: КАК ПОДЕЛИТЬ ЛУНУ? – С. 16-25.

4. Кучер, Егор. Битва за космос: В России могут появиться юристы по лунным спорам. 7 февраля 2019 // URL: https://tsargrad.tv/articles/bitva-za-kosmos-v-rossii-mogut-pojavitsja-juristy-po-lunnym-sporam_183004 (09.09.2019).

5. Малько А.В., Трофимов В.В. Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации: монография. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2018. – 236 с.

6. Покровский, Александр. Путин готовит Россию к войне в космосе. Поспеет ли за президентом «Роскосмос»? // URL: https://tsargrad.tv/articles/putin-gotovit-rossiju-k-vojne-v-kosmose-pospeet-li-za-prezidentom-roskosmos_200015 (09.09.2019).

7. Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 400 с.

8. Ударцев, Сергей. Космическое государство как государство будущего: возможные варианты формирования // Государство будущего: новые технологии и государственное управление: международная научно-исследовательская конференция, г. Астана, 28 ноября 2018 г.: сб. статей / под ред. Бокаева Б.Н. / Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан. Астана, 2019. – 81 с. – С. 21-29.

9. Ударцев С.Ф. Космическое государство как государство будущего: возможные варианты формирования и юридического закрепления статуса // Правовая культура. Научный журнал = The Legal Culture. Scientific journal. – 2019. – № 1 (36). – С. 23-37.

10. Krichevsky S., Udartsev S. Space State on Earth and Beyond: Philosophy, Models, Experience and Prospects // Philosophy and Cosmology. – 2019. – Vol. 23. – P. 30-52.

11. Udartsev, Sergey F. Space State: Possible Options for Forming // RUSSIAN LAW: Theory and Practice. – 2019. – № 1. – P. 66-75.

List of references

1. Bovdunov, Alexander and Komarova, Elizaveta. *Proyekt v formate zvyozdnykh voyn: zachem Pentagon planiruyet sozdat` voennuyu orbitalnuyu stanciyu* [The project in the format of «star wars»: why the Pentagon plans to create a military orbital station]. July 4, 2019 // URL: https://russian.rt.com/world/article/646898-ssha-boevaya-kosmicheskaya-stanciya (09.09.2019).

2. *Daidgest kosmicheskikh novostey\ Moskovskiy kosmicheskiy klub; Institut kosmicheskoy politiki* [Space News Digest / Moscow Space Club; Space Policy Institute]. 2019. № 483 (08.21.2019-31.08.2019). – 33 p.

3. Krichevsky, Sergey. *Osvoyeniye Luny: istoriya, model, sverkhglobalniy proiect I ekologichniye tekhnologii* [Moon exploration: history, model, superglobal project and environmentally friendly technologies] // *Vozdushokosmicheskiya sfera* [Aerospace Sphere] (*VKS*). – 2019. – № 3 (100). *Tema vypuska: KAK PODELIT LUNU?* [Theme of the issue: HOW TO SHARE THE MOON?] – Pp. 16-25.

4. Kucher, Egor. *Bitva za kosmos v rossii mogut pojavitsja juristy po lunnym sporam* [Battle for space: Moon dispute lawyers may appear in Russia]. February 7, 2019 // URL: https://tsargrad.tv/articles/bitva-za-kosmos-v-rossii-mogut-pojavitsja-juristy-po-lunnym-sporam_183004 (09.09.2019).

5. Malko A.V., Trofimov V.V. *Pravovaya zhizn obshchestva kak object pravovoy politiki v usloviyakh globalizatsii I regionalizatcii* [The legal life of society as an object of legal policy in the context of globalization and regionalization: a monograph]. – M .: JUSTICIYA Publ., 2018. – 236 p.

6. Pokrovsky, Alexander. *Putin gotovit rossiju k vojne v kosmose pospeet li za prezidentom roskosmos* [Putin is preparing Russia for war in space. Will Roscosmos keep up with the president?] // URL: https://tsargrad.tv/articles/putin-gotovit-rossiju-k-vojne-v-kosmose-pospeet-li-za-prezidentom-roskosmos_200015 (09.09.2019).

7. Pridvorov N.A., Trofimov V.V. *Pravoobrazovaniye i pravoobrazuyushchiye factory v prave: monographiya* [Law formation and legal factors in law: a monograph]. – M.: Norma Publ.: INFRA-M, 2012. – 400 p.

8. Udartsev, Sergey. *Kosmicheskoye gosudarstvo kak gosudarstvo budushchego: vozmozhnyye varianty formorovaniya* [Space State as a State of the Future: Possible Formation Options // State of the Future: New Technologies and Public Administration: International Research Conference, Astana, November 28, 2018: Collection of Articles / Ed. Bokaev B.N. / Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan. – Astana, 2019. – 81 p. – Pp. 21-29].

9. Udartsev S.F. *Kosmicheskoye gosudarstvo kak gosudarstvo budushchego: vozmozhnyye varianty formorovaniya i yuridicheskogo zakrepleniya statusa // Pravovaya cultura. Nauchniy zhurnal* [The space state as the state of the future: possible options for the formation and legal consolidation of status] // Legal Culture. Scientific journal. – 2019. – № 1 (36). – Pp. 23-37].

10. Krichevsky S., Udartsev S. Space State on Earth and Beyond: Philosophy, Models, Experience and Prospects // Philosophy and Cosmology. – 2019. – Vol. 23. – Pp. 30-52.

11. Udartsev, Sergey F. Space State: Possible Options for Forming // RUSSIAN LAW: Theory and Practice. – 2019. – № 1. – Pp. 66-75.

УДК 159.9; 340

Нина Александровна Коваль,
заведующая кафедрой социальной и возрастной психологии
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,
доктор психологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ
E-mail: kafspsy@mail.ru

Nina Aleksandrovna Koval,
Head of the Department of Social and Age Psychology
of FSBEI HE «G.R. Derzhavin Tambov State University»,
Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

ДУХОВНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННЫХ НОРМ ЛИЧНОСТИ

Дается психологическое определение духовности. Выделяется нравственный компонент как ее структура, рассматривается взаимосвязь развития нравственных ценностей и нравственных норм. Подчеркивается важность при формировании нравственных норм самооценки, нравственных чувств и самореализации.

Ключевые слова: духовность, нравственность, нравственные нормы, ценности.

SPIRITUALITY AS A CONDITION FOR THE FORMATION OF MORAL STANDARDS OF AN INDIVIDUAL

The psychological definition of spirituality is given. The moral component as its structure is highlighted, the relationship of the development of moral values and moral standards is considered. The importance of the formation of moral standards of self-esteem, moral feelings and self-realization is emphasized.

Keywords: spirituality, morality, moral standards, values.

Духовность как феномен, способный оказать влияние на процессы социально-правового, экономического реформирования, в последнее время стал предметом серьезного теоретического осмысления в отечественной науке. Однако первое, что обнаруживается при обращении к анализу феномена духовного, так это трудности определения его в виде научного исследования. В сложной структуре человеческой личности понятие духовности трудноуловимо, не имеетжестко определенных связей с социальным статусом и ролями человека, нет прямой зависимости от его интеллектуального развития, приверженности к определенной идеологии.

В связи с этим, нам представляется, что в самом общем плане «духовность» можно определить как глубоко личностный способ отражения и освоения действительности, детерминированный ориентацией познания и деятельности человека на высшие ценности жизни и культуры

Другими словами, речь идет о таком качестве сознания и деятельности, которое аккумулирует в себе способность человека выходить за пределы безусловно необходимого, диктуемого наличной ситуацией и ближайшими потребностями бытия, и строить свою жизнь в соответствии с представлениями о назначении человека, его достоинстве и совершенстве.

Отсюда сущность духовности в трактовке многих исследователей состоит в приобщении человека к общечеловеческой духовной культуре и ценностям как ориентирам самореализации в соблюдении нравственных норм поведения.

Нравственность личности в структуре духовности – это степень гармонизации в ее сознании и поступках общечеловеческих ценностей, выступающих в виде норм поведения. Они не только привносятся в среду, конкретный коллектив в готовом виде, но и формируются активно в коллективе, самой личностью. Сами нормы выступают в повседневной жизни как единство высших ценностей человеческого общежития и запретов на те или иные по-

ступки. Первое есть неукоснительное исполнение в отношении к самому себе, к другим людям, к окружающей действительности, второе – это пределы, которые нельзя преступать во имя блага другого. Нравственные нормы, отражающие содержание морали общества, получая в личности свое индивидуальное бытие, формируют у нее позицию носителя этих норм, которая является некой духовной характеристикой самосознания человека на всех этапах онтогенеза.

Следует, однако, признать, что как человек, личность формируется только через посредство своих отношений с другими людьми. Применительно к духовному становлению это означает, что осознание себя в качестве носителя нравственных норм невозможно вне отношения к другому человеку как такому же носителю их. Кроме того, отношение к другому как полноправному носителю нравственных ценностей позволяет человеку глубже осознать свою позицию в качестве такого же носителя нравственной (или безнравственной) нормативности.

Проблема нравственного и безнравственного изучается этикой, является основой этического анализа в подходе к жизненным явлениям и нужна каждому человеку. Владение основами этики есть проявление духовности, поскольку позволяет каждому познать и оценить себя, собственные и чужие поступки и выработать свои нормы.

Поэтому исходными элементами нравственности как компонента духовности являются, во-первых, представления человека об общечеловеческих ценностях, во-вторых, процесс их интериоризации, то есть переход знаний в убеждения на основе свободного выбора и, в-третьих, реализация их в поступках, деятельности индивида. В этом и заключается суть нравственных норм, которые чаще всего выглядят как набор определенных поступков.

Важным элементом также является **самооценка** человеком своих нравственных позиций и соотнесение себя с нравственными нормами. Нравственность в духовном аспекте – это не воспроизведение норм, правил, положений этикета, а это стремление постоянно проверять духовные ценности на собственном опыте, сопоставляя личные и общественные идеалы и создавая тем самым собственные духовные нравственные ценности. При этом возможны ошибки, добросовестные заблуждения, но всегда у человека присутствует стремление найти и создать подлинные нравственные ценности. Сказанное еще раз подтверждает, что духовность есть процесс творческого поведения, направленный на создание духовных ценностей и раскрытие своих ценностей в окружающей действительности.

По мнению известного русского психолога А.А. Ухтомского, нравственные нормы, в которых сконцентрированы идеалы «должного, жданного, предвиденного», являются двигателем духовной эволюции человека[1].

Особая роль при следовании нравственным нормам принадлежат нравственным **мотивам** как движущим механизмам духовной жизни человека. Это мотивы «уважения к нравственному закону», мотив «любви к добру ради самого добра», мотивы возвышения себя или другого, мотив помощи, спасения, мотив благополучия, защиты себя или другого, мотив духовного или телесного излечения и другие.

В ситуации выбора, когда перед человеком открывается возможность совершить несколько поступков, они помогают возвыситься ему над ситуацией, над обстоятельствами, руководствуясь, например, заповедью: «не навреди другому». В структуре такого поступка сфокусированы все пространственно-временные и содержательно-смысловые ценности и отношения, которые стягиваются к «эмоционально-волевым моментам: я-другой и я-для-другого».

Отсюда следует, что в структуре духовности **нравственный компонент** – это нормы духовного поведения, регулирующие личные и общественные интересы, взаимоотношения личности и окружающего мира таким образом, чтобы при этом были обеспечены и общее, и

[1] Ухтомский А.А. Из неопубликованного // Психологический журнал. 1995. Т. 15. № 3. С. 158-168.

личное благо. Отношение личности к общему благу как высшей цели характеризуется такими понятиями, как дружба, солидарность, братство.

Отношение к личному благу как конечной цели раскрывается через такие ценности, как человечность, гуманность, забота (социальный альтруизм), то есть через отношения, не сводимые к вещным отношениям.

Эти ценности, которыми руководствуется человек в духовном поведении, обеспечивают высшую общественную или личную целесообразность, так как она направлена на поддержание гармонии личности и общества, выступающей условием их благополучия. Эмоциональным восприятием и выражением этого смысла является, очевидно, то, что называется совестью и присуще исключительно человеку.

Не каждый индивид это осознает, но осознает человечество в целом по мере развития и возвышения духовной культуры человека как самодовлеющей ценности.

По взаимодействию всех составляющих духовности можно выделить следующие уровни: **первый** уровень – ***агармоничный***, в котором связи слабые или отсутствуют; взаимоотношения с окружающим миром неустойчивы, рефлексивно напряжены, имеет место упрощенчество в понимании других и себя в глазах других.

Следующий, **второй** уровень – ***дисгармоничный*** – характеризуется наличием связи, но она имеет либо выраженный противоречивый характер, либо отмечается доминированием определенных сфер, качеств, поэтому диапазон контактов с окружающим миром колеблется от высокой духовно-творческой активности, эстетического самовыражения до обывательской психологии, безынициативности, невнимания к нуждам и заботам других людей.

Третий уровень – ***гармоничный***, в котором устойчивые и выраженные связи; диалогическая модель взаимодействия с окружающим миром, и диалог как установление связи между общечеловеческими и индивидуальными духовными ценностями оказывается формой творения себя через различные способы самореализации в окружающем мире.

Понятно, что на каждом уровне мы встречаемся с различной качественной характеристикой духовности. На первых двух она носит неустойчивый характер, в большей степени связана с этапом становления, что позволяет логически предположить о достижении когда-то одного из возможно высших для развития личности уровней. Здесь он представлен как гармоничный, наиболее доступный к заполнению всех различных «каналов организма» духовным содержанием, иными словами, индивид становится более открытым, более осознающим все аспекты своего духовного опыта, и следовательно, значительно возрастает вероятность того, что он наиболее полно может реализовать себя в окружающей действительности. Если он может осознать свое Я, но также и «свое внимание и заботу о другом человеке, тогда он ведет себя гармонично, целостно и созидательно». Чем более человек реализует свой духовный потенциал и духовный опыт в окружающем мире, тем больше возможностей для удовлетворения потребностей в достижении духовной близости с другими людьми, для исчерпания своего потенциала ради другого.

Необходимо добавить, что с гармоничным уровнем связывают проблему ***самосовершенствования***, полагая, что именно отсюда и ведет свое начало представление о культуре личности, ее духовности. Это замечание интересно, но считаем, что самосовершенствование есть суть процесса самореализации и присутствует на всех уровнях, но как и процесс становления духовности, на первых двух носит спонтанный, не ярко выраженный или выраженный в единичных качествах, несбалансированный характер. Поэтому можно говорить о частичном, неполном совершенствовании себя на этих двух уровнях, имея в виду, что в понятии самосовершенствования выражена активность «внутренних условий», реализованная с помощью внешних, и следовательно, в этом взаимодействии высвечено основное направление: позитивное, конструктивное самосовершенствование, направленное на самореализацию, на социализацию, на изменение своего Я и окружающего мира в Я. Отсюда, скорее всего, в наиболее полной форме самосовершенствование представлено в гармоничном уровне с та-

кими его составляющими характеристиками, как способность видеть лучше и дальше; постигать большее, созерцать глубже, чувствовать тоньше; быть добрее, обходиться с людьми доброжелательно и справедливо, служить самоотверженно, судить праведно, творить совершеннее. В таком понимании самосовершенствование представляет собой глубинную основу развития духовности личности.

Самореализация личности многоаспектна (постановка новых целей, поиск сферы приложения своих сил, преодоление препятствий при достижении конкретных задач, самосовершенствования в различных сферах, в том числе и профессиональной, и др.), поскольку связана с многоаспектностью окружающей действительности.

В самореализации фокусируется сущность духовности, главный ее смысл. Начинаясь с себя, она не заканчивается «замыканием» только на себе. Самореализация не может происходить без эмпатического понимания и принятия другого человека, то есть без взаимодействия с ним. ***Эмпатия*** в духовности – это готовность, способность и умение делиться эмоциональным зарядом, осуществлять энергетическую «подпитку» другого человека, который в ней нуждается. Вобрав в себя, до конца изучив свою роль, индивид начинает активно действовать, самореализовываться, вовлекая в этот процесс и окружающих его людей. Постижение своей сущности, потенциальных возможностей происходит через отношение к «другому», в котором этот «другой» предстает как величайшая ценность в своей неповторимости и уникальности. Способность увидеть так «другого» есть способность проявления духовно-нравственных качеств: альтруизма, милосердия, сострадания, любви, благоговения как высшего способа реализации отношения к другому человеку.

Этот ряд ценностей построен на важнейшем принципе человеческого общежития, о котором Вл. Соловьев писал так: «…я признаю другого подобным и равным с собою, утверждаю за ним то же самое значение, которое приписываю себе»[1]. Только будучи способным на такое отношение к «другому», через это отношение человек осознает и принимает себя и как равносущного роду, как самоценность. Это открытие порождает в процессе самореализации стремление к положительным изменениям, и прежде всего, это становится заметным в возросшем чувстве ответственности, которое и есть ценностное проявление духовности. Приобщение к этому плану духовных ценностей обостряет чувство достоинства личности и вызывает в душе благоговейно-совестливое отношение ко всему окружению, то есть к конкретному человеку, его нуждам, заботам, страданиям и радостям, к человечеству в целом. В этом заложен духовный аспект нравственных норм.

Следовательно, ответственность человека перед самим собой, перед близкими, перед делом, которому он служит, «вырастает» в ответственность перед обществом, перед прошлым и будущим поколением. Так духовно приобретенное личностное качество наполняется не только положительным индивидуальным, но и общественным смыслом. А это уже обретение пути истинного смысла жизни, связанного с выходом за пределы узких границ своего Я, в служении другим людям, обществу. «Я чувствую себя настолько солидарным со всеми живущими, – писал А. Эйнштейн, – что для меня безразлично, где начинается и где кончается отдельное»[2]. Наряду с ответственностью, необходимым и главным условием самореализации является **свобода**, предполагающая овладение защищающими личность законами и правилами общества, подчинение себя достижению духовного идеала.

Свобода – это не вседозволенность, «это не есть свобода “индетерминизма”, о которой мечтают люди и которая оказалась бы чрезвычайным бедствием», одарив их невоспитанностью, непредусмотрительностью, капризностью. Свобода в духовном развитии – власть над причинами, это способность добровольно и цельно определять свой жизненный путь, путь к совершенству, путь духовного роста. Следовательно, это свобода созидания, преобразования

[1] Соловьев В.С. Оправдание добра. М., 2012. С. 183.
[2] Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1965. С. 348.

себя и окружающего мира в соответствии с поставленными целями, жизненным смыслом бытия, объективную основу которой составляет система прав, принятых в данном обществе.

Как только свобода превращается в созидающее действие, возникает необходимость в целеполагании. ***Целеполагание*** в свою очередь подразумевает наряду с ответственностью еще одно важное качество – ***веру*** в правильность, осуществимость поставленных целей и задач. Даже единичная жизненная задача предполагает выбор тех или иных способов ее выполнения и, следовательно, чтобы действовать, человек опирается на веру, исключающую необдуманность, безрассудство, опрометчивость. ***Вера*** активизирует внутренний потенциал личности, ее готовность к самореализации, стремление к наиболее полному его раскрытию на благо себе и окружающим людям.

Таким образом, ***самореализация*** представляет собой целенаправленную деятельность индивида, целью которой является обнаружение, реализация и исчерпание своего духовного потенциала в окружающей действительности в соответствии морально-правовыми нормами.

Реализуя себя во взаимодействии с другими, в окружающем мире, индивид приобретает смысл жизни, имеющий ценностную природу. Ценности задают ориентации на будущее, и личность, достигая определенного этапа, приходит к новым способам и средствам самореализации, выступающей основанием ее духовного становления[1]. В процессе самореализации выявляются те духовные ценности, потенциально готовые к тому, чтобы воплотиться в поступках и делах человека. Такое понимание самореализации личности с соблюдением нравственных норм в структуре духовности превращает духовность как личностное качество в социальную ценность, а сам человек становится моделью, по которой окружающие могут строить свою жизнь и поведение.

Список литературы

1. Коваль Н.А. Психология духовности личности: монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 1996. – 152 с.

2. Соловьев В.С. Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – 657 с.

3. Ухтомский А.А. Из неопубликованного // Психологический журнал. – 1995. – Т. 15. – № 3. – С. 158-168.

4. Эйнштейн А. Физика и реальность. – М.: Наука, 1965. – 359 с.

List of references

1. Koval N.A. *Psikhologiya dukhovnosti lichnosty*: *monograph. – Tambov: izd-vo TGU im. G.R.Derzhavina. –* [Psychology of personality spirituality: monograph. – Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 1996. – 152 p.]

2. Soloviev V.S. *Opravdaniye dobra / Otv.red. O.A. Platonov. – M.: Institut russkoy civilizatcii, Algoritm Publ.* [Justification of the kindness / Resp. ed. O.A. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, Algorithm, 2012. – 657 p.]

3. Ukhtomsky A.A. *Iz neopublikovannogo // Psikhologicheskiy zhurnal* [From the unpublished // Psychological journal. – 1995. – T. 15. – № 3. – Pp. 158-168].

4. Einstein A. *Fizika i real'nost'* Physics and reality. – M.: Nauka Publ., 1965. – 359 p.

[1] См. подробнее: Коваль Н.А. Психология духовности личности: монография. Тамбов, 1996. 152 с.

УДК 340

Михаил Николаевич Семякин,
главный научный сотрудник Управления научных исследований,
профессор кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического университета,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: 9193705538@mail.ru

Mihail N. Semyakin,
chief research fellow of the Research department,
professor of the Civil law department of Ural State Law University,
doctor of law, professor

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНЦЕНТРАЦИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ МОДЕЛЬ ПОЗНАНИЯ В ПРАВОВЕДЕНИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что она недостаточно изучена как объект комплексного экономико-правового познания. **Основная цель** исследования – кратко сформулировать методологию комплексного межотраслевого научного познания экономической концентрации. **Задачи:** изучение экономической концентрации как рыночной категории; как правовой модели; установление их взаимосвязи и соотношения. **Основное содержание:** рассмотрены основные подходы экономистов к пониманию категории экономической концентрации; анализируются взгляды правоведов по этой проблематике и дана их научная оценка; показана взаимосвязь и соотношение экономической концентрации как рыночной и правовой категорий в контексте комплексного научного исследования. **Методы исследования:** диалектический, исторический, формально-юридический, логический. **Научная новизна** исследования: сформулировано определение экономической концентрации; установлено соотношение понятий «экономическая концентрация» и «сделки и иные действия, подлежащие государственному контролю»; показана диалектика взаимосвязи правовой формы и экономического содержания явления рыночной концентрации. **Основные выводы:** основой для комплексного исследования экономической концентрации выступает общность объекта познания; в качестве предельного основания комплексного познания выступает критерий, связанный с особенностями отраслевого метода познания, его объекта и предмета.

Ключевые слова: рынок, экономическая концентрация, экономическое содержание, правовая форма, взаимосвязь, соотношение, гносеология, государственный контроль, сделка, комплексный.

ECONOMIC CONCENTRATION AS AN INTERDISCIPLINARY MODEL OF KNOWLEDGE IN JURISPRUDENCE AND ECONOMIC SCIENCE

The topicality of the research topic is due to the fact that it has not been sufficiently studied as an object of comprehensive economic and legal knowledge. **The main goal** of the study is to briefly formulate the methodology of a comprehensive intersectoral scientific knowledge of economic concentration. **Objectives:** study of economic concentration as a market category; as a legal model; establishing their relationship and correlation. **The main content**: the basic approaches of economists to understanding the category of economic concentration are considered; the views of jurists on this issue are analyzed and their scientific assessment is given; the interrelation and correlation of economic concentration as a market and legal categories in the context of a comprehensive scientific research is shown. **Research methods:** dialectical, historical, formal legal, logical. **The scientific novelty of the study:** the definition of economic concentration is formulated; the correlation of the concepts of «economic concentration» and «transactions and other actions subject to state control» has been established; The dialectic of the relationship between the legal form and the economic content of the phenomenon of market concentration is shown. **Key findings:** the basis for a comprehensive study of economic concentration is the community of the object of knowledge; the criterion associated with the characteristics of the branch method of cognition, its object and subject acts as the ultimate foundation of complex knowledge.

Keywords: market, economic concentration, economic content, legal form, relationship, correlation, epistemology, state control, transaction, comprehensive.

В экономической науке категория «экономическая концентрация» обычно интерпретируется как часть более широкой (родовой) категории – «структура рынка». При этом наблюдается достаточно большой «разброс» мнений экономистов-теоретиков в понимании категории рыночная (экономическая) концентрация. Так, И.В. Князева достаточно абстрактно интерпретирует указанную категорию, отмечая то, что в экономической науке рыночная (экономическая) концентрация понимается как «сосредоточение экономически значимых признаков или характеристик в руках незначительного количества хозяйствующих субъектов (единиц или носителей информации)[1]. При этом названный автор обращает также внимание на то, что рыночная концентрация предполагает определённую аккумуляцию не только материальной (т. е. основанной на доле рыночного участия), но и представительской власти, которая может выражаться не только в деятельности на рынке самой компании (фирмы, предприятия), но и в деятельности его представителей (агентов, франчайзеров, дистрибьюторов и т. п.)[2].

Несколько более конкретизировано к пониманию рыночной концентрации подходят экономисты Л.В. Рой и В.П. Третьяк, по мнению которых под рыночной концентрацией – как продавцов, так и покупателей – понимается плотность размещения рыночных структур, а также совокупность удельных весов агентов рынка по объёму предложения и спроса[3].

По мнению О.Т. Лебедева, рыночная концентрация заключается в объединении рыночной доли ведущих фирм при определении степени их олигополии, а также различного уровня и качества взаимоотношений между олигополистами и симметричности или несимметричности (т. е. неравенства взаимных прав) членов группы[4].

Исходя из выше отмеченного, можно отметить некоторые признаки (черты), которые выделяют авторы при характеристике понятия рыночной (экономической) концентрации (в дальнейшем – экономическая концентрация). Это такие моменты, как то, что, во-первых, экономическая концентрация, прежде всего, интерпретируется через категорию сосредоточения (аккумуляции) различных экономических благ; во-вторых, речь идёт об аккумуляции не только материальных благ (долей рыночного участия), но также и «представительской власти» – деятельности на рынке как самих кампаний (фирм, предприятий), так и их агентов (представителей); в-третьих, указывается на сосредоточение (аккумуляцию) экономических благ «плотность» их размещения в руках незначительного количества хозяйствующих субъектов, объединение рыночных долей ведущих фирм при определении степени их олигополии.

Субъектами экономической концентрации выступают хозяйствующие структурные единицы – кампании (предприятия, фирмы, организации) – участники различных отношений и взаимных экономических связей как «вертикального», так и «горизонтального» характера[5].

Что же касается объекта экономической концентрации, то, как представляется, в качестве такового здесь выступают различные экономические блага – доли в том или ином сегменте рынка соответствующих хозяйствующих субъектов, а также их «представительская власть».

С учётом выше отмеченного категорию экономической концентрации кратко можно определить как важный структурный элемент рынка[6] – совокупность экономических отношений, опосредствующих сосредоточение (аккумуляцию) в пределах определённого круга

---

[1] Князева И.В. Антимонопольная политика в России: учеб. пособие. М., 2008. С. 56-57.

[2] Там же. С. 56.

[3] Рой Л.В., Третьяк В.П. Анализ отраслевых рынков: учебник. М., 2008. С. 32.

[4] Лебедев О.Т. Экономика отраслевых рынков: учебное пособие. М., 2009. С. 59. – Обзор интерпретаций категории «рыночная (экономическая) концентрация» см.: Вайпан В.А., Габов А.В., Егорова М.А., Кинев А.Ю., Петров Д.А. Экономическая концентрация: опыт экономико-правового исследования рыночных и юридических конструкций / отв. ред. – доктор юридических наук М.А. Егорова. М., 2016. С. 20-21 (авт. гл. 1 – М.А. Егорова).

[5] О «вертикальных» и «горизонтальных» экономических отношениях более подробно см.: Князева И.В. Указ. соч. С. 53-54.

[6] О понятии категории рынка см.: Хейне П. Экономический образ мышления. М., 1993. С. 18 и след.

хозяйствующих субъектов материальных и нематериальных благ, выраженных в соответствующих экономически значимых количественных и качественных характеристиках (показателях), которые подлежат учёту при определении необходимости осуществления государственного контроля за указанными процедурами.

Таким образом, «экономическая концентрация» как важный структурный элемент рынка, безусловно, тесно связан с оборотом на рынке товаров, результатов работ, услуг, однако главное назначение этой категории состоит в том, чтобы на основе определённых рыночных показателей (экономических характеристик) можно было дать оценку степени концентрации тех или иных сегментов рынка, перспектив их развития с тем, чтобы на этой основе сделать вывод о необходимости проведения процедуры государственного контроля в отношении сделок, связанных с экономической концентрацией.

Экономическая концентрация как рыночный процесс, прежде всего, конечно, выступает в качестве одного из элементов предмета экономической науки. Вместе с тем указанная достаточно сложная категория имеет целый ряд своих специфических аспектов, форм своего внешнего выражения – политическая, социологическая, философская, правовая и другие, которые в той или иной мере подвергаются осмыслению различными науками, в том числе правоведением. Необходимость исследования экономической концентрации в правовой науке обусловлена с общих позиций тем, что содержание указанного процесса составляют действия (сделки и иные акты) различных экономических субъектов – кампаний (предприятий, фирм и др.), – которые приобретают юридически значимые формы, нуждающиеся в правовом упорядочении, создании соответствующего правового режима и т. д. в указанной экономической сфере, что, безусловно, относится к предмету правоведения.

Экономическая концентрация на практике получает самые различные правовые формы своего выражения. В частности, с правовых позиций актуальным представляется обсуждение правовой формы самого понятия «экономическая концентрация». В соответствии с положением пункта 21 статьи 4 Федерального закона о защите конкуренции[1] (в дальнейшем – ЗоЗК) экономическая концентрация – это сделки, а также иные действия, осуществление которых оказывает влияние на состояние конкуренции. Достаточно близкое по содержанию понятие экономической концентрации изложено также в пункте 21 статьи 74 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Таким образом, законодательное понятие экономической концентрации охватывает собой такие юридические акты, как сделки и иные действия в указанной сфере. Что касается сделок как правомерных действий, направленных на установление, изменение и т. д. гражданских прав и обязанностей, то их сущность отражена в статье 153 Гражданского кодекса РФ. Под «иными действиями», очевидно, следует понимать любые действия, не являющиеся сделками, как правомерного, так и противоправного характера, оказывающие влияние на экономическую концентрацию. Среди таких действий (не являющихся сделками) можно указать, например, на действия по координации деятельности конкурентов третьим лицом (п. 14 ст. 4 и ч. 5 ст. 11 ЗоЗК); совершение экономическими субъектами согласованных действий (ст. 11.1 ЗоЗК) и др.

В юридической литературе дефиниция понятия «экономическая концентрация» нередко оценивается исследователями как содержащая «ряд внутренних противоречий»[2]. В частности, отмечается, что систематическое толкование пункта 21 статьи 4 и главы 7 ЗоЗК должно приводить к заключению, что под экономической концентрацией ЗоЗК понимает именно те виды сделок, которые поименованы в главе 7 ЗоЗК, т. е. именно те сделки, которые подлежат государственному контролю над их совершением. Но в этом случае законодателю сле-

[1] Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

[2] См.: Экономическая концентрация: опыт экономико-правового исследования рыночных и юридических конструкций. С. 50 (авт. 1 гл. – М.А. Егорова).

довало бы связать пункт 21 статьи 4 и главу 7 ЗоЗК отсылочной нормой, что также не сделано[1].

Исследователями также отмечается, что определение экономической концентрации (п. 21 ст. 4 ЗоЗК) невозможно было бы применить на практике, если бы в ЗоЗК не содержался перечень конкретных сделок, являющихся объектом контроля[2].

В связи с выше отмеченным представляется необходимым обратить внимание на два момента.

Во-первых, анализ содержания главы 7 ЗоЗК даёт основание полагать, что в ней речь идёт не только о сделках, но также и об «иных» действиях, оказывающих влияние на экономическую концентрацию.

Во-вторых, и это, пожалуй, главное, нужно различать такие явления, как рыночная «экономическая концентрация» и адекватное ему правовое понятие (п. 21 ст. 4 ЗоЗК), с одной стороны, и государственный контроль в отношении указанных сделок и иных действий, с другой, о чём речь идёт в главе 7 ЗоЗК, что не одно и то же. Например, на практике встречается немало случаев, когда те или иные действия субъектов рыночных отношений подпадают под содержание понятия «экономическая концентрация», однако значения их показателей (характеристик) не достигли той юридически значимой степени, когда имеются основания для государственного «вмешательства» – контроля в отношении сделок (и иных действий) (гл. 7 ЗоЗК), направленных на монополизацию и недобросовестную конкуренцию. Конституционный Суд РФ, оценивая конституционность ряда положений о государственном контроле, указал, что они направлены на реализацию закреплённых в статьях 8 и 34 Конституции принципов свободы экономической деятельности, поддержки добросовестной конкуренции, в том числе путём пресечения монополистической деятельности[3].

Экономическая концентрация как рыночная категория имеет и ряд иных правовых форм своего выражения – слияние, разделение, выделение, присоединение, преобразование экономических субъектов – реорганизация юридических лиц (ст. 57 ГК РФ, ст. 27 ЗоЗК), что в той или иной мере может оказывать воздействие на конкурентную среду, монополизацию экономической деятельности.

Таким образом, тесное взаимодействие, а в ряде случаев – «накладка» определённых элементов объекта познания экономической и правовой науки, обусловливает необходимость их глубокой взаимосвязи и взаимоотношения и, следовательно, осуществления комплексного научного исследования.

В порядке краткого резюме по рассмотрению отмеченной проблематики можно сделать следующие выводы.

Во-первых, то, что экономическая концентрация как совокупность общественных отношений одновременно выступает в качестве объекта научного познания экономической и правовой науки, является основой для осуществления комплексного исследования указанного явления, что позволяет глубже раскрыть его сущность, определить перспективы развития. При этом, конечно, не следует упускать из внимания то обстоятельство, что при осуществлении экономического и правового познания одного и того же объекта (экономической концентрации) здесь используются разные методологические способы (приёмы) и средства научного исследования.

Во-вторых, экономическая концентрация и её правовая модель могут рассматриваться как соотношение соответственно экономического содержания и юридической формы. Вме-

[1] См.: Экономическая концентрация: опыт экономико-правового исследования рыночных и юридических конструкций. С. 51.

[2] См.: Конкурентное право России / отв. ред. И.Ю. Артемьев. М., 2012. С. 82. См. об этом также: Егорова М.А. Указ. соч. С. 51.

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 619-0 // СПС «КонсультантПлюс» [дата обращения 18.08.2019].

сте с тем здесь может быть и несколько иной ракурс видения взаимосвязи «экономики и права»: юридическая форма, рассматриваемая в правовом аспекте, имеет своё (правовое) содержание и, следовательно, в такой взаимосвязи они (форма и содержание) представляют собой относительно обособленное юридическое явление. Однако это не даёт основания рассматривать экономическую концентрацию и её правовую модель как совершенно разные явления. В действительности, как представляется, существует одно явление – экономическая концентрация, однако имеющее различные формы своего внешнего выражения, в том числе правовую, которая, рассматриваемая в юридической «плоскости», отражает экономическую концентрацию только лишь как относительно обособленное (а не абсолютно отдельное, самостоятельное) правовое явление.

В-третьих, с гносеологических позиций предельным основанием (критерием) для обеспечения эффективного взаимодействия и соотношения экономической науки и правоведения здесь выступает то обстоятельство, что правовое познание при этом не должно утрачивать своей специфической юридической методологии, юридического «инструментария» и объекта познания, то есть не должно трансформироваться в экономическое исследование, полностью «сливаться» с ним, как и наоборот.

В-четвёртых, при осуществлении взаимодействия экономической науки и правоведения возникает методологическая проблема, связанная с возможностью взаимного использования («взаимопроникновения») различного категориального «инструментария», характерного для этих наук. В связи с этим, прежде всего, необходимо иметь в виду то, что каждая наука вырабатывает и использует для своих целей специфический отраслевой научный категориальный аппарат, который «генетически» связан с предметом и методом познания соответствующей науки. Вместе с тем, в процессе длительного взаимодействия разных наук, в том числе экономики и правоведения, вырабатывается ряд средств познания (научных категорий, конструкций), которые приобретают различный специфический научный «статус» – интегрированные, консолидированные, ассоциированные научные категории и конструкции[1], что, безусловно, обогащает комплексное научное исследование сложных (многогранных) социальных явлений, способствует усилению взаимосвязи и эффективного взаимодействия различных наук.

Список литературы

1. Князева И.В. Антимонопольная политика в России: учеб. пособие. – М.: Омега-Л, 2008. – 493 с.

2. Конкурентное право России / отв. ред. И.Ю. Артемьев. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 391 с.

3. Лебедев О.Т. Экономика отраслевых рынков: учебное пособие. – М.: Изд-во Политехнического университета, 2009. – 340 с.

4. Рой Л.В., Третьяк В.П. Анализ отраслевых рынков: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 442 с.

5. Семякин М.Н. Методология цивилистического правоведения. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2018. – 421 с.

6. Хейне П. Экономический образ мышления. – М.: Дело, 1993. – 704 с.

7. Экономическая концентрация: опыт экономико-правового исследования рыночных и юридических конструкций [В.А. Вайпан, А.В. Габов, М.А. Егорова и др.] / отв. ред. доктор юридических наук М.А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2016. – 552 с.

List of references

1. Knyazeva I.V. *Antimonopolnaya politika v Rossii: uchebnoye posobiye* [Antimonopoly policy in Russia: textbook. – M.: Omega-L Publ., 2008. – 493 p.]

2. *Konkurentnoye pravo Rossii* [Competition law of Russia / ex. ed. I.Yu. Artemyev. – M.: HSE, 2012. – 391 p.]

3. Lebedev O.T. *Ekonomika otraslevykh rynkov: uchebnoye posobiye* [Economics of industrial markets: a textbook. – M.: Publishing House of the Polytechnic University, 2009. – 340 p.]

[1] Более подробно об этом см.: Семякин М. Н. Методология цивилистического правоведения. М., 2018. С. 213 и след.

4. Roy L.V., Tretyak V.P. *Analiz otraslevykh rynkov: uchebnik* [Analysis of industry markets: a textbook. – M.: INFRA-M Publ., 2008. – 442 p.]

5. Semyakin M.N. *Metodologiya civilisticheskogo pravovedeniya* [Methodology of civil law. – M.: Publishing House «Yurlitinform» Publ., 2018. – 421 p.]

6. Heine P. *Ekonomicheskiy obraz myshleniya* [Economic way of thinking. – M.: Delo Publ., 1993. – 704 p.]

7. *Ekonomicheskaya koncentraciya: opyt ekonomiko-pravovogo issledovaniya rynochnykh i yuridicheskikh konstruktsiy* [Economic concentration: the experience of economic and legal research of market and legal structures – V.A. Waipan, A.V. Gabov, M.A. Egorova and others / ed. Doctor of Law M.A. Egorova. – M.: Yusticinform Publ., 2016. – 552 p.]

УДК 34.01

Алла Анатольевна Соколова,
доцент Белорусского национального технического университета (Минск, Беларусь),
кандидат юридических наук, доцент, профессор-эмеритус
Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва)
E-mail: alla.sokolova@ehu.lt

Alla Anatolievna Sokolova,
Associate Professor Belarusian National Technical University (Minsk Belarus),
PhD in Law, Docent, Professor-Emeritus European Humanities University (Vilnius, Lithuania)

ЭВРИСТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СОЦИОЛОГИ ПРАВА В ИССЛЕДОВАНИИ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

В предлагаемой статье предпринята попытка модернизировать познавательную модель в исследовании социоправовых явлений, расширив рамки междисциплинарного подхода. Социальный мир в XXI веке претерпевает глобальные трансформации. Развитие современных технологий, создание искусственного интеллекта поставили новые проблемы перед человечеством, в том числе и перед юридической наукой. Как реагировать на вызовы технологической революции, порождающей как позитивные, так и негативные для общества последствия? Вероятно, речь должна идти о новой исследовательской парадигме – междисциплинарности нового порядка, эвристическую роль в которой, на взгляд автора, может выполнить социология права. В качестве иллюстрации приводится сюжет «проникновения» искусственного интеллекта в юриспруденцию, в частности, в сферу законодательной социологии. Помимо положительной оценки такого взаимодействия, ставится вопрос о необходимости предотвращения возможных нарушений нравственных и этических ценностей, как последствий применения новейших технологий.

Ключевые слова: междисциплинарная познавательная модель, социология права, эвристическая роль, четвертая промышленная революция, новейшие технологии, искусственный интеллект.

HEURISTIC ROLE OF SOCIAL SCIENCE OF LAW IN THE STUDY OF LEGAL PHENOMENA

This article attempts to modernize the cognitive model in the study of socio-legal phenomena, expanding the scope of an interdisciplinary approach. The social world in the 21st century is undergoing global transformation. The development of modern technologies, the creation of artificial intelligence posed new problems for humanity, including legal science. How to respond to the challenges of the technological revolution, generating both positive and negative consequences for society? Probably, we should be talking about a new research paradigm – interdisciplinarity of a new format, in which, in the opinion of the author, the sociology of law can play a heuristic role. The plot of the «penetration» of artificial intelligence in jurisprudence, in particular, in the sphere of legislative sociology is given as an illustration. In addition to a positive assessment of this interaction, the question is posed of the need to prevent possible violations of moral and ethical values, as the consequences of applying the latest technologies.

Key words: interdisciplinary cognitive model, sociology of law, heuristic role, fourth industrial revolution, emerging technologies, artificial intelligence.

Картина социальной жизни XXI века стремительно меняется: вызовы глобального мира поставили новые проблемы перед человечеством. И одной из них, по мнению, Клауса Шваба – швейцарского экономиста, основателя и президента Давосского форума, является «…осознание и формирование новой технологической революции, которая предусматривает как минимум преобразование человечества». Общество XXI столетия вступило в эпоху *четвертой промышленной революции*, последствия которой не имеют аналогов во всей предшествующей истории человечества[1]. Как реагировать на вызовы технологической революции, порож-

[1] См.: Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2016. Введение и далее. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/pub/t/21240265.&uuid=981e89bc-7b5a-11e6-

дающей как позитивные для общества изменения, так и негативные, последствия которых в целом человечеством пока не оценены? Представителей каких интеллектуальных областей современного знания целесообразно пригласить к научно-исследовательскому сотрудничеству? Может ли право как средство, предотвращающее и разрешающее конфликты, замиряющее социальную среду, нивелировать или минимизировать риски, порождаемые современными технологиями, включая искусственный интеллект, роботизацию, нанотехнологии, биотехнологии, генную инженерию и многое др.? И в целом, как обнаружить оптимальный способ «диалога» между технологией и обществом? Это только незначительная часть актуальных вопросов, требующих глубокого многопрофильного исследования. Ответ на этот вопрос пытается дать в своей книге Клаус Шваб: «Технология не является внешней привнесенной силой, которая не поддается нашему контролю… Чем больше мы размышляем о том, как использовать огромные преимущества технологической революции, чем внимательнее мы всматриваемся в самих себя и в базовые социальные модели, которые воплощают и создают эти технологии, тем шире наши возможности формировать эту новую революцию, чтобы сделать мир лучше». Принципиальное значение приобретает многостороннее сотрудничество, не имеющее научных, социальных, политических, национальных и промышленных границ, необходимое «для создания позитивной, единой и многообещающей концепции, благодаря которой отдельные люди и сообщества из всех стран мира смогут принять участие в текущих преобразованиях и воспользоваться их преимуществами»[1].

Становится очевидной необходимость в усилении компонентов целостного восприятия картины мира и одновременно практической реализации гуманитарного и социального знаний для изменения парадигмы методов, применяемых в исследовании проблем современного общества. Думается, что эвристический потенциал юриспруденции в исследовании правовой жизни общества в условиях технологической революции не самодостаточен. Уникальные явления, являющиеся проявлениями и результатами новейших технологий, требуют глубокого осмысления и оценки с позиции многих наук – философии, этики, политологии, экономики, социологии, юриспруденции, и, как следствие, формирования новых моделей поведения, совмещающих реалии техногенного процесса с идеями и принципами, гуманизирующими его.

В ракурсе юриспруденции особо значимым для обзора изменений в социальных процессах компонентом является *исследовательский континуум «общество и право»* (в терминах В.А. Глазырина[2]). Социальные проблемы фокусируют вызовы праву, правовому регулированию, правовому инструментарию. В современной науке право, как явление культуры, изучается в рамках *теоретической, исторической, аналитической, сравнительной юриспруденции*. Достаточно ли этих подходов, чтобы оценить регулятивный потенциал права в условиях стремительных социальных изменений? Каков статус взаимодействия права с другими социальными институтами, также испытывающими влияние современных технологий, – экономикой, политикой, искусством, культурой, религией, окружающей человека средой? В ансамбле традиционных подходов, изучающих «право в обществе», на мой взгляд, увереннее должен использоваться *социологический подход*. Комплексное изучение феномена права как многомерного явления, познание и объяснение противоречивых взаимосвязей социокультурных, социотехнологических компонентов общества требуют активизации *междисци-*

a56b-0cc47a520474&art=21240265&trials=1&user=0&file=32764712&trial=1&price=499.00&texttrialbut-ton=%D0%9A%D1%83%D0%BF%D0%B8%D1%82%D1%8C%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%83%D1%8E%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8E%20%D0%B7%D0%B0%20499.00&uilang=ru&catalit2&half=1&track_reading.

[1] См.: Шваб К. Указ. соч.

[2] См.: Глазырин В.А. Социологическое воображение и изучение права в юридической социологии // Журнал научных публикаций «Дискуссия». 2015. № 11 (63). [Электронный ресурс]. Режим доступа: file:///C:/Users/%D0%90%D0%BB%D0%BB%D0%B0/Downloads/sotsiologicheskoe-voobrazhenie-i-izuchenie-prava-v-yuridicheskoy-sotsiologii.pdf.

плинарных социолого-правовых исследований. Социология права в «статусе» *социологической юриспруденции*, на мой взгляд, должна ориентироваться на исследование параметров взаимодействия общества и права, корреляции социальных изменений и права и, что особенно актуально, права и последствий воздействия на социальный мир технологических инноваций. Думается, она «достойна» претендовать на *эвристическую роль* в создании междисциплинарной познавательной модели.

Новый ракурс исследования проблем современного общества, требующих правового разрешения, связан с новейшими научными открытиями и технологиями. Возникает необходимость в определении природы новых отношений, предвидения негативных последствий и возможностей их правового урегулирования. Вероятно, речь должна идти о новой исследовательской парадигме – междисциплинарности нового порядка. Познавательная технология в этом формате ограничивается не рамками правовых отраслей и не диапазоном правовых и иных гуманитарных и социальных наук, а проникает *«в пограничье»* гуманитарного, социального и новейшего технического знания (к примеру, информатики). Правовые отношения в области медицины (эвтаназия, трансплантация органов, смена пола), финансов (новые виды валют – блокчейны, биткоины), экологии (изменение климата, охрана окружающей среды) и др., имеют интегративную природу, находятся в пространстве социального взаимодействия технологии, этики, экономики, политики, права, гуманитарный язык которого может быть вытеснен расширением сферы использования «языка алгоритмов», «цифровых технологий».

Как обнаружить верные методологические ориентиры для исследования происходящих в социальной жизни изменений? На какую отрасль правового знания следует ориентироваться? Думается, ресурс познавательных возможностей методологии *социологии права* не исчерпан и в силу ряда факторов.

Во-первых, социология права, возникшая в пространстве социологии и юриспруденции, изначально имела междисциплинарный характер и в современном своем состоянии открыта для «пограничных» исследований. Опыт подобных исследований продемонстрировал в своих оригинальных работах выдающийся социолог права Жан Карбонье (соотношение юридической социологии с демографией, этнологией, лингвистикой, антропологией)[1].

Во-вторых, применение социологических методов позволяет погрузиться в реальную картину социальной и правовой жизни, обнаруживать в ней проблемы и противоречия, соединять исследовательскую практику с теоретическими изысканиями. Оценивая познавательные возможности методологии социологии права, известный ученый Валерий Алексеевич Глазырин полагает, что она формирует исследовательскую установку на скрупулезное изучение взаимосвязанных трансформаций социокультурных и правовых элементов социальной системы[2].

В-третьих, методологический ресурс социологии права как наиболее «пластичной» отрасли правового знания может проявиться при изучении новейших явлений в жизни современного общества. Поясню этот тезис более подробно.

Проникновение в современную жизнь совершенно новых явлений (таких как права роботов, цифровая торговля, беспилотные автомобили) ставит перед юристами задачи адекватного правового регулирования, разработки новейшего законодательства, а значит переосмысления традиционных правовых концепций, создания новых исследовательских и образовательных программ. Требование времени – формирование междисциплинарных научных направлений, находящихся в непривычной для нас среде: *юридические науки и IT-технологии*. Внедрение новейших компьютерных технологий в *сферу юридической деятельности*, автоматизация работы юридических компаний подтверждены множеством фактов мировой практики, иллюстрирующих их эффективность как современных инструментов, существенно

[1] См.: Карбонье Ж. Юридическая социология. М.,1986. С. 37-69.
[2] См.: Глазырин А.В. Указ. соч.

упрощающих решение юридических вопросов, освобождающих юристов от рутинного мышления и технических операций, и в целом способных преобразить юридическую профессию.

В *законопроектной деятельности* искусственный интеллект можно использовать как инструмент, обслуживающий потребности законопроектной деятельности, в том числе юридической техники. В перспективе – как робота-законодателя, участвующего в совместном *процессе разработки законопроекта*. По сути, процесс формирования права – это информационная технология, алгоритм особых операций, которые может обеспечить искусственный интеллект. На мой взгляд, простые, с позиции юридической техники, не требующие сложной правовой аргументации и обоснования проекты норм права, могут готовить компьютеры и тем самым освобождать специалистов от технического труда. Другая сторона создания права – исследовательская, аналитическая, творческая, требующая социолого-правового сопровождения, интеллектуальных междисциплинарных усилий профессионалов, завершающаяся созданием научной концепции будущего нормативно-правового акта, требует высокого мастерства и профессионализма юристов. Наблюдая усложнение компьютеризированных систем и их воздействие на социальные, можно предположить перспективность их активного *взаимодействия*. Определение стратегических направлений в законодательной политике, принятие креативных политических решений, разработка правовых теорий требуют интеллектуальных инвестиций и реального жизненного опыта. Основная роль в этих процессах будет принадлежать «интеллектуальным» юристам. Обработка социологических и статистических данных, количественный анализ, математические способы прогнозирования последствий этих решений, выстраивание цифровых аргументов и алгоритмов, позволяющих выявлять тенденции, «спрятанные» внутри огромных массивов информации, – сфера искусственного интеллекта.

Эти иллюстрации показывают перспективность междисциплинарного взаимодействия и использования искусственного интеллекта в юридической практике. Однако возникает вопрос, насколько безупречен результат его внедрения, возможны ли ошибки (технические, юридические) и, в целом, существуют ли *риски*, в частности, *нарушения человеческих ценностей* и как их предотвратить[1]? Эта проблема требует глубокого осмысления с позиции права, этики, морали.

Авторы статьи «Регулируя будущее? Право, этика и новейшие технологии» («Regulating the future? Law, ethics, and emerging technologies»)[2] проанализировали соотношение между новейшими технологиями, правом и этикой, представили обзор правовых последствий применения новейших технологий, связанных с нарушением этических и моральных норм, и сформулировали ряд рекомендаций для применения институтами Европейского Союза. Они полагают, что правовая наука должна выработать адекватную стратегию регулирования различных сценариев, касающихся разработки и применения новых технологий. Должны быть созданы адекватные форумы для обеспечения регулярного общения между законодателями и другими заинтересованными сторонами (исследователями, разработчиками, поставщиками услуг, пользователями) в области современных технологий[3].

Итак, новые явления в социальной жизни, связанные с ускоренным развитием технологий, требуют объединения усилий ученых различных отраслей современного знания, создания адекватной междисциплинарной познавательной модели, и социология права может претендовать на определяющую роль в этом многостороннем научном сотрудничестве.

---

[1] См. подробно: Соколова А.А. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Юридическая техника. Ежегодник. «Риски в законотворчестве, правореализации, юридической науке: техника формирования и функционирования системы управления». 2019. № 13. С. 350-356.

[2] Ivan Szkely, Mate Daniel Szabo, Beatrix Vissy. Regulating the future? Law, ethics, and emerging technologies // Journal of Information, Communication & Ethics in Society. 2011. Vol. 9. № 3. P. 180-194. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://doi.org/10.1108/14779961111167658.

[3] Указ. соч.

Список литературы

1. Глазырин В.А. Социологическое воображение и изучение права в юридической социологии // Журнал научных публикаций «Дискуссия». – 2015. – № 11 (63). – С. 83-87.
2. Карбонье Ж. Юридическая социология. – М.: Прогресс, 1986. – 351 с.
3. Соколова А.А. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Юридическая техника. Ежегодник. «Риски в законотворчестве, правореализации, юридической науке: техника формирования и функционирования системы управления». – 2019. – № 13. Нижний Новгород: Изд-во: Нижегородская академия МВД РФ, 2019. – С. 350-356.
4. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016. – 136 с.
5. Ivan Szkely, Mate Daniel Szabo, Beatrix Vissy. Regulating the future? Law, ethics, and emerging technologies // Journal of Information, Communication & Ethics in Society. – 2011. – Vol. 9. – № 3. – P. 180-194.

List of references

1. Glazyrin V.A. *Sotciologicheskoye voobrazheniye i izucheniye prava v yuridicheskoy sotciologii* // *Zhurnal nauchnykh publikatsiy «Diskussiya»* [Sociological imagination and the study of law in legal sociology // Journal of scientific publications «Discussion». – 2015. – № 11 (63). – p. 83-87].
2. Carbonier Zh. *Yuridichaskaya sotsiologiya* [Legal Sociology. – M.: Progress, 1986. – 351 p.]
3. Sokolova A.A. *Iskusstvenny intellect v yurisprudencii: riski vnedreniya // Yuridicheskaya tekhnika. Yezhegodnik. «Riski v zakonotvorchestve, pravorealizatsii, yuridicheskoy nauke: tekhnika formirovaniya b funktionirovaniya sistemy upravleniya». – 2019. – № 13. Nizhniy Novgorod: Izd-vo: Nizhegorodskaya academia MVD RF.* – [Artificial intelligence in jurisprudence: risks of implementation // Legal technique. Yearbook. «Risks in lawmaking, law enforcement, legal science: the technique of formation and functioning of the management system». – 2019. – № 13. Nizhny Novgorod: Publishing House: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019. – Pp. 350-356.]
4. Schwab K. *Chetvyortaya promyshlennya revolutsiya* [Fourth Industrial Revolution. – M.: Eksmo Publ., 2016. – 136 p.]
5. Ivan Szkely, Mate Daniel Szabo, Beatrix Vissy. Regulating the future? Law, ethics, and emerging technologies // Journal of Information, Communication & Ethics in Society. – 2011. – Vol. 9. – № 3. – Pp. 180-194.

УДК 340

Юрий Геннадьевич Арзамасов,
профессор департамента общих и межотраслевых юридических дисциплин
факультета права НИУ «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор
E-mail: uarzamasov@hse.ru

Yuriy G. Arzamasov,
professor of Faculty of Law / School of General and Interdisciplinary Legal Studies of
National Research University Higher School of Economics, Doctor of Law, professor

СООТНОШЕНИЕ НОРМОГРАФИИ, ЛЕГИСПРУДЕНЦИИ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В статье рассматривается соотношение таких наук, как нормография, легиспруденция, юридическая лингвистика, которые находятся на стыке юриспруденции и лингвистики. Определяются предметные рамки, структура и методологические отличия, которые позволяют идентифицировать отрасли данных наук.

Ключевые слова: нормография, легиспруденция, юридическая лингвистика, теория права и государства, нормотворчество, юридическая техника, нормотворческая юридическая техника.

THE RELATION OF NORMOGRAPHY, LEGISPRUDENCE AND LEGAL LINGUISTICS

The article discusses the correlation of such sciences as normography, legisprudence, legal linguistics, which are at the junction of jurisprudence and linguistics. The subject framework, structure, and methodological differences are determined that allow identification of the branches of these sciences.

Key words: normography, legisprudence, legal linguistics, theory of law and the state, rule-making, legal technique, rule-making legal technique.

Данная статья будет посвящена необычной теме – вопросу соотношения наук, которые находятся на стыке юриспруденции и лингвистики, определению их предметных рамок.

Как известно, все крупные серьезные открытия делаются, как правило, на стыке различных наук. Конечно, в данной статье невозможно сделать подробный анализ всех таких наук и научных направлений, поскольку это дело не одного дня и ни одного исследования. Остановлюсь кратко только на трех науках – нормографии, западном ее аналоге легиспруденции и юридической лингвистике.

В настоящее время в развитии как отечественной, так и зарубежной, по крайней мере, европейской юриспруденции, мы наблюдаем два, можно сказать противоположных направления, две тенденции. Первая тенденция – это интеграции наук, которая проявляется в объединение уже самостоятельных, проверенных временем наук, которым присущи свои закономерности, свой категориальный аппарат, свои научные школы, появление их руководителей и адептов, при чем многие из этих школ прошли длительный период своего академического становления и признания, поскольку они складывались веками и просматривается также интеграция новых, иной раз даже не фундаментальных, а специальных, так называемых прикладных научных направлений, в которых научные школы только зарождаются. Например, мы наблюдаем следующее. Сейчас явно просматривается процесс взаимодействия, определенного научного сближения между такими науками, как психология и юриспруденция, результатом чего является появление науки – юридической психологии. Аналогичные тенденции мы наблюдаем и между лингвистикой и юриспруденцией и как результат, мы смело можем говорить о выделении такой прикладной науки, как юридическая лингвистика. Причем на этом данные примеры не заканчиваются.

С другой стороны, мы наблюдаем и тенденцию к дифференциации наук и научных направлений, поскольку, как мы видим, кроме интеграционных тенденций в юриспруденции

проглядывается расчленение, то есть определенное разделение научных знаний, что связано с генезисом новых общественных отношений, имеющих правовую, политическую и экономическую направленность, с возникновением инновационных направлений, с появлением совершенно новых системных, функциональных и других связей между субъектами современного социума.

Таким образом, можно сделать вывод, что дифференциация научных знаний объясняется в последнее время, с одной стороны, усложнением социума, поскольку возникают совершенно новые общественные связи, а также с модернизацией уже существующих отношений в обществе, а, с другой стороны, актуализируется необходимость в их осмыслении и исследовании, в определении их сущности и правовой природы, с необходимостью их классифицирования и систематизации и, что особенно важно, определения предметных рамок данных наук.

Поднимая указанную проблему, считаем необходимым подчеркнуть следующее. Дифференциация научных знаний, представляет собой процесс формирования из конкретных, особых в лоне определенной науки, научных направлений уже отдельных, можно сказать, самостоятельных юридических наук, в большей степени прикладного характера. Хотя, конечно, их концептуальная основа может быть вполне основательна и теоретизирована, проверена в научных дискуссиях и неоднократно доказана в академических кругах на различных уважаемых форумах и убедительна.

В этой связи следует отметить, что данный процесс относится ко многим наукам и такая фундаментальная, методологическая и базовая для всей юриспруденции, то есть для всех юридических наук, наука под названием «теория права и государства», которую иной раз справедливо называют общей теорией права и государства не является исключением[1]. Так, например, в формате предмета теории права и государства уже явно претендуют на независимость такие научные направления, как правовая конфликтология, правовая герменевтика, правовая компаративистика, которую часто в нашей стране называют наукой сравнительного правоведения. Примером чего являются научные труды и научные школы таких последователей французского компаративиста Рене Давида, как: М.Н. Марченко[2], В.Н. Синюков[3], Ю.А. Тихомиров[4] и др.

К данным наукам следует отнести и нормографию, специальную прикладную науку как для теории права и государства, так и для различных отраслей права. Поскольку проведенный анализ учебной литературы по теории права и государства показал, что нормотворческая юридическая техника[5] рассматривается лишь по нескольким темам, это, конечно, тема «Правотворчество» (нормотворчество), в редких учебниках присутствует тема «Правовые ошибки», где рассматриваются так называемые «правотворческие ошибки». Примером может служить учебник профессора Л.А. Морозовой[6].

Проведенный анализ показывает, что нормотворчество, как определенный тип юридической деятельности, вне всяких сомнений, уже давно переросло определенные границы соответствующей темы в учебниках по теории права и государства, поскольку средства нормотворческой юридической техники, требования, предъявляемые к определенным видам нормотворческого процесса и нормативным правовым актам, практически не рассматриваются в учебной литературе по теории права и государства. Технологии подготовки проектов раз-

[1] См., например: Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. М., 1996; Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. М., 1999.

[2] Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть. М., 2001.

[3] Синюков В.Н. Российская правовая система. Саратов, 1994.

[4] Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996.

[5] Данный термин утвердился в отечественной юриспруденции после выхода в свет книги: Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н.А. Власенко. М., 2011.

[6] См.: Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2017.

личных видов нормативных правовых актов, технологии их мониторинга и проведения оценки регулирующего воздействия остались за бортом предметных рамок теории права и государства.

И что же мы видим в итоге? Выпускники юридического бакалавриата слабо владеют как теоретическими знаниями в области нормотворчества и нормотворческой юридической техники, так и навыками разработки проектов различных нормативных документов. Хотя в настоящее время «бума нормотворчества» на всех уровнях власти ощущается серьезная нехватка в государственных, муниципальных органах и даже в государственных корпорациях специалистов в области нормотворчества и правового мониторинга. Современные выпускники, за редким исключением, не владеют знаниями основ нормотворчества, правового мониторинга, нормотворческой юридической техники, умениями и навыками проведения оценки проектов нормативных правовых актов и подготовки проектов нормативных документов. Результат – появление некачественных федеральных и региональных законов и конкретизирующих их подзаконных нормативных правовых актов. Правовая статистика показывает, что в Центральном федеральном округе из действующих 184985 нормативных правовых актов соответствуют федеральному законодательству только 89367 актов, то есть практически половина. В Приволжском федеральном округе зарегистрировано в федеральном регистре 224963 нормативных правовых актов. При этом из них только 144273 актов реально соответствуют федеральному законодательству, что составляет 64,1 %.

В этой связи поднимается вопрос повышения качества нормативных правовых актов в современной России, которое является определенным барометром правовой культуры не только государственных и муниципальных служащих, то есть госаппарата, но и всей правовой системы государства. В связи с этим актуализируется проблема преподавания во всех юридических ВУЗах и на всех юридических факультетах дисциплины под названием «Нормография».

Из сказанного следует, что если мы вводим в учебный процесс данный курс, то и концептуальные подходы к данной дисциплине должны быть научно выверенными и обоснованными. Причем интерес к нормографии наблюдается не только в России и странах СНГ. Так, например, профессор Мартин Шкоп (декан юридического факультета Масарикова университета, Брно), выступая в НИУ «Высшая школа экономики» на международной конференции «Оригинальные правовые идеи в Центральной и Восточной Европе» 14 июня 2019 г. высказался о необходимости преподавания в Чехии курса нормографии, а не легиспруденции.

Сегодня в условиях правового нигилизма, который напрямую связан с отсутствием необходимых умений и навыков подготовки правовых документов все усилия теоретиков права «должны быть направлены на сосредоточение разрозненных методик подготовки нормативных правовых актов и теоретических вопросов, касающихся проблем создания нормативных правовых актов в систему научно обоснованных знаний о нормотворчестве, которые и составят предмет самостоятельной науки – нормографии (дословный перевод – «пишу норму»)[1].

В 2007 году нами было выпущено в свет учебно-методическое пособие под названием «Нормография: теория и методология нормотворчества»[2].

В 2017 году вышло новое издание под моей редакцией – учебник «Нормография: теория и технология нормотворчества»[3].

На сегодняшний день более чем в 15 ВУЗах в той или иной форме преподается курс нормографии (магистратура, НИС для бакалавров, курсы повышения квалификации и др.), в этот список входят также ВУЗы Республики Беларусь и Украины.

---

[1] См.: Арзамасов Ю.Г. Тенденции развития юридических наук. Становление новой науки – нормографии // Государство и право. 2007. № 10. С. 101-104.

[2] Нормография: теория и методология нормотворчества: учебник / под ред. Ю.Г. Арзамасова. Серия: Gaudeamus. М., 2007.

[3] См.: Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Ю.Г. Арзамасова. М., 2017.

На учебно-методическое пособие «Нормография: теория и методология нормотворчества» было написано порядка 10 рецензий. В основном, конечно, положительных, но были и скептики, которые отмечали, что юридической технике и нормотворчеству не нужно учить вообще, нужно только хорошо знать правила русского языка.

Однако любой ли юрист, имеющий в аттестате оценку «5» по русскому языку способен подготовить качественный нормативный правовой документ? Далеко не каждый!

Были и другие оппоненты, которые заявляли, что нормографию еще рано называть наукой. Известный специалист в области нормотворчества и правовой компаративистики С.В. Кабышев в этой связи утвердительно заявляет, что здесь нет предмета для спора, так как на Западе такая наука существует и носит там название легиспруденция («legisprudence»)[1]. С 2007 г. в Англии издаётся соответствующий одноименный журнал.

Однако так ли давно существует эта наука?

Такие отечественные ученые, как С.В. Кабышев и П.П. Шевчук[2] считают, что данный термин ввел в оборот бельгийский юрист Люк Ж. Винтгенс, который предложил новый всеобъемлющий подход к исследованию законопроектирования, «…сочетающего в себе элементы науки, искусства и мастерства» (1992)[3].

Между тем, проведенный анализ показал, что у западных исследователей нет единства в понимании предмета легиспруденции. Так, одни ученые под легиспруденцией понимают изучение законодательного процесса, другие «роль законодателя», его выборы, анализ его полномочий, что в России изучают, в основном, политологи и конституционалисты.

Немецкий ученый Кристоф Гиси выделил следующие направления легиспруденции:

«– обязательность разъяснения законодателем условий или обстановки, способствовавших принятию закона;

– необходимость анализа альтернатив принятия закона и выбор наиболее разумной (наиболее важные проблемы в государстве, имеющие общественный резонанс, требующие законодательного регулирования, должны решаться на альтернативной основе);

– прогнозирование последствий реализации закона»[4].

Комментируя данное высказывание, следует заметить, что когда речь идет о толковании норм закона, то в России данный тип юридической деятельности относят либо к предмету общей теории права и государства, либо к такой науке прикладного характера, как правовая герменевтика, предложения о необходимости выделения которой звучат в последнее время все более настойчиво[5], поскольку сложились целые научные школы интерпретаторов (В.В. Лазарев, Т.Я. Хабриева, Н.Н. Вопленко, Ю.Ю. Ветютнев и др.).

Швейцарский ученый, который одно время возглавлял Международную ассоциацию законодательства Люциус Мадер, не сговариваясь со мной, включал в легиспруденцию технику законотворчества, законодательные процедуры (процесс разработки, введения в действие и применения законодательства), проблемы оценки законов. В своем интервью на Международном конгрессе Международной ассоциации законодательства, который проходил в 2012 г. в В. Новгороде, Люциус Мадер отмечал, что «разработчики законов должны учитывать и как политическую составляющую, так и техническую. Здесь есть не только юридические задачи, многие другие дисциплины тоже должны быть включены в процесс – экономи-

[1] Кабышев С.В. Культура законотворчества в Канаде // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 138.

[2] Шевчук П.П., Шулмане Д. Легиспруденци – новый подход к вопросу о законотворчестве // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 6 (97). С. 14-20.

[3] Wintgens L. Creation d'une banque de donnees en «legisprudence». In: Gesetzgebung heute. 1992. Vol. 3. P. 91.

[4] См.: Gusy C. Das Grundgesetz als normative Gesetzgebungslehre // Zeitschrift für Rechtspolitik. 1985. 18. Jg. H. 11. S. 291-299.

[5] См., об этом: Арзамасов Ю.Г. Проблемы доктринального толкования права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. № 12. С. 9-11; Юридическая герменевтика в XXI веке / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, Ю.Ю.Ветютнева. СПб., 2016. С. 398-399.

ка, политическая наука, язык. Если мы сможем объединить эти дисциплины, это приведёт к желаемому результату»[1].

Что же касается России, то здесь только отдельные ученые говорят о легиспруденции. Так, например, В.И. Червонюк в предмет данной науки включает:

1 Законодательную терминологию.

2 Законодательную методологию (методику изучения и написания законов).

3 Подготовку законопроектов (важное значение уделяет лингвистической стороне).

4 Сам процесс подготовки, введения в действие и применения законов.

5 Менеджмент законодательства (проектный менеджмент).

6 Теорию законодательства[2].

Профессор, заведующий кафедрой Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова В.В. Оксамытный читает курс под названием «Сравнительная теория закона (компаративистская легиспруденция)», понимая под ней «совокупность знаний о становлении, оформлении и действии законов на основе мировых правовых традиций и опыта отдельных стран». В предмет данной науки он «включает: – общие закономерности становления, оформления и функционирования законов в историческом и современном аспектах проявления;

– понятийно-категориальный аппарат данной юридической науки;

– законотворческая техника, вбирающая в себя совокупность принципов и способов оформления законодательного материала;

– законодательство как совокупность нормативных правовых актов общегосударственного значения;

– основные процессы реализации законов в реальной жизни, включая их толкование и эффективность действия»[3].

Однако заявлять утвердительно о том, что наука о создании законов – это чисто западное изобретение нельзя, поскольку известный специалист в области правотворчества и систематизации законодательства Альберт Семенович Пиголкин еще в 1968 г. только поставил проблему в своей небольшой по объему брошюре «Подготовка проектов нормативных актов (организация и методика)» о необходимости выделения самостоятельной науки о нормотворчестве[4]. Потом он активно поддерживал идею о выделении такой прикладной науки, как нормография, предоставив для первого издания соответствующий материал.

Очевидно, что наши и западные ученые шли разными тропами, но сошлись на одной поляне законотворчества!

Тем не менее, корни этих наук уходят в античность, так еще Платон указывал, что «из всех наук более всего совершенствует человека, ими занимающегося, наука о законах; по крайней мере, так должно быть, если правильные ее положения…»[5].

Несколько дальше пошел профессор А.А. Ушаков в свое время использовал термин «законография». При этом ученый предлагал подразделять ее две части: общую и особенную. Общая, по его мнению, должна изучать проблемы правотворчества в целом, особенная – применительно к той или иной области законодательства (конституционного, уголовного и др.)[6].

Относительно «общей части» с профессором А.А. Ушаковым следует согласиться. «Особенная часть», по нашему мнению, должна освящать не проблемы нормотворческой

[1] https://news.novgorod.ru/archive/2012-06-26.html.

[2] См.: Червонюк В.И. Правовые технологии («правовая инженерия»), или прикладная юриспруденция: методологические и дидактико-методические проблемы внедрения в систему вузовской подготовки правоведов // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 368-381.

[3] Оксамытный В.В. Сравнительная теория закона: Учебное пособие. М., 2009.

[4] См.: Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов (организация и методика). М., 1968.

[5] Платон. Соч. Т. 3, часть 2. М., 1972. С. 463.

[6] Ушаков А.А. О науке законографии, ее содержании и задачах // Правоведение. 1975. № 4. С. 20-25.

юридической техники в каких-либо отраслях права, а методики подготовки различных видов нормативных правовых актов, начиная с ФКЗ и заканчивая локальными актами. Конечно, существуют отдельные особенности юридической техники и в отраслях права. Но, как правило, их не так много! Например, если поставить вопрос: чем отличаются юридические конструкции УК РФ и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях? Ответ здесь будет однозначным – ничем!

Однако на практике идеи профессоров А.С. Пиголкина и А.А. Ушакова не нашли поддержку у научной общественности 60–70-х гг. прошлого века. С чем это связано?

Известно, что в советское время ориентация преподавания была направлена на подготовку юристов-практиков, занимающихся той или иной правоприменительной деятельностью. В вузах готовили судей, адвокатов, следователей, то есть различных правоприменителей, но не разработчиков нормативных правовых актов, поскольку законов и подзаконных актов, по сравнению с сегодняшним днем, было мало и, соответственно, отсутствовала необходимость в таких специалистах. Сегодня ситуация изменилась разительно! Работодатели не могут найти опытных специалистов в области нормотворчества, что подтверждает необходимость ведения курса нормографии.

В конце 90-х гг. в России появилось другое научное направление, претендующее на самостоятельную науку «юридическая лингвистика».

Юрислингвистика изучает специфическое функционирование языка в сфере права. Активно идею о выделении такой науки пропагандировал руководитель Лаборатории юрислингвистики и развития речи Алтайского госуниверситета профессор Н.Д. Голев[1].

Юрислингвистика представляет теоретические и методические основания для судебной и следственной лингвистической экспертизы спорных произведений речевой деятельности, экспертизы законопроектов и т. п.

Какие задачи стоят перед юрислингвистикой?

Посмотрев ряд программ пришел к выводу, что в юрислингвистику входят следующие научные направления:

- изучение конфликтного (инвективного, манипулятивного, агрессивного, полиинтерпретативного) функционирования языка, принципы разрешения таких конфликтов;
- юридико-лингвистических аспекты государственного языка, языковой политики;
- разработка юридического языка (языка закона);
- разработка единых правил судебной экспертизы различных видов;
- терминологическое, переводческое и лексикографическое обеспечение юридической деятельности;
- лингвистическое образование специалистов в области права;
- лингво-юридическое просвещение населения.

Однако, что же есть общего у юрлингвистики и нормографии?

Во-первых, это «лингвистическое образование специалистов в области права».

Во-вторых, это разработка юридико-лингвистических аспектов государственного языка. Юридическая терминология является предметом изучения как нормографии, легиспруденции, так и юрлингвистики. Здесь следует подчеркнуть, что юридическая терминология является одним из основных средств нормотворческой юридической техники. В юридической литературе юридические термины обычно подразделяют на общеупотребительные термины, которые используются в обыденной речи и понятны всем, специально-юридические, которые обладают особым правовым содержанием (аккредитив, деликтоспособность, исковое заявление и т. п.). Такие термины служат для обозначения юридических понятий, выражения юридических конструкций, отраслевой типизации и т. д.

[1] Юрислингвистика–8: русский язык и современное российское право: Межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. Кемерово; Барнаул, 2007.

Вопросы происхождения юридических терминов также входят в предмет нормографии и юридической лингвистики. В нормографии (В.Ю. Туранин, Л.Ф. Апт и др.), как и в юрислингвистике выделяют следующие пути образования юридических терминов:

– терминологизация, то есть использование общеупотребительных слов в юридическом языке, и придание им особого, правового смысла;

– создание юридических терминов усилиями представителей науки и практики;

– транстерминологизация, то есть использование специальных неюридических терминов, изначально принадлежавших к другим областям знания, в юридическом языке, и придание им особого, правового смысла[1]. Примером транстерминологизации является использования термина «санация», который сейчас активно применяется и обозначает систему мер по финансовому оздоровлению предприятия, чтобы предотвратить его банкротство. В медицине данный термин означает «лечение, оздоровление».

В-третьих, межпредметные связи проявляются у нормографии и юридической лингвистики в исследовании проблем проведения лингвистической экспертизы, где особое место должна занять терминологическая экспертиза, к сожалению, о которой мало кто пишет, исключением являются работы В.Ю. Туранина, Н.А. Власенко и Л.Ф. Апт. Сегодня лингвистическая экспертиза законопроектов является одним из этапов законотворческого процесса.

В-четвертых, «камни соприкосновения» нормографии, легиспруденции и юридической лингвистики просматриваются и при исследовании проблем антикоррупционной экспертизы. Так, например, в Методике проведения антикоррупционной экспертизы одним из коррупциогенных факторов является «юридико-лингвистическая неопределенность», то есть употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера.

Как видим, у нормографии, ее западного аналога легиспруденции и юрлингвистики есть как много общих точек и направлений взаимодействия, но есть предметные, а также, что немаловажно, и методологические отличия, которые и позволяют идентифицировать эти отрасли научных знаний.

Список литературы

1. Gusy C. Das Grundgesetz als normative Gesetzgebungslehre // Zeitschrift für Rechtspolitik. – 1985. – 18. Jahrg., – H. 11. – S. 291-299.

2. Wintgens L. Creation d'une banque de donnees en «legisprudence». In: Gesetzgebung heute. – 1992. – Vol. 3. – P. 91-94.

3. Арзамасов Ю.Г. Тенденции развития юридических наук. Становление новой науки – нормографии // Государство и право. – 2007. – № 10. – С. 101-104.

4. Арзамасов Ю.Г. Проблемы доктринального толкования права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 12. – С. 9-11.

5. Кабышев С.В. Культура законотворчества в Канаде // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 136-142.

6. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. Общая часть. – М.: ЗЕРЦАЛО, 2001. – 560 с.

7. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 464 с.

8. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА • М, 1999. – 552 с.

9. Нормография: теория и методология нормотворчества: учебник / под ред. Ю.Г. Арзамасова. Серия: Gaudeamus. – М.: Академический Проект, 2007. – 560 с.

10. Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Ю.Г. Арзамасова. – М.: Юрайт, 2017. – 460 с.

11. Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н.А. Власенко. – М.: Юстицинформ, 2011. – 312 с.

12. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1996. – 472 с.

[1] См., например: Туранин В.Ю. Техника формирования терминологического аппарата законопроекта: состояния и пути совершенствования // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 578-583.

13. Оксамытный В.В. Сравнительная теория закона: Учебное пособие. – М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2009. – 78 с.

14. Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов (организация и методика). – М.: Юрид. лит., 1968. – 167 с.

15. Платон. Соч. Т. 3, часть 2. – М.: Мысль, 1972. – 678 с.

16. Синюков В.Н. Российская правовая система. – Саратов: Полиграфист, 1994. – 495 с.

17. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. – М.: Бек, 1996. – 432 с.

18. Туранин В.Ю. Техника формирования терминологического аппарата законопроекта: состояния и пути совершенствования // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 578-583.

19. Ушаков А.А. О науке законографии, ее содержании и задачах // Правоведение. – 1975. – № 4. – С. 20-25.

20. Червонюк В.И. Правовые технологии («правовая инженерия»), или прикладная юриспруденция: методологические и дидактико-методические проблемы внедрения в систему вузовской подготовки правоведов // Юридическая техника. – 2009. – № 3. – С. 368-381.

21. Шевчук П.П., Шулмане Д. Легиспруденция – новый подход к вопросу о законотворчестве // Сравнительное конституционное обозрение. – 2013. – № 6 (97). – С. 14-20.

22. Юридическая герменевтика в XXI веке / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. – СПб: Алетейя, 2016. – 440 с.

23. Юрислингвистика-8: русский язык и современное российское право: Межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 531 с.

List of references

1. Gusy C. Das Grundgesetz als normative Gesetzgebungslehre // Zeitschrift für Rechtspolitik. – 1985. – 18. Jahrg., – H. 11. – S. 291-299.

2. Wintgens L. Creation d'une banque de donnees en «legisprudence». In: Gesetzgebung heute. – 1992. – Vol. 3. – P. 91-94.

3. Arzamasov Yu.G. *Tendensii razvitiya yuridicheskikh nauk. Stanovleniye novoy nauki – normografii // Gosudarstvo I pravo.* – [Trends in the development of legal sciences. The Formation of a New Science – Normography // State and Law. – 2007. – № 10. – Pp. 101-104].

4. Arzamasov Yu.G. *Problemy doctrinalnogo tolkovaniya prava // Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriiya: yuridicheskii nauki.* – [Problems of the doctrinal interpretation of law // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Jurisprudence. – 2016. – № 12. – Pp. 9-11].

5. Kabyshev S.V. *Kultura zakonotvorchestva v Kanade // Yuridicheskaya tekhnika.* – The culture of lawmaking in Canada // Legal Technology. – 2016. № 10. – Pp. 136-142.

6. Marchenko M.N. *Sravnitelnoye pravovedeniye. Obshchaya chast* [Comparative Law. A common part. – M.: ZERTSALO Publ., 2001. – 560 p.]

7. Morozova L.A. Teoriya gosudarstva I prava: uchebnik [Theory of state and law: a textbook. – 5th ed., Rev. and add. – M.: Norma: INFRA-M, 2017. – 464 p].

8. Nersesyants V.S. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva. Uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov i fakul'tetov. – [General theory of law and state. Textbook for law schools and faculties. – M.: NORMA-INFRA Publishing Group • M, 1999. – 552 p.]

9. *Normografiya: teoriya i metodologiya normotvorchestva: uchebnik / pod red. YU.G. Arzamasova*. – [Normography: theory and methodology of rulemaking: textbook / ed. Yu.G. Arzamasova. Seriya: Gaudeamus. – M.: Akademicheskiy Proyekt Publ., 2007. – 560 Pp.]

10. *Normografiya: teoriya i tekhnologiya normotvorchestva: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury / pod red. Yu.G. Arzamasova*. – Normography: theory and rulemaking technology: a textbook for undergraduate and graduate studies. – M.: Yurayt, 2017. – 460 Pp.

11. *Normotvorcheskaya yuridicheskaya tekhnika / pod red. N.A. Vlasenko.* – [Rulemaking legal technique / ed. N.A.. Vlasenko. – M.: Justicinform, 2011 – 312 p.]

12. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: Uchebnik.* – [General Theory of Law and State: Textbook] / Ed. V.V. Lazarev. – 2nd ed., Revised. and add. – M .: Yurist Publ., 1996. – 472 p.]

13. Oksamytnyy V.V. *Sravnitel'naya teoriya zakona: Uchebnoye posobiye.* – [Comparative Theory of Law: A Study Guide]. – M.: IILE n.a. A.S. Griboedov, 2009. – 78 p.]

14. Pigolkin A.S. *Podgotovka proyektov normativnykh aktov (organizatsiya i metodika).* – [Preparation of draft normative acts (organization and methodology). – M.: Yurid. lit.Publ., 1968. – 167 Pp.]

15. Plato. *Soch. T. 3, chast' 2*. – [Works. V. 3, part 2. – M.: Mysl Publ., 1972. – 678 p.]

16. Sinyukov V.N. *Rossiyskaya pravovaya sistema* [Russian legal system. – Saratov: Polygraphist Publ., 1994. – 495 p.]

17. Tikhomirov Yu.A. *Kurs sravnitel'nogo pravovedeniya.* – [Comparative Law Course. – M .: Beck, 1996. – 432 p.]

18. Turanin V.Yu. *Tekhnika formirovaniya terminologicheskogo apparata zakonoproyekta: sostoyaniya i puti sovershenstvovaniya.* – [The technique of forming the terminological apparatus of the bill: conditions and ways of improvement // Yuridicheskaya tekhnika Publ. – 2012. – № 6. – Pp. 578-583.]

19. Ushakov A.A. *O nauke zakonografii, yeye soderzhanii i zadachakh*. – [On the science of law, its content and tasks // Pravovedeniye Publ. – 1975. – № 4. – Pp. 20-25.]

20. Chervonyuk V.I. *Pravovyye tekhnologii («pravovaya inzheneriya»), ili prikladnaya yurisprudentsiya: metodologicheskiye i didaktiko-metodicheskiye problemy vnedreniya v sistemu vuzovskoy podgotovki pravovedov* [Legal technologies («legal engineering»), or applied jurisprudence: methodological and didactic-methodological problems of introducing lawyers into the system of university training // Yuridicheskaya tekhnika Publ. – 2009. – № 3. – Pp. 368-381]

21. Shevchuk P.P., Shulmane D. *Legisprudentsiya – novyy podkhod k voprosu o zakonotvorchestve // Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye – Legisprudentsiya* [Legisprudence – a new approach to the question of lawmaking // Comparative Constitutional Review. – 2013. – No. 6 (97). – Pp. 14-20.]

22. *Yuridicheskaya germenevtika v XXI veke.* – [Legal hermeneutics in the XXI century / under the general editorship of E.N. Tonkov, Yu.Yu. Vetyutnev. – St. Petersburg: Aletheia, 2016. – 440 p.]

23. *Yurislingvistika-8: russkiy yazyk i sovremennoye rossiyskoye pravo: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. – [Jurislingistics-8: Russian language and modern Russian law: Interuniversity collection of scientific papers / ed. N.D. Golev. – Kemerovo; Barnaul: Publishing house Alt. University, 2007. – 531 p.]

УДК 341

Шолпан Валерьевна Тлепина,
заведующая кафедрой международного права
Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан, Нур-Султан),
доктор юридических наук, профессор
E-mail: sholpanw@mail.ru

Sholpan Valerievna Tlepina,
Head of Department of International Law
L.N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Nur-Sultan),
Doctor of law science, professor

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ИЗУЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА АРАБСКОГО ВОСТОКА)

В статье ставится цель выяснить роль фактора междисциплинарности в изучении и преподавании научной и учебной дисциплины – история международного права на примере истории международного права Арабского Востока. Различают два вида изучения и преподавания: монодисциплинарное и междисциплинарное. Монодисциплинарное – в области одной научной дисциплины представителями одной науки. Междисциплинарное изучение и преподавание требует объединения усилий представителей разных дисциплин, ориентируется на смежные науки. Междисциплинарность – это современная парадигма высшего и послевузовского образования. Междисциплинарная связь истории международного права с другими юридическими науками проявляется на различных уровнях и в различных формах. На методологическом и теоретическом уровнях история международного права использует основные идеи, теоретические положения, обобщающие выводы других юридических наук для обоснования исходных принципов, и пр. Современный этап развития международного права характеризуется синтезом различных подходов в изучении проблем международного права.

Ключевые слова: международное право, история международного права, история международного права Арабского Востока, междисциплинарный подход, смежные дисциплины, фундаментальные теоретико-правовые и историко-правовые дисциплины, нулевой, репродуктивный, творческий уровни, моно- и междисциплинарный подходы.

APPLICATION OF AN INTERDISCIPLINARY APPROACH TO THE STUDY AND TEACHING OF HISTORY OF INTERNATIONAL LAW (ON THE EXAMPLE OF THE HISTORY OF INTERNATIONAL LAW OF THE ARAB EAST)

The purpose of the article is to clarify the role of the interdisciplinarity factor in the study and teaching of scientific and educational discipline – the history of international law using the history of international law in the Arab East as the example. There are two types of study and teaching: monodisciplinary and interdisciplinary. The monodisciplinary one lies in the field of one scientific discipline and is done by representatives of one science. Interdisciplinary study and teaching requires the combined efforts of representatives of different disciplines, the study focuses on related sciences. Interdisciplinarity is a modern paradigm of higher and postgraduate education. The interdisciplinary connection of the history of international law with other legal sciences is manifested at various levels and in various forms. At the methodological and theoretical levels, the history of international law uses the basic ideas, theoretical provisions that summarize the conclusions of other legal sciences to substantiate the initial principles, etc. The current stage of the development of international law is characterized by a synthesis of various approaches to the study of problems of international law.

Key words: international law, history of international law, history of international law of the Arab East, interdisciplinary approach, related disciplines, fundamental theoretical and legal disciplines, zero, reproductive, creative levels, mono-and interdisciplinary approaches.

В статье ставится цель выяснить роль фактора междисциплинарности в изучении и преподавании научной и учебной дисциплины – история международного права.

Различают два вида изучения и преподавания: монодисциплинарное и междисциплинарное. Монодисциплинарное – в области одной научной дисциплины представителями одной науки. Междисциплинарное изучение и преподавание требует объединения усилий представителей разных дисциплин и в значительной степени ориентируется на смежные науки.

Международное право, интегрируя различные знания применительно к собственному объекту и задачам, выполняет системообразующую функцию относительно междисциплинарного изучения и преподавания. Такую же функцию выполняет и отдельно взятая, к примеру, историко-правовая дисциплина, например, история международного права Арабского Востока, по отношению к знаниям, которые она черпает из других юридических наук.

Междисциплинарное изучение и преподавание характеризуется комплексной природой изучения и преподавания, множественностью аспектов изучения и преподавания, единством методологического подхода и логики изучения и преподавания. При проведении междисциплинарного изучения и преподавания преподаватель выделяет собственный предмет – определенный аспект избранного объекта или связей в нем, относительно которых он должен получить новые знания и разъяснить их обучающимся.

В то же время развитие научной дисциплины – последовательная исследовательская деятельность на переднем крае науки – в значительной степени базируется на сотрудничестве представителей различных дисциплин и по необходимости носит междисциплинарный характер. С точки зрения каждой дисциплины вступление в сотрудничество выглядит как перспективное средство расширения собственного предмета, конфликт исключается автоматически[1]. Взятая в основу теория в ряде случаев выступает в роли ориентира, который определяет ход и результат дальнейшего изучения и преподавания[2].

Междисциплинарность – это современная парадигма высшего и послевузовского образования. Сложность выдвигаемых фундаментальной наукой и образовательными технологиями проблем и задач, для решения которых необходимы объединения усилий ученых разных специальностей, обусловили тенденцию междисциплинарности в развитии современной науки международного права. Междисциплинарная связь истории международного права с другими науками проявляется на различных уровнях и в различных формах. На методологическом и теоретическом уровнях история международного права использует основные идеи, теоретические положения, обобщающие выводы других юридических наук для обоснования исходных принципов, и пр. Современный этап развития международного права характеризуется синтезом различных подходов в изучении проблем международного права вообще.

Опираясь на существующие в методической литературе классификационные системы, следует выделить типы и виды межпредметных связей по содержанию, направлению действий, последовательности изучения и формам организации обучения.

Межпредметные связи по содержанию: по родственным понятиям (право, государство, предмет правового регулирования, и пр.); по обобщенным приемам познавательной деятельности (анализ, сравнение, синтез, противопоставление и др.). Межпредметные связи по направлению действий – односторонние, двусторонние, многосторонние. По последовательности изучения – предшествующие, сопутствующие и перспективные связи. Межпредметные связи по формам организации – межпредметные конференции, семинары, консультации и т. д.

Анализ учебно-измерительной документации, отражающей содержательную сторону подготовки обучающихся в направлении международного права позволил определить межпредметные возможности в изучении и преподавании истории международного права Араб-

[1] См. об этом: Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М., 1980. С. 217.

[2] Междисциплинарные исследования в педагогике (методологический анализ). Введение / Под ред. В.М. Полонского. М., 1994. С. 4-5, 7.

ского Востока с теорией государства и права, историей политических и правовых учений, историей государства и права, в процессе использования различных тем, понятий, фактов. Здесь следует отметить, что на начальном этапе было бидисциплинарное взаимодействие, в основном были использованы историко-правовые дисциплины. Методы историко-правовых дисциплин способствуют рассмотрению не только сущности процесса развития того или иного вопроса, но и формы его проявления[1]. Расширение смежных дисциплин происходило постепенно, по мере того как оказывалось, что имеющихся знаний недостаточно для изучения и преподавания темы в целом[2]. В этой связи были изучены программы фундаментальных курсов теории государства и права, истории политических и правовых учений, истории государства и права, мусульманского права, истории международного права, в том числе истории международного права Арабского Востока; выявлены точки соприкосновения. Сравнительный анализ учебников и учебных пособий по данным дисциплинам показал, что в них содержится достаточно информации. Тем не менее, следует отметить, что для повышения качества обучения, осуществления межпредметных связей необходимо совершенствовать учебные программы, методический аппарат учебников и учебных пособий, а также систематически и целенаправленно реализовывать межпредметные возможности указанных дисциплин в учебном процессе[3].

Знания смежных дисциплин способствуют разъяснению и уяснению содержания предмета истории международного права. Большинство начинающих исследователей и преподавателей затрудняются в организации межпредметных связей, не привлекают обучающихся к решению вопросов межпредметного содержания. Основные причины – 1) молодой преподаватель не на должном уровне знает содержание смежных дисциплин; 2) недостаточно знаком с современным состоянием конкретной проблемы истории международного права; 3) отсутствие координации в деятельности преподавателей родственных кафедр; 4) не разработаны методические рекомендации по установлению межпредметных связей. Относительно невысокий уровень преподавателей с целью его повышения предполагает использование дидактических условий и путей активизации учебной деятельности обучающихся на основе теории и методики межпредметных связей. Требуются определенный объем знаний по дисциплинам: теории государства и права, истории политической и правовой мысли, истории государства и права, мусульманского права, др.; умения и навыки использования знаний ранее изученных смежных дисциплин; владение обучающимися рациональными приемами умственных действий (анализ, синтез, обобщение, сравнение, др.).

Степень активизации учебной деятельности обучающихся при осуществлении межпредметных взаимосвязей классифицирована по уровням: 1) нулевой, 2) репродуктивный, 3) творческий.

Нулевой уровень характеризуется тем, что обучающиеся не привлекают теоретико-правовые, историко-правового знания и умения при усвоении содержания истории международного права арабского востока; не «видят» межпредметные связи; учебная деятельность обучающихся носит монопредметный характер.

Репродуктивный уровень учебной деятельности обучающихся соответствует определенному развитию их умений актуализировать и привлекать теоретико-правовые либо историко-правовые знания, осуществлять частичный перенос знаний и умений из одной предметной области в другую.

Творческий уровень соответствует умениям и навыкам систематически использовать содержание названных смежных теоретико- и историко-правовых дисциплин в усвоении ис-

[1] См. подробно: Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. Международное право: проблемы методологии. Очерки методов исследования. М., 1971. С. 139-148.

[2] Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. С. 217-218.

[3] Алиев М.И. Межпредметные связи как условие активизации учебной деятельности студентов (на материале психолого-педагогических дисциплин в педвузах). АДКПН. Тбилиси, 1986. С. 9-10.

тории международного права арабского востока; изучение организуется с опорой на усвоенные фундаментальные знания теории и истории права и государства; применяются сформированные ранее способы деятельности; актуализируются те знания и умения из смежных дисциплин, которые составляют сущностную сторону содержания курса истории международного права Арабского Востока; знания и умения успешно переносятся из одной предметной области в другую[1].

На лекционных и практических занятиях были подтверждены эффективность актуализации теоретико-правовых знаний, напоминание, пересказ, сравнение, межпредметные проблемные вопросы и задачи; было подтверждено предположение о том, что связи с теоретико-правовыми дисциплинами активизируют учебно-познавательную деятельность обучающихся. Возьмем, к примеру, такой прием, как проблемные задания и вопросы на основе теории государства и права, эффективность которого была проверена при изучении и преподавании вопроса об источниках и формах права государств Арабского Востока в рамках истории международного права. При применении междисциплинарных связей – теории государства и права и истории международного права Арабского Востока реже обращались к повторению, обучающиеся демонстрировали достаточно высокий уровень понимания рассмотренных вопросов, успевали конспектировать, быстро и живо отвечали на блиц-опрос. Применение межпредметных связей стимулировало учебную деятельность в целом, дало возможность обучающимся ясно воспринимать новое, вместе с тем анализировать его, сравнивать, обобщать. Эта небольшая аналитическая работа во время лекции по изучению истории международного права Арабского Востока способствовала успеху восприятия лекции в целом. Этот вывод подтвердился результатами опроса обучающихся: 1) перечислите источники международного права на Арабском Востоке, 2) Ваше понимание доктрины права, 3) особенности доктрины мусульманского права. Обучающиеся четко и ясно ответили на поставленные вопросы. Содержательно-сравнительный анализ ответов обучающихся подтвердил их знания по теории государства и права, в том числе теории мусульманского права; доктрины мусульманского права, доктрины фикха.

Связь с теорией государства и права, теорией мусульманского права существенно активизирует учебную деятельность обучающихся, изменяет их представление о значении межпредметных связей, в том числе в изучении истории международного права Арабского Востока.

Применение межпредметных связей способствует усвоению обучающимися приемов сравнения, пересказа, напоминания, актуализации знаний смежных дисциплин, задач и вопросов с межпредметным содержанием. Для этого преподаватель должен владеть знаниями основных линий взаимосвязи истории международного права Арабского Востока с историей политических и правовых учений, историей государства и права; разработкой приемов межпредметных связей; иметь навыки в обсуждении приемов и методов развития интересов обучающихся к использованию знаний межпредметных дисциплин.

При проведении лекций, практических занятий мы обращали внимание на значение 1) истории политических и правовых учений, истории государства и права, мусульманского права в усвоении содержания толкования Корана, войны, арбитража, третейских судов и других средств разрешения споров, др.; 2) умений и навыков реализации межпредметных связей в усвоении знаний обучающихся и развития личностных качеств преподавателя: оперативности, находчивости, логичности, последовательсности в действиях и др. Например, при изучении и преподавании истории правового регулирования дипломатических отношений на Арабском Востоке перед аудиторией были поставлены учебно-познавательные вопросы о том, как обучающиеся понимают, что такое дипломатические отношения и как они соотносятся с правом внешних сношений; в чем коренные отличия истории правового регу-

[1] Алиев М.И. Указ. соч. С. 11-12.

лирования дипломатических отношений исламского и христианского мира. Для обеспечения контроля реализации межпредметных связей были сформулированы несколько взаимосвязанных вопросов: раскрыты вопросы возникновения истории права внешних сношений, основ дипломатического права, становления предмета правового регулирования права внешних сношений; вопросы доктрины и источников права внешних сношений, в том числе в исламском и христианском мире. При изучении возникновения истории права внешних сношений, основ дипломатического права обучающимся необходимо было применить знания, полученные в ходе изучения истории государства и права; при изучении доктрины права внешних сношений – истории политических и правовых учений, мусульманского права, в частности концепций муджтахидов, фетвы сподвижников Пророка, его наследников, впоследствии халифов-глав мусульманских государств-халифатов и командующих армиями в установлении международно-правовых отношений. Обучающиеся активно включились в поиск ответов, обобщая теоретико-правовые и историко-правовые знания. При проверке качества знания обучающимся было предложено письменно ответить на вопросы по истории международного права Арабского Востока в качестве формы, наиболее способствующей вдумчивому и аргументированному ответу. Что показали письменные ответы: 1) знания смежных дисциплин применены обучающимися обдуманно, они представляли собой звено логичных рассуждений и доказательств; 2) привлекаемые знания составляли сущностную сторону межпредметного синтеза, были использованы те знания из курсов истории политических и правовых учений, государства и права, мусульманского права, которые обогатили и дополнили поставленные вопросы; 3) теоретико-историко-правовые знания стали составной частью синтезированных, обобщенных понятий и предопределили высокий уровень межпредметного синтеза. Ответы обучающихся подтвердили, что они умеют хорошо оперировать знаниями смежных дисциплин. У них сформировались умения применить знания, понятия и факты из смежных дисциплин, подвергнуть их качественной обработке. Ответы обучающихся позволили заключить, что они овладели умением применять взаимосвязь между дисциплинами. Полученные результаты имеют большое значение в формировании универсальных и профессиональных компетенций. Учебно-познавательная деятельность обучающихся приобрела творческий характер; при выполнении заданий межпредметного характера обучающиеся оперировали теоретико-правовыми и историко-правовыми знаниями, понятиями, фактами; повысился интерес к смежным дисциплинам, знаниям и применению их в усвоении нового материала[1].

Систематическое и целенаправленное установление межпредметных связей, взаимодействие различных переменных, эффектом которого является междисциплинарный синтез, воплощенный в самостоятельной методике изучения и преподавания, которые обогащают в целом методологию научного творчества и преподавания международного права, активизирует учебно-исследовательскую деятельность обучающихся, формирует критическое и креативное мышление, повышает уровень их универсальных и профессиональных компетенций, улучшает результаты обучения и способствует конкурентоспособности выпускников образовательной программы «Международное право». Объективно заложенные межпредметные связи дисциплин указанной образовательной программы реализуются систематически, на всех видах учебных занятий и во всех формах контроля – лекциях, практических занятиях, аттестациях, в том числе итоговой, в ходе текущего, промежуточного контроля; на всех видах практики, др.; способствуют применению межпредметных связей обучающимися и обучающими, когда последние умеют эффективно управлять учебной и практической деятельностью первых по осуществлению межпредметных связей. Практический опыт изучения и преподавания истории международного права на основе применения междисциплинарного подхода может быть более успешным при разработке системы вопросов, заданий межпред-

[1] См.: Алиев М.И. Указ. соч. С. 13-18.

метного характера в учебниках, учебно-методических и учебных пособиях по Истории международного права, в том числе при изучении истории международного права Арабского Востока. Мы предлагаем включить в план курсов повышения квалификации преподавателей тему по вопросам межпредметных связей. Междисциплинарные связи должны рассматриваться не только с точки зрения взаимосвязей знаний по учебным дисциплинам, но и как интегрирование технологий, методов, форм обучения, контроля знаний. Поэтому важно интегрировать, правильно сочетать то разнообразие учебной деятельности, которое уже существует. От этого будет зависеть результат обучения[1]. Важен переход от исполнительной, репродуктивной деятельности обучающихся к творческой, поисковой деятельности на всех этапах учебного процесса[2].

Применение междисциплинарного взаимодействия имеет большое значение для стимуляции и обогащения каждой из дисциплин, которые в определенном смысле дополняют одна другую и в целом способствуют развитию исследований истории международного права.

Современные тенденции развития общества определяют для высшей школы системно-ориентированный комплекс образовательных целей по подготовке грамотных, творческих специалистов, готовых к стремительным переменам в общественном развитии, умеющих усваивать новые информационные, коммуникационные и коммуникативные технологии и использовать их в своей профессиональной деятельности, умеющих работать в глобальных и локальных сетях, способных к самообразованию и саморазвитию профессиональных качеств в сфере международного права.

Список литературы

1. Алиев М.И. Межпредметные связи как условие активизации учебной деятельности студентов (на материале психолого-педагогических дисциплин в педвузах). АДКПН. – Тбилиси, 1986. – 20 с.

2. Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. Международное право: проблемы методологии. Очерки методов исследования. – М.: Международные отношения, 1971. – 176 с.

3. Междисциплинарные исследования в педагогике (методологический анализ) / Под ред. В.М. Полонского. – М.: Инст-т теор. пед. и междунар. иссл. в обр. РАО, 1994. – 229 с.

4. Междисциплинарный подход к исследованию научного творчества / Ответ. ред. В.В. Давыдов. – М.: Наука, 1990. – 171 с.

5. Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. – М.: Наука, 1980. – 303 с.

6. «Пәнаралық құзыреттілікті қалыптастыру: инновациялық тұрғылыр» атты Экономика және бизнес жоғары мектебеінің әдістемелік секциясы отырысының материалдары (Алматы қ., 30 сәуір 2015 ж.) // Материалы заседания методической секции ВШЭиБ «Формирование междисциплинарных компетенций: инновационные подходы» (Алматы, 30 апреля 2015 г.). – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – 116 с.

List of references

1. Aliev M.I. *Mezhpredmetnyye svyazi kak usloviye aktivizatsii uchebnoy deyatel'nosti studentov.* – [Intersubject communications as a condition for enhancing the educational activities of students (based on the material of psychological and pedagogical disciplines in pedagogical universities). ADKPN. – Tbilisi, 1986. – 20 p.]

2. Baskin Yu.Ya., Feldman D.I. *Mezhdunarodnoye pravo: problemy metodologii. Ocherki metodov issledovaniya.* – [International law: problems of methodology. Essays on research methods. – M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1971. – 176 p.]

3. *Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v pedagogike (metodologicheskiy analiz) Interdisciplinary research in pedagogy (methodological analysis*) / Ed. V.M. Polonsky. – M.: Inst-tor. ped and M.: Inst-t teor. ped. i mezhdunar. issl. v obr. RAO Publ., 1994. – 229 p.]

4. *Mezhdistsiplinarnyy podkhod k issledovaniyu nauchnogo tvorchestva.* – [An interdisciplinary approach to the study of scientific creativity / Resp. ed. V.V. Davydov. – M .: Nauka, 1990. – 171 p.]

[1] Джамалдинова Р.Ж. Междисциплинарные связи как инструмент в формировании компетенций в подготовке специалиста // Материалы заседания методической секции ВШЭиБ «Формирование междисциплинарных компетенций: инновационные подходы» (Алматы, 30 апреля 2015). – Алматы: Қазақ университеті, 2015. С. 74.

[2] Там же. С. 74-75.

5. Mirsky E.M. *Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya i distsiplinarnaya organizatsiya nauki.* [Interdisciplinary research and the disciplinary organization of science. – M.: Nauka, 1980. – 303 p.]

6. «Пәнаралық құзыреттілікті қалыптастыру: инновациялық тұрғылыр» атты Экономика және бизнес жоғары мектебеінің әдістемелік секциясы отырысының материалдары (Алматы қ., 30 сәуір 2015 ж.) // Материалы заседания методической секции ВШЭиБ «Формирование междисциплинарных компетенций: инновационные подходы» (Алматы, 30 апреля 2015 г.). – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – 116 с. [Materials of the meeting of the methodological section of the Higher School of Economics and Development «Formation of interdisciplinary competencies: innovative approaches» (Almaty, April 30, 2015). – Almaty: Kazakh University, 2015. – 116 p.]

УДК 342.72/.73

Владимир Васильевич Репин,
Уполномоченный по правам человека в Тамбовской области
E-mail: post@ombudsman.tambov.gov.ru

Vladimir Vasilyevich Repin,
The Human Rights Ombudsman in the Tambov region

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ГАРАНТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

В статье представлен краткий анализ институциональных аспектов зарождения и становления института уполномоченного по правам человека в мире и в России, раскрыты правовые основы и содержание его деятельности, основные задачи и полномочия, показаны роль и место в системе современного российского общества и государства. Также на примерах деятельности Уполномоченного по правам человека в Тамбовской области и его аппарата затрагиваются и раскрываются отдельные проблемы, связанные с обеспечением, соблюдением и защитой прав граждан.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, защита прав и свобод человека и гражданина, омбудсмен, посредник, правовое государство, гражданское общество, государственная правозащита, уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации

INSTITUTION OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS AS AN ADDITIONAL GUARANTEE OF STATE PROTECTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS, FREEDOMS AND LEGITIMATE INTERESTS

The article presents a brief analysis of the institutional aspects of the establishment and formation of the institution of the Commissioner for Human Rights in the world and in Russia, reveals the legal basis and content of his activities, the main tasks and powers, shows the role and place in the system of modern Russian society and the state. Examples of the activities of the Commissioner for Human Rights in the Tambov region and his staff also address and reveal certain problems related to the promotion, observance and protection of the rights of citizens.

Key words: human and civil rights and freedoms, protection of human and civil rights and freedoms, ombudsman, mediator, state of law, civil society, state legal protection, commissioner for human rights in the constituent entity of the Russian Federation.

Традиционно начало становления института уполномоченного по правам человека относят к началу XIX в.[1], когда в 1809 г., в новой Конституции королевства Швеции, была учреждена должность парламентского омбудсмена («омбудсмена юстиции»)[2]. Начиная с первой половины XX вв. аналогичные должности – парламентского уполномоченного, посредника и др. вводились и в некоторых других странах. На первоначальном этапе возникновения институт омбудсмена фактически выступает как один из элементов правового контроля законодательной власти над исполнительной, а его появление в первую очередь характерно для ряда европейских государств в рамках генезиса правового государства.

После окончания Второй мировой войны, в ходе которой погибли десятки миллионов людей, мировое сообщество осознало тот факт, что необходимо заново определить ценности современной цивилизации, защита и соблюдение которых выступили бы настоящей и эффективной гарантией предотвращения аналогичных трагедий. Именно тогда возобладал под-

[1] Сунгуров А.Ю. Институт омбудсмена: эволюция традиций и современная практика (опыт сравнительного анализа). СПб., 2005. С. 21.

[2] Следует отметить, что ещё ранее, в 1713 г., король Швеции Карл XII издал Закон об учреждении на время его отсутствия в стране должности Королевского омбудсмена (с 1719 г. – «канцлер юстиции»), которому предписывалось осуществлять контроль за тем, чтобы надлежаще исполнялись и соблюдались нормативные акты (статуты и законы), чтобы служащие (чиновники) четко выполняли свои обязанности.

ход, что главная ценность современного общества – это человек, его права и свободы. Принятая в 1948 году ООН Всеобщая Декларация прав человека впервые в истории нашей цивилизации от имени объединенных наций провозгласила, что соблюдение, обеспечение и защита прав и свобод человека является самой главной обязанностью всех государств мира[1].

Принцип примата прав и свобод человека и гражданина в современном обществе является основополагающим и для Российской Федерации. Так, статья 2 Конституции нашей страны определяет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанность государства. Кроме того, согласно статье 18 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием[2].

Таким образом, становление современного института уполномоченного по правам человека фактически началось с середины XX в. после принятия вышеуказанной Декларации ООН, поскольку по своему институциональному содержанию он полностью отличается от «омбудсмена юстиции». Если последний выполнял функции конституционного контроля за соблюдением законов, а также играл роль посредника между ветвями власти (как правило, между верховной (исполнительной) и законодательной), то главная задача уполномоченного по правам человека заключается в содействии соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина либо определённых групп граждан (уполномоченный по правам ребенка или студентов, по правам малочисленных этносов либо предприниматели и др.) в деятельности органов исполнительной власти и должностных лиц.

В настоящее время институт уполномоченного по правам человека функционирует уже более чем в 100 государствах[3], но разумеется процесс его становления находится в постоянном развитии в том числе и в нашей стране, о чем речь пойдет ниже. На данном этапе в мире реализуются в основном две модели института уполномоченного по правам человека, как одного из элементов совокупного механизма государственной правозащиты: либо уполномоченный, назначенный (избранный) высшим должностным лицом государства (исполнительной властью) или представительным органом (законодательной ветвью власти) соответственно подотчетен этим структурам, т. е. фактически зависим от них, либо назначенный (избранный) на должность одним из вышеуказанных способов омбудсмен после назначения никому не подотчетен и независим в своей государственной правозащитной деятельности от органов власти и должностных лиц. В Российской Федерации в настоящее время реализована именно вторая модель, что в нашем понимании позволяет с уверенностью относить уполномоченного не только к институту государственной правозащиты (к государственному органу), но и включать его в структуру гражданского общества. Это очень важно подчеркнуть, поскольку эффективная защита прав и свобод человека и гражданина немыслима без консолидированных действий и усилий как со стороны государства, так и со стороны представителей гражданского общества, в том числе научного сообщества и сферы образования.

Российский опыт организации уполномоченных по правам человека является во многом уникальным в мировой практике. Ни в одной стране мира нет такой разветвленной системы национальных учреждений по защите прав и свобод человека, как в России, которая

[1] «Государства-члены обязались содействовать, в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций, всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод». – Извлечение из Преамбулы Всеобщей Декларации прав человека ООН 1948 г. (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 10.12.1998.

[2] Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации – http://www.pravo.gov.ru.

[3] Москалькова Т.Н. Институт уполномоченных по правам человека в государственном механизме России // Административное право и процесс. 2018. № 12. С. 55.

включает в себя как общефедеральный[1], так и региональный уровни, причем на уровне субъекта РФ выстроена практически такая же структурная модель уполномоченных, что и на федеральном[2].

Должность уполномоченного по правам человека в нашей стране была фактически учреждена Конституцией Российской Федерации 1993 года[3].

Разработанный и принятый на основе Конституции РФ Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» вступил в силу в марте 1997 года[4]. Постепенно стали учреждаться институты уполномоченного по правам отдельных социальных групп[5], уполномоченного по правам человека в субъектах РФ (процесс учреждения уполномоченного по правам человека в субъектах РФ был завершен только в 2016 г.).

В Тамбовской области должность Уполномоченного по правам человека была учреждена в 2013 г.[6], а через год (31.01.2014), на пленарном заседании Тамбовской областной Думы по результатам голосования депутатов был назначен первый Уполномоченный по правам человека в Тамбовской области (автор настоящей статьи)[7].

Правовую основу деятельности регионального Уполномоченного по правам человека составляют не только Конституция РФ и вышеуказанные законы, но и Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»[8], Устав (Основной Закон) Тамбовской области[9]), другие законы и нормативные правовые акты федерального и регионального уровней. Например, Уголовно-исполнительный кодекс РФ (от 08.01.1997 № 1-ФЗ) наделяет уполномоченного по правам человека в субъекте РФ правом без специального разрешения посещать учреждения, исполняющие наказания, и следственные изоляторы в целях осуществления контроля за соблюдением прав граждан, содержащихся в данных учреждениях[10].

---

[1] На общефедеральном уровне в России в настоящее время функционируют четыре института уполномоченных: по правам человека, по правам ребенка, по защите предпринимателей, а также по правам студентов, деятельность последнего не регламентирована Законом.

[2] В отдельных из них также учреждены должности уполномоченных по правам коренных малочисленных народов (Краснодарский край, Камчатский край, Республика Саха (Якутия), Республика Алтай и др.).

[3] В статье 103 Конституции России (пункт «е» часть 1) была установлена норма о том, что к ведению Государственной Думы относятся назначение на должность и освобождение от должности Уполномоченного по правам человека, действующего в соответствии с федеральным конституционным законом. Это конституционное положение фактически также заложило правовую основу порядка назначения уполномоченных по правам человека и в российских регионах, в части его назначения (избрания) законодательным органом субъекта РФ.

[4] Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», с изменен. и дополнен. // Официальный интернет-портал правовой информации – http://www.pravo.gov.ru.

[5] Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации», с изменен. и дополнен. // Официальный интернет-портал правовой информации – http://www.pravo.gov.ru; Федеральный закон от 27.12.2018 № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.

[6] Закон Тамбовской области от 29.01.2013 № 236-З «Об Уполномоченном по правам человека в Тамбовской области» (принят Постановлением Тамбовской областной Думы от 25.01.2013 № 689), с изменен. и дополнен. // Официальный интернет-портал правовой информации – http://www.pravo.gov.ru.

[7] В марте 2019 г. автор настоящей статьи был назначен Уполномоченным по правам человека в Тамбовской области на второй пятилетний срок.

[8] Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», с изменен. и дополнен. // Официальный интернет-портал правовой информации – http://www.pravo.gov.ru.

[9] Устав (Основной закон) Тамбовской области Российской Федерации (принят Постановлением Тамбовской областной Думы от 30.11.1994 № 84), с изменен. и дополнен. // Официальный интернет-портал правовой информации – http://www.pravo.gov.ru.

[10] Статья 24 Уголовно-исполнительного кодекса РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ, с изменен. и дополнен. // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.

Одним из основных принципов деятельности института регионального Уполномоченного по правам человека является то, что он выступает дополнительной гарантий государственной защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина и при этом не отменяет и не влечет пересмотра компетенции органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц[1].

Таким образом, Уполномоченный по правам человека не наделён какими-либо властными полномочиями, он не может «отдать приказ» органам власти или должностным лицам предпринимать юридически значимые действия либо издавать нормативно-правовые акты в защиту конкретных граждан или неопределенного круга лиц. В связи с этим, во многом определяющим в правозащитной деятельности является личный авторитет уполномоченного как среди граждан и представителей гражданского общества, так и во всех властных структурах и у должностных лиц. Именно поэтому, одним из важнейших положений всех законов об уполномоченных по правам человека является требование о том, что на должность уполномоченного назначается гражданин Российской Федерации, обладающий безупречной репутацией.

Личный авторитет, а также публичность деятельности уполномоченного по правам человека и постоянное использование современных медийных инструментов для привлечения общественного внимания к проблемам соблюдения и защиты прав человека и гражданина, позволяют уполномоченным в определенной мере компенсировать отсутствие властных полномочий в ходе реализации основных направлений государственной правозащитной деятельности. При этом очевидно и то, что авторитет и соответствующая поддержка со стороны граждан, общества и государственных структур не возникнут лишь в силу статуса, уполномоченный должен заслужить и постоянно поддерживать свой авторитет в ходе своей деятельности.

Так, в августе 2018 г. к Уполномоченному обратился многодетный отец Ж., воспитывающий троих малолетних детей (бывшая супруга Ж. решением суда была лишена родительских прав). Ранее супруги Ж. приобрели в ипотеку квартиру, получив кредит в ПАО «Сбербанк», при этом заявитель полагал, что молодой семье вполне по силу выполнить свои обязательства перед банком-кредитором, поскольку на покупку жилья можно было использовать средства федерального (в связи с рождением второго ребенка) и регионального (в связи с рождением третьего ребенка) материнского (семейного) капитала. Однако бывшая супруга Ж., преднамеренно и втайне от него, действуя не в интересах членов своей семьи и фактически грубо нарушая их права и законные интересы, реализовала средства федерального материнского капитала на покупку объекта недвижимости в одном из сёл Саратовской области, которое фактически непригодно для проживания. В итоге суд вынес решение о передаче купленной в ипотеку квартиры в собственность ПАО «Сбербанк», т. к. заявитель Ж. не смог в одиночку выполнять свои обязательства перед кредитором, который в свою очередь обратился в суд с иском о выселении семьи Ж., не имеющей другого жилища, из квартиры. Формально все в рамках действующего законодательства. При этом неоднократные обращения Уполномоченного в целях расторжения сделки о приобретении объекта недвижимости в Саратовской области за средства материнского капитала и их возврата, о признании незаконными действий бывшей супруги Ж. с возбуждением уголовного дела в различные органы и к должностным лицам к желаемым результатам не привели. В связи с этим, для разрешения возникшей крайне сложной ситуации многодетной семьи Уполномоченный провел встречи с руководством Тамбовского отделения ПАО Сбербанк, которое согласилось передать квартиру в собственность многодетного отца при внесении определенной суммы, размер которой был существенно снижен по сравнению с балансовой

[1] Закон Тамбовской области от 29.01.2013 № 236-З «Об Уполномоченном по правам человека в Тамбовской области» (принятый Постановлением Тамбовской областной Думы от 25.01.2013 № 689 с последующими изменениями), часть 3 статьи 1.

стоимостью квартиры, принятой банком в свою собственность. Однако и таких денег у многодетного отца не имелось. Поэтому Уполномоченным была фактически организована благотворительная акция и благодаря помощи всех неравнодушных людей необходимая сумма денег поступила на счет Тамбовского регионального отделения общероссийского общественного благотворительного фонда «Российский детский фонд». 19 сентября 2019 г., был заключен договор купли-продажи квартиры и, таким образом, проблема многодетной семьи в буквальном смысле остаться без крыши над головой была благополучно решена. Спасибо всем, кто воспринял беду семьи Ж. как свою и помог ей!

В связи с этим важно отметить, что признанный авторитет уполномоченного при отсутствие властных полномочий, а также независимость и неподотчетность уполномоченного перед каким-либо государственным органам и должностным лицам, позволяет ему выступать посредником между гражданами и властью, между гражданским обществом и государством и тем самым организовывать взаимодействие и сотрудничество между ними в целях обеспечения, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина. В том числе и для этого Закон[1], в качестве гарантий обеспечения деятельности, предоставляет Уполномоченному право быть безотлагательно принятым руководителями и другими должностными лицами органов государственной власти области, органов местного самоуправления, иных органов и организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, правом беспрепятственно посещать территориальные органы федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство РФ, а также организаций федерального подчинения и другими полномочиями.

Основными задачами регионального Уполномоченного по правам человека являются[2]: содействие в беспрепятственной реализации и восстановлению нарушенных прав и свобод человека и гражданина; совершенствование законодательства области в этой сфере; участие в правовом просвещении и разъяснении гражданам их прав и свобод, а также форм и методов их защиты; содействие развитию различных форм сотрудничества в области защиты прав человека.

Компетенция[3] регионального Уполномоченного предусматривает, в том числе*: проведение приемов* находящихся на территории Тамбовской области граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства; *рассмотрение их жалоб* по вопросам нарушения прав и свобод человека территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство РФ, а также организациями федерального подчинения, органами государственной власти области, органами местного самоуправления, их должностными лицами, областными государственными и муниципальными учреждениями[4]. Важно отметить, что рассмотрение указанных жалоб заявителей на решения или действия (бездействие) органов и должностных лиц предусмотрено в случае, если ранее заявитель обращался в эти органы или к должностным ли-

[1] Закон Тамбовской области от 29.01.2013 № 236-З «Об Уполномоченном по правам человека в Тамбовской области» (принятый Постановлением Тамбовской областной Думы от 25.01.2013 № 689 с последующими изменениями), статьи 10, 11.

[2] Там же, статья 3.

[3] Там же, статьи 9-12.

[4] Приемы граждан Уполномоченным, а также сотрудниками его аппарата осуществляются на постоянной основе во все рабочие дни недели. Кроме того, в целях обеспечения доступности, во всех муниципальных образованиях области Уполномоченный проводит выездные приемы граждан, которые заблаговременно информируются об этом в СМИ, в том числе через интернет – ресурсы. Как правило, к участию в таких приемах привлекаются компетентные должностные лица (главы муниципальных образований, сотрудники прокуратуры и др.). Также в течение календарного года проводятся приемы граждан во всех учреждениях стационарного социального обслуживания граждан, в учреждениях, исполняющих наказания и следственных изоляторах, расположенных на территории Тамбовской области.

цам, но не согласен с принятыми ими решениями, либо его обращение осталось без рассмотрения. В случае если заявитель ранее не обращался в органы власти, местного самоуправления или к должностным лицам, такое обращение в соответствии с требованиями законодательства будет направлено по компетенции, при этом, обращение гражданина будет оставаться на контроле в аппарате Уполномоченного до его окончательного рассмотрения по существу.

В случае принятия обращения к рассмотрению в органы власти, местного самоуправления или к должностным лицам направляются запросы на предоставление информации о том, как ранее было рассмотрено поступившее к ним обращение гражданина или по каким причинам оно не было рассмотрено вообще. При усмотрении нарушения прав граждан Уполномоченный принимает все необходимые и предусмотренные законодательством меры по их восстановлению и защите, в том числе может обратиться в органы прокуратуры, иные правоохранительные и государственные органы, наделенные специальной компетенцией или направить свое заключение, содержащее рекомендации относительно возможных и необходимых мер по восстановлению нарушенных прав и свобод человека и гражданина и предотвращению подобных нарушений в дальнейшем. Законом Тамбовской области от 29.01.2013 № 236-З предусмотрена и иная компетенция Уполномоченного, а также принятие других мер в целях защиты прав граждан, например, право законодательной инициативы в Тамбовской областной Думе по вопросам своего ведения, право обращения в суд в защиту прав, свобод и законных интересов граждан или неопределенного круга лиц в случаях, предусмотренных Кодексом административного судопроизводства РФ[1]. Уполномоченный имеет право получать объяснения должностных лиц и государственных служащих, запрашивать и получать сведения, документы и материалы, необходимые для рассмотрения жалоб, проводить самостоятельно или совместно с компетентными государственными органами проверку деятельности органов и организаций и их должностных лиц и другое.

Начиная с 2014 г., когда в Тамбовской области начал функционировать институт Уполномоченного по правам человека, ежегодно составляются и публикуются Доклады о деятельности Уполномоченного, о соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина в Тамбовской области, в которых не только дается оценка состояния и уровня защищенности конституционных прав граждан, но и содержатся рекомендации Уполномоченного органам власти, местного самоуправления и должностным лицам относительно возможных и необходимых мер по восстановлению нарушенных прав и свобод человека и гражданина и предотвращению подобных нарушений в дальнейшем.

Все рекомендации Уполномоченного основаны на результатах рассмотрения и анализа обращений граждан, иной информации и, тем самым, ежегодные и специальные доклады Уполномоченного обращают внимание органов власти и местного самоуправления, а также должностных лиц на существующие проблемы соблюдения и обеспечения прав граждан.

Указанные доклады ежегодно, не позднее 1 апреля, представляются в Тамбовскую областную Думу и главе администрации области. По поручению главы администрации Тамбовской области региональные органы исполнительной власти должны учитывать и использовать содержащиеся в докладах рекомендации Уполномоченного в своей работе.

Ежегодно к федеральному и к региональным уполномоченным по правам человека поступают десятки тысяч обращений граждан. Так, в 2018 г. поступило более 200 тыс. обращений, в том числе к федеральному уполномоченному более 40000 обращений[2]. В Тамбовской

[1] Статьи 40 и 218 Кодекса административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации – http://www.pravo.gov.ru.

[2] Москалькова Т.Н. Уполномоченные по правам человека в Российской Федерации в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина // Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина (региональное измерение): Сборник материалов международной научно-практической конференции. Владивосток: Уполномоченный по правам человека в Приморском крае, 2019. С. 5.

области начиная с 2016 г. к Уполномоченному поступает более 1000 обращений граждан ежегодно[1].

Анализ поступивших в 2014–2019 гг. к Уполномоченному по правам человека в Тамбовской области обращений граждан, показывает, что большинство жалоб затрагивают вопросы:

– соблюдения социальных и экономических прав граждан (жилищные и трудовые права, качество и доступность медицинской помощи, стоимость и качество коммунальных услуг, благоприятная окружающая среда и комфортные условия проживания и многое другое);

– соблюдения и обеспечения права на правосудие (обоснованность и справедливость приговоров и иных судебных решений, обоснованность отказов в возбуждении уголовного дела по заявлению о преступлении, а также решений о прекращении и приостановлении производства по делу и другое);

– соблюдения прав граждан, находящихся в местах принудительного содержания, а также по вопросам постпенитенциарной ресоциализации осужденных (обеспечение условий содержания, доступность медицинской помощи, отказы в переводе в другие исправительные учреждения, отсутствие специализированных учреждений для лиц без определенного места жительства и другое).

Важно отметить, что по результатам рассмотрения подавляющей части обращений граждан не устанавливается нарушений их прав, поскольку органы и должностные лица, как правило, действуют в правовом поле и в соответствии с имеющейся у них компетенцией, тогда как граждане часто находятся в своего рода добросовестном заблуждении о своём праве на получение каких-либо льгот, мер социальной поддержки, денежных выплат и т. п.

В то же время для торжества принципа справедливости и достижения благополучия граждан уполномоченный по правам человека в своей деятельности не может ограничиться только лишь констатацией того, что нарушений прав человека не установлено. Ни одно государство, в том числе и Россия, не имеют совершенного законодательства и не обладают безупречным (универсальным) механизмом правового регулирования многогранной общественной жизни, которая постоянно развивается и изменяется. К тому же, нередко бывает, когда с позиций действующего законодательства будет все правильным, но интересам граждан и всего общества в целом это может и не соответствовать.

Так, в ходе проведения личного приема граждан в Никифоровском районе Тамбовской области к Уполномоченному обратился житель района С. по вопросу оказания содействия в предоставлении его несовершеннолетнему сыну, являющемуся инвалидом по заболеванию «сахарный диабет 1 типа» расходных материалов к инсулиновой помпе, поскольку такие материалы (сменный резервуар для инсулина, подлежащей замене каждые 3 дня) не входят в перечень медицинских изделий, отпускаемых для больных сахарным диабетом бесплатно, при этом у них очень высокая стоимость, что сказывается на материальном положении семьи. Кроме того, как оказалось, такая ситуация затрагивает интересы десятков других семей.

В целях оказания содействия С. Уполномоченный обратился по существу затрагиваемых в обращении вопросов в управление здравоохранения Тамбовской области и Государственное учреждение – Тамбовское региональное отделение Фонда социального страхования РФ. Однако из ответов, полученных из указанных органов, следовало, что расходные материалы к инсулиновой помпе не включены в Перечень медицинских изделий при оказании медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, а также в перечень медицинских изделий, отпускаемых по рецептам на медицинские изделия при предоставлении набора социальных услуг. Также указанные расходные материалы не включены и в перечень технических средств реабилитации

[1] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека, о соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина в Тамбовской области в 2018 году // URL: https://ombudsman.tmbreg.ru/institut-upolnomochennogo/ (дата обращения 24.09.2019).

и услуг, представляемых инвалиду. Вместе с тем, Федеральным законом от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» предусмотрено право детей-инвалидов на получение государственной социальной помощи в виде набора социальных услуг. В этот набор включено обеспечение в соответствии со стандартами медицинской помощи необходимыми лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам на лекарственные препараты, медицинскими изделиями по рецептам на медицинские изделия, а также специализированными продуктами лечебного питания для детей-инвалидов. Таким образом, по мнению Уполномоченного, дети-инвалиды, страдающие сахарным диабетом, имеют право на получение необходимых медицинских изделий и расходных материалов к ним бесплатно. Усмотрев нарушение прав на гарантированное государством бесплатное оказание медицинской помощи, Уполномоченный обратился в Правительство РФ с просьбой рассмотреть и положительно решить вышеуказанную проблему. По результатам рассмотрения обращения инициатива Уполномоченного была поддержана Правительством РФ, которое издало соответствующее распоряжение (от 31.12.2018 г. № 3053-р), предусматривающее включение расходных материалов к инсулиновым помпам в перечень медицинских изделий, отпускаемых бесплатно по рецептам врача в рамках предоставления набора социальных услуг гражданам из числа инвалидов.

Учитывая объективные факторы постоянной изменчивости общественных процессов, а также несовершенства законодательства и правового регулирования в целом, уполномоченные по правам человека должны всегда «смотреть» немного вперед или в будущее и делать все возможное для торжества принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина.

Основным препятствием в надлежащей реализации прав граждан в нашей стране на сегодняшний день следует признать достаточно серьезное недофинансирование социальной сферы, в том числе по обязательствам, обеспечение которых непосредственно взяло на себя государство. Это в первую очередь затрагивает права граждан различных льготных категорий – дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, граждане с инвалидностью, многодетные семьи, пенсионеры и некоторые другие.

Проблема недофинансирования социальной сферы часто выражается и в том, что переданные ранее региональным властям и органам местного самоуправления различные полномочия (возложенные на них обязанности) – например, по обеспечению жильем малоимущих граждан, по строительству и поддержанию надлежащей дорожной инфраструктуры, по обеспечению городов и поселений питьевой водой, отвечающей санитарно-гигиеническим требованиям и многое другое в большинстве случаев не учитывают финансово-экономические возможности абсолютно подавляющего числа российских регионов и муниципалитетов.

Например, в 2016 г. Правительством РФ было издано Постановление от 09.07.2016 № 649[1], которым предусматривается обеспечение условий доступности жилых помещений и общего имущества в многоквартирном доме для нужд инвалидов, исходя из особенностей их заболеваний. Очень нужный и содержательный нормативный акт, его реализация будет во многом способствовать устранению «барьеров недоступности» для вовлечения инвалидов в полноценную жизнь по причине неприспособленности жилых помещений, в которых они проживают, с учетом нужд инвалидов. Однако указанное постановление имеет, на наш взгляд, серьезный недостаток – а именно то, что фактически на все мероприятия по адаптации жилых помещений инвалидов и общего имущества в многоквартирном доме не выделено никаких финансовых средств, все это опять-таки возложено на региональные власти и органы местного самоуправления, большинство из которых не имеют ресурсов для этого, несмотря на то, что Конвенция о правах инвалидов в 2012 г. была ратифицирована от имени

[1] Постановление Правительства РФ от 09.07.2016 № 649 «О мерах по приспособлению жилых помещений и общего имущества в многоквартирном доме с учетом потребностей инвалидов» (вместе с «Правилами обеспечения условий доступности для инвалидов жилых помещений и общего имущества в многоквартирном доме») // Официальный интернет-портал правовой информации – www.pravo.gov.ru.

Российской Федерации. В итоге, до настоящего времени, адаптация жилья под нужды инвалидов практически не осуществляется.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что действующий в России институт федерального и региональных уполномоченных по правам человека показывает свою востребованность и необходимость, он является достаточно эффективным механизмом в общей системе государственной защиты прав граждан, а также одним из элементов совокупной системы гражданского общества и государства по обеспечению, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина. Дальнейшее развитие института уполномоченных, в том числе в рамках принятия проекта федерального закона «Об общих принципах организации и деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации»[1], будет способствовать повышению эффективности правозащитной деятельности уполномоченных по правам человека. Например, в настоящий момент компетенция регионального уполномоченного не распространяется на территориальные органы федеральных министерств и ведомств, руководство деятельностью которых осуществляет Президент РФ (правоохранительные органы и «силовой блок»). В то же время, значительная часть жалоб, поступающих к уполномоченному в субъекте РФ, относится к деятельности указанных органов (полиция, исправительные учреждения и т. д.). Достаточно ограничены возможности регионального уполномоченного по правам человека и по самостоятельному использованию судебных форм защиты в интересах граждан. Принятие указанного законопроекта, возможно, будет способствовать устранению и этих пробелов.

Список литературы

1. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека, о соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина в Тамбовской области в 2018 году. // URL: https://ombudsman.tmbreg.ru/institut-upolnomochennogo/.

2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. – М.: Рус. яз., 2000. – В 2-х т. – 1209 с.

3. Москалькова Т.Н. Институт уполномоченных по правам человека в государственном механизме России // Административное право и процесс. – 2018. – № 12. – С. 52-59.

4. Москалькова Т.Н. О совершенствовании законодательного обеспечения деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 1. – С. 4-7.

5. Москалькова Т.Н. Уполномоченные по правам человека в Российской Федерации в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина // Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина (региональное измерение): Сборник материалов международной научно-практической конференции. – Владивосток: Уполномоченный по правам человека в Приморском крае, 2019. – 220 с.

6. Середа Е.В. Проблемы становления института уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации // Омбудсмен. – 2012. – № 1. – С.43-48.

7. Сунгуров А.Ю. Институт омбудсмена: эволюция традиций и современная практика (опыт сравнительного анализа). – СПб.: Норма, 2005. – 364 с.

List of references

1. *Doklad o deyatel'nosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka, o soblyudenii i zashchite prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Tambovskoy oblasti v 2018 godu.* – [Report on the activities of the Commissioner for Human Rights, on the observance and protection of human and civil rights and freedoms in the Tambov Region in 2018.] // URL: https://ombudsman.tmbreg.ru/institut-upolnomochennogo/.

2. Efremova T.F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyy.* – [The new dictionary of the Russian language. Intelligent and educational. – M.: Rus. Yaz., 2000. – In 2 volumes. – 1209 p.]

3. Moskalkova T.N. *Institut upolnomochennykh po pravam cheloveka v gosudarstvennom mekhanizme Rossii // Administrativnoye pravo i protsess.* – [Institute of Commissioners for Human Rights in the State Mechanism of Russia // Administrative Law and Process. – 2018. – № 12. – Pp. 52-59.]

[1] Принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ в первом чтении в текущем году.

4. Moskalkova T.N. *O sovershenstvovanii zakonodatel'nogo obespecheniya deyatel'nosti upolnomochennykh po pravam cheloveka v sub"yektakh Rossiyskoy Federatsii // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo.* [On improving the legislative support for the activities of human rights ombudsmen in the constituent entities of the Russian Federation // Constitutional and municipal law. – 2018. – № 1. – Pp. 4-7.]

5. Moskalkova T.N. *Vladivostok: Upolnomochennyy po pravam cheloveka v Primorskom kraye, 2019. – Upolnomochennyye po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii v mekhanizme obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Aktual'nyye voprosy obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina (regional'noye izmereniye): Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* – [Commissioners for human rights in the Russian Federation in the mechanism for ensuring the rights and freedoms of man and citizen // Actual issues of ensuring the rights and freedoms of man and citizen (regional dimension): Collection of materials of the international scientific and practical conference. – Vladivostok: Commissioner for Human Rights in the Primorsky Territory, 2019. – 220 p.]

6. Sereda E.V. *Problemy stanovleniya instituta upolnomochennogo po pravam cheloveka v sub"yektakh Rossiyskoy Federatsii // Ombudsmen.* – [Problems of formation of the institution of the Commissioner for Human Rights in the subjects of the Russian Federation // Ombudsman. – 2012. – № 1. – P. 43-48].

7. Sungurov A.Yu. *Institut ombudsmena: evolyutsiya traditsiy i sovremennaya praktika (opyt sravnitel'nogo analiza).* – [Ombudsman Institute: evolution of traditions and modern practice (comparative analysis experience). – St. Petersburg: Norma, 2005. – 364 p.]

УДК 340

Александр Васильевич Малько,
директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, главный научный сотрудник
Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
E-mail: i_gp@ssla.ru

Alexandr Vasilievich Malko,
Director of Saratov affiliated Branch of State and Law Institute, Russian Academy of Science,
chief research scientist at the Scientific Research Institute for State – Legal Research of Tambov State University
named after G.R. Derzhavin, Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Science of the Russian Federation

ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЮ

В статье рассматривается категория «правовая жизнь» в качестве формы социальной жизни. Устанавливается закономерная связь развития общественных отношений и права, изменений и новаций в социальной жизни и правовой жизни. Оценивается влияние на правовую жизнь общества таких новых феноменов, как «искусственный интеллект», «роботизация», «цифровые технологии». Констатируется важная роль междисциплинарного подхода для изучения осуществляемых новаций в современной социально-правовой жизни.

Ключевые слова: право, правовая жизнь общества, искусственный интеллект, роботизация, цифровые технологии, междисциплинарный подход.

LEGAL LIFE OF THE SOCIETY: INTERDISCIPLINARY APPROACH TO ITS RESEARCH

The article considers the category of «legal life» as a form of social life. A regular relationship is established between the development of social relations and law, changes and innovations in social life and legal life. The impact of such new phenomena as «artificial intelligence», «robotization», «digital technology» on the legal life of society is evaluated. The important role of an interdisciplinary approach to the study of ongoing innovations in modern social and legal life is stated.

Keywords: law, legal life of society, artificial intelligence, robotics, digital technologies, interdisciplinary approach.

На рубеже XX–XXI веков в юриспруденцию стала активно вводиться категория «правовая жизнь», под которой понимают форму социальной жизни, выражающуюся преимущественно в правовых актах и иных проявлениях права (в том числе и негативных), характеризующую специфику и уровень правового развития данного общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов[1].

Категория «правовая жизнь» приобретает все большую научную и практическую значимость. Именно она призвана отражать сложноразвивающуюся и противоречивую юридическую действительность, неразрывную связь многообразных правовых явлений со всеми другими сферами жизнедеятельности общества – экономической, политической, нравственной, религиозной и т. п.

Как однопорядковое понятиям общественной, экономической, культурной, духовной, религиозной жизни, понятие правовой жизни используется для обобщенной оценки правовой обстановки в конкретно-исторических условиях, правового поведения социальных групп,

[1] См. подробнее: Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы. М., 2000. С. 35; Он же. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. 2001. № 5; Он же. Теория правовой политики. М., 2012. Гл. 3; Малько А.В., Трофимов В.В. Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации. М., 2018. С. 56.

слоев и отдельной личности. Правовая жизнь позволяет оценивать условия, в которых она существует и детерминирующие ее факторы: тип правовой системы, состояние законодательства, уровень правовой культуры и правовой активности, правовой менталитет общества и его отдельных общностей, режим законности и правопорядка, в целом правовую атмосферу общества, правовые ожидания и реальное поведение людей в правовой сфере, характер действия права, отношение власти к праву и т. д.[1]

Без глубокого исследования категории «правовая жизнь» невозможно в полной мере понять само право, его истоки, причины становления, логику развития.

Однако исследовать правовую жизнь – дело непростое. Это междисциплинарная категория, требующая к себе и соответствующих подходов. Междисциплинарный подход нужно здесь применять и по той простой причине, что категория «правовая жизнь» основывается на категории «социальная жизнь», а последняя – на общеродовой категории «жизнь». Иными словами, междисциплинарность правовой жизни вполне очевидна, ибо она базируется на общем междисциплинарном понятии «жизнь», которая изучается самыми разными науками: физикой, биологией, химией, философией, социологией, психологией и многими другими.

Правовая жизнь общества (как, впрочем, и всякая иная) усложняется: она включает в себя все новые и новые элементы, которые не входили в нее прежде.

Если говорить о сегодняшней правовой жизни общества, то нельзя не отметить все возрастающую роль в ней систем искусственного интеллекта, роботизации, других технологий. Верно подмечено в литературе, что проникновение в современную правовую жизнь «совершенно новых явлений (таких как права роботов, блокчейн, криптовалюта, цифровая торговля, беспилотные автомобили) ставит перед юристами задачи адекватного правового регулирования, разработки новейшего законодательства, а значит, переосмысления традиционных правовых концепций, создания новых исследовательских и образовательных программ»[2].

Возьмем для примера только одну из разновидностей юридической деятельности – правоинтерпретационную, и покажем, как меняется ситуация в связи с введением в нее новых технологий (и, прежде всего, систем искусственного интеллекта). В частности, крупнейшие финансовые корпорации, кредитные организации, органы государственной власти все чаще доверяют работу, связанную с правовыми рисками, искусственному интеллекту. Такие международные события, как увеличение международной цифровой трансформации бизнеса, расширение экономики совместного потребления, рост капитализации – довольно давно стали частью глобальной человеческой жизни[3]. Этому способствует принятие огромного количества нормативных правовых актов, регулирующих отношения множества стран друг с другом. Компании, выходя на международный рынок, вынуждены изучать международные конвенции и законодательство стран-партнеров. Образуется большой массив правовой информации, который требует анализа и толкования. Выполнение данной задачи, зачастую, возлагается на искусственный разум.

Ученые из Стэнфордского университета провели исследование результатов интерпретационной деятельности практикующих юристов и искусственного интеллекта. Сущность данного соревнования заключалась в том, что участникам требовалось изучить текст соглашения о неразглашении информации и дать толкование отдельным его пунктам. Искусственный интеллект истолковал необходимые пункты соглашения с итоговой точностью в 95%, в то время как практикующие юристы добились точности толкования не более 85%.

[1] См.: Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права. М., 2003. С. 396.

[2] Соколова А.А. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Юридическая техника. Риски в законотворчестве, правореализации, юридической науке: техника формирования и функционирования системы управления. 2019. № 13. С. 356.

[3] См.: Шушкин Д. Робот и закон. Как искусственный интеллект помогает бизнесу соответствовать требованиям регуляторов. URL: https:// www/forbes/ru (дата обращения 22.04.2018г.).

Кроме того, искусственный разум справился с работой за 26 секунд, а практикующие юристы потратили более полутора часов[1].

При таком бурном развитии событий возникает вопрос – может ли искусственный интеллект полностью заменить человека в официальном толковании норм права? На наш взгляд, это вряд ли получится. Все дело в том, что машина может работать лишь по стандартным схемам, в то время как толкование права – процесс, не всегда вписывающийся в очерченные стандарты. Искусственный разум может допускать интерпретационные ошибки, конечное слово в исправлении которых все равно будет за человеком. Однако, несмотря на это, все же следует признать, что уровень развития искусственного интеллекта в толковании норм права уверенно повышается. Это свидетельствует о том, что ему можно доверить выполнение несложных (однотипных) задач в толковании норм права и уже сейчас назревает возможность постепенного переключения внимания субъектов правоинтерпретационной деятельности от рутинной работы к решению более сложных задач в интерпретационной сфере юридической деятельности[2].

Несомненно, время требует автоматизации и некоторых технических функций, присущих тем или иным юридическим профессиям (например, помощника судьи, юриста, нотариуса, секретаря судебного заседания и других).

С появлением искусственного интеллекта правовая жизнь общества становится, с одной стороны, более технологичной и автоматизированной, а с другой, менее в формально-юридическом смысле определенной и организованной (многие отношения пока просто не урегулированы, либо упорядочены частично, либо противоречивым образом). С включением в правовую жизнь общества, в частности, искусственного интеллекта, возникает проблема детального анализа данного процесса и многих других вопросов, которые возникают вместе с этим.

Отсюда роль междисциплинарного подхода резко возрастает в исследовании подобных новаторских явлений. Более того, междисциплинарный подход в изучении правовой жизни общества выходит на новый уровень, ибо здесь уже без соответствующих технических знаний просто не обойтись.

Перед юридической наукой все актуальнее становится задача глубокого и всестороннего междисциплинарного анализа результатов «вхождения» в правовую жизнь общества систем искусственного интеллекта. Принципиально важным является тот факт, что современные гуманитарные исследования должны осуществляться на когнитивной основе, что предполагает проведение научного поиска на междисциплинарном уровне – в области когнитивной юриспруденции, включающей в себя проведение исследований в различных областях научного знания: философии сознания, психологии, лингвистики и других.

Все это позволит выявить новые грани правового бытия, раскрыть весьма ценные детали участия искусственного интеллекта в разнообразных сферах юридической реальности, исследовать процессы, сопряженные с тенденциями развития правовой жизни общества, что выступает одним из приоритетных направлений эволюции современной науки.

В литературе справедливо помечено, что «требование времени – формирование междисциплинарных научных направлений, находящихся в непривычной для нас среде: юридические науки и IT-технологии. Использование передовых технологий искусственного интеллекта не только расширяет возможности решения вопросов глобального юридического характера, но и позволит переводить на «язык цифр» многие площадки правовой повседневности»[3].

---

[1] См.: Симонов А. Сломанные шаблоном. Скоро машины займут 50 процентов рабочих мест // Российская газета. 2018. 6 марта.

[2] См. подробнее: Малько А.В., Терехов Е.М. Интерпретационная правовая политика в современной России в условиях глобализации и регионализации. М., 2018. С. 101-102.

[3] Соколова А.А. Указ. соч. С. 356.

Включение систем искусственного интеллекта в правовую жизнь общества приводит как к усложнению имеющихся юридических связей, так и к более сложной методологии их исследования. Учитывая тот факт, что многочисленные сферы нашего бытия все более тесно взаимодействуют между собой, взаимодополняют порой друг друга и соединяются в некие новые образования (в частности, на стыке техники и права, биологии и права и т. п.), следует отметить и все более нарастающую тенденцию, связанную с дальнейшей интеграцией разных наук, которые данные процессы призваны исследовать. Другими словами, под влиянием процессов, происходящих в нашей действительности, происходит и соответствующий синтез технических, естественных и гуманитарных наук.

Вместе с тем, «следует различать виды правовой деятельности в силу своей технической вспомогательной природы, поддающиеся автоматизации и компьютеризации, и интеллектуально насыщенные, когнитивные, требующие интерпретации, аналитики, принятия решений и многие иные мыслительные навыки и компетенции в сфере правовой жизни, не подвластные искусственному интеллекту в ближайшем будущем, не допускающие его активное «соучастие» с интеллектом естественным»[1].

Однако все то, что «подвластно» искусственному интеллекту необходимо своевременно упорядочивать, создавать условия для системной, последовательной и научно обоснованной деятельности в этой области. Речь идет о правовой политике современной России в сфере искусственного интеллекта.

Считаю, что здесь необходим свой проект Концепции российской правовой политики, который будет выступать своеобразным доктринальным документом в вышеназванной сфере.

Подобная Концепция станет научной основой для модернизации законодательства и правореализационной практики в области искусственного интеллекта, позволит более комплексно применять юридический инструментарий, задействовать недостаточно используемые юридические средства.

Разрабатывая доктрину правового регулирования искусственного интеллекта в современной России, важно, используя метод сравнительного анализа, детально изучить имеющийся иностранный опыт в этой сфере. А он уже имеет место быть.

В различных странах «вырисовывается» тенденция законодательного упорядочения отношений в области искусственного интеллекта, создаются даже государственные и неправительственные структуры. Так, 16 февраля 2017 года принята Резолюция Европарламента «Нормы гражданского права о робототехнике», констатирующая, что возможности искусственного интеллекта могут превзойти интеллектуальные способности человека. Ставится проблема о статусе «электронных лиц» с конкретными правами и обязанностями. В британском парламенте создана парламентская группа по искусственному интеллекту, принявшая решение о необходимости создания должности министра искусственного интеллекта. В Германии принят закон «О внесении поправок в Венскую конвенцию о дорожном движении» от 13 декабря 2016 года, допускающий использование автоматизированных технологий вождения. В Эстонии действует закон, регламентирующий правила передвижения роботов–курьеров. Законодательные нормы о пределах использования роботов и контроля над их применением приняты в Норвегии, в половине штатов США[2].

Определенные инициативы юридического характера появляются и в России. Например, в статье 29 Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте, разработанные А. Незнамовым и В. Наумовым, предпринята попытка предложить международному сообществу подходы к унификации понятий столь сложной и динамичной сферы. Также мероприятия в области искусственного интеллекта обозначены в Программе «Цифровая эконо-

[1] Соколова А.А. Указ. соч. С. 355.

[2] См. подробнее об этом: Тычинин С.В. Гражданское право и новые технологии // Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства: Материалы Международной научно-практической конференции (Белгород, 18–19 мая 1018 г.). Белгород, 2018. С. 78.

мика Российской Федерации» от 28 июля 2017 года, «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» от 9 мая 2017 года[1]. Совсем недавно, в июне 2019 года, Минкомсвязь России совместно со Сбербанком и экспертным сообществом подготовили проект Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, который будет уже отдельным самостоятельным федеральным проектом[2].

Кроме того, российские эксперты предлагали принять основы законодательства о киберфизических системах, закон о разумных роботах и другие.

Учитывая зарубежный и отечественный опыт правового упорядочения отношений, связанных с искусственным интеллектом, важно в данной Концепции предложить требуемые временем «правила игры», способные эффективно организовать обозначенную сферу нашей жизнедеятельности. И здесь не уйти от ответов на поставленные новой реальностью вопросы. Так, разработка умных машин, способных самостоятельно принимать решение и обучаться, ставит проблему косвенного влияния искусственного интеллекта как на общество в целом, так и на конкретных лиц (граждан и организаций). Наиболее же революционной и вызывающей многочисленные дискуссии является идея / обсуждение вопроса о правосубъектности робота (можно ли робота признать субъектом права?[3]).

Вместе с тем, как верно подчеркивается в литературе, еще явно недостаточно специальных правовых норм, прямо регулирующих применение робототехники и искусственного интеллекта[4].

В частности, если говорить о правотворчестве, то необходимо принимать регламенты использования новых технологий, соответствующие международным стандартам, в нормативных правовых актах нужно выстраивать новую систему действенных правовых стимулов и правовых ограничений в сфере искусственного интеллекта.

Меры правового стимулирования могут создавать и обеспечивать благоприятные правовые режимы, поощрять, льготно поддерживать полезные для общества инициативы, инновационные идеи, связанные с использованием искусственного интеллекта в правовой системе. Например, в гражданском праве уже созданы различные институты, направленные на поддержку и развитие новых технологий: право интеллектуальной собственности; договоры, направленные на создание, использование и охрану объектов интеллектуальной собственности; субъекты, осуществляющие технологические процессы и т. п. Естественно, на этом останавливаться нельзя и важно предлагать другие стимулирующие меры.

Безусловно, наряду со стимулирующими юридическими средствами нельзя забывать и об ограничивающих юридических инструментах (обязанностях, запретах, приостановлениях, ответственности и т. п.). Причем они должны быть задействованы в комплексе с нравственными требованиями. Постепенно приходит осознание необходимости принятия ограничительных норм права, устанавливающих юридические рамки защиты персональных данных, уважения человеческого достоинства, самостоятельности и самоопределения индивида, ответственности за причинение вреда (имущественного и неимущественного) при внедрении новых технологий. Меры правового ограничения будут весьма полезными в области охраны и защиты прав граждан и юридических лиц от вредоносного воздействия умных машин.

---

[1] См.: Тычинин С.В. Указ. соч. С. 78–79.

[2] См.: Кривошапко Ю. Все коды записаны. Подготовлена стратегия развития искусственного интеллекта // Российская газета. 2019. 21 июня; она же. Экономике добавят разума. Компьютерный интеллект встроят в госуправление // Российская газета. 2019. 4 июля.

[3] См.: Тычинин С.В. Указ. соч. С. 79; Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24-48; Кибальник А.Г. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4. С. 173-178.

[4] См.: Летута Т.В., Сотникова Ю.В. Гражданско-правовые аспекты применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Академический юридический журнал. 2019. № 1. С. 13.

В доктринальном документе нужно предложить и решение проблем, связанных с образованием, которое необходимо перестраивать в несколько этапов, что должно найти свое отражение в образовательных стандартах.

1. Обучение грамотной работе с информацией важно начинать не в средней школе, а как можно раньше, хотя бы теоретически, чтобы к подростковому возрасту необходимая модель поведения в сетевом пространстве была уже сформирована. Эту часть курса назовем условно «Информационная грамотность». Содержание курса информатики также нуждается в пересмотре в сторону преподавания правил социального взаимодействия в сетевом пространстве и критического отношения к отбору информации в сети, а не морально устаревших методов программирования, делающих этот предмет неинтересным даже для тех обучающихся, кто увлекается информатикой.

2. Вторым этапом подготовки юридических кадров нового поколения должны стать соответствующие курсы в средне-специальных и высших учебных заведениях. Мы уже столкнулись с тем, что информатика и информационная безопасность были убраны из стандарта по юриспруденции, а информационное право находится в вариационном блоке предметов, то есть его наличие и объем организация определяет самостоятельно[1]. Такой подход к информационному блоку дисциплин вызывает несерьезное отношение к информатике и информационным технологиям как у студентов, так и у самих преподавателей, и никак не соответствует тезисам федеральных программ, связанным с цифровизацией.

Здесь, безусловно, необходимо пересматривать стандарты, причем минимум в 2 захода:

во-первых, на более ранней стадии модернизации важно увеличить объем и количество дисциплин «информационного блока»;

во-вторых, стоит прекратить рассматривать юриспруденцию как чисто гуманитарную специальность, включив в компетенции умение работать с современными информационными технологиями и добавив предметы, развивающие алгоритмическое мышление обучающихся и формирующие у будущих специалистов способность работать в сотрудничестве с представителями технических специальностей. Мы далеки от мысли, что юрист должен стать программистом, но общее понимание технологий и основ их работы должно быть. Стоит также ввести специализацию для юристов, работающих именно в сфере информационных технологий (например, с защитой интеллектуальных прав в этой сфере).

3. Тестирование выпускников вузов на знание LegalTech. В корпоративных юридических департаментах уже сегодня задумываются о том, как оценить уровень технологической подготовки сотрудника. Отдельными IT-компаниями предлагается специальный софт для оценки компетенций, измеряющий скорость выполнения данного сотруднику задания[2]. Первоначально можно сделать прохождение такого теста необязательным, с выдачей отдельного сертификата, дающего обучающемуся преимущества при поступлении на работу (при последующем трудоустройстве по отдельным специальностям можно сделать наличие сертификата обязательным).

4. Для практикующих юристов, уже получивших образование, необходимо проводить курсы повышения квалификации, причем именно по работе с LegalTech[3].

Подобные предложения в определенной мере «перекликаются» с высказанным в литературе следующим мнением: «В стратегии юридической образовательной политики акценты следует, во-первых, поставить на изучение современных информационно-коммуникацион-

[1] Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата): приказ Минобрнауки России от 01.12.2016 № 1511 (ред. от 11.01.2018) // Доступ из СПС «КонсультатПлюс».

[2] См.: Код юриста: где заканчивается юриспруденция и начинается ИТ // Право. RU. URL: https//pravo.ru/story/view/134144 (дата обращения: о1.02.2019).

[3] См. об этом подробнее: Малько А.В., Солдаткина О.Л. Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 5-19.

ных технологий; во-вторых, на подготовку элитарной группы специалистов, обладающих знаниями и компетенциями юриста и IT-специалиста, способных совместными усилиями разрабатывать цифровые программы, алгоритмы, другие продукты, наиболее эффективно влияющие на результаты юридической деятельности. Развитие технико-гуманитарной подготовки юристов-интеллектуалов усилит их вклад в филигранную сферу юриспруденции и будет минимизировать риски, связанные с внедрением в экосистему искусственного интеллекта»[1].

В проекте Концепции нужно предложить и новые подходы в правовом просвещении в области искусственного интеллекта в отношении широкого круга граждан.

Таким образом, проект Концепции российской правовой политики в области искусственного интеллекта сможет выступить доктринальным документом, способным оказать «научное содействие» правотворческим, правоприменительным и образовательным структурам.

В целом же можно отметить, что уже только на примере новаций правовой жизни с искусственным интеллектом видно, насколько важно сегодня применять междисциплинарный подход для ее исследования, поскольку только на этой основе допустимо своевременно предложить необходимый юридический инструментарий с целью упорядочения все более усложняющихся отношений правовой жизни общества.

Список литературы

1. Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 24-48.

2. Гойман–Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права. – М.: КолосС, 2003. – 544 с.

3. Кибальник А.Г. Искусственный интеллект: вопросы уголовно–правовой доктрины, ожидающие ответов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4. – С. 173-178.

4. Кривошапко Ю. Все коды записаны. Подготовлена стратегия развития искусственного интеллекта // Российская газета. – 2019. – 21 июня.

5. Кривошапко Ю. Экономике добавят разума. Компьютерный интеллект встроят в госуправление // Российская газета. – 2019. – 4 июля.

6. Летута Т.В., Сотникова Ю.В. Гражданско-правовые аспекты применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Академический юридический журнал. – 2019. – № 1. – С. 12-18.

7. Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 5-13.

8. Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы. – М.: Издательская группа «Юрист», 2000. – 315 с.

9. Малько А.В. Теория правовой политики. – М.: Юрлитинформ, 2012. – Гл. 3. – 328 с.

10. Малько А.В., Солдаткина О.Л. Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации //Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 5-19.

11. Малько А.В., Терехов Е.М. Интерпретационная правовая политика в современной России в условиях глобализации и регионализации. – М.: Юстиция, 2018. – 146 с.

12. Малько А.В., Трофимов В.В. Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации. – М.: Кнорус, 2018. – 236 с.

13. Симонов А. Сломанные шаблоном. Скоро машины займут 50 процентов рабочих мест // Российская газета. – 2018. – 6 марта.

14. Соколова А.А. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Юридическая техника. Риски в законотворчестве, правореализации, юридической науке: техника формирования и функционирования системы управления. – 2019. – № 13. – С. 350-356.

15. Тычинин С.В. Гражданское право и новые технологии // Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства: Материалы Международной научно-практической конференции (Белгород, 18–19 мая 1018 г.). – Белгород: ГиК, 2018. – 424 с.

16. Шушкин Д. Робот и закон. Как искусственный интеллект помогает бизнесу соответствовать требованиям регуляторов. URL: https:// www/forbes/ru (дата обращения 22.04.2018 г.).

[1] Соколова А.А. Указ. соч. С. 356.

List of references

1. Gadzhiev G.A., Voinikanis E.A. *Mozhet li robot byt' sub"yektom prava? (poisk pravovykh form dlya regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki) // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Can a robot be a subject of law? (The search for legal forms for regulating the digital economy) // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2018. – № 4. – Pp. 24-48]

2. Goyman – Kalinsky IV, Ivanets G.I., Chervonyuk V.I. Elementarnyye nachala obshchey teorii prava. [Elementary principles of the general theory of law. – M.: KolosS Publ., 2003. – 544 p.]

3. Kibalnik A.G. *Iskusstvennyy intellekt: voprosy ugolovno–pravovoy doktriny, ozhidayushchiye otvetov // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii.* [Artificial intelligence: questions of criminal law doctrine awaiting answers // Jurisprudence and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 4. – Pp. 173-178.]

4. Krivoshapko Yu. *Vse kody zapisany. Podgotovlena strategiya razvitiya iskusstvennogo intellekta // Rossiyskaya gazeta* [All codes are recorded. Prepared a strategy for the development of artificial intelligence // Russian newspaper. – 2019. – June 21.]

5. Krivoshapko Yu. *Ekonomike dobavyat razuma. Komp'yuternyy intellekt vstroyat v gosupravleniye // Rossiyskaya gazeta* [The economy will add reason. Computer intelligence will be built into government // Russian newspaper. – 2019. – July 4.]

6. Letuta T.V., Sotnikova Yu.V. *Grazhdansko-pravovyye aspekty primeneniya sistem iskusstvennogo intellekta i robototekhniki // Akademicheskiy yuridicheskiy zhurnal* [Civil law aspects of the use of artificial intelligence systems and robotics // Academic Law Journal. – 2019. – № 1. – Pp. 12-18.]

7. Malko A.V. *Kategoriya «pravovaya zhizn'»: problemy stanovleniya // Gosudarstvo i pravo* [Category «legal life»: problems of formation // State and Law. – 2001. – № 5. – Pp. 5-13.]

8. Malko A.V. *Politicheskaya i pravovaya zhizn' Rossii: aktual'nyye problemy.* [Political and legal life of Russia: actual problems. – M .: Publishing group «Yurist», 2000. – 315 p.]

9. Malko A.V. *Teoriya pravovoy politiki.* [Theory of legal policy. – M .: Yurlitinform Publ., 2012. – P. 3. – 328 p.]

10. Malko A.V., Soldatkina O.L. *Prioritety rossiyskoy pravovoy politiki i izmeneniya prava v usloviyakh tsifrovizatsii // Zhurnal rossiyskogo prava.* [Priorities of Russian legal policy and changes in law in the context of digitalization // Journal of Russian Law. – 2019. – № 9. – Pp. 5-19.]

11. Malko A.V., Terekhov E.M. *Interpretatsionnaya pravovaya politika v sovremennoy Rossii v usloviyakh globalizatsii i regionalizatsii.* [Interpretative legal policy in modern Russia in the context of globalization and regionalization]. – M.: Justice, 2018. – 146 p.]

12. Malko A.V., Trofimov V.V. *Pravovaya zhizn' obshchestva kak ob"yekt pravovoy politiki v usloviyakh globalizatsii i regionalizatsii.* [The legal life of society as an object of legal policy in the context of globalization and regionalization. – M.: Knorus, 2018. – 236 p.]

13. Simonov A. *Slomannyye shablonom. Skoro mashiny zaymut 50 protsentov rabochikh mest // Rossiyskaya gazeta.* [Broken pattern. Soon cars will occupy 50 percent of jobs // Rossiyskaya Gazeta. – 2018. – March 6th.]

14. Sokolova A.A. *Iskusstvennyy intellekt v yurisprudentsii: riski vnedreniya // Yuridicheskaya tekhnika. Riski v zakonotvorchestve, pravorealizatsii, yuridicheskoy nauke: tekhnika formirovaniya i funktsionirovaniya sistemy upravleniya*. [Artificial intelligence in jurisprudence: risks of implementation // Legal technique. Risks in lawmaking, law enforcement, legal science: a technique for the formation and functioning of a management system. – 2019. – № 13. – Pp. 350-356.]

15. Tychinin S.V. *Grazhdanskoye pravo i novyye tekhnologii // Yurisprudentsiya kak integrativnyy fenomen sovremennogo rossiyskogo obshchestva i gosudarstva: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Civil law and new technologies // Jurisprudence as an integrative phenomenon of modern Russian society and the state: Materials of the International scientific-practical conference (Belgorod, May 18–19, 1018). – Belgorod: GiK, 2018. – 424 p.]

16. Shushkin D. *Kak iskusstvennyy intellekt pomogayet biznesu sootvetstvovat' trebovaniyam regulyatorov.* [Robot and law. How artificial intelligence helps businesses meet regulatory requirements. URL: https://www.forbes.ru/ (accessed April 22, 2018)].

УДК 303.03

Ольга Борисовна Ионайтис,
заведующий кафедрой философии и социологии
Уральского государственного юридического университета,
доктор философских наук, профессор
E-mail: ionaitis@yandex.ru

Olga B. Ionaitis,
Head of the Department of Philosophy and Sociology,
Ural State Law University,
Doctor of Philosophy, Professor

ФИЛОСОФСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются основные положения философской герменевтики и возможности ее использования для исследовательской работы в сфере юриспруденции, приводятся примеры применения философской герменевтики в практической деятельности юристов прошлого. Уделяется внимание необходимости и общего дискурса изучения философской герменевтики в юридическом вузе в рамках дисциплин гуманитарного цикла.

Ключевые слова: философская герменевтика, правовая реальность, юридическое образование, философия права, юридическая герменевтика.

PHILOSOPHICAL HERMENEUTICS ABOUT THE POSSIBILITIES INTERPRETATIONS OF LEGAL REALITY

The article discusses the main provisions of philosophical hermeneutics and the possibility of its use for research work in the field of jurisprudence, provides examples of the application of philosophical hermeneutics in the practice of lawyers of the past. Attention is paid to the necessity and the General discourse of the study of philosophical hermeneutics in law school within the disciplines of the Humanities.

Key words: philosophical hermeneutics, legal reality, legal education, philosophy of law, legal hermeneutics.

Заявленная тема многоаспектна и может быть рассмотрена в различных дискурсах. Рассмотрение вопроса о возможностях использования философской герменевтики в гуманитарном и других видах познания насчитывает уже не одно столетие, но сегодня это не только теоретический вопрос для философов, в том числе – занимающихся проблемами философского осмысления правовой реальности, но и актуальный вопрос для преподавателя дисциплин гуманитарного цикла в юридическом вузе. В Уральском государственном юридическом университете на кафедре философии и социологии преподается цикл дисциплин: логика, философия, социология, профессиональная этика, философия права, юридическая герменевтика, история и философия науки. Дисциплины кафедры преподаются на всех уровнях обучения: бакалавриат, магистратура, специалитет, аспирантура. И в каждой из дисциплин тема философской герменевтики присутствует достаточно объемно и это не удивительно. Значение освоения герменевтики студентом-юристом переоценить сложно, будущая его профессия, а также перспективы научной деятельности в области юриспруденции ставят перед ним задачи, успешно решать которые с неизбежностью придется, используя философскую герменевтику. Можно согласиться с мнением, что «…современное юридическое образование должно найти достойные ответы на вызовы современного, уже даже не неклассического, а постнеклассического мира, в котором на первый план выходят не просто знания, а смыслы, не просто информация, а умение работать с информацией. Философия изначально выполняла функцию, позволяющую преодолеть междисциплинарные барьеры. В отношении формирования личности юриста подобную функцию, по-видимому, должна выполнять философия

права, но построенная на современных концепциях»[1]. Нам думается, что указанную функцию должна играть не только философия права, но и весь блок философских дисциплин, преподаваемых студенту-юристу.

Юрист работает с текстом и с реальностью, породившей этот текст, существующей относительно текста в качестве контекста, порой даже определяющей собственного исследователя. Как работать с таким текстом? Текст дан, но как понять контекст и как отражается в этом познании познающий? Субъективное и объективное в юридическом познании переплетены теснейшим образом: «Исследователь становится спрашиванием и беседой, то есть диалогом. Природу мы не спрашиваем, и она нам не отвечает. Мы ставим вопросы себе и определенным образом организуем наблюдение или эксперимент, чтобы получить ответ. Изучая человека, мы повсюду ищем и находим знаки и стараемся понять их значение»[2].

Но на этом диалог познающего и познаваемого не заканчивается: познавая мир человека, его действий, текстов, им созданных, эпоху, сформировавшую явление, нами исследуемое, исследователь вступает в диалог с собой и «…мы подходим здесь к переднему краю философии языка и вообще гуманитарного мышления»[3]. Современный юрист в своей профессиональной деятельности все более и более сталкивается с проблемами, разрешение которых предполагает не просто хорошее гуманитарное образование, но и владение практикой и методикой толкования текстов, понимание диалога с собой и рассматриваемым объектом, способность стать единым целым с исследуемым объектом, а затем отстраниться на расстояние для объективной оценки.

Есть еще один аспект, который нужно учитывать, определяя значимость философской методологии для юриста. Верно отмечено, что «… характерной особенностью гуманитарного познания является также то, что в гуманитарных науках проблемы адекватности знания и его неистинности разделены, критерии адекватности и истинности знания не совпадают»[4]. Объективно-истинное знание составляет ядро, но чтобы стать окончательно знанием, еще нужно дополнить выводы информацией многих сопутствующих фрагментов, которые для естествознания, например, не важны (культурно-исторический контекст, языковые характеристики, психологические, мировоззренческие, жизненные установки исследователя и т. д.). Но как эта сопутствующая информация важна для гуманитария, и как она важна для юриста. Например, типичный прием речи адвоката: «…но, не вдаваясь в подробный разбор его (рассматриваемый вопрос. – *О. И.*), я постараюсь только передать вам, господа присяжные, мое убеждение в правоте этого дела и если мне это удастся, то задача моя будет исполнена»[5].

Какова цель исследования текста в гуманитарных науках? Построение его модели – «…модель представляет собой теоретическую реконструкцию текста с целью наиболее точного воспроизведения смысла текста, вложенного в него автором (объективно-истинная интерпретация), и придания ему дополнительного (нового) смысла»[6]. К указанному нужно добавить, что «новый смысл, привносимый в реконструкцию текста интерпретатором, является необходимым моментом “сотворчества” автора и интерпретатора»[7]. Такая логика познания присуща гуманитарному знанию. Но она присуща и юридической практике. Без освоения законов философского познания невозможна работа в юридической сфере. Одним из самых типичных и иллюстративных примеров нашим суждениям могут быть судебные речи[8].

[1] Демина Л.А. Герменевтические горизонты и плоскости: поле смыслов // Философия права: концептуальные основы преподавания в юридических вузах: монография / Под ред. Л.А. Деминой. М., 2019. С. 106.

[2] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 292.

[3] Там же. С. 298.

[4] Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. С. 132.

[5] Арсеньев А.К. Дело Мясниковых // Судебные речи известных русских юристов: В 2 ч. Ч. 2. М., 2019. С. 10.

[6] Кузнецов В.Г. Указ. соч. С. 133.

[7] Там же.

[8] Например, см.: Судебные речи известных русских юристов: в 2 ч. М., 2019.

И, наконец, наиболее яркая черта гуманитарного познания, – «адекватной интерпретация становится только тогда, когда интерпретатор “вдохнет жизнь” в созданную им модель, когда она будет воспринята современниками интерпретатора как произведение-оригинал. Роль интерпретатора заключается в преодолении временной дистанции между текстом-оригиналом и современностью»[1]. Именно так и смотрит сегодня юридическая наука на интерпретацию законов Древнего Рима, на прочтение русских средневековых Кормчих и т. п. Задача всегда заключается в том, чтобы максимально приблизить рассматриваемый объект к современной реальности, не утратив характеристики эпохи, ситуации, контекста.

Философская герменевтика всегда выстраивается на сопереживании рассматриваемому объекту, стремлении представить себя на его месте и т. п. И что мы видим в юридической практике? Типичный пример на все времена – речь известного русского юриста М.Г. Казаринова на процессе: «Моя задача, – …восстановить перед вами событие, происшедшее на берегу Невы вечером 26 августа, в его чистом виде. Спокойное разрешение вопроса, кто кого столкнул в воду, – вот вся задача дела. Конечно, при этом необходимо разобрать, что за люди сошлись на берегу, зачем и почему сошлись, при каких условиях, в каком настроении. Все это – материал громадной ценности, но этот материал надо особенно оберегать от искажений, здесь очень легко зайти в область фантазий, преувеличений и ошибок»[2]. Выступающий явно стремится к сухой объективности, но через несколько минут он сам предлагает иную схему рассмотрения вопроса и это не удивительно, ибо речь идет о человеке, его мятущейся душе, подсознании и многом из того, что может быть понято только интуитивно, но без этой интуиции обойтись никак нельзя. Далее М.Г. Казаринов рисует живописные картины, представляя себя присутствующим при описываемых ситуациях, более того, предлагает присяжным представить себя там же: «Сожительство с Мезениной начинается с глубокого душевного движения: он мечтает о браке… Лишь впоследствии, когда интерес новизны прошел и разные взаимные открытия, неизбежные при совместной жизни, развенчали иллюзии, светлый призрак брака расплылся в серых тонах будничной жизни, и каждому, как это обыкновенно бывает, стало даже как-то неловко за свои недавние порывы и восторги, стало досадно за бисер, напрасно разметанный и потоптанный… Кто же в 25 лет не заводил связей, за которые потом краснел? Кто не разрывал легкомысленно отношений, который потом оплакивал в зрелые годы? Много ли тех, кто бежали от страстей, сберегая под старость много сил и мало воспоминаний невозвратной юности?»[3] Адвокат создает атмосферу глубокого погружения в исследуемый объект: мы ходим вместе с подсудимым, видим одни и те же сны, думаем вместе с ним и т. д. Да и как может быть иначе? Чтобы понять преступление и вынести наказание, нужно понять человека, осуществившего деяния, его душу, его мысли и т. д. Понимание – важнейший принцип герменевтического метода, как и в целом философской методологии. Понять – значит встать на место исследуемого.

В философской герменевтике понимание не ассоциируется с простой психологической методикой вчувствования, понимание должно вести к объяснению, не исключая логические операции. Герменевтика допускает множественность интерпретации. Более того, Ф. Шлейермахер считал, что интерпретатор может понять текст даже лучше автора. Адвокат может лучше понять мотивы и обстоятельства, подтолкнувшие к преступлению, чем сам обвиняемый.

Практика герменевтической интерпретации формируется на занятиях по логике. Познание всегда должно строиться по законам логики, логика должна давать базисные интеллектуальные конструкции для построения модели текста[4]. Но если логика дает основу мыслительного процесса, то наполнение этой основы идейным содержанием, безусловно, задача философии. На курсах философии в нашем университете дается достаточно детальная ре-

[1] Кузнецов В. Г. Указ. соч. С. 133.
[2] Казаринов М.Г. Загадочное дело // Судебные речи известных русских юристов: В 2 ч. Ч. 2. С. 170.
[3] Казаринов М. Г. Загадочное дело. С. 173.
[4] См.: Григорьев Б.В. Герменевтика и теория интерпретации. Владивосток, 2002.

конструкция концепций философской герменевтики в их историческом развитии: концепции Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, В. Гумбольта, Л. Витгенштейна, Б, Рассела, М. Хайдеггера получают достаточно детальную характеристику. Значимой идейной установкой является стремление показать герменевтику в ее развитии, а главное – связать герменевтический метод с различными разделами философского знания: онтологией, гносеологией, антропологией, аксиологией. Безусловно, герменевтический метод активно рассматривается и обсуждается в курсе «Философия права». При изучении курса философии права студенту освещаются различные аспекты понимания правовой реальности, методы ее интерпретации. Учитывая тот факт, что философия права является комплексной дисциплиной, вбирающая в себя философский и юридический дискурс, вырабатывающая свои положения из этого синтеза, то и оценка правовой реальности не может быть дана вне опыта философской герменевтики. Студенты осваивают теорию и практику герменевтической методологии как в целом в отношении права, так и к отдельным его структурам (Конституционное право, Уголовное право и т. д.). Уделяется достаточно внимания в материалах курса раскрытию опыта герменевтики отечественными юристами и философами права (К.А. Неволин, В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, др.). Курс «Юридическая герменевтика» специально сосредоточен на выявлении основных парадигм герменевтики в юридической практике. Этот курс преподается у нас уже не первое десятилетие и достаточно востребован студентами. В своей статье мы приводили примеры из речей известных отечественных юристов прошлого, но и современный юрист сталкивается ежедневно с проблемой толкования, понимания глубин и многоаспектности проявления правовой реальности. Опыт, полученный при изучении юридической герменевтики, переоценить для будущей юридической практики вчерашних студентов, а сегодня – юристов, невозможно. На занятиях решаются задачи, рассматриваются юридические казусы.

Методология герменевтики, ее возможности, масштаб применения осваиваются на курсах юридической социологии и профессиональной этики юриста, в которых теория и ссылки на практику – норма освоения дисциплины. Практические задачи, которые решает студент, закрепляют опыт герменевтической рефлексии, полученный в теории на лекциях. Стоит отметить, что, осваивая герменевтический метод, применяя его, студент расширяет свое представление о правовой реальности, учиться видеть не только юридический текст, но и контекст его бытия, понимать сущностные характеристики как первого, так и второго, причем – во взаимодействии. При подготовке аспирантов-юристов философская методология и юридическая герменевтика еще более востребованы. Написание диссертационного исследования – какой бы теме оно не было посвящено – это всегда вопрос о правовой реальности и ее понимания, интерпретации, в основе которой лежит философская герменевтика.

Исходя из нашей педагогической практики, можно с уверенностью сказать, что философская герменевтика, имеющая уже многовековую историю, является важнейшей составляющей юридического образования и не только гуманитарного его цикла.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.

2. Григорьев Б.В. Герменевтика и теория интерпретации. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2002. – 148 с.

3. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 191 с.

4. Судебные речи известных русских юристов: В 2 ч. Ч. 2. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 321 с.

5. Философия права: концептуальные основы преподавания в юридических вузах: монография / Под ред. Л.А. Деминой. – М.: Норма: Инфра-М, 2019. – 223 с.

List of references

1. Bakhtin M.M. *Estetika sovremennogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity. – M.: Iskusstvo Publ., 1979. – 423 p.]

2. Grigoriev B.V. *Germenevtika I teoriya interpretatsii. – Vladivostok: Izdatelstvo dalnevostochnogo universite-ta.* [Hermeneutics and theory of interpretation. – Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University, 2002. – 148 p.]

3. Kuznetsov V.G. *Germenevtika I gumanitarnoye poznaniye. – M.: MGU Publ.*, 1991. – 191 s. [Hermeneutics and humanitarian knowledge. – M.: Publishing House of Moscow State University, 1991. – 191 p.]

4. *Sudebnye rechy izvestnykh russkikh yuristov: v 2 chastyakh. Ch. 2. – M.: Yurait Publ., 2019. – 321 s.* [Judicial speeches of famous Russian lawyers: In 2 parts, Part 2. – M.: Yurayt Publishing House, 2019. – 321 p.]

5. *Filisofiya prava: konseptualnye osnovy prepodavaniya v yuridicheskikh vuzakh: monografiya*. [Philosophy of law: conceptual foundations of teaching in law universities: a monograph / Ed. L.A. Demina. – M.: Norm: Infra-M, 2019. – 223 p.]

УДК 340

Владимир Михайлович Баранов,
помощник начальника академии
по инновационному развитию научной деятельности
Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный деятель науки РФ
E-mail: baranov_prof@bk.ru

Vladimir Mikhaylovich Baranov,
Associate Administrator of Nizhny Novgorod Academy of MIA
of Russia on Innovation Development of Research, Doctor of Law,
Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation

Василий Владиславович Трофимов,
директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: iptgutv@mail.ru; ri.sls@tsutmb.ru

Vasilii Vladislavovich Trofimov,
Director of Scientific Research Institute of State – Legal Research,
professor of the department of theory and history of state and law in
Tambov State University named after G.R. Derzhavin,
Doctor of Law, associate Professor

ПРОБЛЕМЫ КОНВЕРГЕНЦИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ, ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ПРАКТИК В ТЕХНИКЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)*

Рассматривается актуальность проблемы конвергенции правового и иных областей научного знания. Оценивается значимость данного процесса применительно к науке и практике техники правотворчества. Обосновывается, что качество и совершенство нормативных правовых актов и юридических предписаний зависит от того, насколько полно и всесторонне изучен предмет правового регулирования, что достигается путем привлечения ресурса разнообразных отраслей научного знания. Приводятся аргументы в пользу применения конвергентной технологии к объединению научных знаний в современном российском правотворческом процессе.

Ключевые слова: право, правотворческий процесс, техника правотворчества, правовая политика, наука, естественные науки, гуманитарные науки, конвергенция, медицина, цифровизация, социальные отношения.

PROBLEMS OF CONVERGENCE OF NATURAL SCIENCES, HUMANITIES AND PRACTICES IN THE TECHNIQUE OF LAW-MAKING IN MODERN RUSSIA (FORMULATION OF THE PROBLEM)

The urgency of the convergence of legal and other areas of scientific knowledge is considered. The significance of this process in relation to the science and practice of law-making technology is assessed. It is proved that the quality and perfection of normative legal acts and legal requirements depend on how thoroughly and comprehensively the subject of legal regulation is studied, which is achieved by attracting a resource of various branches of scientific knowledge. Arguments are presented in favor of the application of convergent technology for combining scientific knowledge in the modern Russian law-making process.

Key words: law, law-making process, law-making technique, legal policy, science, natural sciences, humanities, convergence, medicine, digitalization, social relations.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00726.

Законодательство и законодателя современной России масштабно и порой неоправданно резко критикуют как маститые ученые, так и начинающие исследователи. Но те и другие, замечая в деятельности законодательных (правотворческих) инстанций соответствующие предметы для критических суждений, по всей видимости, устают от этого порой кажущегося бессмысленным занятия, поскольку, что без критики, что при наличии разнообразных форм критики (даже таких мощных, которые когда-то разворачивались по поводу законов о монетизации или перманентных поправок в уголовно-процессуальное законодательство), результат по сути не меняется[1]. Как ранее законодатель не обращал практически никакого внимания на общественность и науку (их рекомендации), так и ныне не обращает, принимая все новые казусные, «точечные» нормативные акты, которые порой не только не улучшают, но иногда и ухудшают положение граждан (достаточно для иллюстрации этого тезиса открыть информационные ленты новостей с полей законодательного творчества и многое в этом плане становится понятным).

Современное законодательство продолжает характеризоваться нестабильностью, отсутствием должной системности, а потому невысоким коэффициентом эффективности действия на практике. Казалось бы, уже давно пора прийти к некой последовательности и планомерности при принятии новых законов и внесении изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты. Но доктринальный анализ показывает, что интенсивность и хаотичность законодательных поправок не снижается, а по отдельным отраслевым нормативным правовым актам даже возрастает. Так, по данным проведенных прикладных исследований (анализ проводился Центром стратегических разработок совместно с компанией «Гарант») практически для всех действующих в стране кодифицированных правовых актов (кодексов) уменьшился период стабильности[2]. Это означает, что правила «игры» стали меняться намного чаще, причем в тех областях, где регулирование позиционируется как системно организованное, поскольку «кодекс» есть не что иное, как «заявка» публичной власти на регулирование соответствующей сферы на основе комплексного (системного) подхода (с общими и особенными технико-юридическими инструментами).

Экспертами Центра стратегических разработок делается вывод, что растущая нестабильность законодательства – явление негативное: постоянное изменение правил «игры» влияет на мотивированность (готовность) граждан и организаций соблюдать данные правила (существенно ее снижая); для бизнес – структур эта избыточная законодательная «динамика» становится нежелательным поводом для внеочередных корректировок бизнес – планов и бюджетов коммерсантов и коммерческих предприятий (корпораций). Законодательными изменениями порождаются и другие сложности в плане организации нормальной деятельности граждан и негосударственных организаций. Эксперты также обратили внимание, что наблюдаемая скорость в принятии законопроектов отрицательно сказывается и на самом качестве принимаемых законов, которое в целом характеризуется как невысокое. Справедливо при этом отмечается, что «некачественные законы не могут адекватно применяться и исполняться, что вызывает потребность в корректирующих поправках практически сразу после принятия новых норм. Это, в свою очередь, усиливает общую нестабильность регулирования»[3].

Не уменьшается острота вопроса: как же все-таки сделать так, чтобы законы и иные нормативные правовые акты стали качественными? И ответ на данный вопрос необходимо искать прежде всего не во вне, а «внутри» законотворческого процесса. Это миссия и законодателя, и тех, кто непосредственно отвечает за сопровождение и обеспечение данного процесса, то есть имеется в виду все то, что образует сферу – «наука и практика правотворчества». И здесь, не раскрывая детально и не структурируя этот аспект на многочисленные

[1] Подробнее см.: Баранов В.М., Ремизов В.П. Критика законодательства: доктрина, практика, техника. М., 2018.

[2] См.: Ткаченко Н. Статистический анализ федерального законодательства / Центр стратегических разработок; компания «Гарант». М., 2017. С. 7.

[3] Там же.

элементы и уровни, отметим, что на первом плане заданные выше вопросы – это область научно-практического ведения (зона ответственности) техники правотворчества – той сферы специально-юридических компетенций, которые напрямую увязаны с процессом правового творчества и от которых зависит качество современного правотворческого процесса.

По поводу совершенствования правотворческой техники, модернизации правотворческих технологий, и о научных основах правовой (правотворческой) политики в целом, сказано (в том числе и нами в целом ряде работ[1]) немало. Однако, нельзя не признать, что далеко не все возможные познавательные ресурсы получили свое полноценное освещение. И одним из них является очень важный, на наш взгляд, и очень перспективный, ресурс осмысленной (не механической и спонтанной, а именно выверенной и обдуманной) конвергенции естественных и гуманитарных наук и практик на платформе и в рамках техники правотворчества.

Конвергенция – это достойный для применения в рассматриваемом контексте термин, который, кстати, пришел в гуманитарную область из естественных наук, в частности, биологии, и означает он (от лат. convergo) «приближаюсь, схожусь», «схождение признаков в процессе эволюции неблизкородственных групп организмов, приобретение ими сходного строения в результате существования в сходных условиях и одинаково направленного естественного отбора»[2]. Этот позитивно-перспективный смысл данного понятия позволил ему органично войти в социально-философскую и социально-политическую риторику и стать концептуально-образующим ряда политических теорий, в которых обосновывалось сближение политических систем: капитализма – социализма, Запада – Востока и т. п. Известны на этот счет теории П.А. Сорокина, А.Д. Сахарова, Я. Тинбергена и др.[3] В правовой науке (теории права) в процессе размышлений о взаимной интеграции различных правовых систем и подходов и элементов правового регулирования внутри отдельных правовых систем удачно и плодотворно потенциал теории конвергенции был применен в фундаментальном исследовании (в рамках докторской диссертации и соответствующих научных работ – монографий, статей) О.Д. Третьяковой[4].

Мы же полагаем возможным (пока на уровне постановки проблемы, тезисно) сказать о тех перспективах, которые имеет данная методология в науке и практике техники правотворчества:

Во-первых, нельзя не учитывать, что междисциплинарность, взаимопроникновение (синергия), конвергенция наук становится сегодня основным трендом развития научного знания вообще. Как отмечает известный российский ученый – физик (в настоящее время является президентом Курчатовского института) М.В. Ковальчук, «характерная черта научного развития на данном этапе – это сближение органического мира, мира живой природы, с неорганическим, в чем мы достигли больших у спехов в последние десятилетия. Как следствие – принципиально меняется подход к организации исследовательской работы – от узкоспециального мы должны перейти к междисциплинарному методу проведения научных исследований»[5]. По его мнению, междисциплинарность должна стать основой новой системы организации науки и образования. Ученый, наверное, небезосновательно замечает: «Чтобы пе-

[1] См., например: Баранов В.М. Очерки техники правотворчества. Избранные труды: монография. М., 2017; Баранов В.М., Трофимов В.В. Личное в правотворчестве: утопия, антропологический ресурс или необходимое технико-юридическое средство повышения качества // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. 2015. № 2 (30). С. 9-18; Малько А.В., Трофимов В.В. Правовая политика в современной России: проблема доктринального понимания и формирования // Государство и право. 2013. № 2. С. 5-13; Трофимов В.В. Правовая политика как научная основа правовых реформ // Государство и право. 2010. № 6. С. 101-104.

[2] Большая советская энциклопедия. 3 издание [в 30 т.] / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1973. Т. 12. С. 612. (Махотин А.А. Конвергенция).

[3] См. об этом, например: Кабилова С.А., Гюльвердиев Р.Б. Теория конвергенции // Исторические факты, события, феномены. 2016. № 1 (2). Март. С. 17-21.

[4] См.: Третьякова О.Д. Юридическая конвергенция. Дис. … докт. юрид. наук. Владимир, 2012.

[5] Ковальчук М.В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. 2011. Т. 6. № 1-2. С. 16.

рейти к “запуску будущего”, необходимо в корне изменить нынешнюю организацию науки, причем в мировом масштабе. Те страны, которые смогут быстро и эффективно перестроить систему научных исследований и образования, нацелить их на междисциплинарные исследования, обеспечат себе достойное место в глобальном мире. Перед человечеством сегодня стоит задача формирования и развития принципиально нового подхода, и речь идет в первую очередь о конвергентных технологиях НБИК»[1]. Соответственно, если на уровне естественнонаучного знания все более четко осознается необходимость конвергентного процесса, то разве может наука и практика сферы права не учитывать эти реалии, а тем более такая часть научно-прикладного юридического знания, как юридическая (прежде всего – правотворческая) техника, которая уже изначально (интуитивно или нет) стала сочетать в себе социогуманитарное (право, социально-правовые отношения как объект юридического воздействия) и техническое (техника: юридические приемы, способы, средства, технологии) начала. Поэтому правотворческая техника как наука и практика должна реагировать на эти актуальные тенденции в научном знании. Кроме того, как некая «форма» научно-прикладного плана техника правотворчества уже готова к тому, чтобы в ее параметрах более активно происходили конвергентные процессы взаимопроникновения различных наук – гуманитарных, естественных, технических (например, цифровые технологии в правотворчестве – это уже не просто представления о возможном, но складывающаяся сегодня реальность, научно-эмпирический факт).

Во-вторых, очень многие вопросы правотворчества, его техники и технологии организации просто объективно не могут решаться в отрыве от иных сегментов научного знания. Например, для формирования такой сложной отрасли правового регулирования, как право социального обеспечения (со всеми его разделами в виде пенсий, пособий, льгот, медицинского обслуживания и др.), даже для того чтобы выработать систему юридических фактов (возраст, нетрудоспособность, условия труда и пр.), при наступлении которых вступят в силу соответствующие юридически последствия в виде возникновения права на тот или иной вид социального обеспечения, потребуются достоверные данные из области социологии труда, демографии, медицины и др. областей научного знания. Именно этим предопределяется настрой техники правотворчества на – как минимум – активное сотрудничество со смежными областями науки; как максимум – на принципиальное изменение отношения к построению и использованию на практике технико-юридических приемов. Или такой еще пример, по части которого ранее в работах мы высказывались – этнокультурная экспертиза в правотворчестве, которая должна проводиться с целью предотвращения введения в социально-правовую жизнь каких-либо правотворческих новелл, созданных без учета культурных, этнических, религиозных, нравственных традиций и ценностей многонационального российского народа, способных породить конфликты в обществе на почве несогласия с теми нормами, которые по сути будут насаждаемы людям, и с которыми они не согласны в силу присущего им менталитета, формируемого веками. И здесь правотворческой технике на помощь должны привлекаться такие дисциплины, как этносоциология, этнокультурология, этнополитология, этнология права (юридическая этнология)[2].

---

[1] Указ. соч. С. 19. Для справки отметим, что под указанной аббревиатурой «скрывается» следующее: «Н – это нано, новый подход к конструированию материалов “под заказ” путем атомно-молекулярного конструирования, Б – это био, что научно-техническая политика позволит вводить в конструирование неорганических материалов биологическую часть и таким образом получать гибридные материалы, И – информационные технологии, которые дадут возможность в такой гибридный материал или систему “подсадить” интегральную схему и в итоге получить принципиально новую интеллектуальную систему, а К – это когнитивные технологии, основанные на изучении сознания, познания, мыслительного процесса, поведения живых существ, и человека в первую очередь…». Там же. С. 19-20. При этом автор полагает, что привлечение в необходимое дополнение для исследований «гуманитарных технологий дает нам право говорить о создании новой конвергентной НБИКС-технологии, где “С” – это социальные гуманитарные технологии». Там же. С. 21.

[2] См. подробнее: Баранов В.М., Овчинников А.И. Этнокультурная экспертиза в правотворческом процессе // Государство и право. 2011. № 6. 28-33.

В-третьих, современные технологии (цифровизация, искусственный интеллект, биогеномные разработки и пр.), которые заполнили социальную жизнь, продолжают активно развиваться и кардинально трансформируют многие традиционные сферы общественной жизни (культура, экономика, медицина, спорт и пр.). Естественно, для права и процесса его формирования – это своего рода «вызов» (возможно даже – «угроза»), на который необходимо отвечать, создавая такие же «технологичные» нормативно-правовые предписания, разрабатывая новые модели правового регулирования современных общественных отношений. Так, современные технологии в медицине детерминируют поиск новых путей и способов юридической регламентации и регулирования в этой области социальных отношений, в том числе за счет конвергенции различных сфер и уровней знания (сознания). Развиваемые технологии редактирования генома эмбриона человека вызвали трудности для нахождения оптимальных правовых подходов к регулированию. Для решения этого вопроса на принципиальной основе в литературе предлагается осуществление «конвергентности юридического и морального сознания», что позволит установить необходимый правовой оптимум, учитывая как чисто правовые, так и более глубокие человеческие (гуманитарные) аспекты[1]. Такой конвергентный подход можно считать объективной данностью современного правотворческого процесса, его технико-юридического сопровождения.

В-четвертых, арсенал технико-юридических средств правотворчества должен постоянно (лучше системно) пополняться инновационными подходами путем экстраполяции данных иных и не только гуманитарных наук. То, что это возможно, проиллюстрируем обращением к филологической науке. Долгие годы юристы не только не исследовали, но даже и не называли в числе элементов техники правотворчества **метафору**. Пока сделаны лишь первые шаги в разработке этого технико-юридического средства[2]. Между тем имеется значительное число разноплановых междисциплинарных исследований, результаты которых могут существенно обогатить юридические возможности законодательной метафоры[3].

Другой пример. Насколько нам известно, в правовой отечественной (да и зарубежной) литературе до сих пор нет ни одной разработки (не только монографической, но даже и статейной) о **формуле** как особом технико-юридическом средстве, функционирующем в системе правотворческого процесса. В филологической и философской литературе формула трактуется как материальный носитель знания, как инструмент лингвокультурного анализа[4]. Формулы (и не только математические) активно используются в действующем российском

[1] Силуянова И.В. Принцип конвергентности в поиске правового регулирования генных технологий // Право и современные технологии в медицине: монография / Отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушкова. М., 2019. С. 74.

[2] О сущности и логико-гносеологических возможностях метафоры в юридической науке и практике см.: Баранов В.М., Власенко Н.А. Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С.11-19.

[3] Алексеева Л.М. Термин и метафора. Пермь, 1998; Ключерова А.О. Структура и функции метафор в произведениях А.С. Грина: автореф. дис. … канд. филолог. наук. М., 2018; Кузьмина Е.В. Концептуальная метафора как форма предпосылочного знания в современном естествознании: автореф. дис. … канд. философ. наук. Казань, 2018; Харченко В.К. Функции метафоры: Учебное пособие. Изд. 5- е, доп. М., 2016; Аткинсон М. Путь к изменению: Трансформационные метафоры / Мэрилин Аткинсон; Пер. с анг. 4-е изд. М., 2019; Голубева Т.М. Метафора как языковое средство создания и актуализации общественных идеологий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. 2016. № 2. С. 212-216; Касимов Р.Х. Локальные цивилизации в горизонте языка: метафора и интенциональность: автореф. дис. … докт. философ. наук. Тюмень, 2019; Матова Ю.В. Метафоризация имен существительных со значением субъекта трудовой деятельности в русском и английском языках: автореф. дис. … канд. филолог. наук. М., 2019; Мингалева О.В. Политическая метафора как механизм когнитивного моделирования действительности (на материале англо-американских, немецких и русских политических метафор): автореф. дис. … канд. филолог. наук. М., 2019.

[4] Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л., 1989; Смышляева В.П. Формулы в римской поэзии // София: альманах. Вып. 1: А.Ф. Лосев: ойкумена мысли. Уфа, 2005. С. 316-321; Киндеркнехт А.С. Формула как инструмент лингвокультурного анализа: монография. Пермь, 2018; Маркова Л.А. Материализация мысли в языке и рисунке // Вопросы философии. 2019. Выпуск № 4. С. 34-44.

законодательстве. Они представляют собой своеобразную форму материализации мысли и языка. Сущность законодательных формул, их виды, технико-юридический потенциал ждут своего исследователя. Качественное общеправовое « раскрытие» природы законодательных формул предполагает синтез математических, физических, биологических, психологических, культурологических и многих других отраслей знания.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что теория конвергенции, которая когда-то возникла в недрах естественных наук, затем получила воплощение в политических концепциях XX века, сегодня как идея и методология все активнее проникает в научное знание, становится его фундаментальным свойством. Юриспруденция как наука, являющаяся во многом форпостом общественной мысли: она наиболее чутко реагирует на все изменения в социуме, а также такая ее важная составная часть как наука техники правотворчества и в целом правовой политики, все активнее должна искать новаторские пути развития. Иного, и это уже вполне очевидно, не дано.

Список литературы

1. Алексеева Л.М. Термин и метафора. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 250 с.

2. Аткинсон М. Путь к изменению: Трансформационные метафоры / Мэрилин Аткинсон; Пер. с анг. – 4-е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 210 с.

3. Баранов В.М. Очерки техники правотворчества. Избранные труды: монография. – М.: Юстиция, 2017. – 586 с.

4. Баранов В.М., Власенко Н.А. Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 1 (45). – С.11-19.

5. Баранов В.М., Овчинников А.И. Этнокультурная экспертиза в правотворческом процессе // Государство и право. – 2011. – № 6. – 28-33.

6. Баранов В.М., Ремизов В.П. Критика законодательства: доктрина, практика, техника. – М.: Проспект, 2018 – 352 с.

7. Баранов В.М., Трофимов В.В. Личное в правотворчестве: утопия, антропологический ресурс или необходимое технико-юридическое средство повышения качества // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. – 2015. – № 2 (30). – С. 9-18.

8. Большая советская энциклопедия. 3 издание [в 30 т.] / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – Т. 12. – С. 612. (Махотин А.А. Конвергенция).

9. Голубева Т.М. Метафора как языковое средство создания и актуализации общественных идеологий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Филология. – 2016. – № 2. – С. 212-216.

10. Кабилова С.А., Гюльвердиев Р.Б. Теория конвергенции // Исторические факты, события, феномены. – 2016. – № 1 (2). – Март. – С. 17-21.

11. Касимов Р.Х. Локальные цивилизации в горизонте языка: метафора и интенциональность: автореф. дис. … докт. философ. наук. – Тюмень, 2019 – 41 с.

12. Киндеркнехт А.С. Формула как инструмент лингвокультурного анализа: монография. – Пермь: Изд-во Пермского нац. исследовательского политехнического ун-та, 2018. – 181 с.

13. Ключерова А.О. Структура и функции метафор в произведениях А.С. Грина: автореф. дис. … канд. филолог. наук. М., 2018. – 23 с.

14. Ковальчук М.В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. – 2011. – Т. 6. – № 1-2. – С. 13-23.

15. Кузьмина Е.В. Концептуальная метафора как форма предпосылочного знания в современном естествознании: автореф. дис. … канд. философ. наук. – Казань, 2018. – 28 с.

16. Малько А.В., Трофимов В.В. Правовая политика в современной России: проблема доктринального понимания и формирования // Государство и право. – 2013. – № 2. – С. 5-13.

17. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. – Л.: Наука, 1989. – 170 с.

18. Маркова Л.А. Материализация мысли в языке и рисунке // Вопросы философии. – 2019. – Выпуск № 4. – С. 34-44.

19. Матова Ю.В. Метафоризация имен существительных со значением субъекта трудовой деятельности в русском и английском языках: автореф. дис. … канд. филолог. наук. – М., 2019. – 25 с.

20. Мингалева О.В. Политическая метафора как механизм когнитивного моделирования действительности (на материале англо-американских, немецких и русских политических метафор): автореф. дис. … канд. филолог. наук. – М., 2019. – 26 с.

21. Силуянова И.В. Принцип конвергентности в поиске правового регулирования генных технологий // Право и современные технологии в медицине: монография / Отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушкова. – М.: РГ-Пресс, 2019. – 368 с.

22. Смышляева В.П. Формулы в римской поэзии // София: альманах. Вып. 1: А.Ф. Лосев: ойкумена мысли. – Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2005. – С. 316-321.

23. Ткаченко Н. Статистический анализ федерального законодательства / Центр стратегических разработок; компания «Гарант». – М., 2017. – 60 с.

24. Третьякова О.Д. Юридическая конвергенция. Дис. … докт. юрид. наук. – Владимир, 2012. – 442 с.

25. Трофимов В.В. Государственно-правовая политика: от доктрины к практике реализации // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – № 3. – С. 79-87.

26. Трофимов В.В. Правовая политика как научная основа правовых реформ // Государство и право. – 2010. – № 6. – С. 101-104.

27. Харченко В.К. Функции метафоры: Учебное пособие. – Изд. 5-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 104 с.

List of references

1. Alekseeva L.M. *Termin i metafora* [Term and metaphor]. – Perm: Publishing house Perm. University, 1998. – 250 p.

2 Atkinson M. *Put' k izmeneniyu: Transformatsionnyye metafory* [The path to change: Transformational metaphors] / Marilyn Atkinson; Per. with eng. – 4th ed. – M.: Alpina Publisher, 2019. – 210 p.

3. Baranov V.M. *Ocherki tekhniki pravotvorchestva. Izbrannyye trudy: monografiya* – [Essays on the technology of lawmaking. Selected Works: Monograph]. – M.: Yusticia, 2017. – 586 p.

4. Baranov V.M., Vlasenko N.A. *Metafory v prave: metodologicheskaya opasnost' i perspektivy // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. [Metaphors in law: methodological danger and prospects // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. – 2019. – № 1 (45). – P. 11-19.

5. Baranov V.M., Ovchinnikov A.I. *Etnokul'turnaya ekspertiza v pravotvorcheskom protsesse* [Ethnocultural examination in the law-making process] // Gosudarstvo I pravo Publ. – 2011. – № 6. – Pp.28-33.

6. Baranov V.M., Remizov V.P. *Kritika zakonodatel'stva: doktrina, praktika, tekhnika* [Criticism of legislation: doctrine, practice, technology]. – M.: Prospect, 2018 – 352 p.

7. Baranov V.M., Trofimov V.V. *Lichnoye v pravotvorchestve: utopiya, antropologicheskiy resurs ili neobkhodimoye tekhniko-yuridicheskoye sredstvo povysheniya kachestva // Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. Yuridicheskaya nauka i praktika.* – [Personal in law-making: utopia, an anthropological resource or the necessary technical and legal means to improve quality // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Jurisprudence and practice. – 2015. – № 2 (30). – Pp. 9-18].

8. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya*. – [The Great Soviet Encyclopedia. 3rd edition [in 30 vol.] / Ch. ed. A.M. Prokhorov. – M.: Soviet Encyclopedia, 1973. – V. 12. – p. 612. (Makhotin A.A. Convergence)].

9. Golubeva T.M. *Filologiya–Metafora kak yazykovoye sredstvo sozdaniya i aktualizatsii obshchestvennykh ideologiy // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo.* [Metaphor as a language tool for creating and updating social ideologies // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. – Philology]. – 2016. – № 2. – Pp. 212-216.

10. Kabilova S.A., Gulverdiev R.B. *Teoriya konvergentsii // Istoricheskiye fakty, sobytiya, fenomeny*. – Theory of convergence // Historical facts, events, phenomena. – 2016. – № 1 (2). – March. – Pp. 17-21.

11. Kasimov R.Kh. *Lokal'nyye tsivilizatsii v gorizonte yazyka: metafora i intentsional'nost': avtoref. dis. … dokt. filosof. nauk.* [Local civilizations in the horizon of language: metaphor and intentionality: author. dis. ... doctor. philosopher. sciences.] – Tyumen, 2019 – 41 p.

12. Kinderknecht A.S. *Formula kak instrument lingvokul'turnogo analiza: monografiya. Perm': Izd-vo Permskogo nats. issledovatel'skogo politekhnicheskogo un-ta* [Formula as a tool for linguocultural analysis: a monograph. – Perm: Publishing house of Perm nat. Research Polytechnic University], 2018. – 181 p.

13. Klyucherova A.O. *Struktura i funktsii metafor v proizvedeniyakh A.S. Grina: avtoref. dis. … kand. filolog. nauk* [The structure and functions of metaphors in the works of A.S. Green: abstract dis. ... cand. philologist. Sciences]. – M., 2018. – 23 p.

14. Kovalchuk M.V. *Konvergentsiya nauk i tekhnologiy – proryv v budushcheye.* – [The convergence of sciences and technologies – a breakthrough into the future // Russian Nanotechnology. – 2011. – V. 6. – № 1-2. – pp. 13-23].

15. Kuzmina E.V. *Kontseptual'naya metafora kak forma predposylochnogo znaniya v sovremennom yestestvoznanii: avtoref. dis. … kand. filosof. nauk.* [Conceptual metaphor as a form of background knowledge in modern natural science: abstract. dis. ... cand. philosopher. Sciences]. – Kazan, 2018. – 28 p.

16. Malko A.V., Trofimov V.V. *Pravovaya politika v sovremennoy Rossii: problema doktrinal'nogo ponimaniya i formirovaniya // Gosudarstvo i pravo Publ.* – [Legal policy in modern Russia: the problem of doctrinal understanding and formation // State and Law. – 2013. – № 2. – Pp. 5-13].

17. Maltsev G.I. *Traditsionnyye formuly russkoy narodnoy neobryadovoy liriki.* – [The traditional formulas of Russian folk non-ritual lyrics.] – L.: Nauka, 1989. – 170 p.

18. Markova L.A. *Materializatsiya mysli v yazyke i risunke // Voprosy filosofii* [Materialization of thought in language and drawing // Questions of philosophy]. – 2019. – Issue № 4. – Pp. 34-44.

19. Matova Yu.V. *Metaforizatsiya imen sushchestvitel'nykh so znacheniyem sub"yekta trudovoy deyatel'nosti v russkom i angliyskom yazykakh: avtoref. dis. … kand. filolog. nauk* [Metaphorization of nouns with the meaning of the subject of labor in the Russian and English languages: author. dis. ... cand. philologist. Sciences]. – M., 2019. – 25 p.

20. Mingaleva O.V. *Politicheskaya metafora kak mekhanizm kognitivnogo modelirovaniya deystvitel'nosti (na materiale anglo-amerikanskikh, nemetskikh i russkikh politicheskikh metafor): avtoref. dis. … kand. filolog. nauk* [Political metaphor as a mechanism for cognitive modeling of reality (based on Anglo-American, German and Russian political metaphors): author. dis. ... cand. philologist. Sciences]. – M., 2019. – 26 p.

21. Siluyanova I.V. *Printsip konvergentnosti v poiske pravovogo regulirovaniya gennykh tekhnologiy // Pravo i sovremennyye tekhnologii v meditsine: monografiya* [The principle of convergence in the search for legal regulation of gene technologies // Law and modern technologies in medicine: monograph / Resp. ed. A.A. Mokhov, O.V. Sushkova. – M.: RG-Press Publ., 2019.– 368 p.]

22. Smyshlyaeva V.P. Formuly v rimskoy poezii // Sofiya: al'manakh. Vyp. 1: A.F. Losev: oykumena mysli. Ufa: Zdravookhraneniye Bashkortostana – [Formulas in Roman Poetry // Sofia: Almanac. Vol. 1: A.F. Losev: ecumenical thoughts. – Ufa: Healthcare of Bashkortostan], 2005. – Pp. 316-321.

23. Tkachenko N. *Statisticheskiy analiz federal'nogo zakonodatel'stva / Tsentr strategicheskikh razrabotok; kompaniya «Garant»* – [Statistical analysis of federal legislation / Center for Strategic Research; Garant company]. – M., 2017. – 60 p.

24. Tretyakova O.D. *Yuridicheskaya konvergentsiya* – [Legal convergence. Doctor of Jurisprudence Thesis]. – Vladimir, 2012. – 442 p.

25. Trofimov V.V. *Gosudarstvenno-pravovaya politika: ot doktriny k praktike realizatsii // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'.* – [State and legal policy: from doctrine to practice of implementation // Legal policy and legal life]. – 2018. – № 3. – Pp. 79-87.

26. Trofimov V.V. *Pravovaya politika kak nauchnaya osnova pravovykh reform // Gosudarstvo i pravo* – [Legal policy as the scientific basis of legal reforms // State and Law]. – 2010. – № 6. – Pp. 101-104.

27. Kharchenko V.K. *Funktsii metafory: Uchebnoye posobiye* [Functions of the Metaphor: Study Guide]. – Ed. 5th, add. – M.: Book House «LIBROCOM», 2016. – 104 p.

УДК 57.043; 57.044

Александр Анатольевич Гусев,
д. б. н, доцент, директор НИИ, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
E-mail: nanosecurity@mail.ru

Alexander A. Gusev,
DScBiol, Director of research institute, Derzhavin Tambov State University,

Ольга Владимировна Захарова,
к. б. н., заведующая лабораторией, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
E-mail: olgazakharova1@mail.ru

Olga V. Zakharova,
PhD in Biology, Head of the Laboratory, Derzhavin Tambov State University,

Петр Александрович Баранчиков
магистрант 1-го курса, Институт естествознания,
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
petrovi4–98@yandex.ru

Petr A. Baranchikov,
1st year undergraduate,
Institute of Natural Sciences, Derzhavin Tambov State University

БЕЗОПАСНОСТЬ НАНОТЕХНОЛОГИЙ: МЕДИКО–ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ СТОРОНЫ*

При разработке нанотехнологических решений, особенно для биотехнологий и медицины, важно учитывать риски, сопровождающие процесс внедрения новых технологий. В работе проведен анализ медико-экологических, технологических и юридических аспектов, имеющих непосредственное отношение к внедрению нанотехнологических разработок в России и в зарубежных странах.

Ключевые слова: нанотехнологии, наноматериалы, нанотехнологические риски, управление рисками, нормативно-правовое регулирование нанотехнологий.

SAFETY OF NANOTECHNOLOGIES: MEDICAL-ECOLOGICAL, TECHNOLOGICAL AND LEGAL ASPECTS

In development of nanotechnology, especially for biotechnologies and medicine, it is important to consider the risks that accompany the process of introducing new technologies. The paper analyzes the medical-ecological, technological and legal aspects that are directly related to the implementation of nanotechnology in Russia and in foreign countries.

Keywords: nanotechnology, nanomaterials, nanotechnological risks, risk management, legal regulation of nanotechnology.

Нанотехнологии, всё увереннее претендующие на статус очередного технологического прорыва, подобного электричеству или ядерным технологиям, помимо очевидных преимуществ несут человеку и живой природе ряд угроз и неопределённостей. Наноматериалы – основной продукт современных нанотехнологий, всё чаще рассматриваются не только как уникальные, не имеющие природных аналогов компоненты микроэлектроники, топливных элементов или искусственных тканей и органов, но и как опасные, нехарактерные для природы поллютанты, насыщение которыми окружающей среды способно привести к непредсказуемым эколого-санитарным последствиям, включая прямой ущерб здоровью населения[1].

* Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект RFMEFI57417X0159).

[1] См.: Безопасность наноматериалов (учебное пособие) / Гусев А.А., Полякова И.А., Годымчук А.Ю., Емельянов А.В., Захарова О.В., Кузнецов Д.В. Тамбов, 2013.

Слово «нано» происходит от греческого слова «нанос», что означает «карлик», «очень маленький человек». Однако при изучении нанонауки и технологий это слово используется для обозначения шкалы измерения. Нормативно-правовая дискуссия по нанотехнологиям в основном вращается вокруг изучения химического законодательства, права окружающей среды, гигиены труда и техники безопасности, ответственности за качество продукции, законодательства о защите потребителей и т. д.[1]

Новые технологии создают особую, зачастую сложную и принципиально политическую проблему для глобального управления. Различия в национальных приоритетах, общественных ценностях и др. часто мешают более глубокому международному сотрудничеству и гармонизации регулирования. Например, в случае с сельскохозяйственной биотехнологией, национальные различия в регулировании рисков не только препятствуют распространению международных подходов, но также приводят к возникновению политических и торговых конфликтов между промышленно развитыми странами[2].

Процесс интеграции экономики России с мировой экономикой, включая вступление в ВТО, требует определенных шагов по гармонизации российского законодательства с международным, в том числе в сфере обеспечения безопасности разработки, производства, обращения, потребления и утилизации высокотехнологичной продукции, в т. ч. продукции наноиндустрии[3].

Деятельность, связанная с решением проблем определения уровня безопасности нанотехнологий и наноматериалов для человека, животных и окружающей среды, интенсивно развивается во многих странах. Рабочая группа по промышленным наноматериалам при Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) является одной из международных структур, занимающихся координацией работ по безопасности применения наноматериалов.

В США в 2000 г. была обнародована Национальная нанотехнологическая инициатива (The National Nanotechnology Initiative – NNI), координирующая нанотехнологическую активность 26 федеральных агентств[4]. Эта межведомственная программа, среди прочего, предусматривает, оценку опасных для здоровья людей химических агентов на основе использования современных токсикологических тестов. В рамках этой программы 6 федеральными агентствами США ведется изучение потенциального риска применения наноматериалов для здоровья человека. Одна из основных задач данных исследований – разработка нормативной и методической базы для оценки безопасности производства и использования нанопродуктов. Американское агентство по охране окружающей среды (Enviromental Protection Agency– EPA) проводит исследования экологической безопасности продуктов, созданных с использованием нанотехнологий. В первую очередь это касается изделий, содержащих в своем составе наночастицы серебра, обладающие антимикробным действием. В 2006 г. создана Специальная внутренняя комиссия FDA по нанотехнологии (FDA Nanotechnology Task Force) для оценки безопасности продуктов, содержащих НМ[5].

---

[1] Nanotechnology and International Law Research Guide / Karim E., bin Munir A.B., Yasin S.H. M., 2016.

[2] Regulating nanotechnologies: risk, uncertainty and the global governance gap / Falkner R. and Nico J. // Global environmental politics. 2012. 12 (1). P. 30-55.

[3] См.: Безопасность наноматериалов (учебное пособие) / Гусев А.А., Полякова И.А., Годымчук А.Ю., Емельянов А.В., Захарова О.В., Кузнецов Д.В. Тамбов, 2013.

[4] National Nanotechnology Initiative. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.nano.gov.

[5] См.: Policy Brief Nanotechnology Risk Governance Recommendations for a global, coordinated approach to the governance of potential risks. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.irgc.org; Report of the Sub – Committee of Experts on the Globally Harmonized System of Classification and Labelling of Chemicals on its twentieth session. Geneva, 7 to 9 Desember 2010; Regulatory Aspects of nanomaterials. Commission of the European Communities. Brussels, 17.6.2008; Meeting of Competent Authorities for REACH and CLP. 25-26-27 October 2010. EUROPEAN COMMISSION. Brussels, 24 February 2011, Doc. CA/02/2011; Congressional Record – 111th Congress (2009-2010). Statements on introduced bills and joint resolutions. The Library of Congress. January 21. 2010.

В Евросоюзе в 2004 г. была принята Европейская стратегия в области НТ, в которой было указано на необходимость оценки потенциальной опасности НТ для здоровья человека и окружающей среды. Позже Научным комитетом –The Scientific Committee on Emerging and Newly Identified Health Risks (SCENIHR) – проводились открытые консультации для выработки рекомендаций по оценке этого риска. После проведенных консультаций SCENIHR был опубликован отчет о возможности применения уже существующих методологий для оценки потенциальной опасности нанопродуктов.

Страны, входящие в Евросоюз и другие международные сообщества, используют национальное законодательство, основанное или полностью повторяющее стандарты ISO (International Standard Organization). Эти стандарты разрабатываются крупнейшими и авторитетнейшими научно – исследовательскими организациями мира (в частности NIST – National Institute of Standards and Technology, USA – Национальный институт стандартов и технологий, США) и проходят сначала многократные обсуждения, согласования и апробации, на что уходит несколько лет, а затем принимаются в качестве утвержденного и юридически обязывающего подписанного документа. Для принятия стандарта необходимо согласие не менее чем 75% стран – участников, входящих в сообщество. Организационную работу в этом направлении проводит специально созданный Технический комитет по НТ, имеющий наименование ТС – 229.

Кроме того, вопросами нормативного регулирования в области безопасности нанотехнологий занимаются такие международные и национальные организации, как Международный Совет управления рисками (International Risk Governance Council – IRGC), Агентство защиты окружающей среды США (Environmental Protection Agency – EPA), Агентство контроля и регулирования пищевых продуктов и лекарств США (Food and Drug Administration – FDA), Агентство по контролю за химической продукцией (Registration, Evaluation, Authorisation and Restriction of Chemical Substances – REACH), подкомитет экспертов по глобальной гармонизации системы классификации и маркировки химикатов (Sub–Committee of Expertson the Globally Harmonized System of Classification and Labelling of Chemicals) Комитета экспертов по транспортировке опасных грузов и по глобальной гармонизации системы классификации и маркировки химикатов (Committee of Experts on the Transport of Dangerous Goods and on the Globally Harmonized System of Classification and Labelling of Chemicals) Секретариата ООН, Комиссия Европейских Комитетов (Commission of the European Communities) и т. д.[1]

В России к настоящему времени создана достаточно серьезная нормативная база в области безопасности нанотехнологий[2] и др.

В 2007 г. была утверждена «Концепция токсикологических исследований, методологии оценки риска, методов идентификации и количественного определения наноматериалов», разработанная Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благо-

[1] См. об этом подробнее: Гусев А.А. Экотоксикологические характеристики высокодисперсного кристаллического углерода // Диссертация на соискание ученой степени доктора биологических наук. Иркутск, 2017.

[2] О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 2; О качестве и безопасности пищевых продуктов: Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 2. Ст. 150; О надзоре за продукцией, полученной с использованием нанотехнологий и содержащей наноматериалы: Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 23.07.2007 № 54 // Бюллетень нормативных и методических документов Госсанэпиднадзора. 2007. № 4; Об утверждении и внедрении методических рекомендаций «Оценка безопасности наноматериалов»: Приказ Роспотребнадзора от 12.10.2007 № 280. М.: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2007; Об утверждении Концепции токсикологических исследований, методологии оценки риска, методов идентификации и количественного определения наноматериалов: Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 31.10.2007 № 79 // Российская газета. 2007. № 270; Об экспортном контроле: Федеральный закон от 18.07.1999 № 183-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 30. Ст. 3774.

получия человека совместно с ведущими научными центрами и НИИ РАМН, Минобрнауки РФ и Роспотребнадзора.

Исследования влияния наноматериалов на организм человека, деградации наночастиц при взаимодействии с биологическими объектами, их влиянии на метаболические процессы в живых организмах, а также разработка методов, позволяющих получать эту информацию, являются в настоящее время весьма важными и актуальными задачами.

Исследования по безопасности наноматериалов России координируются Роспотребнадзором в рамках «Концепции токсикологических исследований, методологии оценки риска, методов идентификации и количественного определения наноматериалов»[1].

Таким образом, можно заключить, что в области нормативно-правового обеспечения безопасности нанотехнологий Российская Федерация, возможно, находится впереди государств-лидеров нанотехнологической отрасли. В то же время, стоит отметить, что официальных документов, регламентирующих порядок комплексной медико-экологической оценки наноматериалов пока не появилось. Этим определяется необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в области создания и использования наноматериалов.

Список литературы

1. Безопасность наноматериалов (учебное пособие) / Гусев А.А., Полякова И.А., Годымчук А.Ю., Емельянов А.В., Захарова О.В., Кузнецов Д.В. – Тамбов: Изд.-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – 139 с.

2. Гусев А.А. Экотоксикологические характеристики высокодисперсного кристаллического углерода // Диссертация на соискание ученой степени доктора биологических наук. – Иркутск, 2017. – 239 с.

3. Nanotechnology and International Law Research Guide / Karim E., bin Munir A.B., Yasin S.H. – M., 2016.

4. Regulating nanotechnologies: risk, uncertainty and the global governance gap / Falkner R. and Nico J. // Global environmental politics. – 2012. – 12 (1). – P. 30-55.

5. National Nanotechnology Initiative. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.nano.gov.

6. Policy Brief Nanotechnology Risk Governance Recommendations for a global, coordinated approach to the governance of potential risks. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.irgc.org.

7. Report of the Sub – Committee of Experts on the Globally Harmonized System of Classification and Labelling of Chemicals on its twentieth session. Geneva, 7 to 9 Desember 2010. – 24 p.

8. Regulatory Aspects of nanomaterials. Commission of the European Communities. – Brussels, 17.06.2008. – 11 p.

9. Meeting of Competent Authorities for REACH and CLP. 25-26-27 October 2010. EUROPEAN COMMISSION. – Brussels, 24 February 2011, Doc. CA/02/2011.

10. Congressional Record – 111th Congress (2009-2010). Statements on introduced bills and joint resolutions. The Library of Congress. – January 21. – 2010.

List of references

1. Gusev A.A., Polyakova I.A., Godymchuk A.Yu., Emelyanov A.V., Zakharova O.V., Kuznetsov D.V. *Bezopasnost' nanomaterialov (uchebnoye posobiye).* – [Safety of nanomaterials (study guide). – Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2013. – 139 p.]

2. Gusev A.A. *Ekotoksikologicheskiye kharakteristiki vysokodispersnogo kristallicheskogo ugleroda.* – [Ecotoxicological characteristics of highly dispersed crystalline carbon // Thesis for the degree Doctor of Biological Sciences. – Irkutsk, 2017. – 239 p.]

3. Nanotechnology and International Law Research Guide / Karim E., bin Munir A.B., Yasin S.H. – M., 2016.

4. Regulating nanotechnologies: risk, uncertainty and the global governance gap / Falkner R. and Nico J. // Global environmental politics. – 2012. – 12 (1). – P. 30-55.

5. National Nanotechnology Initiative. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.nano.gov.

6. Policy Brief Nanotechnology Risk Governance Recommendations for a global, coordinated approach to the governance of potential risks. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.irgc.org.

[1] Об утверждении Концепции токсикологических исследований, методологии оценки риска, методов идентификации и количественного определения наноматериалов: Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 31.10.2007 № 79 // Российская газета. 2007. № 270.

7. Report of the Sub – Committee of Experts on the Globally Harmonized System of Classification and Labelling of Chemicals on its twentieth session. Geneva, 7 to 9 Desember 2010. – 24 p.

8. Regulatory Aspects of nanomaterials. Commission of the European Communities. – Brussels, 17.06.2008. – 11 p.

9. Meeting of Competent Authorities for REACH and CLP. 25-26-27 October 2010. EUROPEAN COMMISSION. – Brussels, 24 February 2011, Doc. CA/02/2011.

10. Congressional Record – 111th Congress (2009-2010). Statements on introduced bills and joint resolutions. The Library of Congress. – January 21. – 2010.

УДК 340

Наталия Викторовна Мамитова,
профессор кафедры государствоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация, доктор юридических наук, профессор
E-mail: nvmamitova@mail.ru

Natalia V. Mamitova,
Professor of the Department of state studies of the Institute of public service and management of the Russian presidential Academy of national economy and public administration, Moscow, Russian Federation doctor of law, Professor

ЭКСПЕРТИЗА КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ИНСТИТУТ

Значимость института экспертизы в системе государственной и общественной жизни обуславливает актуальность представленной статьи. Экспертиза стала не только необходимым инструментом управления делами государства и формирования новых структур гражданского общества, но и междисциплинарным институтом. В связи с этим необходимо уточнить понятие экспертизы, проанализировать многочисленные аспекты, связанные с ее формированием и развитием, ее видов и направлений экспертной деятельности. В статье обосновывается, что в условиях глобализации правовая экспертиза стала важнейшим инструментом для принятия эффективных, юридически грамотных решений, обязательной стадией правотворческого процесса в современном обществе. Особое внимание уделено антикоррупционной экспертизе как одному из видов правовой экспертизы и средству противодействия коррупции. Обосновывается обязательность проведения научной экспертизы российского законодательства. Сформулированы выводы и рекомендации по основным направлениям оптимизации экспертного процесса, позволяющие повысить результативность экспертной деятельности, вывести ее на уровень экспертной политики.

Ключевые слова: экспертиза, научная экспертиза, методология, государство, право, общество, законодательство, правотворчество, правовая политика, антикоррупционная политика, экспертная деятельность, экспертная политика.

EXPERT EXAMINATION AS AN INTERDISCIPLINARY INSTITUTE

The importance of the institute of expertise examination the system of state and public life determines the relevance of the article. Expert examination has not only become a necessary tool for managing state affairs and the formation of new structures of civil society, but also an interdisciplinary institution. In this regard, it is necessary to clarify the concept of expertise, to analyze the numerous aspects associated with its formation and development, its types and directions of expert activity. The article substantiates that in the context of globalization, legal expertise has become an important tool for making effective, legally competent decisions, and an obligatory stage of the law-making process in modern society. Particular attention is paid to anti-corruption expertise as one of the types of legal expertise and a means of counteraction to corruption. The author substantiates the mandatory scientific examination of Russian legislation. The conclusions and recommendations are formulated in the main areas of optimization of the expert process, allowing to increase the effectiveness of expert activity and bring it to the level of expert policy.

Keywords: examination, scientific examination, methodology, state, law, society, legislation, law-making, legal policy, anti-corruption policy, expert activity, expert policy.

В настоящее время экспертиза стала основой развития общественных процессов в различных сферах, и прежде всего в сфере права, которая, обеспечивает, в том числе, эффективность действующего в стране законодательства. С одной стороны, на сегодняшний день существует множество различных видов экспертиз, в том числе правовых, статус которых до сих пор законодательно не определен, несмотря на то, что потребности юридической практики в данной сфере остаются весьма высокими. С другой стороны, бурное развитие современного российского законодательства определяет необходимость совершенствования экспертной деятельности в процессе законотворчества как части правовой политики Российской Федерации.

Обратимся к исследованию понятия «экспертиза» в современной научной литературе. **Экспертиза** (лат. *expertus* – опытный) – исследование специалистом (экспертом) каких-либо вопросов, решение которых требует специальных познаний в области науки, техники, искусства и других сферах[1]. Сходное понятие экспертизы дается и в других источниках[2]. Иногда под экспертизой понимается рассмотрение какого-либо вопроса экспертами для дачи заключения[3], в частности, «практическим и документальным результатом экспертизы является заключение эксперта или группы экспертов»[4]. Однако не все авторы включают заключение в понятие экспертизы. Например, Ю.В. Сидельников понимает под экспертизой оценочно-аналитическую деятельность, выполняемую с привлечением экспертов для анализа и оценки объектов экспертизы[5].

Зачастую экспертиза понимается как «эмпирическое исследование обособленного объекта, проводимое сведущим лицом (экспертом), основанное на специальных (профессиональных) знаниях, с применением особых методик, с целью получения информации об исследуемом объекте, оформляемое в виде заключения, в котором эксперт выражает свое профессиональное мнение (оценку) полученной информации»[6].

Применяя методологический подход к исследуемой проблеме, следует сосредоточиться на вопросе о том, должна ли экспертиза сопровождаться заключением эксперта или достаточно его оценочно-аналитической деятельности без оформления ее в соответствующий документ? Следует отметить, что процесс проведения экспертизы не сопровождается выработкой новых знаний. Он основан на запасе знаний, выработанных до нее, а также собственном опыте эксперта. Таким образом, в отличие от науки, экспертиза – это не вид познавательной деятельности, а процесс, задачей которого является всестороннее рассмотрение, оценка и систематизация конкретной узкопрофильной информации в целях облегчения принятия ответственных решений уполномоченными на это лицами. Другими словами, эксперт – это помощник, консультант, советник, на которого возложены важные аналитические функции, обеспечивающие требуемое качество итогового продукта. В этом проявляется концептуальное значение экспертной деятельности не только для российского законотворчества, но и для принятия любых правовых решений. В то же время, экспертиза законопроекта не должна восприниматься исключительно как возможность его выбраковки, она призвана выявлять правовые, лингвистические и иные проблемы и определять пути их устранения.

Также следует отметить, что в дефинициях экспертизы есть только общее указание на ее целеполагание, не конкретизирующее это определение. В проекте модельного закона «О государственной экспертизе», разработанном Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ, экспертиза трактуется как «осуществляемое специалистом (экспертом) и основанное на применении специальных познаний исследование, выполняемое по назначению или заказу государственного учреждения или органа в соответствии с установленной законом процедурой»[7]. В данной дефиниции экспертиза – исключительная прерогатива только государственных структур и органов, что, на наш взгляд, не точно.

Следует согласиться с высказыванием о том, что первостепенное значение для правовой экспертизы имеет анализ юридической терминологии, который используется в зако-

[1] Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 2000. С. 1394.

[2] Словарь русского языка: в 4 т. 3-е изд. М., 1988. Т. 4. С. 751; Закиров И.А. Правовая экспертиза: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008.

[3] Ожегов С.И. Словарь русского языка. 10-е изд. М., 1973. С. 832.

[4] Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1997. С. 499.

[5] Сидельников Ю.А. Экспертиза: состояние и тенденции развития // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 2. С. 120-127.

[6] Нестеров А.В. Экспертное дело. Ростов-на-Дону, 2003. С. 24.

[7] Модельный закон «О государственной экспертизе» (проект). Межпарламентская ассамблея государств – участников СНГ: (постоянная комиссия по науке и образованию). СПб., 2001.

нопроекте и проводится как в рамках лингвистической, так и в рамках правовой экспертизы[1].

В научной литературе обращается внимание на данную часть экспертной деятельности и предлагается возможная теоретико-прикладная модель экспертизы юридической терминологии законопроекта, включающая в себя:

– цель проведения экспертизы;

– специальные требования к экспертам;

– комплекс вопросов для исследования юридической терминологии экспертами-юристами и экспертами-лингвистами[2].

Таким образом, с учетом вышеизложенного, понятие правовой экспертизы требует некоторой корректировки и конкретизации. Выделим его основные элементы. Прежде всего, экспертиза – это исследование какого-либо объекта специалистом (экспертом) в определенной области знаний. Следовательно, первым сущностным элементом экспертизы выступает сам *процесс исследования* в определенной сфере, а вторым – *заключение*, составленное специалистом по результатам проведенного исследования, оформленное в виде официального документа, который подтверждает проведение данного исследования. Учитывая указанные элементы, считаем целесообразным предложить следующее определение.

Экспертиза – это углубленный анализ определенного объекта (в том числе информационного), который основан на использовании накопленных профессиональных знаний и собственного опыта эксперта и итогом которого является заключение, оформленное в соответствующем процедурном порядке в виде официального документа установленной формы в целях обеспечения принятия ответственного решения по исследуемому вопросу.

Данное понятие может быть применено к любому виду экспертизы, в том числе и правовой, будь то экспертиза, назначаемая государственными органами или учреждениями, либо экспертиза, проводимая общественными организациями и отдельными специалистами[3].

Остановимся кратко на *основных видах экспертизы*. На сегодняшний день существует большое количество различных экспертиз, дифференцируемых, прежде всего, в зависимости от сферы применения и субъекта, их осуществляющего. Главным основанием классификации экспертиз по видам является область знаний, науки, техники или искусства, к которой относится рассматриваемый объект.

Одной из разновидностей таких экспертиз выступает **правовая экспертиза** – исследование, направленное на выявление соответствия, принимаемого или действующего нормативного правового акта требованиям норм права, общественному интересу, социальным потребностям.

В гражданском процессуальном, уголовно-процессуальном, арбитражном законодательстве существуют нормы, регулирующие основания и порядок назначения и проведения **судебной экспертизы**. В соответствии с Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» экспертиза осуществляется государственными судебно-экспертными учреждениями, которыми являются специализированные учреждения федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ, созданные для обеспечения исполнения полномочий судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей и прокуроров посредством организации и производства судебной экспертизы.

В последнее время в научной литературе стали выделять новый вид правовой экспертизы – **мониторинговую экспертизу**. Под ней предлагается понимать всестороннее, основанное на научном подходе исследование нормативного акта в целях установления его непротиворечивости нор-

[1] Туранин В.Ю. Феномен юридической терминологии: монография / В. Ю. Туранин: под ред. доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации Н.А. Власенко. М., 2018. 182 с.

[2] Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. М., 1996.

[3] Мамитова Н.В. Правовая экспертиза российского законодательства: вопросы теории и практики // Государство и право. 2010. № 11. С. 5-14.

мам и принципам международного права, национальному законодательству, соответствия научным критериям искомой отрасли права, определения его качества и места в правовом регулировании.

В зависимости от поставленных перед экспертом целей и задач выделяют следующие виды экспертиз:

– **нормативно-техническая экспертиза** – установление соответствия факта основополагающим принципам законодательной техники;

– **герменевтическая экспертиза** – правильное уяснение смысла текста и содержащихся в нем предписаний;

– **лингвистическая экспертиза** – выявление значения текста законодательного акта, исходя из правил русского языка и традиционного значения употребляемых слов;

– **гендерная экспертиза** – установление соблюдения принципа равноправия мужчин и женщин и отсутствия дискриминации по признаку пола.

Отдельно можно выделить финансовую, экологическую, миграционную, антикоррупционную и цифровую экспертизы, которые *не всегда можно отнести к разряду правовых*.

Финансовая экспертиза – проводится Счетной палатой РФ в соответствии со ст. 20 Федерального закона от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации»[1].

Экологическая экспертиза – установление соответствия документов и (или) документации, обосновывающих намечаемую в связи с реализацией объекта экологической экспертизы хозяйственную и иную деятельность, экологическим требованиям, установленным техническим регламентам и законодательству в области охраны окружающей среды, в целях предотвращения негативного воздействия такой деятельности на окружающую среду.

Миграционная экспертиза – одна из разновидностей правовой экспертизы законодательства. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года[2] предусматривала создание экспертного комитета, который на постоянной основе занимался бы оценкой законодательных инициатив в сфере управления миграцией и результатов их реализации. Такой комитет, состоящий из относительно узкого круга профессионалов в сфере миграции (антропологов, экономистов, юристов, демографов) мог бы проводить самостоятельно или заказывать исследования миграционной ситуации, анализировать складывающиеся миграционные тенденции и вызовы и оценивать соответствие принимаемых решений в области миграции общей социально-экономической стратегии развития России. Такая практика существует во многих странах, где на экспертные комитеты, существующие вне государственных структур миграционного контроля, возложена функция компетентной оценки и мониторинга принимаемых мер миграционной политики.

Антикоррупционная экспертиза – исследование, направленное на выявление и устранение в проектах нормативных правовых актов положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции[3].

Мировой опыт доказывает, что социально-экономический эффект от устранения условий, способствующих коррупции, значительно выше, чем борьба с ее последствиями. Анализ зарубежной практики свидетельствует о том, что ощутимых успехов в борьбе с коррупцией добились те страны, в которых применяется комплексный подход к противодействию коррупции, включающий в себя применение системы политических, пропагандистских, правовых, экономических, организационных и иных мер (в том числе и экспертных), направленных на устранение причин коррупции, а также на взаимодействие государства, гражданского общества, бизнес-структур в процессе их применения[4].

---

[1] Собрание законодательства РФ. 08.04.2013. № 14. Ст. 1649.

[2] Утратила силу в связи с принятием нового документа – Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы – См.: http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986.

[3] Экспертиза: юридический словарь-справочник / под ред. А.В. Малько. М., 2018. 112 с.

[4] Brian J. Stults. The effect of commuting on City-Level Crime Rates / Journal of Quantitative Criminology. 2015. № 2; Grossman M. Political corruption in America. Santa Barbara, 2005.

Цифровая экспертиза – это новый вид экспертизы, который активно начинает развиваться в Российской Федерации. Следующим важным направлением оптимизации экспертной деятельности, и в частности, антикоррупционной экспертизы – стало развитие цифровой экономики как инструмента минимизации коррупционных рисков. В мире вопросам формирования цифрового общества и снижению уровня коррупции уделяют значительное внимание, – это отражается в принятых стратегиях развития экономик многих стран. Так, в Дании с 2000 г. принята программа развития цифровой экономики, с 2005 г. в Сингапуре, с 2008 г. в Австралии, Гонконге, Великобритании, Новой Зеландии, с 2009 г. в Евросоюзе, с 2010 г. в Канаде, с 2012 г. в Малайзии, с 2013 г. в Южной Корее, с 2015 г. в Индии и Казахстане[1].

В России точкой отсчета по развитию цифровой экономики можно считать Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016, в котором отмечено, что: «…необходимо запустить масштабную системную программу развития экономики нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики»[2]. После чего была принята Программа «Цифровая экономика». В частности, основными целями Программы, разработанной Экспертным советом при Правительстве РФ по цифровой экономике (ЭС-013-01-17) 23.01.2017 были следующие области общественной жизни: большая интеграция граждан и бизнеса в цифровое пространство; создание инфраструктуры, цифрового пространства; повышение эффективности взаимодействия граждан с государством; повышение конкурентоспособности всех элементов экономической деятельности общества.

Также выделяют **общественную экспертизу**. К общественной экспертизе можно отнести относительно новую ее разновидность – общественно-аккредитационную экспертизу. Одной из наиболее малоизученных сегодня, выступает **научная экспертиза**. Она является неофициальной, но весьма значимой и необходимой не только в правотворчестве, но и во всех сферах жизни общества. На наш взгляд, проведение научных экспертиз законопроектов должно стать обязательным, так как научное исследование текста законопроекта, выработка на его основе комплекса концептуальных рекомендаций значительно повысят эффективность законотворческого процесса. К сожалению, в настоящее время нет системного, а значит, полноценного, участия научного сообщества в законотворческой деятельности. Такая ситуация – одна из предпосылок появления слабых и непродуманных законов, которые в дальнейшем подвергаются многочисленным изменениям и дополнениям, либо отменяются.

Таким образом, экспертиза является широко используемым способом применения специальных знаний в различных сферах человеческой деятельности. Оптимизация экспертного процесса сегодня лежит в плоскости внедрения и оптимизации на всех уровнях экспертной работы. Федеральные и региональные законопроекты должны подвергаться независимой научной экспертизе. Взаимодействие органов законодательной власти и экспертов в данном контексте может осуществляться как в условиях наличия постоянно действующей независимой научно-экспертной комиссии при органе законодательной власти, так и в режиме сотрудничества с различными экспертными советами, фондами, институтами, лабораториями, некоммерческими организациями. Необходимой частью независимой научной экспертизы законопроекта должна выступать не только оценка его терминологии, которая позволяет найти ответы на поставленные вопросы, связанные с эффективностью применения того или иного юридического термина, но и методологическими основами текста, логикой его изложения, системными и научными вопросами, ответы на которые не найдены на предыдущих этапах правотворческой деятельности.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод и внести предложение о необходимости разработки специальной экспертной политики в Российской Федерации, опирающейся на

[1] Стратегия развития цифрового пространства ЕАЭС 2025. 2016. URL: http://d-russia.ru/wp.; content/uploads/2016/10/strategy.pdf (дата обращения: 29.11.2016); Интернет-экономика // Tadviser. URL: https://goo.gl/FBXopG (дата обращения: 16.01.2016).

[2] Послание Президента РФ Федеральному собранию от 01 декабря 2016 г. URL: http://www. consultant.ru /document/cons_doc_LAW_207978.

концептуальные научно-методологические исследования в этой сфере, и формировании профессионального экспертного сообщества, которое совместно с властью, бизнесом и наукой сможет предлагать инновационные решения задач, встающих перед современным Российским государством.

Список литературы

1. Brian J. Stults. The effect of commuting on City-Level Crime Rates // Journal of Quantitative Criminology. – 2015. – № 2. – Pp. 331-350.
2. Grossman M. Political corruption in America. – Santa Barbara: Abc-Clio, – 2005.
3. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. – М.; СПб: Большая Российская энциклопедия, Норинт, 2000. – 1434 с.
4. Закиров И.А. Правовая экспертиза: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2008. – 27 с.
5. Мамитова Н.В. Правовая экспертиза российского законодательства: вопросы теории и практики // Государство и право. – 2010. – № 11. – С. 5-14.
6. Нестеров А.В. Экспертное дело. – Ростов-на-Дону: Книга, 2003. – 349 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 10-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1973. – 846 с.
8. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. – М.: Право и Закон, 1996. – 224 с.
9. Сидельников Ю.А. Экспертиза: состояние и тенденции развития // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 2. – С. 120-127.
10. Словарь русского языка: в 4 т. 3-е изд. – М.: Русский язык, 1988. – Т. 4. – 795 с.
11. Туранин В.Ю. Феномен юридической терминологии: монография / под ред. доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации Н.А. Власенко. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 182 с.
12. Экспертиза: юридический словарь-справочник / под ред. А.В. Малько. – М.: Проспект, 2018. – 112 с.
13. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: Юринформцентр, 1997. – 525 с.

List of references

1. Brian J. Stults. The effect of commuting on City-Level Crime Rates // Journal of Quantitative Criminology. – 2015. – № 2. – Pp. 331-350.
2. Grossman M. Political corruption in America. – Santa Barbara: Abc-Clio, 2005.
3. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar*. – [A large encyclopedic dictionary. 2nd ed. – M.; St. Petersburg: Great Russian Encyclopedia, Norint Publ, 2000. – 1434 p.]
4. Zakirov I.A. *Pravovaya ekspertiza* [Legal examination: author`s abstract for the dissertation for the Candidate of legal sciences. – N. Novgorod, 2008. – 27 p.]
5. Mamitova N.V. *Pravovaya ekspertiza rossiyskogo zakonodatel'stva: voprosy teorii i praktiki.* [Legal examination of Russian legislation: issues of theory and practice] // Gosudarstvo i pravo. – 2010. – № 11. – Pp. 5-14.
6. Nesterov A.V. *Ekspertnoye delo.* – [Expert case]. – Rostov-on-Don: Kniga Publ., 2003. – 349 p.
7. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka*. – [Dictionary of the Russian language. 10th ed.] – M.: Sov. entsiklopediya, 1973. – 846 p.
8. Rossinskaya E.R. *Sudebnaya ekspertiza v ugolovnom, grazhdanskom, arbitrazhnom protsesse.* [Forensic examination in criminal, civil, arbitration]. – M.: Pravo i Zakon, 1996. – 224 p.
9. Sidelnikov Yu.A. *Ekspertiza: sostoyaniye i tendentsii razvitiya* – [Expertise: state and development trends] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya. – 1997. – № 2. – Pp. 120-127.
10. *Slovar' russkogo yazyka*. – [Dictionary of the Russian language: in 4 vol. 3rd ed. – M.: Russkiy yazyk, 1988. – V. 4. – 795 p.]
11. Turanin V.Yu. *Fenomen yuridicheskoy terminologii: monografiya.* – [The phenomenon of legal terminology: monograph] / ed. Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation N.A. Vlasenko. – M.: Yurlitinform, 2018. – 182 p.
12. *Ekspertiza: yuridicheskiy slovar'-spravochnik.* [Examination: a legal dictionary-reference book / ed. A.V. Malko. – M.: Prospect, 2018. – 112 p.]
13. *Yuridicheskaya entsiklopediya.* – [Legal Encyclopedia / Ed. M.Yu. Tikhomirova. – M.: Yurinformtsentr, 1997. – 525 p.]

УДК 340

Василий Владиславович Трофимов,
директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: iptgutv@mail.ru; ri.sls@tsutmb.ru

Vasilii Vladislavovich Trofimov,
Director of Scientific Research Institute of State – Legal Research,
professor of the department of theory and history of state and law in
Tambov State University named after G.R. Derzhavin,
Doctor of Law, associate Professor

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ВЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Статья имеет целью осмысление и обоснование эвристических преимуществ междисциплинарной модели познания в сфере государственно-правовых исследований и ее применения в практической плоскости государства и права. Констатируется, что для решения масштабных научных проблем в области современного государственно-правового развития недостаточно данных сугубо профильного характера из области юридических и политических дисциплин, для объективного и полноценного исследования этих феноменов требуется применение междисциплинарной модели научного познания. Выявляются проблемные стороны произвольного (ненаучного) применения междисциплинарного подхода в юриспруденции. Обращается внимание на качество современного позитивного права, зависимость процесса его формирования от уровня зрелости правовой доктрины, и его способность к социализации в современных условиях; такая же необходимость социализации устанавливается применительно к личности в правовой жизни общества.

Ключевые слова: государственно-правовая наука, междисциплинарная модель исследований, междисциплинарный научный подход, интеграция социально-гуманитарного знания, естественнонаучные методы в социальных науках, современные глобальные вызовы, научно-технологическая революция, индустриальное развитие, инновационная экономика, цифровая реальность, геномные исследования, экология социального развития, интеллектуальное право, комплексные правовые образования, формирование новых государственно-правовых институтов, проблемы правовой социализации личности в современных условиях.

INTERDISCIPLINARY VECTOR OF STATE LEGAL STUDIES: PROBLEMS AND PROSPECTS

The purpose of the article is to comprehend and justify the heuristic advantages of the multidisciplinary model of knowledge in the field of state legal research and its application in the practical plane of state and law. It is stated that in order to solve large-scale scientific problems in the field of modern state-legal development, data of a purely specialized nature from the field of legal and political disciplines are insufficient, an objective and comprehensive study of these phenomena requires the use of an interdisciplinary model of scientific knowledge. The problematic aspects of the arbitrary (unscientific) application of an interdisciplinary approach in jurisprudence are identified. Attention is drawn to the quality of modern positive law, the dependence of the process of its formation on the maturity level of legal doctrine, and its ability to socialize in modern conditions; the same need for socialization is established in relation to the individual in the legal life of society.

Key words: state law science, interdisciplinary research model, interdisciplinary scientific approach, integration of social and humanitarian knowledge, natural science methods in the social sciences, modern global challenges, scientific and technological revolution, industrial development, innovative economy, digi-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00726.

tal reality, genomic research, social development ecology, intellectual law, complex legal formations, the formation of new state-legal institutions, the problems of legal socialization of individuals today

В современных условиях все более очевидна необходимость интеграции научного опыта изучения государственно-правовой сферы жизни современного общества, осуществляемого, прежде всего, юриспруденцией и политологией, с различными иными направлениями социальной и гуманитарной науки (социологией, историей, экономикой, филологией, психологией, педагогикой и пр.), а равно направлениями естественнонаучного и технического знания, на различных уровнях теоретического и эмпирического познания государственно-правовых явлений. Сегодня для решения масштабных научных проблем в области современного развития государства и права недостаточно данных сугубо профильного характера из области юридических и политических дисциплин, для объективного и полноценного исследования этих феноменов требуется применение междисциплинарной модели научного познания.

Кроме того, в условиях глобальных вызовов современности, интенсивного научно-технологического и индустриального развития на государственно-правовые институты возлагаются важные задачи, связанные с обеспечением динамических процессов адекватными нормативно-регулирующими параметрами (нормативно-правовыми основами), качество формирования которых напрямую зависит от глубины понимания природы складывающихся вновь общественных отношений нового индустриального уклада (индустрия 4.0). Это означает, что союз государственно-правовой науки не только с иными областями социогуманитарного знания, но здесь, прежде всего, с естественнонаучным и техническим видами знания, ролью которых предопределяется научно-технологическое (инновационное) развитие общества, крайне актуален и значим. Для первой из сторон искомого научного союза это важно в силу того, что разработка новых научных государственно-правовых теорий и нормативных положений (на теориях базирующихся) возможна лишь при правильном понимании сущности изучаемого и в дальнейшем подвергаемого регламентации предмета в виде обновленных сфер общественных отношений. В свою очередь, для естественной и технической наук (соответствующих сфер жизни общества) конвергенция с социально-гуманитарной (в том числе, государственно-правовой) наукой – это веское основание ожидать позитивных и адекватных государственно-правовых решений, способствующих развитию науки и технологий, а вместе с тем – общества в целом. Такие проблемы и актуальные для современной науки темы, как правовое регулирование нанотехнологий, биотехнологий, геномных исследований, государственно-правовая политика в сфере цифровизации общественных процессов, правовые основы освоения и исследования арктических и антарктических территорий, государственно-правовая политика в области изучения космического пространства[1] и др., возможно постигать лишь на платформе междициплинарной научной модели.

Также следует отметить и наметившиеся в научном знании тенденции к пересмотру (усовершенствованию) методологических оснований[2]. Плодотворное развитие современной науки и, в частности, государственно-правовой теории зависит от многих факторов, как субъективного (персональная активность ученых), так и объективного (материальные и духовно-идеологические условия) характера. За истекшую четверть века новейшей истории России государственно-правовая наука в целом и ее отдельные направления существенно

[1] В частности, в области государственно-правового сопровождения процесса освоения космического пространства сегодня проводятся интересные и глубокие исследования. – См., например: Ударцев С.Ф. Правовая политика и космическая деятельность // Государственно-правовые исследования: научно-образовательный ежегодник. Вып. 2. 2019 (2018/2019 уч. год) / гл. ред. В.В. Трофимов. Тамбов, 2019. С. 13-30.

[2] См., например: Современные методы исследования в правоведении: Монография / Колл. авт. / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2007.

обновились, в сферу научной компетенции были имплементированы достижения мирового уровня в виде научных концепций, теорий, подходов и пр., которые позволили во многом преодолеть монистичность исходной методологии науки, характерную для советского периода развития научного знания[1]. Плюрализм и комплементарность научных подходов и теорий уже не исключение, но еще и не общее правило современной науки. Стереотипы и догмы, искусственно устанавливаемые границы между сферами знаний все еще имеют место в научном континууме.

Вместе с тем, перед современной государственно-правовой наукой (как, впрочем, и другими областями социально-гуманитарного знания) появляются новые вызовы (основные из которых были четко обозначены ранее в Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 г.[2], а в недавнее время – в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 г.[3]), адекватное реагирование на которые должно во многом подтвердить состоятельность той или иной науки, ее способность найти своевременный и верный ответ на те задачи, которые ставятся в современных условиях перед обществом и государством. Чтобы государственно-правовая наука могла реализовать свою компетентность по данному блоку вопросов, ей необходимо овладевать всей суммой знаний об обществе и мире и происходящих в них процессах, а это возможно осуществить лишь интегрируя усилия по изучению государственно-правовых проблем с иными научными школами и направлениями социальных и гуманитарных наук в целом, применять для познания государственно-правовой сферы жизни общества междисциплинарную (трансдисциплинарную, мультипарадигмальную) модель, осуществляя кооперацию с политологами, экономистами, социологами, филологами, психологами, педагогами и представителями иных научных областей (естественных, технических). Такой подход видится наиболее перспективным и отвечающим духу времени, а также тем задачам, которые необходимо решать в стратегическом и тактическом плане. Клаус Шваб и Николас Дэвис – авторы становящейся все более популярной книги под названием «Технологии Четвертой промышленной революции»[4] (дополняет ранее изданную книгу авторства Клауса Шваба «Четвертая промышленная революция»[5]), высказывая главные тезисы своего сочинения, отмечают, что для того чтобы воспользоваться технологиями Четвертой промышленной революции, нам не следует рассматривать перспективные технологии ни как простые инструменты, которые полностью находятся под нашим осознанным контролем, ни как внешние силы, которыми невозможно управлять. Вместо этого нам следует попытаться понять, как и где человеческие ценности встраиваются в новые технологии и каким образом можно применять новые технологии для общего блага, защиты окружающей среды и прав человека. Все заинтересованные группы должны подключиться к глобальному диалогу о том, как технологии изменяют окружающие нас системы и влияют на жизнь каждого человека на планете[6]. На наш взгляд, это в полной мере должно касаться и научного диалога на современном этапе, который должен охватить максимально все заинтересованные стороны, самые разные науки и научные направления.

---

[1] См. об этом, например: Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова; предисл. Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. – СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014; Трофимов В.В., Свиридов В.В. Правовая наука и коммуникативная теория общества (к проблеме модернизации социально-философских оснований правовых исследований): монография. Тамбов, 2017.

[2] Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 1. Ст. 216.

[3] «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» (утв. Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.2016 г. № 49. Ст. 6887.

[4] Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции. М., 2018.

[5] Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2016.

[6] См.: Шваб К., Дэвис Н. Указ. соч. С. 10-15.

Теоретические и практические проблемы государственно-правовой сферы жизни современного общества имеют сложный и многоуровневый характер, что определяет значимость применения адекватных и, как правило, комплексных подходов, выражающих познавательные или прикладные ресурсы не одной, а целого ряда научных дисциплин, поскольку те предметные области, на которые направлено то или иное исследование, сочетают в себе различные компоненты, как социогуманитарные, так и естественные, а также технические (право и экология, государство и экономика, экономика и цифровые технологии, этика и биология, геномные исследования и право, язык, лингвистика и нормативное регулирование и т. п.). Все это повышает значение междисциплинарных, интернаучных моделей, с помощью которых возможно решить искомые проблемы теоретико-прикладного плана намного более эффективно. Поэтому если говорить о перспективах развития государственно-правовой науки, то именно в применении потенциала междисциплинарности есть основания видеть позитивность общего процесса научной эволюции.

В условиях глобальных вызовов современности, интенсивного научно-технологического и индустриального развития на государственно-правовые институты возлагаются важные задачи, связанные с обеспечением динамических процессов адекватными нормативно-регулирующими параметрами (нормативно-правовыми основами), качество формирования которых напрямую зависит от глубины понимания природы складывающихся вновь общественных отношений нового индустриального уклада (индустрия 4.0). Процесс исследования складывающихся в русле современных трендов общественного развития социально-правовых и управленческих отношений нового типа резонно осуществлять на комплексной и междисциплинарной основе, что позволит объективно и всесторонне изучить соответствующие предметные области. При этом не менее важно помнить о проблеме правовой социализации личности в современных условиях, что, прежде всего, относится к молодому поколению людей, которым предстоит реализовывать формируемые сегодня планы развития и общесоциальные проекты, а также приспосабливать к жизненному существованию в новых социальных условиях. Современное право должно этому непосредственно способствовать и быть само социально адаптированным к новым социальным контекстам[1]. Научное правовое знание должно быть открыто для новых познавательных универсалий (например, вводимая сегодня в научный оборот категория «правовая жизнь» есть не что иное, как попытка представить мир права намного шире и глубже, чем это можно усмотреть в текстах нормативных актов, и сделать работу в практической плоскости – плоскости правовой политики – более эффективной[2]).

Следует одновременно иметь в виду, что вопрос о разработке в рамках государственно-правовой науки методологии междисциплинарности отнюдь не так прост и однозначен, и к его решению требуется подходить максимально взвешенно. Наряду с безусловными преимуществами для научного юридического познания этот метод может нести и некоторые риски, о которых тоже не следует забывать.

Проблемой является сама по себе разработанность методологии междисциплинарности. В чем суть данного метода? Это просто способность привлекать данные других наук или это все же некая новая парадигма мышления, способность к использованию универсалий, которые могут привести может быть и к тому же эвристическому результату (что и частные методологические средства юриспруденции), но быстрее и надежнее, поскольку процесс изначально станет ориентироваться на комплексное и всестороннее рассмотрение предмета исследования.

[1] См. об этом, например: Соколова А.А., Трофимов В.В. Социально-интерактивный уровень социализации права как результирующего этапа процесса правообразования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 2. С. 146-171.

[2] См. об этом: Малько А.В., Трофимов В.В. Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации: монография. М., 2018.

Кроме того, нужно выяснить, каковы пределы междисциплинарности: нет ли риска размывания специально-научного знания (в нашем случае – юридического). С юриспруденцией бездумное применение знаний смежных дисциплин может сыграть недобрую шутку, когда за такими «внешними» научными (и прикладными) конструкциями будут скрыты собственно интеллекутальные возможности и те компетенции, которыми не владеет никакая другая дисциплина (главная из которых – осознание юридических связей как внутри системы правового регулирования, так и по отношению к иным элементам правовой системы – юридической практике и доктрине права). Порой, у представителей иных областей профессиональной деятельности могут возникнуть поверхностные мнения, что можно без юристов обходиться в принципе, как, например, это имело место с юристами Сбербанка, которые были фактически «упразднены» руководством[1].

Нужно исследователям в области права задуматься и над тем, в полной ли мере используется потенциал специальных областей знания. В частности, общей теории права, которая в своем классическом понимании представляет собой именно синтез как догмы права («чистой» правовой теории), так и философии, логики, методологии, социологии права. Нужно только правильно понимать это и осуществлять исследования в этой области с таких позиций, не игнорируя общегуманитарный научный аппарат, который содержится «внутри» общетеоретичесокого правового знания[2]. Собственно чисто специального знания в настоящее время не так уж и много, поскольку даже все отраслевые юридические дисциплины в той или иной мере включают не только специальные, но и более общие социогуманитарные блоки (например, криминология в структуре дисциплин уголовно-правового цикла).

Подводя итоги рассмотрения данной актуальной проблемы, отметим – ее решение зависит во многом от способности современных ученых и практиков осознать важность происходящих сегодня в окружающем мире перемен (уже далеко не локальных, а глобальных и структурных), а осознав эту важность взвешенно и вдумчиво, отбросив узконаучные интересы, перейти к разработке устойчивой методологической платформы междициплинарных исследований, что означает не только произвольное использование методов и знаний из смежных наук, а принципиальный настрой научного мышления (в частности, юридического) на такой комплексный, многоплановый, междисциплинарный вектор научных (правовых) исследований, на конвергентный подход[3] в науке права и государства. Поскольку не перестроившись в этом ключе своевременно можно серьезно отстать в познавательном плане, и тем самым сделать отстающим законодательство и правовую систему, которая в этом качестве будет вступать в противоречие (возможно, трудноразрешимое) с иными типами социальных систем (экономической, культурной и пр.). Такой ситуации не следует допускать.

Список литературы

1. Демченко Н. Герман Греф посоветовал юристам «забыть профессию». URL: https://www.rbc.ru/business/23/07/2017/5974b7a69a79477896b6708d.

2. Ковальчук М.В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. – 2011. – Т. 6. – № 1-2. – С. 13-23.

3. Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова; предисл. Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. – СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014. – Т. 1. – 373 с.; Т. 2. – 533 с.

4. Малько А.В., Трофимов В.В. Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации: монография. – М.: КноРус; «Юстиция», 2018. – 236 с.

[1] Демченко Н. Герман Греф посоветовал юристам «забыть профессию». URL: https://www.rbc.ru/business/23/07/2017/5974b7a69a79477896b6708d.

[2] См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Элементный состав. В 2-х томах. Т. 1. М., 2000.

[3] См.: Ковальчук М.В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. 2011. Т. 6. № 1-2. С. 13-23.

5. Современные методы исследования в правоведении: Монография / Колл. авт. / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. – 560 с.

6. Соколова А.А., Трофимов В.В. Социально-интерактивный уровень социализации права как результирующего этапа процесса правообразования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 2. – С. 146-171.

7. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Элементный состав. В 2-х томах. Т. 1. – М.: Юрид. Дом «Юстицинформ», 2000. – 528 с.

8. Трофимов В.В., Свиридов В.В. Правовая наука и коммуникативная теория общества (к проблеме модернизации социально-философских оснований правовых исследований): монография. – Тамбов: Издательский Дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – 136 с.

9. Ударцев С.Ф. Правовая политика и космическая деятельность // Государственно-правовые исследования: научно-образовательный ежегодник. – Вып. 2. – 2019 (2018/2019 уч. год) / гл. ред. В.В. Трофимов. Тамбов, 2019. – С. 13-30.

10. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016. – 138 с.

11. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции. – М.: Эксмо, 2018. – 320 с.

List of references

1. Demchenko N. *German Gref posovetoval yuristam «zabyt' professiyu»* [German Gref advised lawyers to «forget the profession»]. URL. : https://www.rbc.ru/business/23/07/2017/5974b7a69a79477896b6708d.

2. Kovalchuk M.V. *Konvergentsiya nauk i tekhnologiy – proryv v budushcheye // Rossiyskiye nanotekhnologii. –* [The convergence of sciences and technologies – a breakthrough into the future // Russian Nanotechnology]. – 2011. – V. 6. – № 1-2. – Pp. 13-23.

3. *Kommunikativnaya teoriya prava i sovremennyye problemy yurisprudentsii: k 60-letiyu Andreya Vasil'yevicha Polyakova. Kollektivnaya monografiya: v 2 t. / Pod red. M.V. Antonova, I.L. Chestnova; predisl. D.I. Lukovskoy, Ye.V. Timoshinoy. – SPb.: OOO Izdatel'skiy Dom «Alef-Press»* [Communicative theory of law and modern problems of jurisprudence: on the 60th anniversary of Andrei Vasilyevich Polyakov]. Collective monograph: in 2 volumes / Ed. M.V. Antonova, I.L. Chestnova; foreword DI. Lukovsky, E.V. Timoshina. – SPb.: Alef-Press Publishing House LLC, 2014. – V. 1. – 373 p.; V. 2. – 533 p.

4. Malko A.V., Trofimov V.V. *Pravovaya zhizn' obshchestva kak ob"yekt pravovoy politiki v usloviyakh globalizatsii i regionalizatsii: monografiya. – M.: KnoRus; «Yustitsiya»* – [The legal life of society as an object of legal policy in the context of globalization and regionalization: a monograph]. – M .: KnoRus; «Justice», 2018. – 236 p.

5. *Sovremennyye metody issledovaniya v pravovedenii: Monografiya / Koll. avt. / Pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. – Saratov: SYUI MVD Rossii* [Modern research methods in law: Monograph] / Coll. author / Ed. N.I. Matuzova and A.V. Malko. – Saratov: SUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. – 560 p.

6. Sokolova A.A., Trofimov V.V. *Sotsial'no-interaktivnyy uroven' sotsializatsii prava kak rezul'tiruyushchego etapa protsessa pravoobrazovaniya // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskiye nauki* [Socially-interactive level of socialization of law as a result of the legal process] // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Jurisprudence. – 2018. – V. 22. – № 2. – Pp. 146-171.

7. Syrykh V.M. *Logicheskiye osnovaniya obshchey teorii prava. Elementnyy sostav. V 2-kh tomakh.* [The logical basis of the general theory of law. Elemental composition]. In 2 volumes. T. 1. – M.: Yuridit Dom. Justicinform, 2000. – 528 p.

8. Trofimov V.V., Sviridov V.V. *Pravovaya nauka i kommunikativnaya teoriya obshchestva (k probleme modernizatsii sotsial'no-filosofskikh osnovaniy pravovykh issledovaniy): monografiya.* [Legal science and the communicative theory of society (on the problem of modernizing the socio-philosophical foundations of legal research)]: monograph. – Tambov: Publishing House TSU named after G.R. Derzhavin, 2017. – 136 p.

9. Udartsev S.F. *Pravovaya politika i kosmicheskaya deyatel'nost' // Gosudarstvenno-pravovyye issledovaniya: nauchno-obrazovatel'nyy yezhegodnik.* [Legal policy and space activities // State legal studies: scientific and educational yearbook]. – Issue 2. – 2019 (2018/2019 academic year) / Ch. ed. V.V. Trofimov. – Tambov, 2019. – P. 13-30.

10. Schwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [Fourth Industrial Revolution]. – M.: Eksmo, 2016. – 138 p.

11. Schwab K., Davis N. *Tekhnologii Chetvertoy promyshlennoy revolyutsii* [Technology of the Fourth Industrial Revolution]. – M.: Eksmo, 2018. – 320 p.

УДК 340.1

Ольга Ивановна Цыбулевская,
заведующий кафедрой теории права Поволжский института управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор
E-mail: olga77.54@ mail.ru

Olga Ivanovna Tsybulevskaya,
head of Law Theory Department, Presidential Academy of National Economy and Public Administration – Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin,
Doctor of Science (Law), professor

ВЕКТОР СБЛИЖЕНИЯ ПРАВА И МОРАЛИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ФИЛОСОФСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

В статье через призму междисциплинарного подхода исследуются феномены права и морали. Показано значение их взаимодополнительности в ходе социальной регуляции. Особый упор сделан на аксиологический аспект проблемы. Обращается внимание на сложность использования нравственности как оценочной категории в правотворческом и правоприменительном процессах. Обосновывается необходимость создания механизма государственной защиты нравственности как цели правового ограничения в условиях затянувшегося в России морального кризиса. Показана роль междисциплинарного подхода к соотношению права и морали в формировании нравственно-правового мировоззрения и преодолении последствий ценностного вакуума.

Ключевые слова: право, мораль, духовность, критерии ограничения прав и свобод, общественная нравственность, механизм защиты нравственности, правоприменение, общественное благо, аксиосфера, междисциплинарный подход.

VECTOR OF CONVERGENCE OF LAW AND MORALITY IN A CHANGING WORLD: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS

The article examines the phenomena of law and morality through the prism of an interdisciplinary approach. The importance of their complementarity in the course of social regulation is shown. Special emphasis is placed on the axiological aspect of the problem. Attention is drawn to the complexity of the use of morality as an evaluative category in law-making and law enforcement processes. The necessity of creation of the mechanism of the state protection of morality as the purpose of legal restriction in the conditions of the moral crisis prolonged in Russia is proved. The role of interdisciplinary approach to the correlation of law and morality in the formation of moral and legal worldview and overcoming the consequences of value vacuum is shown.

Keywords: law, morality, spirituality, criteria of restriction of rights and freedoms, public morality, mechanism of protection of morality, law enforcement, public good, axiosphere, interdisciplinary approach.

Право и мораль – это две области научного знания и общественной практики, над природой взаимодействия которых задумывались многие мыслители. Эти сферы на протяжении всей истории своего существования теоретически обособлялись философами и правоведами. Этики во все времена обосновывали значимость и автономность морали, юристы – самостоятельность права. Но включенные в социальный контекст, право и мораль взаимодействуют, дополняют друг друга, участвуют в достижении общих целей.

Объединяющим право и мораль фактором выступает *феномен справедливости*. Право и справедливость имеют один этимологический корень: «прав», «праведный». Справедливость наряду со свободой, равенством является нравственным источником права. Мораль также немыслима без справедливости. Представления о должном лежат в основе и справедливости, и морали. Справедливость – морально-правовая категория.

Отношение личности к *общественному благу*, присутствующее во всех требованиях и ценностях исторически обусловленной морали, можно считать мерилом нравственности. Аналогичные цели, в конечном счете, преследует и правовое регулирование – подчинение интересам общего блага с помощью охраны и защиты прав граждан.

Этика настаивает на утверждении добра и *необходимости борьбы со злом* как социальным явлением. Право, расширяя сферу своего воздействия на поведение людей, также стремится «обуздать» зло. Придавая общеобязательный характер нравственным требованиям, оно ставит преграды произволу. Кроме того, отдельные легальные злоупотребления правом с учетом их нежелательности и общественной вредности, законодатель возвел в ранг противоправных и наказуемых.

Многие юридические нормы содержат в себе моральные принципы. К сожалению, в Конституции Российской Федерации термин «нравственность» упоминается лишь однажды в качестве основания, по которому могут быть ограничены права и свободы человека и гражданина. Было бы не лишним придание таким фундаментальным ценностям, как «гражданский долг», «общественный интерес», «социальная солидарность», «общественное благосостояние» статуса конституционных.

И тем не менее, в ныне действующей российской Конституции содержится обширный перечень моральных норм. Многие нравственные нормы и принципы прямо закреплены в отраслевом законодательстве и направлены на обеспечение нравственной безопасности. Вместе с тем, было бы неверным российское право (как и любое другое) трактовать как абсолютно гармонирующее с моралью.

Современные российские законы не всегда соответствуют моральным канонам. Да и реализация «моральных» норм и принципов, юридически регламентированных, также далека от совершенства. Верно подмечено, что для правоприменителя нравственность как оценочная неоднозначная категория «осложняет» процесс юридической квалификации. «Некоторыми юристами нравственность вообще воспринимается как юридический атавизм, доставшийся по наследству от римских цивилистов, или как правовой институт (наряду с разумностью и добросовестностью), неудачно заимствованный у западных правовых систем»[1]. Однако «разведение» морали и права, отсечение их друг от друга приводит к сбоям во всем механизме социальной регуляции.

И тот факт, что сфера правового регулирования в последние годы в России неуклонно расширяется, не следует опасаться (такие опасения иногда возникают у философов, этиков) за сужение поля деятельности морали. Рассматриваемые феномены следует оценивать с точки зрения их взаимодополнительности. И все же нельзя отрицать того факта, что правовая регламентация нравственных принципов на практике вызывает трудности. Это связано с тем, что границы поведения подчас «стираются» непостоянством и относительностью моральных ценностей. Представления о добре и зле, о хорошем и плохом, о «правильном» и «неправильном» исторически меняются. Каждый человек имеет собственные представлении о морали. Чтобы понять, как связаны и взаимодействуют между собой мораль и право, их надо рассматривать в более широкой философской перспективе. «В нашей этике и, предполагаю, также в правовой науке, – отмечает А.А. Гусейнов, – отсутствует такая перспектива, нет ясности в том, какова более широкая теоретическая конструкция, в рамках которой только и могут быть определены место морали и права, а также характер их взаимосвязи»[2].

Такой объединяющей конструкцией, как представляется, могут выступать моральные основания права с гуманистическим вектором развития. С точки зрения такого видения права при помощи совместных усилий ученых-правоведов и философов возможно создать прочную гносеологическую базу для анализа всей правовой системы России, наметить пути ее совершенствования.

Сторонники ценностного подхода, представители многих наук гуманитарного профиля – философии, социологии, психологии, антропологии, стремясь создать единую модель аксиосферы, пытаются передать полученные ими знания правоведению. Но здесь необходимо

[1] Фомин А.А. Нравственная безопасность как объект правовой политики: общетеоретический и отраслевой аспекты // Право и образование. 2013. № 11. С. 34.

[2] См.: Гусейнов А.А. Мораль и право: характер связи // Lex Russica. 2016. № 11 (120), ноябрь. С. 195.

проявлять определенную долю осторожности, поскольку не все науки обладают методами правоведения и без перевода таких заимствованных знаний на юридический язык, помещения их в юридическую плоскость, они останутся невостребованными. Не всегда суждения правоведов и этиков совпадают. Так, деление систем нормативной регуляции на внутренние (мораль) и внешние (право), имеющее давнюю историю, отличает философский взгляд на проблему соотношения права и морали. Согласно такой классификации право, его нормы относятся исключительно к внешним регуляторам, т. е. гетерономным. Мораль – к внутренним (автономным). Однако отнесение права исключительно к внешним регуляторам опровергается самой практикой. Внутренняя сторона как правомерного, так и противоправного поведения учитывается на всех стадиях механизма правового регулирования.

Распространенным методологическим заблуждением является взгляд отдельных философов на суровость (по сравнению с моральными) правовых санкций. Утверждается, что моральные нормы (соответственно и санкции) мягче, гуманнее права. С этим вряд ли можно согласиться. Нельзя абсолютизировать фактор принудительности в праве. Моральное осуждение, в действительности, может оказаться более строгим, поскольку оно не довольствуется малым в оценках поступков индивидов. Моральные нормы и принципы зачастую требуют от личности гораздо больше, чем правовые. «То, что последствия для лица, действующего аморально, наступают не сразу, не означает, что они вообще не проявляются. Нарушителю следует опасаться не столько текущего, сколько перспективного воздаяния. Потерпевшему поможет уже и само общественное осуждение противоправного деяния»[1].

Междисциплинарный подход к соотношению права и морали может применяться в формировании нравственно-правового мировоззрения. Формирование действенной государственной политики в области духовного воспитания населения признано составной частью обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. И это не случайно. Социологи Высшей школы экономики, проводившие серию исследований о динамике социальных отношений, отмечают резкое падение морали в обществе, в частности, снижение уровня порядочности. Нравственный износ элиты, снижение уровня профессионализма уже сказывается и на общем моральном уровне населения. За последнее десятилетие на 23 % упала доля тех, кто нетерпимо относится к взяткам, на 29 % – к неуплате налогов, на 36 % снизилось число осуждающих воровство из бюджета. Задолженность по алиментам исчисляется в миллионах рублей, в должниках – каждый третий алиментщик[2].

Национальные культуры имеют важную функцию – сохранение своих сообществ и передачу их специфических черт своим потомкам. Д.А. Керимов в начале прошлого десятилетия с горечью отмечал: «Политическая элита до сих пор не в состоянии понять, что игнорирование *величайшей российской духовности* (курсив наш. – *О. Ц.*), не знающей себе равных в мире, не менее трагично, чем развал экономики и армии»[3].

Установить границы нравственного и безнравственного, дозволенного и недозволенного – задача сложная. Может быть поэтому законодатель стремится любым способом «уйти» от правового регулирования нравственных проблем. Однако современные российские реалии поставили перед государством задачу, решение которой не требует отлагательства – правовое регулирование общественной нравственности с целью ее защиты. Механизм такой защиты пока еще не создан. Но определенные теоретические наработки в данной области существуют[4]. Это и отсеивание аморальных инициатив на стадии законопроекта путем официально-

[1] Шапп Я. О свободе, морали и праве // Государство и право. 2002. № 5. С. 91.

[2] См.: Костиков В. Здравствуй, моя Мурка. Как поживает и развлекается новая элита // Аргументы и факты. 2018. № 43.

[3] Керимов Д.А. О будущем отечественной юридической науки и образования // Материалы науч.-практ. конф. «Глобализационные процессы в сфере права: проблемы правового развития в России и СНГ», 19-20 апреля 2001 г. М., 2001. С. 23.

[4] См.: Баранов В.М. Государственная защита нравственности как цель правового ограничения (доктрина, практика, техника) // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 63-67.

го отказа в их рассмотрении; и признание правовых актов недействительными на том же основании; и опережающее правотворчество, направленное на пресечение размывания границ морального и аморального, дозволенного и недозволенного; проведение экспертизы законопроекта на предмет соответствия нравственным требованиям, моральную оправданность, и, соответственно, формирование корпуса экспертов (что само по себе не простое дело); создание специализированных судов. Но утверждение в необходимости данного процесса – одно дело, а претворение этих идей в жизнь – другое. Как метко подмечено, без усилий юридического сообщества и политической воли здесь не обойтись.

В решении данной сложной проблемы необходимо обозначить *некоторые ориентиры*. Главная ошибка всех тех, кто стремится разобраться в этих непростых вопросах (аналитиков – юристов и философов) заключается в том, что под нравственностью (моралью) ими понимается данный свыше образец, нечто абсолютно возвышенное. На самом же деле реальная нравственность (мораль) конкретного общества отражает эгоистические настроения индивидов и социальных групп и одновременно демонстрирует призывы к альтруизму. Она содержит в себе элементы возвышенного, укрепляющего общественную жизнь и низкопробного, разрушающего ее.

Когда рассуждают о невозможности правовой регламентации морали, то зачастую имеют в виду нравственность вообще, а речь должна идти об *общественной* морали, то есть о выработке стержневых принципов, которые затем могут применяться во множестве различных ситуаций без малейшего ущемления справедливости. При всей разрозненности моральных ценностей на государственном уровне достаточно юридически защитить необходимый минимум нравственных требований – главный стержень духовной жизни социума.

Следует учитывать, что мораль не однородна, она в один и тот же отрезок времени отличается в разных государствах. А главное, мораль отдельного государства обособлена территориально, поскольку черпает свою силу в духовной сфере, сформированной предшествующими поколениями. Кроме того, моральные нормы – не застывшие во времени структуры, они меняются, трансформируются. Сложность задачи как раз и заключается в выявлении изменений требований общественной нравственности.

Если обратиться к опыту отдельных государств, то можно прийти к выводу: данный вопрос в различных странах решается по-разному. Например, в Англии определение того, каковы на данный момент требования общественной морали, фактически доверено присяжным, волею случая участвующим в том или ином судебном процессе[1]. Есть смысл позаимствовать механизм приведения права в соответствие с требованиями современной морали у других государств, взяв самое лучшее.

Но здесь надо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, следует все-таки уточнить субъектный состав, то есть определиться, кому следует доверить осуществление «замеров» общественной нравственности. В сложившейся ситуации духовного кризиса достаточно сложно найти, выражаясь языком Канта, «моральных личностей», «камертонов», которые могли бы демонстрировать всей своей жизнью образцы абсолютной нравственности (таких, как, например, Дмитрий Лихачев). Высказываются разумные предложения на этот счет. Данную роль могут выполнять уполномоченные по правам человека. Коллективные субъекты, в частности, общественные палаты, другие институты гражданского общества могут справиться с этой миссией. Во-вторых, в переходный период, как свидетельствует история, всегда возникает некая «рассинхронизация» между религией, моралью, правом как социальными регуляторами. Определение новых ценностей занимает, как правило, значительный отрезок времени, выходящий за пределы этого переходного периода. Ценностный вакуум, возникший в России в 90-е годы на фоне кризиса во всех без исключений сферах – экономи-

[1] Ллойд Д. Идея права: Репрессивное зло или социальная необходимость? / Пер. с англ. М.А. Юмашевой, Ю.М. Юмашева. М., 2002. С. 70-72.

ки, политики, права – дает о себе знать и сегодня. Кризис духовности опасен, поскольку имеет серьезные последствия, хотя и отдаленные во времени.

Одним из самых действенных способов упрочения духовности в государстве, на наш взгляд, является принятие специальных законов по защите нравственности. Не случайно в последние годы приняты и действуют в большинстве субъектов Российской Федерации законы, принятые с такой целью, например, законы о защите нравственности детей. В Саратовской области такой закон действует с 2008 года. Принят и Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Разработка и принятие такого рода нормативных актов – задача непростая. Решение подобных вопросов требует наличия глубоких познаний, проведения тщательных исследований, умелой аргументации и жизненного опыта. Не вся нравственная сфера может и должна быть урегулирована правовыми нормами. Крайности, как всегда, не полезны. Одинаково вредны и «юридизация» морали, и «морализация» права. Моралистическая законность негативно влияет на все сферы жизнедеятельности людей. Б.Н. Чичерин, будучи сторонником либеральных воззрений, опасался, что чрезмерное сближение права и морали может привнести в нравственность принудительные методы воздействия, а в право – злоупотребление нравственными аргументами[1].

Конечно, поддержание морали – это дело семьи, школы, религиозных общин, добровольных организаций и союзов. Партнерские отношения между властью и обществом могут обеспечивать успешное решение проблем духовного развития людей на основе принципов гуманизма и демократии. Активно формирующиеся структуры гражданского общества должны делать это с сознанием того, что выполняют очень важную функцию – обеспечение нравственной безопасности. Но в современном мире духовные процессы должны быть объектом *государственного* регулирования. Духовное совершенствование – слишком возвышенная цель, чтобы отдать ее на усмотрение децентрализованной, пока еще разрозненной группе субъектов.

Согласно теории И. Канта нравственность общества зиждется на двух столпах: морали и праве. Сегодняшняя безнравственность может быть объяснена учением великого моралиста. Общество не может быть моральным, если к нравственности строго и последовательно не принуждает право.

Для российской государственности духовная составляющая является основополагающей. Президент Российской Федерации на торжественном открытии памятника князю Владимиру в День народного единства (4 ноября 2016 года) призвал вместе противостоять современным вызовам и угрозам, опираясь на духовные заветы предков, на бесценные традиции единства и согласия идти вперед, обеспечивая преемственность нашей тысячелетней истории.

Традиционные духовные основы российского общества должны стать приоритетным направлением стратегий его развития. Трудно не согласиться с высказыванием судьи Конституционного суда РФ Н.С. Бондыря о том, что игнорирование социокультурной природы отдельных правовых систем может привести в правоглобализационном процессе к политической, идеологической, правовой экспансии экономически, военно-политически господствующих стран и блоков, в основе чего лежит не сила права, а право силы и соответственно отказ от фундаментальных конституционных идей демократии и государственного суверенитета[2].

В условиях межцивилизационного взаимодействия для России важно сохранять свое культурно-цивилизационное лицо, свою идентичность, участвовать в глобализационных

[1] Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1900. Кн. 3, гл. IV «Нравственный идеал».

[2] Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. М., 2013. С. 172.

процессах, исходя из собственных интересов, укреплять культурный диалог, отстаивать свои ценности.

Список литературы

1. Баранов В.М. Государственная защита нравственности как цель правового ограничения (доктрина, практика, техника) // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 63-67.

2. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». – Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. – 176 с.

3. Гусейнов А.А. Мораль и право: характер связи // Lex Russica. – 2016. – № 11 (120), ноябрь. – С. 193-196.

4. Керимов Д.А. О будущем отечественной юридической науки и образования // Материалы науч.-практ. конф. «Глобализационные процессы в сфере права: проблемы правового развития в России и СНГ», 19-20 апреля 2001 г. – М.: МГУ, 2001. – 120 с.

5. Ллойд Д. Идея права: Репрессивное зло или социальная необходимость? / Пер. с англ. М.А. Юмашевой, Ю.М. Юмашева. – М.: «ЮГОНА», 2002. – 416 с.

6. Костиков В. Здравствуй, моя Мурка. Как поживает и развлекается новая элита // Аргументы и факты. – 2018. – № 43.

7. Фомин А.А. Нравственная безопасность как объект правовой политики: общетеоретический и отраслевой аспекты // Право и образование. – 2013. – № 11. – С. 33-39.

8. Чичерин Б.Н. Философия права. – М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев, 1900. – 344 с.

9. Шапп Я. О свободе, морали и праве // Государство и право. – 2002. – № 5. – С. 90-94.

List of references

1. Baranov V.M. *Gosudarstvennaya zashchita nravstvennosti kak tsel' pravovogo ogranicheniya (doktrina, praktika, tekhnika)* [The state defense of morality as the goal of legal restriction (doctrine, practice, technology)] // Yuridicheskaya tekhnika Publ. – 2018. – № 12. – Pp. 63-67.

2. Cooper N.S. *Aksiologiya sudebnogo konstitutsionalizma: konstitutsionnyye tsennosti v teorii i praktike konstitutsionnogo pravosudiya. Seriya «Bibliotechka sudebnogo konstitutsionalizma».* – [Axiology of judicial constitutionalism: constitutional values in the theory and practice of constitutional justice. Series «Library of Judicial Constitutionalism»]. – Issue 2. – M.: Yurist, 2013. – 176 p.

3. Huseynov A.A. *Moral' i pravo: kharakter svyazi.* – [Morality and law: the nature of communication] // Lex Russica Publ. – 2016. – № 11 (120), November. – Pp. 193-196.

4. Kerimov D.A. *O budushchem otechestvennoy yuridicheskoy nauki i obrazovaniya // Materialy nauch.-prakt. konf. «Globalizatsionnyye protsessy v sfere prava: problemy pravovogo razvitiya v Rossii i SNG».* – [About the future of domestic legal science and education // Materials scientific.-practical. conf. «Globalization processes in the field of law: problems of legal development in Russia and the CIS»], April 19–20, 2001. – M.: Moscow State University, 2001. – 120 p.

5. Lloyd D. *Ideya prava: Repressivnoye zlo ili sotsial'naya neobkhodimost'?.* – [Idea of Law: Repressive Evil or Social Need?] / Tr. from English M.A. Yumasheva, Yu.M. Yumasheva. – M.: «JUGONA», 2002. – 416 p.

6. Kostikov V. *Zdravstvuy, moya Murka. Kak pozhivayet i razvlekayetsya novaya elita Hello, my Murka.* [How the new elite is doing and having fun] // Argumenty i fakty. – 2018. – № 43.

7. Fomin A.A. *Nravstvennaya bezopasnost' kak ob"yekt pravovoy politiki: obshcheteoreticheskiy i otraslevoy aspekty* // [Moral security as an object of legal policy: general theoretical and sectoral aspects] // Pravo i obrazovaniye. – 2013. – № 11. – Pp. 33-39.

8. Chicherin B.N. *Filosofiya prava.* – [The philosophy of law] – M.: Typographic lithography of the Partnership I.N. Kushnerev, 1900. – 344 p.

9. Shapp J. *O svobode, morali i prave.* – [About freedom, morality and law] // Gosudarstvo i pravo Publ. – 2002. – № 5. – Pp. 90-94.

УДК 340.113.1

Владислав Юрьевич Туранин,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: turanin@mail.ru

Vladislav Yuryevich Turanin,
Head of the Department of Theory and History of State and Law Belgorod StateUniversity,
Doctor of Law, Associate Professor

О ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО УЧЕБНОГО КУРСА «ЮРИДИЧЕСКАЯТЕРМИНОЛОГИЯ»*

В статье поднимается вопрос формирования нового междисциплинарного учебного курса «Юридическая терминология», предлагаемого для изучения в магистратуре в рамках Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция. Данное предложение формулируется на фоне острой востребованности различных федеральных, региональных и муниципальных органов власти в квалифицированных специалистах, готовых эффективно заниматься правотворческой деятельностью. При этом специалисты новой формации должны являться не просто квалифицированными юристами, для качественной работы с правовым текстом они обязаны обладать совокупными знаниями в различных сферах права, логики и лингвистики. В данных целях предлагается к обсуждению содержание заявленного курса, структурированное по разделам и темам.

Авторский курс «Юридическая терминология» прошёл апробацию в юридическом институте ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», где он изучается на уровне магистратуры в течение одного семестра уже на протяжении пяти лет.

Ключевые слова: юридическая терминология, учебный курс, междисциплинарные исследования, юридическое образование, правотворческая деятельность.

ON THE FORMATION OF A NEW INTERDISCIPLINARY TRAINING COURSE «LEGAL TERMINOLOGY»

The article raises the question of the formation of a new interdisciplinary training course «Legal Terminology», which is offered for study in a magistracy within the framework of the Federal State Educational Standard of Higher Education in the area of preparation 40.04.01 Jurisprudence. This proposal is formulated against the backdrop of the acute demand for various federal, regional and municipal authorities in qualified specialists who are ready to effectively engage in law-making activities. At the same time, the specialists of the new formation should not only be qualified lawyers, for the high-quality work with the legal text they must have combined knowledge in various fields of law, logic and linguistics. For these purposes, it is proposed to discuss the content of the declared course, structured by sections and topics.

The author's course «Legal Terminology» was tested at the Belgorod State National Research University Law Institute, where it has been studied at the master's level for one semester for five years.

Keywords: legal terminology, training course, interdisciplinary research, legal education, law-making activity.

В современных условиях развития России, обусловивших появление огромного количества различных правовых актов, принимаемых на федеральном, региональном и муниципальном уровне, образовалась очевидная потребность в формировании нового класса квалифицированных специалистов в сфере правотворческой деятельности. Полагаем, что это должны быть аналитики, готовые к проведению комплексной оценки российского правового массива,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Белгородской области в рамках научного проекта № 18-411-310002 «Организационно-правовые механизмы систематизации юридической терминологии в условиях осуществления региональной законотворческой деятельности».

взвешенной проработке его терминологии, а также к формулированию авторских оригинальных правотворческих решений. Специалисты новой формации обязаны являться не просто квалифицированными юристами, но и обладать совокупными знаниями в различных сферах права, логики и лингвистики, с аналитическим и, одновременно, творческим складом ума.

Однако, несмотря на популярность юридического образования, наблюдаемую в настоящее время, открытие множества юридических факультетов, в том числе, и в непрофильных вузах, преобразование юридических факультетов в юридические институты, увеличение набора студентов, на рынке труда существует дефицит таких кадров. Отсюда и перманентно возникающие разноаспектные проблемы, касающиеся содержания федеральных, региональных и муниципальных актов, являющиеся следствием низкой подготовленности их разработчиков.

В этой связи, становится очевидным, что профессионалов высокого уровня, которые могли бы эффективно заниматься правотворческой деятельностью на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, необходимо специально готовить, целенаправленно дополняя традиционный учебный процесс новыми дисциплинами.

Следует заметить, что в сфере современного юридического образования не существует формального, содержательного и методологического единства в подходах к подготовке будущих участников правотворческой деятельности. В большинстве случаев студентами юридических факультетов и институтов в контексте обучения правотворчеству изучается лишь дисциплина «Юридическая техника» (на уровне бакалавриата), а также некоторые разрозненные спецкурсы[1]. Но достаточно ли этого? Полагаем, что с точки зрения полного цикла обучения (бакалавр-магистр) вектор изучения многоаспектной правотворческой деятельности должен быть усилен.

Действительное познание сущности правовых явлений и процессов возможно только с помощью глубинного анализа юридических понятий, выраженных юридическими терминами, включающего изучение особенностей их использования в праве. Д.А. Керимов отмечал в этой связи, что «в общей цепи познавательного движения мысли образуются “опорные пункты”, “узловые звенья” в виде юридических понятий и определений, опираясь на которые исследование продвигается ко все более глубокому, всестороннему и конкретному познанию правовых явлений»[2]. И.С. Самощенко и В.М. Сырых обращают внимание на то, что «в раскрытии специфических закономерностей правовых явлений в качестве необходимого инструмента выступают понятия правовой науки»[3]. В свою очередь, так как понятия выражаются в тексте с помощью терминов, то именно термин видит пользователь, работая с правовым текстом. Таким образом, каждый юридический термин, являясь видимым объектом, запечатлённым в источнике права и несущим вполне конкретную правовую нагрузку, опосредованно, с помощью юридического понятия, отражает сущность конкретного правового явления или процесса. Пользователь, сталкиваясь с определённым термином, закреплённым в том или ином источнике российского права, открывает для себя новые исследовательские грани, соприкасается с мыслью о праве. Можно сказать, что юридическая терминология является той самой «заветной дверцей» в саму сущность права. Поэтому детальное изучение её основных характеристик в процессе подготовки квалифицированных участников правотворческой деятельности является, с нашей точки зрения, крайне важным и необходимым.

Соответственно, полагаем, что в рамках Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция

[1] См., например: Чухвичев Д.В. Законодательная техника: учеб. пособие. М., 2006; Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Ю.Г. Арзамасова. М., 2017; Хижняк С.П. Лингвистические проблемы юридической терминологии: программа спецкурса для студентов юрид. спец. // Юрислингвистика-4: юрислингвистические дисциплины на юрид. и филол. фак. рос. вузов: программы, учеб. планы / отв. ред. Н.Д. Голев. Барнаул, 2003. С. 58-61 и др.

[2] Керимов Д.А. Диалектический путь познания права // Методологические проблемы советской юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1980. С. 19-20.

[3] Самощенко И.С., Сырых В.М. Диалектика и специальные методы правовой науки // Методологические проблемы советской юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1980. С. 225.

(уровень магистратуры) необходимо внедрение в базовую (обязательную) часть программы магистратуры правовой направленности учебного курса «Юридическая терминология». Те знания, которые обучающиеся на уровне бакалавриата получают в рамках изучения дисциплины «Юридическая техника», связанные с юридической терминологией как юридико-техническим средством, считаем недостаточными. Отметим, что курс «Юридическая терминология» изучается уже на протяжении пяти лет в юридическом институте ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (на уровне магистратуры, в течение одного семестра).

Курс «Юридическая терминология» имеет ярко выраженный *междисциплинарный* характер, и это новый, востребованный тренд современного юридического образования. При его изучении у студентов формируются знания не только в сфере права, но в области лингвистики и логики, что связано с многоаспектным исследованием процессов формирования и использования современного юридического языка.

Основной *целью* преподавания данного курса является подготовка будущих юристов к практической правотворческой деятельности, привитие им навыков работы с правовым текстом, формирование необходимых компетенций в сфере права, логики и лингвистики.

Задачами учебного курса «Юридическая терминология» служат:

– формирование системы междисциплинарных знаний о юридической терминологии и особенностях ее использования в правотворческой деятельности;

– привитие обучающимся навыков выявления проблем использования юридической терминологии в правовых актах и их проектах, а также определение способов их устранения;

– раскрытие механизма формирования терминологического аппарата правового акта;

– ознакомление с методикой экспертизы юридической терминологии.

Основное (краткое) содержание данного курса:

Раздел 1. Общие положения.

Тема 1.1. Понятие и сущность юридической терминологии. В рамках изучения данной темы определяется сущность юридического языка и языка законов, термина и юридического термина; выделяются свойства юридического термина, формулируется его определение; выявляется значение юридической терминологии для права.

Тема 1.2. Формирование и классификация юридической терминологии. В контексте рассмотрения этой темы определяются способы формирования юридической терминологии; выявляются особенности создания юридических терминов усилиями представителей науки и практики; исследуются процессы терминологизации и транстерминологизации; осуществляется классификация юридических терминов.

Тема 1.3. Понятие и особенности развития юридической терминологической системы. В данном случае определяется понятие и выделяются признаки юридической терминологической системы; рассматриваются юридические терминологические ряды и аппараты; анализируется эволюция юридической терминологической системы.

Раздел 2. Использование юридической терминологии в современных правовых актах.

Тема 2.1. Общие проблемы употребления юридической терминологии в современных правовых актах. В рамках данной темы изучается проблема употребления юридических жаргонизмов; выявляются терминологические ошибки в правовых актах; рассматриваются терминологические особенности латентности правового текста; поднимается вопрос использования заимствованной юридической терминологии.

Тема 2.2. Интерпретация юридической терминологии в современных правовых актах. В контексте изучения этой темы определяется понятие, устанавливаются функции и критерии необходимости дефиниции как способа интерпретации юридической терминологии в современных правовых актах; исследуются принципы дефиниций; определяется место определений терминов в правовом тексте. Подвергаются анализу дефиниции в федеральных, региональных и муниципальных правовых актах, выявляется их соотношение; поднимается проблема единства дефиниций.

Раздел 3. Разработка и экспертиза юридической терминологии.

Тема 3.1. Порядок разработки юридической терминологии. В данном случае исследуется механизм формирования терминологического аппарата правового акта; определяются этапы работы с терминами в рамках правотворческой деятельности; анализируются требования к использованию юридической терминологии в правовом тексте.

Тема 3.2. Особенности экспертизы юридической терминологии. В рамках этой темы выявляется сущность экспертизы юридической терминологии проекта правового акта, определяются её субъекты, этапы и механизмы; исследуются особенности независимой научной экспертизы юридической терминологии.

Отметим, что представленный учебный курс включает темы, которые расположены в строгой логической последовательности, что обеспечивает успешность его изучения, а также предопределяет связь с другими юридическими и неюридическими дисциплинами.

Материал традиционно рассматривается в ходе лекционных, семинарских и практических занятий, а также в процессе самостоятельной работы магистрантов, которая предполагает детальное освоение теоретических разработок ведущих российских и зарубежных учёных (учебных пособий, монографий, научных статей). Для подготовки к семинарским и практическим занятиям обучающиеся анализируют тексты правовых актов, проектов правовых актов и иных документов, а также осуществляют подготовку научных сообщений.

Подводя итоги, зададимся вопросом: почему именно юридическая терминология? Наш ответ таков: потому что именно в словесной (терминологической) сфере содержится большинство проблем современных правовых актов, негативно сказывающихся на их качестве. И нельзя не придавать этому значения. В этой связи, обучение основам работы с юридическими терминами представляется перспективным, важным и необходимым сегментом образовательного процесса правовой направленности.

Список литературы

1. Керимов Д.А. Диалектический путь познания права // Методологические проблемы советской юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1980. – С. 11-38.

2. Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Ю.Г. Арзамасова. – М.: Юрайт, 2017. – 460 с.

3. Самощенко И.С., Сырых В.М. Диалектика и специальные методы правовой науки // Методологические проблемы советской юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1980. – С. 190-231.

4. Хижняк С.П. Лингвистические проблемы юридической терминологии: программа спецкурса для студентов юрид. спец. // Юрислингвистика-4: юрислингвистические дисциплины на юрид. и филол. фак. рос. вузов: программы, учеб. планы / отв. ред. Н.Д. Голев. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2003. – С. 58-61.

5. Чухвичев Д.В. Законодательная техника: учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ [и др.], 2006. – 239 с.

List of references

1. Kerimov D.A. *Dialekticheskiy put' poznaniya prava*. – [The dialectical path of knowledge of law] // Metodologicheskiye problemy sovetskoy yuridicheskoy nauki / resp. ed. V.N. Kudryavtsev. – M.: Nauka, 1980. – Pp. 11-38.

2. *Normografiya: teoriya i tekhnologiya normotvorchestva: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury*. – [Normography: theory and technology of rulemaking: a textbook for undergraduate and graduate studies] / ed. Yu.G. Arzamasov. – M.: Yurait, 2017. – 460 p.

3. Samoshchenko I.S., Syrykh V.M. *Dialektika i spetsial'nyye metody pravovoy nauki* // *Metodologicheskiye problemy sovetskoy yuridicheskoy nauki* [Dialectics and special methods of legal science] // Methodological problems of Soviet legal science / ed. ed. V.N. Kudryavtsev. – M.: Nauka, 1980. – Pp. 190-231.

4. Khizhnyak S.P. *Lingvisticheskiye problemy yuridicheskoy terminologii: programma spetskursa dlya studentov yurid. Spets. Yurislingvistika-4: yurislingvisticheskiye distsipliny na yurid. i filol. fak. ros. vuzov: programmy, ucheb. plany* – [Linguistic problems of legal terminology: a special course program for law students // Jurislingistics-4: jurislinguistic disciplines on jur. and filol. fak. of Russian universities: programs, textbook. Plans] / resp. ed. N.D. Golev. – Barnaul: Publishing House of Altai University, 2003. – P. 58-61.

5. Chukhvichev D.V. *Zakonodatel'naya tekhnika: ucheb. Posobiye.* – [Legislative technique: textbook]. – M.: UNITY [et al.], 2006. – 239 p.

УДК 340.11

Владислав Юрьевич Панченко,
доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства
и права ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»,
старший научный сотрудник ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»,
ФГБУ «Федеральный Сибирский научно-клинический центр
Федерального медико-биологического агентства»
e-mail: panchenkovlad@mail.ru

Vladislav Yu. Panchenko,
Doctor of Law, Professor of the Department of the Theory of State and Law at
Krasnoyarsk State Agrarian University, research fellow at Siberian Federal University
and Federal Siberian Research Clinical Centre under the FMBA of Russia

СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ЮРИДИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ И ОБУЧЕНИИ

В статье обоснована необходимость внедрения ситуационного подхода и ситуационного анализа как междисциплинарного подхода в практической деятельности юриста на профессиональное обучение юристов. Изложены понятие правовой ситуации и основные идеи ситуационного подхода в юриспруденции. Автор делает вывод о полезности введения таких учебных дисциплин как «юристехнологистика» или «юрисактивистика», которые бы, аналогично достижениям криминалистики, стали техническим и технологическим обеспечением всех специальных юридических предметов на основе методологии ситуационного анализа (ситуационного подхода).

Ключевые слова: ситуационный подход в праве, ситуационный анализ в юриспруденции, правовая ситуация, юридическое образование, теория права.

SITUATIONAL ANALYSIS AS AN INTERDISCIPLINARY APPROACH IN LEGAL KNOWLEDGE AND TRAINING

The article substantiates the need for the introduction of situational approach and situational analysis as an interdisciplinary approach in the practice of a lawyer for professional training of lawyers. The concept of the legal situation and the main ideas of the situational approach in jurisprudence are presented. The author concludes that it is useful to introduce such disciplines as «legal technology» or «legal activism», which, similar to the achievements of criminology, would become technical and technological support for all special legal subjects on the basis of the methodology of situational analysis (situational approach).

Keywords: situational approach in law, situational analysis in law, legal situation, legal education, theory of law.

Любое человеческое взаимодействие ситуативно, происходит в той или иной ситуации – конкретной действительности, приносящей бытию человека пользу или вред[1]. Ситуационный подход и ситуационный анализ как специфические средства научного исследования в юридической науке в целом находятся в стадии становления (за исключением криминалистической и уголовно-процессуальной областей знания, в которых категории ситуационного подхода успешно используются для решения практических задач по расследованию преступлений).

Общее представление о правовой ситуации – основной категории ситуационного анализа дают следующие положения.

Во-первых, правовая ситуация – это локализованная в конкретных условиях пространства и времени неповторимая совокупность существующих и возможных видов правовых отношений, правовых положений, иных внешних и внутренних факторов (условий, обстоятельств), открывающихся переживанию и деятельности субъектов правового взаимодействия, разнообразие которых создает правовую жизнь конкретного субъекта права, а взятая во

[1] See: Jaspers K. Die geistige Situation der Zeit. Berlin-Leipzig: de Gruyter, 1932. S. 37.

всем множестве последних – правовую жизнь общества. При этом правовая ситуация не сводима к внешним относительно субъектов права обстоятельствам юридического характера, она включает в себя субъективные правовые явления.

Во-вторых, правовые ситуации сочетают в себе элементы необходимости и случайности; конфликтности и сотрудничества; добровольности и принудительности; повторяемости (типичности) и уникальности; определенности и неопределенности и других противоречивых характеристик. «И ситуационный подход, и ситуационный анализ, и понятие ситуационности следует трактовать с учётом отмеченной противоречивой сущности феномена ситуации»[1].

В-третьих, правовой характер ситуации связан с ожиданием субъектов права, вступающих во взаимодействие, оценки последнего и реакции со стороны государства[2].

В-четвертых, как среду правового взаимодействия правовую ситуацию следует рассматривать в единстве всей совокупности внешних (объективных) ситуаций и внутренних (субъективных) правовых ситуаций[3].

В-пятых, правовая ситуация как среда правового взаимодействия характеризуется необходимостью изменения юридическими (правовыми) средствами. Все факторы, составляющие внешние правовые ситуации, с точки зрения возможности изменения субъектами, включают условия (неподконтрольные субъекту) и средства (которые субъект может использовать).

В-шестых, правовая ситуация как объект правового взаимодействия имеет свойства юридической разрешимости и юридически познавательный характер[4].

В-седьмых, правовые ситуации как объект правового взаимодействия выступают как ситуации познавательные, требующие познавательной деятельности. Следует различать первичное юридическое познание – познание социальных ситуаций как совокупности фактов и обстоятельств реальной фактической жизни с точки зрения возможности перенесения их в юридическую жизнь, возможности сохранения и закрепления в предусмотренных правом формах информации о них для последующего построения правовой ситуации в правовой жизни, и вторичное (производное) юридическое познание как интеллектуальную деятельность с результатами первичного познания (с уже закрепленной юридически значимой информацией).

Ситуационный анализ в юриспруденции можно определить как комплексную технологию подготовки, принятия и реализации юридической стратегии, в основе которое лежит

---

[1] Солодухо Н.М. Ситуационность бытия: концептуальные принципы // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, кн. 1. С. 174.

[2] Предсказуемость правовой оценки и реакции со стороны государства – одно из условий устойчивости, эффективности правового регулирования всех сфер общественной жизни, одно из преимуществ именно правовых форм взаимодействий всех субъектов.

[3] При этом внутренние правовые ситуации субъекта – это состояния сознания субъекта взаимодействия, выражающиеся в рациональных (интеллектуальных) и иррациональных (психологических) компонентах (знания, умения, навыки, цели, мотивы, эмоции, чувства, переживания, настроения, бессознательное и др.), внутреннего мира человека, его психики по отношению к внешним правовым ситуациям, а также его готовности к активной деятельности в правовом пространстве путем реализации юридических стратегий, тактик, методик, средств и способов или неготовности правовыми действиями отвечать на вызовы внешних правовых ситуаций.

[4] Юридическая разрешимость правовой ситуации имеет материально-правовую и процессуально-правовую стороны. Материально-правовая сторона юридической разрешимости заключается в решении ситуации по существу, ее изменении – преобразовании в новую правовую ситуацию на основе ее правовой оценки со стороны государства. Ключевым для материально-правового аспекта юридической ситуации является нахождение образующих ее общественных отношений в сфере правового регулирования и наличие правовых стандартов разрешения ситуации. В процессуально-правовом аспекте юридическая разрешимость правовой ситуации предстает как последовательность стадий. Правомерность (неправомерность) как характеристики того или иного поведения (деятельности, взаимодействия) субъектов права – есть величина переменная, одни и те же действия могут быть на одном этапе дела оценены как правомерные, затем как противоправные и т. д. Окончательно правомерным или неправомерным может признаваться лишь такое поведение, которое установлено в таком качестве правоприменительным решением, недисквалифицируемым в рамках данной правовой системы.

анализ отдельно взятой правовой ситуации; а ситуационный подход как методологическую концепцию, структура которой на основе интегрированных положений теорий вероятностей, ситуационного моделирования, версионного анализа, рефлексивного мышления, диагностики и других форм синтезированного знания обеспечивает разрешение стоящих перед юридической деятельностью теоретических и практических проблем для достижения ее целей и удовлетворения интересов субъектов[1].

Ключевыми идеями ситуационного анализа как познавательного инструмента для юридической (прежде всего правореализационной) деятельности можно считать следующие.

Во-первых, ситуационность предполагает, что любое юридически значимое действие определятся ситуацией, в которой оно совершается или планируется к совершению.

Во-вторых, эффективность юридических средств, способов, методов и других составляющих технологии юридической деятельности зависит от того, в каком положении находится субъект права.

В-третьих, не может быть единственного универсального набора юридических средств одинаково результативных всегда и везде, поскольку в разных условиях лучшие результаты приносит использование разных юридических стратегий, тактик, методик и т. д., в каждом конкретном юридическом деле в силу уникальных условий (ситуации) в которой оно существует и развивается. Вместе с тем, ситуационный подход предполагает возможность и необходимость типологизации правовых ситуаций для установления связей между типом ситуации и применимостью к ней тех или иных юридических стратегий, тактик и т. д.

В-четвертых, использование ситуационного подхода при принятии практических юридических решений проходит несколько стадий: изучение правовой ситуации, в которой находится конкретный субъект; оценка свойств всех возможных юридических стратегий; выбор той юридической стратегии, которая с наибольшей вероятностью окажется наиболее подходящей.

В-пятых, юрист должен быть знаком со стратегиями, тактиками, методиками, всеми средствами (способами, методами) юридической деятельности, которые доказали свою эффективность.

В-шестых, юрист должен понимать взаимные связи и зависимости юридически значимых действий с их не только собственно юридическими, но и экономическими, политическими, социальными, психологическими и другими последствиями. В практике автора нередко наблюдались ситуации, когда юристы, желая «выиграть дело во что бы то ни стало», «выигрывали битву, но проигрывали войну».

В-седьмых, характер правовой ситуации, в которой находится субъект права, во многом определяет долгосрочную стратегию юридической деятельности и ее психологические составляющие. Например, при долгосрочном взаимодействии с проверяющими органами вряд ли всегда стоит обжаловать (оспаривать) акты проверяющих органов по формальным основаниям, эффективнее будет выстраивать отношения пусть и асимметричного (проверяющий орган априори сильнее поднадзорного или подконтрольного субъекта), но партнерства, сотрудничества. В определенных случаях хороший эффект дает предварительное согласование даже возможности оспаривания предписаний проверяющих.

В-восьмых, юрист должен знать сильные и слабые стороны юридических стратегий, тактик и методик, их сравнительные характеристики; предвидеть вероятные последствия их применения как положительные, так и отрицательные.

В-девятых, юрист должен уметь правильно интерпретировать правовую ситуацию. Адекватная интерпретация любой ситуации необходимо предполагает выход субъекта за ее пределы, установление места этой ситуации в масштабе большей по отношению к ней.

[1] См.: Комаров И.М., Пономаренко Н.Ю., Ян Е.И. Ситуационный подход как научно-практическая категория криминалистики // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3. С. 104-114.

Именно поэтому эффективная юридическая деятельность не может быть реализована в отрыве от экономических, политических, социальных, коммуникативных, психологических и иных факторов[1].

В-десятых, ситуационный анализ предполагает максимально возможное в конкретных условиях устранение неопределенности, которая имеет место при недостаточной информации о факторах среды и затрудняет прогноз возможных изменений в правовой ситуации. Неопределенность увеличивает риск неудачи использования той или иной юридической стратегии.

Одна из задач ситуационного подхода в практической юридической деятельности видится в установлении причин и условий правовых ситуаций и поиске средств их разрешения, которые очень часто кроются не только в самом праве как нормативном массиве, в юридической практике, правосознании и правовой культуре субъектов правового взаимодействия, но и среди иных неправовых факторов.

Изучая действующие в настоящее время образовательные стандарты, трудно не заметить некоторый дисбаланс – только дисциплины уголовно-правового цикла (уголовное право, уголовный процесс и криминология) имеют обязательную к изучению прикладную дисциплину, которая посвящена стратегии, тактике, технике и методике – криминалистику.

В то же время не менее важные и сложные вопросы ставит юридическая практика в гражданском праве и процессе, арбитражном процессе, договорной работе, переговорах и т. д.

Однако если в рамках уголовно-правового цикла юридические ситуации стали предметом серьезного научного изучения и прикладных разработок в рамках криминалистической ситуалогии, то применительно к юридическим ситуациям, входящим в предметы правового регулирования гражданского, трудового, семейного и иных отраслей и институтов права, такие исследования – актуальная задача юридической науки в целом.

Правовые ситуации изучаются, обобщаются, типологизируются, идеализируются. На этой основе должно выстраиваться и обучение студентов-юристов. Типизация правовых ситуаций дает субъектам правореализации широкие возможности и инструменты для правового взаимодействия, воздействия на ситуации. На этой основе строятся различные методики и алгоритмы расследования преступлений, стратегии и тактики адвокатской деятельности и т. д.

Как верно отмечает И.Л. Честнов, «все нормы права, в том числе и процессуальные, а также методики, выработанные юридической наукой, никогда не содержат всей полноты информации для разрешения конкретного дела – ситуации. Поэтому навыки человека, выступающего субъектом в данном конкретном случае, и образуют каркас юридической практики»[2].

В той мере, в которой используются шаблоны, схемы, стандарты, типичные методики, тактики и стратегии юридических действий профессиональная юридическая деятельность является технологией, в той мере, в которой субъект действует творчески, – она является искусством.

В этой связи вполне закономерными видятся попытки разработки и внедрения в учебный процесс прикладных дисциплин, сопровождающих в прикладном отношении все отрас-

[1] Необходимо верно определить, какие факторы являются наиболее важными в данной конкретной ситуации и какой вероятный результат может повлечь за собой их изменение, поскольку успех или неуспех той или иной конкретной юридической стратегии зависит от правильного определения роли всех факторов в развитии правовой ситуации.

[2] «Типизации и идеализации – это способы оценки ситуации как типичной на основе прошлого опыта. Типизация, с точки зрения социальной феноменологии, – “превращение незнакомого в знакомое”, схематизация текучей и изменчивой социальности… Именно положительный опыт прошлых действий или информация, которой мы доверяем, оказывается основой последующих практических действий. Это же касается не только обывателя – человека, не отягощенного специальными юридическими знаниями, навыками и умениями, но и специалиста. Р. Познер – лидер экономического анализа права США – доказывает, что основной метод, используемый в правовой практике, – “практическое мышление”. Последнее включает в себя “анекдоты, самоанализ, воображение, здравый смысл, сопереживание, приписывание мотивов, авторитет говорящего, метафоры, аналогии, обычаи, память, интуицию, ожидание регулярностей”». – См.: Честнов И.Л. Юридическая практика с позиций постклассической методологии // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 164-168.

левые дисциплины в рамках таких курсов, как доказательственное право, профессиональные навыки юриста и т. д.

Вполне вероятно появление в недалеком будущем учебных дисциплин, которые бы на основе достижений криминалистики стали бы техническим и технологическим обеспечением всех специальных юридических предметов. Возможными вариантами наименований таких дисциплин могли бы стать «юристехнологистика» или «юрисактивистика» (от англ. *activity* – деятельность).

Поэтому для успешного обучения юридической профессии студенты, помимо усвоения теории и содержания нормативных массивов, изучаемых в той или иной специальной дисциплине, должны обращать внимание на вопросы технологии юридически значимой деятельности в соответствующей области общественных отношений с позиций ситуационного анализа (ситуационного подхода).

Список литературы

1. Jaspers K. Die geistige Situation der Zeit. – Berlin-Leipzig: de Gruyter, 1932. – 115 s.

2. Комаров И.М., Пономаренко Н.Ю., Ян Е.И. Ситуационный подход как научно-практическая категория криминалистики // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 3. – С. 104-114.

3. Розин В.М. Психологическая помощь. Психотехника. Эзотерический опыт: учеб. пособие. – М.: Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. – 158 с.

4. Солодухо Н.М. Ситуационность бытия: концептуальные принципы // Учен. записки Казан. ун-та. Гуман. науки. – 2012. – Т. 154. – Кн. 1. – С. 173–179.

5. Честнов И.Л. Юридическая практика с позиций постклассической методологии // Общественные науки и современность. – 2012. – № 5. – С. 164-168.

List of references

1. Jaspers K. Die geistige Situation der Zeit. – Berlin-Leipzig: de Gruyter, 1932. – 115 s.

2. Komarov I.M., Ponomarenko N.Yu., Yan E.I. *Situatsionnyy podkhod kak nauchno-prakticheskaya kategoriya kriminalistiki // Sibirskiye ugolovno-protsessual'nyye i kriminalisticheskiye chteniya.* – [Situational approach as a scientific and practical category of forensics // Siberian criminal procedure and forensic readings]. – 2017. – № 3. – Pp. 104-114.

3. Rozin V.M. *Psikhologicheskaya pomoshch'. Psikhotekhnika. Ezotericheskiy opyt: ucheb. Posobiye.* – [Psychological help. Psychotechnics. Esoteric experience: textbook]. – M.: Publishing house of Ros. Open University, 1995. – 158 p.

4. Soloduho N.M. *Situatsionnost' bytiya: kontseptual'nyye printsipy // Uchen. zapiski Kazan. un-ta. Guman. Nauki.* – [The situational nature of being: conceptual principles // Scientific notes of Kazan. University of Humane Sciences]. – 2012. – V. 154. – Book 1. – Pp. 173-179.

5. Chestnov I.L. *Yuridicheskaya praktika s pozitsiy postklassicheskoy metodologii //* [Legal practice from the position of postclassical methodology] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and the present]. – 2012. – № 5. – Pp. 164-168.

УДК 340

Наталья Федоровна Медушевская,
профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: Sapfo2@yandex.ru

Natalia Fedorovna Medushevskaya,
professor for the department of philosophy of the Ministry
of Internal Affairs Moscow Vladimir Kikot University of Russia,
doctor of jurisprudence, associate professor

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И СИНКРЕТИЗМ КАК ОСНОВНЫЕ ИНТЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье рассматриваются междисциплинарные связи в трех аспектах – онтологическом, гносеологическом и методологическом. Отмечается, что с точки зрения онтологического аспекта междисциплинарные связи способствуют обогащению юридической науки в целом. Гносеологический аспект междисциплинарности касается внутренней организации юридического знания, а методологический – использования в юриспруденции методологических средств других научных дисциплин. В юридической науке выделяется ядро и периферия. В ядро юриспруденции входят знания, отвечающие критериям обоснованности, простоты, логичности, адекватности и др. К периферии постнеклассической науки относятся рациональные и внерациональные знания, догадки, предположения, это знание в большей степени предположительное. Но именно оно способствует росту нового юридического знания, в том числе благодаря интеграции концепций других наук. Междисциплинарность тесно связана с синкретизмом, благодаря которому осуществляется единство и целостность науки. Синкретизм отвечает необходимости реализации антропологического поворота, который дает возможность взглянуть на современного человека в единстве его качеств и свойств.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, постнеклассическая юридическая наука, синкретизм, диалогичность, контекстуальность, постнеклассическая рациональность, общенаучный подход.

INTERDISCIPLINARITY AND SYNCRETISM AS BASIC INTENTIONS OF MODERN LEGAL SCIENCE

The article deals with interdisciplinary connections in three aspects-ontological, epistemological and methodological. It is noted that from the point of view of the ontological aspect interdisciplinary connections contribute to the enrichment of legal science as a whole. The epistemological aspect of interdisciplinarity concerns the internal organization of legal knowledge, and the methodological aspect concerns the use of methodological tools of other scientific disciplines in jurisprudence. In legal science are distinguished the core and periphery. The core of jurisprudence includes knowledge that meets the criteria of validity, simplicity, consistency, adequacy, etc. The periphery of postnonclassical science contains rational and non-rational knowledge, guesses, assumptions, this knowledge is in many respects hypothetical. But it contributes to the growth of new legal knowledge, including through the integration of concepts of other sciences. Interdisciplinarity is closely related to syncretism, through which the unity and integrity of science is realized. Syncretism meets the need to implement the anthropological turn, which allows to look at modern man in the unity of his qualities and properties.

Keywords: interdisciplinary research, non-classical jurisprudence, syncretism, dialogism, contextuality, postnonclassical rationality, scientific approach.

Ядро науки, периферия науки

Междисциплинарные исследования предполагают такую организацию научного знания, которая имеет в виду взаимодействие знаний, представленных в различных научных областях и дисциплинах. Бурное развитие этих исследований характеризует развитие науки,

начиная со второй половины XX столетия, когда она вступила в новый этап – постнеклассической науки. Помимо необходимости фиксации и отражения изменений в современном социальном бытии, необходимость междисциплинарного подхода обусловлена и тем обстоятельством, «что на каждой ступени общественного развития государство и право находились и находятся в неразрывной связи и взаимодействии как между собой, так и с другими природнымм и социальными явлениями, институтами и учреждениями»[1]. В настоящее время в юридической науке продолжает доминировать позитивистская методология и позитивистское правопонимание, которые делают акцент на нормативности права и его формальных характеристиках. Все еще недостаточно внимания уделяется изучению права как социального феномена, важнейшего компонента экзистенциальной сущности человека. Недооцениваются многие факторы, являющиеся предметом анализа в других науках об обществе или природе, что обедняет само понятие права и не проясняет, в частности, его национальную специфику.

Междисциплинарные исследования можно рассматривать с различных точек зрения: онтологической, гносеологической и методологической. Онтологическая междисциплинарность имеет в виду накопление знаний, обогащенных прежде всего теоретическими и прикладными знаниями из других областей науки. В результате этого влияния и синтеза формируются новые – пограничные области научного знания, например, социология права, психология права, антропология права, юридическая психология и т. д. Эти новые научные дисциплины имеют свой особенный предмет, цели и задачи, которые связаны с необходимостью осмысления тех возникающих аспектов социального бытия, которые появляются в результате расширения правового пространства, убыстрения правового времени и усложнения структуры правового бытия.

Гносеологическая междисциплинарность касается внутренней организации отдельной научной дисциплины, которая в результате расширения научного поиска начинает активно синтезировать научные знания, выводы и концепты пограничных, а порой и далеких от указанной предметной области знаний. Включая их в уже имеющийся научный арсенал конкретной науки, опираясь на них с целью прояснения тех аспектов научного изучения, которые ранее не включались и не присутствовали в качестве доказательной базы при создании новых или обогащении старых научных теорий конкретной дисципилины. Так, например, в современном юридическом знании активны влияния психологии, антропологии, семиотики, генетики, педагогики, демографии и т. д.

Методологическая междисциплинарность предполагает активное внедрение в научное юридическое знание междисциплинарного общенаучного подхода, а также использование методологических ресурсов: методов, регулятивов, средств методологических стратегий, которые возникли в рамках иных научных дисциплин (семиотико-лингвистическая методология, дискурс-анализ, конструктивистская парадигма, коммуникативная методология[2]). Общенаучные подходы являются порождением современной науки и результатом научно-технической революции. Они направляют научный поиск, умножают эффективность и результативность познания правовой реальности, используются в комплексе с другими подходами и методологическими средствами познания. «…Это предполагает: а) применение в процессе рассмотрения данной проблематики не только отдельных, даже самых эффективных, методов и подходов, но и всего применимого к данному случаю набора исследовательских средств; б) использование всего познавательного потенциала, заложенного не только в общетеоретические дисциплины, такие, в частности, как философия права и общая теория государства и права, но и в другие, связанные с изучением государственно-правовой материи, науки; и в) рассмотрение перспектив развития государства и права не только и даже не

[1] Философия права. Курс лекций; учебное пособие: в 2-х т. Т. 2 / А.В. Аверин, В.А. Гобозов, А.Г. Гузнов [и др.]; отв. ред М.Н. Марченко. М., 2013. С. 465.

[2] История и методология юридической науки; учебник для вузов. СПб., 2014. С. 292-337.

столько самих по себе, сколько в связи с перспективами развития общества, экономики, науки, общей и правовой культуры, мировоззрения и т. д.»[1].

В юридической науке широко применяются различные философские методы, притом не только исторически возникшие несколько веков назад (например, диалектичесий и метафизический), но и современные, такие как структуралистский, феноменологический, аксиологический, коммуникативный и др. А внедрение в юридическое знание синергетической методологии произошло благодаря новому витку физической науки и возникновению синергетики. Средствами этого подхода синтезируются данные политологии, этики и эстетики, культурологии, социологии, философии, истории, социальной психологии. «Современная постнеклассическая наука о праве вносит свой весомый вклад в формирование единой науки о человеке, обществе и государстве. Для нее характерно сближение и взаимопереплетение рациональных и внерациональных компонентов, явного и неявного знания, разработка методов, оптимизирующих взаимодействие человека с социальной средой и правовым бытием, выявление сложной специфики правовых явлений в системе всей совокупности социальных процессов и отношений»[2].

В юридической науке можно выделить ядро и то, что остается на периферии юридического знания. В ядре науки содержится знание, которое отвечает следующим принципам: строгость, достоверность, адекватность, обоснованность, ясность, простота и т. д. Ядро юридической науки составляет фундамент науки, это базисное знание, которое направляет развитие юридического знания ко все большей точности и определенности. Это такое знание, которое в целом организует периферийное знание, сюда относятся наиболее устоявшиеся концепции, объективно существующие в юридической науке. Данное знание должно полностью отвечать критериям научности и элиминировать предпосылочное и неявное знание. Оно отвечает нормам, идеалам и ценностям научного знания, существующего в юриспруденции.

Не все знание, составляющее сущность юридической науки, является истинным и достоверно обоснованным. Наука всегда содержит неистинное, недостаточно обоснованное и предположительное знание. По сути дела, в юридической науке основное содержание включает не столько теории, сколько гипотезы, т. е. предположительное знание, в ней всегда есть то, что находится на переднем крае, иначе она превратилась бы в догму, родственную религии, и то, что не входит в ядро науки. В науке периферийной части всегда есть эвристичность, необычность и нетривиальность, эпатажность и радикальность. Она предполагает изменение категориально-понятийного аппарата ядра науки, включение новых понятий или изменение уже имеющихся, расширение поля нормальной науки, уточнение и изменение предмета научного знания. Притом в ней могут присутствовать не только истины, но и вероятностные допущения, предположения, заблуждения и ошибки. Конечно, юридическая наука должна быть строго обоснована и включать истинное знание, но грань между научным и ненаучным знанием очень зыбкая. Отдельные исследователи-юристы (Р. Познер) считают необходимым пользоваться в юридической науке особым методом, основывающемся на практическом опыте, который включает здравый смысл, аллюзии, метафоры, обычаи, интуицию, ожидания и предположения, признание авторитетности конкретных лиц и т. д., т. е. все то, что составляет обыденно-повседневный контекст правовой реальности. И то, что сейчас представляется нам строго доказанным и истинным, завтра может быть отброшено как ненаучное и неистинное. В.В. Ильин отмечает: «В науке должно быть строго обоснованное. Но не только: в противном случае наука лишилась бы эвристичности. По этой причине в науку должно быть допущено плохо обоснованное – недостаточно подтвержденное, хорошо опровергаемое, “сумасшедшие идеи” и т. д., – которые, однако, не должны исчерпывать науку»[3]. Собственно говоря, не ядро науки генерирует новое, а именно ее периферия.

[1] Философия права. Курс лекций; учебное пособие: в 2-х т. Т. 2 / А.В. Аверин, В.А. Гобозов, А.Г. Гузнов [и др.]; отв. ред М.Н. Марченко. М., 2013. С. 465.

[2] Медушевская Н.Ф., Сигалов К.Е. Методологические проблемы правового знания. М., 2013. С. 55-56.

[3] Источник права: классическая и постклассическая парадигмы: монография / Н.В. Разуваев, А.Э. Черноков, И.Л. Честнов; под общей ред. И.Л. Честнова. СПб., 2011. С. 17.

Итак, между периферийной наукой и ее ядром всегда существует явный или неявный конфликт, противоречивость, дисбаланс, который разрешается тогда, когда выводы периферийной науки становятся частью научного ядра, начинают входить в ее фундамент. При этом важнейшим критерием современной постнеклассической рациональности становятся факторы культурологические, социально-политические, этические и гуманистические.

Современная юридическая наука развивается, ее содержание не вечно и не однозначно, что является общим проявлением относительности познания, онтологического развития правовой реальности, убыстрения правового времени и необходимости концептуализации последних средствами не только предметной области юридического знания, но и междисциплинарных исследований, которые возникают в пограничных областях.

В постнеклассической науке субъект начинает играть особую роль, которая определяется его креативностью и разносторонностью. Отсюда необходимость синкретизма, который понимается не столько в контексте античного знания реальности, сколько в стремлении увязывать развитие конкретного научного знания с потенциалом междисциплинарных исследований, нацеленных на антропологизацию теоретического знания и открытие смыслов правовой реальности. Синкретизм утверждает нарастающую тенденцию к единству и целостности науки, что достигается средствами междисциплинарного подхода и междисциплинарных исследований.

Современная юридическая наука развивает принципы постнеклассической рациональности, которые заключаются в следующем:

1) ориентация на субъект, его повседневно-жизненный мир, коммуникацию и личностное знание (М. Полани);

2) междисциплинарность, использование понятийно-категориального инструментария не только социально-гуманитарных, но и естественных наук;

3) неуниверсальность и антифундаментализм (отсюда вытекает плюрализм истин: при познании правовой реальности трудно одновременно учесть все факторы, влияющие на правовую реальность, поэтому познание права не предполагает однозначность и одномерность истины);

4) диалогизм, который вытекает из многомерной картины реальности эпохи постмодерна. «Современная (постклассическая) теория познания в качестве своего основания берет не одну из двух противоположностей, а процесс их снятия, то, что, условно говоря, располагается между ними, демонстрируя их взаимообусловленность. Такая эпистемология может быть названа диалогической»[1].

5) Контекстуальность, что означает связь конкретного правового явления с другими социальными явлениями и формами духовного освоения мира, будь то социально-экономические или политические факторы, исторические зависимости или иные духовные образования[2]. В современной науке происходит трансформация интереса от собственно безсубъектного знания как такового к процессу его порождения, к условиям, предпосылкам, факторам и аспектам социокультурного, политического, исторического контекста. «*Современное состояние юриспруденции* определяется прежде всего социальным контекстом»[3].

Итак, формирование современного юридического знания происходит под влиянием новых для науки факторов, характеризующих эпоху постмодерна, а именно, социокультурного и личностного. С одной стороны, эти ориентации суживают возможности научно-рацио-

[1] Источник права: классическая и постклассическая парадигмы: монография / Н.В. Разуваев, А.Э. Черноков, И.Л. Честнов; под общей ред. И.Л. Честнова. СПб., 2011. С. 134.

[2] Медушевская Н.Ф. Коммуникативное правопонимание в контексте постнеклассической рациональности // Тенденции развития права в социокультурном пространстве. Жидковские чтения = Tendencies of development of law in sociocultural space. Zhidkov's readings: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 24-25 марта 2017 г. / отв. ред. М.В. Немытина. М.: РУДН, 2018. С. 33-40.

[3] Источник права: классическая и постклассическая парадигмы: монография / Н.В. Разуваев, А.Э. Черноков, И.Л. Честнов; под общей ред. И.Л. Честнова. СПб., 2011. С. 135.

нального знания, с другой стороны, раздвигают границы конкретной научной области за счет использования междисциплинарного знания. Но при этом неизменно встает вопрос о достижимости объективности знания. Ответить на этот вопрос, очевидно, нам поможет структурное разделение конкретной науки на ядро и периферию. Согласно авторской позиции, ядро теории права и государства ограничено ее предметом и теми положениями, которые на данном этапе составляют ее фундамент. Периферия же науки формируется под воздействием и при использовании результатов междисциплинарных исследований. Конечно, развитие науки – это не кумулятивный процесс, поэтому ядро научного знания также подвержено изменениям, но это процесс долгий, сложный и связан с революциями во всей науке.

Список литературы

1. История и методология юридической науки; учебник для вузов. – СПб.: ИВЭСЭП 2014. – 564 с.

2. Источник права: классическая и постклассическая парадигмы: монография / Н.В. Разуваев, А.Э. Черноков, И.Л. Честнов; под общей ред. И.Л. Честнова. – СПб.: ИВЭСЭП, 2011. – 172 с.

3. Медушевская Н.Ф. Коммуникативное правопонимание в контексте постнеклассической рациональности // Тенденции развития права в социокультурном пространстве. Жидковские чтения = Tendencies of development of law in sociocultural space. Zhidkov's readings: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 24-25 марта 2017 г. / отв. ред. М.В. Немытина. М.: РУДН, 2018. С. 33-40.

4. Медушевская Н.Ф., Сигалов К.Е. Методологические проблемы правового знания. – М.: Издательская группа «Граница», 2013. – 176 с.

5. Философия права. Курс лекций; учебное пособие: в 2-х т. Т. 2 / А.В. Аверин, В.А. Гобозов, А.Г. Гузнов [и др.]; отв. ред М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2013. – 512 с.

List of references

1. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki; uchebnik dlya vuzov.* – [History and methodology of legal science; textbook for high schools]. – St. Petersburg: IVESEP 2014. – 564 p.

2. *Istochnik prava: klassicheskaya i postklassicheskaya paradigmy: monografiya*. – [Source of law: classical and postclassical paradigms: monograph] / N.V. Razuvaev, A.E. Chernokov, I.L. Chestnov; under the general ed. I.L. Chestnova. – St. Petersburg: IVESEP, 2011. – 172 p.

3. Medushevskaya N.F. *Kommunikativnoye pravoponimaniye v kontekste postneklassicheskoy ratsional'nosti // Tendentsii razvitiya prava v sotsiokul'turnom prostranstve. Zhidkovskiye chteniya = Tendencies of development of law in sociocultural space. Zhidkov's readings: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii.* – [Communicative legal understanding in the context of post-non-classical rationality // Trends in the development of law in the sociocultural space. Liquid Readings = Tendencies of development of law in sociocultural space. Zhidkov's readings: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference]. Moscow, March 24 – 25, 2017 / ch. ed. M.V. Nemytina. – M.: RUDN, 2018. – Pp. 33-40.

4. Medushevskaya N.F., Sigalov K.E. *Metodologicheskiye problemy pravovogo znaniya*. – [Methodological problems of legal knowledge]. – M.: Publishing Group «Granitsa», 2013. – 176 p.

5. *Filosofiya prava. Kurs lektsiy; uchebnoye posobiye.* – [The philosophy of law. Lecture course; study guide: in 2 volumes] V. 2 / A.V. Averin, V.A. Gobozov, A.G. Guznov and others; ch. ed M.N. Marchenko. – M.: Prospect, 2013. – 512 p.

УДК 51-77

Евгений Семенович Жуковский,
директор НИИ математики, физики и информатики,
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
доктор физико-математических наук, профессор
E-mail: zukovskys@mail.ru

Evgeny Semenovich Zhukovsky,
Director of the Research Institute of Mathematics, Physics and Computer Science,
Tambov State University named after G.R. Derzhavin
Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor

Андрей Игоревич Шиндяпин,
профессор Департамента математики и компьютерных наук,
Университет им. Эдуардо Мондлане, Мапуту, Мозамбик,
доктор физико-математических наук, профессор
E-mail: shindyapin.andrey@gmail.com

Andrey Igorevich Shindyapin,
Professor, Department of Mathematics and Computer Science,
University named after Eduardo Mondlane, Maputo, Mozambique,
Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ВОПРОСОВ: ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

Констатируется, что математические, естественнонаучные методы пока еще недостаточно широко применяются в описании общественных процессов, для выработки управляющих решений в государственно-правовой сфере. Современные математические методы позволяют моделировать самые сложные общественные процессы и на основе таких моделей строить прогнозы развития, оценивать влияние различных факторов на развитие экономики и социальной сферы. В исследовании государственно-правовых вопросов и практической государственно-управленческой деятельности могли бы с успехом применяться методы математической теории управления и оптимизации, методы теории игр, теории дифференциальных уравнений. Предлагается привлечение в научные коллективы по общественно-политическим и правовым проблемам математиков, программистов, увеличение естественнонаучной составляющей в образовательных программах при обучении по направлениям «Юриспруденция», «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Социология», «Политология» и др.

Ключевые слова: математические методы, динамика общественных процессов, социально-экономическое развитие.

NATURAL RESEARCH METHODS IN THE STUDY OF STATE LEGAL ISSUES: INTRODUCTION INTO THE PROBLEM

It is stated that mathematical and natural science methods are still not widely used in the description of social processes, for the development of governing decisions in the state-legal sphere. Modern mathematical methods make it possible to model the most complex social processes and, basing on these models, make development forecasts and evaluate the influence of various factors on the development of the economy and social sphere. In the study of state legal issues and practical state management activities, the methods of the mathematical theory of control and optimization, the methods of game theory, and the theory of differential equations could be successfully applied. It is proposed to involve mathematicians and programmers in scientific teams on the socio-political and legal issues and to increase the natural science component in educational programs when teaching in the fields of «Law», «Legal support of national security», «Sociology», «Political science», etc.

Key words: mathematical methods, dynamics of social processes, socio-economic development.

В недавнем прошлом попытки применения математических, естественнонаучных методов в описании общественных процессов, для выработки управляющих решений в государ-

ственно-правовой сфере встречали, как правило, неприятие, или эти методы просто недооценивались. Среди специалистов по теории государства и права, по общественно-социальной практике до сих пор бытует мнение, что в решении проблем социальной сферы, обороны страны, обеспечении общественного порядка и пр. достаточно сугубо профильных знаний, сами решения должны основываться на политической целесообразности, отражающей стратегические задачи, и на обобщении результатов практической деятельности. В большинстве учебников, монографий авторов прошлого и современности практически не упоминаются естественнонаучные методы изучения социальных и государственно правовых вопросов[1].

Объективно, конечно, повсеместное использование сегодня компьютерной техники не обошло стороной и общественные науки, и в современном анализе общественно-правовой деятельности широко используются математические методы обработки статистических материалов. Например, очевидно, что для успеха в избирательной кампании необходим регулярный анализ общественных настроений, основанный на статистической обработке результатов опросов населения. Опросы все чаще проводятся для выработки решений по наиболее значимым общественным проблемам. В свою очередь, для правильной обработки результатов будут необходимы математические и кибернетические методы.

Не следует полагать, что естественнонаучные методы в общественно-правовой сфере применимы лишь для измерений общественных настроений и их статистического анализа. В естественнонаучных дисциплинах, прежде всего, в математике созданы методы, позволяющие моделировать самые сложные общественные процессы и на основе таких моделей строить прогнозы развития, оценивать влияние различных факторов на развитие экономики и социальной сферы, государства и права. Так, в исследовании государственно-правовых вопросов и практической государственно-управленческой деятельности могли бы с успехом применяться методы математической теории управления и оптимизации, методы теории игр. Динамику любых процессов удобно изучать, используя теорию дифференциальных уравнений. И если некоторое время назад модели сложных социальных систем невозможно было использовать из-за огромного количества содержащихся в них дифференциальных и др. уравнений, то теперь гигантские возможности современных компьютерных кластеров и современное программное обеспечение позволяют эффективно решать в том числе и такие задачи.

Примерами эффективного использования естественнонаучных методов в исследовании социальных, экономических и иных сходных социогуманитарных вопросов являются некоторые проекты, выполненные учеными Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина по заказу Администрации Тамбовской области, российских и зарубежных научных фондов. В частности, коллективами НИИ математики, физики и информатики, кафедрой функционального анализа выполнены проекты РФФИ – Тамбовская область № 17-41-680975 «Методы многозначного анализа в математических моделях управляемых систем. Приложения к моделям демографии, эпидемиологии, медицины» (2017-2019 гг.), № 14-01-97504 «Теория краевых задач для функционально-дифференциальных включений, ее приложения в математическом моделировании социально-экономических процессов» (2014-2016 гг.). В совместных с коллегами из Университета Эдуардо Мондлане исследованиях построены и проанализированы модели социально опасных заболеваний, которые могут использоваться для разработки государственных и региональных программ борьбы с эпидемиями.

Главным препятствием в применении перспективных естественнонаучных методов является, с одной стороны, недостаточные математические знания у специалистов по теории государства и права, по общественно-социальной практике, а с другой стороны, отсутствие у математиков представлений о проблематике общественно-политических и гсударственно-правовых процессов. Поэтому необходимо привлечение в научные коллективы по общест-

[1] См., например: Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. М., 1919; Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учебник. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 2012; и др.

венно-политическим и государственно-правовым проблемам математиков, программистов. Также считаем важным увеличивать естественнонаучную составляющую в образовательных программах при обучении по направлениям «Юриспруденция», «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Социология», «Политология» и др., иными словами, осуществлять на практике конвергенцию естественнонаучного и гуманитарного знания.

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. – М.: Московское научное издательство, 1919. – 203 с.

2. Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учебник. 8-е изд., испр. и доп. – СПб.: Издательство Юридического института, 2012. – 608 с.

List of references

1. Alekseev N.N. *Ocherki po obshchey teorii gosudarstva. Osnovnyye predposylki i gipotezy gosudarstvennoy nauki.* – [Essays on the general theory of the state. The main premises and hypotheses of state science]. – M.: Moskovskoye nauchnoye izdatel'stvo, 1919. – 203 p.

2. Komarov S.A. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik.* [General Theory of State and Law: A Textbook]. 8th ed., Rev. and add. – St. Petersburg: Izdatel'stvo Yuridicheskogo instituta, 2012. – 608 p.

УДК 34.096

Анастасия Сергеевна Анисимова,
младший научный сотрудник Саратовского филиала
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института государства и права Российской академии наук
E-mail: saninp@rambler.ru

Anastasiya S. Anisimova,
Junior Researcher Saratov branch of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law
Russian Academy of Sciences

СТАНОВЛЕНИЕ ИНТЕРНЕТ-ПРАВА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

В статье рассматриваются вопросы становления Интернет-права. Проводится анализ представленной категории в рамках теории государства и права, а также таких отраслевых наук, как конституционное, гражданское, уголовное, административное, информационное, международное право. Установлено, что Интернет-право не является составной частью какой-либо из наук. С учетом проведенного исследования доказывается, что к Интернет-праву необходимо подходить комплексно, с учетом особенностей как системы Интернета, так и отраслевой специфики. Таким образом, он представляет собой межотраслевой комплексный правовой институт. Выделяются его характерные особенности.

Ключевые слова: Интернет-право, межотраслевой комплексный правовой институт, правовые средства, интернет-правоотношения.

THE MAKING OF INTERNET LAW: AN INTERDISCIPLINARY APPROACH

The article discusses the development of Internet law. The analysis of the presented category in the framework of the theory of state and law, as well as such industry sciences as constitutional, civil, criminal, administrative, informational, international law is carried out. It has been established that Internet law is not an integral part of any science. Based on the study, it is proved that Internet law must be approached in a comprehensive manner, taking into account the features of both the Internet system and industry specifics. Thus, it is an intersectoral integrated legal institution. Its characteristic features stand out.

Keywords: Internet law, an intersectoral integrated legal institution, legal means, Internet legal relations.

Интернет, как показатель прогресса XXI в., все больше ведет к разработке нового направления правовой науки «Интернет-права», выступая принципиально новым институтом общественной жизни. В своем развитии он поставил перед юридической наукой целый комплекс проблем, которые ведут к необходимости переосмысления правовой доктрины Интернета с учетом последствий его функционирования.

Поэтому для предметного анализа Интернета в правовом аспекте, определения этих новых концептов мы вначале должны определиться с его отраслевым делением и обозначить критерии изучения круга правоотношений в сфере Интернета определенной отраслью права. Иначе говоря, мы должны определить правовые концепты, на основе которых общественные отношения в области использования Интернета должны быть изучаемы в рамках той или иной отрасли права[1].

В действующей системе отраслей права выделяют, в частности, следующие: профилирующие (базовые) отрасли; специальные отрасли, где юридические режимы приспособлены к особым сферам жизни общества; комплексные отрасли, соединяющие различные институ-

[1] См.: Абдуджалилов А. Интернет и гражданское право: точки соприкосновения // Евразийский юридический журнал. 2016. № 4. С. 125.

ты базовых и специальных отраслей[1]. В юридической литературе нет однозначного мнения по вопросу о месте Интернета в системе отраслей. Ряд ученых, выделяя термин «Интернет-право», называют его новым самостоятельным направлением юридической науки (М.М. Рассолов, И.М. Рассолов, А.С. Солдатов), при этом, в частности, указывается, что Интернет-право не может считаться ни самостоятельной отраслью права, ни подотраслью какой-то одной отрасли права, что обусловлено тем, что отрасль права выступает всегда как объективно обособившаяся внутри какой-то системы права совокупность взаимосвязанных между собой норм, объединенных общностью предмета и метода. А интернет-право, понятно, не может выступать в такой роли[2]. Интернет-право характеризуется как комплексный институт права. В частности, И.М. Рассолов указывает, что Интернет-право, являясь комплексным институтом, не может целиком входить в состав той или иной отрасли права, а в каждую конкретную отрасль входит лишь своей частью[3].

Для наиболее полного рассмотрения поставленного вопроса считаем необходимым обратиться к понятиям отрасли права и комплексного института.

Отрасль права – обособившаяся внутри системы права совокупность однородных правовых норм, регулирующих определенную область (сферу) общественных отношений и представляет собой распределенную по правовым институтам совокупность юридических норм, регулирующих особую, качественно своеобразную область отношений. Признаками отрасли права являются: особый предмет и метод правового регулирования, свой режим правового регулирования; невозможность урегулировать сферу общественных отношений другими отраслями системы права; обособленное, как правило, кодифицированное законодательство[4].

В рамках наиболее крупных правовых отраслей выделяются подотрасли (в гражданском праве – авторское право, патентное, жилищное, наследственное, арбитражное; в конституционном – избирательное право; в трудовом – пенсионное; в земельном – горное, водное, лесное и т. д.). Эти подотрасли регулируют отдельные массивы общественных отношений, характеризующихся своей спецификой и известной родовой обособленностью.

Институт права – это сравнительно небольшая, устойчивая группа правовых норм, регулирующих определенную разновидность общественных отношений. Если юридическая норма – «исходный» элемент, «живая» клеточка правовой материи, то правовой институт представляет собой первичную правовую общность[5]. Правовые институты призваны регламентировать отдельные участки, фрагменты, стороны общественной жизни. Институт – составная часть, блок, звено отрасли (в уголовном праве – институт необходимой обороны, институт крайней необходимости, невменяемости; в гражданском праве – институт исковой давности, институт дарения, сделки, купли-продажи; в государственном праве – институт гражданства; в административном – институт должностного лица; в семейном праве – институт брака и т. д.). Все институты функционируют в тесной взаимосвязи друг с другом – как внутри данной отрасли, так и вне ее.

Вместе с тем, можно выделить институты отраслевые и межотраслевые (или смешанные), простые и сложные (или комплексные). Внутриотраслевой институт состоит из норм одной отрасли права, а межотраслевой – из норм двух и более отраслей (институт государственной собственности, институт опеки и попечительства)[6].

---

[1] См.: Морозова Л.А. Теория государства и права. М., С. 232-233.

[2] См.: Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. М., 2003. С. 23.

[3] См.: Там же. С. 24.

[4] См. подробнее: Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. М., 2004. С 150; Теория государства и права / Марченко М.Н. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 212; Теория государства и права: учебно-методическое пособие / В.А. Слепцов. Новосибирск, 2011. Ч. 2: Теория права. С. 96; и др.

[5] См.: Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 118.

[6] См.: Теория государства и права: учебник. М., 2004. С. 151.

Взяв за основу общетеоретические дефиниции отрасли права и института права, рассмотрим, какое место может занимать Интернет-право.

Интернет-право включает в себя нормы, входящие в состав различных отраслей права: конституционного, административного, гражданского, уголовного, информационного, международного и некоторых других.

В первую очередь, Интернет-право использует в своем научно-теоретическом и прикладном арсенале общие концептуальные положения теории государства и права, которая в отличие от других наук изучает право и государство в целом и вырабатывает для всех юридических наук и дисциплин исходные понятия, конструкции и положения.

Тем самым, в Интернет-праве исследуются проблемы правового регулирования виртуального пространства; применяются категории норм права, правовых отношений, механизма правового регулирования, правонарушений, правосознания и др. Вместе с тем, Интернет-право при этом не вливается в теорию государства и права, а, лишь взаимодействуя с ней, оттачивает свой научный аппарат, обогащается и развивается как комплексный институт права.

Среди отраслевых юридических наук Интернет-право тесно связано с международным правом, исследующим систему международных договорных и обычных норм, создаваемых государствами и иными субъектами для поддержания мира, укрепления международной безопасности и сотрудничества разных стран. Для Интернета здесь представляют интерес выходящие во Всемирную информационную паутину суверенные государства, международные межправительственные организации и образования, а также их информационные взаимоотношения (связи, контакты, договоры и др.).

Вступая в Интернете в гражданско-правовые отношения, субъекты оперируют понятиями субъектов и объектов гражданского права, собственности, исковой давности, договоров купли-продажи, поставки, аренды, коммерческой концессии, исполнения обязательств и т. д. (гражданское право); эти же субъекты, оказывая в Интернете электронные финансовые услуги, используют понятия уполномоченного лица, клиента, документа по сделке, финансовой услуги, налога с физических лиц, кредита, займа, электронной цифровой подписи и др. (финансовое и банковское право); субъекты Интернет-отношений, получая лицензии на совершение определенных действий в виртуальном пространстве, взаимодействуют с органами государственного управления, связи и информатизации, при этом используют нормы, регулирующие организационно-распорядительную деятельность указанных органов (административное право); в процессе борьбы с преступлениями и другими негативными проявлениями в Интернете субъекты пользуются понятиями преступления, наказания, анализируют, когда это необходимо, те или иные составы компьютерных преступлений, в частности противозаконного доступа к информации в Сети, незаконного перехвата данных, противоправного воздействия на функционирование той или иной системы, использование устройств, мошенничества, клеветы (уголовное право) и др.[1]

Тесно связано Интернет-право и с информационным правом, пользуясь его научным категориальным аппаратом и практическими разработками. Среди них можно назвать: использование понятия информации, ее характеристику в виртуальном пространстве, изучение информационных систем при анализе Интернета и др.[2]

Однако многие научные деятели рассматривают Интернет-право как часть информационного права. И.М. Рассолов указывает, что Интернет-отношения являются частью информационных, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в киберпространстве[3].

На наш взгляд, с такой позицией нельзя согласиться. Так, объектом информационных правоотношений является определенная информация либо непосредственно связанный с ин-

[1] См.: Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. М., 2003. С. 61.

[2] См.: Кутафин О.Е., Копылов В.А. Проблемы становления информационного права в России // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 1999. № 8. С. 16-26.

[3] См.: Рассолов И.М. Информационное право. Учебник. М., 2010. С. 149.

формацией результат поведения участника правоотношения (предоставление, получение, неразглашение информации и др.)[1].

Кроме того, под объектом информационных правоотношений понимают: программно-технические комплексы, информационные системы, средства связи и телекоммуникаций, обеспечивающие осуществление информационных процессов; информацию, информационные ресурсы, информационные продукты, информационные услуги; доменные имена; информационные права и свободы; интересы личности, общества, государства в информационной сфере; информационную целостность и информационный суверенитет государства; информационную безопасность[2].

Исходя из сказанного, информация выступает центральным элементом информационных правоотношений и является тем, по поводу чего возникают права и обязанности участников правоотношений.

Тогда как объект Интернет-правоотношений – материальные блага (вещи, ценности, имущество и т. п.); нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство, честь и т. п.); продукты духовного творчества (произведения литературы, искусства и т. п.); результаты действий участников соответствующих правоотношений (например, при отношениях в сфере телемедицины); ценные бумаги и документы (деньги, акции, дипломы и т. п.) и т. д.

Таким образом, круг действий, на которые могут быть направлены интересы субъектов Интернет-правоотношений значительно шире и они формируются вокруг своего главного элемента «Интернета», который предстает как особое пространство, место реализации желаемых целей, где сами сети выступают как средство для передачи данных наравне с компьютером, телефоном, факсом, почтовым сообщением и т. д. Следовательно, человек не просто пользуется телекоммуникационными сетями, он вступает в правовые отношения, испытывает на себе правовое регулирование в виртуальном пространстве. Исходя из сказанного, Интернет-правоотношения нельзя выделить из числа информационных, в связи с чем и Интернет-право не является составной частью информационного права, а лишь соотносится с ним, также как и с иными отраслями права.

Специфика правоотношений в Интернете заключается в том, что в зависимости от объекта, на который направлены интересы субъектов, будут действовать и нормы соответствующего права (гражданского, уголовного, административного, информационного и т. д.).

Проистекая из теории права, гражданского, уголовного, информационного, международного права и других отраслей, научное знание подходит к исследованию правовых аспектов функционирования Интернета с новых, самостоятельных позиций. Интернет-право рассматривает теоретические и прикладные проблемы права виртуального пространства и в связи с этим правовое воздействие на это пространство и на поведение субъектов Интернет-отношений. И оно в этом свете, в отличие от других направлений юридической науки, есть право виртуального пространства в широком, глобальном смысле слова, а в узком понимании интернет-право касается различных правовых норм разной отраслевой направленности, регулирующих интернет-отношения в правовом, реальном (в рамках того или иного государства) пространстве.

Регулирование Интернет-отношений не ограничивается средствами одной отрасли законодательства, им присуще комплексный характер.

На основе сказанного, считаем, что Интернет-право, как новая область правовых знаний, вбирает в себя и изучает всю совокупность норм, актов, законов, регулирующих Интернет-отношения в виртуальном пространстве и выступает в качестве комплексного межотраслевого института.

---

[1] См.: Огородов Д.В. Правовое регулирование отношений в информационной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

[2] См. подробнее: Глушкова Н.Д. Информационные правоотношения. Телекоммуникации: правовые аспекты. М., 2003; Копылов В.А. Информационное право: вопросы теории и практики. М., 2003. С. 141; Морозов А.В., Полякова Т.А. Организационно-правовое обеспечение информационной безопасности. М., 2013. С. 38 и т. д.

Можно выделить следующие особенности данного института: нормы, которые его составляют, объединены общим содержанием; несмотря на единство предмета регулирования, эти нормы разнообразны, переплетены и взаимодействуют; находят закрепление в различных нормативных актах, посвященных правовым аспектам Интернета; регулируют общественные отношения в определенной сфере, т. е. в киберпространстве.

Таким образом, Интернет-право представляет собой систему взаимосвязанных правовых норм, выделившихся внутри действующих отраслей права и связанных единством регулирования отношений, протекающие в электронной форме в виртуальном пространстве.

Список литературы

1. Абуджалилов А. Интернет и гражданское право: точки соприкосновения // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 4. – С. 124-128.

2. Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юридическая литература. 1975. – 264 с.

3. Глушкова Н.Д. Информационные правоотношения. Телекоммуникации: правовые аспекты. – М.: Нетуоркс солиситорс, 2003. – 358 с.

4. Кутафин О.Е., Копылов В.А. Проблемы становления информационного права в России // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. – 1999. – № 8. – С. 16-26.

5. Морозов А.В., Полякова Т.А. Организационно-правовое обеспечение информационной безопасности. – М.: РПА Минюста России, 2013. – 276 с.

6. Морозова Л.А. Теория государства и права. – М.: Юрист, 2002. – 414 с.

7. Огородов Д.В. Правовое регулирование отношений в информационной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.

8. Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. – М.: Норма, 2003. – 336 с.

9. Рассолов И.М. Информационное право. Учебник. – М.: Юрайт, 2010. – 575 с.

10. Слепцов В.А. Теория государства и права: учебно-методическое пособие. – Новосибирск: изд. НГТУ, 2011. – Ч. 2. – 870 с.

11. Теория государства и права / Марченко М.Н. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2004 – 640 с.

12. Теория государства и права: учебник / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 650 с.

List of references

1. Abujalilov A. *Internet i grazhdanskoye pravo: tochki soprikosnoveniya // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal.* – [Internet and civil law: common ground // Eurasian Law Journal]. – 2016. – № 4. – Pp. 124-128.

2. Alekseev S.S. *Struktura sovetskogo prava*. – [The structure of Soviet law]. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1975. – 264 p.

3. Glushkova N.D. *Informatsionnyye pravootnosheniya. Telekommunikatsii: pravovyye aspekty.* [Informational legal relationship. Telecommunications: legal aspects]. – M.: Networks Solicitors, 2003. – 358 p.

4. Kutafin O.E., Kopylov V.A. *Problemy stanovleniya informatsionnogo prava v Rossii // Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1: Organizatsiya i metodika informatsionnoy raboty*. [Problems of the formation of information law in Russia // Scientific and technical information. Series 1: Organization and methods of information work]. – 1999. – № 8. – Pp. 16-26.

5. Morozov A.V., Polyakova T.A. *Organizatsionno-pravovoye obespecheniye informatsionnoy bezopasnosti*. – [Organizational and legal support of information security]. – M.: RPA of the Ministry of Justice of Russia, 2013. – 276 c.

6. Morozova L.A. *Teoriya gosudarstva i prava.* – [Theory of Government and Law]. – M.: Yurist, 2002. – 414 p.

7. Ogorodov D.V. *Pravovoye regulirovaniye otnosheniy v informatsionnoy sfere.* – [Legal regulation of relations in the information sphere: author`s abstract from dis. for Cand. of Legal Sciences]. – M., 2002.

8. Rassolov I.M. *Pravo i Internet. Teoreticheskiye problemy* [Law and the Internet. Theoretical problems]. – M.: Norma, 2003. – 336 p.

9. Rassolov I.M. *Informatsionnoye pravo. Uchebnik.* – [Information law. Textbook]. – M.: Yurait, 2010. – 575 p.

10. Sleptsov V.A. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebno-metodicheskoye posobiye*. – [Theory of state and law: a teaching tool]. – Novosibirsk: ed. NSTU, 2011. – Part 2. – 870 s.

11. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebno-metodicheskoye posobiye* [Theory of state and law] / Marchenko M.N. 2nd ed., Revised. and add. – M.: Yurist, 2004. – 640 p.

12. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik*. – [Theory of state and law: textbook] / ed. N.I. Matuzova and A.V. Malko. – M.: Yurist, 2004. – 650 p.

СЕКЦИЯ I.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ МОДЕЛЬ ПОЗНАНИЯ И ЕЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ В РЕШЕНИИ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ НАУКИ (ОБЩЕНАУЧНЫЕ И КОНКРЕТНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ)

УДК 340.142

Марина Геннадьевна Смирнова,
профессор кафедры гражданского процессуального права,
Северо-Западного филиала Российского Университета Правосудия,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: msm777@inbox.ru

Marina Gennadyevna Smirnova,
Professor, Department of Civil Procedure Law,
North-West Branch of the Russian University of Justice,
Doctor of Law, Associate Professor

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНАЯ МОДЕЛЬ В ПРАКТИКЕ ВЫЯВЛЕНИЯ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ФОРМАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРИТЯЗАНИЙ

В статье исследуются социальные притязания, способы их выявления и формы последующей институционализации в праве. Делается вывод, что без использования знаний и методов психологии, социологии, экономики и других наук, выявить и закрепить социальные притязания в праве было бы невозможно. Междисциплинарная научная модель в практике выявления и юридической формализации социальных притязаний играет огромную роль, способствует достижению эффективности права в целом.

Ключевые слова: междисциплинарная модель, социальные притязания, способы выявления, формы институционализации, психология, социология, экономика, междисциплинарная научная модель.

INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC MODEL IN THE PRACTICE OF IDENTIFICATION AND LEGAL FORMALIZATION OF SOCIAL CLAIMS

The article investigates social claims, ways of their identification and forms of subsequent institutionalization in law. It is concluded that without the use of knowledge and methods of psychology, sociology, Economics and other Sciences, it would be impossible to identify and consolidate social claims in law. Interdisciplinary scientific model in the practice of identification and legal formalization of social claims plays a huge role, contributes to the effectiveness of the law as a whole.

Keywords: interdisciplinary model, social claims, methods of identification, forms of institutionalization, psychology, sociology, Economics, interdisciplinary scientific model.

1. Социальные притязания – это требования, которые предъявляют индивиды, социальные группы, иные субъекты к обществу и государству об осуществлении практических действий, способствующих реализации конкретных социальных интересов, а также их институционализации.

Выдвигая и отстаивая социальные притязания, субъекты тем самым создают потенциальную возможность появления правового образа, определенной модели поведения участников общественных отношений. Притязания по своей сути являются социальной основой права.

Социальные притязания выполняет значимую роль в формировании права, поскольку отражают и фиксируют потребность в правовом регулировании общественных отношений.

Они выступают критерием способности права действовать, воплощаться в конкретных отношениях, помогая преодолеть путь от замысла к результату. Динамика, действие права идет от социальных притязаний к субъективным правам, а затем и конкретным правоотношениям.

2. Источник прав человека – сам человек, его потребности, интересы и социальные притязания, его образ существования и развития, т. е. реальные способы его общественной жизнедеятельности[1]. Еще один из основателей раннего либерализма Гуго Гроций выводил право из общественной природы человека. Вслед за ним и мюнхенский профессор Блунчли в своей публичной лекции, посвященной понятию права, связывал право с внутренней потребностью человека и указывал на различные потребности личности, как на источник права[2]. Право появляется и существует там и тогда, где и когда человек ощущает себя способным реально претендовать на что-то, требовать чего-то. Социальные притязания – это основа права, которая затем облекается законом государства в ту или иную форму.

3. Права человека являются результатом выдвижения, отстаивания и закрепления в законодательстве социальных притязаний субъектов, в которых проявляется их извечное стремление к справедливости, равенству и свободе. Так, еще Л. Петражицкий и П. Сорокин говорили о правообразовании как о процессе, выражающемся во взаимных притязаниях и ожиданиях определенного поведения в интересах решения жизненной проблемы[3].

Таким образом, что право берет начало с социальных притязаний, придавая им юридическую форму и создавая правовые гарантии их реализации.

4. Социальные притязания являются ближайшей социальной основой права как юридического феномена. Они, оказывая прямое влияние на правовое регулирование общественных отношений, через механизм правосознания учитываются в правотворчестве и применении права. Посредством закрепления интересов граждан, иных лиц в объективном праве их социальные притязания получают свое воплощение в субъективном праве. На субъективных правах «замыкается» закономерная для права цепь зависимостей, идущих от объективных потребностей общества к социально-экономическим притязаниям и от них (в условиях сложившихся юридических систем – через объективное право) – к юридической свободе поведения. Поэтому проблема социальных притязаний в их правовом опосредовании является в настоящее время в контексте глобального мира актуальной и практически значимой.

5. Стержнем социального притязания является требования жизнедеятельности субъектов (индивидов, социальных групп и иных общностей), которые обусловлены природой социальной среды. Именно здесь, в идее социальных притязаний и находит выражение жесткая (и с этой точки зрения вполне природная, естественная) зависимость права от внешних факторов, от всего того, что образует человеческое бытие. В этом отношении социальное притязание в настоящее время выполняет особо значимую миссию. Социальное притязание, сохранившее свою первичность, изначальность, образует тот слой социальной жизни, лежащий в основе системы социальной регуляции, который аккумулирует, сводит благодаря силе разума в некоторые нормативные начала, притом в виде изначально «должного», назревшие требования среды, всей социальной жизни – природные, экономические, правовые и иные.

6. Социальное притязание – это сложное социально-правовое явление, представляющее собой диалектическое единство объективного и субъективного. Среди факторов, объективно обусловливающих социальные притязания, определяющими являются: культурно-исторические, политические, экономические, социальные и правовые факторы. К факторам, субъек-

[1] Манджиев Т.Б. Право как всеобщая форма бытия идеального в обществе // Правоведение. 1997. № 3. С. 37.

[2] Юридические записки. Т. 3. Изданный П. Редькиным и К. Яневичем-Яневским. Санкт-Петербург, 1859. С. 132.

[3] Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. С. 179; Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. Ярославль, 1919. С. 32-33.

тивно обусловливающим социальные притязания, отнесена совокупность психических компонентов: воля, эмоции, чувства, мышление и т. п.

7. Структура социального притязания является сложной по составу входящих в нее элементов и состоит из субъекта, объекта и содержания. Содержание социального притязания имеет две стороны – внутреннюю и внешнюю. Первая выражена в наличии социального интереса – внутренней активности, готовности субъектов к внешним действиям. Вторую сторону образуют действия, которые предпринимают субъекты с целью реализации, воплощения в жизнь своих социальных интересов.

8. Объективная сложность явления «социальное притязание» предопределила использование современных общенаучных и специально-научных методов, методов теоретического и эмпирического уровней. В ходе исследования необходимо сочетать специально юридические понятия и категории с категориальным аппаратом философии и социологии, общей и социальной психологии, поскольку они позволяют более точно раскрыть первоначальный смысл какого-либо общесоциального и правового явления.

9. Поскольку проблема социальных притязаний затрагивает такие жизненно важные вопросы, как удовлетворение возникающих потребностей и запросов людей, повышение их общественной и правовой активности, создание соответствующих позитивных стимулов поведения, трудовой и политической деятельности, то изучение данного явления невозможно **без знаний психологии**. Это обусловлено хотя бы тем, что в обществе часть социальных притязаний выражается также в виде разнообразных требований социальных групп и общества в целом. Для того чтобы приобрести правовой характер, социальные притязания приобретают форму правовых требований и выступают возможным прообразом юридических норм. Такого рода требования и составляют непосредственно содержание дозаконодательного, так называемого естественного права. Так, С.Ф. Кечекьян писал, что «независимые от действующих правовых норм “права человека” представляют собой не что иное, как притязания, обусловленные правовыми и моральными взглядами, – то, что нередко называют “моральным правом”»[1]. Это лишь предпосылки юридических субъективных прав, требования, с которыми всегда выступали субъекты, за которые они постоянно боролись. Именно это имел в виду Б.А. Кистяковский, писавший: «Еще громадное количество несомненных материальных интересов, чрезвычайно важных и необходимых для индивидуума, ждет своего формально-правового признания»[2].

Социальных притязаний – бесчисленное множество, но далеко не все они носят юридический характер. Всякое правовое притязание – это, разумеется, социальное притязание, но не всякое социальное притязание есть правовое. Юриспруденция же имеет дело с последним. Так, К. Маркс подчеркивал, что «каждый борющийся класс должен… формулировать свои притязания как требования правового характера…»[3].

Именно психология, должна исследовать характер требований носителей социальных притязаний, проводить анализ мотивов их выдвижения, а также исследовать природу интересов, лежащих в его основе.

Интерес является движущей силой, «направляющей душой» социального притязания субъектов. Интерес выражает осознание потребности и стремление к ее удовлетворению. Потребности – интересы – социальные притязания – право – это система взаимосвязанных и взаимозависимых элементов.

Действительные интересы субъектов выступают в виде стимулов, движущих сил, побудительных мотивов собственно активного волевого поведения притязателей. Субъекты (индивиды, социальные группы, организации) начинают притязать, то есть совершать внешние

[1] Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1959. С. 20.

[2] Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 524.

[3] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. М., 1955. С. 399.

действия, с целью реализации, воплощения в жизнь своих социальных интересов. Исследование сторон социальных притязаний, а также процесса перехода от интереса к непосредственным действиям по его реализации, то есть трансформации интереса в социальное притязание является непосредственной сферой деятельности психологии. Психологи должны тщательно исследовать артикулирование интересов, то есть преобразование социальных эмоций и ожиданий, чувств неудовлетворенности в определенные требования, а также агрегирование интересов, то есть их упорядочение, согласование, иерархизация по приоритетности и выработке общегрупповых целей (если субъектом является социальная группа).

Концепция социального притязания, подтвержденная соответствующими психологическими исследованиями, продолжает идею эпохи Просвещения о рукотворности права, то есть о его сознательном (в соответствии с разумом человека) творении.

10. Выявление социальных притязаний, психологических моментов, заинтересованности людей в своих делах и стремлениях, изучение движущих мотивов их поведения, в том числе в сфере правового регулирования, анализ сложного взаимодействия этих факторов составляет одну из важных задач современной правовой науки, социологии, поскольку являются показателем демократичности правотворческой деятельности.

Б.А. Кистяковский подчеркивал, что процесс правотворчества совершается не только в законодательных учреждениях, где право лишь формулируется, но и в недрах общества, где оно зарождается и созревает[1].

Можно констатировать, что учет социальных притязаний в результате правового мониторинга, общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов посредством Интернета, опросы общественного мнения и другие социологические исследования образуют механизм выявления социальных притязаний, основной задачей которого является эффективное выявление социальных притязаний субъектов с целью их последующего закрепления в праве.

Выявление социальных притязаний без участия такой науки, как социология невозможно. Именно социологические исследования составляют фундамент, лежащий в основе механизма выявления социальных притязаний.

К одним из эффективных способов, образующим механизм выявления социальных притязаний, можно отнести правовой мониторинг.

Профессор Ю.А. Тихомиров характеризует правовой мониторинг как динамичный организационный и правовой институт информационно-оценочного характера, движущийся по всем стадиям функционирования управления, хозяйствования, проявляющийся на всех этапах возникновения и действия права[2].

Правовой мониторинг выступает эффективным средством выявления социальных притязаний, устранения пробелов и коллизий в российском законодательстве, способствует решению проблемы прогнозирования и устранения пробелов и дефектов правоприменения.

В современной юридической науке правовой мониторинг сводится в основном к мониторингу в правотворчестве и правоприменительной практики.

К основным способам выявления социальных притязаний относится мониторинг в правотворчестве. Его конечной целью является создание эффективного механизма правотворчества, в результате которого принимались бы нормативные правовые акты, отражающие общественные потребности и закрепляющие назревшие социальные притязания субъектов, в том числе и в экономической сфере. Основой информационной базы этого вида мониторинга являются данные социологических исследований: анкетирование граждан, специалистов-практиков и опросы общественного мнения.

Важнейшим элементом правового мониторинга является его информационное обеспечение. Имеется в виду механизм установления видов информации, процедур ее сбора, анали-

[1] Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. V-XV.

[2] См.: Правовой мониторинг. Научно-практическое пособие. М., 2009. С. 19.

за, передачи и оценки, также порядок использования аналитических результатов. Такая информация, как аналитико-оценочный блок, служит своего рода источником жизни организма мониторинга, «одушевляющим» его структурные, нормативные и иные элементы, служит исходной базой выявления социальных притязаний, требующих своей институционализации. Без нее эффективный мониторинг невозможен.

Информационной базой мониторинга также являются:

– информация о содержании обращений граждан, поступающих в органы государственной власти и касающихся исследуемых правоотношений;

– информация о судебной практике, прокурорской статистике, иные данные правоохранительных органов, касающиеся сферы исследуемых правоотношений;

– информация о правоприменительной практике уполномоченных органов государственной власти и органов местного самоуправления, их структурных подразделений и должностных лиц;

– информация об оспаривании нормативного правового акта в судебном порядке, принятых решениях (постановлениях) и результатах их исполнения;

– информация о мерах прокурорского реагирования, принятых в отношении нормативного правового акта (протесты и представления, заявления в суд);

– предписания Управления Федеральной антимонопольной службы, сведения Управления Министерства юстиции Российской Федерации, Уполномоченного по правам человека, касающиеся сферы исследуемых правоотношений;

– данные социологических исследований: анкетирование граждан, специалистов-практиков;

– иные опросы общественного мнения; тестирование и тренинги специалистов;

– экспертные заключения, мнения ученых специалистов, специалистов-практиков;

– резолюции научно-практических конференций, научно-практических семинаров, рекомендации депутатских слушаний и «круглых столов»;

– итоги выездных встреч и совещаний; ответы на депутатские запросы, мотивированные заключения по результатам депутатских проверок.

Важным источником информации, собираемой в ходе правового мониторинга, являются данные **социологических исследований**.

Социологические исследования, входящие в состав правового мониторинга, имеют различный характер и направленность, в зависимости от тех задач, которые ставятся в ходе такого мониторинга.

Прежде всего, в ходе социологических исследований необходимо получать информацию о социальной обусловленности правовых норм (закона). Правовой мониторинг предполагает постоянное отслеживание связи между желаемыми социальными результатами (целью регулирования) и теми элементами правовой системы (механизма правового регулирования), которые в наибольшей степени могут повлиять на социальный результат. **Основная задача социологических исследований – выявить социальные притязания, объективно требующие своей институционализации. Поэтому предметом социологического анализа в ходе правового мониторинга являются, в конечном счете, общественные отношения, требующие своей регуляции.**

Мониторинг в правотворчестве очень актуален, поскольку наибольшую важность для будущей эффективности закона имеет именно предпроектная стадия, на которой определяются цели регулирования, анализируется соотношение потребностей, интересов, социальных притязаний участников будущих правоотношений, изучается сложившаяся практика регулирования, необходимость и место правовой регламентации в общей системе социального регулирования данного вида общественных отношений.

Комплексное изучение отношения индивидов, социальных групп, различающихся по своему месту в регулируемых отношениях, к предлагаемым правовым решениям позволит

определить социальную природу того интереса, который планируется закрепить законодательно. Незаменимыми здесь могут быть мониторинговые наблюдения за динамикой изменения общественного мнения различных групп. Опросы эти должны осуществляться различными субъектами: общественными организациями и экспертными сообществами, органами законодательной и исполнительной власти, как федеральными, так и субъектов Федерации, профессиональными и бизнес-сообществами, социологическими центрами и научными организациями. Подобный подход позволит избежать односторонности и субъективизма в оценке состояния регулируемых отношений и предлагаемых правовых решений.

Также основой информационной базы мониторинга являются данные социологических исследований: анкетирование граждан, специалистов-практиков; иные опросы общественного мнения.

К способам выявления социальных притязаний относятся **метод экспертных оценок и прогнозирование**.

Одним из эффективных способов выявления социальных притязаний на стадии проработки проекта нормативного правового акта является его **общественное обсуждение**. Если социальные притязания не получили своего отражения в проекте нормативного правового акта, или получили отражение, но искаженно, – на этот случай существует механизм **правовой экспертизы**, который может устранить данные несоответствия. Одним из видов такой экспертизы является антикоррупционная экспертиза.

Другим способом выявления социальных притязаний является **мониторинг правоприменения**. В целях обеспечения эффективного законотворчества необходима специальным образом организованная деятельность специальных органов по выявлению социально-экономических притязаний, а также возможных вариантов развития общественных отношений, законодательства, определение оптимальных средств и методов правового регулирования тех или иных сфер социальных отношений, особенно в экономике.

Создание комплексного механизма выявления социальных притязаний, основывающегося на данных фундаментальных социологических исследованиях, в современной мировой системе, является одним из условий легитимности законодательства.

11. Социальные притязания возникают не самопроизвольно, не в лоне чистого духа и абсолютной свободы, имеются факторы, которые формируют социальные притязания, определяют их содержание и объясняют причины их многообразия.

Экономика оказывает непосредственное влияние на объем и содержание притязаний, выдвигаемых социальными субъектами.

К новационным способам выявления социально-экономических притязаний относится **оценка регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов.** Под оценкой регулирующего воздействия (ОРВ, RIA) следует понимать совокупность методов и способов, использующих научные знания и специальные познавательные техники, при помощи которых анализируются эффективность и необходимость существующих программ и векторов развития, в том числе права и экономики. Оценка регулирующего воздействия используется при анализе проектов нормативно-правовых актов, а также актов, вносящих изменения в действующие законы с целью выявления издержек и выбора верных альтернатив: для оптимизации национальной законодательной базы. Несмотря на наличие законодательной базы в современной России отсутствуют единые методики и процедуры проведения оценки регулирующего воздействия, которые признавались бы всеми участниками данного процесса. Поэтому целесообразно обратиться к зарубежному опыту. Использование оценки регулирующего воздействия в национальной правовой системе европейских государств служит одним из оснований для вступления кандидата в Европейский союз (ЕС). Оценка планируемого и действующего законодательства в таком случае осуществляется, как правило, с целью улучшения бизнес-среды. Несколько стран-претендентов в Центральной и Восточной Европе использовали ОРВ для облегчения процесса согласования между законами Европейского

союза и их соответствующих национальных законодательств. Целью RIA было снижение расходов на правовую гармонизацию законодательства для правительства, предприятий, граждан, а также содействие переговорному процессу с ЕС об условиях членства. В некоторых странах после вступление в Европейский союз (например, Литва и Польша) такие программы с течением времени были закреплены законодательно, с целью более эффективного государственного регулирования. Эти практики были приняты странами Западных Балкан (например, Хорватия, и в меньшей степени, Босния и Герцеговина)[1].

Оценка регулирующего воздействия (Regulatory Impact Assessment, RIA) или анализ регулирующего воздействия (Regulatory Impact Analysis) представляет собой процесс систематического выявления и оценки ожидаемых последствий, путем последовательного аналитического метода (например, анализа выгод и издержек) к установлению возможных эффектов, наступающих в результате введения тех или иных регулятивных мер.

В некоторых странах данный институт применяется систематически, в то время как в других странах он все еще находится на экспериментальной стадии.

Одними из первых среди европейских стран применять ОРВ стали Великобритания, Дания, Нидерланды, которые можно рассматривать как эталонные, где практика оценки регулирующего воздействия разработана наиболее полно, и может служить в качестве ориентира для других стран.

В России оценка регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов получила свое развитие лишь в рамках экономической составляющей. Необходима разработка предложений, с учетом зарубежного опыта, позволяющих использовать институт ОРВ максимально, затрагивая все сферы политической, юридической и общественно-социальной жизни, а не только хозяйственной.

Необходимо сформировать единую методику ОРВ проектов нормативных правовых актов, а также методические рекомендации, позволяющие избежать ряда проблем, в том числе и противоречий нормативных правовых актов.

12. Эффективной является такая правовая система, нормы которой социально обусловлены и вызывают согласие подавляющего большинства населения. Тем самым обеспечивается легитимность права, его безусловное признание. Россия имеет печальный опыт экономических реформ, которые не получили признание общественностью и воспринимались как глубоко несправедливые. Ярким примером является приватизация, в результате которой было произведено неправовое распределение крупной собственности, созданной трудом многих поколений, узкому кругу лиц, приближенным к новой власти или связанным с криминальной средой. Другим примером может послужить «Закон о монетизации льгот» (№ 122-ФЗ, 2004), который привел к массовым публичным протестам[2]. Не отличается социальной обусловленностью и легитимностью закон (№ 350-ФЗ, 2018), принятый в рамках Пенсионной реформы, в результате которого был увеличен пенсионный возраст, а именно с 60 до 65 лет для мужчин и с 55 до 60 лет для женщин[3].

Таким образом, создание механизма выявления и последующего закрепления назревших притязаний субъектов является гарантией учета социальной обусловленности права, ко-

[1] Петренко А.В. Оценка регулирующего воздействия нормативных правовых актов как средство эффективной правовой политики России // Черные дыры в Российском законодательстве. 2014. № 3. С. 36.

[2] Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» // Российская газета. Спецвыпуск № 0 (3565), 31 августа 2004 г.

[3] Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // Собрание законодательства РФ. 08.10.2018. № 41. Ст. 6190.

торая в свою очередь, выступает необходимым условием его эффективности в условиях глобальной экономической нестабильности.

13. Право появляется и существует там и тогда, где и когда человек ощущает себя способным реально претендовать на что-то. Социальные притязания – это основа права, которая затем облекается законом государства в ту или иную форму.

Социальные притязания, имеющие характер правовых требований, воплощаются в процессе правотворчества в действующем законодательстве и, следовательно, влияют на меру свободы поведения.

Социальные притязания являются ближайшей социальной основой права. В зависимости от своего содержания и конкретной социальной обстановки они в одних случаях выступают в качестве основания для преобразования и изменения существующих юридических установлений, в других – «предвосхищают» установленные законом правовые нормы.

Социальные притязания признаются государством и закрепляются им в законодательном порядке. Тем самым социальные притязания приобретают статус юридических прав граждан. В результате возникают соответствующие правоотношения между государством и носителями этих прав (управомоченными и обязанными), а также последних между собой.

Граждане, их коллективные объединения и общество в целом активными внешними действиями побуждают правотворческие органы к институционализации в нормах права социальных интересов. При этом в предложенной концепции социальных притязаний термин «институционализация» используется в соответствии с его содержанием, как процесс закрепления социальных притязаний в нормах права.

14. Формами институционализации социальных притязаний в российском праве выступают нормативно-правовой акт, правовые позиции Конституционного Суда РФ, правоположения судебной практики, индивидуальный договор.

Основной и ведущей формой закрепления социальных притязаний в России выступает нормативно-правовой акт.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ выступают в качестве одной из форм институционализации социальных притязаний в праве. Нормативные начала решений Конституционного Суда обладают высокой степенью информационно-правовой насыщенности и обобщенности, способностью отражать посредством своих конституционно-интерпретацион-ных характеристик высшие конституционные ценности на основе выявленного в решении суда баланса государственных (публичных) и частных интересов, соответствующих социальных притязаний.

Одной из форм институционализации социальных притязаний в праве выступают правоположения судебной практики, которые по своей юридической природе представляют своеобразные правовые средства, институционные образования, обладающие определенной юридической силой и степенью обязательности. Правоположения судебной практики выражены не только в резолютивной части судебного решения, формулирующей окончательные выводы суда, но и в мотивировочной части, в которой суд приводит мотивы в обоснование этих выводов. Социальные притязания получают закрепление в правоположениях судебной практики по делам непосредственного и опосредованного нормоконтроля, а также институционализируются в разъяснениях высших судебных органов при преодолении пробелов правового регулирования, устранении противоречий и коллизий.

Индивидуальный договор является формой институционализации социальных притязаний в частном праве. Однако не все индивидуальные договоры могут выступать формами институционализации социальных притязаний, а только те, которые содержат в себе особые правила поведения, формируемые субъектами договора самостоятельно.

Следовательно, право берет начало с социальных притязаний, придавая им юридическую форму, обеспечивая их реализацию и создавая тем самым правовые гарантии правопорядка в целом.

15. Из сказанного можно сделать вывод, что без использования знаний и методов экономики, социологии, психологии и других наук выявить и закрепить социальные притязания в праве было бы невозможно. Междисциплинарная научная модель в практике выявления и юридической формализации социальных притязаний играет огромную роль, способствует достижению эффективности права в целом.

Список литературы

1. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. – М.: АН СССР, 1959. – 185 с.

2. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1916. – 708 с.

3. Манджиев Т.Б. Право как всеобщая форма бытия идеального в обществе // Правоведение. 1997. № 3. С. 34-41.

4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. – М.: 2-я типография «Печатный двор» имени А.М. Горького, 1955. – 698 с.

5. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб.: Тип. СПб. акц. общ. «Слово», 1907. – 656 с.

6. Петренко А.В. Оценка регулирующего воздействия нормативных правовых актов как средство эффективной правовой политики России // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2014. – № 3. – С. 35-38.

7. Правовой мониторинг. Научно-практическое пособие. – М.: Юриспруденция, 2009. – 416 с.

8. Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. – Ярославль: Ярославский кредитный союз кооперативов, 1919. – 236 с.

9. Юридические записки. Т. 3. Изданный П. Редькиным и К. Яневичем-Яневским. – Санкт-Петербург: П. Редькин и К. Яневич-Яневский, 1859. – 433 с.

List of references

1. Kechekyan S.F. *Pravootnosheniya v sotsialisticheskom obshchestve.* – [Legal relations in a socialist society]. – M.: Academy of Sciences of the USSR, 1959. – 185 p.

2. Kistyakovsky B.A. *Sotsial'nyye nauki i pravo. Ocherki po metodologii sotsial'nykh nauk i obshchey teorii prava*. – [Social sciences and law. Essays on the methodology of social sciences and the general theory of law]. – M.: M. and S. Sabashnikovs Publ., 1916. – 708 p.

3. Mandzhiev T.B. *Pravo kak vseobshchaya forma bytiya ideal'nogo v obshchestve //* Pravovedeniye. – [Law as a universal form of being ideal in society] // Law. – 1997. – № 3. – P. 34-41.

4. Marx K., Engels F. *Sochineniya. 2-ya tipografiya «Pechatnyy dvor» imeni A.M. Gor'kogo,* [Written Works. V. 1. – M.: 2nd printing house «Printing yard» named after A.M. Gorky], 1955. – 698 p.

5. Petrazhitsky L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriyey nravstvennosti.* – [The theory of law and the state in connection with the theory of morality]. – SPb.: Tip. SPb. akts. obshch. «Slovo», 1907. – 656 p.

6. Petrenko A.V. *Otsenka reguliruyushchego vozdeystviya normativnykh pravovykh aktov kak sredstvo effektivnoy pravovoy politiki Rossii // Chernyye dyry v Rossiyskom zakonodatel'stve.* [Assessing the regulatory impact of normative legal acts as a means of effective legal policy of Russia // Black holes in Russian legislation]. – 2014. – № 3. – Pp. 35-38.

7. *Pravovoy monitoring. Nauchno-prakticheskoye posobiye.* – [Legal monitoring. Scientific and practical manual]. – M.: Yurisprudencia, 2009. – 416 p.

8. Sorokin P.A. *Elementarnyy uchebnik obshchey teorii prava v svyazi s ucheniyem o gosudarstve. – Yaroslavl': Yaroslavskiy kreditnyy soyuz kooperativov* [An elementary textbook of the general theory of law in connection with the doctrine of the state]. – Yaroslavl: Yaroslavl Credit Union of Cooperatives, 1919. – 236 p.

9. *Yuridicheskiye zapiski. V. 3. Izdannyy P. Red'kinym i K. Yanevichem-Yanevskim.* – [Legal notes. V. 3. Published by P. Redkin and K. Yanevich-Yanevsky. – St. Petersburg: P. Redkin and K. Yanevich-Yanevsky, 1859. – 433 p.

УДК 340.5

Екатерина Алексеевна Петрова,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Ивановского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: kate_petrova78@mail.ru

Ekaterina Alexeevna Petrova,
associate professor of the Department of Theory and History of Law,
Ivanovo State University, candidate of legal sciences, associate professor

МЕХАНИЗМ ПРАВОТВОРЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье раскрывается авторский подход к пониманию механизма правотворчества и его структурных элементов. Подчеркивается необходимость изучения рассматриваемого явления в различных правовых традициях. Указываются особенности механизма правотворчества в континентальном праве: преобладание законотворчества, абстрактный характер нормы права, вертикальная иерархическая структура нормативных правовых актов и т. п. Выделяется специфика правотворческой деятельности в традициях общего права: приоритет судебного правотворчества, казуистичный характер нормы права и др. Анализируется структура механизма правотворчества в международном праве. Делается вывод, что рассмотрение механизма правотворчества в сравнительно-правовом контексте позволяет выявить его сущностные особенности, не ограниченные традициями одной правовой системы. Подчеркивается необходимость междисциплинарного подхода, предполагающего использование не только достижений сравнительного правоведения как такового, но и отраслевых юридических наук, изучающих зарубежное право.

Ключевые слова: механизм правотворчества, правовые системы, сравнительное правоведение, источники права, междисциплинарный подход.

THE LAWMAKING MECHANISM IN THE CONTEXT OF COMPARATIVE LEGAL RESEARCH

The article gives the author's approach to understanding the lawmaking mechanism and its structural elements. The necessity of studying this legal phenomenon in different legal traditions is emphasized. Features of the lawmaking mechanism in the continental law are specified: prevalence of legislation, abstract character of legal rules, vertical hierarchical structure of legal acts, etc. Specificity of lawmaking process in common law traditions is indicated: priority of judicial lawmaking, casuistic character of legal rules, etc. The structure of the lawmaking mechanism in international law is analyzed. It is concluded that the consideration of lawmaking mechanism in a comparative legal context allows us to identify its essential features. The author emphasizes the necessity of an interdisciplinary approach involving the comparative law as well as the branches of legal sciences studying foreign law.

Key-words: lawmaking mechanism, legal systems, comparative law, sources of law, interdisciplinary approach.

Традиционно в отечественной юридической литературе, особенно учебной, дается характеристика правотворчества как особого вида юридической деятельности без использования категории «механизм» и сведением её, по сути, лишь к одной форме – законотворчеству. Последнее объясняется, в частности, тем, что в российской правовой системе основным формальным источником права выступает нормативный правовой акт. Однако когда речь идет о предмете общей теории права, в рамках которого и изучается рассматриваемый институт, ограничиваться традициями лишь одной правовой семьи представляется методологически неверным. Отсюда необходимость проведения сравнительно-правовых исследований, позволяющих выделить те особенности, которые свойственны механизму правотворчества в целом.

В доктрине отсутствует единый подход к пониманию правотворчества, однозначная интерпретация которого осложняется также использованием близких по своему значению

терминов «правообразование», «нормоустановление» и т. п.[1] Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу, отметим, что мы, придерживаясь позитивистских позиций, считаем более точным определение правотворчества как деятельности по созданию формально-юридических источников права, осуществляемой от имени государства компетентными правотворческим субъектами и обеспечиваемой системой государственных гарантий и санкций[2], которая завершает процесс образования права.

Наличие определенных субъектов правотворчества и соответствующего порядка их деятельности по созданию источников права позволяет, на наш взгляд, говорить о *механизме* правотворчества как особой теоретико-правовой конструкции. Так, С.В. Синюков, подчеркивая, что механизм правотворчества является центральным институтом процесса правообразования в современных обществах, определяет его как «научно-практическую категорию, которая отражает комплексное, системное видение институтов правообразования (частично правореализации) и включает в себя социально-правовые инструменты и средства, нацеленные на формирование правовой нормативной системы регулирования общественных отношений»[3]. Мы придерживаемся более узкого понимания правотворчества и полагаем, что необходимо разграничивать механизм правообразования и механизм правотворчества, поскольку первый «в большей степени обеспечивается общесоциальным механизмом формирования права»[4], а второй охватывает собственно правовые средства и явления.

Мы также исходим из того, что механизм может трактоваться в статическом и динамическом аспектах. В статике механизм правотворчества охватывает совокупность элементов, обеспечивающих создание права, к которым, на наш взгляд, можно отнести: субъектов правотворчества (институциональный элемент); способы, приемы правотворческой техники (инструментальный элемент); сами правила поведения (содержательный элемент); формы (источники) права (формальный элемент). Механизм правотворчества в динамике отражает последовательность стадий правотворческой деятельности, которая обусловливается конкретным видом правотворчества, но в самом общем виде включает: выработку самого правила поведения; придание правилу юридической формы в соответствующем источнике права. После прохождения первой стадии мы получаем норму – правило поведения общего характера, но только после прохождения второй стадии эта норма становится правовой, т. е. приобретает общеобязательную силу. В реальности эти две стадии могут осуществляться одновременно, а могут быть и разделены во времени. Содержание механизма правотворчества во многом предопределяется теми правовыми традициями, которые сложились в соответствующих правовых системах и семьях.

Так, в культуре континентального права основными «творцами» права выступают законодатели и, следовательно, преобладающим видом правотворческой деятельности является законотворчество. Соответственно здесь структура механизма правотворчества будет базироваться (хотя и не ограничиваться только ею) на структуре механизма законотворчества. А именно, в качестве институционального элемента следует выделять, в первую очередь, органы законодательной власти (парламенты). Инструментальный элемент охватывает способы и приемы законотворческой деятельности (приемы проектной работы, использование юридических терминов и конструкций, способы принятия законов и т. д.). Специфика содержательного элемента, возможно, в наименьшей степени зависит от особенностей правовой системы, но оформление этого содержания в контексте структуры нормы права и её видов также имеет определенную специфику. Так, романо-германской системе присуще наличие в струк-

[1] См., например: Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. М., 2012.

[2] Теория государства и права / под ред. Р.А. Ромашова. СПб., 2005. С. 231.

[3] Синюков С.В. Механизм правотворчества: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 8.

[4] Сапун В.А. Механизм правообразования и правотворчества: проблемы соотношения и демократизации // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 384.

туре нормы права гипотезы, диспозиции и санкции; использование кроме классических норм-правил поведения также норм-дефиниций, норм-принципов, норм-начал и т. п. и в целом абстрактный характер правила поведения, рассчитанного на «типичные» правовые ситуации. В качестве формального элемента механизма законотворчества будет выступать закон как особый вид нормативного правового акта. В динамике механизм законотворчества охватывает подготовку законопроекта, а также принятие и вступление в силу закона. Однако такую структуру мы получаем при узком подходе к понятию законотворчества как деятельности по созданию собственно законов. Очевидно, что говоря о специфике механизма правотворчества в романо-германской правовой семье, целесообразно использовать широкий подход, включающий в законотворчество процесс создание всех видов нормативных правовых актов (т. е. как собственно законотворчество, так и подзаконное правотворчество). При всей специфике создания подзаконных нормативных правовых актов они образуют единую систему с законами, причем система эта имеет такую важную характеристику, как «вертикальная» иерархическая структурированность, начиная от обладающей высшей юридической силой Конституции и заканчивая локальными актами.

В отличие от континентального права, в общем праве утвердилась культура судебного правотворчества как основного вида правотворческой деятельности. Соответственно механизм правотворчества здесь будет базироваться на механизме создания судебных прецедентов. Основными субъектами правотворчества в данной правовой семье выступают судебные, а не законодательные органы. Механизм создания прецедентной нормы охватывает определенные правила и приемы её выведения из судебного решения. Структура прецедентной нормы существенно отличается от своего континентального аналога в силу, в первую очередь, своей казуистичности, связи с конкретной спорной правовой ситуацией. Создаваемые в результате судебного правотворчества прецеденты также образуют определенную систему, однако она специфична в виду того, что выносить прецедентные решения могут только вышестоящие судебные инстанции. Механизм судебного правотворчества в динамике, в свою очередь, охватывает процесс формулирования прецедентной нормы и придания ей обязательного характера.

Преобладание указанных видов правотворчества в романо-германской и англо-американской правовых семьях объясняется многими факторами, связанными с историей формирования данных семей, особенностями правовой культуры, образа юридического мышления и др. Указанные факторы обусловливают и появление так называемых смешанных правовых систем, где наблюдается сочетание различных правовых традиций. При этом в современном мире с его глобализационными процессами интеграция правовых систем становится все более явной. В таких условиях компаративистский подход приобретает особую актуальность, т. к. позволяет спрогнозировать возможность использования правовых институтов, заимствованных из иных правовых традиций. В этой связи представляет научный и практический интерес, например, изучение механизма правотворчества в правовой системе США, где изначально сосуществовали, взаимно дополняя другу друга, законотворчество и судебное правотворчество. Опыт американской правовой системы может быть полезен для тех стран континентального права, которые «внедряют» в систему своих формальных источников права судебный прецедент, например, для России.

Сравнительно-правовой метод предполагает и исследование специфики механизма правотворчества за рамками национальных правовых систем, в частности, в международном праве, тем более что современные государства, как правило, включают общепризнанные принципы международного права и международные договоры в свои правовые системы (что, например, закреплено в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Между тем процесс создания норм международного права имеет целый ряд особенностей, таких как: нормы международного права «творятся» не специальными правотворческими органами, а самими субъектами международного права; основным способом правотворческой деятельности выступает достижение

соглашения, т. е. используется техника договорного и обычного правотворчества; в структуре нормы права, как правило, отсутствует санкция и т. д. Понимание указанной специфики необходимо, в частности, для того, чтобы определить, какое иерархическое место занимают источники международного права в национальной правовой системе.

Таким образом, рассмотрение механизма правотворчества в сравнительно-правовом контексте позволяет выявить его сущностные особенности, не ограниченные традициями лишь той правовой системы, в рамках которой он исследуется, что, в свою очередь, помогает установить достоинства и недостатки различных форм правотворческой деятельности, различных источников права с целью повышения эффективности правового регулирования в целом. Отсюда необходимость применения междисциплинарного подхода для исследования правовых явлений, предполагающего использование не только достижений сравнительного правоведения как такового, но и отраслевых юридических наук, изучающих зарубежное право (конституционное право зарубежных стран, гражданское право зарубежных стран и т. п.).

Список литературы

1. Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. – М.: Норма, 2012. – 400 с.

2. Сапун В.А. Механизм правообразования и правотворчества: проблемы соотношения и демократизации // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 383-386.

3. Синюков С.В. Механизм правотворчества: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. – 26 с.

4. Теория государства и права / под ред. Р.А. Ромашова. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 630 с.

List of references

1. Pridvorov N.A., Trofimov V.V. *Pravoobrazovaniye i pravoobrazuyushchiye faktory v prave*. – [Law formation and legal factors in law]. – M.: Norma, 2012. – 400 p.

2. Sapun V.A. *Mekhanizm pravoobrazovaniya i pravotvorchestva: problemy sootnosheniya i demokratizats*ii // [The mechanism of law formation and law-making: problems of correlation and democratization] // Yuridicheskaya tekhnika. – 2014. – № 8. – Pp. 383-386.

3. Sinyukov S.V. *Mekhanizm pravotvorchestva: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk.* – [The mechanism of law-making: abstract. dis. ... cand. legal sciences]. – Saratov, 2013. – 26 p.

4. *Teoriya gosudarstva i prava* / ed. R.A. Romashova. – SPb.: Publishing house of R. Aslanov «Yuridicheskiy tsentr Press», 2005. – 630 p.

УДК 340.132

Владислав Валерьевич Денисенко,
доцент кафедры теории государства и права, Воронежский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: vsu_vlad@mail.ru

Vladislav Valerievich Denisenko,
Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Voronezh State University, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ПРАВЕ: ПРЕИМУЩЕСТВА МЕТОДОЛОГИИ*

Автор в данной статье рассматривает проблему междисциплинарного подхода в теории государства и права в современный период. В статье содержится анализ различных подходов к понимании парадигмы в праве, а также авторские идеи к современной парадигме в праве. Лингвистическая парадигма в современном праве, по мнению автора статьи, связана с вопросами юридификации общества.

Ключевые слова: лингвистическая парадигма в праве, народное представительство, язык и право, парадигма в праве, легитимация права.

LINGUISTIC PARADIGM IN LAW: ADVANTAGES OF METHODOLOGY

In this article the author considers the problem of an interdisciplinary approach in the theory of state and law in the modern period. The article contains an analysis of various approaches to understanding the paradigm in law, as well as the author`s ideas for the modern paradigm in law. The linguistic paradigm in modern law, according to the author of the article, is connected with issues of the juridification of society.

Key words: linguistic paradigm in law, popular representation, language and law, paradigm in law, juridification of law.

Современная правовая политика отечественного государства требует от ученых-правоведов понимания специфики современного общества при формировании методологии науки[1]. Современное общество отличается феноменом социального государства, который привел к расширению предмета правового регулирования[2]. Между тем, на наш взгляд, отечественной юриспруденции необходима принципиально новая парадигма. Парадигма это не только тип понимания права, как позитивизм или естественное право, речь идет о философской модели понимания общества в целом и правовой системы, в частности. Парадигма обуславливает методологию, которую используют ученые-правоведы, а равно круг вопросов, включаемых в предмет юриспруденции.

Главная проблема заключается в исследовании правовых отношений на основе социологии XIX века, не использовании методов и достижений социологии конца XX – начала XXI века. Отечественные правоведы при исследовании права прямо исходят из материалистической диалектики, указывая на противоречия между естественным и искусственным, объективным и субъективным, либо прямо не указывая на методологическое основание, строят свои работы на парадигме социологической классики XIX века, что не позволяет должным образом изучать современное общество и право. Причина, по которой следует от-

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-001777 «Дискурсивная легитимация права: речевой акт как форма с нормативным содержанием».

[1] Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. Саратов, 2009. 308 с.

[2] Денисенко В.В. Юридификация общества и концепции правового регулирования // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2008. № 2. С. 56-62.

казаться от классических социологических взглядов, связана с изменениями в обществе конца XX века. Дело в том, что все три основные классические теории социологии XIX века (К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер) описывали западное промышленное общество своего времени. Базисной теоретической моделью этих подходов или парадигмой классики является модель «трудового общества»[1]. Труд и его разделение рассматривались фундаментальный принцип создающий общество, определяющий его функционирование, структуру, поэтому классическая социология – это социология «трудового», индустриального общества, периода модерна. Причем, несмотря на различия отдельных теорий единым в них было понимание общества и индивида, характера социального взаимодействия, то есть в основе лежала общая парадигма. Общим в понимании социальной реальности является рациональная деятельность индивида, связанная с процессом обмена, распределения труда в социальных отношениях.

Указанные идеи утилитарного индивида, разработанные политической экономией и М. Вебером, поверглись в 80-е годы XX века коренному переосмыслению. Общая идея западной социологии в этот период заключалась в невозможности раскрыть современные общественные процессы с позиций классической социологии в силу радикальных социальных изменений. В этот период на смену «трудовому», индустриальному обществу приходит посттрудовое, информационное общество. Такой период исторического развития называют обществом позднего модерна или постмодерна[2]. Такое общество рассматривается как принципиально новый этап социально-экономического развития, так как изменяется характер труда и система производства. Как указывал, ссылаясь на социологические исследования, Ж.Ф. Лиотар в 1979 году – «известно, что в последние десятилетия знание стало главной производительной силой, что ощутимо изменило состав активного населения в наиболее развитых странах»[3]. В этом новом обществе в качестве главного фактора выступает уже информация, а не труд. На это указывает и Ю. Хабермас: «Можно отныне ожидать сильной экстеоризации знания относительно “знающего”, на какой ступени познания он ни находился. Старый принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования разума и даже от самой личности, устаревает и будет выходить из употребления… знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих случаях, чтобы быть обремененным»[4]. Возникают иные мотивации и ценности, не основанные на системе производства и утилитарной этике. Все это связано, прежде всего, с телекоммуникативной революцией, затронувший все сферы постиндустриального общества, а также с изменением принципов социальной организации, так называемым «неоконсервативным поворотом», который проявился в переходе от централизованных структур власти к локальным структурам, на уровне которых принимаются социально-экономические и политические решения, поэтому классические теоретические социологические теории не соответствуют реальным отношениям в современном информационном обществе.

Говоря о формировании современной парадигмы общества, следует сразу отметить, что современная постклассическая социология неоднородна по теориям и методологии, но при этом в любом случае является невозможным использование в правовой теории устаревших методов, например, классической политической экономии К. Маркса, так как они отражали процессы иного общества, эпохи. Например, в работе «Теория коммуникативного действия» Ю. Хабермас пишет, что в развитых западных обществах в последние десятилетия возникли социальные конфликты, которые существенно отличаются от традиционных для капитализ-

[1] Полякова Н.Л. Современная западная социология: классические традиции и поиски новой парадигмы. М., 1990. С. 6-7.

[2] В последние два десятилетия современное постиндустриальное общество называют именно обществом позднего модерна. – См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 130.

[3] Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 18-20.

[4] Цит. по: Лиотар Ж.Ф. Указ. соч. С. 17.

ма конфликтов, связанных с распределением экономических благ. Они формируются уже не в области материального воспроизводства и не канализируются политическими партиями; скорее они возникают в областях культурного воспроизводства, социальной интеграции и социализации и развертываются в доинституциональных формах. В них реально отражается «овещнение» коммуникативно структурированных областей действия: «новые конфликты вспыхивают не в области проблем распределения, а в связи в вопросами грамматики форм жизни»[1]. П. Бурдье, указывая на недостаточность марксистской теории классов, писал, что нельзя сводить социальный мир «к одному лишь экономическому полю», привязав себя «к одномерному социальному миру, организованному просто вокруг противоречия между двумя блоками»[2]. В реальности же, показывает П. Бурдье, социальное и политическое пространство есть многомерное взаимодействие относительно автономных полей, «т. е. подчинённых в большей или меньшей степени прочно и непосредственно в своём функционировании своём изменении полю экономического пространства»; причём и внутри каждого «пространства» те, кто занимает доминирующую позицию, и те, у кого позиция подчинённая, беспрестанно вовлечены в различные конфликты, но уже без необходимости организовать столько же антагонистических групп»[3]. Таким образом, помимо экономических общественных противоречий, влияющих на право, в настоящее время главную роль играют противоречия, связанные с культурой (мультикультурностью), социальными связями, во многом вызванные регулированием государством отношений гражданского общества. Не экономические, а коммуникативные противоречия выходят на первый план, такие как юридификация, фрагментация общественного сознания, отчуждение от права граждан.

В условиях современного социального государства необходимым представляется переход к другой философской парадигме – языка. За последние три столетия философия несколько раз меняла понимание того, что есть основание достоверного знание, причем, по мнению Ю. Хабермаса всего в истории развития философии выделяется три парадигмы: бытия, сознания и языка[4]. Первоначально философия рассматривала наше знание как слепок или отражение бытия, к такой парадигме бытия относится и философия К. Маркса, сводившая историю человечества к труду, доминировавшая до последнего времени в отечественном правоведении. Впоследствии начинает доминировать парадигма сознания, которая рассматривает знание как продукт, сформированный трансцендентальным сознанием человека, которая представлена учениями Гуссерля и Канта. В двадцатом веке, как указывает К.О. Апель, происходит переход от парадигмы сознания к парадигме языка[5], в связи с развитием лингвистической философии и герменевтики. Язык больше не рассматривается как средство выражения результата мышления, мышление и использование языка тождественны. Представители герменевтики, например Гадамер, обосновывают культурную и историческую обусловленность разума. Поэтому в философии языка происходит переход от субъективности к интерсубъективности. Таким образом, речь не может быть сведена к труду или выражению сознания, в рамках прагматической философии, представителями которой являются К.-О. Апель и Ю. Хабермас, действия субъектов можно подразделить на рациональные и коммуникативные. Общественные противоречия, в том числе и правовые, могут формироваться в сфере целерациональных, направленных на успех, действий, например, в сфере экономики, а также в сфере коммуникативных связей.

В постиндустриальном обществе, в условиях социального государства, как уже было сказано, на первое место выходят не экономические, а коммуникативные противоречия. Современное государство, регулируя позитивным правом большинство отношений, приводит

[1] Цит. по: Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск, 2000. С. 162.
[2] См.: Бурдье П. Социология политики. М., 1993. С. 87.
[3] Там же. С. 88.
[4] Цит. по: Бусова Н.А. Модернизация, рациональность и право. Харьков, 2004. С. 99.
[5] См.: Апель К.О. Трансформация философии. М., 2001. С. 22.

к разрушению коммуникативных отношений между субъектами. Результатом такого процесса является фрагментация общественного сознания, юридификация (избыток права), отчуждение граждан от позитивного права.

В связи с изменением природы противоречий, влияющих на право, встает вопрос о методологии их исследования. Традиционно для анализа противоречий в праве отечественная наука использовала материалистическую диалектику и её законы. Безусловно, для анализа противоречий современного общества необходима иная методология, не только потому, что не все противоречия в обществе носят экономический характер, но также потому, что, на наш взгляд, сама диалектика не может рассматриваться как научный метод, способный оказать помощь в исследовании общества и правовой сферы. Говоря о диалектике, следует уточнить, что речь идет не только о материалистическом её понимании, но и о системе, сформулированной Гегелем. Луи Альтюссер, анализируя состоятельность материалистической диалектики, которая как метод, возникла путем «переворачивания» К. Марксом идеализма Г. Гегеля, писал: «.. считать понятие “переворачивания” знанием значит принимать идеологию, которая является его основой, т. е. принимать концепцию, которая отрицает саму реальность теоретической практики»[1]. По мнению Л. Альтюссера концепцию Гегеля невозможно использовать как метод исследования общества, так как неверна сама диалектическая методология: «Акт абстрагирования, который должен извлечь из конкретных индивидов их чистую сущность, есть идеологический миф», поэтому «…перевернув идеологию нельзя получить науку. Науку можно получить, лишь покинув область, в которой идеология полагает, что имеет дело с реальным, т. е. покинув её идеологическую проблематику (органическую предпосылку её фундаментальных понятий, а вместе с этой системой – и большинство этих понятий), для того чтобы “в другой стихии”, в поле новой, научной проблематики обосновать деятельность новой теории»[2]. Работы Л. Альтюссера заложили в 60-е годы XX-го века основу так называемого «недиалектического» направления в неомарксизме, между тем, в последние десятилетия марксизм, как философское направление, не является популярным и это связано не только с крахом «государственного социализма». Проблема заключается как в установке на парадигму бытия, неспособную раскрыть все причины общественных противоречий, так и в изначальной установке на критику либерального капиталистического государства, неспособность анализа противоречий позднекапиталистического общества. Между тем, конструктивные идеи Маркса, прежде всего, идея превращения конкретного труда в абстрактный (теория отчуждения) были восприняты теорий коммуникативного действия для объяснения патологий развития современного общества и права[3].

Можно сделать вывод, что методология теории государства и права должна быть основана на прагматической коммуникативной философии, основанной на парадигме языка. При помощи этой парадигмы становится возможным исследование в правовой сфере общественных противоречий, связанных не только с экономическим отчуждением, но также и с грамматическими связями. Таким образом, именно лингвистическая парадигма позволяет обосновать юридическое равенство и демократизм в отечественной правовой системе.

Список литературы

1. Альтюссер Л. За Маркса. – М.: Праксис, 2006. – 392 с.
2. Апель К.О. Трансформация философии. – М.: «Логос», 2001. – 344 с.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: «Логос», 2002. – 390 с.
4. Бурдье П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
5. Бусова Н.А. Модернизация, рациональность и право. – Харьков: Прометей-Пресс, 2004. – 352 с.
6. Денисенко В.В. Юридификация общества и концепции правового регулирования // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. – 2008. – № 2. – С. 56-62.

[1] Альтюссер Л. За Маркса. М., 2006. С. 273.
[2] Там же. С. 274.
[3] См.: Фурс В.Н. Указ. соч. С. 154.

7. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

8. Полякова Н.Л. Современная западная социология: классические традиции и поиски новой парадигмы. – М.: ИНИОН, 1990. – 201 с.

9. Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. – 308 с.

10. Фурс В.Н. Философия незаконченного модерна Юргена Хабермаса. – Минск: ЗАО «Экономпресс», 2000. – 224 с.

List of references

1. Althusser L. *Za Marksa* [For Marx]. – M.: Praxis, 2006. – 392 p.

2. Apel K.O. *Transformatsiya filosofii.* – [The transformation of philosophy]. – M.: «Logos», 2001. – 344 p.

3. Bauman Z. *Individualizirovannoye obshchestvo.* – [Individualized society]. – M.: «Logos», 2002. – 390 p.

4. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. – M.: Socio-Logos, 1993. – 336 p.

5. Busova N.A. *Modernizatsiya, ratsional'nost' i pravo*. [Modernization, rationality and law]. – Kharkov: Prometheus Press, 2004. – 352 p.

6. Denisenko V.V. *Yuridifikatsiya obshchestva i kontseptsii pravovogo regulirovaniya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo* [Legalization of society and the concept of legal regulation // Bulletin of Voronezh State University]. Ser. Law. – 2008. – № 2. – S. 56-62.

7. Lyotard J.F. Sostoyaniye postmoderna [The state of postmodernism]. – St. Petersburg: Aletheya, 1998. – 160 p.

8. Polyakova N.L. S*ovremennaya zapadnaya sotsiologiya: klassicheskiye traditsii i poiski novoy paradigmy* [Modern Western Sociology: Classical Traditions and the Search for a New Paradigm]. – M.: INION, 1990. – 201 p.

9. Trofimov V.V. *Pravoobrazovaniye v sovremennom obshchestve: teoretiko-metodologicheskiy aspekt* [Legal formation in modern society: theoretical and methodological aspect]. – Saratov: Publishing house of GOU VPO «Saratov State Academy of Law», 2009. – 308 p.

10. Furs V.N. *Filosofiya nezakonchennogo moderna Yurgena Khabermasa.* – [The philosophy of unfinished Art Nouveau Jürgen Habermas]. – Minsk: CJSC Econompress, 2000. – 224 p.

УДК 34.06

Наталия Ивановна Малышева,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: n.malysheva@spbu.ru

Nataliya Ivanovna Malysheva,
Assistant Professor of the Department of Theory and History
of State and Law of Saint Petersburg State,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПАРАМЕТРАЛЬНОГО ПОДХОДА В ПОЗНАНИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

В статье анализируются перспективы использования параметрального подхода в исследовании государства и права. Отмечены трудности параметризации государственно-правовых явлений при всем имеющемся длительном историческом опыте использования математического инструментария в юриспруденции. Параметризации могут подвергаться государственная территория, население (народ), государственная власть. Представляется необходимой разработка функциональных параметров государственной деятельности. Параметральная характеристика государства должна проводиться с учетом и таких его качественных состояний, как правовое и социальное государство. Право в параметральном ракурсе обычно характеризуется пространственно и темпорально. Сделан вывод, что параметральный анализ государства и права возможен только в его связи с человеком и с точки зрения обеспечения его достойного существования с учетом разработанных ООН индексов человеческого развития.

Ключевые слова: параметральный подход, параметризация государственно-правовых явлений, функциональные параметры государственной деятельности, достойное существование человека, индекс человеческого развития.

ON THE PROSPECTS OF THE PARAMETRIC APPROACH IN THE KNOWLEDGE OF STATE AND LEGAL PHENOMENA

The article analyzes the prospects of using the parametric approach in the study of state and law. The author notes the difficulties of parameterization of the state-legal phenomena with all the existing historical experience of using mathematical tools in jurisprudence. Parameterization may be subject to state territory, population (people), state power. It seems necessary to develop the functional parameters of state activity. The parametral characteristic of the state should be carried out taking into account its quality states such as legal and social state. Law in the parametral perspective is usually characterized only spatially and temporally. The author concludes that the parametric analysis of the state and law is possible only in its connection with the person and in terms of ensuring its dignified existence, taking into account the UN human development indices.

Key words: Parametral approach; parameterization of state-legal phenomena; functional parameters of state activity; decent human existence; human development index.

Ученые разных областей знаний используют в настоящее время параметральный (или параметрический) подход в своих исследованиях. В буквальном смысле слова под параметром понимается некая мерка (число, величина, показатель). С помощью параметров как свойств или показателей можно дать характеристику объекту (явлению), если таковое подлежит измерению, и даже идентифицировать его. Большой интерес представляет и оценка тех или иных параметров, например, с помощью статистических данных.

Однако очевидно, что названный подход получает значительную специфику в сфере социально-гуманитарных наук. Осуществить параметризацию государства и права как явлений достаточно затруднительно при всем имеющемся длительном историческом опыте использования математического инструментария в юриспруденции.

При достаточной разнородности представлений о государстве среди его характеристик обычно выделяют как минимум три величины: государственную территорию, население (народ) и государственную власть. Параметральный подход позволяет наполнить «реальной жизнью» юридическую теорию государства.

Одними из важнейших параметров (измерений) государственности следует назвать пространство и время. Как отмечал Л.С. Мамут, естественные, физические условия, необходимые для существования государства, достаточно ощутимо детерминируют его бытие. Вне пространственно-временного континуума государство невозможно. Однако пребывание государства внутри этого континуума совсем не означает, что он перестает выступать для государства внешней, природной средой[1]. Не следует забывать и о том, что территория государства – это одновременно политическое, социальное и культурное пространство, на котором осуществляется правовое регулирование. Определение территории государства как политико-правового пространства, формирующегося исторически, акцентирует внимание на единстве и непрерывности процесса правообразования (правотворчества) в обществе[2]. Да и сам «внешний облик» государственности[3] непосредственно зависит от занимаемого ею территориального пространства.

Помимо размера территории серьезное значение имеют такие параметры, как географическое положение государства, ресурсообеспеченность, территориальная доступность правосудия, государственных услуг. Заметим, что приметы информационного общества изменяют конфигурацию территориальных параметров государственного пространства.

Продолжая параметральную характеристику современного государства, солидаризируемся с Л.С. Мамутом[4] в том, что народ в целом всегда выступает субстанцией государства, что человеческий субстрат государства образуют люди. Для национального государства важно единое языковое пространство, подразумевающее владение большинством людей, проживающих на государственной территории, общим, исторически сложившимся языком.

Для государства, ориентированного на социальную модель, особое значение приобретают такие параметры, как «качество населения», на сегодня «измеряемое» некоторой совокупностью социально-демографических показателей.

Вслед за Е.А. Лукашевой[5] подчеркнем, что концепция социального качества жизни включает понятие «человеческое развитие», которое было введено Программой развития ООН в 1990 г. Факторы, способствующие цели такого развития, переводимы в индексы человеческого развития. Помимо продолжительности жизни особое внимание уделяется таким параметрам, как предполагаемая и средняя продолжительность обучения, а также объем валового национального продукта на душу населения[6].

Значимый параметр – доля расходов на социальную сферу в структуре валового внутреннего продукта. Требуют внимания и параметры социальной стратификации населения.

Переходя к анализу государственной власти с позиции заявленного параметрального подхода, напрашивается обращение к концепту «сильного» государства. В таком ракурсе продуктивной представляется разработка функциональных параметров с учетом показателей

---

[1] Мамут Л.С. О государстве и государственности // Основные концепции права и государства в современной России // Государство право. 2003. № 5. С. 16.

[2] Мамут Л.С. Государство в контексте глобализации // Право и политика. 2004. № 1. С. 4.

[3] Использован термин Мамута Л.С. – См.: Образ государства как алгоритм политического поведения // Общественные науки и современность. 1998. № 6.

[4] Мамут Л.С. О государстве и государственности // Графский В.Г. Основные концепции права и государства в современной России // Государство и право. 2003. № 5. С. 16.

[5] Лукашева Е.А. Социальное государство: модернизация и параметры развития // Труды Института государства и права РАН. 2010. № 3. С. 11-12.

[6] См., например: Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновленные статистические данные 2018. Опубликовано для Программы развития ООН // URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (дата обращения: 09.09.2019).

функционирования государства с использованием критериев оценки государства, предложенных Ю.А. Тихомировым, как то: степень управляемости общественными процессами и достижения стратегических целей общества и государства, реальное участие граждан в управлении государственными делами, демократический характер построения и деятельности государства, обеспечение развития законодательства и высокого уровня правовогопорядка[1].

«Сила» государства выражается в эффективности его деятельности, в том числе в сфере международной, региональной и национальной безопасности и безопасности личности.

«Сила» государства проявляется и в таком политико-юридическом свойстве государства, как государственный суверенитет. В научной литературе суверенитет нередко характеризуется чуть ли не математическими или физическими величинами, судя по замечаниям некоторых правоведов, которые пишут о его исчезновении, ограничении. «Мерилом» суверенитета современного государства видится его возможность принимать самостоятельные решения по вопросам, относящимся, прежде всего, к его «внутренним делам», имея в виду не только внутригосударственное, но и международное, и региональное пространства.

Параметральная характеристика государства должна проводиться с учетом таких его качественных состояний, как правовое и социальное государство. Обращаясь к зарубежным исследованиям, следует отметить позицию Г.Ф. Шупперта, который проанализировал возможности измерения изменений государственности с помощью двух типов индикаторов: семантическим (так как язык или символика отражают глубинные процессы перемен) и содержательным (например, появление новых функций государств)[2].

Право в онтологическом ракурсе может характеризоваться пространственно и темпорально. Правовое пространство тесно связано с пространством государства. Анализируя темпоральный параметр права, актуализируем предложенный Л.С. Мамутом временной аспект правового общения по горизонтали, предполагая, что оно происходит на протяжении жизни одного-двух поколений людей и в этом интервале доступно их непосредственному участию и личному обозрению[3].

Нельзя отрицать, что «погрешность» в определении параметров современного государства и права допустима, имея в виду, в числе прочего, и прагматические цели конкретных исследователей. Подчеркнем, что параметральный анализ государства и права возможен только в его связи с человеком и с точки зрения обеспечения его достойного существования, исходя из «человекоразмерности» государства и права.

Список литературы

1. Лукашева Е.А. Социальное государство: модернизация и параметры развития // Труды Института государства и права РАН. – 2010. – № 3. – С. 4-40.

2. Мамут Л.С. Государство в контексте глобализации // Право и политика. – 2004. – № 1. – С. 4-13.

3. Мамут Л.С. О государстве и государственности // Графский В.Г. Основные концепции права и государства в современной России // Государство и право. – 2003. – № 5. – С. 5-33.

4. Мамут Л.С. Правовое общение: очерк теории. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 80 с.

5. Тихомиров Ю.А. Государство: сильное или слабое // Труды Института государства и прав РАН. – 2016. – № 2. – С. 39-51.

6. Шупперт Г.Ф. Что такое государственность и как измеряется ее изменение? // Современное государство: Политико-правовые и экономические исследования: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отв. ред. Е.В. Алферова. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 213-218.

[1] Тихомиров Ю.А. Государство: сильное или слабое // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 2. С. 41.

[2] См.: Шупперт Г.Ф. Что такое государственность и как измеряется ее изменение? // Современное государство: Политико-правовые и экономические исследования: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. М., 2010. С. 213-218.

[3] Мамут Л.С. Правовое общение: очерк теории. М., 2011. С. 41.

List of references

1. Lukasheva E.A. *Sotsial'noye gosudarstvo: modernizatsiya i parametry razvitiya // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Social state: modernization and development parameters // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences}. – 2010. – № 3. – Pp. 4-40.

2. Mamut L.S. *Gosudarstvo v kontekste globalizatsii // Pravo i politika* [The state in the context of globalization // Law and Politics.] – 2004. – № 1. – Pp. 4-13.

3. Mamut L.S. *O gosudarstve i gosudarstvennosti // Grafskiy V.G. Osnovnyye kontseptsii prava i gosudarstva v sovremennoy Rossii // Gosudarstvo i pravo* [On the state and statehood // Grafsky V.G. The basic concepts of law and state in modern Russia // State and Law.] – 2003. – № 5. – Pp. 5-33.

4. Mamut L.S. *Pravovoye obshcheniye: ocherk teorii* [Legal communication: an outline of theory.] – M.: Norm: INFRA-M, 2011. – 80 p.

5. Tikhomirov Yu.A. *Gosudarstvo: sil'noye ili slaboye // Trudy Instituta gosudarstva i prav RAN.* [State: strong or weak // Proceedings of the Institute of State and Rights of the Russian Academy of Sciences]. – 2016. – № 2. – Pp. 39-51.

6. Schuppert G.F. *Chto takoye gosudarstvennost' i kak izmeryayetsya yeye izmeneniye? // Sovremennoye gosudarstvo: Politiko-pravovyye i ekonomicheskiye issledovaniya: Sb. nauch. tr*. [What is statehood and how is its change measured? // Modern state: Political-legal and economic research: Sat. scientific tr / RAS. INION. Center social. scientific-inform. exploration; Repl. ed. E.V. Alferova]. – M.: INION RAS, 2010. – Pp. 213-218.

УДК 340

Бигрузи Бухаринович Сулейманов,
заведующий кафедрой теории государства и права Северо-Кавказского института (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: doktorb@yandex.ru

Bigruzi Bukharinovich Suleymanov,
Head of the Theory of State and Law Department of North Caucasian Institute (branch)
of All-Russian University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Phd in history, Associate Professor

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Социология относится к социальным наукам, изучающим взаимоотношения между социальными общностями, институтами и индивидумами. В новейший период нашей истории социологические подходы, методы стали широко применяться при изучении правовых явлений. Утвердившийся методологический плюрализм позволяет исследователю использовать любые методы. Между тем в правовой и социологической литературе отсутствует общепринятая позиция о возможностях и значении использования социологического метода в исследовании правовой жизни общества. Важным представляется и применение результатов социологической теории, ее основы в качестве исследовательской программы при изучении государственно-правовой реальности. В работе сделана попытка обосновать целесообразность и эффективность использований категорий социологической науки для исследования различных правовых явлений. Прежде всего, это предопределяется уровнем обобщения социологических знаний и предметом социологии – закономерностями социальной жизни в целом.

Ключевые слова: право, социология, социологические методы, методология, юридическая наука, философские методы, категории социологии.

SOCIOLOGICAL METHODS OF LEGAL PHENOMENA RESEARCH

Sociology refers to the social Sciences that study the relationship between social communities and institutions. In the recent period of our history sociological approaches, methods have been widely used in the study of legal phenomena. The established methodological pluralism allows the researcher to use any methods. Meanwhile, in the legal and sociological literature there is no generally accepted position on the possibilities and importance of using the sociological method in the study of the legal life of society. It is also important to apply the results of sociological theory, its basis as a research program in the study of state-legal reality. The paper attempts to justify the appropriateness and effectiveness of the use of the category of sociological science for the study of various legal phenomena. First of all, it is predetermined by the level of generalization of sociological knowledge and the subject of sociology – the laws of social life in General.

Keywords: law, sociology, sociological methods, methodology, legal science, philosophical methods, categories of sociology.

Методология научных исследований продолжает переживать сложный период. В связи с происшедшими процессами в нашей стране в сфере науки утвердился научный плюрализм; исследователи получили возможность изучать предметы, явления при помощи разных подходов и методов. Марксистская методология, которая основывалась, в том числе на идеологических установках, фактически стала одним из многих учений со своими недостатками и достоинствами. В таких условиях представляется важным и необходимым поиск эффективных основ, подходов исследования различных явлений. Это относится и к юриспруденции, которая понимается по-разному, в том числе и как гуманитарная наука специального характера. При этом следует иметь в виду, что юридическая наука многогранна, подразделяется на определенные группы научных дисциплин, которые исследуют различные аспекты, в частности, теоретические и практические государственно-правовой действительности. Это,

в свою очередь, предполагает использование различных, отличающихся друг от друга методов. Интересным и важным, на наш взгляд, является вопрос о значении и ценности социологического метода в юриспруденции. Очевидно, что социологический метод или социологические методы применяются и могут применяться в изучении государства и права. Однако речь может идти о преимуществе социологического метода перед другими методами социальных наук и его альтернативности в соотношении с другими методами. Данная работа в целом посвящена именно этим моментам, которые могут быть признаны и актуальной проблемой научного характера.

Перед тем как обратиться непосредственно к самим социологическим методам, хотелось указать на некие предпосылки, которые в большей степени предопределяют целесообразность применения социологического метода в юриспруденции и в других гуманитарных науках, и даже просто наличия такого метода в числе научных методов. На наш взгляд, прежде всего, нужно обозначить особенности предмета самой социологии и указать на такие аспекты его, которые не охватываются другими гуманитарными науками, в частности, правоведением.

Почти общепринятым является утверждение, что социология исследует общественные явления. Если быть до конца последовательными, то объектом социологии может признано общество как целостное явление. Другие гуманитарные дисциплины, правоведение, экономика и др. в качестве объекта выделяют некие части общественной жизни или общества. Например, в качестве объекта правоведения указываются государство и право как реальности, т. е. существовавшие и существующие явления, либо государственно-правовую действительность. Безусловно, это некая часть, но не все общество. Такое положение и в других социальных и гуманитарных дисциплинах. Об этом писали и пишут исследователи. В частности, известный российский правовед писал, что «предметом марксисткой социологии являются общие закономерности развития общественной жизни во всей совокупности, внутренней связи процессов»[1]. Эта позиция является основной и в современный период. Правда, возможны разные трактовки, объяснения указанного предмета. В частности, Ю.И. Гревцов указывает, что социология имеет своим предметом и реальные общества, и «Общество» как научную категорию, основное назначение которой – содействие в обозначении общих, единых, универсальных черт в общественном развитии»[2]. Однако объект социологии тоже имеет определенные пределы, поскольку не охватывает природные процессы.

Как известно, наиболее широкий объект имеет философия, поскольку включает и природные и иные процессы. Так, по мнению В.А. Бачинина, философия раскрывает закономерности на более обобщенном уровне: в космосе, природе, социуме, правосознании»[3]. Философия претендует на статус основного или единственного разработчика методологических проблем для научных дисциплин. Так, известные советские философы науки отмечали, что «по своей природе философия выполняет особую мировоззренческую и методологическую функции, которые не берут на себя ни отдельные специальные науки, ни совокупность конкретно-научного знания в целом»[4]. Указанное утверждение представляется чересчур категоричным. Наверное, более правильным можно признать другой вывод: философия отличается от других наук, прежде всего, потому, что она является мировоззрением[5]. На наш взгляд, последний вывод, т. е. о мировоззренческой функции философии, представляется правильным. Вряд ли социология или другие общественные науки будут претендовать на такую функцию, которая носит всеобщий характер. Философия формирует мировоззрение в целом. При этом можно найти «место» и для социологии.

[1] Казимирчук В.В. Право и методы его изучения. М., 1965. С. 124.

[2] Гревцов Ю.И. Социология: Курс лекции. СПб., 2003. С. 15.

[3] Бачинин В.А. Социология. Академический курс. СПб., 2004. С. 37-38.

[4] Лекторский В., Огурцов А., Швырев В., Юдин Э. Философия // Философская энциклопедия в 5-ти томах. Т. 5. М., 1970. С.342.

[5] Спиркин А.Г. Философия // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 727.

Социология, исходя из своего предмета, раскрывает родовые (общие) свойства базовых культурных явлений, форм взаимодействия институтов общества, культуры личности; закономерные связи между социальными явлениями, институтами, а также между обществом как целостной системой и его отдельными институтами.

Думается, социология может разрабатывать подходы и методы, которые могут иметь методологическую основу для гуманитарных и социальных наук. Как можно предположить, общие моменты социальной жизни, разрабатываемые социологией, могут стать базой, в том числе, и для юридической науки.

Другой важный момент, который вытекает из предмета социологии – это рассмотрение социальных явлений во взаимосвязи друг с другом. В какой-то степени, речь идет о диалектической взаимосвязи между социальными явлениями, которые устанавливаются преимущественно социологией. При этом связи исследуются, устанавливаются не только в глобальном, но и на частном уровне. Еще в советский период указывалось, что социология изучает закономерности и движущие силы развития и функционирования социальных систем, как глобальных (общества в целом), так и частных (социальных групп, учреждений и процессов[1]. Безусловно, эмпирическая социология может указывать на связи на микро-уровне. Социология также носит прикладной характер. По словам английских ученых Дж.Л. Томпсона, Дж. Пристли, социология изучает сложные взаимоотношения между людьми и обществом; стремится выяснить, как создаются и изменяются общества людьми и как общество формирует поведение людей и представление о себе[2].

Социология имеет прямое отношение к поведенческим аспектам человека. Об этом пишут крупнейшие представители социологической мысли. В частности, американский социолог Н. Смельзер, считая, что социология является одним из способов изучения людей, пишет, что «социологи стремятся выяснить, почему люди ведут себя определенным образом, почему они образуют группы, поклоняются чему-либо, женятся, голосуют, т. е. все то, что происходит с людьми, когда они взаимодействуют друг с другом»[3]. Об исследовании поведенческих аспектов со стороны социологии пишет и В.А. Бачинин: «социология исследует конкретные механизмы действия социальных норм по обеспечению общественного порядка и скрепления социальной системы в жизнеспособную целостность»[4].

Важным представляется и такой момент, к которому имеет прямое отношение социология. Существует обоснованная позиция, согласно которой право и государство должны изучаться не только «сами по себе», не только с «внутри», а с учетом или посредством других социальных институтов или явлений, в частности, политики, права, нравственности, религии, устанавливая взаимовлияние и значение каждого из них. Очевидно, что при раскрытии соотношения указанных социальных институтов и их воздействия на социальную жизнь формируются знания о государственно-правовой действительности. Правда, в советский период основой права и государства признавали экономические отношения, поэтому и в научных работах давали первенство именно их изучения. При этом говорили о приоритете общественных отношений перед правовыми, т. е. указывали их социальную обусловленность[5]. Необходимость использования социологических подходов к праву можно обосновать и с других сторон. В частности, для преодоления односторонности правового позитивизма. Изучение права в «чистом виде», к чему стремятся наиболее консервативные сторонники нормативизма, в числе которых Г. Кельзен, Г. Харт и др., могут ограничить изучение права только лишь в форме совокупности принятых государством нормативно-правовых актов и изучением свойств правовых норм. Раскрытые роли и значения права, соответствия последнего

[1] Кон И. Социология // Философская энциклопедия в 5-ти томах. Т. 5. М., 1970. С. 85.
[2] Томпсон Дж.Л., Пристли Дж. Социология. М., 1998. С. 7.
[3] Смельзер Н. Социология. М., 1994. С. 14.
[4] Бачинин В.А. Социология. Академический курс. С. 38.
[5] Например: Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 11, 12.

нравственным установкам, результативность действия права остаются за рамками аналитической юриспруденции.

Важность социологии в изучении правовых явлений обосновывалась и в советский период. Отмечалось, что право является предметом изучения исторического материализма, т. е. общей теории социологии. Тогда «соответствующая такому аспекту правовая теория (общая теория права или отраслевые юридические науки) выступает в качестве социологической теории» или « в качестве социологической теории конкретного уровня»[1]. При этом социальную сторону юридической науки (социальное содержание права), изучая которую правовед пытается понять правовые институты, называют социологией права, отмечает Л.И. Спиридонов[2]. Между социологией права, которая является относительно самостоятельным явлением в составе юридической науки и частной социологической теорией существует существенная разница: последняя сосредотачивает свое внимание на праве как социальном институте в связи с другими социальными институтами[3]. В советской юридической науке социологию права не признавали самостоятельной наукой[4].

Из вышеизложенного можно заключить, что достаточно много исследователей выступают за признание социологии базовой дисциплиной, изучающей, в том числе и правовые явления с позиции своего предмета. Следующим шагом может быть «демонстрация» возможностей социологического метода или методов социологии в изучении правовых явлений.

Остается открытым вопрос об альтернативности социологических подходов философским при изучении социальных явлений. Другими словами, может ли социология заменить философию в качестве методологической основы социальных исследований? Этот вопрос остается спорным. Наверное, без философских подходов, которые носят базовый характер, вряд ли возможно познание. Социология основывалась на социальной философии и развивалась, как отмечают некоторые социологи, «из потребности преодолеть ограничения, присущие философскому познанию социальной действительности»[5]. Становление социологии как научной привело к формированию её категориального аппарата путем переноса и обработки терминов, относящихся к другим отраслям знания. В частности, «статуса» из юриспруденции, «капитал», «деньги» из экономической науки; «общество», «прогресс», «ценности» из философии[6]. Но это не умаляет роль социологии.

Социология может раскрыть разные аспекты, которые могут не охватывать философскими методами. При исследовании социальных явлений достаточно часто используют категории, которые составляют методологическую основу раскрытия правовых явлений. К ним можно отнести такие термины, как «общественные отношения», «социальное взаимодействие» и «интересы». Указанные категории являются основой для широких исследовательских программ. В частности, в советский период было указано на категорию «общественные отношения» как «сгусток» социальных качеств, которые предопределяют социальное положение и даже судьбу человека, а части социальных отношений – нравственные, религиозные и др. образуют социальные институты[7]. Их включали и в предмет марксистской социологии. Так, в одном весьма известном труде отмечалось, что «предметом социологии является исследование исторически сменяющих друг друга общественных формации, общественных закономерностей – закономерности становления и развития социальных отношений людей, различных форм их **социального взаимодействия** (выделено нами. – *Б.С.*)»[8]. На наш взгляд,

[1] Спиридинов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 17.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Например: Казимирчук В.П. Право и методы его изучения. С. 145; Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. С. 17 и др.

[5] Общая социология: Учебное пособие / Под ред. А.Г. Эфиндиева. М., 2008. С. 19.

[6] Социология: учебник / В.И. Добреньков, А.И. Кравченко. М., 2006. С. 15.

[7] Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 26, 28 и др.

[8] Социология в СССР. В двух томах. М., 1966. Т. 1. С. 13.

приведенные категории социологии «общественные отношения», «социальное взаимодействие», «социальные интересы» можно признать одновременно и методом для исследователей, изучающих социальные процессы. Некоторые авторы выделяют одну категорию, которая им кажется основной, базовой. При этом существуют разногласия между учеными-социологами. Например, В.Я. Ядов отмечает, что понятие социальной системы выступает ключевой социологической категорией во многих макросоциологических теориях[1]. В.И. Добреньков, А.И. Кравченко указывают на «статус» и «роль»[2]. А.Г. Эфиндиев уверен, что родовым понятие может быть признана категория «социальное действие»[3]. Нам кажется, что такой категорией может быть «социальное взаимодействие», поскольку отражает выполнение различных ролей. Стремление к удовлетворению интересов приводит к взаимодействию, к общественным отношениям. Как бы то ни было, можно отметить, что категории отражают соответствующий уровень закономерностей, о чем указывалось в философской литературе. В частности, П.В. Копнин писал, что «в форме категорий отражаются наиболее общие и важные закономерности в движении явлений в мире»[4]. Конечно, категории философии (например, диалектики) отражают наиболее общие законы объективного мира. В нашем случае уровень охвата, обобщения социологических категорий должен быть ниже, чем философских. Этот вывод подтверждается и «признаниями» социологов. Как говорится, «верхний» этаж социологических знаний прочно занят положениями философии[5]. Социологические категории могут быть признаны формой отражения закономерности социальной жизни. Очевидно, они могут быть базой для исследования социальных процессов и институтов.

Положение с категориями социологии представляется определенным. Более сложным является вопрос о возможностях социологического метода. Конечно, социологические методы широко применяются во многих науках, и юриспруденция не является здесь исключением. Хотя их в совокупности называют социологическим методом, но в целом они носят комплексный характер. Можно ли утверждать, что социологический метод дополняет или конкретизирует философские подходы и охватывает, хотя несколько меньший, чем философский, но все-таки, высокий уровень обобщения, в частности, по сравнению с правовыми и иными методами? На наш взгляд, ответ на этот вопрос нуждается в системном обосновании. П.А. Сорокин необходимость применения социологического метода обосновывал образно: как в медицине опытный врач, прежде чем диагностировать болезнь пациента, исследует весь его организм в целом и знакомится с историей его болезни, так в социальных науках целесообразно изучить социокультурное пространство, которое изучается социологией[6]. На наш взгляд, сравнение при его произвольности весьма уместное.

Отдельные социологи видят особенность социологических методов, по сравнению с философскими, именно в наличии эмпирического элемента. В частности, по словам В.Я. Ядова, это наличие («утверждение») эмпирических методов «в качестве фактуальной основы знания, противостоящего спекулятивно-философскому знанию»[7]. Такое утверждение представляется верным. Однако в нашем случае вопрос остается открытым: можно ли признать социологические методы и подходы методологической основой для проведения правовых, экономических и иных исследований, подобно философским. На наш взгляд, исходя из опыта и результатов исследований, проведенных при помощи социологических подходов и методов, ответ должен быть положительным. В частности, существует опыт успешного при-

[1] Ядов В.Я. Стратегия социологического исследования. Учебное пособие. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 3-е изд., испр. М., 2007. С. 25.

[2] Социология: учебник / В.И. Добреньков, А.И. Кравченко. С. 58.

[3] Общая социология: Учебное пособие / Под ред. А.Г. Эфиндиева. С. 120-126.

[4] Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973.С. 94.

[5] Социология: учебник / В.И. Добреньков, А.И. Кравченко. С. 73.

[6] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 170.

[7] Ядов В.Я. Стратегия социологического исследования. С. 14.

менения социологических подходов при исследовании проблем правообразования[1], правоотношения[2], правосознания[3] и др.

Для исследования социальных явлений широко используется системный метод. Социология, как известно, исследует социальные явления, прежде всего, со стороны их целостности. О применении системного подхода к социальным объектам писали еще в 60-х гг. прошлого века[4]. Однако, очевидно, что данный подход остается философским.

В период господства марксистской методологии общепринятым было признано наличие законов общественного развития, которые были отнесены к историческому материализму или обшей социологии. Конечно, речь шла преимущественно о законах функционирования общественно-экономических формации. Считалось, что эти законы развития общества могли быть конкретизированы другими науками, в частности, историей. Отмечалось, что задачей историка заключается в выяснении особенностей и механизмов действия указанных законов в конкретных условиях, т. е. в «определенной стране и в определенный исторический период»[5]. Конечно, история и юриспруденция существенно отличаются друг от друга. Однако их объединяют то, что они относятся к гуманитарным наукам, исследующим некие разновидности социальных закономерностей, которые могут быть изучены и со стороны социологического метода. Напрашивается очевидный вопрос: можно ли утверждать, что в праве юрист может или должен изучать закономерности проявления социологических законов? Как нам кажется, в новейшей научной литературе нет прямого ответа на этот вопрос. Видимо, системные и фундаментальные исследования еще впереди.

Исходя из вышеизложенного, хочется отметить, что социология, будучи социальной наукой, изучающей социальные явления преимущественно в целостности, взаимодействии, имеет разные подходы и методы, которые могут быть основой для других социальных и гуманитарных наук. Однако в научной литературе отсутствует системная и обоснованная позиция о возможностях социологических методов в исследовании государственно-правовых явлений.

Список литературы

1. Бачинин В.А. Социология. Академический курс. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2004. – 869 с.
2. Гаврилов Т., Кон И. Социология // Философская энциклопедия в 5-ти томах. Т. 5. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – С. 85-95.
3. Гревцов Ю.И. Правовые отношения и осуществление права. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. – 128 с.
4. Гревцов Ю.И. Социология: Курс лекции. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 465 с.
5. Казимирчук В.П. Право и методы его изучения. – М.: Юрид. лит., 1965. – 204 с.
6. Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. – М.: Наука, 1973. – 324 с.
7. Лекторский В., Огурцов А., Швырев В., Юдин Э. Философия // Философская энциклопедия в 5-ти томах. Т. 5. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – С. 332-342.
8. Общая социология: Учебное пособие / Под ред. А.Г. Эфиндиева. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 654 с.
9. Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве: монография. – М.: Норма, 2012. – 400 с.
10. Садовский В.Н. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы // Социология в СССР. В двух томах. – М.: Мысль, 1966. – Т. 1. – С. 164-193.

[1] Например: Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве: монография. М., 2012. 400 с.

[2] Гревцов Ю.И. Правовые отношения и осуществление права. Л., 1987. 128 с.

[3] Щегорцев В.А. Социология правосознания. М., 1981. 174 с.

[4] Например: Садовский В.Н. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы // Социология в СССР. В двух томах. М., 1966. Т. 1. С. 164-193.

[5] Федосеев П.Н., Францов Г.П. Социология и история // Социология в СССР. В двух томах. М., 1966. Т. 1. С. 20.

11. Смельзер Н. Социология. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.
12. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
13. Социология в СССР. В двух томах. – М.: Мысль, 1966. – Т. 1. – 530 с.
14. Социология: учебник / В.И. Добреньков, А.И. Кравченко. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 624 с.
15. Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. – М.: Юрид. лит., 1986. – 237 с.
16. Спиркин А.Г. Философия // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 726-732.
17. Томпсон Дж.Л., Пристли Дж. Социология. – М.: АСТ, 1998. – 496 с.
18. Федосеев П.Н., Францов Г.П. Социология и история // Социология в СССР. В двух томах. – М.: Мысль, 1966. – Т. 1. – С. 19-41.
19. Щегорцев В.А. Социология правосознания. – М.: Мысль, 1981. – 174 с.
20. Ядов В.Я. Стратегия социологического исследования. Учебное пособие. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – 3-е изд., испр. – М.: Омега-Л, 2007. – 567 с.

List of references

1. Bachinin V.A. *Sotsiologiya. Akademicheskiy kurs. – SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yurid. tsentr Press»* [Sociology. Academic course. – SPb.: Publishing house of R. Aslanov «Law. Center Press»], 2004. – 869 p.
2. Gavrilov T., Kon I. *Sotsiologiya // Filosofskaya entsiklopediya v 5-ti tomakh. T. 5. – M.: Sovetskaya entsiklopediya.* [Sociology // Philosophical Encyclopedia in 5 volumes. V. 5. – M .: Soviet Encyclopedia], 1970. – Pp. 85-95.
3. Grevtsov Yu.I. *Pravovyye otnosheniya i osushchestvleniye prava.* – [Legal relations and the exercise of law. – L.: Publishing house Leningrad. Univ.], 1987. – 128 p.
4. Grevtsov Yu.I. *Sotsiologiya: Kurs lektsii* – [Sociology: Lecture Course]. – St. Petersburg: Jurid. Center Press, 2003. – 465 p.
5. Kazimirchuk V.P. *Pravo i metody yego izucheniya* – [Law and methods of its study]. – M.: Yurid. lit., 1965. – 204 p.
6. Kopnin P.V. *Dialektika kak logika i teoriya poznaniya.* – [Dialectics as logic and theory of knowledge]. – M.: Nauka, 1973. – 324 p.
7. Lecturer V., Ogurtsov A., Shvyrev V., Yudin E. *Filosofskaya entsiklopediya v 5-ti tomakh. T. 5. – M.: Sovetskaya entsiklopediya* – [Philosophy // Philosophical Encyclopedia in 5 volumes. T. 5. – M .: Soviet Encyclopedia], 1970. – Pp. 332-342.
8. *Obshchaya sotsiologiya: Uchebnoye posobiye* [General Sociology: Textbook] / Ed. A.G. Efindieva. – M.: INFRA-M, 2008. – 654 p.
9. Pridvorov N.A., Trofimov V.V. *Pravoobrazovaniye i pravoobrazuyushchiye faktory v prave: monografiya.* [Law formation and legal factors in law: a monograph]. – M.: Norma, 2012. – 400 p.
10. Sadovsky V.N. *Metodologicheskiye problemy issledovaniya ob"yektov, predstavlyayushchikh soboy sistemy // Sotsiologiya v SSSR. V dvukh tomakh.* – [Methodological problems of researching objects representing systems] // Sociology in the USSR. In two volumes. – M.: Mysl, 1966. – V. 1. – Pp. 164-193.
11. Smelzer N. *Sotsiologiya* [Sociology]. – M.: Phoenix, 1994. – 688 p.
12. Sorokin P.A. Man. *Tsivilizatsiya. Obshchestvo.* [Civilization. Society]. – M .: Politizdat, 1992. – 543 p.
13. *Sotsiologiya v SSSR. V dvukh tomak* [Sociology in the USSR. In two volumes]. – M.: Mysl, 1966. – V. 1. – 530 p.
14. *Sotsiologiya: uchebnik* [Sociology: textbook] / V.I. Dobrenkov, A.I. Kravchenko. – M.: INFRA-M, 2006. – 624 p.
15. Spiridonov L.I. *Sotsiologiya ugolovnogo prava* [Sociology of Criminal Law]. – M.: Yurid. lit., 1986. – 237 p.
16. Spirkin A.G. *Filosofiya // Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophy // Philosophical Encyclopedic Dictionary]. – M.: Soviet Encyclopedia, 1983. – Pp. 726-732.
17. Thompson J.L., Priestley J. *Sotsiologiya.* [Sociology]. – M.: AST, 1998. – 496 p.
18. Fedoseev P.N., Frantsov G.P. *Sotsiologiya i istoriya // Sotsiologiya v SSSR. V dvukh tomakh* [Sociology and History // Sociology in the USSR. In two volumes]. – M.: Mysl, 1966. – V. 1. – Pp. 19-41.
19. Schegortsev V.A. *Sotsiologiya pravosoznaniya* [Sociology of justice]. – M.: Mysl, 1981. – 174 c.
20. Poisons V.Ya. *Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya. Uchebnoye posobiye. Opisaniye, ob"yasneniye, ponimaniye sotsial'noy real'nosti* – [Sociological research strategy. Tutorial. Description, explanation, understanding of social reality]. – 3rd ed., Rev. – M.: Omega-L, 2007. – 567 p.

УДК 340.1

Владимир Юрьевич Самородов,
аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
E-mail: vova.samorodov@yandex.ru

Vladimir Yurievich Samorodov,
Postgraduate, Department of Theory and History of State and Law,
Tambov State University named after G.R. Derzhavin

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО ТВОРЧЕСТВА

Статья посвящена культурологическому и социологическому аспекту в изучении проблем современного правотворчества. Автором статьи акцентируется внимание на необходимости привлечения междисциплинарных подходов и использования методологических ресурсов смежных дисциплин для анализа и разрешения проблем правового творчества. Важное место в данном процессе занимают культурология и социология. На необходимость разработки феномена культуры правотворчества указывают известные ученые в сфере теории права и государства, также культурологическому аспекту правотворчества посвящено множество современных научных исследований, что отражает актуальность данного направления. Социологический аспект правового творчества является очень обширным, он охватывает всю правотворческую процедуру, наиболее проявляясь на стадии формирования и разработок будущих правовых норм, оказывает влияние на социализируемость конечных правотворческих результатов, их адаптацию, восприятие и отношение общества к принимаемым законам. В качестве вывода отмечается, что междисциплинарные, а именно культурологический и социологический подходы к изучению проблем современного правового творчества оправданы, актуальны в настоящее время и могут оказать положительное влияние в разрешении многих задач правового творчества.

Ключевые слова: право, культурология, социология, правотворчество, культура правотворчества, проблемы правового творчества, междисциплинарные подходы изучения.

CULTUROLOGICAL AND SOCIOLOGICAL ASPECTS OF STUDYING THE PROBLEMS OF MODERN LAW CREATIVITY

The article is devoted to the cultural and sociological aspects in the study of the problems of modern law-making. The author of the article focuses on the need to attract interdisciplinary approaches and use methodological resources of related disciplines for the analysis and resolution of problems of legal creativity. An important place in this process is occupied by culturology and sociology. The need to develop cultural phenomenon of law making are indicative of well-known scientists in the sphere of theory of state and law, also cultural aspect of lawmaking devoted a lot of modern scientific research, reflecting the urgency of this direction. The sociological aspect of legal creativity is very extensive, it covers the entire law-making procedure, most evident at the stage of formation and development of future legal norms, has an impact on the socializability of the final law-making results, their adaptation, perception and attitude of society to the adopted laws. As a conclusion, it is noted that interdisciplinary, namely cultural and sociological approaches to the study of the problems of modern legal creativity are justified, relevant at the present time and can have a positive impact in solving many problems of legal creativity.

Key words: law, culturology, sociology, law-making, culture of law-making, problems of legal creativity, interdisciplinary approaches of study.

Изучение проблем современного правового творчества не представляется возможным без привлечения междисциплинарных подходов и использования методологических ресурсов смежных дисциплин. Здесь необходимо отметить, что привлечение и использование междисциплинарного инструментария должно быть обдуманным и являться действительно необходимым средством для получения наиболее истинного и объективного знания. Правовое творчество является деятельностью, посредством которой оказывается влияние на всю

правовую жизнь современного общества, которая не может существовать в отрыве от социальной и культурной жизни. Правовое творчество существует и развивается под влиянием правовой, социальной, культурной жизни общества. Процесс правотворчества неотделим от социума и социальных отношений, социум же не может рассматриваться вне культурного контекста. Очевидно, что правовое творчество – это постоянный процесс познания динамичных социальных отношений, на основе которого создаются или изменяются нормы права. Будучи познавательным и направленным на преобразование политико-правовой жизни процессом, правотворчество одновременно является элементом правовой культуры и общественной жизни. В этой связи представляется возможным объединить потенциал рассмотрения в данной статье культурологического и социологического подходов к изучению проблем современного правового творчества.

Говоря о **культурологических аспектах** правового творчества, необходимо обозначить тесную взаимосвязь общей культурологии и правовой культуры с правотворчеством, проанализировать их важное влияние на правотворческую деятельность. Посредством данной взаимосвязи рассмотреть возможность образования отдельного определения культуры правотворчества, которое вберет в себя методологический потенциал как общей культуры, так и правовой культуры, но при этом останется их неотделимой частью, образуя свою индивидуальную характеристику, требующую предметного научного обсуждения и обоснования. Здесь же отметим, что мы рассматриваем культуру правотворчества в виде важной составляющей правовой культуры.

Культура − это «продукт» длительной разумной деятельности человека, накапливающийся порой сотнями и тысячами лет. В неё входит и является неотъемлемой частью правовая культура и культура правового творчества, которые имеют свою богатую историю. Взаимодействуя, они создают особую, присущую только отдельному государству, народу, нации общую культуру в целом и правовую культуру общества в частности. Культура буквально проникает во все этапы правотворчества, незримо воздействует на данную деятельность, не усложняя, не запутывая её, а делая, наоборот, более творческой, естественной и прогрессивной. «Поскольку культура является сквозным для общественной жизни людей явлением, проникающим буквально во все её поры, она необходимым образом должна выражать в себе всю противоречивость и многогранность этой жизни»[1]. Культурный потенциал правового творчества всегда должен быть формирующим стержнем и вездесущей питательной средой существования данной деятельности. Если отделить культуру от правотворчества – останется лишь сухой алгоритм механический деятельности, посредством которого невозможно создать полноценный закон. Правотворческая деятельность должна соответствовать высокому уровню организации, что неизбежно отразится на её результатах и формировании правовой культуры. Сам правотворческий процесс является высшей степенью самоорганизации по урегулированию сложной общественной жизни и, как следствие, выдающимся культурным достижением человечества, его ценностью, отличающийся высокой степенью динамичного развития. «Правовая культура тысячами нитей связана с общей культурой. Её мощное благотворное воздействие на сознание, мышление, мировоззрение людей, на их ценностные установки непосредственно определяет правовую сферу жизни общества, характер его законов, поступки, поведение и деятельность каждого отдельного человека. Вместе с тем правовая культура обратно воздействует на общую культуру, защищает и создает условия её свободного развития путем выработки прогрессивных законов, установления правовой стабильности, последовательного проведения в жизнь требований законности»[2].

Уже в советский период развития юридической науки обращалось внимание на необходимость и важность изучения культурологической составляющей правотворчества. В оп-

[1] Маркарян Э.С. Принципы исследования истории культуры как системы // Изучение истории культуры как системы: сборник научных трудов / СО АН СССР. Новосибирск, 1983. С. 6.

[2] Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. М., 1991. С. 18.

ределении культуры правотворчества чувствовали теоретический потенциал и опосредованно констатировали необходимость исследования данного правового феномена и его правильного формирования. «Так, культура нормотворческой деятельности, – отмечает О.А. Красавчиков, – отличается от культуры деятельности по применению правовых норм, последняя в свою очередь отличается от культуры осуществления прав и исполнения обязанностей. К каждому из этих трех видов деятельности культура предъявляет определенные требования. Наиболее существенное значение имеет культура нормотворческой деятельности; результаты последней создают определенные условия (предпосылки) для развития культуры правоприменительной деятельности и культуры осуществления прав и исполнения обязанностей»[1]. В последующем наиболее ясно прослеживается мысль в фундаментальных научных трудах по теории правового творчества о возможности формирования не только общего определения культуры и правовой культуры, но и особенных, частных, составных определений: «Универсальный характер культуры, её проникновение во все сферы человеческой жизнедеятельности обуславливают возможность (и необходимость) формирования не только всеобщего определения культуры, но и многочисленных конкретизирующих, особенных определений, отражающих тот или иной его аспект, уровень или сферу проявления»[2].

Начиная с постсоветского периода, на междисциплинарные подходы в изучении проблем правового творчества обращают более пристальное внимание. По проблемам культуры правового творчества появляются более предметные исследования[3]. Отмечается важность культурологического подхода в исследовании проблем правового творчества, предлагаются авторские определения культуры правотворчества. Уверенно констатируется, что «правотворчество является неотъемлемым компонентом правовой культуры»[4]. В этой связи обращается пристальное внимание на творческий потенциал данной деятельности. «Любая деятельность человека, как в содержательном, так и в процессуальном отношении, – творческая, результатом может иметь новые достижения. Правотворчество (в широком смысле) – это процесс творения правовых норм, получающих закрепление в нормативно-правовых актах»[5]. В этой связи появляется все большая необходимость в привлечении междисциплинарного потенциала в разработках по усовершенствованию деятельности и преодолению различного рода проблем активно развивающегося института правотворчества. Так, например, Н.А. Власенко и М.В. Залоило, проводя исследования на предмет качества и прогрессивной динамики современного законодательства, приходят к мнению: «В современной ситуации требуется разработать и внедрить новые стандарты законотворчества – образцы правовой культуры в области организации и деятельности законотворческих органов, системы требований к качеству законопроекта, соблюдение которых предшествует созданию эффективного закона»[6].

Из этого можно сделать вывод, что культурологическому аспекту правового творчества уделяется пристальное внимание, но в настоящее время данная область междисциплинарных исследований по проблемам правового творчества остается во многом не разработанной, требующей пристального изучения и осознанного экстраполирования важного междисциплинарного методологического инструментария в теорию права и государства. Культура, ко-

[1] Красавчиков О.А. Основные черты и значение социалистической правовой культуры // Советское государство и право. 1968. № 6. С. 18.

[2] Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. М., 1991. С. 18.

[3] См.: Кабышев С.В. Культура законотворчества в Канаде // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 136-142; Тосунян Г.А., Санникова Л.В. Культура правотворчества в современной России // Государство и право. 2018. № 3. С. 28-34; Петрова Е.А. Культура правотворчества // Право – явление цивилизации и культуры. Вып. 1. Москва, 2019. С. 488-496; и др.

[4] Насурдинов Э.С. Правовая культура: монография. М., 2016. С. 191.

[5] Томюк О.Н. Творчество и правотворчество: философско-правовой аспект: Монография. Саарбрю́кен, 2014. С. 47.

[6] Власенко Н.А., Залоило М.В. Состояние законодательства, уровень законодательной культуры и стандартизация законотворчества // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 89.

торая может рассматриваться с точки зрения деятельностного подхода (культурная динамика)[1], не может существовать вне социума и общества и наиболее явно проявляется в определенной человеческой деятельности. «Стержнем любой культуры является ее ценностно-нормативная структура, служащая ориентиром мотиваций конкретных действий людей, вызванных к жизни потребностями как индивидов, так и больших и малых человеческих групп»[2]. В этой связи, рассматривая культуру правотворчества, мы неизбежно попадаем в область социологии, которая является первоосновой всех правоотношений, и, соответственно, социальным основанием правового творчества[3], и органической матрицей для культуры.

Социологический аспект правового творчества также очень обширен. Он охватывает всю правотворческую процедуру, наиболее проявляясь на стадии формирования и разработки будущих правовых норм, оказывает влияние на социализируемость конечных правотворческих результатов, их адаптацию, восприятие и отношение общества к принимаемым законам. Неразрывная связь социального и правового наиболее наглядно проявляется в процессе правотворческой деятельности. Познание права не представляется возможным без изучения самой социальной природы права и правового творчества как вида социального управления[4].

Процесс правотворчества неразрывно связан с жизнью общества и живо откликается на все происходящие в ней трансформации. Он всегда находится в динамике, коммуникации с реальным изменяющимся социумом, ищет новые, наиболее действенные пути разрешения общественных проблем, улучшения и упорядочения жизни, производя позитивное право. Правотворчество призвано создавать правовой закон, реализуя свои основные и вспомогательные функции: правосозидания, принятия новых нормативных правовых актов, внесения изменений в действующее законодательство (обновление нормативного материала) или отмены каких-либо уже существующих нормативно-правовых актов; правопознания, правового прогнозирования, моделирования, устранения коллизионности нормативных предписаний и пробелов в праве и пр.

Говоря о социуме как исходной точке развития права, определяющим становится суждение о том, что «анализ феномена социальной обусловленности права должен начинаться с рассмотрения взаимодействия, коммуникации индивидов как матрицы социальных процессов. Только в этом случае станет возможным понимание правовой динамики, связанной с особенностями специфически-социальных ситуаций, в которых непосредственно и протекает человеческая, а значит – социально-правовая жизнь»[5]. Правовое творчество должно опираться на модели форм взаимодействия людей, что сделает возможным выявление социальной природы права, а правотворческие результаты, таким образом, будут отражать общественные нужды, следствием чего станет минимизация изоляции правотворчества от общества. «Конструирование принципиально новых правовых норм означает необходимость рассуждения “от общества к праву”, начиная с интуитивного проникновения в суть социального взаимодействия»[6].

Социологический подход является ключом к большинству основополагающих проблем правового творчества. Одной из важнейших является проблема баланса между творчеством и

---

[1] См., например: Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. Том III: Культурная динамика / отв. ред. Д.Л. Спивак. СПб., 2008. 518 с.; Петров В.М. Социальная и культурная динамика: методология прогнозирования (информационный подход). М., 2013. 272 с.

[2] Минюшев Ф.И. Социология культуры: учебное пособие. М., 2009. С. 12.

[3] См., например: Самородов В.Ю. Проблема выражения социальной природы права в формате правового творчества: требование к культуре организации процесса и предпосылка снижения правотворческих рисков // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 757-762.

[4] См.: Корнев А.В. Социология права: учебник. М., 2017. С. 224-228.

[5] Трофимов В.В. Социально-интерактивная (коммуникативная) среда и её культурно-универсальная роль в процессах правовой динамики // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 317-318.

[6] Бирюков С.В. О научном статусе и предмете социологии права // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 2 (43). С. 120.

механической деятельностью, где сложная социальная основа правового творчества невыразима посредством только механической передачи. «Важным представляется, – пишет А. Нашиц, − понимание диалектической связи между детерминированным характером законотворчества и сферой свободы действий законодателя. Марксистские положения о социальном детерминизме позволяют понимать действия законодателя не как действия, сводящиеся к механической регистрации импульсов общественной жизни, наподобие, например, того, как игла электрокардиографического аппарата регистрирует сердцебиение или игла сейсмографа – толчки земли. Это творческие действия, при совершении которых законодателю предоставляется в пределах, ограниченных естественной и социальной обусловленностью, относительно широкое усмотрение для выбора и решений, а также для активной деятельности не только по отражению естественных и социальных реальностей, но и по упорядочению, направлению и регулированию их развития»[1].

Важным требованием, предъявляемым к правовому творчеству, следует считать уровень социологического обеспечения правотворчества[2]. Социология, в самом широком её определении, − это фундаментальная наука об обществе. Правотворчество – это институт призванный регулировать наиболее сложные общественные процессы. Вот как, например, об этом пишет в своём учебнике современный социолог А.И. Кравченко: «У социологии очень широкий круг интересов: проблемы социализации, конфликтов, кризисов, развития общества, социального прогресса, войн и переворотов, реформ и инноваций; взаимодействия малых и больших социальных групп, общения и коммуникации, обмена и коллективных действий, миграции и переселения народов; революций, генезиса капитализма, изменения социальной структуры и механизмов социальной мобильности; транзитивных и догоняющих обществ, социокультурной динамики, включая ассимиляцию, аккультурацию, возникновение и умирание культур, взаимодействие цивилизаций и многое другое»[3].

Социология правотворчества призвана не только изучать современное общество с его сложными динамичными системами, но и служить определенного рода научной базой для создания регуляторов данных отношений, при этом опираясь на «социальные нормы – общепризнанные или достаточно распространенные эталоны, образцы, правила поведения людей, средства регуляции их взаимодействия»[4].

Сказанное выше позволяет нам сделать вывод о том, что междисциплинарные, а именно культурологический и социологический подходы к изучению проблем современного правового творчества оправданы, актуальны в настоящее время и могут иметь положительное значение в разрешении многих задач данной сложной деятельности, помочь взглянуть на проблемы с другой стороны. Именно поэтому требования, которые предлагается предъявлять к современному правотворчеству, должны учитывать и вбирать в себя важные культурологические и социологические составляющие.

Список литературы

1. Бирюков С.В. О научном статусе и предмете социологии права // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2015. – № 2 (43). – С. 116-122.
2. Власенко Н.А., Залоило М.В. Состояние законодательства, уровень законодательной культуры и стандартизация законотворчества // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 78-89.
3. Кабышев С.В. Культура законотворчества в Канаде // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 136-142.
4. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. – М.: Юрид. лит., 1991. – 160 с.
5. Корнев А.В. Социология права: учебник. – М.: Проспект, 2017. – 336 с.

[1] Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974. С. 80.
[2] См.: Лапаева В.В. Социологическое обеспечение законотворчества // Советское государство и право. 1989. № 9. С. 27-35.
[3] Кравченко А.И. Социология: учебник для академического бакалавриата. М., 2014. С. 9.
[4] Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2016. С. 209.

6. Кравченко А.И. Социология: учебник для академического бакалавриата. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 529 с.

7. Красавчиков О.А. Основные черты и значение социалистической правовой культуры // Советское государство и право. – 1968. – № 6. – С. 13-22.

8. Лапаева В.В. Социологическое обеспечение законотворчества // Советское государство и право. – 1989. – № 9. – С. 27-35.

9. Маркарян Э.С. Принципы исследования истории культуры как системы // Изучение истории культуры как системы: сборник научных трудов / СО АН СССР. Новосибирск, 1983. – 80 с.

10. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 528 с.

11. Минюшев Ф.И. Социология культуры: учебное пособие. – 2-е издание, исправленное, дополненное. – М.: КДУ, 2009. – 254 с.

12. Насурдинов Э.С. Правовая культура: монография / отв. ред. Ф.Т. Тахиров. – М.: Норма, 2016. – 352 с.

13. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. – М.: Прогресс, 1974. – 256 с.

14. Петров В.М. Социальная и культурная динамика: методология прогнозирования (информационный подход). – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 272 с.

15. Петрова Е.А. Культура правотворчества // Право – явление цивилизации и культуры. Вып. 1 / отв. ред. М.В. Немытина. – Москва: РУДН, 2019. – 570 с.

16. Самородов В.Ю. Проблема выражения социальной природы права в формате правового творчества: требование к культуре организации процесса и предпосылка снижения правотворческих рисков // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 757-762.

17. Томюк О.Н. Творчество и правотворчество: философско-правовой аспект: Монография. – Саарбрю́ккен: Издатель: LAP LAMBERT Academic Publishing. Германия. 2014. – 128 с.

18. Тосунян Г.А., Санникова Л.В. Культура правотворчества в современной России // Государство и право. – 2018. – № 3. – С. 28-34.

19. Трофимов В.В. Социально-интерактивная (коммуникативная) среда и её культурно-универсальная роль в процессах правовой динамики // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 316-321.

20. Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. Том III: Культурная динамика / отв. ред. Д.Л. Спивак. – СПб.: Алетейя, 2008. – 518 с.

List of references

1. Biryukov S.V. *O nauchnom statuse i predmete sotsiologii prava // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* – [On the scientific status and subject of the sociology of law // Bulletin of the Omsk University. Series: Law]. – 2015. – № 2 (43). – P. 116-122.

2. Vlasenko N.A., Zaloilo M.V. *Sostoyaniye zakonodatel'stva, uroven' zakonodatel'noy kul'tury i standartizatsiya zakonotvorchestva // Yuridicheskaya tekhnika* [The state of legislation, the level of legislative culture and the standardization of lawmaking // Legal technique]. – 2016. – № 10. – P. 78-89.

3. Kabyshev S.V. *Kul'tura zakonotvorchestva v Kanade // Yuridicheskaya tekhnika* [The culture of lawmaking in Canada // Legal Technology]. – 2016. – № 10. – P. 136-142.

4. Kerimov D.A. *Kul'tura i tekhnika zakonotvorchestva* – [Culture and technology of lawmaking. – M.: Yurid. Lit]., 1991. – 160 p.

5. Kornev A.V. *Sotsiologiya prava: uchebnik* [Sociology of Law: a textbook]. – M.: Prospect, 2017. – 336 p.

6. Kravchenko A.I. *Sotsiologiya: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. – 3-ye izd., pererab. i dop. – M.: Izdatel'stvo Yurayt* [Sociology: a textbook for academic undergraduate studies]. – 3rd ed., Revised. and add. – M.: Yurayt Publishing House, 2014. – 529 p.

7. Krasavchikov O.A. *Osnovnyye cherty i znacheniye sotsialisticheskoy pravovoy kul'tury // Sovetskoye gosudarstvo i pravo*. [The main features and significance of socialist legal culture // Soviet State and Law]. – 1968. – № 6. – P. 13-22.

8. Lapaeva V.V. *Sotsiologicheskoye obespecheniye zakonotvorchestva // Sovetskoye gosudarstvo i pravo* – [Sociological support of lawmaking // Soviet state and law]. – 1989. – № 9. – Pp. 27-35.

9. Markaryan E.S. *Printsipy issledovaniya istorii kul'tury kak sistemy // Izucheniye istorii kul'tury kak sistemy: sbornik nauchnykh trudov / SO AN SSSR. Novosibirsk* [The principles of studying the history of culture as a system // Studying the history of culture as a system: a collection of scientific works] / SB AS USSR. Novosibirsk, 1983. – 80 p.

10. Matuzov N.I., Malko A.V. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. 4-ye izd., ispr. i dop. – M.: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS* – [Theory of state and law: a textbook. 4th ed.], Rev. and add. – M.: Publishing House «Delo» RANEPA, 2016. – 528 p.

11. Minyushev F.I. *Sotsiologiya kul'tury: uchebnoye posobiye. – 2-ye izdaniye, ispravlennoye, dopolnennoye* [Sociology of culture: a training manual]. – 2nd edition, revised, supplemented. – M.: KDU, 2009. – 254 p.

12. Nasurdinov E.S. *Pravovaya kul'tura: monografiya* – [Legal culture: monograph / ed. ed. F.T. Tahirov]. – M.: Norma, 2016. – 352 p.

13. Nashits A. *Pravotvorchestvo. Teoriya i zakonodatel'naya tekhnika* – [Lawmaking. Theory and legislative technique]. – M.: Progress, 1974. – 256 p.

14. Petrov V.M. *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika: metodologiya prognozirovaniya (informatsionnyy podkhod). – M.: Knizhnyy dom «LIBROKOM»* [Social and cultural dynamics: forecasting methodology (information approach)]. – M.: Book House «LIBROCOM», 2013. – 272 p.

15. Petrova E.A. *Kul'tura pravotvorchestva // Pravo – yavleniye tsivilizatsii i kul'tury. Vyp. 1 / otv. red. M.V. Nemytina. – Moskva: RUDN* – [Culture of lawmaking // Law – the phenomenon of civilization and culture]. Vol. 1 / hole ed. M.V. Nemytina. – Moscow: RUDN, 2019. – 570 p.

16. Samorodov V.Yu. *Problema vyrazheniya sotsial'noy prirody prava v formate pravovogo tvorchestva: trebovaniye k kul'ture organizatsii protsessa i predposylka snizheniya pravotvorcheskikh riskov // Yuridicheskaya tekhnika* [The problem of expressing the social nature of law in the format of legal creativity: a requirement for a process organization culture and a prerequisite for reducing law-making risks // Legal Technique]. – 2019. – № 13. – P. 757-762.

17. Tomyuk O.N. *Tvorchestvo i pravotvorchestvo: filosofsko-pravovoy aspekt: Monografiya. – Saarbryúkken: Izdatel': LAP LAMBERT Academic Publishing. Germaniya* [Creativity and law-making: philosophical and legal aspect: Monograph. – Saarbrücken: Publisher: LAP LAMBERT Academic Publishing. Germany]. 2014. – 128 p.

18. Tosunyan G.A., Sannikova L.V. *Kul'tura pravotvorchestva v sovremennoy Rossii // Gosudarstvo i pravo* [The culture of lawmaking in modern Russia // State and Law]. – 2018. – № 3. – Pp 28-34.

19. Trofimov V.V. *Sotsial'no-interaktivnaya (kommunikativnaya) sreda i yeyo kul'turno-universal'naya rol' v protsessakh pravovoy dinamiki // Yuridicheskaya tekhnika* [Socially-interactive (communicative) environment and its cultural-universal role in the processes of legal dynamics // Legal Technology]. – 2016. – № 10. – Pp. 316-321.

20. *Fundamental'nyye problemy kul'turologii: V 4 t. Tom III: Kul'turnaya dinamika* – [Fundamental problems of culturology: In 4 vol. Volume III: Cultural dynamics / ed. ed. D.L. Spivak]. – St. Petersburg: Aleteya, 2008. – 518 p.

УДК 340

Дарья Сергеевна Милинчук,
доцент кафедры гражданского права и процесса Московского
государственного гуманитарно-экономического университета, PhD
E-mail: dmilinchuk@hotmail.com

Daria S.Milinchuk,
Associate Professor, Department of civil law and civil procedure,
Moscow State University of Humanities and Economics, PhD

КОЛЛИЗИОННОЕ ПРАВО КАК МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ИНСТИТУТ И НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

В настоящей статье исследуется коллизионное право как один из примеров современной симбиотической теоретико-правовой и социально-сциентифической концепции. В ней отражены как основные элементообразующие аспекты коллизионного права в системе права, так и его транснаучные связи с иными общественными отраслями науки. Рассматриваются межотраслевые характеристики института коллизионного права, а также влияние правовой конфликтологии на познание сущности коллизионного права.

Настоящая статья представляет интерес для исследователей теории межотраслевых институтов и системы права в целом, а также дополняет теорию правовых конфликтов и конфликтного права.

Ключевые слова: коллизионное право, межотраслевой институт, система права, правовая конфликтология, конфликтное право, элемент системы права.

CONFLICT OF LAWS AS INTERDISCIPLINARY INSTITUTE AND SCIENTIFIC DIRECTION

Conflict of laws are researched as one of the examples of modern symbiotic legal and scientific concept in the article. It reflects the main element-forming aspects of conflict of laws and scientific connection with other scientific fields. The article deals with interdisciplinary characteristics of the institute of conflict of laws and legal conflictology influence into learning the legal nature of conflict of laws.

The article will be interesting for researches of the theory of interdisciplinary institutes and system of law and complete general theory of legal conflictology.

Key words: interdisciplinary institute, interbranch institute, conflict of laws, system of law, legal conflictology, system of law's element.

Современное общество находится в состоянии постоянного и стремительного развития. Общественные отношения, которые несколько десятилетий назад были немыслимы в условиях сегодняшних реалий складываются в устойчивые институты, например, телекоммуникационное право, и требуют их адекватного регламентирования.

Однако возможно лишь при помощи правового регулирования упорядочить систему складывающихся общественных отношений? Достаточно ли имеющихся правовых приемов, юридических конструкций или совокупности правовых признаков, чтобы объединить формирующиеся общественные отношения в самостоятельную группу и дать научное обоснование такому объединению?

Отдельные группы современных общественных отношений настолько сложны, что для познания их правовой природы нам необходимо учитывать не только правовые составляющие, но и иные политические, социальные и культурные связи, порой, даже в большей степени. В этой связи, безусловно, невозможно выработать систему эффективного правового регулирования, основываясь только на правовых категориях.

Одним из примеров таких сложных правовых общностей является коллизионное право. Безусловно, для выработки эффективного механизма правового регулирования определенной группы общественных отношений, необходимо правильно определить место правовой общности в системе права и ее структурные связи с иными элементами системы права.

Существует несколько концепций относительно правовой сущности коллизионного права. Одними исследователями[1] коллизионное право исследуется как отрасль права. Другие рассматривают его как метод правового регулирования[2]. Мы же убеждены, что коллизионное право, как не отвечает главным критериям деления права на отрасли, поскольку не имеет метода правового регулирования, так и не имеет единообразных специфических способов регулирования коллизионных общественных отношений, позволяющих определить его как метод правового регулирования. А наличие собственного предмета коллизионного права еще раз подчеркивает несостоятельность концепции коллизионного права как специального метода правового регулирования.

Коллизионное право является ни чем иным, как регулятивным межотраслевым функциональным правовым институтом, которым регулируются общественные отношения, связанные с выбором нормы применимого права, который строится на общих и специальных принципах права, обладает собственным предметом правового регулирования, состоит из правовых норм различных отраслей права, и в рамках которого разрабатывается механизм разрешения и предотвращения коллизий международного и национального права.

Наличие таких общих признаков как единство коллизионных норм, однородность их содержания в различных отраслях права позволяют отнести коллизионное право именно к межотраслевым институтам, а тот факт, что коллизионные нормы входят в систему многих смежных неоднородных отраслей права, указывает на функциональность[3] этого правового института.

Общие признаки, принципы и механизмы применения коллизионных норм указывают на то, что актуальной проблемой теории права является исследования коллизионного права с точки зрения теории межотраслевых институтов.

Однако определение коллизионного права как правового института – это всего лишь выявление его места в системе права, но этого недостаточно для определения как правовой природы коллизионного права, так и его места в российской науке.

В силу своей специфики коллизионное право необходимо исследовать также в его связи с другой, можно сказать, новой социальной наукой – юридической (правовой) конфликтологией.

Коллизионное право соотносится и неразрывно соприкасается с юридической (правовой) конфликтологией как «общее» и «особенное». Коллизионное право является особенным по отношению к юридической (правовой) конфликтологии и составляет ее часть. Исследование общетеоретической концепции юридических конфликтов, анализ на предмет разграничений и связей таких понятий как «юридическая коллизия» и «правовой конфликт», позволяют рассматривать коллизионное право в качестве определенной подсистемы правовой конфликтологии.

Юридический конфликт выделяется в качестве острой формы юридической коллизии[4]. Однако поскольку причины юридических конфликтов гораздо шире и не связаны лишь толь-

---

[1] См.: Тихомиров Ю.А. Коллизионное право. Учебное и научно-практическое пособие. М., 2000. 394 с.; Стародубцева И.А. Коллизионное право: модель новой отрасли российского права // Saarbrucken: LapLambert, 2013. 248 с.; Стародубцева И.А. Конституционные инструменты формирования коллизионного права как комплексной отрасли // Вестник Воронежского государственного университета: Серия «Право». 2013. № 2. С. 68-76; Стародубцева И.А. Коллизионные отношения как разновидность конституционно-правовых отношений: монография. Воронеж, 2016. С. 73-76; Марченко М.Н., Прокофьев Г.С. Коллизионное право: комплексный анализ и концепция // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 192-194.

[2] См.: Коцарь Ю.А. Коллизионный метод регулирования трудовых отношений, осложненных иностранным элементом. Режим доступа: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2010/pdf/10/88a.pdf (дата обращения: 10.09.2015); Меликян Ш.З. Коллизионный метод в современном международном частном праве // Образование и право. № 8 (36). 2012. С. 78-83.

[3] См.: Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Правоведение. 1975. № 3. С. 75.

[4] Тихомиров Ю.А. Коллизионное право и отклонения в правовой сфере // Право и политика. 2013. № 3 (159). С. 365.

ко с коллизиями в праве, эти понятия не являются тождественными и не поглощаются друг другом.

Коллизионное право необходимо рассматривать как часть юридической (правовой) конфликтологии, поскольку последняя дает очень большой пласт нормативной и правовой ненормативной информации для предотвращения и разрешения реальных правовых конфликтов, что способствует сохранению правового порядка и развитию доверия к праву как эффективному регулятору общественных отношений.

Определять место коллизионного права в рамках лишь юридической науки нецелесообразно, поскольку объект исследования выходит за рамки права. Целью предотвращения и преодоления правовых коллизий является не искоренение их вообще, достичь этого невозможно в силу многих объективных причин. Наиболее важным представляется недопущение их трансформации в правовой конфликт. И для решения задач в рамках поставленной цели необходимы знания, заимствованные из правовой конфликтологии, которые способствуют осмыслению причинно-следственных связей и возможных способов предотвращения и преодоления правовых коллизий. В этой связи, устанавливая место коллизионного права в науке, мы определяем его как научное направление, результатом которого является новая правовая модель правовой конфликтологии как науки и учебной дисциплины.

Список литературы

1. Коцарь Ю.А. Коллизионный метод регулирования трудовых отношений, осложненных иностранным элементом. Режим доступа: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2010/pdf/10/88a.pdf (дата обращения: 10.09.2015).

2. Марченко М.Н., Прокофьев Г.С. Коллизионное право: комплексный анализ и концепция // Журнал российского права. – 2000. – № 10. – С. 192-194.

3. Меликян Ш.З. Коллизионный метод в современном международном частном праве // Образование и право. – № 8 (36). – 2012. – С. 78-83.

4. Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Правоведение. – 1975. – № 3. – С. 71-79.

5. Стародубцева И.А. Коллизионное право: модель новой отрасли российского права // Saarbrucken: LapLambert, 2013. – 248 с.

6. Стародубцева И.А. Коллизионные отношения как разновидность конституционно-правовых отношений: монография. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. – 330 с.

7. Стародубцева И.А. Конституционные инструменты формирования коллизионного права как комплексной отрасли // Вестник Воронежского государственного университета: Серия «Право». – 2013. – № 2. – С. 68-76.

8. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право. Учебное и научно-практическое пособие. – М.: ЮРИНФОРМЦЕНТР, 2000. – 394 с.

9. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право и отклонения в правовой сфере // Право и политика. – 2013. – № 3 (159). – С. 363-370.

List of references

1. Kotsar Yu.A. *Kollizionnyy metod regulirovaniya trudovykh otnosheniy, oslozhnennykh inostrannym elementom.* – [The conflict method of regulating labor relations complicated by a foreign element]. Access mode: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2010/pdf/10/88a.pdf (accessed: 09/10/2015).

2. Marchenko M.N., Prokofiev G.S. *Kollizionnoye pravo: kompleksnyy analiz i kontseptsiya // Zhurnal rossiyskogo prava* – [Conflict law: a comprehensive analysis and concept // Journal of Russian Law]. – 2000. – № 10. – Pp. 192-194.

3. Melikyan Sh.Z. *Kollizionnyy metod v sovremennom mezhdunarodnom chastnom prave // Obrazovaniye i pravo* [The conflict method in modern international private law // Education and Law]. – № 8 (36). – 2012. – Pp. 78-83.

4. Polenina S.V. *Kompleksnyye pravovyye instituty i stanovleniye novykh otrasley prava // Pravovedeniye* – [Complex legal institutions and the formation of new branches of law // Jurisprudence]. – 1975. – № 3. – Pp. 71-79.

5. Starodubtseva I.A. *Kollizionnoye pravo: model' novoy otrasli rossiyskogo prava* – [Conflict Law: A Model of a New Branch of Russian Law] // Saarbrucken: LapLambert, 2013. – 248 p.

6. Starodubtseva I.A. *Kollizionnyye otnosheniya kak raznovidnost' konstitutsionno-pravovykh otnosheniy: monografiya. – Voronezh: Izdatel'skiy dom VGU* [Conflict relations as a kind of constitutional-legal relations: monograph. – Voronezh: Voronezh State University Publishing Hous]e, 2016. – 330 p.

7. Starodubtseva I.A. *Konstitutsionnyye instrumenty formirovaniya kollizionnogo prava kak kompleksnoy otrasli // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya «Pravo»*. [Constitutional instruments for the formation of conflict of law as an integrated industry // Bulletin of the Voronezh State University: Law Series]. – 2013. – № 2. – P. 68-76.

8. Tikhomirov Yu.A. *Kollizionnoye pravo. Uchebnoye i nauchno-prakticheskoye posobiye* – [Conflict of laws. Educational and scientific-practical manual]. – M.: YURINFORMTSENTR, 2000. – 394 p.

9. Tikhomirov Yu.A. *Kollizionnoye pravo i otkloneniya v pravovoy sfere // Pravo i politika* – [Conflict law and deviations in the legal sphere] // Law and Politics. – 2013. – № 3 (159). – Pp. 363-370.

УДК 340

Михаил Юрьевич Шубин,
студент 4 курса очной формы обучения
Института права и национальной безопасности
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина
E-mail: msh2998@mail.ru

Mikhail Yurevich Shubin,
4th year full-time student of the Institute of law and national security
of Tambov state University named after G.R. Derzhavin

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЧНОСТИ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

В статье анализируются взгляды ученых на проблематику категории ограничений прав личности, в частности, анализируется развитие философских взглядов на данную проблему. В статье дается определение категории «правовые ограничения», а также приводятся доводы относительно идентичности понятий правовых ограничений, ограничений в праве и ограничений права.

Ключевые слова: ограничение прав, правовые ограничения, свобода, ограничения в праве.

LIMITATION OF INDIVIDUAL RIGHTS: DOCTRINAL APPROACHES IN THE HUMANITIES

The article analyzes the views of scientists on the problems of the category of restrictions of personal rights, in particular, analyzes the development of philosophical views on this problem. The article defines the category of «legal restrictions», and also provides arguments about the identity of the concepts of legal restrictions, restrictions in law and restrictions of law.

Key words: restriction of rights, legal restrictions, freedom, restrictions in the law.

В процессе реализации личностью своих прав и свобод, неминуемо происходит столкновение интересов самой личности, иных носителей права, а также общества и государства в целом. В связи с возникновением такого конфликта интересов остро встает вопрос об определении каких-либо пределов реализации данных прав, а также условий их реализации, в целях соблюдения баланса интересов личности и общества.

Таким образом, речь в первую очередь идет об установлении неких рамок, границ дозволенного поведения личности, иначе говоря, ограничение его свободы действий. В теории права данная проблема рассматривается главным образом через такие понятия, как «правовые ограничения», «ограничения прав», «ограничения в праве».

В целом же, однако, видится возможным определить указанные категории, как равнозначные, поскольку, как отмечает А.С. Шабуров со ссылкой на труды А.В. Малько, «хотя в текстах правовых актов преимущество отдается термину «правовое ограничение», в разных публикациях и даже в различных частях одного текста все указанные наименования употребляются как равнозначные»[1], что видится нам верной позицией в указанном вопросе.

В силу приведенных выше доводов считаем допустимым использование каждой из указанных теоретических конструкций в едином значении. Видится правильным привести в качестве примера объяснения понятия правового ограничения определение, данное А.В. Малько: «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать; это исключение определенных возможностей в деятельности лиц»[2].

[1] Шабуров А.С. «Ограничение права», «ограничения в праве», «правовые ограничения»: соотношение понятий. Юридическая техника. 2018. № 12. С. 67.

[2] Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. Саратов, 1994. С. 59.

Переходя непосредственно к вопросу об осмыслении данной проблемы в гуманитарных науках, необходимо уточнить, что в целях более детального рассмотрения вопроса, изучение данного явления логично проводить, отталкиваясь от такой категории, как свобода.

Нельзя не отметить влияние, оказанное на формирование понимания необходимости ограничений в реализации личностью своих прав, деятельности ученых-философов 17 века. Так, относительно ограничения свободы личности высказывался еще Томас Гоббс в своем произведении «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651): «в случае согласия на то других, человек должен согласиться отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, какую он допустил бы у других людей по отношению к себе»[1]. То есть, можно сказать, что данная формулировка в значительной мере совпадает с текстом ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ): «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены… в той мере, в которой это необходимо в целях… обеспечения обороны страны и безопасности государства»[2]. Отметим также то, что идеи об ограничении прав отдельного лица в целях общего блага всего населения получили свое развитие в трудах других просветителей, в частности, Ж.-Ж. Руссо.

Анализ приведенной цитаты в сравнении с текстом действующей Конституции РФ неизбежно приводит к мысли о том, что поднятый вопрос правовых ограничений безусловно тесно связан с такой философской и правовой категорией, как «свобода», необходимость осознания которой в соотношении с категорией ее ограничения обуславливается в первую очередь выстроенной в государстве системой взаимодействия и взаимоотношения личности и общества, вопросами организации общественной жизни и соотношения и совместимости личной свободы и благами общества, в целях поиска баланса интересов общества и государства.

Рассмотрим подробнее категорию «свобода» в целях ее анализа и лучшего понимания проблематики ее ограничения. Свобода – это не что иное, как способность «независимого от внешних влияний самовыражения личности в мыслях и поступках»[3]. Как верно еще писал Сенека, свобода состоит в том, чтобы «не быть рабом ни у обстоятельств, ни у неизбежности, ни у случая; низвести фортуну на одну ступень с собою...»[4]. Можно сказать, что по своему сущностному содержанию категория свободы является равной понятию независимости. Исходя из этого, заметим следующее. Безусловной основой независимости является некая личностная автономия. Так, по мнению Д. Ролза, «каждая личность обладает основанной на справедливости неприкосновенностью, которая не может быть нарушена даже процветающим обществом»[5].

Данная позиция относительно такого понимания свободы и ее неприкосновенности видится несколько ошибочной, поскольку безусловной необходимостью при реализации человеком своих прав и использования свободы является согласование своих действий с существующими общественными нормами и интересами общества и государства.

В продолжение осмысления вопроса свободы человека уместно упомянуть слова Гегеля, который писал следующее: «Когда говорят, что свобода состоит вообще в том, чтобы делать всё, что угодно, то подобное представление свидетельствует о полнейшем отсутствии культуры мысли, в которой нет и намёка на понимание того, что есть сами в себе и для себя свободная воля, право, нравственность и т. д.»[6]. Человек, благодаря разуму и приобретаемо-

[1] Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Избр. соч. Т. 2. М., 1965. С. 156.

[2] Конституция Российской Федерации: офиц. текст // Российская газета.1993. № 237.

[3] Вопленко Н.Н. Свобода и справедливость: закономерности их взаимодействия // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруд. 2012. № 1 (16). С. 8.

[4] Сенека. Письма Луцилию. Марк Аврелий. Наедине с собой. Симферополь, 2002. С. 89.

[5] Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 234.

[6] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 80.

му жизненному опыту в процессе социализации, в частности, правовой, должен научиться согласовывать личные желания с закономерностями общественной жизни и волеизъявлять свои намерения в некоторых границах, определяемыми в конкретном обществе.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что основным вопросом, связанным с взаимодействием между человеком, обществом и государством будет выступать, как верно отмечается М.Г. Маковецкой, вопрос «о степени свободы человека, а также о возможности, основаниях и мере дозволенного вторжения государства и других индивидов в эту свободу»[1]. Об этом говорит и русский философ И.А. Ильин: «“Ограничивая” свободу каждого известными пределами, право обеспечивает ему беспрепятственное и спокойное пользование своими правами, т. е. гарантирует ему свободу внутри этих пределов. Свобода каждого человека простирается лишь до той границы, от которой начинается – свобода других людей. Стремясь установить эти границы, право содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился порядок, основанный на свободе»[2].

По своей сути, речь идет о том, что свобода формируется и реализуется в виде комплекса осознанных возможностей волеизъявления субъектов, соотносимых с объективно сложившимися требованиями системы нормативного регулирования общественных отношений. И рамки, границы должного поведения являются естественной необходимостью для нормального функционирования общества.

Обобщая вышесказанное по вопросу понимания категории ограничений прав личности и свободы, отметим, что в философии сложились в общей массе единые взгляды, сводящиеся к необходимости установления естественных рамок дозволенного поведения в виде ограничений отдельных действий в целях обеспечения свободы деятельности других лиц, благополучия всего общества, безопасности государства.

Список литературы

1. Вопленко Н.Н. Свобода и справедливость: закономерности их взаимодействия // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. – Сер. 5. – Юриспруд. – 2012. – № 1 (16). – С. 6-10.

2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 357 с.

3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Избр. соч. – Т. 2. – М., 1965. – 235 с.

4. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. – 1992. – № 3. – С. 85-99.

5. Конституция Российской Федерации: офиц. текст // Российская газета. – 1993. – № 237.

6. Понятие правовых ограничений прав и свобод человека // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6 (1). – С. 233-237.

7. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. – Саратов, 1994. – 256 с.

8. Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 535 с.

9. Сенека. Письма Луцилию. Марк Аврелий. Наедине с собой. – Симферополь: Реноме, 2002. – 135 с.

10. Шабуров А.С. «Ограничение права», «ограничения в праве», «правовые ограничения»: соотношение понятий // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 64-70.

List of references

1. Voplenko N.N. *Svoboda i spravedlivost': zakonomernosti ikh vzaimodeystviya // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. – Ser. 5. – Yurisprud.* [Freedom and justice: patterns of their interaction // Tomsk State University Journal. Volgogr. state un-that]. – Ser. 5. – Law. – 2012. – № 1 (16). – Pp. 6-10.

2. Hegel G.V.F. *Filosofiya prava. – M.: Mysl'* [The philosophy of law. – M.: Thought], 1990. – 357 p.

3. Hobbes T. *Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or Matter, the form and power of the state church and civil] / Elect. Op. – V. 2. – M., 1965. – 235 p.

[1] Маковецкая М.Г. Понятие правовых ограничений прав и свобод человека // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С. 235.

[2] Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. 1992. № 3. С. 96.

4. Ilyin I.A. *Obshcheye ucheniye o prave i gosudarstve (fragmenty) // Pravovedeniye* [General doctrine of law and the state (fragments)] // Jurisprudence. – 1992. – № 3. – P. 85-99.

5. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: ofits. tekst // Rossiyskaya gazeta* [Constitution of the Russian Federation: officer. text // Russian newspaper]. – 1993. – № 237.

6. *Ponyatiye pravovykh ogranicheniy prav i svobod cheloveka // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [The concept of legal restrictions on human rights and freedoms // Bulletin of the Nizhny Novgorod University N.I. Lobachevsky]. – 2012. – № 6 (1). – P. 233-237.

7. Malko A.V. *Stimuly i ogranicheniya v prave. Teoretiko-informatsionnyy aspekt* [Incentives and limitations in law. Information Theoretical Aspect]. – Saratov, 1994. – 256 p.

8. Rawls D. *Teoriya spravedlivosti.* [Theory of justice]. – Novosibirsk: Publishing House Novosib. University, 1995. – 535 p.

9. Seneca. *Pis'ma Lutsiliyu. Mark Avreliy. Nayedine s soboy.* [Letters to Lucilius. Marcus Aurelius. Alone with myself.] – Simferopol: Renome, 2002. – 135 p.

10. Shaburov A.S. *«Ogranicheniye prava», «ogranicheniya v prave», «pravovyye ogranicheniya»: sootnosheniye ponyatiy // Yuridicheskaya tekhnika.* «Restriction of law», «restrictions on law», «legal restrictions»: correlation of concepts // Legal technique. – 2018. – № 12. – P. 64-70.

УДК 51-77

Татьяна Владимировна Жуковская,
доцент кафедры высшей математики,
Тамбовский государственный технический университет,
кандидат физико-математических наук, доцент
E-mail: t_zhukovskaia@mail.ru

Tatyana Vladimirovna Zhukovskaya,
Associate Professor, Department of Higher Mathematics,
Tambov State Technical University,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor

Елена Александровна Плужникова,
доцент кафедры функционального анализа,
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
кандидат физико-математических наук, доцент
E-mail: pluznikova_elena@mail.ru

Elena Alexandrovna Pluzhnikova,
Associate Professor, Department of Functional Analysis,
Tambov State University named after G.R. Derzhavin
Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРИ РАЗРАБОТКЕ ПРОГРАММ БОРЬБЫ С СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫМИ ОТКЛОНЕНИЯМИ: ОПЫТ АКТУАЛИЗАЦИИ ВОПРОСА

Обсуждаются применения математического моделирования для исследования динамики социально-правовых отклонений, для разработки программ борьбы с такими явлениями, правового обеспечения деятельности государственных, лечебных и общественных организаций в этой сфере, законодательного и практического обеспечения прав граждан. Предлагаются математические модели распространения наркомании, использующие функционально-дифференциальные уравнения и включения, основанные на статистических материалах, экспертных оценках. В моделях учитываются различные пути распространения наркомании, социальные факторы, воспитательные и медицинские аспекты, законодательство в этой сфере и правовой нигилизм, другие факторы. Подчеркивается, что математическое моделирование позволяет прогнозировать уровень распространения наркомании, оценить влияние на этот уровень различных управляющих воздействий. Выражается надежда на то, что результаты математического моделирования динамики распространения наркомании, других социально-правовых отклонений будут учитываться в разработке программ и законодательства по борьбе с этими явлениями и защите прав граждан.

Ключевые слова: динамика распространения наркомании, математическая модель, программы борьбы с социально-правовыми отклонениями.

ABOUT USING MATHEMATICAL MODELING WHEN DEVELOPING PROGRAMS TO FIGHT AGAINST SOCIAL AND LEGAL DEVIATIONS: ACTUALIZATION QUESTION EXPERIENCE

The applications of mathematical modeling to study the dynamics of social and legal deviations, to develop programs to combat such phenomena, to provide legal support to the activities of state, medical and public organizations in this area, legislative and practical enforcement of citizens' rights are discussed. Mathematical models of drug addiction distribution that use functional differential equations and inclusions based on statistical materials and expert estimates are proposed. The models take into account various ways in which drug abuse is spread, social factors, educational and medical aspects, legislation in this area, legal nihilism, and other factors. It is emphasized that mathematical modeling allows us to predict the level of distribution of drug addiction, to assess the impact of various control actions on this level. It is hoped that the

results of mathematical modeling of the dynamics of the spread of drug addiction and other social and legal deviations will be taken into account in the development of programs and legislation to combat these phenomena and protect the rights of citizens.

Keywords: addiction dynamics, mathematical model, programs to fight against social and legal deviations.

Вопросы борьбы с социально-правовыми отклонениями, правового обеспечения деятельности государственных, лечебных и общественных организаций в этой сфере, законодательного и практического обеспечения прав граждан являются чрезвычайно актуальными в современном обществе. Решение этих проблем должно учитывать многочисленные факторы, влияющие на динамику таких явлений, на отношение в обществе к происходящим отклонениям, на экономические и правовые последствия данных явлений. Наибольшую обеспокоенность во многих странах вызывает рост распространения наркомании. Количество наркозависимых в некоторых странах достигло катастрофических значений. В Российской Федерации глубокую озабоченность вызывает появление новых видов наркотических средств и психотропных веществ, усиление негативных тенденций распространения наркомании, расширение масштабов незаконного распространения наркотиков[1]. Согласно статистическим сведениям уполномоченных организаций, в том числе Государственного антинаркотического комитета, общественных организаций, прирост наркозависимых ежегодно составляет около 10 %. Используя простейший аппарат математического анализа, легко спрогнозировать количество потребителей наркотиков, если будут сохраняться такие темпы развития уровня распространения наркомании.

Обозначим через $x(t)$ – количество наркозависимых в момент времени t. Тогда скорость увеличения этого количества – производная $\dot{x}(t)$ составляет $0{,}1x(t)$. Таким образом, получаем уравнение $\dot{x} = 0{,}1x$. Его решением является функция $x(\sim) = x_0\exp(0{,}1\square)$, где x_0 – начальный уровень мониторинга развития наркомании. Очевидно, что количество потребителей наркотиков при таких темпах будет увеличиваться вдвое менее чем через 7 лет. А по оценкам некоторых специалистов в ряде российских регионов их прирост ежегодно составляет 20 %. Соответственно, в этих регионах периодом удвоения числа зависимых будет 3,5 года.

Конечно же, модели, использующие не такой простейший, а современный математический аппарат и учитывающие многие факторы распространения наркомании, будут полезными для совершенствования системы мониторинга развития наркомании, для разработки профилактических мероприятий. Результаты такого моделирования могут использоваться для адекватного описания и управления соответствующими направлениями деятельности федеральных и региональных органов власти. Авторами данного сообщения предлагаются математические модели, использующие функционально-дифференциальные уравнения и включения, основанные на статистических материалах, экспертных оценках. Планируется проведение численного анализа моделей с целью определения и прогноза уровня распространения наркомании, его влияния на экономическое развитие, динамику демографических процессов.

Отметим, что некоторые существующие математические модели распространения наркомании[2] и динамики эпидемии ВИЧ/СПИД, предложенные в работах Е.С. Жуковского,

[1] Указ Президента РФ от 09.06.2010 № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 14.06.2010. № 24. Ст. 3015.

[2] См., например: Боев Б.В., Бондаренко В.М. Прогностическая модель распространения наркомании и ВИЧ-инфекции среди молодежи // Микробиология. 2001. № 5. С. 76-81; Митягин С.А., Захаров Ю.Н., Буханов-ский А.В., Слоот П.М.А. Региональная демографическая модель распространения наркомании // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2011. № 6 (76). С. 68-73.

Е.А. Плужниковой, А.И. Шиндяпина[1], взаимосвязаны. При моделировании развития наркоситуации рассматривается основной «горизонтальный» путь распространения наркомании в рамках одной социальной среды так же, как в модели динамики эпидемии ВИЧ/СПИД – «горизонтальный» путь распространения инфекции при половом контакте зараженного человека с восприимчивым к заражению партнером. Также может быть представлена модель, учитывающая еще трансляцию по социальной вертикали. Предлагаемая математическая модель позволяет также учитывать влияние социальных и медицинских факторов на динамику социально-правовых отклонений. Модель представляет собой систему дифференциальных уравнений с запаздывающим аргументом. С ее помощью могут быть исследованы краевые задачи для такой системы, найдено множество устойчивости, получены оценки решений, построены приближенные решения.

Авторы выражают надежду, что результаты математического моделирования динамики распространения наркомании, других социально-правовых отклонений будут учитываться в разработке программ и законодательства по борьбе с этими явлениями и защите прав граждан.

Список литературы

1. Боев Б.В., Бондаренко В.М. Прогностическая модель распространения наркомании и ВИЧ-инфекции среди молодежи // Микробиология. – 2001. – № 5. – С. 76-81.

2. Митягин С.А., Захаров Ю.Н., Бухановский А.В., Слоот П.М.А. Региональная демографическая модель распространения наркомании // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. – 2011. – № 6 (76). – С. 68-73.

3. Плужникова Е.А., Шиндяпин А.И. Об одной модели распространения ВИЧ/СПИД // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Естеств. и техн. науки. – 2008. – Т. 13. – Вып. 4. – С. 268-270.

List of references

1. Boev B.V., Bondarenko V.M. *Prognosticheskaya model' rasprostraneniya narkomanii i VICH-infektsii sredi molodezhi // Mikrobiologiya* [A prognostic model of the spread of drug addiction and HIV infection among young people // Microbiology]. – 2001. – № 5. – Pp. 76-81.

2. Mityagin S.A., Zakharov Yu.N., Bukhanovsky A.V., Sloot P.M.A. *Regional'naya demograficheskaya model' rasprostraneniya narkomanii // Nauchno-tekhnicheskiy vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta informatsionnykh tekhnologiy, mekhaniki i optiki.* [Regional demographic model of drug addiction // Scientific and Technical Bulletin of the St. Petersburg State University of Information Technologies, Mechanics and Optics]. – 2011. – № 6 (76). – Pp. 68-73.

3. Pluzhnikova EA, Shindyapin A.I. *Ob odnoy modeli rasprostraneniya VICH/SPID // Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Yestestv. i tekhn. nauki [About one model of the spread of HIV / AIDS* // Bulletin of the Tambov University. Ser.: Natural. and tech. Sciences]. – 2008. – V. 13. – Vol. 4. – Pp. 268-270.

[1] См., например: Плужникова Е.А., Шиндяпин А.И. Об одной модели распространения ВИЧ/СПИД // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Естеств. и техн. науки. 2008. Т. 13. Вып. 4. С. 268-270.

УДК 004; 351; 354

Елена Александровна Панасенко,
заведующая кафедрой функционального анализа,
кандидат физико-математических наук, доцент
E-mail: panlena_t@mail.ru

Elena Alexandrovna Panasenko,
Head of the Department of Functional Analysis,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor

Иван Иванович Пасечников,
заведующий кафедрой теоретической и экспериментальной физики,
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
доктор технических наук, профессор
E-mail: pasechnikov_ivan@mail.ru

Ivan Ivanovich Pasechnikov,
Head of the Department of Theoretical and Experimental Physics,
Tambov State University named after G.R. Derzhavin
Doctor of Technical Sciences, Professor

О ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Рассматриваются основные признаки современного информационного общества. Приведены данные о значениях Индекса развития информационно-коммуникационных технологий для России и европейских стран. Обосновывается необходимость принятия мер по развитию в стране информационного общества. Эти меры должны для всех потребителей обеспечить удовлетворение разносторонних потребностей в информационных продуктах, в полном доступе к мировым информационным ресурсам. Для организаций и предприятий необходимо обеспечить условия развития цифровых рынков, электронных социальных и хозяйствующих сетей. Государство должно принять на себя обязательства по развитию информационных систем управления, обеспечения демократических процедур, участию граждан в выработке управленческих решений. Отмечены наиболее успешные проекты «Электронного правительства» – телекоммуникационных технологий, их организационного и законодательного сопровождения, обеспечивающих эффективное взаимодействие органов управления, граждан, организаций.

Ключевые слова: информационное общество, государственное управление, электронное правительство.

ABOUT STATE GOVERNANCE IN THE INFORMATION OF SOCIETY: TO THE STATEMENT OF THE PROBLEM

The main features of the modern information society are considered. The data on the values of the Index of the development of information and communication technologies for Russia and European countries are given. The necessity of taking measures to develop the information society in the country is substantiated. These measures should ensure that all information products meet the diverse needs of consumers, in full access to world information resources. For organizations and enterprises, it is necessary to provide conditions for the development of digital markets, electronic social and business networks. The state must assume obligations to develop management information systems, ensure democratic procedures, and citizen participation in the development of managerial decisions. The most successful projects of the «Electronic Government» – telecommunication technologies, their organizational and legislative support, ensuring the effective interaction of government, citizens, organizations are noted.

Key words: information society, public administration, electronic government.

Информационным называют общество, в котором основным сектором экономики является обработка и хранение информации, прежде всего знания. Большинство стран развива-

ются в направлении создания информационного общества. Развитые экономики характеризуются существенным увеличением роли информации, повсеместным использованием телекоммуникационных систем, возрастанием доли информационного продукта в валовом национальном продукте, проникновением информационных технологий во все сферы человеческой деятельности. Мерой информационности общества может служить Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ICT Development Index). Этот показатель, характеризующий уровень развития в странах информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), рассчитывается по методике, предложенной специализирующемся на стандартизации ИКТ подразделением ООН – Международным союзом электросвязи. Максимально возможное значение ICT Development Index – 10. По результатам исследований 2017 года в рейтинге стран по ICT Development Index лидируют Исландия (8.98), Южная Корея (8.85), Швейцария (8.74). Россия в этом рейтинге на 45-ом месте (7.07) из всего 176 стран[1], причем место нашей страны в рейтинге последние годы снижалось (в 2011 году 38-ое место, в 2013 году 42-ое место).

Многие исследователи считают, что уровень развития ИКТ позволяет наиболее точно оценивать уровень социально-экономического развития страны. Отставание по данному показателю нашей страны от большинства европейских стран требует принятия мер по развитию в стране информационного общества. Эти меры должны для всех потребителей обеспечить удовлетворение разносторонних потребностей в информационных продуктах, в полном доступе к мировым информационным ресурсам. Для организаций и предприятий необходимо обеспечить условия развития цифровых рынков, электронных социальных и хозяйствующих сетей. Государство должно принять на себя обязательства по развитию информационных систем управления, по информационному обеспечению демократических процедур, участию граждан в выработке управленческих решений. Следует отметить очевидные успехи последних лет в разработке «Электронного правительства» – телекоммуникационных технологий, обеспечивающих эффективное взаимодействие органов управления, граждан, организаций, их организационного и законодательного сопровождения. В стране уже более десяти лет широко используется сеть многофункциональных центров, оказывающих государственные и муниципальные услуги. Большинство граждан пользуется Порталом Госуслуг. В Москве налажено эффективное взаимодействие властных структур и горожан, действует проект «Активный гражданин», позволяющий проводить голосования в электронной форме по вопросам городского развития среди различных групп москвичей. Этот опыт взаимодействия властных структур с гражданами необходимо использовать в других муниципалитетах.

Информационные технологии дают управляющим структурам гигантские возможности увеличения эффективности управления, совершенствования, гармонизации общества, развития экономики, В то же время информационные технологии могут использоваться негативно, в частности, для тотального контроля над всеми сферами общества, что ведет к ограничению прав и свобод граждан, демократических процедур. Конституция РФ предоставляет всем гражданам право свободно искать и любым законным способом получать информацию (ч. 4 ст. 29), органы государственной власти и местного самоуправления обязаны обеспечить каждому гражданину возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (ч. 2 ст. 24). В Российской Федерации разработаны законодательные акты и нормативные документы, направленные на обеспечение этих конституционных норм, действует Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 18.03.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2]. Для предотвращения негативных возможностей использования ин-

[1] Рейтинг стран мира по уровню развития информационно-коммуникационных технологий. Гуманитарная энциклопедия: Исследования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2019 (последняя редакция: 23.04.2019). URL: https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index/ict-development-index-info.

[2] Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

форматизации необходимо дальнейшее совершенствование антимонопольных мер в информационной сфере.

Возникающие в обществе процессы, вызванные стремительным ростом инфокоммуникационных услуг, «цифровизацией» всех сфер человеческой деятельности и сопутствующим увеличением угроз информационной безопасности как «личностному пространству», так и всем сферам деятельности предприятий и государства, требуют принятия не только законодательных, но и организационно-технологических мер. Назрела необходимость в разработке единой многомерной системы контроля и управления информацией – специального «Облачного пространства», обеспечивающего многомерную фильтрацию информационных потоков в соответствии с требованиями законодательства и информационной безопасности. Основу архитектуры этого «Облачного пространства» должны составлять Конституция, федеральные конституционные законы, международные договоры и соглашения, федеральные законы, акты президента и правительства, а фильтрация потоков информации должна осуществляться в соответствии с ведомственными нормативными актами, региональными актами, относящимися к различным областям (в государственном и муниципальном управлении, экономике, бизнесе, социальной сфере, образовании и др.). Многомерность «облачного пространства» означает всесторонний учет деятельности всех участников каждого процесса, например, трафик управления транспортными средствами в регионе должен фильтроваться не только фирмами, регулирующих их потоки, но и службами безопасности, МЧС, интеллектуальными адаптивными облачными решениями (для беспилотников), медицинским центром, центрами пользовательских услуг и др.

Создание такого «Облачного пространства» является важнейшей государственной задачей, и чем раньше будет выработан системный и ответственный подход к ее решению, тем безопасней, эффективней и гармоничней будет развитие общества.

Список литературы

1. Рейтинг стран мира по уровню развития информационно-коммуникационных технологий. Гуманитарная энциклопедия: Исследования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2019 (последняя редакция: 23.04.2019). URL: https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index/ict-development-index-info.

List of references

1. *Reyting stran mira po urovnyu razvitiya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy. Gumanitarnaya entsiklopediya: Issledovaniya [Elektronnyy resurs]* // Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy, 2006–2019 (poslednyaya redaktsiya: 23.04.2019 [The rating of the countries of the world in terms of the development of information and communication technologies. Humanitarian Encyclopedia: Research [Electronic Resource] // Center for Humanitarian Technologies], 2006–2019 (last revised: 04/23/2019). URL: https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index/ict-development-index-info.

УДК 323.22

Юлия Александровна Александрова,
Начальник отдела научных исследований
Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
кандидат политических наук
E-mail: rpa_alexandrova@mail.ru

Julia Aleksandrovna Aleksandrova,
Chief of Research Department Volga Institute (the brunch) of All-Russian State University
of Justice (RLA (Russian Law Academy) of the Ministry of Justice of Russia),
Candidate of Political Science

МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ОБЛАСТЬ СИМУЛЯКРОВ

В статье анализируется современное состояние политико-правового пространства современной России с позиции выявления степени соотношения провозглашаемого и реализуемого принципа приоритетности морально-нравственных ценностей в системе взаимоотношений политической власти и общества. Отмечается, что в рамках правового поля признаны взаимные права и ответственность государства и гражданина, конституционное признание человека, его прав и свобод высшей ценностью, во властном дискурсе – необходимость обращения к идеям патриотизма, морали, нравственности. При этом для области практических действий нередко становится характерным проявление неуважения одних участников политического процесса по отношению к другим. Разрушение ценностного и идеологического ядра привело к утверждению в политическом сознании, как граждан, так и элиты, ценностного плюрализма, превалирования материальных ценностей над моральными, вследствие чего в деятельности всех акторов можно выявить признаки ситуативного и симулятивного соблюдения морально-нравственных принципов.

Ключевые слова: морально-нравственные принципы, политико-правовое пространство, политическая власть, общество, политические отношения, правосознание, симулякр, Российская Федерация.

MORAL ASPECT OF THE POLITICAL AND LEGAL SPACE OF MODERN RUSSIA AS AN AREA OF SIMULACRA

The article analyzes the current state of the political and legal space of modern Russia from the position of identifying the degree of correlation between the proclaimed and implemented principle of priority of moral values in the system of relations between political power and society. It is noted that within the framework of the legal framework recognized the mutual rights and responsibilities of the state and the citizen, the constitutional recognition of man, his rights and freedoms of the highest value in the power discourse – the need to appeal to the ideas of patriotism, morality. Thus for practical action often becomes a characteristic disrespectful of some political actors against others. The destruction of the value and ideological core led to the establishment in the political consciousness of both citizens and the elite of value pluralism, the prevalence of material values over moral values, so that the activities of both actors can reveal signs of situational and simulated compliance with moral principles.

Keywords: moral principles, political and legal space, political power, society, political relations, legal consciousness, simulacrum, Russian Federation.

Традиционно область политических действий интерпретируется с позиции властеотношений, т. е. взаимодействия политических акторов по поводу власти и ее распределения. Хотя в этом заключается основное содержание политической деятельности, современный политико-правовой контекст, характеризующийся многофакторностью, сложно структурированностью и разнонаправленностью, актуализирует вопрос о необходимости эффективного соединения области объективных действий и субъективных представлений. Как отмечал еще в 1990 г. американский социолог и футуролог Э. Тоффлер, «самые распространенные предположения, касающиеся власти, по крайней мере в западной культуре, подразумевают, что она – вопрос количества. Но хотя некоторые из нас, это очевидно, обладают меньшей

властью, чем другие, этот подход игнорирует то, что сейчас может быть важнейшим фактором из всех, – ее качество. В горячих битвах, которые вскоре пронесутся по нашим школам, больницам, деловому миру, профсоюзам и правительствам, те, кто поймет «качество», получат стратегическое преимущество... Высококачественная власть предполагает эффективность – достижение цели с минимальными источниками власти»[1]. Как показало прошедшее с тех пор время, подобного рода видение сути власти вполне оправдало себя.

В настоящее время именно вопросы качества власти, а не количества властных полномочий выходят на первый план в системе приоритетов политической повестки дня. Хотя американским ученым под эффективной властью подразумевалась власть, в первую очередь, основанная на знаниях, политические события последних лет дают основания для включения в систему базовых приоритетов эффективной, качественной власти морально-нравственных принципов. Не случайно к образу идеальной власти, государства и правителя неизменно предъявляются высокие моральные требования: уважение чести и достоинства личности, справедливость, порядочность и другие.

При этом, несмотря на то, что требования к соблюдению морально-нравственных принципов в политической деятельности наиболее отчетливо стали артикулироваться в конце XX в. – начале XXI в., необходимость соединения политики, власти, морали, нравственности находила отражение в теориях и концепциях различных ученых на протяжении длительного времени. Так, еще Аристотелем была сформулирована модель политии как наилучшей формы правления, в рамках которой наряду со свободой и порядком, ключевое значение имели мужество и мудрость правителя. В Древнем Китае главным ограничителем монархической власти были признаны моральные и этические законы. Впоследствии Дж. Локк, Ш. Монтескье, Дж. Милль, А. де Токвилль, Г. Спенсер, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский и другие подчеркивали, что наряду с естественными неотчуждаемыми правами человека, гражданским обществом, свободой, такая моральная ценность, как справедливость, устанавливает необходимые границы деятельности государства.

Безусловно, и политика, и мораль, являясь одними из наиболее ранних механизмов регулирования общественной жизни (наряду с религией и идеологией), не только имеют общие и отличительные черты, но неизменно находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, проявления которой могут выражаться во взаимодействии, подчинении или компромиссе. К примеру, как отмечал И. Кант, «политика говорит: “Будьте мудры как змии”, мораль прибавляет (как ограничивающее условие): “и чисты как голуби”… истинная политика… не может сделать шага, заранее не отдав должного морали»[2]. Соответственно истинное предназначение политики заключается в следовании и соответствии «общей цели общества» (схожая точка зрения представлена также в учениях Конфуция, Аристотеля, Н. Бердяева и др.).

В трудах другого известного политического мыслителя – Н. Макиавелли – нашла отражение противоположная позиция: «государю нужно казаться милосердным, верным, человечным, набожным, прямодушным – и быть, но следует подготовить свой дух к тому, что при необходимости ты мог и умел стать противоположным. Государь должен позаботиться о том, чтобы с уст его не слетало ни одного слова, которое бы не было преисполнено пяти вышеописанных качеств, и чтобы видящим и слышащим его казалось, что он весь – воплощение милосердия, верности, прямодушия, человечности и благочестия… Каждый видит, чем ты кажешься, мало кто понимает, что ты есть на самом деле»[3] (подобную позицию можно встретить также в трудах Платона, И. Бентама, О. Шпенглера и др.).

Компромиссный вариант взаимодействия политики и морали, предполагает, что «политика – именно о том, как сделать так, чтобы эгоизмы служили “общему благу”» (Д. Юм)[4].

[1] Цит. по: Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Пер. с англ. М., 2003. С. 36-37.

[2] Цит. по: Кант И. Соч. Т. 7. М., 1994. С. 37, 55, 259, 290.

[3] Цит. по: Макиавелли Н. Государь / пер. с ит. М. Юсима. СПб., 2019. С. 62.

[4] См.: Нижников С.А. Мораль и политика в социокультурном контексте // Альманах Пространство и Время. 2013. Т. 2. Вып. 1.

Вместе с тем, учитывая, что политика коллективна, реализуется, преимущественно, с позиции силы и целесообразности, в то время как мораль индивидуальна, идеальна и опирается на совесть, теоретические разграничения форм и характера соотношения морально-нравственных категорий и политико-правовых отношений нередко оказываются подвержены изменениям.

С одной стороны, как свидетельствует современная мировая практика, достаточно широкое распространение получил принцип конституционного закрепления тех или иных моральных императивов. Например, в Конституции Норвежского Королевства определено, что «в обязанности государственных органов входит уважение и охрана прав человека»[1]. Согласно Конституции Греции, «уважение и защита достоинства человека является первоочередной обязанностью государства. Греция, следуя общепризнанным нормам международного права, стремится к укреплению мира, справедливости…»[2]. В Конституции Польши отмечено, что «прирожденное и неотъемлемое достоинство человека есть источник свобод и прав человека и гражданина. Оно нерушимо, а его уважение и защита являются обязанностью публичных властей»[3]. Основной закон РФ установил, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»[4]. В Постановлениях Конституционного Суда РФ отмечается, что «гражданин и государство в Российской Федерации связаны взаимными правами, ответственностью и обязанностями», «обладание депутатским мандатом подразумевает необходимость ответственного отношения депутата к возложенным на него публичным функциям и задачам»[5].

С другой стороны, нормативное закрепление моральных принципов в качестве одной из основ регулирования области политических действий может сочетаться с их ситуативным и симулятивным соблюдением. Идея взаимной ответственности преломляется в свете превалирования материальных ценностей над моральными, что находит отражение, в том числе, в представлении о допустимости публичного выражения неуважительного отношения к гражданам.

Для политического сознания современной российской элиты, на наш взгляд, в значительной степени оказались характерны противоречивость, отсутствие целостной системы приоритетов и ценностей, ситуативность восприятия событий. Несмотря на то, что глава государства неоднократно подчеркивал необходимость обращения к идеям патриотизма, морали, нравственности, ценностям гуманизма, в политическом дискурсе все чаще стали появляться высказывания (например, депутатов региональных парламентов, региональных министров), противоречащие конституционному признанию человека как высшей ценности. Как отмечено в докладе Уполномоченного по правам человека в РФ, «к Уполномоченному обратилась Ш. с жалобой на сотрудников отдела по вопросам миграции ОМВД России по г. Первоуральску Свердловской области, которые в ходе приема общались с Ш. в грубой форме,

[1] Цит. по: Конституция Норвежского Королевства. § 110 c [Электронный ресурс]. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=142 (дата обращения: 19.07.2019).

[2] Цит. по: Конституция Греции. Ст. 2 [Электронный ресурс]. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=153 (дата обращения: 19.07.2019).

[3] Цит. по: Конституция республики Польша. Ст. 30 [Электронный ресурс]. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=112 (дата обращения: 19.07.2019).

[4] Цит. по: Конституция Российской Федерации. Ст. 2 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

[5] Цит. по: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта “а” статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 6; Постановление Конституционного Суда РФ от 10.11.2017 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // [Электронный ресурс]. URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision299441.pdf (дата обращения: 17.07.2019).

небрежно обращались с оригиналами ее документов. По итогам проверки деятельности сотрудников отдела по вопросам миграции ОМВД России по г. Первоуральску Свердловской области по факту ненадлежащего обращения сотрудникам отдела было строго указано на необходимость вежливого и корректного обращения с гражданами, внимательного и бережного отношения к документам в процессе предоставления государственных услуг»[1]. Наличие подобного рода практики было отражено в итоговом докладе и другого института гражданского общества – Общественной палаты РФ.

При этом в российском законодательстве в настоящее время установлено уголовное наказание за публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением (ст. 319 УК РФ), административное наказание за распространение информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, проявляющей явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам РФ, Конституции РФ или государственным органам (ст. 20.1 КоАП РФ), моральная ответственность за несоблюдение положений Типового кодекса этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих, в числе которых необходимость корректного и внимательного обращения с гражданами и должностными лицами, соблюдения правил делового поведения, воздержания от проявлений грубости, пренебрежительного тона, заносчивости, предвзятых замечаний, предъявления неправомерных, незаслуженных обвинений.

Сохраняется практика направления жалоб граждан для рассмотрения в органы власти, действия которых обжалуются. Несмотря на то, что законодательно «запрещается направлять жалобу на рассмотрение в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу, решение или действие (бездействие) которых обжалуется»[2], в 2018 г. доля заявлений, направленных в адрес Уполномоченного по правам человека РФ и содержащих жалобы на данное нарушение, от общего числа заявлений по вопросам реализации права на обращение, составила 7 %. 16 % жалоб содержало претензии к качеству получаемых ответов, суть которых заключалась в указании на формализм и неполноту ответов[3].

Одновременно увеличивается количество обращений государственных и муниципальных служащих в правоохранительные органы с заявлениями о привлечении к ответственности отдельных граждан (журналистов, блогеров) за критичные высказывания в свой адрес (прецеденты имеются в республиках Хакасия, Саха (Якутия) и других регионах), в средствах массовой информации размещаются материалы, в которых чиновники сравниваются с государственными символами[4]. Невозможность разрешения спорных ситуаций правовыми методами приводит к появлению видеообращений к главе государства от граждан, стоящих на коленях.

Вместе с тем, необходимо отметить, что российскому обществу в целом также присущ ценностный плюрализм и низкий уровень готовности брать на себя ответственность за современное состояние общественно-политической ситуации. Так, по данным социологических опросов, по мнению абсолютного большинства респондентов (65 %, в 2007 г. – 68 %) в настоящее время российское общество устроено несправедливо (противоположной точки зрения придерживаются 22 %, в 2007 г. – 12 %). При этом респонденты отмечают, что именно от властей в наибольшей степени зависит степень справедливости (62 %), нежели от самих граждан (25 %). 42 % считают, что нынешняя политическая власть «может, но не хочет»

[1] Цит. по: Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год. С. 75 [Электронный ресурс]. URL: http://ombudsmanrf.org/content/doclad2018 (дата обращения: 17.07.2019).

[2] Цит. по: О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: ФЗ РФ от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) п. 6 ст. 8 // Собр. законодательства Рос. Федерации, 08.05.2006. № 19. Ст. 2060.

[3] Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год. С. 76 [Электронный ресурс]. URL: http://ombudsmanrf.org/content/doclad2018 (дата обращения: 17.07.2019).

[4] Чиновникам запретят считать себя госсимволами. [Электронный ресурс]. URL: https://m.vz.ru/politics/2019/7/4/974805.html (дата обращения: 17.07.2019).

сделать российское общество более справедливым (19 % – «хочет, но не может», 16 % – «не хочет и не может», 14 % – «может и хочет»). О готовности «самим быть более справедливыми, честными, соблюдать законы» заявили лишь 6 % опрошенных, «быть активнее и инициативнее» – 5 %, «бороться с воровством, коррупцией, самим не участвовать в коррупции» – 3 %, «начать с себя, вести себя достойно» – 2 %, «лучше воспитывать детей» – 1 %[1].

Хотя степень и частота проявления данных тенденций во взаимодействии власти и общества неоднородны, можно отметить, что, несмотря на то, что формально признается главенство демократических ценностей, сохраняется практика ситуативного соблюдения норм морали в политической деятельности. Это, в свою очередь, в значительной степени свидетельствует о симулятивной роли морально-нравственных принципов в современном российском политическом пространстве. Несмотря на ценностную разбалансированность сознания всех участников политико-правовых отношений, в значительной степени возникшую вследствие разрушения идеологического и ценностного ядра, именно неуважение между представителями власти и гражданами наряду с невысоким уровнем жизни, социальной незащищенностью, коррупцией становится одним из оснований для укрепления чувства стыда, испытываемого россиянами за свою страну.

Одновременно с этим за последние несколько лет достаточно отчетливо проявился общественный запрос на проведение «нравственной политики», повышение уровня требований к «качеству» и эффективности государственной власти, профессионализма в деятельности государственных и муниципальных служащих, необходимость признания в равной степени юридической и моральной ответственности в отношении, как государственной власти, так и граждан, определения четких законодательных и моральных границ деятельности государственной власти, повышения уровня правосознания, развития культуры уважительных отношений представителей государственной власти и общества.

Безусловно, область политических действий развивается и меняется гораздо интенсивнее, нежели ценностная основа политического сознания. Тем не менее, морально-нравственные принципы должны выступать в качестве одного из наиболее эффективных регуляторов современных политико-правовых отношений на всех уровнях. Восстановление ценности справедливости, доверия, уважения невозможно достичь путем осуществления единичных действий без изменения уровня правосознания должностных лиц и граждан.

Список литературы

1. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 год. [Электронный ресурс]. URL: http://ombudsmanrf.org/content/doclad2018 (дата обращения: 17.07.2019).

2. Кант И. Соч. – Т. 7. – М.: Чоро, 1994. – 494 с.

3. Макиавелли Н. Государь / пер. с ит. – М. Юсима. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 507 с.

4. Нижников С.А. Мораль и политика в социокультурном контексте // Альманах Пространство и Время. – 2013. – Т. 2. – Вып. 1.

5. О справедливости. [Электронный ресурс]. URL: https://fom.ru/TSennosti/14099 (дата обращения: 17.07.2019).

6. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», – 2003. – 669 с.

7. Чиновникам запретят считать себя госсимволами. [Электронный ресурс]. URL: https://m.vz.ru/politics/2019/7/4/974805.html (дата обращения: 17.07.2019).

List of references

1. *Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii za 2018 god.* [Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2018]. [Electronic resource]. URL: http://ombudsmanrf.org/content/doclad2018 (accessed date: 07/17/2019).

2. Kant I. *Sochineniya* – [Written works]. – V. 7. – M.: Choro, 1994. – 494 p.

[1] О справедливости. [Электронный ресурс]. URL: https://fom.ru/TSennosti/14099 (дата обращения: 17.07.2019).

3. Machiavelli N. *Gosudar' / per. s it. – M. Yusima. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus* [Sovereign / trans. with it]. – M. Yushima. – St. Petersburg: ABC, ABC-Atticus, 2019. – 507 p.

4. Nizhnikov S.A. *Moral' i politika v sotsiokul'turnom kontekste // Al'manakh Prostranstvo i Vremya* [Morality and politics in a sociocultural context // Almanac Space and Time]. – 2013. – T. 2. – Vol. one.

5. *O spravedlivosti* [About justice]. [Electronic resource]. URL: https://fom.ru/TSennosti/14099 (accessed: July 17, 2019).

6. Toffler E. *Metamorfozy vlasti: Per. s angl.* [Metamorphoses of power: Trans. from English] – M.: Publishing House ACT LLC, – 2003. – 669 p.

7. *Chinovnikam zapretyat schitat' sebya gossimvolami* – [Officials will not be allowed to consider themselves state symbols]. [Electronic resource]. URL: https://m.vz.ru/politics/2019/7/4/974805.html (accessed date: 07/17/2019).

УДК 340

Михаил Владимирович Андросов,
аспирант Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)
E-mail: AM9637785029@yandex.ru

Mikhail Vladimirovich Androsov,
graduate student of the Russian Academy of National Economy and
Public Service under the President of the Russian Federation (Moscow)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТ КОНЦЕПЦИИ К СТРАТЕГИИ

В статье рассматриваются главные положения Концепции государственной национальной политики РФ (1996 г.) и Стратегии государственной национальной политики РФ (2012 г.,с измен. 2018 г.), отмечаются противоречия первого документа и дискуссионные моменты второго документа. При помощи анализа основного содержания данных фундаментальных нормативных правовых актов в области межнациональных отношений, выявляются характерные тенденции развития государственной национальной политики РФ с середины 1990-х гг. по настоящее время.

Ключевые слова: государственная национальная политика, Концепция государственной национальной политики, Стратегия государственной национальной политики, межнациональные (межэтнические) отношения, общероссийская гражданская идентичность.

STATE NATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION: FROM CONCEPT TO STRATEGY

The article discusses the main provisions of the Concept of the state national policy of the Russian Federation (1996) and the Strategy of the state national policy of the Russian Federation (2012, c change. 2018), notes the contradictions of the first document and the discussion points of the second document. By analyzing the basic content of the data of the fundamental regulatory legal acts in the field of interethnic relations, characteristic trends in the development of the state national policy of the Russian Federation since the mid-1990s are identified. Until now.

Keywords: state national policy, Concept of state national policy, Strategy of state national policy, interethnic (interethnic) relations, all-Russian civic identity.

Национальная политика в любом государстве, тем более в таком многонациональном и многоконфессиональном, как Россия, является ключевой[1]. Оказывает серьёзное влияние на устойчивость и поступательное развитие государства. Исторический путь развития Российского государства представляет редчайший пример, когда под многовековым владычеством империи не был уничтожен ни один из народов[2].

[1] По состоянию на конец 2010 г. численность населения РФ составила 142,9 млн чел. РФ занимает 9 место в мире по численности населения. Источник: «Демоскоп Weekly». Институт демографии национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». № 491-492. 19-31 декабря 2011 г. Общая численность населения РФ на 1 января 2018 г. составляет 146,880 432 человека (согласно данным Росстата от марта 2018 г.). Источник: URL: http://www.statdata.ru/russia. В Концепции государственной национальной политики РФ зафиксировано проживание на территории России более 100 народов. Источник: URL: http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051/. В Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года отмечено проживание на территории России представителей 193 национальностей. Источник: URL: http://base.garant.ru/70284810/. В новой редакции Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года указывается проживание на территории России представителей свыше 190 национальностей. Источник: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312881/.

[2] «На территории империи Российской были прекращены всякие межнациональные войны и все народы страны могли жить и работать в любом её конце». «Никаких следов эксплуатации национальных меньшинств в пользу русского народа // Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2010. С. 26. С. 30.

Государственная национальная политика Российской Федерации (далее – ГНП РФ), представляет сложный комплекс целенапаравленных долгосрочных действий государства по регулированию взаимоотношений между нациями, этническими, религиозными группами, закреплённых в соответствующих политических документах и правовых актах. Это система мер, осуществляемых государством, направленных на учёт, сочетание, реализацию национальных интересов, на решение и разрешение противоречий в сфере национальных отношений[1]. Национальная политика является крайне сложной сферой социально-национальных взаимоотношений. Сложность заключается в многогранности проявления результатов национальной политики, особенно в условиях её отсутствия или её неверного курса, недостаточно выверенных стратегии и тактики такой политики. Поэтому национальная политика должна быть основана на общенациональной доктрине, на ясных целях и принципах, носить системный характер, являться внутренне непротиворечивой, способной быстро реагировать на угрозы в межнациональных отношениях, быть ресурснообеспеченной, со слаженной информационной поддержкой. Отсюда вытекает необходимость разработки документа, регламентирующего и определяющего вектор развития национальной политики. Долгое время в научном сообществе шли дискуссии о необходимости разработки подобного документа[2].

В непростых условиях становления нового Российского государства (Российской Федерации) первым подобным документом стала Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (далее – Концепция), утверждённая Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. № 909[3]. ГНП РФ в 1990-е гг. переживала сложный этап своего становления и развития: формирование федеративных отношений, усиление позиций субъектов РФ в противовес федеральному центру, преобладание дезинтеграционных процессов внутри РФ, наличие сильных сепаратистских тенденций (прежде всего, на Северном Кавказе), серьёзное влияние межэтнических конфликтов в некоторых бывших республиках СССР, ставших независимыми государствами-членами СНГ, на ситуацию в области национальной политики России. Концепция носила рекомендательный характер. В документе констатируется ситуация в области национальных отношений РФ по состоянию к 1996 г., отмечаются негативные факторы и узловые проблемы в сфере межнациональных отношений, впервые на нормативном правовом уровне декларируются принципы ГНП РФ, выдвигаются основные цели и ставятся задачи ГНП РФ, прописывается механизм реализации ГНП РФ. Отдельная часть Концепции посвящёна национально-культурному самоопределению народов в форме национально-культурных автономий. Во всём этом видится прогрессивная роль Концепции в процессе формирования нормативной правовой базы ГНП РФ как первого фундаментального документа в сфере государственного регулирования межнациональных отношений. Реализация Концепции способствовала сохранению единства и целостности Российской Федерации.

Однако Концепция таила в себе ряд противоречий. Так в документе, с одной стороны, заявляется о стремлении народов к самоопределению, но, с другой стороны, констатируется «объективный процесс интеграции российского общества». Одновременно отмечается «возрастающая самостоятельность субъектов РФ и воля граждан к упрочению общероссийской

[1] Государственная национальная политика РФ представляет из себя систему целенаправленных долгосрочных мер, направленных на сохранение самоидентичности государства и всех его составляющих, в первую очередь народа, с учётом внутренних мировоззренческих и иных ценностей, а также геополитических ориентиров. Авторское определение ГНП РФ д. и. н., глав. науч. сотр. Института социологии РАН И.Н. Гавриловой. – См.: Гаврилова И.Н. Национальная политика в России: проблемы и перспективы // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. С. 213.

[2] См.: Болотина И.И., Исаева А.Ю. Анализ Стратегии государственной национальной политики до 2025 года // Известия Тульского государственного университета. 2016. №1.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 15.06.1996 № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 3010. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. URL: http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051/.

государственности». В Концепции говорится о необходимости обеспечения «гармоничного сочетания самостоятельности субъектов и целостности государства». Таким образом, в тексте документа мы видим неоднозначность и разнонаправленность политических процессов: тяготение к укреплению государственности и желание выйти из Федерации путём самоопределения.

Концепция, с рядом указанных противоречий, носила явно временный, ограниченный характер.

В 2000-е гг. начался новый этап в развитии ГНП РФ. Были преодолены дезинтеграционные процессы внутри РФ, взят чёткий курс на укрепление российской государственности, стабилизировалась межнациональная обстановка на Северном Кавказе. Социально-правовая парадигма российского общества с 1996 г. сильно изменилась. В тоже время рубеж 2000-х – начала 2010-х гг. был отмечен ростом этнической и социальной напряжённости[1]. Примером данной негативной ситуации в области межнациональных отношений можно назвать события на Манежной площади Москвы 11 декабря 2010. По мнению Ю.В. Попкова, эти события имели важнейшее значение для актуализации проблем современной национальной политики[2]. ГНП РФ нуждалась в корректировке в части её нормативной правовой базы. В январе 2012 г. в «Независимой газете» была опубликована концептуальная статья В.В. Путина «Россия: национальный вопрос»[3]. Данная статья предвосхитила выход целого ряда нормативных правовых актов в области ГНП РФ[4]. В этом отношении ключевым моментом явился Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666, утвердивший Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Стратегия)[5]. Во исполнение Указа Президента РФ «Об обеспечении межнационального мира и согласия» Стратегия заменила Концепцию в качестве фундаментального нормативного правового документа по вопросам ГНП РФ[6]. Принятие Стратегии явно свидетельствует об усилении государственной составляющей в сфере регулирования межнациональных отношений. В отличие от Концепции Стратегии с самого начала был придан системный статус. Стратегия представляет собой систему современных приоритетов, целей, принципов, основных направлений, задач и механизмов реализации ГНР РФ. Стратегия разработана «в целях обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления государственного единства и целостности России, сохранения этнокультурной самобытности её народов, сочетания общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечения конституционных прав и свобод гражданин». Согласно Стратегии целями ГНП РФ являются: упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации); сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России; гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений; обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина неза-

[1] Опрос ВЦИОМ «Межнациональные отношения глазами москвичей и петербуржцев», проведённый 14-24 ноября 2011 г., зафиксировал, что 63 % москвичей и 54 % петербуржцев констатировали ухудшение межнациональных отношений. Источник: URL:http://www.vz.ru/society/2011/12/7/544903/html.

[2] Попков Ю.В. Региональные особенности этнонациональной политики // Новые исследования Тувы. 2013. №4. С. 10. См. также: Леонов Ю.С. Об общественном обсуждении Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 1 (21).

[3] Независимая газета. 2012. 23 января.

[4] См.: Кубрин С.Д. Вопросы изучения Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. Том 3. Ч. 2.

[5] Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2012. № 52. Ст. 7477. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://base.garant.ru/70284810/.

[6] Указ Президента РФ от 7.05.2012 № 602 «Об обеспечении межнационального согласия». URL http://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-07052012-n-602/.

висимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов. Данные фундаментальные положения в области национальной политики принципиально важны для реализации эффективного государственного регулирования в соответствующей сфере общественной жизни. Таким образом, важнейшей целью при разработке Стратегии является стремление государства сохранить этнокультурную самобытность народов России, учесть их интересы и интересы государства. Анализируя цели ГНП РФ, закреплённые в Стратегии, можно сделать вывод о том, что национальная политика России в новых условиях будет ориентирована на решение внутренних задач: сохранение государственно-территориальной целостности, предотвращение национальных конфликтов в регионах, создание благоприятных социально-экономических условий там, где вероятность возникновения столкновений на национальной почве особенно велика.

В.В. Алфимцев подчёркивает, что в Стратегии впервые на нормативном уровне вводится понятие «российская нация», как тождественный термин «многонациональному народу Российской Федерации»[1]. Это свидетельствует о начале нового этапа в отечественной национальной политике, этапа формирования новой российской идентичности в смысле общегражданского понятия «нация», которая объединяет все этнические группы, проживающие на территории России. В.Ю. Зорин оценивает утверждение Стратегии как восстановление этнокультурного суверенитета России[2]. Следовательно, главная суть Стратегии заключается в сохранении и поддержке национально-культурного многообразия народов России при соблюдении единой гражданской идентичности.

В тексте документа учтены многие элементы современной социально-правовой парадигмы, требующие правового регулирования уже многие годы. Учитывается аспект религиозных противоречий и их неотъемлемая связь с национальными и этническими противоречиями. В современных условиях глобализации роль миграционной составляющей в национальной политике только возрастает. Отсюда крайне перспективным видится введение в текст документа термина «система социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов». Стратегия окончательно поставила точку в вопросе о возможности и целесообразности создания на территории крупных российских городов «этнических районов»[3].

Среди задач ГНП РФ, обозначенных в Стратегии, особо необходимо выделить задачи, носящие инновационный и прикладной характер: подготовка и переподготовка государственных и муниципальных служащих по вопросам реализации ГНП РФ, совершенствование правовых основ раннего предупреждения межнациональных конфликтов, установление полномочий и ответственности должностных лиц за состояние дел в сфере ГНП РФ, создание системы мониторинга состояния межнациональных отношений, и публикаций печатных и электронных СМИ по вопросам реализации ГНП РФ, формирование гибкой системы расселения, обеспечение потребностей российской экономики и рынка труда путём активного воздействия на миграционные процессы.

Однако в Стратегии имеется ряд дискуссионных моментов. Недостаточно чётко проведена дифференциация понятий «национальных», «межнациональных», «межэтнических отношений». Кроме них в Стратегии содержится ещё целый ряд терминов, которым не даётся чёткое определение: «национальный и межнациональный мир и согласие», «гражданский и

[1] Алфимцев В.В. Стратегия государственной национальной политики РФ до 2025 года: правовой анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5 (31). С. 14.

[2] Зорин В.Ю. Национальная политика России в XX – начале XXI века. Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М., 2018. С. 6.

[3] «Россия веками развивалась как многонациональное государство… государство не допустит на своей территории… появления… замкнутых этнических анклавов со своей неформальной юриспруденцией, живущих вне единого правового и культурного поля страны // Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 г. // Российская газета. 2012. 13 декабря.

межнациональный мир и согласие», «этнокультурное многообразие народов России», «национально-культурное развитие»[1].

Основной акцент в Стратегии сделан на межнациональных отношениях, а этнокультурное многообразие во многих случаях остаётся просто фоном[2].

Также в Стратегии нет раздела и не ведётся речь об этнической структуре России, о существовании разных групп народов, о состоянии и проблемах этнокультурного развития. В документе говорится лишь о создании государственной и муниципальной систем мониторинга состояния межнациональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций.

Стратегия не говорит ничего о том, что в разных регионах (субъектах) РФ национальная политика реализуется в конкретных условиях местных межэтнических сообществ. Этнические группы интегрированы в РФ опосредованно через региональные сообщества с разными актуальными проблемами[3].

Ситуация в сфере национальной политики России существенно изменилась за последние шесть лет[4]. Многие разделы Стратегии требовали изменений в соответствии с государственной программой реализации ГНП РФ, утверждённой Правительством РФ в 2016 г.[5] В конце 2017г. экспертное сообщество было единодушно в том, что сложились все предпосылки к корректировке целого ряда позиций Стратегии. Федеральным агентством по делам национальностей совместно с Советом по межнациональным отношениям при Президенте РФ было принято решение приступить к редактированию Стратегии и актуализации её отдельных положений[6]. Новая редакция Стратегии была утверждена Указом Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703[7]. Обновлённая Стратегия является документом стратегического планирования в сфере национальной безопасности. В Стратегии подчёркивается, что за последние годы достигнуты существенные результаты в обеспечении межнационального мира и согласия в Российской Федерации, воссоединение Крыма с Россией в 2014 г., является значимым событием для развития межнациональных отношений и укрепления общероссийской гражданской идентичности[8].

---

[1] Алфимцев В.В. Стратегия государственной национальной политики РФ до 2025 года: правовой анализ… С. 15.

[2] Попков Ю.В. Региональные особенности этнонациональной политики… С. 12.

[3] Попков Ю.В. Региональные особенности этнонациональной политики… С. 14.

[4] «Напомню, этот базовый документ принят шесть лет назад. И, конечно же, нуждается в развитии, корректировке… изменения не должны носить формальный характер. Они должны быть нацелены на повышение эффективности работы государственных органов власти, местного самоуправления, структур гражданского общества в сфере национальной политики… это крайне чувствительная, деликатная область, которая не прощает ошибок, непрофессионализма, бюрократического отношения к делу. Речь идёт об исторических, гуманитарных, цивилизационных основах нашей государственности, о национальной безопасности и единстве Российской Федерации» // Заседание Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ в Ханты-Мансийском АО-Югра? 26 октября 2018 г. Стенографический отчёт. Выступление Президента РФ В.В. Путина. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/58922.

[5] Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2016 № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Реализация государственной национальной политики”». URL: http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm.

[6] Федеральным агентством по делам национальностей 13 марта 2018 г. был представлен проект Указа Президента РФ «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года». URL: http://www.garant.ru/product./ipo/prime/doc/56646789/Проект Указа Президента РФ...

[7] Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. №703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

[8] Согласно данным социологических исследований, доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, в 2017 г. составила 78,4 %. В 2017 г. зафиксирован самый высокий уровень общероссийской гражданской идентичности – 84 %. Заседание Совета по межнациональным отношениям… Выступление руководителя Федерального агентства по делам национальностей И.В. Баринова. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/58922. Данные показатели социологических исследований включены в текст новой редакции Стратегии государственной национальной политики РФ.

Стратегия дополнена понятийным аппаратом, разработанным Национальным советом РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений. В документе дано определение основным понятиям, используемым для целей Стратегии: «многонациональный народ РФ (российская нация)», «общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)», «межнациональные (межэтнические) отношения», «народы, национальности, этнические общности в РФ» и др.

При сохранении двуединой задачи – укрепление единства многонационального народа Российской Федерации и поддержка этнокультурного многообразия – акцентируется внимание на российской цивилизационной идентичности, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все народы, населяющие Россию.

В новой редакции Стратегии уточняются и дополняются с учётом международной обстановки, внутриполитических процессов, вызовы и угрозы в сфере ГНП РФ: международный терроризм и экстремизм, возникновение очагов напряжённости в результате переноса на территорию РФ идеологии зарубежных региональных конфликтов, незаконная миграция, несовершенство действующей системы социально-культурной адаптации иностранных граждан, формирование замкнутых этнических анклавов, отток русского и русскоязычного населения из регионов Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, неопределённые последствия межэтнических или этнотерриториальных конфликтов и противоречий в отдельных субъектах РФ[1].

Обновлённая Стратегии подчёркивает роль институтов гражданского общества в реализации ГНП РФ, необходимость обеспечения условий для развития языков народов России и поддержки русского языка как инструмента надэтнической консолидации общества[2].

Анализ основных положений Концепции и Стратегии показывает, что политика государства в области национальных отношений за последние 20 лет стала более выверенной, системной, ориентированной прежде всего на обеспечение безопасности и территориальной целостности страны, снижение рисков обострения межнациональных противоречий и связанных с ними проявлений национализма, экстремизма, терроризма, через использование многовекового опыта российской государственности, направленной на формирование общероссийской гражданской идентичности с учётом полиэтничности и культурного многообразия.

Список литературы

1. Болотина И.И., Исаева А.Ю. Анализ Стратегии государственной национальной политики до 2025 года // Известия Тульского государственного университета. – 2016. – № 1. – С. 31-39.

2. Гаврилова И.Н. Национальная политика в России: проблемы и перспективы // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 5. – С. 207-214.

3. Гильмуллина Д.А. Нормативно-правовые основы государственной национальной политики Российской Федерации // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2013. – № 4 (42). – С. 255-258.

4. Зорин В.Ю. Государственная национальная политика в России и современность // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – № 225. – Институт этнологии и антропологии РАН. – М.: ИЭА РАН, 2011. – 33 с.

5. Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Межнациональные отношения в современной России: инновации политики и управления // Культурное наследие России. – 2016. – № 3. – С. 8-12.

6. Зорин В.Ю. Государственная национальная политика в России: историко-политологический анализ: дис. … д-ра полит. наук. – М., 2003. – 471 с.

[1] Проект государственной национальной политики РФ разработан. Каков вектор? URL: https://topwar.ru/148795-v-rf-podgotovlen-obnovlennyj-proekt-gosnacpolitiki.html.

[2] По мнению бывшего министра РФ по делам национальностей и федеративным отношениям В.А. Михайлова, комментировать новую редакцию Стратегии ещё рано, поскольку её не оценило Государственно-правовое управление Администрации Президента РФ // Коммерсантъ. 24 октября 2018 г.

7. Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: традиционность и новые подходы к укреплению единства многонационального народа России (российской нации) // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2013. – № 2 (21). – 36-51.

8. Ильин В.И. Механизмы реализации государственной национальной политики Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. – 2012. – № 2. – 105-116.

9. Михайлова Н.В. Концептуальная эволюция национальной и федеративной политики в России. Автореферат дис. … докт. полит. наук. – М., 2012. – 48 с.

10. Тишков В.А. 20 лет российской этнополитики // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 г. Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – М.: ИЭА РАН. – 2010. – С. 7-15.

List of references

1. Bolotina I.I., Isaev A.Yu. *Analiz Strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki do 2025 goda // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta.* – [Analysis of the Strategy of state national policy until 2025 // Bulletin of Tula State University]. – 2016. – № 1. – P. 31-39.

2. Gavrilova I.N. *Natsional'naya politika v Rossii: problemy i perspektivy // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya.* – [National policy in Russia: problems and prospects // Theory and practice of social development]. – 2013. – № 5. – P. 207-214.

3. Gilmullina D.A. *Normativno-pravovyye osnovy gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii // Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta.* – [The legal framework of the state national policy of the Russian Federation // Bulletin of the Orenburg State Agrarian University]. – 2013. – № 4 (42). – P. 255-258.

4. Zorin V.Yu. *Gosudarstvennaya natsional'naya politika v Rossii i sovremennost' // Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii. – № 225. – Institut etnologii i antropologii RAN.* – [State national policy in Russia and the present // Research on applied and urgent ethnology. – № 225. – Institute of Ethnology and Anthropology RAS]. – M.: IEA RAS, 2011. – 33 p.

5. Zorin V.Yu., Astvatsaturova M.A. *Mezhnatsional'nyye otnosheniya v sovremennoy Rossii: innovatsii politiki i upravleniya // Kul'turnoye naslediye Rossii* -[Interethnic relations in modern Russia: innovations in politics and management // Cultural Heritage of Russia]. – 2016. – № 3. – Pp. 8-12.

6. Zorin V.Yu. *Gosudarstvennaya natsional'naya politika v Rossii: istoriko-politologicheskiy analiz: dis. … d-ra polit. nauk.* – [State national policy in Russia: historical and political analysis: dis. ... Dr. Polit. Sciences]. – M., 2003. – 471 c.

7. Zorin V.Yu. *Strategiya gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii: traditsionnost' i novyye podkhody k ukrepleniyu yedinstva mnogonatsional'nogo naroda Rossii (rossiyskoy natsii) // Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy.* [The strategy of the state national policy of the Russian Federation: tradition and new approaches to strengthening the unity of the multinational people of Russia (the Russian nation) // Issues of national and federal relations]. – 2013. – № 2 (21). – 36-51.

8. Ilyin V.I. *Mekhanizmy realizatsii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii // Crednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Mechanisms for the implementation of the state national policy of the Russian Federation // Central Russian Bulletin of Social Sciences]. – 2012. – № 2. – pp.105-116.

9. Mikhailova N.V. *Kontseptual'naya evolyutsiya natsional'noy i federativnoy politiki v Rossii.* [Conceptual evolution of national and federal policies in Russia. Abstract dis. ... doctor. watered sciences]. – M., 2012. – 48 p.

10. Tishkov V.A. *20 let rossiyskoy etnopolitiki // Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2009 g. Yezhegodnyy doklad seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [20 years of Russian ethnopolitics // Ethnopolitical situation in Russia and neighboring countries in 2009. Annual report of the ethnological monitoring and early conflict prevention network]. – M.: IEA RAS, 2010. – Pp. 7-15.

УДК 340.1

Марина Александровна Байдарова,
соискатель, Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: fetisowa.marina2010@yandex.ru

Marina Aleksandrovna Baydarova,
applicant, Saratov state law Academy

ИСКЛЮЧЕНИЯ В ПРАВЕ И НОРМАТИВНЫЙ ДОГОВОР: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ

В статье проводится исследование фиксации исключений в нормативных договорах. Многообразие источников права, как неотъемлемый фактор образования исключений, свидетельствует о разнообразии динамично изменяющихся социальных отношений, неповторимых жизненных ситуаций. Автором делается вывод о том, что исключение должно быть обязательно имплементировано в норму права. Нормативный договор предоставляет возможность не только материализации исключений, но и их легитимизации. В результате проведенного исследования доказано, что исключения есть правовой феномен, существующий в нормативном договоре.

Ключевые слова: разнообразие жизни, исключение, ресурс права, имплементация, правило, нормативный договор, особенное правило, объективизация.

EXCEPTIONS TO THE LAW AND THE NORMATIVE CONTRACT: INTERDISCIPLINARY ASPECTSOFTHERELATIONSHIP

The article investigates the fixation of exceptions in normative contracts. The diversity of sources of law, as an integral factor in the formation of exceptions, testifies to the diversity of dynamically changing social relations, unique life situations. The author concludes that the exception must necessarily be implemented in the rule of law. The normative Treaty provides an opportunity not only to materialize exceptions, but also to legitimize them. As a result of the conducted research it is proved that exceptions are the legal phenomenon existing in the standard contract.

Key words: diversity of life, exclusion, resource of law, implementation, rule, normative contract, special rule, objectification.

Динамическое развитие науки, техники, медицины, и других сфер жизнедеятельности во многом предопределяет необходимость законодательного закрепления не только правил, но и исключений из них, позволяющих максимально комфортно и эффективно разрешать разнообразные казусы.

Удивительное разнообразие жизни, обусловленное многообразием ситуаций, отношений, процессов и состояний, еще более определяет необходимость социального контроля, регулирования со стороны общества и государства нормами права.

Исключения, как альтернативный правилу вариант регуляции, характерны для всех сфер жизнедеятельности, в особенности при регулировании отношений между людьми.

Право гарантирует некоторую упорядоченность общественных отношений, посредством правовых норм. Однако, в условиях динамичного развития общества, права и государства в целом, представляется невозможным обеспечить равновесие прав и свобод, надлежащее исполнение обязанностей, гарантировать требуемый уровень защиты субъектов права посредством только фиксации в нормативно-правовых актах общих стандартов человеческого общежития. Необходимым инструментом регуляции общественных отношений необходимо признавать исключения как уникальный ресурс (потенциал) права, позволяющий «… адекватно отвечать многообразию окружающей действительности…»[1].

Уникальным реализационным механизмом является правотворческий приём имплементации исключений в норму права.

[1] Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ: монография. М., 2016. С. 6.

Исключения в праве теснейшим образом связаны с нормативным договором. Понятие «нормативный договор» не является новым для юридической науки. Нормативно-правовой договор есть весьма значимая разновидность договорных актов, которые существуют в рамках как международного, так и национального права[1].

Нормативный договор представляет собой *соглашение* субъектов права, которое регламентирует между ними отношения, посредством закрепления взаимных прав и обязанностей, рассчитанных на длительное действие и применение. Нормативный договор также может определяться как *договорный акт*, закрепляющий правовые нормы, которые являются обязательными для неопределенного круга лиц и предназначенные на неоднократное применение[2].

Солидаризуясь с М.Н. Марченко, необходимо отметить, что нормативно-правовой договор является не просто актом правотворчества (имеется в виду как любой НПА), а актом, который порождается особым видом – договорного правотворчества (согласительным правотворчеством)[3].

Исключения в праве находят своё выражение в нормативных договорах, позволяя учитывать определенные нюансы, некоторые особенности положения того или иного субъекта права, фактические обстоятельства и ситуации, возникающие в исключительных, не стандартизированных случаях.

Наглядным примером корреляции исключений с нормативным правовым актом выступают положения ст. 12 Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Болгарии о взаимных поездках граждан (София, 5 марта 2002 г.) в которой определяется, что каждая из сторон данного соглашения *имеет право* (дозволение) полностью или в какой-либо части *приостановить* действие указанного соглашения *в исключительных случаях*, а именно*:* на время стихийных бедствий, эпидемий, по соображениям национальной безопасности и общественного порядка[4].

Такое исключение, закрепленное в договоре, дает возможность сторонам договора в случае наступления каких-либо исключительных обстоятельств, приостановить действие указанного нормативного договора.

Другим примером являются положение абз. 5 ч. 3.1.13. Федерального отраслевого соглашения по угольной промышленности на 2019 – 2021 годы, являющегося по нашему мнению типичным примером договора с нормативным содержанием, предусматривать, что «за неиспользованные дополнительные отпуска, которые определены действующим законодательством и иными нормативными правовыми актами, *в исключительных случаях, в порядке, определенном коллективным договором*, производится выплата денежной компенсации (курсив наш – М.Б.)[5]. Тем самым, из общего правила посредством исключений, выводится особенное правило, позволяющее увеличить диапазон прав человека в условиях неиспользованного дополнительного отпуска.

Приведенные пример свидетельствует о том, что исключительно в порядке, который определен коллективным договором допускается выплата денежной компенсации за неиспользованные дополнительные отпуска.

---

[1] Коренев А.П., Абдурахманова А.А. Административные договоры: понятие и виды // Журнал российского права. 1998. № 7. С. 86-88.

[2] См. об этом подробнее: Ширабон О.В. Нормативно-правовой договор как источник современного российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2007. 18 с.; Филипцова Н.А. Коллективный договор как вид нормативных правовых договоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Рос. гос. ун-т правосудия, 2016. 33 с.

[3] Марченко М.Н. Источники права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция». М., 2005. С. 288.

[4] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Болгарии о взаимных поездках граждан (София, 5 марта 2002 г.) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 4.

[5] Федеральное отраслевое соглашение по угольной промышленности на 2019 – 2021 годы (подписано 18 января 2019 г.) // Газета «Солидарность» от 27 марта – 3 апреля 2019 г. № 13.

Исключения присутствуют в каждом социальном регуляторе. Юридические исключение должны обязательно быть внедрены законодателем в правовую оболочку, придавая праву качество эффективного и гибкого регулятора общественных отношений. Если легитимизация исключения достигается посредством обязательной фиксации в правовой норме, то нормативный договор предоставляет возможность материализации исключений.

Исключение представляет собой «потенциал», который является добавочным законодательным механизмом реализации нестандартных ситуаций, предполагающий альтернативный правилу вариант возможного поведения или изъятие из него.

Тем самым, исключение не только внедряется в правило, но и является его неотъемлемым составляющим – частью, что позволяет более гибко и легитимно регламентировать правовую ситуацию.

Список литературы

1. Коренев А.П., Абдурахманова А.А. Административные договоры: понятие и виды // Журнал российского права. – 1998. – № 7. – С. 83-91.

2. Марченко М.Н. Источники права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция». – М.: Проспект, 2005. – 759 с.

3. Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 482 с.

4. Филипцова Н.А. Коллективный договор как вид нормативных правовых договоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва: Рос. гос. ун-т правосудия, 2016. – 33 с.

5. Ширабон О.В. Нормативно-правовой договор как источник современного российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2007. – 18 с.

List of references

1. Korenev A.P., Abdurakhmanova A.A. *Administrativnyye dogovory: ponyatiye i vidy // Zhurnal rossiyskogo prava*. – [Administrative contracts: concept and types // Journal of Russian Law]. – 1998. – № 7. – Pp. 83-91.

2. Marchenko M.N. *Istochniki prava: ucheb. posobiye dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti 021100 «Yurisprudentsiya»* [Sources of law: textbook. manual for university students enrolled in the specialty 021100 «Law»]. – M.: Prospect, 2005. – 759 p.

3. Sumenkov S.Yu. *Isklyucheniya v prave: teoretiko-instrumental'nyy analiz: monografiya. – M.: Yurlitinform* [Exceptions to law: instrumental analysis: monograph]. – M.: Yurlitinform, 2016. – 482 p.

4. Filiptsova N.A. *Kollektivnyy dogovor kak vid normativnykh pravovykh dogovorov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva: Ros. gos. un-t pravosudiya,* [Collective agreement as a type of regulatory legal agreements: author. dis. ... cand. legal sciences]. – Moscow: Moscow State University of Justice, 2016. – 33 p.

5. Shirabon O.V. *Normativno-pravovoy dogovor kak istochnik sovremennogo rossiyskogo prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk.* – [Regulatory contract as a source of modern Russian law: abstract. dis. ... cand. legal sciences]. – Moscow: Moscow State University. n. a. M.V. Lomonosov, 2007. – 18 p.

УДК 340.115

Анатолий Юрьевич Барсуков,
доцент кафедры теории государства и права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: barsukovau@mail.ru

Anatoly Yurievich Barsukov,
associate Professor of theory of state and law of the Saratov State Academy of law,
candidate of legal Sciences, associate Professor,

ЦИКЛИЧНОСТЬ КАК ФОРМА ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ

Рассматриваются вопросы цикличности в качестве одной из закономерностей правового развития общества. Цикл правового развития общества определяется как процесс, движение права и правовой системы общества от одной стабильности (качественного состояния) к другой через ряд промежуточных стадий, включая и кризисные состояния. В качестве краеугольного момента в понимании модели цикла правового развития рассматривается его структура, которая представляет собой некую организацию его содержания в виде основных повторяющихся фаз (или стадий). Обосновывается положение о том, что кризисная фаза в цикле развития наряду с негативными последствиями вызывает и позитивные трансформации в правовой действительности, необходимые для дальнейшего прогрессивного развития правовой системы или ее отдельного явления (процесса). Ставится проблема взаимосвязи различных циклов в развитии правовой системы общества. Поддерживается идея о выделении в качестве самостоятельного направления государственно-правовых исследований правовой кризисологии. Делается вывод о том, что одним из перспективных методологических подходов в изучении кризисологии может выступить модель циклической динамики правового развития.

Ключевые слова: методология юридической науки, циклы правового развития общества, динамика права, кризис и цикличность трансформации правовой системы.

CYCLICITY AS A FORM OF LEGAL DEVELOPMENT OF SOCIETY: INTERDISCIPLINARY APPROACH IN RESEARCH

The questions of cyclicity as one of the regularities of the legal development of society are considered. The cycle of legal development of society is defined as a process, the movement of law and the legal system of society from one stability (qualitative state) to another through a number of intermediate stages, including crisis conditions. As a cornerstone in the understanding of the model of the cycle of legal development is considered its structure, which is a kind of organization of its content in the form of major recurring phases (or stages). The article substantiates the position that the crisis phase in the development cycle, along with negative consequences, causes positive transformations in the legal reality necessary for the further progressive development of the legal system or its separate phenomenon (process). The problem of interrelation of various cycles in development of legal system of society is posed. The idea of separation as an independent direction of state-legal research of legal crisis is supported. It is concluded that one of the promising methodological approaches in the study of crisis can be a model of cyclic dynamics of legal development.

Keywords: methodology of legal science, cycles of legal development of society, dynamics of law, crisis and cyclical transformation of the legal system

В условиях безудержного роста цифровых технологий, новых высокотехнологичных инструментов социально-правовой коммуникации динамика трансформации права и правовой системы российского общества также существенным образом ускоряет свой темп. Динамичность правовых преобразований, безусловно, предопределяется потребностями экономического, политического и социально-культурного развития России. Однако наряду с позитивными моментами столь ускоренная трансформация правовой жизни вызывает и негативные явления, как для самого права, так и для регулируемых им важнейших сфер общественных отношений. Одновременно наблюдается чередование, смена прямо противоположных

тенденций правового развития общества. Специализация правового регулирования попеременно сменяется унификацией, смягчение правового наказания – его ужесточением, правовое стимулирование деловой активности – ее ограничением, расширение круга субъективных прав отдельных категорий граждан – их последующим сужением и т. д. Все это позволяет говорить о присутствии в развитии и функционировании права определенных повторяющихся циклов, ритмов и различного рода темпов трансформации государственно-правовых явлений.

Циклическая динамика юридических преобразований представляется вполне очевидной, ее трудно не заметить. Она в той или иной форме пронизывает собой всю российскую правовую жизнь, будучи детерминированной в глобальном масштабе процессами общемирового развития. Так, по авторитетному мнению В.Д. Зорькина, подобные циклы не следует отрицать ввиду их объективного наличия: «Есть мировые процессы, имеющие определенную динамику. Можно говорить, что они цикличны, и описывать конкретные циклы. Кто-то считает, что все развивается только по закону циклов. А кто-то верит в великую новизну, приносимую историей. Лично я склоняюсь к второй версии с ее верой в провозвестие и истину. Но каковы бы ни были процессы, они предполагают ритм, в котором спокойствие сменяется беспокойством, стабильность – потрясениями»[1].

Особую опасность в череде сменяемых противоположных тенденций развития права имеют пороговые кризисные ситуации, чреватые существенными потрясениями в социально-правовой жизни. Современное российское общество характеризуется ростом потенциальных вызовов и угроз, способных в перспективе продуцировать целый ряд кризисных явлений в правовой системе, что, конечно же, требует учета в современной юридической доктрине. В этой связи весьма актуально звучит фраза Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина о необходимости изменения методологических подходов в современных государственно-правовых изысканиях: «В период кризиса стали очевидны издержки и практические последствия доктрин, трактующих право как “чистую” форму в отрыве от ее содержания и не учитывающих взаимосвязь юриспруденции и экономики как прикладных наук. Это ведет, по существу, к игнорированию системного подхода как методологической основы профессионализма»[2].

Вышеизложенные аргументы и обстоятельства склоняют нас к более пристальному рассмотрению теоретической модели циклов правового развития в изучении кризисных правовых явлений.

В самом общем виде цикл правового развития представляет собой движение права и правовой системы общества от одной стабильности (качественного состояния) к другой через ряд промежуточных стадий, включая и кризисные состояния, отличающиеся неустойчивостью, нестабильностью или даже ее утратой в социально-правовой жизни. Отличаясь от естественных, природных циклов, циклы трансформации права подвергаются сознательному управлению[3].

Важнейшим моментом понимания модели цикла правового развития выступает его структура, которая представляет собой некую организацию его содержания в виде основных повторяющихся фаз (или стадий).

Имеющиеся в юридической литературе работы в области циклического характера развития правовых явлений, на наш взгляд, привлекают внимание читателей к весьма важной проблеме в динамике правового развития – наличия фазы критического состояния правового явления или процесса. Вопросы познания кризисных явлений в правовой действительности органично вплетаются в общую картину циклической динамики правовой материи, что дела-

[1] Зорькин В.Д. Глобальный кризис, право и права человека // Россия в глобальной политике. 2009. Том 7. № 1. Январь-февраль. С. 58.

[2] Там же. С. 58.

[3] См. подробнее об этом: Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005.

ет юридические исследования более полными и реалистичными. Динамика правовых трансформаций практически невозможна без достижения и прохождения в своем развитии явлением определенной критической фазы. Не учет данной общей закономерности формирует в теории права неточную модель развития и функционирования как правовой системы общества в целом, так и отдельных составляющих ее подсистем и элементов. Ввиду этого взгляд на правопорядок, правовую систему, законодательство как на социальные явления, имеющие исключительно позитивную ценность для общества, представляется неточным.

Право и правовая система в определенных временных отрезках своего развития могут испытывать кризисные состояния, а также порождать, распространять кризисные тенденции и на другие сферы общественной жизни. В свою очередь, кризисы в экономике и политике могут приводить правовую систему и законодательство в состояние, фазу системного дисбаланса. Однако кризисная фаза в цикле развития, что особенно важно, несет в себе существенный и порой необходимый заряд для дальнейшего прогрессивного развития правовой системы или ее отдельного явления (процесса).

Подобная позиция ориентирует на учет также позитивных и негативных моментов в циклической динамике преступности. К примеру, пиковая фаза роста экономической преступности зачастую служит фактором, стимулирующим позитивные, прогрессивные изменения в гражданском и уголовном законодательстве. Напротив, в ходе фазы максимально низкого уровня преступности, как правило, охранительное законодательство находится в стадии «стагнации», определенного «устаревания» его норм. Таким образом, в теории права возможна постановка проблемы взаимосвязи различных циклов в развитии правовой системы. Циклы же динамики преступности не должны выводиться за рамки правового развития, ибо они составляют неотъемлемый момент последнего. Преступность выступает своеобразным «негативным» детерминантом дальнейшего развития законодательства, правоприменительной практики.

В данном случае небезынтересны выводы И.М. Мацкевича о циклической детерминации экономической преступности: «На причины экономической преступности серьезное влияние оказывают естественные факторы, среди которых необходимо назвать цикличные колебания ее конъюнктуры. Под циклическими процессами понимаются явления, протекающие во времени и пространстве, основным свойством которых является завершенность, возвращение к первоначальному состоянию, т. е. совершается объективный социально-общественный круговорот явлений и процессов в течение какого-то времени и возврат к исходной точке начала движения»[1]. Продолжая свою мысль, автор определяет природу цикличности, образно сравнивая ее течение с «шаром с бесконечными кругами внутри», одновременно объявляя неточным спиралевидное представление характера изменений. Однако, на наш взгляд, в таком случае требуется все же определенного рода оговорка, уточнение. Действительно, ряд циклов в обществе, характеризуются регрессивным или нейтральным типом изменений, что соответствует модели «шар с бесконечными кругами». Согласимся, что в подобного рода циклах «кризис может быть настолько глубоким, что порождает не подъем, а следующий кризис». Следует внести лишь уточнение о том, что нарастающий регресс (кризис) от цикла к циклу может также быть представлен в виде спирали только с «нисходящим» конусом. Модель «шара с кругами внутри», как представляется, наиболее точно отражает тип циклов с нейтральными в отношении качества изменениями в социальной системе.

Для общей теории права полагаем значимым изучение и раскрытие основополагающих закономерностей связи экономических, политических и правовых циклов. Кроме того, устанавливая цепочку взаимосвязи отмеченных циклов, необходимо в нее теоретически встраивать и циклы динамики кризисных правовых явлений, включая циклическую динамику пре-

[1] Мацкевич И.М. Причины экономической преступности: учебное пособие. М., 2017. С. 67.

ступности, ибо ее влияние на фазы и циклы правового развития представляется достаточно существенным, имеющим как негативные, так и позитивные формы своего проявления.

Наиболее широкий подход к пониманию кризиса права и правового регулирования в целом представлен в работе Н.А. Власенко, который вполне обоснованно отмечает особую важность изучения рассматриваемой проблематики в современных условиях неустойчивого развития российского общества: «Кризисные явления, охватывающие мировую систему и, несомненно, проявляющиеся в России, присутствуют и в праве, и в правовом регулировании в целом. К сожалению, проблема кризиса правовых механизмов пока не стала специальным предметом исследования юридической науки»[1]. При этом автор определяет кризисные явления в виде неких негативных тенденций в развитии права и правовой системы России, которые накапливаясь, потенциально могут вызывать снижение или полное уничтожение важнейшего качества права в виде его регулятивного свойства. Продолжая свою мысль, Н.А. Власенко предлагает градировать кризисные явления правового характера с учетом их природы на органические (системные) и собственные (внутренние). Системные кризисные тенденции формируются в праве, по мнению автора, благодаря наличию тесной связи правовой системы с иными важнейшими сферами общественной жизни. Другими словами, кризисы в экономике, политике, культуре зачастую с необходимостью порождают соответствующие им кризисные явления в правовой надстройке. Однако кризис в праве может быть детерминирован и собственными, внутренними факторами развития правовой системы[2]. Например, к числу подобных условий можно отнести: низкий уровень юридической техники у законодателя и правоприменителя, разбалансированность базовых отраслей системы законодательства, избыточную нормативность правового регулирования; диспропорции материального и процессуального законодательства и т. д.

В отечественной юридической литературе высказано предложение о необходимости формирования в науке и на практике особого правового механизма, предназначенного для введения в действие в обществе в случае возникновения кризисных ситуаций[3]. В отношении перспектив отмеченной новации в системе правового регулирования можно усомниться вслед за Н.А. Власенко, который аргументировано указывает на целый ряд трудностей встраивания подобного «антикризисного правового механизма» в систему действующего российского права. Одновременно Н.А. Власенко делает весьма точное замечание следующего характера: «На право нередко возлагают функции “антикризисного борца”, не учитывая того, что оно само нуждается в “лечении” и также требует антикризисных мер»[4].

Ввиду отмеченных моментов нам представляется более интересным и в научно-практическом плане весьма перспективным постановка вопроса о выделении в качестве относительно самостоятельного направления государственно-правовых исследований так называемой «правовой кризисологии». Следует поддержать позицию Н.А. Власенко о наличии особого поля для изысканий в правовой действительности, сопряженного с кризисными моментами в развитии и функционировании правовой системы общества, которые необходимо проводить с использованием комплексного подхода[5].

На наш взгляд, одним из перспективных методологических подходов к изучению кризисологии может как раз выступить модель циклической динамики правового развития, в рамках которой особое место отводится фазе кризиса с ее негативными и позитивными моментами для эволюции правовой системы общества.

---

[1] Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 43.

[2] См.: Там же.

[3] См. подробнее: Шишкин С.Н. Предпринимательско-правовые (хозяйственно-правовые) основы государственного регулирования экономики. М., 2011.

[4] Власенко Н.А. Указ. соч. С. 44.

[5] См.: Там же. С. 53.

Список литературы

1. Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 43-54.

2. Зорькин В.Д. Глобальный кризис, право и права человека // Россия в глобальной политике. – 2009. – Том 7. – № 1. – Январь-февраль. – С. 58-62.

3. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. –М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – 547 с.

4. Мацкевич И.М. Причины экономической преступности: учебное пособие. – М.: Проспект, 2017. – С. 272 с.

5. Шишкин С.Н. Предпринимательско-правовые (хозяйственно-правовые) основы государственного регулирования экономики. – М: Инфотропик Медиа, 2011. – 328 с.

List of references

1. Vlasenko N.A. *Krizis prava: problemy i podkhody k resheniyu // Zhurnal rossiyskogo prava.* [The crisis of law: problems and approaches to solving // Journal of Russian Law]. – 2013. – № 8. – Pp. 43-54.

2. Zorkin V.D. *Global'nyy krizis, pravo i prava cheloveka // Rossiya v global'noy politike* [The global crisis, law and human rights // Russia in global politics]. – 2009. – Volume 7. – № 1. – January-February. – Pp. 58-62.

3. Medushevsky A.N. *Teoriya konstitutsionnykh tsiklov*. – M.: Izd. dom GU VSHE – [Theory of constitutional cycles. – M.: Ed. house of the Higher School of Economics], 2005. – 547 p.

4. Matskevich I.M. *Prichiny ekonomicheskoy prestupnosti: uchebnoye posobiye* [Reasons for Economic Crime: A Study Guide]. – M.: Prospect, 2017. – 272 p.

5. Shishkin S.N. *Predprinimatel'sko-pravovyye (khozyaystvenno-pravovyye) osnovy gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki* [Entrepreneurial and legal (economic and legal) fundamentals of state regulation of the economy]. – M: Infotropic Media, 2011. – 328 p.

УДК 340

Анна Геннадьевна Бордакова,
соискатель кафедры «Государственно-правовые дисциплины»
Пензенского государственного университета
E-mail: petr.lang@mail.ru

Anna Gennad'evna Bordakova,
applicant of the Department of «State and legal disciplines»
of Penza state University

СПЕЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ

В статье представлен междисциплинарный подход к исследованию специальных норм. Отмечается, что происходящие изменения социальных связей затрагивают различные области и сферы общественных отношений, регулируемых одновременно политическими, правовыми, экономическими и иными нормами. Установлено, что специальные установления раскрывают, наполняют конкретное содержание, определяют пределы действий субъектов. В статье констатируется, что в отличие от общих норм специальные нормы, имея единый с общими предписаниями предмет регулирования, регламентируют более узкий круг общественных отношений; в своем большинстве являются императивными положениями; характеризуются избирательным подходом к регламентации общественного отношения в зависимости от специфики сферы жизни общества, круга лиц и определенной территории действия. Автор проводит классификацию специальных норм по содержанию предписаний и кругу лиц, на которых распространяют свое воздействие специальные установления.

Ключевые слова: специальная норма, общая норма, общественные отношения, нормативный акт, классификация.

SPECIAL NORMS: AN INTERDISCIPLINARY APPROACH TO RESEARCH

The article presents an interdisciplinary approach to the study of special norms. It is noted that the ongoing changes in social relations affect various areas and spheres of social relations, regulated simultaneously by political, legal, economic and other norms. It is established that special regulations reveal, fill the specific content, determine the limits of the actions of subjects. The article States that in contrast to General rules special rules having a single General provisions subject of regulation, reglamentary a narrower range of social relations; the majority are peremptory provisions; characterized by a selective approach to regulation of social relations depending on the nature of society, people or a certain area of action. The author classifies the special rules according to the content of the regulations and the circle of persons to whom the special regulations extend their influence.

Keywords: special rule, general rule, public relations, regulation, classification.

Характерной чертой современного этапа развития социума является постепенная модернизация и совершенствование общественных отношений. Происходящие изменения социальных связей затрагивают различные области и сферы общественных отношений, регулируемых одновременно политическими, правовыми, экономическими и иными нормами. При этом нормы могут носить как общий, так и специальный характер.

Общие нормы закрепляют и придают универсальный характер для всех или значительного большинства общественных отношений. Как правило, к таковым относятся положения, в которых закрепляются дефиниции, цели, принципы, функции регулирования и пр.

Выделение специальных норм обусловливается, прежде всего, спецификой общественных отношений, возникающих в определенной сфере жизнедеятельности социума[1]. Своеобразие экономических, политических, духовных, социальных и иных связей требует особого упорядочивания, конкретизации неких особенностей в специальных правилах поведения.

[1] Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1987. С. 8-23.

При всех достоинствах общих норм, позволяющих урегулировать в целом ряд существенных социально-значимых сторон общественной жизни, специальные установления были и остаются неизбежными и необходимыми для любого общества. Общие нормы отличаются излишней абстрактностью и декларативностью. И здесь на помощь приходят специальные положения.

Говоря о соотношении общих и специальных норм в различных областях научного знания необходимо отметить, что специальные нормы в силу своего многообразия действуют в тесной взаимосвязи с общими предписаниями. Последние регламентируют общественные отношения в целом, без конкретизации тонкостей отдельных аспектов социальных связей. Раскрывают, наполняют конкретное содержание, определяют пределы действий субъектов специальные установления.

В юридической науке достаточно распространена позиция, согласно которой специальные установления регулируют общественные отношения определенного вида или подвида[1]. Напротив, общая норма права направлена на регламентацию родовых социальных связей. Так, наибольшее количество специальных норм уголовного права выделилось из раздела должностных преступлений. Наряду с такими общими составами должностных преступлений, как злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, выделяются специальные разновидности этих деяний, например, нецелевое расходование бюджетных средств, нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов и др.[2] Таким образом, специальные нормы, имея единый с общими предписаниями предмет регулирования, регламентируют более узкий круг общественных отношений.

Аналогичным образом специальные установления регулируют политические, экономические и иные общественные связи. Так, институт государственной службы формируется и функционирует посредством политико-правовых норм общего и специального характера. Законодательными актами, к числу которых относится Конституция РФ, Федеральные законы «О системе государственной службы Российской Федерации»[3] и «О государственной гражданской службе Российской Федерации»[4], разграничиваются государственные (политические) должности и должности, замещаемые на государственной службе. При этом специальными установлениями регламентируется особый порядок наделения полномочиями отдельных должностных лиц, замещающих государственные (политические) должности и прекращения их полномочий, например, депутатов, судей и т. д.

В экономической сфере жизни достаточно много специальных установлений связано с регулированием налоговых отношений, которые одновременно регламентируются и правовыми актами. Наглядным примером выступают нормы глав 26.1–26.5 Налогового кодекса РФ, устанавливающие специальные налоговые режимы; предписания, предусматривающие применение специальных инвестиционных контрактов (ст. ст. 5, 25.9, 259.3, 284.3 НК РФ), существование оффшорных зон (ст. 284 НК РФ)[5].

В отличие от общих норм специальные нормы в своем большинстве являются императивными положениями. Они определяют для субъектов определенные обязанности соверше-

[1] Васильев В.В. Общие и специальные гражданско-правовые нормы в отраслевой системе права // Бизнес в законе. 2012. № 1. С. 62-65; Сальникова М.А. Общие и специальные нормы как объекты содержательных коллизий норм права // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 10 (52). С. 130-131.

[2] Статьи 285.1–285.4 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

[4] Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

[5] Налоговый кодекс РФ от 31.07.1998 № 146-ФЗ (часть 1) (ред. от 06.06.2019) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; Налоговый кодекс РФ от 05.08.2000. № 117-ФЗ (часть 2) (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

ния конкретных действий в определенных жизненных условиях. В силу своей императивности специальные нормы устанавливают определенный порядок реализации предписаний и тем самым стабилизируют общественную жизнь социума. Так, режим секретности устанавливается политико-правовыми нормами общего характера, к числу которых следует отнести Конституцию РФ, Федеральный закон «О безопасности»[1] и др. При этом отдельные аспекты этого режима находят свое отражение в ряде специальных норм, содержащихся в Законе «О государственной тайне»[2], Указе Президента РФ «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне»[3] и Постановлении Правительства Российской Федерации «Об утверждении Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне»[4], которые обязательны для исполнения не только на территории РФ, но и за ее пределами органами государственной власти, местного самоуправления, организациями независимо от формы собственности, должностными лицами и гражданами РФ, если перечисленные субъекты взяли на себя обязательства (либо являются обязанными по должностному статусу) о неразглашении определенной информации, отнесенной к сведениям, составляющим государственную тайну.

Общие нормы права имеют всеобщий характер, распространяя свое воздействие на все без исключения жизненные ситуации, всех субъектов права, находящихся на территории РФ. Напротив, специальные положения отличаются избирательным подходом к регламентации общественного отношения в зависимости от специфики сферы жизни общества, круга лиц и определенной территории действия. Так, согласно ст. 29 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»[5], Президент РФ в общем порядке решает вопросы приема и восстановления в гражданстве РФ, а также выхода из него. Вместе с тем, статьи 30 и 31 данного нормативного политико-правового документа в п. п. «б» и «е» содержат специальные нормы, которые относят к исключительному ведению МВД России и МИД России принятие решений по заявлениям о приеме в гражданство РФ от лиц, проживающих на территории РФ, лиц, временно пребывающих на территории РФ, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство РФ в упрощенном порядке, и от лиц, проживающих за пределами РФ, по заявлениям по вопросам гражданства РФ соответственно.

В юриспруденции при проведении классификации норм зачастую берутся наиболее значимые для проводимого исследования критерии, позволяющие раскрыть все необходимые качества, свойства исследуемого явления. Так, для уяснения специфики особых правовых установлений берутся такие основания, как предмет правового регулирования, юридическая природа, содержание юридических предписаний и круг лиц, на которых распространяют свое воздействие специальные юридические нормы. В политологии и экономике проведение классификации специальных норм возможно, на наш взгляд, только по последним двум критериям.

В зависимости от содержания специальные нормы делятся на нормы-дополнения и нормы-изъятия. Нормы-дополнения содержат такие специальные правила поведения, которые не противоречат общим предписаниям. Иными словами, общая и специальная нормы действуют сообща и могут применяться одновременно. При этом норма-дополнение определяет что-то конкретное, специфическое, в дополнение к основному варианту поведения.

[1] Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2011 г. № 1. Ст. 2.

[2] Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 41. Ст. 8220–8235.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 49. Ст. 4775.

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2010 г. № 63 «Об утверждении Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 7. Ст. 762.

[5] Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

В качестве примера можно назвать специальную норму-дополнение, содержащуюся в п. в.3) ст. 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»[1], в дополнение к общему положению, установленному в ст. 13.1 Федерального закона «О противодействии коррупции»[2], где среди оснований для увольнения лиц, замещающих государственные (политические) должности, называется непредставление сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений; п. в.3) ст. 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» дополняет к перечисленному еще непредставление или несвоевременное представление членом Совета Федерации, депутатом Государственной Думы сведений о своих расходах, а также о расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей.

Специальные нормы-изъятия определяют исключения из общих установлений, содержат некоторые отклонения от них. Однако в отличие от норм-дополнений нормы-изъятия заменяют действие общих норм, применяются вместо них. Например, общей политико-правовой нормой является положение, согласно которому Правительство РФ несет политическую ответственность через отставку всего кабинета министров либо отдельно взятых членов Правительства РФ. Согласно ст. 35 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации»[3] такое решение принимает в общем порядке Президент РФ. Причем он вправе отправить в отставку Правительство в любой момент без обоснования причин, вне связи с каким-то нарушением и просто обстоятельством. Ответственность же Правительства РФ перед парламентом РФ, в лице нижней палаты, имеет существенные особенности, свою специфику. Несмотря на то, что Конституция не указывает конкретных оснований для выражения Государственной Думой недоверия Правительству РФ, на практике такими основаниями могут быть резкое ухудшение положения в социально-экономической сфере, несогласие депутатов с направлениями и результатами политики, проводимой Правительством, ненадлежащее исполнение им федеральных законов, совершение членами Правительства серьезных правонарушений и т. п. После выражения нижней палатой недоверия Правительству Президент РФ вправе объявить об отставке Правительства РФ либо не согласиться с решением Государственной Думы.

По кругу субъектов можно было бы выделить специальные нормы, распространяющиеся на всех субъектов общественных отношений, и особые нормы, касающиеся определенной категории лиц в силу определенного возраста, пола, служебного положения и т. д. Так, экономические отношения между государством и налогоплательщиком основываются на правиле, согласно которому налогоплательщики могут быть двух видов: налогоплательщики, имеющие постоянное местопребывание в определенном государстве (резиденты) и налогоплательщики, не имеющие в нем постоянного местопребывания (нерезиденты).

Резюмируя сказанное, можно отметить, что междисциплинарный подход к исследованию специальных норм позволяет изучить данную разновидность предписаний с позиции различных областей научного знания в целях получения наиболее полного представления о данном феномене.

[1] Федеральный закон от 8 мая 1994 № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 28. Ст. 3466.

[2] Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрании законодательства РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.

[3] Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 51. Ст. 5712.

Список литературы

1. Васильев В.В. Общие и специальные гражданско-правовые нормы в отраслевой системе права // Бизнес в законе. – 2012. – № 1. – С. 62-65.

2. Сальникова М.А. Общие и специальные нормы как объекты содержательных коллизий норм права // Проблемы современной науки и образования. –2016. – № 10 (52). – С. 130-131.

3. Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права / под ред. М.И. Байтина. – Саратов, 1987. – 97 с.

List of references

1. Vasiliev V.V. *Obshchiye i spetsial'nyye grazhdansko-pravovyye normy v otraslevoy sisteme prava // Biznes v zakone* [General and special civil law norms in the sectoral system of law // Business in Law]. – 2012. – № 1. – Pp. 62-65.

2. Salnikova M.A. *Obshchiye i spetsial'nyye normy kak ob"yekty soderzhatel'nykh kolliziy norm prava // Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya* [General and special norms as objects of meaningful conflicts of law // Problems of modern science and education]. –2016. – № 10 (52). – Pp. 130-131.

3. Senyakin I.N. *Spetsial'nyye normy sovetskogo prava* [Special norms of Soviet law / ed. M.I. Baitina]. – Saratov, 1987. – 97 p.

УДК 340.132

Валерия Константиновна Глебова,
Воронежский Государственный Университет, Кафедра теории государства и права,
международного права и сравнительного правоведения, аспирант
E-mail: Wreath1210@rambler.ru

Valerya Konstantinovna Glebova,
Voronezh State University, Department of Theory of State and Law,
International Law and Comparative Law, Graduate student

ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА СОЦИАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА

Данная статья раскрывает понятие дискурса в трудах Юргена Хабермаса; возможность оценки норм права с точки зрения легальности и легитимности, а также поясняет целесообразность интеграции идей ученого в практику преодоления кризиса социализации правовых норм в рамках современного общества.

Ключевые слова: Юрген Хабермас, норма права, фактичность, значимость, теория коммуникативного действия, дискурс, дискурсивная теория, легальность, легитимность, компромисс.

OVERCOMING THE CRISIS OF SOCIALIZATION OF LEGAL NORMS FROM THE PERSPECTIVE OF JURGEN HABERMAS' THEORY

The article reveals the notion of discourse in the works of Jürgen Habermas; the ability to assess the law from the point of view of legality and legalnosti and explains the feasibility of integration of academic ideas into practice to overcome the crisis of socialization of norms in modern societies.

Keywords: Jurgen Habermas, rule of law, facticity, significance, theory of communicative action, discourse, discursive theory, legality, legitimacy, compromise.

Юрген Хабермас по праву считается одним из ученых, чьи теории обращают массовое внимание на максимально актуальные и значимые вопросы в жизни общества, а также предлагают эффективные пути преодоления кризисов различных сфер.

В данной статье предполагается подробнее рассмотреть позицию ученого в вопросе социализации норм права. В вопросе возникновения и реализации любых правовых норм ученый опирается на два, как он полагает, важнейших понятия – *фактичность* и *значимость*[1], что, прежде всего, отсылает нас к тому, что признание субъективной свободы каждого гражданина необходимы для адекватного функционирования общества в целом. Базой выступает двойственная природа данного вопроса, где с одной стороны – возможность каждого индивида иметь неоспоримое право убедиться в правомочности своих обязательств, с другой – ясное осознание того, что добиваться достижения собственного блага можно лишь в согласии с благом общим, то есть, не нарушая границы возможностей других индивидов.

Субъективная воля получает автономию среди общих законов; «но лишь в воле как категории субъективной может быть действительной свобода, или в себе сущая воля»[2]. Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках данной теории норма права должна не только нести в себе законность своего принятия и реализации – быть легальной (фактичность), но и быть принятой обществом, отражать его актуальные потребности и нести благо обществу, в котором она существует и функционирует – быть легитимной (значимость).

Подробнее рассмотрим способ, который, по нашему мнению, является наиболее эффективным для реализации фактичности и значимости норм права в современном мультикультурном обществе.

[1] Habermas J. Between Facts and Norms. Oxford, 1998. P. 308.
[2] Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 154.

Основным подходом Юргена Хабермаса в данном вопросе можно выделить *теорию коммуникативного действия* и неразрывно связанное с ней понятия *дискурса*. «Если мы принимаем, что человеческое сообщество утверждается посредством социальной координации деятельности его членов, и что эта координация устанавливается посредством коммуникации – и в определенных сферах жизни посредством коммуникации, нацеленной на достижение согласия, – то воспроизводство самого сообщества также требует соблюдения условий рациональности, неотъемлемо присущей коммуникативному действию»[1].

Современное общество представляет собой мультикультурную конструкцию, включающую в себя обилие различных мнений, взглядов и традиций, которые приносят в него индивиды; максимальную эффективность будут иметь только те нормы правы, которые способны отразить в себе актуальный синтез всех этих особенностей. Именно исходя из этого дискурс, описанный Юргеном Хабермасом, приобретает все большую актуальность и значимость.

Далее, немного подробнее остановимся на модели дискурса, предлагаемой ученым в рамках его теории. Дискурс здесь, прежде всего, выступает в роли социального взаимодействия, где важнейшую роль занимает не только коммуникация, как таковая, но и коммуникативное действие как фундаментальный тип социального взаимодействия. Ученый объясняет коммуникативное действие как взаимодействие, как минимум, двух способных говорить и действовать субъектов, вступающих с помощью вербальных и невербальных средств в межличностные отношения[2]. Юрген Хабермас подробно поясняет, что должна включать в себя модель дискурса (диалога), обозначая следующие основополагающие пункты:

– принимать участие в дискурсе может любой субъект, способный к речи, при условии его полного равноправия с остальными участниками;

– в рамках достижения консенсуса между субъектами запрещено любое принуждение;

– права участников внутри дискурса ограничиваются рамками мотива достижения кооперативного и аргументированного согласия;

– господство аргументации – здесь повторно подчеркивается отсутствие чьих-либо приоритетов заранее;

– все аргументы должны быть представлены участниками в лаконичной и понятной для остальных форме, а также нести в себе актуальную и соотносимую с темой дискурса информацию.

В контексте рассматриваемой модели все субъекты, принимающие участие в дискурсе, ищут взаимопонимания относительно достижения поставленных целей путем достижения согласованности и координирования своих планов и действий. Таким образом, мы можем сделать вывод, что результатом «правильного» дискурса является достижение консенсуса, который будет отвечать всем основным общим запросам, принимая во внимание позицию и потребности каждой из сторон[3].

Кроме того, хотелось бы выделить еще несколько менее распространенных, но при этом не менее важных пунктов, имеющих значение в ходе дискурса:

– говорящий не должен противоречить сам себе. Иными словами, излагая свою позицию, субъект должен четко ее понимать и быть последовательным.

– Разные индивиды не должны использовать одни и те же умозаключения, вкладывая при этом в них противоречащий смысл.

– Излагающий свою позицию субъект должен действительно быть убежден в том, что он говорит.

---

[1] Habermas J. The theory of communicative action. London, 1984. P. 397.

[2] Хабермас Ю. Отношение к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия / Пер. с нем. Т. Тягуновой // Социологическое обозрение. 2008. № 1. С. 18.

[3] Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Мн., 2000. С. 67.

– В том случае, если индивид прибегает к изложению информации, которая не имеет очевидного отношения к теме диалога, он обязан пояснить на каком основании он это делает, какую практическую пользу для достижения искомого результата это способно дать[1].

Однако возникает закономерный вопрос – всегда ли достижим консенсус? Теория дискурса неоднократно подвергалась различной критике, именно в связи с тем, что достижение консенсуса является достаточно спорным и сложным. Например, Б. Фливберг говорит следующее: «Идеи Хабермаса разработаны как идеалы политики, но слабы в понимании реальных ее процессов. В реальной социально- политической жизни корысть и конфликт не уступят место некоему общинному идеалу Хабермаса. Более того, чем демократичнее общество, тем больше оно позволяет группам определять собственные способы жизни и легитимирует конфликт интересов между ними»[2].

В силу того, что выше мы рассмотрели идеальную модель дискурса, естественно приходит понимание, что в рамках жизненных ситуаций возможно возникновение различных препятствий, делающих достижение консенсуса невозможным. На этот случай Юрген Хабермас разъясняет, что в случае недостижимости консенсуса, результатом будет являться компромисс. «Достигнутый в результате дискурса рациональный консенсус являет собой меру легитимности полученного решения, не оспаривая того, что консенсус может и не быть достигнут. В такой ситуации необходимо обратиться к компромиссу, который позволит принять наиболее подходящее решение в итоге»[3].

Социализация правовых норм является одним из наиболее важных вопросов нашего времени. Насаждение норм права и устрашение последствиями их неисполнения более не способствует установлению правопорядка в обществе. Именно поэтому необходимо, чтобы принимаемые нормы отвечали требованиям не только легальности, но и легитимности. Это позволит получить положительный отклик общества, так как нормы права, которые будут отвечать интересам общества, будут работать на общее благо, закономерно будут приняты тем обществом, в рамках которого они существуют. Именно вовлеченность максимального числа заинтересованных участников позволит повысить эффективность интеграции правовых норм в жизнь общества.

Дискурс, изложенный в трудах Юргена Хабермаса, может выступить в качестве проверки актуальности существующих правовых норм и отношению общества к ним. Следует принять во внимание, что ученый ни в коей мере не призывает к игнорированию благ и ценностей, находящихся под защитой права и закона. Он призывает к своего рода пересмотру и выработке некоего «всеобщего закона», который позволит обеспечить мирное существование и коммуникацию различных социальных групп между собой, а также роста значимости правовых норм в повседневной жизни общества не посредством устрашения, а с помощью отражения в правовых нормах интересов индивидов.

Применение идей Юргена Хабермаса на практике может расширить возможности и упростить социализацию правовых норм в рамках современного мультикультурного общества[4].

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 526 с.
2. Фливберг Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества // Социологические исследования – 2000. – № 2. – С. 127-136.
3. Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. – Мн.: Экономпресс, 2000. – 224 с.
4. Хабермас Ю. Отношение к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия / Пер. с нем. Т. Тягуновой // Социологическое обозрение. – 2008. – № 1. – С. 3-24.

[1] Habermas J. The theory of communicative action. London, 1984. P. 397.
[2] Фливберг Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества // СоцИс. 2000. № 2. С. 130, 134.
[3] Habermas J. Between Facts and Norms. P. 282.
[4] Habermas J. Kultur und Kritik. Frankfurt a. M., 1973. s. 369.

5. Habermas J. Between Facts and Norms. – Oxford: MIT Press, 1998.
6. Habermas J. The theory of communicative action. – London, 1984.
7. Habermas J. Kultur und Kritik. – Frankfurt a. – M.: Suhrkamp, 1973.

List of references

1. Hegel G.V.F. *Filosofiya prava* [The philosophy of law]. – M.: Mysl, 1990. – 526 p.

2. Flivberg B. *Khabermas i Fuko – teoretiki grazhdanskogo obshchestva // Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Habermas and Foucault – theorists of civil society // Sociological Studies] – 2000. – № 2. – Pp. 127-136.

3. Furs V.N. *Filosofiya nezavershennogo moderna Yurgena Khabermasa.* [The philosophy of the unfinished modernism of Jürgen Habermas]. – Mn.: Econompress, 2000. – 224 p.

4. Habermas Yu. *Otnosheniye k miru i ratsional'nyye aspekty deystviya v chetyrekh sotsiologicheskikh ponyatiyakh deystviya* -[Attitude to the world and rational aspects of action in four sociological concepts of action] / Per. with him. T. Tyagunova // Sociological review. – 2008. – № 1. – Pp. 3-24.

5. Habermas J. [Between Facts and Norms.] – Oxford: MIT Press, 1998.

6. Habermas J. [The theory of communicative action]. – London, 1984. Habermas J. Kultur und Kritik. – Frankfurt a. – M.: Suhrkamp, 1973/

УДК 34.01

Ольга Викторовна Белянская,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: 520877@mail.ru

Olga Viktorovna Belyanskaya,
Professor of the Department of theory and history of state and law
of Tambov state University named after G.R. Derzhavin,
candidate of law, associate Professor

АВТОНОМИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ КАТЕГОРИЯ И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Анализируется категория «автономия», ее научное значение и применение в различных отраслях знаний. Делается вывод о том, что категория «автономия» – общенаучная категория, используемая как междисциплинарная и в большинстве случаев являющаяся вспомогательным элементом для анализа различных явлений и процессов. Оценивается использование данной категории в юридических исследованиях. Наиболее активно она используется в общей теории права, в науках конституционное и международное право. Приводится авторское мнение об автономии личности.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, автономия, виды автономии, территориальная автономия, автономия личности, свобода личности.

AUTONOMY AS AN INTERDISCIPLINARY CATEGORY AND ITS USE IN JURIDICAL RESEARCHES

The article analyzes the category of «autonomy», its scientific significance and application in various fields of knowledge. It is concluded that the category «autonomy» is a General scientific category used as an interdisciplinary and in most cases is an auxiliary element for the analysis of various phenomena and processes. The use of this category in legal research is evaluated. It is most actively used in the General theory of law, in the Sciences of constitutional and international law. The author's opinion on the autonomy of the individual is given.

Key words: interdisciplinary research, autonomy, types of autonomy, territorial autonomy, personal autonomy, personal freedom.

Введение. Междисциплинарные исследования в современной науке, в том числе юридической, все больше приобретают особую роль и значение в связи возможностью заимствования достижений смежных наук и выработкой выводов прикладного характера, что особенно актуально для гуманитарных наук. В этой связи анализ категории «автономия» интересен как в своем смысловом, так и научном значении, так как она, по сути, является сквозным понятием и используется в различных науках. Употребление данного понятия образует такие словосочетания как автономия воли, автономия совести, автономия личности, политическая автономия, автономия государства и многие другие, как в естественных, так и гуманитарных науках. Это означает междисциплинарность категории и необходимость ее понимания как универсального понятия, объединяющего достижения многих наук, в том числе юридических. В них данное понятие в последние десятилетия используется все активнее, в связи с чем требуется анализ ее сущности и направлений применения.

Основная часть. «Термин автономия имеет длинную историю, при этом на первоначальном этапе он преимущественно рассматривался в качестве философской категории. Понятие автономии было использовано уже в античности Демокритом и Сократом[1]. Демокрит

[1] См.: Белянская О.В., Придворов Н.А. Автономия личности в процессе реализации ее прав и свобод в сфере частного права // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия история и право. 2014. № 4. С. 95.

видел автономию души и «собственного Я» как критерия нравственных оценок[1], а Сократ рассматривал автономию человека, не как изоляцию от общества, не разобщение людей, а напротив, укрепление их морально-этических связей, сплочение общества в целом»[2].

В XVI – XVIII веках началось широкое использование категории «автономия» в научных разработках многих ученых. Например, Мартин Лютер делал акцент на принципе автономии совести, Шефтсбери признавал автономию морали, Фрэнсис Хатчесон рассматривал автономию эстетического чувства.

В биологии и кибернетике автономия может проявляться, например, в качестве системной модели биологической автономии как самопродуцирующейся системы, «автопоэзис». «Автопоэзис – это минималистская базовая теоретическая модель жизни, живого организма, представленная формально в виде самопродуцирующейся автономной системы, то есть как самоорганизации особого типа»[3].

Понятие автономии используется в медицине. На основе изучения общей литературы в данной сфере можно отметить, что автономия используется с двух позиций. Во-первых, понятие автономии употребляется в чисто медицинской сфере и используется при обозначении таких понятий, как, например, автономия воспалительного очага, функциональная автономия щитовидной железы, диффузная функциональная автономия, а, во-вторых, автономия выступает одним из принципов медицинской этики и означает «принцип уважения автономии личности, включающий автономию как свободу действия, автономию как свободу выбора, автономию как способность эффективно обдумать ситуацию»[4].

Заметный вклад и влияние на понимании автономии в гуманитарных науках внес Кант, который считал, что «автономия есть основание достоинства человека и всякого разумного естества»[5]. Причем наибольшее внимание он уделял автономии воли, обозначающее определенное «свойство воли, благодаря которому она сама для себя закон (независимо от каких бы то ни было свойств предметов воления)»[6].

В последнее время в связи с проведением ряда образовательных реформ у ученых возрос интерес к таким категориям, как университетская автономия. Так, В.С. Никольский отмечает, что автономия является «ключевой категорией, позволяющей устанавливать и регулировать взаимоотношения между высшей школой, властью и обществом. Выводы о влиянии такой автономии противоречивы, так как она может повысить авторитет учреждению, превратить его в мощный политический институт»[7].

Автономию изучают и в психологии. Так, под автономией понимается «стадия нравственного развития, характеризующаяся способностью личности самостоятельно создавать или выбирать моральные правила для своей жизни и поведения»[8]. Отметим, что как поведение автономия рассматривается во многих гуманитарных науках и в частности в общей теории права.

В юридических исследованиях данная категория весьма активно используется, чаще всего в конституционной науке для характеристики территорий и управления ими, кроме того, термин автономии употребляется при определении самостоятельности законодательной,

[1] Кон И.С. В поисках себя: личность и её самосознание. М., 1984.

[2] Кессиди Ф.Х. Сократ. СПб., 2001.

[3] Казанский А.Б. Модели организационно замкнутых систем и контуры развития новых подходов в области искусственного интеллекта и когнитивной науки. URL: spkurdyumov.narod.ru/kazanskiy.htm (дата обращения: 14.09.2019).

[4] Андреев С.И., Дондокова Б.Б., Односталко М.А. Феномен автономности в коммуникации врач – пациент: российская специфика // Вестник российской военно-медицинской академии. 2017. № 1 (57). С. 211.

[5] Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 1999. С. 226.

[6] Там же. С. 295.

[7] Никольский В.С. Университетская автономия и академическая свобода // Высшее образование в России. 2008. № 6. С. 154.

[8] Большой психологический словарь / под ред. Мещерякова Б.Г., Зинченко В.П. М., 2002. С. 13.

исполнительной и судебной ветвей власти и независимости отдельных органов и организаций государства и их должностных лиц.

Ю.В. Ким в широком смысле рассматривает автономию как «способность субъектов деятельности к самостоятельной постановке и решению определенных задач, опираясь, главным образом, на собственные ресурсы»[1]. С.Ю. Кашкин и Б.А. Страшун отмечают, что вообще «автономия понятие общеуправленческое, которое означает ограниченную самостоятельность в рамках системы управления»[2].

«Автономия – определенная степень самостоятельности каких-либо органов, организаций, территориальных и иных общностей в вопросах их жизнедеятельности»[3].

Анализ многочисленной литературы в сфере конституционного права позволяет выделить три основных понятия автономии – территориальная, национально-территориальная и национально-культурная автономии.

Известный конституционалист В.Е. Чиркин отмечает, что территориальная автономия означает «предоставление какой-либо части государства (например, Аландским островам в Финляндии, Крыму на Украине), нескольким частям (двум округам, населенным индейскими племенами в Никарагуа, двум округам, населенным в основном гагаузами в Молдавии), всем однопорядковым единицам (например, областям в Италии), наконец, всем разнопорядковым административно-территориальным единицам (в Японии) внутреннего самоуправления, самостоятельности в решении местных вопросов»[4].

Кроме того, следует отметить, что такое понятие рассматривается и в общей теории права, где «автономия – форма самоуправления части территории государства, характеризующаяся правом самостоятельного решения внутренних вопросов»[5]. Из чего можно сделать вывод, что в некоторых случаях авторы автономию в общем смысле приравнивают к автономии территориальной.

Понятие национально-территориальная автономия интереса у авторов не вызывает, данное определение дают различные энциклопедии и словари, причем в идентичной формулировке. «Национально-территориальная автономия представляет собой разновидность территориальной автономии, один из способов решения национального вопроса в многонациональном государстве. Означает предоставление отдельной части (частям) унитарного государства, населенной преимущественно представителями какого-либо национального меньшинства, определенной самостоятельности в решении вопросов внутренней жизни»[6].

Определение национально-культурной автономии закреплено в законе[7], с этим связано то, что многие ученые используют в своих исследованиях именно легальное определение данного явления. Но встречаются и более простые формулировки, в частности, Т.Я. Хабриева считает, что «национально-культурная автономия – объединение в общественную органи-

[1] Ким Ю.В. «Федерализм», «автономия», «самоуправление»: смыслы и трактовка // Право и политика. 2008. № 6 (102). С. 1296.

[2] Конституционное (государственное право) зарубежных стран: В 4 т. Тома 1 – 2. Часть общая: Учебник / отв. ред. Б.А. Страшун (гл. XI § 1 Кашкин С.Ю. совместно с Б.А. Страшуном). 3-е изд. М., 2000. С. 685.

[3] Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М., 1999. С. 4.

[4] Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран: Учебник. 4-е изд. М., 2006. С. 186.

[5] Краткий юридический словарь / отв.ред. А.В. Малько. М., 2008. С. 127.

[6] Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М., 2003. С. 400.

[7] Национально-культурная автономия в Российской Федерации – это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов. См.: ст. 1 Федерального закона от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии».

зацию разрозненно проживающих людей, связанных единством языка и общих элементов этнической культуры, в целях укрепления единства этноса, его самовыражения»[1].

Категория автономии находит своё применение и в международном частном праве, где такие авторы, как Е.И. Антонова, Г.Б. Испаева, О.Ю. Малкин, С.В. Третьяков, Н.В. Тригубович, Е.В. Чубыкина рассматривают автономию воли сторон в сфере внешнеэкономических сделок.

Все имеющиеся определения автономии воли сторон достаточно лаконичны. В справочной литературе автономия воли определяется как «применение права того государства, которое выберут сами стороны»[2]. При этом возникает вопрос, чем является принцип автономии воли сторон – источником коллизионного права, коллизионной нормой, коллизионным институтом права или особым правовым институтом. Полагаем, что автономия воли сторон – это особый правовой институт, который позволяет урегулировать, возникшие коллизии в сфере внешнеэкономических отношений.

В современной общей теории права все чаще стало использоваться понятие «автономия личности». Употребляется оно как аналог таким понятиям как «свобода личности», «независимость личности», «самостоятельность личности». О.В. Орлова отмечает, что «автономия личности предполагает невмешательство в личную и семейную жизнь индивида со стороны кого-либо – людей, коллективов, общества и государства, обеспечение частного интереса и достоинства личности, при этом данное явление заключается в свободе от каких-либо идеологических догм (внутренней), в праве выбора линии своего поведения (внешней)»[3]. Следует заметить, что такое понимание не является чисто правовым, в нем присутствуют психологический и философский оттенки.

Полагаем, что автономия личности – это часть общего понятия «автономия», которую можно рассматривать разнопланово – как самостоятельность, свободу, независимость, самоуправление, индивидуальность.

Заключение. Категория «автономия» – это общенаучная категория, в большинстве случаев являющаяся вспомогательным элементом для других процессов и явлений. Она одинаково интересна для изучения как в чистом, абстрагированном виде, так и в комплексе научных знаний и, бесспорно, является междисциплинарной категорией, которая имеет специфику в каждой отрасли знаний. В общей теории права «автономия» исследуется как личностная и основана на философских критериях понимания свободы индивида.

Список литературы

1. Андреев С.И. и др. Феномен автономности в коммуникации врач – пациент: российская специфика / С.И. Андреев, Б.Б. Дондокова, М.А. Односталко // Вестник российской военно-медицинской академии. – 2017. – № 1 (57). – С. 210-214.

2. Белянская О.В. Автономия личности в процессе реализации ее прав и свобод в сфере частного права / О.В. Белянская, Н.А. Придворов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия история и право. – 2014. – № 4. – С. 94-100.

3. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – 4-е изд., расш. – М.: АСТ; Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с.

4. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 703 с.

5. Казанский А.Б. Модели организационно замкнутых систем и контуры развития новых подходов в области искусственного интеллекта и когнитивной науки [Электронный ресурс]. – URL: spkurdyumov.narod.ru/kazanskiy.htm (дата обращения: 14.09.2019).

6. Кант И. Основы метафизики нравственности. – М.: Мысль, 1999. – 1472 с.

[1] Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия в системе российского федерализма: правовой аспект // Государство и право. 2006. № 9. С. 5.

[2] Большой юридический словарь. С. 211.

[3] См.: Орлова О.В. Правовая свобода личности в гражданском обществе // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 55.

7. Кессиди Ф.Х. Сократ. – СПб.: Алетейя, 2001 – 352 с.

8. Ким Ю.В. «Федерализм», «автономия», «самоуправление»: смыслы и трактовка // Право и политика. – 2008. – № 6 (102). – С. 1295-1301.

9. Кон И.С. В поисках себя: личность и её самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 151 с.

10. Конституционное (государственное право) зарубежных стран: В 4 т. Тома 1 – 2. Часть общая: Учебник / отв. ред. Б.А. Страшун (гл. XI § 1 С.Ю. Кашкин совместно с Б.А. Страшуном) – 3-е изд. – М.: Издательство БЕК, 2000. – 784 с.

11. Краткий юридический словарь / отв. ред. А.В. Малько. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 496 с.

12. Никольский В. С. Университетская автономия и академическая свобода // Высшее образование в России. – 2008. – № 6. – С. 147-155.

13. Орлова О.В. Права и свободы личности как субъекта политической жизни // Государство и право. – 2007. – № 7. – С. 50-56.

14. Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия в системе российского федерализма: правовой аспект // Государство и право. – 2006. – № 9. – С. 5-10.

15. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран: Учебник. – 4-е изд. – М.: Юристъ, 2006. – 669 с.

List of references

1. Andreev S.I. et al. *Fenomen avtonomnosti v kommunikatsii vrach patsiyent: rossiyskaya spetsifika* – [The phenomenon of autonomy in communication doctor врач patient: Russian specifics / S.I. Andreev, B.B. Dondokova, M.A. Odnostalko // Bulletin of the Russian Military Medical Academy]. – 2017. – № 1 (57). – Pp. 210-214.

2. Belyanskaya O.V. *Avtonomiya lichnosti v protsesse realizatsii yeye prav i svobod v sfere chastnogo prava / O.V. Belyanskaya, N.A. Pridvorov // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoriya i pravo* [Autonomy of the personality in the process of realization of its rights and freedoms in the field of private law / O. Belyanskaya, N.A. Pridvorov // Proceedings of the South-West State University. Series history and law]. – 2014. – № 4. – P. 94-100.

3. Bol'shoy psikhologicheskiy slovar' [Large psychological dictionary] / ed. B.G. Meshcheryakova, V.P. Zinchenko. 4th ed., Exp. – M.: AST; St. Petersburg: Prime Euroznak, 2009. – 811 p.

4. *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [Large legal dictionary] / ed. AND I. Sukhareva, V.E. Krutsky. – 2nd ed., Rev. and add. – M.: INFRA-M, 2003. – 703 p.

5. Kazan A.B. *Modeli organizatsionno zamknutykh sistem i kontury razvitiya novykh podkhodov v oblasti iskusstvennogo intellekta i kognitivnoy nauki.* – [Models of organizationally closed systems and the contours of the development of new approaches in the field of artificial intelligence and cognitive science] [Electronic resource]. URL: spkurdyumov.narod.ru/kazanskiy.htm (accessed: 09/14/2019).

6. Kant I. *Osnovy metafiziki nravstvennosti* [Fundamentals of the metaphysics of morality]. – M.: Mysl, 1999. – 1472 p.

7. Cassidy F.H. Sokrat [Socrates]. – St. Petersburg: Aletheya, 2001. – 352 p.

8. Kim Yu.V. *«Federalizm», «avtonomiya», «samoupravleniye»: smysly i traktovka // Pravo i politika.* – [«Federalism», «autonomy», «self-government»: meanings and interpretation // Law and Politics]. – 2008. – № 6 (102). – Pp. 1295-1301.

9. Kon I.S. *V poiskakh sebya: lichnost' i yeyo samosoznaniye* [In search of oneself: personality and self-identity]. – M.: Politizdat, 1984. – 151 p.

10. *Konstitutsionnoye (gosudarstvennoye pravo) zarubezhnykh stran* [Constitutional (state law) of foreign countries]: In 4 volumes of Volume 1 – 2. Part general: Textbook / ed. ed. B.A. Strashun (ch. XI § 1 S.Yu. Kashkin together with B.A. Strashun) – 3rd ed. M.: Publishing house BEK, 2000. – 784 p.

11. *Kratkiy yuridicheskiy slovar* [Brief legal dictionary] / ed. ed. A.V. Malko. – M.: TC Velby, Prospect Publishing House, 2008. – 496 p.

12. Nikolsky V.S. *Universitetskaya avtonomiya i akademicheskaya svoboda // Vyssheye obrazovaniye v Rossii.* [University autonomy and academic freedom // Higher education in Russia]. – 2008. – № 6. – Pp. 147-155.

13. Orlova O.V. *Prava i svobody lichnosti kak sub"yekta politicheskoy zhizni // Gosudarstvo i pravo*. [Rights and freedoms of the individual as a subject of political life // State and Law]. – 2007. – № 7. – P. 50-56.

14. Khabrieva T.Ya. *Natsional'no-kul'turnaya avtonomiya v sisteme rossiyskogo federalizma: pravovoy aspekt // Gosudarstvo i pravo.* [National-cultural autonomy in the system of Russian federalism: legal aspect // State and Law]. – 2006. – № 9. – Pp. 5-10.

15. Chirkin V.E. *Konstitutsionnoye pravo zarubezhnykh stran: Uchebnik. – 4-ye izd. – M.: «Yurist»* [Constitutional law of foreign countries: Textbook.] – 4th ed. – M.: Yurist, 2006. – 669 p.

УДК 34.01

Виктория Ивановна Ерыгина,
доцент кафедры менеджмента общего и профессионального образования
ОГАОУ ДПО «Белгородский институт развития образования»,
преподаватель Инжинирингового колледжа НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: erygina@list.ru

Victoria Ivanovna Erygina,
Associate Professor, Department of Management of General and Professional Education
RSAEI APE «Belgorod Institute for the Development of Education»,
Lecturer, Engineering College, National Research University «BelSU»,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ СМЕШАННОЙ ПРИРОДЫ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЕЙ

В статье раскрывается природа методологических подходов, которые применяются в юриспруденции для раскрытия смысла и содержания исследуемых теоретических и практических аспектов политики и права. Показана связь юридической науки с такими общественными науками, как история, философия, политология, социология, культурология и др., результатами которой являются методологические подходы смешанной природы. К таковым автор относит сравнительно-исторический, сравнительно-правовой, генетический, конкретно-исторический, культурно-исторический, философский, социокультурный, культурно-юридический подходы. Понятие культурно-юридического подхода позволило автору найти объяснение уникальности различных видов правопонимания юристов, включая советский тип понимания права и государства. В статье подняты актуальные проблемы сложности изучения политических институтов в рамках юриспруденции, в частности, конституционно-правовой наукой. Автор приводит аргументы против излишней «юридизации» познания политико-правовых явлений, т. е. их изучения только юристами и предлагает уделять значительное внимание таким междисциплинарным исследованиям, как история и методология конституционного права, конституционная социология, конституционная психология, заниматься изучением социокультурного кода российского государства, правоментального восприятия социально-правовых явлений с помощью социолого-позитивистской, социокультурной методологии.

Ключевые слова: метод, методологический подход, юридическая наука, конституционное право, междисциплинарные исследования, сравнительно-исторический метод, социокультурный подход, культурно-юридический подход, право, политико-правовые явления.

METHODOLOGICAL APPROACHES OF MIXED NATURE IN JURISPRUDENCE AS A RESULT OF INTERDISCIPLINARY COMMUNICATIONS

The article reveals the nature of methodological approaches that are used in jurisprudence to reveal the meaning and content of the studied theoretical and practical aspects of politics and law. The connection of legal science with such social sciences as history, philosophy, political science, sociology, cultural studies, etc., the results of which are methodological approaches of a mixed nature, is shown. To these, the author adds comparative-historical, comparative-legal, genetic, concrete-historical, cultural-historical, philosophical, socio-cultural, and cultural and legal approaches. The concept of a cultural and legal approach allowed the author to find an explanation for the uniqueness of various types of legal understanding by lawyers, including the Soviet type of understanding of law and the state. The article addresses the urgent problems of the complexity of studying political institutions in the framework of jurisprudence, in particular, constitutional law science. The author argues against excessive «legalization» of knowledge of political and legal phenomena meaning their study only by lawyers, and suggests paying considerable attention to such interdisciplinary studies as history and methodology of constitutional law, constitutional sociology, constitutional psychology, and to studying the socio-cultural code of the Russian state, the legal perception of socio-legal phenomena using sociological-positivist, socio-cultural methodology.

Keywords: method, methodological approach, legal science, constitutional law, interdisciplinary research, comparative historical method, socio-cultural approach, cultural and legal approach, law, political and legal phenomena.

Актуальность темы объясняется попытками пересмотра ряда государственно-правовых теорий в научной литературе с позиций новых методологических подходов, сквозь призму междисциплинарных связей. К числу таких пересматриваемых концепций относятся теории народного представительства, парламентаризма, правового государства. Они изучаются специалистами разных научных областей: юриспруденции, философии, истории, политологии, социологии, культурологии, психологии, связанных между собой единым объектом изучения, каковым является общество, индивид, человеческие отношения во всем их разнообразии и противоречивости. И каждая область знания предлагает объяснить мир и познать истину с позиций своего какого-то универсального метода. На наш взгляд, главная же проблема сейчас заключается в том, чтобы синтезировать эти методы, систематизировать их, разработать некое системное строение методологических подходов и методов юридической науки как взаимосвязанной совокупности общих, специальных и частных методов, которая может быть применена для исследования конкретных областей познания государства и права.

По мнению ряда ученых, у юриспруденции нет своей собственной методологии, в основном все методы, которыми она пользуется, заимствованы из других наук. Вообще целесообразно использовать в отношении юридической науки понятие «методологические подходы» или «методологические парадигмы исследования государственно-правовых явлений». Под методологическими подходами мы подразумеваем систему методов, понятий, составляющих научную базу исследования, характеризующуюся определенным аспектом рассмотрения проблем. Для объективности анализа необходимо применение совокупности методологических подходов.

Одним из важнейших методологических оснований в юриспруденции является исторический подход, поскольку история тесно связана с догматической юриспруденцией и политикой права, в совокупности образуя научное правоведение. Об этом еще в 1906 году говорил в своей лекции Федор Васильевич Тарановский (1875-1936) так: «История изучает закономерное развитие права в связи с внешней средой его – обществом. Догматическая юриспруденция сосредотачивается на вопросах de lege lata (с точки зрения действующего закона – пер. с лат.), конструирует и систематизирует действующее право для целей судебного и внесудебного его применения. Политика права простирается на вопросы de lege ferenda (с точки зрения законодательного предположения – пер. с лат.), ставит цели правовому творчеству, изыскивает лучшие пути его осуществления и этим служит практической задаче законодателя…». Каждая из указанных частей научного правоведения «неизбежно пользуется двумя другими в качестве вспомогательных дисциплин»[1]. Таким образом, известный русский ученый пытался доказать, что необходимо активно использовать сравнительно-исторический метод, правильное применение которого «является в высшей степени плодотворным для научной разработки русского права»[2]. Однако этот подход имеет смешанную природу, поскольку соединяет общенаучный метод сравнения и специально-научный – исторический. По аналогии с данным методом был синтезирован сравнительно-правовой метод в юриспруденции.

Еще одним методологическим подходом, близким по содержанию к историческому и применяемому в правоведении, является генетический метод, в основу которого положен детерминизм, позволяющий находить причинно-следственные связи при изучении правовой реальности. Совершенно прав Д.А. Керимов, который заявляет о необходимости соблюдения единства логического и исторического в исследовании любого правового объекта[3].

[1] Тарановский Ф.В. История русского права / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2004. С. IX.
[2] Там же. С. XXII.
[3] Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 4-е изд. М., 2008. С. 112.

Без исторического метода не обходится ни один правовед. Данный метод универсален. Его применяют на всех стадиях научного творчества: 1) для выявления этапов развития исследуемого явления и нахождения генетических связей между ними; 2) для того чтобы выявить смысл какого-либо события, исходя из причинно-следственных связей его с состоянием общества, правовой реальностью; 3) для изучения трудов предшественников, анализа эволюции идей об искомом институте в истории политико-правовой мысли; 4) для формирования современной научной теории. Так, общепризнанные в российской юридической литературе понятия и термины, концепции, складывались постепенно в ходе исторического развития самого знания, например, «форма правления», «государственный суверенитет», «представительный орган власти», «политическая партия». Юридическая наука склонна к сциентизму, т. е. к идеализации определенных формальных знаний, к использованию методов и допущений, на которых основаны естественные науки, в общественных науках. Поэтому в юриспруденции нового и новейшего времени появились такие направления, как позитивизм, неопозитивизм, нормативизм, органическая теория, герменевтика, синергетика и др.

Методологическое направление смешанного типа – конкретно-исторический или культурно-исторический метод позволяет нам увидеть некоторые общие черты у государственно-правовых институтов разных исторических эпох в жизни русского народа, их некоторую повторяемость. В любом обществе без традиций, определённого консенсуса относительно норм поведения нет стабильности, невозможно гармоничное сожительство. Такой традицией в России является доминирование одной ведущей политической силы в обществе, как правило, складывающейся вокруг руководителя государства и поддерживающей его официальный курс.

Культурно-юридический подход позволяет понять сущность национальных правовых традиций юридического сообщества, осознать самобытность политико-правовой мысли, смысл которой раскрывается через анализ правовой доктрины и правовой идеологии как феноменов культуры юристов. Содержание культурно-юридической методологии составляет совокупность методов, приемов научного исследования всех компонентов профессиональной правовой культуры: своеобразия мировоззрения специалистов в сфере юриспруденции, уникальности правопонимания юристов, системы правовых ценностей, оригинальной правовой доктрины, а также правотворческой и правоприменительной практики в области государственного строительства. Данный подход позволяет объективно оценить вклад советской юридической науки в становление и развитие конституционно-правовой мысли о народном представительстве. Основу этого подхода составляет целая группа известных науке методов: философский, методы системного анализа, сравнения, сциентистский, историзма, конкретно-исторический, эпистемологический, формально-догматический, социологический и др.

Структуру культурно-юридической методологии познания правовой теории и практики составляют такие элементы, как генетический метод, каузальность, обнаруживающие причинно-следственные связи и взаимозависимость явлений; анализ правового мировоззрения; правопонимание; аксиологический метод; принцип традиционализма и преемственности в исследовании социальных, политических, правовых форм и институтов. Культурологическая методология исследования советского этапа развития науки требует оценить те самые весомые достижения советской юридической науки, которые не утратили своей ценности, и, несмотря на влияние всех внешних факторов, могут быть восприняты современной наукой.

Долгое время в европейских государствах политическая мысль в вопросах изучения представительных институтов опережала правовую, затем они развивались автономно друг от друга. И сейчас еще не прекратилась полемика по вопросу о целесообразности исследования, например, политических партий в рамках юридической науки, так как юристы считают их исключительно политическими институтами, элементами гражданского общества, которые должны изучаться политологами. Но поскольку партии являются одновременно и частным, и публичным институтом, и политическим, и правовым феноменом и включены в сфе-

ру государственности, в публичную власть, в область публичного права, следовательно, на наш взгляд, они и должны изучаться не только политической наукой, но и юридической наукой в определенном срезе, как субъекты права.

Против излишней «юридизации» познания политико-правовых явлений, т. е. их изучения только юристами можно привести следующие аргументы: во-первых, история политических и правовых учений свидетельствует о том, что исследованием государства и права занимались ученые различных областей знаний: философы, историки, политики, социологи и др.; во-вторых, в качестве аргумента можно привести слова известного отечественного философа И.А. Ильина, который писал: «Право – могучий корень общественной, личной и духовно-культурной жизни всякого народа, поэтому те, кто числит право по ведомству лишь юриспруденции, – не заглядывают в сущностные глубины правового бытия… Ни один философ, размышляющий о человеке, обществе, истории, не мог обойти темы права, и ни один вдумчивый теоретик права не минул стези философствования»[1]. Познать, например, правовую природу политических партий возможно только с позиций социальной философии, которая позволяет понять цели создания партий, характер их взаимоотношений между собой, гражданами и государством. Именно под влиянием философии ученые-правоведы рассматривают партию как закономерный процесс развития демократического государства и режима парламентаризма, как посредника между обществом и государством, как организацию, выражающую общественное мнение и групповые интересы граждан.

Тесная связь с правом делает политические институты (представительство, политические партии), парламентаризм, межнациональные отношения и т. п.) объектами исследования юридической науки, которая в свою очередь не может познать свой предмет в полном объеме без знания условий, причин возникновения обозначенных социальных институтов и их деятельности в реальной жизни.

В связи с указанными тенденциями в развитии конституционного права актуальным представляется исследование, целью которого будет нахождение таких научных подходов, которые раскроют тайну народного представительства, роль народа в управлении делами государства, исходя из исторически сложившихся традиций, менталитета российского народа. Для достижения поставленных целей конституционно-правовая наука должна четко выстраивать свои исследования с учетом комплекса методов и подходов. Одним из ведущих методологических подходов для исследования общественных отношений в конкретных исторических условиях должен быть социокультурный подход, дающий возможность рассмотреть реальное состояние общества, степень его готовности к конституционно-правовому регулированию. Этот подход позволяет понять готовность социума к самостоятельному развитию на основе собственных достижений конституционно-правовой мысли, национальных источников конституционного права или наоборот желание заимствовать готовые модели государственно-правового развития, формирования органов власти и их функционирования. Социолого-позитивистское направление, социокультурная методология в юридической науке имеет смешанную методологическую природу и позволяет раскрыть не только сущность, но и выявить практику реализации народного представительства в Российской Федерации, что в свою очередь препятствует идеализации конституционной нормы о народовластии и благоприятствует ее превращению в реальное правовое явление при наличии политической воли тех, от которых это зависит. Социологическое понимание представительства сводит к минимуму роль государства в правовой жизни общества и наоборот высоко оценивает уровень самостоятельности общества в сфере самоорганизации.

Мы согласны с позицией Н.В. Варламовой, которая считает, что «культурологический подход в сравнительном правоведении оказывается крайне необходим прежде всего в каче-

[1] Цит. по: Керимов Д.А. О предмете и методологии всеобщей теории права // Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы. Вып. 1. Сборник / под ред. М.Н. Марченко. М., 2006. С. 11-12.

стве своего рода предварительного этапа исследования»[1]. К этому можно добавить, что социокультурный подход должен быть первой ступенью исследования всех правовых дисциплин и конституционного права в том числе. Следовательно, не отрицая социокультурную обусловленность регулируемых правом институтов общества, следует признать, что конституционалистам необходим формально-догматический метод исследования, а также взаимные переходы от знаний особенностей внутреннего права той или иной страны к обобщениям философского уровня для понимания общих закономерностей развития правовых явлений и их сущности и наоборот возврат от абстрагирования к реализации общих принципов и положений в реальных правопорядках. «Культурологически ориентированными должны быть и сравнительно-правовые исследования реальности и эффективности осуществляемой рецепции»[2] институтов представительной демократии, поскольку заимствованные нормы, избирательные системы, отдельные институты не смогут укорениться в обществе, неподготовленном психологически и идеологически воспринять элементы чужой культуры. А для того чтобы наша страна не выглядела отсталой в развитии конституционно-правовой идеологии, не зависела от развитых в теоретико-правовом значении стран, российская государственно-правовая наука должна уделять значительное внимание таким междисциплинарным исследованиям, как история и методология конституционного права, конституционная социология, конституционная психология, заниматься изучением социокультурного кода российского государства, правоментального восприятия различных его элементов обществом.

Список литературы

1. Варламова Н.В. Сравнительное правоведение: методологические основания и пределы исследования // Методология сравнительно-правовых исследований. Жидковские чтения: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 30 марта 2012 г. / под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. – М.: РУДН, 2013. – С. 27-35.

2. Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 4-е изд. – М.: Изд-во СГУ, 2008. – 521 с.

3. Керимов Д.А. О предмете и методологии всеобщей теории права // Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы. Вып. 1. Сборник / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Издательская группа «Юрист», 2006. – С. 8-14.

4. Тарановский Ф.В. История русского права / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М.: Зерцало, 2004. – 240 с.

List of references

1. Varlamova N.V. *Sravnitel'noye pravovedeniye: metodologicheskiye osnovaniya i predely issledovaniya // Metodologiya sravnitel'no-pravovykh issledovaniy. Zhidkovskiye chteniya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Moskva, 30 marta 2012 g. / pod red. G.I. Muromtseva, M.V. Nemytinoy* [Comparative jurisprudence: methodological grounds and limits of research // Methodology of comparative legal research. Zhidkov readings: materials of the All-Russian Scientific Conference]. – Moscow, March 30, 2012 / under the editorship of G.I. Muromtseva, M.V. Nemytina. – M.: RUDN, 2013. – Pp. 27-35.

2. Kerimov D.A. Metodologiya prava: Predmet, funktsii, problemy filosofii prava. – 4-ye izd [Methodology of law: Subject, functions, problems of philosophy of law. – 4th ed.] – M.: Publishing House of SSU, 2008. – 521 p.

3. Kerimov D.A. O predmete i metodologii vseobshchey teorii prava // Metodologiya yuridicheskoy nauki: sostoyaniye, problemy, perspektivy [On the subject and methodology of the general theory of law // Methodology of legal science: state, problems, prospects]. – Vol. 1. Collection / ed. M.N. Marchenko. – M.: Publishing group «Yurist», 2006. – P. 8-14.

4. Taranovsky F.V. *Istoriya russkogo prava* [History of Russian Law] / Ed. and with the foreword. V.A. Tomsinova; Mosk. state un-t n. a. M.V. Lomonosov. – M.: Zertsalo, 2004. – 240 p.

[1] Варламова Н.В. Сравнительное правоведение: методологические основания и пределы исследования // Методология сравнительно-правовых исследований. Жидковские чтения: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 30 марта 2012 г. / под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. М., 2013. С. 30.

[2] Варламова Н.В. Указ. соч. С. 34.

УДК 34.03

Артем Григорьевич Репьев,
заместитель начальника кафедры административного права
и административной деятельности органов внутренних дел
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук
E-mail: repev-artem@yandex.ru

Artem Grigorievich Repyev,
Deputy Head of the Department of Administrative Law
and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Barnaul
Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences

ПРЕИМУЩЕСТВА В ПРАВЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье «преимущество», как категория права и законодательства, подвергается концептуальному теоретическому и межотраслевому анализу. Автор ставит перед собой задачу выявить объективные и субъективные детерминанты законодательного закрепления таких наиболее распространенных типов правовых преимуществ, как привилегии и льготы, опираясь на социальные и природные причины появления, экономические условия, специально-юридические факторы. В статье ставится цель доказать социальную, государственно-правовую необходимость применения правовых преимуществ как средств регулирования общественных отношений, тезисно остановиться на их функциях и целях, а также внутренней классификации. Сложившаяся потребность анализа законодательства, судебной и правоприменительной практики, предопределила необходимость выявления существующих закономерностей и недостатков технико-юридического закрепления всех типов и видов преимуществ. Впоследствии аргументируется многоплановый характер воздействия данных специфических правовых средств на все сферы общества и государства.

Ключевые слова: правовое преимущество, привилегия, льгота, особые правовые процедуры.

ADVANTAGES IN LAW: INTERDISCIPLINARY RESEARCH APPROACH

In the article «advantage» as a category of law and legislation, undergoes conceptual theoretical and intersectoral analysis. The author aims to identify objective and subjective determinants of legislative consolidation of such most common types of legal advantages as privileges and benefits, based on social and natural reasons for appearance, economic conditions, special legal factors. The article aims to prove the social, state-legal necessity of applying legal advantages as a means of regulating social relations, to highlight their functions and purposes, as well as internal classification. The current need to analyse legislation, judicial and law enforcement practice has led to the need to identify existing patterns and disadvantages of technical and legal consolidation of all types and types of advantages. Subsequently, the multidimensional nature of the impact of these specific legal means on all spheres of society and the State is argued.

Keywords: legal advantage, privilege, privilege, special processes of law.

Современные тенденции интеграции, синкретизма, взаимопроникновения научного знания не могут не усиливать исследовательский поиск относительно полидисциплинарных феноменов. Особый интерес представляют явления общественной жизни, не только укрепившиеся в научных исследованиях конкретного профиля (к примеру, экономического, философского, социального, исторического), но и стоящие на стыке, балансирующие между научными специальностями и отраслями знания. Убеждены, что категория «правовое преимущество» является таковой.

Она понимается нами в качестве *правомерной возможности субъекта в силу его специального или индивидуального статуса удовлетворить интересы максимально полно и всесторонне, путем предоставления особых дополнительных прав и гарантий, а также за счет не-*

подверженности определенным обязанностям, запретам и ограничениям. В свою очередь, «привилегия», «льгота», «иммунитет» и «особая правовая процедура» выступают наиболее распространёнными типами правовых преимуществ, не только активно используемыми в правовой жизни, но и в экономической, а также судебной, правоприменительной практикой.

Как верно отмечает В.М. Сырых, «изучение права вне его связей с экономикой и политикой дает ответ на некоторые вопросы правовой науки, но не приводит к раскрытию главных и фундаментальных закономерностей функционирования и развития права»[1]. На примере правовых преимуществ, в особенности категорий «привилегия» и «льгота», мы отчетливо это наблюдаем. Рассмотрение их лишь с опорой на юридический позитивизм (хотя этот аспект заслуживает, по нашему мнению, особого внимания), без учета экономических, политических, психологических аспектов, носило бы несколько односторонний, описательный, поверхностный характер.

Подтверждают выдвинутый тезис о необходимости исследования правовых феноменов под призмой их экономико-регулятивного потенциала задачи, сформированные главой государства в рамках ежегодного послания Федеральному Собранию Российской Федерации. Следует отметить общую нацеленность В.В. Путина на использование в рамках политики страны различного рода инструментов, входящих в систему правовых преимуществ и предусматривающих более выгодное правовое положение одних субъектов перед другими. Это и льготы (к примеру, налоговые, для многодетных семей), и особые правовые процедуры (в виде «ипотечных каникул», облегчающие положение субъектов, оказавшихся в сложной финансовой ситуации), или же иммунитеты (в форме освобождения от налога медицинских и образовательных организаций). Беспрецедентным (по количеству упоминаний в послании) типом правового преимущества оказалась льгота, обозначенная Президентом РФ для использования правотворческими органами в качестве правового инструмента более 9 раз. Не обошел глава государства своим вниманием и компании, только начинающие свое бизнес-движение, т. е. так называемые стартапы.

В частности, в документе говорится: «поручаю правительству сформировать максимально комфортные условия для частных инвестиций в технологические стартапы, нацелить на их поддержку институты развития. А парламентариев прошу оперативно принять законы, приоритетные для создания правовой среды новой, цифровой экономики, которые позволят заключать гражданские сделки и привлекать финансирование с использованием цифровых технологий, развивать электронную торговлю и сервисы. Все наше законодательство нужно настроить на новую технологическую реальность. Оно, это законодательство, а точнее, они, эти законы, не должны ограничивать становление передовых перспективных отраслей, а должны помогать этому развитию»[2].

Попробуем выяснить при использовании каких типов правовых преимуществ законодательство государства сможет добиться подобного рода комфортных условий и что они собой представляют с точки зрения механизма правового регулирования.

Во-первых, политика поддержки начинающих предприятий предполагает активное использование *привилегий*. Данная категория, входя в систему правовых преимуществ, в отличие от иных ее типов (льготы, иммунитета) имеет ярко выраженный экономико-производственный характер. С момента зарождения и до наших дней привилегии направлены на содействие развитию промышленности, торговли, изобретательства, добыче природных ресурсов и пр. Более ста лет назад А.А. Пиленко писал, что привилегии выдавались на открытие фабрик, заведение мануфактур, выработку драгоценных металлов[3]. Сегодня экономико- и про-

[1] Сырых В.М. Метод правовой науки: (Основные элементы, структура): монография. М., 1980. С. 44.

[2] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газета. 2019. 21 февр.

[3] Пиленко А.А. Право изобретателя: Ред. кол.: Козлова Н.В., Корнеев С.М., Кулагина Е.В., Панкратов П.А. М., 2001. С. 627.

изводственно-развивающая роль привилегий не потеряла своей актуальности. Они – эффективный инструмент регулирования трудовых отношений стартапов, сферы производства, промышленности, аграрной отрасли. В 2018 году на поддержку агропромышленного комплекса было предусмотрено дополнительное выделение из федерального бюджета более 240 миллиардов рублей, в т. ч., по максимально упрощенной форме получения *субсидии*[1]. Основанием для приобретения специального статуса организаций, занятых в указанных секторах, стала объективная потребность создания условий, способствующих легитимной поддержке в условиях неравномерного развития финансового рынка, распределения нагрузки, санкционных требований по приоритетным проектам.

Привилегиям принадлежит, безусловно, важная заслуга в формировании и дальнейшем укреплении не только таких фундаментальных институтов рыночных отношений, как частная собственность, но и поддержании стабильности, устойчивости различным экономическим колебаниям современных проектов на основе стартапов.

Во-вторых, государственная помощь в создании новых предприятий неизбежно подталкивает законодателя на установление *льгот*. Их регулятивный потенциал находит свое отражение в превалировании действия на оказание помощи. Не случайно ряд льгот характеризуются, по сути, мерами срочной помощи, для того, чтобы спасти, к примеру, юридическое лицо от ликвидации, банкротства и пр.

Так, одной из мер по предупреждению банкротства банковской организации предусмотрено оказание финансовой помощи, выделяемой государственными корпорациями на определенный срок, рассрочки по погашению задолженности, связанной с депонированием обязательных резервов и пр.[2]

Обращаем внимание на присутствие ценностных ориентиров при установлении всех правовых преимуществ в рамках стартапов, и льготы здесь не исключение. Речь идет, к примеру, об одобрении, стимулировании политики благотворительной деятельности и пожертвования. Так, «налогоплательщик имеет право на получение следующих социальных налоговых вычетов… в сумме доходов, перечисляемых налогоплательщиком в виде пожертвований: благотворительным организациям; социально ориентированным некоммерческим организациям на осуществление ими деятельности, предусмотренной законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях; некоммерческим организациям, осуществляющим деятельность в области науки, культуры, физической культуры и спорта (за исключением профессионального спорта), образования, просвещения, здравоохранения, защиты прав и свобод человека и гражданина, социальной и правовой поддержки и защиты граждан, содействия защите граждан от чрезвычайных ситуаций, охраны окружающей среды и защиты животных; религиозным организациям на осуществление ими уставной деятельности»[3].

Через уменьшение доходов, подлежащих налогообложению, на сумму фактически произведенных расходов на государственно-одобряемую деятельность, закон обеспечивает помощь тем организациям, которые в силу сложившихся обстоятельств не способны осуществлять ее самостоятельно либо это станет для них борьбой за выживание.

Безусловно, ведя речь о получении льгот для начинающих свое дело предпринимателей, необходимо акцентировать внимание на снижении бремени административных барьеров. Процедура реализации права на льготу или привилегию должна сопровождаться минимизацией подачи различных заявлений, прохождение лимитированного количества инстанций и ведомств. На этом акцентирует внимание Президент страны.

---

[1] Рос. газ. 2018. 07 февр.

[2] Определение Верховного Суда РФ от 08 февраля 2018 г. № 305-ЭС17-15339 по делу № А40-176343/2016 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ, пп. 1 ч. 1 ст. 219 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340; 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8412.

Не могли мы не остановиться на рисках, образующихся в виду возможности получения особо выгодных условий для начинающего бизнеса:

– злоупотреблениях преимущественным правовым положением отдельными субъектами;

– существующих рисках коррупционных преступлений, совершаемых в условиях действия особых правовых режимов, основанных на привилегиях и льготах (здесь речь идет не только о стартапах, но и территориях опережающего экономического развития, особых экономических зон и пр.);

– вероятности совершения административных правонарушений и дисциплинарных проступков в условиях несоблюдения конкурсной процедуры получения грантов, квот;

– нецелевого расходования преференций и субсидий.

Все они требуют не только тщательного изучения на предмет последующего предупреждения, но и выработки конкретных мер повышения системы прозрачности наделения всеми правовыми преимуществами, новых подходов в формировании подотчетности полученных выгод, усилении мер как государственного, так и корпоративного, общественного контроля и т. д.

Список литературы

1. Сырых В.М. Метод правовой науки: (Основные элементы, структура): монография. – М.: Юрид. лит., 1980. – 176 с.

2. Пиленко А.А. Право изобретателя / Ред. кол.: Козлова Н.В., Корнеев С.М., Кулагина Е.В., Панкратов П.А. – М.: Статут, 2001. – 688 с.

List of references

1. *Syrykh* V.M. *Metod pravovoy nauki: (Osnovnyye elementy, struktura): monografiya*. – [Method of legal science: (Basic elements, structure): monograph]. – M.: Yurid. lit., 1980. – 176 p.

2. Pilenko A.A. *Pravo izobretatelya* [Inventor's right] / Ed. col.: Kozlova N.V., Korneev S.M., Kulagina E.V., Pankratov P.A. – M.: Statute, 2001. – 688 p.

УДК 340.1

Антон Петрович Бибаров-Государев,
доцент кафедры гражданского права
Института права и национальной безопасности
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина
E-mail: bibarov@yandex.ru

Anton Petrovich Bibarov-Gosudarev,
Associate Professor, Department of Civil Law, Institute of Law and National Security,
Tambov State University named after G.R. Derzhavina

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ОСМЫСЛЕНИЮ КАТЕГОРИИ «НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ»

В статье раскрывается междисциплинарная природа правовой категории «национальное достояние». Исследуются различные подходы к его интерпретации. Автор статьи соотносит национальное достояние с философскими, экономическими, социологическими категориями и понятиями. Основное внимание уделяется анализу таких смежных категорий, как «общее благо» и «публичная собственность». Автор приходит к выводу, что они неразрывно связаны между собой. Центральное место занимает национальное достояние, являясь одновременно и публичной собственностью, и общим благом. Некоторые объекты публичной собственности также являются общим благом и требуют особенного внимания не только со стороны государства, но и общества, а национальное достояние должно стать идеологической и правовой основой для воспроизводства общих благ, существуя в виде не только специальной категории, но и специального правового режима.

Ключевые слова: национальное достояние, общее благо, публичная собственность, общественное достояние, национальное богатство.

INTERDISCIPLINARY APPROACH TO THE UNDERSTANDING THE CATEGORY «NATIONAL TREASURE»

The article reveals the interdisciplinary nature of the legal category «national treasure». Various approaches to its interpretation are investigated. The author of the article correlates the national treasure with philosophical, economic, sociological categories and concepts. The main focus is on the analysis of related categories such as «common good» and «public property». The author concludes that they are inextricably linked. The central place is occupied by the national treasure, being both public property and a common good. Some objects of public property are also a common good and require special attention not only from the state, but also society, and the national heritage should become an ideological and legal basis for the reproduction of common goods, existing in the form of not only a special category, but also a special legal regime.

Keywords: national commons, common good, public property, public domain, national wealth.

Изначальный смысл рассматриваемой правовой категории «национальное достояние» вкладывали еще римские юристы, видя в нем специальную область «общих для всех вещей». В их состав входил ограниченный круг природных «вещей» – воздух, Солнце, проточная вода, море и они изначально не могли находиться в чьей-либо собственности и считались общественным достоянием[1]. Данный подход к разработке дефиниции «национальное достояние» оправдан, по нашему мнению, тем, что в современной доктрине данная философско-правовая категория в определенной степени является результатом рецепции римского права.

Национальное достояние – это «общее благо». А.В. Захаров, исследуя правовые воззрения Б.Н. Чичерина, не раз отмечал, что общей целью государства в своей деятельности является нравственная цель – достижение «общего блага», в котором ученый видел инструмент гармоничного развития и согласования противоположных интересов, разделяющих общест-

[1] Новицкий И.Б. Римское право / Отв. ред. Е.А. Суханов; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Центр общественных наук. – 7-е изд., стереотип. М., 2000. С. 100.

во[1]. Мы предлагаем рассматривать с этой точки зрения не только согласование противоположных интересов, но и обеспечение сохранности общенациональных ценностей, что также входит в задачи государства. Чтобы не предопределять какие-либо противоречия между этими категориями и чтобы общее благо в виде национального достояния не стало задачей государства как достижения «общего блага», основной акцент предлагаем сделать на рассмотрении категории «национальное достояние» как самостоятельной, имеющей собственные теоретические и методологические основы.

Сущность национального достояния во многом определяется его центральным содержанием – дуализмом правовосприятия – национальное достояние как правовой режим и как особый вид собственности – общее благо. В первом случае предлагаем обратить внимание на труды Б.Н. Чичерина. Он дает юридическое обоснование необходимости автономности института собственности от государства на основе идей естественного права, ставя правовые преграды против злоупотребления властью государством в отношении собственности. Он предупреждает «даже революции политические не могут так поколебать общество, как вторжение в его коренные основы со стороны государства». Революции «касаются только вершины, оставляя непорушимыми все бесчисленные нити, связывающие людей в их частных отношениях, но как скоро дело касается собственности, так все колеблется...». Собственник чувствует, что «посягают на весь его личный мир, на его свободу, на его деятельность, на его прошедшее и будущее. Разлагаются первоначальные элементы общественного быта, все бесчисленные отношения, связывающие людей, разом порываются...»[2]. Поэтому, подчеркивает Чичерин, «вторжение государства в область собственности и стеснение права хозяина распоряжаться своим имуществом всегда должно рассматриваться как зло, которое по возможности должно быть устранено. Посягательство же со стороны государства на право собственности, иначе как в случае нужды и за справедливое вознаграждение, всегда есть насилие и неправда». Посягать на начала частной собственности «значит подрывать свободу в самом ее корне, уничтожать основы великого здания, воздвигнутого человечеством». И поскольку частная собственность является «идеалом всякого гражданского быта», делает другой вывод Б.Н. Чичерин, она «подлежит особому охранению со стороны государства»[3].

По прошествии стольких лет можно говорить о том, что Б.Н. Чичерин признавал вещи, находящиеся в общем употреблении, а потому изъятые из частного обращения, право распоряжаться которыми было ограничено даже у государства. С этой стороны Б.Н. Чичерин оказался одним из первых отечественных юристов, выделивших категорию вещей общих в употреблении, определив их абсолютный статус. На современном этапе, когда вопрос сохранения общих для всех благ наиболее актуален, такая концепция обязывает задуматься о таких благах не только государство, но и ответственную часть общества, готовую принять такие блага и обеспечивать их защиту. В то время как концепция общественного достояния, по мнению Б.Н. Чичерина, делало акцент на его доступности, теория общих в употреблении вещей делало акцент на некий противоположный аналог частной собственности. В современных философско-правовых и социологических изысканиях такие вещи относят к всенародному (национальному) достоянию.

Развивая вопрос национального достояния, обращаем внимание на то, что основной целью государства Б.Н. Чичерин считал достижение общего блага. Определение общего блага представляет значительную трудность, так как юридической наукой данная категория не разрабатывалась. В контексте работ великого мыслителя общее благо содержит в себе не столько общие материальные ценности, сколько общий интерес.

---

[1] Государственно-правовые воззрения Б.Н. Чичерина. Монография; Науч. ред.: Придворов Н.А. Тамбов, 2004. С. 153.

[2] Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Ч. 2. М., 2003. С. 65.

[3] Там же. С. 221.

Современный политолог В. Остром определяет общее благо как деятельность, приносящую пользу всей стране или определенной социальной общности[1].

Мы в свою очередь полагаем, что идеи об общем благе имеют под собой большое содержание. Они включают в себя идеи справедливости, единства, равенства. Примечательно, в русской философии права никогда не было единства в толковании понятия «общее благо». С.А. Муромцев и Ф.Ф. Кокошкин понимали под общим благом наибольшую сумму благ для наибольшего числа людей. Об этом же писали Н.М. Коркунов, М.М. Ковалевский, Б.А. Кистяковский. Б.Н. Чичерин в этом отношении достаточно уникален. Он видел в общем благе некий инструмент гармоничного развития и согласования противоположных интересов, разделяющих общество[2]. Все представители русской философии права сходились в одном – общественное благо (интерес) может признаваться в качестве высшей цели искренне или неискренне, но во всяком случае оно является в современном государстве общепризнанной регулятивной идеей политической деятельности.

Интересной на этом фоне представляется идея общего блага в виде служения государству. Это, по сути, еще аристотелевская идея, применительно к нашему исследованию подверглась существенной корректировке, однако сущность осталась прежней. Национальное достояние – это общее благо, но фактически находится в плоскости административного управления, на что указывает сам факт, что «respublica» это есть не что иное как общее дело, общая вещь, интерес[3]. Онтология вопроса национального достояния заключается в том, что оно есть неотъемлемая часть существующей правовой реальности, самостоятельным институтом со всеми свойственными ему атрибутами.

Междисциплинарность категории «национальное достояние» и ее интегративный характер подчеркивает ее соотнесение с подобными терминами в политологии, экономике и социологии. В политологии за категорией национального достояния, если отвлечься от механизма реализации прав субъектов на него (предполагающего к тому же значительное неравенство), нет позитивного содержания. Это лишь лозунг, используемый политиками для достижения собственных целей. В экономике национальное достояние сравнимо разве что с богатством, так как представляет собой важнейший показатель экономического состояния государства, представляющий в денежном выражении совокупность потребительных стоимостей, созданных и накопленных обществом за все время его производительности; включает: природные богатства, материальные и духовные ценности[4]. О других гранях данной категории можно также рассуждать, однако, на наш взгляд, нынешнее исследование преследует цель обособить эту категорию в юридической науке и применить для сохранения самых важных и значимых благ общества и государства. Сближение понятий всегда имела двоякие последствия. С одной стороны, оно лишь усугубляло их противоречия, а с другой – обогащала новыми свойствами и признаками, ранее остававшимися не замеченными.

Иногда используется термин национальное богатство, которое понимают как часть национального достояния государства, которое является показателем экономического состояния страны, представляет собой в денежном выражении совокупность благ, созданных и накопленных обществом за все время его производственной деятельности. Закон РСФСР «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР» определяет землю, ее недра, а именно запасы алмазов, золота, платины, драгоценных и полудрагоценных камней, серебра, нефти, угля, газа, урана, редкоземельных цветных и черных металлов и иных полезных

[1] Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество? М., 1993. С. 164.

[2] Захаров А.В. Проблемы понятия, происхождения и сущности государства в трактовке Б.Н. Чичерина // Правоведение. 2003. № 4. С. 226.

[3] Bourdieri P. Rethinking the State: Genesis and Structure of the Bureacratic Field. Cambridge (U. K.), 1998. P. 48.

[4] Шестаков А.В. Экономика и право: Энциклопедический словарь. М., 2000. С. 302.

ископаемых; воздушное пространство, воды, леса, растительный и животный мир, другие природные и сырьевые ресурсы, расположенные на территории РСФСР, ресурсы континентального шельфа и морской экономической зоны РСФСР, а также образующиеся в реках РСФСР запасы анадромных видов рыб за пределами морской экономической зоны, художественные и культурные ценности как национальное богатство народов РСФСР[1]. Однако, на наш взгляд, само национальное достояние является частью национального богатства, так как богатству не присущи неотчуждаемость и неоценимость. Более того, национальное богатство некоторые исследователи называют чистой ценностью материальных и финансовых активов, принадлежащих стране или частному лицу на определенный момент времени[2].

Необходимо отличать национальное достояние от общественного достояния. Общественное достояние – это комплексный правовой режим объектов авторского права, предоставляющий любому лицу бессрочное право свободно использовать объект авторского права, перешедшего в этот режим, без чьего-либо согласия или разрешения и без выплаты авторского вознаграждения. Основной целью создания режима общественного достояния является гарантирование права граждан на участие в культурной жизни (пункт 2 статьи 44 Конституции РФ) путем создания оптимальных условий доступа к объектам авторского права[3].

Необходимо так же различать понятие «национальное достояние» с такой категорией как «государственное достояние». Государственное достояние уже общественного. Например, в общественное достояние входит территория, на которой производится и воспроизводится общественное богатство. В государственное достояние оно может и не входить, или входит её часть, признаваемая в качестве территории государства.

Существует спорное мнение о том, что «достояние» является синонимом «собственности», а «публичное достояние» и «достояние Российской Федерации» являются синонимами «федеральной собственности»[4] либо ещё одной формой публичной собственности, субъектом которой является народ, народы, население[5]. Дело в том, что собственность, в том числе государственная собственность, является категорией гражданского права, устанавливается в отношении вещей, которые могут быть объектами права собственности (индивидуально-определенные, юридически обособленные). В отношение таких вещей государство действует как обычный субъект права собственности, т. е. владеет, пользуется и распоряжается ими в соответствии с правила гражданского оборота. Объекты национального достояния, природные ресурсы в частности, являются вещами общего пользования, вещами для всех, и имеют негражданскую, нецивилистическую природу, они не обладают свойствами предметно-индивидуальной присваиваемости и юридического обособления. Е.А. Суханов отмечает, что природные ресурсы не являются результатом труда человека и потому не должны присваиваться, поступать в чью-либо собственность; общенациональное достояние представляет собой такой правовой режим определенных видов имущества, когда на них вообще отсутствует чьё-либо право собственности, а имеется лишь компетенция государственных органов по управлению этим имуществом[6].

---

[1] Закон РСФСР от 31.10.1990 № 293-1 «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1990. № 22. Ст. 260.

[2] Осадчая Т.Г. Национальное богатство: государство как эффективный собственник. М., 2009. С. 17.

[3] Кобляков Н., Мартьянова Т. Общественное достояние как особый правовой режим объектов авторского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2001. № 4. С. 31-42

[4] Яковлева Р. Проблемы перехода произведения в общественное достояние до истечения срока действия исключительного права на произведение // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2009. № 7. С. 5; Никитин А.В., Пронина Е.Н. Культурное достояние как юридическое состояние и категория // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: Сборник научных трудов. Вып. 10 / Отв. ред.: Карташов В.Н. Ярославль, 2010. С. 105.

[5] Конституционно-правовой механизм ограничения права собственности в системе согласования публичных и частных интересов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». 2008. Выпуск 17. № 31 (132). С. 90.

[6] Суханов Е.А. Лекции и праве собственности. М., 1991. С. 29, 64.

Не менее интересен вопрос соотношения национального достояния с институтом права собственности. В юридической науке давно устоялась позиция, что правовой институт собственности следует относить к гражданскому праву. Такой подход обусловлен существующими научными разработками ученых теоретиков права, выработавших понятие «институт права». Так, например, Л.И. Спиридонов называет правовой институт группой юридических норм, регулирующих в пределах отрасли права отдельный подвид общественных отношений[1]. Такой подход предусматривает, что определенный институт права имеет место лишь в определенной отрасли права. Но, на наш взгляд, подобный вывод нельзя признать юридической аксиомой, так как фактически он приводит нас к мысли, что институт собственности это только подвид общественный отношений. Однако на самом деле это не так, ведь собственность возникла раньше государства и даже права. «При всем разнообразии теорий происхождения государства и права абсолютное их большинство подчеркивает то обстоятельство, что именно возникновение собственности оказало решающее влияние в происхождении государства и права» – пишет В.В. Гошуляк[2]. Мы абсолютно согласны с мнением В.В. Гошуляка и также полагаем, что собственность по своей природе неизбежно атрибут человеческого общества, отличающий его от мира животных, это основа жизни и деятельности человека. Именно поэтому нельзя институт собственности рассматривать как регулятор определенного подвида общественных отношений и тем более рассматривать его как институт только одной отрасли права. Сам институт собственности может включать в себя разнообразный спектр правовых норм. Так Е.А. Суханов в институт собственности включает не только нормы гражданского права, но и нормы публично-правового характера: конституционные, административные и даже уголовно-правовые. В.Д. Мазаев говорит о конституционно-правовом, цивилистическом, хозяйственно-правовом, финансовом и других элементах межотраслевого института права собственности[3]. А значит институт собственности представляется как межотраслевой, комплексный институт права. Но не все так однозначно. В.В. Гошуляк не разделяет такого подхода, указывая, что с одной стороны такая интерпретация института собственности может привести к его дроблению на более мелкие единицы – подинституты, которых теория права не знает. С другой стороны видеть институт собственности общим и определять его роль только как межотраслевой институт также чревато ложным выводом, так как эта же теория права не выработала понятия «общий институт права»[4]. Такие противоречия порождают наше предложение считать институт собственности представленным во всех без исключения отраслях права. Такая позиция также вытекает из многообразия существующих дефиниций собственности в теории права. Это понятно, так как собственность, к сожалению, не рассматривается одновременно через призму социальной и экономической категорий. Однако понятие собственности как социально-экономической категории является основой понимания собственности как юридической категории. Сама по себе собственность – это общественное отношение, так как в нем присутствует не только сам собственник, но и третьи лица, которые либо признают или не признают эту собственность. Под собственностью предлагаем понимать отношение между субъектами по поводу вещей или нематериальных благ, заключающиеся в принадлежности этих благ одним лицам (или группе лиц) и соответственно в отчужденности этих благ от всех других лиц. Вместе с тем, принадлежность, как отмечает В.В. Гошуляк, не является исключительной характеристикой собственности, поскольку предмет собственности может принадлежать и несобственникам[5]. Поэтому принадлежность в контексте нашего определения это есть по сути отношение, которое удачным образом описал К. Маркс. «Собственность, – пишет К. Маркс, – есть отношение определенных лиц к материальным благам как к своим, как к принадлежащим им»[6].

[1] Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М., 2001. С. 237.
[2] Гошуляк В.В. Собственность в конституционном измерении: монография. М., 2012.
[3] Мазаев В.Д. Понятие и конституционные принципы публичной собственности. М., 2004.
[4] Гошуляк В.В. Собственность в конституционном измерении: монография. М., 2012. С. 8.
[5] Гошуляк В.В. Указ. соч. С. 12.
[6] Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Сочинения. Т. 46. Ч. 1., 1955. С. 272.

Наиболее отождествляемым с понятием «национальное достояние» в науке является понятие «национальное богатство». Такой позиции придерживались Д.С. Львов, У. Петти, которые не видели разницы между национальным богатством и достоянием. Однако анализ этих двух понятий позволяет рассматривать национальное богатство, как часть национального достояния государства, которое представляет собой совокупность материальных ценностей, накопленных и созданных обществом в процессе его жизнедеятельности на данный момент времени. Национальное достояние государства оценить в полной мере (в отличие от национального богатства) не представляется возможным ввиду отсутствия объективных критериев оценки стоимости интеллектуального труда и тем более духовного и культурно-исторического наследия. Кроме того, невозможно оценить те или иные природные ресурсы, которые не востребованы обществом на данный исторический момент его развития. Таким образом, нижней границей оценки национального достояния государства является оценка его национального богатства.

Исследуя национальное достояние сквозь призму публичной собственности, можно выделить определенную взаимосвязь понятий публичной собственности и суверенитета, самостоятельности власти. При этом отметим, что суверенитет и самостоятельность являются качественными характеристиками власти. Следует признать, что объекты культуры или природы оказывают на этот фактор наименьшее влияние, однако степень такого влияния начинает возрастать с повышением культуры и экономическим благополучием населения государства. Вместе с тем, важнейшей функцией государства является обеспечение удовлетворения общественных потребностей. Данное обстоятельство осознавалось уже в самых первых государственных образованиях. Так, древнегреческий философ Сократ считал побудительной причиной создания государства именно многообразие материальных нужд человека и невозможность удовлетворять их в одиночку[1]. Однако удовлетворение общественных потребностей требует обобществления части национального богатства, в связи с чем публичная собственность является объективно необходимым элементом структуры любого общества.

Таким образом, категории «публичная собственность», «национальное достояние» и «общее благо» неразрывно связаны между собой. Центральное место занимает национальное достояние, являясь одновременно и публичной собственностью и общим благом. Отсюда можно сделать логический вывод, что некоторые объекты публичной собственности также являются общим благом и требуют особенного внимания не только со стороны государства, но и общества, а национальное достояние должно стать идеологической и правовой основой для воспроизводства общих благ, существуя в виде не только специальной категории, но и специального правового режима.

Отдельно также следует отметить соотношение категорий «национальное достояние» и «национальное богатство» Национальное достояние предполагается изначально как часть национального богатства, выражает его наивысшую ценность и благо.

Концепция общего блага весьма удачно вписывается в современную концепцию представления части общенародной собственности как национального достояния. Фактически можно говорить о том, что общее благо имеет под собой два начала – одно касается непосредственного материального базиса в виде особо ценных объектов природы и культуры, другое касается государственного и общественного дела, направленного на достижение общих целей. Следует признать, что публичная собственность – это база формирования государственных доходов, без которых невозможно осуществление публично-правовыми образованиями их публичных функций. Национальное достояние если и формирует какие-либо государственные доходы, то не в ущерб своему материальному и духовному содержанию.

[1] Мазаев В.Д. Публичная собственность как экономическая основа национальной власти // Национальные интересы. 2002. № 4 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://www.ni-journal.ru/archive/dc347408/47943eaf/eb7c69de/fe91d907/.

Список литературы

1. Bourdieriu P. Rethinking the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field. – Cambridge (U. K.) Polity Press, 1998.

2. Гошуляк, В.В. Собственность в конституционном измерении: монография. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 216 с.

3. Захаров А.В. Проблемы понятия, происхождения и сущности государства в трактовке Б.Н. Чичерина // Правоведение. – 2003. – № 4. – С. 226.

4. Захаров А.В. Государственно-правовые воззрения Б.Н. Чичерина. Монография; Науч. ред.: Придворов Н.А. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2004. – С. 153.

5. Кобляков Н.М., Мартьянова Т.А. Общественное достояние как особый правовой режим объектов авторского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2001. – № 4. – С. 31-42.

6. Мазаев В.Д. Публичная собственность как экономическая основа национальной власти // Национальные интересы. – 2002. – № 4 [электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://www.ni journal.ru/archive/dc347408/47943eaf/eb7c69de/fe91d907/.

7. Мазаев В.Д. Понятие и конституционные принципы публичной собственности. – М.: Институт права и публичной политики, 2004. – 123 с.

8. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Сочинения. – Т. 46. – Ч. 1. – 1955. – 618 с.

9. Никитин А.В., Пронина Е.Н. Культурное достояние как юридическое состояние и категория // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: Сборник научных трудов. Вып. 10 / Отв. ред.: Карташов В.Н. – Ярославль, 2010. – С. 91-115.

10. Новицкий И.Б. Римское право / Отв. ред. Е.А. Суханов; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Центр общественных наук. – 7-е изд., стереотип. – М.: Ассоциация «Гуманитарное знание»; Теис, 2003. – 310 с.

11. Осадчая Т.Г. Национальное богатство: государство как эффективный собственник. – М.: АСТ, 2009. – 546 с.

12. Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество? – М.: Арена, 1993. – 320 с.

13. Скрыль С.М. Конституционно-правовой механизм ограничения права собственности в системе согласования публичных и частных интересов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». – 2008. – Выпуск 17. – № 31 (132). – С. 74-78.

14. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. – М.: ПБОЮЛ Захаров М.А., 2001. – 304 с.

15. Суханов Е.А. Лекции и праве собственности. – М.: Юрид. лит., 1991. – 239 с.

16. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Ч. 2. – М., 2003.

17. Шестаков А.В. Экономика и право: Энциклопедический словарь. – М.: Дашков и К, 2000. – 568 с.

18. Яковлева Р. Проблемы перехода произведения в общественное достояние до истечения срока действия исключительного права на произведение // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2009. – № 7. – С. 4-8.

List of references

1. Bourdieriu P. *Rethinking the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field. – Cambridge (U. K.): Polity Press* [Rethinking the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field]. – Cambridge (U. K.): Polity Press, 1998.

2. Goshulyak V.V. *Sobstvennost' v konstitutsionnom izmerenii: monografiya. – M.: Yurlitinform* [Ownership in the constitutional dimension: a monograph]. – M.: Yurlitinform, 2012. – 216 p.

3. Zakharov A.V. *Problemy ponyatiya, proiskhozhdeniya i sushchnosti gosudarstva v traktovke B.N. Chicherina // Pravovedeniye*. [Problems of the concept, origin and essence of the state in the interpretation of B.N. Chicherina] // Jurisprudence. – 2003. – № 4. – Pp. 226.

4. Zakharov A.V. *Gosudarstvenno-pravovyye vozzreniya B.N. Chicherina. Monografiya;* [State and legal views B.N. Chicherin. Monograph]; Scientific Ed.: Pridvorov N.A. – Tambov: TSU Publishing House, 2004. – P. 153.

5. Koblyakov N.M., Martyanova T.A. *Obshchestvennoye dostoyaniye kak osobyy pravovoy rezhim ob"yektov avtorskogo prava // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoye pravo i smezhnyye prava* [The public domain as a special legal regime of copyright // Intellectual property. Copyright and related rights]. – 2001. – № 4. – Pp. 31-42.

6. Mazaev V.D. *Publichnaya sobstvennost' kak ekonomicheskaya osnova natsional'noy vlasti // Natsional'nyye interesy* [Public ownership as the economic basis of national power] // National interests. – 2002. – № 4 [Electronic resource]. Access mode. URL: http://www.ni journal.ru/archive/dc347408/47943eaf/eb7c69de/fe91d907/.

7. Mazaev V.D. *Ponyatiye i konstitutsionnyye printsipy publichnoy sobstvennosti. – M.: Institut prava i publichnoy politiki* [The concept and constitutional principles of public ownership]. – M.: Institute of Law and Public Policy, 2004. – 123 p.

8. Marx K., Engels F. Kapital. Sochineniya [Capital. Written works]s. – V. 46. – Part 1. – 1955. – 618 p.

9. Nikitin A.V., Pronina E.N. *Kul'turnoye dostoyaniye kak yuridicheskoye sostoyaniye i kategoriya // Aktual'nyye problemy teorii i istorii pravovoy sistemy obshchestva: Sbornik nauchnykh trudov.* [Cultural heritage as a legal state and category // Actual problems of the theory and history of the legal system of society: Collection of scientific papers]. Vol. 10 / Answer Ed.: Kartashov V.N. – Yaroslavl, 2010. – Pp. 91-115.

10. Novitsky I.B. *Rimskoye pravo* [Roman law] / Ans. ed. E.A. Sukhanov; Moscow State University M.V. Lomonosov. [Center for Social Sciences]. – 7th ed., Stereotype. – M.: Humanitarian Knowledge Association; Teis, 2003. – 310 p.

11. Osadchaya T.G. *Natsional'noye bogatstvo: gosudarstvo kak effektivnyy sobstvennik.* [National wealth: the state as an effective owner. – M.: AST, 2009. – 546 p.

12. Ostrom V. *Smysl amerikanskogo federalizma. Chto takoye samoupravlyayushcheyesya obshchestvo* [The meaning of American federalism. What is a self-governing society?] – M.: Arena, 1993. – 320 p.

13. Skryl S.M. *Konstitutsionno-pravovoy mekhanizm ogranicheniya prava sobstvennosti v sisteme soglasovaniya publichnykh i chastnykh interesov // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo»* [The constitutional-legal mechanism for restricting property rights in the system of coordination of public and private interests] // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series «Law». – 2008. – Issue 17. – № 31 (132). – Pp. 74-78.

14. Spiridonov L.I. *Teoriya gosudarstva i prava. – M.: PBOYUL Zakharov* [Theory of Government and Rights]. – M.: PBUYUL Zakharov M.A., 2001. – 304 p.

15. Sukhanov E.A. Lektsii i prave sobstvennosti [Lectures and ownership]. – M.: Yurid. lit., 1991. – 239 p.

16. Chicherin B.N. *Sobstvennost' i gosudarstvo.* [Property and state]. Part 2. – M., 2003.

17. Shestakov A.V. *Ekonomika i pravo: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Economics and Law: Encyclopedic Dictionary]. – M.: Dashkov and K, 2000. – 568 p.

18. Yakovleva R. *Problemy perekhoda proizvedeniya v obshchestvennoye dostoyaniye do istecheniya sroka deystviya isklyuchitel'nogo prava na proizvedeniye // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoye pravo i smezhnyye prava* [Problems of transferring a work into the public domain before the expiration of the exclusive right to a work] // Intellectual Property. Copyright and related rights. – 2009. – № 7. – Pp. 4-8.

УДК 340.1

Владимир Викторович Булгаков,
доцент кафедры гражданского права
Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: bvv30081960@yandex.ru

Vladimir Viktorovich Bulgakov,
Associate Professor of the Department of Civil Law of the Institute of Law and National Security
of the Federal State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Tambov State University
named after G.R. Derzhavin, Candidate of Law, Associate Professor

Дарья Владимировна Булгакова,
ассистент кафедры уголовного права и процесса Института права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
E-mail: dv.bulgakova@mail.ru

Daria Vladimirovna Bulgakova,
assistant of the Department of Criminal Law and Process of the Institute of Law and National Security
of the Federal State Educational Establishment of Higher Professional Education
of the Tambov State University named after G.R. Derzhavin

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ПРАВО: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ

Актуальность статьи обусловлена важностью существующей проблемы взаимосвязи категории справедливости и современного российского права, понимания таких категорий как «справедливость в праве», «справедливость права» и «юридическая справедливость». Цель статьи – провести анализ позиций, касающихся соотношения права и справедливости, раскрыть их сущность и формы взаимодействия. Методологической основой исследования является общенаучный диалектический метод познания социальных явлений. Кроме того, при написании работы широко применялись логические методы и приемы познания: анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, системный подход. Авторы полагают, что справедливость, являясь общеотраслевым принципом, заключает в себе все «этажи» правовой системы – от отдельных норм до права в целом. В том случае, когда принцип справедливости опосредуется в праве, право приобретает свойство справедливости. Авторы указывают на ключевую задачу права по отношению к справедливости, а именно – минимизация или исключение элемента случайности распределения.

Ключевые слова: право, справедливость, правовая категория, справедливость права, идея справедливости.

JUSTICE AND MODERN RUSSIAN LAW: THEPROBLEM OF INTERCONNECTION

Topicality of the article bases on the importance of the existing problem of the relationship between the category of justice and modern Russian law, the understanding of such categories as «justice in law», «justice of law» and «legal justice». The purpose of the article is to analyze the positions concerning the relationship of law and justice, to reveal theire ssence and forms of interaction. The methodological basis of the research is the General scientific dialectical method of cognition of social phenomena. In addition, when writing the work widely used logical methods and techniques of knowledge: analysis, synthesis, abstraction, generalization, systematic approach. The authors believes that justice, being an industry-wide principle, includes all the «floors» of the legal system – from individual rules to the law as a whole. In the case where the principle of justice is mediated in law, the right acquires the property of justice. The authors points to the key task of law in relation to justice, namely, to minimize or eliminate the element of random distribution.

Keywords: law, justice, legal category, justice of the law, the idea of justice.

В нынешнее время в ходе процесса глобализации особую значимость приобретает проблема справедливости не только в теории, но и на практике. Большое внимание уделяется справедливости, так как важнейшая ценность прошлого, настоящего и будущего ориентирована на создание благополучного устройства общества, которое сможет удовлетворять быстро растущие потребности людей.

Рассматривая сущность такой правовой категории, как справедливость, в первую очередь, необходимо отметить, что она базируется на той же основе, что и нравственность. Как отмечает Т.И. Филимонова: «Справедливость – одна из важнейших нравственных проблем современности»[1] и ее установление и поддержание – это то, к чему всегда стремится человечество. Справедливость является некой общечеловеческой ценностью, связанной с пониманием и осознанием права. Она выступает как часть нравственной и правовой культуры, как условие стабильного и нормального сосуществования человечества.

В связи с этим, было бы неверным связывать ее существование лишь с действительностью права. Однако тот факт, что справедливость не тождественна праву, и не вытекает из него, вовсе не означает, что право безразлично к справедливости, либо что справедливость и право – два не связанных между собой явления. Напротив, между этими явлениями существует тесная связь, обусловленная их особой ролью в регулировании поведения людей[2]. В то же время, заслуживает внимания позиция, высказанная русским правоведом С.А. Муромцевым, которым подчеркивалось, что наиболее резко в нашем сознании категории право и справедливость представляются именно как два понятия, противоположных одно другому[3]. Необходимо учитывать, что данные рассуждения были приведены почти 130 лет назад, и согласиться с ними можно лишь с некоторой долей условности. Также важно отметить, что тесная связь, сложившаяся между справедливостью и правом, обусловлена особой ролью данных явлений в поведении людей.

В условиях сложившейся проблемы неопределенности данной категории, требуется формулирование чёткого недвусмысленного ответа на вопрос о месте справедливости в системе правовых категорий, а также самой возможности выступления справедливости в качестве правовой категории.

С целью поиска ответа на вопрос о месте справедливости в праве, о возможности признания справедливости как правовой категории, следует обратиться к самой дефиниции правовой категории. А.М. Васильев определяет правовые категории как: «Содержательные, предметные, научные постановления, воспроизводящие идеально (в мышлении) объективную суть реальных процессов и отношений правовой действительности, выражающие специфически правовую, качественную определенность данных процессов и явлений»[4].

Стоит отметить, что качества справедливости не теряются даже тогда, когда она приобретает юридическую специфику. Так, требование справедливости, находящее свое выражение в праве, выступает в качестве не только морального, но и правового требования. В случае же, если это требование теряет справедливую основу с точки зрения морали, то, находя свое выражение через правовые нормы, оно также перестает быть справедливым. Таким образом, как справедливо отмечал Л.С. Явич, выраженная в праве справедливость является этико-юридическим феноменом[5]. В то же время, заслуживает внимания точка зрения Т.М. Клименко, согласно которой, справедливость, в первую очередь, является морально-

[1] Филимонова Т.И. Проблемы соотношения права и справедливости применительно к институту административной ответственности // Современные научные исследования и инновации. 2012. № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://web.snauka.ru/issues/2012/01/6649 (дата обращения: 24.08.2019).

[2] См.: Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 57-58.

[3] Муромцев С.А. Право и справедливость: сб. правоведения и общественных знаний. СПб. 1893. Том 2. С. 8.

[4] Васильев А.М. Указ. соч. С. 57.

[5] Явич Л.С. Общая теория права; Под ред.: Королев А.И. Л., 1976. С. 158.

этической или философско-этической категорией, но в то же время справедливость – категория правовая[1]. Справедливость и право – две взаимосвязанные категории и отделять одно от другого невозможно. Их взаимосвязь можно подтвердить даже наличием общей основы в словах. Так, в латинском языке «справедливость» происходит от слова «право» (jus). И в русском языке они также имеют общую основу «прав», выделял В.И. Даль.

Примечательна позиция, высказанная Б.Т. Разгильдиевым, что, «не совсем верно признавать справедливость только правовой категорией, т. к. подобная позиция преувеличивает роль права в обществе, и не все общественные отношения подпадают под правовое регулирование и многие из них регламентируются моралью»[2].

Таким образом, не существует единства во взглядах ученых на место в правовой системе такого понятия, как справедливость, при этом необходимо разграничивать понятия:

– справедливость в праве – нравственная категория, проявляющая свои идеи в праве;

– справедливость права – реализация справедливости по средствам права;

– юридическая справедливость – отождествляется с законностью, где справедливость проявляется в равном применении закона к каждому человеку и гражданину.

В юридической литературе ведущие позиции занимает точка зрения, согласно которой сущность, функции, смысловое выражение а также непосредственно само происхождение справедливости и права во многом тесно соотносятся. При понимании невозможности отождествления права и справедливости, в силу того, что далеко не всегда право (находящее свое непосредственное выражение в законе) является справедливым, а справедливость охватывает в своем понимании не только правовую сферу, необходимо отметить, что «правовое» в своей основе всегда стремится быть справедливым, а термины «право» и «справедливость» близки по смыслу. Справедливость в значительной мере остаётся явлением морали, социальным и этическим критерием права. Нередко она воспринимается инстинктивно как «моральное право».

Идея справедливости, к которой, в конечном счете, обращается любая система оценок в рамках нравственности в силу принятия справедливости в качестве эталона нравственного поведения, пронизывает все взаимоотношения людей. Справедливость самостоятельно либо в соответствии с другими факторами поведения выступает в качестве цели поступков людей. По своей природе и сущности справедливости присуща функция обеспечения социальной ценности норм права. По нашему мнению, правовое регулирование без учета справедливости в качестве критерия соизмеримости поведения людей представляется крайне затруднительным. При этом считаем обоснованной и верной позицию, согласно которой в классовом обществе отсутствует возможность реализации справедливости как господствующего идеала без правового регулирования.

Как уже отмечалось выше, содержание справедливости в различных факторах, к числу которых принято относить экономические, политические, нравственные и иные факторы. Из вышесказанного может быть сформулирован с виду вполне логичный, но не обоснованный вывод о том, что проблема создания права, являющегося справедливым по отношению к взглядам основной части населения может быть снята вовсе. Анализируя сложившуюся ситуацию, необходимо помнить о том, что, как уже говорилось ранее, справедливость есть идеал нравственного поведения, который уже глубоко закрепился в общественном сознании. Так, люди столетиями выстраивали в своих мыслях и теориях общество, построенное на основе рационализма, особо выделяя необходимость существования и функционирования справедливого права. В частности, отдельные проявления этого можно найти в народном творчестве разных народов – фольклоре.

В теории права и междисциплинарных исследованиях сложилось два основных способа рассмотрения, изучения и интерпретации связи справедливости и права, противоположных друг другу по своему внутреннему содержанию: материалистический и идеалистический.

[1] Клименко Т.М. Справедливость как принцип права // Вектор науки ТГУ. № 1 (4). 2011. С. 136.

[2] Уголовное право России. Курс лекций: В 6 томах. Т. 1: Кн. 2 / Блинов А.Г., Бытко Ю.И., Лопашенко Н.А.; Под ред.: Разгильдиев Б.Т. Саратов, 2004. С. 193.

Говоря о материалистическом способе, можно сказать, что он, по существу, является продуктом новейшей истории человечества, достижением научно обоснованной общественной мысли. Идеалистический способ имеет под собой прочную основу в виде использования его в течение многих веков; он смог укорениться в головах и сознании людей, сформировал устойчивые формы, породил традиции и прочные предрассудки. Как отмечалось еще в двадцатом веке советским ученым-правоведом Г.В. Мальцевым: «Идеализм достаточно живуч, и нигде, пожалуй, он не занимает таких прочных позиций, не имеет столь глубоких корней, как в области буржуазной философии права. Поэтому борьба с идеалистическим мировоззрением в праве приобретает особую актуальность»[1].

Считаем необходимым, для рассмотрения темы выйти за пределы анализа различных идеологических образований, поскольку на данном этапе возникает потребность выведения проблематики сущности и содержания права в принципиально иную плоскость – объективных экономических закономерностей социального развития, в сферу общественных отношений. При этом в праве мы можем увидеть соотношение материального и идеологического, объективного и субъективного, которое характерно не только для системы права, но и для системы справедливости.

Можно сказать, что, в отличие от экономики, политики, право и мораль являются надстроечными сферами общественной жизни, что говорит о том, что историческое развитие данных сфер основано на экономическом базисе. Это является основой теории, согласно которой политика, право и мораль являются явлениями одного плана, а именно нормативно-регулятивными системами, структуры которых во многом схожи и состоят из единства трех элементов: «общественного отношения (политическое, моральное, правовое); идеи (политическое, моральное, правовое сознание); нормы (политическая, моральная, правовая)»[2].

Проблема справедливости для правовой науки настолько значима, что продолжительное время в науке стойко держалось представление, согласно которому справедливость творит право, полностью предваряет его. Но, полагаем, что ни справедливость не творит исчерпывающее право, ни право не создает содержательную справедливость. Эти явления воздействуют друг на друга всепроникающие и основательно. Правовые установления, которые оторваны от требований справедливости, утрачивают гуманистическое духовное содержание и нравственную ценность.

Таким образом, выявлена взаимосвязь справедливости и права, где справедливость является основой, «фундаментом» права. Справедливость для права являлась и является ценностным ориентиром, идеалом, она подталкивает право к постоянному совершенствованию и не позволяет ему (праву) деградировать.

Список литературы

1. Филимонова Т.И. Проблемы соотношения права и справедливости применительно к институту административной ответственности // Современные научные исследования и инновации. – 2012. – № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://web.snauka.ru/issues/2012/01/6649 (дата обращения: 24.08.2019).
2. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. – М.: Юридическая литература, 1976. – 264 с.
3. Муромцев С.А. Право и справедливость: сб. правоведения и общественных знаний. – СПб.: Типография Стасюлевича, 1893. – С. 1-12.
4. Явич Л.С. Общая теория права; Под ред.: Королев А.И. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 285 с.
5. Клименко Т.М. Справедливость как принцип права // Вектор науки ТГУ. № 1 (4). 2011. С. 135-137.
6. Уголовное право России. Курс лекций: В 6 томах. Т. 1: Кн. 2 / А.Г. Блинов, Ю.И. Бытко, Н.А. Лопашенко; Под ред.: Разгильдиев Б.Т. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. – 232 с.
7. Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. – М.: Мысль, 1977. – 255 с.

[1] Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. М., 1977. С. 216.
[2] Там же. С. 219.

List of references

1. Filimonova T.I. *Problemy sootnosheniya prava i spravedlivosti primenitel'no k institutu administrativnoy otvetstvennosti // Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii* [The problems of correlation of law and justice in relation to the institution of administrative responsibility // Modern scientific research and innovation]. – 2012. – № 1 [Electronic resource]. URL: http: //web.snauka.ru/issues/2012/01/6649 (date of access: 08.24.2019).

2. Vasiliev A.M. *Pravovyye kategorii. Metodologicheskiye aspekty razrabotki sistemy kategoriy teorii prava* [Legal categories. Methodological aspects of developing a system of categories of legal theory]. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1976. – 264 pp.

3. Muromtsev S.A. *Pravo i spravedlivost': sb. pravovedeniya i obshchestvennykh znaniy.* [Law and justice: Sat jurisprudence and public knowledge]. – St. Petersburg: Stasyulevich Printing House, 1893. – Pp. 1-12.

4. Yavich L.S. *Obshchaya teoriya prava;* [General theory of law]; Edited by: Korolev A.I. – L.: Publishing house Leningrad. University, 1976. – 285 p.

5. Klimenko T.M. *Spravedlivost' kak printsip prava* [Justice as a principle of law] // Vector of science TSU. – № 1 (4). 2011. – Pp. 135-137.

6. *Ugolovnoye pravo Rossii. Kurs lektsiy* [The criminal law of Russia. Lecture Course]: In 6 volumes. T. 1: Prince 2 / A.G. Blinov, Yu.I. Bytko, N.A. Lopashenko; Edited by: Razgildiev B.T. – Saratov: Publishing House of the State Educational Institution of Higher Professional Education «Saratov State Academy of Law», 2004. – 232 p.

7. Maltsev G.V. *Sotsial'naya spravedlivost' i pravo* [Social justice and law]. – M.: Mysl, 1977. – 255 p.

УДК 340.1

Александр Николаевич Зрячкин,
доцент кафедры теории государства и права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: alnikol@yandex.ru

Aleksander N. Zryachkin,
associate Professor of the department of theory of state and law
FSBEI of HE «Saratov State Law Academy», candidate of law, associate Professor

РОЛЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ПРЕОДОЛЕНИИ ДЕФОРМАЦИЙ ПРАВОСОЗНАНИЯ

В статье описывается роль междисциплинарного подхода в преодолении деформаций правосознания. Обосновывается важность как грамотной доктринальной позиции представителей теоретико-правового направления, так и безошибочной практической работы участников юридического сообщества. Подчеркивается, что одно из главных условий успешности междисциплинарных мероприятий – их комплексный скоординированный характер.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, правосознание, правовая культура, правовой идеализм, правовой нигилизм, правовая доктрина, правовое воспитание, юридическая практика, юридическая деятельность.

THE ROLE OF INTERDISCIPLINARY APPROACH IN OVERCOMING THE DEFORMATIONS OF THE SENSE OF JUSTICE

The article describes the role of interdisciplinary approach in overcoming the deformations of justice. Proves the importance of a competent doctrinal positions of the representatives of theoretical and legal areas, and an infallible practical work of members of the legal community. It is emphasized that one of the main conditions for the success of interdisciplinary activities is their integrated coordinated nature.

Keywords: interdisciplinary approach, sense of justice, legal culture, legal idealism, legal nihilism, legal doctrine, legal education, legal practice, legal activity.

Междисциплинарный подход – одна из ключевых возможностей в преодолении деформаций правосознания, поскольку именно в его рамках наиболее успешно сочетаются теоретико-правовые исследования и предложения практических работников по решению накопившихся проблем. Базой для начала его реализации выступит, безусловно, теория государства и права, так как наряду с категориями «государство», «право», «закон», «формы реализации права» в ней исследуются и такие феномены, как правовая культура и пути ее повышения, правосознание, его деформации и способы борьбы с ними. В рамках базового курса намечается перечень мер, воплощение которых благотворно повлияет на восприятие субъектами правовых ценностей и предписаний.

Следует согласиться с позицией В.Г. Графского, по мнению которого степень действенности закона необходимо обсуждать не только с позиций междисциплинарного описания и объяснения, но также с учетом ее взаимосвязи и взаимозависимости с юридическим межотраслевым измерением и результативностью[1]. Ведь итог грамотной, полноценной, безошибочной реализации нормативного акта – хороший пример того, каким образом можно добиваться поставленных целей при высоком уровне юридической культуры и профессиональных навыков.

От степени компетентности представителей государственных органов напрямую зависит эффективность защиты и охраны прав и свобод личности. Данное положение становится особенно актуальным с учетом того, что в настоящее время формируются новые правовые

[1] См.: Графский В.Г. О междисциплинарном подходе в изучении права и законов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. № 4. С. 108.

институты, стираются и становятся более подвижными границы между отраслями законодательства, усложняется структура отраслей права. Увеличение количества нормативных правовых актов, недостаточная систематизация законодательства в важнейших жизненных сферах, наличие бланкетных предписаний сказываются и на правоприменительной практике и на уровне правовой культуры. Повышение качества и эффективности принимаемых норм, их поэтапная кодификация на основе конституционных положений должны стать ориентиром законодательной политики в этой сфере[1]. Междисциплинарный подход и комплексный анализ ситуации позволят значительно снизить данную проблему, поскольку в рамках такой деятельности активную позицию должны занимать не только законодатели, но и представители всех отраслей правоприменения.

Важное значение междисциплинарный подход обретает в области высшего образования, поскольку именно с этим этапом жизни и деятельности напрямую связано повышение общей и правовой культуры населения. В этой связи интересна практика, предпринимаемая в Польше, где кардинальные изменения связываются с прямым применением следующих мер:

– введением Закона о высшем образовании 2.0, так называемой Конституции Науки, задача которого повысить конкурентоспособность польских вузов и проводимые научные исследования довести до мирового уровня;

– реализацией «Стратегии развития высшего образования до 2020 года» предусматривающей его комплексную реформу, и в первую очередь, в области структуры и содержания образования[2].

Структурная дифференциация вузов в таком ключе предусматривает введение:

– профессиональных организаций и академических колледжей, обеспечивающих профессиональную подготовку;

– вузов, объединяющих подготовку специалистов с исследовательской деятельностью;

– вузов, готовящих исследователей;

– мультидисциплинарных учебных заведений, вооружающих студентов на уровне бакалавриата универсальными умениями, необходимыми для любого вида интеллектуального труда.

Происходит предоставление вузам самостоятельности в разработке учебных программ и дипломных проектов, соответствующих рекомендациям экспертов OECD для Польши[3] и принципам Европейских Квалификационных Рамок.

Дипломные проекты (мультидисциплинарные, профессиональные, академические и исследовательские), включающие знания, умения и компетенции, соотносятся с Национальными Квалификационными Рамками для определенного уровня образования, а также содержат описание «пути», который должен пройти студент (curriculum), перечень обязательных и дополнительных предметов, а также число зачетных единиц ECTS. Организация учебного процесса при этом напрямую подразумевает использование междисциплинарного подхода, акцентирование внимания на постоянной взаимной связи науки и практики, необходимости непрерывного совершенствования профессиональных знаний, умений и навыков в течение всего периода активной жизнедеятельности человека[4].

Важное значение в свете преодоления юридического нигилизма, идеализма и других деформаций правосознания может иметь активизация правового всеобуча с участием пред-

[1] См.: Савина И.В. О междисциплинарном подходе к защите имущественных прав несовершеннолетних // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. 2016. № 5. С. 196-199.

[2] См.: Strategia rozwoju szkolnictwa wyższego w Polsce do 2020 roku – drugi wariant https://www.nauka.gov.pl/g2/oryginal/2013_05/59579f9e6efaec82014d6d5be081ca23.pdf (дата обращения: 20.09.2019).

[3] Tertiary Education Reviews. Poland, 2007.

[4] См. подробнее: Савина А.К. Польша: поиски междисциплинарных подходов к решению проблем высшего образования // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования: Материалы XIII научно-методической конференции с международным участием. Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2018. С. 151-153.

ставителей научного сообщества и практических сфер правового регулирования. В советское время такая практика существовала, в том числе с активным применением междисциплинарного подхода. Главной целью такой деятельности была идеология, стремление показать весь спектр прав гражданина страны Советов, которые, впрочем, на практике не всегда реализовывались, но эта идеология приносила свои плоды. Существовали общественные университеты правовых знаний.

Сегодня инициаторами всеобуча могут стать органы власти, которые призваны разрабатывать соответствующие программы по правовому обучению с определением источников финансирования. В создании программ активное участие должны принимать члены представительных органов работников на предприятии (профсоюзов). Представляется возможным организовать на уровне федераций профсоюзов субъектов РФ лекторские группы, в которые могут входить как преподаватели юридических вузов, так и практикующие юристы.

Повышение квалификации специалистов и дополнительное обучение на предприятиях могут происходить на соответствующих курсах, программа которых предусматривает лишь получение необходимых знаний. Развитие общественных отношений объективно требует дополнения указанной программы общеправовыми знаниями с применением междисциплинарного подхода.

Еще один способ преодоления деформаций правосознания – повышение качества принимаемых законов. По мнению Т.В. Кашаниной, чтобы быть качественным, законодательство должно отвечать следующим требованиям: отражение воли государства, стремление к минимальному количеству нормативных актов, стабильность, своевременное обновление, полнота, конкретность, демократичность[1]. Нормативные акты должны также отражать реальную ситуацию, происходящую в обществе, быть адекватными современности. Междисциплинарный подход может в полной мере способствовать этим моментам.

В порожденном государством океане нормативных актов, определенная часть которых не действуют, либо противоречат друг другу, даже опытный юрист может утонуть, не говоря уже о простых гражданах. Для выхода из сложившегося положения нужно сформировать единую общедоступную информационно-правовую систему, в которую включать сведения из всех юридических дисциплин. Для удобства пользования и обеспечения доступности правовой базы, устранения устаревших норм, объявленного в рамках «регуляторной гильотины» с 1 января 2020 года и ликвидации пробелов требуется проведение систематизации законодательства по всем отраслям правового регулирования.

В данном контексте большее внимание следует уделить такому виду упорядочивания нормативных актов, как консолидация, при которой нормативный материал объединяется в единое издание по определенному признаку. Любой гражданин сможет получить интересующую его правовую информацию по определенной теме в одном издании, не пересматривая все законодательство.

В настоящее время систематизация в форме консолидации развита слабо, и еще предстоит познать ее истинное назначение. Тем не менее с учетом междисциплинарного подхода она способна оказать существенную помощь в преодолении деформаций правосознания, так как помогает реально ориентироваться на просторах бескрайнего правового поля.

М.И. Байтин отмечал: «Закрепление в статье 1 Конституции РФ нормы о том, что Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления, не означает, что правовое государство у нас уже создано. Оно рассматривается как цель, к которой мы стремимся, с достижением которой связано нынешнее и последующее развитие России»[2]. Для скорейшего достижения указанной цели как раз и необходимо преодолевать различные деформации правосознания. Пагубно от-

[1] См. подробнее: Кашанина Т.В. Юридическая техника. М., 2007. С. 143-148.

[2] Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 368.

рицать значение нормативных предписаний, но не менее деструктивно возлагать на них излишние надежды и ожидания. Лишь в рамках комплексного междисциплинарного подхода становится возможно сформировать ту степень знаний, умений и навыков, которая позволит идти по пути правового развития как отдельным личностям и социальным группам, так и обществу и государству в целом.

Список литературы

1. Strategia rozwoju szkolnictwa wyższego w Polsce do 2020 roku – drugi wariant // https://www.nauka.gov.pl/g2/oryginal/2013_05/ 59579f9e6efaec82014d6d5be081ca23.pdf (дата обращения: 20.09.2019).
2. OECD Reviews of Tertiary Education: Poland, 2007. – 156 с.
3. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2001. – 413 с.
4. Графский В.Г. О междисциплинарном подходе в изучении права и законов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2012. – № 4. – С.106-108.
5. Кашанина Т.В. Юридическая техника. – М.: Эксмо, 2007. – 510 с.
6. Савина А.К. Польша: поиски междисциплинарных подходов к решению проблем высшего образования // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования: Материалы XIII научно-методической конференции с международным участием. Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2018. – С. 151-153.
7. Савина И.В. О междисциплинарном подходе к защите имущественных прав несовершеннолетних // Вестник Полоцкого государственного университета. – Серия D. – 2016. – № 5. – С. 196-199.

List of references

1. Strategia rozwoju szkolnictwa wyższego w Polse do 2020 roku – drugi wariant // https://www.nauka.gov.pl/g2/oryginal/2013_05/ 59579f9e6efaec82014d6d5be081ca23.pdf (accessed September 20, 2019.
2. OECD Reviews of Tertiary Education: Poland, 2007. – 156 p.
3. Baytin M.I. *Sushchnost' prava (Sovremennoye normativnoye pravoponimaniye na grani dvukh vekov* [The essence of law (Modern regulatory understanding on the verge of two centuries)]. – Saratov: Publishing house of Sarat. state Acad. Law, 2001. – 413 p.
4. Grafsky V.G. *O mezhdistsiplinarnom podkhode v izuchenii prava i zakonov // Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoye proyektirovaniye* [On the interdisciplinary approach to the study of law and laws // Problem analysis and public administration design]. – 2012. – № 4. – Pp.106-108.
5. Kashanina T.V. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technique]. – M.: Eksmo, 2007. – 510 p.
6. Savina A.K. *Pol'sha: poiski mezhdistsiplinarnykh podkhodov k resheniyu problem vysshego obrazovaniya // Aktual'nyye problemy sovershenstvovaniya vysshego obrazovaniya: Materialy XIII nauchno-metodicheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. Yaroslavskiy gosudarstvennyy universitet im. P.G. Demidova* [Poland: the search for interdisciplinary approaches to solving the problems of higher education // Actual problems of improving higher education: Materials of the XIII scientific-methodical conference with international participation. Yaroslavl State University P.G. Demidova]. – Yaroslavl, 2018. – P. 151-153.
7. Savina I.V. *O mezhdistsiplinarnom podkhode k zashchite imushchestvennykh prav nesovershennoletnikh // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta* [On an interdisciplinary approach to the protection of property rights of minors // Bulletin of Polotsk State University]. – Series D. – 2016. – № 5. – 3. 196-199.

УДК 34.09

Елена Михайловна Нестерова,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Института права и национальной безопасности,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина», кандидат юридических наук
E-mail: nesterowal@yandex.ru

Elena Mikhaelovna Nesterova,
Associate Professor of State Theory and History and Law,
Institute of Law and National Security, Tambov State University
Named after G.R. Derzhavin, Candidate of Law Sciences

ЛИЧНОСТНЫЕ (СОМАТИЧЕСКИЕ) ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Личностные (соматические) права представляют собой новое явление в праве, образовавшееся в результате возрастающих правотребований современного общества под воздействием общемировых тенденций и процессов глобализации. Права, входящие в данную группу, не имеют полноценного статуса субъективных прав личности, однако обладают собственными признаками, специфическим объектом, самостоятельностью и интегративными свойствами, присущими всей системе прав человека. Раскрыть природу таких прав возможно только, учитывая знания и выводы множества наук, применяя междисциплинарную модель познания. Причем, междисциплинарный характер определяет сущность личностных прав, является неотъемлемым элементом признания таких прав, их регламентации и применения.

Междисциплинарность находит выражение в существующих нормах, регулирующих отдельные аспекты функционирования прав человека по распоряжению своим телом и (или) жизнью, методах, способах и средствах их реализации. Такой подход, с одной стороны, обеспечивает создание всесторонней и полноценной концепции личностных (соматических) прав человека, а, с другой стороны, тормозит существование исследуемой группы, как в теории права, так и в вопросах создания механизма их реального воплощения в жизни.

Ключевые слова: личностные права человека, соматические права человека, распоряжение телом и жизнью, междисциплинарный подход, система прав человека.

PERSONAL (SOMATIC) HUMAN RIGHTS AS A SUBJECT OF INTERDISCIPLINARY STUDY

Personal (somatic) rights are a new phenomenon in the law that has been created as a result of the increasing legal demands of modern society under the influence of the global trend and processes of globalization. The rights belonging to this group do not have the full status of subjective rights of the individual, but have their own characteristics, specific object, autonomy and integrative properties inherent in the entire human rights system. It is only possible to reveal the nature of such rights, taking into account the knowledge and conclusions of many sciences, applying an interdisciplinary model of knowledge. At the same time, the interdisciplinary nature determines the essence of personal rights, is an integral element of recognition of such rights, their regulation and application.

The interdisciplinarity finds expression in the existing norms regulating separate aspects of functioning of human rights according to the order the body and (or) life, methods, ways and means of their realization. Such an approach, on the one hand, ensures the creation of a comprehensive and complete concept of personal (somatic) human rights, and, on the other hand, inhibits the existence of the group under study both in the theory of law and in the creation of a mechanism for their real realization in life.

Keywords: personal human rights, Somatic human rights, Body and life management, interdisciplinary approach, human rights system.

В настоящее время в условиях глобализирующегося мира исследовать любое явление, в том числе и правовое, без учета междисциплинарного подхода практически невозможно. Междисциплинарный диалог при раскрытии сущности и особенностей какой-либо изучае-

мой категории позволяет производить обмен накопленным опытом, выработать оптимальный путь разрешения правового конфликта.

Трансформация общественных отношений влечет за собой создание условий, при которых существующие институты уже не в состоянии адекватно отвечать на возникающие потребности общества в урегулировании определенных отношений, не способны удовлетворять новые интересы и правотребования. Возникает явление так называемой «институциональной недостаточности»[1], которое можно восполнить применением комплексного межнаучного познания и разработки.

На примере личностных прав наиболее отчетливо прослеживается сложное переплетение философии, религии, политики, медицины, техники и права. Такие знания, находясь в постоянном взаимодействии, обнаруживая многочисленные грани соприкосновения, множество противоречий, пересекаются в сфере сущности личностных прав, являются неотделимыми от их природы, обретают специфические для этих прав качества.

Под личностными (соматическими) правами мы понимаем нормативно закрепленные возможности, связанные с личностно-физической самоидентификацией человека как автономной биосоциальной субстанции, основанные на правомочиях владеть, пользоваться и распоряжаться собственным телом и (или) жизнью, реализация которых возможна с помощью современных технологий. В данную группу мы включаем следующие права: право на генетические модификации (изменение генного кода, клонирование); репродуктивные права человека (право на искусственное оплодотворение, суррогатное материнство, искусственное прерывание беременности, медицинскую стерилизацию и т. д.); право на трансплантацию органов, тканей и клеток человека; право на смену пола (транссексуализм); право на изменение внешности (пластическая хирургия, иные формы модификации и реставрации тела); свобода выбора формы ухода из жизни; право на участие в биомедицинских исследованиях и иные права[2]. Данная область отличается низкой проработкой, сложностью в признании таких прав в качестве субъективных прав личности, проблемами в законодательном регулировании и процессах правоприменения.

Изучив особенности функционирования личностных прав, нами были определены их специфические признаки, отличающие их от других групп прав человека:

– особый объект данных прав – тело человека как объект права собственности и имеющее в настоящее время в большинстве случаев денежно-стоимостную оценку, а также действия по его трансформации и выбор формы прекращения его существования (уход из жизни);

– органическая сущностная взаимосвязь с основными правами человека в силу особой связи с личными (естественными) правами;

– возможность их практического осуществления с помощью достижений естественных и технических наук (биологии, генетики, медицины, физики, инженерии и т. д.);

– коллизионность в подходах и выводах о значимости и ценности таких прав с точки зрения ряда частных наук, подразделяющихся на множество научных дисциплин, в частности: философии, естественных наук (биологии, генетики, биохимии, медицины), общей и юридической психологии, социологии, правовых дисциплин (теории прав человека, антропологии права, конституционного, гражданского права и ряда других).

Существующее фрагментарное регулирование отдельных личностных прав человека, учитывая междисциплинарную модель познания, происходит с помощью методов, приемов, способов и технологий соответствующих наук, в том числе определенными документами декларативного, программного или правового значения.

---

[1] Каверин К.В. Сущность и основные параметры институциональной недостаточности как категории современного права // Современное право. 2009. № 1. С. 8.

[2] См.: Нестерова Е.М. Личностные (соматические) права в системе прав человека: дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 88.

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви содержат представление о вопросах биоэтики, здоровья личности и народа, которое основано на провозглашении уважения целостности, свободного выбора и достоинства личности, недопустимости «манипуляции человеком даже ради самых благих целей». Существование прав, связанных с распоряжением своим телом и (или) жизнью, вызывает «пастырскую озабоченность», считая, что это является «попытками людей поставить себя на место Бога, по своему произволу изменяя и улучшая»[1].

Результатом диалога медицины и права в аспекте личностных прав служит Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан»[2]. Его положения являются фундаментом для законного существования личностных прав, содержит нормы о запрете эвтаназии, о донорстве органов и тканей человека и их трансплантации (пересадке), ссылаясь на временную инструкцию по организации таких операций, утвержденную Федеральным медико-биологическим агентством России. Кроме того, законодательные положения устанавливают основы применения вспомогательных репродуктивных технологий, искусственного прерывания беременности, медицинской стерилизации, медицинских мероприятий, осуществляемых в связи со смертью человека.

Федеральные законы от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»[3], от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека»[4], от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов»[5], Гражданский кодекс РФ (часть четвертая)[6], закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека»[7] и другие нормативные акты российского законодательства – не в полной мере обеспечивают должный уровень эффективного регулирования личностных прав.

Действующее законодательство в данной сфере находится в зачаточном состоянии и не учитывает многие мировые тенденции. Национальное право не решает ряд важных проблем: допустимость эвтаназии, использование органов и тканей абортируемых зародышей, защита прав не родившихся детей, коррекция пола и многое другое.

Кроме того, в нашем национальном праве не прописан действенный механизм защиты соматических прав, не определены субъекты такого правонарушения, объем ответственности в случае противоправных деяний. Считаем правильным установить уголовно-правовую ответственность за общественно опасные деяния в данной области. Ориентиром при создании соответствующих уголовно-правовых норм может послужить международное право.

Чтобы обеспечить полноценное правовое сопровождение функционирования личностных прав, учитывая нюансы медико-технических мероприятий, необходимо принять единый систематизированный акт, например, Кодекс биоэтики.

В 1997 г. России была предпринята попытка создать рамочный закон в данной области – «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения»[8], целью которого является установление правовых основ биоэтики в области охраны здоровья как общественного блага и условия выживания общества, в том числе при осуществлении медицинской деятельности, включая выбор метода лечения, применение научных знаний на практике, отношения между медицинскими работниками и пациентом, обеспечение его безопасности и интересов, иные

[1] См.: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: http://www.mospat.ru (дата обращения 07.09.2019).

[2] Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

[3] Собрание законодательства РФ. 1996. № 28. Ст. 3348

[4] Собрание законодательства РФ. 2002. № 21. Ст. 1917.

[5] Собрание законодательства РФ. 2012. № 30. Ст. 4176.

[6] Собрание законодательства РФ. 2006, № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

[7] Российская газета. 09.01.1993. № 4.

[8] См.: Постановление ГД ФС РФ от 15.03.2001 № 1253-III ГД «О проекте Федерального закона «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 14. Ст. 1281.

вопросы, связанные с вмешательством в сферу физического и психического здоровья человека, – который так и остался в статусе законопроекта.

Современная государственная политика акцентирует внимание на необходимости создания условий для проведения исследований и разработок, соответствующих современным принципам организации научной, научно-технической, инновационной деятельности и лучшим российским и мировым практикам, утвердив указом Президента РФ от 01 декабря 2016 г. Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года[1]. Считаем, что активизация данной сферы научных знаний может повлиять на адекватное понимание необходимости в запрете определенных личностных прав и (или) совершенствовании механизма их реализации.

Учитывая разнообразие подходов к проблеме существования и признания личностных (соматических) прав, множество мнений и кардинально различное понимание их ценности, использование комплекса методов и средств со стороны естественных, технических и социогуманитарных наук и дисциплин, можно резюмировать – данные права, являющиеся производными от личных прав и основанные на физиологической сущности человека, зависимые от прогресса в области биомедицины, представляющие собой вызов современного общества, нуждаются в соответствующем механизме юридического обеспечения и в определении своего места в системе прав человека, а также системе российского и международного права.

Признание личностных прав, включение их систему прав человека, их легальная регламентация и реализация возможны только на основе конвергенции социально-гуманитарного, естественнонаучного и технического видов знания.

Список литературы

1. Каверин К.В. Сущность и основные параметры институциональной недостаточности как категории современного права // Современное право. – 2009. – № 1. – С. 8-12.

2. Нестерова Е.М. Личностные (соматические) права в системе прав человека: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2014. – 197 с.

List of references

1. Kaverin K.V. *Sushchnost' i osnovnyye parametry institutsional'noy nedostatochnosti kak kategorii sovremennogo prava // Sovremennoye pravo* [The essence and basic parameters of institutional failure as a category of modern law] // *Sovremennoye pravo*. – 2009. – № 1. – Pp. 8-12.

2. Nesterova E.M. *Lichnostnyye (somaticheskiye) prava v sisteme prav cheloveka: dis. … kand. yurid. nauk.* – [Personal (somatic) rights in the system of human rights: dis. ... cand. legal sciences]. – M., 2014. – 197 p.

[1] Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6887.

УДК 171; 174; 177; 340

Татьяна Ивановна Аркова,
доцент кафедры «Философия, социология и история»,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
Российский университет транспорта МИИТ (РУТ МИИТ), кандидат философских наук
E-mail: tanja.arkova@rambler.ru; kisili79@mail.ru

Tatyana Ivanovna Arkova,
associate professor of the department «Philosophy, Sociology and History»
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Russian University
of Transport MIIT (RUT MIIT), candidate of philosophical sciences

Ирина Евгеньевна Хантурова,
старший преподаватель кафедры «Профессиональные коммуникации»
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
Российский университет транспорта МИИТ (РУТ МИИТ)
E-mail: hanturova@bk.ru

Irina Evgenievna Khanturova,
Senior Lecturer, Department of Professional Communications
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Russian University
of Transport MIIT (RUT MIIT)

ПРАВО И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ

В статье рассматривается тесная корреляция правовой и духовной культуры в контексте формирования духовно-нравственной личности молодых людей в непрерывном процессе образования и самообразования и в этом направлении эта взаимосвязь несет ответственность за духовное возрождение современного общества, за преемственность поколений, за патриотическое воспитание, за формирование духовно-нравственных ценностей. Отмечается, что целью правовых отношений в современном обществе является целенаправленное воспитание и развитие его индивидов, на образовательном уровне представленных системой образования в стране и во многом зависящей не только от уровня образования и мастерства профессорско-преподавательского состава, но и от высокого уровня государственной правовой культуры.

Ключевые слова: правовая культура, духовная культура, духовно-нравственное развитие, вузовское образование, духовность, мировоззрение, воспитание, ценности, правовая политика государства.

LAW AND SPIRITUAL CULTURE OF RUSSIAN STUDENTS: PROBLEMS AND WAYS OF FORMATION

The article considers the close correlation of legal and spiritual culture in the context of the formation of the spiritual and moral personality of young people in the continuous process of education and self-education, and in this direction this relationship is responsible for the spiritual revival of modern society, for continuity of generations, for patriotic education, for the formation of spiritual and moral values. It is noted that the goal of legal relations in modern society is the purposeful upbringing and development of its individuals, represented at the educational level by the educational system in the country and in many respects depends not only on the level of education and skill of the teaching staff, but also on the high level of state legal culture.

Key words: legal culture, spiritual culture, spiritual and moral development, university education, spirituality, worldview, education, values, legal policy of the state.

В современном обществе человек все больше начинает утрачивать свой духовный облик, стремясь к достижению все больших материальных благ. И в системе вузовского образования российского общества категории духовно-нравственных ценностей вытесняются ти-

ражированием ценностей, прославляющих предприимчивость, материальное благополучие, право сильного, тем самым внедряется идеология потребительского поведения как исключительно лучшего и достойного образа жизни. В российском обществе с исторических времен сложились правовые традиции, которые, так или иначе повлияли на черты национального характера: любовь к родине, патриотизм, сотрудничество. К.Д. Ушинский, отмечая важность традиционного воспитания, подчеркивает его влияние на формирование менталитета российской молодежи. Ученый пишет: «Продуктом длительного исторического развития нации, которое нельзя заимствовать у других народов, является в первую очередь духовное воспитание»[1]. Рассмотрим данную концепцию в контексте правовых отношений.

Целью российского вузовского образования, как высшего уровня профессионального образования, согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», считается обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации[2]. Каким будет мировоззрение молодого человека, получившего знания в стенах университета, зависит от правовой политики на государственном уровне в области образования и во взаимосвязи с субъектами образовательной деятельности. Необходимо осознание, что правовая культура находится в тесной взаимосвязи с уникальным феноменом духовной культуры и в этом направлении несет ответственность за духовное возрождение современного общества, за преемственность поколений, за патриотическое воспитание, за формирование духовно-нравственных ценностей.

Духовность есть основа культуры общества и человека, и в этом плане весьма значимо духовно-нравственное становление личности в стремлении общества к духовному возрождению. В Современном философском словаре Кемерова В.Е. духовность рассматривается как «тяга людей к вершинам культуры и совершенствованию своих творческих способностей. Духовность как добровольный выбор индивидом важнейших общественных ценностей и идеалов и подчинение своей жизни их требованиям»[3]. В аспекте правовых отношений духовность можно рассматривать как выражение содержания и уровня развития культуры в обществе, воспитанности отдельного взятого человека. Совершенно несправедливо приравнивание правовой культуры к духовности или представление духовности лишь как выражение правовой культуры. Понятия «правовая культура» и «духовность» тесно связаны с категорией нравственности, которую принято рассматривать в аспекте постижения человеком высших ценностей как основополагающих ориентиров бытия, а также сосуществования в обществе.

Признание присутствия смысла жизни как нормального (здорового) духовного состояния, акцентирование понятия совести как показателя проявления духовной жизни, в осознанной необходимости переживания человеком нравственных чувств, способствующих собственному духовному становлению и саморазвитию: все эти факторы способны повлиять как на поведение индивида в социуме, так и формирование его духовной составляющей. Соглашаясь с правовой политикой государства, признавая законы бытия человеческого общества, субъект тем самым формирует свою духовно-нравственную позицию, предпочитая своим личностным амбициям верховенство общественного законодательства. Исследуя феномен духовно-нравственной категории личности, можно определить, что индивид, действующий в рамках закона – это развитая духовно-нравственная личность, способная понимать положительный эффект государственной правовой организации и строить свое жизненное пространство в строгом соответствии с нормами и правилами общественного бытия.

[1] Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: в 6 томах. Т. 1. М., 1998. С. 195.

[2] Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

[3] Современный философский словарь / Под общей ред. д. ф. н. проф. В.Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 209.

Известно, что духовно-нравственный опыт народа, представленный в его культурных ценностях, находит свое отражение и в правовой культурной составляющей. Цель правовых отношений в современном обществе – целенаправленное воспитание и развитие его индивидов, на образовательном уровне представленных системой образования в стране, во многом зависящей не только от уровня образования и мастерства профессорско-преподавательского состава, но и от высокого уровня государственной правовой культуры. Мы не можем считать личность духовно-нравственной, если правовые общественные институты не обеспечат воспитания ее ценностных установок в отношении к государству, обществу, человеку и природе. Следует отметить, что в новом Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»[1] определен приоритет в пользу воспитания, как деятельности, направленной на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства[2].

Сегодня уровень правовых отношений в сфере образования находится в кризисе: «Предлагаемые в настоящее время многочисленные проекты образовательной системы свидетельствуют, на наш взгляд, не столько о развитии последней, сколько об ее глубоком кризисе»[3]. Результаты перестройки образования привели к резкому снижению уровня образованности, и, как следствие, к снижению качественного уровня обслуживающей его правовой сферы. В итоге мы имеем в культурно-психологическом плане примитивную молодежь с крайне узким взглядом на жизнь, направленным на приспособление и поиск успеха, в связи с этим уменьшается количество молодых людей, умеющих аналитически и масштабно мыслить. В итоге молодое поколение становится легко поддающимся манипулированию, принятию мировоззренческого и нравственного релятивизма. Все же результат информационно-культурного воздействия на сознание и подсознание групп и индивидов во многом зависит от уровня образования и объекта воздействия, поскольку, чем выше уровень образования, его духовно-нравственный потенциал, тем труднее манипулировать человеком.

Российский ученый Н.Л. Румянцева утверждает, что в своем развитии человек проходит несколько этапов на пути от человека биологического к человеку нравственному, способному жить в обществе по законам, установленным этим обществом. Ученый выделяет этапы формирования духовно-нравственного потенциала индивида: биологический, коммуникативный, экзистенциальный, рефлексивный, духовный, мировоззренческий[4]. Биологический этап обусловлен группой инстинктов: самосохранения, сохранения и продолжения своего рода (семьи), сохранения коллектива (достаточно устойчивые коллективы – это коллективы друзей и единомышленников, а также профессиональные, социальные, национальные, региональные, государственные коллективы), сохранения вида, выражающийся в сострадании ко всем, нуждающимся в помощи. Данные инстинкты уже присутствуют в родившемся человеке потенциально, но впоследствии, исходя как от генетической программы, так и от социальной среды они будут постепенно открываться, формируя сознание человека. В коммуникативном пространстве начинается социализация личности, которая ограничена рамками семьи и детских учреждений. Здесь субъект становится элементом правовой системы, его свобода регулируется рамками закона, воля включена в систему, регулятором отношений в которой служат понятия: «можно–нельзя», «хорошо–плохо». Экзистенциальный этап обусловлен включением человека в коллективы, т. е. масштабной социализацией, которая все

[1] Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

[2] Там же.

[3] Возчиков В.А. Философия образования и медиакультура информационного общества. Автореф. дис. ... д. ф. н. С.-Петербург, 2007. С. 3.

[4] Румянцева Н.Л. Человек развивающийся (Путь к единой культуре): Системно-диалектический подход. М., 2009. С. 87.

более ограничивает его свободу, также на данном этапе происходит освоение правовой системы общества, законодательного инструмента правовых отношений, предлагающей свои моральные ценности. Для диалектически неразвитого ума любая законодательная система, созданная веками развития общества, в целом предстает логичной, непротиворечивой и постепенно формирующей самосознание человека, она организует жизнь субъекта в рамках правовой системы. Рефлексивный этап – диалектический, в его субъектно-правовом поле происходит становление личности как духовно-развитой, способной к рефлексии, формируется личностное стабильное мировоззрение, собственной правовой системы с опорой на этические ценности. Стабильное мировоззрение определяется мерой осознания законов жизни общества и самого человека.

Таким образом, осознание нравственных основ жизни общества соответствует осознанию законов и норм общества, принятых в коллективах, в которых живет человек и которые официально приняты как основа государства. Осознание духовного потенциала личности сопровождается нравственным освобождением человека от внешнего давления со стороны государственных структур, что позволяет человеку перевести эти законы в свою собственную программу жизни. Этот этап сопряжен развитием рефлексии, пониманием других людей, которое постепенно сдвигает человека с его эгоцентрической позиции, а в последующем и отрицанию инстинктивной природы человека, но не освободившейся пока от самосохранения и самоутверждения. На этапе духовного развития разум признает «естественное», тем самым снимая свое насилие над инстинктивной природой, человек достигает внутренней гармонии, заключающейся в том, что каждый раз включается или преобладает тот из инстинктов, которому что-то угрожает, например, любовь к ребенку толкает его на самопожертвование, любовь к Родине, к примеру, в случае угрозы направляет на подвиг или героизм. Специфика данного шага в осознании нравственных требований разума, раскрытых в законах общества, которые на этом этапе совпадают с собственной проявленной природой человека, с раскрытым человеческим потенциалом, порождающим уважение, сострадание, терпимость.

На мировоззренческом этапе формируется духовное зрение, мы наблюдаем действие нового нравственного закона, где главной нравственной ценностью признается «истинное добро». Основная идея данного этапа – стремление к достижению гармонии с самим собой, в этом случае индивид достигает гармонии с окружающими его людьми, обществом. Здесь не достаточно закона «не делай другому того, чего не желаешь себе», поскольку он не подсказывает, а что же делать, т. к. другому человеку не всегда хорошо то, что хорошо тебе. К дисгармонии с окружающими приводит стремление сделать добро вплоть до собственной жертвы, но исходя со своей точки зрения. Добро нельзя навязать другому человеку. Критериями истинного добра являются: доверие к словам человека, доверие к делам человека, соответствие не только слов, но и дел – помыслам, соответствие дел не только идущего от разума сознательному и расчетливому руководству, но собственной потребности свободной воли. На этом этапе человека нельзя обидеть, поскольку его чувства достигают своего гармоничного состояния и превращаются в добровольное служение, не сопровождаемое обидами и не ожидающими такого же ответа.

Развитие человека продолжается всю жизнь, состоит в поиске тонкой границы противоположностей и в увеличении масштаба реальности, которую способен он охватить. Это и есть главная цель воспитания и образования: способствовать формированию самопознания, самосовершенствования и духовного развития, только в этом случае индивид становится законопослушным членом человеческого общества. Поэтому главной целью вузовского образования должно стать воспитание личности, способной принести пользу обществу, оказать положительное влияние на общественное развитие. Необходимо отметить, что воспитание, в основе которого заложены базовые национальные ценности, закреплено в действующих Государственных образовательных стандартах общего образования третьего поколения, которые нашли отражение в Концепции духовно-нравственного развития и воспитания лично-

сти гражданина России. В данных документах зафиксировано, что современное российское образование нацелено на становление и развитие высоконравственного, ответственного, творческого, инициативного и компетентного гражданина России. Базовые национальные ценности способствуют актуализации таких духовно-нравственных ценностей, как патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, лояльность государству, уважение к своей истории, культуре и традициям народа. В этой связи российский исследователь И.Б. Чубайс пишет: «Главная задача времени – возрождение утраченных, устойчивых, высших социальных, духовных начал... Миру жизненно необходимы устойчивые, позитивные высшие начала. Спасет мир тот, кто, извлекая положительный опыт из прошлого, сможет эти начала утвердить. И тогда остальные устремятся не на Запад и не на Восток. Тот, кто станет духовным центром, станет новым мировым полюсом, вокруг которого и происходит мировая история»[1].

Список литературы

1. Возчиков В.А. Философия образования и медиакультура информационного общества. Автореф. дис. … д. ф. н. – С.-Петербург, 2007. – 38 с.

2. Румянцева Н.Л. Человек развивающийся (Путь к единой культуре): Системно-диалектический подход. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.

3. Современный философский словарь / Под общей ред. д. ф. н. проф. В.Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 864 с.

4. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: в 6 томах. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1998. – 416 с.

5. Чубайс И.Б. Разгаданная Россия. – М.: АиФ Принт, 2005. – 399 с.

List of references

1. Vozchikov V.A. *Filosofiya obrazovaniya i mediakul'tura informatsionnogo obshchestva* [Philosophy of Education and Media Culture of the Information Society]. Abstract. dis. ... d. F. n. – St. Petersburg, 2007. – 38 p.

2. Rumyantseva N.L. *Chelovek razvivayushchiysya (Put' k yedinoy kul'ture): Sistemno-dialekticheskiy podkhod* [A developing man (The path to a unified culture): A systemic-dialectical approach]. – M.: Book House «LIBROCOM», 2009. – 224 p.

3. *Sovremennyy filosofskiy slovar'* [The modern philosophical dictionary] / Under the general ed. d. f. n. prof. V.E. Kemerovo. – 3rd ed., Rev. and add. – M.: Academic Project, 2004. – 864 p.

4. Ushinsky K.D. *Pedagogicheskiye sochineniya: v 6 tomakh* [Pedagogical works: in 6 volume s]. – V. 1. – M.: Pedagogy, 1998. – 416 p.

5. Chubais I.B. *Razgadannaya Rossiya.* – [Guessed Russia]. – M.: AiF Print, 2005. – 399 p.

[1] Чубайс И.Б. Разгаданная Россия. М., 2005. С. 386.

УДК 347.97

Вероника Сергеевна Стерликова,
студент 4 курса очной формы обучения Института права
и национальной безопасности Тамбовского государственного
университета имени Г.Р. Державина
E-mail: Sterlikova-98@mail.ru

Veronika Sergeevna Sterlikova,
4th year full-time student of the Institute of law and national security
of Tambov state University named after G.R. Derzhavin

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ КАК МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ПРОБЛЕМА

Статья посвящена инициативам преобразования судебной сферы, в связи с чем рассматривается судебная реформа 2014-2018 годов, начавшаяся с объединения Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ. Анализируются предложения и возможные причины слияния Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, высказывается авторское мнение по поводу данного вопроса.

Рассматривается сущность специализированных судов, возможность создания дополнительных специализированных судов в России по аналогии со специализированными судами зарубежных стран. Акцентируется внимание на использовании новейших технологий при осуществлении правосудия, отмечаются положительные и отрицательные стороны их применения, анализируется зарубежный опыт использования искусственного интеллекта и виртуальной реальности.

Ключевые слова: судебная система, судебная реформа, специализированные суды, судоустройство, Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE JUDICIAL SYSTEM OF RUSSIA AS AN INTERSECTORIAL PROBLEM

The article is devoted to judicial reform initiatives, in connection with which the judicial reform of 2014-2018 is considered, which began with the merger of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. The proposals and possible reasons for the merger of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation are analyzed, the author expresses an opinion on this issue.

The essence of specialized courts, the possibility of creating additional specialized courts in Russia by analogy with specialized courts of foreign countries are considered. Attention is focused on the use of the latest technologies in the administration of justice, the positive and negative aspects of their application are noted, the foreign experience of using artificial intelligence and virtual reality is analyzed.

Keywords: judicial system, judicial reform, specialized courts, judicial system, Supreme Court of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation.

О государстве лучше всего судить по тому, как в нём судят
Станислав Ежи Лец

В последние годы судебная система Российской Федерации претерпела ряд значительных изменений, которые вполне обосновано назвали «процессуальной революцией». Действительно, реформа, начавшаяся еще в 2014 году с объединения Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ и завершенная в 2018 г., является по-настоящему масштабной, охватившей не только судебную систему, но и процессуальное законодательство. Судебная реформа 2014-2018 годов направлена на обеспечение единства судебной системы и унификацию судебных процедур. Здесь же нельзя не отметить тот факт, что сама идея заимствована с некоторых европейских судебных систем, особенно это касается появления апелляционных и кассационных судов.

Современный мир постоянно претерпевает различные изменения, которые оказывают влияние на все сферы жизни и деятельности общества. Законодатель стремится создать более

совершенную и эффективную судебную систему, однако не всегда нововведения могут оказать положительное воздействие на отправление правосудия. В настоящее время существует несколько инициатив, которые пока что не были приняты в качестве закона, но уже породили многочисленные дискуссии среди исследователей. Рассмотрим некоторые из них.

1. *Объединение Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ*. Такая идея появилась как продолжение развития единства судебной системы, которое первоначально проявилось в виде объединения Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ.

В качестве причины для такого кардинального изменения судебной системы называют тот факт, что в настоящее время судебную власть возглавляют два верховных суда: Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ, что может порождать между ними правовые конфликты. Как указывается в статье Интерфакса, Ю.П. Синельщиков утверждает, что авторитет постановлений Конституционного Суда РФ падает, «причина неисполнения не в том, что плохо работает Федеральное Собрание, а в ненадлежащем качестве этих постановлений, их неопределенности и противоречивости»[1]. Сторонники объединения также вполне обоснованно полагают, что слияние судов позволит значительно сократить расходы бюджета. Интересен и тот факт, что исследователи убеждены, что процесс отправления правосудия не пострадает, а даже, возможно, выиграет: по их мнению, Верховный Суд в некоторой степени охватывает вопросы, подсудные Конституционному Суду РФ, к тому же продолжительность рассмотрения дела сократится.

Считаем обозначенную позицию интересной с научной точки зрения, но полагаем, что объединять Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ не следует. У каждого из обозначенных судов есть свой собственный круг полномочий, при этом отметим, что Конституционный Суд занимается вопросами соответствия правовых норм Конституции РФ, толкует Конституцию РФ, проверяет конституционность законов, подлежащих применению в конкретном деле. Таким образом, само существование Конституционного Суда как самостоятельного обусловлено самим существованием Конституции и необходимостью защиты конституционных прав граждан, муниципальных образований, субъектов РФ и иных субъектов.

2. *Специализированные суды*. Понятие и сущность специализированных судов до сих пор вызывает споры, так как каждый суд имеет определенную специфику, специализацию, определяемую кругом его полномочий. Так, некоторые авторы считают, что военные суды, например, также следует рассматривать в качестве специализированных. А.В. Феоктистов и М.Н. Феоктистова указывают, что «военные суды можно отнести к специализированным, поскольку их деятельность ограничивается лишь теми органами и учреждениями, в которых предусмотрена военная служба»[2]. Тем не менее единственным специализированным судом в России признается Суд по интеллектуальным правам.

Вместе с тем актуальным становится вопрос о создании иных типов специализированных судов, руководствуясь опытом зарубежных стран. Например, создание семейных судов как в Республике Корея или специализированных судов по трудовым спорам по аналогии с Великобританией и США[3].

3. *Использование новейших технологий при осуществлении правосудия*. Судебную систему и сам процесс осуществления правосудия в России, даже учитывая недавние изменения, можно назвать довольно консервативными. Это проявляется в первую очередь в том, что суд не спешит переходить на электронный документооборот. Однако, так или иначе, в настоящее время все более активно осуществляются попытки внедрения электронного правосудия

[1] В КПРФ предложили объединить Конституционный суд с Верховным [Электронный ресурс] // Интерфакс: [сайт]. [2019]. URL: https://www.interfax.ru/russia/657814 (дата обращения: 16.09.2019).

[2] Феоктистов А.В., Феоктистова М.Н. Перспективы развития российской судебной системы // Наука. Общество. Государство. 2018. № 2 (22). С. 160.

[3] Волочкова М.Е. Административные трудовые суды в англосаксонских странах (на примере опыта Великобритании и США) // Государственная служба и кадры. 2016. № 4. С. 29-32.

в России. Плюсов у такой системы довольно много: быстрота работы с базой данных, снижение денежных затрат, удобство хранения информации, экономия времени работников суда, распределение дел в автоматическом режиме с учетом нагрузки и специализации. К минусам следует отнести высокий риск потери информации, необходимой для осуществления правосудия, необходимость усиления материально-технической базы судов, обучение судейского корпуса работе с новейшими технологиями.

Несмотря на определенные успехи России во внедрении ГАС «Правосудие», российское правосудие все еще довольно далеко от использования искусственного интеллекта, значительным опытом применения которого уже обладают США, и технологий виртуальной реальности, которые успешно пробуют при осуществлении правосудия в Китае.

Таким образом, судебная система Российской Федерации в настоящее время претерпела ряд значительных изменений. В то же время количество идей и инициатив, которые, по мнению их авторов, сделают судебную систему более эффективной, не иссякает. Но мы полагаем, что далеко не каждая идея в будущем принесет положительные последствия и необходимо осторожно продумывать реформы по изменению структуры судебной системы, анализировать положительные и отрицательные стороны преобразований, так как ошибки в данной сфере могут привести к ужасающим последствиям.

Список литературы

1. Волочкова М.Е. Административные трудовые суды в англосаксонских странах (на примере опыта Великобритании и США) // Государственная служба и кадры. – 2016. – № 4. – С. 29-32.

2. Феоктистов А.В., Феоктистова М.Н. Перспективы развития российской судебной системы // Наука. Общество. Государство. – 2018. – № 2 (22). – С. 158-163.

List of references

1. Volochkova M.E. *Administrativnyye trudovyye sudy v anglosaksonskikh stranakh (na primere opyta Velikobritanii i SSHA) // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry* [Administrative labor courts in the Anglo-Saxon countries (on the example of the experience of the UK and the USA) // Public service and personnel].– 2016. – No. 4. – pp. 29-32.

2. Feoktistov A.V., Feoktistova M.N. *Perspektivy razvitiya rossiyskoy sudebnoy sistemy // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo.* [Prospects for the development of the Russian judicial system // Science. Society. State.] – 2018. – No. 2 (22). – pp. 158-163.

УДК 340

Елена Александровна Ларина,
заместитель директора по организационно-методической работе
Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,
кандидат педагогических наук
E-mail: ya.lari2011@yandex.ru

Elena Aleksandrovna Larina,
deputy Director on organizational and methodical work Institute of law
and national security Tambov state University named after G.R. Derzhavin,
candidate of pedagogics

ГЕНЕЗИС КАТЕГОРИИ «ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА» В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье исследуется генезис категории «юридическая сила» в российском и зарубежном законодательстве, формулируются выводы о том, что источники права сформировались на основе существующих у конкретных народностей обычаев, исследуется схожесть становления категории «юридическая сила» во взаимосвязи с источниками права.

Ключевые слова: юридическая сила, генезис категории, основанность на обычаях, отражение в официальных источниках права.

GENESIS OF THE CATEGORY «LEGAL FORCE» IN RUSSIAN AND FOREIGN LEGISLATION

The article examines the Genesis of the category of «legal force» in Russian and foreign legislation, concludes that the sources of law were formed on the basis of the existing customs of specific nationalities, examines the similarity of the formation of the category of «legal force» in relation to the sources of law.

Keywords: legal force, the Genesis of the category, based on customs, reflected in the official sources of law.

Генезис категории «юридическая сила» в российском и зарубежном законодательстве представляет скорее аналитический материал, т. к. рассматриваемая категория имела свою историю, свое становление, свои особенности и общие черты в различных государствах. Из генезиса правоведы вывели отдельно процесс правогенеза, изучающего становление и развитие социальных явлений, выражающихся в анализе причин и особенностей развития государства и права. В древнем мире существовало выражение «Ubi societas, ibi jus», т. е. право порождается (создается) обществом. В настоящее время право создается скорее не обществом, а для общества.

Юридическая сила в том виде, что она существует сейчас, в древности не существовало. Но стоит отметить, что, несмотря на это, отдельные обычаи или законы признавались определенным сообществом, народностью, а другими не признавались. Таким образом, переводя на современный язык, можно сказать, что одни обычаи или законы обладали юридической силой, а для других нет, т. е. для одних следование определенным обычаям и законам порождало некие последствия (о правовых последствиях как главном признаке юридической силы говорить пока было рано). Например, если человек нарушил обычай, то он мог быть изгнан. Изгнание в данном случае выступало последствием несоблюдения обычая. Следовательно, сама суть категории юридической силы оставалась прежней. Однако описанная ситуация относилась к периоду догосударственного права, когда не существовало еще сформировавшейся письменности. Обычаи, как прообразы современных источников права, обладали достаточной устойчивостью, т. е. не изменялись с течением многих лет и даже веков. Поэтому проводя параллель с особенностями возникновения юридической силы для нормативно-правовых актов, где главным условием является опубликование в официальном источнике,

т. е. доведение до сведения общества факта существования такого акта, можно сказать, что в те времена это было необязательно, т. к. все знали о существовании тех или иных обычаев, первобытных законах.

Все существующие на сегодняшний день источники права, за которыми признается юридическая сила, сформировались на обычаях, которые в настоящее время имеют скорее вспомогательный характер. Но не все обычаи ложились в основу нормативно-правовых актов, судебного прецедента и пр., а только те, которые обладали следующими признаками:

1) обладали многократностью применения;

2) характеризовались однообразием, т. е. имели устойчивый характер;

3) выражали нравы людей, т. к. законы, создававшиеся в противовес обычаям, в древнем мире вызывали непонимание, поэтому законодатели старались обосновывать свою позицию в законах путем использования обычного права.

Многое изменилось с появлением письменности, а затем с появлением первых государств. Законы начали отображаться на материальных носителях (на папирусе, каменных табличках и т. д.). Первыми самыми значимыми законами стали Законы царя Хаммурапи, Хеттские законы, Законы XII таблиц, Законы Ману и пр., которые носили казуальный характер, характерный для судебного прецедента как источника права в настоящее время.

Регулирование общественных отношений стало строиться на двух основных видах регуляторов:

1) нормы общего характера, т. е. неиндивидуализированные нормы, распространявшие свое действие на всех членов общества;

2) индивидуальные указания, исходящие от представителя власти по отношению к конкретному лицу с указанием действовать соответствующим образом.

Представленная выше характеристика носит общий характер для большинства государств, в последующем, с развитием различных государств проявлялась их индивидуальность, следовательно, появлялись различные интерпретации, свойственные тем формам права, которые были наиболее характерны для конкретного государства, что, конечно же, отражалось на юридической силе как отдельной категории. Данную категорию следует рассматривать с двух сторон по отношению к отдельным государствам. Во-первых, по отношению к законам, установленным в государстве, соотношение юридической силы таких законов. Во-вторых, использование таких законов в правоприменительной практике, иными словами, определять имеют ли документы (сделки и пр.) юридическую силу или нет, т. е. основаны ли они на действующих законах или нет.

Еще в древности в некоторых государствах появлялась некая иерархичность законов. Например, при раскопках у вулкана Везувия была найдена бронзовая табличка, которая содержала закон о муниципальном устройстве. А во времена правления Цезаря было обращено внимание на создание специального государственного вестника, в котором бы публиковались акты, принимаемые сенатом, а также судебные решения, факты из жизни императорского двора и пр. Таким образом, уже тогда осознавалась необходимость придания юридической силы актам путем их опубликования. Хотя в древности такие официальные издания не носили систематизированного характера. Более систематизированный характер такие издания начали приобретать в Новое время, в частности, было создание издания «Свод латинских надписей».

Таким образом, начиная с Нового времени появилась некая традиция отождествлять иерархию в праве с иерархией в формах права, что было обусловлено скорее необходимостью ввиду распространения множественности «правил признания».

Зависимость категории «юридическая сила» от тех или иных источников права обусловлено формированием в отдельных группах государств своих правовых семей. Термин «правовая семья» был введен в оборот Готфридом Лейбницем. На основе таких правовых семей и можно проследить историю развития категории юридической силы.

Для романо-германской правовой семьи (Россия, Германия, Франция, Испания, Дания и др.) характерен такой источник права, как нормативно-правовой акт.

Первым основным нормативно-правовым актом в России является Русская Правда. С.С. Ефремовой отмечается, что Русская Правда как нормативный акт, может быть названа и источником отдельных отраслей зарождавшегося права и формировавшейся правовой системы складывавшегося Древнерусского государства. Названный древний документ носит черты кодифицированного нормативного акта, или, правильнее было бы охарактеризовать его в качестве «сводного» акта, однако ни о системности, ни о каком-либо разграничении норм по отраслевому или иному признаку речи не идет. Имеет особое значение сам факт появления письменного свода общеобязательных норм. Думается, что именно с этого момента мы можем говорить о том, что нормативный акт как особый вид документального выражения воли властителя, как формально определенный регулятор общественных отношений возник в нашей стране[1]. Таким образом, можно говорить о том, что Русская Правда наподобие современной Конституции РФ на тот период времени обладала высшей юридической силой.

Экземпляры Русской Правды не сохранились, но можно предположить, что их было несколько и направлялись они для ознакомления во многие города Российского государства. Русская Правда носила скорее не характер нормативно-правового права как источника, а характер судебного прецедента, так как обладала казуальным характером.

С развитием российского государства и общества, с появлением новых вызовов современности, с появлением новых правителей предыдущие законы упразднялись, т. е. утрачивали свою юридическую силу, и появлялись новые. Во многом развитие нормативно-правовых актов нашло продолжение в периоды царствования Петра I, Екатерины II, Александра I и Александра II, т. к. массив законодательства увеличился, и появилась объективная необходимость приведения его в определенную систему.

Одной из нацеленностью реформ Петра I было изменение соотношения между различными источниками права. Петром I была высказана необходимость отдачи приоритета за законами, а обычаи как одна из форм источников права теряла свою актуальность. Обычаи действовали лишь в том случаи, когда они не противоречили закону. В данном случае можно проследить параллель между современной иерархией официальных источников права в России, где обычай занимает подчиненное отношение ко всем видам нормативно-правовых актов.

Также Петром I в 1717 году был издан указ «О хранении прав гражданских», суть которого заключалась в недопущении пользования пробелами в законодательстве в корыстных интересах; предписывалось следовать последнеизданному закону. Таким образом, закреплялось некая высшая юридическая сила за основными принципами, действовавшими в государстве.

Прогрессивным характером в отношении категории «юридическая сила» стала также деятельность Екатерины II, которая одним из своих указов обязала на специальных столбах публиковать указы, тем самым обеспечив доступность ознакомления с ними граждан. Кроме того, впервые появляется принцип «Закон обратной силы не имеет». Это было вызвано необходимостью разрешения противоречий, поводом к которым послужила «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», поскольку учащались случаи неправильного толкования, заложенного в нее смысла. К примеру, возникал вопрос о том, сохраняют ли право иметь голос в собрании Дворянства и быть избранными те, кто раньше пользовался данными правами, однако не отвечал критериям Жалованной грамоты. Екатерина II указала на то, что такие дворяне могут пользоваться такими правами даже в силу того, что ранее соответствующих чинов не имели. Таким образом, можно сказать, что возникла некая коллизия между актами, обладающими высшей юридической силой. В настоящее время это также остается актуальным.

[1] Ефремова С.С. Становление нормативного акта как источника права (раннеисторический период) // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 296.

Таким образом, рассмотрев монархический период развития источников права, можно сказать, что высшая юридическая сила принадлежала указам и распоряжениям монарха (это четко прослеживается в абсолютных монархиях), а если последующие указы и распоряжения в какой-то мере противоречили предыдущим, то предыдущие фактически аннулировались, теряли свою юридическую силу, свою значимость.

В советский период окончательно сформировывается система нормативно-правовых актов относительно их юридической силы. Возникло несколько официальных печатных источников, носящих систематизированный характер. К нормативно-правовым актам начало предъявляться обязательно требование их опубликования для того, чтобы они приобрели юридическую силу. Однако в начале своего существования, в РСФСР, а затем в СССР наблюдались определенные сбои. Например, в 1917 году был издан Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «О порядке утверждения и опубликования законов». Но обеспечить единовременную печать и донесение различных законов до населения было затруднительно в силу военного положения, существовавшего на тот период времени. В дальнейшем ситуация стабилизировалась. Порядок опубликования при этом периодически менялся. Например, в 30-х годах даже допускалось вводить в действие определенные законы путем донесения их посредством использования телеграфа и радио. Акты, не носящие нормативного характера (например, указы определенным ведомствам), не подлежали официальному опубликованию, а лишь должны были соответствующим образом донестись до сведения ведомства, учреждения, которому арестовывались.

После распада Советского союза получил распространение нормативный договор как отдельная форма выражения права, когда возникла необходимость устанавливать взаимоотношения с отделившимися республиками. Получают распространение международные договоры как особая форма нормативных договоров.

Прослеживая историю развития различных форм права и их юридической силы в зарубежных странах, можно отметить, что рассматриваемые явления были взаимозависимы не только с формой правления, но и с особенностями территориального устройства, а в некоторых случаях с национальными особенностями (особенно это проявляется в рамках мусульманской правовой семьи).

В таких зарубежных странах, как Англия, США и прочих в качестве официального и основного источника права начал оформляться судебный прецедент. С конца XIII века судебные решения начали оформляться в систематизированной форме, так называемых, Свитков тяжб. В то время существовала иерархия судов, где главную роль играл королевский суд, решения которого обладали высшей юридической силой (естественно помимо воли, выражаемой монархом). Судебный прецедент по сравнению с нормативно-правовыми актами обладал достаточной устойчивостью, нормативно-правовой акт мог быть лишен юридической силы в любое время, в то время как судебный прецедент применялся на протяжении длительного времени и утратить юридическую силу то или иное решение могло лишь в случае противоречия позиции вышестоящего суда.

Полагают, что в XIII веке разъездные королевские судьи, осуществляя правосудие на местах на территории Англии, руководствовались местными обычаями, о которых они узнали через присяжных. Возвращаясь к себе в Вестминстер, они отбирали наиболее разработанные среди общих местных обычаев, возможно, откорректировав их дошедшими с континента нормами римского и канонического права, нормандскими законами[1]. Таким образом, обычаи выступали в качестве дополнительного источника права, они учитывались, но превалирующего значения не имели.

Применительно к мусульманской правовой семье не приходится говорить о полноценности категории юридической силы, поскольку устройство общества основывается по боль-

[1] Кирей С.С. Процесс формирования судебного прецедента как источника права в Англии и его модернизация в современных реалиях // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2018 г.). Казань, 2018. С. 55.

шей части на религиозных органах. Так, Коран – это некая конституция, обладающая юридической силой, неисполнение предписаний которой влекло наказание. Предписания Корана в дальнейшем воплощались в нормативно-правовые акты, которые с религией как таковой не связывались, но все равно учитывались. В конце XVIII века судебный прецедент в Англии уже приобрел сформировавшуюся форму источника права. Официальная публикация судебных прецедентов, носящая постоянный характер, началась в XIX веке. В тот же период предъявлялись требования к официальной публикации решений, выносимых Палатой лордов.

Вообще XIX век в истории английского прецедентного права стал прорывным. Во-первых, был сформирован Верховный суд, чьи решения обладали высшей юридической силой, во-вторых, остальные суды уравнивались в правах, т. е. ставились на одну ступень в иерархии судебных решений, в-третьих, за судами официально закрепилась возможность применения как норм общего права, так и норм справедливости.

Американский вариант судебного прецедента был основан на английском и во многом совпадал с ним. Особенность заключалось в федеративном устройстве США, где один штат мог принять по аналогичному делу одно решение, а другой штат – другое, следуя при этом исключительно своему законодательству (законодательству штата).

В свою очередь, умаление значимости статутного права (т. е. права, основанного на нормах права) в США является необоснованным. Во-первых, американское законодательство воплощено в Основном законе данного государства – Конституции, определяющей базисные положения функционирования американского государства, имеющие прямое действие, т. е. обладающей высшей юридической силой. Это выражается в том, что суды при рассмотрении конкретного случая могут обратиться непосредственно к Конституции. Во-вторых, значительная роль в регулировании общественных отношений в США отведена федеральным законам и законам штатов, содержащим нормы, соблюдение которых является, безусловно, обязательным для субъектов, подпадающих под их действие[1].

На рубеже XX – XXI вв. остро встает вопрос о многоаспектности, разнообразности, содержательности издаваемых в современном государстве правовых актов. Форма правового акта, к которой исторически пришли человечество и законодатель, в виде опубликования значимых актов на бумажном носителе или в печатном виде как правовая традиция сегодня не оправдывает ожидания[2].

Таким образом, исследовав генезис категории «юридическая сила» в российском и зарубежном законодательстве, можно сделать вывод о том, что источники права сформировались на основе существующих у конкретных народностей обычаев, схожесть становления категории «юридическая сила» во взаимосвязи с источниками права можно определить в следующих этапах, направлениях: письменный характер; основанность на обычаях; полноценное формирование с появлением государственности; отражение в официальных источниках права; выбор для конкретного государства основного источника права (закрепление за ним официальной силы); формирование иерархичности.

Исследование генезиса становления категории «юридическая сила» во многом показывает ту принципиальную сторону, ту модель, которая сформировалась под влиянием истории. Исторический подход используется лишь для осмысления происходящих процессов современности, позволяет выявить ошибки, которые существовали прошлом с целью недопущения их будущем. Однако современность ввиду динамичности развития мира, государства и общества также требует своевременного и адекватного реагирования на новые вызовы.

---

[1] Мирошниченко О.И., Чугунков П.И. Судебный прецедент как источник права в формально-юридическом смысле: сравнительно-правовой анализ англо-американской и континентальной моделей применения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 5. С. 166.

[2] Штыкова Н.Н. Электронный правовой акт: история и правовая природа // Информационное право. 2015. № 1. С. 20.

Список литературы

1. Ефремова С.С. Становление нормативного акта как источника права (раннеисторический период) // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 1. – С. 294-296.

2. Кирей С.С. Процесс формирования судебного прецедента как источника права в Англии и его модернизация в современных реалиях // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2018 г.). – Казань: Молодой ученый, 2018. – С. 55-57. URL https://moluch.ru/conf/law/archive/298/14222/ (дата обращения: 18.11.2019).

3. Мирошниченко О.И., Чугунков П.И. Судебный прецедент как источник права в формально-юридическом смысле: сравнительно-правовой анализ англо-американской и континентальной моделей применения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2015. – № 5. – С. 163-167.

4. Штыкова Н.Н. Электронный правовой акт: история и правовая природа // Информационное право. – 2015. – № 1. – С. 17-21.

List of references

1. Efremova S.S. *Stanovleniye normativnogo akta kak istochnika prava (ranneistoricheskiy period) // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* [The formation of a normative act as a source of law (early historical period) // Gaps in Russian legislation]. – 2009. – № 1. – Pp. 294-296.

2. Kirei S.S. *Protsess formirovaniya sudebnogo pretsedenta kak istochnika prava v Anglii i yego modernizatsiya v sovremennykh realiyakh // Yuridicheskiye nauki: problemy i perspektivy: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', 05.2018). Kazan': Molodoy uchenyy, 2018 –* [The process of forming a judicial precedent as a source of law in England and its modernization in modern realities // Jurisprudence: problems and prospects: materials of the VII Intern. scientific conf. (Kazan, May 2018)]. – Kazan: Young Scientist, 2018. – Pp. 55-57. URL https://moluch.ru/conf/law/archive/298/14222/ (accessed: 11/18/2019).

3. Miroshnichenko O.I., Chugunkov P.I. *Sudebnyy pretsedent kak istochnik prava v formal'no-yuridicheskom smysle: sravnitel'no-pravovoy analiz anglo-amerikanskoy i kontinental'noy modeley primeneniya // Vestnik Universiteta imeni O.Ye. Kutafina*. [Judicial precedent as a source of law in the formal legal sense: comparative legal analysis of the Anglo-American and continental models of application] // Vestnik O.E. Kutafina. – 2015. – № 5. – Pp. 163-167.

4. Shtykova N.N. *Elektronnyy pravovoy akt: istoriya i pravovaya priroda // Informatsionnoye pravo* [Electronic legal act: history and legal nature // Information Law]. – 2015. – № 1. – Pp. 17-21.

УДК 340

Леонид Викторович Голоскоков,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент
l.v.goloskokov@mail.ru

Leonid Viktorovich Goloskokov,
Head of the department of civil law disciplines
of Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Doctor of Law, associate professor

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД В СТРОИТЕЛЬСТВЕ И МОДЕРНИЗАЦИИ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

В статье показано, что многочисленные изменения российского законодательства в реальности не являются признаком его модернизации и свидетельствуют не о прогрессе, а об утрате правом модернизационного потенциала. Предлагается перейти от запоздалого реагирования на вызовы к активным действиям путём использования действующей модели государства, которую можно создать в виртуальном сетевом пространстве для отработки в модели новых институтов и норм права, которые позволят действовать опережающим образом в государственном строительстве.

Ключевые слова: государство, право, государственные институты, модельные законы, модельное государство.

ACTIVITY APPROACH IN CONSTRUCTION AND MODERNIZATION OF INSTITUTIONS OF STATE AND LAW

The article shows that numerous changes in Russian legislation in reality are not a sign of its modernization and do not indicate progress, but the law`s loss of modernization potential. It is proposed to move from belatedly responding to challenges to active actions by using the existing state model, which can be created in a virtual network space to work out new institutions and legal norms in the model that will allow acting ahead of schedule in state building.

Keywords: state, law, state institutions, model laws, model state.

При всей динамике современного мира право, институты государства и государственное управление модернизируются слишком медленно. Рост числа законов свидетельствует об отставании от жизни, когда никакое количество новых законов не успевает регулировать усложняющуюся ситуацию во всех сферах жизни. Однако есть методы, позволяющие выйти из ситуации тупика на основе междисциплинарного и трансдисциплинарного подхода.

Современная экономика давно является сетевой экономикой, основанной на использовании ИКТ, сетей, баз данных и прочего, а право с трудом принимает идеи сетевой сущности современных отношений, сетевого устройства общества, экономики и других структур и процессов, существующих в виртуальном сетевом пространстве. Право продолжает «регулировать» быстрые процессы сетевой экономики запоздалыми нормами права, ориентированными на вертикальную структуру власти и государственного устройства. Линейно-вертикальный характер норм права не может обеспечить скорость и качество правового регулирования сетевых горизонтальных процессов.

Возможно, первый пример трансдисциплинарного подхода на грани права и физики проявился в слиянии закона и электричества в таком изобретении как электрический стул, который «был введен в 1890 году в Нью-Йорке в качестве более гуманного метода казни»[1]. Человечество применило новые для того времени технологии – электричество – для гумани-

[1] Dedman B. Supreme Court to Review Use of Electric Chair // The New York Times. Oct. 28, 1999.

зации, и сделано это было правовыми средствами – законами, а технически новое применение электрической энергии было оформлено в виде электрического стула.

Электрический стул применялся относительно редко, избирательно и, как правило, действительно к настоящим преступникам. Однако сегодня электронное государство, e-government, цифровые технологии применяются ко всем без исключения гражданам. Электронное и цифровое государство, вероятно, прекрасно будут работать в будущем государстве благоденствия, государстве с шестым или даже седьмым технологическим укладом, но проблема в том, что для этого нужно долго и упорно работать, преодолевать множество трудностей технического, технологического, правового, этического характера и многие другие, а цифра и рабовладение сочетаются без всяких усилий, потому что и цифра уже есть, и рабовладение давно опробовано, осталось вставить одно в другое и продукт готов. В простоте, накатанной дороге и наметившемся тренде и кроется опасность.

По поводу рабовладения есть замечательное высказывание Фредерика Робинсона (1799-186?), адвоката, журналиста, лидера массачусетской демократической партии США середины XIX века: «Условия народа никогда не остаются постоянными. Если они не улучшаются, то погружают его всё глубже и глубже в рабство»[1]. Условия жизни народа в России не улучшаются. Сегодня в ходу другие термины, но сущность явлений остаётся той же самой. Рабство приняло новые формы: ипотечное, банковское, цифровое рабство. И все эти виды – виды электронного рабства. Пример: человек взял кредит на образование, ипотеку, машину и платит до конца жизни. Его замаскированным рабовладельцем является банкир, финансист. Западные учёные всё это детально изучили и описали[2].

В связи с этим нужно сейчас видеть опасности новых технологий и принимать меры опережающего действия, а не только противодействия. Покажем, чем может закончиться для нас одно лишь противодействие, которым мы занимаемся по поводу любой проблемы.

Так, сегодня в России поднят вопрос о противодействии использования криптовалют в противоправных целях. Такая постановка вопроса означает, что мы согласились, что есть субъект, который действует, наносит ущерб, а мы должны ему ***против***одействовать, поскольку с помощью криптовалют началось отмывание денег, оплата наркотиков, финансирование терроризма и др. Нас вынудили решать эти задачи. Для этого наши юристы предлагают дать точные формулировки новых явлений, ввести новые виды уголовной ответственности в УК РФ, ввести уголовную ответственность юридических лиц[3] и т. п.

Однако мы не знаем, кто стоит за действием, кому мы собрались противодействовать, нам ясно лишь то, что субъект действия находится далеко за пределами нашей юрисдикции. Предположим, мы придумали совершенные дефиниции, ввели в кодекс нужные виды уголовной ответственности для физических и даже юридических лиц и создали идеальное законодательство в этой сфере. Как только мы привлечём по нашим новым законам к уголовной ответственности первое же физическое или юридическое лицо, мы увидим, что план действующего против нас субъекта оказался гениальным: субъекта вредоносного действия нам не достать, ибо мы не знаем, кто он и где он, а сила противодействующая (это мы) нанесёт удар только по своему юридическому лицу или человеку, пусть и преступнику, правонарушителю. Своими руками накажем своих юридических лиц и граждан. Это гениальный метод гибридной войны, когда нас самих отчасти могут сделать противником, против которого мы боремся. Они действуют на опережение, а мы только отвечаем, но наш ответ заранее просчитан противником и ведёт к поражению: мы поражаем самих себя.

[1] Robinson F. Equality is Liberty // The Happy Republic: A Reader in Tocqueville's America. N. Y., 1962. P. 538.

[2] Бузгалин В., Оллман Б., Хадсон М. Что происходит с нашим капитализмом? // Вольная экономика. Июль – сентябрь 2018. № 7. С. 34-47.

[3] Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц как составляющая правового администрирования // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 3. С. 23.

Подведём итог: криптовалюта – лишь один из многих источников опасностей, которые создаёт субъект действия, находящийся где-то за океаном. Когда мы решим проблему криптовалют, нам подбросят вторую, третью и т. д. Мы не знаем названия и сути этих проблем, но будем их решать и упустим свои важные задачи, на которые не хватит времени. Опасность состоит в системности субъекта действующего и бессистемности субъекта противодействующего (это мы), который не знает о дальнейших шагах противника и лишь отвечает на вызовы. Право здесь проявляет себя неадекватным инструментом позднего реагирования, решающим часть проблем и рождающим новые. Попытка создать гибрид электронных, цифровых технологий с правом проявилась через план строительства цифровой экономики. При этом, хотя и было понимание, что для её обеспечения нужно соответствующее цифровое, электронное, сетевое право, его разработка идёт слабо, бессистемно и фрагментарно.

Нужно модернизировать и государство, но заменить сразу всё право и все институты государства на лучшие невозможно. В то же время целая армия юристов, экономистов и других учёных пишут, пишут и пишут.

В Евангелие от Луки сказано: «Жатвы много, а делателей мало». Так было всегда. Время делать наступило и для учёных. Деятельностный подход состоит в том, что современные технологии и идеи теории права допускают создание не только модельных законов, что уже освоили юристы, но и модельного государства[1], которое можно создать в виртуальном пространстве для отработки на модели тех институтов государства и норм права, которые пока невозможно внедрить в российском государстве. Модель позволяет это сделать быстро, без вмешательства в дела российского государства, с привлечением всех учёных к строительству нового государства и права. Модельное государство должно сформировать позитивный образ будущего, образ победы, настрой на командную работу. Наука должна и предлагать идеи, и делать, и для этого нужно общее дело для всех, и им может стать создание действующей модели виртуального государства, посредством которой российское государство постепенно сможет перейти к новой форме и содержанию, оставив в старой оболочке государства все свои нерешаемые проблемы.

Юристы подобны музыкантам на палубе тонущего Титаника в аллегорической сцене из фильма: оркестр играет весёлый канкан из оперетты Оффенбаха «Орфей в аду». Так и наши юристы: их не слушали в спокойное время, а в бурные времена будет не до них. Власть уверена, что лучше знает, что делать. Но дел нет, и результат отсутствия деятельностного подхода налицо: музыканты играют и играют, корабль тонет.

Список литературы

1. Бузгалин В., Оллман Б., Хадсон М. Что происходит с нашим капитализмом? // Вольная экономика. – Июль – сентябрь 2018. – № 7. – С. 34-47.

2. Голоскоков Л.В. Доктрина национальной консолидации // Вопросы правоведения. – 2014. – № 4. – С. 86-122.

3. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц как составляющая правового администрирования // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2018. – № 3. – С. 18-27.

4. Dedman B. Supreme Court to Review Use of Electric Chair // The New York Times. – Oct. 28, 1999.

5. Robinson F. Equality is Liberty // The Happy Republic: A Reader in Tocqueville's America. – N.Y., 1962. – P. 538-544.

List of references

1. Buzgalin V., Allman B., Hudson M. *Chto proiskhodit s nashim kapitalizmom? // Vol'naya ekonomika* [What happens to our capitalism? // Free economy]. – July – September 2018. – № 7. – Pp. 34-47.

[1] Голоскоков Л.В. Доктрина национальной консолидации // Вопросы правоведения. 2014. № 4. С. 86-122.

2. Goloskokov L.V. *Doktrina natsional'noy konsolidatsii // Voprosy pravovedeniya* [The doctrine of national consolidation // Jurisprudence issues]. – 2014. – № 4. – Pp. 86-122.

3. Fedorov A.V. *Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits kak sostavlyayushchaya pravovogo administrirovaniya // Vestnik Moskovskoy akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii.* [Criminal liability of legal entities as a component of legal administration // Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation]. – 2018. – № 3. – Pp. 18-27.

4. Dedman B. *Supreme Court to Review Use of Electric Chair // The New York Times* [Supreme Court to Review Use of Electric Chair // The New York Times]. – Oct. 28, 1999.

5. Robinson F. *Equality is Liberty // The Happy Republic: A Reader in Tocqueville's America.* [Equality is Liberty // The Happy Republic: A Reader in Tocqueville's America]. – N.Y., 1962. – P. 538-544.

УДК 338.2; 346

Георгий Васильевич Трофимов,
студент 4 курса Факультета Бизнеса и Менеджмента Национального
Исследовательского Университета «Высшая Школа Экономики»
E-mail: magistr.pocht@yandex.ru

Georgy Vasilievich Trofimov,
4th year student of the Faculty of Business and Management
of National Research University Higher School of Economics

ЛОГИСТИКА И ПРАВО: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ. МОДЕЛИРОВАНИЕ ЦЕПИ КОНТРАКТОВ В ЦЕПЯХ ПОСТАВОК

Рассматривается проблема взаимодействия областей применения логистики и права, что объективно обусловлено сущностью логистической сети распределения материального потока, которая обеспечивается как информационной, так и правовой поддержкой (сопровождением). В современных условиях рынка предоставления логистических услуг существует большой спектр бюрократических и организационно-правовых процедур, являющихся необходимыми для взаимодействия коммерческих фирм, а равно фирм, оказывающих логистические услуги, с поддерживающими и регулирующими материальный и денежный потоки организациями – банком, таможней, налоговой инспекцией и др.

В статье демонстрируется практическая связь логистических алгоритмов с правовыми формами на примере обеспечения существования нормального материального потока в процессе взаимодействия коммерсанта с внешними агентами в рамках организуемой цепи предпринимательских поставок (товарной продукции). Установлено, что как от заказчика, так и от поставщика, а также исполнителя логистических услуг требуется формализация действий в сфере контрактных обязательств и выполнение всех требований установленной цепи контрактов, связывающей воедино звенья логистической сети в области бизнес-правовых отношений.

Ключевые слова: право, логистика, контракт, цепь поставок, взаимосвязь.

LOGISTICS AND LAW: THE PROBLEM OF INTERRELATION. MODELING THE CONTRACT CHAIN IN THE SUPPLY CHAIN

The article considers the problem of interaction between the areas of application of logistics and law, which is objectively determined by the essence of the logistics network of material flow distribution, which is provided by both information and legal backing (support). In modern conditions of the market for the provision of logistics services, there is a wide range of bureaucratic and legal procedures that are necessary for the interaction of commercial firms, as well as firms providing logistics services, with organizations that support and regulate material and cash flows such as banks, customs, tax inspection, etc.

The article demonstrates the practical relationship of logistic algorithms with legal forms on the example of ensuring the existence of a normal material flow in the process of interaction between a merchant and external agents within the framework of an organized chain of business supplies (marketable products). It is established that the customer and the supplier, as well as the contractor of logistics services, are required to formalize actions in the field of contractual obligations and fulfil all the requirements of the established chain of contracts that links the links of the logistics network in the field of business legal relations.

Keywords: law, logistics, contract, supply chain, interconnection.

Логистика и право, как две самостоятельные научные отрасли, тесно взаимодействуют в практическом поле. Появление материального потока и, как следствие, необходимости управления им, связано с правовой структурой окружения, в котором происходит движение потока.

Управление цепью контрактов (УПЦ) – важнейший элемент и образец логистической системы. Агенты взаимодействуют друг с другом, создавая непрерывный материальный и информационный поток, четкие рамки для которого – ключевой фактор успеха системы звеньев. Создание этих рамок – во многом прерогатива *права*.

В данной работе для начала будет рассмотрена теоретическая сторона вопроса с выявлением и определением необходимых для дальнейшего исследования терминов и понятий, а также проведена их адаптация в контексте решения проблемы моделирования цепи контрактов в цепях поставок как наиболее наглядного примера из практической области взаимосвязи логистических и правовых форм и средств. Затем, основываясь на описанной терминологии, будет проведена попытка, собственно, смоделировать соответствующую стандартам и требованиям цепь контрактов для определенной цепи поставок.

Цепь поставок, с точки зрения процессного понимания, это совокупность потоков и соответствующих им кооперационных и координационных процессов между участниками цепи создания стоимости для удовлетворения требований. Должный уровень координации создается благодаря кооперационным управленческим и юридическим действиям над грамотно составленной цепью контрактов, в звеньях которой находятся отделенные отношения между парой из участников цепи. Управление контрактами – важная составляющая УЦП, позволяющая повысить уровень экономической эффективности, а также обеспечить необходимый уровень экономический и правовой устойчивости бизнеса. Здесь в первую очередь необходим потенциал *логистики* как особого организационного направления повышения эффективности экономической деятельности[1].

Понятие «контракт» может быть определено и рассмотрено с помощью трех категорий: как соглашение, как юридический факт и как документ. В ситуации разбора цепи контрактов (в частности, в цепях поставок), контракт представляет наибольший интерес именно с точки зрения соглашения: то есть для цепи поставок контракт есть связующее звено, а набор таких отдельных соглашений участников цепи поставок создает единый логистико-правовой механизм, согласно которому и действуют агенты, обеспечивая движение материального потока в цепи и поддерживая его непрерывность. В связи с тем, что в рамках настоящей работы стоит задача определить точки соприкосновения дисциплин логистики и права, лучшим способом ее решения будет обращение к практике, в области которой на основании предметных научно-прикладных рекомендаций возможно сформировать цепь контрактов для логистической цепи поставок (продукции) от одних социальных агентов (определенного правового статуса) к другим.

Для моделирования цепи контрактов (по поставкам или какого-либо иного предметного плана) необходимо выявить ключевые взаимоотношения, на их основе сформировать «костяк» цепи и расширить ее так называемыми минорными дополнениями. Согласно «Моделям и методам теории логистики»[2] В.С. Лукинского, часто основополагающими звеньями логистической системы называют именно торговые или промышленные предприятия, нуждающиеся в оптимальном обеспечении движения материальных потоков, поэтому непосредственно в лице первой и второй сторон данных бизнес-правовых коммуникаций выступают поставщики и потребители, а третьей стороной (3PL) – логистические посредники.

Для формирования модели цепи контрактов в сфере отношений поставок между производственными и торговым фирмами внутри логистической системы необходимо описать структуру, согласно которой и будут образованы правовые отношения между звеньями соответствующей цепи.

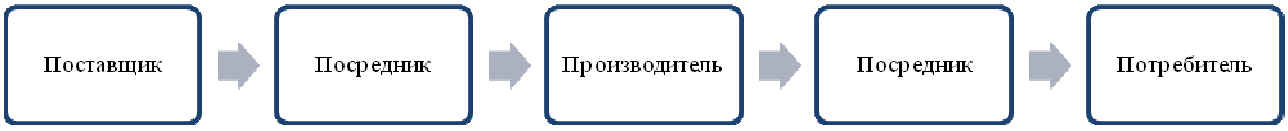
Как пример структуры возьмем классическую эшелонированную логистическую систему двух (для идеализации цепи контрактов) посредников.

Посредники (в качестве 3PL) в данной схеме могут быть наделены возможностью выполнения различных функций. Согласно подобной структуре логистической системы, в качестве конкретного примера возьмем компанию коммерческой корпорации «Гончар», занимающуюся производством керамических изделий. Показательный пример компании как уча-

[1] См.: Сергеев В.И. и др. Корпоративная логистика в вопросах и ответах. М., 2013; см. также: Трифилова А.А., Воронков А.Н. Маркетинговая логистика: учебное пособие. Н. Новгород, 2011.

[2] См.: Модели и методы теории логистики: Учебное пособие / ред. В.С. Лукинского. СПб., 2008.

стника логистической цепи контрактов построен на основе кейса № 22 «Управление сбытовой деятельностью» сборника кейсов для студентов соответствующих специальностей Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (ННГАСУ)[1].



Коммерческая корпорация «Гончар» – производственная компания, соответственно, ей необходимо заниматься закупками сырья, то есть вступать в правовые отношения с его поставщиками. Подобные отношения регулируются договором поставки, сторонами (поставщиком и получателем) в нашем случае будут соответственно фирма – поставщик «Велор» и компания – производитель «Гончар». Также, часто для осуществления поставки привлекается третья сторона – например, перевозчик. В подобном случае с ним будет заключен договор перевозки, где «Велор» выступит грузоотправителем, а «Гончар» – грузополучателем. Либо, для более удобной организации перевозки, или же при необходимости учесть определенные параметры груза и согласно его свойствам необходимые условия перевозки, может быть привлечен посредник–экспедитор, в этом случае обязанность стороны договора (клиента) возьмет на себя либо грузоотправитель, либо грузополучатель.

Благодаря успешно заключенному договору поставки[2], предприятие готово произвести товар, а также, впоследствии заняться ее сбытом. Согласно кейсу, один поток сбыта готовой продукции происходит с помощью компании – дистрибьютора «Керама», а другой – благодаря сети магазинов розничной торговли «Росстройматериалы».

Для реализации отношений в этих направлениях необходимо заключить соответствующие договоры. Во-первых, с дистрибьютором «Керама» – договор дистрибуции, где «Гончар» будет признан продавцом и наделен возможностью поручать, а дистрибьютор – наделен обязанностью распространить товар. Во-вторых, с розничной сетью магазинов – договор купли-продажи.

В итоге для конкретной ситуации с фокусной компанией «Гончар» имеем следующую цепь контрактов: фирма «Велор» – фирма «Гончар» (договор поставки); (1) фирма «Гончар» – фирма «Керама» (договор дистрибуции) либо (2) фирма «Гончар» – фирма «Росстройматериалы»; для случая (1) – возможны несколько ситуаций дальнейшего развития логистической цепи:

1. Простая: дистрибьютор – потребитель.
2. Усложнённая: дистрибьютор – ритейлер – потребитель.
3. Сложная: дистрибьютор – дилер – ритейлер – потребитель.

В нашей ситуации ритейлером выступают «Росстройматериалы», поэтому между «Керама» и «Росстройматериалами» будет заключен договор поставки. Конец же цепи контрактов для случаев (1) и (2) будет ознаменован договором купли-продажи между «Росстройматериалами» и конечным потребителем.

Таким образом, в результате работы была сформулирована необходимая терминология, на примере цепи контрактов в сфере поставок были выявлены и обозначены некоторые проблемы взаимодействия логистики и права. Была разработана цепь контрактов для фокусной

[1] Логистика. Кейсы для анализа. Методические указания для студентов по специальностям 080111 «Маркетинг», 080507 «Менеджмент организации», 080502 «Экономика и управление на предприятии (по отраслям)» / Составители: А.А. Трифилова, А.Н. Воронков, О.В. Горбунова. Н. Новгород, 2011.

[2] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

фирмы «Гончар», а также рассмотрены дополнительные контрактные возможности, которые, в свою очередь, могут потребовать организации новой логистическо-правовой цепи, а значит привлечения совместного интеллектуального ресурса логистики и права.

Список литературы

1. Логистика. Кейсы для анализа. Методические указания для студентов по специальностям 080111 «Маркетинг», 080507 «Менеджмент организации», 080502 «Экономика и управление на предприятии (по отраслям)» / Составители: А.А. Трифилова, А.Н. Воронков, О.В. Горбунова. – Н. Новгород: Нижегород. гос. архит.-строит. ун-т, 2011. – 48 с.

2. Модели и методы теории логистики: Учебное пособие / ред. В.С. Лукинского. – СПб.: Питер, 2008. – 448 с.

3. Сергеев В.И., Домнина С.В., Дыбская В.В., Зайцев Е.И., Уваров С.А. Корпоративная логистика в вопросах и ответах / Под общ. ред. В.И. Сергеева. – М.: НИЦ Инфра-М, 2013. – 634 с.

4. Трифилова А.А., Воронков А.Н. Маркетинговая логистика: учебное пособие. – Н. Новгород: Нижегород. гос. архит.-строит. ун-т, 2011. – 84 с.

List of references

1. *Logistika. Keĭsy dlya analiza. Metodicheskiye ukazaniya dlya studentov po spetsial'nostyam 080111 «Marketing», 080507 «Menedzhment organizatsii», 080502 «Ekonomika i upravleniye na predpriyatii (po otraslyam)» / Sostaviteli: A.A. Trifilova, A.N. Voronkov, O.V. Gorbunova. – N. Novgorod: Nizhegorod. gos. arkhit.-stroit. un-t, 2018. –* [Logistics. Cases for analysis. Guidelines for students in the specialties 080111 «Marketing», 080507 «Organization Management», 080502 «Economics and Management in the Enterprise (by Industry)»] / Compiled by A.A. Trifilova, A.N. Voronkov, O.V. Gorbunova. – N. Novgorod: Nizhny Novgorod. state architect build Univ., 2011. – 48 p.

2. *Modeli i metody teorii logistiki: Uchebnoye posobiye* [Models and methods of the theory of logistics: Textbook] / ed. V.S. Lukinsky. – St. Petersburg: Peter, 2008. – 448 p.

3. Sergeev V.I., Domnina S.V., Dybskaya V.V., Zaitsev E.I., Uvarov S.A. *Korporativnaya logistika v voprosakh i otvetakh [*Corporate logistics in questions and answers] / Under the general. ed. IN AND. Sergeeva. – M .: SIC Infra-M, 2013. – 634 p.

4. Trifilova A.A., Voronkov A.N. *Marketingovaya logistika: uchebnoye posobiye* [Marketing logistics: a training manual. – N. Novgorod: Nizhny Novgorod. state architect build Univ.], 2011. – 84 p.

УДК 342.5

Дмитрий Валерьевич Грачев,
магистрант 3 курса заочной формы обучения
Института магистратуры и аспирантуры
ФГБОУ «Саратовская государственная юридическая академия»
по направлению «Актуальные проблемы теории и практики правового регулирования
в современном российском государстве»
E-mail: d.grachev@lenta.ru

Dmitry Valerevich Grachev,
3-year undergraduate correspondence courses Graduate Institute and graduate school
FSBEI «Saratov State Law Academy» in the direction of
«Actual problems theories and practices of legal regulation in the modern Russian state»

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ БЮРОКРАТИЯ И БЮРОКРАТИЗМ

В статье рассматриваются такие категории, как бюрократия и бюрократизм. Доказывается, что бюрократия и бюрократизм есть явления объективной действительности, без которых не может существовать ни одно организованное общество. Вместе с тем, такие дефиниции являются не тождественными по своему содержанию, а выступают как общее и частное, где бюрократия заключается в определенной административной организации, а бюрократизм – в конкретных негативных свойствах ее проявления.

Ключевые слова: бюрократия, бюрократизм, управление, административная организация.

CORRELATION OF THE CONCEPTS OF BUREAUCRACY AND BUREAUCRACY

The article considers such categories as bureaucracy and bureaucracy. It is proved that bureaucracy and bureaucracy are phenomena of objective reality, without which no organized society can exist. At the same time, such definitions are not identical in content, but act as general and particular, where the bureaucracy is in a certain administrative organization, and bureaucracy is in the specific negative properties of its manifestation.

Key words: bureaucracy, bureaucracy, management, administrative organization.

Бюрократия и бюрократизм – это два неизбежных явления, с которыми сталкивается каждое государство в процессе управления страной.

Вопросу соотношения указанных дефиниций посвящено немало работ, некоторые из авторов отождествляют такие категории, некоторые рассматривают как общее и частное[1].

На наш взгляд, не следует напрямую отождествлять бюрократизм и бюрократию, они представляют собой разные понятия. Бюрократизм – это общественное явление, присущее сфере управления и складывающееся между управленческими структурами и массами насе-

[1] См., например: Анурин В.Ф., Садулина А.М. Бюрократия: взгляды «извне» и «изнутри» // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 29-38; Борисов В.К. Демократизация общества и преодоление бюрократизма (социально-политический аспект). М., 1990. 116 с.; Волкова И.И., Борисов Г.А. Дебюрократизация системы муниципального управления: сущность, принципы, задачи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 16 (187). С. 54-59; Воротников А.А. Бюрократическая служба: разнообразие подходов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2005. № 10. С. 103-110; Он же. Бюрократия и государство: история взаимоотношений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 4. С. 103-113; Денисов С.А. Бюрократия и позитивное право // Российский юридический журнал. Екатеринбург, 2000. № 2. С. 131-143; Кузнецова Е.Е. Проблема борьбы с бюрократизмом в системе государственного управления // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 6/2. С. 179-182; Оболенский А.В. Бюрократия и бюрократизм (к теории вопроса) // Государство и право. 1993. № 12. С. 1016-1024; Сухонос В.В. Электронное правительство как антибюрократическая государственная технология: теоретико-правовая характеристика // Проблемы законности. 2015. № 130. С. 35-44 и др.

ления. Бюрократия – это способ административной организации, построенный на формальных началах, а бюрократизм – совокупность свойств и принципов, определяющих бюрократически организованную управленческую систему, характерными чертами которой являются излишняя усложненность, нескончаемый документооборот, разветвленность аппарата и чрезмерная формальность[1].

Как отмечал М. Вебер, именно бюрократия является идеальной моделью государственного управления, которая построена на жестких бюрократических принципах: авторитарной власти начальника, который принимает решения, отдает распоряжения подчиненным и контролирует их исполнение. Задача служащих административного аппарата при этом заключалась только в том, чтобы применять полезные управленческие принципы в конкретных ситуациях. Однако теория не в полной мере оправдала ожидания на практике из-за многочисленных сложностей, существующих в управлении.

По нашему мнению, категория «бюрократия» не есть отрицательная категория, несмотря на то, что некоторые авторы выделяют исключительно ее негативные черты. Государство не существует само по себе, так и или иначе кто-то должен вести его дела, на основании определенных правил. В связи с этим появляются определенные категории служащих, а также некая государственная система, включающая в себя различного рода организации и учреждения, деятельность которых направлена в целях упорядочивания общественных процессов, для организации связей между отдельными участниками общественной жизни, а также между ними и обществом в целом. Такие представители государства (служащие) абсолютно объективно и логично получают конкретные полномочия для осуществления задач государства. Однако, как отмечает Б.П. Курашвили, зачастую управленцы действуют не в интересах общества и государства, а в целях удовлетворения лиц, чьими действиями они были поставлены на такие должности[2].

Проявился иной характер деятельности, именуемый бюрократизмом. Бюрократизм изменил характер поведения чиновников и принципы их деятельности. Многие считают (и небезосновательно), что государство в лице бюрократии не желает помогать гражданам, а, наоборот, стремится к отчуждению власти от народа, концентрируя при этом все управление и контроль в своих руках. В сознании людей четко формируется мнение, что все цели, которые государство ставит перед бюрократическим аппаратом, превращаются в погоню за чинами и это влечет формальное исполнение обязанностей[3].

Бюрократия и бюрократизм имеют общие истоки своего появления как социально-политического феномена. Специфика последнего из этих явлений состоит в том, что бюрократизм – это своего рода атрибут, дополнительный признак бюрократии как одной из форм административной организации. Бюрократизм как особый атрибут имеет в современном обществе негативный характер и отрицательно оценивается гражданами, что понижает авторитет бюрократии в целом. Следует прибегнуть к методам борьбы с излишней официальностью, обезличенностью и незаинтересованностью чиновников, чтобы восстановить истинное предназначение бюрократии, сформировать положительное отношение к данному явлению в глазах населения.

Бюрократизм – свойство системы управления, стиля руководства, отражающее главенство формы над содержанием управленческой деятельности, характеристика процесса отчуждения государственного аппарата по отношению к обществу, превращение средств административной деятельности в самоцель, формализм, служебную волокиту.

Если бюрократия служит для обозначения определенной организации, системы работы аппарата управления, то бюрократизм применяется как негативное свойство бюрократии, как

[1] См.: Кабашов С.Ю. Бюрократия: Теоретические концепции: учебное пособие. М., 2017. С. 84.

[2] См.: Курашвили Б.П. Борьба с бюрократизмом. М., 1988. С. 18.

[3] См.: Прима А.Н. Бюрократия и бюрократизм: общее и особенное // Право. Общество. Государство: сборник научных трудов студентов и аспирантов. Санкт-Петербург, 2018. С 38.

групповая монополия управляющих на функции управления и средства власти. С учетом признанной модели бюрократии мы получаем бюрократию рациональную и иррациональную.

Таким образом, если положительная сторона бюрократии включает в себя: подчинение ее членов одной только власти в отношении их безличных должностных обязанностей; существование четко установленной иерархии должностей; наличие должной компетенции чиновников; осуществление ими управленческой деятельности на основе назначения и в силу контракта; назначение их на должность производится согласно профессиональной квалификации; получение служащими за свою работу постоянных денежных окладов и определенных социальных гарантий, включая право на пенсионное обеспечение; рассмотрение чиновниками службы как единственной или главной профессии, по которой возможен карьерный рост; запрет на присвоение должностным лицом как доходов, связанных с должностным положением, так и самой должности, средств управления; существование контроля и строгой служебной дисциплины в отношении чиновников и др.

Соответственно, отрицательная сторона бюрократии состоит в иррациональности, что в свете представленных определений следует считать бюрократизмом[1].

Если в управленческой деятельности доминирует рационализм и, соответственно, рациональная сторона бюрократии, то мы имеем дело с рациональной бюрократией, выполняющей свое основное предназначение – эффективное управление. Если такого преобладания нет, то перед нами, соответственно, иррациональная бюрократия, которая не выполняет в достаточной степени своего предназначения, что в негативном проявлении предстает как бюрократизм.

Таким образом, бюрократизм выступает возможным проявлением такого явления как бюрократии, он несет в себе преломление отрицательных качеств бюрократии, выражающихся в определенных действиях (бездействиях) ее представителей. Вместе с тем, в процессе управления социальными сферами и организации общества бюрократизм не может существовать сам по себе – он непосредственно связан с бюрократией и заключается в проявлении преимущественно личных и корпоративных интересов представителей бюрократии, которые преобладают над объективными государственными и общественными интересами в рамках исполнения служебных обязанностей. Поэтому там, где бюрократия может эффективно решать общегосударственные дела, методично выполняя возложенные на нее государством функции, бюрократизм решает существующие задачи государственного управления неэффективно, а нередко подобные решения вступают в прямое противоречие с общественными интересами, что естественно существенно отдаляет всех от цели построения сильного и правового государства.

Список литературы

1. Анурин В.Ф., Садулина А.М. Бюрократия: взгляды «извне» и «изнутри» // Социологические исследования. – 2010. – № 2. – С. 29-38.

2. Борисов В.К. Демократизация общества и преодоление бюрократизма (социально-политический аспект). – М.: Издательство Московского университета, 1990. – 116 с.

3. Волкова И.И., Борисов Г.А. Дебюрократизация системы муниципального управления: сущность, принципы, задачи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2014. – № 16 (187). – С. 54-59.

4. Воротников А.А. Бюрократическая служба: разнообразие подходов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2005. – № 10. – С. 103-110.

5. Воротников А.А. Бюрократия и государство: история взаимоотношений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 4. – С. 103-113.

6. Денисов С.А. Бюрократия и позитивное право // Российский юридический журнал. Екатеринбург. – 2000. – № 2. – С. 131-143.

[1] См.: Прокуратов И.В. Бюрократизм на государственной службе: проблемы определения // Личность. Культура. Общество. 2010. Том XII. Вып. 2. № 55-56. С. 321-324.

7. Кабашов С.Ю. Бюрократия: Теоретические концепции: учебное пособие. – М.: Инфра-М, 2017. – 330 с.

8. Кузнецова Е.Е. Проблема борьбы с бюрократизмом в системе государственного управления // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – № 6/2. – С. 179-182.

9. Курашвили Б.П. Борьба с бюрократизмом. – М.: Знание, 1988. – 63 с.

10. Оболенский А.В. Бюрократия и бюрократизм (к теории вопроса) // Государство и право. – 1993. – № 12. – С. 1016-1024.

11. Прима А.Н. Бюрократия и бюрократизм: общее и особенное // Право. Общество. Государство: сборник научных трудов студентов и аспирантов. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского института (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2018. – 184 с.

12. Прокуратов И.В. Бюрократизм на государственной службе: проблемы определения // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Том XII. – Вып. 2. – № 55-56. – С. 321-324.

13. Сухонос В.В. Электронное правительство как антибюрократическая государственная технология: теоретико-правовая характеристика // Проблемы законности. – 2015. – № 130. – С. 35-44.

List of references

1. Anurin V.F., Sadulina A.M. *Byurokratiya: vzglyady «izvne» i «iznutri» // Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Bureaucracy: views «from the outside» and «from the inside» // Sociological studies]. – 2010. – № 2. – Pp. 29-38.

2. Borisov V.K. *Demokratizatsiya obshchestva i preodoleniye byurokratizma (sotsial'no-politicheskiy aspekt) – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.* – [The democratization of society and the overcoming of bureaucracy (socio-political aspect)]. – M.: Publishing house of Moscow University, 1990. – 116 p.

3. Volkova I.I., Borisov G.A *Debyurokratizatsiya sistemy munitsipal'nogo upravleniya: sushchnost', printsipy, zadachi // Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo.* [Debureaucratization of the municipal administration system: essence, principles, tasks // Scientific reports of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law]. – 2014. – № 16 (187). – Pp. 54-59.

4. Vorotnikov A.A. *Byurokraticheskaya sluzhba: raznoobraziye podkhodov // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bureaucratic service: a variety of approaches // Bulletin of the Saratov State Law Academy]. – 2005. – № 10. – Pp. 103-110.

5. Vorotnikov A.A. *Byurokratiya i gosudarstvo: istoriya vzaimootnosheniy // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bureaucracy and the state: history of relationships // Bulletin of the Saratov State Law Academy]. – 2014. – № 4. – Pp. 103-113.

6. Denisov S.A. *Byurokratiya i pozitivnoye pravo // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. Yekaterinburg* [Bureaucracy and positive law // Russian Law Journal. Yekaterinburg]. – 2000. – № 2. – Pp. 131-143.

7. Kabashov S.Yu. *Byurokratiya: Teoreticheskiye kontseptsii: uchebnoye posobiye. – M.: Infra-M.* – [Bureaucracy: Theoretical concepts: a training manual]. – M.: Infra-M, 2017. – 330 p.

8. Kuznetsova E.E. *Problema bor'by s byurokratizmom v sisteme gosudarstvennogo upravleniya // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'.* [The problem of the fight against bureaucracy in the system of public administration // Historical and socio-educational thought]. – 2017. – V. 9. – № 6/2. – V. 179-182.

9. Kurashvili B.P. *Bor'ba s byurokratizmom – M.: Znaniye* [The fight against red tape]. – M.: Znaniye, 1988. – 63 p.

10. Obolensky A.V. *Byurokratiya i byurokratizm (k teorii voprosa) // Gosudarstvo i pravo* [Bureaucracy and bureaucracy (to the theory of the issue) // State and Law]. – 1993. – № 12. – Pp. 1016-1024.

11. Prima A.N. *Byurokratiya i byurokratizm: obshcheye i osobennoye // Pravo. Obshchestvo. Gosudarstvo: sbornik nauchnykh trudov studentov i aspirantov. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo instituta (filiala) federal'nogo gosudarstvennogo byudzhetnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Vserossiyskiy gosudarstvennyy universitet yustitsii (RPA Minyusta Rossii)»* [Bureaucracy and bureaucracy: general and special // Law. Society. State: a collection of scientific papers of students and graduate students. – St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)»], 2018. – 184 p.

12. Prokuratov I.V. *Byurokratizm na gosudarstvennoy sluzhbe: problemy opredeleniya // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Bureaucracy in the public service: problems of determination // Personality. The culture. Society]. – 2010. – Volume XII. – Issue 2. – № 55-56. – Pp. 321-324.

13. Sukhonos V.V. *Elektronnoye pravitel'stvo kak antibyurokraticheskaya gosudarstvennaya tekhnologiya: teoretiko-pravovaya kharakteristika // Problemy zakonnosti.* [E-government as an anti-bureaucratic state technology: theoretical and legal characteristics // Problems of legality]. – 2015. – № 130. – P. 35-44.

УДК 340

Павел Александрович Гук,
профессор кафедры «Правосудие»
Пензенского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: gukpola@mail.ru

Pavel Alexandrovich Guk,
Professor of the Department of Justice
Penza State University,
Doctor of Law, Associate Professor

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ СУДЕБНОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА

Возникновение и развитие судебного нормотворчества в каждой правовой системе имеет свои истоки, не является исключением и правовая система России, где также формировалось и развивалось судебное нормотворчество, но со своими особенностями и проблемами. Развитие судебного нормотворчества связано с проведением судебных реформ в Российской империи, Советском Союзе и современной России. Каждый этап имеет свои особенности развития судебного нормотворчества. Исследование данного явления проводилось с помощью исторического, логического, сравнительно-правового, формально-юридического методов, что позволило сделать вывод о существовании и развитии судебного нормотворчества в России.

Ключевые слова: источники права, судебная практика, прецедент, судебные инстанции, высшие судебные органы, усмотрение, судебное нормотворчество, судья, нормативный правовой акт.

TOPICALITY OF THE STUDY OF JUDICIAL RULE-MAKING ISSUES

The emergence and development of judicial rulemaking in each legal system has its origins, and the Russian legal system is not an exception, where judicial rulemaking was also formed and developed, but with its own characteristics and problems. The development of judicial rulemaking is associated with judicial reforms in the Russian Empire, the Soviet Union and modern Russia. Each stage has its own characteristics of the development of judicial rule-making. The study of this phenomenon was carried out with the help of historical, logical, comparative legal, formal legal methods, which allowed us to make a conclusion about the existence and development of judicial rule-making in Russia.

Keywords: sources of law, judicial practice, precedent, judicial instances, higher judicial bodies, discretion, judicial rulemaking, a judge, normative legal act.

В российской правовой системе на протяжении длительного времени судебное нормотворчество считалось буржуазным правовым явлением, а поэтому судебный прецедент и судебная практика, как формы нормотворчества, не признавались источником права, хотя они играли определённую роль при разрешении правовых споров, а также учитывались при создании законов. Неоднозначное отношение к судебному нормотворчеству складывается и в современный период.

Для того чтобы понять феномен данного явления, который возник не на пустом месте, а имеет исторические особенности возникновения и развития, формы проявления, необходимо изучить доктринальные взгляды на природу судебного нормотворчества, что в свою очередь побуждает к исследованию проблемных аспектов судебного нормотворчества применительно не только к прошлому, но и к настоящему и будущему положению судебного нормотворчества в правовой системе России.

Исследование судебного нормотворчество, по нашему мнению, следует вести в историческом, теоретическом и практическом аспектах, выявлять проблемы исторического, теоретического и практического характера, и предлагать наиболее эффективные средства его со-

вершенствования применительно к современным условиям. При этом следует знать проблемные аспекты прошлого, изучение которых поможет в преодолении их в настоящем и исключения в будущем.

Исторический аспект возникновения и развития судебного нормотворчества может представить неоценимую помощь в формировании новых подходов к нормотворческой деятельности высших судебных инстанций. Наиболее важные периоды становления судебных органов и их деятельности непосредственно связывается с проведением в Российской империи судебной реформы 1864 года, советских судебно-правовых реформ (с октября 1917 по 1991 годы) и современным периодом реализации Концепции судебной реформы (1991 г.) в правовой системе России. Каждый этап своеобразен, имеет свои особенности, принципы формирования и осуществления правосудия, но содержит основную цель – сформировать суд справедливый и независимый, творчески разрешающий правовые вопросы. Вопрос о судебном нормотворчестве поднимался учеными и практиками в эти периоды, выработанные ими предложения, нашли свое отражение в докладах, статьях, монографиях, защищенных диссертациях и других научных трудах. Формами судебного нормотворчества выступали судебная практика и судебный прецедент.

Положение периода до судебной реформы 1864 г. для судов было связано с применением законов, как отмечает Л.И. Петражицкий, «по точному и буквальному смыслу оных, не допуская обманчивого непостоянства самопроизвольных толкований, а в случаях усмотрения со стороны судов неясности или неполноты законов они должны были представлять о том в высшую инстанцию»[1].

В отношении судебной практики неоднозначно высказывал свою точку зрения Г.Ф. Шершеневич. В России, отмечал автор, судебная практика фактически не имеет сколько-нибудь заметного значения. Согласно ст. 84 Основных законов, Российская империя управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке. Следовательно, иные формы права, кроме закона, могут быть признаны лишь настолько, насколько они указаны законом. Точно также и судебные решения могли иметь значения норм права, если бы обязательность их была установлена законом[2].

Официальное непризнание судебной практики в дореформенной России и отсутствие законодательных оснований для такого признания не позволяло говорить о судебном нормотворчестве в этот период времени, однако существенно изменилась ситуация после проведения судебной реформы в Российской империи.

В основу судебной реформы был положен принцип разделения властей, судебные функции были отделены от административных функций, созданы местные и общие суды – новая модель судоустройства. Судебная власть сосредотачивается в судах и Сенате.

Сенат выступал в качестве высшего судебного и надзорного органа, в его ведении находилось толкование законов и решение юридических коллизий. Разъяснения Сената становятся обязательными для юридической практики. Отдельные постановления Сената, утвержденные императором, приобретали статус законов. Таким образом, решения Сената и суда по толкованию тех или иных положений закона признавались прецедентами толкования и являлись обязательными для применения. Так складывалось судебное нормотворчество после судебной реформы 1864 г. Современниками того времени высказывались мнения о положительном значении судебной практики и судебного прецедента.

Выступая на годовом собрании юридического общества при Санкт-Петербургском университете 14 февраля 1882 г. С.В. Пахман отметил, «что же касается отношения судебной практики к движению законодательства, то известно, что практика, и без искусственных с её

[1] Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности (по изданию 1910 г.). СПб., 2000. С. 500.

[2] См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: учебное пособие (по изданию 1910-1912 гг.). М., 1995. Т. 2. Вып. 2-4. С. 88.

стороны усилий, всегда имела и будет иметь влияние в деле усовершенствования положительных норм, вызываемого требованиями жизни, ибо недостатки закона ни в чем не сказываются столь убедительно и ясно, как при разрешении отдельных случаев на практике»[1].

Судебная реформа 1864 г. не только создала новую структуру судебной системы, но и дала возможность для творческой деятельности судей. Известный судебный деятель дореволюционного времени А.Ф. Кони полагал, что «для понимания и толкования закона необходима самодеятельность судьи и вдумчивая работа». Судебные уставы в статьях 9 и 10 Устава гражданского судопроизводства и 12 и 13 Устава уголовного судопроизводства требуют, чтобы разрешение дела ни в каком случае не останавливалось под предлогом неполноты, неясности и противоречия законов, предписывая судебным установлением основывать свое решение на общем смысле последних[2].

Анализ этих положений, внесенных законодателем в Уставы, даёт возможность с определенностью отметить, что судьям было предоставлено законное право создавать прецеденты и вырабатывать судебную практику.

В дореволюционной России судебное нормотворчество поддерживается многими учеными права. По мнению Е.Н. Трубецкого, «в России судебная практика имеет значение самостоятельного источника права, но это значение было официально признано за ней лишь со времени издания Судебных Уставов Императора Александра II»[3].

Разумеется, такое признание не могло не сопровождаться, как и признание любого нового явления, определенными оговорками.

В этом отношении весьма примечательным представляется замечание Н.М. Коркунова о том, что «признавая судебную практику самостоятельным источником права, мы должны оговориться, что это не следует понимать так, чтобы раз принятое судом решение какого-нибудь спорного вопроса безусловно связывало суд на будущее время. Если каждый закон может быть заменяем новым, если “на обык есть перевык”, то, конечно, и судебная практика не может быть обречена на неподвижность и застой.

Но, с другой стороны, постоянство судебной практики и обусловливаемая им определенность юридических отношений представляет, конечно, важное значение. Одно из первых условий правосудия – это то, чтобы законы применялись ко всем одинаково, а это невозможно без однообразной, устойчивой судебной практики. Суд поэтому всегда склонен поддерживать то именно начало, которое уже принято предшествующей практикой. Нужны весьма серьезные и веские основания, чтобы склонить суд к изменению установившейся в нем практики. Поэтому все вероятие за то, что раз принятое судом начало будет поддерживаться им и в последующих решениях»[4].

Однако, несмотря на те или иные оговорки относительно признания судебной практики в качестве одного из источников пореформенного российского права, фактом остается то, что такое признание получило поддержку со стороны многих ведущих теоретиков права того периода.

Заслуживает внимания точка зрения Г.В. Демченко о роли судебной практики Сената. В частности, он пишет: «Судебная практика Сената имеет юридическое значение источника права, хотя и занимающего теперь – при необычайном развитии законодательства – подчиненное, второстепенное место»[5].

Отмечая прецедентный характер судебной практики, профессор В.М. Хвостов по этому поводу пишет: «В судебной практике всегда большую роль играет прецедент. Если по известному роду дел состоялся ряд решений в определенном смысле, то суды склонны все-

[1] Пахман С.В. О современном движении в науке права. Санкт-Петербург, 1882. С. 33.
[2] См.: Кони А.Ф. Собрание сочинений. М., 1967. Т. 4. С. 44-45.
[3] Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. М., 1908. С. 133.
[4] Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права (по изданию 1914 г.). СПб., 2003. С. 361.
[5] Демченко Г.В. Судебный прецедент. Варшава, 1903. С. 234.

гда и впредь руководствоваться такими решениями. По существу такое следование прецедентам имеет свои выгодные стороны, сообщая судебной практике устойчивость и однообразие»[1].

Н.М. Коркунов высказывает также позитивное мнение о характере судебной практики и считает, что судебная власть должна сама разрешать каждый представившийся ей вопрос. И в действительности, наша судебная практика, особенно кассационная, вследствие неполноты и казуистического характера нашего законодательства, по необходимости имеет творческий характер. Самим законодательством допускается в известных границах действие обычного права, значительная самостоятельность судебной практики и установление обязательных для граждан юридических норм указами подчиненных органов власти[2].

Судебная практика на протяжении всего развития законодательства в России выступала своеобразным ориентиром единообразного применения законов, а в случаях их неточности или неполноты дополняла законы, придавая им жизнеспособность. И.А. Покровский справедливо отметил, что «закон не действует механически; для своего осуществления в жизни он нуждается в живом посреднике, который применит его к конкретным случаям. Таким посредником являлся суд»[3], поэтому созданная судом в результате рассмотрения правовых споров судебная практика служила образцом для применения правовых норм.

Русский ученый права Д.И. Мейер считал, что «судебная практика всегда служит помощницей законодательству, дополняя его пробелы, точнее определяя применение закона к данным случаям»[4].

Подводя итог вышесказанному о судебной практике рассматриваемого периода, следует отметить как положительные, так и отрицательные мнения, которые высказывались правоведами дореволюционного времени о судебной практике. Совокупность же положительных мнений, а их больше, позволяет нам сделать вывод о том, что развитие судебной практики проходило во взаимосвязи с нормативными актами, которые развивались, дополнялись, а в некоторых случаях изменялись судебной практикой.

Наиболее значимая, устоявшаяся судебная практика служила ориентиром для правоприменения в спорных случаях; использовалась законодателем при создании правовых норм в нормативных актах; созданные судебной практикой правовые положения прецедентного характера применялись судебными органами при разрешении дел. При этом судебная практика выступала регулятором общественных отношений, разрешала спорные казусы между сторонами, вырабатывала правоположения для законодательных органов, что способствовало формированию и развитию правовой государственности в Российской империи.

В результате Октябрьской революции к власти в России пришли большевики. Начался этап формирования органов власти, в том числе и судебных. Принятым в ноябре 1917 г. Декретом о суде №1 отменялось действие старых законов. Главным источником права становится революционное правосознание, на основе этого складывается новая судебная практика.

Становление нового суда требовало и новых подходов в судебной деятельности, а именно в тот период при отсутствии норм права судам рекомендуется руководствоваться правосознанием, исходя из интересов государства.

Разрабатывая программу партии, В.И. Ленин указывал: «Отменив законы свергнутых правительств, партия дает выбранным советскими избирателями судьям лозунг – осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты его, руководствоваться социалистическим правосознанием, отметая законы свергнутых правительств»[5].

---

[1] Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк. М., 1905. С. 96.
[2] См.: Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1894. С. 307.
[3] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 90.
[4] Мейер Д. И. Русское гражданское право. М., 2000. С. 59.
[5] Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. М., 1963. Т. 38. С. 115.

По мере укрепления абсолютной власти партии и создания социалистического права роль суда сводится к применению права при рассмотрении дел и обобщении судебной практики. Но даже в это сложное время ученые пытаются выделить роль судебной практики как источника права в социалистическом праве, раскрыть и показать существование отдельных форм судебного нормотворчества.

Так, П.Е. Орловский пишет: «Судебная практика приобретает руководящее обязательное значение для судов, следовательно, является источником советского гражданского права»[1].

Точка зрения С.И. Вильнянского о судебной практики заслуживает внимания, поскольку «значение судебной практики заключается в том, что она способствует единообразному пониманию и толкованию законов, устраняет неясности и противоречия, развивает положения, выраженные в законе, восполняет пробелы в нем»[2].

В противовес ученым, которые считали судебную практику источником права, имелись противоположные мнения. Так, И. Тишкевич считает, что постановления Пленума Верховного Суда СССР не являются источником права, поскольку судебные органы наделены лишь судебными функциями, поэтому не вправе заниматься нормотворческой деятельностью[3].

Судебное нормотворчество и его формы имеют различное понимание, поэтому вопрос о юридической природе решений высших судебных органов всегда оставался дискуссионным. Ряд ученых 60-80-х гг. (А.Б. Венгеров, С.Н. Братусь и др.) пытались объяснить и доказать, что судебная практика является дополнительным и вспомогательным средством регулирования общественных отношений[4], тогда как роль судебных органов сводилась только к применению нормативного акта.

В то же время за видимостью закона можно было распознать признаки правотворческой деятельности высшего судебного органа, вызванные жизненной необходимостью в ходе применения закона. Поэтому одни признавали творческую функцию высших судебных органов по созданию судейской нормы, а другие отвергали.

В литературе приводятся примеры, когда в порядке применения нового законодательства возникает необходимость в истолковании его с целью единообразного применения. Применяя в тех областях права, где это допускается, аналогию, применяя другие научные методы толкования, Верховный Суд СССР в издаваемых им руководящих указаниях предлагает судам обязательные для них правила, разъясняющие, конкретизирующие, детализирующие существующий закон. В этих пределах, по мнению ряда авторов, рассматриваемые указания носят нормативный характер[5].

В этой связи Е. Мартынчик и Э. Колоколов обосновано отмечают, что «в бывшем Советском государстве прочно утвердились два вида судебного правотворчества: руководящие разъяснения пленумов (Верховного Суда СССР и Верховных судов союзных республик) и решения других высших судебных инстанций по конкретным делам. Такова была реальность относительно судебного прецедента и прецедентного права в социалистическом государстве, где теоретически их отметали, а на практике вуалировали»[6].

---

[1] Орловский П.Е. Значение судебной практики в развитии советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8-9. С. 91-97.

[2] Вильнянский С.И. Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые труды ВИЮН. М., 1947. Вып. IX. С. 244-245; Вильнянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву. Харьков, 1958. С. 57-58.

[3] См.: Тишкевич И.С. Являются ли руководящие указания Пленума Верховного суда СССР источником права? // Советское государство и право. 1955. № 6. С. 29-36.

[4] См.: Венгеров А.Б. Роль судебной практики в развитии советского права. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1966; Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С.Н. Братуся. М., 1975.

[5] См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., 1970. С. 616-617.

[6] Мартынчик Е., Колоколова Э. Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике // Российская юстиция. 1994. № 12. С. 20-22.

Исторический опыт судебных органов в Российской империи и Советского Союза сформировал новый подход к развитию судебного нормотворчества в современный период в правовой системе России.

Президент России В.В. Путин, выступая на юбилее Верховного Суда РФ подчеркнул: «Большое значение имеет правотворческая деятельность Верховного Суда. Она позволяет восполнять пробелы в законодательстве, устранять противоречия, придаёт многим нормам большую чёткость и ясность. Важно, чтобы эта работа отвечала запросам граждан, экономики страны, современным тенденциям, которые диктует время, эпоха бурных технологических изменений. Нужно всегда помнить, что право формируется самой жизнью»[1].

Для разрешения проблемы судебного нормотворчества в российской правовой системе, по нашему мнению, следует закрепить в нормативных правовых актах (ФКЗ «О судебной системе РФ», ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», ФКЗ «О Верховном Суде РФ») функцию судебного нормотворчества за высшими судебными органами, определив их полномочия, пределы, форму, механизмы реализации, время действия, внести изменения в процессуальное законодательство, концептуально включив в них положение о судебном нормотворчестве[2].

Сегодняшняя реальность позволяет отметить особую роль суда в правовой системе России, поскольку своеобразный элемент «прецедентного права» послужит фактором непрерывного совершенствования суда[3]. Объединение двух высших судебных инстанций в единый Верховный Суд России, а также создание кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, предопределит возможность формирования единой судебной практики для всех судебных инстанций, поддерживая принцип правовой определенности и последовательности судебной практики в разрешении споров о праве.

В заключение хотелось бы отметить, что судебная практика и прецедент идут по такому пути уже на протяжении многих столетий, закономерно развиваясь и совершенствуясь на каждом историческом этапе существования российского государства; особыми факторами развития судебного нормотворчества выступают судебные реформы как индикаторы актуальности в разрешении проблемных вопросов судебной власти. Поэтому то, что мы имеем в судебной деятельности в современный период, можно назвать временем судебного нормотворчества; его влияние в правовой системе России становится все более значимым и приобретает роль непосредственного регулятора общественных отношений.

Список литературы

1. Венгеров А.Б. Роль судебной практики в развитии советского права. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1966.
2. Вильнянский С.И. Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые труды ВИЮН. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – Вып. IX. – С. 239-290.
3. Вильнянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву. – Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1958. – 339 с.
4. Гук П.А. Основы судебного нормотворчества. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. – 248 с.
5. Демченко Г.В. Судебный прецедент. – Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1903. – 252 с.
6. Кони А.Ф. Собрание сочинений. – М.: Юридическая литература, 1967. – Т. 4. – 543 с.
7. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права (по изданию 1914 г.). – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 430 с.
8. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб., 1894. – 140 с.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М., 1963. – Т. 38.

[1] Путин В.В. Выступление на торжественном заседании, посвященном 95-летию Верховного суда России, 23 января 2018. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/56688. (Дата обращения – 10.03.2018).

[2] О концепции судебного нормотворчества см., например: Гук П.А. Основы судебного нормотворчества. Пенза, 2019.

[3] См.: Путин В.В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012. № 20. 6 февраля.

10. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. – М.: Юрид. лит., 1970. – 622 с.

11. Мартынчик Е., Колоколова Э. Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике // Российская юстиция. – 1994. – № 12. – С. 20-22.

12. Мейер Д.И. Русское гражданское право. – М.: Статут, 2000. – 830 с.

13. Орловский П.Е. Значение судебной практики в развитии советского гражданского права // Советское государство и право. – 1940. – № 8-9. – С. 91-97.

14. Пахман С.В. О современном движении в науке права // Журнал гражданского и уголовного права: Март. Издание С.-Петербургского Юридического Общества. – С.-Пб.: Тип. Правительствующего Сената, 1882. – С. 1-68.

15. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности (по изданию 1910 г.). – СПб.: Лань, 2000. – 606 с.

16. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М.: «Статут», 2001. – 351 с.

17. Путин В.В. Выступление на торжественном заседании, посвященном 95-летию Верховного суда России, 23 января 2018. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/56688.

18. Путин В.В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. – 2012. – № 20. – 6 февраля.

19. Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С.Н. Братуся. – М.: Юрид. лит., 1975. – 328 с.

20. Тишкевич И.С. Являются ли руководящие указания Пленума Верховного суда СССР источником права? // Советское государство и право. – 1955. – № 6. – С. 29-36.

21. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. – М., 1908.

22. Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк. – М.: Университет. тип., 1905. – 211 с.

23. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: учебное пособие (по изданию 1910-1912 гг.). – М., 1995. – Т. 2. – Вып. 2-4. – 168 с.

List of references

1. Vengerov A.B. *Rol' sudebnoy praktiki v razvitii sovetskogo prava. Avtoref. dis. … kand. yurid. nauk.* – [The role of judicial practice in the development of Soviet law. Abstract. dis. ... cand. legal sciences]. – M., 1966.

2. Vilniansky S.I. *Znacheniye sudebnoy praktiki v grazhdanskom prave // Uchenyye trudy VIYUN. – M.: Yurid. izd-vo MYU SSSR* [The value of judicial practice in civil law] // Scientific works of VIYUN. – M.: Yurid. Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, 1947. – Vol. IX. – P. 239-290.

3. Vilniansky S.I. *Lektsii po sovetskomu grazhdanskomu pravu. – Khar'kov: Izd-vo Khar'k. un-ta,* [Lectures on Soviet civil law]. – Kharkov: Publishing house Kharkiv. University, 1958. – 339 p.

4. Guk P.A. *Osnovy sudebnogo normotvorchestva* [Basics of judicial rulemaking]. – Penza: Publishing house of PSU, 2019. – 248 p.

5. Demchenko G.V. *Sudebnyy pretsedent.* [Judicial precedent]. – Warsaw: Type. Warsaw textbook. okr., 1903. – 252 p.

6. Koni A.F. *Sobraniye sochineniy. – M.: Yuridicheskaya literatura,* [Collected works]. – M.: Legal literature, 1967. – T. 4. – 543 p.

7. Korkunov N.M. *Lektsii po obshchey teorii prava (po izdaniyu 1914 g.). – SPb.: Yurid. tsentr Press* [Lectures on the general theory of law (published in 1914)]. – SPb.: Jurid. Center Press, 2003. – 430 p.

8. Korkunov N.M. *Lektsii po obshchey teorii prava* [Lectures on the general theory of law]. – SPb., 1894. – 140 p.

9. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch* [Full Collection]. Op. – M., 1963. – T. 38.

10. *Marksistsko-leninskaya obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Osnovnyye instituty i ponyatiya. – M.: Yurid. lit.* [Marxist-Leninist general theory of state and law. The main institutions and concepts]. – M .: Yurid. lit., 1970. – 622 p.

11. Martynchik E., Kolokolova E. *Pretsedentnoye pravo: ot sovetskoy ideologii k mezhdunarodnoy praktike // Rossiyskaya yustitsiya.* [Case law: from Soviet ideology to international practice // Russian Justice]. – 1994. – № 12. – Pp. 20-22.

12. Meyer D.I. *Russkoye grazhdanskoye pravo* [Russian civil law.] – M.: Statute, 2000. – 830 p.

13. Orlovsky P.E. *Znacheniye sudebnoy praktiki v razvitii sovetskogo grazhdanskogo prava // Sovetskoye gosudarstvo i pravo.* [The value of judicial practice in the development of Soviet civil law // Soviet State and Law]. – 1940. – № 8-9. – P. 91-97.

14. Pakhman S.V. *O sovremennom dvizhenii v nauke prava // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava: Mart. Izdaniye S.-Peterburgskogo Yuridicheskogo Obshchestva. – S.-Pb.: Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata* [On the modern movement in the science of law // Journal of Civil and Criminal Law: March. Edition of the St. Petersburg Law Society]. – S.-Pb.: Type. Governing Senate, 1882. – Pp. 1-68.

15. Petrazhitsky L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriyey nravstvennosti (po izdaniyu 1910 g.). – SPb.: Lan'* [The theory of law and the state in connection with the theory of morality (as published in 1910)]. – St. Petersburg: Doe, 2000. – 606 p.

16. Pokrovsky I.A. Osnovnyye problemy grazhdanskogo prava. – M.: «Statut» [The main problems of civil law]. – M.: «Statute», 2001. – 351 p.

17. Putin V.V. *Vystupleniye na torzhestvennom zasedanii, posvyashchennom 95-letiyu Verkhovnogo suda Rossii,* [Speech at the ceremonial meeting dedicated to the 95th anniversary of the Supreme Court of Russia], January 23, 2018. [Electronic resource]. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/56688.

18. Putin V.V. *Demokratiya i kachestvo gosudarstva // Kommersant"* [Democracy and the quality of the state] // Kommersant. – 2012. – № 20. – February 6.

19. *Sudebnaya praktika v sovetskoy pravovoy sisteme / pod red. S.N. Bratusya. – M.: Yurid. lit.* [Judicial practice in the Soviet legal system] / ed. S.N. Fraternize. – M.: Legal. lit., 1975. – 328 p.

20. Tishkevich I.S. *Yavlyayutsya li rukovodyashchiye ukazaniya Plenuma Verkhovnogo suda SSSR istochnikom prava? // Sovetskoye gosudarstvo i pravo.* – [Are the guidelines of the Plenum of the Supreme Court of the USSR a source of law?] // Soviet state and law. – 1955. – № 6. – P. 29-36.

21. Trubetskoy E.N. *Entsiklopediya prava.* – [Encyclopedia of Law]. – M., 1908.

22. Khvostov V.M. *Obshchaya teoriya prava. Elementarnyy ocherk. – M.: Universitet. tip.* [General theory of law. Elementary essay]. – M.: University. typ., 1905. – 211 p.

23. Shershenevich G.F. *Obshchaya teoriya prava: uchebnoye posobiye (po izdaniyu 1910-1912 gg.)* [The general theory of law: a textbook (published 1910-1912)]. – M., 1995. – T. 2. – Vol. 2-4. – 168 p.

УДК 340.12

Игорь Николаевич Исаков,
докторант кафедры Теории государства и права,
Саратовская государственная юридическая академия,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: isakov2009@yandex.ru

Igor Nikolaevich Isakov,
doctoral student of the Department of Theory of state and law, Saratov state Academy of law,
Ph. D. in law, associate Professor

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

В статье рассматриваются особенности формирования национальных правовых систем и дальнейшее перспективное развитие с учётом их собственных правовых традиций, нравственных ценностей, национальных обычаев и культуры конкретных обществ. Обращается внимание на необходимость комплексного подхода к исследованию специфических особенностей национальных правовых систем, присущих государствам с различными формами правового устройства. Отмечается необходимость укрепления интегративных межсистемных связей национальных правовых систем современных государств, что в целом позитивно влияет на их дальнейшее развитие.

Ключевые слова: правовая система, общество, государство, национальные правовые системы, уровни правовых систем, федеративные отношения.

FEATURES OF FORMATION OF NATIONAL LEGAL SYSTEMS OF MODERN STATES

The article deals with the peculiarities of the formation of national legal systems and further perspective development taking into account their own legal traditions, moral values, national customs and culture of specific societies. Attention is drawn to the need for an integrated approach to the study of the specific features of national legal systems inherent in States with different forms of legal system. It is noted the need to strengthen the integrative inter-system relations of national legal systems of modern States, which in General has a positive impact on their further development.

Key words: legal system, society, state, national legal systems, levels of legal systems, Federal relations.

Национальные правовые системы, являясь самыми неординарными и многочисленными правовыми образованиями в составе разноуровневых правовых систем и, находясь под воздействием противоречий современного мира, формируются современными государствами в сложном социальном механизме, состоящем из множества правовых и политических институтов, юридических средств и отношений, многообразной национальной и международной юридической практики. При этом усиливающиеся разнонаправленные и противоречивые глобализационные процессы отрицательно влияют на правовую, социально-экономическую и демографическую ситуацию, складывающуюся в большинстве стран мира.

В этих условиях часто упускается из вида ряд важных особенностей, проявивших себя при формировании и функционировании национальных правовых систем и требующих комплексного подхода к их исследованию. Во-первых, национальные правовые системы современных государств больше, чем когда-либо, нуждаются в интегративных межсистемных связях друг с другом. Во-вторых, их приоритетным направлением всё больше становится обеспечение оперативности, гибкости, согласованности и гармонизации отношений внутри гражданского общества. В-третьих, в научных интересах необходимо корректировать соотношение устоявшихся представлений о формировании национальных правовых систем, с особенностями развития конкретного общества и государства, их духовно-нравственными ценностями и правовыми традициями.

В то же время для национальных правовых систем особо важную роль играет формирование своих структурных компонентов, каждый из которых обладает отличительными особенностями, но, несмотря на это, имеет значимость для формирования всех остальных уровней правовых систем и потому нуждается в приведении его в системное единство с другими компонентами правовой системы. Подобный факт объясняется тем, что национальный уровень правовых систем включает множество систем (подсистем): национальную систему права; систему национального законодательства; систему нормативно-правовых актов; судебную систему; правоохранительную и др. системы и подсистемы; формирует свои управляющие центры, к которым относятся нормы национального права, общепризнанные принципы и нормы международного права, юрисдикционные органы, другие жизнеобеспечивающие элементы. Такой набор элементного состава является базовой основой для формирования наднациональных, внутринациональных и иных уровней правовых систем.

Среди национальных правовых систем особо выделяются правовые системы государств, имеющих федеративное устройство. В этом аспекте некоторые авторы утверждают, что в ряде федеративных государств, в том числе России, национальные правовые системы можно называть трёхуровневыми на том основании, что в их составе сформированы автономные округа[1]. На наш взгляд, вхождение территорий и всей инфраструктуры одних субъектов федеративного государства в другие не может служить основанием для вывода о том, что внутрифедеральные правовые системы таких субъектов стали «трёхуровневыми»[2]. В данном случае, объединённые правовые системы можно назвать «сложносоставными» внутринациональными правовыми системами. Но они продолжают оставаться двухуровневыми. Их можно рассматривать как более сложные по структуре, элементному составу, связям с окружающей средой, организации деятельности управляющих центров внутрифедеральных правовых систем и др. Однако, нет сомнений в том, что субъекты федерации, в которые вошли автономные округа, продолжают оставаться самостоятельными государственными образованиями с более усложнёнными правовыми системами.

Характерным в этом смысле примером является Республика Крым. Как известно, до вхождения в состав России (2014 год) она, в качестве Автономной Республики, имела свой Парламент и Правительство и входила в состав Украины, считающейся унитарным государством. В данном случае унитарное государство включало автономную республику. Однако правовой статус такой «республики», её правовой системы и органов власти не были должным образом (на концептуальном уровне) обоснованы и нормативно закреплены. Неслучайно сфера полномочий республиканских органов власти и роль правовой системы на территории Крыма были крайне ограничены. Все жизненно важные вопросы регулировались законодательными актами центральной власти Украины.

Войдя в состав России, не только Республика Крым, но и Севастополь, ставший городом федерального значения, были законодательно закреплены как самостоятельные субъекты Российской Федерации. Имея новый статус, эти субъекты РФ сформировали свои внутрифедеральные правовые системы, что можно рассматривать как реальность федеративного устройства Российского государства. В порядке сравнения отметим, что подобных правовых

[1] См., напр.: Гаврилов В.В. Понятие национальных и международных правовых систем // Журнал российского права. 2004. № 11. С. 76-87; Дудко И.Г. К вопросу о «правовой системе» субъектов Российской Федерации // Государство и право. 2003. № 9. С. 96-99; Сереброва С.О. Общетеоретические основы формирования европейской правовой системы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.

[2] Пермский край создан 1 декабря 2005 года на основе объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. Красноярский край создан 1 января 2007 года на основе объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа. Кроме того, в настоящее время в России существует ещё два «сложносоставных» субъекта федерации: Тюменская область с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами; Архангельская область с Ненецким автономным округом. Но их нельзя рассматривать как субъекты федерации, имеющие дополнительные уровни правовых систем. Вероятнее это особенность правовых систем данных регионов.

образований, входящих на правах самоуправляющихся единиц в состав федеративных, а в ряде случаев и унитарных государств, в мире насчитывается более трёхсот, что актуализирует тему исследования[1].

Подвергая под этим углом зрения анализу российскую правовую систему и рассматривая её как составную часть национальных правовых систем, В.Н. Синюков и Т.В. Синюкова определяют национальную правовую систему как конкретно-историческую совокупность права (законодательства), юридической практики и господствующей правовой идеологии отдельной страны (государства)[2]. Такое определение национальной правовой системы является относительно устоявшимся, принципиальных возражений не вызывает и потому обычно берётся за основу.

С этих позиций весьма примечательно, что многие авторы рассматривают национальную правовую систему как элемент того или иного общества, отражающий его социально-экономические, политические и культурные особенности. Как полагают исследователи, по отношению к группам правовых систем и правовым семьям национальные правовые системы выступают в качестве явлений особенного и единичного[3].

Если под национальными правовыми системами понимать исторически сложившиеся устойчивые правовые образования суверенных государств, основу которых составляют национальное право, законодательство, юридическая практика и правовая идеология, осуществляющие внутрисистемное, внутринациональное взаимодействие элементных составов, а также межсистемные, межнациональные связи и отношения таких систем друг с другом, то в этом контексте просматривается ряд их важных особенностей.

Во-первых, национальные правовые системы характеризуются бóльшей, в сравнении с другими уровнями правовых систем, своей устойчивостью, официальной правовой определённостью, динамикой и возможностью оказания управляющего и конкретизирующего воздействия на общества, либо определённые их сферы, обеспечивая более активную юридическую деятельность управомоченных субъектов суверенных государств.

Во-вторых, правовые системы национального уровня, сформированные на принципах федерализма, имеют в своём составе внутринациональные правовые системы, закреплённые федеральными и национальными конституциями, иными учредительными документами субъектов федераций, обладающие в силу природы федерализма признаками самостоятельности (без права выхода из состава федераций), испытывающие на себе управляющее воздействие правовых систем более высокого (федерального) уровня.

В-третьих, строительство внутринациональных правовых систем (подсистем) является особо сложным и во многом деликатным видом нормативно-управленческой и иной деятельности, требующей того, чтобы такая деятельность основывалась на выводах общей теории систем, теориях и доктринах правовой системы общества и теориях федерализма. При этом наибольшую сложность и актуальность вызывают вопросы, касающиеся взаимоотношений субъектов федераций с федеральными центрами.

В данном случае актуальность выхода национальных правовых систем на межсистемный, межнациональный уровень заключается в том, что интересы укрепления и развития на-

---

[1] См.: Мукиенко И.Н. Типология современных правовых систем: критерии и сравнительная характеристика // История государства и права. 2007. № 3. С. 36.

[2] См.: Синюков В.Н., Синюкова Т.В. Российская правовая система в мировой типологии права. – В кн. Правовая политика. Право. Правовая система: монография / под. ред. А.В. Малько. М., 2013. С. 231.

[3] *Общим* в данном случае выступает международная правовая система, включающая нормы права, создаваемые согласованием воль различных государств, отражающих общую картину мирового правового пространства. *Особенным* – являются типичные правовые системы и их группы, названные Р. Давидом «правовыми семьями». *Единичным* признаются национальные правовые системы – конкретно-историческая совокупность права (законодательства), юридической практики и господствующей правовой идеологии отдельной страны (государства). – См.: Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2001. С. 188-189.

циональных, в том числе федеративных отношений, как наиболее уязвимых в современных федеративных государствах, требуют от отечественных и зарубежных правоведов, юристов-практиков и политиков комплексного подхода, опирающегося на теорию систем. Между тем анализ показывает, что во многих субъектах федераций, внутрифедеральные правовые отношения на системном уровне не оптимизированы. Как следствие, такие субъекты отличаются в худшую сторону уровнем социального и культурного развития, финансово-экономического состояния, степенью концептуальной обоснованности и практикой формирования и функционирования своих правовых систем.

Рассматривая специфику национальных правовых систем, отметим, что одной из их разновидностей являются правовые системы унитарных государств, которые по своему устройству, в сравнении с федеративными государствами, – более просты. Это единые государства, делящиеся на административно-территориальные единицы, каждая из которых не имеет достаточных признаков правовой системы. Характерной особенностью унитарных государств выступает то, что, с одной стороны, предусматривается и реализуется на практике вмешательство центральной власти и её правовой системы в правовую жизнь территорий, а с другой – просматривается весьма незначительное влияние органов власти административно-территориальных единиц на те вопросы, решение которых зависит от высших органов власти таких государств. С учётом подобной специфики и выстраиваются правовые системы унитарных государств.

Между тем изучение литературы показывает, что в теоретико-правовом аспекте отечественные авторы, в отличие от зарубежных, в большей степени подвергали анализу федеративные государства, полагая, что унитаризм не требует глубокого исследования. Как следствие, унитаризм и конфедерация как самостоятельные теории фактически не развивались, оставаясь на вторых ролях. Как отмечает М.В. Глигич-Золотарева, федерация определялась через унитаризм, а унитаризм через федерацию[1]. Представляется, что отрывать рассмотрение федеральных и внутрифедеральных правовых систем друг от друга нецелесообразно, поскольку они формируются с момента образования федераций одновременно и находятся в глубокой зависимости друг от друга. В своём единстве они дополняют друг друга и дают более полную картину правовой действительности в федеративных государствах. В то же время анализом подтверждается, что до полной синхронизации и гармонизации компетенций и предметов ведения на уровне «федеральный центр» – «субъект федерации» – ещё далеко.

Таким образом, анализ особенностей формирования национальных правовых систем, их разновидностей показывает, что они обладают высоким энергетическим потенциалом в развитии национальных правопорядков. Особенно остро их роль ощущается в периоды коренных глобальных преобразований, когда требуется создание принципиально новых взаимосвязей, способных отражать доминирующие потребности и тенденции развития современного государства.

На этом основании выявление особенностей развития национальной правовой системы во всех её аспектах (в том числе дискуссионных) в современном государстве является приоритетным.

Список литературы

1. Гаврилов В.В. Понятие национальной и международной правовых систем // Журнал российского права. – М.: Норма, 2004. – № 11. – С. 98-112.

2. Глигич-Золотарева М.В. Теория и практика федерализма: системный подход / Науч. ред.: Добрынин Н.М. – Новосибирск: Наука, 2009. – 640 с.

3. Дудко И.Г. К вопросу о «правовой системе» субъектов Российской Федерации // Государство и право. – М.: Наука, 2003. – № 9. – С. 96-99.

[1] См.: Глигич-Золотарева М.В. Теория и практика федерализма: системный подход / научный редактор Н.М. Добрынин. Новосибирск, 2009. С. 55.

4. Мукиенко И.Н. Типология современных правовых систем: критерии и сравнительная характеристика // История государства и права. – М.: Юрист, 2007. – № 3. – С. 36-38.

5. Правовая политика. Право. Правовая система: монография / Под ред.: Малько А.В. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 384 с.

6. Сереброва С.О. Общетеоретические основы формирования европейской правовой системы. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2005. – 33 с.

7. Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – 776 с.

List of references

1. Gavrilov V.V. *Ponyatiye natsional'noy i mezhdunarodnoy pravovykh sistem // Zhurnal rossiyskogo prava* [The concept of national and international legal systems // Journal of Russian Law]. – M .: Norma, 2004. – № 11. – P. 98-112.

2. Gligich-Zolotareva M.V. *Teoriya i praktika federalizma: sistemnyy podkhod* [The theory and practice of federalism: a systems approach] / Scientific. Ed.: Dobrynin N.M. – Novosibirsk: Nauka, 2009. – 640 p.

3. Dudko I.G. *K voprosu o «pravovoy sisteme» sub"yektov Rossiyskoy Federatsii // Gosudarstvo i pravo. – M.: Nauka* [To the question of the «legal system» of the constituent entities of the Russian Federation // State and Law]. – M.: Nauka, 2003. – № 9. – P. 96-99.

4. Mukienko I.N. *Tipologiya sovremennykh pravovykh sistem: kriterii i sravnitel'naya kharakteristika // Istoriya gosudarstva i prava.* [Typology of modern legal systems: criteria and comparative characteristics // History of the state and law]. – M.: Yurist, 2007. – № 3. – P. 36-38.

5. *Pravovaya politika. Pravo. Pravovaya sistema: monografiya* – M.: Yurlitinform – [Legal policy. Law. Legal system: monograph] / Ed.: Malko A.V. – M .: Yurlitinform, 2013. – 384 p.

6. Serebrova S.O. *Obshcheteoreticheskiye osnovy formirovaniya yevropeyskoy pravovoy sistemy. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk.* [General theoretical foundations of the formation of the European legal system. Abstract. dis. ... cand. legal sciences]. – Nizhny Novgorod, 2005. – 33 p.

7. *Teoriya gosudarstva i prava. Kurs lektsiy* [Theory of state and law. Lecture Course] / Ed. N.I. Matuzova and A.V. Malko. – 2nd ed., Revised. and add. – M .: Yurist, 2001. – 776 p.

УДК 342.61

Андрей Михайлович Кальяк,
Заведующий кафедрой теории государства и права, международного права,
Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета,
доцент кафедры конституционного и муниципального права,
Сибирский институт управления – филиала РАНХиГС
E-mail: Andrei.kaliak@mail.ru

Andrey Michailovich Kalyak,
Head of the Department of theory of state and law, international law,
Novosibirsk law Institute (branch) Tomsk state University,
associate Professor of constitutional and municipal law,
Siberian Institute of management – branch of Ranepa

Надежда Амангельдыевна Кальяк,
Магистрант Сибирского института управления – филиала РАНХиГС
E-mail: reevier@mail.ru

Nadezhda Amangeldyevna Kalyak,
Master's student of Siberian Institute of management – branch of Ranepa

ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ РОССИИ ЗА ПЕРИОД 1999-2019 ГГ. КАК ОТРАЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Приводятся положения посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ за период с 1999 по 2019 годы, посвященные вопросам образования. Отмечаются основные инициативы главы государства в сфере реформирования правового регулирования образования в России. Делается вывод о частичной эффективности начинаний главы государства в области образования, которые отчасти были использованы при реализации приоритетного национального проекта «Образование».

Ключевые слова: послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ, государственная политика в сфере образования, государственная образовательная политика, инициативы Президента РФ в сфере образовании.

MESSAGES OF THE PRESIDENT OF RUSSIA FEDERAL ASSEMBLY OF RUSSIA FOR THE PERIOD 1999-2019 AS A REFLECTION OF STATE POLICY IN THE SPHERE OF EDUCATION

The provisions of the messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of Russia for the period from 1999 to 2019, devoted to education. The main initiatives of the head of state in the sphere of reforming the legal regulation of education in Russia are noted. The conclusion is made about the partial effectiveness of the initiatives of the head of state in the field of education, which were partly used in the implementation of the priority national project «Education».

Key words: messages of the President to the Federal Assembly of the Russian Federation, state policy in education, state educational policy, initiatives of the President of the Russian Federation in education.

Послания Президента РФ федеральному Парламенту в литературе рассматриваются как главное формально-юридическое средство определения основных направлений внутренней и внешней политики государства[1]. За период с 1999 по 2019 годы в сфере регулирования образовательных отношений произошли серьезные изменения. И значительная их часть была определена планами развития образования, озвученными практически в каждом из посланий главы государства Федеральному Собранию РФ.

[1] Зорькин В.Е. Ежегодные послания Федеральному Собранию Российской Федерации как средство формирования и реализации правовой политики Президента Российской Федерации. Автореф. дис. ... к. ю. н. СПб., 2011. С. 22.

В своем последнем ежегодном послании, с которым выступил первый Президент России Б.Н. Ельцин в 1999 году[1], было указано Правительству и Федеральному Собранию «принять федеральную программу развития образования, отвечающую современным требованиям», которая должна «вернуть уважение к учителю»; указано на необходимость разработать механизмы «стимулирования внебюджетного финансирования» в образовании.

В послании, озвученном Президентом РФ В.В. Путиным в 2000 году[2], была сформулирована идея, к которой глава государства возвращался в нескольких следующих посланиях: «Формально бесплатные образование и здравоохранение фактически платны и порой недоступны для малообеспеченных…».

В послании за 2001 год[3] были обозначены планы развития образования: расширение действия экономических механизмов в сфере образования; переход к непрерывному – в течение всей жизни – образованию; нормативное закрепление внебюджетного финансирования образования, платы за обучение; разработка государственных образовательных стандартов как основы для введения нормативного подушевого финансирования предоставляемых образовательных услуг; формирование независимой системы аттестации и контроля качества образования.

Послание 2004 года[4] было весьма насыщенным образовательной проблематикой. Как мероприятия будущего периода были сформулированы: усиление практической направленности образования и повышение требований к профессиональному образованию; проведение реформы образования на основе обеспечения качества образования, его доступности и соответствия потребностям рынка труда.

Целевые ориентиры планируемой реформы: прозрачная и объективная система оценки знаний при поступлении в учебные заведения, подготовительные отделения в вузах и адресное предоставление стипендий; заключение договора со студентом, который после получения бесплатного образования должен отработать по специальности определенный срок, или вернуть деньги, затраченные государством на его обучение; использование в получении образования образовательных кредитов; внедрение в практику адекватных времени образовательных стандартов.

В послании за 2005 год[5] Президент РФ указал на необходимость создания финансовых решений и механизмов для активного привлечения частных инвестиций в образование.

В послании за 2006 год[6] впервые прозвучало о содержании национального проекта «Образование»: поддержка вузов, которые реализуют инновационные программы; изменение содержания программ профобразования; создание системы объективного, независимого внешнего контроля за качеством получаемых знаний; расширение финансовой самостоятельности учебных заведений.

В послании за 2008 год[7] отмечалось, что при модернизации школы необходимо гарантировать соответствие школьного образования целям опережающего развития – основа На-

[1] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.03.1999 «Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. 1999. 31 марта.

[2] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000 «Какую Россию мы строим» // Российская газета. 2000. 11 июля.

[3] Послание Президента РФ Федеральному Собранию «Не будет ни революций, ни контрреволюций» // Российская газета. 2001. 4 апреля.

[4] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.05.2004 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» // Российская газета. 2004. 27 мая.

[5] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25.04.2005 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» // Российская газета. 2005. 26 апреля.

[6] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10.05.2006 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» // Российская газета. 2006. 11 мая.

[7] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 05.11.2008 «Послание Президента РФ Федеральному Собранию» // Российская газета. 2008. 6 ноября.

циональной образовательной стратегии «Наша новая школа» (дети должны получить возможность раскрыть свои способности; нужно создать разветвленную систему поиска и поддержки талантливых детей, разработать систему моральных и материальных стимулов для сохранения в школах лучших педагогов и постоянного повышения их квалификации; школа должна стать центром самоподготовки, занятий творчеством и спортом; к каждому ученику должен быть применен индивидуальный подход, минимизирующий риски для здоровья в процессе обучения).

В послании 2009 г.[1] Президент отметил, что единый госэкзамен должен быть основным, но не единственным способом проверки качества образования. Поставлены задачи обеспечить доступ всем школам к широкополосному интернету, увеличить количество занятий физкультурой, а также создать безбарьерную школьную среду для детей-инвалидов, расширить самостоятельность школ в определении индивидуальных образовательных программ. Для провинциальных школ следует использовать технологии дистанционного и дополнительного образования. Также необходимо внедрение обязательных курсов переподготовки и повышения квалификации учителей на базе лучших российских вузов и школ.

В послании за 2010 год[2] Президент сформулировал задачи поддерживать вариативные формы дошкольного образования, в том числе систему негосударственных детских учреждений и семейных детских садов; для детей, которые не посещают детские сады, создать дошкольные группы в общеобразовательных школах; больше внимания уделять патриотическому воспитанию молодежи, формированию и развитию ценностей здорового образа жизни.

В послании 2011 года[3] Президент указал на необходимость продолжить создания сети современных вузов, которые отвечают мировым стандартам как по качеству образования, так и по уровню проводимых научных исследований.

В 2012 году[4] в своем послании федеральному парламенту Президент сформулировал очередную задачу школе – обновление содержания образования. В отношении системы вузов – он отметил, что приоритетную поддержку должны получить те вузы, которые работают в регионах, сотрудничают с крупнейшими предприятиями.

Как было сказано в послании за 2013 год[5], в школах должно быть ликвидировано обучение в 2-3 смены; отмечена необходимость создания Национального совета профессиональных квалификаций, возрождения системы школьной профориентации, а также создания высших технических учебных заведений на базе промышленных предприятий, наращивания экспорта образовательных услуг, создания условий обучения в российских вузах иностранных граждан и соотечественников из государств СНГ, развития дистанционного образования.

В послании за 2014 год[6] говорилось о необходимости обновления материальной базы вузов, обучающих инженеров, а в послании за 2016 год[7] – о создании современной системы среднего профессионального образования и увеличении числа бюджетных мест по инженерным дисциплинам в ведущих вузах.

---

[1] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.11.2009 «Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 13 ноября.

[2] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.11.2010 «Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 1 декабря.

[3] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 22.12.2011 «Послание Президента РФ Федеральному Собранию» // Российская газета. 2011. 23 декабря.

[4] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 «Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» // Российская газета. 2012. 13 декабря.

[5] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013 «Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию» // Российская газета. 2013. 13 декабря.

[6] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 «Послание Президента РФ Федеральному Собранию» // Российская газета. 2014. 5 декабря.

[7] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 «Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию» // Парламентская газета. 2016. 2-8 декабря.

В послании за 2018 год[1] были запланированы построение современной профориентации, модернизация системы профессионального образования, создание ступени «прикладного бакалавриата» по тем рабочим профессиям, которые фактически требуют инженерного образования.

В последнем по времени (за 2019 г., озвучено 20 февраля) послании[2] Президент РФ также обращался к тематике образования: к концу 2021 г. все школы России должны иметь современное оснащение, в федеральные перечни школьных учебников следует включать действительно лучшие издания. В регионах должны быть созданы научно-образовательные центры для интеграции всех уровней образования, научных организаций и бизнеса.

Подводя итоги изложенному, отметим, что ряд реформ в сфере образования действительно был начат по инициативе главы государства, хотя некоторые предложения президента не получили широкого признания (например, образовательное кредитование). Ряд позиций, указанных главой государства, стал содержанием реализуемого в настоящее время нацпроекта «Образование», который включает в себя десять федеральных проектов: «Современная школа», «Успех каждого ребенка», «Поддержка семей, имеющих детей», «Цифровая образовательная среда», «Учитель будущего», «Молодые профессионалы», «Новые возможности для каждого», «Социальная активность», «Экспорт образования» и «Социальные лифты для каждого»[3]. Но наиболее важным представляется то, что в разных посланиях глава государства характеризует образование либо как социальное благо (например, за 2000, 2014 гг.), либо как социальную – образовательную – услугу (например, за 2001, 2018 гг.). Это, по-видимому, отражает существующую неопределенность в установлении политико-правовой и социально-экономической ценности образования на высшем государственном уровне.

Список литературы

1. Зорькин В.Е. Ежегодные послания Федеральному Собранию Российской Федерации как средство формирования и реализации правовой политики Президента Российской Федерации. Автореф. дис. ... к. ю. н. – СПб., 2011. – 28 с.

2. Паспорт национального проекта «Образование» // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://government.ru/info/35566/ (дата обращения: 23.08.2019).

List of references

1. Zorkin V.E. *Yezhegodnyye poslaniya Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii kak sredstvo formirovaniya i realizatsii pravovoy politiki Prezidenta Rossiyskoy Federatsii.* [Annual messages to the Federal Assembly of the Russian Federation as a means of forming and implementing the legal policy of the President of the Russian Federation. Abstract. dis. ... cand. of l. s.] – SPb., 2011. – 28 p.

2. *Pasport natsional'nogo proyekta «Obrazovaniye» // Ofitsial'nyy sayt Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii.* [Passport of the national project «Education»] // Official website of the Government of the Russian Federation. URL: http://government.ru/info/35566/ (accessed: 08/23/2019).

[1] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Российская газета. 2018. 2 марта.

[2] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Российская газета. 2019. 21 февраля.

[3] Паспорт национального проекта «Образование» // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://government.ru/info/35566/ (дата обращения: 23.08.2019).

СЕКЦИЯ II.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНАЯ МОДЕЛЬ И ЕЕ РОЛЬ В РЕШЕНИИ ПРИКЛАДНЫХ ПРОБЛЕМ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ (ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ КОНВЕРГЕНЦИИ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО, ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО ВИДОВ ЗНАНИЯ)

УДК 340.1

Татьяна Владимировна Милушева,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: mtv62@mail.ru

Tatiana Vladimirovna Milusheva,
head of Civil Law and Procedure Department, Presidential Academy of National Economy and Public Administration – Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin,
Doctor of Science (Law), associate professor

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ ПРЕДЕЛОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

В статье речь идет о методологических основаниях проблемы пределов государственной власти, обусловленной противоречивой природой государственной власти, коллизиями между государством и гражданским обществом. Подчеркивается, что условиях ценностных и социальных трансформаций постклассическая юридическая методология должна основываться на междисциплинарном подходе, предполагающем выход за рамки наличного знания, умении сочетать выработанные различными отраслями научного знания исследовательские парадигмы. Исследуемая проблема рассмотрена с позиций философского осмысления. Раскрыт смысл понятий «предел», «ограничение» через возможности языка, через соотношение свободы и необходимости. Обращается внимание на возможности социологического факторного анализа, культурологического исторического подходов в исследовании проблемы пределов государственной деятельности.

Ключевые слова: государство, государственная власть, право, предел, ограничение, свобода, необходимость, правопонимание, социальный фактор.

THE METHODOLOGY OF KNOWLEDGE OF THE LIMITS OF THE ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES: A MULTIDISCIPLINARY APPROACH

The article deals with the methodological foundations of the problem of the limits of state power, due to the contradictory nature of state power, conflicts between the state and civil society. It is Emphasized that the conditions of value and social transformations post-classical legal methodology should be based on an interdisciplinary approach, which implies going beyond the existing knowledge, the ability to combine research paradigms developed by various branches of scientific knowledge. The studied problem is considered from the standpoint of philosophical understanding. The meaning of the concepts «limit», «limitation» through the possibilities of language; through the ratio of freedom and necessity. Attention is drawn to the possibilities of sociological factor analysis, cultural historical approaches in the study of the limits of state activity.

Keywords: state, state power, law, limit, restriction, freedom, necessity, legal understanding, social factor.

Природа государственной власти противоречива. Власть необходима для оптимальной организации и развития общества, однако по мере накопления ресурсов, разрастания власт-

ных полномочий она приобретает разрушительные качества, стремится к неограниченному росту и, в конечном итоге, становится тормозом на пути общественного развития. Деятельность государственной власти, в связи с этим, должна осуществляться в определенных границах. Проблема пределов государственной власти комплексна и многоаспектна. Ее исследование требует выхода за рамки сугубо юридического знания на междисциплинарный уровень, сочетающий выработанные различными отраслями научного знания исследовательские парадигмы, дополняющие и обогащающие друг друга, открывающие новые познавательные возможности и иные ракурсы видения объекта[1].

Осмысление феномена правового ограничения государственной власти предполагает изучение общих закономерностей, категорий, понятий, принципов, целей установления пределов государственной власти; факторов социальной среды, детерминирующие данный процесс; юридических и иных средств, методов, механизмов ограничения.

Исследование проблемы пределов государственной власти невозможно без привлечения философской методологии, позволяющей раскрыть смысл понятий «предел», «ограничение» через возможности языка, рассмотреть связь категорий «свобода» и «необходимость», выражающих соотношение между целями, содержанием, формами, масштабами деятельности государственной власти и границами такой деятельности, обусловленными объективными законами природы и общества.

Неопозитивистское направление в философии исходит из посылки, что язык – точка отсчета и в методологическом и в мировоззренческом смысле. Анализ понятий «предел» и «ограничение» государственной власти с точки зрения этимологии позволяет прийти к выводу, что при всей смысловой близости их семантическое значение все-таки различно. В то же время вполне возможно употреблять их в качестве синонимов, поскольку ключевое значение пределов (ограничений) выражается в сужении неоправданной свободы субъектов, ориентации их на социально-полезное поведение.

Как уже упоминалось, понимание многообразных аспектов ограничения деятельности государственной власти связано с философской проблемой соотношения свободы и необходимости. Ограничение есть проявление необходимости. Философ и юрист Б.П. Вышеславцев писал: «Свобода и необходимость, суть противоположности, но не взаимно исключающие друг друга, а такие, из которых одна есть включающая, а другая – включаемая»[2]. Свобода, будучи понятием широким, включает в себя необходимость (ограничение). Так, например, в состоянии антиномии находятся функции государства (свобода) и пределы его деятельности (необходимость). Деятельность государства требует пространства «публичной свободы», в противном случае оно не в состоянии реализовывать свои функции, в то же время, свобода государства не бесконечна, определена системой ограничений, одним из которых выступает, например, юридическая ответственность должностных лиц.

Междисциплинарность исследования проблемы пределов государственной власти предопределяет использование методологии многофакторного социологического анализа. Фактор (от лат. *facto* – делающий, производящий), основание, движущая сила процесса, определяющая его характерные особенности. Государство функционирует в границах культурно-исторической трансформации систем юридической организации социальных отношений. Вполне закономерно, что основополагающие свойства государственной власти детерминированы социальными явлениями: экономикой, правом, моралью, культурой и др.

Следует иметь в виду, что социальные факторы, формирующие пределы функционирования власти, неравнозначны по своему характеру: одни стабильны, устойчивы, малоизменчивы, другие – динамичны, в значительной мере подвержены субъективному воздействию. Так, нравственные, социокультурные, экономические условия являются относительно стабильными, а политика, право, индивидуальная мораль в значительной мере зависят от субъ-

[1] См.: Честнов И.Л. Юридическая наука в ожидании перемен // Правоведение. 2017. № 5 (334). С. 13.
[2] Там же. С. 73.

ективного, иррационального. Объективное право отражает существенные, необходимые связи между социальными явлениями, но при этом устанавливается самими людьми (в правотворчестве значительно влияние индивидуального сознания властного субъекта) и действует только в случае его устойчивого исполнения большинством граждан.

Кроме того, социальные факторы могут действовать разнонаправлено, находятся в зависимости от исторического этапа общественного развития, уровня его цивилизованности, демократичности и др.[1]

Культурологическое измерение государственно-правовых процессов имеет важнейшее значение в понимании действительных оснований и условий развития и функционирования государства. Национально-культурное мировоззрение становится сегодня одним из ключевых в исследовании государства и права и получает свое воплощение в исследовании ментальных основ государственно-правовой жизни общества. Всестороннее уяснение социокультурных оснований власти в России требует изучения разрабатываемой в последнее время в правоведении категории государственность[2]. Эволюционное развитие российской государственности раскрывает духовные, культурологические, этно-конфессиональные особенности феномена государственной власти, государства и права, обусловленные спецификой национального менталитета. С позиций культурологического дискурса вполне понятны причины отчуждения власти и общества, нигилистическое отношение власти к правам человека, пренебрежение к принципу неприкосновенности собственности как основе гражданского общества и др.

Для выяснения границ деятельности государственной власти весьма продуктивным представляется изучение исторической ретроспективы возникновения и развития данной идеи. Интерес к ней был исторически обусловлен нарождающимся буржуазным миропорядком. В Новое время она воплотилась в концепции правового государства как результат сосредоточения и взаимодополнения многих политико-правовых теорий. Специальные исследования ей посвятили представители раннего буржуазного либерализма: В.Ф.К. Гумбольдт[3], Э. Лабулэ[4].

Значительный интерес для решения вопроса о пределах государственного вмешательства в общественную жизнь представляет историческая эволюция понятия «гражданин». В эпоху буржуазных революций сформировался идеал гражданина как носителя естественных, неотчуждаемых, гражданских и политических прав. Представители естественно-правовой доктрины утверждали, что находящийся ранее в естественном состоянии человек в результате общественного договора отчуждает свои права в пользу общины с тем, чтобы она объединяла людей на основе разумного использования совместных сил, защищала их личность, имущество, свободу. Люди, писал Ж.Ж. Руссо, «…коллективно принимают имя народа, а в отдельности называются гражданами, как участники суверенной власти и подданными, как починенные законам государства»[5].

Формирование тоталитарных режимов в XX веке значительно обострило проблему границ государственной деятельности. Теоретические положения о защите демократических ценностей, идеи парламентаризма и правового государства, концепции плюралистической

[1] См.: Трофимов В.В. Публичное право современной России: позитивные и негативные факторы формирования и развития // Российская юстиция. 2010. № 10. С. 24.

[2] См., например: Мордовцев А.Ю. Российская государственность в ментально-правовом измерении. Дисс. … доктора юрид. наук. Ростов-н/Д., 2004 г.; Лукъянова Е.А. Государственность и конституционное законодательство России. Дисс. … доктора юрид. наук. М., 2003; Краснов Ю.К. Российская государственность: генезис и эволюция институтов власти, проблемы модернизации. Дисс. … доктора юрид. наук. М., 2002.

[3] См.: Гумбольдт В.Ф.К. Опыт установления пределов государственной деятельности / Пер. с нем. СПб., 1908.

[4] Лабулэ Э. Государство и его пределы, в связи с современными вопросами администрации, законодательства и политики. СПб., 1867.

[5] Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1968. С. 14.

демократии, «диффузии власти» стали ответной реакцией на политическую идеологию тоталитаризма.

Однако, как представляется, фундаментальным, в контексте исследования проблемы пределов государственной власти, является вопрос о соотношении права и государства, который может быть исследован через призму концепций правопонимания.

С позиций естественно-правовой доктрины феномен связанности государства правом объясняется безусловным приоритетом естественного права над позитивным. Концептуальная методологическая и практическая ценность теорий естественного права заключается в выявлении и формализации, насколько это возможно, идей свободы, равенства, справедливости, гуманизма, как метаюридических критериев позитивного права и высших норм и принципов, стоящих над законом и определяющих содержание последнего.

Позитивистская модель правового ограничения государства сводится к его самоограничению созданным им самим позитивным правом (законом). При этом право понимается как система норм, установленных и защищаемых государством, абсолютизируется воля законодателя, а само содержание права выводится за рамки осмысления. Подобное самоограничение зависит, прежде всего, от доброй воли самой власти.

Справедливой представляется критика позитивистских позиций, высказанная В.С. Нерсесянцем, считавшим, что при таком подходе нивелируются различия между правом и произволом, свободой и насилием. В данном случае права и свободы личности, общественных союзов и общества в целом лишаются объективного и самостоятельного смысла и оказываются октроированными, дарованными сверху «благами» – по прихоти и усмотрению властвующих; так же произвольно эти «блага» могут отбираться обратно[1].

Представители социологической юриспруденции, философско-методологическим основанием которой является социологический позитивизм, полагали, что границы государственной деятельности обусловлены конкретными жизненными отношениями, целями власти, под которыми понимаются общее благо, всеобщая польза и благосостояние, нравственное совершенство и т. п. (Г. Еллинек, Г.Ф. Гумбольдт, Р. Иеринг). А право как факт социальной жизни можно объяснить при помощи психологии. «Властвование над нами государства и ограничение этого властвования правом имеют одно и то же общее основание – в нашем сознании, в сознании зависимости от государства и в сознании целого ряда интересов, противопоставляемых интересам власти и требующих определенного с ними разграничения» (Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий и др.)[2].

Как представляется, эффективный механизм правового ограничения не предложен ни одной из концепций понимания права, в каждой обнаруживаются как достоинства, так и недостатки. Естественно-правовой подход, исследуя содержание права и утверждая моральные и гуманистические ценности, которым должно соответствовать содержание позитивного права, грешит нечеткостью, размытостью самих метаюридических критериев. Позитивистский подход исходит из возможности имплицитного ограничения государства (самоограничения), что не исключает произвола со стороны власть имущих. Между тем, устранить дуализм естественного и позитивного права возможно, если рассматривать первое как некий идеал, олицетворяющий справедливость, свободу, общественное согласие и т. д. Огромное идеологическое значение концепции естественного права в случае ее внутренней интериоризации (внутреннего усвоения), – подчеркивает А.В. Поляков, – состоит в нравственном ограничении возможности власти произвольно посягать на свободу индивида[3]. Подобное ограничение совершенно необходимо, но это уже вопрос практической философии права.

---

[1] См.: Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2002. С. 77.

[2] Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1907. С. 268.

[3] См.: Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб., 2004. С. 96.

Резюмируя изложенное, отметим, что в условиях постклассического этапа развития юридической науки наиболее продуктивным в аспекте формирования нового знания о государственно-правовой реальности следует признать междисциплинарный синтез. Использование потенциала социо-гуманитарных наук существенно расширяет спектр познавательных средств самой юриспруденции на основе умелого сочетания методологического инструментария смежных отраслей знания.

Список литературы

1. Гумбольдт В.Ф. К. Опыт установления пределов государственной деятельности / Пер. с нем. – СПб., 1908. – 380 с.

2. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 7-е изд. – СПб.: Тип. М. Меркушева. 1907 – 354 с.

3. Краснов Ю.К. Российская государственность: генезис и эволюция институтов власти, проблемы модернизации. Дисс. … доктора юрид. наук. М., 2002.

4. Лабулэ Э. Государство и его пределы, в связи с современными вопросами администрации, законодательства и политики. СПб.: Издание Н.И. Ламанского, 1867. – 363 с.

5. Лукъянова Е.А. Государственность и конституционное законодательство России. Дисс. … доктора. юрид. наук. М., 2003.

6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955-1981.

7. Мордовцев А.Ю. Российская государственность в ментально-правовом измерении. Дисс. … доктора юрид. наук. – Ростов-н/Д., 2004.

8. Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: Норма, 2005. – 656 с.

9. Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. – СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 864 с.

10. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. А.Д. Хаютина, В.С. Алексеева-Попова. – М.: Наука, 1968. – 710 с.

11. Трофимов В.В. Публичное право современной России: позитивные и негативные факторы формирования и развития // Российская юстиция. – 2010. – № 10. – С. 23-28.

12. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

13. Честнов И.Л. Юридическая наука в ожидании перемен // Правоведение. – 2017. – № 5 (334). – С. 6-15.

List of references

1. Humboldt V.F. K. *Opyt ustanovleniya predelov gosudarstvennoy deyatel'nosti* [Experience in establishing the limits of state activity] / Tr.from Germ. – St. Petersburg, 1908. – 380 p.

2. Korkunov N.M. *Lektsii po obshchey teorii prava. 7-ye izd* [Lectures on the general theory of law. 7th ed]. – SPb .: Type. M. Merkusheva. 1907 – 354 p. .

3. Krasnov Yu.K. *Rossiyskaya gosudarstvennost': genezis i evolyutsiya institutov vlasti, problemy modernizatsii. Diss. … doktora yurid. nauk.* [Russian statehood: the genesis and evolution of power institutions, problems of modernization. Diss. ... doctors jurid. Sciences]. M., 2002.

4. Labule E. *Gosudarstvo i yego predely, v svyazi s sovremennymi voprosami administratsii, zakonodatel'stva i politiki. SPb.: Izdaniye N.I. Lamanskogo* [The state and its limits, in connection with modern issues of administration, law and policy]. SPb .: Edition by N.I. Lamansky, 1867 .-- 363 p.

5. Lukyanova E.A. *Gosudarstvennost' i konstitutsionnoye zakonodatel'stvo Rossii. Diss. … doktora. yurid. nauk* [Statehood and constitutional legislation of Russia. Diss. … the doctors. legal sciences. M., 2003.

6. Marx K., Engels F. *Soch. T. 1. – M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy* literatury [Written works. v. 1]. – M .: State publishing house of political literature, 1955-1981.

7. Mordovtsev A.Yu. *Rossiyskaya gosudarstvennost' v mental'no-pravovom izmerenii. Diss. … doktora yurid. nauk* [Russian statehood in the mental legal dimension. Diss. ... doctors jurid. Sciences]. – Rostov-n / D., 2004.

8. Nersesyants V.S. *Filosofiya prava* [The philosophy of law]. – M .: Norma, 2005 .–656 p.

9. Polyakov A.V. *Obshchaya teoriya prava: Problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda: Kurs lektsiy.* [General theory of law: Problems of interpretation in the context of a communicative approach: Course of lectures.] – St. Petersburg : Publishing House St. Petersburg. state University, 2004 .– 864 p.

10. Russo J.-J. Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty / per. s fr. A.D. Khayutina, V.S. Alekseyeva-Popova [On the social contract. Treatise]s / Per. with fr. HELL. Khayutina, V.S. Alekseeva-Popov. – M .: Nauka, 1968 .– 710 p.

11. Trofimov V.V. *Publichnoye pravo sovremennoy Rossii: pozitivnyye i negativnyye faktory formirovaniya i razvitiya* Public law of modern Russia: positive and negative factors of formation and development] *// Rossiyskaya yustitsiya*. – 2010. – No. 10. – pp. 23-28.

12. *Filosofiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophy: Encyclopedic Dictionary] / Ed. A.A. Ivina. – M .: Gardariki, 2004 .– 1072 p.

13. Chestnov I.L. *Yuridicheskaya nauka v ozhidanii peremen* [Jurisprudence in anticipation of changes] // Jurisprudentsia. – 2017. – No. 5 (334). – pp. 6-15.

УДК 342.5

Константин Анатольевич Ишеков,
доцент кафедры правовых основ управления факультета
государственного управления Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: ishekov77@mail.ru

Konstantin Anatolyevich Ishekov,
Associate Professor, Department of Legal Fundamentals
of Management Faculty of Public Administration
Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Doctor of Law, Associate Professor

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ФОРМИРОВАНИИ ЕДИНОЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье обосновывается целесообразность применения междисциплинарного подхода в процессе формирования и реализации правовых основ антикоррупционной политики Российской Федерации в сфере государственного управления. Исследованы направления воздействия международного права на процессы развития отраслевого законодательства в области противодействия коррупции. Исходя из анализа норм Конституции РФ, разъяснено содержание предметов ведения и полномочий Российской Федерации и ее субъектов в сфере правового регулирования антикоррупционной деятельности. Сделан вывод о том, что эффективность антикоррупционной политики в сфере государственного администрирования связана с применением системного междисциплинарного подхода, предполагающего упорядочение антикоррупционного законодательства, относящегося к различным отраслям российского права, с одновременным расширением и уточнением базового нормативного правового акта – Федерального закона «О противодействии коррупции».

Ключевые слова: междисциплинарный подход, антикоррупционная политика, противодействие коррупции, государственное управление.

APPLICATION OF THE INTERDISCIPLINARY APPROACH IN FORMING A UNIFIED ANTI-CORRUPTION POLICY IN THE FIELD OF GOVERNMENT

The article substantiates the feasibility of applying an interdisciplinary approach in the process of formation and implementation of the legal framework of the anti-corruption policy of the Russian Federation in the field of public administration. The directions of the impact of international law on the development processes of sectoral legislation in the field of combating corruption are investigated. Based on the analysis of the norms of the Constitution of the Russian Federation, the content of the subjects of competence and powers of the Russian Federation and its subjects in the field of legal regulation of anti-corruption activities is explained. It is concluded that the effectiveness of the anti-corruption policy in the field of public administration is associated with the application of a systematic interdisciplinary approach, which involves streamlining anti-corruption legislation relating to various branches of Russian law, while expanding and clarifying the basic regulatory act – the Federal Law «On Combating Corruption».

Key words: interdisciplinary approach, anti-corruption policy, anti-corruption, public administration.

Организация государственного управления – одно из направлений государственной деятельности, которое наиболее подвержено коррупционным рискам. Сложность противодействия коррупции в системе публичного администрирования обусловлена множеством различных факторов, в числе которых – разрозненность и разобщенность антикоррупционного законодательства, отсутствие единой антикоррупционной политики, консолидирующей усилия институтов государства и общества в борьбе с коррупционными проявлениями. Механизм государственного управления охватывает общественные отношения в различных

сферах юридической деятельности, урегулированных нормами международного, конституционного, административного, финансового, уголовного, гражданского и других отраслей права. С учетом того, что многие из указанных правоотношений являются потенциально уязвимыми со стороны воздействия коррупционных факторов, модернизация антикоррупционного законодательства в сфере государственного управления требует применения междисциплинарного подхода. При этом разрешение узловых проблем нормативно-правового регулирования и правореализации в области противодействия коррупции представляется возможным только в русле общей антикоррупционной политики Российской Федерации, основанной на международных стандартах борьбы с коррупцией и учитывающей особенности правотворчества в условиях федеративного устройства российского государства.

Международно-правовые источники, так или иначе затрагивающие сферу противодействия коррупции, создают необходимую нормативную правовую базу внутригосударственной правотворческой деятельности в отдельных отраслях российского права. При этом изначально внушительная часть норм международного права была посвящена уголовно-правовым средствам и методам борьбы с коррупцией. Так, первым универсальным международным актом, предписывающим государствам-участникам осуществлять конкретные меры против коррупции и раскрывающим содержание многих базовых дефиниций в сфере антикоррупционной деятельности, стала Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности[1]. Универсальный и всеобъемлющий характер также получила Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г.[2], которая по сравнению с Конвенцией ООН 2000 г. имеет распространение на более широкий круг правоотношений, так или иначе затрагивающих сферу государственно-управленческой деятельности.

Наряду с универсальными международными актами, имеющими обязательную юридическую силу для России, существуют международные договоры, участниками которых Российская Федерация не является. Их влияние на российскую правовую систему не имеет решающего характера. Их положения могут иметь значение для российской законодательной и правоприменительной практики только в качестве рекомендаций. Одним из таких международных актов, имеющих гражданско-правовую направленность, является Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г.[3] Вопрос о возможности ее ратификации в России остается открытым.

В научной литературе мнения относительно необходимости присоединения России к Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию разделились. По убеждению Н.И. Добряковой, все положения Конвенции уже включены в российское гражданское законодательство и действуют с 1996 года. Автор выражает сомнение в целесообразности принятия Конвенции, которая будет эффективно (и даже скандально) работать на международное сообщество, но никак не скажется ни на национальном законодательстве, ни на правоприменительной практике, ни на гражданском правосознании[4]? Другие исследователи, напротив, считают, что участие в Конвенции должно отразиться положительным образом на международном престиже Российской Федерации и дополнить действующую правовую базу борьбы с коррупцией важным международно-правовым инструментом[5]. Конвенция на сего-

[1] См.: Конвенция против транснациональной организованной преступности (заключена в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г.) (с изм. от 31 мая 2001 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 40. Ст. 3882.

[2] См.: Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (заключена в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 26. Ст. 2780.

[3] См.: Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ETS № 174) (заключена в г. Страсбурге 4 ноября 1999 г.) [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] См.: Добрякова Н.И. К вопросу об имплементации Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Российская юстиция. 2010. № 8. С. 45-47.

[5] См.: Морозов А.Н. Международно-правовые и внутригосударственные аспекты присоединения России к Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 89.

дняшний день является по сути единственным международным документом, регулирующим вопросы защиты прав и интересов лиц, непосредственно пострадавших от коррупции, путем получения компенсации за ущерб, в том числе материальный, присоединение к ней России – серьезный шаг в борьбе с коррупцией[1].

Как представляется, в сложившейся ситуации ратификация Конвенции, несмотря на позитивные цели ее принятия, может послужить дополнительным рычагом негативного воздействия со стороны зарубежных государств на правотворческую и правоприменительную деятельность Российской Федерации, основанную на конституционных установках о государственном суверенитете.

В целом, как показывает анализ универсальных и региональных международных актов о противодействии коррупции, можно констатировать, что в настоящее время идет формирование такого политико-правового явления, как международно-правовая антикоррупционная политика, которая не исчерпывается отдельной отраслью права и охватывает основные направления развития внутренней антикоррупционной политики современных государств в междисциплинарном аспекте.

Реализация антикоррупционной политики Российской Федерации в сфере государственного управления берет свое начало из Конституции РФ и конституционного законодательства. Отметим, что в Основном Законе России нет прямого ответа на вопрос, к чьей сфере ведения (Российской Федерации, совместного ведения федерального центра и субъектов или исключительного ведения регионов) относится антикоррупционное правотворчество и правоприменение. Такое разграничение можно провести, исходя из анализа основных сфер правотворческой и правопрменительной деятельности, регламентированных в международных правовых документах, участником которых является Российская Федерация.

В Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. отсутствует дифференциация соответствующих вопросов по отраслям права, но по результатам исследования ее текста можно установить, что в ней говорится о противодействии коррупции в сфере уголовно-правовых отношений, правопорядка, судопроизводства и правоохранительной деятельности, управления публичными делами и публичным имуществом, государственной гражданской службы, публичных закупок и управления публичными финансами, международного сотрудничества.

Более четко сферы правового регулирования антикоррупционной политики сгруппированы в Модельном законе СНГ «Основы законодательства об антикоррупционной политике» от 15 ноября 2003 г.[2] В данном международном акте рамочного характера государствам-участникам даны рекомендации, осуществляя законотворческую деятельность, придерживаться антикоррупционных стандартов в сферах реализации права на референдум, избирательных прав и деятельности партий, государственной власти, государственной и муниципальной служб, службы в коммерческих и иных организациях, правотворчества, судебной и правоохранительной деятельности, бюджетного процесса и бюджетного кредитования, кредитно-банковской деятельности, эмиссии государственных и муниципальных ценных бумаг, приватизации государственного и муниципального имущества, осуществления государственных и муниципальных закупок, лицензирования отдельных видов деятельности, регистрации юридических лиц, экспертизы и сертификации продукции и услуг, предоставления и получения зарубежной финансовой и гуманитарной помощи. В Российской Федерации ука-

[1] См.: Жиганова А.А. Проблемы присоединения Российской Федерации к Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2011. № 2. С. 88.

[2] См.: Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (принят в г. Санкт-Петербурге 15 ноября 2003 г. Постановлением 22-15 на 22-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2004. № 33. С. 225-260.

занные сферы деятельности определены в Конституции РФ и конкретизирующем ее положения законодательстве.

С учетом сказанного трудно согласиться с авторами, определяющими достаточно узкий перечень предметов ведения Российской Федерации и предметов совместного ведения Федерации и субъектов в сфере противодействия коррупции[1]. На наш взгляд, круг соответствующих вопросов значительно шире. Антикоррупционной политике посвящены следующие нормы Конституции РФ. Предметы федерального ведения определяют п. п. «в», «г», «д», «ж», «з», «к», «л», «о» «т» ст. 71 Конституции РФ. Предметы совместного ведения составляют пункты «б», «г», «ж», «и», «к», «л», «н», «о» ст. 72 Конституции РФ. С учетом того, что в основу ст. 73 Конституции России положен остаточный принцип определения полномочий (вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти), следует уточнить: могут ли вопросы противодействия коррупции относиться к исключительному ведению российских регионов? Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, выраженной в определении от 22 сентября 2010 г. № 55-Г10-5, в сферах правового регулирования государственной собственности субъекта Федерации и управления ею, регионального бюджета, региональных налогов и сборов, государственной гражданской службы субъекта Федерации и некоторых других антикоррупционные стандарты могут быть установлены только субъектом Российской Федерации[2]. Таким образом, высший судебный орган России не только положительно ответил на данный вопрос, но и уточнил сферы правового регулирования антикоррупционной деятельности, относящиеся к исключительному ведению субъекта Федерации.

Принятый в 2008 г. Федеральный закон «О противодействии коррупции»[3], заложивший основу формирования единой антикоррупционной политики Российской Федерации, также имеет междисциплинарное наполнение. Однако результаты его исследования позволяют говорить о дефиците отражения в нем правовых основ некоторых отраслей антикоррупционного законодательства, отсутствии системности в изложении базовых антикоррупционных норм.

В связи с этим представляет интерес идея, получившая законотворческое оформление в проекте Федерального закона № 216592-3 «Основы законодательства об антикоррупционной политике», который был внесен депутатами А.А. Аслахановым, Н.М. Безбородовым, В.П. Воротниковым в Государственную Думу Федерального Собрания РФ 19 июня 2002 г.[4] Примечательно, что данный проект был направлен в Государственную Думу еще до принятия Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств Модельного закона с аналогичным названием, а снят с рассмотрения Советом Государственной Думы 16 марта 2004 г., т. е. уже после утверждения указанного Модельного закона СНГ. Законопроект не был поддержан Правительством РФ из-за несогласия с финансово-экономическим обоснованием его реализации. В частности, было отмечено, что осуществление антикоррупционной экспертизы необходимо рассматривать как составную часть юридической экспертизы, проводимой Министерством юстиции Российской Федерации в соответствии с законодатель-

[1] См.: Богомолов Н.С. Конституция Российской Федерации как правовая основа противодействия коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 12. С. 45-50.

[2] См.: О частичной отмене решения Верховного Суда Республики Хакасия от 20.07.2010 и признании не действующим п. 5 ст. 7 Закона Республики Хакасия от 04.05.2009 № 28-ЗРХ в части установления одного из основных направлений деятельности органов государственной власти Республики Хакасия и органов местного самоуправления по повышению эффективности противодействия коррупции соблюдения коррупционных стандартов вместо их введения, предусмотренного на федеральном уровне: определение Верховного Суда РФ от 22 сентября 2010 г. № 55-Г10-5 [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] См.: О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

[4] См.: Основы законодательства об антикоррупционной политике: проект Федерального закона № 216592-3 [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ством Российской Федерации, в пределах ассигнований, предусмотренных федеральным бюджетом на содержание Министерства юстиции Российской Федерации. Кроме того, было сказано, что законопроект не имеет самостоятельного предмета правового регулирования и вторгается в сферу различных отраслей права, дублируя их нормы или вступая с ними в противоречие[1]. При этом уточнение перечня и содержания коллизионных норм отсутствовало, пределы вторжения законопроекта в иные отрасли права очерчены не были.

С точки зрения принятого позднее Федерального закона «О противодействии коррупции», можно определенно утверждать, что сфера противодействия коррупции не может и не должна ограничиваться какой-либо одной отраслью права, антикоррупционная правовая политика – явление межотраслевого характера. Соответственно, цель законопроекта – создание единой правовой основы функционирования системы формирования и реализации антикоррупционной политики, систематизация антикоррупционного законодательства и его гармонизация с нормами международного права – вполне обоснована. Имеющиеся противоречия проекта с действующим законодательством можно было устранить в рабочем порядке в ходе его доработки. В связи с этим его снятие с рассмотрения без обсуждения в первом чтении представляется неоправданным.

В целом развитию антикоррупционного законодательства и, как следствие, повышению эффективности антикоррупционной политики могло бы способствовать применение системного подхода правотворческой деятельности, предполагающего упорядочение антикоррупционного законодательства, относящегося к различным отраслям российского права, с одновременным расширением и уточнением базового нормативного правового акта – Федерального закона «О противодействии коррупции».

Список литературы

1. Богомолов Н.С. Конституция Российской Федерации как правовая основа противодействия коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. – 2015. – № 12.

2. Добрякова Н.И. К вопросу об имплементации Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Российская юстиция. – 2010. – № 8.

3. Жиганова А.А. Проблемы присоединения Российской Федерации к Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 14. – Право. 2011. – № 2.

4. Морозов А.Н. Международно-правовые и внутригосударственные аспекты присоединения России к Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Журнал российского права. – 2014. – № 3.

List of references

1. Bogomolov N.S. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii kak pravovaya osnova protivodeystviya korruptsii // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye* [The Constitution of the Russian Federation as the legal basis for combating corruption // State power and local self-government]. – 2015. – No. 12.

2. Dobryakova N.I. *K voprosu ob implementatsii Konventsii Soveta Yevropy o grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti za korruptsiyu* [On the implementation of the Council of Europe Convention on Civil Liability for Corruption] *// Rossiyskaya yustitsiya*. – 2010. – No. 8.

3. Zhiganova A.A. *Problemy prisoyedineniya Rossiyskoy Federatsii k Konventsii Soveta Yevropy o grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti za korruptsiyu ot 4 noyabrya 1999 goda // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Problems of accession of the Russian Federation to the Council of Europe Convention on Civil Liability for Corruption of November 4, 1999] // Bulletin of St. Petersburg University. – Series 14. – Right. 2011. – No. 2.

4. Morozov A.N. *Mezhdunarodno-pravovyye i vnutrigosudarstvennyye aspekty prisoyedineniya Rossii k Konventsii o grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti za korruptsiyu // Zhurnal rossiyskogo prava* [International legal and domestic aspects of Russia's accession to the Convention on Civil Liability for Corruption // Journal of Russian Law]. – 2014. – No. 3.

[1] См.: Заключение Правительства РФ от 5 апреля 2003 г. № 2237п-П4 по проекту Федерального закона № 216592-3 «Основы законодательства об антикоррупционной политике» [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 340; 341.213.5

Валентина Владимировна Елистратова,
доцент кафедры теории государства и права
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук
E-mail: v.elistr@yandex.ru

Valentina Vladimirovna Elistratova,
the associate professor of the theory of state and law department
of the Saratov state law academy, candidate of law

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Статья посвящена проблеме использования ресурса междисциплинарного подхода в исследовании межгосударственных объединений. Обосновывается необходимость детального анализа теоретических проблем государственно-правовой интеграции, в частности, понятия, формы, классификации межгосударственных объединений, их соотношения с формой государственного устройства на основе междисциплинарного подхода. Междисциплинарный характер фундаментальных исследований позволяет использовать дополнительный потенциал для определения эффективных средств правового обеспечения деятельности наднациональных структур. Подчеркивается значимость методологического инструментария в исследованиях в сфере евразийской интеграции. Автор приходит к выводу, что применение междисциплинарного подхода в исследовании проблем теории и практики межгосударственных объединений, и также предлагаемых в его рамках методов способствует более глубокому изучению природы познаваемого объекта и осуществлению актуальной связи теории и практики в сфере объединения современных государств.

Ключевые слова: интеграция, межгосударственное объединение, междисциплинарный подход, наднациональное право, Европейский Союз, Евразийский экономический союз.

IMPLEMENTATION OF MULTIDISCIPLINARY APPROACH TO STUDY PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE OF INTERSTATE UNITY

The article is devoted to the problem of using the resource of interdisciplinary approach in the study of interstate associations. The need for a detailed analysis of the theoretical problems of state and legal integration, in particular the concept, form, classification of interstate associations, their relationship with the form of government on the basis of an interdisciplinary approach. The inter-disciplinary nature of fundamental research makes it possible to use additional potential to determine effective means of legal support for the activities of supranational structures. The importance of methodological tools in research in the field of Eurasian integration is emphasized. The author concludes that the interdisciplinary approach in the study of the theory and practice of inter-state associations and also proposed in the framework of methods contributes to a better understanding of the nature of the knowable object and the implementation of relevant communication theory and practice in modern States.

Keywords: integration, interstate unity, interdisciplinary approach, supranational law, European Union, Eurasian economic Union.

Нарастающие интеграционные процессы диктуют необходимость достаточно глубокого изучения различных форм современных объединений государств, их правовой основы, соотношения национально-государственных, межгосударственных и наднациональных начал в жизни всего мирового сообщества, вопроса о пределах ограничения суверенитета государств-членов, об объеме приобретаемых межгосударственным объединением общих функций, о функциях его надгосударственных органов, а также внешних функциях государства. На современном этапе важно детально анализировать практику межгосударственного общения на базе наиболее значимых интеграционных процессов, определить общие тенденции развития современных форм межгосударственных объединений и проследить их трансфор-

мацию как фактора развития межгосударственной интеграции. Бесспорно, что в рамках формирующегося в связи с глобализационными процессами нового мирового порядка складывается и новый интеграционный правопорядок, регулировать который призвана юридическая наука, в том числе общая теория права и государства.

Вопрос об определении места различных современных форм объединений государств в рамках теории государства и права был поставлен сравнительно недавно, более десятилетия назад. В рамках теории государства и права межгосударственные союзы рассматриваются обычно в связи с формой государства, а именно одной из форм государственного устройства – конфедерацией. Но уже обозначилась тенденция обособления формы межгосударственного объединения. Абсолютно бесспорно, что межгосударственные объединения, как формирующуюся юридическую категорию, следует исследовать не только с позиций международного публичного или конституционного права. Теория государства и права на основе междисциплинарного подхода призвана отражать все юридические явления реальной действительности, связанные с функционированием и развитием государств, в том числе с их участием в интеграционных процессах. Десятилетие назад в этом плане имел место явный пробел, что частично можно объяснить тем, что ни в Конституции РФ, ни в текущем законодательстве сущность понятия «межгосударственное объединение» не определена. На настоящий момент пробел в определенной степени восполнен теоретическими и практическими разработками, в том числе монографического плана[1].

Межгосударственные объединения остаются недостаточно изученными, прежде всего, как самостоятельная категория теории государства и права. До сих пор не выработано однозначное определение понятия «объединение государств» («межгосударственное объединение»), а выработанные – с учетом развития интеграционных процессов – устарели, отсутствует единая позиция относительно их места в теории государства и права. Этим объясняется необходимость дальнейшего научного исследования и детального анализа теоретических проблем государственно-правовой интеграции, в частности, понятия, формы, классификации межгосударственных объединений, их соотношения с формой государственного устройства именно на основе междисциплинарного подхода, который позволяет использовать научные результаты и собственные методы исследовательской деятельности иных наук в целях всестороннего исследования определенного явления, обогащая при этом ведущую область знания.

Междисциплинарная постановка проблемы представляется логичной, обоснованной, своевременной, соответствующей реалиям сегодняшнего дня и связана с междисциплинарным характером самого понятия «межгосударственное объединение». Взаимосвязи наук (общей теории права и государства, истории государства и права, международного публичного права, европейского права, конституционного права, философии, политологии, социологии, экономической науки) способствуют более глубокому исследованию, появлению нового знания и разработке терминологии. Чрезвычайно актуальна дальнейшая разработка понятийного аппарата применительно к категории «межгосударственное объединение» и базовой терминологии именно на основе междисциплинарного подхода с использованием формально-юридического и логического методов, с помощью которых будут выработаны дефиниции используемых в исследовании ключевых понятий.

В российской юридической науке, в частности, конституционном, международном публичном праве, общей теории права и государства до сих пор наблюдается активное смешение синонимичных терминов, подчас приводящее, с нашей точки зрения, к неадекватной оценке интеграционных процессов. Так, различный подход ученого сообщества к сущности междисциплинарного понятия «межгосударственное объединение» не только с позиций раз-

[1] См., например: Цыцугин А.В. Современные виды объединений государств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 182 с.; Елистратова В.В. Объединения государств: общетеоретический аспект / Под ред. А.В. Малько. Саратов, 2008. 176 с.; Право и межгосударственные объединения / Под общ. ред. В.Г. Вишнякова. СПб., 2003. 575 с.

личных отраслей права, но и в рамках отдельно взятой отрасли порождает понятийную тавтологию, существенную разницу в понимании и толковании отдельных интеграционных процессов, что явно не способствует их эффективности. И.Н. Сенякин, характеризуя правовые дефиниции как нормы особого рода, определяющие общие основы механизма правового регулирования, призывает к рациональному использованию синонимов и подчеркивает роль дефинированной терминологии в укреплении взаимосвязи национального и международного права[1]. При уважительном отношению к наличию отличающихся в различных отраслях права подходов к исследованию форм межгосударственного общения считаем, что сегодня необходимо прийти к единообразному пониманию сущности понятия «межгосударственное объединение» и, прежде всего, провести четкое разграничение именно с понятием «международная организация», поскольку они приобрели распространенный междисциплинарный характер. Следует согласиться с точкой зрения об обусловленности междисциплинарного характера современного познания тем, что наука из «дисциплинарной» сферы деятельности превращается в «проблемно ориентированную»[2]. С.Н. Туманов подчеркивает также необходимость усиления взаимодействия юридической науки с другими общественными науками, в частности, философией, онтологией, социологией, психологией, логикой в сфере применения их методологических возможностей для изучения закономерностей, представляющих предмет собственно юридической науки[3].

Таким образом, междисциплинарная модель познания имеет особое значение для разработки понятийного аппарата общей теории права и государства, а также отраслевых юридических наук. Именно терминология является фундаментом научного исследования. Сегодня актуальны разработка и уточнение таких понятий, как «межгосударственное объединение», «форма межгосударственного объединения», «правовое обеспечение», «наднациональность», «наднациональное право», «наднациональный орган», «сближение права», «унификация», «гармонизация» и другие, в понимании которых в юридической науке наблюдаются серьезные разночтения.

На современном этапе требуются фундаментальные, построенные на системно-структурном и междисциплинарном подходах научные исследования межгосударственных объединений. Подобные подходы, позволяя использовать дополнительный потенциал, вносят весомый вклад в развитие знаний о современных межгосударственных объединениях в целом, эффективных средствах правового обеспечения их деятельности, наднациональных правовых системах и призваны способствовать эффективной реализации целей межгосударственной интеграции. В качестве основы исследования следует использовать, прежде всего, системно-структурный подход, позволяющий рассматривать правовую систему межгосударственного объединения как единую целостную систему со сложной внутренней организацией.

Комплексный характер исследования межгосударственных объединений обязательно предполагает его междисциплинарную модель. Здесь пересекаются юридические, политические, исторические, социальные, экономические науки. Целесообразно активно использовать и потенциал отраслевых юридических наук, главным образом, международного, европейского и конституционного права.

Изучение теоретических проблем имеет большую значимость для решения практических задач интеграции государств. Цель исследования различных межгосударственных союзов состоит в разработке основ правового обеспечения их деятельности как организующего начала для наиболее эффективного осуществления интеграционных процессов. Так, например, результаты междисциплинарного исследования в сфере Евразийского экономического

[1] См.: Сенякин И.Н. Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов, 2007. С. 400, 402.

[2] См.: Рафалюк Е.Е. Международная интеграция: методологические проблемы исследования // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 44.

[3] См.: Туманов С.Н. Теоретико-методологические вопросы деятельности в исследованиях внешних функций государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6. С. 241.

союза будут способствовать расширению потенциальных возможностей конструирования оптимальной интеграционной модели, соответствующей целям и задачам евразийских объединительных процессов. Анализ возникновения и развития различных видов межгосударственных союзов на постсоветском пространстве, рассмотрение их наиболее существенных характеристик в историческом аспекте позволит использовать их правовой опыт в евразийской интеграции. Исследование межгосударственных союзов на основе исторического метода как метода познания действительности дает возможность изучить их генезис, проследить динамику и трансформацию форм межгосударственных объединений, закономерности их развития и функционирования в конкретную историческую эпоху, а также выявить критерии классификации. Четкое определение правовой природы новой межгосударственной модели поможет избежать многих ошибок, перегибов и изъянов, как, например, в деятельности СНГ. Разработка основ формирования правовой системы Евразийского экономического союза на базе продуманной правовой политики с учетом положительного опыта межгосударственных образований на постсоветском пространстве и Европейского Союза будет способствовать координации дальнейших шагов интеграции. Определение путей становления правовой системы и форм реализации правовой политики Евразийского экономического союза обозначит четкие ориентиры позитивной правовой жизни общества. Сравнительный анализ правовых систем Европейского Союза и Евразийского экономического союза предоставит возможность взвешенного восприятия существующих реалий с целью максимального соблюдения баланса интересов государств-членов. Концептуализация теоретических взглядов и практических подходов в области правового регулирования интеграционных процессов поможет в определении скоординированных действий наднациональных органов во благо народов стран, участвующих в Договоре о ЕАЭС. Установление тенденций в сфере объединения современных государств на постсоветском пространстве будет способствовать более точному правовому прогнозированию экономических, политических, социальных и иных явлений и процессов. На основе междисциплинарного подхода разрабатываются рекомендации и предложения, направленные на совершенствование организационно-правового механизма межгосударственного союза. Оценка современного этапа его развития и осуществление правового прогнозирования евразийских интеграционных процессов, несомненно, призваны способствовать их позитивной динамике.

Междисциплинарный подход вносит особый вклад в изучение вопроса о соотношении национального, международного и наднационального интеграционного права. Имея свои пределы, он призван обеспечить максимально глубокое понимание существующих в сфере евразийской интеграции реалий для оптимальной реализации ее целей и задач. Так, формирование единой правовой системы межгосударственных объединений уже получает свое реальное воплощение в конкретных шагах государств-членов по унификации нормативных регуляторов.

В ходе научного исследования междисциплинарного характера научная проблема сближения права, его унификации и гармонизации дополняется новым содержанием. Эта проблема также должна исследоваться и в рамках фундаментальной теоретической науки. Её междисциплинарная постановка призвана способствовать разработке наиболее оптимальных способов сближения права, ориентированных на согласование государствами-членами союзов принципов правового регулирования на основе норм международного права, определение этапов, способов и совместных мер по развитию национальных законодательств, курса на выработку общих правовых позиций. Междисциплинарная модель исследования необходима для разработки технологии гармонизации нормативных актов в сфере межгосударственной интеграции.

Положения и выводы исследования целесообразно основывать на анализе международных правовых актов, конституций и нормативных правовых актов государств постсоветского пространства, положений Конституции Российской Федерации, а также сравнительном ана-

лизе правовых систем исследуемых форм межгосударственных объединений и Европейского Союза. Сравнительный аспект поможет выявить их сущностные характеристики. Компаративистский метод познания, который находит достаточно широкое применение при междисциплинарном подходе, позволит установить сходства и различия конкретных элементов правовой системы различных межгосударственных структур. Предлагаемые методы и методики создают дополнительные возможности для обеспечения необходимой глубины проработки основных аспектов поставленных задач.

Совершенно очевидно, что решение вышеназванных задач в сфере объединения государств предполагает применение общенаучных и частноправовых методов различных наук. Важно широко использовать общенаучные методы: исторический, логический, социологический и статистический методы, анализ, синтез, аналогию, абстрагирование, моделирование и другие. Особое внимание необходимо уделять частноправовым методам познания правовых, социально-политических явлений и процессов в сфере интеграции государств, особенно формально-юридическому, выступающему основой работы с нормативными правовыми актами, а также сравнительно-правовому.

Применение междисциплинарного подхода в исследовании проблем теории и практики межгосударственных объединений, и также предлагаемых в его рамках методов в их сочетании способствует более глубокому изучению природы познаваемого объекта, появлению нового знания и, несомненно, осуществлению актуальной связи теории и практики в сфере объединения современных государств.

Список литературы

1. Елистратова В.В. Объединения государств: общетеоретический аспект / Под ред. А.В. Малько. – Саратов, 2008. – 176 с.

2. Право и межгосударственные объединения / Под общ. ред. В.Г. Вишнякова. – СПб., 2003. – 575 с.

3. Рафалюк Е.Е. Международная интеграция: методологические проблемы исследования // Журнал российского права. – 2014. – № 3. – С. 42-52.

4. Сенякин И.Н. Федерализм как принцип российского законодательства. – Саратов, 2007. – 504 с.

5. Туманов С.Н. Теоретико-методологические вопросы деятельности в исследованиях внешних функций государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 6. – С. 240–244.

6. Цыцугин А.В. Современные виды объединений государств: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 182 с.

List of references

1. Elistratova V.V. *Ob"yedineniya gosudarstv: obshcheteoreticheskiy aspekt* [Association of states: general theoretical aspect] / Ed. A.V. Malko. – Saratov, 2008. – 176 p.

2. *Pravo i mezhgosudarstvennyye ob"yedineniya* [Law and interstate associations] / Under the general. ed. V.G. Vishnyakova. – SPb., 2003. – 575 pp.

3. Rafalyuk E.E. *Mezhdunarodnaya integratsiya: metodologicheskiye problemy issledovaniya // Zhurnal rossiyskogo prava* [International Integration: Methodological Problems of Research // Journal of Russian Law]. – 2014. – No. 3. – S. 42-52.

4. Senyakin I.N. *Federalizm kak printsip rossiyskogo zakonodatel'stva* [Federalism as a principle of Russian law]. – Saratov, 2007. – 504 s.

5. Tumanov S.N. *Teoretiko-metodologicheskiye voprosy deyatel'nosti v issledovaniyakh vneshnikh funktsiy gosudarstva // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Theoretical and methodological issues of activity in studies of the external functions of the state // Bulletin of the Saratov State Law Academy]. – 2015. – No. 6. – pp. 240–244.

6. Tsytsugin A.V. *Sovremennyye vidy ob"yedineniy gosudarstv: dis. ... kand. yurid. nauk.* [Modern types of associations of states: dis. ... cand. legal sciences]. – M., 2001. – 182 p.

УДК 342.5

Роман Валерьевич Зелепукин,
заместитель директора по научной работе Института права и национальной безопасности,
доцент кафедры Конституционного и международного права
Института права и национальной безопасности ТГУ им. Г.Р. Державина,
кандидат юридических наук
E-mail: lexcomlex@yandex.ru

Roman V. Zelepukin,
Deputy Director for research of the Institute of law and national security,
associate Professor of the Department of constitutional and international law
of the Institute of law and national security of the Derzhavin Tambov State University,
Ph. D. in law

НОВЫЕ ФОРМЫ ЛОББИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается тенденция по скрытому совершенствованию форм лоббирования с учетом современных общественных трендов. Анализируются такие неформальные формы лоббирования, как «манипулирование средствами массовой информации», «покупка мнения», «спонсирование научно-исследовательских (аналитических) центров», «управление сетью Интернет» и «тактическое переманивание кадров», которые однозначно следует относить к «теневому» лоббированию. Приводятся доводы, говорящие о том, что современное лоббирование тесно связано с таким явлением, как PR, определяется процесс их фактического слияния. Обосновывается тот фактор, что в современных формах лоббистской деятельности сама фигура лоббиста фактически отходит на второй план. Автор приходит к выводу, что современное лоббирование все больше нацелено не только на узкие кулуары, но и на всесторонние связи с общественностью.

Ключевые слова: лоббирование, связи с общественностью, продвижение интересов, средства массовой информации.

NEW FORMS OF LOBBYING

The tendency of hidden improvement of forms of lobbying that taking into account modern social trends is considered in the article. The author analyzes such informal forms of lobbying as «manipulation of mass media», «purchase of opinion», «sponsorship of research (analytical) centers», «management of the Internet» and «tactical poaching of personnel», which should definitely be attributed to «shadow» lobbying. The arguments that modern lobbying is closely connected with such a phenomenon as PR are considered and the process of their actual merger is determined. The author substantiates the factor that in modern forms of lobbying the figure of the lobbyist actually fades into the background. The author comes to the conclusion that modern lobbying is now focused not only on the narrow margins, but also on comprehensive public relations.

Keywords: lobbying, public relations, promotion of interests, mass media.

С каждым годом влияние лоббистов возрастает, зачастую оставаясь скрытым от глаз общественности. Финансирование лоббирования все чаще используется крупными корпорациями в роли тактических инвестиций, в дальнейшем позволяющих обеспечить повышенный доход и избежать административного давления.

Вместе с тем, старые формы лоббирования становятся все более очевидными, не оправдывающими ожиданий, и теряют свою популярность. Так, лоббисты отмечают, что эпоха, когда лоббирование представляло собой «личную беседу с представителем власти» осталась в прошлом. Современные тренды формируют новые формы лоббирования, которые наиболее оптимальны в стремительно развивающемся обществе. Оптимальность новых форм лоббирования, однако, не гарантирует их прозрачности, и обозначает скорее их теневой характер, выражающийся в том, что «процесс давления на органы власти сопутствует узким интересам и осуществляется с применением скрытых способов воздействия на власть»[1].

[1] Зелепукин Р.В. Понятие и происхождение лоббирования как политико-правового института // Вестник ТГУ. 2011. № 8. С. 309.

Так, газета The Guardian в статье «The truth about lobbying: 10 ways big business controls government» описывает «10 ключевых шагов, которые лоббисты предпримут, чтобы подчинить правительство своей воле», из которых наиболее современными отметим:

1. «Манипулирование средствами массовой информации», т. е. умение понять, когда следует использовать СМИ, а когда их стоит избегать. Зачастую, чем больше шума поднимают СМИ, тем меньше контроля остается у лоббистов. Однако способ общения с правительством через средства массовой информации имеет решающее значение. Сообщения такого рода подвергаются тщательной предварительной проработке. Ввиду чего, даже если конечная цель лоббирования преследует сугубо извлечение прибыли, она будет представлена как общенациональный интерес, например, перспективы экономического роста государства или увеличение рабочих мест.

2. «Покупка мнения», т. к. для общественности корпорации представляются ненадежными источниками информации, лоббисты ищут «независимых» экспертов, чтобы донести идеи корпораций через их мнение.

3. «Спонсирование научно-исследовательских (аналитических) центров» представляется как комбинация 1 и 2 пунктов, когда агентство подготавливает отчет для СМИ, устраивает согласованные конференции с участием экспертов, а также организует официальные встречи с политиками. Зачастую аналитические центры предлагают комплексный пакет подобных услуг под названием «лоббистский пакет».

4. «Управление сетью Интернет». Один из ключевых способов контролировать информацию в интернете – это наполнить сеть позитивным контентом по поводу той или иной повестки. Лоббистские агентства создают фальшивые блоги для клиентов, группы, отдельные аккаунты (ботов) в социальных сетях, а также формируют поддельные пресс-релизы. Продвижение фиктивного положительного контента заставляет поисковые системы вроде Google поднимать его выше негативного. Опираясь на то, что редко кто будет выходить за пределы первой страницы поисковой выдачи, лоббисты заставляют реальный негативный контент фактически исчезнуть.

5. «Тактическое переманивание кадров» – наиболее развивающийся прием, которым сегодня пользуются крупные корпорации. Его суть заключается в том, чтобы обеспечить политика, способствующего принятию того или иного решения, высокооплачиваемой должностью в штате компании в дальнейшем[1].

Кроме того, похожие по содержанию современные формы лоббирования можно проследить в исследовании А.С. Арутюняна, отметившего, что «непрямой лоббизм… связан с public relations (PR), где используются различные методы воздействия: организуются специальные рекламные компании, публикации в СМИ с целью формирования определенного мнения у субъекта принятия решений по нужному вопросу»[2].

Наиболее современными в обозначенном исследовании можно выделить следующие непрямые методы лоббирования: «через научные публикации и привлечение ученых; через институты социализации; через кампании массового протеста; через СМИ, рекламу, новейшие электронные средства коммуникации»[3].

Можно заметить, что в современных формах лоббистской деятельности фактически пропадает сама фигура лоббиста, лоббирование становится все менее транспарентным, т. к. происходит размытие граней между формальной лоббистской деятельностью и PR деятельностью[4].

[1] The truth about lobbying: 10 ways big business controls government [Электронный ресурс] // The Guardian. URL: www.theguardian.com/politics/2014/mar/12/lobbying-10-ways-corprations-influence-government (дата обращения 23.09.2019).

[2] Арутюнян А.С. Современный лоббизм: формы, методы, проявления // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 65.

[3] Там же. С. 66.

[4] Jugo D., Miholić D., Žigić I. Lobbying and Public Relations: Overlapping of Two Different Professions [Электронный ресурс] // Communication Management Forum 2015 Reconciling the Traditional and Contemporary: The New Integrated Communication. URL: http://bib.irb.hr/datoteka/797645.02commforum-jugo-miholic-zigic.pdf (дата обращения: 26.09.2019).

Подобный подход, с одной стороны, позволяет избежать кулуарности лоббирования, ввиду того что упраздняется необходимость прямого взаимодействия с представителями власти, а с другой стороны, представляется, что PR деятельность, включающая больший спектр задач (как внешнего, так и внутреннего развития), обходится корпорации дешевле, чем взаимодействие с лоббистами. Кроме того, если ранее отмечалось, что «лоббированию как специфическому политико-правовому институту присущи определенные, характерные признаки, благодаря которым, лоббирование разграничивается от таких смежных с ним явлений как advocacy, public affairs (PA), government retaliation (GR)»[1], на сегодняшний день лоббисты старательно заняты поиском путей унификации данных услуг в едином «комплексном пакете».

Таким образом, очевидно скрытое становление новых неформальных форм лоббирования в тех странах, где данная деятельность юридически узаконена. Сегодня лоббирование нацелено не только на узкие кулуары, но и на всесторонние связи с общественностью, что ставит под вопрос не столько необходимость, сколько вовсе возможность всестороннего законодательного регулирования лоббистской деятельности в Российской Федерации. Очевидно, что теневой лоббизм процветает в России, а отсутствие какого-либо контроля над процессом «слияния» лоббирования и PR лишь усложняет способы его отслеживания и предотвращения.

Список литературы

1. Jugo D., Miholić D., Žigić I. Lobbying and Public Relations: Overlapping of Two Different Professions [Электронный ресурс] // Communication Management Forum 2015 Reconciling the Traditional and Contemporary: The New Integrated Communication. URL: http://bib.irb.hr/datoteka/797645.02commforum-jugo-miholic-zigic.pdf (дата обращения: 26.09.2019).

2. The truth about lobbying: 10 ways big business controls government [Электронный ресурс] // The Guardian. URL: www.theguardian.com/politics/2014/mar/12/lobbying-10-ways-corprations-influence-government (дата обращения 23.09.2019).

3. Арутюнян А.С. Современный лоббизм: формы, методы, проявления // Социологические исследования. – 2014. – № 6.

4. Захаров А.В., Зелепукин Р.В. Правовое регулирование лоббистской деятельности, ее средств, методов и технологий // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 8. –С. 188-192.

5. Зелепукин Р.В. Понятие и происхождение лоббирования как политико-правового института // Вестник ТГУ. – 2011. – № 8. – С. 305-310.

List of references

1. Jugo D., Miholić D., Žigić I. Lobbying and Public Relations: Overlapping of Two Different Professions [Электронный ресурс] // Communication Management Forum 2015 Reconciling the Traditional and Contemporary: The New Integrated Communication. URL: http://bib.irb.hr/datoteka/797645.02commforum-jugo-miholic-zigic.pdf (дата обращения: 26.09.2019).

2. The truth about lobbying: 10 ways big business controls government [Электронный ресурс] // The Guardian. URL: www.theguardian.com/politics/2014/mar/12/lobbying-10-ways-corprations-influence-government (дата обращения 23.09.2019).

3. Harutyunyan A.S. *Sovremennyy lobbizm: formy, metody, proyavleniya // Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Modern lobbyism: forms, methods, manifestations // Sociological studies]. – 2014. – No. 6.

4. Zakharov A.V., Zelepukin R.V. *Pravovoye regulirovaniye lobbistskoy deyatel'nosti, yeye sredstv, metodov i tekhnologiy // Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy* [Legal regulation of lobbying activity, its means, methods and technologies // Socio-economic phenomena and processes]. – 2011. – No. 8. –pp. 188-192.

5. Zelepukin R.V. *Ponyatiye i proiskhozhdeniye lobbirovaniya kak politiko-pravovogo instituta // Vestnik TGU* [The concept and origin of lobbying as a political and legal institution // Bulletin of TSU]. – 2011. – No. 8. – pp. 305-310.

[1] Захаров А.В., Зелепукин Р.В. Правовое регулирование лоббистской деятельности, ее средств, методов и технологий // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 8. С. 188.

УДК 371

Светлана Васильевна Левчук,
доцент кафедры социальной и возрастной психологии
ТГУ имени Г.Р. Державина, кандидат педагогических наук

Svetlana Vasilievna Levchuk,
Associate Professor of the Department of Social and Age Psychology
Of TSU named after G.R. Derzhavin, Ph. D. in pedagogy

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У ШКОЛЬНИКОВ

В статье представлены попытки теоретического осмысления психологических аспектов организации и оценки эффективности проектной деятельности школьников. Автором представлен опыт реализации проектов, направленных на формирование социально-правовой компетентности учащихся.

Ключевые слова: проектная деятельность, социально-правовые компетенции, система школьного образования.

PROJECT ACTIVITY AS A MEANS OF FORMATION OF SOCIAL AND LEGAL COMPETENCES OF SCHOOLCHILDREN

The article presents the attempts of theoretical understanding of the psychological aspects of the organization and evaluation of the effectiveness of project activities of schoolchildren. The author presents the experience of implementing projects aimed at the formation of social and legal competence of students.

Keywords: project activity, social and legal competences, school education system.

Одной из наиболее сложных задач современной школы является формирование социально-правовой компетентности учащихся.

Социально-правовая компетентность является составляющей социальной компетентности и относится к сфере отношений индивида и права. Формирование социально-правовой компетентности у школьников является одним из эффективных путей, помогающих реализовывать задачи правовой социализации и нравственно-правового воспитания. Учеными подчеркивается, что наличие социально-правовой компетентности эффективно влияет на способность человека применять правовые знания для решения практических задач. Социально-правовая компетентность, по мнению исследователей, включает ряд компетенций, обеспечивающих успешное функционирование человека в современном обществе. Они сходятся во мнении, что социальная и правовая компоненты взаимосвязаны и взаимозависимы. Эта зависимость исторически обусловлена и непосредственно связана с развитием общества, которое невозможно без освоения социальных и правовых норм.

Наша позиция согласуется с мнением В.Н. Куницына[1], который в качестве ключевых социальных компетенций выделяет: знания о социальной действительности и о себе, систему сложных социальных умений и навыков взаимодействия, сценариев поведения в типичных социальных ситуациях, позволяющих быстро и адекватно адаптироваться, принимать решения и др., а также с позицией И.Д. Фрумина[2], включающего в неё: осознание человеком необходимости принятия норм конкретного социума, необходимости расширения имеющихся социальных навыков; готовность к принятию личной ответственности за собственный выбор определенной линии поведения в ситуации социального взаимодействия, наличие широты социального опыта, основанного на принципах конструктивного общения.

[1] Куницына В.Н. Психология общения. Энциклопедический словарь. «Когито-центр», 2011. С. 93.

[2] Фрумин И.Д. Интеллектуальная нищета высоких стремлений. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/07/13/1266642291/frumin.pdf.

Социальная компетентность личности формируется в ходе активной поведенческой стратегии, при которой человек старается использовать все имеющиеся у него личностные ресурсы для поиска возможных способов эффективного разрешения проблемы.

Представляет интерес работа Е.В. Коблянской, которая рассматривает психологические составляющие социальной компетентности и выделяет: умение выбрать социальные ориентиры и организовать свою деятельность в соответствии с этими ориентирами. По мнению автора, социальная компетентность базируется на социально-психологической подготовленности личности, её социальной мобильности[1].

Многообразие подходов к вопросу определения правовых компетенций и путей их формирования содержится в трудах А.В. Коротун[2], О.А. Пановой[3], Н.Н. Сапрыкиной[4] и др. Правовая компетентность рассматривается учеными как интегральное свойство личности, основанное на признании правовых ценностей, отражающее её готовность и способность применить систему правовых знаний и умений в осуществлении социально-правовой деятельности.

Высоцкий Л.А. пишет о том, что правовая компетентность является объективной характеристикой личности и представляет совокупность полномочий, прав и обязанностей, которыми должен или может обладать человек[5].

В структуру социально-правовой компетентности ученые включают: мотивационно-ценностный, операционно-содержательный и эмоционально-волевой компоненты.

На наш взгляд, наиболее эффективным средством формирования социально-правовой компетентности современного школьника может стать проектная деятельность.

Термин «проектная деятельность» используется в современной литературе достаточно активно. Несмотря на это, анализ источников показал, что однозначной трактовки понятия не сложилось. Все интерпретации базируются на понятиях «проект» и «проектирование».

Исследователи характеризуют проектную деятельность как синтетическую (от греч. synthetikos – обобщенный, объединенный, комплексный), включающую несколько видов деятельности, однако каждый автор освещает лишь аспекты, относящиеся к узкой предметной области или виду профессиональной деятельности. Принимая за основу метод проектов (Дж. Дьюи[6], У. Килпатрик[7] и др.), авторы вкладывают в него более современное содержание, не раскрывая, а часто не осознавая психологических механизмов, обеспечивающих успешность проектной деятельности как таковой.

Изучение данного феномена показало, что проектная деятельность может рассматриваться как синтетический вид человеческой деятельности, включающий элементы ценностно-ориентационной, преобразовательной, познавательной и коммуникативной видов деятельности.

Акцентируя внимание на социально-правовом аспекте, мы поддерживаем мнение М.С. Кагана, который характеризует деятельность как историческое явление, которое возникает, меняется, совершенствуется вместе с развитием социальных отношений, которые она об-

[1] Коблянская Е.В. Психологические аспекты социальной компетентности: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.05. Санкт-Петербургский гос. ун-т. Санкт-Петербург, 1995.

[2] Коротун А.В. Формирование правовой компетенции у будущих социальных педагогов в процессе профессиональной подготовки: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Екатеринбург, 2010.

[3] Панова О.А., Формирование правовой компетентности педагогов современной школы: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.01. Акад. повышения квалификации и переподготовки работников образования. М., 2002.

[4] Сапрыкина Н.Н. Развитие правовой компетентности руководителя образовательного учреждения в системе повышения квалификации: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Оренбург, 1999.

[5] Высоцкий Л.А. Формирование правовой компетентности студентов колледжа на основе интегративно-модульных технологий обучения. Инновационные процессы в непрерывном образовании // Человек и образование. 2011. № 4 (29). URL: http://obrazovanie21.narod.ru/Files/2011-4_p105-109.pdf.

[6] Дьюи Дж. Демократия и образование / пер. с англ. М., 2000.

[7] Краля Н.А. Метод учебных проектов как средство активизации учебной деятельности учащихся: Учебно-методическое пособие / Под ред. Ю.П. Дубенского. Омск, 2005.

служивает и которые она же постоянно изменяет. По мнению автора, основная функция деятельности – обеспечение сохранения и непрерывного развития человеческого общества, так как существование и развитие общества есть условие бытия самого человека[1]. Именно деятельность создает условия для самореализации человека в системе общественных отношений, для реализации его социальных интересов; является источником и критерием научного познания, самопознания и саморазвития; обеспечивает познание и преобразование окружающего мира.

Проектная деятельность, в современном понимании, это не просто новый способ решения практических, в том числе образовательных задач, это абсолютно новый способ мышления и деятельности, возможность актуализировать личностный и социальный потенциал человека.

Анализируя ценностно-ориентационную составляющую проектной деятельности, мы отмечаем, что успешность проектной деятельности напрямую зависит от личной значимости, ценности процесса и результата деятельности. Ценность выступает в качестве основного мотива и стимула деятельности. Ценность выступает как механизм социальной регуляции поведения и деятельности человека, связана с социально-психологическим климатом общества (А.Г. Асмолов, В.Г. Асеев, Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк, Д.И. Фельдштейн и др.)[2]; отражает индивидуальное своеобразие личности, систему его убеждений (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Г. Риккерт, М. Рокич, П.А. Сорокин[3], А.Дж. Тойнби[4], О. Шпенглер[5] и др.).

Таким образом, проектная деятельность становится для человека способом выражения своего ценностного отношения к окружающему миру. А процесс и результат деятельности обретают личностный смысл. Ценность проектной деятельности определяется возможностью выразить личное отношение субъекта к окружающему миру, преобразовать его, сделать более совершенным. Следовательно, логичной становится связь проектной деятельности с преобразовательной.

Проектная деятельность направлена на изменение существующего или создание нового, того, чего прежде не существовало, т. е. преобразование, направленное на удовлетворение разнообразных потребностей как самого человека, так и окружающего мира.

По мнению С.Л. Рубинштейна[6], потребности человека являются исходными побуждениями его к деятельности. Исходя из положения о том, что потребности человека всегда социально обусловлены, А.Г. Здравомыслов[7], Л.П. Буева[8], А.Н. Самсин[9], Э. Фромм[10] в виде социальных потребностей выделяют:

– потребности «для себя» (осознаваемые субъектом как принадлежащие ему права);

– потребности «для других» (осознаваемые как обязанности).

В.А. Аверин по функциональной значимости выделяются следующие группы социальных потребностей:

– жизненно важные потребности, неудовлетворение которых приводит к ликвидации социального субъекта или революционному преобразованию социального института, в рамках которого происходит это удовлетворение;

---

[1] См.: Каган М.С. Человеческая деятельность: Опыт системного анализа. М., 1974.

[2] См.: Асмолов А.Г., Бурменская Г.В., Володарская И.А., Карабанова О.А., Салмина Н.Г. Культурно-историческая системно-деятельностная парадигма проектирования стандартов школьного образования // Вопросы психологии. 2007. № 4. С. 16-23.

[3] См.: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

[4] См.: Тойнби А.Дж. Постижение Истории. М., 1991.

[5] См.: Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.

[6] Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2000.

[7] Здравомыслов А.Г., Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.

[8] Буева Л.П. Человек: деятельность и общение. М., 1978.

[9] Самсин А.И. Социально-философские проблемы исследования потребностей: Монография. М., 1987.

[10] Фромм Э. Здоровое общество. В кн.: Психоанализ и культура. Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М., 1995.

– потребности, удовлетворение которых обеспечивает функционирование;

– социального субъекта в соответствии с социальными нормами, а также позволяет осуществляться эволюционному развитию социальных институтов;

– потребности, удовлетворение которых происходит на уровне минимальных социальных норм, что обеспечивает сохранение социального субъекта, но не его развитие;

– потребности, удовлетворение которых обеспечивает комфортные (для данного социокультурного пространства и социального времени) условия функционирования и развития[1].

Таким образом, проектная деятельность, направленная на удовлетворение материальных и нематериальных потребностей, стимулирует развитие новых социальных норм и правил взаимодействия, способствует саморазвитию личности, повышению её социальной активности.

Рассматривая познавательную составляющую проектной деятельности, мы акцентируем внимание на её потенциальных возможностях в формировании правовой культуры личности, включающей знания, ценности, мотивы, поведение.

Коммуникативная составляющая проектной деятельности заключается в возможности влияния партнеров на протекание познавательных процессов, заставляющем выходить за пределы «собственных» целей, мотивов, ситуаций, «общего фонда» знаний, смысловых образований (А.В. Брушлинский, А.М. Матюшкин, О.К. Тихомиров)[2].

Таким образом, проектная деятельность на современном этапе развития образования, может стать универсальным и эффективным средством формирования нового типа личности, способной успешно функционировать в интенсивно меняющихся социальных условиях, с высоким личностным, социальным и правовым потенциалом.

Осуществляя описание практического опыта формирования социально-правовых компетенций у школьников в процессе проектной деятельности, мы акцентируем внимание на нескольких аспектах.

Проектная деятельность дает возможность актуализировать личностный потенциал обучающегося, повышает уровень его субъектности (собственной активности) в приобретении новых знаний и опыта, идет от потребностей и интересов самого школьника, стимулирует его самостоятельность.

Результатом проектной деятельности школьников стала разработка ряда исследовательских и прикладных проектов социально-правовой направленности. Кратко опишем некоторые из них.

Исследовательский проект «Социально-правовые компетенции современного школьника». Актуальность проекта заключалась в том, что по оценке экспертов, в качестве которых выступали авторы проекта, уровень правовой грамотности и социальной активности современных школьников достаточно низкий. Целью исследования стало определение причин сложившейся ситуации и разработка комплекса мероприятий, направленных на повышение уровня правовых знаний и социальной активности старшеклассников в реализации и защите своих прав.

Использование цифровых и информационно-коммуникационных технологий позволило выявить уровень правовых знаний старшеклассников в области защиты прав несовершеннолетних и известных им способов защиты в случаях их нарушения. Результатом проекта стала разработка памяток и буклетов для школьников, с информацией об учреждениях и организациях, оказывающих социально-правовую помощь несовершеннолетним, оказавшимся в трудной жизненно ситуации.

Прикладной проект «Моя семья – моя крепость», был направлен на повышение уровня правовых знаний школьников и их родителей посредством проведения ряда мероприятий

[1] Аверин А.Н. Социальная политика и социальная ответственность предприятия. М., 2008.

[2] Брушлинский А.В., Тихомиров О.К. О тенденциях развития современной психологии мышления // Национальный психологический журнал. 2013. № 2 (10). С. 10-16. URL: http://npsyj.ru/articles/detail.php?article=4654.

социально-правового характера: родительское собрание с детьми «О семейном насилии и способах его предотвращения», «Семья – ячейка общества», «О правах детей и их родителей», «Школьный буллинг и как с ним бороться».

Результатом реализации проекта стало создание детско-родительского интернет-сообщества (группа в социальных сетях), куда могут обратиться за правовой и другой помощью дети, подвергшиеся насилию или их родители.

Участники проекта самостоятельно определяли время и формы проведения исследовательской работы, планировали и оценивали результат.

Участники проекта проявили высокую активность в поиске и обработке информации, научились работать в команде, изменили своё отношение к различным социальным проблемам.

Высокая оценка результатов проекта убедительно доказывает, что проектная деятельность не только новая форма организации учебно-воспитательного процесса, но и, в первую очередь, средство социального воспитания и формирования ценностного отношения к правовым и социальным нормам.

Список литературы

1. Аверин А.Н. Социальная политика и социальная ответственность предприятия. – М.: Издательство «АльфаПресс», 2008. – 96 с.
2. Асмолов А.Г., Бурменская Г.В., Володарская И.А., Карабанова О.А., Салмина Н.Г. Культурно-историческая системно-деятельностная парадигма проектирования стандартов школьного образования // Вопросы психологии. 2007. № 4. С. 16–23.
3. Брушлинский А.В., Тихомиров О.К. О тенденциях развития современной психологии мышления // Национальный психологический журнал – 2013. – №2(10) – с.10-16.http://npsyj.ru/articles/detail.php?article=4654
4. Буева Л.П. Человек: деятельность и общение. М., 1978.
5. Высоцкий Л.А. Формирование правовой компетентности студентов колледжа на основе интегративно-модульных технологий обучения, Инновационные процессы в непрерывном образовании, Человек и образование № 4 (29) 2011, http://obrazovanie21.narod.ru/Files/2011-4_p105-109.pdf
6. Дьюи Дж. Демократия и образование / пер. с англ. М.: Педагогика-пресс, 2000.
7. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М. Политиздат, 1986.
8. Каган М.С. Человеческая деятельность: Опыт системного анализа. – М., 1974
9. Коблянская Е.В. Психологические аспекты социальной компетентности: автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.05 / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 1995. – 16 с.
10. Коротун А.В. Формирование правовой компетенции у будущих социальных педагогов в процессе профессиональной подготовки [Текст]: дис. ...канд. пед. наук: 13.00.08 / А.В. Коротун. – Екатеринбург, 2010. – 279 с.
11. Краля Н.А. Метод учебных проектов как средство активизации учебной деятельности учащихся: Учебно-методическое пособие / Под ред. Ю.П. Дубенского. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – 59 с.
12. Куницына В.Н. Психология общения. Энциклопедический словарь. Издательство Когито-центр, 2011. стр. 93.
13. Панова О.А. Формирование правовой компетентности педагогов современной школы [Текст]: автореф. дис. канд. пед. наук: 13.00.01 /О. А. Панова; Акад. повышения квалификации и переподготовки работников образования. – М., 2002. – 22 с.
14. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии – СПб: Издательство «Питер», 2000 – 712 с.
15. Самсин А.И. Социально-философские проблемы исследования потребностей: Моногр. – М.: Высш. шк., 1987. – 159 с.
16. Сапрыкина Н.Н. Развитие правовой компетентности руководителя образовательного учреждения в системе повышения квалификации [Текст]: дис. ...канд. пед. наук: 13.00.08 / Н. Н. Сапрыкина. – Оренбург, 1999. – 175 с.
17. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. 1992.
18. Тойнби А.Дж. Постижение Истории. М., 1991
19. Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура. Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М.: Юристъ, 1995
20. Фрумин И.Д. Интеллектуальная нищета высоких стремлений http://ecsocman.hse.ru/data/2012/07/13/1266642291/frumin.pdf
21. Шпенглер О., Закат Европы. М., 1993.

List of references

1. Averin A. N., *Sotsial'naya politika i sotsial'naya otvetstvennost' predpriyatiya. — M.: Izdatel'stvo «Al'fa-Press»* [Social policy and social responsibility of the enterprise]. – M .: Publishing house "AlfaPress", 2008. – 96 p.

2. Asmolov A.G., Burmenskaya G.V., Volodarskaya I.A., Karabanova O.A., Salmina N.G. *Kul'turno-istoricheskaya sistemno-deyatel'nostnaya paradigma proyektirovaniya standartov shkol'nogo obrazovaniya // Voprosy psikhologii.* [The cultural-historical system-activity paradigm of designing school education standards] // Psychology Issues. 2007. No. 4. P. 16–23.

3. Brushlinsky A.V., Tikhomirov O.K. *O tendentsiyakh razvitiya sovremennoy psikhologii myshleniya // Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal* [On the development trends of modern psychology of thinking // National Psychological Journal] – 2013. – No. 2 (10) – p.10-16.http: //npsyj.ru/articles/detail.php? Article = 4654

4. Bueva L.P. *Chelovek: deyatel'nost' i obshcheniye* [Man: activity and communication]. M., 1978.

5. Vysotsky LA, *Formirovaniye pravovoy kompetentnosti studentov kolledzha na osnove integrativno-modul'nykh tekhnologiy obucheniya, Innovatsionnyye protsessy v nepreryvnom obrazovanii, Chelovek i obrazovaniye № 4* [Formation of the legal competence of college students on the basis of integrative-modular teaching technologies, Innovative processes in continuing education, Man and education] No. 4 (29) 2011, http://obrazovanie21.narod.ru/Files/2011 -4_p105-109.pdf

6. Dewey, J., *Demokratiya i obrazovaniye / per. s angl. M.: Pedagogika*-press [Democracy and Education] / trans. from English M .: Pedagogy-press, 2000.

7. Zdravomyslov AG, *Potrebnosti. Interesy. Tsennosti*. [Needs. Interests Values]. – M. Politizdat, 1986.

8. Kagan M.S., *Chelovecheskaya deyatel'nost': Opyt sistemnogo* analiza [Human activity: the experience of system analysis]. – M., 1974

9. Koblyanskaya E.V. *Psikhologicheskiye aspekty sotsial'noy kompetentnosti : avtoreferat dis. ... kandidata psikhologicheskikh nauk : 19.00.05 / Sankt-Peterburgskiy gos. un-t. – Sankt-Peterburg,* [Psychological aspects of social competence: abstract of thesis. ... of the candidate of psychological sciences: 19.00.05 / St. Petersburg state. un-t – St. Petersburg], 1995 .– 16 p.

10. Korotun A. V. *Formirovaniye pravovoy kompetentsii u budushchikh sotsial'nykh pedagogov v protsesse professional'noy podgotovki [Tekst]: dis. ...kand. ped. nauk: 13.00.08 / A.V. Korotun* [Formation of legal competence in future social educators in the process of vocational training [Text]: dis. ... cand. ped Sciences: 13.00.08 / A.V. Korotun]. – Yekaterinburg, 2010 .– 279 p.

11. Kralya NA. *Metod uchebnykh proyektov kak sredstvo aktivizatsii uchebnoy deyatel'nosti uchashchikhsya: Uchebno-metodicheskoye posobiye / Pod red. YU.P. Dubenskogo* [The method of educational projects as a means of enhancing the educational activities of students: a teaching aid / Ed. Yu.P. Dubensky. – Omsk: Publishing House of Omsk State Universit]y, 2005 .– 59 p.

12. Kunitsyna V.N. *Psikhologiya obshcheniya. Entsiklopedicheskiy slovar'. Izdatel'stvo Kogito-tsentr,* [Psychology of communication. Encyclopedic Dictionary. Kogito-Center Publishing House], 2011. p. 93.

13. Panova O. A. *Formirovaniye pravovoy kompetentnosti pedagogov sovremennoy shkoly [Tekst]: avtoref. dis. kand. ped. nauk: 13.00.01 /O. A. Panova; Akad. povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki rabotnikov obrazovaniya* [Formation of the legal competence of teachers of the modern school [Text]: author. dis. Cand. ped Sciences: 13.00.01 / O. A. Panova; Acad. advanced training and retraining of educators]. – M., 2002 .– 22 p.

14. Rubinstein S. L. *Osnovy obshchey psikhologii – SPb: Izdatel'stvo «Piter*» [Fundamentals of General Psychology – St. Petersburg: Publishing House "Peter"], 2000 – 712 p.

15. Samsin A.I. *Sotsial'no-filosofskiye problemy issledovaniya potrebnostey: Monogr. — M.: Vyssh. shk.* [Sociophilosophical problems of needs research: Monograph. – M .: Higher. School]., 1987 .– 159 p.

16. Saprykina N. N. *Razvitiye pravovoy kompetentnosti rukovoditelya obrazovatel'nogo uchrezhdeniya v sisteme povysheniya kvalifikatsii [Tekst]: dis. ...kand. ped. nauk: 13.00.08 / N. N. Saprykina.* [Development of legal competence of the head of an educational institution in a continuing education system [Text]: dis. ... cand. ped Sciences: 13.00.08 / N.N. Saprykina. – Orenburg], 1999 .– 175 p.

17. Sorokin P. A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. 1992.

18. Toynbee A. J. Zdorovoye obshchestvo. V kn.: Psikhoanaliz i kul'tura. Izbrannyye trudy Karen Khorni i Erikha Fromma. M.: Yurist" [Comprehension of History]. M., 1991.

19. Fromm E. [Healthy Society. In: Psychoanalysis and Culture. Selected Works by Karen Horney and Erich Fromm. M.: Lawyer], 1995.

20. Frumin .ID., *Intellektual'naya nishcheta vysokikh stremleniy* [Intellectual poverty of high aspirations] http://ecsocman.hse.ru/data/2012/07/13/1266642291/frumin.pdf.

21. Spengler O., Sunset of Europe. M., 1993.

УДК 342.5

Анна Владимировна Липунцова,
начальник отдела корпоративных коммуникаций,
доцент кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
E-mail: Anna-lipuncova@yandex.ru

Anna Vladimirovna Lipuntsova,
head of corporate communications Department,
associate Professor of constitutional and international law
Derzhavin Tambov State University

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Данная статья посвящена рассмотрению основных направлений реформирования государственного контроля в Российской Федерации. Автором анализируется приоритетная программа «Реформа контрольной и надзорной деятельности», а также ход ее проведения. Отмечается, что в рамках данной реформы предстоит разработать систему управления рисками в контрольно-надзорной деятельности, систему профилактики правонарушений и механизмы оценки результативности и эффективности данного вида деятельности, а также исключить избыточные, устаревшие и дублирующие обязательные требования, использующиеся при проверках. В исследовании особое внимание уделяется проблемным вопросам внедрения и реализации механизма «регуляторной гильотины». Автором предложены меры, направленные на повышение эффективности и результативности контрольно-надзорной деятельности, которые могут быть использованы как органами законодательной власти, так и исполнительной в их практической деятельности.

Ключевые слова: контроль, органы государственной власти, государственный контроль, регуляторная гильотина, реформа контрольной и надзорной деятельности.

STATE CONTROL AT THE PRESENT STAGE OF REFORM

This article is devoted to the main directions of reforming state control in the Russian Federation. The author analyzes the priority program «Reform of control and supervision activities», as well as the progress of its implementation. It is noted that within the framework of this reform, it is necessary to develop a risk management system in control and supervision activities, a system of crime prevention and mechanisms for assessing the effectiveness and efficiency of this type of activity, as well as to eliminate redundant, outdated and duplicate mandatory requirements used in inspections. The study focuses on the problematic issues of implementation and implementation of the mechanism of «regulatory guillotine». The author proposes measures aimed at improving the efficiency and effectiveness of control and supervision activities, which can be used by both legislative and Executive authorities in their practical activities.

Keywords: control, public authorities, state control, regulatory guillotine, reform of control and Supervisory activities.

В 2016 году в Российской Федерации президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам был утвержден паспорт приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности»[1]. Согласно данной программе реализация мероприятий, связанных с реформированием контроля и надзора в нашей стране, должна быть осуществлена до 2025 года включительно.

В рамках программы планируется внедрение в практику следующих проектов и мероприятий:

[1] Реформа контрольной и надзорной деятельности: паспорт приоритетной программы (приложение к протоколу президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 21.12.2016 № 12) (ред. от 30.05.2017) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2019).

– риск-ориентированного подхода при осуществлении контрольно-надзорной деятельности;

– системы оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности;

– систематизации, сокращения количества и актуализации обязательных требований;

– системы комплексной профилактики нарушений обязательных требований;

– эффективных механизмов кадровой политики в деятельности контрольно-надзорных органов;

– системы предупреждения и профилактики коррупционных проявлений в контрольно-надзорной деятельности;

– автоматизации контрольно-надзорной деятельности;

– повышения качества реализации контрольно-надзорных полномочий на региональном и муниципальном уровнях.

Отметим, что по каждому из направлений органами государственной власти проводится активная работа по совершенствованию контрольных и надзорных мероприятий, о чем свидетельствуют представляемые доклады и результаты мониторинга внедрения представленных проектов. Согласимся с мнением Д.В. Шепелева, который, анализируя проблемы повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности в России, приходит к выводу, что «данная реформа имеет важное значение для всей действующей системы государственного управления, т. к. ее аспекты затрагивают деятельность большого количества органов исполнительной власти»[1].

Вместе с тем, на наш взгляд, анализ практики реализации приоритетной программы позволяет выявить ряд задач, которые еще предстоит решить.

Так, в рамках направления по внедрению риск-ориентированного подхода применение данного механизма при плановых проверках не всегда приводит к снижению административной нагрузки, поскольку зачастую большинство объектов (субъектов) попадают в среднюю категорию риска и для них режим проверок не меняется. Также можно констатировать, что не в полной мере удалось связать использование риск-ориентированного подхода с оценкой критериев показателей эффективности деятельности. В этой связи видится целесообразным привести к единому знаменателю данные критерии, которые носят разнообразный характер, определить четкие параметры оценки и формализовать отдельные компоненты данного вида деятельности.

В рамках направления по предупреждению и профилактике коррупционных проявлений в контрольно-надзорной деятельности профилактические мероприятия зачастую носят формальный характер, не находит своего отражения дифференцированный подход к профилактическим мероприятиям в зависимости от особенностей подконтрольной среды. Считаем, что необходимо усовершенствовать методические рекомендации по оценке коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции[2], в частности, предусмотреть в них внедрение механизмов по минимизации и исключению данных рисков, основанных на современных цифровых технологиях.

В рамках направления по оценке результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности на практике вызывает затруднение расчет материального ущерба охраняемым законом ценностям, что обусловлено спецификой подконтрольной сферы,

[1] Шепелев Д.В. Проблемы повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации в контексте реализации функций государства // Право и государство: теория и практика. 2019. № 7 (175). С. 57.

[2] Методические рекомендации по оценке коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции (утв. протоколом заседания проектного комитета от 13.07.2017 г. № 47 (7)) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2019).

а также отсутствием соответствующих методик, в результате чего показатели результативности и эффективности разработаны не по всем видам контроля[1]. Таким образом, первоочередной задачей органов государственной власти, наделенных контрольными полномочиями, является разработка методик по всем видам контроля.

Вместе с тем отметим, что на сегодняшний день важнейшим механизмом, способствующим оптимизации государственного контроля, является «регуляторная гильотина», подразумевающая под собой инвентаризацию, систематизацию и отмену действующих и обязательных норм, которые на данный момент потеряли свою актуальность в связи с развитием современных технологий. В связи с этим на государственном уровне разработан план мероприятий («дорожная карта») по реализации механизма «регуляторной гильотины» во исполнение поручения Президента России по реализации Послания Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 года (№ Пр-294 от 27 февраля 2019 года, подпункт «б» пункта 3)[2]. К 1 января 2021 года весь массив норм, устанавливающих обязательные требования, должен быть полностью заменен на новые, что, с одной стороны, позволит существенно сократить административную нагрузку на подконтрольных субъектов, а с другой – повысить уровень безопасности охраняемых правоотношений.

Изучение данного современного инструмента государственного управления находит свое отражение и в научных трудах. Так, А.Б. Дидикин отмечает, что «одним из механизмов рационального сочетания экономических и правовых средств совершенствования государственного управления является регуляторная гильотина»[3].

Н.В. Козлова, рассматривая институт оценки регулирующего воздействия, подразумевает под «регуляторной гильотиной» следующее: «одно из направлений национального проекта “улучшения условий ведения предпринимательской деятельности”, которое предусматривает масштабную работу с действующим законодательством, а именно его анализ, переработку, признание недействующими нормативно-правовых актов не соответствующих современным реалиям»[4].

Отметим, что внедрение данного механизма предполагает: построение новой системы обязательных требований, соответствующих современному уровню технологического развития и риск-ориентированному подходу, а также установление детальных правил, относящихся к организации контрольно-надзорной деятельности. На данный момент осуществляется разработка федеральных законов «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и «Об обязательных требованиях», которые станут правовой основой «новой» системы государственного контроля в стране. При этом для каждой сферы общественных отношений также проводится работа по согласованию нормативного регулирования, включая проекты федеральных законов и подзаконных актов.

На наш взгляд, важно подчеркнуть, что участниками проекта «регуляторной гильотины» выступают не только органы государственной власти, коих на данный момент 39, но и представители общественности и бизнеса, входящие в более чем 40 отраслевых рабочих групп, которые оценивают соответствующие проекты нормативных правовых актов и дают комментарии по их доработке, а также правительственная комиссия по проведению данной

[1] Как внедряются новые практики госконтроля [Электронный ресурс]. Контроль-надзор. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/11.12_%D0%9F%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F_%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%8C_2018.pdf (дата обращения: 11.09.2019).

[2] План мероприятий («дорожная карта») по реализации механизма «регуляторной гильотины» (утв. Правительством РФ 29.05.2019 № 4714п-П36) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2019).

[3] Дидикин А.Б. «Регуляторная гильотина» в механизме взаимодействия российского государства и общества // Академик. 2019. № 2. С. 10.

[4] Козлова Н.В. Развитие института оценки регулирующего воздействия: введение механизма «регуляторной гильотины» // Академик. 2019. № 2. С. 16.

административной реформы, которая разрешает возникающие разногласия и в целом координирует деятельность в данном направлении.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что реформа государственного контроля приобретает в нашей стране масштабный характер, что обусловлено многими факторами: развитием экономики, внедрением цифровых технологий во все сферы жизни общества и государства, глобализационными процессами. Сегодня поставлены четкие задачи по построению новой, современной, эффективной системы государственного контроля, направленной на снижение социально значимых рисков. На наш взгляд, в данном аспекте важное значение имеет развитие концепции «регуляторной гильотины», которая выступает одним из ключевых инструментов для повышения результативности контрольных мероприятий.

Список литературы

1. Дидикин А.Б. «Регуляторная гильотина» в механизме взаимодействия российского государства и общества // Академик. – 2019. – № 2. – С. 10-15.

2. Как внедряются новые практики госконтроля [Электронный ресурс]. Контроль-надзор. – URL: file:///C:/Users/user/Downloads/11.12_%D0%9F%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F_%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%8C_2018.pdf (дата обращения: 11.09.2019).

3. Козлова Н.В. Развитие института оценки регулирующего воздействия: введение механизма «регуляторной гильотины» // Академик. – 2019. – № 2. – С. 16-19.

4. Шепелев Д.В. Проблемы повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации в контексте реализации функций государства // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 7 (175). – С. 57–60.

List of references

1. Didikin A.B. «Regulyatornaya gil'otina» v mekhanizme vzaimodeystviya rossiyskogo gosudarstva i obshchestva [“Regulatory guillotine” in the mechanism of interaction between the Russian state and society] // Academic– 2019. – No. 2. – pp. 10-15.

2. *Kak vnedryayutsya novyye praktiki goskontrolya [Elektronnyy resurs]*. *Kontrol'*-nadzor [How are new state control practices being implemented] [Electronic resource]. Control supervision. – URL: file: /// C: /Users/user/ Downloads/11.12_%D0%9F%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D1% 8F_% D0% B3% D0% BE% D1% 81% D0% BA% D0% BE% D0% BD% D1% 82% D1% 80% D0% BE% D0% BB% D1% 8C_2018.pdf (accessed September 11, 2019).

3. Kozlova N.V. *Razvitiye instituta otsenki reguliruyushchego vozdeystviya: vvedeniye mekhanizma «regulyatornoy gil'otiny»* [The development of the institute of regulatory impact assessment: the introduction of the mechanism of "regulatory guillotine"]// Academic– 2019. – No. 2. – pp. 16-19.

4. Shepelev D.V. *Problemy povysheniya effektivnosti kontrol'no-nadzornoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii v kontekste realizatsii funktsiy gosudarstva // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Problems of increasing the effectiveness of control and supervision in the Russian Federation in the context of the implementation of the functions of the state] // Law and State: Theory and Practice. – 2019. – No. 7 (175). – pp. 57–60.

УДК 343.01

Елена Геннадьевна Михина,
преподаватель, кафедра уголовного права и процесса,
Институт права и национальной безопасности, ТГУ им. Г.Р. Державина,
кандидат юридических наук
E-mail: mikhina.elena2017@yandex.ru

Elena Gennadievna Mikhina,
lecturer, Department of criminal law and process,
Institute of law and national security, TSU G.R. Derzhavina,
candidate of jurisprudence

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ – ДРАЙВЕР ТРАНСФОРМАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА. ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

На современном этапе национальные проекты выступают драйвером развития федерального и регионального законодательства. Они создают новые векторы нормотворческой деятельности, служат мощным стимулом трансформации документов нормативно-технического характера, бюджетной и налоговой сфер. Государство вкладывает триллионы рублей в национальные проекты и рассчитывает на рост инвестиционной активности бизнеса. Настроение бизнеса диссонирует с планами Правительства Российской Федерации. Инвесторы ожидают либерализации уголовного законодательства и реформ правоохранительной системы.

Ключевые слова: национальные проекты, драйвер, совершенствование законодательства, уголовная ответственность, инвестиции.

NATIONAL PROJECTS – THE DRIVER OF TRANSFORMING FEDERAL AND REGIONAL LEGISLATION. PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY

At the present stage national projects are the driver of development of federal and regional legislation. They create new vectors of standard-setting activity, serve as a powerful incentive for transforming documents of a normative and technical character, budget and tax spheres. The state invests trillions of rubles in national projects and expects growth in investment activity of the business. The mood of business is discordant with the plans of the Government of the Russian Federation. Investors expect liberalization of the criminal law and reform of the law enforcement system.

Keywords: national driver projects, improvement of legislation, criminal liability, investments.

Президентом Российской Федерации поставлена задача к 2024 году реализовать национальные проекты по 12 направлениям стратегического развития. Исполнение национальных проектов подразумевает не просто увеличение бюджетных расходов, но и внедрение новых технологий, реформы нормативного и административного регулирования и контроля, изменение структуры ряда отраслей.

На выполнение национальных проектов в 2020-2022 гг. будет выделено около 7 трлн рублей. Общий объем финансирования за 2019-2024 гг. превысит 25,7 трлн руб.[1]

Принимая во внимание действующий в России программный принцип формирования расходов бюджетов всех уровней, достижение намеченных руководством страны целей и задач выполняется посредством разработки федеральных и региональных программ.

Масштабная трансформация законодательства, обусловленная национальными проектами, уже началась. 24 декабря 2018 года Правительство России определило цели и задачи на период до 2024 года, разработаны и утверждены паспорта.

[1] Правительство Российской Федерации. Официальный сайт. URL: http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OOwAt2dzCIAietQih.pdf.

Реализацию 12 национальных проектов обеспечивают 78 федеральных программ, которые утверждены в виде нормативных актов.

В субъектах Российской Федерации приняты региональные программы.

Как следует из стенограммы заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 года[1], по состоянию на декабрь 2018 года в Кировской и Калининградской областях, Татарстане и Пермском крае было утверждено по 47 региональных проектов, в Томской области – 55 проектов, в Новосибирской – 56.

Таким образом, количество только программных документов федерального и регионального уровня составляет несколько сотен.

Особенности бюджетного законодательства обуславливают дальнейший рост правовой базы в геометрической прогрессии.

Доведение средств из федерального бюджета в регионы осуществляется посредством межбюджетных трансфертов, в том числе в виде субсидий.

В силу ст. 130 Бюджетного кодекса Российской Федерации[2] правила предоставления и распределения межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов устанавливаются Правительством Российской Федерации. Аналогичные требования содержит статья 139 БК РФ, обязывающая органы государственной власти субъектов до начала процесса субсидирования нормативно определить уровень софинансирования и общие требования к распределению межбюджетных субсидий.

Для предоставления субсидий юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям (ст. 78 БК РФ) необходимо принятие документов, определяющих порядок отбора получателей, условия предоставления и возврата государственной поддержки.

С учетом изложенного, можно сделать вывод, что на современном этапе государственно-правового развития национальные проекты выступают в качестве мощного источника трансформации федерального и регионального законодательства.

Модификация не ограничивается только программными документами.

Федеральным законом от 02.08.2019 № 307-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации»[3] в целях совершенствования межбюджетных отношений расширены полномочия Минфина России, изменен порядок распределения и предоставления межбюджетных трансфертов бюджетам субъектов Российской Федерации, введено «предварительное» согласование с субъектами Российской Федерации правил и проектов распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, установлена обязательность включения ассигнований, предусматривающих компенсацию снижения доходов.

Знаковым документом, создающим механизм персональной ответственности руководителей регионов в случае не достижения задач и целей национальных проектов, следует считать Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2019 № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»[4].

---

[1] Правительство Российской Федерации. Официальный сайт. URL: http://government.ru/news/35168.

[2] Бюджетный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.98 № 145-ФЗ (ред. от 22.10.2014) // Собрание законодательства РФ.2014. №43. ст. 5795.

[3] Федеральный закон от 02.08.2019 № 307-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования межбюджетных отношений» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4466.

[4] Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2019 № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 17. Ст. 2078.

В число параметров оценки включены 15 критериев: уровень доверия к власти, количество высокопроизводительных мест во внебюджетном секторе, численность средних и малых предприятий и индивидуальных предпринимателей, производительность труда в несырьевых секторах, уровень реальной зарплаты, объем инвестиций в основной капитал, уровень бедности, доля автомобильных дорог, находящихся в нормативном состоянии и др. Перечисленные параметры оценки деятельности губернаторов созвучны с основными целевыми индикаторами национальных проектов.

Изучение паспортов национальных проектов показывает, что каждый из них наряду с мерами организационного характера и программными мероприятиями предусматривает масштабное реформирование действующего законодательства.

Например, согласно паспорта проекта «Жилье и городская среда» (в его состав входят 4 федеральных программы), утвержденного президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 г., № 16), в рамках федеральной программы «Жилище» необходима актуализация, изменение и принятие около 500 нормативно-правовых и нормативно-технических документов:

– внесение изменений в Правила предоставления и распределения субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации на развитие жилищного строительства;

– актуализация до 01.02.2021 не менее 250 нормативно-технических документов в проектировании и строительстве, в том числе жилищном строительстве;

– принятие до 01.02.2022 не менее 130 нормативно-технических документов в строительной сфере;

– разработка и актуализация до 01.02.2021 порядка 100 стандартов продукции промышленности строительных материалов в целях повышения качества жилищного строительства;

– актуализация до 30.07.2021 нормативно-правовых документов градостроительного регулирования и планировки территории[1].

Подобная ситуация складывается в отношении всех национальных проектов, которые дают мощный импульс к трансформации и модернизации федерального и регионального законодательства.

В условиях больших объемов бюджетного финансирования в различные отрасли особую важность приобретают вопросы ответственности, в том числе уголовной, за недостижение целей и задач национальных проектов, не целевое расходование бюджетных средств, их хищение, в том числе путем обмана и злоупотребления доверием.

Анализ исполнения приоритетных национальных проектов в предшествующие периоды показал, что несмотря на высокий уровень администрирования, проекты реализовывались со значительным количеством нарушений федерального законодательства, которые выявлялись и пресекались органами прокуратуры: нецелевое и неэффективное расходование средств бюджета, несоблюдение условий субсидирования, заключение государственных контрактов при отсутствии лимитов бюджетных обязательств, мошеннические действия при получении субсидий, оплата в рамках государственных и муниципальных контрактов фактически не выполненных работ.

По сложившейся правоприменительной традиции правоохранительные органы в пределах своих полномочий активно сопровождают реализацию национальных проектов.

В 2019 году со стороны бизнес сообщества (деловой завтрак Сбербанка 07.06.2019 на Петербургском международном экономическом форуме, Гайдаровский форум 2019) звучат доводы о невозможности улучшения инвестиционного климата и инвестиционной активно-

[1] Правительство Российской Федерации. Официальный сайт. URL: http://static.government.ru/media/files/i3AT3wjDNyEgFywnDrcrnK7Az55RyRuk.pdf.

сти без кардинального реформирования системы управления и правоохранительных органов, которые оказывают необоснованно сильное давление на бизнес и используют процессуальные полномочия для вмешательства в хозяйственную деятельность, квалифицируют как преступления ошибки венчурных фондов, чем мотивируют необходимость реформирования правоохранительной системы и уголовного законодательства на условиях дальнейшей либерализации[1].

Действительно, реализация задуманного требует большого частного софинансирования. Из 25,7 трлн руб. средства федерального бюджета составят 13,1 трлн руб., 4,9 трлн руб. – средства региональных бюджетов, 7,5 трлн руб. – средства из внебюджетных источников, то есть около 30 % расходов по прогнозам Правительства должны профинансировать частные инвесторы.

Ускоренное развитие России за счет реализации национальных проектов требует активного вовлечения бизнеса, при этом предоставляя уникальные инвестиционные возможности. Национальные проекты выводят механизмы государственно-частного партнерства на новый уровень, формируя инфраструктуру для эффективного взаимодействия и масштабных проектов.

Однако настроение бизнеса диссонирует с планами Правительства Российской Федерации.

Проблеме выявления причин, препятствующих экономическому росту, посвящено исследование, проведенное Институтом экономики роста им. Столыпина П.А., разработавшим в рамках поручения Президента Российской Федерации от 14 июля 2016 г. № Пр-1347 Среднесрочную программу социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста»[2]. В приложении № 14 к данной программе «Реформа уголовного экономического законодательства» обозначены следующие системные проблемы: отсутствие единой государственной политики в уголовной сфере, использование уголовного процесса для коррупционного давления, обвинительный характер правосудия.

Для решения данных проблем предлагается декриминализовать часть деяний в экономической сфере, снизить санкции, ограничить проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Позиционируется, что данные либеральные изменения уголовного законодательства приведут к повышению доверия бизнеса и улучшению инвестиционного климата.

Изучение программы во взаимосвязи с исследованием судебной практики и данных о состоянии законности и правопорядка позволяют позиционировать приведенные выводы о системных проблемах уголовного законодательства как дискуссионные, а предложения считать исключительно бизнес ориентированными.

Государство слышит бизнес и учитывает его интересы, уголовная политика реализуется последовательно с учетом баланса всех разнонаправленных интересов в обществе.

Предприниматели уже поставлены в более привилегированное положение, чем другие субъекты: часть 1.1 статьи 108 УПК РФ устанавливает запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении экономических преступлений и мошенничеств в предпринимательской сфере[3]. Инвестиционная активность на протяжении нескольких последних лет остается стабильно низкой, но правильно ли винить в этом лишь правоохранительную систему, должно ли государство соглашаться на требования бизнеса о безусловной либерализации уголовной ответственности?

[1] Деловой завтрак Сбербанка. Новая экономическая повестка (НЭП): что, как, кто? Петербургский международный экономический форум 2019. Официальный сайт. URL: https://forumspb.com/news/news/delovoj-zavtrak-sberbanka-novaja-ekonomicheskaja-povestka-nep-chto-kak-kto.

[2] Среднесрочная программа социально-экономического развития России до 2025 г. «Стратегия роста». Институт экономики роста им. Столыпина. Официальный сайт. URL: http://stolypinsky.club/wp-content/uploads/2017/03/14.-UGOLOVKA-28.02.17-1.pdf.

[3] Воронцов С.А. О характере угроз национальной безопасности России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 3 (70). С. 92-95.

Изучение процессов, происходящих в финансово-экономической сфере, позволяет сделать вывод о наличии иных факторов, препятствующих инвестиционной активности: рост налогов, рост тарифов на услуги естественных монополий, высокая ставка рефинансирования и высокая процентная ставка кредитования бизнеса, снижение доходов населения и падение спроса на внутреннем рынке, низкая производительность труда.

В сложившейся ситуации, учитывая высокий уровень риска совершения коммерческими организациями противоправных посягательств на средства бюджетов, направленные на реализацию национальных проектов, вопрос о либерализации уголовной ответственности представляется преждевременным и не обусловленным правомерным и социально-ответственным поведением бизнес сообщества.

Список литературы

1. Воронцов С.А. О характере угроз национальной безопасности России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – № 3 (70). – С. 92-95.

List of references

1. Vorontsov S.A. *O kharaktere ugroz natsional'noy bezopasnosti Rossii // Nauka i obrazovaniye: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravleniye.* [On the nature of threats to the national security of Russia // Science and Education: Economics and Economics; entrepreneurship; law and management]. 2016. No 3 (70). pp. 92-95.

УДК 342.2

Ирина Геннадьевна Пирожкова,
доцент, кафедра «Конституционное и административное право»
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: 0_1_23456789@list.ru

Irina Gennadievna Pirozhkova,
Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law,
Federal state budgetary educational institution of higher education «Tambov state technical University»,
Ph. D. historical sciences and law, associate professor

КОНЦЕПТ СРЕДОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Статья посвящена анализу современных научных представлений о теоретическом и практическом симбиозе идей безопасности в архитектурно-градостроительной практике и криминологии. Междисциплинарность проблем обеспечения безопасности городской (жилой, производственной, общественной среды), широкой трактовки (обеспечение комфорта, общая превенция правонарушений) и узкой трактовки (предотвращение концертных видов правонарушений, обеспечение эффективности пресечения и расследования, архитектурная криминалистика) средовой безопасности. Сравниваются подходы специалистов-юристов, архитекторов и градостроителей. Актуализируется вопрос об историческом прошлом правового регулирования элементов средовой безопасности российского города. Суммируется научная литература последних лет, излагающая концепции средовой безопасности. Делается вывод о недостаточности разработок в этой сфере.

Ключевые слова: архитектурно-градостроительная теория, градостроительное законодательство, градостроительное право, криминология, криминалистика, средовая безопасность.

CONCEPT OF ENVIRONMENTAL SAFETY: CATEGORIAL APPARATUS AND MODERN CONDITION

The article is devoted to the analysis of modern scientific ideas about the theoretical and practical symbiosis of security ideas in architectural and urban planning practice and criminology. Interdisciplinarity of the problems of ensuring the safety of the urban (residential, industrial, public environment), wide interpretation (ensuring comfort, general prevention of offenses) and narrow interpretation (prevention of concert types of offenses, ensuring the effectiveness of suppression and investigation, architectural forensics) environmental safety. The approaches of lawyers, architects and urban planners are compared. The issue of the historical past of the legal regulation of the environmental security elements of the Russian city is becoming relevant. The scientific literature of recent years summarizing the concepts of environmental safety is summarized. The conclusion is made about the insufficiency of developments in this area.

Keywords: architectural and urban theory, urban legislation, urban law, criminology, forensics, environmental safety.

Такой сложный синтетический феномен как «город», развитие поселений, приобретение ими новых функций и ролей, развитие правовых основ его функционирования постоянно порождает возникновение новых областей научного знания, возникающих на стыке классических общественных наук. Наиболее полной и очень обширной областью, касающейся городоведения во всех его ипостасях, является урбанистика. В настоящее время на стыке областей криминологии, градостроительного права, градостроительной деятельности, теории реставрации, социальной урбанистики, социальной психологии возникает интересный феномен градостроительной криминологии.

Научный категориальный аппарат, составляющий данную область, только вырисовывается в современных исследованиях и представляет собой пеструю палитру терминов, не до конца определенных.

В русскоязычной научной периодике последнего времени в области архитектурно-градостроительных и криминолого-правовых исследований есть несколько обстоятельных публикаций, которые излагают анализ становления подходов к оценке средовых факторов безопасности современного города, они фактически составляют значительную часть историографии развития представлений об архитектурно-градостроительных факторах превенции противоправного поведения, его пресечения и раскрытию противоправных деяний. Так, А.М. Разогреева в изложении западных наработок делает акцент на средовую превенцию правонарушений, используя термины «защищенное пространство» и «защищающее пространство», а комплекс подходов к построению такого пространства – «средовое проектирование» («environmental design»), которое трактуется в контексте криминологии как «…набор ландшафтных, дизайнерских и технологических решений, которые работают на снижение возможности совершения преступления»[1].

Анализ концепций архитектурной криминологии с точки зрения специалистов-градостроителей архитекторов дан в современных публикациях через призму выделенных структур архитектурного проектирования безопасной среды: «территориальность, наблюдение и контроль доступа»[2]. В современной литературе, затрагивающей отечественный опыт реализации идей безопасного пространства, есть анализ отдельных его положений: административно-полицейского устройства внутригородских единиц[3], развитие правовой базы «умного города»[4], развитие идей психоэмоционального комфорта (безопасности) современного города[5].

Данная статья – это попытка разобраться в теоретико-исторических предпосылках развития идей средовой безопасности в российском праве. На сегодняшний момент исследование истории данного сюжета, представленного автором в рамках архитектурной криминологии, ограничивается выявленной обзорной статьей А.В. Ушанова[6].

Та область урбанистики, которая строится вокруг анализа средовых факторов безопасности города, постоянно расширяется, как в практической, так и теоретической плоскостях. В архитектурной практике сейчас разрабатываются и применяются криминалистические методики, стоящие не только на стыке криминологии и теории архитектурного проектирования, но охватывающие техническую методологию цифровизации. Так, например, возможно создание криминалистических инструментов в виде интерактивной картографической платформы, чтобы разместить на карте различные версии произошедшего социального конфликта (преступления)[7].

---

[1] Разогреева А.М. Предупреждение преступлений при помощи средового проектирования: защищающее пространство и защищенное пространство // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 706–716.

[2] Полянцева Е.Р., Янковская Ю.С. Сравнительный анализ концепций проектирования безопасной архитектурной среды // Вестник ТГАСУ. 2015. № 3. С.65-78.

[3] Каширина О.Н. Участковые пункты полиции и полицейские будки как средства профилактики правонарушений // Инновационная экономика и право. 2017. № 3 (8). С. 127-130.

[4] Желудков М.А. К вопросу о повышении эффективности реализации в России аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» при обеспечении защиты от корыстной преступности // Вестник экономической безопасности. 2018. № 4. С. 95-100; Янковская Ю.С., Полянцева Е.Р. Пространства ограниченного доступа: некоторые аспекты архитектурной типологии // Архитектура и современные информационные технологии. Международный электронный сетевой научно-образовательный журнал. 2016. № 4 (37). С. 116-126.

[5] Рябов О.Р. Эмоциональное восприятие городского пространства и его влияние на криминальную безопасность // Вестник ВЭГУ. 2015. № 3 (77). С. 43-49.

[6] Ушанов А.В. Полицейский надзор за исполнением градостроительного законодательства российской империи как фактор предупреждения правонарушений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. I. С. 215-218.

[7] Мировой опыт: Как архитекторы раскрывают преступления и нарушение прав человека [Электронный ресурс] URL: https://news.rambler.ru/other/39609424-mirovoy-opyt-kak-arhitektory-raskryvayut-prestupleniya-i-narushenie-prav-cheloveka/?updated (дата обращения 13.08.2019).

В научных и учебных работах употребляется термин средовые (архитектурные, градостроительные) факторы, кальки с английского («антикриминальный дизайн») в словосочетании с разными, хотя и родственными областями исследований: криминалистика и/или криминология. Полагаем, что возможны оба варианта, но термин «средовая (архитектурно-градостроительная) криминалистика» значительно уже, чем «средовая (…) криминология». Первый очевидным образом, исходя из общепринятого обозначения предмета криминалистики, будет включать в себя понятие о факторах, способствующих раскрытию преступлений (правонарушений), поимке правонарушителя, оценке доказательств обстоятельств правонарушения. Узкое понимание терминологии укладывается в просторечную популярную формулу, которая могла бы стать названием научно-популярного эссе – «как архитекторы (градостроители) раскрывают правонарушения».

Архитектурно-градостроительная средовая криминология значительно более широко и теоретично охватывает представление о факторах безопасности, уделяет особое внимания закономерностям, тенденциям девиантного асоциального поведения в целом в контексте сложившейся городской, жилой среды человека.

Понятия «архитектурно-градостроительные» и «средовые» факторы безопасности города также требуют уточнения. Среда и архитектурно-градостроительный абрис поселения соотносится как общее с частным. Городская среда включает в себя видимую, формализуемую средствами теории архитектурной науки и практики часть в виде художественных решений городских пространств, градостроительных планировочных решений. Помимо архитектурных и градостроительных изысканий, частями городской среды являются жилая, бытовая, производственная среда, среда человека, общественные пространства, которые его непосредственно окружают, создают базовый эмоциональный фон. Таким образом, использование данной терминологии должно конкретизировать факторы безопасности/небезопасности, образующие среду человека в целом.

Проблематика, возникающая на стыке архитектуры, права и криминологии не замыкается исключительно на вопросах снижения криминогенности городских территорий. Современные представления о гражданском обществе, правах человека формализуют к градостроителям требования создания пространств, необходимых для проявления массовых общественных настроений – «гайд парков» и иных мест, которые фиксируются соответствующим законодательством как «единые специально отведенные или приспособленные для коллективного обсуждения общественно значимых вопросов и выражения общественных настроений, а также для массового присутствия граждан для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера места»[1].

В текущей научно-популярно литературе, которая актуализируется в связи с эволюцией понимания безопасности средствами архитектуры и градостроительства, применяются самые разные комбинации указанных терминов, создающие иногда довольно парадоксальные, далекие от первоначальных, смыслы. Так, родовой термин «архитектура» может применяться в переносном значении, не имеющем отношения к заполнению физического пространства городов («архитектура сознания», «архитектура подчинения», «архитектура власти» и проч. – имеющий значение механизма, конструкции, внутреннего устройства перечисленных ментальных явлений). Интересным примером такого понимания является прямая речь исследователей современных пространств, измененных человеком, построенная на игре слов: что является «криминалистической архитектурой» или «архитектурной криминалистикой». Речь идет о визуализации средствами архитектуры властных решений относительно устройства городов, зачастую через коннотацию насилия (современное градостроительство представляет собой «циклы разрушения и реконструкции», политические жесты по строительству «раз-

[1] О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ (ред. от 11.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.

делительных стен»)[1]. Теория переплетения градостроительной деятельности человека и правовых основ государственной политики может рассматриваться как проявление властных отношений, отношений по поводу управления процессом трансформации города, т. е. приближается к существу понятия «градостроительная политика».

Необходимо также обозначить близкие смыслы, заложенные двумя концептами: средовые (архитектурно-градостроительные) факторы снижения криминогенности и средовые факторы безопасности. На практике зачастую данные смыслы взаимозаменяются, однако, составляющие безопасности значительно шире трактуются, так как включают в себя не только высокий уровень защиты от уличной преступности и совершения правонарушений в ходе эксплуатации городских объектов (дорог, объектов ЖКХ и другой городской инфраструктуры), но и качества городской среды, позволяющей трактовать ее как комфортную для проживания, с низкими потенциальными рисками санитарно-гигиенического, эргономического, эмоционально-психологического воздействия на человека.

Отметим, что такие идеи не новы для области теории и философии архитектуры, в российском научном пространстве они исследуются через призму семантики архитектуры, изучение общественного (политического, нравственного) дискурса, реализованного визуальными средствами, и не характерны для областей криминологии и криминалистики.

Особенностью историографии поднятых вопросов является почти полное отсутствие обращения исследователей к исторической части понимания проблем обеспечения безопасности средовыми факторами архитектуры. Специалисты во всех известным нам исследованиях подчеркивают, что понимание средовых факторов криминогенности, а тем более создания средового благополучия как фактора стабильности и снижения социальных конфликтов, начало проявляться в последние 20-30 лет в России, а на Западе связано с существованием градостроительной ситуации с геттоизацией отдельных крупных городов.

Долгое время занимаясь исследованиями истории градостроительного права и строительного законодательства, мы приходим к выводам, что многие конкретные механизмы градостроительного нормирования, апробированные, в частности, в Российской империи, имели зачатую своей целью создание безопасных пространств. Нам не известны нормативные акты, которые транслировали бы концептуальные основы подходов, характерных для архитектурной криминологии или криминалистики, «общая часть» градостроительного законодательства Российской империи вообще не была выделена, оно не содержит в себе терминов, определений, сформулированных принципов, иных универсалий. Однако практикоориентированные нормы градостроительного законодательства в сфере строительства, пожароохраны, архитектурного проектирования имели место. Анализ исторических и правовых предпосылок их формирования, а также конкретных форм градостроительных практик, выражавшихся в правовых предписаниях, запретах, рекомендациях и концептуальных нормах, которые составляли содержание «умного города» в формате стандартов Российской империи и советского государства, требует своего рассмотрения и анализа.

Список литературы

1. Желудков М.А. К вопросу о повышении эффективности реализации в России аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» при обеспечении защиты от корыстной преступности // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 4. – С. 95-100.

2. Каширина О.Н. Участковые пункты полиции и полицейские будки как средства профилактики правонарушений // Инновационная экономика и право. – 2017. – № 3 (8). – С. 127-130.

3. Полянцева Е.Р., Янковская Ю.С. Сравнительный анализ концепций проектирования безопасной архитектурной среды // Вестник ТГАСУ. – 2015. – № 3. – С. 65-78.

[1] «Новые возможности для обсуждения того, что составляет общественную правду». Архитектор Франческо Себрегонди рассказывает о своей работе на стыке урбанистики и криминалистики [Электронный ресурс] URL: https://zona.media/article/2017/07/03/strelka-francesco (дата обращения 13.08.2019).

4. Разогреева А.М. Предупреждение преступлений при помощи средового проектирования: защищающее пространство и защищенное пространство // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11. – № 4. – С. 706-716.

5. Рябов О.Р. Эмоциональное восприятие городского пространства и его влияние на криминальную безопасность // Вестник ВЭГУ. – 2015. – № 3 (77). – С. 43-49.

6. Ушанов А.В. Полицейский надзор за исполнением градостроительного законодательства российской империи как фактор предупреждения правонарушений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. – 2011. – № 5 (11): в 4-х ч. – Ч. I. – С. 215-218.

7. Янковская Ю. С., Полянцева Е.Р. Пространства ограниченного доступа: некоторые аспекты архитектурной типологии // Архитектура и современные информационные технологии. Международный электронный сетевой научно-образовательный журнал. – 2016. – № 4 (37). – С. 116-126.

List of references

1. Zheludkov M.A. *K voprosu o povyshenii effektivnosti realizatsii v Rossii apparatno-programmnogo kompleksa «Bezopasnyy gorod» pri obespechenii zashchity ot korystnoy prestupnosti // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti.* [On the issue of improving the efficiency of the implementation of the Safe City hardware-software complex in Russia while providing protection against mercenary crime // Economic Security Bulletin]. – 2018. – No. 4. – pp. 95-100.

2. Kashirina O.N. *Uchastkovyye punkty politsii i politseyskiye budki kak sredstva profilaktiki pravonarusheniy // Innovatsionnaya ekonomika i pravo* [Local police stations and police booths as a means of crime prevention // Innovative Economics and Law]. 2017. – No. 3 (8). – pp. 127-130.

3. Polyantseva E.R., Yankovskaya Yu.S. *Sravnitel'nyy analiz kontseptsiy proyektirovaniya bezopasnoy arkhitekturnoy sredy // Vestnik TGASU* [A comparative analysis of design concepts for a safe architectural environment // Vestnik TGASU]. – 2015. – No. 3 – pp.65-78.

4. Razogreeva A.M. *Preduprezhdeniye prestupleniy pri pomoshchi sredovogo proyektirovaniya: zashchishchayushcheye prostranstvo i zashchishchennoye prostranstvo // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal* [Crime Prevention Using Environmental Design: Protecting Space and Protected Space // All-Russian Criminological Journal]. – 2017. -v. 11. – No. 4. – pp. 706–716.

5. Ryabov O. R. *Emotsional'noye vospriyatiye gorodskogo prostranstva i yego vliyaniye na kriminal'nuyu bezopasnost' // Vestnik VEGU*. [The emotional perception of urban space and its impact on criminal security // VEGU Bulletin]. – 2015. – No. 3 (77). – pp. 43-49.

6. Ushanov A. V. *Politseyskiy nadzor za ispolneniyem gradostroitel'nogo zakonodatel'stva rossiyskoy imperii kak faktor preduprezhdeniya pravonarusheniy // Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki Tambov: Gramota.* [Police supervision of the implementation of the urban planning legislation of the Russian Empire as a factor in preventing offenses // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice Tambov: Diploma]. – 2011. – No. 5 (11): in 4 parts – Part I. – pp. 215-218.

7. Yankovskaya Yu.S., Polyantseva E.R. *Prostranstva ogranichennogo dostupa: nekotoryye aspekty arkhitekturnoy tipologii // Arkhitektura i sovremennyye informatsionnyye tekhnologii. Mezhdunarodnyy elektronnyy setevoy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal* [Spaces of limited access: some aspects of architectural typology // Architecture and modern information technologies. International electronic network scientific and educational journal]. – 2016. – No. 4 (37). – pp. 116-126.

УДК 342.2

Джасем Мустафа Ахмед Джасем,
аспирант, кафедра теории и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина
E-mail: mustafalawyer78@gmail.com

Jasem Mustafa Ahmed Jasem,
graduate student, Department of Theory and History of State and Law
of Tambov State University named after G.R. Derzhavina

ИСТОРИЯ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ПРАВО: СИМБИОЗ И ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

Статья посвящена анализу междисциплинарных связей градостроительного права, как комплексной отрасли, являющейся составной частью урбанистики – области городоведения, имеющей экономические, социальные, культурологические, технико-строительные основания. Через классические признаки отрасли права, выделенные в отечественной доктрине, постулируется наличие значительных исторических оснований правовых институтов градостроительного права, в том числе таких как наличие развитого систематизированного законодательства, прочных общественных отношений по поводу возведения, использования, реконструкции градостроительных объектов и благоустройства жилой, рекреационной и производственной среды, репрезентуемых в терминологическом аппарате, зафиксированным своевременным градостроительным законодательством. Обосновывается связь историко-градостроительных и историко-правовых исследований в области урбанистики и развитие теоретико-правовых концепций формирования и развития отраслей отечественного права.

Ключевые слова: архитектурно-градостроительная теория, градостроительное законодательство, градостроительное право, Градостроительный кодекс, Строительный устав.

HISTORY AND URBAN PLANNING LAW: SYMBIOSIS AND CONDITIONALITY

The article is devoted to the analysis of the interdisciplinary relations of urban planning law, as a complex industry, which is an integral part of urban studies – the field of urban studies, which has economic, social, cultural, technical and construction foundations. Through the classic features of the branch of law, highlighted in the domestic doctrine, the presence of significant historical foundations of legal institutes of urban planning law is postulated, including such as the presence of developed systematized legislation, strong public relations regarding the construction, use, reconstruction of urban facilities and the improvement of residential, recreational and the working environment, represented in the terminological apparatus recorded by timely urban planning Legislation. The connection between historical and urban planning and historical and legal research in the field of urban studies and the development of theoretical and legal concepts of the formation and development of domestic law branches are substantiated.

Key words: architectural and urban planning theory, urban planning legislation, urban planning law, urban planning code, building charter.

Объектом размышлений о связи между прошлым и современной градостроительной реальностью является взаимообусловленность теоретических и практико-ориентированных воззрений на историю формирования градостроительного права и градостроительной политики.

Эти связи двусторонни: как прошлое застройки обуславливает облик и трансформации современного городского пространства, так и современная градостроительная деятельность состоит не из одних только новаций, но опирается, во-первых, на традиции управления в градостроительстве, во-вторых, на сформировавшиеся архитектурно-градостроительные практики.

Симбиоз двух научных областей в самой широкой их интерпретации: истории и права рождают массу пересечений, объединенных термином «урбанистика».

Все проблемы урбанистики и ее исторического прошлого объединены и могут быть рассмотрены через призму градостроительного права как отрасли.

Основываясь на современных тенденциях расширения перечня как «традиционных» (фундаментальных и основных), так и «комплексных» отраслей российского права, считаем, что «если существует определенная сфера общественной жизни, достаточно обширная, обладающая ярко выраженной качественной спецификой и социальной значимостью, причем в данной сфере действует достаточно большое число правовых норм, в основном не вписывающихся ни в одну из традиционных отраслей права, но составляющих единую систему со своей внутренней структурой, собственными источниками, принципами и правовым режимом – то есть все основания ставить *вопрос о формировании новой отрасли права*»[1]. Этой отраслью является градостроительное право.

Максимально широким термином для обозначения всех исторических процессов формирования и становления городской жизни является термин городоведение – это межпредметная область знаний, учебная дисциплина, которая рассматривает город с позиций экономики, социологии, культуры, истории, искусствоведения (архитектуры, скульптуры), в основании которых лежат правовые методы регулирования общественных отношений[2].

Комплексная наука, которая изучает город – урбанистика – область комплексных знаний, связанных с функционированием и развитием городских центров, которое представлено несколькими узловыми направлениями: 1) композиционное развитие городов, эстетика города; 2) городская инфраструктура в экономическом, транспортном отношении, потенциал наращивания технических средств, обеспечивающих комфорт проживания в городе; 3) социальные городские проблемы, в истории отечественной урбанистики получившие обобщенное название «жилищный вопрос». Все три направления в разное время и по-разному регулировались нормативно.

Урбанистика, как научная дисциплина, стала обосабливаться в начале XX в. Несмотря на то, что городоведение имеет огромную историографию, созданную трудами исследователей самых разных сторон городского быта, ее современная проблематика неисчерпаема. Во-первых, потому что современные экономически развитые города в единстве своих нормативных, социальных и технических сторон обновляются чрезвычайно быстро. Во-вторых, градостроительная политика в ходе трансформации потребностей государства и общества концептуально меняется. Если говорить о частных, но от этого не теряющих значимости элементах градостроительной практики, таких как атрибуция и реставрация отдельных памятников архитектуры, формирование правовой базы какого-то достаточно узкого места строительной деятельности, имеющего нормативные лакуны, то обширность и пестрота возможных тем для исследователя не может быть переоценена.

Существует значительная специфика рассмотрения города в рамках различных дисциплин: социально-экономические процессы (например, интенсивность заселения, развитие деятельности городского населения) – изучает история; архитектурные формы города (стили, планировку) изучает история архитектуры, искусствоведение; «культурную среду», жилище человека, образы, которые возникают в связи с ними, – культурология.

Абсолютное большинство объективных проявлений городской среды имеют правовое регулирование. В связи с этим история урбанистики накопила огромный нормативный материал, имеет явную преемственность, связь с устоявшимися фундаментальными отраслями права. В теории права в последнее время выделяют комплексную отрасль – градостроительное право.

---

[1] Анисимов Ю.П., Юшкова Н.Г. Градостроительное право – новая отрасль в системе российского права // Право и политика. 2008. № 09. С. 2105-2113.

[2] Малкова И.Г. Основы междисциплинарного исследования социокультурного пространства города // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 122-126.

Отраслевая принадлежность того или иного нормативного акта может быть как очевидной, так и спорной. Квалификация градостроительных актов, как правило, дискуссионна. Споры по поводу их отраслевой принадлежности восходят к общетеоретическим правовым дискуссиям о критериях построения системы российского права. Классическая постановка вопроса о разграничении отраслей по критерию предмета и метода правового регулирования была осуществлена еще после первой и второй дискуссий о системе права в 40-50-х годах XX века. Определенным результатом этой дискуссии выступила классическая классификация С.С. Алексеева, предложившего трехчленную структуру оснований выделения отраслей права: фундаментальные отрасли, другие основные отрасли, вторичные комплексные образования[1]. Для комплексной отрасли права не предусматривалось собственного метода правового регулирования.

Суммируя исследование основ градостроительных (строительных) норм на основе разнообразных подходов, приходим к выводу о формировании следующих отраслеобразующих признаков градостроительного права:

1) Наличие комплекса своеобразных, качественно однородных, имеющих социальную значимость общественных отношений в определенной сфере жизнедеятельности.

В качестве такой сферы жизнедеятельности выступает градостроительная деятельность, то есть деятельность по развитию территорий, в том числе городов и иных населенных пунктов, осуществляемая в виде территориального планирования, градостроительного зонирования, планировки территорий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, капитального ремонта, реконструкции объектов капитального строительства.

Особенностями данных общественных отношений является долгосрочность, планирование городов, как правило, является перспективным, строительные объекты существуют долго, по поводу большого массива старых градостроительных объектов возникают новые общественные отношения по их защите, они приобретают культурную ценность. Градостроительные общественные отношения, будучи, безусловно, социальными по своей природе, тесно связаны с техническими нормами и требованиями, вырабатываемыми в рамках архитектурно-градостроительной науки и практики. Распространенность общественных отношений данного типа чрезвычайно высока. Можно сказать, что собственность на недвижимые (строительные) объекты является массовой, удовлетворяющей основные социальные запросы людей, достижения человеческой культуры в немалой степени являются сосредоточием градостроительной практики.

2) Выделение правовых норм из уже существующих отраслей права, их презентация через особый категориальный аппарат.

Специфическая градостроительно-правовая терминология отображена в ГрадК РФ[2]. Это территориальное планирование, градостроительное зонирование, исторические категории – общественное, культовое, гражданское, промышленное строительство, типовые проекты застройки и многие другие понятия, которые не регулируются больше никакими отраслями законодательства.

3) Использование специальных правовых средств (методов) регулирования общественных отношений. Методологическим принципом регулирования общественных отношений нормами градостроительного права является переплетение публично-правового регулирования, обусловленного необходимостью реализации государственного и общественного интереса в оптимальной модели землепользования и застройки, и частноправового регулирования, связанного с учетом интересов конкретного правообладателя земельного участка и объекта недвижимости.

4) Наличие достаточно обширного законодательства, в том числе и кодифицированного. Этот критерий наиболее нагляден. Существует достаточно доказательств сформирован-

[1] Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 192-193.

[2] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2005 г. № 1. Ч. I. Ст. 16.

ности собственной системы источников градостроительного права. В сфере градостроительной деятельности действуют Конституция РФ, федеральные и региональные законы и иные нормативно-правовые акты, муниципальные правовые акты. На международно-правовом уровне регулирования градостроительной деятельности существует, например, Градостроительная хартия Содружества Независимых Государств (Минск, 4 июня 1999 г.)[1].

Такой формальный критерий, как наличие кодифицированного законодательного акта, чрезвычайно важен для выделения отрасли, поскольку соответствует распространенной в России правовой традиции, когда во главе большинства отраслей российского законодательства стоят именно кодексы. Исторически основной источник, регулирующего градостроительство в Российской империи – Строительный устав[2], предтеча современного Градостроительного кодекса. Столь длительная и богатая историческая традиция существования систематизированного строительного законодательства прочно обосновывает один из критериев выделения отраслей – качественную специфику градостроительных норм.

С точки зрения историка права выделяется еще один, мало обсуждаемый теоретиками права критерий выделения отрасли в самостоятельное образование – наличие исторических предпосылок к этому, исторических фактов градостроительной деятельности, регулируемой правовыми средствами. Градостроительное право, возможно как никакое иное, соответствует этому критерию в силу уже отмеченной протяженности во времени развития и существования градостроительных процессов: планирования городов, реализации планов, процессов владения строительными объектами, реконструкции, сохранения и охраны городской среды, нередкой отдаленностью социальных и экологических последствий градостроительной деятельности.

Система норм, упорядоченная на основе единых принципов, иерархизированным образом, в соответствии с научно обоснованной последовательностью расположения правовых институтов. В современном градостроительном праве на основе анализа ГрадК РФ специалисты[3] выделяют следующие институты, исторический уровень развития которых неодинаков:

– управление градостроительной деятельностью (исторически наиболее развитый);

– территориальное планирование; градостроительное зонирование; планировка территории (в процессе исторического становления произошли из «одного корня», сравнительно поздно дифференцировались);

– архитектурно-строительное проектирование (институт начал формироваться одним из первых);

– информационное обеспечения градостроительной деятельности и институт ответственности за нарушение законодательства о градостроительной деятельности (исторически обеспечены развитыми правовыми нормами только в XX в., однако, что касается института ответственности в узком смысле – исторические градостроительные нормы содержат соответствующие конкретные санкции).

Таким образом, подводя итоги вышеизложенному, отметим, что градостроительное право является новой самостоятельной отраслью российского права по следующим критериям: градостроительная сфера общественной жизни является достаточно обширной, обладающей ярко выраженной качественной спецификой и социальной значимостью; наличие специфического сочетания методов правового регулирования; существование специальных принципов и источников градостроительного права; наличие градостроительно-правовых институтов, образующих стройную систему; наличие специфических понятий и категорий,

[1] Об утверждении Градостроительной хартии Содружества Независимых Государств: Постановление Правительства РФ от 22.11.2000 г. № 880 // Бюллетень международных договоров.2001. № 5.

[2] Свод законов государственного благоустройства. Строительный устав // Свод законов Российской империи. СПб., 1832.

[3] Пирожкова И.Г. Жилищный вопрос и градостроительство Тамбова в XIX – начале XX вв.: Монография. СПб., 2004. С. 52-53.

присущих градостроительному праву и мер градостроительно-правовой ответственности. А вся полнота развития критериев отделения градостроительного права в качестве комплексного отраслевого образования от иных, традиционных, отраслей права демонстрируется историческими процессами.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Теория права. – М.: Изд-во БЕК, 1995. – 320 с.
2. Анисимов Ю.П., Юшкова Н.Г. Градостроительное право – новая отрасль в системе российского права // Право и политика. – 2008. – № 09. – С. 2105-2113.
3. Малкова И.Г. Основы междисциплинарного исследования социокультурного пространства города // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 10 (24): в 2-х ч. Ч. II. – С. 122-126.
4. Пирожкова И.Г. Жилищный вопрос и градостроительство Тамбова в XIX – начале XX вв.: Монография. – СПб.: Изд-во «Нестор», 2004. – 119 с.

List of references

1. Alekseev S.S. *Teoriya prava. M.: Izd-vo BEK* [Theory of Law. M.: Publishing house BEK]. 1995. 320 p.
2. Anisimov Yu.P., Yushkova N.G. *Gradostroitel'noye pravo – novaya otrasl' v sisteme rossiyskogo prava // Pravo i politika* [Town-planning law is a new industry in the system of Russian law // Law and Politics]. – 2008. – No. 09. – pp. 2105-2113.
3. Malkova I.G. *Osnovy mezhdistsiplinarnogo issledovaniya sotsiokul'turnogo prostranstva goroda // Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Fundamentals of an interdisciplinary study of the socio-cultural space of the city // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. – 2012. – No. 10 (24): in the 2nd part of Part II. – pp. 122-126.
4. Pirozhkova I.G. *Zhilishchnyy vopros i gradostroitel'stvo Tambova v XIX – nachale XX vv.: Monografiya.* [Housing issue and urban development of Tambov in the XIX – early XX centuries .: Monograph. – SPb .: Nestor Publishing House], 2004. – 119 p.

УДК 342.2

Алла Геннадьевна Факурдинова,
аспирант Тамбовскогогосударственного технического университета,
заместитель начальника дознания ЛУ МВД России на ст. Москва-Рязанская
E-mail: 19alla9120081@rambler.ru

Alla Gennadievna Fakurdinova,
graduate student of the Tambov State Technical University
Deputy Head of the Inquiry Department of the Line Directorate
of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the Moscow-Ryazan station

КВАЗИСУДЕБНОСТЬКАК МЕЖОТРАСЛЕВОЙ КОНСТРУКТ: ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ СССР

Статья посвящена анализу понятия «квазисудебность», его лингвистическому, смысловому и оценочному значению. В статье используется метод поиска и анализа устойчивых смысловых единиц (метод контент-анализа).

В исследовании определяются формальный и сущностный (материальный) подходы к определению квазисудебности. Отмечается пестрота явлений, образующих квазисудебные институты в историческом и современном смысле и недостаточность определенности словоупотребления в правовом поле: нормативных актах и доктрине права. Определено, что в российских словарях отсутствует понятие «квазисудебность», а лишь исследуется приставка «квази». Сделан вывод, что «квазисудебность» в современном мире больше не рассматривается как негативное явление, к примеру, как это было после распада СССР. Также определена система «квазисудебных» органов, их внесудебных полномочий, и принимаемых ими мер наказаний.

Ключевые слова: административная юстиция, квазисудебность, квазинаказания, внесудебные органы, квазисудебная юстиция.

QUASI JUDICIENCY AS AN INTER-BRANCH DESIGN: CONCEPT AND SYSTEM IN THE STATE GOVERNANCE OF THE USSR

The article is devoted to the analysis of the concept of «quasi-judicial», its linguistic, semantic and evaluative meaning. The article uses the method of searching and analysis of stable semantic units (content analysis method).

The study defines the formal and essential (material) approaches to the determination of quasi-judicial. The diversity of the phenomena that form quasi-judicial institutions in the historical and modern sense and the lack of certainty in the legal field: normative acts and the doctrine of law are noted. It is determined that in the Russian dictionaries there is no concept of «quasi-judicial», but the prefix «quasi» is only studied. It is concluded that «quasi-judicial» in the modern world is no longer regarded as a negative phenomenon, for example, as it was after the collapse of the USSR. The system of «quasi-judicial» bodies, their extrajudicial powers, and the penalties they take is also defined.

Keywords: administrative justice, quasi-judicial system, quasi-punishment, extrajudicial bodies, quasi-judicial justice.

Изучение понятия «квазисудебность» и ее системы требует разностороннего подхода. Данный термин существует на стыке наук и носит междисциплинарный характер. Четкого определения «квазисудебности» нет ни в юридической, ни в исторической, ни в иной науке, в связи с чем необходима терминологическая определенность данного понятия, его лингвистическое, смысловое и оценочное значение.

Лингвистическое пояснение приставки «квази» соединяет схожие значения: как известно данная приставка к существительному означает смысловое искажение, ложность, мнимость основы, следующей после приставки. Квази – суд, это процесс, действо, орган, институт, обладающий внешней похожестью, подобием, близостью к определяющему явлению. Синонимами смысла, заложенного в данной части слова, является «как бы», «почти», «как

будто», «словно», «псевдо», «якобы», «лже». Причем данная приставка в многообразии синонимов может по контексту содержать как отрицательные коннотации («лже», «псевдо»), подчеркивая «ненастоящий», поддельный характер чего-то (так, термин «патриотизм», например, имеет модификацию «квазипатриотизм», содержащий пейоративные коннотации), так и оцениваться нейтрально, или положительно (смысл «как будто, словно»). Словари русского языка приводят многочисленные примеры со словообразовательной единицей «квази», которые почти всегда несут именно отрицательные коннотации (см., например: квазигерой, квазиискусство, квазинаука и др.), подчеркивая ложность или мнимость сущности, обозначаемой образованным словом. Так, к примеру, всеми известный словарь Ожегова трактует понятие квази как «то же, что лже»[1]. Этимология данной приставки происходит от лат. *quasi* «якобы, почти, словно».

Система квазисудебности начала зарождаться в СССР с появления внесудебных органов, которые были наделены функциями суда, и зачастую выносили решения ни в рамках закона, а руководствуясь своим мнением.

Такими внесудебными органами были: товарищеские суды, земские суды, суды офицерской чести, и отличие между ними, с точки зрения нынешнего правосудия, состоит лишь в величине санкций, которые они были властны использовать. Если один неправовым способом постановлял решения по имущественным вопросам, то другие при особых условиях рассматривали вопросы жизни и смерти. Еще одним наглядным примером распространения квазисудебности видится в созданной в 1917 году Всероссийской Чрезвычайной комиссии. Целью работы ВЧК являлись борьба с саботажем и контрреволюцией, а также предание саботажников и контрреволюционеров суду Военно-революционного трибунала. Однако это не все функции, которыми была наделена ВЧК, с 1918 года ВЧК получила право непосредственно расстреливать шпионов, диверсантов и других активных врагов революции, что существенно сказалось на массовом расстреле граждан «без вины виноватых».

ВЧК просуществовала всего до 1922 года, и была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ), которое было лишено функций суда, но все же квазисудебные полномочия были возложены на Особое совещание при ОГПУ, Судебную коллегию ОГПУ и межведомственные органы, которые рассматривали преступления против государства и действовали до 1934 года, то есть до их упразднения и образования НКВД СССР.

Особое совещание при НКВД СССР (впоследствии при МГБ СССР) – ОСО действовало до 1953 года и рассматривало уголовные дела с вынесением приговоров. В период Великой Отечественной войны ОСО выносило приговоры со смертной казнью.

Перечисленные ведомства были основными квазисудебными органами, применяющими карательные меры, однако в настоящее время не стоит ассоциировать квазисудебность с негативным опытом внесудебных репрессий либо формализмом товарищеских судов, поскольку обществу в целом непринципиально чьими ресурсами (судебных или квазисудебных органов и институтов) пользуется государство для осуществления репрессий, во-вторых, общественная их полезность признана и ряд правоотношений условием их возникновения ставит возможность использовать третейское, внегосударственное и внесудебное разбирательство. Так, «образование несудебного органа для разрешения спора… предусмотрено Уставом международной организации. Например, ст. 29 Устава Организации Черноморского экономического сотрудничества предусмотрено, что в случае разногласий между двумя или более государствами-членами, касающихся толкования или применения положений настоящего Устава, заинтересованные Стороны проводят консультации и, при необходимости, передают данное разногласие в Совет для рассмотрения и принятия соответствующих мер»[2]. Такова же

[1] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., М., 1997.

[2] Орлова И.А. «Квазисудебные» и судебные органы в рамках международных организаций // Международное и национальное правосудие: Теория, история, практика. Материалы Международной научно-практической конференции. 20 мая 2010 г. / Под общей ред. С.К. Дряхлова. СПб., 2010. С. 227-233.

природа так называемой «арбитражной оговорки», т. е. оговоренного сторонами согласия при заключении коммерческого контракта, которая устанавливает возможность переноса возникающих споров в коммерческий арбитраж.

Термин «квазисудебный» несмотря на редкость, все же присутствует в официальных документах. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ (по частному, не относящемуся к тематике исследования вопросу) упоминается, что «…при этом в процедуре отзыва, который с точки зрения московского областного законодателя используется как мера ответственности депутата, не предусматривается какое-либо судебное или хотя бы квазисудебное установление фактов, подтверждающих совершение нарушения…»[1]. Таким образом, устами высшего суда квазисудебность однозначно трактуется как вспомогательное судебным механизмам явление.

Юридический смысл данного понятия в обнаруженных нами общелингвистических словарях, не посвященных специальной лексике, в пример не приводится. Профильные словари трактуют данное понятие либо узко, односторонне, либо избегают его. Так, большой юридический энциклопедический словарь[2] вовсе не упоминает термина «квазисудебность», содержит в себе не родственный по смыслу, но родственный по механизму словообразования, термин «квазигосударство», объясняя его через примеры субъектов международного права, чьи интересы при наличии внешних признаков государственности, представляют либо международные органы, либо иные государства («вольные города»), либо через анализ признаков конкретного образования (Ватикан, Мальтийский орден), т. е. также педалирует идею «мнимости» признаков того или иного правового явления (в данном случае «государственности»).

Термина «квазисудебность» словари не дают в качестве отдельной статьи, но он употребляется для определения органов конституционного контроля (надзора) в формате Совета, Комитета, которые не являются по своей природе судебными (в таких странах как, например, Франция), для характеристики административной юстиции, для характеристики чрезвычайных судебных органов (трибуналов). Также терминология квазисудебности применяется в рамках так называемой электоральной юстиции, т. е. органов, предназначенных для рассмотрения и разрешения споров, связанных с избирательными кампаниями и выборами в государственные органы.

Применяя методы поиска и анализа устойчивых смысловых единиц (метод контент-анализа) в существующей открытой доступной научной литературе (поиск по наиболее крупным ее открытым электронным библиотекам), используя для поиска конструкции: «квазисудебный орган», «квазисудебный институт», «квазисудебная юстиция», «квазисудебная юрисдикция» мы обнаружили, что в правовом языке, массово употребляемом для характеристики современного правового поля, определяющего роль суда в целом, наиболее частотным значением рассматриваемого термина является смысл, связанный с сущностью административной юстиции[3], что связывается нами с модернизацией судебной системы в этой области и введением в действие Кодекса административного судопроизводства в 2015 г.

Основным проявлением квазисудебности являются «квазинормы», к примеру, ст. 116[4] «Нарушение порядка постановки на учет в налоговом органе» Налогового кодекса РФ и

[1] По делу о проверке конституционности Закона Московской области от 28 апреля 1995 года «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, город Москва, 24 декабря 1996 года: Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.1996 г. № 21-П // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 348.

[2] Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М., 2004. 720 с.

[3] Громова Н.В. Административная юстиция: История и современность: Автореф. дисс. … к. ю. н. М., 2002; Смирнова Е.В. Становление и развитие административной юстиции в Российской Федерации: Автореф. дисс. … к. ю. н. М., 2007.

[4] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3824.

ст. 15.3[1] «Нарушение срока постановки на учет в налоговом органе» КоАП РФ схожи по названию и содержанию, различием является лишь субъект состава, то есть в НК РФ – это налогоплательщик, а в КоАП РФ это должностное лицо, также отличимые и санкции статей. Таким образом, мы видим, что в НК РФ содержатся квазиадминистративные нормы, то есть псевдосанкции, которые определяются как наказания, схожие с административными наказания, но не содержащиеся в КоАП РФ, а сформулированные и применяемые на основе иных законодательных актов.

Как мы видим, квазисудебность действительно носит междисциплинарный характер, и за время своего существования не получила должного определения как в юридической науке, так и в исторической, что является упущением правоведов и историков.

На основании изложенного термин «квазисудебность» можно сформулировать как внесудебный способ осуществления правосудия, органами не обладающими в установленным законом порядке выносить наказания.

Список литературы

1. Барихин А. Б. Большой юридический энциклопедический словарь. – М.: Книжный мир, 2004. – 720 с.
2. Громова Н. В. Административная юстиция: История и современность: Автореф. дисс. … к.ю.н. – М., 2002. – 21 с.; Смирнова Е. В. Становление и развитие административной юстиции в Российской Федерации: Автореф. дисс. … к.ю.н. – М., 2007. – 26 с.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд. М., 1997. – 944 с.
4. Орлова И.А. «Квазисудебные» и судебные органы в рамках международных организаций // Международное и национальное правосудие: Теория, история, практика. Материалы Международной научно-практической конференции. 20 мая 2010 г. / Под общей ред. С. К. Дряхлова. – СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2010. – С. 227-233.

List of references

1. Barikhin A. B. *Bol'shoy yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. – M.: Knizhnyy mir* [Large legal encyclopedic dictionary. – M.: Book World], 2004 .– 720 p.
2. Gromova N. V. *Administrativnaya yustitsiya: Istoriya i sovremennost': Avtoref. diss. … k.yu.n.* [Administrative justice: History and modernity: Author. diss. ... Ph.D]. – M. 2002. – 21 p .; Smirnova E. V. F[ormation and development of administrative justice in the Russian Federation: Author. diss. ... Ph.D.] – M. 2007. – 26 p.
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy.* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. – 4th ed., M., – 1997. – 944 p.
4. Orlova I. A. *«Kvazisudebnyye» i sudebnyye organy v ramkakh mezhdunarodnykh organizatsiy // Mezhdunarodnoye i natsional'noye pravosudiye: Teoriya, istoriya, praktika. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 20 maya 2010 g. / Pod obshchey red. S. K. Dryakhlova. – SPb.: Izdatel'skiy dom «Petropolis»,* [“Quasi-judicial” and judicial bodies in the framework of international organizations // International and national justice: Theory, history, practice. Materials of the International scientific-practical conference]. May 20, 2010 / Under the general ed. S.K. Dryakhlova. – St. Petersburg: Publishing House "Petropolis", 2010. – S. 227-233.

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 07.01.2002. № 1. 07.01.2002. Ст. 1.

УДК 347.61/.64

Нелли Александровна Иванова,
заведующая кафедрой гражданского права
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: nelli1004@yandex.ru

Nelli Alexandrovna Ivanova,
Head of the Department of Civil Law
Tambov State University named after G.R. Derzhavina,
Candidate of Law, Associate Professor

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ И РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассмотрено понятие междисциплинарного подхода, показано его значение в изучении и решении проблем совершенствования семейного законодательства. Правовое регулирование семейных отношений, объектом воздействия которого все чаще становятся многогранные по своей природе общественные процессы и явления, требует применения междисциплинарного подхода. Отмечается, что более подвижными становятся границы между отраслями законодательства, усложняется структура отраслей права, возникают новые семейно-правовые институты. Опыт применения семейного законодательства позволил выявить неточности, пробелы и противоречия в сфере правовой регламентации семейных отношений при одновременном их регулировании несколькими нормативными правовыми актами. Сделан вывод о том, что применение междисциплинарного подхода в изучении и решении проблем совершенствования семейного законодательства предупреждает вероятность появления юридических коллизий, повышает эффективность правовых решений.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, семейное законодательство, семейное право, правовая отрасль, семейные отношения.

AN INTERDISCIPLINARY APPROACH TO THE STUDY AND SOLUTION OF PROBLEMS OF IMPROVING FAMILY LAW

The article discusses the concept of an interdisciplinary approach, shows its importance in the study and solution of problems of improving family law. The legal regulation of family relations, the impact of which is increasingly becoming multifaceted in nature social processes and phenomena, requires an interdisciplinary approach. The boundaries between the branches of legislation become more mobile, the structure of branches of law is becoming more complicated, and new family legal institutions are emerging. The experience of applying family law made it possible to identify inaccuracies, gaps and contradictions in the field of legal regulation of family relations while simultaneously regulating them with several regulatory legal acts. It is concluded that the application of an interdisciplinary approach to the study and solution of problems of improving family law prevents the possibility of legal conflicts, increases the efficiency of the application of legal solutions.

Key words: interdisciplinary approach, family law, family law, legal industry, family relations.

В современном обществе проблема целостности знания отличается особой актуальностью. Совершенствование семейного законодательства в современной России сопровождается комплексом проблем и задач интегрального свойства, осмысление которых требует применения междисциплинарного познавательного подхода, позволяющего проникать в суть предмета изучения, всесторонне раскрывать его, выявлять связи с иными элементами объективной действительности.

Среди ученых нет однообразного подхода к пониманию междисциплинарности.

Как справедливо утверждает Д.В. Галкин, междисциплинарность начинается с момента, когда усилиями хотя бы двух дисциплин создаются условия для получения новых знаний[1].

[1] Галкин Д.В. Знание или мышление: об актуальности междисциплинарного обучения в современном образовании // Стратегии междисциплинарного обучения: Материалы I областной научно-практической конференции. Томск, 2005. С. 5.

Э.М. Мирский рассматривает междисциплинарное взаимодействие как отношение между системами дисциплинарного знания в процессе интеграции и дифференциации наук, а также как коллективные формы работы ученых разных областей знания по исследованию одного и того же объекта[1]. Г.М. Тульчинский указывает, что междисциплинарность проявляется в постановке проблем, в подходах к их решению, в выявлении связей между теориями, в формировании новых дисциплин[2].

Подходы ученых к понятию междисциплинарности И.В. Лысак подразделяет на две группы. Согласно первому, «междисциплинарность понимается как взаимодействие двух или более научных дисциплин, каждая из которых имеет свой предмет, свою терминологию и методы исследования». Второй подход к междисциплинарности, по мнению автора, предполагает выявление тех областей знания, которые не исследуются существующими научными дисциплинами[3].

Специфической особенностью междисциплинарного подхода «является комплексность исследования, которая выступает как научный принцип изучения проблем, стоящих на стыке наук, и заключается в рассмотрении предмета исследования с помощью апробированного методологического инструментария нескольких дисциплин с целью получения о нем нового знания»[4].

Следует признать, что «понятие «междисциплинарный подход» шире понятия «междисциплинарный метод» и включает в себя не только нормы (правила) исследования, процедуры, техники исследовательской работы с источниками, но и теоретические идеи и принципы, определяющие пути исследования объекта»[5].

Семейное законодательство РФ представляет собой единый правовой комплекс, состоящий из законодательства РФ и субъектов РФ и регулирующий семейные и связанные с ними отношения.

Семейное право, не являясь изолированным от других правовых отраслей, тесно взаимодействует с конституционным правом, гражданским правом, гражданско-процессуальным правом, международным правом. В той или иной степени семейное право соотносится с административным, уголовным и иными отраслями российского права.

Ратификация Россией ряда международных Конвенций по защите прав и интересов детей возложила на наше государство обязанность привести национальное законодательства в соответствие с положениями такого рода международно-правовых актов. Например, закрепление в семейном законодательстве принципов уважения прав и обязанностей родителей руководить ребенком в осуществлении его прав методами, согласующимся с развивающимися способностями ребенка, и обязанности государства оказывать родителям (лицам, их заменяющим) надлежащую помощь в выполнении ими своих обязанностей по воспитанию детей соответствуют положениям п. 2 ст. 14 и ст. 18 Конвенции ООН «О правах ребенка».

Особые сложности возникают при правовом регулировании семейных отношений с наличием иностранного элемента, так как необходимо применять нормы правовых систем разных государств, а также нормы международных договоров при их наличии. Процесс гармонизации правового регулирования семейных отношений, осложненных иностранным эле-

---

[1] Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 518.

[2] Тульчинский Г.Л. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия. СПб., 2003. С. 432.

[3] Лысак И.В. Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5; URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=25376 (дата обращения: 21.09.2019).

[4] Абрамова А.И. Междисциплинарный подход к изучению вопросов правоприменительной практики // Журнал российского права. 2015. № 10. С. 30-31.

[5] Бушмакина Ю.В. Междисциплинарный подход в современном историческом знании // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. № 3. Гуманитарные и общественные науки. Вып. 2. Пермь, 2017. С. 10.

ментом, должен находиться под влиянием междисциплинарного подхода, который обеспечивает единство в регулировании однородных по своему характеру общественных отношений.

Теснейшим образом семейное право взаимодействует с гражданским правом. Проявлением межотраслевых связей является заимствование семейным правом таких правовых категорий из гражданского права, как правоспособность, дееспособность, исковая давность и т. п. В соответствии со ст. 4 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) к семейным отношениям, не урегулированным семейным законодательством, применяется гражданское законодательство постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений.

Отношения в семье регулируются не только семейно-правовыми нормами, но также и нормами гражданского права, наследственного права, жилищного права и т. д. Более того, возникают ситуации, когда необходимо применять нормы из разных правовых отраслей. Так, обращение взыскания на общее имущество супругов по гражданско-правовым обязательствам одного их них требует применения семейного законодательства, гражданского законодательства, гражданско-процессуального законодательства, законодательства об исполнительном производстве.

Опыт применения семейного законодательства позволил выявить недостатки, пробелы и противоречия в сфере правовой регламентации семейных отношений при одновременном их регулировании несколькими нормативными правовыми актами. Например, институт опеки над несовершеннолетними детьми регулируется Семейным кодексом РФ[1], Гражданским кодексом РФ[2], Федеральным законом от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»[3], законами субъектов РФ, иными нормативными правовыми актами. Недостатком действующего законодательства, регулирующего опеку (попечительство) над несовершеннолетними детьми, является отсутствие четкого закрепления приоритета применения семейного законодательства в случае коллизии норм семейного и гражданского законодательства, что неизбежно приводит к сложностям в правоприменительной практике.

Проблемы установления происхождения детей, рожденных с помощью применения методов искусственной репродукции человека, привлекают внимание ученых всего мира. Семейное законодательство недостаточно внимания уделяет регулированию суррогатного материнства. Договор, который заключается при вынашивании ребенка суррогатной матерью, не регламентируется семейным законодательством, что порождает различные проблемы на практике.

Установленный Федеральным законом Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[4] механизм посредничества не учитывает особенности семейно-правовых споров, в частности неспособность супругов (родителей) выбрать посредника (медиатора) для разрешения их спора. Требуется дополнение СК РФ специальными нормами, регламентирующими особенности применения института посредничества (медиации) при разрешении семейно-правовых споров.

Таким образом, правовое регулирование семейных отношений, объектом воздействия которого все чаще становятся многогранные по своей природе общественные процессы и явления, требует применения междисциплинарного подхода. Предпосылки применения такого подхода связаны с особенностями исследуемой объективной реальности, которая выражается в комплексности изучаемых семейно-правовых процессов и явлений. Более подвижными становятся границы между отраслями законодательства, усложняется структура отраслей

[1] Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

[2] Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301; Собрание законодательства РФ, 29.01.1996. № 5. Ст. 410; Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552; Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

[3] Собрание законодательства РФ. 28.04.2008. № 17. Ст. 1755.

[4] Собрание законодательства РФ. 02.08.2010. № 31. Ст. 4162.

права, возникают новые семейно-правовые институты. Применение междисциплинарного подхода в изучении и решении проблем совершенствования семейного законодательства предупреждает вероятность появления юридических коллизий, повышает эффективность правовых решений.

Список литературы

1 Абрамова А.И. Междисциплинарный подход к изучению вопросов правоприменительной практики [Текст] / А.И. Абрамова//Журнал российского права. – 2015. – № 10. – С. 30-39.

2 Бушмакина Ю.В. Междисциплинарный подход в современном историческом знании [Текст] / Ю.В. Бушмакина // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. – Сер. № 3 Гуманитарные и общественные науки. Вып. 2 / Пермь, 2017. – С. 10. – 188 с.

3 Галкин Д.В. Знание или мышление: об актуальности междисциплинарного обучения в современном образовании [Текст] / Д.В. Галкин // Стратегии междисциплинарного обучения: Материалы I областной научно-практической конференции,-Томск: «Томский ЦНТИ». – 2005. – С. 5-8.

4 Лысак И.В. Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения [Электронный ресурс] / И.В. Лысак // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 5.; URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=25376 (дата обращения: 21.09.2019).

5 Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования [Текст] / Э.М. Мирский // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. -Т. 2. – 428 с.

6 Тульчинский Г.Л. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия [Текст] / Г.Л. Тульчинский. – СПб.: Алетея, 2003. – 432 с.

List of references

1 Abramova, A.I. *Mezhdistsiplinarnyy podkhod k izucheniyu voprosov pravoprimenitel'noy praktiki [Tekst] / A.I. Abramova // Zhurnal rossiyskogo prava.* [An interdisciplinary approach to the study of law enforcement issues [Text] / A.I. Abramova // Journal of Russian Law].-2015.-No 10.- pp. 30-39.

2 Bushmakina, Yu.V. *Mezhdistsiplinarnyy podkhod v sovremennom istoricheskom znanii [Tekst] / YU.V. Bushmakina // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta.- Ser.-№ 3 Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki. Vyp. 2 / Perm* [Interdisciplinary approach in modern historical knowledge [Text] / Yu.V. Bushmakina // Bulletin of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University]. – Ser. No. 3 Humanitarian and social sciences. Vol. 2 / Perm, 2017.- P.10.- 188 p.

3 Galkin, D.V. *Znaniye ili myshleniye: ob aktual'nosti mezhdistsiplinarnogo obucheniya v sovremennom obrazovanii [Tekst] / D.V. Galkin // Strategii mezhdistsiplinarnogo obucheniya: Materialy I oblastnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii,-Tomsk: «Tomskiy TSNTI»* [Knowledge or thinking: on the relevance of interdisciplinary training in modern education] [Text] / D.V. Galkin // [Strategies for interdisciplinary training: Materials of the I regional scientific and practical conference, Tomsk: “Tomsk Central Scientific and Technical Institute]”. – 2005.-pp.5-8.

4 Lysak, I.V. *Mezhdistsiplinarnost': preimushchestva i problemy primeneniya [Elektronnyy resurs] / I.V. Lysak // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. [*Interdisciplinarity: advantages and problems of application] [Electronic resource] / I.V. Lysak // [Modern problems of science and education]. – 2016. – No. 5 .; URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=25376 (accessed September 21, 2019).

5 Mirsky, E.M. *Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya [Tekst] / E.M. Mirskiy // Novaya filosofskaya entsiklopediya. – M.: Mysl', 2001. -T. 2. – 428 c. Tul'chinskiy, G.L. Proyektivnyy filosofskiy slovar': Novyye terminy i ponyatiya* [Interdisciplinary research] [Text] / E.M. Mirsky // New Philosophical Encyclopedia. – M.: Thought, 2001. –T. 2 .– 428 p.

6. Tulchinsky, G.L. [Projective Philosophical Dictionary: New Terms and Concepts] [Text] / G.L. Tulchinsky. – St. Petersburg: Alethea, 2003 .– 432 p.

УДК 340

Валентин Васильевич Назаров,
профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина,
кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, почетный судья в отставке

Valentin Vasilievich Nazarov,
Professor of the Civil and Arbitration Department of Tambov State University named after
G.R. Derzhavin, PhD in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Retired Honorable Judge

К ВОПРОСАМ СУДЕБНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ И НАЧАЛА РАБОТЫ ОТДЕЛЬНЫХ КАССАЦИОННЫХ И АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ

В статье рассматриваются вопросы судебного реформирования и начала работы отдельных кассационных и апелляционных судов с 1 октября 2019 года. Оценивается решение Пленума Верховного суда России, утвердившего дату начала работы новых окружных судов общей юрисдикции и проводимых масштабных мероприятий в соответствующих субъектах Российской Федерации. Анализируются исторический характер, ключевые новшества экстерриториальности и сплошной кассации, дистанционное участие в заседаниях кассационных и апелляционных судов. Приводятся данные работы Пленума Верховного суда РФ по данным вопросам, анализируются его инициативы по работе девяти отдельных кассационных и пяти апелляционных судов общей юрисдикции в условиях новой судебной процедуры с учётом института сплошной кассации в нескольких инстанциях, разделённых не только процессуально, но и географически с гарантиями независимости и объективности судебного разбирательства.

Ключевые слова: право, уголовно-процессуальное законодательство, кассационные и апелляционные суды, сплошная кассация, гарантии независимости, объективности рассмотрения дел, промежуточные решения, увеличение шансов подсудимых на полное и всестороннее рассмотрение кассационных жалоб.

TO THE QUESTIONS OF JUDICIAL REFORMING AND THE BEGINNING OF WORK OF SEPARATE CASSATION AND APPELLATE COURTS

The article deals with the issues of judicial reform and the beginning of the work of separate cassation and appeal courts from the 1st of October, 2019. The decision of the Plenum of the Supreme court of Russia, which approved the start date of the new district courts of General jurisdiction and large-scale events in the relevant subjects of the Russian Federation, is evaluated. Historical character, key innovations of extraterritoriality and continuous cassation, remote participation in sessions of cassation and appeal courts are analyzed. Describes the work of the Plenum of the Supreme court on these issues, examines its initiatives on the work of nine individual appeals and five courts of appeal of General jurisdiction under the new judicial procedure, including the Institute of solid appeal in several instances, separated not only procedural, but also geographically with the guarantees of the independence and objectivity of the trial.

Key words: law, criminal procedure legislation, cassation and appeal courts, continuous cassation, guarantees of independence, objectivity of consideration of cases, intermediate decisions, increase of chances of defendants on full and comprehensive consideration of cassation complaints.

В условиях роста обращений за судебной защитой нарушенных прав, при сокращении числа преступлений в РФ за пять последних лет – с начала 2014-го по конец 2018 года с 2190,6 тыссяч до 1991, 5 тысяч, в том числе убийств, покушений на убийство, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью и других преступлений 1 октября 2019 года в России вводится по названию специалистов процессуально революционная судебная реформа с большими новациями в системе пересмотра судебных решений, повышении роли обзоров судебной практики Верховного суда России. Законодательные новеллы являются одними из наиболее важных в рамках проводимой судебной реформы. Изменяются некоторые положе-

ния процессуальных кодексов об особенностях рассмотрения некоторых категорий дел и вносятся изменения в федеральные законы, направленные на улучшение качества правосудия и оптимизацию судебной нагрузки при сохранении основополагающих процессуальных принципов, но изменении судопроизводства в судах общей юрисдикции с учётом создания обособленных апелляционных и кассационных судов.

12 сентября 2019 года Верховный суд России утвердил дату начала работы отдельных окружных кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции. В территориальную юрисдикцию каждого кассационного суда входят от 7 до 13 субъектов Российской Федерации, а в юрисдикцию апелляционного суда общей юрисдикции – от 14 до 21 субъекта Российской Федерации.

В текущем году на приоритетное развитие судебной системы правительство направит более 200 миллиардов рублей.

Президент России Владимир Путин выразил уверенность, что от эффективности судебной системы прямо зависит надёжная защита прав и законных интересов граждан, и значит, развития России как правового демократического государства.

Российские судьи только в 2017 году рассмотрели более 28 миллионов дел, в 2018 году их количество увеличилось до 31 миллиона, что свидетельствует не только о росте правовой грамотности населения и его доверии к российскому судопроизводству, но и важности принятия своевременных и качественных судебных решений. В истекшем году лишь судами Тамбовской области рассмотрено более 200 тысяч гражданских, административных и уголовных дел.

На заседании сентябрьского 2019 года Пленума, по сообщению председателя Верховного суда России Вячеслава Лебедева, большая судебная реформа стартовала. В настоящее время в кассационные и апелляционные суды назначены председатели и заместители, а также больше половины их штатной численности. Здания судов оборудованы.

В последнем постановлении Пленума Верховного суда России даны разъяснения порядка рассмотрения уголовных дел в третьей инстанции, т. е. кассации.

Эксперты обоснованно называют реформу исторической даже процессуально революционной. Вводится два ключевых новшества: экстерриториальность и сплошная кассация, принимающая все жалобы. Экстерриториальность означает, что дело будет рассматриваться в судах в разных регионах. Ранее по некоторым категориям дел получалось, что одно и то же дело могло пройти три инстанции в одном суде. Теперь такое исключено.

Обеспечено дистанционное участие граждан в заседании кассационных и апелляционных судов по их ходатайству в ближайший суд общей юрисдикции, который свяжет с вышестоящей инстанцией по системе видео – конференц – связи.

Повышается роль кассации. Ранее в третьей инстанции проводился предварительный отбор дел. К рассмотрению принимался лишь небольшой процент жалоб. Число проверяемых дел теперь третьей инстанцией резко возрастёт.

Вячеслав Лебедев отметил, что институт сплошной кассации является новой судебной процедурой, применение которой может вызвать дополнительные вопросы у кассационной инстанции судов общей юрисдикции. В этой связи уделяется особое внимание анализу и обобщению судебной практики кассационных судов общей юрисдикции. В этой связи у юридического сообщества большие ожидания от судебного реформирования. Есть основания согласиться, что прохождение несколько инстанций, разделённых не только процессуально, но и географически укрепляет гарантии независимости и объективности судебного разбирательства, что безусловно повысит качество судебных решений. Реформа действительно не ограничивается организационно, она предусматривает процессуальную составляющую введением сплошной кассации. Участники разбирательства получат реальные процессуальные гарантии и в том, что даже вступившее в силу решение будет в обязательном порядке рассмотрено третьей инстанцией в случае несогласия одной из сторон. Предстоящие

изменения действительно потребуют повышения квалификации представителей и правоохранительных органов, и адвокатского сообщества. Есть веские основания согласиться и с доводами правления Ассоциации юристов России.

Выборочно кассационные суды смогут принимать жалобы на какие-то промежуточные судебные решения, имеется в виду постановления о приостановлении уголовного дела и т. п. В порядке выборочной кассации дела сможет рассматривать Верховный суд в очередной инстанции.

Пленум указывает и на обязанность проверки доводов жалоб об использовании недопустимых доказательств, например материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, о правомерности секретных операций, выходящих за рамки закона, проведении следственных действий без участия адвоката. Суд вправе выйти и за пределы жалобы, что повышает гарантии объективного разбирательства и эффективность проверки кассационной инстанцией судебных актов, вынесённых нижестоящими судами, с чем есть все основания согласиться. Важно и то, что в межрегиональные суды гражданину не придётся ехать в другой город в канцелярию. Кассационные жалобы будут подаваться в суд первой инстанции, который вынес решение. А тот, выполнив необходимые действия, отправит дело в указанную ранее третью инстанцию.

В беседе с журналистами председатель Верховного суда России Вячеслав Лебедев допускает в перспективе расширение полномочий и судов присяжных в судах районного суда, не исключая уголовные и гражданские, хотя тут есть свои нюансы, связанные с их огромным количеством, спецификой личной жизни.

Премьер-министр РФ Дмитрий Медведев на ежегодном общероссийском Совещании-семинаре судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов при подведении итогов их работы заверил, что содержание судейского корпуса при судебном реформировании будет профинансировано, а также и расходы по защите информации с персональными данными, на организационное обеспечение мировых судей[1].

Расходы на судебную систему в значительной степени направлены на обеспечение независимости и беспристрастности правосудия, что даёт возможность привлечь способную молодёжь для работы в судах, что обеспечит граждан качественной и эффективной судебной защитой их прав.

В процессе судебного реформирования нашлось место и цифровизации. В базе данных автоматизированной системы ГАС «Правосудие» уже более 80 миллионов дел. Работа особых кассационных и апелляционных инстанций сопровождается возможностью подавать документы в суд в электронном виде. Только в такой форме суды общей юрисдикции в прошлом году приняли 500 тысяч заявлений, более 250 тысяч арбитражные. Заявитель сможет и в условиях «процессуальной революции», в особых инстанциях участвовать в рассмотрении жалоб, даже если отбывает наказание в другом регионе. В рамках реализации большой национальной программы по цифровой экономике эти средства запланированы.

Полагаем, что преимущество и недостатки процедур особых инстанций нуждаются в постоянном изучении и глубоком анализе.

[1] В Москве прошло Совещание-семинар председателей федеральных судов 13 Февраля 2019 года. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/27584/.

УДК 340.132.83

Алексей Радионович Корнилов,
доцент кафедры теории права и административно-правовых дисциплин
Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Magelan7@mail.ru

Alexey Radionovich Kornilov,
Associate Professor of theory of law and administrative and legal disciplines
Ryazan state University named after S.A. Yesenin,
candidate of law, associate Professor

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВОЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются вопросы теоретико-правового и практического характера использования цифровых технологий как в целом в юриспруденции, так и в различных видах правоэкспертной деятельности. Целью настоящей статьи является комплексный анализ содержания и классификации правовых экспертиз, обеспечивающих эффективность правотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности на основе современных информационных технологий и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: правовая экспертиза, правоэкспертная деятельность, цифровизация, компьютерно-техническая экспертиза, информационные технологии, искусственный интеллект.

DIGITALIZATION OF THE LAW OF EXPERT ACTIVITY: CHALLENGES AND PROSPECTS

The article deals with the theoretical, legal and practical nature of the use of digital technologies as a whole in law and in various types of legal expertise. The purpose of this article is a comprehensive analysis of the content and classification of legal expertise, ensuring the effectiveness of law-making, law enforcement and law interpretation activities based on modern information technology and artificial intelligence.

Keywords: legal expertise, law expert activity, digitalization, computer-technical expertise, information technology, artificial intelligence.

Современное развитие информационных технологий за последнее время привело к формированию абсолютно нового направления в различных сферах – цифровизации. Цифровые технологии активно проникают в сложившиеся институты и отношения (например, банковская деятельность, электронные библиотеки, электронные деньги и т. д.). Не минуло данное новшество и сферу юриспруденции. В настоящее время ведутся дискуссии о различных вариантах внедрения цифровых технологий в юридическую деятельность, начиная от предложений использования роботов в решении правовых вопросов до создания отдельной отрасли права и принятия закона о регулирования умных роботов. Компьютеры, используя искусственный интеллект, могут выполнять ряд типовых юридически значимых процедур, в том числе подготовку различного рода правовых документов, существенно и эффективно облегчая деятельность юриста. Причем, первые попытки функционирования роботов-юристов уже есть и в России.

В новой реальности право является не только средством и инструментом, обеспечивающим цифровизацию экономики, управления и других сегментов социума, но и само становится объектом воздействия цифровизации, в результате которого претерпевают изменения его содержание, формы, система и, непосредственно, механизм действия. Однако, так до конца и не ясно, каковы пределы этих изменений, какие должны быть векторы развития данных технологий. В зарубежной науке уже не ставится под сомнение возможность создания искусственного интеллекта и его широкого применения. В отечественной же науке использование цифровых технологий больше исследуется в различных сферах деятельности чело-

века, идет поиск научной концепции оптимальной модели взаимодействия общества и права, делаются попытки прогнозировать изменение механизма правообразования и модели правового регулирования. Кроме того, важно цифровать именно правовые процедуры, а не смысл и целеполагание правовой формы.

В сложившихся условиях прежнее нормативно-правовое регулирование различных сфер социальной жизни нуждается в существенной модернизации. В этой связи переход в цифровой формат и его использование в отдельных направлениях и видах правоэкспертной деятельности является весьма актуальным и перспективным для всех сфер общественной жизни и соответствующих правоотношений с использованием цифровых технологий. Цифровизация правоэкспертной деятельности имеет огромное значение в современных условиях. Разнообразная по формам и содержанию она невозможна без привлечения информационных ресурсов, сосредоточенных в определенных информационных системах и обеспечивающих решение соответствующих задач.

Значение правовой экспертизы как важнейшего правового средства в механизме правового регулирования бесспорно и обосновано ее ролью в обеспечении эффективности правотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности[1].

Правовая экспертиза – это соответствующее исследование определенного объекта, проводимое экспертом в силу прямых указаний уполномоченных субъектов или самостоятельно на основе действующего законодательства с применением специальных знаний и собственного опыта для достижения конкретных, юридически значимых результатов.

1. Институт правовой экспертизы – это комплексный институт права. Данное положение подтверждается многообразием существующих классификаций правовых экспертиз и отраслевой взаимообусловленностью. Комплексность правоэкспертной деятельности предполагает необходимость стандартизации правовых экспертиз и соответствующей унификации понятийного аппарата и правовых норм, регламентирующих их производство.

2. Правовая экспертиза – это разновидность экспертизы как уникального исследования определенного объекта, проводимого экспертом на основе соответствующей методики.

3. Правовая экспертиза – это комплекс специальных знаний правовой и иной направленности. Современные критерии оценки общедоступности или специфичности тех или иных знаний во многом зависят от глобальной информатизации, которая, безусловно, влияет на их принадлежность к определенной категории и значимости в правоэкспертной деятельности.

4. Правовая экспертиза – это урегулированная нормативными правовыми актами правоэкспертная деятельность, проводимая экспертом в силу прямых указаний уполномоченных субъектов или самостоятельно посредством взаимосвязанных процедур.

5. Правовая экспертиза нацелена на достижение конкретных результатов для их использования в юридической деятельности в форме принятия юридически значимых решений.

6. Правовая экспертиза имеет сложную классификацию на основе широкого круга оснований, где в связи с внедрением в правоэкспертную деятельность информационных технологий перспективно выделение таких видов правовых экспертиз, как традиционные экспертизы и правовые экспертизы с использованием цифрового формата и искусственного интеллекта.

Существует весьма большое количество оснований классификации правовых экспертиз. Обобщив накопленный научный опыт[2] можно провести классификацию правовых экспертиз по следующим основаниям:

---

[1] Корнилов А.Р. Правовая экспертиза и цифровые технологии // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2018. № 3. С. 25-28.

[2] См. Закиров И.А. Правовая экспертиза // Дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008; Мамитова Н.В. Правовая экспертиза российского законодательства. Учебно-практическое пособие. М., 2013; Разуваев А.А. Экспертиза как средство повышения эффективности процесса правореализации (вопросы теории и практики) // Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

– по разновидности правовых процедур в юридической деятельности (экспертизы в правотворческой, правоприменительной и интерпретационной видах юридической деятельности);

– по характеру и содержанию специальных знаний, которые использует эксперт в процессе своей деятельности;

– по субъектам, инициирующим проведение правовой экспертизы (экспертизы, проводимые по решению государственных органов и органов местного самоуправления или их должностных лиц, по решению общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций, а также по заказу как физических, так и юридических лиц);

– по последовательности организации проведения правовой экспертизы (первичные и последующие, повторные и дополнительные экспертизы);

– по месту проведения правовой экспертизы (проводимые в экспертном учреждении и вне экспертного учреждения);

– по количеству объектов исследования правовой экспертизы и её процессуальным качествам (однообъектные и многообъектные (комплексные) экспертизы);

– по числу исполнителей правовой экспертизы (осуществляемые единолично и комиссионные);

– также правовые экспертизы подразделяются на судебные и несудебные по связи с деятельностью суда, и на государственные и негосударственные по связи эксперта с государством.

Таким образом, переход в цифровой формат и его использование в отдельных направлениях и видах правоэкспертной деятельности является весьма актуальным и перспективным для всех сфер общественной жизни и соответствующих правоотношений с использованием цифровых технологий. Цифровые технологии создают принципиально новые возможности для оптимизации различных видов правовых экспертиз, а искусственный интеллект представляет возможность значительного ускорения и упрощения процедур их реализации.

В этой связи, особое место и значение искусственный интеллект приобретает в судопроизводстве. В настоящее время на основе цифровых технологий активно ведётся создание для различных видов правовых экспертиз специальных информационных систем, содержащих данные об идентификационных и диагностических признаках, о свойствах объектов экспертного исследования, осуществляется математизация экспертизы.

Совершенно новым направлением является использование цифровых технологий при осуществлении правовой экспертизы нормативных правовых актов и иных правовых документов. Так, компания «Логика бизнеса», разработала программу «Логика ECM. Правовая экспертиза» и представила инновационное решение для автоматизации процесса проведения правовой экспертизы проектов нормативных правовых актов, организационно-распоря-дительных документов, договоров и иных правовых документов. Данная система существенно упрощает процесс проведения правовой экспертизы и сокращает его сроки, выполняя рутинные операции и кардинально снижая затраты рабочего времени квалифицированных юристов.

Программа автоматически, за очень короткое время помогает установить, не содержатся ли в проверяемом документе ссылки на нормативные правовые акты, которые утратили силу, нет ли в проверяемом правовом документе фрагментов других документов, не возникает ли избыточное дублирование нормативной документации, соответствует ли оформление и структура правового документа установленным правилам, нет ли ошибок в оформлении цифровой информации в договоре, а также осуществляет поиск прецедентов и оценку судебной перспективы. Кроме того, данная цифровая система способна оказать существенную помощь в проведении антикоррупционной экспертизы правовых документов.

Таким образом, использование в правоэкспертной деятельности подобных информационных технологий обеспечит возможность сократить временные затраты квалифицированных юристов на выполнение рутинных процедур при проведении правовой экспертизы, по-

зволит сократить риски пропуска важной информации и предоставит возможность формирования внутренних организационно-правовых баз.

В целом применение цифровых технологий и искусственного интеллекта в праве способно кардинально изменить любую юридическую деятельность. Это, например, анализ и проверка большого массива правовых документов в рамках сделок, управлении рисками, комплаенсе; это умный анализ договоров и контрактов, при котором искусственный интеллект мог бы сигнализировать о неточностях в документах; это анализ больших объемов данных для выявления трендов, прогнозирования исхода судебных дел и развития аналитической стратегии в целом.

Так, искусственный интеллект, разработанный стартапом LawGeex, по скорости и эффективности оценки соглашений о неразглашении превзошел юристов из различных компаний. В исследовании принимало участие 20 юристов, которые оценивали риски в пяти различных соглашениях с помощью поиска 30 конкретных правовых пунктов. В ходе эксперимента человеку удалось справиться с поставленными задачами с максимальной точностью в 94 %, тогда как нейронные сети показали результат в 100 %. Представители стартапа подчеркнули, что искусственный интеллект никогда раньше не сталкивался с анализируемыми в ходе тестирования правовыми документами, а методологию исследования проверяли сотрудники Стэнфордского университета и Университета Дьюка.

Платформа LawGeex – это сервис, который с помощью искусственного интеллекта проверяет соответствие коммерческого договора общим правовым нормам. Пользователи загружают текст договора в систему, а затем примерно через час получают информацию о том, что в документе не соответствует общим правовым нормам. По словам пользователей сервиса, робот экономит им около 80 % времени и 90 % стоимости консультаций юриста.

В определенной степени аналогичную деятельность в настоящий момент в России осуществляет конструктор правовых документов FreshDoc, позиционируемый как «ваш личный робот-юрист».

Искусственный интеллект пока не способен ни полностью, ни частично заменить юриста-человека в юриспруденции, но уже позволяет ускорить его работу и нивелировать многие рутинные задачи в отдельных видах юридической деятельности, в том числе и правоэкспертной. Для различного вида правовых экспертиз цифровизация открывает совершенно новые возможности, адаптирует их к современным технологическим и информационным реалиям и выводит на абсолютно новый уровень, как по содержанию, так и по их результативности и эффективности.

Список литературы

1. Закиров И.А. Правовая экспертиза: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Закиров Илья Александрович. – Нижний Новгород, 2008. – 190 с. РГБ ОД, 61:08-12.

2. Корнилов А.Р. Правовая экспертиза и цифровые технологии. Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2018. № 3. С. 25-28.

3. Мамитова Н.В. Правовая экспертиза российского законодательства. Учебно-практическое пособие / Н.В. Мамитова. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 208 с.

4. Разуваев А.А. Экспертиза как средство повышения эффективности процесса правореализации: дис. ... канд. юрид. наук:12.00.01 / Разуваев Алексей Александрович. – Саратов, 2006. – 229 с. РГБ ОД, 61:07-12/529.

List of references

1. Zakirov I.A. *Pravovaya ekspertiza: diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01 / Zakirov Il'ya Aleksandrovich.* [Legal examination: diss. ... cand. legal Sciences: 12.00.01 / Zakirov Ilya Aleksandrovich]. – Nizhny Novgorod, 2008 .– 190 p. RSL OD, 61: 08-12.

2. Kornilov A.R. *Pravovaya ekspertiza i tsifrovyye tekhnologii. Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo.* [Legal expertise and digital technology. Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society]. 2018. No. 3. P. 25-28.

3. Mamitova N.V. *Pravovaya ekspertiza rossiyskogo zakonodatel'stva. Uchebno-prakticheskoye posobiye /* [Legal examination of Russian legislation. Educational-practical manua]l / N.V. Mamitova. – M .: Norma: SIC INFRA-M, 2013 .– 208 p.

4. Razuvaev A.A. *Ekspertiza kak sredstvo povysheniya effektivnosti protsessa pravorealizatsii: dis. ... kand. yurid. nauk:12.00.01* [Examination as a means of increasing the efficiency of the process of legalization: dis. ... cand. legal Sciences: 12.00.01] / Razuvaev Aleksey Aleksandrovich. – Saratov, 2006 .– 229 p. RSL OD, 61: 07-12 / 529.

УДК 340

Денис Валентинович Теткин,
старший преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности Рязанского филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, подполковник полиции
E-mail: tyotkinden@mail.ru

Denis Valentinovich Tetkin,
senior lecturer of the Department administrative law and
administrative activities Ryazan branch of Moscow University
The interior Ministry of Russia named after V.J. Kikot,
candidate of law, Lieutenant Colonel of police

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА В РАМКАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Раскрыта сущность либерально-демократической правовой системы и инструментальной ценности функционального подхода, а также рассмотрены смежные с ними понятия в различных правовых ракурсах. Определены цели и функции либерально-демократической правовой системы в рамках формирования современного российского общества. Рассмотрена ценностная характеристика либерально-демократической правовой системы и ценностный аспект современного российского общества. Также затронута проблема инструментальной ценности функционально подхода в рамках исследования либерально-демократической правовой системы, ибо понятие «инструментальный» обозначает преимущественно функциональный аспект проблемы. Понятие инструментальной ценности раскрывает, каким образом либерально-демократическая правовая система используется для строительства социальной структуры.

Ключевые слова: функциональный подход, функции права, либерально-демократическая правовая система, инструментальная ценность, право, законность, современное общество.

INSTRUMENTAL VALUE THE FUNCTIONAL APPROACH IN THE STUDY OF LIBERAL-DEMOCRATIC LEGAL SYSTEM

The essence of the liberal-democratic legal system and the instrumental value of the functional approach are revealed, as well as related concepts in various legal perspectives are considered. The goals and functions of the liberal-democratic legal system within the framework of the formation of modern Russian society are defined. The article considers the value characteristic of the liberal-democratic legal system and the value aspect of modern Russian society. Also addressed by the instrumental value functional approach in the study of liberal-democratic legal system, because the concept «instrumental» means primarily the functional aspect of the problem. The concept of instrumental value reveals how the liberal democratic legal system is used to build a social structure.

Keywords: functional approach, functions of law, liberal-democratic legal system, instrumental value, law, legality, modern society.

Российская юридическая наука все чаще стала обращать внимание на проблему инструментальной ценности права, а также на ее обратное влияние на общественные отношения. Так как в любом государственно-организованном обществе наряду с политической, экономической, нравственной системами зарождается и проявляется правовая система, основной целью которой является охрана социально-экономической основы существующего общества, а также желаний и интересов граждан или, как это имеет место в условиях общенародного государства, воли и интересов всего народа, либерально-демократическая правовая система современного общества выполняет прогрессивную, творческую и организующую роль. Она закрепляет либерально-демократическую политическую власть граждан

современного государства, содействует формированию новых социальных отношений и нового типа личности.

В этих условиях выявилась очевидная узость предыдущего подхода к пониманию функций права. Потребность в более глубоком знании их заставила перейти от их формальной классификации к содержательной, от функций права – к функциям правовой системы. И это понятно. Высокой организованности всей социальной жизни, осуществления государственного управления на твердых основах единства и порядка в общественных отношениях можно достигнуть при помощи широкого использования нормативно-правовой формы общественного регулирования. К этому следует добавить, что либерально-демократическая правовая система выступает связующим и организующим звеном по отношению к самому государству, его органам и должностным лицам. Либерально-демократическая правовая система, выполняющая самостоятельные функции в современном обществе, представляет особую социальную ценность и эффективность. Ее эффективность определяется степенью, в которой достигаются организация и порядок, защита свобод, субъективных прав граждан, развитие общественных отношений. Иными словами, общим показателем социальной эффективности либерально-демократической правовой системы является ее «реализованная ценность», которая выражается в законности, при которой она приобретает либерально-демократический характер[1].

Изучение функций либерально-демократической правовой системы является одним из направлений анализа ее социального действия, которое предполагает раскрытие естественных связей отраслей права и правовых институтов с их регулируемыми социальными отношениями, полный анализ социального действия системы, который должен дополняться использованием и количественных методов как первоосновы для последующих оценочных выводов качественного порядка.

Проблема природы и содержания функций либерально-демократической правовой системы является относительно новой. Это связано с воздействием права на социальную реальность. Само по себе понятие «функция» занимает центральное место в данном исследовании, является достаточно сложным и в некоторых отношениях противоречивым понятием. В литературе существует несколько значений, которые это понятие имеет в научном обороте. В социологических исследованиях функция выражает отношение или взаимозависимость между двумя или более переменными. Термин функция также понимается как совокупность процессов, происходящих в рамках объекта исследования (например, функционирование органов внутренних дел). Кроме того, функция называется результатом любого социального действия, процесса, явления. Наконец, слово «функция» обозначает совокупность всего, т. е. как ожидаемых, так и иных последствий действия, процесса, явления[2].

Мы будем строить свои умозаключения, основанные на понимании термина функции, который используется для обозначения ведущей роли, наиболее важной для социальной системы, определяющей процессы, осуществляемые системой в целом. Либерально-демократическая правовая система нацелена на гармоничное социально-экономическое развитие всех уровней структуры современного общества. Основные цели и задачи, стоящие перед современным российским обществом в экономической, социальной, политической, духовной сферах, в сфере внутренней и внешней политики, соответствующим образом закреплены и отражены в либерально-демократической правовой системе. Она предусматривает наиболее важные процессы, на которые должны быть нацелены государство и общество, нормативные требования, выражающие тенденции развития общества. И это понятно, ибо цели социально-экономического и культурно-политического строительства лежат в основе российского зако-

[1] См.: Придворов Н.А., Теткин Д.В. Законность как реальное выражение права // Ленинградский юридический журнал. Вып. 4. (14) С. 7-18.

[2] См.: Нагель Э. Функционализм в общественных науках // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. М., 1968. С. 373-378.

нодательства, деятельности юридических учреждений. Ими же определяется социально-политическая активность граждан Российской Федерации.

В юридической литературе рассматривались функции права. Они определяются, например, как «обусловливаемое социальным назначением права основное направление его воздействия на общественные отношения – направление, в котором выражены сущность, служебная роль, цели и задачи права»[1]. В этом подходе верно определено целевое назначение права. Вместе с тем приведенное определение функции права, на наш взгляд, сужает ее содержание. Оно, в большей степени, вычеркивает реальную возможность рассмотрения такого проявления права, как его воздействие на другие нормативные системы современного общества. Вряд ли правильно также функции права связывать лишь с основными направлениями его действия. Известно, что правовые решения могут иногда зарождать побочные и иные даже трудно предсказуемые показатели. В результате напрашивается вывод о том, что неосновные направления действия права вообще не могут анализироваться в связи с его функционированием. В социологических исследованиях проводится четкое разграничение функций основных и неосновных (второстепенных), постоянных и временных, явных и скрытых (латентных). Правовая наука призвана в первую очередь изучить основные функции – это сомнению не подлежит, но нет оснований и для ограниченной трактовки функциональных свойств и качеств не только права, но и правовой системы в целом.

Можно говорить о влиянии одной отрасли права на другую, о функциональных зависимостях отраслей права друг с другом. Все эти зависимости также могут быть рассмотрены в рамках проблемы функционирования российской либерально-демократической правовой системы. Обширное толкование функций либерально-демократической правовой системы в целом (и права в частности) основано на ее рассмотрении и анализе ее компонентов как элементов не одной, а целого ряда социальных систем (структурных уровней общества, сферы общественной жизни и т. д.). То, что отрасли права и право в целом могут исследоваться в качестве элементов разных систем, несомненно.

Одной из существенных задач исследования либерально-демократической правовой системы является раскрытие ее функций, ибо они определяют социальное назначение данной системы. При этом также необходимо сконцентрировать внимание на естестве либерально-демократической правовой системы именно как системы, играющей важную социальную роль в жизни современного российского общества.

Можно утверждать, что такой подход есть раскрытие инструментальной ценности либерально-демократической правовой системы, ибо понятие «инструментальный» обозначает преимущественно функциональный аспект проблемы. Функциональный подход, в конечном счете, основан на убеждении социальных групп и каждой личности в необходимости существования правовых институтов, их жизненной ценности для общества. Понятие инструментальной ценности раскрывает, каким образом либерально-демократическая правовая система используется для строительства социальной структуры. Реальный эффект либерально-демократической правовой системы содержится в ее способности к переводу наиболее актуальных на сегодняшний день общественных интересов и потребностей на ступень правовых требований, а затем реализации нормативных предписаний в действии и поведении.

Список литературы

1. Нагель Э. Функционализм в общественных науках. // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. М., 1968. С. 373-378.

2. Придворов Н.А., Теткин Д.В. Законность как реальное выражение права // Ленинградский юридический журнал. Научно-теоретический и информационно-практический межрегиональный журнал. – Санкт-Петербург: Правительство Ленинградской области: ЛГУ им. А.С. Пушкина. Вып. 4. (14) С. 7-18.

3. Радько Т.Н. Методологические вопросы познания функций права. Волгоград. 1974. С. 13.

[1] См.: Радько Т.Н. Методологические вопросы познания функций права. Волгоград, 1974. С. 13.

List of references

1. Nagel E. *Funktsionalizm v obshchestvennykh naukakh. // Strukturno-funktsional'nyy analiz v sovremennoy sotsiologii* [Functionalism in the social sciences. // Structural and functional analysis in modern sociology]. M., 1968. S. 373-378.

2. Pridvorov N.A., Tetkin D.V. *Zakonnost' kak real'noye vyrazheniye prava // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. Nauchno-teoreticheskiy i informatsionno-prakticheskiy mezhregional'nyy zhurnal.* [Legality as a real expression of law // Leningrad Journal of Law. Scientific-theoretical and information-practical interregional journal]. – St. Petersburg: Government of the Leningrad Region: Leningrad State University A.S. Pushkin. Vol. 4. (14) S. 7-18.

3. Radko T.N. *Metodologicheskiye voprosy poznaniya funktsiy prava. Volgograd* [Methodological issues of knowledge of the functions of law]. Volgograd. 1974, p. 13.

УДК 340.12

Полина Владиславовна Коршунова,
преподаватель кафедры «Правосудие»
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», аспирант
E-mail: korshunovagu@yandex.ru

Polina Vladislavovna Korshunova,
Lecturer of the department «Justice»
of FSBEI of HE «Penza State University», graduate student

СУДЕБНАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Исследованы теоретические основы судебной политики современной России, охарактеризованы основные законопроекты в сфере совершенствования судебной сферы, проанализированы цели и задачи реализации их основных положений. Выявлены проблемы осуществления важнейших положений законодательства, как действующих, так и запланированных, в сфере судебной политики РФ.

Ключевые слова: единство судебной практики, судебная политика, судебная реформа, правовая система, судебная практика, принцип единства судебной практики, судопроизводство, правовые средства, прецедентное право.

JUDICIAL POLICY OF MODERN RUSSIA: PROBLEMS OF REALIZATION

The theoretical foundations of the judicial policy of modern Russia are studied, the main draft laws in the sphere of the improvement of the judicial sphere are described, the goals and objectives of the implementation of their main provisions are analyzed. The problems of the implementation of the most important provisions of the law, both existing and planned, in the field of judicial policy of the Russian Federation.

Keywords: unity of judicial practice, judicial policy, judicial reform, legal system, judicial practice, the principle of the unity of judicial practice, legal proceedings, legal means, case law.

Проводимая в нашей стране судебная политика направлена на развитие и совершенствование судебной системы и процессуального законодательства, а также повышение статуса судей и авторитета судебной власти в целом. Об этом свидетельствует не только постоянное обсуждение данных вопроса в рамках осуществления судебной и исполнительной власти, но и в политической среде, что выражается характером, целями и тенденциями современной судебной политики. Говоря о тенденциях современной судебной политики, следует выделить следующие ее направления.

1. Организационная оптимизация. Так, уже в 2014 году состоялось объединение Высшего Арбитражного и Верховного Судов. Благодаря этой мере пришлось исключить споры о подсудности, а также устранить противоречия в толковании и применении правовых норм. Единый суд в государстве – это несомненный плюс, поскольку данное преобразование решает не одну задачу, среди которых единство судебной практики, упрочение управленческих функций, а также оптимизация судебных органов. По справедливому утверждению Е.В. Пластининой, «на современном этапе развития судебной реформы невозможно в полном объеме предугадать все возможные положительные и отрицательные последствия объединения судов. Укрепит ли этот реформистский подход гарантии принципа равенства всех перед законом или значительно ограничит права сторон, добивающихся справедливого и доступного правосудия, покажут время и судебная практика»[1].

Следующим элементом организационных тенденций в сфере судебной политики является создание структурно обособленных апелляционных и кассационных судов общей юрис-

[1] Пластинина Е.В. К вопросу о создании единого Верховного суда в Российской Федерации // Марийский юридический вестник. 2015. Т. 1. № 1 (12). С. 76-77.

дикции. Эта мера обусловлена с тем, что в настоящее время суды областного уровня реализуют полномочия сразу нескольких судебных инстанций по одним и тем же делам. Подобная ситуация не совсем отвечает важнейшим принципам независимости судей и объективности при отправлении правосудия, а существование отдельных кассационных и апелляционных судов можно признать положительным на опыте их деятельности в системе арбитражных судов.

Данный шаг поможет усовершенствовать инстанционное устройство судов общей юрисдикции и оптимизировать судебную нагрузку, позволит не только объединить и сосредоточить решения судов апелляционной и кассационной инстанции в одном месте, но и даст толчок к развитию новых тенденций в судебной практике. Однако в данной ситуации видится укрупнение отдельных элементов судебной системы, что, конечно же, может повлечь и определенные проблемы и риски. Прежде всего, они связаны с возможными коррупционными моментами, с неправильным применением правовых норм и непроизвольной корреляцией различных процессуальных форм, а также нарушением принципов несменяемости и независимости судей. Все это, так или иначе, в конечном счете, оказывает влияние на единство судебной практики, поскольку ставит ее в зависимость от многих факторов – политических, процессуальных и организационных. Также в работе нового состава судей может наблюдаться не только «заторможенность», но и некоторая разобщенность в вынесенных решениях в виду изменения процессуального законодательства и отсутствия практики работы этих судов[1].

2. Обеспечение доступа граждан и организаций к правосудию, его максимальной открытости и прозрачности. Так, с 1 сентября 2019 года состав суда при рассмотрении гражданских, арбитражных, административных и уголовных дел с учетом внесенных изменений в законодательство формируется с использования автоматизированной информационной системы. Система распределяет дела по принципу специализации судей и их нагрузки на текущий момент. Конечно же, данные изменения направлены на исключение коррупционных рисков и влияния на судей тех лиц, которые заинтересованы в исходе дела. Более того, теперь обязательным является и аудио-протоколирование, то есть, полная аудиозапись всех судебных заседаний по гражданским и уголовным делам, причем это распространяется и на рассмотрение дел в первой инстанции и в порядке пересмотра не вступивших в законную силу судебных актов. Исключение – рассмотрение дел в закрытых заседаниях. Помимо того, что аудиозапись теперь обязательна, законодатель предусмотрел и возможность подачи замечаний относительно неточности и неполноты аудиозаписи. Опять же, эти меры направлены на повышение открытости и прозрачности судопроизводства. Подобные нормы об аудиопротоколировании уже ранее содержались в АПК РФ и КАС РФ, в связи с чем делаем вывод, что нововведение направлено на унификацию процессуального законодательства.

Важнейшее изменение, которое также начало действовать с 1 сентября 2019 года, касается сокращения сроков рассмотрения дела и оптимизации судебного процесса. Так, при рассмотрении гражданских и административных дел в первой инстанции предусмотрена возможность перейти из предварительного судебного заседания непосредственно в основное.

Следующее, на что следует обратить внимание, говоря о судебной политике и доступа граждан к осуществлению правосудия, – это введение суда присяжных в районных и гарнизонных военных судах в 2018 году. Так, во-первых, законодатель расширил перечень составов преступлений, по которым дело может быть рассмотрено судом с участием присяжных заседателей. Эти изменения формально призваны расширить применение института суда присяжных заседателей. Во-вторых, это сокращение кандидатов в присяжные и соответственно количества присяжных.

В сфере реализации судебной политики возможны такие проблемы, как затянутость рассмотрения дела ввиду отбора присяжных заседателей, и, соответственно, вынесение ре-

[1] Председатель Совета судей рассказал о трех стадиях судебной реформы. URL: https://pravo.ru/news/200690/.

шения по делу без учета действующих тенденций судебной практики, непредсказуемость в вынесении решения при рассмотрении дела с участием присяжных. Более того, суды могут быть не подготовлены к введению данного института ввиду специфики рассмотрения дел с участием присяжных, а учет мнения «непрофессиональных судей» может идти вразрез с указаниями высших судебных инстанций по аналогичным делам. А также ввиду сокращения количества присяжных, несомненно, возрастет и риск влияния на них, поскольку на 12 человек повлиять сложнее, нежели на 6 или 8.

3. Совершенствование процессуального законодательства в контексте усиления справедливости, объективности и единообразия при рассмотрении дел судами.

Во-первых, как уже было сказано, установлены порядок распределения дел между судьями – путем автоматизированной системы, которая будет формировать состав с учётом нагрузки и специализации судей. Как уже было сказано, это нововведение позволить исключить коррупционные моменты.

Во-вторых, помощники судей теперь наделены полномочиями по оказанию помощи судье в подготовке и организации судебного заседания, в подготовке проектов судебных решений. Помощнику судьи частично передаются полномочия секретаря судебного заседания. Подобные нормы изначально имелись в АПК РФ, а затем были продублированы в ГПК РФ, УПК РФ и КАС РФ.

В-третьих, реформирование законодательства касается также и представительства в судах, согласно которым представитель (кроме законных представителей стороны по делу) обязан иметь высшее юридическое образование, что было предусмотрено только КАС РФ. Также в ГПК РФ планируется ввести процессуальную фигуру поверенного – то есть лица, которое не обязательно должно обладать высшим юридическим образованием, но вправе давать объяснения суду в устной и письменной форме, получать извещения и вызовы, копии судебных актов. По инициативе Верховного Суда РФ планируется отменить «устаревшее» понятие подведомственности, вместо чего будет применяться понятие подсудности, что, опять же, делается в целях исключения споров о подведомственности.

В-четвертых, очень важное нововведение касается и порядка рассмотрения дел. Так, в упрощенном порядке планируетсярассматривать дела до 500 000 руб. в гражданском процессе и до 1 млн руб. в арбитражном.

Наконец, в-пятых, реформирование законодательства касается и органов судейского сообщества, что предполагает увеличение количества членов Совета судей на 14 человек, до 147, где также впервые появится представитель Суда по интеллектуальным правам.

Так, все инициативы Верховного суда в сфере изменения процессуального законодательства направлены на повышение эффективности правосудия и уровня правовой защищенности граждан и организаций.

Наконец, следующая тенденция судебной политики связана с приведением судебной практики к единообразию и единству в контексте принимаемых решений по отдельным категориям дел. Так, уже в 2017 году были приняты некоторые документы, которые направлены на решение процессуальных и организационных проблем единства судебной практики в России. Одним из таких является Постановление Конституционного Суда Российской Федерации Постановление от 17.10.2017 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других», в котором суд запретил менять судебную практику. Так, по мнению Конституционного Суда, процесс пересмотра судебных решений должен обеспечивать правовую определенность. Вместе с этим Конституционный Суд уже указывал, что придание обратной силы толкованию правовых норм, которые ухудшают положение слабой стороны, недопустимо, но данная позиция не была отражена в АПК РФ и ГПК РФ. Конституционный Суд постановил, что законодателю надлежит внести в действующее гражданско-процессуальное законодательство изменения, кото-

рые будут закреплять возможность пересмотра вступивших в силу судебных решений при наличии в принятых постановлениях Пленума или Президиума Верховного Суд сформулированной иной правовой позиции по аналогичному делу. Кроме того, законодатель должен предусмотреть невозможность и недопустимость ухудшения положения граждан при взаимодействии с органами власти.

Рассматриваемый документ является прецедентным и исключительным в своем роде, поскольку не только защищает нарушенные права граждан, но и пресекает неверное применение норм права в будущем. Постановление Конституционного Суда от 17 октября 2017 года является ориентиром в вопросе единообразного применения судами правовых норм, преследуя при этом правильное и объективное вынесение судами решений и недопустимость нарушения разграничения полномочий при пересмотре дела.

Наконец, обсуждаемое не один год принятие Единого процессуального кодекса Российской Федерации[1] позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день российский законодатель, определяя процессуальный статус единой судебной практики, к сожалению, мыслит в русле размытой нормы ГПК РФ. Значимость, необходимость и точность формулы единства судебной практики, обеспечения ее единообразия является одной из первоочередных задач дальнейшего развития судебной власти и осуществления правосудия. В свою очередь непродуманность системы процессуальных норм, включаемых в единый кодекс, будет нести риск распространения несовершенства процессуальных требований относительно важнейшего принципа правоприменения. Вместе с тем, подобная неопределенность будет распространена не только на гражданский процесс, но и на арбитражный, а, в конечном счете – и на авторитет судебной власти.

В этом смысле уделить внимание и выступлению 25 сентября 2018 года председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Лебедева на Международном юридическом форуме стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР)[2], на котором он сообщил, что обзорам Президиума Верховного Суда РФ планируется придать статус нового обстоятельства в целях единообразного понимания правовых норм, что позволит также снизить риски неправильного правоприменения. По нашему мнению, данный шаг позволит не только официально закрепить статус обзоров Верховного Суда РФ, но и даст толчок к установлению в России обязательности судебных актов высших судебных инстанций, поскольку обзоры Верховного Суда РФ – это подборка судебных решений, на которые рекомендуется ориентироваться судам при разрешении конкретных споров.

Это далеко не единственные нововведения, которые обсуждаются законодателем и представителями правоприменительной практики, однако объем настоящей статьи не позволяет проанализировать все из них: нами представлены лишь наиболее значимые из них.

Таким образом, говоря о современных тенденциях стремления законодателя к приведению судебной практики к качеству единообразия и единства, важно предусмотреть и все риски, которые возможны при условии успешной реализации судебной политики. Так, представляется значимым не допустить «шаблонное» рассмотрение дел, поскольку оно не отвечает требованиям законности и справедливости правосудия. Необходимо учитывать и фактор судейского усмотрения и правосознания судей, так как действующее законодательство не только позволяет выносить решение с учетом внутреннего убеждения судьи, но и указывает на необходимость его применения в процессе принятия решения по делу, в связи с чем законодателю следует обратить внимание и на разработку нормативных актов, направленных на повышение общего уровня правовой культуры представителей судебной власти.

[1] Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. URL: http://base.garant.ru/70826874/.

[2] Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации Вячеслава Михайловича Лебедева в рамках X Международного юридического форума стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Владивосток, 25 сентября 2018 года). URL: (http://www.vsrf.ru/press_center/video_archive/27158/.

Подводя итоги, следует заключить, что активное проведение судебной политики, совершенствование процессуального законодательства, так или иначе, воздействует не только на качество судопроизводства, но и на всю правовую систему в России. Те положения, которые касаются организационных моментов совершенствования судебной системы, следует развивать. Очень важно реализовать те разработки, которые касаются мер по укреплению статуса судей, ужесточению дисциплинарной ответственности судей и ограничению давления на них. В целом, рассмотренные в настоящей статье меры судебной политики направлены непосредственно на повышение эффективности судопроизводства, гласности, открытости и прозрачности судебной деятельности, обеспечение справедливости, объективности и единообразия при вынесении судебных решений. Конечная же цель политики как таковой видится в создании той модели судебной системы, которая будет отвечать современным тенденциям развития правового государства и гражданского общества, пользоваться авторитетом у граждан и обеспечивать высочайший уровень доверия и правовой защищенности в государстве.

Список литературы

1. Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации Вячеслава Михайловича Лебедева в рамках X Международного юридического форума стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Владивосток, 25 сентября 2018 года). – (http://www.vsrf.ru/press_center/video_archive/27158/).

2. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. –(http://base.garant.ru/70826874/).

3. Пластинина, Е.В. К вопросу о создании единого Верховного суда в Российской Федерации // Марийский юридический вестник. – 2015. – Т. 1. – № 1 (12). – С. 76-77.

4. Председатель Совета судей рассказал о трех стадиях судебной реформы. – (https://pravo.ru/news/200690/).

List of references

1. *Vystupleniye Predsedatelya Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii Vyacheslava Mikhaylovicha Lebedeva v ramkakh X Mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona* [Speech by the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation Vyacheslav Mikhailovich Lebedev at the X International Legal Forum of the Asia-Pacific Region] (Vladivostok, September 25, 2018). – (http://www.vsrf.ru/press_center/video_ archive/27158/).

2. *Kontseptsiya yedinogo Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii*. [The concept of a single Civil Procedure Code of the Russian Federation]. – (http://base.garant.ru/70826874/).

3. Plastinina, E.V. *K voprosu o sozdanii yedinogo Verkhovnogo suda v Rossiyskoy Federatsii // Mariyskiy yuridicheskiy vestnik* [To the question of creating a single Supreme Court in the Russian Federation] // Mari Legal Bulletin. – 2015. – T. 1. – No. 1 (12). – S. 76-77.

4. *Predsedatel' Soveta sudey rasskazal o trekh stadiyakh sudebnoy reformy.* – [The Chairperson of the Council of Judges spoke about the three stages of judicial reform]. – (https://pravo.ru/news/200690/).

УДК 340.115

Олег Валерьевич Кулик,
главный эксперт отдела нормативно-правового обеспечения
Департамента государственной службы и кадров МВД России,
кандидат юридических наук
E-mail: hoigel@gmail.com

Oleg Valererevich Kulik,
chief examiner of the legal support division of the
Department of state service and personnel of the
Ministry of Internal affairs of the Russian Federation, Ph.D.

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИО-АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРАВОТВОРЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В условиях плюрализма методологических подходов к изучению правовых явлений отдельный интерес представляет социо-аксиологичекий подход. Указанный подход основывается на сочетании социологической и аксиологической методологий, позволяющих рассматривать право не только как результат общественных отношений, но и как и систему общественных ценностей, носящих конвенциональный характер. Таким образом, право с одной стороны понимается как социально и исторически обусловленное, а с другой – как самодостаточное и самоценное явление. В этом отношении социо-аксиологический поход обладает несомненным потенциалом при анализе современных правотворческих процессов и выработки рекомендаций по совершенствованию правотворческой деятельности.

Ключевые слова: право, правотворчество, правовая практика, правовые ценности, социо-аксиологический подход, методотология.

THE VALUE OF SOCIO-AXIOLOGICAL METHODOLOGY IN THE LAW-MAKING PROCESSES RESEARCH

Under the conditions of pluralism of methodological approaches to the study of legal phenomena, the particular interest takes a socio-axiological approach. This approach is based on a combination of sociological and axiological methodology, allowing us to consider law not only as a result of social relations, but also as a system of social values, that has conventional nature. As a result, law on the one hand is understood as socially and historically determined, and on the other hand, as a self-sufficient and self-valuable phenomenon. In this regard, the socio-axiological approach has undeniable potential in the analysis of modern law-making processes and in the development of recommendations for improving law-making activities.

Keywords: law, lawmaking, legal practice, legal values, socio-axiological approach, methodology.

Проблемы правообразования и правореализации для общей теории права вряд ли когда-либо потеряют свою актуальность. До настоящего времени в рядах научного сообщества не прекращается дискуссия о том, что есть право, каковы его природа, предпосылки и механизм формирования, назначение, а также о взаимосвязи права и правовой практики. Ответы на данные вопросы во многом зависят от типа правопонимания (похода к праву), изменяющегося с течением времени. Хорошо известны естественная, историческая, психологическая, позитивная, материалистическая, социологическая, коммуникативная школы права, каждая из которых обладает своими уникальными, порой диаметрально противоположными взглядами на право, его происхождение и действие. Развитие государства и общества, научно-технический прогресс и следующее за ним поэтапное изменение социокультурной реальности требуют поиска новых методик исследования, приводят к появлению новых теорий и взглядов[1].

В настоящее время в условиях интеграции научных знаний существующие теории в меньшей степени противопоставляются друг другу, а в большей – синтезируются. Склады-

[1] См.: Трофимов В.В., Свиридов В.В. Методологические основания современной теории права: к проблеме пересмотра и поиска нового типа правопонимания // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 49.

вается так называемый «широкий подход» к праву, как особому социальному явлению. Подобная тенденция вполне логична, поскольку всякое гуманитарное знание в достаточной степени субъективно, и вряд ли какая-либо из перечисленных теорий абсолютно истинна. Вместе с тем «широта» правопонимания не может и не должна быть бесконечной. В противном случае в качестве научных теорий могут выдвигаться любые фантастические предположения, которые вряд ли будут способствовать научному осмыслению социальных процессов и решению практических проблем. Исключению подобных случаев служит научная методология. Именно логика и методология научного исследования по справедливому замечанию президента Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» профессора В.М. Баранова должны стать предметом особого внимания преподавателей и учащихся, поскольку именно «анализ компонентов, этапов, методов научной деятельности, видов научного исследования и научного знания позволит выявить и усвоить специфику научной деятельности»[1].

Поскольку любому правовому явлению предшествует наличие правовых норм, первоочередным для любой теории права является вопрос его происхождения. Является ли оно системой норм, установленных исключительно государством, следствием божественных или природных начал, результатом взаимодействия индивидов и т. д.? Ответ на данный вопрос зависит не только от мировоззрения, личных убеждений ученого, но и от его подхода к праву, который невозможно сформировать без соответствующей методологии.

Одним из наиболее востребованных подходов к праву, позволяющих ответить на обозначенный вопрос, является социологический подход, согласно которому право следует искать в различных сферах жизни общества: социальной, экономической, политической и др. Юридические нормы, изданные любыми субъектами правотворчества, остаются «правом в книгах» до того как в процессе реализации они становятся «правом в действии»[2], и именно такое «живое право» является действительным[3]. Иными словами, право в рамках социологической школы предстает в качестве реальных общественных отношений.

Социологическая методология, используемая для изучения правовых явлений и процессов максимально последовательна, описательна и эмпирична. Она позволяет выявить максимальный круг факторов, взаимосвязанных с правом, тип и закономерности их связи. Основными концептами социологической методологии являются: первичность правоотношений к обеспечивающему их массиву норм; существование права только в тех формах и видах, которые составляют правовую систему общества; исчерпание содержания правовой реальности правовой жизнью; протекание реальной правовой жизни на групповом и индивидуальном уровне и опосредованность уровня общественного; право носит обслуживающую роль и имеет неограниченные возможности распространения на общественные отношения.

В пользу социологической методологии говорит тот факт, что на ее основе в последние годы проведен ряд знаковых научных исследований в сфере правообразования, правотворчества и правореализации[4]. Вместе с тем при всех своих достоинствах, социологический подход к праву и социологическая методология сосредоточены на его внешних проявлениях, связаны с правовой практикой, реальными правоотношениями. Таким образом, нетронутым остаются глубинные основания права, лежащие в области правосозна-

[1] Баранов В.М. История и методология юридической науки (О содержании и роли данного учебного курса в образовательной программе магистратуры). Рецензия на учебник В.М. Сырых «История и методология юридической науки» (М., 2012. – 464 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 125.

[2] Адыгезалова Г.Э. Социологическая юриспруденция США в XX веке: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка. СПб., 2012. С. 20, 127-128.

[3] См.: Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб., 2011.

[4] См., например: Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. М., 2012.

ния[1], что требует корректировки социологического подхода. Необходимые коррективы позволяет внести подход аксиологический. При этом речь идет не о понимании права как ценности, а о представлении права не только как совокупности социальных отношений, но и социальных ценностей.

Аксиологическая методология не является базовой для теории государства и права, а выступает в качестве вспомогательной и имеет значение для смыслового уровня процесса правотворчества[2]. Сущность данной методологии в общем заключается в обнаружении и характеристике идейно-мотивационного аспекта проблем теории государства и права. Аксиологическая методология позволяет охарактеризовать все правовые элементы в контексте их самодостаточности и самоценности, вне зависимости от социальных и исторических условий, преодолеть нормативистское понимание права, обеспечить на уровне теорий и идей выход на новый уровень индивидуального права (права человека) и международного права, установить идеологическую функцию государства и права. Право понимается как самообусловленное, самовоспроизводящееся явление с точки зрения философско-антропологических установок.

Возвращаясь к синтезу научного знания, сочетание социологической и аксиологической методологии позволяет сформировать новый, весьма перспективный подход к пониманию права и связанных с ним процессов, в том числе, правообразования и правотворчества. Основы и особенности данного подхода, который предлагается именовать социо-аксиологическим, достаточно подробно рассмотрены начальником кафедры теории государства и права Московского университета МВД России профессором А.И. Клименко[3], а сама методология получает свое распространение в последних научных исследованиях. Актуализация социо-аксиологического подхода к праву обусловлена еще и тем, что убеждение о том, что проблема ценностей представляет собой мнимую проблему, а сами ценности трудноопределимы, вариативны, не имеют существенного влияния на поведение человека, постепенно отходит в прошлое.

Модель социо-аксологической методологии, предлагаемая А.И. Клименко, включает в себя познавательные парадигмы, смыслообразующие идеи, принципы и собственно методы научного познания. Центральной идеей данной модели является видение права не как системы норм, а как системы ценностей, носящих конвенциональный характер, формируемых в рамках правового дискурса и обусловленных интересами и потребностями конкретного общества. То есть, ценности не размыты, не носят неопределенный индивидуальный характер, а вполне конкретны.

Важно подчеркнуть, что по мнению А.И. Клименко под ценностями подразумеваются не все идеалы, смыслы и идеи общества, которые различаются в зависимости от национальных, религиозных, ментальных особенностей населения, а только те, которые носят наднациональный или транскультурный характер. Что вполне справедливо, поскольку перенос в сферу правового ценностей, присущих отдельным общностям или народам (если речь идет о многонациональном политически организованном обществе), будет способствовать не консолидации общества и правопорядку, а его разобщению и произволу.

Вместе с тем, по-нашему мнению, в качестве правовых ценностей можно рассматривать и те самые «ценности в праве», которые признаются значимыми подавляющим большинством и имеют значение для отдельных отраслей права.

С точки зрения правообразования формирование правовой ценности происходит тогда, когда совершается конвенциональный акт, который может носить нормативный или ненор-

[1] См.: Клименко А.И. Проблема легализации правовой практики: социо-аксиологический подход // Философия права. 2018. № 3 (86). С. 78.

[2] См.: Клименко А.И. Функционально-структурные характеристики правовой идеологии: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016. С. 9.

[3] См.: Клименко А.И. Социо-аксиологический подход к праву и его значение для современной юридической науки // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 4 (87).

мативный характер. Конвенциональный акт нормативного характера непосредственно связан с правотворчеством – изданием нормативного правового акта или иного документа, содержащего норму права.

Таким образом, социо-аскиологический подход не просто постулирует происхождение и определяет особенности права, а позволяет выявить глубинные причины и механизмы появления проблемных моментов его действия в повседневной жизни. Сегодня, когда право играет значительную роль в общественных, государственных и международных отношениях, одного лишь его «научное созерцание» недостаточно. Перед учеными стоит задача, не умаляя концептуальных основ, предложить практикам научно-обоснованные модели правотворчества и правоприменения, способствующие стабилизации и развитию общественных отношений.

Обобщая значение социо-аксиологического подхода к праву и применяемой в рамках него методологии, хотелось бы отметить следующее. Предлагаемый подход не является универсальным и единственным, а позволяет рассмотреть право с определенного ракурса и может быть особенно востребован при изучении правообразовательных и правотворческих процессов. Право согласно данному подходу представляет собой совокупность результатов правового дискурса, а также реальных потребностей участников общественных отношений и их поведения.

Основываясь на социо-аксиологическом подходе, властные субъекты в лице соответствующих государственных органов в наибольшей степени могут понимать динамические правовые процессы, к которым относится правообразование и правотворчество, их происхождение из закономерностей социально-правовой жизни, что позволяет «находить именно тот деятельностный формат разработки и принятия нормативных и правоприменительных решений, который соответствует конститутивной идее разумности права, а равно те траектории развития в праве, которые будут приводить к позитивным результатам и таковые станут ожидаемыми «априори», то есть достигаемыми не силу фактора некоего «чуда», а исходя из самого алгоритма осуществляемой властно-юридической активности»[1], сводить к минимуму возможные негативные эффекты, проводить грамотную правовую политику.

Подготовка и издание юридических нормативных документов, основанных на правовых ценностях, способствует тому, что они лучшим образом воспринимаются обществом и исполняются его представителями. При этом речь идет не обо всех специфических культурных, религиозных, ментальных и др. ценностях, а об идеях, смыслах и представлениях, за которыми признается статус правовой идеологии, которые изначально нормативно не закреплены, но оказывают значительный регулирующий эффект.

Список литературы

1. Адыгезалова Г.Э. Социологическая юриспруденция США в XX веке: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка. – СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2012.

2. Баранов В.М. История и методология юридической науки (О содержании и роли данного учебного курса в образовательной программе магистратуры). рецензия на учебник В.М. Сырых «История и методология юридической науки» (М., 2012. – 464 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22.

3. Клименко А.И. Проблема легализации правовой практики: социо-аксиологический подход // Философия права. 2018. № 3 (86).

4. Клименко А.И. Функционально-структурные характеристики правовой идеологии: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2016.

5. Клименко А.И. Социо-аксиологический подход к праву и его значение для современной юридической науки // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 4 (87).

6. Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. – М.: норма: Инфра-М, 2012.

[1] Трофимов В.В. Научная обоснованность правовой политики как фактор минимизации рисков в динамической структуре права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 368.

7. Трофимов В.В., Свиридов В.В. Методологические основания современной теории права: к проблеме пересмотра и поиска нового типа правопонимания // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7).

8. Трофимов В.В. Научная обоснованность правовой политики как фактор минимизации рисков в динамической структуре права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 368.

9. Эрлих О. Основоположение социологии права. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011.

List of references

1. Adygezalova G.E. *Sotsiologicheskaya yurisprudentsiya SSHA v XX veke: formirovaniye doktriny, razvitiye i sovershenstvovaniye pravoporyadka. – SPb.: Izdatel'stvo «Yuridicheskiy tsentr-Press»* [US Sociological Jurisprudence in the 20th Century: Doctrine Formation, Development and Improvement of Law and Order]. – St. Petersburg: Publishing House "Legal Center-Press", 2012.

2. Baranov V.M. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki (O soderzhanii i roli dannogo uchebnogo kursa v obrazovatel'noy programme magistratury). retsenziya na uchebnik V.M. Syrykh «Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki» (M., 2012. – 464 s.) // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* [History and methodology of legal science (On the content and role of this training course in the educational program of a magistracy). review of the textbook V.M. Raw “History and methodology of legal science” (M., 2012. – 464 p.) // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2013. No. 22.

3. Klimenko A.I. *Problema legalizatsii pravovoy praktiki: sotsio-aksiologicheskiy podkhod // Filosofiya prava.* [The problem of legalization of legal practice: socio-axiological approach // Philosophy of Law]. 2018. No. 3 (86).

4. Klimenko A.I. *Funktsional'no-strukturnyye kharakteristiki pravovoy ideologii: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk* [Functional and structural characteristics of legal ideology: author. dis. ... doc. legal sciences]. – M., 2016.

5. Klimenko A.I. *Sotsio-aksiologicheskiy podkhod k pravu i yego znacheniye dlya sovremennoy yuridicheskoy nauki // Yurist"-Pravoved"* [Socio-axiological approach to law and its significance for modern legal science // Lawyer-Jurisprudence]. 2018.No 4 (87).

6. Pridvorov N.A., Trofimov V.V. *Pravoobrazovaniye i pravoobrazuyushchiye faktory v prave. – M.: norma: Infra-M* [Law formation and legal factors in law]. – M .: norm: Infra-M, 2012.

7. Trofimov V.V., Sviridov V.V. *Metodologicheskiye osnovaniya sovremennoy teorii prava: k probleme peresmotra i poiska novogo tipa pravoponimaniya // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy*. [Methodological foundations of the modern theory of law: to the problem of reviewing and searching for a new type of legal understanding // Russian Journal of Legal Researc]h. 2016. No. 2 (7).

8. Trofimov V.V. *Nauchnaya obosnovannost' pravovoy politiki kak faktor minimizatsii riskov v dinamicheskoy strukture prava // Yuridicheskaya tekhnika* [The scientific validity of legal policy as a factor in minimizing risks in the dynamic structure of law // Legal Technology]. 2019.No 13. P. 368.

9. Erlich O. *Osnovopolozheniye sotsiologii prava. – SPb.: OOO «Universitetskiy izdatel'skiy konsortsium»* [The foundation of the sociology of law]. – SPb .: University Publishing Consortium LLC, 2011.

УДК 340

Андрей Петрович Мазуренко,
руководитель департамента государственно-правовых
исследований Северо-Кавказского научного центра,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: decanpetrovich@mail.ru

Andrey Petrovich Mazurenko,
Head of the Department of Public Law
Research of the North Caucasus Scientific Center,
Doctor of Law, Associate Professor

ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК НОВЫЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН

Статья посвящена анализу становления и развития такого нового государственно-правового феномена, как правотворческая политика. Обосновывается необходимость специальных научных исследований в данной области общей теории государства и права. Утверждается, что правотворческая политика есть путь к усовершенствованию и обновлению правотворчества, повышению его эффективности. Подобный вид политики требуется для выстраивания непротиворечивого, внутренне единого, согласованного, последовательного правотворческого процесса, для внесения в него системности и юридической точности. Приводятся точки зрения различных ученых относительно целей такой политики, раскрываются результаты работы Научно-образовательного центра правотворческой политики в современной России. Делаются авторские выводы о возможных путях дальнейшего развития данного государственно-правового явления. По мнению автора, в контексте происходящих в стране и мире изменений дальнейшего углубленного анализа требуют вопросы о сущности и средствах правотворческой политики, ее социально-нравственных началах, влиянии на процессы гуманизации права, укрепления законности и правопорядка, обеспечения прав и законных интересов личности, строительства демократического правового государства и т. д.

Ключевые слова: государственно-правовой феномен, правотворческая политика, правотворчество, цели, средства, процесс, законодательство

LAW-MAKINGPOLICY AS A NEW STATE-LEGAL PHENOMENON

The article is devoted to the analysis of the formation and development of such a new state-legal phenomenon as law-making policy. The necessity of special scientific research in this area of he general theory of state and law is substantiated. It is argued that lawmaking policy is the way to improve and update lawmaking, increase its effectiveness. This kind of policy is required to build a consistent, internally unified, coordinated, consistent law-making process, to introduce systematic and legal accuracy into it. The points of view of various scholars are given regarding the goals of such a policy, the results of the work of the Scientific and Educational Center for Law-Making Policy in modern Russia are revealed. The author draws conclusions about the possible ways of further development of this state-legal phenomenon. According to the author, in the context of changes taking place in the country and the world, further in-depth analysis requires questions about the nature and means of law-making policy, its social and moral principles, the impact on the humanization of law, strengthening the rule of law and order, ensuring the rights and legitimate interests of individuals, building democratic state of law, etc.

Keywords: state-legal phenomenon, law-making policy, law-making, goals, means, process, legislation.

Вот ужечетверть века наша страна находится в состоянии перманентной модернизации различных сфер социальной жизни. При этом все годы отечественных реформ сопровождаются коренными изменениями в праве. Практически заново сформированы основные отрасли российского законодательства. На значительно более высокий уровень возведена роль закона как главного средства регулирования общественных отношений. Свое важное место

в механизме государства заняла представительная власть. Правотворчество в стране развивается невиданными темпами. Но, несмотря на эти весьма позитивные перемены, все явственнее заявляют о себе те проблемы отечественного правотворчества, которые настоятельно требуют его системной оптимизации, выработки научно обоснованной стратегии и тактики в правотворческой сфере, использования новых инструментов для устранения многочисленных недостатков правотворческой деятельности.

Типичность таких правотворческих ошибок как бессистемность правовых актов, их внутренняя противоречивость и излишняя многочисленность, обилие в законодательстве декларативных норм, не снабженных механизмом реализации, а также повторяемость подобных ошибок на протяжении многих лет говорят об их системном характере. Кроме того, субъекты правотворчества так и не могут в полной мере синхронизировать федеральный, региональный и муниципальный уровни правотворческого процесса.

Все это говорит о пока еще низком качестве правотворческой работы, ее значительном отставании от экономических, социальных, политических и иных потребностей общества, о большом количестве правотворческих ошибок и иных просчетов в правовом регулировании. Справиться с названными проблемами одноразовыми, эпизодическими действиями невозможно. Требуется соответствующее системное реагирование – *правотворческая политика*, которая отличается системным характером, соединяющим многие инструменты правотворческого процесса во взаимосвязанный механизм.

Правотворческая политика есть путь к усовершенствованию и обновлению правотворчества, повышению его эффективности. Подобный вид политики требуется для выстраивания непротиворечивого, внутренне единого, согласованного, последовательного правотворческого процесса, для внесения в него системности и юридической точности. В данном контексте весьма наглядно проявляет себя необходимость изучения особенностей, выявления сущности и разработки теоретических основ правотворческой политики как важного фактора оптимизации правотворчества в Российской Федерации.

Современная правотворческая политика призвана воздействовать на базовые сферы общественных отношений путем постоянного обновления правотворчества, предупреждать негативные явления и тенденции, не забегая вместе с тем вперед там, где условия для правового вмешательства не созрели. В такой политике, как нигде, важен прогноз, предвидение. Она должна обладать способностью диагностировать болевые точки жизни общества[1] и своевременно на них реагировать.

Опыт ведущих стран показывает, что создание жизнеспособной правовой системы невозможно без опоры на социально ориентированную и сбалансированную правотворческую деятельность, в основе осуществления которой лежит научно обоснованная правотворческая политика. В этой связи следует признать, что исследуемая в настоящей работе проблема самым непосредственным образом сопряжена с одним из магистральных направлений политико-правовой практики, без глубокой доктринальной разработки которой ожидать каких-либо позитивных результатов в названной области не представляется возможным.

Несмотря на то, что проблемы правотворческой политики совсем недавно стали предметом глубоких научных изысканий, новизна и актуальность исследования указанных проблем налицо. Весомым вкладом в развитие ее доктрины стало издание материалов всероссийских круглых столов и конференций, проводимых на базе Научно-образовательного центра правотворческой политики в современной России, созданного Саратовским филиалом Института государства и права РАН и Северо-Кавказским филиалом Московского гуманитарно-экономического института. В нормативных документах, закрепивших статус научно-образовательного центра, сказано, что он создан для достижения общих научно-исследовательских, образовательных, информационных целей, повышения качества высшего и по-

[1] См.: Матузов Н.И. Российская правовая политика: вызовы и угрозы XXI века // Правовая политика России: теория и практика. Монография / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2006. С. 33.

слевузовского профессионального образования, организации проведения учеными высшей школы и Российской Академии Наук фундаментальных научных исследований, а также обеспечения глубокой специализации аспирантов, магистрантов и студентов в области современных проблем правотворческой политики и развития новых, междисциплинарных научных направлений благодаря интеграции высшего образования и фундаментальной науки.

Основная тема научных разработок Центра – наиболее актуальные проблемы правотворческой политики на современном этапе развития Российского государства. Данную тему, так или иначе, анализируют многие исследователи (как теоретики, так и отраслевики), представляющие различные научные школы в нашей стране. Научно-образовательный центр был создан для оперативного реагирования на новейшие научные достижения, аккумулирования последних разработок в этой сфере и выработки в рамках общей теоретической концепции правотворческой политики некоего конечного, целостного научного «продукта».

Одним из первых таких «продуктов», отличающихся научной новизной и практической значимостью, стал сборник научных трудов по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола на тему: «Правотворческая политика в современной России» под общей редакцией А.В. Малько (Саратов – Минеральные Воды, 2009). Книга явилась первым междисциплинарным исследованием, созданным совместными усилиями представителей науки и образования, призванным сформировать у будущих ученых-правоведов и юристов-практиков представление об одном из важнейших феноменов современной юридической жизни – правотворческой политике. В сборнике нашли отражение актуальные теоретические и прикладные вопросы такой политики, возникающие в свете происходящих в России и мире процессов и перемен, новейших реалий и тенденций. В подготовке сборника приняли участие многие ведущие ученые страны и начинающие исследователи проблем правотворческой политики, среди которых можно выделить имена таких известных правоведов, как С.В. Поленина, А.В. Малько, Ю.Г. Арзамасов, И.А. Иванников, Н.В. Исаков, А.И. Овчинников, Л.В. Голоскоков, А.Ю. Мордовцев, В.В. Трофимов и др.

Продолжением этой многоплановой исследовательской работы стал выход в Москве монографии «Российская правотворческая политика: концепция и реальность»[1], в которой были детально освещены теоретические первоосновы данного государственно-правового феномена: сущность, понятие, цели, средства, формы реализации и т. д. В 2011 году, опять же в Москве, увидел свет проект Концепции правотворческой политики, который представил собой отражение ее доктринальных основ как системы теоретических взглядов относительно содержания, принципов, задач данной политики на современном этапе развития Российской Федерации, а также конкретных мер, определяющих пути ее реализации на практике. Буквально через год коллективом авторов было подготовлено и опубликовано первое учебное пособие с названием «Российская правотворческая политика» (Пятигорск, 2012), вслед за которым издательством Саратовской государственной юридической академии выпущен курс лекций «Правотворческая политика в современной России» (Саратов, 2013). Авторский коллектив данных учебных изданий, включающий ученых Саратовского филиала ИГП РАН и Северо-Кавказского филиала МГЭИ, был расширен за счет представительства научных школ других российских городов: Москвы, Волгограда, Ростова-на-Дону, Астрахани, Тамбова, Пензы, Пятигорска и др., что, безусловно, повысило научную и дидактическую значимость результатов, проводимых Центром исследований.

Научно-исследовательская работа в данном направлении носит регулярный характер и находит отражение в активной монографической деятельности участников НОЦ. Так, в 2013 году в столичном издательстве «Юрлитинформ» вышла в свет совместная монография А.В. Малько и А.П. Мазуренко на тему «Правотворческая политика России: история и современность». В следующем году в издательстве «РИА-КМВ» издана монография В.Р. Ка-

[1] См.: Мазуренко А.П. Российская правотворческая политика: концепция и реальность. М., 2010.

лайчева под названием «Правотворческая политика исполнительных органов власти». В том же 2014 году в Москве под редакцией А.В. Малько и Н.В. Исакова вышел русско-английский юридический словарь «Правотворческая политика». В 2015 году в США на английском языке была опубликована монография «Law-making policy in the context of globalization» [Правотворческая политика в условиях глобализации][1]. В 2017 году в немецком издательстве LAP LAMBERT Academic Publishing Gmb H&Co увидела свет еще одна совместная монография участников Научно-образовательного центра А.П. Мазуренко и А.П. Лиманской под названием «Специальные правовые режимы как средство правотворческой политики». В 2018 году данная монография была признана лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу в номинации «Юриспруденция», проводимого Фондом развития отечественного образования.

Но наиболее знаковым событием в деятельности Научно-образовательного центра стало издание ежегодника «Правотворческая политика», первый номер которого увидел свет в апреле 2013 года. На его страницах нашли отражение не только общетеоретические проблемы правотворческой политики, но и конкретные вопросы ее реализации в практике государственного и правового строительства современной России. Отдельная рубрика журнала посвящена обзору результатов исследований молодых ученых, аспирантов и магистрантов российских вузов. На страницах этого периодического научного издания рассматриваются вопросы развития правотворческой политики и модернизации различных сторон политико-правовой жизни страны, институтов демократии, а также структур власти федерального и регионального уровней.

Таким образом, Научно-образовательный центр правотворческой политики достиг значительных результатов в рамках своей главной стратегической цели – объединения усилий академической и вузовской науки для реализации фундаментальных научных проектов, крупных дидактических разработок и имеет несомненный потенциал для дальнейшего научного развития[2].

Однако, несмотря на большие усилия отдельных исследователей, объединенных под эгидой упомянутого выше научно-образовательного центра, в сфере отечественной правотворческой политики остается еще много проблем, как доктринального, так и прикладного характера, ждущих своего решения. К сожалению, преимущественное внимание большинства российских ученых сосредоточено на анализе отдельных проблем правотворчества, законодательной техники, генезиса российского парламентаризма и т. п. Вопросы непосредственно правотворческой политики, главным образом, рассматриваются в контексте исследования проблем современной российской правовой политики. Результаты этих исследований выявили целый ряд дискуссионных моментов, а порой и просто новых, еще не освоенных граней данного сложного феномена политико-правовой действительности. В контексте происходящих в стране и мире изменений, дальнейшего углубленного анализа требуют вопросы о сущности и целях правотворческой политики, ее социально-нравственных началах, влиянии на процессы гуманизации права, укрепления законности и правопорядка, обеспечения прав и законных интересов личности, строительства демократического правового государства и т. д.

Список литературы

1. Mazurenko A. Law-making policy in the context of globalization Raleigh.– North Carolina (США): Lulu Press, 2015

[1]См.: Mazurenko A.Law-making policy in the context of globalization Raleigh.– North Carolina (США): Lulu Press, 2015.

[2] Подробнее о деятельности НОЦ см.: Мазуренко А.П., Колесник С.А. Научно-образовательный центр правотворческой политики в современной России: практический опыт интеграции юридического образования и академической науки // Образование. Наука. Научные кадры. М., 2014. № 4. С. 11-13.

2. *Мазуренко А.П., Колесник С.А.* Научно-образовательный центр правотворческой политики в современной России: практический опыт интеграции юридического образования и академической науки // Образование. Наука. Научные кадры. – М., 2014. – №4.

3. *Матузов Н.И.* Российская правовая политика: вызовы и угрозы XXI века // Правовая политика России: теория и практика. – Монография / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Проспект, 2006. – С. 33.

List of references

1. Mazurenko A.P. [.Law-making policy in the context of globalization Raleigh].– North Carolina (США): Lulu Press, 2015

2. Mazurenko A.P., Kolesnik S.A. *Nauchno-obrazovatel'nyy tsentr pravotvorcheskoy politiki v sovremennoy Rossii: prakticheskiy opyt integratsii yuridicheskogo obrazovaniya i akademicheskoy nauki // Obrazovaniye. Nauka. Nauchnyye kadry* [Scientific and educational center of law-making policy in modern Russia: practical experience of integration of legal education and academic science // Education. The science. Scientific staff]. – M., 2014. – No. 4.

3. Matuzov N.I. *Rossiyskaya pravovaya politika: vyzovy i ugrozy KHKHI veka // Pravovaya politika Rossii: teoriya i praktika. – Monografiya* [Russian legal policy: challenges and threats of the XXI century // Legal policy of Russia: theory and practice. – Monograph] / Ed. N.I. Matuzova and A.V. Malko. – M .: Prospect, 2006 .-- S. 33.

УДК 340

Екатерина Викторовна Мамитова,
студентка 3 курса юридического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: ekaterina.mamitova@mail.ru

Ekaterina Viktorovna Mamitova,
3rd year student of the Law Faculty
of Moscow State University M.V. Lomonosov

ГРАНТЫ В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Отечественная правовая система на современном этапе ее развития отличается отсутствием необходимой мобильности и не всегда может предложить эффективные средства регулирования социальной реальности, особенно в среде молодежи, находящейся в постоянном развитии.

Ввиду этого, правовая система нуждается в совершенствовании и сохранении её стабильности и устойчивости, новые процессы в общественном развитии требуют быстрого реагирования правовой политики в том числе в сфере правотворчества. Одним из таких направлений является грантовая политика. В статье гранты рассмотрены как определенные механизмы правового стимулирования научных открытий и разработок, а также регулирования общественных процессов в среде молодежи, являющиеся не только средством материальной, но и научной, культурной и духовной поддержки.

Ключевые слова: право, государство, правотворческий процесс, грант, правовая политика, правовой стимул, молодежь.

GRANTS IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC STIMULATION OF THE RUSSIAN YOUTH

The domestic legal system at the present stage of its development is distinguished by the lack of necessary mobility and cannot always offer effective means of regulating social reality, especially among young people in constant development.

In view of this, the legal system needs to be improved and its stability and sustainability maintained, new processes in social development require a rapid response to legal policy including in the field of law-making. One of these areas is the grant policy. The grants are considered in the article as certain mechanisms of legal stimulation of scientific discoveries and developments, as well as the regulation of social processes among young people, which are not only a means of material, but also scientific, cultural and spiritual support.

Keywords: law, state, law-making process, grant, legal policy, legal incentive, youth.

Одним из малоизученных направлений правовой политики Российской Федерации в сфере научного стимулирования российской молодежи является грантовая политика. Данная политика направлена на расширение и нормативное закрепление правовых стимулов в обществе.

В последние годы наметилась устойчивая тенденции расширения горизонтов отечественного права в части использования позитивных форм правового регулирования отношений посредством применения правового стимулирования как способа воздействия на поведение участников общественных отношений. Здесь нельзя не согласиться с мнением ряда авторов, утверждающих, что правовые стимулы играют существенную роль в формировании сознательно активного правомерного поведения. Особенность основывается не только на необходимости соблюдения правовых предписаний, но прежде всего, на уважении к закону, внутренней установке и убеждённости в социальной значимости права[1].

За более чем тысячелетний период развития правовые стимулы в российском законодательстве из неупорядоченных и отдельных элементов правового регулирования достигли

[1] Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2004. С. 16.

уровня разветвленной системы, межотраслевого правового института. Этим обстоятельством обусловливаются динамичность данного правового явления и необходимость дальнейшего изучения правовых стимулов, в первую очередь на общетеоретическом и методологическом уровнях, с учетом изменений, которые привносят обусловленные политико-правовыми процессами реалии современной действительности.

Одним из таких стимулов является – грант. Между тем, правовое регулирование грантовой деятельности в РФ сегодня недостаточно разработано. В правовой науке и российском законодательстве нет единого определения понятия «грант». Правовое содержание грантов по-разному раскрывается в отраслевом законодательстве. Так, в Налоговом кодексе Российской Федерации присутствует определение гранта для целей налогообложения. Бюджетное законодательство рассматривает грант как специфическую форму бюджетной субсидии. Законодательство о науке и благотворительной деятельности дает собственное определение грантов. Таким образом, разрозненные и не согласованные нормы, содержащиеся в отдельных нормативных актах и отраслях законодательства, отражают лишь отдельные элементы данного правового института. Понятие грант приходится собирать из разных правовых актов, относящихся к различным отраслям права, что не позволяет дать полного представления о правовом статусе гранта, а главное о его использовании в практике.

Доказано, что гранты занимают несколько обособленное место в системе правовых стимулов, так как отличаются избирательностью и специально законодательно установленной процедурой предоставления на основании конкурса. Также спектр действий гранта в настоящее время многообразен. Интерес к грантам с позиции правоприменения обусловлен наличием специального механизма финансирования. Гранты осуществляют своеобразную функцию выравнивание диспропорции в финансировании отдельных социальных значимых проектов, научных следований, культуры и образования, которые возникают вследствие дефицита бюджетного финансирования.

Перспективность развития грантовой поддержки в том числе в области науки отмечена и в Послании президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016, в котором названа важной поддержка молодых учёных, в связи с чем планируется запуск специальной линейки грантов, рассчитанных на период до семи лет. На эти цели, а также на развитие научной инфраструктуры, открытие новых лабораторий в 2019-м году уже к заявленным ресурсам на науку будет выделено дополнительно 3.500.000.000 руб.

Грант – это особый правовой стимул, проявляющийся в безвозмездной и безвозвратной передаче на конкурсной основе денежных средств или иного имущества от грантодателя грантополучателю на общественно-полезные и значимые цели с последующим предоставлением отчета об их использовании[1].

Выделяют основные признаки грантов: они являются средством материальной поддержки, реализуемой посредством предоставления денежных средств или иного имущества, предполагают безвозмездность, безвозвратность, целевой характер, общественную полезность, предоставляются на конкурсной основе с использованием механизма рецензирования (экспертизы), предоставляются на определенный срок, предполагают отчет о целевом использовании. В рамках реализации гранта (выполнения работ, исследований и т. д.) грантополучатель обладает полной свободой своей деятельности (профессиональной, научной, творческой и т. д.), а также наделяется правом самостоятельно распоряжаться полученными денежными средствами / имуществом в рамках выполнения грантового проекта, которые поступают в его собственность.

Функции грантов:

– гранты создают условия, благоприятные для творческой, научной, исследовательской, инновационной и иной социально полезной деятельности, предоставляют дополни-

[1] Провалинский Д.И. Гранты в системе правовых стимулов: общетеоретический и сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Пенза, 2017. 26 с.

тельную возможность получения образования, сохранения культурного наследия и охраны окружающей среды, развития физической культуры и др.;

– развитие мер грантовой поддержки способствует привлечению внебюджетных и частных источников в финансировании социально значимых проектов, что особенно важно в условиях дефицита бюджетных средств, выделяемых на эти цели;

– грант позволяет получить определенную сумму денежных средств на определенный период времени, в пределах которого грантополучатель самостоятельно определяет порядок и последовательность их расходования, что является дисциплинирующим фактором, способствует развитию навыков самоорганизации и повышению личной ответственности;

– в отличие от так называемой контрактной системы выполнения заказа, грантовая система поддержки предоставляет грантополучателю возможность самому выстраивать последовательность этапов своей работы, продолжительность и содержание каждого из них, самостоятельно определять рабочую нагрузку и график работы.

Если говорить о законодательном регулировании грантовой политики в России, то оно появилось в начале 90-х годов XX века с приходом на внутренний рынок международных благотворительных и научных фондов[1].

Одним из первых направлений реализации отечественных грантов явилась поддержка государством научных исследований. Созданные Указом Президента РФ от 27.04.1992 № 426 Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) и Постановлением Правительства РФ от 08.09.1994 № 1023 Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ) стали первыми фондами, осуществлявшими финансирование научных исследований посредством грантов с использованием бюджетных средств.

В последующем на рубеже XX и XXI веков в России начали создаваться «собственные» частные благотворительные фонды, осуществляющие поддержку социальных проектов и гражданских инициатив. Последняя инициатива в сфере Президентских грантов была принята Указом Президента РФ от 03.04.2017 № 137 «О Координационном комитете по проведению конкурсов на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества», а также разработано «Положение о Координационном комитете по проведению конкурсов на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества».

В заключении, хотелось бы сделать вывод и предложить меры, направленные на эффективность правового регулирования грантовой деятельности в системе правовых стимулов:

– прежде всего, необходимо принять Федеральный закон «О государственных (муниципальных) и частных грантах в Российской Федерации», в котором закрепить единое понятие «грант» для всех отраслей права. В законе привести базовые понятия, выделить и систематизировать виды грантов, прописать механизм выдачи грантов, процесс формирования комиссий по рассмотрению грантовых заявок, порядок проведения экспертизы грантовых заявок и размещения итогов конкурса, права и обязанности сторон договора о гранте, порядок, сроки и критерии предоставления отчета об использовании гранта, а также меры ответственности за нарушение сроков предоставления (непредоставление) отчета о целевом использовании гранта.

Список литературы

1. Конюшкина Ю.. Финансирование научной деятельности как гарантия реализации конституционного права на свободу научного творчества / Ю.А. Конюшкина // Юридическое образование и наука. – 2014. – № 3. – С. 9-11.

2. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М.: Юрист 2004. С. 16.

3. Провалинский Д.И. Гранты в системе правовых стимулов: общетеоретический и сравнительный анализ :автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. – Пенза, 2017 – 26 с.

[1] Конюшкина Ю.А. Финансирование научной деятельности как гарантия реализации конституционного права на свободу научного творчества // Юридическое образование и наука. 2014. № 3. С. 9-11.

List of references

1. Konyushkina, Yu.A. *Finansirovaniye nauchnoy deyatel'nosti kak garantiya realizatsii konstitutsionnogo prava na svobodu nauchnogo tvorchestva / YU. A. Konyushkina // Yuridicheskoye obrazovaniye i nauka* [Financing of scientific activity as a guarantee of the implementation of the constitutional right to freedom of scientific creativity / Yu.A. Konyushkina // Legal education and science]. – 2014. – No. 3. – pp. 9-11.

2. Malko A.V. *Stimuly i ogranicheniya v prave. M.: Yurist* [Incentives and limitations in law. M.: Lawyer] 2004, p. 16

3. Provilinsky D.I. *Granty v sisteme pravovykh stimulov: obshcheteoreticheskiy i sravnitel'nyy analiz :avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.01* [Grants in the system of legal incentives: general theoretical and comparative analysis: author. dis. ... cand. legal Sciences: 12.00.01] / – Penza, 2017 – 26 p.

УДК 342.5

Роман Сергеевич Маркунин,
доцент кафедры теории государства и права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
кандидат юридических наук
E-mail: markunin88@yahoo.com

Roman S. Markunin,
Associate Professor of the Department of Theory
State and rights «Saratov State Law Academy»,
candidate of Juridical Sciences

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВА

В статье рассмотрены ряд методов познания, которые могут быть полезны для всестороннего изучения юридической ответственности государственных органов и должностных лиц. По результатам анализа действующего законодательства приводятся примеры пробелов в сфере регулирования вопросов ответственности властных субъектов и предлагаются возможные варианты решений выявленных проблем. Установлена роль морально-этического компонента в деятельности государственных служащих и его степень влияния на юридическую ответственность. Отдельный вопрос посвящен взаимодействию позитивного и негативного проявлений ответственности должностных лиц. Обосновываются преимущества анализа подобного взаимодействия посредством законов диалектической логики. В заключении делается вывод о необходимости применения различных методов познания с целью более полного исследования юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, мораль, норма права, судья, прокурор, глава государства, государственный служащий.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF LEGAL RESPONSIBILITY OF STATE BODIES

The article discusses a number of cognition methods necessary for a comprehensive study of the legal responsibility of state bodies and officials. Based on the analysis of the current legislation, examples of gaps in the sphere of regulation of issues of responsibility of power entities are given. The role of the moral and ethical component in the activities of public servants and its degree of influence on legal responsibility are established. In conclusion, it is concluded that it is necessary to use various methods of cognition in order to more fully investigate legal liability.

Keywords: legal liability, morality, rule of law, judge, prosecutor, head of state, civil servant.

Вопрос о методологии исследования любых юридических явлений занимает важное место при любых научных изысканиях и служит в дальнейшем залогом успешного поиска и фиксации научных результатов, которые могут быть использованы как в теории, так и на практике.

Юридическая ответственность по праву считается одним из сложных и комплексных явлений, при изучении которого особое внимание следует уделить выбору методов познания. В нашем случае в вопрос выбора методологии зависит и от особенностей субъекта юридической ответственности в виде государственных органов и их государственных служащих. Выбор подобного субъекта ответственности объясним важностью осуществляемой им деятельности, которая связывается с регулированием наиболее важных отношений в обществе. В связи с этим поиск средств обеспечения гарантий эффективного функционирования государственных органов и поддержания их результативности работы формирует одно из актуальных направлений научных исследований. Мы склонны полагать, что институт юридической ответственности способен достичь этих цели в отношении органов государственной власти, но с учетом верного выбора методов познания.

Первым и наиболее классическим методом правового исследования выступает формально-юридический. Юридическая ответственность, являясь сложным правовым образованием, с помощью формально-юридического метода подвергается изучению с использованием правил формальной логики и приемов юридической техники. Полученные при этом результаты способствуют выработкt способов закрепления оснований и мер ответственности в нормативно-правовых актах и установлению особенностей в рамках интерпретационной деятельности.

Однако при всех достоинствах формально-юридического метода формальная логика не способна выразить противоречия внутри единого правового явления и показать их взаимосвязь. Это становится необходимом при рассмотрении юридической ответственности органов государства с учетом проявления ее негативного и позитивного начал. Установление имеющихся взаимосвязей противоречащих проявлений ответственности достижимо благодаря использованию диалектической логики. Позитивная юридическая ответственность государственного органа и его государственных служащих выражается в виде осознания закрепленных нормативно-правовыми актами обязанностей и необходимости осуществлять свою деятельность с учетом интересов общества. В случае несоблюдения установленных обязанностей и совершения иных правонарушений негативная ответственность приходит на смену своему позитивному проявлению. С этого момента юридическая ответственность будет связываться с применением в отношении обозначенного выше субъекта определенных мер негативного характера, а у виновного органа или должностного лица появляется необходимость претерпевать последствия этих лишений. Именно диалектическая логика способна выразить динамику двух аспектов юридической ответственности в момент их перехода.

Вышеназванный переход важен и при использовании системного метода, когда юридическая ответственность рассматривается как сложное системное явление, включающее в себя определенные структурные элементы. Внутрисистемные элементы ответственности в виде оснований, мер и процедуры их реализации выступают в виде обязательных составных частей всей системы ответственности, по крайней мере, ее негативного проявления. Отсутствие хотя бы одного элемента заставляет превратиться систему ответственности в простую совокупность правовых образований, не способных достичь той цели, которая ставится перед ними. Действие этого процесса можно наблюдать на примере ответственности главы государства, статус которого не предусматривает ни одной обязанности, что приводит к неудовлетворительному состоянию такого элемента как основания ответственности[1].

Однако анализ ответственности органов государства был бы не полным без применения синергетического метода. Синергетика при изучении свойства самоорганизации выступает специфической составляющей системного метода. Метод на ее основе позволяет проследить процесс организации и взаимодействия системного явления с внешней средой, которую образуют иные правовые явления. Эти взаимосвязи извне показывают особенности реализации юридической ответственности органов государственной власти по причине наличия тесных связей с нормами морали и нравственности. Своеобразие субъекта ответственности в виде государственных органов обязует их корректировать свою деятельность соотнося ее не только с правовыми нормами, но и принимая во внимание морально-этические устои и традиции самого общества. Важность влияния нравственных начал на результативность работы органов власти подтверждается примерами из законодательства, в которых морально-этические нормы обретают правовое значение. Так, в частности, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ указывается, что под дисциплинарным проступком судьи следует понимать не только нарушение норм закона, но и общепринятых норм морали, правил поведе-

[1] См.: Малько А.В., Маркунин Р.С. Ответственность Президента Российской Федерации в системе юридической ответственности органов публичной власти // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 2 (29). С. 47-50.

ния при исполнении служебных обязанностей[1]. В данном случае мы можем наблюдать особую этическую ответственность судьи[2]. Помимо суда пример влияния моральных норм на систему ответственности можно встретить в отношении работников прокуратуры. Статья 41.7. Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» устанавливает возможность наложения дисциплинарного взыскания на работника в связи с совершением поступка, порочащего его честь.

Однако более всестороннее изучение юридической ответственности органов власти можно обеспечить применением метода моделирования. Процесс построения модели происходит уже после формирования теоретических основ системного явления. Системная модель используется в качестве образца, чтобы на практике проследить процесс взаимодействия структурных элементов и их возможную реакцию на происходящие изменения[3].

Следующий метод, который можно использовать при изучении юридической ответственности государственных органов – сравнительный. При сопоставлении отдельных внутрисистемных элементов ответственности, например меры, можно выявить специфические черты субъекта. К примеру, государственные служащие за совершение административных правонарушений могут быть подвергнуты более суровым санкциям по сравнению с обычными гражданами. Также в связи с занимаемой должностью в отношении данных субъектов действуют и специфические виды наказаний в виде дисквалификации[4]. Сравнительный метод способен раскрыть национальную специфику работы института юридической ответственности при его сопоставлении с зарубежными аналогами. Так, в зарубежном законодательстве ряда стран действует мера ответственности в отношении судьи, заключающаяся в досрочном прекращении полномочий в результате импичмента. Содержание подобной меры в отечественном законодательстве позволило бы укрепить дисциплину и обеспечить реализацию принципа профессионализма при осуществлении правосудия[5]. Таким образом, применение сравнительного метода дает возможность установить сильные и слабые стороны работы правовых институтов в процессе их сопоставления.

Применение исторического метода познания позволяет рассмотреть юридическую ответственность органов власти с анализом ее характерных признаков определенного периода времени. Советское законодательство устанавливало схожие составы правонарушений для должностных лиц. Однако наличие социалистической идеологии советского времени создавало основу для воспитания моральных ценностей у государственных служащих, которые обязаны были учитывать направления своей деятельности с интересами общества[6]. Таким образом, выстраивалась неразрывная связь двойной ответственности, как перед обществом, так и перед государством.

В завершение необходимо отметить, что для успешного изучения такого сложного и многопланового явления, как юридическая ответственность требуется применение таких же разнообразных методов познания. Ответственность государственных органов выступает самостоятельным направлением научного исследования, которое отличается определенной

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 мая 2007 г. № 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Клеандров М.И. Конституционная ответственность судьи – дело послезавтрашнего дня? // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 2. С. 1-8.

[3] См.: Кузьмин И.А. Системная модель юридической ответственности. Иркутск, 2018. С. 46.

[4] См.: Балаклеец И.И., Салтыкова Н.В. К вопросу об ответственности государственных служащих // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 8. С. 173-175.

[5] См.: Малько А.В., Маркунин Р.С. Современные пути борьбы с проявлениями коррупции в системе органов публичной власти // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 5. С. 678-688.

[6] См.: Чупилкина А.Ф. Местное самоуправление в России: исторические предпосылки развития и современное возвращение к концептуальным основам советской модели организации местной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 9. С. 21-25.

спецификой субъекта, что влияет на выбор методологического инструментария. Верный подход к этому выбору позволяет установить имеющиеся проблемы в развитии института юридической ответственности и предложить варианты их преодоления в будущем.

Список литературы

1. Балаклеец И.И., Салтыкова Н.В. К вопросу об ответственности государственных служащих // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 8. С. 173-175.

2. Клеандров М.И. Конституционная ответственность судьи – дело послезавтрашнего дня? // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 2. С. 1–8.

3. Кузьмин И.А. Системная модель юридической ответственности. Иркутск: Иркутский юридический институт Университета прокуратуры РФ, 2018. 186 с.

4. Малько А.В., Маркунин Р.С. Современные пути борьбы с проявлениями коррупции в системе органов публичной власти // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 5. С. 678-688.

5. Малько А.В., Маркунин Р.С. Ответственность Президента Российской Федерации в системе юридической ответственности органов публичной власти // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 2 (29). С. 47-50.

6. Чупилкина А.Ф. Местное самоуправление в России: исторические предпосылки развития и современное возвращение к концептуальным основам советской модели организации местной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 9. С. 21-25.

List of references

1. Balakleets I.I., Saltykova N.V. *K voprosu ob otvetstvennosti gosudarstvennykh sluzhashchikh // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [To the question of responsibility of public servants // International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2018.No 8.P. 173-175.

2. Kleandrov M.I. *Konstitutsionnaya otvetstvennost' sud'i – delo poslezavtrashnego dnya? // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya.* [Judge's Constitutional Responsibility – The Case After Tomorrow? // Journal of constitutional justice]. 2012. No. 2. P. 1–8.

3. Kuzmin I.A. *Sistemnaya model' yuridicheskoy otvetstvennosti. Irkutsk: Irkutskiy yuridicheskiy institut Universiteta prokuratury RF* [The system model of legal liability. Irkutsk: Irkutsk Law Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation], 2018.186 p.

4. Malko A.V., Markunin R.S. *Sovremennyye puti bor'by s proyavleniyami korruptsii v sisteme organov publichnoy vlasti // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal.* [Modern ways to combat the manifestations of corruption in the system of public authorities // All-Russian Criminological Journal]. 2018. No. 5. P. 678-688.

5. Malko A.V., Markunin R.S. *Otvetstvennost' Prezidenta Rossiyskoy Federatsii v sisteme yuridicheskoy otvetstvennosti organov publichnoy vlasti // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskiye nauki* [Responsibility of the President of the Russian Federation in the system of legal responsibility of public authorities // Science Vector of Togliatti State University. Series: Jurisprudence]. 2017. No. 2 (29). pp. 47-50.

6. Chupilkina A.F. *Mestnoye samoupravleniye v Rossii: istoricheskiye predposylki razvitiya i sovremennoye vozvrashcheniye k kontseptual'nym osnovam sovetskoy modeli organizatsii mestnoy vlasti // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye.* [Local self-government in Russia: historical background and a modern return to the conceptual foundations of the Soviet model of local government // State power and local self-government]. 2016. No. 9. P. 21-25.

УДК 340

Александр Викторович Петренко,
старший преподаватель Южного университета (ИУБиП),
кандидат юридических наук
E-mail: Fides333@mail.ru

Alexander Viktorovich Petrenko,
Lecturer, Southern University (IMBL),
candidate of law

РОЛЬ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В УСТРАНЕНИИ ПРАВОТВОРЧЕСКИХ ОШИБОК

Статья раскрывает значение и роль правовой политики при устранении правотворческих ошибок. Обосновывается значимость их нивелирования, способствующая повышению прозрачности и эффективности применения нормативных правовых актов, особенно в контексте реализации национальных проектов Российского государства. Автор приводит основной категориальный аппарат, в том числе дефиниции правовой политики и правотворческой ошибки. Выявлена связь ошибочной-деятельности правотворческих органов и недоверия граждан к возможности реализации национальных проектов.

Ключевые слова: политика, правовая политика, правотворческая ошибка, национальный проект, правореализация.

THE ROLE OF LEGAL POLICY IN ELIMINATING LAW-MAKING MISTAKES

The article reveals the importance and role of legal policy in eliminating law-making mistakes. The significance of their leveling is substantiated, which helps to increase transparency and the effectiveness of the application of regulatory legal acts, especially in the context of the implementation of national projects of the Russian state. The author gives the main categorical apparatus, including the definition of legal policy and law-making mistakes. The connection between the erroneous activity of law-making bodies and the distrust of citizens in the possibility of implementing national projects is revealed.

Keywords: politics, legal policy, law-making mistake, national project, legal implementation.

В 2019 году на территории Ростовской области реализуется множество национальных проектов. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» реализация национальных проектов должна способствовать достижению к 2024 году девяти 9 стратегических целей развития Российской Федерации:

1. обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации;
2. повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет);
3. обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции;
4. снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации;
5. улучшение жилищных условий не менее 5 млн. семей ежегодно;
6. ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 процентов от их общего числа;
7. обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере;
8. вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 процентов;

9. создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами.

Непосредственно в Ростовской области в рамках 11 национальных проектов (за исключением национального проекта «Наука») утверждены 49 региональных проектов (программ)[1].

На наш взгляд, добиться достижения поставленных целей будет возможно лишь при устранении правотворческих ошибок в рамках эффективной правовой политики.

Правовая политика представляет собой универсальную форму общественной и государственной жизни, права в целом. Обеспечительная функция иных сфер государственной политики, которую невозможно реализовывать вне права, выступает в качестве важного и необходимого аспекта правовой политики в правовом регулировании общественных отношений.

На сегодняшний день существует ряд теоретических разработок по тематике правовой политики, внимания среди них заслуживают труды А.Р. Корнилова, А.В. Малько, Н.В. Мамитовой. На наш взгляд, необходимо согласиться с определением, данным Н.В. Мамитовой, которая под правовой политикой понимает научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных и негосударственных структур по созданию эффективного механизма правового регулирования, цивилизованное использование юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности[2].

В рамках правовой политики государством координируется правотворческая и правоприменительная деятельность, изучается законодательная база и формируется единообразный подход.

Только грамотная правовая политика может привести к устранению правотворческих ошибок. Под последней следует понимать такое состояние правовой нормы, при котором она не соответствует требованиям юридической техники, логики и языкового изложения, снижая качество права в целом, затрудняя его толкование и казуальное правоприменение. Распространение правотворческих ошибок способствует коллизиям между нормативными правовыми актами, зачастую с теми актами, которые выполнены в полном соответствии с установленными правилами.

Среди причин возникновения правотворческих ошибок выделим две – субъективные и объективные. К первым относятся:

– Поспешность в рассмотрении и принятии законов.

– Отсутствие знаний полной информации о нынешнем законодательстве субъектами и участниками законопроектной деятельности.

– Нарушение регламентации законодательного процесса.

К объективным:

– Нарушение технологии и недостаточно четкая регламентация законодательного процесса.

– Необходимость создавать и обновлять законодательство в максимально короткие сроки.

И некоторые другие.

[1] Официальный портал Правительства Ростовской области URL: https://www.donland.ru/activity/2505/ (время обращения: 17.09.2019).

[2] Мамитова Н.В. Правовая экспертиза российского законодательства. М., 2013; Малько А.В. Теория правовой политики. М., 2012.

Опасность правотворческой ошибки заключается и в том, что она ведет к снижению уровня развития всего правового пространства государства, поскольку воздействует на коренные принципы общественного строя и ведет к формированию правового нигилизма.

Качество законодательной базы показывает насколько изучаемая норма права реализуема в конкретных условиях, повлечет ли она положительные последствия, то есть насколько правовая норма эффективна (здесь уместно сказать о количественном критерии оценки последствий – например, насколько затраты труда и денежных средств обоснованы и насколько закон дал предполагаемый нужный результат). Это приобретает особую актуальность в контексте реализации национальных проектов.

В пределах правовой политики существуют специальные средства устранения (либо существенного уменьшения) правотворческой ошибки. К таким отнесем проведение таких мероприятий, как установление приоритетов в планировании правотворческой деятельности, экспертиза нормативно-правовых актов, мониторинг нормативно-правовых актов и ряд других. Однако наиболее значимым инструментом в рамках правовой политики в целях устранение правотворческой ошибки, на наш взгляд, является правовая экспертиза нормативных правовых актов.

Одной из важнейших целей правовой экспертизы является повышение правовой культуры. Под последней следует понимать общий уровень отношения к праву, его знания, основанные на восприятии субъектом правовых норм, определенную систему установок и конструкций, сложившихся в процессе жизнедеятельности индивида, профессиональной группы, общественной организации, органа государства, общества и государства в целом.

Важно отметить, что ошибочная деятельность правотворческих органов приводит к недоверию граждан в отношении возможности реализации национальных проектов.

Показатели эффективности законодательства напрямую зависят от качества принимаемых законопроектов, которое снижается из-за правотворческих ошибок.

Поэтому одним из приоритетов правовой политики Российской Федерации должно выступать создание благоприятных правовых условий для преодоления правового нигилизма и идеализма, который также представляется достаточно опасным правовым явлением.

Уровень правовой культуры и доверия граждан играет высокую роль, поскольку региональная государственная власть при осуществлении национальных проектов обращается за помощью, например, к представителям бизнес структур. Так, в 2019 году, в целях софинансирования из федерального бюджета расходных обязательств Ростовской области, связанных с реализацией региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результатов национальных проектов, были заключены соглашения по 26-ти региональным проектам.

Таким образом, эффективно используя средства правовой политики можно минимизировать правотворческие ошибки, что приведет к качественной системе реализации национальных проектов в целом, и в конкретных регионах.

Список литературы

1. Корнилов А.Р., Малько А.В., Мамитова Н.В. Экспертиза. Юридический словарь-справочник. Под редакцией//А.В. Малько. М.: Проспект – 2018.
2. Малько А.В. Теория правовой политики// Монография. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 328 с.
3. Мамитова Н.В. Правовая экспертиза российского законодательства. М.: Норма, Инфра-М., 2013.

List of references

1. Kornilov A.R., Malko A.V., Mamitova N.V. *Ekspertiza. Yuridicheskiy slovar'-spravochnik. Pod redaktsiyey* [Expertise. Law dictionary reference]. Edited // A.V. Malko. M .: Prospect – 2018.
2. Malko A.V. *Teoriya pravovoy politiki// Monografiya.* [Theory of legal policy // Monograph]. – M .: Yurlitinform, 2012 .–328 p.
3. Mamitova N.V. *Pravovaya ekspertiza rossiyskogo zakonodatel'stva. M.: Norma, Infra-M* [Legal examination of Russian legislation]. M .: Norma, Infra-M, 2013.

УДК 340

Петр Алексеевич Давыдов,
адвокат, кандидат юридических наук
E-mail: petrdav@mail.ru

Petr A. Davydov,
Lawyer, Candidate of law Sciences

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ МЕТОДОВ ПРИ РЕФОРМИРОВАНИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Происходящие серьезные преобразования в современной общественной жизни должны динамично развиваться и в сфере судебной деятельности. Ответственность судей, процедуру приобретения статуса судьи необходимо пересмотреть с учетом современных потребностей гражданского общества. Кроме того, судебная реформа должна затронуть и иные субъекты, участвующие в реализации судебной и правовой политики.

Ключевые слова: судебная система, независимость судебной власти, статус суда, Конституционный суд, юстиция, реформа судебной власти.

APPLICATION OF INTERDISCIPLINARY METHODS IN JUDICIAL REFORM

The happening serious transformations in modern public life, have to develop dynamically and the sphere of judicial activity. The judicial responsibility, the procedure of acquisition of the status of the judge need to be reconsidered taking into account modern needs of civil society. In addition, judicial reform should affect other actors involved in the implementation of judicial and legal policies/

Keywords: judicial system, independence of judicial authority, status of court, Constitutional court, justice, reform of judicial authority.

Российская судебная система реформируется уже более четверти века. Однако успешными проводимые все это время преобразования назвать нельзя. Все более очевидным становится как неэффективность судебной политики, так и ее внутренний дисбаланс.

Роль и значение судебной политики нельзя переоценить в правовом государстве, ибо именно за счет нее разрешаются споры между большинством субъектов правовой политики в государстве, основой которого является активное гражданское общество. Именно судебная власть и ее звенья являются центральным субъектом реализации судебной политики, ведь только суды, сформированные в соответствии с действующим законодательством, вправе принимать общеобязательные для исполнения всеми субъектами правоприменительные акты. Оправданным видится предложенное А.В. Малько определение судебной политики как «научно-обоснованной, целенаправленной, последовательной и системной деятельности государства, его органов и должностных лиц, негосударственных институтов и других субъектов социальных связей по созданию эффективного правосудия, по повышению качества судебной деятельности»[1]. Очевидным является то, что предпринятые государством меры по реформированию судебной системы в целом не отличаются ни последовательностью, ни научной обоснованностью, к тому же являются неэффективными.

Однако представить, что реализация судебной политики возможна без наличия в государстве сильного института Адвокатуры невозможно. Указанное обстоятельство четко видится на примере системы отправления правосудия в США и ряде других стран, где судебная власть обладает особым статусом и пользуется авторитетом у гражданского общества.

[1] См.: Малько А.В. Правовая политика // Большой юридический словарь / под ред. А.В. Малько. М., 2009; Судебная политика: теория и практика: монография / под ред. А.В. Малько, В.А. Терехина. Пенза, 2013. С. 58.

По сути, в данный момент мы наблюдаем кризис судебной системы, поскольку недоверие гражданского общества судебной властью растет, эффективность судебной политики после проведенных преобразований снижается, а сама судебная система становится замкнутой.

Указанные проблемы вызваны в первую очередь непоследовательностью тех действий, которые предпринимаются законодателем. Кроме того, становится все более очевидным политизированность судебной власти и ее зависимость от власти исполнительной. Это очевидный факт, что решения, принимаемые судами РФ по конкретным делам, формализованы, ими практически не применяется прямое использование норм Конституции РФ, к тому же судьи в своих решениях игнорируют принципы разумности и справедливости. Конечно, суды при принятии решения должны опираться на нормы права, однако, конечной оценкой любого судебного решения является конкретный субъект, и он, как и гражданское общество в целом, оценивают судебные решения, исходя из принятых в обществе моральных ориентиров, и прежде всего исходят из того, насколько справедливым является судебный акт. Бесспорным в этом контексте является утверждение Цельса: «Юриспруденция является наукой о добре и справедливости».

Демократическое правовое государство не может функционировать без независимой судебной системы. Однако эта независимость должна присутствовать исключительно в триаде существующих в РФ исполнительной, законодательной и самой судебной ветвей власти. Таким образом, судебная власть должна быть прежде всего ориентирована на защиту интересов гражданского общества. Достичь такого возможно, но лишь при наличии системы сдержек и противовесов.

Очевидно, что спешно принятая в 1993 году Конституция РФ содержит крен в сторону доминирования власти исполнительной. Нынешняя политическая конъюнктура создала не просто дисбаланс власти, но и искажает принципы федерализма. Все более ярко проявляется то, что действия законодательной власти при проведении реформы судебной системы не имеют конечной цели. Это касается как объединения судов общей юрисдикции с арбитражными судами, а также проведенного изменения системы судопроизводства с участием присяжных заседателей.

Современные реалии показывают, что в условиях все большей информатизации гражданское общество России уже отчетливо сформировано, однако закостенелость и стагнация судебной системы привели к тому, что Российское общество все меньше доверяет судебной системе. Как мы видим на примере последних дел, которые были освещены в СМИ, общественное мнение часто вводит в ступор и смятение Российскую фемиду. Особенно ярко это смятение было выражено в уголовном деле «журналиста Голунова», когда под напором гражданского общества, была достигнута справедливость.

Очень ярко проявляется системный кризис судебной власти в том, что роль Конституционного суда РФ практически нивелирована. Он практически не участвует в формировании судебной политики и ее реализации. Кроме того, иногда ВС РФ просто принимает противоположные решения при имеющейся официальной позиции КС РФ.

Аристотель справедливо отмечал, что умеренность – это главная добродетель в любом начинании. Однако в нашей судебной системе умеренности места не находится – мы видим лишь рефлекторные действия судов, ориентированные на достижение результатов, угодных исполнительной власти, и очень часто противопоставленных гражданскому обществу.

Система сдержек и противовесов – это важнейший элемент стабилизации и балансировки взаимодействия властей в любом федеративном государстве. Особое значение в правовом государстве имеет адвокатская деятельность. Именно адвокаты в рамках профессиональной деятельности осуществляют защиту прав граждан и организаций в судах и иных инстанциях, и организациях, и не только по уголовным делам. Однако реальность такова, что постепенно роль адвокатуры умышленно снижается при непосредственной реализации судебной политики. Особенно ярко проявляется это явление именно при рассмотрении судами уголовных дел.

Полагаю, что преодоление указанных выше проблем невозможно без изменения подхода государства к реформированию судебной системы и судебной власти. Речь идет о том, что нельзя создать судебную систему автономной и независимой, не изменяя существа положения основных субъектов, участвующих в ходе отправления правосудия и соответственно реализации судебной политики по конкретным делам. Реформации надо подвергнуть наряду с Судами такие институты как: Прокуратура РФ, а также система МВД РФ и СК РФ. Поскольку именно за счет формирования современной и работоспособной конструкции правоприменительной системы возможно создание реально независимой системы судебной власти. Кроме того, Адвокатура должна стать активным Институтом защиты прав доверителей, а добиться этого невозможно без предоставления Адвокатскому сообществу прав по сбору доказательств и предоставлению этим добытым доказательствам такого же статуса, как и тем, что добыты следствием.

Под междисциплинарным подходом к судебной реформе в данном случае имеется в виду проведение предварительного научного исследования зарубежного опыта построения системы отправления правосудия в федеративных государствах с целью создания в РФ современной системы отправления правосудия с независимой судебной властью, а также предоставление адвокатскому сообществу реальных прав полноценного института, защищающего права граждан и организаций в рамках уголовного процесса. Кроме того, полагаю, что важным будет и рассмотрение возможности реализации проекта по введению Монополии Адвокатуры РФ на представление интересов лиц в судах.

Резумируя, констатируем, что без учета указанных выше междисциплинарных и межведомственных аспектов при судебной реформе создания современной судебной системы в РФ не получится.

Список литературы

1. Малько А.В. Правовая политика // Большой юридический словарь / под ред. А.В. Малько. М., 2009.
2. Судебная политика: теория и практика: монография / под редакцией А.В. Малько, В.А. Терехина. Пенза, 2013.

List of references

1. Malko A.V. *Pravovaya politika // Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [Legal policy // Big Legal Dictionary] / Ed. A.V. Malko. M., 2009.
2. *Sudebnaya Politika: teoriya i praktika: monografiya /* [Judicial Policy: theory and practice: monograph] / edited by A.V. Malko, V.A. Terekhin. Penza, 2013.

УДК 34.03

Виктор Александрович Затонский,
старший научный сотрудник Саратовского филиала
Института государства и права Российской академии наук,
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: zatonsky-va@yandex.ru

Victor Alexandrovich Zatonsky,
Senior researcher of Saratov branch
Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of historical Sciences, Associate Professor

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД – МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В статье анализируется ряд актуальных проблем, связанных с использованием в отечественной юридической науке междисциплинарного подхода: общее понятие и содержание междисциплинарности как наиболее результативного методологического средства изучения проблем, находящихся на стыке различных наук; формы проявления междисциплинарности в юриспруденции; динамика развития механизмов применения норм права в России и значение их исследования на междисциплинарном уровне; ценность междисциплинарного подхода применительно к преодолению негативных явлений в правоприменительной практике и др. Обосновывается положение о том, что междисциплинарный подход выступает в качестве мощного стимула в деле выработки способов и приемов, способных противодействовать негативным тенденциям в области правоприменения, обеспечивать создание благоприятных условий для профилактики и устранения правовых рисков, порождаемых процессами, имеющими место в правовой жизни, а также в экономике, политической, социальной сфере, на международном уровне. Обеспечение более широкого использования междисциплинарных методологических подходов в исследовании права и правоприменения является определяющей предпосылкой достижения качественно нового уровня их развития.

Ключевые слова: право, правоприменение, междисциплинарность, методология, междисциплинарный подход, юриспруденция, эффективность права и правоприменения.

INTERDISCIPLINARY APPROACH-METHODOLOGICAL BASIS FOR DETERMINING THE EFFECTIVENESS OF LAW ANDLAWENFORCEMENT

The article examines a number of topical issues related to the use in the Russian legal science the interdisciplinary approach: General concept and content of interdisciplinarity as the most effective methodological means of studying problems at the interface of different Sciences; forms of interdisciplinarity in law; the development of mechanisms for the application of law in Russia and the significance of their research on an interdisciplinary level; the value of an interdisciplinary approach in overcoming the negative phenomena in legal practice etc. It is proved that an interdisciplinary approach you, stepping in as a powerful incentive to devise methods and techniques to counteract negative trends in law enforcement, to ensure the creation of favorable conditions to prevent and resolve legal risks arising from the processes taking place in the legal life and the economy, the political and social spheres, on the international level. Ensuring the wider use of interdisciplinary methodological approaches in the study of law and law enforcement is a determining prerequisite for achieving a qualitatively new level of their development.

Keywords: law, law enforcement, interdisciplinarity, methodology, interdisciplinary approach, jurisprudence, effectiveness of law and law enforcement.

Характерной чертой развития современного российского общества является появление множества новых и весьма сложных проблем интегрального свойства. Исследование складывающихся ситуаций в той или иной сфере социальной жизни невозможно без использования различных областей научного знания. В этой связи актуализируется все более распространяющийся междисциплинарный познавательный подход к осмыслению природы изучаемого явления. Данный подход означает комплексность исследования круга проблем, находящихся

на стыке различных наук, посредством «апробированного методологического инструментария нескольких дисциплин с целью получения о нем нового знания»[1].

Стремление к синтезу знания, выработанного в рамках отдельных научных дисциплин – одна из ведущих тенденций в науке второй половины XX века. Такое явление, как междисциплинарность активно исследуется в современной России и за рубежом[2]. Проблема междисциплинарности в юриспруденции тоже не остается вне исследовательского интереса[3].

Междисциплинарность применительно к юридической науке проявляется в следующих формах.

1. Использование в процессе юридических разработок понятийного аппарата, методов и концепций смежных научных дисциплин, таких как философия, история, социология, политология, психология и т. д.

2. Формирование специальных юридических наук (криминология, криминалистика, право социального обеспечения). Предметное пространство подобных дисциплин складывается из двух или даже нескольких наук, в числе которых неизменно присутствует юридическая составляющая.

3. Междисциплинарность юриспруденции проявляется также в формировании специальных интегративных (или комплексных) дисциплин, таких как историко-правовые науки, философия права, социология права, юридическая политология, правовая кибернетика, юридическая антропология, юридическая логика, правовая статистика, юридическая психология и др.

4. Имеет место также выделение новых междисциплинарных пространств. В них базовые области знаний (материнские отрасли) определить затруднительно или даже невозможно. Это – так называемые «гибридные» исследовательские направления, в которых юридическая составляющая оказывается весьма влиятельной (исследования преступности, гендерная проблематика, изучение городской среды и т. п.). Такого рода отрасли исследования обычно не позиционируются в виде обособленных университетских дисциплин, они носят неакадемический характер.

Так что же преобладает в современной отечественной юридической науке – монодисциплинарность или междисциплинарность? Получается, что о первом состоянии, то есть монодисциплинарности может идти речь лишь в том случае, когда исследователь имеет дело с юридической догматикой, – анализом права изнутри. Во всех ситуациях, когда право изу-

---

[1] См.: Абрамова А.И. Междисциплинарный подход к изучению вопросов правоприменительной практики // Журнал российского права. 2015. № 10. С. 30.

[2] См.: Бушковская Е.А. Феномен междисциплинарности в зарубежных исследованиях // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 152-155; Иванов О.П., Винник И.А. Междисциплинарность в науке и образовании. Часть 1: Истоки и ранний этап развития междисциплинарности // История и педагогика естествознания. 2015. № 2. С. 46-51; Касавин И.Т. Междисциплинарные исследования и социальная картина мира // Философия науки. Вып. 19: Эпистемология в междисциплинарных исследованиях / отв. ред. В.А. Герасимова. М., 2014. С. 9-27; Он же. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 61-73; Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. М., 2009; Лысак И.В. Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=25376 (дата обращения: 27.09.2019); Лубский А.В. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 3-11; Позднеева С.П. Междисциплинарность как тотальный феномен познания XXI века: становление междисциплинарного словаря науки // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Вып. 2. С. 114-123.

[3] См., например: Абрамова А.И. Указ. соч. С. 30-39; Берг Л.Н. Правоприменительная деятельность в аспекте системного исследования // Российский юридический журнал. 2011. № 1. С. 54-61; Брызгалов А.И. Юридическая наука сегодня: теоретико-методологические проблемы, которые ждут решения // Журнал российского права. 2001. № 6. С. 44-50; Графский В.Г. О междисциплинарном изучении законодательной деятельности и действенности законов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. Т. 5. № 4. С. 106-108; Мартышин О.В. О концепции учебника теории государства и права // Государство и право. 2002. № 8. С. 59-67; Хабриева Т.Я. Формирование правовых основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 5-13.

чается извне (неважно, что это будет – политология, философия, лингвистика, антропология или философия), необходимо говорить о междисциплинарных подходах к изучению права[1].

Попытка осмысления права в отрыве от практики его применения не может привести ни к чему иному, кроме полного отрыва от реальности. Проблематику, связанную с правоприменением, невозможно обойти вниманием при рассмотрении значения междисциплинарности в юриспруденции. В целом позитивно оценивая динамику развития механизмов применения норм права в России, трудно не заметить нередкие системные сбои в данной сфере государственной деятельности. Наиболее заметными являются:

1) Недостаточно единообразные, рассогласованные, не всегда последовательные действия субъектов правоприменения; данная ситуация усугубляется принятием множества нормативных правовых актов, что приводит к избыточности правового регулирования, образует его неоднородность, а иногда отрыв принятого акта от решения конкретной задачи.

2) Продолжает оставаться острой проблема подзаконного регулирования, которое не всегда гарантирует обеспечение реализации законов. Результатом этого сбоя является неполнота правового регулирования, с одной стороны, а с другой – перенасыщение регулятивного механизма некоторых сфер общественной жизни подзаконным инструментарием.

3) Серьезный негатив современной правоприменительной деятельности – отсутствие согласованности в правовом воздействии на социальные и экономические процессы. Ю.А. Тихомиров в этой связи верно отмечает, что ведомственные, локальные, корпоративные акты, порождаемые законодательными нормами, тем не менее, часто не действуют в рамках закона, расширяют границы регулирования. А это, в свою очередь, становится препятствием на пути обеспечения прав и законных интересов участников общественных отношений[2].

4) Остаются распространенными правовой нигилизм, неуважительное отношение к праву, к нормативным предписаниям, отрицание их ценности. Выполняют свою разрушительную роль также коррупционные явления, так называемое теневое право, плохая информированность граждан о принимаемых законах[3].

Преодолению негативных тенденций в правоприменительной практике, обеспечению реализации созидательного потенциала права «могло бы способствовать создание интегрированной теории эффективной правоприменительной деятельности, чему и призван способствовать междисциплинарный подход»[4].

В чем же заключается ценность междисциплинарного подхода применительно к преодолению негативных явлений в правоприменительной практике?

Во-первых, междисциплинарный подход требует искать и использовать действенные средства, помогающие сочетать разнообразные – как правовые, так и внеправовые – методы анализа правоприменительной деятельности, в результате чего исследователь в максимальной степени приближается к изучаемому объекту. Это дает возможность выйти на новый качественный уровень его осмысления, то есть выявить новые грани, глубже осознать сущность и общественное предназначение.

Во-вторых, юридическая наука, в методологическом арсенале которой реально присутствует междисциплинарный подход, получает возможность, используя знания других наук, совершенствовать регулятивный потенциал правоприменительной деятельности, эффективно обеспечивать реализацию права в самом широком смысле этого слова.

В-третьих, каждая наука использует различные теоретические и методологические приемы, которые могут обладать определенными преимуществами в исследовании право-

[1] См.: Мартышин О.В. О концепции учебника теории государства и права // Государство и право. 2002. № 8. С. 59-67.

[2] См.: Тихомиров Ю.А. Административные процедуры: доктрина и практика // Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ж. Марку. М., 2011. С. 240.

[3] Подробнее см.: Абрамова А.И. Указ. соч. С. 30-35.

[4] Там же. С. 32.

применения в сравнении с методологией собственно юриспруденции. Поэтому проведение междисциплинарных исследований позволяет совершенствовать механизм правового воздействия, выявлять, какая из форм такого воздействия наиболее предпочтительна и полезна в плане регулирования тех или иных общественных отношений.

В-четвертых, исследование права и правоприменения на междисциплинарном уровне снижает вероятность возникновения юридических коллизий, повышает эффективность деятельности компетентных органов государства по применению правовых установлений. В результате появляется множество возможностей:

а) улучшить ресурсное обеспечение нормотворчества на этапе проектирования и принятия нормативного правового акта, достигнуть тем самым цель – оптимальное качество реализации;

б) скорректировать действующий акт в случае выявленной излишней затратности, коллизионности либо пробельности;

в) выработать единый комплекс мер по дополнительному обеспечению действия правовых норм;

г) междисциплинарные исследования позволяют проводить системный анализ факторов, от которых зависит весь уклад общественной жизни, формирование правосознания, повышение правовой культуры, появляются условия для оптимизации взаимоотношений субъектов правоприменения с органами публичной власти, совершенствования стиля государственного и муниципального управления;

д) междисциплинарный подход выступает в качестве мощного стимула в деле выработки способов и приемов, способных противодействовать негативным тенденциям в области правоприменения, обеспечивать создание благоприятных условий для профилактики и устранения правовых рисков, порождаемых процессами, имеющими место в правовой жизни, а также в экономике, политической, социальной сфере, на международном уровне.

Таким образом, как сами обстоятельства, свидетельствующие о низкой эффективности (качестве) правоприменения, так и вызвавшие их причины должны стать объектом более пристального внимания научного сообщества. И речь при этом идет не только о юристах, которые отдельно от специалистов иных областей знания вряд ли смогут достаточно глубоко и всесторонне осмыслить и оценить сложившуюся ситуацию. Как справедливо отмечает В.Д. Зорькин, «тут нужны совместные усилия юристов, философов, социологов, экономистов, политологов, социальных психологов и т. д.»[1].

При всем сказанном важно помнить, что сердцевиной правоприменительной практики является судебное правоприменение. И это естественно, поскольку социальная опасность и негативные последствия ошибок в применении норм права судами обладают самой высокой степенью вреда в сравнении с иными разновидностями правоприменительной практики.

Таким образом, при выработке путей дальнейшего совершенствования правоприменительной деятельности нужно исходить из убежденности в необходимости проведения соответствующих исследований на междисциплинарной основе, повышения их значимости и результативности. Обеспечение более широкого использования междисциплинарных методологических подходов как в юридической науке в целом, так и в исследовании права и правоприменения, является определяющей предпосылкой достижения качественно нового уровня их развития.

Список литературы

1. Абрамова А.И. Междисциплинарный подход к изучению вопросов правоприменительной практики // Журнал российского права. – 2015. – № 10. – С. 30–39.

[1] Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика: монография. М., 2018. С. 100.

2. Берг Л.Н. Правоприменительная деятельность в аспекте системного исследования // Российский юридический журнал. – 2011. – № 1. – С. 54-61.

3. Брызгалов А.И. Юридическая наука сегодня: теоретико-методологические проблемы, которые ждут решения // Журнал российского права. – 2001. – № 6. – С. 44-50.

4. Бушковская Е.А. Феномен междисциплинарности в зарубежных исследованиях // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 330. – С. 152-155.

5. Графский В.Г. О междисциплинарном изучении законодательной деятельности и действенности законов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2012. – Т. 5. – № 4. – С. 106-108.

6. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика: монография. – М.: Норма, 2018. – 592 с.

7. Иванов О.П., Винник И. А. Междисциплинарность в науке и образовании. Часть 1: Истоки и ранний этап развития междисциплинарности // История и педагогика естествознания. – 2015. – № 2. – С. 46-51.

8. Касавин И.Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. – 2010. – № 4. – С. 61-73.

9. Касавин И.Т. Междисциплинарные исследования и социальная картина мира // Философия науки. – Вып. 19: Эпистемология в междисциплинарных исследованиях / отв. ред. В.А. Герасимова. – М.: ИФ РАН, 2014. – С. 9-27.

10. Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности: монография. – М.: ИФ РАН, 2009. – 205 с.

11. Лубский А.В. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. – 2015. – № 10. – С. 3–11.

12. Лысак И.В. Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 5 //URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=25376 (дата обращения: 27.09.2019).

13. Мартышин О. В. О концепции учебника теории государства и права // Государство и право. – 2002. – № 8. – С. 59-67.

14. Позднеева С.П. Междисциплинарность как тотальный феномен познания XXI века: становление междисциплинарного словаря науки // Известия Саратовского университета. –2009. – Т. 9. – Серия: Философия. Психология. Педагогика. – Вып. 2. – С. 114-123.

16. Тихомиров Ю.А. Административные процедуры: доктрина и практика // Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / под ред. Т.Я.Хабриевой, Ж. Марку. – М.: Изд-во Статут, 2011. – 320 с.

16. Хабриева Т.Я. формирование правовых основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Журнал российского права. – 2009. – № 10. – С. 5-13.

List of references

1. Abramova A.I. *Mezhdistsiplinarnyy podkhod k izucheniyu voprosov pravoprimenitel'noy praktiki // Zhurnal rossiyskogo prava* [Interdisciplinary approach to the study of law enforcement issues // Journal of Russian Law]. – 2015. – No. 10. – P. 30-39.

2. Berg L.N. *Pravoprimenitel'naya deyatel'nost' v aspekte sistemnogo issledovaniya // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Law enforcement in the aspect of system research // Russian Law Journal]. – 2011. – No. 1. – pp. 54-61.

3. Bryzgalov A.I. *Fenomen mezhdistsiplinarnosti v zarubezhnykh issledovaniyakh // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Jurisprudence today: theoretical and methodological problems that are awaiting solution // Journal of Russian Law]. – 2001. – No. 6. – S. 44-50.

4. Bushkovskaya E.A. [The phenomenon of interdisciplinarity in foreign studies // Bulletin of Tomsk State University]. – 2010. – No. 330. – pp. 152-155.

5. Grafsky V.G. *O mezhdistsiplinarnom izuchenii zakonodatel'noy deyatel'nosti i deystvennosti zakonov // Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoye proyektirovaniye* [On the interdisciplinary study of legislative activity and the effectiveness of laws // Problematic analysis and state-management design]. – 2012. – V. 5. – No. 4. – pp. 106-108.

6. Zorkin V.D. *Konstitutsionnyy Sud Rossii: doktrina i praktika: monografiya.* [Constitutional Court of Russia: Doctrine and Practice: Monograph]. – M .: Norma, 2018 .– 592 p.

7. Ivanov O.P., Vinnik I.A. *Mezhdistsiplinarnost' v nauke i obrazovanii. Chast' 1: Istoki i ranniy etap razvitiya mezhdistsiplinarnosti // Istoriya i pedagogika yestestvoznaniya* [Interdisciplinarity in science and education. Part 1: The origins and early stage of development of interdisciplinarity // History and pedagogy of natural sciences]. – 2015. – No. 2. – pp. 46-51.

8. Kasavin I.T. *Mezhdistsiplinarnoye issledovaniye: k ponyatiyu i tipologii // Voprosy filosofii* [Interdisciplinary research: to the concept and typology // Problems of Philosophy]. – 2010. – No. 4. – pp. 61-73.

9. Kasavin I.T. *Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya i sotsial'naya kartina mira // Filosofiya nauki. – Vyp. 19: Epistemologiya v mezhdistsiplinarnykh issledovaniyakh /* [Interdisciplinary research and the social picture of the

world // Philosophy of Science. – Vol. 19: Epistemology in interdisciplinary research] / ed. ed. V.A. Gerasimova. – M.: IF RAS, 2014. – pp. 9-27.

10. Kiyashchenko L.P., Moiseev V.I. *Filosofiya transdistsiplinarnosti: monografiya* [Philosophy of Transdisciplinarity: Monograph]. – M.: IF RAS, 2009 .– 205 p.

11. Lubsky A.V. *Mezhdistsiplinarnyye nauchnyye issledovaniya: kognitivnaya «moda» ili sotsial'nyy «vyzov» // Sotsiologicheskiye issledovaniya.* [Interdisciplinary research: cognitive “fashion” or social “challenge” // Sociological studies]. – 2015. – No. 10. – pp. 3-11.

12. Lysak I.V. *Mezhdistsiplinarnost': preimushchestva i problemy primeneniya // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya.* [Interdisciplinarity: advantages and problems of application // Modern problems of science and education]. – 2016. – No. 5 // URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=25376 (accessed: 09/27/2019).

13. Martyshin OV *O kontseptsii uchebnika teorii gosudarstva i prava // Gosudarstvo i pravo* [On the concept of a textbook of the theory of state and law // State and Law]. – 2002. – No. 8. – P. 59-67.

14. Pozdneeva S.P. *Mezhdistsiplinarnost' kak total'nyy fenomen poznaniya XXI veka: stanovleniye mezhdistsiplinarnogo slovarya nauki // Izvestiya Saratovskogo universiteta* [Interdisciplinarity as a total phenomenon of cognition of the 21st century: the formation of an interdisciplinary dictionary of science // News of Saratov University. – 2009. – T. 9. – Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. – Vol. 2. – pp. 114–123.

15. Tikhomirov Yu.A. *Administrativnyye protsedury: doktrina i praktika // Administrativnyye protsedury i kontrol' v svete yevropeyskogo opyta* [Administrative procedures: doctrine and practice // Administrative procedures and control in the light of European experience / ed. T.Ya. Khabrieva, J. Mark. – M.: Publishing House of the Statute], 2011 .– 320 p.

16. Khabrieva T.Ya. *Formirovaniye pravovykh osnov antikorruptsionnoy ekspertizy normativnykh pravovykh aktov // Zhurnal rossiyskogo prava* [The formation of the legal framework for the anti-corruption examination of normative legal acts // Journal of Russian Law]. – 2009. – No. 10. – pp. 5-13.

УДК 340

Евгений Владимирович Ламонов,
заведующий кафедрой конституционного и международного права
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: elamn@mail

Evgeniy Vladimirovich Lamonov,
Head of the Department of constitutional international law
of Tambov state University named after G.R. Derzhavin,
candidate of law, associate Professor

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЁ СУБЪЕКТОВ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ НОВОГО КОДЕКСА РФ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

В статье дается характеристика федерального и регионального законодательства об административных правонарушениях и его роль в обеспечении защиты личности, охраны прав и свобод человека, интересов юридических лиц, в защите публичных интересов. Обосновывается необходимость новой редакции КоАП РФ в свете принятой Концепции. Анализируется региональное законодательство об административных правонарушениях. Высказывается ряд предложений по совершенствованию федерального и регионального административно-деликтного законодательства.

Ключевые слова: законодательство, административные правонарушения, концепция, кодекс, совершенствование, субъекты РФ, наказание.

IMPROVEMENT OF THE LEGISLATION ON ADMINISTRATIVE OFFENCES IN THE FIELD OF DELIMITATION OF POWERS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS SUBJECTS IN THE LIGHT OF THE CONCEPT OF THE NEW CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCES

The article describes the Federal and regional legislation on administrative offences and its role in ensuring the protection of the individual, the protection of human rights and freedoms, the interests of legal entities in the protection of public interests. The necessity of a new edition of the administrative Code in the light of the adopted Concept is substantiated. Analyze the regional legislation on administrative offenses. A number of proposals are made to improve the Federal and regional administrative-tort legislation.

Keywords: legislation, administrative offenses, concept, code, improvement, subjects of the Russian Federation, punishment.

Согласно пункта «к» части первой статьи 72 Конституции РФ в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся административное и административно-процессуальное законодательство, что дает основание для выстраивания двухуровневой системы административного права – федерального и регионального.

В 2018 году в Российской Федерации было рассмотрено 7055780 дел об административных правонарушениях. Из них за правонарушения, предусмотренных нормативными актами субъектов РФ в количестве 58434[1]. В Тамбовской области за аналогичный период рассмотрено районными судами 6374 дел об административных правонарушениях и мировыми судами – 52493 дела[2]. Данная статистика свидетельствует о довольно значительном количестве граждан, совершающих административно-деликтные деяния.

Происходящие социально-экономические, политические и другие изменения в общественной жизни и деятельности государства, его правовых институтов и правоприменительной

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 г. URL: https://www.cdep. ru (Дата обращения: 15.09.2019).

[2] Сводные статистические данные о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административной ответственности за 12 месяцев 2018 г. URL:http://usdtambov.ru. (Дата обращения: 15.09.2019).

практики, проводимые в обществе реформы, повлекли многочисленные изменения и дополнения действующего законодательства об административных правонарушениях.

Так, действующий с 1 июля 2002 г. Кодекс РФ об административных правонарушениях только «за более чем 15-летний дополнялся и изменялся более чем четырьмястами федеральными законами, а число внесенных этими законами поправок превысило три тысячи»[1].

Продолжающийся бурный процесс внесения изменений в законодательство об административных правонарушениях вызывает необходимость систематизировать сложившийся огромный объем законодательства об административных правонарушениях, адаптировать административно-деликтные нормы к реалиям сегодняшнего времени.

Как справедливо отмечает М.С. Студеникина: «Последствия “поправочного бума” привели к тому, что действующий КоАП РФ во многом утратил единство правового регулирования и стал требовать не просто косметического ремонта, а существенной модернизации»[2].

10 июня 2019 была опубликована Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, подготовленная межведомственной рабочей группой, образованной во исполнение поручения Председателя Правительства Российской Федерации Дмитрия Медведева и в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2019 года № 631-р[3].

Одним из направлений данной Концепции является разграничение полномочий Российской Федерации и ее субъектов в области законодательства об административных правонарушениях.

Однако в юридической литературе можно встретить постановку и таких вопросов, как способствуют ли региональные законы снижению количества правонарушений, являются ли они качественными и эффективными? И делается вывод о снижении уровня гарантий прав и свобод граждан, привлекаемых к административной ответственности на основании регионального законодательства, о расширении регионального правотворческого усмотрения[4].

Полагаем, что данные выводы являются не бесспорным по следующим основаниям.

Во-первых, право субъектов РФ на нормотворческие полномочия в области установления административной ответственности закреплено в Конституции РФ и лишение их этого право возможно лишь в случае внесения в Основной закон соответствующих изменений.

Во-вторых, необходимость регионального административно-деликтного законодательства обусловлена возможностью более оперативно, в отличие от федерального законодательства, реагировать на нарушения тех или иных правовых актов субъектов РФ, устанавливая за эти правонарушения административную ответственность, и в случае, если отпала необходимость в применении того или иного состава административного правонарушения, также быстро признать его утратившим силу.

В-третьих, необходимо учитывать особенности экономического развития субъекта РФ, культуры, обычаев, количество проживающих в нем населения, что также влияет как на объем составов административных правонарушений, так и некоторую специфику административно-деликтных составов.

И, наконец, если проанализировать решения Конституционного Суда РФ, то увидим, что нормы и федеральное законодательства также в ряде случаев не всегда соответствуют

---

[1] Андриянов В.Н. Новая кодификация законодательства об административных правонарушениях: состояние и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3. С. 16.

[2] Студеникина М.С. Два законопроекта новой кодификации законодательства об административных правонарушениях: основные новеллы и их предварительная оценка // Административное право и процесс. 2017. № 9. С. 35.

[3] Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, подготовленная межведомственной рабочей группой, образованной во исполнение поручения Председателя Правительства Российской Федерации Дмитрия Медведева и в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2019 года № 631-р. URL: http://static.government.ru/. (Дата обращения: 13.06. 2019).

[4] Мицкевич Л.А. Соотношение федерального и регионального законодательства об административных правонарушениях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: ПРАВО. 2018. № 2. С. 215-216.

Конституции РФ. Так, Постановлением от 4 февраля 2019 года № 8-П Конституционный Суд РФ дал оценку конституционности статьи 15.32 КоАП РФ и признал оспоренное положение не соответствующим Конституции Российской Федерации[1].

Нами был проведен анализ законодательства об административных правонарушениях нескольких субъектов РФ: Кодексов об административных правонарушениях Республики Дагестан, г. Москвы, Республики Татарстан и Законов об административных правонарушениях в Республике Алтай, Воронежской области, в Республике Калмыкия, Новосибирской области, Санкт-Петербурге, Саратовской области, Свердловской области, Тамбовской области, Чеченской республики, Республики Чувашия, Курганской области.

Так, Кодекс города Москвы об административных правонарушениях содержит 177 составов административных правонарушений, которые устанавливают административную ответственность за нарушение норм и правил, предусмотренных законами и иными нормативными правовыми актами города Москвы, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления в городе Москве: за посягательства на права граждан и здоровье населения; на общественный порядок и общественную безопасность; на транспорте; в области охраны окружающей среды и природопользования; обращения с животными; землепользования; градостроения и эксплуатации городской инфраструктуры; благоустройства; использования жилищного фонда; предпринимательской деятельности; охраны и использования объектов культурного наследия регионального и местного значения; за посягательства на институты государственной власти и местного самоуправления. Это свидетельствует о том, что региональное законодательство об административных правонарушениях, наряду с федеральным законодательством (КоАП РФ), выполняет важную роль в обеспечении прав граждан, надлежащего общественного порядка и общественной безопасности на территории субъекта РФ, а также в соблюдении регионального законодательства, регулирующего различные стороны жизнедеятельности региона.

Вместе с тем, полагаем необходимым в новую редакцию КоАП РФ включить составы административных правонарушений, особенно посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, здоровье населения, характерных для всех регионов, что будет способствовать обеспечению законности и единого порядка правоприменения.

На наш взгляд, следует обратить внимание на такую проблему регионального законодательства об административных правонарушениях, как составления протокола об административном правонарушении.

Федеральным законом от 21.07.2014 № 247-ФЗ в п. 6 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ были внесены дополнения, согласно которым протоколы об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, составляются должностными лицами органов внутренних дел (полиции) в случае, если передача этих полномочий предусматривается соглашениями между федеральными органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации о передаче осуществления части полномочий.

Как отмечается сенатором И. Рукавишниковой, «по имеющейся информации, сейчас соглашения заключили только 16 субъектов Российской Федерации»[2].

В связи с этим административные составы о наказании за такие, например, правонарушения, как семейно-бытовое (бытовое) дебоширство (ст. 7 Республики Алтай, ст. 1.5 Закона

[1] Обзор судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2019 года. URL: https://www.ksrf.ru. (Дата обращения: 18.09.2019).

[2] Круглый стол: «Административно-деликтное законодательство: вопросы разграничения предметов ведения Российской Федерации и субъектов РФ». Совет Федерации РФ. 15 марта 2019 г. URL:https://www.zsro.ru. (Дата обращения: 25.08.2019).

Саратовской области), нарушение покоя и тишины (ст. 3.13 КоАП г. Москвы и аналогичные составы в других субъектах РФ), пребывание со слабоалкогольными напитками или пивом в общественных местах (ст. 20 Закона Курганской области) на практике не работают, так как составление протокола об административных правонарушениях по вышеуказанным составам не входит в обязанность сотрудников МВД, за исключением регионов, кто заключил вышеуказанное соглашение, а у региональных органов нет такой возможности.

В этой ситуации, на наш взгляд, следует либо, признав утратившим силу ФЗ-247 от 21.07.2014, то есть, отменив необходимость заключения взаимных соглашений, принять новый закон, обязывающий органы внутренних дел составлять протоколы об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, или, как нами отмечалось выше, эти составы включить в новую редакцию КоАП РФ.

Анализ законодательства об административных правонарушениях субъектов показывает, что во многих законодательных актах содержится правовая норма, обеспечивающая единство такого законодательства в одном нормативном акте. Так, в ч. 2 ст. 1.1 Кодекса г. Москвы об административных правонарушениях говорится, что нормы, устанавливающие административную ответственность по вопросам, не отнесенным Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях к ведению Российской Федерации, не могут содержаться в иных законах города Москвы и подлежат включению в настоящий Кодекса г. Москвы.

Полагаем, что данный пример, аккумулирующий законодательство об административных правонарушениях в одном законе (кодексе), следует рассмотреть и при разработке новой редакции КоАП РФ, заключив в данном нормативно-правовом акте все административно-деликтные составы, что способствовало бы единству правового регулирования законодательства об административных правонарушениях и обеспечению системности в случаях его изменения.

Может изложенные нами в настоящей статье предложения по новой редакции КоАП РФ являются небесспорными. В то же время, замечания, которые поступят в ходе их обсуждения, будут способствовать дальнейшему совершенствованию административно-деликтного законодательства.

Список литературы

1. Андриянов В.Н. Новая кодификация законодательства об административных правонарушениях: состояние и перспективы // Сибирский юридический вестник. – 2018. – №3. – С. 15 – 23.

2. Круглый стол: «Административно – деликтное законодательство: вопросы разграничения предметов ведения Российской Федерации и субъектов РФ». Совет Федерации РФ. 15 марта 2019 г. // URL: https://www.zsro.ru (Дата обращения: 25.08.2019).

3. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, подготовленная межведомственной рабочей группой, образованной во исполнение поручения Председателя Правительства Российской Федерации Дмитрия Медведева и в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2019 года №631-р. // URL:http://static.government.ru/. (Дата обращения : 13.06. 2019)

4. Мицкевич Л.А. Соотношение федерального и регионального законодательства об административных правонарушениях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: ПРАВО. – 2018. – №2. – С. 206-216).

5. Обзор судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2019 года // URL:https://www.ksrf.ru (Дата обращения: 18.09.2019).

6. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 г. // URL:https://www.cdep. ru (Дата обращения: 15.09.2019).

7. Сводные статистические данные о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административной ответственности за 12 месяцев 2018 г. // URL:http://usdtambov.ru (Дата обращения : 15.09.2019).

8. Студеникина М.С. Два законопроекта новой кодификации законодательства об административных правонарушениях: основные новеллы и их предварительная оценка // Адм. право и процесс. – 2017. – № 9. – С. 34-37.)

List of references

1. Andriyanov V.N. *Novaya kodifikatsiya zakonodatel'stva ob administrativnykh pravonarusheniyakh: sostoyaniye i perspektivy // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik* [The new codification of legislation on administrative offenses: state and prospects // Siberian Law Journal]. – 2018. – No. 3. – pp. 15 – 23.

2. *Kruglyy stol: «Administrativno – deliktnoye zakonodatel'stvo: voprosy razgranicheniya predmetov vedeniya Rossiyskoy Federatsii i sub"yektov RF». Sovet Federatsii RF.* [Round table: "Administrative – tort legislation: issues of delimiting the subjects of competence of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation." Council of the Federation of the Russian Federation]. March 15, 2019 //

3. *Kontseptsiya novogo Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh, podgotovlennaya mezhvedomstvennoy rabochey gruppoy, obrazovannoy vo ispolneniye porucheniya Predsedatelya Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii Dmitriya Medvedeva i v sootvetstvii s rasporyazheniyem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 4 aprelya 2019 goda №631-r. //* [The concept of the new Code of the Russian Federation on administrative offenses, prepared by the interdepartmental working group formed in pursuance of the order of the Prime Minister of the Russian Federation Dmitry Medvedev and in accordance with the order of the Government of the Russian Federation of April 4, 2019 No. 631-r.] // URL: http://static.government.ru/ . (Date of access: 13.06. 2019)

4. Mitskevich L.A. *Sootnosheniye federal'nogo i regional'nogo zakonodatel'stva ob administrativnykh pravonarusheniyakh // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: PRAVO.* [Correlation of federal and regional legislation on administrative offenses // Bulletin of Voronezh State University. Series: LAW]. – 2018. – No. 2. – pp.206-216).

5. *Obzor sudebnoy praktiki Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii za pervyy kvartal 2019 goda //* [Review of the judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation for the first quarter of 2019] // URL: https://www.ksrf.ru (Date of appeal: 09/18/2019).

6. [Summary statistics on the activities of the federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2018] // URL: https://www.cdep.Ru (Date of treatment: 09/15/2019).

7. *Svodnyye statisticheskiye svedeniya o deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii i mirovykh sudey za 2018 g* [Summary statistics on the work of courts of general jurisdiction in the consideration of cases of administrative responsibility for 12 months of 2018] // URL: http://usdtambov.ru (Date of appeal: September 15, 2019).

8. Studenikina M. S. *Dva zakonoproyekta novoy kodifikatsii zakonodatel'stva ob administrativnykh pravonarusheniyakh: osnovnyye novelly i ikh predvaritel'naya otsenka // Adm. pravo i protsess.* [Two bills of the new codification of legislation on administrative offenses: the main novels and their preliminary assessment // Adm. law and process]. – 2017. – No. 9. – pp. 34-37).

УДК 342, 347

Константин Анатольевич Павленко,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
ЦФ ФГБОУ ВО «РГУП» (г. Воронеж), кандидат юридических наук
E-mail: pavlenko@pavlenkolaw.ru

Konstantin Anatolyevich Pavlenko,
The Central Branch of the Russian State University of Justice
(Voronezh), the candidate of law sciences

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ДОКАЗЫВАНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье приведено авторское мнение по вопросам выбора наиболее корректных методов исследования доказывания в административном судопроизводстве и определения места данного процессуального порядка в системе российского права. Заявлены основные тезисы, касающиеся возможности и целесообразности применения междисциплинарного подхода в трудах по указанной тематике. Специфика административного судопроизводства выражена, в том числе в том, что, характеризуясь высокой публично-правовой значимостью и существенным публично-правовым эффектом применения как форма процесса, оно имеет частноправовую природу. В связи с этим приводится позиция, заключающаяся в необходимости изучения феномена доказывания в административном судопроизводстве с применением цивилистических и публично-правовых методов.

Ключевые слова: административное судопроизводство, доказывание, цивилистический процесс, административное право, правовая природа, междисциплинарный подход.

THE INTERDISCIPLINARY APPROACH TO THE RESEARCH OF EVIDENCE IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

The article provides an author's opinion on the selection of the most correct methods of researching evidence in administrative proceedings and determining the place of this procedural order in the system of Russian law. The main talking points regarding the possibility and feasibility of an interdisciplinary approach in the works on this topic have been stated. The specifics of administrative proceedings are expressed in particular in that, characterized by the high public-legal importance and significant public-legal effect of application, as a form of process it has a private and legal nature. This cites need to examine the phenomenon of proof in administrative proceedings using civil and public legal methods.

Keywords: administrative proceedings, evidence, civil process, administrative law, legal nature, interdisciplinary approach.

Из всех современных процессуально-правовых институтов доказывание в административном судопроизводстве является, пожалуй, одним из наиболее наглядных примеров эффективности междисциплинарного подхода.

Ученые продолжают дискутировать (и явных предпосылок к окончанию дискуссии в ближайшее время не видится) относительно принадлежности административного судопроизводства к какой-либо отрасли права или, что точнее, относительно природы административного судопроизводства.

С одной стороны, речь о процедуре рассмотрения споров, возникших из отношений по поводу осуществления публичной власти, об обжаловании противоправной реализации властных полномочий государственными органами и должностными лицами. Данный признак, безусловно, свидетельствует о значении административного судопроизводства для административного права и государственного управления, о наличии неразрывной связи между ними.

С другой стороны, едва ли можно поспорить с тем, что реализованная в настоящее время модель процедуры рассмотрения административных дел построена на цивилистических началах, и ее применение, оптимизация и исследование возможны только с учетом данного

обстоятельства, с использованием инструментария, аналогичного инструментарию науки и практики цивилистического процесса.

Таким образом, обозначенный институт является смежным для этих, казалось бы, значительно удаленных друг от друга отраслей и, соответственно, для научных и (или) учебных дисциплин.

Подобное местоположение административного судопроизводства детерминирует специфику его построения, выражающуюся, в том числе, в одновременном претворении в жизнь цивилистического состязательного начала и компенсации неравного положения сторон распределением доказательственного бремени. В данном контексте комплексная разработка модели доказывания по Кодексу административного судопроизводства (КАС) РФ[1] становится первостепенной и, следует признать, достаточно сложной задачей.

Рассмотрение общих и частных вопросов доказывания в административном судопроизводстве позволит определить, настолько ли целесообразно закрепление соответствующих принципов в законодательстве, регламентирующем рассмотрение дел, возникающих из публичных правоотношений, или некоторые из них не отвечают специфике данных дел.

Рассмотрение доказывания применительно к иным видам судопроизводства в большинстве случаев ограничивается непосредственным анализом его элементов, пределов и процессуальных особенностей, без разработки самостоятельной дефиниции доказывания для конкретного вида судопроизводства. При этом, как правило, приводится ссылка на термин «судебное доказывание», применимый к любым процессуальным отраслям.

Отличия доказывания в различных процессуальных отраслях, в том числе, отличия в видах допустимых средств доказывания, в правилах распределения его бремени и иные, по всей видимости, воспринимаются учеными как частности, недостаточные для обособленного рассмотрения доказывания в гражданском, арбитражном, административном, уголовном судопроизводстве, производстве по делам об административных правонарушениях.

Коллективом авторов во главе с М.Г. Треушниковым выделяются следующие особенности доказывания:

– целью судебного доказывания является установление фактов и обоснование выводов о фактах и других обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения в порядке гражданского судопроизводства;

– доказывание осуществляется в установленной законом процессуальной форме, т. е. процесс судебного доказывания урегулирован нормами права;

– судебное доказывание осуществляется посредством судебных доказательств[2].

Следовательно, учеными все же признаются, во-первых, специфичная цель доказывания в гражданском судопроизводстве, а во-вторых, специфичная процессуальная форма каждого из видов доказывания.

По нашему мнению, при несомненной научной ценности осмысления доказывания как надотраслевого правового феномена недопустимо отрицать значительную специфику содержания и формы доказательственной деятельности применительно к отдельным судопроизводствам.

Дефиниция доказывания административного судопроизводства, отражающая такую специфику, может быть выработана посредством анализа его сущностных признаков, при непременном использовании междисциплинарного подхода.

С еще большим количеством вопросов исследователь сталкивается при попытке установить место института доказывания в системе административного судопроизводства, ведь элементы, принципы организации и функционирования этой системы, по нашему убеждению, определены не вполне четко.

---

[1] Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.

[2] См.: Арбитражный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Т.К. Андреева, Е.А. Борисова, С.А. Иванова и др.; под ред. М.К. Треушникова. 3-е изд., испр. и доп. М., 2007.

Перспективы развития административно-процессуального законодательства не вполне ясны, поскольку одним из ключевых трендов законопроектной деятельности является унификация гражданского судопроизводства, к которому, как следует из текста соответствующей концепции[1], относят и административное судопроизводство. Вместе с тем, тренд этот скорее позиционируется, чем проявляется в серьезных мерах. В качестве исключения, пожалуй, можно указать внесение в законодательство недавних изменений, названных среди практиков «процессуальной революцией»[2].

Таким образом, феномен административного судопроизводства находится на стыке дистанцированных друг от друга научных дисциплин: материально-правовой – административного права, и процессуально-правовых – арбитражного процесса и гражданского процесса.

Соответственно, и достижение исследовательских целей применительно к одному из наиболее значимых и дискуссионных институтов – процессуальному доказыванию – возможно исключительно посредством сочетания научного подхода, свойственного административистам, и традиционного цивилистического подхода.

Конечно, исследования, выполненные представителями одной из дисциплин, без использования инструментария смежной отрасли не являются априори обреченными на провал. Однако в таком случае их авторам необходимо привести убедительные аргументы в пользу возможности подобного ограничения методологии.

В собственном исследовании процессуально-правового феномена доказывания в административном судопроизводстве автор предпринимает попытку осмысления конкретных аспектов доказательственной деятельности как в сравнении с гражданским и арбитражным процессом, так и с учетом публично-правового значения соответствующих отношений.

Применение междисциплинарного подхода (разумеется, в сочетании с иным научным инструментарием) привело к достижению результатов, часть из которых приведена в монографии автора[3].

Список литературы

1. Арбитражный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Т.К. Андреева, Е.А. Борисова, С.А. Иванова и др.; под ред. М.К. Треушникова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Городец, 2007. 672 с.

2. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08 декабря 2014 № 124(1), далее также «Концепция») // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Лозовицкая А.Д. Раскрытие доказательств как инструмент «процессуальной революции» // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. №5. С. 33-37.

4. Павленко К.А. Общие вопросы доказывания в административном судопроизводстве // К.А. Павленко. М.: Прометей. 2019. 170 с.

List of references

1. *Arbitrazhnyy protsess: Uchebnik dlya studentov yuridicheskikh vuzov i fakul'tetov /* [The arbitration process: a Textbook for students of law schools and faculties] / T.K. Andreeva, E.A. Borisova, S.A. Ivanova et al .; under the editorship of M.K. Treushnikova. 3rd ed., Rev. and add. M .: Gorodets, 2007.672 s.

2. *Kontseptsiya yedinogo Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (odobrena resheniyem Komiteta po grazhdanskomu, ugolovnomu, arbitrazhnomu i protsessual'nomu zakonodatel'stvu GD FS RF ot 08 dekabrya 2014 № 124(1), daleye takzhe «Kontseptsiya») // Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlus»*

[1] См., например: Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08 декабря 2014 г. № 124 (1), далее также «Концепция») // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Лозовицкая А.Д. Раскрытие доказательств как инструмент «процессуальной революции» // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 5. С. 33-37.

[3] См.: Павленко К.А. Общие вопросы доказывания в административном судопроизводстве. М., 2019.

[The concept of the unified Civil Procedure Code of the Russian Federation (approved by the decision of the Committee on Civil, Criminal, Arbitration and Procedural Legislation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated December 08, 2014 No. 124 (1), hereinafter also the “Concept”) // Access from the legal system "Consultant Plus"].

3. Lozovitskaya A.D. *Raskrytiye dokazatel'stv kak instrument «protsessual'noy revolyutsii» // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess* [Disclosure of evidence as an instrument of the “procedural revolution” // Arbitration and civil process]. 2019. №5. S. 33-37.

4. Pavlenko K.A. Obshchiye voprosy dokazyvaniya v administrativnom sudoproizvodstve [General issues of evidence in administrative proceedings // K.A. Pavlenko. M .: Prometheus]. 2019.170 pp.

УДК 338; 341.231

Илья Анатольевич Волков,
студент 4 курса очной формы обучения
Института права и национальной безопасности
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина
E-mail: jusvolkov@yandex.ru

Ilya Anatolevich Volkov,
4 year full-time studentInstitute of Law and National Security
Tambov State University named after G.R. Derzhavin

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматривается понятие «экономическая безопасность». Экономическая безопасность анализируется как система взаимосвязанных элементов, включающая в себя экономический суверенитет, стабильность отечественной экономики и развитие экономической системы. Рассматривается правовая основа экономической безопасности. Характеризуются основные положения Указа Президента РФ «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», приводится официальное толкование понятия «экономическая безопасность», классифицируются и анализируются современные угрозы экономической безопасности, описывается значение обозначенного акта. Указываются иные акты, затрагивающие вопросы экономической безопасности. Характеризуются некоторые национальные проекты (программы), касающиеся экономической безопасности: национальный проект (программа) «Производительность труда и поддержка занятости», национальный проект (программа) «Цифровая экономика Российской Федерации», национальный проект (программа) «Международная кооперация и экспорт». Высказывается авторская точка зрения по поводу эффективности существующей политики экономической безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность, экономический суверенитет, угрозы экономической безопасности, государственно-правовая политика.

LEGAL BASIS OF ECONOMIC SECURITY RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

The article considers the concept of «economic security». Economic security is analyzed as a system of interconnected elements, including economic sovereignty, stability of the domestic economy and the development of the economic system. The legal basis of economic security is considered. The main provisions of the Decree of the President of the Russian Federation «On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period until 2030» are characterized, the official interpretation of the concept of «economic security» is given, modern threats to economic security are classified and analyzed, the meaning of the designated act is described. Other regulatory legal acts affecting economic security are indicated. Some national projects (programs) related to economic security are characterized: a national project (program) «Labor productivity and employment support», a national project (program) «Digital Economy of the Russian Federation», a national project (program) «International Cooperation and Export». An author's point of view is expressed regarding the effectiveness of the existing economic security policy.

Key words: economic security, economic sovereignty, threats to economic security, state law policy.

В современных юридических и экономических работах, посвященных проблематике правового обеспечения экономической безопасности государства всё большее отражение находят вопросы защиты экономических интересов, обеспечения экономической безопасности и неразрывно связанные с ними вопросы поиска научно-обоснованных решений, способствующих выработке эффективной государственно-правовой политики, отвечающей существующим экономическим, социальным, технологическим и иным вызовам.

На текущий момент времени Россия столкнулась с рядом экономических проблем, среди которых можно выделить следующие: инертность отечественного производства, трудности с внедрением в большинстве отраслей экономики инноваций и ноу-хау, а также очевид-

ная зависимость России от зарубежных технологий. Обозначенные проблемы актуализируют исследование экономической безопасности на современном этапе государственно-правового развития.

В первую очередь считаем необходимым определить понятие «экономическая безопасность». Полагаем, что под экономической безопасностью следует понимать состояние экономики, характеризующееся *защищенностью правовых и экономических интересов государства* (курсив наш. – *И. В.)*, способностью поддерживать высокий уровень функционирования общества и устойчиво обеспечивать отечественное производство всеми необходимыми ресурсами (начиная от сырья и заканчивая новейшими технологиями и профессиональными кадрами).

Отметим, что экономическая безопасность является системой взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. В неё входят:

1) Экономический суверенитет, под которым в юридической науке традиционно понимают независимость государства в экономической сфере в совокупности с правом осуществлять собственную (независимую) экономическую политику. По мнению Е.Ю. Догадайло, экономический суверенитет базируется на нескольких принципах: «право денежной эмиссии; принцип единства экономического пространства; принцип свободного перемещения товаров и услуг; принцип единой валюты на территории Российской Федерации; принцип единой системы налогов и сборов»[1].

2) Стабильность отечественной экономики, под которой подразумевается существование устойчивых условий для нормального функционирования производственной деятельности даже при наличии влияния неблагоприятных факторов.

3) Постоянное развитие экономической системы путем усовершенствования производства и внедрения инновационных технологий.

В настоящее время существует обширная правовая база, в той или иной степени регулирующая вопросы, связанные с экономической безопасностью. В первую очередь необходимо упомянуть об Указе Президента РФ «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» от 13.05.2017 № 208. Значимость обозначенного нормативно-правового акта заключается в ряде аспектов:

Во-первых, в нем закреплено официальное толкование понятия «экономическая безопасность», под которой понимается «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»[2].

Во-вторых, определяются современные угрозы экономической безопасности. Мировая экономика характеризуется неустойчивостью и неопределенностью экономического центра. Конкуренция на международном рынке возрастает, и появляется все больше угроз экономической безопасности, лишь отдаленно связанных с экономическими процессами, но значительно влияющих на нее. Проанализировав выделенные в указе угрозы экономической безопасности, можно сделать вывод о возможности классификации таких угроз на внутренние (внутригосударственные) и внешние (международные). Так, к внутренним угрозам следует отнести сокращение отечественных топливно-сырьевых ресурсов, низкие темпы экономического роста, проблемы распределения национального бюджета, усиление дифференциации населения по уровню доходов, ошибки в процессе государственного управления, неравномерность развития территории России. К основным внешним угрозам причисляют дисбаланс

[1] Догадайло Е.Ю. Экономический суверенитет Российской Федерации: анализ основных правовых форм реализации на современном этапе // Вестник Тувинского государственного университета. 2018. № 1 (36). С. 178.

[2] Указ Президента РФ «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

и противоречия мировой экономики, использование дискриминационных мер в отношении ключевых секторов экономики Российской Федерации, военные конфликты, изменения спроса на энергетические ресурсы в мире.

В-третьих, определяются цели, задачи и основные направления государственной политики, направленной на обеспечение экономической безопасности. А.Р. Шафиева в своей работе указывает: «стратегия предполагает укрепление финансовой системы, повышение стабильности рубля, снижение банковских ставок для укрепления национальной безопасности страны. Кроме того, стратегия национальной безопасности, ставит одной из целей развития страны становление одним из мировых лидеров по объему валового внутреннего продукта (ВВП)»[1].

Стоит отметить, что обозначенный указ базируется на двух нормативных правовых актах, обуславливающих его сущность, систему и содержание: ФЗ «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ[2] и ФЗ«О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ[3].

Также сферу экономической безопасности затрагивают ряд национальных и федеральных программ и проектов Российской Федерации, которые направлены на устранение угроз (в основном внутренних) экономической безопасности. Перечислим некоторые из них:

1. Национальный проект (программа) «Производительность труда и поддержка занятости»[4], целью которого является рост производительности труда на отечественных предприятиях несырьевой сферы.

2. Национальный проект (программа) «Цифровая экономика Российской Федерации»[5], направленный на формирование устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры передачи, обработки и хранения больших объемов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств.

3. Национальный проект (программа) «Международная кооперация и экспорт»[6], в которой определяются объемы экспорта отечественной продукции.

Из вышеприведённых примеров нам представляется, что первые две названные программы направлены на устранение или снижение неблагоприятных последствий внутренних угроз экономической безопасности, тогда как последний из проектов имеет целью устранение некоторых внешних угроз.

Полагаем, что мероприятия государственно-правовой политики, реализуемые в целях обеспечения экономической безопасности, также напрямую зависят от состояния федераль-

---

[1] Шафиева А.Р. Экономическая безопасность. Факторы, представляющие угрозу экономической безопасности РФ // Вестник современных исследований. 2019. № 1.5 (28). С. 327.

[2] Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

[3] Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

[4] Паспорт национального проекта (программы) «Производительность труда и поддержка занятости» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=319210&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.928500307938388#03476926482705942 (дата обращения: 15.09.2019).

[5] Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=328854&fld=134&dst=100001,0&rnd=0.26966035922011344#05190490830508403 (дата обращения: 15.09.2019).

[6] Паспорт национального проекта (программы) «Международная кооперация и экспорт» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=319212&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.965200219790755#049580806174707504 (дата обращения: 15.09.2019).

ного бюджета, поэтому в качестве нормативного правового акта, на котором в том числе основывается экономическая безопасность, следует указать и ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов»[1].

Проанализировав правовые основы экономической безопасности, можно прийти к выводу о том, что правовую политику государства в рассматриваемой сфере нельзя назвать в полной мере отличающейся эффективностью и комплексностью, поскольку ряд вышеуказанных актов (несмотря на наличие положений по реформированию и усовершенствованию экономической правовой политики) носит декларационный характер. В этой связи существует необходимость принятия актов, развивающих положения Стратегии экономической безопасности Российской Федерации. Как нами было отмечено ранее, «в их содержании должны быть отражены правовые средства, способные реализовать меры по обеспечению экономической безопасности»[2]. Так, в них могут найти своё отражение различного рода организационные меры, разработка устойчивой, научно обоснованной методики осуществления мониторинга правоприменения данной сферы.

Кроме того, согласимся также с позицией В.В. Трофимова, который в своей работе высказался о необходимости «разработать и принять единую Концепцию государственно-правовой политики в Российской Федерации, которая должна содержать стратегию и тактику государственно-правовых преобразований наближайшие пять-десять лет»[3].

Таким образом, несмотря на наличие значительной нормативной правовой базы, регулирующей вопросы, связанные с экономической безопасностью, в настоящее время еще не представляется возможным говорить о том, что для её обеспечения предприняты все возможные меры. Данная сфера нуждается в более детальной проработке, а также в выработке методов и способов реализации целей и задач экономической безопасности. Именно верно выстроенная концепция экономической безопасности, а также эффективно выстроенный механизм её реализации являются ориентирами для правовой политики государства, в которой находят своё место научно обоснованные решения, плоды которых будут выражены в повышении социально-экономической обстановки и положения государства, общества и отдельно взятой личности.

Список литературы

1. Догадайло Е.Ю. Экономический суверенитет Российской Федерации: анализ основных правовых форм реализации на современном этапе / Е.Ю. Догадайло // Вестник Тувинского государственного университета. – 2018. – №1(36). – С.177-184.

2. Зелепукин Р.В., Волков И.А. Правовые аспекты защиты национальных интересов в условиях экономических санкций / Р.В. Зелепукин, И.А. Волков // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. – № 9. – 2018.– С. 122-125.

3. ТрофимовВ.В. Государственно-правовая политика современной России: от доктрины к практике реализации / В.В.Трофимов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – №3. – С.79-87.

4. ШафиеваА.Р. Экономическая безопасность. Факторы, представляющие угрозу экономической безопасности РФ / А.Р.Шафиева // Вестник современных исследований. – 2019. – № 1.5 (28). – С.325-328.

List of references

1. Dogadaylo E.Yu. *Ekonomicheskiy suverenitet Rossiyskoy Federatsii: analiz osnovnykh pravovykh form realizatsii na sovremennom etape / Ye.YU.Dogadoylo // Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Economic sovereignty of the Russian Federation: analysis of the main legal forms of implementation at the present stage / E.Yu. Dogadoylo // Bulletin of Tuva State University]. – 2018. – No. 1 (36). – pp. 177-184.

[1] Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» от 29.11.2018 № 459-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (часть II). Ст. 7531

[2] Зелепукин Р.В., Волков И.А. Правовые аспекты защиты национальных интересов в условиях экономических санкций // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. № 9. 2018. С. 125.

[3] Трофимов В.В. Государственно-правовая политика современной России: от доктрины к практике реализации // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. №3. С. 84.

2. Zelepukin R.V., Volkov I.A. *Pravovyye aspekty zashchity natsional'nykh interesov v usloviyakh ekonomicheskikh sanktsiy / R.V. Zelepukin, I.A. Volkov // Uchenyye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU*. [Legal aspects of protecting national interests in the context of economic sanctions] / R.V. Zelepukin, I.A. Volkov // Scientific notes of the Tambov branch of RoSMU. – No. 9. – 2018.– pp. 122-125.

3. Trofimov V.V. *Gosudarstvenno-pravovaya politika sovremennoy Rossii: ot doktriny k praktike realizatsii / V.V.Trofimov // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. [State-legal policy of modern Russia: from doctrine to implementation practice / V.V. Trofimov // Legal policy and legal life]. – 2018. – No. 3. – pp. 79-87.

4. Shafieva A.R. *Ekonomicheskaya bezopasnost'. Faktory, predstavlyayushchiye ugrozu ekonomicheskoy bezopasnosti RF / A.R.Shafiyeva // Vestnik sovremennykh issledovaniy*. [Economic security. Factors that pose a threat to the economic security of the Russian Federation / A.R.Shafieva // Bulletin of modern studies]. – 2019 .-- No. 1.5 (28). – pp. 325-328.

УДК 340

Светлана Викторовна Воробьева,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: vorob-sveta@yandex.ru

Svetlana Viktorovna Vorobyeva,
associate Professor of criminal law and procedure,
candidate of law, associate Professor

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМАТИКИ СУВЕРЕНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА КАК ФАКТОРА СТАБИЛИЗАЦИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья содержит анализ основных базовых категорий, характеризующих суверенитет современного государства, рассматриваются современные тенденции в исследовании данной проблематики, выявлены подходы к изучению суверенизации как фактора стабилизации геополитических взаимоотношений. Также раскрывается содержание основных актуальных проблем государственного суверенитета в современном мире: проблемы ограничения суверенитета государств под влиянием процессов глобализации и проблемы соотношения государственного суверенитета с правом нации на самоопределение; осуществляется анализ перечисленных проблем и предлагаются возможные варианты их решения.

В статье автором подвергается сомнению постпозитивистская концепция, где суверенитет не является на современном этапе ведущим и главным признаком национальных государств, необходимо на академическом уровне переосмыслить понятие суверенитета и оснований его ограничения. Социально-политические, экономические и иные обязательства государств как внутри страны, так и на международном поле воздействуют на суверенность государств в рамках международно-правового принципа, от них зависит реализация полномочий суверенных государств сквозь призму комплекса правомочий. Тем не менее, не стоит подвергать сомнению незыблемость государственного суверенитета даже при имеющемся социально-экономическом и политическом неравенстве стран.

Ключевые слова: национальный суверенитет, суверенитет народа, государственный суверенитет, незыблемость суверенных прав, государственная власть, ограниченный суверенитет.

ACTUALIZATION OF STUDIES ON THE PROBLEMS OF SOVEREIGNIZATION OF THE MODERN STATE AS A FACTOR OF STABILIZATION OF INTER-STATE RELATIONS

The article contains the analysis of the main basic categories characterizing the sovereignty of the modern state, modern trends in the study of this problem are considered, approaches to the study of sovereignization as a factor of stabilization of geopolitical relations are revealed. Also the content of the main actual problems of state sovereignty in the modern world: problems of limitations of state sovereignty under the impact of globalization and the problems of correlation of state sovereignty with the right of Nations to self-determination; analyses these problems and offers possible solutions.

In the article the author questions the post-positivist concept, where sovereignty is not at the present stage the leading and main feature of national States, it is necessary at the academic level to rethink the concept of sovereignty and the grounds for its limitation. Socio-political, economic and other obligations of States both within the country and in the international field affect the sovereignty of States within the framework of the international legal principle, the implementation of the powers of sovereign States through the prism of a set of powers depends on them. Nevertheless, it is not necessary to question the inviolability of state sovereignty, even with the existing socio-economic and political inequality of countries.

Keywords: national sovereignty, people's sovereignty, state sovereignty, inviolability of sovereign rights, state power, limited sovereignty.

Суверенитет и связанная с ним проблематика в последнее время приобрели особую научно-практическую значимость. В данных вопросах остается достаточно неразрешенного и спорного, что требует серьезных научных политико-правовых изысканий, в том числе по со-

вершенствованию нормативного закрепления, как на международном, так и на национальном уровне. Причина, побуждающая исследователей детально изучать сущность и проблемы суверенитета, кроется в том, что современный мир находится в прямой зависимости от данного политико-правового явления.

Широта проблемных вопросов, связанных с исследованием дилеммы укрепления суверенитета государства и десуверенизацией, многомерностью содержания подобных аспектов, является разнообразным комплексным аксиологическим исследованием, оказывающим влияние на построение современных межгосударственных взаимоотношений.

Г.И. Мусихиным отмечено, что категория «суверенитет» является «настолько неоднозначной, что консенсус в научной среде практически невозможен «даже по поводу того, является ли данное понятие дискуссионным или бесспорным в своей основе»[1]. В то же время ученый склонен находить объяснение сложности данного явления в особенностях категориально-понятийного аппарата, который относится к суверенитету, анализируя исследуемое понятие, возникает ассоциативный ряд с категориями государства, власти, авторитета, права, политики и др.

Исследование проблем, касающихся государственного суверенитета и системных процессов, сопровождающих его содержательные преобразования, сегодня вызывает особый интерес в научной среде не случайно, так как суверенитет – ведущий фактор независимости любого государства, символизирующий его политико-правовую самостоятельность, высшую ответственность и ценность как первичного субъекта международного права, необходимое для исключительного верховенства государственной власти и предполагающее неподчинение власти другого государства, возникающее или исчезающее в силу добровольного изменения статуса независимого государства как цельного социального организма, обусловленное правовым равенством независимых государств и лежащее в основе современного международного права.

К понятию «суверенитет», как ключевому признаку государства, на протяжении многих веков приковано внимание ученых различных отраслей. Известно, что в классическом определении суверенитета (Ж. Боден, Т. Гоббс, Г. Гроций, Г. Еллинек, Г. Гегель), заложена суть полной и абсолютной власти государства, суверена, монарха, распространяющаяся на определенную территорию, отличающаяся независимостью от иных государств, организаций, а также от противостоящих государственной целостности организаций внутри страны.

Дальнейшее концептуальное оформление данной категории определило разнообразные подходы к сущности суверенитета, его границам, носителям (речь идет о народном, государственном, национальном, гражданском суверенитете). Разнообразие исследовательских теорий к данному понятию тем не менее имеет общую точку соприкосновения в том, что суверенитет это верховенство государственных институтов во внутренней политике, их монопольное право на принятие законодательных решений и независимость государственной внешнеполитической деятельности.

Очевидно, происходящие международные конфликты, вмешательство во внутренние дела государств, необоснованное негативное влияние международных организаций на государственную политику многих стран, возрастающая роль наднациональных акторов, требующих от государств передачи все большего объема полномочий, в обмен на мнимую защиту, покровительство, экономическую стабильность и т. п. – все происходящее требует пристального внимания к понятию «государственный суверенитет».

Концептуальные аспекты проблемы суверенитета получили оформление и развитие в рамках классической зарубежной и отечественной политико-правовой мысли. Вместе с тем, становится заметно, что этой сложной и многоплановой проблематикой все активнее интересуются в современной науке государства и права.

[1] Мусихин Г.И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма» // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 64.

Следует отметить, что возросший интерес к данной категории, который проявляет научное сообщество, имеет циклическую сущность и связан с формированием новой государственности, расстановкой политических сил на мировой арене, интеграционными процессами и многими другими факторами. XX век обозначил важнейшее направление в исследовании проблем, связанных с ограничением и отрицанием государственного суверенитета.

В качестве внешних причин ведущими стали глобализационные процессы, рост международных организаций и международных союзов и т. п. Внутренними причинами, обострившими проблемы суверенитета, стали новые тенденции в развитии гражданского общества и рост количества государств федеративного типа, когда речь заходит о том, что понятие суверенитета размывается.

Рассматривая спектр основных концепций исследования суверенитета, в том числе в историческом ракурсе, следует сделать вывод о том, что в настоящее время наука сформировала несколько базовых понятий сущности государственного суверенитета. Например, научные опыты отождествления его с институтом государства, властными структурами, самостоятельностью на внешнеполитической арене, международной правосубъектностью, диктатурой господствующего класса и многие другие направления.

Бесспорно, являются весьма обоснованными утверждения А.Т. Карасева, А.С. Морозовой о том, что «государственная власть является одним из признаков государства в широком смысле и содержанием государства в узком смыслах. Это дает нам право утверждать, что определение суверенитета государства в узком смысле должно звучать следующим образом: государственный суверенитет – это исключительное свойство государства быть такой организацией властвования, которая свободно и самостоятельно представляет свои интересы на международной арене и принимает решения, носящие определяющий характер внутри страны и распространяющиеся на всю его территорию, вне зависимости от того, представляет оно интересы всего государства в целом или его отдельных групп, классов и так далее. Суверенитет государства в широком смысле предлагается понимать, как неотъемлемое свойство государства свободно выбирать и развивать свою политическую, социальную, экономическую и культурную систему. То есть, если рассматривать суверенитет государства в широком смысле этого слова (как особым образом организованного общества), то он выступает как «правовой символ» существования государства. При этом вне зависимости от узкой или широкой трактовки понятия «государственный суверенитет» он является исключительно юридической (формальной) категорией. Суверенитет, являясь неотъемлемым свойством государства быть верховным внутри страны и независимым на международной арене, не зависит ни от объема государственной власти, ни от формы государства»[1].

Основываясь на наукометрических показателях научных работ по проблематике государственного суверенитета следует констатировать, что с 2014 по 2018 гг. произошел двукратный рост общего числа публикаций по тематике суверенитета. Правовая наука в последнее десятилетие активно дискутирует вопросы изменения в содержании суверенитета государства как базовой категории в рамках публично-правовой и позитивно-правовой действительности.

В настоящее время необходимо сформировать академическую школу защиты национального суверенитета, имеющую не только проработанную правовую базу и военно-стратегический плацдарм по укреплению и защите национальной безопасности, но и предпосылки по укреплению дипломатического, территориального, политического, культурного, экономического, информационного и других видов суверенитета России.

Суверенное государство должно иметь волю к защите своего суверенитета, мы должны четко понимать, что национальная элита, не ставящая целью укреплять независимость и самодостаточность страны, наносит колоссальный вред суверенитету государства. Тяжелым остается для России период правления М.С. Горбачева, пошедшего по пути неолиберализма,

[1] Карасев А.Т., Морозова А.С. Некоторые подходы к пониманию государственного суверенитета // История государства и права. М., 2014. № 20. С. 45.

уступившего сферы влияния государства, да и радикальный либериализм во внешней политике во время нахождения А.В. Козырева на посту министра иностранных дел РФ нанес колоссальный урон интересам политической, экономической, социальной сфер государства.

В своих трудах Х. Штайгер утверждает, что модель государства с полноценным суверенитетом в последнее время завершается. Государства, в частности, европейские, включаются в систему надгосударственных организаций глобального и регионального масштаба (ООН, ЕС, ВТО и др.)[1]. С этим трудно не согласиться, действительно многие государства-члены Европейского союза на основании договорных отношений передали ряд своих компетенционных полномочий как в политической сфере, так и с в сфере экономики, социальной политики, правоохранительной сферы и т. п. европейскому сообществу, тем самым придавая суверенитету европейских государств формальную сущность.

В работах А. Кокошина отмечено также: «Очевидно, что подавляющее большинство де-юре суверенных государств в современном мире из-за своих размеров, экономической, политической, военной зависимости от других субъектов международных отношений обладают суверенитетом сугубо формально. При этом они могут передать часть своих суверенных прав либо другому государству (их «протектору»), либо наднациональному образованию – как добровольно, так и в принудительном порядке[2].

Многие отечественные исследователи также признают тот факт, что современные государства «…осуществляют свой суверенитет посредством деятельности международных объединений… в чем-то государство ограничивает себя, но одновременно и выигрывает, воздействуя через международные объединения на всех его участников. Передача части полномочий – не разделение власти, а ее организация, и ее особенность во взаимозависимости и сотрудничестве участников объединения». Суверенитет государства реализуется через его участие в деятельности международной организации. Суверенитет является не самоцелью, а средством обеспечения интересов государств[3].

Оборотной стороной медали суверенитета является проблема наднациональности многих межгосударственных объединений. По мнению профессора Ю.А. Тихомирова, где он отмечает, что государства, передавая часть полномочий наднациональным институтам, не лишаются суверенных прав, их права во внешнеполитических процессах остаются главными, более того, передавая ряд полномочий, они компенсируют это возможностью располагать общесистемными, всеобщими полномочиями, когда участие государств в совместных проектах становится более эффективным[4].

Наиболее универсальная форма взаимодействия государств между собой – договорная форма: заключение, ратификация международных соглашений. Данные процессы должны реализовываться с учетом международно-правовых норм, принципов и конституционно-правовых устоев договаривающихся государств. Однако известная формула pacta sunt servanda нередко нарушается и более сильные контрагенты de facto не выполняют своих договорных обязательств.

Вполне очевидна ситуация, что в последнее время международным институтам не удается в полной мере урегулировать политическими средствами конфликты, возникающие между странами. Государствам навязывают вооруженное решение противоречий, власти неспособны справляться с искусственно созданными проблемами социально-политического, религиозного характера. Зачастую эти государства превращают в площадки для внешнего

[1] См., например: Штайгер Х. Кончается ли эпоха суверенного государства? Steiger H. Geht das zeitalter des souverdnen staates zu ende? // Der staat. b., 2002. BD. 41. H. 3. S. 331-358.

[2] См.: Бень И.В. Суверенитет современного государства: проблемы интерпретации и реализации // Молодой ученый. 2015. № 10. С. 896-897. URL https://moluch.ru/archive/90/18485/ (дата обращения: 22.09.2019).

[3] См.: Там же. С. 896.

[4] Цит. по: Манов Б.Г. Новое о межгосударственной интеграции // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 65.

управления с целью насаждения псевдодемократических ценностей, имея завуалированные задачи – получить управление политической и экономической ситуацией в «псевдогосударстве» и удовлетворить частные интересы.

Таким образом, массив глубоких и многозначительных изменений, происходящих в настоящее время в мировом пространстве, не умаляет того факта, что государственному суверенитету принадлежит преимущественное значение в основах конституционного строя государств мира.

Существуют значительные различия в содержательном аспекте суверенитета государства и его суверенных прав. Комплекс суверенных прав государства всегда имеет закрепление в законодательстве, он обладает свойствами вариативности, т. к. государство имеет возможность видоизменить систему прав и обязанностей, комплекс законодательных установлений, руководствуясь целями, задачами, государственными интересами, которые необходимо решить в данный исторический отрезок времени. При этом отсутствие или отказ от какого-то права не означает утрату суверенитета.

Тем не менее, сегодня, бесспорно суверенитет – это качественный признак любого государства, он сохраняет перечень характеристик, в которых выражена его сущностная наполняемость, в частности, выражающаяся в верховенстве и независимости. Речь не идет об абсолютной независимости и верховенстве, т. к. правовые установления ограничивают государство в проявлении его властных полномочий. Современному государству также характерно подчинение международным договорам и нормам международного права.

Бесспорно, что в концептуальном плане, учитывая периодически изменяющуюся геополитическую ситуацию, не только содержательная сторона государственного суверенитета нуждается в уточнении, но особенно конкретизации заслуживает механизм укрепления суверенитета.

Современным странам стоит своевременно выявлять и устранять совокупность факторов, нацеленных на десуверенизацию данного государства и формировать правовые гарантии для укрепления суверенитета.

Учитывая появление влиятельных акторов в международных отношениях, перераспределение военного потенциала и угроз, стремление к построению действенного механизма борьбы с международной преступностью, террористическими угрозами, увеличение числа регионов, где не затухают локальные конфликты, а также с учетом иных факторов социального, экономического и религиозного характера, актуальность исследования феномена суверенитета государства переоценить невозможно.

Список литературы

1. Штайгер Х. Кончается ли эпоха суверенного государства? Steiger H. Geht das zeitalter des souverdnen staates zu ende? // Der staat. b., 2002. BD. 41. H. 3. S. 331-358.

2. Бень И.В. Суверенитет современного государства: проблемы интерпретации и реализации [текст] // Молодой ученый. 2015. №10. С. 896-897. URL https://moluch.ru/archive/90/18485/ (дата обращения: 22.09.2019).

3. Карасев А.Т., Морозова А.С. Некоторые подходы к пониманию государственного суверенитета [текст] // История государства и права. 2014, № 20. – С. 45-50.

4. Манов Б.Г. Новое о межгосударственной интеграции [текст] / Б.Г. Манов // Журнал российского права, 2005. № 9. С. 166-168.

5. Мусихин Г.И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма» [текст] // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 64-78.

List of references

1. Steiger H. Brauchen wir eine Weltrepublik? // Staat. B., 2003. BD. 42. H. 2. S. 249-266.

2. Ben I.V. *Suverenitet sovremennogo gosudarstva: problemy interpretatsii i realizatsii* [Sovereignty of the modern state: problems of interpretation and implementation [text] // Young scientist]. 2015. No.10. pp. 896-897. URL https://moluch.ru/archive/90/18485/ (accessed September 22, 2019).

3. Karasev A.T., Morozova A.S. *Nekotoryye podkhody k ponimaniyu gosudarstvennogo suvereniteta [tekst] // Istoriya gosudarstva i prava* [Some approaches to understanding state sovereignty [text] // History of the state and law]. 2014, No. 20. – pp. 45-50.

4. Manov B.G. *Novoye o mezhgosudarstvennoy integratsii [tekst] / B. G. Manov. // Zhurnal rossiyskogo prava*, [New on interstate integration] [text] / B. G. Manov. // Journal of Russian law, 2005. No. 9. P. 166-168.

5. Musikhin G.I. *Klassifikatsiya teoriy suvereniteta kak popytka preodoleniya «kontseptual'nogo egoizma» [tekst] // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. [Classification of theories of sovereignty as an attempt to overcome "conceptual egoism"] [text] // Social Sciences and Modernity. 2010. No. 1. pp. 64-78.

УДК 159.9, 340

Владимир Владимирович Комаров,
доцент кафедры социальной и возрастной психологии
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
кандидат психологических наук
E-mail: kafspsy@mail.ru

Vladimir Vladimirovich Komarov,
Associate Professor of the Department of Social and Age Psychology
of TSU named after G.R. Derzhavin, candidate of psychological Sciences

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ КАК ФАКТОР ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается проблема влияния девиантного поведения на совершение правонарушений, влияния семьи на формирование девиантной личности, внутренних механизмов формирования девиантного и противоправного поведения, прежде всего ценностной регуляции поведения и роли социальных ценностей в формировании девиантности или нормативности личности; взаимосвязь девиантного и противоправного поведения; меры профилактики социальных девиаций и правонарушений среди молодежи.

Ключевые слова: социальные девиации, девиантное поведение, деликвентное поведение, противоправное поведение, криминальное поведение, асоциальная девиантность, нормативность, социальные ценности.

SOCIAL DEVIATIONS AS A FACTOR OF ILLEGAL BEHAVIOUR OF A PERSONALITY

The article considers the problem of the influence of deviant behavior on the commission of offenses, the influence of the family on the formation of the deviant personality, internal mechanisms of the formation of deviant and unlawful behavior, primarily the value regulation of behavior and the role of social values in the formation of deviance or normativeness of an individual; the relationship of deviant and illegal behavior; preventive measures of social deviations and offenses among young people.

Keywords: social deviations, deviant behavior, delinquent behavior, illegal behavior, criminal behavior, asocial deviance, normativeness, social values.

В современном российском обществе проблемы социальных девиаций и противоправного поведения, прежде всего среди молодежи, стремительно актуализируются и этому есть несколько причин. Во-первых, это высокая динамичность и нестабильность социокультурных, экономических, политических процессов в социуме; во-вторых, эмоциональный прессинг средств массовой информации; в-третьих, высокий уровень агрессивности в обществе; в-четвертых, специфика возрастных, интеллектуальных и индивидуально-психологических особенностей молодежи, прежде всего, подросткового и младшего юношеского возраста. Последнее положение подтверждается, например, исследованием Т.Г. Киселевой, доказавшей наличие взаимосвязи между интеллектуальной недостаточностью подростков и социальными девиациями за счет высокой склонности к соперничеству и доминированию, снижения критичности действий, высокой агрессивности, эмоциональной и психической незрелости, высокой импульсивности, завышенной самооценки и высоких притязаний[1].

Е.Е. Михаелян в своей статье отмечает, что отклоняющееся поведение и особенно такие крайние его проявления, как делинквентность и криминальность в своих массовидных значениях стали новым серьезным вызовом сохранению стабильности общества и негативно влияют на общественные отношения[2]. Автор полагает, что существует особая форма социа-

[1] См.: Киселева Т.Г. Интеллектуальная недостаточность как причина социальных девиаций подростков // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2019. Т. 28. С. 35-42.

[2] См.: Михаелян Е.Е. Социализация девиантного поведения личности // Теория и практика общественного развития. 2011. №7. С. 60-63.

лизации девиантной личности, которая требует серьезного изучения, несмотря на очевидные трудности. Е.Е. Михаелян проводит водораздел между понятиями девиантного, делинквентного и преступного поведения. Согласно автору, любое поведение, не одобряемое общественным мнением, является девиантным; поведение, не одобряемое законом, но ненаказуемое с точки зрения Уголовного Кодекса является делинквентным; деяние, которое запрещено законом данного государства, и за совершение которого предусмотрено уголовное наказание, определяется как преступное / криминальное. Автор выделяет настораживающие общественные тенденции, сопровождая их собственными комментариями: нарастание различных форм девиантности, в том числе и преступности, вряд ли детерминировано какой-либо единой специфической причиной; девиантное поведение, сформировавшееся в ходе ненормативного процесса социализации, ведет к негативным социальным последствиям; девиантное поведение в социуме формируется как стихийно, так и целенаправленно, за счет так называемых институтов десоциализации (Г.М. Андреева), включая организованные преступные группировки, бандформирования и различные деструктивные молодежные субкультуры[1].

Современные исследователи подчеркивают решающее влияние семейных отношений на формирование личности, склонной к социальным девиациям и противоправному поведению. Как отмечает А.А. Реан, семья – важнейший институт социализации личности, где человек получает первые навыки взаимодействия и общения. В большинстве своем семья выступает фактором защиты личности, однако, в некоторых случаях она может быть фактором риска социального девиантного поведения и развития личности. К последним автор относит семьи с проблемами алкоголизации и наркомании, с асоциальными ценностями, с противоправным поведением, с высоким уровнем конфликтности, семьи, практикующие агрессивное поведение и насилие над ребенком, семьи с эмоциональной депривацией ребенка[2].

При этом многие семейные нарушения тесно связаны с противоправным поведением ребенка. Автор, рассматривая проблему связи социальный девиаций и состава семьи, подчеркивает, что причины следует искать не столько в семейной структуре, сколько в психосоциальной деформации семейных отношений. Именно социализация по девиантному типу, асоциальные ценности, нормы и стереотипы поведения могут усваиваться ребенком по механизму научения и подражания, если именно такие ценности и нормы являются доминирующими в данной семье[3]. С другой стороны, просоциальное / нормативное поведение будет формироваться не только за счет отсутствия подкрепления или наказания за асоциальное поведение, но и посредством активного научения конструктивным способам разрешения противоречий и реализации различных мотиваций личности ребенка. Другими важными механизмами влияния семьи на развитие социальных девиаций и асоциального поведения личности, согласно автору, является эмоциональное пренебрежение ребенком, отношение к нему как к «вещи среди других вещей» (Б.С. Братусь), дисгармоничное развитие мотивации привязанности, особенности идентификации с родителями.

П.В. Пинаев, Д.Ю. Некрасов полагают, что при изучении любых форм девиации причины следует искать именно в семье, т. к. именно там формируются первичные представления о мире, навыки и характер человека, семейным окружением детерминируются проблемы, комплексы и фобии. Авторы перечисляют основные негативные отклонения в семьях, в том числе физическое и сексуальное насилие, вседозволенность, отсутствие или переизбыток родительского контроля, проблемы внутрисемейных отношений, и выделяют такие группы семейных отношений, как хорошие, искренние; безразличные, равнодушные; плохие, конфликтные[4].

---

[1] См.: Михаелян Е.Е. Социализация девиантного поведения личности // Теория и практика общественного развития. 2011. №7. С. 60-63.

[2] Реан А.А. Семья как фактор социальных девиаций личности // Российский психологический журнал. 2007. Т. 4. № 1. С. 25-28.

[3] См.: Там же.

[4] Пинаев П.В., Некрасов Д.Ю. Влияние семьи на формирование девиантности подростка // Вестник Пермского университета. 2013. Философия. Психология. Социология. Выпуск 1 (13). С. 142-149.

Авторы также отмечают личностные особенности родителей, их алкоголизм, низкое материальное положение, неблагоприятные условия проживания, неполные семьи, подчеркивая, что все они крайне опасны для ребенка и могут способствовать формированию его девиантности. Кроме того, согласно авторам, в обществе существует некое двойственное отношение к ряду отклонений в семье, которые воспринимаются обществом как девиации, несмотря на их одобрение. К ним относятся многодетность, усыновление, опекунство, подчеркнутая религиозность. Авторы делают выводы, что негативные девиации формируются значительно чаще, чем позитивные, семья при их формировании имеет решающее значение, негативные отклонения опасны как для индивида, так и для социума в целом[1].

Для понимания внутренних механизмов формирования девиантного и противоправного поведения личности важным представляется исследование М.С. Ясницкого ценностной регуляции поведения и нарушений этого процесса при социальных девиациях. Согласно автору, система ценностей личности обладает двойственной природой, заключающейся с одной стороны, в том, что она определяет побуждения человека и с другой стороны, сама становится источником этих побуждений[2]. Социальные ценности, лежащие в основе регуляции поведения членов общности, выражаются в социальных нормах, которые подразделяются на моральные нормы, общие представления о должном поведении в различных ситуациях, и правовые нормы, выраженные в законах и нормативных актах. Соответственно, девиантное поведение, отклоняясь от этих норм, будет проявляться в проступках или преступлениях. Автор справедливо отмечает, что границы между моральными и правовыми нормами во многом условны, и в устойчивом обществе они постепенно сближаются посредством взаимообмена их ценностного содержания. Основываясь на положениях И.С. Кона, автор выделяет такие механизмы следования социальным нормам, как страх, стыд и вина. Отметим, что эти механизмы появляются у ребенка последовательно в ходе онтогенеза, а высшим механизмом регуляции социальных норм будет выступать совесть[3].

Яницкий М.С. полагает, что различные формы социальных девиаций имеют общие причины и закономерности формирования и, соответственно, сходные особенности ценностной системы, определяющие нарушения ее регулятивных функций[4]. Проведя эмпирическое исследование частотного распределения ценностных типов при некоторых формах девиантного поведения, автор приходит к выводу о зависимости нормативности поведения от уровня развития ценностной системы личности. При этом различные защитные, адаптационные ценности далеко не всегда регулируют реальное поведение человека, поскольку наиболее эффективным регулятором является внутренняя, интернализованная система личностных ценностей, создание условий для формирования которых в ходе целенаправленного систематического психолого-педагогического воздействия может стать одним из важных направлений профилактики девиантного поведения.

Взаимосвязь девиантного и преступного поведения М.К. Гайдай и Л.А. Кашина рассматривают через конструкт асоциальной девиантности на примере несовершеннолетних осужденных. Авторы отмечают, что само по себе девиантное поведение может рассматриваться и как поведение конкретного человека и как социальное явление. При этом девиантное поведение конкретного человека всегда должно рассматриваться системно и контекстуально, тогда как девиантность как социальное явление всегда присутствует в обществе. Под асоциальной девиантностью несовершеннолетних осужденных авторы понимают их анти-

[1] Пинаев П.В., Некрасов Д.Ю. Влияние семьи на формирование девиантности подростка // Вестник Пермского университета. 2013. Философия. Психология. Социология. Выпуск 1 (13). С. 142-149.

[2] Яницкий М.С. Ценностная регуляция поведения личности и ее нарушение при различных формах социальных девиаций // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». № 2 (18). 2011. С. 199-131.

[3] Киселева Т.Г. Интеллектуальная недостаточность как причина социальных девиаций подростков // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2019. Т. 28. С. 35-42.

[4] Комаров В.В. Совесть как фактор нравственной саморегуляции личности: дис. … канд. психол. наук. Тамбов, 2004.

общественное негативное отклоняющееся поведение, связанное с деструктивными социальными факторами окружающей их среды, а также с пребыванием в специфических условиях-замкнутого пространства воспитательной колонии[1]. Согласно авторам, противоправное поведение тесно связано с негативным девиантным поведением, на которое влияют социальное окружение и среда жизнедеятельности несовершеннолетнего до его попадания в исправительное учреждение, а также условия изоляции несовершеннолетнего осужденного после вынесения приговора.

Таким образом, девиантное поведение, само по себе не являясь противоправным, тесно с ним связано. При этом связь нельзя считать однонаправленной: девиантные установки личности могут способствовать совершению правонарушений, а лица, уже совершившие преступления и отбывающие наказание, в большой степени склоны к девиантному поведению.

Признавая актуальность проблемы социальных девиаций как фактора противоправного поведения молодежи, на базе ТГУ имени Г.Р. Державина в 2016 г. был создан Центр исследований социальных девиаций, направленный на комплексное изучение данной проблемы в ходе взаимодействия юристов, психологов и педагогов.

Работа Центра носит комплексный, междисциплинарный характер, предполагающий взаимодействие разных специалистов; индивидуальный подход в реализации мер психолого-педагогического воздействия; этапность и цикличность мероприятий по выявлению, противодействию, профилактике и коррекции социальных девиаций[2].

Список литературы

1. Гайдай М.К., Кашина Л.А. К вопросу о понимании асоциальной девиантности несовершеннолетних осужденных // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. №1 (60). С. 9-21.

2. Киселева Т.Г. Интеллектуальная недостаточность как причина социальных девиаций подростков // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2019. Т. 28. С. 35–42.

3. Комаров В.В. Основные направления работы Центра исследований социальных девиаций г. Тамбова / Профилактика экстремизма в системе образования Сборник материалов Центра профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях Российской Федерации. Москва, 2019. С. 35-40.

4. Комаров В.В. Совесть как фактор нравственной саморегуляции личности: дис. …канд. психол. наук. Тамбов, 2004.

5. Михаелян Е.Е. Социализация девиантного поведения личности // Теория и практика общественного развития. 2011. №7. С. 60-63.

6. Пинаев П.В., Некрасов Д.Ю. Влияние семьи на формирование девиантности подростка // Вестник Пермского университета. 2013. Философия. Психология. Социология. Выпуск 1 (13). С. 142-149.

7. Реан А.А. Семья как фактор социальных девиаций личности // Российский психологический журнал. 2007. Т. 4. №1. С. 25-28.

8. Яницкий М.С. Ценностная регуляция поведения личности и ее нарушение при различных формах социальных девиаций // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». №2 (18). 2011. С. 199-131.

List of references

1. Gaidai M. K., Kashina L. A. *K voprosu o ponimanii asotsial'noy deviantnosti nesovershennoletnikh osuzhdennykh // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. [On the issue of understanding the antisocial deviance of juvenile offenders // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2012. No1 (60). pp. 9-21.

2. Kiseleva T.G. *Intellektual'naya nedostatochnost' kak prichina sotsial'nykh deviatsiy podrostkov // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psikhologiya* [Intellectual insufficiency as a cause of social deviations of adolescents // Bulletin of the Irkutsk State University. Series Psychology]. 2019.Vol. 28.pp. 35–42.

3. Komarov VV *Osnovnyye napravleniya raboty Tsentra issledovaniy sotsial'nykh deviatsiy g. Tambova / Profilaktika ekstremizma v sisteme obrazovaniya Sbornik materialov Tsentra profilaktiki religioznogo i etnicheskogo ekstre-*

[1] Гайдай М.К., Кашина Л.А. К вопросу о понимании асоциальной девиантности несовершеннолетних осужденных // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 1 (60). С. 9-21.

[2] Комаров В.В. Основные направления работы Центра исследований социальных девиаций г. Тамбова / Профилактика экстремизма в системе образования Сборник материалов Центра профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях Российской Федерации. Москва, 2019. С. 35-40.

mizma v obrazovatel'nykh organizatsiyakh Rossiyskoy Federatsii. Moskva, [The main directions of work of the Tambov Center for the Study of Social Deviations / Prevention of extremism in the education system A collection of materials from the Center for the Prevention of Religious and Ethnic Extremism in educational institutions of the Russian Federation]. Moscow, 2019.S. 35-40.

4. Komarov V.V. *Sovest' kak faktor nravstvennoy samoregulyatsii lichnosti: dis. …kand. psikhol. nauk. Tambov* [Conscience as a factor of moral self-regulation of personality: dis. ... cand. psychol. Sciences]. Tambov, 2004.

5. Michelyan E.E. *Sotsializatsiya deviantnogo povedeniya lichnosti // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Socialization of deviant personality behavior // Theory and practice of social development]t. 2011. No7. pp. 60-63.

6. Pinaev P.V., Nekrasov D.Yu. *Vliyaniye sem'i na formirovaniye deviantnosti podrostka // Vestnik Permskogo universiteta. 2013. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. [The influence of the family on the formation of deviant adolescence // Bulletin of Perm University. 2013. Philosophy. Psychology. Sociology. Issue 1] (13). pp. 142-149.

7. Rean A.A. *Sem'ya kak faktor sotsial'nykh deviatsiy lichnosti // Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Family as a factor in social deviations of a person // Russian Psychological Journal]. 2007. v. 4. No. 1. S. 25-28.

Yanitsky M.S. *Tsennostnaya regulyatsiya povedeniya lichnosti i yeye narusheniye pri razlichnykh formakh sotsial'nykh deviatsiy // Vestnik KRAUNTS. Seriya «Gumanitarnyye nauki»* [Value regulation of personality behavior and its violation in various forms of social deviations // Vestnik KRAUNTS. Series "Humanities"]. No. 2 (18). 2011. pp. 199-131.

УДК 340

Анна Викторовна Сидорова,
старший преподаватель кафедры публичного права
Самарского государственного экономического университета,
E-mail: an.sido@bk.ru

Anna Viktorovna Sidorova,
senior lecturer of the chair of public law of the
Samara state University of Economics

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Цифровизация и цифровые технологии все больше порождают революционные изменениям в инновационной системе, затрагивая все без исключения сферы жизнедеятельности человека. Проблема адаптации общества к цифровизации не только технологическая, экономическая, социально-психологическая но и, безусловно, юридическая. Действительно, нормативная база должна быть сформирована таким образом, чтобы она обеспечивала плодородную и здоровую почву для поступательного развития этих технологических инноваций, предотвращая правонарушения, и здесь неоценимый вклад могут внести междисциплинарные исследования. Использование разработок в области психологической теории деятельности при исследовании такого правового явления действительности, как правонарушение, поможет внести ясность в спорные вопросы теоретической концепции правонарушения, в частности конкретизировать форму активности человека, которая при наличии определенных признаков может быть квалифицирована как правонарушение.

Ключевые слова: правонарушение, деятельность, деяние, активность человека, поведение.

THE CONCEPT OF OFFENSE IN THE CONTEXT OF THE PSYCHOLOGICAL THEORY OF ACTIVITY

Digitalization and digital technologies are increasingly generating revolutionary changes in the innovation system, affecting all spheres of human life without exception. The problem of adaptation of society to digitalization is not only technological, economic, socio-psychological but also legal. Indeed, the regulatory framework should be designed in such a way that it provides fertile and healthy ground for the progressive development of these technological innovations, preventing delinquency, and interdisciplinary research can make an invaluable contribution here. The use of developments in the field of psychological activity theory in the study of such a legal reality as the offence will help to clarify controversial issues the theoretical concepts of the offence, in particular to specify the form of human activity which in the presence of certain signs can be qualified as an offence.

Keywords: offense, activity, act, human activity, behavior.

Одним из ключевых элементов концепции правонарушения является признание правонарушением исключительно формы активной деятельности человека. Однако в вопросе конкретизации данной формы в научной среде нет и не было единого мнения. Г.И. Солнцев определял преступление как «внѣшнее, свободное, положительными законами воспрещенное дѣяніе…»[1]. Н.Е. Чижов, говоря о правонарушении, определяет его как недозволенное действие, которым нарушается не только чужое право, но и вообще юридический порядок, обеспечивающий каждому определенную власть[2]. Одновременно он говорит и о деятельности

[1] Солнцев Г.И. Российское уголовное право, изложенное Обоих Прав Доктором, Императорского Казанского Университета бывшим Ректором, философических и положительных Российских и иностранных прав П.О. Профессором, Общества любителей отечественной словесности при Императорском Казанском Университете действительным членом, Ордена св. Анны 2-й степени Кавалером и проч. Гавриилом Солнцевым. Казань, 1820 / Под редакцией и с вступительной статьей о Г.И. Солнцеве Г.С. Фельдштейна, Профессора Демидовского Юридического Лицея. Ярославль, 1907. С. 54.

[2] Чижов Н.Е. Введение в изучение права (Энциклопедия права) / Заметки Ординарного Профессора Императорского Новороссийского Университета Н.Е. Чижова. Одесса, 1908. С. 101.

людей: «Человѣческая дѣятельность получаетъ юридическій характеръ съ тѣхъ поръ, когда дѣйствующій становится въ извѣстное отношеніе къ благамъ, которыя обезпечены объективнымъ правомъ другому лицу»[1], одной из форм которой и является на его взгляд недозволенное действие. Е.Н. Трубецкой выделяя правонарушение как неправомерное действие, являющееся одним из видов юридических фактов, зависящих от воли человека, ставит знак равенства между «действия» и «юридические факты, зависящие от воли людей»[2]. По мнению И.В. Михайловского: «правонарушение – это не согласный с правопорядком акт поведения людей, всякое обусловившее этот акт психическое переживание, и всякое событие и состояние внешнего мира, которое в отдельности или в определенной совокупности влекут за собой применение юридических норм»[3]. Г.Ф. Шершеневич указывал: «правонарушении – это поведении человека, противное праву»[4]. Видный советский ученый И.С. Самощенко под правонарушением понимал «противоправное деяние, разновидность поведения людей, акт поведения людей»[5]. Г.С. Котляревский и Б.Л. Назаров указывали на то, что правонарушение – это деяние деликтоспособного лица[6]. Правонарушение как деяние людей исследовали и такие ученые как: А.В. Мелехин[7], В.В. Оксамытный[8], А.В. Поляков[9]. И сегодня в подавляющем большинстве ученые указывают на то, что правонарушение есть деяние вменяемого лица, выражающееся в форме действия или бездействия[10]. Иные правоведы, например, А.С. Пиголкин исследует правонарушение как «поведение (поступки) людей, которое противоречит правовым предписаниям и наносит вред общественным отношениям»[11].

Аналогичная ситуация сложилась и в законодательстве. В соответствии с УК РФ преступление есть «виновно совершенное общественно опасное деяние…»[12]. В ст. 2.1 КоАП РФ административное правонарушение определяется как «противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица…»[13]. В современном законодательстве достаточно часто используется и термин «деятельность», однако дефиницию «деятельность» законодатель не закрепляет.

Теперь более подробно остановимся на вышеуказанных терминах. В словаре русского языка XI–XVII вв. «дъяние» определяется как поступки, событие, происшествие[14]. В словаре Ожегова деяние трактуется как «действие, поступок, свершение»[15]. В уголовном праве под деянием понимают «поведение человека, выраженное в определенной объективной фор-

[1] Чижов Н.Е. Введение в изучение права (Энциклопедия права) / Заметки Ординарного Профессора Императорского Новороссийского Университета Н.Е. Чижова. Одесса, 1908. С. 101.

[2] Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 202.

[3] Михайловскій И.В. Очерки философіи права. Томъ I. Томскъ, 1914. С. 580.

[4] Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. III. М., 1912. С. 629-641.

[5] Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963. С. 76.

[6] Котляревский Г.С., Назаров Б.Л. Проблемы общей теории права: учеб. пособие. М., 1973. С. 40.

[7] Мелехин А.В. Теория государства и права. М., 2009. С. 328.

[8] Оксамытный В.В. Общая теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». М., 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://study.garant.ru/#/document/57601184:0 (дата обращения: 01.09.2019).

[9] Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода (учебник). 2-е изд., исправл. и доп. М., 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://study.garant.ru/#/document/57315323:0 (дата обращения: 01.09.2019).

[10] Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2004. С. 228; Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2002. С. 304.

[11] Пиголкин А.С. Теория государства и права. Учебник. М., 2003. [Электронный ресурс]. URL: https://lib.uni-dubna.ru/search/files/pr_pigolkin_teor-gos-i-prava/pigolkin.pdf (дата обращения: 01.09.2019).

[12] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

[13] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) // Российская газета. 31.12.2001. № 256.

[14] Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 4 (Г – Д). М., 1977. С. 241.

[15] Толковый словарь русского языка. М., 2011. С. 143.

ме»[1]. В психологической теории деятельности действие есть элемент деятельности. Основоположник теории А.Н. Леонтьев указывал: «Действием мы называем процесс, подчиненный представлению о том результате, который должен быть достигнут, т. е. процесс подчиненный сознательной цели»[2]. В психологическом словаре действие определяется как «процесс взаимодействия с каким-либо предметом, в котором достигается определенная, заранее определенная, цель»[3]. Следует отметить, что в широком смысле действием является любое мотивированное поведение, которое характерно как для человека, так и для животного. Н.Л. Караваев определяет деятельность человека как «целенаправленную, организованную и преобразовательную активность человека, детерминированную социокультурной средой»[4]. В теории деятельности деятельность есть активность, через которую человек выражает свое отношение к миру. А.Н. Леонтьев под человеческой жизнью понимал: «совокупность, точнее систему сменяющих друг друга деятельностей»[5]. Сама же деятельность состоит из цепочки действий, которые в свою очередь представляют цепочку операций и поступков (это и есть формы деятельности). Действие становится поступком после осознания его субъектом общественным актом, выражающим отношение к другим индивидам. Целью деятельности является образ возможного (в качестве прообраза того, что свершится), а средствами – отдельные действия, направленные на промежуточные цели. Нельзя не согласиться с С.Л. Рубинштейном, рассматривающим деятельность как одну из основополагающих, наряду с сознанием, характеристик человечества. В деятельности человека выделяют характерные признаки: целенаправленность, системность, предметность, активность, организованность, системность. В отличие от деятельности поведение не целенаправлено, хаотично и спонтанно, не предполагает создания конкретного продукта и в основной своей массе пассивно. Поведение характерно как для человека, так и для животного, а вот деятельность – присуща исключительно представителям человеческого рода.

Порождает деятельность потребность. Д.Н. Узнадзе указывает: «потребность касается всего, что является нужным для организма, но чем тот в данный момент не обладает»[6]. Потребности есть и у животных, и у человека. Как верно указано Н.Н. Михайловым: «Потребности человека – это объективное состояние человека, складывающееся на основе противоречия между имеющимся и необходимым и побуждающее его к деятельности по устранению данного противоречия»[7]. Потребности подразделяют на биологические (возникают у животных и у человека), социальные и духовные – могут возникнуть исключительно у человека. Здесь отметим, что вышеуказанное может снять вопрос о возможности ИИ быть субъектом права, поскольку у него нет и не может быть собственных потребностей. Проявление потребности находят в мотиве деятельности, то есть в том, что «инициирует ее, ради чего она осуществляется, осознаваемая причина, лежащая в основе выбора действий и поступков личности»[8]. Потребность можно определить и как рассогласованность внешних условий и внутреннего состояния организма, исходящее или извне (в случае изменения внешнего мира, в общем случае не зависимого от человека) или изнутри (изменение внутреннего мира, в общем случае по воле человека). В обоих случаях, потребность это нужда организма. В случае

[1] Уголовное право России. Часть Общая и Особенная: курс лекций / А.И. Рарог, Г.А. Есаков, А.И. Чучаев, В.П. Степалин; под ред. А.И. Рарога. М., 2008. С. 15.

[2] Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2004. С. 81.

[3] Большой психологический словарь. М., 2007. [Электронный ресурс]. URL: https://psychological.slovaronline.com/ (дата обращения: 01.09.2019).

[4] Караваев Н.Л. Структурная организация деятельности человека // Концепт. 2014. № 6. С. 105.

[5] Леонтьев А.Н. Указ. соч. С. 65.

[6] Узнадзе Д.Н. Мотивация, период, предшествующий волевому акту: Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 46-71.

[7] См.: Михайлов Н.Н. Потребности личности: проблема формирования. Челябинск, 1981.

[8] Тимошенко Т.В. Экология и потребности человека // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. № 9 (146). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekologiya-i-potrebnosti-cheloveka (дата обращения: 10.09.2019).

изменений внешних условий, это необходимость привести свой внутренний мир (мотив смирения) в соответствие с изменившимися условиями окружающей действительности, во втором случае осуществить действия, направленные на приведение внешних условий в соответствие с выработанным образом будущего (мотив воли). То есть любая потребность всегда отражается в действиях индивида. Есть потребность – есть действия – деятельность, нет значит и нет действия – деятельности. Следует отметить, что согласно психологической теории деятельности нет безмотивной деятельности, а поскольку деятельность соотносится с определенной потребностью и направлена на предмет этой потребности, то именно его определяют как действительный мотив.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем отойти от понимания правонарушения деянием и в контексте психологической теории деятельности определить его как деятельность человека.

Список литературы

1. Большой психологический словарь. М.: Издательство Прайм-Еврознак, 2007. [Электронный ресурс]. URL: https://psychological.slovaronline.com/ (дата обращения: 01.09.2019).
2. Караваев Н. Л. Структурная организация деятельности человека // Концепт, 2014. № 6. С. 101-105.
3. Котляревский Г.С., Назаров Б.Л. Проблемы общей теории права: учеб.пособие. М.: Юрид.лит. 1973. – 79 с.
4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2004. – 352 с.
5. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юрист, 2004. – 245 с.
6. Мелехин А.В. Теория государства и права. М., 2009. – 545 с.
7. Михайлов Н.Н. Потребности личности: проблема формирования. Челябинск, 1981. – 99 с.
8. Михайловскій И.В. «Очерки философіи права». Томъ I. Томскъ. Изданіе книжнаго магазина В.М. Посохина. 1914. – 632 с.
9. Морозова Л.А. Теория государства и права М., 2002. – 414 с.
10. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода (учебник). – 2-е изд., исправл. и доп. / Поляков А.В. М.: Проспект, 2016. – 832 с. [Электронный ресурс]. URL: http://study.garant.ru/#/document/57315323:0 (дата обращения: 01.09.2019).
11. Оксамытный В.В. Общая теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». М.: Юнити-Дана, 2012. – 511 с. [Электронный ресурс]. URL: http://study.garant.ru/#/document/57601184:0 (дата обращения: 01.09.2019).
12. Пиголкин А.С. Теория государства и права. Учебник. М., 2003. [Электронный ресурс]. URL: https://lib.uni-dubna.ru/search/files/pr_pigolkin_teor-gos-i-prava/pigolkin.pdf (дата обращения: 01.09.2019).
13. Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М.: Юрид.лит, 1963. – 261 с.
14. Солнцев Г.И. Российское уголовное право, изложенное Обоих Прав Доктором, Императорского Казанского Университета бывшим Ректором, философических и положительных Российских и иностранных прав П. О. Профессором, Общества любителей отечественной словесности при Императорском Казанском Университете действительным членом, Ордена св. Анны 2-й степени Кавалером и проч. Гавриилом Солнцевым. Казань, 1820 / Под редакцией и с вступительной статьей о Г.И. Солнцеве Г.С. Фельдштейна, Профессора Демидовского Юридического Лицея. Ярославль, 1907. – 219 с.
15. Тимошенко Т. В. Экология и потребности человека // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. №9 (146). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekologiya-i-potrebnosti-cheloveka (дата обращения: 10.09.2019).
16. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2011. – 736 с.
17. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права / Кн. Е.Н. Трубецкой. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1917. – 227 с.
18. Уголовное право России. Часть Общая и Особенная: курс лекций / А.И. Рарог, Г.А. Есаков, А.И. Чучаев, В.П. Степалин; под ред. А.И. Рарога. М. 2008. – 496 с.
19. Узнадзе Д.Н. Мотивация, период, предшествующий волевому акту: Психология личности. Тексты. М., 1982. С.46-71.
20. Чижов Н.Е. Введение в изучение права (Энциклопедия права) / Заметки Ординарного Профессора Императорского Новороссийского Университета Н.Е. Чижова. Одесса: Тип. «Русской Речи», 1908. –289 с.
21. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып.III. М., 1912. – 805 с.

List of references

1. *Bol'shoy psikhologicheskiy slovar'. M.: Izdatel'stvo Praym-Yevroznak* [A large psychological dictionary. M .: Publishing house Prime-Evroznak], 2007. [Electronic resource]. URL: https://psychological.slovaronline.com/ (accessed September 1, 2019).

2. Karavaev N. L. *Strukturnaya organizatsiya deyatel'nosti cheloveka // Kontsept*, [Structural organization of human activity // Concept], 2014. No. 6. P. 101-105.

3. Kotlyarevsky G.S., Nazarov B.L. *Problemy obshchey teorii prava: ucheb.posobiye. M.: Yurid.lit* [Problems of the general theory of law: textbook. M .: Yurid.lit.]1973.- 79 p.

4. Leontiev A. N. *Deyatel'nost'. Soznaniye.* Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. M., 2004 .– 352 p.

5. Matuzov N.I., Malko A.V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law. M.: Lawyer], 2004. – 245 p.

6. Melekhin A.V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of Government and Rights]. M., 2009 .– 545 p.

7. Mikhailovsky I.V. «*Ocherki filosofii prava». Tom" I. Tomsk". Izdanie knizhnago magazina V.M. Posokhina.* ["Essays on the Philosophy of Law." Tom I. Tomsk. Publishing bookstore V.M. Posokhina]. 1914 .– 632 p.

8. Morozova L.A. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law] M., 2002. – 414 p.

9. Mikhailov N.N. Potrebnosti lichnosti: problema formirovaniya. Chelyabinsk [Personal needs: the problem of formation]. Chelyabinsk, 1981. – 99 p.

10. *Obshchaya teoriya prava: problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda (uchebnik)* [General theory of law: problems of interpretation in the context of a communicative approach (textbook)]. – 2nd ed., Rev. and add. / Polyakov A.V. M .: Prospect, 2016 .– 832 p. [Electronic resource]. URL: http://study.garant.ru/#/document/57315323:07 (accessed September 1, 2019).

11. Oksamytny V.V. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po napravleniyu «Yurisprudentsiya». M.: Yuniti-Dana* [General theory of state and law: a textbook for university students enrolled in the field of "Law"]. M .: Unity-Dana, 2012 .– 511 p. [Electronic resource]. URL: http://study.garant.ru/#/document/57601184:07 (accessed September 1, 2019).

12. Pigolkin A.S. *Teoriya gosudarstva i prava. Uchebnik* [Theory of Government and Rights]. Textbook. M., 2003. [Electronic resource]. URL: https://lib.uni-dubna.ru/search/files/pr_pigolkin_teor-gos-i-prava/pigolkin.pdf (accessed September 1, 2019).

13. Samoshchenko I.S. *Ponyatiye pravonarusheniya po sovetskomu zakonodatel'stvu. M.: Yurid.lit* [The concept of an offense under Soviet law. M .: Yurid.lit], 1963 .– 261 p.

14. Solntsev G.I. *Rossiyskoye ugolovnoye pravo, izlozhennoye Oboikh Prav Doktorom, Imperatorskogo Kazanskogo Universiteta byvshim Rektorom, filosoficheskikh i polozhitel'nykh Rossiyskikh i inostrannykh prav P. O. Professorom, Obshchestva lyubiteley otechestvennoy slovesnosti pri Imperatorskom Kazanskom Universitete deystvitel'nym chlenom, Ordena sv. Anny 2-y stepeni Kavalerom i proch. Gavriilom Solntsevym. Kazan'* [Russian criminal law, set out by Both Rights Doctor, Imperial Kazan University as a former Rector, philosophical and positive Russian and foreign rights P.O. Professor, Society of lovers of Russian literature at the Imperial Kazan University full member, Order of St. Anna of the 2nd degree Cavalier and so on. Gabriel Solntsev. Kazan, 1820 / Edited and with an introductory article on G.I. Solntseve G.S. Feldstein, Professor Demidov Law Lyceum. Yaroslavl], 1907. – 219 p.

15. Timoshenko T. V. *Ekologiya i potrebnosti cheloveka // Izvestiya YUFU. Tekhnicheskiye nauki.* [Ecology and human needs // Bulletin of SFU. Technical science]. 2013. No9 (146). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekologiya-i-potrebnosti-cheloveka (accessed: 09/10/2019).

16. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. M.: Onyx, 2011 .– 736 p.

17. Trubetskoy E.N. *Lektsii po entsiklopedii prava / Kn. Ye.N. Trubetskoy. M.: Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova* [Lectures on the Encyclopedia of Law] / Book. E.N. Trubetskoy. M.: Printing house A.I. Mamontova, 1917 .– 227 p.

18. *Ugolovnoye pravo Rossii. Chast' Obshchaya i Osobennaya: kurs lektsiy* [The criminal law of Russia. Part General and Special: lecture course] / A.I. Rarog, G.A. Yesakov, A.I. Chuchaev, V.P. Stepalin under the editorship of A.I. Raroga. M. 2008 .– 496 p.

19. Uznadze D.N. *Motivatsiya, period, predshestvuyushchiy volevomu aktu: Psikhologiya lichnosti. Teksty* [Motivation, the period preceding the volitional act: Psychology of personality. Texts]. M., 1982. pp. 46-71.

20. Chizhov N.E. *Vvedeniye v izucheniye prava (Entsiklopediya prava) / Zametki Ordinarnogo Professora Imperatorskogo Novorossiyskogo Universiteta N.Ye. Chizhova. Odessa: Tip. «Russkoy Rechi»* [Introduction to the study of law (Encyclopedia of Law) / Notes of the Ordinary Professor of the Imperial Novorossiysk University N.E. Chizhova. Odessa: Type. “Russian Speech”], 1908. – 289 p.

21. Shershenevich G.F. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Issue III. M., 1912. – 805 p.

УДК 34.04

Татьяна Магометовна Орцханова,
доцент кафедры специальной подготовки и обеспечения национальной безопасности
Института права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет (ТГУ) имени Г.Р. Державина»,
кандидат юридических наук
E-mail: otmomioon@mail.ru

Tatyana Magometovna Ortskhanova,
associate Professor of special training and ensuring national security
Institute of law and national security
Tambov state University University named after G.R. Derzhavin,
PhD in law

Владимир Николаевич Демьянов,
врач-онколог, хирург
ТОГБУЗ «Городская клиническая больница № 4 г. Тамбова»,
кандидат медицинских наук

Vladimir Nikolaevich Demyanov,
oncologist, surgeon City clinical hospital № 4 of Tambov,
candidate of medical Sciences

ПРОБЛЕМАТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНЫМ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМ В ОБЛАСТИ БИОМЕДИЦИНЫ И БИОТЕХНОЛОГИЙ (ОБЩИЙ ОБЗОР ВЕКТОРОВ РАЗВИТИЯ И ВЫЗОВОВ В КОНТЕКСТЕ ПРАВА, МЕДИЦИНЫ И ТЕХНОЛОГИЙ)

В статье кратко отражены итоги анализа состояния развития биомедицины и биотехнологий как передовых направлений развития здравоохранения – стратегического приоритета России в контексте обеспечения и упрочения демографической, социально-экономической и, в целом, национальной безопасности России. Особо акцентируется внимание на перспективах развития медицинских биотехнологий будущего. Раскрывается содержательная составляющая современного состояния дел в определенных вопросах, касающихся новых подходов к лечению социально-значимых заболеваний (различные виды рака, инфекции и пр. болезни, перечень которых определен Постановлением Правительства РФ), регламентации отдельных правоотношений в рамках закона. Предпринята попытка на стыке разных отраслей науки раскрыть в общих чертах проблематику противодействия новым вызовам и преступным посягательствам в сфере биомедицины и биотехнологий.

Ключевые слова: биомедицина, биотехнологии, онкологические и инфекционные заболевания, сердечно-сосудистые и нейродегенеративные заболевания, технологическая платформа, посягательства, национальная безопасность, здоровье.

PROBLEMS OF COUNTERACTION CRIMINAL ENCROACHMENT IN BIOMEDICINE AND BIOTECHNOLOGY (OVERVIEW OF DEVELOPMENT AND CHALLENGES IN THE CONTEXT OF LAW, MEDICINE AND TECHNOLOGY)

The article summarizes the results of the analysis of the development of Biomedicine and biotechnologies as the advanced directions of strategic priority of Russia in the context of development of health securing and fostering demographic, socio-economic and overall national security of Russia. Special attention is paid to the prospects of development of medical biotechnologies of the future. Reveals a substantial component of the current state of Affairs in certain matters relating to new approaches to treatment of socially significant diseases (various cancers, infections and others diseases listed by Government Decree), the regulation of certain legal relations in the framework of the law. An attempt is made at the junction of different branches of science to reveal in General terms the problems of countering new challenges and criminal encroachments in the field of Biomedicine and biotechnology.

Key word: biomedicine, biotechnology, oncological and infectious diseases, cardiovascular and neurodegenerative diseases, technology platform, encroachment, national security, health.

Навряд ли в российском обществе, да и в целом мире, существует хотя бы один человек, которому чужды проблемы, связанные со здоровьем, его неотъемлемыми правами на это здоровье и саму жизнь, личную свободу, определением моментов возникновения и механизмов реализации этих прав, статуса человеческого зародыша, оздоровлением и омоложением организма за счет использования эмбрионов и стволовых клеток, а также взаимообусловленные с перечисленным правовые аспекты регулирования, отсылающие к наиважнейшим аспектам регламентации в юридическом ключе, касающиеся жизни и здоровья, репродуктивных функций человеческого организма, различных биомедицинских исследований, трансплантологии, клонирования, сертификации отдельных групп специфических товаров, препаратов, лицензирования отдельных услуг в данных сферах, выпуска и обращения лекарственных средств в современный период активного развития биомедицины и биотехнологий, всепроникающих глобализационных процессов в контексте обеспечения и национальной, и универсальной безопасности.

Однако прежде чем обозначить общие аспекты проблематики противодействия деяниям, которые могут быть связаны со сферой биомедицины и биотехнологий, как минимум, в ближайшем будущем, следует напомнить, что развитие инновационной, и в тоже время, рисковой (венчурной), биоэкономики высокоразвитого государства сегодня неразрывно связано с нано-, био- и информационными технологиями. «Решения и продукты» таких технологий как следствие технологических процессных скачков сегодня определяют и формируют мировую институциональную систему производства новых знаний и технологий, характеризующихся особой перспективностью и возможностью выхода на рынки в глобализационном контексте. Оценивая реальный уровень развития указанных технологий в России и принимая во внимание внушительное число разных по уровню и силе документов нормативного характера, в том числе стратегического, отчетные ведомственные, экспертные и иные акты, очевидно, что сфера биотехнологий (за исключением, биофармацевтики) только начинает реально набирать обороты в сторону прорывного развития в «географическом сравнительном разрезе» с теми странами, в которых обозначенная отрасль, наиболее развита, в их числе США, Германия, Бельгия, Дания, Канада, Япония, Китай, Швеция и др. Следует заметить, что сама категория «биотехнологии» комплексная и включает в себя как минимум восемь приоритетных направлений: морские, лесные, пищевые, промышленные, природоохранные биотехнологии, агробиотехнологии, биоэнергетику, биофармацевтику и биомедицины. В свою очередь, в рамках настоящей статьи, акцентируем внимание на последних двух, мировыми трендами в развитии которых, с учетом комплексной программы развития биотехнологий в Российской Федерации[1], выступают следующие: биофармацевтика (цитокины, генноинженерные гормоны (включая инсулин), коагулянты, терапевтические ферменты и пр.); биомедицина, а точнее медицинские биотехнологии будущего (молекулярная диагностика, диагностические персонализированные средства терапии, клеточная и тканевая инженерия, биосовместимые материалы и технологии молекулярно-генетической диагностики). Именно такие технологии обуславливают инвестиционный бум на биотехнологическом международном рынке и движение к созданию «модели медицины, построенной на принципах «4П» (персонализации (индивидуальный подход к каждому пациенту), предиктивности (создание вероятностного прогноза здоровья), превентивности (предотвращение появления заболеваний), партисипативности (мотивированного участия пациента)»[2]. В данной связи особое ме-

[1] Постановление Правительством РФ от 24 апреля 2012 г. № 1853 п-П8 «Об утверждении Комплексной программы развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 г.». Документ опубликован не был [Электронный ресурс] / Режим доступа. Официальный сайт правовой информационной системы «Гарант». URL: https://www.garant.ru/, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 12.03.2019).

[2] Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года: разработан Минэкономразвития РФ [Электронный ресурс]. С. 42. / Режим доступа. Официальный сайт Минэкономразвития РФ. URL: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depmacro/201828113 ; http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9e711dab-fec8-4623-a3b1-33060a39859d/prognoz2036.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=9e711dab-fec8-4623-a3b1-33060a39859d, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 12.03.2019).

сто занимают вопросы развития регенеративной, ядерной медицины, «медицины долголетия», внедрения систем неинвазивной визуализации и многие другие. Учитывая документы стратегического планирования в Российской Федерации, в их числе, Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденный Правительством РФ 3 января 2014 г.[1], «окна возможностей» и «ожидаемые результаты» по отдельным направлениям в сфере медицины представляются реально важными и значимыми, что позволит в ближайшей перспективе «найти точечный ответ» на ряд социально-экономических вызовов, неразрывно связанных со сферой здравоохранения, в их числе, в первую очередь, онкологические, сердечно-сосудистые, нейродегенеративные и инфекционные заболевания среди населения страны.

«По состоянию на 2013 год на российском рынке было доступно только 34 из 154 мировых инновационных препаратов, поступивших в продажу за предыдущие четыре года и направлены на лечение социально-значимых заболеваний. В 2015 году в России продавалось только 19 из 49 новых препаратов для лечения рака. При этом недоступными оказались передовые медикаменты в области таргетной иммунотерапии и радиотерапии для лечения рака. Таким образом, Россия не попадает в Топ-10 стран по доступности новейших лекарств, разрабатываемых в мире»[2], в том числе и потому что наша страна в основном импортирует, а не экспортирует препараты. Совсем не позитивную роль оказывают экономические санкции «в отношении фармацевтической промышленности, высокотехнологического медицинского оборудования, биомедицинских исследований»[3].

Вместе с тем, все-таки с 2013 г. обозначился крен в сторону более заметного активного развития и поддержки перспективных направлений медицинской науки, в первую очередь, это «геномика, протеомика и эпигеномика, биоинформатика, системная биология, нанобиотехнологии, клеточные технологии, фармакогенетика, персонализированная медицина и ряд других»[4]. Кроме того, «определено 14 научных платформ, среди них, онкология, кардиология и ангиология, неврология, эндокринология, педиатрия, психиатрия и зависимости, иммунология, микробиология, фармакология, профилактическая среда, репродуктивное здоровье, регенеративная медицина, инвазивные технологии и инновационные фундаментальные технологии в медицине»[5], созданы технологические платформы, например, «Медицина будущего»[6], «БиоТех2030»[7], появилось значительное число технопарков и пр. В целом, предпринимаемые решения и действия в сфере развития медицины, нацелены кардинально ее изменить с учетом «индикатора» проблем, и, как следствие, оказать существенное влияние на жизнь человека, трансформировать его взгляды относительно подходов к лечению, к обеспечению биобезопасности.

---

[1] Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Правительством РФ 3 января 2014 г.). Текст документа официально опубликован не был [Электронный ресурс] / Режим доступа. Информационно-правовой портал «Гарант. РУ». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70484380/, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 12.03.2019).

[2] Биомедицина–2040. Горизонты науки глазами ученых / Под ред. В.Н. Княгиной, М.С. Липецкой. СПб., 2017. С. 16.

[3] Там же. С. 16.

[4] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 2580-р «Об утверждении Стратегии развития медицинской науки в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. 14 янв. № 2. Ст. 111.

[5] См.: Там же; Приказ Министерства здравоохранения РФ от 30.04.2013 № 281 «Об утверждении научных платформ медицинской науки». Документ опубликован не был [Электронный ресурс] / Режим доступа. Официальный сайт правовой информационной системы «Гарант». URL: https://www.garant.ru/, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 12.03.2019).

[6] Технологическая платформа Медицина будущего [Электронный ресурс] / Режим доступа. URL: https://tp-medfuture.ru/aboutus/ (дата обращения: 15.07.2019).

[7] Научно-техническое некоммерческое партнерство «Технологическая платформа БиоТех2030». [Электронный ресурс] / Режим доступа. URL: http://biotech2030.ru/ (дата обращения: 15.07.2019).

Затрагивая аспекты, касающиеся достижений и разработок в сфере биомедицины и биотехнологий, достаточно давно ощутим вектор прорыва, касающийся биофармацевтики, демонстрирующей постоянные темпы роста. На этом фоне, при всех иных не менее значимых показателях (по производству вакцин, препаратов на основе моноклональных антител) наблюдается активное развитие производства бактериофагов, являющихся альтернативой антибиотикам, учитывая тот факт, что их единственным производителем в России является только НПО «Микроген». В тоже время достаточно уверенно набирает обороты деятельность по созданию медицинских изделий на основе биосовместимых и биодеградируемых материалов, несмотря на высокую долю преобладания импортных поставок и отсутствие промышленного отечественного производства. Их спектр использования достаточно широк и реально востребован, так как данные технологии могут быть использованы для создания протезов кровеносных сосудов, крупных и мелких суставов, инженерии тканей и органов, и, конечно, в иных целях (например, многофункциональные ранозаживляющие композитные материалы и санитарно-гигиенические средства нового поколения, пригодные для ускоренного лечения устойчивых госпитальных раневых инфекций в регенеративной медицине и онкологии, челюстно-лицевые и дентальные импланты и др.). В особом ключе в России уделяется пристальное внимание развитию клеточных технологий и регенеративной медицине (клеточная, генная терапия и тканевая инженерия), способным вылечить многие опасные заболевания, в их числе, всевозможные виды рака, болезни Альцгеймера, Паркинсона и другие.

В мире постоянно увеличивается численность населения, нуждающихся в паллиативной медицинской помощи (далее – ПМП). По отдельным статистическим данным, потребность в ПМП варьирует от 37,4 % до 89 % всех умирающих, из которых 1/3 онкологических больных и 2/3 неонкологические. В настоящее время, 60 % онкологических больных умирает исключительно из-за «неадекватного» лечения. Более 50 % пациентов, поступивших в хирургические и терапевтические стационары, имеют выраженные нарушения питания. Таким образом, из приоритетных задач в области медицины относительно сферы онкологии и гериатрии, остается проблема улучшения качества жизни с учетом возрастающего числа больных, нуждающихся в паллиативном лечении. В данной связи следует обозначить не менее важный аспект, за которым действительно видится новый подход к лечению онкологических больных, за которым не менее значимое будущее. Это нутритивная терапия при онкологических заболеваниях, в том числе, желудочно-кишечного тракта, которая по сути признается ведущими медицинскими практиками научно-обоснованной системой лечебных реабилитационных мероприятий, направленных на коррекцию недостающих компонентов в метаболических и структурно-функциональных процессах в организме, обеспечивающих адаптационные резервы в системе гомеостаза и нормализацию функциональной активности кишечника при белково-энергетической недостаточности. Установлено, что у хирургических больных с заболеваниями пищеварительной системы тяжесть состояния определяется синдромом кишечной недостаточности и наиболее выражена при онкологической патологии, где ведущим симптомом выступает раковая кахексия. Поэтому изучение вопросов нутритивной поддержки признается важной составляющей при выполнении адекватной паллиативной медицинской помощи при онкопатологии и неопухолевых заболеваниях. У больных со злокачественными новообразованиями более чем в два раза возрастает риск развития тяжелых послеоперационных осложнений и летального исхода. С позиций реабилитации больных со злокачественными заболеваниями паллиативную реабилитационную нутритивную поддержку необходимо рассматривать как фармакотерапию метаболических нарушений в постагрессивном периоде и это единственный путь обеспечения энерго-пластических потребностей организма, требующих наличия специально подобранных композиций питательных веществ. Нутритивная поддержка – полноценная составляющая лечебного процесса в реализации медицинской помощи наряду с другими методами в комплексе адекватных реабилитационных мероприятий при хирургическом и паллиативном лечении многообразных заболеваний.

И все же, принимая во внимание основные направления деятельности относительно развития сферы биотехнологий, в том числе, биомедицины, немаловажны взаимообусловленные процессы, касающиеся внедрения нанотехнологий в медицину для целей слежения, исправления, генетической коррекции и контроля биологических систем организма человека на молекулярном уровне (например, достаточно актуально в области онкологии на этапе традиционной химиотерапии и в других случаях). Таким образом, очевидна значимость развивающихся траекторий, связанных с: разработкой технологий адресной доставки лекарственных средств, диагностических субстанций в нанокапсулах иначе называемых «стелс-липосомы»; развитием лабораторной диагностики, «биочипированием и биосенсированием», в том числе для диагностики онкологических и инфекционных заболеваний; развитием нейроморфных вычислений, системной (синтетической) биологии в области фармакологии и медицины, и конечно, биоинформатики, нейроробототики, оптогенетики, молекулярной онкологии.

В самом ближайшем будущем, деятельность в сфере биотехнологий позволит широко обсуждать в многозадачном формате вопросы, связанные со секвенированием генома человека, редактированием геномов человеческих эмбрионов, субклеточной хирургией, созданием органов человека из химерных животных, массовой 3D-печатью человеческих органов, регенерацией зубов, «присоединяемым» протезированием к нервной системе и пр.

Затрагивая сугубо юридический контекст, не менее значима деятельность, связанная с правовой регламентацией модернизирующихся правоотношений, связанных с медициной и, конечно же, юридической ответственностью вплоть до уголовного преследования лиц, незаконное поведение которых характеризуется высокой степенью и характером опасности, с позиций целей и задач национальной и всемирной безопасности. Однако, с учетом авторитетных позиций первых лиц государства, политиков, ученых, практиков в сфере выработки уголовно-правовой, здравоохранительной общегосударственной политики в области национальной безопасности, реформирования действующего законодательства и на фоне прогрессирующего развития выше обозначенных сфер в России и в мире, сложно отрицать необходимость совершенствования законодательства, и в частности, уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за соответствующие незаконные действия (бездействия).

Резюмируя, следует отметить, что клонирование, генная инженерия, репродуктивные технологии, клеточные технологии и другие достижения глобально изменили современную медицину и, тем самым, обусловили процесс нормотворчества на уровне институциональной международной системы безопасности, послуживший началом формирования международного биомедицинского права. По отдельным прогнозам авторитетных международных организаций, в их числе, Всемирный банк, ОЭСР, Еврокомиссии и др., производственные скачки биотехнологической продукции интенсивно возрастают, так как клеточные, геномные и постгеномные технологии в ближайшем будущем будут решать важнейшие вопросы, волнующие практически каждого, так как связаны с противодействием распространению различных видов заболеваний человека и животных, с замещением традиционных производств, появлением новых продуктов с уникальными свойствами, восстановлением, сохранением фауны, флоры, всего живого и сегодня это осознается на правительственном уровне. Таким образом, ключевые акценты проблематики возможно обозначить нижеследующим образом.

Во-первых, несмотря на тот факт, что развитие биотехнологий и биомедицины в России за последние десятилетия тесно увязываемо со стратегическим планированием и на сегодня реализуются соответствующие приоритетные федеральные целевые программы, законодатель в полной мере не успевает должным образом отреагировать на модернизацию подходов в части регламентации (в том числе, путем внесений изменений и дополнений) правоотношений по конкретным направлениям деятельности, прямо либо косвенно связанным с указанными сферами деятельности. Допускаем, что обозначенное может быть объяснимо вполне объективными опасениями, увязываемыми с «необоснованностью действовать в опережение», так как порой подобное не исключено что будет расценено как излишний шаг ли-

бо преждевременный, как, к примеру, об этом написала Погодина Т.Г., д. м. н., доцент кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России в статье, посвященной «…описанию выявленных противоречий опережающего правового регулирования отношений, возникающих при использовании биомедицинских клеточных продуктов, связанных с вступлением в юридическую силу Федерального закона от 23 июня 2016 года № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»»[1].

Между тем, учитывая достаточно внушительную нормативную базу разных лет, с учетом изменений и дополнений, затрагивающую вопросы обеспечения и защиты прав, человеческого достоинства и иных объектов правовой охраны с развитием сфер биомедицины и ее технологической составляющей, все же на современном этапе постоянно глобализирующегося общества очевидна необходимость совершенствования правового регулирования медицинской науки в части выработки новых принципов контроля безопасности, требований к показателям эффективности, качеству и обращению инновационных продуктов, изделий, препаратов, относящихся к новым областям медицины. Более того, принимая во внимание рост рынков биотехнологической продукции и возрастающего спроса на этих рынках, на законодательном уровне необходимо особое внимание уделять вопросу высокой степени обеспечения защиты данных, в том числе, персональных, которые в скором времени получат новый толчок к развитию (к примеру, становление и развитие баз данных потенциальных биомишеней или геномной информации).

В-третьих, в настоящий момент, очевидна необходимость уже сейчас прогнозировать, определять или, как минимум, конструктивно обсуждать возможные новые и изощренные формы «антиправового» поведения, в противном случае, в рамках существующих законодательных конструкций российского закона, будет достаточно трудно осуществить верную квалификацию действий и, тем более, вменение в вину конкретной статьи УК РФ. Дело в том, что биотехнологии и биомедицина это не всегда «хорошо», поскольку новейшие разработки в данных сферах могут являться продуктами двойного назначения, одно из которых, как раз может отвечать противоправным целям и стать самым страшным «оружием» для подрыва национальной безопасности. Сегодня таких угроз предостаточно, одни прямо указаны в подзаконных актах стратегического планирования, другие – называются учеными, обосновываются практиками, экспертами. Рассматривая аспектуально отдельные законодательные конструкции Уголовного кодекса Российской Федерации, представляется интересной позиция ряда ученых, в их числе: Трусова А.И., Сныткина Р.И. и Подгайнова А.М., которые в ракурсе интересуемого вопроса, предложили некую возможную классификацию преступлений, связанных с преступными действиями в области биомедицины и биотехнологий, являющихся глобальными трендами мирового развития. В частности, они во взаимосвязи со структурой действующего уголовного кодекса, выделяют преступления: 1) в сфере медицинской генетики (ч. 1 ст. 137, ст. 237); 2) в сфере производства генно-модифицированных объектов (ст. ст. 238, 171.1); 3) в сфере производства биологического оружия (ст. ст. 248, 355); 4) военные преступления с применением биотехнологий (ст. 355); 5) в сфере трансплантологии применительно к человеку (п. «м» ч. 2 ст. 105, ст. 109, п. «ж» ч. 2 ст. 111, ст. ст. 112, 118, 120, 127.1); 6) в сфере производства биомедицинских экспериментов на человеке (ст. ст. 109, 111, 112,117, 118)[2]. Однако, изучив внушительный объем теоретического и практического материала, нами был сделан вывод о реальной и потенциально возможной угрозе «проявления» новых противоправных действий в сфере биомедицины и биотехнологий, угрожающих

[1] См. подробно: Погодина Т.Г., Баранова М.В. Опережающие начала российского законодательства о биомедицинских клеточных продуктах как коллизионный фактор медицинского права // Отраслевые проблемы юридической науки и практики. 2017. № 1 (37). С. 69-74.

[2] Рарог А.И. Пробелы в уголовном законодательстве России // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2008. № 1. С. 194-197. [Электронный ресурс]. URL. https://cyberleninka.ru/article/n/ probely-v-ugolovnom-zakonodatelstve-rossii (дата обращения: 20.06.2019).

национальной безопасности, которые необходимо криминализировать или, они, скорее всего, полагаем, будут подлежать криминализации в ближайшем будущем, с учетом позиций в юридической науке и практике. В данном контексте перечислим лишь некоторые из них: противоправное использование биотехнологий двойного назначения[1]; биологический терроризм во всех его проявлениях[2]; обладание иностранными государствами биологическим оружием, наличие у них потенциала для его разработки и производства[3]; умышленное изменение генотипа человека и (или) другие манипуляции с генами[4]; незаконные испытания генно-инженерно-модифицированных организмов при производстве товаров, разрешенных в гражданском обороте и запрещенных в нем[5]; репродуктивное и терапевтическое клонирование человека[6]; незаконный оборот и незаконное изъятие органов и (или) тканей человека и (или) иных фрагментов тела человека[7]; реклама незаконной трансплантации органов и (или) тканей человека и (или) иных фрагментов тела человека[8]; принуждение к даче согласия на аборт в целях изъятия эмбриональных тканей для клеточной терапии, косметологии, производство мезотерапии или в иных целях[9]; незаконное производство искусственного оплодотворения и (или) имплантации эмбриона[10]; осуществление медицинских, научных или иных экспериментов на человеке с нарушением правил и условий, предусмотренных законодательством РФ при их проведении, а равно осуществление экспериментов на человеке, заведомо сопряженных с причинением увечья либо вреда здоровью, опасного для жизни, независимо от соблюдения правил и условий, предусмотренных законодательством РФ при их проведении[11]; негативное или губительное воздействие нанопродуктов на здоровье и безопасность человека[12]; неконтролируемое распространение продуктов, производимых с использованием конвергентных технологий[13]; вмешательство в генотип человека, не связанное с лечением тяжелых наследственных заболеваний[14]; ввоз или вывоз клонированных эмбрионов человека[15]; создание эмбрионов в экспериментальных целях, не связанных с преодолением бесплодия[16]; раз-

[1] Приказ Президента Российской Федерации от 1.11.2013 № Пр-2573 «Об утверждении Основ государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу (утратил силу). Документ опубликован не был [Электронный ресурс] / Режим доступа. Официальный сайт правовой информационной системы «Гарант». URL: https://www.garant.ru/, свободный. Загл. С экрана. Яз. Рус. (дата обращения: 12.07.2019); Указ Президента Российской Федерации от 11.03.2019 № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу». Документ опубликован не был [Электронный ресурс] / Режим доступа. Официальный сайт правовой информационной системы «Гарант». URL: https://www.garant.ru/, свободный. Загл. С экрана. Яз. Рус. (дата обращения: 12.07.2019).

[2] См.: Там же.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. 4 янв. № 1 (часть II) Ст. 212.

[4] Указ соч. Трусов А.И. Криминологические и уголовно-правовые аспекты… С. 99.

[5] См.: Там же.

[6] См.: Там же.

[7] См.: Там же.

[8] См.: Там же.

[9] См.: Там же.

[10] См.: Там же.

[11] См.: Там же.

[12] Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Правительством Российской Федерации 3 янв. 2014 г. Документ опубликован не был [Электронный ресурс] / Режим доступа. Официальный сайт правовой информационной системы «Гарант». URL: https://www.garant.ru/, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 12.07.2019).

[13] См.: Там же.

[14] Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий: Дис. …д-ра. юрид. наук. М., 2006. С. 34.

[15] См.: Там же.

[16] См.: Там же.

рушение эмбриона (плода) с целью трансплантации отдельных органов, тканей или клеток[1]; использование фетальных тканей в корыстных целях, а также их купля-продажа[2]; селекция эмбрионов, за исключением случаев, когда она преследует цель преодоления болезней, сцепленных с полом ребенка[3]; вымогательство, хранение, перевозка или пересылка в целях сбыта, а также сбыт органов, тканей или клеток, изъятых у живого или умершего человека[4]; умышленное создание и распространение специальных вирусов с заданными возможностями и комплексов поражающих факторов; неправомерное отделение стволовых клеток; мошеннические действия в сфере генной терапии; контрабанда эквивалентов органов человека (поджелудочной железы, печени, зрительного и слухового анализаторов); противоправное использование сведений национальных баз данных геномной информации и банка данных потенциальных биомишеней; незаконное создание и использование, распространение гибридных структур, сочетающих органические фрагменты с неорганическими, а живые ткани – с синтетическими компонентами и др. Безусловно, преступность, как нередко выражаются, «приспосабливается», «трансформируется», и как следствие, в опережение следует прогнозировать возможные новые виды преступных действий, не подпадающих, возможно сегодня под действие уголовного закона с учетом имеющихся законодательных конструкций.

Список литературы

1. Биомедицина-2040. Горизонты науки глазами ученых / Под ред. В.Н. Княгиной, М.С. Липецкой. СПб., 2017. С. 16.

2. Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий: Дис. …д-ра. юрид. наук. М., 2006. С. 34.

3. Погодина Т.Г., Баранова М.В. Опережающие начала российского законодательства о биомедицинских клеточных продуктах как коллизионный фактор медицинского права // Отраслевые проблемы юридической науки и практики. 2017. №1(37). С. 69-74.

4. Рарог А.И. Пробелы в уголовном законодательстве России // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2008. №1. С. 194-197. [Электронный ресурс] / URI. https://cyberleninka.ru/article/n/probely-v-ugolovnom-zakonodatelstve-rossii (дата обращения: 20.06.2019г.).

5. Трусов А.И. Криминологические и уголовно-правовые аспекты предупреждения преступлений, связанных с использованием биотехнологий: Дис. …канд. юрид. наук. М., 2011. 221 с.

List of references

1. Biomedicine-2040. Biomeditsina-2040. Gorizonty nauki glazami uchenykh [Horizons of Science through the Eyes of Scientists] / Ed. V.N. Knyagina, M.S. Lipetsk. SPb., 2017.pp. 16.

2. Krylova N.E. Ugolovnoye pravo i bioetika: ugolovno-pravovyye problemy primeneniya sovremennykh biomeditsinskikh tekhnologiy: Dis. …d-ra. yurid. nauk. [Criminal law and bioethics: criminal law problems of the use of modern biomedical technologies: Dis. ... dr. legal sciences]. M., 2006.p. 34.

3. Pogodina T.G., Baranova M.V. Operezhayushchiye nachala rossiyskogo zakonodatel'stva o biomeditsinskikh kletochnykh produktakh kak kollizionnyy faktor meditsinskogo prava // Otraslevyye problemy yuridicheskoy nauki i praktiki. [The leading principles of Russian legislation on biomedical cellular products as a collisional factor in medical law // Sectoral problems of legal science and practice]. 2017. No1 (37). pp. 69-74.

4. Rarog A.I. Probely v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. Yuridicheskiy zhurnal. [Gaps in the criminal legislation of Russia // Gaps in the Russian legislation. Law Journa]l. 2008. No. 1. pp. 194-197. [Electronic resource] / URI. https://cyberleninka.ru/article/n/probely-v-ugolovnom-zakonodatelstve-rossii (accessed: 06/20/2019).

5. Trusov A.I. Kriminologicheskiye i ugolovno-pravovyye aspekty preduprezhdeniya prestupleniy, svyazannykh s ispol'zovaniyem biotekhnologiy: Dis. …kand. yurid. nauk. [Criminological and criminal law aspects of the prevention of crimes related to the use of biotechnology: Dis. ... cand. legal sciences]. M., 2011. 221 p.

[1] Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий: Дис. …д-ра. юрид. наук. М., 2006. С. 34.

[2] См.: Там же.

[3] См.: Там же.

[4] См.: Там же.

УДК 349.4

Марина Сергеевна Муравьева,
аспирант кафедры земельного и экологического права
Российского государственного университета правосудия
E-mail: marina.muraviyeva@gmail.com

Marina Sergeevna Muravyeva,
postgraduate student of Land and environmental law sub-faculty of
the Russian State University of Justice

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ СЕРВИТУТА В ОТНОШЕНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Допустимость установления сервитута в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в том числе предоставленного третьим лицам, нашла отражение в законодательстве 1 марта 2015 года. Несмотря на то, что с указанной даты прошло более четырех лет применение норм главы V.3 Земельного кодекса Российской Федерации «Установление сервитута в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности» порождает вопросы, связанные с установлением указанного сервитута (в частности, о соотношении норм земельного и гражданского законодательства при установлении сервитута, о размере платы по соглашению об установлении сервитута, об основаниях установления сервитута в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности).

Ключевые слова: сервитут, соотношение норм законодательства, плата по соглашению об установлении сервитута, убытки.

ACTUAL PROBLEMS OF ESTABLISHING EASEMENT IN RELATION TO LAND PLOTS IN STATE OR MUNICIPAL OWNERSHIP

The admissibility of the establishment of easement in relation to a land plot owned by the state or municipal property, including that provided to third parties, was reflected in the legislation on March 1, 2015. Despite the fact that more than four years have passed since that date, the application of the provisions of Chapter V.3 of the Land Code of the Russian Federation «The Establishment of an easement in respect of a state or municipal land plot» raises questions related to the establishment of this easement (in particular the correlation of land and civil legislation when establishing easement, the amount of payment under an agreement on the establishment of easement, the grounds for establishing easement in respect of a state or municipal land plot).

Key words: easement, the correlation of legal norms, payment under an agreement on the establishment of easement, losses.

1 марта 2015 года ознаменовано вступлением в силу главы V.3 «Установление сервитута в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности» Земельного кодекса Российской Федерации[1] (далее – Земельный кодекс), закрепившей принципиальную возможность и порядок заключения соглашения об установлении сервитута в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в том числе предоставленного третьим лицам на праве постоянного (бессрочного) пользования, пожизненного наследуемого владения, аренды или безвозмездного пользования.

Регулирование вопросов установления сервитута в отношении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, до реформирования вещного права, положительно оценивается исследователями[2]. В то же время следует отметить ряд проблем толкования и применения норм новой главы V.3 Земельного кодекса.

[1] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СЗ РФ. 29.10.2001. № 44. Ст. 4147.

[2] Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. С.А. Боголюбова. М., 2015. С. 381.

Прежде всего, нерешенным является вопрос о разграничении норм земельного и гражданского законодательства при установлении сервитута в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности.

Этот вопрос связан с тем, что действующее гражданское и земельное законодательство не определяют параметры четкого и понятного размежевания сферы действия указанных отраслей законодательства в вопросах регулирования имущественных отношений, связанных с землей[1].

Согласно п. 1 ст. 23 Земельного кодекса (в редакции Федерального закона от 03.08.2018 № 341-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части упрощения размещения линейных объектов»[2]) сервитут устанавливается в соответствии с гражданским законодательством, а в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, с учетом особенностей, предусмотренных главой V.3 Земельного кодекса.

Следовательно, допустим вывод о том, что нормы Гражданского кодекса Российской Федерации[3] (далее – Гражданский кодекс) применяются к установлению сервитута в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, при этом приоритет в регулировании установления указанного сервитута имеют положения главы V.3 Земельного кодекса.

Данную позицию можно оправдать тем, что приобретение прав на земельный участок в порядке главы V.3 Земельного кодекса для размещения ряда объектов служит удовлетворению интересов общества (публичных интересов).

В литературе встречается и иной подход к толкованию указанной нормы, согласно которому статьи 216, 274-277 Гражданского кодекса являются основополагающими, установление сервитутов по правилам главы V.3 Земельного кодекса должно им соответствовать[4].

Поскольку отношения по поводу установления сервитута возникают в сфере, основанной на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности субъектов права, с учетом п. 1 ст. 2, п. 2 ст. 3 Гражданского кодекса представляется, что положения ст. 274 Гражданского кодекса должны применяться при установлении сервитута в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности.

Так, при установлении сервитута в отношении земельного участка, находящегося в «публичной» собственности и переданного третьему лицу на праве аренды, в силу принципа сочетания интересов общества и законных интересов граждан арендатору должны быть обеспечены гарантии свободного владения и пользования принадлежащим ему земельным участком. Ряд гарантий прав арендатора такого земельного участка содержится именно в ст. 274 Гражданского кодекса.

Приведенный подход подтверждается и судебной практикой.

В постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 14.06.2019 № Ф01-2078/2019 по делу № А38-14531/2017[5] *об установлении сервитута на часть земельного участка, государственная собственность на которые не разграничена, суд со ссылкой на статьи 1, 274 Гражданского кодекса указал, что лицо, требующее в судебном порядке уста-*

[1] Елисеева И.А. О соотношении норм гражданского и земельного законодательства при регулировании оборота земельных участков // Общество и право. 2011. № 3. С. 115-118.

[2] Федеральный закон от 03.08.2018 № 341-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части упрощения размещения линейных объектов» // СЗ РФ. 06.08.2018. № 32 (Часть II). Ст. 5134.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[4] Краснова Т.С. Публичный сервитут для размещения линейного объекта: комментарий к новеллам Земельного кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 3. С. 124-144.

[5] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 14.06.2019 № Ф01-2078/2019 по делу № А38-14531/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс.

новления сервитута, должно подтвердить необходимость предоставления ему права ограниченного пользования чужим имуществом для обеспечения своих нужд и невозможность достижения соглашения с собственником земельного участка об использовании этого имущества. Сервитут может быть установлен судом в исключительных случаях, когда предоставление этого права является единственным способом обеспечения основных потребностей истца как собственника недвижимости.

Размер платы по соглашению об установлении сервитута в отношении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, также вызывает вопросы как в практическом, так и теоретическом плане.

В соответствии с п. 2 статьи 39.25 Земельного кодекса плата по соглашению об установлении сервитута в отношении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности (в том числе предоставленных третьим лицам), определяется в порядке, установленном органами государственной власти, органами местного самоуправления.

Установление регулируемой платы за ограниченное пользование «публичным» земельным участком в целом признается обоснованным[1]. Однако такая (регулируемая) плата устанавливается за сервитут и в отношении земельного участка, находящегося в пользовании у арендатора.

Современная судебная практика отражает различные критерии и механизмы определения размера платы за сервитут.

Например, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в Определении от 11.06.2015 № 301-ЭС14-9021[2] *рассматривает такую плату в качестве вознаграждения, которое выплачивается сервитуарием собственнику земельного участка за его использование.*

В п. 12 Обзора судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.04.2017) (далее – Обзор)[3] *указано, что размер платы за сервитут должен быть соразмерен той материальной выгоде, которую приобретает собственник земельного участка в результате установления сервитута, компенсируя те ограничения, которые претерпевает собственник земельного участка, обремененного сервитутом.*

Анализ приведенного пункта Обзора позволяет исследователям делать вывод о том, что Верховный Суд исходит из определения «размера платы за сервитут в зависимости от убытков сервитутодателя (реального ущерба и упущенной выгоды)»[4].

В силу указанного подхода определяемая органами государственной власти, органами местного самоуправления плата за сервитут может быть несоразмерна использованию земельного участка сервитуарием (с учетом характера, периода и интенсивности такого использования). При этом именно арендатор, землевладелец и землепользователь испытывают стеснения и ограничения прав при установлении сервитута, и именно им направляется плата по соглашению об установлении сервитута (за изъятиями, указанными в последнем абзаце п. 3 ст. 39.25 Земельного кодекса). В итоге размер платы за сервитут, которую получает арендатор земельного участка, несопоставим с убытками, которые несет арендатор в связи с установлением сервитута[5]. Заметим, что возможность взыскания убытков с сервитуария сверх суммы платы за сервитут действующим законодательством не предусмотрена.

---

[1] См., например: Ершов О.Г. Строительные сервитуты // Право и экономика. 2013. № 1. С. 25-31.

[2] Определение Верховного Суда РФ от 11.06.2015 № 301-ЭС14-9021 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 11.

[4] Краснова Т.С. Комментарий к Обзору судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок, утвержденному Президиумом ВС РФ 26.04.2017 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 7. С. 157-176.

[5] Мисник Г.А. Сервитут как основание застройки земельного участка // Российское правосудие. 2017. № 1 (129). С. 74.

С учетом сказанного полагаем, что размер платы по соглашению об установлении сервитута в отношении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и предоставленных третьим лицам, должен определяться по соглашению сторон, а при недостижении соглашения – по решению суда (п. 3 ст. 274 Гражданского кодекса).

Еще одной проблемой применения главы V.3 Земельного кодекса видится определение оснований возникновения сервитута в отношении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности.

Показательным примером является дело № А32-21988/2017[1].

В указанном деле в связи отсутствием между сторонами (федеральным казенным учреждением и публичным акционерным обществом энергетики и электрификации Кубани) согласия по вопросу о заключении соглашения об установлении сервитута в отношении частей спорного участка, занимаемых и необходимых для эксплуатации, технического обслуживания и поддержания надлежащего технического состояния линейных объектов энергетики, суд апелляционной инстанции установил сервитут в отношении частей земельного участка и определил условия установления такого сервитута, включая размер ежегодной платы за право ограниченного пользования чужим земельным участком.

При этом суд обязал ответчика заключить с публичным акционерным обществом энергетики и электрификации Кубани соглашение об установлении сервитута на указанных в судебном акте условиях (под угрозой взыскания денежных средств в размере 5 000 руб. за каждый месяц неисполнения судебного акта до момента подписания указанного выше соглашения об установлении сервитута).

В то же время решение суда об установлении сервитута является в силу п. 3 ст. 274 Гражданского кодекса финальным юридическим фактом, необходимым для возникновения указанного вещного права, что подтверждается пунктом 10 Обзора. Таким образом, заключение соглашения об установлении сервитута для возникновения сервитута в данном случае не требуется.

Введение возможности заключения соглашения об установлении сервитута в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в том числе предоставленного третьим лицам, в целом свидетельствует о положительных тенденциях правового регулирования отношений, связанных с установлением сервитута. Однако очевидна при этом и необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в целях решения обозначенных выше проблем.

Список литературы

1. Елисеева И.А.О соотношении норм гражданского и земельного законодательства при регулировании оборота земельных участков // Общество и право. 2011. № 3. С. 115-118.

2. Ершов О.Г. Строительные сервитуты // Право и экономика. 2013. № 1. С. 25-31.

3. Краснова Т.С. Комментарий к Обзору судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок, утвержденному Президиумом ВС РФ 26.04.2017 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 7. С. 157-176.

4. Краснова Т.С. Публичный сервитут для размещения линейного объекта: комментарий к новеллам Земельного кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 3. С. 124-144.

5. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. С.А. Боголюбова. – Москва: Проспект, 2015.

6. Мисник Г.А. Сервитут как основание застройки земельного участка // Российской правосудие. 2017. № 1 (129).

[1] Определением Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 308-КГ18-8149 по делу № А32-21988/2017 в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ было отказано.

List of references

1. Eliseeva I.A. .*O sootnoshenii norm grazhdanskogo i zemel'nogo zakonodatel'stva pri regulirovanii oborota zemel'nykh uchastkov // Obshchestvo i pravo* [On the ratio of civil and land legislation when regulating the turnover of land // Society and Law]. 2011. No 3. pp. 115-118.

2. Ershov O.G. *Stroitel'nyye servituty // Pravo i ekonomika* [Building easements // Law and Economics]. 2013. No. 1. P. 25-31.

3. Krasnova TS *Kommentariy k Obzoru sudebnoy praktiki po delam ob ustanovlenii servituta na zemel'nyy uchastok, utverzhdennomu Prezidiumom VS RF 26.04.2017 // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii.* [Commentary on the Review of judicial practice in cases of establishing easement on a land plot approved by the Presidium of the RF Armed Forces 04/26/2017 // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation]. 2017. No. 7. P. 157-176.

4. Krasnova T.S. *Publichnyy servitut dlya razmeshcheniya lineynogo ob"yekta: kommentariy k novellam Zemel'nogo kodeksa RF // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii* [Public easement for placing a linear object: commentary on the novels of the Land Code of the Russian Federation // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation]. 2019. No 3. P. 124-144.

5. *Kommentariy k Zemel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy) /* [Commentary on the Land Code of the Russian Federation (itemized) / Ed. S.A. Bogolyubov]. – Moscow: Prospect, 2015.

6. Misnik G.A. Servitut kak osnovaniye zastroyki zemel'nogo uchastka // Rossiyskoy pravosudiye [Easement as the basis for the development of the land // Russian justice]. 2017. No. 1 (129).

УДК 349

Рамиль Зякяриевич Юсупов,
доцент кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права
Самарского национально-исследовательского университета
имени академика С.П. Королева, кандидат юридических наук
E-mail: r.yusupov@bk.ru

Ramil Zyakyarievich Yusupov,
associate professorof the Department of Civil Procedure and Entrepreneurship Law,
Samara National Research University acad. S.P. Korolyova, candidate of Law

К ВОПРОСУ О ПРИОРИТЕТЕ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Исследование открывается анализом общих положений о регулятивных свойствах права и юридической ответственности. Акцентируется внимание на понятии комплексности правового регулирования, а также обосновывается наличие регулятивной функции юридической ответственности. Определившись с методологией исследования, автор переходит к анализу оснований обособления в системе права различных правовых образований, в том числе и комплексных. Особое внимание уделяется недопустимости произвольности выделения тех или иных правовых институтов или отраслей права. Отмечая наличие норм с различной отраслевой принадлежностью, которыми регламентируются банковские отношения, в то же время указывается на отсутствие наличия у них общей основы, которая бы позволяла объединить их в межотраслевой институт банковско-правовой ответственности.

Ключевые слова: правовое регулирование, банковское право, банковская детальность, банковская ответственность, виды юридической ответственности, система права, система законодательства.

TO THE QUESTION OF THE PRIORITY OF AN INTEGRATED APPROACH OF LEGAL REGULATION OF BANKING IN THE RUSSIAN FEDERATION

The study opens with an analysis of the general provisions on the regulatory properties of law and legal liability. Attention is focused on the concept of the complexity of legal regulation, as well as the existence of a regulatory function of legal responsibility is justified. Having determined the research methodology, the author proceeds to an analysis of the grounds for isolation in the legal system of various legal entities, including complex ones. Particular attention is paid to the inadmissibility of arbitrary allocation of certain legal institutions or branches of law. Noting the existence of norms with various industry affiliations that regulate banking relations, at the same time it is pointed out that they do not have a common basis that would allow them to be combined into an interdisciplinary institution of banking responsibility.

Key words: legal regulation, banking law, banking detail, banking responsibility, types of legal liability, system of law, legal system.

Инструментальная сущность права выражается в его способности выступать властным регулятором общественных отношений, и по мере их усложнения, а также появления новых социальных связей появляются объективные потребности в их упорядочивании. Усложнение того или иного социального взаимодействия может приводить и к тому, что та или иная отрасль права начинает не справляться с их качественной и эффективной регламентацией. Тогда и появляется объективная потребность задействовать другие правовые инструменты, свойственные иной отрасли права, а иногда сразу и нескольким отраслям. Отношения, которые возникли как частноправовые могут с течением времени трансформироваться в публичные, в таком случае нормы частного права уже не способны к развитию их динамики и совершенствования, а следовательно, необходимо применять совсем иные методы правового регулирования, которые уже свойственны другому блоку в правовой надстройке. Поэтому комплексность регулирования не является недостатком или достоинством – это необходи-

мость. Причем факты социальной действительности могут приводить и к обратным процессам, когда комплексность исчезает, а правоотношения регламентируются нормами с одинаковой отраслевой принадлежностью.

Поэтому система права складывается объективно как отражение реально существующих общественных отношений. Как справедливо отмечали Н.И. Матузов и А.В. Малько «система права не результат произвольного усмотрения законодателя, а своего рода слепок с действительности»[1].

Банковская сфера на настоящем этапе развития нашей страны занимает одно из ведущих мест с точки зрения необходимости совершенствования ее правового регулирования. Банковские правоотношения очень разнообразны, к ним можно отнести отношения между ЦБ РФ и кредитными организациями; отношения между самими кредитными организациями; отношения между кредитными организациями и их клиентами; отношения между различными субъектами внутри банковской системы; отношения банковской системы с различными органами государственной власти и управления. Столь широкий круг общественных отношений, связанных с банковской деятельностью, невозможно урегулировать только с помощью одной из существующих отраслей права. В связи с этим, вполне обоснованно и возникает необходимость регулирования банковской сферы, применяя комплексный подход, где, исходя из специфики каждой из групп названных выше отношений, будет применяться та или иная группа норм различных отраслей права, а их совокупность можно определить как комплексную отрасль права или комплексную отрасль законодательства. Аналогичной позиции, например, придерживались в своих работах Г.А. Тосунян, А.Ю. Викулин, А.М. Экмалян[2] и другие авторы. При таком подходе, группа отношений между кредитными организациями и клиентами, где используется диспозитивный метод правового регулирования, будут регулировать нормы гражданского права. Другая группа отношений между ЦБ РФ и кредитными организациями в зависимости от их специфики будут регулироваться соответственно административным и финансовым правом и т. д. Поэтому обозначенная выше позиция не противоречит общетеоретическому подходу об адекватности системы права и ее отраслей современным реалиям складывающихся общественных отношений, и это имеет прямое отношение к комплексному правовому регулированию банковской деятельности.

Нам представляется, что наиболее действенным регулятором общественных отношений является институт юридической ответственности, вопреки мнению некоторых ученых, полагающих, что он выполняет только охранительную функцию. Однако логика подчеркивает совершенно обратное. Так, ни у кого не вызывает возражения существование регулятивной функции у права в целом. Институт юридической ответственности – это часть системы права, причем играющая в нем не второстепенную, а интегративную роль. Поэтому свойства регулирования, вытекающие из формальной стороны сущности права, присутствуют и у данного правового института, но есть определенная специфика его проявления. Другой довод в пользу наличия свойств регулирования у института юридической ответственности, причем он основан на утверждениях сторонников отсутствия у юридической ответственности регулятивных свойств, заключается в следующем. Так, указывается, что институт юридической ответственности обеспечивает исполнение предписаний правовых норм. Однако невозможно обеспечивать и неучаствовать в регулировании. Аксиомой является и деление регулятивной функции на две подфункции: регулятивно-статическую и регулятивно-динамическую. Конечно, юридической ответственности менее всего свойственно регулятивно-статическое воздействие, но она участвует в развитии динамики общественных отношений. Более того, нормы юридической ответственности с одной отраслевой принадлежностью обеспечивают нормальное функционирование целых групп норм, относящихся к иным отраслям права. Иногда

[1] Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2019. С. 303.

[2] Тосунян Г.А., Викулин А.Ю., Экмалян А.М. Банковское право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под общ. ред. акад. Б.Н. Топорнина. М., 2002. С. 16-22.

та или иная сфера общественных отношений подвергается воздействиям со стороны сразу нескольких институтов юридической ответственности. В свете сказанного можно с определённой долей условности говорить о комплексности регулирования тех или иной отношений при помощи института юридической ответственности. Условность выражается еще и потому, что в настоящее время сложно найти общественные отношения, которые регулируются нормами только с одной отраслевой принадлежностью, что в целом обусловлено системными свойствами права. Пожалуй, только отраслевые процессуальные отношения, которые могут существовать только в форме правовых, обладают строгой отраслевой «привязкой».

В связи со сказанным ранее, не является исключением и банковская деятельность, которая регламентирована несколькими отраслями права, а некоторые ученые стали утверждать о существовании банковской ответственности[1]. На наш взгляд, более корректно ее именовать юридической ответственностью в сфере банковских правоотношений, а для краткости изложения «банковско-правовой ответственностью».

На самом деле методологическая основа для разрешения проблемы таких «отраслей» и «видов» юридической ответственности заложена еще в семидесятых годах прошлого века в трудах С.С. Алексеева[2] и С.В. Полениной[3], а также развита в докторском диссертационном исследовании Д.Е. Петрова[4]. В частности, в указанных работах обосновывается полиструктурность системы права и наличие комплексных функциональных правовых институтов. Между тем, сами правовые институты могут быть как отраслевыми, так и комплексными, то есть основанными на функциональных, предметных, координационных, субординационных и генетических взаимосвязях[5]. При этом существуют большие различия в строении между функциональными (межотраслевыми) и отраслевыми институтами юридической ответственности.

Комплексность института характеризуется тем, что в его структуру входят нормы с различной отраслевой принадлежностью. Однако, как мы уже отмечали, к вопросу обособления института банковско-правовой ответственности необходимо подходить с осторожностью и прежде всего следует обращаться к проблемам его структуры и общей «цементирующей» основы. Анализ различных нормативных правовых актов показывает, что межотраслевой институт банковско-правовой ответственности состоит из части норм гражданско-правовой; финансово-правовой; уголовно-правовой и административно-правовой ответственности. Если рассматривать предметный признак данного института, то может сложиться впечатление об однородности правоотношений, функционирующих в банковской сфере, а также в области финансовой деятельности государства, но об однородности отношений судят не только на основе их содержательного, но и субъектного состава. При этом анализ видов субъектов показывает, что ими выступают и юридические лица (банковские и небанковские кредитные организации), и должностные лица этих организаций, а за ряд правонарушений в сфере частного права и физические лица. При этом мы имеем дело с отношениями, которые регулируются различными методами. Так, если рассматривать гражданско-правовые отношения, участниками которых с одной стороны выступают банки, а с другой – физические и юридические лица, то они основаны на диспозитивном методе правового регулирования, а отношения, в рамках которых реализуется пруденциальная деятельность, только на императивном.

Таким образом, если предположить, что институт банковско-правовой ответственности является комплексным, то насколько обоснованным будет выглядеть объединение в нем от-

[1] Братко А.Г. Банковское право. М., 2000. С. 140.

[2] Алексеев С.С. Отрасли советского права // Советское государство и право. 1979. № 9. С. 18-27.

[3] Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Правоведение. 1975. № 3. С. 12-22.

[4] Петров Д.Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015.

[5] Поробно см.: Липинский Д.А., Романова В.В., Станкин А.Н. и др. Институт юридической ответственности / Под ред. Д.А. Липинского. М., 2007.

ношений, которые регулируется различными методами. Кроме того, даже комплексный межотраслевой институт должен обладать некой общей основой, к которой принято относить нормы-принципы; нормы-цели; нормы-дефиниции.

Сравнительный анализ показывает, что в случае нарушения банком обязанностей, закрепленных в Налоговом кодексе РФ, действуют одни принципы юридической ответственности, а гражданско-правовая ответственность основывается на других отправных началах. Существенно различаются и цели различных правовых образований, входящих в так называемую банковско-правовую ответственность. Конечно, можно найти общие термины, понятия, законодательные определения, которые унифицированы в различных нормативных правовых актах, составляющих банковское законодательство, но данное положение, на наш взгляд, только отражает системность отечественного права в целом. Именно поэтому необходимо осторожно и взвешенно подходить к обособлению новых правовых образований как фактов реальной действительности, существующих в современной российской правовой системе.

Другой вопрос, что такие подходы нужно и необходимо использовать в дидактических и педагогических целях при формировании учебных курсов. Если о существовании банковско-правовой ответственности как межотраслевом институте юридической ответственности мы пишем только в порядке постановки проблемы, то о соответствующей учебной дисциплине как о реальности и необходимости ее преподавания в высших учебных заведениях.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Отрасли советского права // Советское государство и право. – 1979. – № 9. – С. 18-27.
2. Братко А.Г. Банковское право. М.: Приор, 2000. – 302 с.
3. Липинский Д.А., Романова В.В., Станкин А.Н. и др. Институт юридической ответственности / Под ред. Д.А. Липинского. – М.: РИОР, 2007. – 167 с.
4. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права.М.: Издательский дом «Дело» РАНХи ГС, 2019. – 528 с.
5. Петров Д.Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: Дис. ...д-ра. юрид. наук. – Саратов, 2015. – 505 с.
6. Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Правоведение.-1975. – № 3. – С. 12-22.
7. Тосунян Г.А., Викулин А.Ю., Экмалян А.М. Банковское право Российской Федерации. Общая часть: Учебник/ Под общ. Ред. акад. Б.Н. Топорнина. – М.: Юристъ, 2002. – 448 с.

List of references

1. Alekseev S.S. *Otrasli sovetskogo prava // Sovetskoye gosudarstvo i pravo* [Branches of Soviet law // Soviet State and Law]. – 1979. – No. 9. – pp. 18-27.
2. Bratko A.G. *Bankovskoye pravo* [Banking Law M .: Prior], 2000 .– 302 s.
3. Lipinsky D.A., Romanova V.V., Stankin A.N. and others. – *Institut yuridicheskoy otvetstvennosti* [Institute of Legal Responsibility] / Ed. YES. Lipinsky. – M.: RIOR, 2007 .– 167 p.
4. Matuzov N.I., Malko A.V. *Teoriya gosudarstva i prava.M.: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhi GS* [Theory of State and Law.M.: Publishing House "Delo"] RANEPA GS, 2019. -528c.
5. Petrov D.E. *Differentsiatsiya i integratsiya strukturnykh obrazovaniy sistemy rossiyskogo prava: Dis. ...d-ra. yurid. nauk* [Differentiation and integration of structural entities of the system of Russian law: Dis. ... dr. legal sciences]. – Saratov, 2015 .– 505 s.
6. Polenina S.V. *Kompleksnyye pravovyye instituty i stanovleniye novykh otrasley prava // Pravovedeniye [*Complex legal institutions and the formation of new branches of law // Jurisprudence]. – 1975. – No. 3. – pp. 12-22.
7. Tosunyan G.A., Vikulin A.Yu., Ekmalyan A.M. *Bankovskoye pravo Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya chast': Uchebnik* [Banking law of the Russian Federation. General part: Textbook] / Under the general. Ed. Acad. B.N. Toporнina. – M.: Lawyer, 2002. – 448 s.

УДК 343.973

Ольга Владимировна Соколова,
доцент кафедры уголовного права и процесса
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: olgasokolova.067@mail.ru

Olga Vladimirovna Sokolova,
Associate professor of the Department of Criminal Law and Procedure
of Federal State Higher Educational Establishment «Ivanovo State University»,
Ph. D. (Law), Associate professor

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЕКТОР РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье отмечается, что многочисленные нормативные изменения главы 22 УК РФ способствуют противодействию новых негативных явлений, вторгающихся в экономическую жизнь. Указывается на важность и значимость учета достижений экономической теории в законотворческом процессе. Высказываются предложения о совершенствовании отдельных уголовно-правовых норм. Анализ примечания к ст. 200.3 УК РФ свидетельствует о целесообразности уточнения условий освобождения от уголовной ответственности за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов или иных объектов недвижимости. Предлагается дифференцировать ответственность за деяния, наказуемые по ст. 200.5 УК РФ, не только по признаку простого, крупного или особо крупного размера подкупа, но и мелкого (на сумму, не превышающую 10 тысяч рублей).

Ключевые слова: экономические преступления, ответственность работника контрактной службы, подкуп работника контрактной службы, размер подкупа, освобождение от уголовной ответственности.

ECONOMIC CRIMES: DEVELOPMENT VECTOR IN CRIMINAL LEGISLATION

The article notes, that many regulatory amendments to Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation contribute to counteracting new negative facts that breaking into economic life. The importance and significance of economic theory achievements in law-making process are specified. Suggestions for improving certain penal regulations are made. The analysis of explanatory note to Article 200.3 of the Criminal Code of the Russian Federationindicates the advisability of clarifying the conditionsfor exemption from criminal liability for raising funds of citizens in case of shared construction of apartment buildings or other real estate. This statutory requirement goes against the law.It is proposed to differentiate liabilityfor the acts punishable in accordance with Article 200.5 of the Criminal Code of the Russian Federation not only taking into account a simple, large, or especially large size of bribery, but a small one (for an amount not exceeding 10,000 rubles).

Key words: economic crimes, liability of a contract service employee, bribery of a contract service employee, size of the bribery, exemption from criminal liability.

Исследователи, обращаясь к экономическим разработкам, выделяют два направления их применения. Первое направление – «позитивный экономический подход к праву, в соответствии с которым определяется степень соответствия правовых норм требованиям экономической эффективности. Второе направление осуществляется в рамках нормативного экономического подхода, где на основании выводов экономической теории вносятся предложения по внесению изменений в правовые нормы»[1]. Нормативные изменения главы 22 УК РФ призваны противодействовать новым негативным явлениям, вторгающимся в экономическую жизнь.

[1] Мелюханова Е.Е. Экономический подход к уголовному наказанию: постановка вопроса // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Межд. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 166.

В частности, в целях повышения эффективности противодействия рейдерским захватам имущества был принят ФЗ РФ от 01.07.2010 № 147-ФЗ[1] об установлении уголовной ответственности за фальсификацию ЕГРЮЛ, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета (ст. 170.2 УК РФ), за фальсификацию решения общего собрания акционеров хозяйственного общества или решения совета директоров хозяйственного общества (ст. 185.5 УК РФ). Закон, устанавливающий уголовную ответственность за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства РФ об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости (ст. 200.3 УК РФ, введена в УК РФ в 2016 году), по мнению исследователей, вообще был принят с запозданием, т. к. с 90-х годов до принятия этого закона сотни людей лишились не только денежных средств, но и жилья[2].

Исследователи указывают на необходимость совершенствования ст. 200.3 УК РФ. Следует согласиться с мнением А.Я. Аснис о том, что анализируемая норма не охватывает случаев привлечения в нарушение требований законодательства РФ об участии в долевом строительстве денежных средств юридических лиц, что не соответствует положениям ст. 8 Конституции РФ. По мысли автора, ст. 200.3 УК РФ должна быть изменена и учитывать интересы не только лиц физических, но и юридических[3].

Обращает на себя внимание то, что согласно примечанию ст. 200.3 УК РФ виновное лицо может быть освобождено от уголовной ответственности вне зависимости от того, совершает ли оно данное деяние впервые или нет. По мнению А.Р. Кирсанова, редакция примечания «косвенно позволяет застройщикам игнорировать требования Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ[4].

Конечно, нельзя отрицать, что законодатель при определении условий освобождения от уголовной ответственности не в каждом случае указывает на совершение преступления впервые. Так, например, такое условие фигурирует в примечаниях ст. ст. 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4 УК РФ, но отсутствует в примечаниях иных статей о преступлениях в сфере экономической деятельности – 178, 184, 200.1, 200.3, 200.5 УК РФ.

Думается, что включение такого условия освобождения от уголовной ответственности, как совершение преступления впервые, целесообразно в тех случаях, когда преступление было совершено виновным в сфере своей профессиональной деятельности или выполнения иных (например, конституционно установленных) обязанностей. Если налогоплательщик уклоняется от уплаты налогов, то в случае совершения им такого деяния повторно, применить к нему специального вида освобождения от уголовной ответственности согласно примечанию к соответствующим статьям не получится.

Возможно, отсутствие рассматриваемого условия в примечании к ст. 200.3 УК РФ объясняется тем, что согласно ч. 3 ст. 3.2 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ[5] руководителем застройщика или главным бухгалтером застройщика не может являться лицо, имеющее неснятую или непогашенную судимость за преступления в сфере экономической деятельности или преступления против государственной власти. Но, к сожалению, такое ограничение не запрещает лицам, осужденным по ст. 200.3 УК РФ, выполнять иные функции, например, в управляющей компании, осуществляющей функции единоличного исполнительного органа застройщика. Как отмечает В.В. Власенко, «иные работники застройщика не яв-

[1] Рос. газета. 2010. 5 июля. № 145.

[2] Иванцова Н.В. От законодательных новелл 2016 г. к новой редакции Уголовного кодекса РФ // Законность. 2017. № 5. С. 44-47. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Аснис А.Я. Уголовно-правовая новелла об ответственности за посягательства на законные интересы участников долевого строительства многоквартирных домов // Законодательство и экономика. 2016. № 10. С. 48-54. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] Кирсанов А.Р. Перспективы развития законодательства о долевом строительстве // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 2. С. 64-75. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 40; Рос. газета. 2019. 1 июля. № 140.

ляются субъектами анализируемого преступления, так как у них отсутствуют соответствующие полномочия по привлечению денежных средств граждан. Данные лица могут быть организаторами, подстрекателями или пособниками в совершении преступления, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ»[1]. Возникает вопрос, может ли данный вид освобождения от уголовной ответственности применяться по отношению к иным соучастникам, если денежные средства были возвращены гражданам. Тем более что данное альтернативное условие «освобождения от уголовной ответственности (возмещение суммы привлеченных денежных средств в полном объеме) сформулировано таким образом, что неясно, кем именно и кому должна быть возмещена соответствующая сумма»[2].

Примечание 2 к ст. 200.3 УК РФ явно требует редактирования в части уточнения, кем должны быть возмещены денежные суммы, а также включения такого условия, как совершение преступления, предусмотренного данной статей, впервые.

Закон, устанавливающий уголовную ответственность за получение представителями заказчика, которые не являются должностными лицами (например, работниками контрактной сферы, членами комиссии по осуществлению закупок и др.) т. н. «откатов» при осуществлении закупок, определении цены государственного или муниципального контракта пр., также, на наш взгляд, был принят с запозданием (ст. 200.5 УК РФ, введена в УК РФ в 2018 году). В Федеральном законе, принятом еще в 2013 году, «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (№ 44-ФЗ) в ст. 103 указывалось на то, что лица, виновные в нарушении законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок, несут дисциплинарную, гражданско-правовую, административную, уголовную ответственность. Между тем такие деяния в течение нескольких лет не образовывали состава преступления и влекли лишь административную ответственность.

В пояснительной записке к законопроекту № 410960-7 отмечается, что «по аналогии со статьями 204 и 291 УК РФ в статье 200.5 предусматривается примечание, в котором определяются основания (условия) освобождения от уголовной ответственности лица, передавшего незаконное вознаграждение указанным лицам»[3]. Возникает вопрос, почему же законодатель не предусмотрел в ст. 200.5 УК РФ аналогично статье 204.2 УК РФ уголовную ответственность за мелкий подкуп, т. е. сумму, не превышающую десяти тысяч рублей. Полагаем, что дифференциация ответственности в зависимости от размера подкупа должна распространяться не только на лиц должностных и тех, кто выполняет управленческие функции в коммерческих или иных организациях (ст. 204.2 УК РФ), но и на тех, кто таким статусом не обладает, например, на члена комиссии по осуществлению закупок, лицо, осуществляющего приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо на иное уполномоченное лицо, представляющего интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

В целом, статьи о преступлениях в сфере экономической деятельности еще ждут многочисленные изменения. Данная сфера жизнедеятельности человека подвержена активной модернизации, что, следовательно, может влечь за собой редактирование уголовного законодательства и закрепление новых составов преступлений. Также представляется целесообразным, учитывая опыт правоприменительной деятельности, обращаться к уже существующим нормам и совершенствовать их.

---

[1] Власенко В.В. Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства РФ об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости (ст. 200.3 УК РФ): вопросы уголовной ответственности и освобождения от нее // Уголовное право. 2018. № 1. С. 27-32. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Аснис А.Я. Указ. соч. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] URL: file:///C:/Users/%D0%9E%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B0/Downloads/123729301-123730769.pdf (дата обращения: 03.08.2019).

Список литературы

1. Аснис А.Я. Уголовно-правовая новелла об ответственности за посягательства на законные интересы участников долевого строительства многоквартирных домов // Законодательство и экономика. 2016. № 10. С. 48-54.

2. Власенко В.В. Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства РФ об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости (ст. 200.3 УК РФ): вопросы уголовной ответственности и освобождения от нее // Уголовное право. 2018. № 1. С. 27-32.

3. Иванцова Н.В. От законодательных новелл 2016 г. к новой редакции Уголовного кодекса РФ // Законность. 2017. № 5. С. 44-47.

4. Кирсанов А.Р. Перспективы развития законодательства о долевом строительстве // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 2. С. 64-75.

5. Мелюханова Е. Е. Экономический подход к уголовному наказанию: постановка вопроса // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 166-168.

List of references

1. Asnis A.Ya. *Ugolovno-pravovaya novella ob otvetstvennosti za posyagatel'stva na zakonnyye interesy uchastnikov dolevogo stroitel'stva mnogokvartirnykh domov // Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Criminal law short story on responsibility for infringement of the legitimate interests of participants in shared construction of apartment buildings // Legislation and Economics]. 2016. No. 10. P. 48-54.

2. Vlasenko V.V. *Privlecheniye denezhnykh sredstv grazhdan v narusheniye trebovaniy zakonodatel'stva RF ob uchastii v dolevom stroitel'stve mnogokvartirnykh domov i (ili) inykh ob"yektov nedvizhimosti (st. 200.3 UK RF): voprosy ugolovnoy otvetstvennosti i osvobozhdeniya ot neye // Ugolovnoye pravo* [Attracting money from citizens in violation of the requirements of the legislation of the Russian Federation on participation in shared construction of apartment buildings and (or) other real estate objects (Article 200.3 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of criminal liability and exemption from it // Criminal Law]. 2018. No. 1. P. 27-32.

3. Ivantsova N.V. *Ot zakonodatel'nykh novell 2016 g. k novoy redaktsii Ugolovnogo kodeksa RF // Zakonnost'* [From legislative innovations in 2016 to the new edition of the Criminal Code of the Russian Federation // Legality]. 2017. No. 5. P. 44-47.

4. Kirsanov A.R. *Perspektivy razvitiya zakonodatel'stva o dolevom stroitel'stve // Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*. [Prospects for the development of legislation on shared construction // Property relations in the Russian Federation]. 2018. No 2. P. 64-75.

5. Melyukhanova E. E. *Ekonomicheskiy podkhod k ugolovnomu nakazaniyu: postanovka voprosa // Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The economic approach to criminal punishment: raising the question // Criminal law: development strategy in the XXI century: materials of the XV International scientific and practical conference]. M .: RG-Press, 2018.pp. 166-168.

УДК 340.12

Евгений Михайлович Терехов,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: terehov1989@yandex.ru

Evgeniy Mikhailovich Terekhov,
associate professor of the department of state and legal disciplines
Balakovo branch Saratov State Law Academy
candidate of Legal Sciences, associate Professor

ВАЖНОСТЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В РАЗРАБОТКЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РФ

Правоинтерпретационная деятельность выступает самостоятельным видом юридической деятельности, однако наравне с правотворческой и правоприменительной деятельностью должного исследования в современной юридической науке не получила, что свидетельствует об актуальности исследований в данном направлении. В представленной статье анализируется потребность в разработке основополагающего доктринального документа в области официального толкования норм права – Концепции развития правоинтерпретационной деятельности в РФ. В работе показывается, как с помощью Концепции развития правоинтерпретационной деятельности в РФ можно единообразить и упорядочить реализацию официального толкования норм права в России. С этой целью демонстрируется значение использования междисциплинарного подхода в исследовании проблемных моментов правоинтерпретационной деятельности. Отмечается, что использование междисциплинарного подхода позволяет выявлять наиболее широкие противоречивые моменты толкования в различных отраслях права и вырабатывать на их основе рекомендации по преодолению таких сложностей.

Ключевые слова: юридическая деятельность, правоинтерпретационная деятельность, толкование права, интерпретационная практика, интерпретационный акт, отрасль права.

IMPORTANCE OF THE INTERDISCIPLINARY APPROACH IN DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF DEVELOPMENT OF LAW-INTERPRET ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Law-interpret activity is an independent type of legal activity, however, along with law-making and law enforcement activities, due study in modern legal science has not received, which indicates the relevance of research in this direction. The presented article analyzes the need to develop a basic doctrinal document in the field of official interpretation of the law – the Concept of the development of law-interpret activities in the Russian Federation. The paper shows how, with the help of the Concept for the Development of Law-Interpretation Activity in the Russian Federation, it is possible to uniformed and streamline the implementation of the official interpretation of the law in Russia. For this purpose demonstrates the importance of using an interdisciplinary approach in the study of the problem points of the law-interpret activities. It is noted that the use of an interdisciplinary approach makes it possible to identify the broadest conflicting points of interpretation in various branches of law and develop recommendations based on them to overcome such difficulties.

Keywords: legal activity, law-interpret activity, interpretation of law, interpretation practice, interpretative act, branch of law.

В условиях глобализации вслед за усложнением социально-экономической и политической жизни, усложняется и правовая жизнь общества. В рамках последней особое место занимает юридическая деятельность, которая, в самом общем виде, подразделяется на правотворческую, правоинтерпретационную и правоприменительную. Среди всех ее разновидностей, правоинтерпретационный вид в отечественной правовой науке исследован меньше других.

Одной из тенденций развития права является рост его абстрактности. Вместе с тем, систематические обновления в российском законодательстве, а также рост числа принимае-

мых нормативных правовых актов иногда приводят к увеличению неопределенности смысла отдельных положений закона, что ставит вопрос толкования права все острее.

Действующее законодательство содержит достаточно большое количество оценочных понятий, что создает определенные трудности при толковании соответствующих правовых норм. К примеру, законодательно установлен круг ситуаций, при которых получение подарка государственными служащими не считается противоправным. К таковым относят: протокольные мероприятия, служебные командировки и другие официальные мероприятия. Определение протокольного мероприятия не раскрыто в законе, а возможность расширительного толкования понятия «официальное мероприятие» способствует возникновению коррупционных рисков и создает пределы широкого правоприменительного усмотрения[1].

Правоинтерпретационная деятельность – механизм работы государственно-властных субъектов по раскрытию смысла норм права, реализуемый в определенных рамках (пределах), оканчивающийся изданием интерпретационных актов, вызывающих юридические последствия у субъектов права.

Еще в 2000 году Президент РФ, выступая на ежегодном послании Федеральному Собранию РФ, обращал внимание на то, что ситуация в сфере толкования права нуждается в анализе и последующем совершенствовании, поскольку имеют место двойственность толкования нормативных правовых актов, а также произвольное толкование норм права чиновниками на всех уровнях власти[2]. Фактически, это означало потребность привлечения широкого внимания общества к решению проблем официального толкования права, результатом которого должна была стать разработка базового доктринального документа в сфере правоинтерпретационной деятельности.

С 2000 года по наши дни прошло много времени, однако отмеченные главой государства проблемные аспекты не были преодолены, а работа по противодействию им так и не была налажена в постоянном режиме.

Правоинтерпретационная деятельность в РФ в настоящий момент находится в состоянии неопределенности относительно путей дальнейшего развития. Несмотря на наличие имеющихся тенденций в данной сфере, органы государственной власти РФ осуществляют свою работу фактически без должной научной основы и руководствуются в ходе процесса раскрытия смысла норм права собственным усмотрением, что приводит к противоречивости результатов различных видов юридической практики: уголовной, административной, гражданской и т. д.

К примеру, в одном случае органы судебной власти приходят к выводу о том, что статья 111 Налогового кодекса РФ освобождает юридическое лицо не только от штрафных санкций, но также и от пени[3]. В другом случае, органы судебной власти, напротив, полагают, что статья 111 Налогового кодекса РФ освобождает юридическое лицо от оплаты исключительно штрафа, в то время как пени подлежат уплате[4].

Если анализировать реализацию правоинтерпретационной деятельности в России, то становится очевидным факт отсутствия единообразия в данном вопросе, что вызывает потребность в приведении ее в состояние единства.

Именно поэтому целесообразно вести речь о разработке проекта Концепции развития правоинтерпретационной деятельности, что будет способствовать не только выведению правоинтерпретационной деятельности на новый уровень, но и решит многие проблемы в области толкования норм права в различных отраслях права.

---

[1] См.: Мурашкин И.Ю. Проблемы реализации антикоррупционного законодательства о подарках // Российская юстиция. 2016. № 9. С. 44.

[2] См.: Выступление В.В. Путина при представлении ежегодного послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ 8 июля 2000 года // Российская газета. 2000. 11 июля.

[3] См.: Постановление ФАС Поволжского округа от 18.03.2003 г. по делу № А65-16367/2002-СА1-7. URL: http://resheniya-sudov2.ru/poisk.php?searchid=2275194&text (дата обращения 26.12.2018).

[4] См.: Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 22.03.2004 г. по делу № А43-12512/2003-32-583. URL: http://resheniya-sudov2.ru/poisk.php?searchid=2275194&text (дата обращения 26.12.2018).

В целях организации правоинтерпретационной деятельности и оперативного преодоления имеющихся в ней проблем все больше становится востребованным специальный доктринальный документ – проект Концепции развития правоинтерпретационной деятельности в РФ, который должен содержать систему теоретических взглядов относительно ее понятия и принципов, целей и приоритетов на современном этапе правового развития, а также комплекс мер, определяющих пути ее реализации на практике.

Только выходя на концептуальный уровень, современная правоинтерпретационная деятельность сможет полноценно контролировать формирование интерпретационной юридической практики.

В.А. Петрушев подчеркивает, что «несмотря на всю значимость знаний в области толкования права, последние пока должным образом не систематизированы, что серьезно сказывается на качестве проводимых в этом направлении исследований и отражается на практической юриспруденции»[1]. Действительно, отсутствие единой доктринальной основы порождает разнородность в осуществлении правоинтерпретационной деятельности, способствуя формированию результатов официального толкования норм права органами законодательной власти по одному образцу, органами исполнительной власти по другому образцу, а органами судебной власти вообще, по третьему образцу, что вызывает проблемы в сфере толкования норм права, которые уже становились предметом исследования широкого круга ученых[2].

Проект Концепции развития правоинтерпретационной деятельности в РФ раскроет не только теоретические, но и практические аспекты ее осуществления: она должна стать не только своеобразным «маяком» для всех субъектов правоинтерпретационной деятельности, но и основой для научного и официального толкования правовых норм.

В процессе разработки Концепции развития правоинтерпретационной деятельности в РФ особую важность приобретает междисциплинарный аспект. Стоит заметить, что разработка Концепции важна, в первую очередь, для теории государства и права с целью накопления и преумножения знаний о правоинтерпретационной деятельности, однако лишь ей не ограничивается. Самостоятельное значение будет иметь разработка Концепции развития правоинтерпретационной деятельности в РФс учетом данных таких наук, как уголовное, административное и гражданское право. Это связано с наличием объективных (существование недостаточно четких определений, содержащихся в законе, оценочных понятий и др.) и субъективных причин (ошибки в правоприменении).

По замечаниям М.И. Брагинского и В.В. Витрянского в первых двух частях Гражданского кодекса РФ можно насчитать свыше 70 норм права, содержащих оценочный характер[3]. К примеру, в рамках гражданского права законодатель не указывает, что означает добросовестное поведение и действия, смысл которых, однако, раскрывается в судебных интерпретационных актах. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» сказано, что «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. По общему правилу пункта 5 статьи 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное»[4].

---

[1] Петрушев В.А. Теория толкования права как составная часть общей теории права // LexRussica. 2009. № 2. С. 410-411.

[2] См.: Залоило М.В., Ибрагимова Ю.Э. Современные проблемы толкования права // Журнал российского права. 2016. № 8 (236). С. 78-95.

[3] См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. Кн. 1. М.: Статут, 2001. С. 18.

[4] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» // Российская газета. 2015. 30 июня.

Уголовный закон также содержит достаточное количество оценочных норм права.

Н.А. Лопашенко указывает, что «при описании преступных деяний законодатель пользуется не только общепонятными и однозначными терминами, но и такими, которые имеют несколько разных значений. Иногда это необходимо для того, чтобы уйти от казуистичности в законе»[1].

Признаки оценочных понятий раскрываются в интерпретационных актах органов судебной власти. Так, «под допущенными при составлении обвинительного заключения или обвинительного акта нарушениями требований уголовно–процессуального закона следует понимать такие нарушения изложенных в статьях 220, 225 УПК РФ положений, которые исключают возможность принятия судом решения по существу дела на основании данного заключения или акта. В частности, исключается возможность вынесения судебного решения в случаях, когда обвинение, изложенное в обвинительном заключении или обвинительном акте, не соответствует обвинению, изложенному в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого; когда обвинительное заключение или обвинительный акт не подписан следователем, дознавателем либо не утвержден прокурором; когда в обвинительном заключении или обвинительном акте отсутствуют указание на прошлые судимости обвиняемого, данные о месте нахождения обвиняемого, данные о потерпевшем, если он был установлен по делу и др.»[2].

В целом же, главным мотивом разработки и принятия такой Концепции выступает потребность в постоянном совершенствовании правоинтерпретационной деятельности, а в конечном счете – в повышении эффективности процесса правового регулирования.

Таким образом, при разработке Концепции развития правоинтерпретационной деятельности в РФ стоит руководствоваться, в том числе, междисциплинарным подходом, поскольку такая тактика позволит выявить наиболее широкие противоречивые моменты толкования в различных отраслях права и выработать на их основе рекомендации по преодолению таких сложностей. Более того, использование междисциплинарного подхода в исследовании правоинтерпретационной деятельности стоит рассматривать как отправную точку в вопросе анализа узких проблем в сфере официального толкования норм права.

Список литературы

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. Кн. 1. М.: Статут, 2001. 848 с.

2. Залоило М.В., Ибрагимова Ю.Э. Современные проблемы толкования права // Журнал российского права. 2016. № 8 (236). С. 78-95.

3. Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право. М.: ВолтерсКлувер, 2009. 213 с.

4. Мурашкин И.Ю. Проблемы реализации антикоррупционного законодательства о подарках // Российская юстиция. 2016. № 9. С. 43-45.

5. Петрушев В.А. Теория толкования права как составная часть общей теории права // LexRussica. 2009. № 2. С. 410-418.

List of references

1. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Dogovornoye pravo. Obshchiye polozheniya [Contract law. General Provisions]. Book 1. M .: Statut, 2001.848 s.

2. Zaloilo M.V., Ibragimova Yu.E. Sovremennyye problemy tolkovaniya prava // Zhurnal rossiyskogo prava [Modern problems of interpretation of law // Journal of Russian Law]. 2016. No. 8 (236). pp. 78-95.

3. Lopashenko N.A. Vvedeniye v ugolovnoye pravo. M.: VoltersKluver [Introduction to criminal law. M .: WaltersCluver], 2009.213 p.

4. Murashkin I.Yu. Problemy realizatsii antikorruptsionnogo zakonodatel'stva o podarkakh // Rossiyskaya yustitsiya [Problems of the implementation of anti-corruption legislation on gifts // Russian Justice]. 2016. No. 9. P. 43-45.

5. Petrushev V.A. Teoriya tolkovaniya prava kak sostavnaya chast' obshchey teorii prava // LexRussica [The theory of interpretation of law as an integral part of the general theory of law // LexRussica]. 2009. No. 2. pp. 410-418.

[1] Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право. М., 2009. С. 158.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 (с изм. от 01.06.2017) «О применении судами норм УПК РФ» // Российская газета. 2004. 25 марта.

УДК 343.97

Дмитрий Игоревич Тисленко,
доцент кафедры уголовного права Центрального филиала
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
E-mail: neomost@mail.ru

Dmitriy Igorevich Tislenko,
Associate Professor of Criminal Law Department,
Central Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Law

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ СОВЕРШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена отдельным аспектам детерминации экологической преступности. Низкая степень значимости экологических ценностей и низкий уровень экологического сознания (и правосознания) определены в качестве важнейших социальных условий экологической преступности. Предложен тезис о возможности качественных изменений состояния экологической преступности только при трансформации отношения большинства членов социума к окружающей среде путем присоединения экологического интереса к экономическому.

Ключевые слова: детерминанты преступности; экологическая преступность.

SOCIAL CONDITIONS AND FACTORS OF ENVIRONMENTAL CRIMES

The article is devoted to certain aspects of determination of ecological crime. Low level of ecological values and low level of ecological consciousness (and legal consciousness) are defined as the most important social conditions of ecological crime. The thesis about the possibility of qualitative changes in the state of environmental crime only in the transformation of the attitude of the majority of members of society to the environment by joining the environmental interest to the economic.

Key words: determinants of crime; environmental crime.

В криминологии под причинами преступности традиционно принято понимать явления, обладающие способностями порождать преступления как следствия (генетическими способностями), под условиями – явления, содействующие причинам преступности, под криминогенными факторами – обстоятельства, способствующие преступности[1].

Вместе с тем, традиционна и характеристика в криминологической литературе одних и тех же или схожих тенденций, влияющих на преступность, как в качестве причин, так и в качестве условий или факторов совершения преступлений[2].

Экологическая преступность, являющаяся среди всех разновидностей преступности одной из наименее исследованных по части детерминационного анализа[3], в данном аспекте – не исключение. Так, например, отсутствие должного контроля за деятельностью по использованию природных ресурсов в одном случае относится к числу причин экологических преступлений (О.Л. Дубовик, А.Э. Жалинский)[4], в другом – к числу причин роста экологической

[1] См., например: Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М., 2004. С. 62-63.

[2] Следует оговориться, что факторы преступности могут рассматриваться также и в качестве причин и условий преступности. (См., например: Криминология: Учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова. 2-е изд, перераб. и доп. М., 2006. С. 56-57). Схожая методология не чужда и автору настоящей работы. (См., например: Тисленко Д.И. Криминогенные факторы глобализации // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 2 (14). С. 144-157).

[3] Тангиев Б.Б. Экокриминология (oicoscrimenlogos). Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения / Под общ. редакцией В.П. Сальникова; предисловие Д.А. Шестакова. СПб., 2005. С. 127.

[4] Дубовик О.Л., Жалинский А.Э. Причины экологических преступлений. М., 1988. С. 11, 13, 51-57, 120, 121. Цит. по: Тангиев Б.Б. Указ. соч. С. 118.

преступности (Б.Б. Тангиев)[1], в третьем – к числу детерминирующих экопреступность факторов (Г.А. Аванесов, С.М. Иншаков, С.Я. Лебедев, Н.Д. Эриашвили)[2].

В задачи настоящей работы не входит критика какой-либо предложенной в литературе классификации детерминант экологической преступности либо выявление неточностей при отнесении того или иного элемента такой классификации к причинам, условиям или факторам. Полагаем, что практически каждая детерминанта может выступать в определенной степени и в виде причины, и в качестве условия или фактора.

Однако очевидно, что детерминационный анализ экологической преступности не должен являться самоцелью и представляет ценность в контексте возможных мер по предупреждению преступности[3].

В этой связи важным представляется следующий тезис: качественные изменения состояния экологической преступности в России возможны только при трансформации отношения большинства членов нашего социума к окружающей среде путем присоединения экологического интереса к экономическому.

Здесь целесообразны три оговорки.

Во-первых, под интересом мы, вслед за В.Н. Кудрявцевым, понимаем осознание человеком как своих потребностей, так и общих условий и средств, способствующих их удовлетворению[4].

Во-вторых, как объективные социальные противоречия, как правило, относятся к общим причинам преступности[5], так и «противоречие между обществом и окружающей средой» называется в качестве основной причины экологической преступности[6], что не лишено оснований. В то же время, по нашему мнению, второстепенное (или даже третьестепенное и далее) значение экологических ценностей, низкий уровень экологического сознания (и правосознания) сами по себе являются условиями экологической преступности, причем играющими важнейшую роль не только в ряду всех условий, но и среди всех детерминант.

В-третьих, представляется, что факторы, являющиеся фоном экологической преступности (урбанизация, проблемы правового регулирования экономической интеграции и др.), не будут иметь существенного значения при устранении указанных основных условий.

Следует отметить, что экологичность развития, энвайронменталистская стратегия homo sapiens – объективно необходимое и единственно возможное будущее, что отмечается в философской и политологической литературе[7] и особенно актуально при констатации современных глобальных экологических вызовов человечеству, ставящих под угрозу само существование человеческой цивилизации[8].

Необходимость заботы о чистоте окружающей среды сегодня осознается не только на уровне разработки философских парадигм, она находит отражение в международных отно-

---

[1] Тангиев Б.Б. Указ. соч. С. 121.

[2] Криминология: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов, С.М. Иншаков, С.Я. Лебедев, Н.Д. Эриашвили / Под ред. Г.А. Аванесова. 3-е изд., перераб и доп. М., 2005. С. 272. Цит. по: Тангиев Б.Б. Указ. соч. С. 118.

[3] См. также: Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д. ю. н., проф. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб и доп. М., 2005. С. 233-235.

[4] Чесноков Д.И. Общественный прогресс и механизм действия социальных законов // Вопросы философии. 1966. № 9. Цит. по: Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М., 2009. С. 22.

[5] См., например: Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 126-127.

[6] Тангиев Б.Б. Указ. соч. С. 121.

[7] См., например: Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии, 1995. № 1. С. 3-30; Сенюшкин Е.А. Экополитологическая парадигма: истоки и современность// Вісник СевДТУ. Вип. 91: Політологія: зб. наук. пр. Севастополь, 2008. С. 227-231.

[8] См. подробнее: Захаров А.В. Механизм обеспечения исполнения требований экологического законодательства и предупреждение современных глобальных экологических вызовов человечеству. Тамбов, 2010. С. 8-38.

шениях, экономике, политике. Так, в настоящее время одна из наиболее распространенных и поддерживаемых мировым сообществом концепций взаимодействия общества и природы – принятая на уровне ООН Концепция устойчивого развития, суть которой заключается в экологически обоснованном экономическом и социальном развитии. Многие государства, являющиеся согласно Индексу развития человеческого потенциала ООН мировыми лидерами по качеству жизни населения, находятся также в верхней части рейтинга самых экологически чистых стран мира в соответствии с Индексом экологических достижений (Норвегия, Новая Зеландия, Швеция, Германия, Япония, Швейцария, Франция, Финляндия, Исландия, Дания, Испания, Италия, Люксембург, Австрия и др.).

Повышение уровня экологических потребностей граждан – фактор, присущий не только развитым странам. В подтверждение данного тезиса по современной России приведем протестные выступления населения против строительства «экотехнопарка» в Ленском районе Архангельской области у железнодорожной станции Шиес[1].

Вместе с тем, нет оснований надеяться, что степень значимости экологических ценностей в системе потребностей в ближайшее время резко повысится, экологическое сознание качественно улучшится, а законодательство станет эффективно регулировать экологические правоотношения и охранять окружающую среду. В этой связи совершенно справедливо замечание Н.А. Лопашенко: «Уголовный закон не охраняет и не защищает природную среду (экологию), это миф. Человек посредством уголовно-правовых норм заботится о себе любимом. И это, наверное, в целом не плохо и не хорошо, это просто реалия сегодняшнего дня и один из способов выжить. Точно так же было всегда, когда существовали уголовно-правовые запреты на определенное отклоняющееся поведение: хоть в XVII, хоть в XIX в. На дворе, однако, XXI в… И прагматичному человечеству пора бы понять, что не одно оно существует на планете Земля и что оно лишь часть природы, при этом остальная ее часть отнюдь не была создана исключительно для того, чтобы обеспечивать потребности человека. Если и есть еще на Земле гармония, то она, бесспорно, принадлежит живой и неживой природе, часто той, которую не испортил человек своим безжалостным вмешательством. Совершенно понятно вместе с тем, что от прагматизма не уйдешь… Однако границы прагматизма должны быть четко и жестко очерчены»[2].

Вернемся в ключевому тезису в контексте также определенного выше интереса: единственным способом устранения криминогенности рассматриваемых детерминант экологической преступности (как и экологических правонарушений в целом) является создание таких экономических предпосылок, при которых деликт как средство удовлетворения экономической потребности будет невыгоден.

Л.В. Кондратюк, В.С. Овчинский, основываясь на исследованиях Г. Беккера, в контексте криминологических оценок выбора вариантов поведения предлагают формулу полной результативности (ПР) выбора нелигитимного образа действия:

$$ПР = (РД + С) – Pf,$$

где:

РД – результат действия,

С – сбереженные затраты,

Pf – отложенные потери: размер санкций за нелигитимное поведение (f), наступающих с определенной вероятностью (Р),

[1] См., например: Ярошенко А. Шиес: северный чернобыль замедленного действия [Электронный ресурс] // Шиес.рф (сайт). URL: шиес.рф (дата обращения: 19.09.2019).

[2] Лопашенко Н.А. Уголовная политика России в сфере борьбы с экологическими преступлениями: гармония хаоса или хаос гармонии // Экология и уголовное право: поиск гармонии: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной подготовке XXII Олимпийских зимних и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи (Геленджик, 6 – 9 октября 2011 г.) / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. Краснодар, 2011. С. 41-42.

и пишут, что «при условии, когда разность между экономией затрат и величиной отложенных потерь превышает отложенную выгоду легитимного образа действий ((C – Pf) > ОВ[1]), выбор нелигитимного образа действий может быть более результативным и иметь рациональное оправдание»[2].

В том числе, исходя из тезисов о том, что «на преступника и преступность (на криминальную результативность) общество эффективно может реагировать, изменяя величину санкций или вероятность их наступления (вероятность разоблачения) или то и другое одновременно» (Л.В. Кондратюк, В.С. Овчинский)[3] и о том, что «изменение вероятности изобличения влияет на число совершенных преступлений сильнее, чем изменение строгости наказания» (Г. Беккер)[4], полагаем, что проекция приведенной формулы на встраивание экологического элемента в экономический интерес может быть полезной: в отсутствие жесткого подхода законодателя к ответственности за экологические преступления и осознания потенциальными нарушителями правил взаимодействия с окружающей средой неотвратимости наказания очевидна высокая степень вероятности выбора именно недобросовестного варианта поведения.

Список литературы

1. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М.: «Логос», 2004. 448 с.
2. Захаров А.В. Механизм обеспечения исполнения требований экологического законодательства и предупреждение современных глобальных экологических вызовов человечеству. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. 124 с.
3. Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. Под ред. К.К. Горяинова. М.: Норма, 2008. 272 с.
4. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2007. 734 с.
5. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., проф. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб и доп. М.: Норма, 2005. 912 с.
6. Криминология: Учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова. 2-е изд, перераб. и доп. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. 528 с.
7. Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М.: Норма, 2009. 128 с.
8. Лопашенко Н.А. Уголовная политика России в сфере борьбы с экологическими преступлениями: гармония хаоса или хаос гармонии // Экология и уголовное право: поиск гармонии: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной подготовке XXII Олимпийских зимних и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи (Геленджик, 6-9 октября 2011 г.) / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. Краснодар: Изд-во «ЭДВИ», 2011. С. 39-47.
9. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ// Вопросы философии, 1995. №1. С. 3-30.
10. Сенюшкин Е.А. Экополитологическая парадигма: истоки и современность// Вісник СевДТУ. Вип. 91: Політологія: зб. наук. пр. Севастополь: Вид-во СевНТУ, 2008. С. 227-231.
11. Тангиев Б.Б. Экокриминология (oicoscrimenlogos). Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения / Под общ. Редакцией В.П. Сальникова; предисловие Д.А. Шестакова. СПб.: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 432 с.
12. Тисленко Д.И. Криминогенные факторы глобализации // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 2 (14). С. 144-157.
13. Ярошенко А. Шиес: северный чернобыль замедленного действия [Электронный ресурс] // Шиес.рф (сайт). URL: шиес.рф (дата обращения: 19.09.2019).

[1] Под отложенной выгодой Л.В. Кондратюк, В.С. Овчинский понимают нравственную и правовую неуязвимость, институциональную поддержку, одобрение.

[2] См.: Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение / Под ред. К.К. Горяинова. М., 2008. С. 87-88.

[3] Там же. С. 88. Этим и определяется, по концепции Л.В. Кондратюка, В.С. Овчинского, функция отложенных потерь – *Pf*.

[4] Цит. по: Там же.

List of references

1. Antonyan Yu.M. Kriminologiya. Izbrannyye lektsii [Criminology. Selected lectures. M .: "Logos"], 2004. 448 p.

2. Zakharov A.V. Mekhanizm obespecheniya ispolneniya trebovaniy ekologicheskogo zakonodatel'stva i preduprezhdeniye sovremennykh global'nykh ekologicheskikh vyzovov chelovechestvu. Tambov: Izdatel'skiy dom TGU im. G.R. Derzhavina [The mechanism to ensure compliance with environmental legislation and the prevention of modern global environmental challenges to humanity. Tambov: TSU them. G.R. Derzhavin], 2010.124 p.

3. Kondratyuk L.V., Ovchinsky V.S. Kriminologicheskoye izmereniye [Criminological dimension]. Ed. K.K. Goryainova. M.: Norma, 2008. 272 s.

4. [Criminology: Textbook] / Ed. V.N. Kudryavtseva and V.E. Eminova. 3rd ed., Revised. and add. M.: Lawyer, 2007.734 s.

5. Kriminologiya: Uchebnik dlya vuzov [Criminology: Textbook for universities] / Under total. ed. Doctor of Law, prof. A.I. Debt. 3rd ed., Revised and add. M .: Norma, 2005.912 s.

6. Kriminologiya: Uchebnik dlya vuzov [Criminology: Textbook for universities] / ed. prof. V.D. Malkova. 2nd ed., Rev. and add. M.: CJSC Justicinform, 2006.528 s.

7. Kudryavtsev V.N. Bor'ba motivov v prestupnom povedenii [The struggle of motives in criminal behavior]. M.: Norma, 2009.128 s.

8. Lopashenko N.A. Ugolovnaya politika Rossii v sfere bor'by s ekologicheskimi prestupleniyami: garmoniya khaosa ili khaos garmonii // Ekologiya i ugolovnoye pravo: poisk garmonii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoy podgotovke XXII Olimpiyskikh zimnikh i XI Paralimpiyskikh zimnikh igr 2014 g. v g. Soch [Russia's criminal policy in the fight against environmental crimes: chaos harmony or chaos of harmony // Ecology and Criminal Law: Search for Harmony: Proceedings of the Intern. scientific-practical Conf. dedicated to the preparation of the XXII Olympic Winter and XI Paralympic Winter Games in 2014 in Sochi (Gelendzhik, October 6-9, 2011)] / Ed. V.P. Konyakhina and M.L. Prokhorova. Krasnodar: Publishing house "EDVI", 2011. S. 39-47.

9. Moiseev N.N. Sovremennyy antropogenez i tsivilizatsionnyye razlomy. Ekologo-politologicheskiy analiz// Voprosy filosofii, [Modern anthropogenesis and civilizational faults. Ecological and political science analysis // Questions of Philosophy], 1995. No. 1. S. 3-30.

10. Senyushkin E.A. Ekopolitologicheskaya paradigma: istoki i sovremennost'// Vísnik SevDTU. Vip. 91: Polítologíya: zb. nauk. pr. Sevastopol': Vid-vo SevNTU [Ecopolitological paradigm: sources and modernity // News of SevDTU. Vip. 91: Politologiya: zb. nauk. Sevastopol Avenue: View of SevNTU, 2008.S. 227-231.

11. Tangiev B. B. Ekokriminologiya (oicoscrimenlogos). Paradigma i teoriya. Metodologiya i praktika pravoprimeneniya / Pod obshch. Redaktsiyey V.P. Sal'nikova; predisloviye D.A. Shestakova. SPb.: Izdatel'stvo R.Aslanova «Yuridicheskiy tsentr Press» [Ecocriminology (oicoscrimenlogos). Paradigm and theory. Methodology and practice of law enforcement / Under the general. Edited by V.P. Salnikova; foreword D.A. Shestakova. SPb .: Publishing house of R. Aslanov “Legal Center Press”], 2005. 432 p.

12. Tislenko D.I. Kriminogennyye faktory globalizatsii // Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii. [Criminogenic factors of globalization // Library of Criminal Law and Criminology]. 2016. No. 2 (14). pp. 144-157.

13. Yaroshenko A. Shiyes: severnyy chernobyl' zamedlennogo deystviya [Elektronnyy resurs] // Shiyes.rf (sayt). URL: shiyes.rf (data obrashcheniya: 19.09.2019). [Shies: Northern Chernobyl delayed action]n [Electronic resource] // Shies.rf (site). URL: shies.rf (accessed date: 09/19/2019)

УДК 342.518

Алексей Викторович Чепус,
доцент кафедры Конституционного права Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук
E-mail: alexal_2004@mail.ru

Aleksey Viktorovich Chepus,
the docent of faculty of the Constitutional law Institute of law and national security
of the Russian academy of the national economy and state service by the President
of the Russian Federation, Candidate of jurisprudence science (Moscow)

ИНСТИТУТ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ПАРЛАМЕНТСКИХ МОНАРХИЯХ

В статье рассмотрены основные параметры трех типов организации парламентского контроля как одного из основных видов парламентской ответственности исполнительной власти в парламентских монархиях, которые представлены через призму основ конституционного строя. Данные основы, определяют не только практическую составляющую, но и научную модель парламентской ответственности исполнительной власти, которая отражена в конституционных актах современных государств. В статье доказывается, что модель института парламентского контроля отражена и закреплена в нормативных актах и содержит систему взаимосвязанных элементов, через данную призму правовых актов можно вести речь о тех или иных чертах форм парламентской ответственности исполнительной власти в монархических государствах.

Ключевые слова: ответственность, парламентский контроль, исполнительная власть, монархия, Англия, вотум недоверия.

INSTITUTE OF PARLIAMENTARY RESPONSIBILITY OF THE EXECUTIVE IN PARLIAMENTARY MONARCHIES

The article considers the main parameters of three types of organization of parliamentary control as one of the main types of parliamentary responsibility of the executive power in parliamentary monarchies, which are presented through the lens of the foundations of the constitutional order. These foundations define not only the practical component, but also the scientific model of the joint responsibility of the executive power, which is reflected in the constitutional acts of modern States. The article proves that the model of the institution of parliamentary control is reflected and enshrined in normative acts and contains a system of interrelated elements, through this lens of legal acts it is possible to speak about certain features of forms of parliamentary responsibility of the executive power in monarchical states.

Key words: responsibility, parliamentary control, executive power, monarchy, England, vote of no confidence.

Основной общей чертой конституционной модели парламентского контроля в парламентских монархиях, является то, что в их конституционно-правовых актах в не полной мере закрепляется институт конституционно-правовой ответственности. Методологической основой закрепления института конституционной ответственности парламента и правительства является своеобразие нормативного состава отрасли – конституционного права. Так, правовые основы имеющейся ответственности в монархических государствах строятся на трех группах правовых норм, закрепляющих: 1. Группа норм закрепляет общие исходные начала организации государственной власти в стране, а именно: нормы-цели, нормы-дефиниции и другие, выражаемые в правовых принципах, презумпциях права, юридических аксиомах и т. д. 2. Группа норм содержит характерные черты статуса монарха: основ власти, преемственности власти, влияние на парламент и правительство, законотворческие и иные функции. 3. Группа норм содержит конкретные деликты и предписания взаимодействия парламента и правительства. При этом отметим, что в государствах монархической формы правления в отличие от республик, конституционно закреплено три группы правовых норм, в респуб-

ликах – две. Каждая группа норм соответствует типу своих правоотношений, а также набору собственных охранительных и принудительных юридических средств защиты.

Нормы первой группы являются основой организации государственной власти, принципов государственного права той или иной страны и к ним мы относим: разделение властей, народовластие, политический плюрализм и идеологическое многообразие, признание прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью, и т. д. С помощью данных норм происходит обеспечение механизма и процедуры демократических основ государственного развития. Механизм специального юридического принудительного обеспечения данных отношений вбирает в себя институт конституционной ответственности, выражаемой в большей мере через парламентский контроль. Как верно замечает Е.В. Енгибарян, «конституционно-правовые принципы выступают ядром парламентского права в целом и контрольной деятельности парламента, в частности, они определяют содержание и структуру подотрасли парламентского права. С другой стороны, конституционные принципы играют важную роль при осуществлении государственного контроля, а значит и парламентского контроля, как вида государственной деятельности»[1].

Нормы второй группы имеют в большей степени декларативный характер, свойственный только для монархических государств, т. к. в республиках институт главы государства, его статуса, ответственности и взаимодействия с другими ветвями власти, относится к первой группе принципов. Однако для этой группы характерно наличие структуры норм с гипотезой, диспозицией и санкцией, что обеспечивает их реализуемость охранительно-принудительными средствами и санкциями.

Третью группу норм, возможно охарактеризовать как нормы обязывающего характера, в которых предполагается санкция, содержащаяся как в правовых актах, регламентирующих статус парламента и правительства, так и в бланкетных нормах иных отраслей права. Такой подход понятен, но в этом случае просматривается не конституционная ответственность, а разновидность юридической ответственности, вытекающей из содержания конституционных установлений, в том числе и за нарушение конституционных норм.

Следующей сущностной чертой парламентского контроля в монархических государствах является правовая связь или состояние, возникающее в отношениях парламента с правительством или отдельными членами исполнительной власти вследствии нарушения стороной норм права, а в некоторых случаях социальных и моральных норм. В результате происходит применение негативной ответственности к лицу или всему правительству, подвергая его государственному или общественному (т. к. члены парламента являются выборными лицами) осуждению. В этом случае парламентский контроль выступает мерой конституционно-правовой ответственности, связанной с наступлением определенных негативных последствий, возникающих в результате ненадлежащего исполнения или нарушения норм права или морали, выраженных в применении государственно-принудительных мер или восстановлении нарушенного правопорядка.

Механизм парламентского контроля в системе конституционной монархии возможно разделить на три основных типа в зависимости от политических режимов, имеющих место в современных условиях. Данный подход был выдвинут и обоснован А.Н. Медушевским, который считает, что первый из них представлен английским вариантом конституционной монархии, фактически завуалированной формой парламентской республики[2]. Коалиция между всесильным парламентом и безвластным монархом, по мнению А.Н. Медушевского, с которым мы также согласимся, позволяет народному представительству осуществлять действенный контроль над правительством (кабинетом министров)[3].

[1] Енгибарян Р.В. Конституционное развитие в современном мире. М., 2007. С. 154-155.

[2] Медушевский А.Н. Конституционная монархия в Европе, Японии и России // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 71-88.

[3] Медушевский А.Н. Что такое мнимый конституционализм? // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 71-86.

Вторым типом конституционной монархии возможно считать такую форму правления, при которой парламент и монарх имеют одинаковые прерогативы в области законодательной, а отчасти и исполнительной власти, осуществляют взаимный контроль и сдерживание. Данный режим возникал в ряде государств Западной и Центральной Европы как результат неустойчивого исторического компромисса двух начал после крупных революционных потрясений и в тенденции эволюционировал к укреплению монархической власти[1].

Третий тип «конституционной монархии представлял собой так называемый «монархический конституционализм». В нем в полной мере реализовывалась коалиция монарха против парламента. Историческая функция данного типа состояла фактически в сохранении монархической системы в новых условиях путем изменения структуры власти и формы правления без изменения ее существа. Данный тип конституционной монархии реализовался первоначально преимущественно в странах Центральной и Восточной Европы. Он становится возможным в тех странах, где демократические силы не имеют реальной социальной опоры, распылены и вынуждены в силу этого апеллировать к государству»[2].

Таким образом, согласиться с предложенной типологией монархий в мире в зависимости от политических режимов можно лишь отчасти. Так, многие страны, закрепившие монархический режим, брали за основу опыт зарубежных государств, где монархия уже существовала. Кроме того, разные государства находились на разном уровне государственно-правового развития, что не давало им скопировать одну из имеющихся, по мнению А.Н. Медушевского, моделей. Понятие «конституционные основы» отражает определяющее влияние конституционных норм на развитие текущего законодательства[3], дает представление о реальных процессах, происходящих в политико-управленческой сфере общества, а также своеобразно моделирует, программирует их[4].

Основные параметры трех типов организации парламентского контроля могут быть представлены через призму основ конституционного строя. Данные основы определяют не только практическую составляющую, но и научную модель парламентского контроля, которая отражена в конституционных актах современных государств. «Именно они составляют основу понимания сущности парламентского контроля, и в тоже время их соблюдение является необходимым фактором действенности контроля»[5].

Указание разделения на три типа организации парламентского контроля включает также нормы конституций и законодательства государств, определяющих правовой статус и полномочия парламентов и иных субъектов, обеспечивающих осуществление их контрольных функций, а также формы и методы осуществления парламентского контроля. Поэтому остановимся более подробно на нормативном закреплении института парламентского контроля в монархических государствах. При этом модель института парламентского контроля по нашему мнению в нормативных актах содержит систему взаимосвязанных элементов, на анализе которых мы построим дальнейшее практическое рассмотрение модели парламентского контроля в монархических государствах.

Классической и одной из старейших форм конституционной монархии является Англия. Особенностью данной монархии является не только отсутствие писаной конституции,

---

[1] Медушевский А.Н. Конституционная монархия в Европе, Японии и России // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 71-88.; Медушевский А.Н. Что такое мнимый конституционализм? // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 71-86.

[2] Медушевский А.Н. Что такое мнимый конституционализм? // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 71-86.

[3] Белкин А.А. Конституционные основы общественного строя и политики. Л., 1982. С. 7.

[4] Барабашев Г.В., Шеремет К.Ф. Конституция СССР и теоретические проблемы развития Советов // Советское государство и право. 1985. № 5. С. 35.

[5] Козлов А.И. Институт парламентского контроля в Российской Федерации и государствах Центральной и Восточной Европы: сравнительно-правовое исследование: диссертация ... кандидата юридических наук: Москва, 2011. С. 34.

но и переход реальной государственной власти монарха к исполнительной власти, которая находится под контролем представительной власти. Объяснение этому нам видится в сложившейся практике формирования правительства палатой общин. Назначение главы правительства в Англии осуществляется исключительно монархом. Однако этот выбор сводится к лицу, пользующемуся поддержкой большинства членов парламента. Таким лицом является лидер партии, прошедшей в палату общин и имеющей парламентское большинство. Формирование состава правительства осуществляется премьер-министром. Хоть формально назначение и смещение министров это прерогатива королевы, однако согласно конституционному соглашению и сложившейся многолетней практике монарх при назначении министров должен действовать по совету премьер-министра. В процессе формирования правительства палата общин напрямую не принимает какого-либо участия, однако назначение на все ключевые посты происходит из членов политической партии набравшей большинство в парламенте. Поэтому в обязанности премьер-министра не входит представлять на одобрение парламента списочный состав членов правительства, т. к. считается, что формально парламентское большинство поддержит выдвинутый состав членов правительства из-за их партийной принадлежности.

Парламентская ответственность правительства – стержень всей системы контроля[1]. Парламентский контроль над исполнительной властью в Англии со стороны парламента, а именно Палаты Общин, сводится к тому, что любой член парламента вправе задавать вопросы любому министру по конкретным делам. В государствах с республиканской формой правления данная процедура называется депутатским запросом и закрепляется почти во всех конституциях рассмотренных ранее государств. Этот свойственный как для республик, так и монархий вид контроля в Английском праве сводится к обсуждению конкретных вопросов правительственной политики. Кроме того парламентарии имеют право вносить поправки к тронной речи и предложения о назначении следственных комитетов для расследования отдельных случаев. Однако заметим, что имея возможности влиять на правительство и королеву в указанных сферах, Палата Общин фактически лишена реального применения санкций.

Основой английского парламентского контроля является выстроенная система парламентской ответственности правительства. Ответственность правительства является коллективной, что подтверждается сложившимся конституционным обычаем[2]. Вотум недоверия, инициированный в отношении одного министра, обычно считается как отказ в доверии всему правительству. Вотум недоверия, в отличие от многих стран с республиканской формой правления, не имеет четких правовых оснований и может касаться как неодобрения палатой общин в целом политики, проводимой правительством, так и какой-либо отдельной меры или действия. Парламентская ответственность наступает даже в случаях несогласия правительства с принятыми парламентом мерами или несогласия правительства при голосовании по тому или иному вопросу палатой общин.

Таким образом, вотум недоверия является одной из крайних мер реализуемой палатой общин в качестве формы парламентского контроля исполнительной власти в Англии. При этом некоей формой защиты от «злоупотреблений правом на вотум недоверия» у правительства имеется право самостоятельно определять серьезность выдвинутых обвинений, и влекут ли они уход всего правительства в отставку или нет. Такое решение – это исключительная прерогатива премьер-министра, который опирается на поддержку парламентского большинства и на своих сторонников в партии, т. к. и у парламента при отставке правительства возникает опасность быть распущенным.

Подводя итог, отмечу, что весь мировой опыт построения парламентского контроля в системе конституционной монархии принято делить на три типа, связанных с политиче-

[1] Коврякова Е.В. Парламентский контроль: зарубежный опыт и российская практика. М., 2005.
[2] Greenleaf W.H. Urgency Motions in the Commons // Public Law. 1960. № 3. P. 272.

ским режимом. Первый тип – английский, в котором конституционная монархия очень близка по своей форме к парламентской республике. Второй тип связывается с тем, что парламент и монарх имеют одинаковые прерогативы в области законодательной, а отчасти и исполнительной власти, осуществляют взаимный контроль и сдерживание. Третий тип – «монархический конституционализм». В нем в полной мере реализовывалась коалиция монарха против парламента. В основном все три типа парламентского контроля реализованы и представлены в государствах Центральной и Восточной Европы.

Список литературы

1. Greenleaf W.H. Urgency Motions in the Commons // Public Law. 1960. N 3. P. 272.
2. Барабашев Г.В., Шеремет К.Ф. Конституция СССР и теоретические проблемы развития Советов // Советское государство и право. 1985. № 5. С. 35.
3. Белкин А.А. Конституционные основы общественного строя и политики. Л. 1982. С. 7.
4. Енгибарян Р.В. Конституционное развитие в современном мире. М.: Норма, 2007. С. 154-155.
5. Коврякова Е.В. Парламентский контроль: зарубежный опыт и российская практика / Е.В. Коврякова – М.: ОАО «Издательский дом «Городец»», 2005. – 192 с.
6. Козлов А.И. Институт парламентского контроля в Российской Федерации и государствах Центральной и Восточной Европы : сравнительно-правовое исследование : диссертация ... кандидата юридических наук: Москва, 2011.- 200 с. С. 34.
7. Медушевский А.Н. Конституционная монархия в Европе, Японии и России // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 71-88.
8. Медушевский А.Н. Что такое мнимый конституционализм? // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 71-86.

List of references

1. Greenleaf W.H. [Urgency Motions in the Commons // Public Law]. 1960. N 3. P. 272.
2. Barabashev G.V., Sheremet K.F. Konstitutsiya SSSR i teoreticheskiye problemy razvitiya Sovetov // Sovetskoye gosudarstvo i pravo [The Constitution of the USSR and theoretical problems of the development of the Soviets // Soviet State and Law]. 1985. No. 5. P. 35.
3. Belkin A.A. Konstitutsionnyye osnovy obshchestvennogo stroya i politiki. [The constitutional foundations of social order and politics]. L. 1982.P. 7.
4. Yengibaryan R.V. Konstitutsionnoye razvitiye v sovremennom mire. M.: Norma [Constitutional development in the modern world]. M .: Norma, 2007.S. 154-155.
5. Kovryakova EV Parlamentskiy kontrol': zarubezhnyy opyt i rossiyskaya praktika [Parliamentary control: foreign experience and Russian practice] / E.V. Kovryakova – M.: Gorodets Publishing House OJSC, 2005. – 192 p.
6. Kozlov A.I. Institut parlamentskogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii i gosudarstvakh Tsentral'noy i Vostochnoy Yevropy : sravnitel'no-pravovoye issledovaniye : dissertatsiya ... kandidata yuridicheskikh nauk: Moskva [Institute of Parliamentary Control in the Russian Federation and Central and Eastern Europe: a comparative legal study: the dissertation ... candidate of legal sciences: Moscow], 2011.- 200 p. pp. 34.
7. Medushevsky A.N. Konstitutsionnaya monarkhiya v Yevrope, Yaponii i Rossii // Obshchestvennyye nauki i sovremennost [Constitutional monarchy in Europe, Japan and Russia // Social sciences and modernity]. 1994. No. 6. pp. 71-88.
Medushevsky A.N. Chto takoye mnimyy konstitutsionalizm? // Sotsiologicheskiye issledovaniya. [What is imaginary constitutionalism? // Sociological studies]. 1994. No. 2. P. 71-86.

УДК 340

Надежда Анатольевна Попова,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Института права и национальной безопасности ТГУ имени Г.Р. Державина,
кандидат юридических наук
E-mail: nad-popova-62@mail.ru

Nadezhda Anatolyevna Popova,
Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure
Institute of Law and National Security TSU n. a. G.R. Derzhavin, Ph. D. in Law

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ: К ПРОБЛЕМЕ АКТУАЛИЗАЦИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЕЙ

В данной статье дано понятие организованной преступности, ее признаки. Чтобы понять и эффективно анализировать преступность сегодняшнего дня, разработать меры по ее предупреждению в будущем, необходимо осуществлять взаимодействие в различных сферах науки. Междисциплинарность способствует эффективному результату при решении вопросов, связанных с данными проблемами.

Ключевые слова: организованная преступность, устойчивое преступное сообщество (организация), коррупция, общественная безопасность, теневая экономическая преступность, междисциплинарность.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF AN ORGANIZED CRIMINAL GROUP: ON THE PROBLEM OF ACTUALIZATION OF INTERDISCIPLINARY CONNECTIONS

This article gives the concept of organized crime, its signs. In order to understand and effectively analyze today's crime, to develop measures to prevent it in the future, it is necessary to interact in various fields of science. Interdisciplinarity contributes to an effective result when solving data-related issues problems.

Keywords: organized crime, sustainable criminal community (organization), corruption, public safety, shadow economic crime, interdisciplinarity.

Организованная преступность является особенно опасным и пагубным для общества и государства видом преступности. Она отличается крупными потенциалами в финансовых и экономических сферах, которые не имеют контроля со стороны государства и общества.

«Организованная преступность – это общественно опасное социальное явление, характеризующееся тесным смыканием уголовного мира с теневыми экономическими структурами, создающее с помощью коррупции систему защиты от социального контроля, проявляющее себя в деятельности устойчивых преступных сообществ (организаций), обладающих иерархическим организационным построением и сплоченностью, занимающихся совершением преступлений как промыслом, контролирующих источники противоправных, а также отдельных видов правомерных доходов в сферах преступного влияния»[1].

Одним из первых признаков рассмтариваемого явления выступает его общественная опасность, которая предстает как угроза, ориентированная на подрыв социального порядка и устоев государства, общественной безопасности.

Второй признак представляет собой единение уголовной преступности с теневой экономической преступностью. В процессе возникновения теневой экономической преступности произошло срастание уголовной преступности с теневой экономической преступностью, что привело к появлению криминального альянса между этими типами преступников, которых соединила одна задача – незаконная нажива и получение власти.

[1] Предупреждение преступлений и административных правонарушений. СПб., 2012. С. 128; см. также: Данилова М.Н. Понятие «организованная преступность» в отечественной правовой системе // Молодой ученый. 2018. № 19. С. 285.

Третьим признаком организованной преступности является коррупция, под которой следует считать злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также, совершение деяний от имени или в интересах юридического лица. Коррумпированные должностные лица обеспечивают функционирование оргпреступности, «не замечая» преступных деяний, не способствуюя раскрытияю преступлений данной направленности, покрывая организованную преступность, осуществляя на корыстной основе иные действия или проявляя бездействие, позволяющие функционировать организованным преступных группам.

Четвертым признаком является существование устойчивых и перманентно действующих преступных групп, сообществ (объединений), которые объединились для того, чтобы постоянно совершать преступления.

Пятый признак отражает то, что организованная преступеность имеет основной целью систематическое получение преступного дохода, т. к. при систематическом нарушении закона достигается главная цель – обогащение.

Шестым признаком выступает контроль организованной преступности за своими участниками, управление предступным сообществом согласно общим правилам управленческой деятельности (с постновкой задач, поиском средств их выполнения, привлечением необходимых ресурсов и пр.), т. к. этот механизм является основанием источника получения неправомерных доходов. Этим признаком частично характеризуется особенность российской организованной преступности.

В группе лиц совершается почти треть всех зарегистрированных преступлений. Это не означает, что одиночек лишь в два раза больше. В среднем на одного представителя групповой преступности приходится больше преступлений, чем на одного представителя совокупности преступников-одиночек. Это обстоятельство характеризует основную опасность групповой и, тем более, организованной преступности: чем выше уровень преступной группы, тем легче и чаще совершаются преступления ее участниками.

Источниками получения сверхприбылей остается контрабанда, автомобильный, оружейный, игорный бизнес, незаконная торговля антиквариатом и проституция. Наиболее развиты вобласти дополненийкриминогенных ресурсов, фиксированных в организованных преступных структурах, оказываются экономической направленности. Преступные выражения проявляются главным образом во всех ведущих отраслях и сферах экономической деятельности, что оказывает негативное влияние на ход экономических реформ.

Происходит изменение международных криминальных структур экономической и смешанной направленности по вывозу за рубеж редкоземельных и цветных металлов, валюты, легализации преступных доходов. Активизируется контрабандный ввоз из-за рубежа потребительских товаров, подлежащих обложению акцизами и таможенными пошлинами. На протяжении последних лет возрастает организованность преступников, действующих в сфере незаконного оборота наркотиков. Происходят процессы монополизации организованными преступными группировками источников производства и каналов транспортировки наркотиков, а также рынков их сбыта.

За последние десятилетия в мире наблюдается рост организованной преступности. Особенностью организованной преступности в России является ее коррумпированность.

Для предупреждения и борьбы с организованной преступностью, предусматриваются мероприятия по предотвращению преступных деяний, направленные на выявление, устранение и нейтрализацию всех причин, которые их порождают, а также и условий, способствую-

щих им. Разработанные в соответствии со сложившейся ситуацией научно-практические меры могут быть фундаментом для эффективного противодействия организованной преступности.

Учитывая изложенное, следует разработать комплекс научных предложений для решения проблем, связанных с организованной преступностью, которые на практике могли бы дать определенные результаты при расследовании уголовных дел. В этом огромное содействие оказывает междисциплинарность, которая способствует эффективному результату при решении вопросов, связанных с данными проблемами. С ее участием есть возможность исследовать предметы в их полноте, получать теоретико-практические представления, которые достигнуты мастерами разнообразных предметов, что способствует образованию очередных, конкретных положений, составляющих и повышающих имеющийся комплекс научных знаний. Как норма междисциплинарное исследование проводится в тех условиях, когда обьект исследования значительный, а проблема масштабна для настоящей научной дисциплины. Междисциплинарность рассматривается как взаимосвязь двух или более научных дисциплин, каждая из которых имеет свой предмет, свою терминологию и методы исследования. Именно такое взаимодействие реализуется в форме работы над конкретными исследовательскими проектами, в рамках создания междисциплинарных центров при академических организациях, проведения междисциплинарных конференций по борьбе с организованной преступностью.

Взаимодействие науки уголовного права, криминологии с другими науками имеет диалектический характер, которому присущи прямые и обратные связи. Уголовное право охватывает границы формального понимания преступного. Без уяснения социальной матрицы уголовно-правовых отношений, определяемой криминологией[1], невозможно создание матрицы организованной преступности. Другие науки могут способствовать реализации иных задач, что в целом положительной скажется на разработке практических решений в сфере противодействия организованной преступности.

Список литературы

1. Данилова М.Н. Понятие «организованная преступность» в отечественной правовой системе // Молодой ученый. 2018. № 19. С. 285.

2. Криминология: учебник / сост. Г.А. Аванесов.6-е изд. М. ЮНИТИ. 2013.

3. Криминология. Учебник / Долгова А.И. М.: Норма – Инфа-М, 2014. С. 96.

4. Предупреждение преступлений и административных правонарушений. СПб.: СПб ун-т МВД России, 2012. С. 128.

List of references

1. Danilova M.N. Ponyatiye «organizovannaya prestupnost'» v otechestvennoy pravovoy sisteme // Molodoy uchenyy [The concept of "organized crime" in the domestic legal system // Young scientist]. 2018.No 19.P. 285.

2. Kriminologiya: uchebnik [Criminology: textbook] / comp. G.A. Avanesov. 6th ed. M. UNITY. 2013.

3. Kriminologiya. Uchebnik [Criminology. Textbook] / Dolgova A.I. M .: Norma – Infa-M, 2014.p. 96.

4. Preduprezhdeniye prestupleniy i administrativnykh pravonarusheniy. [Prevention of crimes and administrative offenses]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012.p. 128.

[1] См.: Криминология: учебник / сост. Г.А. Аванесов. 6-е изд. М., 2013; Долгова А.И. Криминология. Учебник. М., 2014.

УДК 347.73

Анна Владимировна Савина,
старший преподаватель кафедры гражданского права
Института права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «ТГУ имени Г.Р. Державина», кандидат юридических наук
E-mail: anna.savina56@mail.ru

Anna Vladimirovna Savina,
senior lecturer, Department of civil law, Institute of law and national security
TSU named after G.R. Derzhavin, candidate of law

АКТУАЛЬНЫЕ ПРАВООБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

Право, являясь одним из видов социального нормативного регулятора, воздействует как на государство, так и на самые различные сферы общественных отношений в нем. В Российской Федерации особое внимание уделяется новому явлению, связанному с развитием цифровой экономики, что неизбежно влечет трансформацию правовой системы государства. В статье рассматривается вопрос правообразования в условиях развития электронных экономических отношений. Уделяется внимание правообразующим факторам, лежащим в основе правовой политики страны. Анализируются нормативные правовые акты, связанные с переходом государственного управления на новый формат цифровой экономики. Обращается внимание на феномен электронной коммерции. Описывается новый объект гражданских прав – цифровые права, а также излагается мнение относительно важности развития государственного контроля в сфере реализации экономических отношений в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: правообразование, правообразующие факторы, электронная коммерция, цифровые права, цифровая экономика.

ACTUAL LEGAL FACTORS OF DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF FINANCIAL AND LEGAL REGULATION OF E-COMMERCE

Law, being one of the types of social regulatory regulator, affects both the state and the various spheres of social relations in it. In the Russian Federation, special attention is paid to the new phenomenon associated with the development of the digital economy, which inevitably leads to the transformation of the legal system of the state. The article deals with the issue of legal education in the development of electronic economic relations. Attention is paid to the legal factors underlying the legal policy of the country. The normative legal acts related to the transition of public administration to the new format of the digital economy are analyzed. Attention is drawn to the phenomenon of e-Commerce. The article describes a new object of civil rights – digital rights, as well as the opinion on the importance of the development of state control in the implementation of economic relations in the virtual space.

Keywords: law education, legal factors, e-Commerce, digital rights, digital economy.

Обращение к проблемам правообразования в сфере электронной коммерции обусловлено стремительным развитием товарно-денежных отношений в сети Интернет. Требуется внедрение эффективного правового инструментария для их урегулирования в указанной области. Поскольку актуальным в настоящее время является формирование электронного государства в России, правовые основы которого состоят из ряда подзаконных актов, принятых для реализации концепций, направленных на становление электронного государства, видится важным уделить внимание вопросу правообразования. Изучение научных мнений позволяет согласиться с утверждением о том, что неотъемлемой составляющей формирования правового государства в современной России являются процессы правообразования и правотворчества[1]. Учеными отмечается, что правообразование является базисным элементом правотвор-

[1] См.: Никитюк С.М. Правообразование и правотворчество: анализ определений, соотношение // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2018. № 3. С. 187.

чества в контексте его наполнения правовыми, поведенческими идеями, формулируемыми в нормах права, оформленных как нормативно-правовые акты[1]. Также отдельными авторами подчеркивается, что любое государственно-правовое явление с научной точки зрения требует всестороннего и обстоятельного исследования, что в свою очередь позволяет изучить и раскрыть наиболее ключевые свойства исследуемого явления государственно-правовой действительности[2].

Следует согласиться с мнением Н.А. Придворова и В.В. Трофимова о том, что правотворчество должно стремиться к моделированию правовых норм в соответствии с факторами формирования права и основываться на постоянном познании социальной действительности во всей ее сложности и непрерывном развитии, и в то же время на сознательном обосновании принимаемых правовых решений[3]. В.В. Трофимов правообразующие факторы условно разделяет на основные и обеспечивающие. Автор подчеркивает, что группа основных факторов не однородна, подразделяя их на основные объективные и основные субъективные правообразующие социальные факторы. Среди основных объективных факторов названный ученый выделяет экономический фактор, выражающий условия и требования развивающейся экономики[4].

Так, цифровая экономика как предпосылка формирования «новой модели права» в условиях развития электронного государства представляется важной для научного анализа. В этой связи особый интерес вызывает суждение Т.Р. Ореховой, которая пишет: «Право и экономика не просто соотносятся, а взаимодействуют, взаимовлияют друг на друга»[5]. Однако следует учитывать, что в настоящее время экономика приобретает всё более виртуальный характер, а сеть Интернет становится основной движущей силой её инновационного развития. Происходит активное использование компьютерной сети для рекламы, заключения гражданско-правовых сделок. Думается, ключевым фактором финансово-правового регулирования электронной коммерции можно назвать появление «виртуальной валюты», которую принято относить к новому этапу развития денежных обязательств, являющуюся универсальным средством платежа, не выпускаемым и не обеспечиваемым со стороны какого-либо государства.

Также, представляется, что феномен электронной коммерции имеет большие перспективы с экономической и юридической точек зрения. Так, например, с 1 января 2019 г. вступил в силу Закон КНР «Об электронной коммерции», определяющий основные правила продажи товаров и оказания услуг через Интернет. Закон распространяется на все виды электронной коммерции и всех предпринимателей в сфере электронной коммерции (продавцы товаров на площадках для электронной коммерции и в социальных сетях, а также сайты и сети, создающие условия для продажи товаров и оказания услуг)[6]. В названном законе под электронной коммерцией понимается коммерческая деятельность по продаже товаров или предоставлению услуг через Интернет или другие информационные сети. В России электронная коммерция как объект правового обеспечения еще недостаточно представлена в законодательстве и требует должного осмысления в правовой и экономической науках.

Хотелось бы привести мнение ученых, отмечающих общую схему соотношения права и экономики, которая выглядит следующим образом: право есть концентрированное выраже-

[1] См., например: Научные основы советского правотворчества / Гаврилов О.А., Колдаева Н.П., Пиголкин А.С., Поленина С.В., и др.; отв. ред.: Халфина Р.О. М., 1981. С. 17.

[2] См.: Дидыч Т.О. Правообразование как ценность: аксиологический подход к познанию // Алтайский юридический вестник. 2014. № 2 (6). С. 23-27.

[3] См.: Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве: Монография. М., 2014. С. 159-160.

[4] См.: Трофимов В.В. Правообразовательный процесс: общетеоретический аспект // Вестник ТГУ, выпуск 8 (76). 2009. С. 379.

[5] Проблемы теории государства и права: Учебное пособие / под ред. М.Н. Марченко. М., 2005. С. 272 (автор главы – Т.Р. Орехова).

[6] См.: https://cnlegal.ru/china_economic_law/china_ecommerce_law_2019/ (дата обращения: 20.09.2019).

ние политики, а политика – концентрированное выражение экономики. Здесь видится уместным обозначить важность политико-правового фактора, «проявляющегося в форме активности государства и его органов, направленной на поддержание законности и правопорядка в стране, развитие и совершенствование системы правовых средств организации и упорядочения правовой жизни»[1].

В этой связи особого внимания заслуживает Указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы»[2], в котором содержатся задачи применения информационных технологий в сфере взаимодействия государства и бизнеса, формирования новой технологической основы в экономике. К таким задачам, например, относятся: создание условий для развития электронного взаимодействия участников экономической деятельности, в том числе финансовых организаций и государственных органов; использование инфраструктуры электронного правительства для оказания государственных, а также востребованных гражданами коммерческих и некоммерческих услуг; обеспечение доступности электронных форм коммерческих отношений для предприятий малого и среднего бизнеса и др.

Думается, что именно стремительное развитие цифровой экономики послужило основой формирования инструментов финансово-правового регулирования виртуальных общественных отношений. Это подтверждается и рядом других задач, обозначенных Президентом РФ, а именно: необходимостью создания электронной системы представления субъектами хозяйственной деятельности отчетности в органы государственной власти Российской Федерации и органы местного самоуправления при сохранение возможности представления документов традиционным способом; необходимостью разработки мер, направленных на внедрение в российских организациях, в том числе в организациях жилищно-коммунального хозяйства и сельскохозяйственных организациях, российских информационных технологий, включая технологии обработки больших объемов данных, облачных вычислений, интернета вещей; обеспечением дистанционного доступа к банковским услугам, в том числе внедрением единых подходов к проверке сведений, предоставляемых при банковском обслуживании, в электронной форме; необходимостью развития трансграничного информационного взаимодействия, в том числе обеспечения трансграничного пространства доверия к электронной подписи.

Кроме того, с 1 октября 2019 года в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) появится новый объект гражданских прав – цифровые права. Согласно Федеральному закону от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»[3], глава 6 ГК РФ дополняется статьей 141.1, закрепляющей, что цифровыми правами признаются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. Переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву. Наряду с этим, названный закон вводит в ГК РФ институт электронной сделки.

Учитывая сложность и многоаспектность виртуальных экономических отношений, возникает не просто потребность их регулирования путем принятия советующих правовых норм, а потребность формирования института государственного контроля в сфере электронной коммерции, направленного на недопущение правонарушений и преступлений в сфере электронной торговли.

---

[1] Трофимов В.В. Правообразовательный процесс: общетеоретический аспект // Вестник ТГУ, выпуск 8 (76). 2009. С. 381.

[2] См.: СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

[3] Российская газета. 2019. № 60. 20 марта.

Анализ нормативно-правовых актов России на предмет правового регулирования виртуальных коммерческих отношений показывает, что в настоящее время в статьях Уголовного Кодекса Российской Федерации и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях закреплены нормы, запрещающие противоправные деяния, которые можно совершить с использованием виртуального пространства. Наряду с этим действует Федеральный проект «Информационная безопасность», направленный на достижение цели, определенной Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204, который включает в себя мероприятия, направленные на повышение уровня защищенности личности, информационной безопасности и устойчивости сетей связи общего пользования; создание новых сервисов (услуг) для граждан, гарантирующих защиту их персональных данных; профилактику и выявление правонарушений с использованием информационных технологий против общества и бизнеса; разработку новых механизмов поддержки отечественных разработчиков программного обеспечения и компьютерного оборудования в сфере информационной безопасности[1].

Таким образом, вышеприведенные аспекты позволяют резюмировать, что с использованием цифровых технологий меняется структура экономики. Это приводит к формированию качественно новой модели коммерческих отношений в сети Интернет и, следовательно, задает новую парадигму развития государства и права. Думается, что осознание сущности правообразующих факторов в сфере электронной коммерции в определенном смысле способствует формированию концептуальной модели правового регулирования цифровой экономики в целом.

Список литературы

1. Дидыч Т.О. Правообразование как ценность: аксиологический подход к познанию // Алтайский юридический вестник. – 2014. – № 2 (6). – С. 23-27.

2. Научные основы советского правотворчества / Гаврилов О.А., Колдаева Н.П., Пиголкин А.С., Поленина С.В., и др.; отв. ред.: Халфина Р.О. – М.: Наука, 1981. – 317 с.

3. Никитюк С.М. Правообразование и правотворчество: анализ определений, соотношение // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2018. – № 3. – С. 187-191.

4. Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве: Монография. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 400 с.

5. Проблемы теории государства и права: Учебное пособие / под ред. М.Н Марченко. М:Юристъ, 2005. – 656 с.

6. Трофимов В.В. Правообразовательный процесс: общетеоретический аспект // Вестник ТГУ, выпуск 8 (76). – 2009. – С. 379-388.

List of references

1. Didych T.O. Pravoobrazovaniye kak tsennost': aksiologicheskiy podkhod k poznaniyu // Altayskiy yuridicheskiy vestnik *[Law formation as a value: axiological approach to cognition // Altai Legal Bulletin]. – 2014. – No. 2 (6). – S. 23-27.*

2. Nauchnyye osnovy sovetskogo pravotvorchestva *[The scientific foundations of Soviet law-making] / Gavrilov OA, Koldaeva NP, Pigolkin AS, Polenina SV, and others; open Ed .: Khalfina R.O. – M .: Nauka, 1981 .-- 317 p.*

3. Nikityuk S.M. Pravoobrazovaniye i pravotvorchestvo: analiz opredeleniy, sootnosheniye // Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii *[Law formation and law-making: analysis of definitions, correlation]n // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2018. – No. 3. – S. 187-191.*

4. Pridvorov N.A., Trofimov V.V. Pravoobrazovaniye i pravoobrazuyushchiye faktory v prave: Monografiya. – M.: Norma: NITS INFRA-M, *[Legal Formation and Legal Factors in Law: Monograph]. – M .: Norma: SIC INFRA-M, 2014 .-- 400 p.*

5. Problemy teorii gosudarstva i prava: Uchebnoye posobiye *[Problems of the theory of state and law: Textbook] / ed. M.N. Marchenko. M: Lawyer, 2005 .-- 656 p.*

Trofimov V.V. Pravoobrazovatel'nyy protsess: obshcheteoreticheskiy aspekt // Vestnik TGU, vypusk 8 *[Legal process: a general theoretical aspect] // Bulletin of TSU, issue 8 (76). – 2009 .– pp. 379-388.*

[1] См.: Паспорт национального проекта «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”». URL: https://digital.gov.ru (дата обращения 20.09.2019).

УДК 34.01

Эльвира Тагировна Майборода,
доцент кафедры правоведения Северо-Западного института (филиала)
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук
E-mail: ellamaiboroda@mail.ru

Elvira Tagirovna Mayboroda,
Associate Professor of the Department of law of the North-West Institute (branch)
of the Russian presidential Academy of national economy and public administration, candidate of law

Юрий Алексеевич Потапов,
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: upotapov@mail.ru

Yuri Alekseevich Potapov,
Associate Professor of the Department of General theoretical legal disciplines
of the North-West branch of the Russian state University of justice,
candidate of law, associate Professor

АКТУАЛИЗАЦИЯ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ (ОПЫТ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ)

В статье рассматриваются актуальные проблемы функционирования судебной системы и ее взаимодействия со средствами массовой информации в период становления и развития связей с общественностью в органах государственной власти Российской Федерации. Определяются взаимосвязи и соотношения указанных систем и институтов, анализируются технологии, применяемые в информационном процессе. Даются ключевые понятия в сфере связей с общественностью, подчеркивается необходимость их совершенствования. Рассматривается механизм реализации принципа информационной открытости правосудия, его место в системе гражданского контроля. Предлагаются пути и способы повышения эффективности деятельности органов судебной власти по связям с общественностью в современных условиях. Определяются задачи по проведению научных исследований в данной области и вносятся предложения по совершенствованию федерального законодательства о судебной системе и средствах массовой информации.

Ключевые слова: связи с общественностью, судебная система, гражданское общество, информация, средства массовой информации (масс-медиа), суд, пресс-служба.

ACTUALIZATION OF PUBLIC RELATIONS IN THE JUDICIAL SYSTEM (EXPERIENCE, TRENDS, PROBLEMS)

The article deals with the actual problems of functioning of the judicial system and its interaction with the media during the formation and development of public relations in the state authorities of the Russian Federation. Interrelations and relations of the specified systems and institutes are defined, the technologies applied in information process are analyzed. The key concepts in the field of public relations are given, the need for their improvement is emphasized. The mechanism of realization of the principle of information openness of justice, its place in the system of civil control is considered. The ways and means of increasing the efficiency of the judiciary in public relations in modern conditions are proposed. The tasks of conducting research in this area are defined and proposals are made to improve the Federal legislation on the judicial system and the media.

Key words: public relations, judicial system, civil society, information, mass media (mass media), court, press service.

В современных условиях потоки информации значительно возросли, появились новые каналы ее распространения. Данные процессы подчас становятся неконтролируемыми и не-

управляемыми. Проблемам упорядочивания информационных потоков, их влияния (позитивного и негативного) на политические, экономические, социальные и иные отношения в обществе в разные годы посвящалось немало научных исследований[1].

Так, например, академик В.Г. Афанасьев подчеркивал: «Информация, циркулирующая в обществе, используемая в управлении общественными процессами, является социальной информацией. Она представляет собой знания, сообщения, сведения о социальной форме движения материи и о всех других ее формах в той мере, в какой они используются обществом, вовлечены в орбиту общественной жизни»[2]. Некоторые авторы относят социальную информацию к высшему типу информации. К ней предъявляются следующие требования: истинность, достоверность, комплексность, компетентность, оптимальность, полнота, точность, своевременность, оперативность, лаконичность и логичность.

Анализ отношений государственных органов и средств массовой информации (СМИ) позволяет прийти к выводу о том, что в данной связи они представляют собой элементы системы массовой коммуникации, а значит их связи и отношения подчинены принципам теории коммуникации[3].

В соответствии с Конституцией Российской Федерации суд является органом государства, а судебная власть в концепции разделения властей рассматривается в качестве одной из ветвей власти, считается разновидностью института государственной власти. Суд исторически занимает особое положение в правовой системе современного общества. Государство, предоставляя право на судебную защиту, призвано обеспечить доступность, открытость, гласность осуществления правосудия, что, в свою очередь, являются фундаментом развития правовой системы.

В процессе судебной реформы, проводимой в России в конце XX – начале XXI вв., значительно возрастает роль суда как независимого института, действующего на основе закона. В свете новых информационно-коммуникационных отношений, развития связей с общественностью деятельность судебных органов нуждается в теоретико-правовом и организационном обосновании, выработке оптимальных алгоритмов взаимодействия со средствами массовой информации (масс-медиа).

Необходимость такого рода исследований также обусловлена привлечением в систему российского судопроизводства современных инноваций и информационных технологий, позволяющих совершенствовать государственную деятельность синхронно с динамичным ростом достижений научно-технического прогресса. Данная проблема потребовала формирования нового комплексного законодательства и практики его применения. Насущным вопросом стало формирование нового комплексного законодательно-правоприменительного подхода, определенного на концептуальном уровне и получившего в правовой терминологии обозначение «информационная открытость правосудия». На современном этапе стало бесспорным, что необходимо пересмотреть приоритеты развития и модернизации в области создания электронного кейса правосудия.

В настоящее время приоритетными направлениями развития судебной системы выступают:

– обеспечение информационной открытости и гласности судопроизводства;

– своевременное и квалифицированное информирование общества о деятельности судов общей юрисдикции;

– повышение уровня правовых знаний граждан о судоустройстве и судопроизводстве;

[1] Буданцев Ю.П. Массовые коммуникации: основы системной коммуникологии / Предисловие В.В. Барабаша и В.Л. Музыканта. М., 2017; Комаровский В.С. Связи с общественностью в политике и государственном управление. М., 2001; Коренной А.А. Информация и коммуникация. Киев, 1986 и др.

[2] Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. Изд. 2-е. М., 2013. С. 40.

[3] Коган В.З. Теория информационного взаимодействия: Философско-социологические очерки. Новосибирск, 1991. С. 42-59.

– формирование с помощью масс-медийного пространства позитивного общественного мнения о деятельности судебных органов и судей;

– формирования доверия граждан к суду и упрочения авторитета судебной власти.

В период судебной реформы, направленной, в том числе, и на открытость судебных органов, в их структуре были созданы официальные интернет-сайты, отделы информации и общественных связей судебных департаментов, пресс-службы судов, ведомственные средства массовой информации. Особенность работы судов в этом тематическом русле представлена весомым практическим опытом, с учетом которого, как представляется, необходимо совершенствовать информационную политику в деятельности судебных органов.

Важными условиями формирования и развития гражданского общества являются расширение участия граждан в управлении государством, усиление общественного контроля за деятельностью всех ветвей власти, вовлечение граждан в процесс подготовки и принятия важных государственных решений[1].

Одним из институтов гражданского общества, как известно, являются средства массовой информации (в более широком понимании – масс-медиа). Эффективное функционирование институтов государства и институтов гражданского общества возможно на основе действия и применения права, использования социальных, юридических, этических и иных регуляторов общественных отношений.

В настоящее время суд и масс-медиа находятся в неустойчивом положении, их информационное взаимодействие в основном базируется на основе прикладных способов, без учета новых технологий, их влияния на процессы функционирования указанных субъектов.

Разработка оптимальных моделей функционирования судебных органов Российской Федерации и средств массовой информации является актуальной целью, ее достижение возможно посредством правового, социального, психолого-педагогического, этического регулирования информационных отношений между указанными субъектами.

Для достижения указанной цели, как нам представляется, необходимо проведение междисциплинарного исследования теоретико-правовых, социальных и организационных основ функционирования органов судебной власти и масс-медиа в современных условиях, их задачах, принципах и особенностях деятельности по информационному обеспечению общественности.

В рамках такого исследования на основе анализа развития отношений между органами судебной власти и средствами массовой информации (масс-медиа) возможно выявить закономерности, тенденции и проблемы взаимодействия указанных систем, которые помогут сформулировать предложения законотворческого характера, направленные на совершенствование федерального законодательства в сфере массовой информации[2].

При проведении такого исследования необходимо решить следующие задачи:

– изучить российскую практику взаимодействия судов и масс-медиа в историко-правовом контексте;

– проанализировать системные и организационные основы деятельности пресс-служб судов различного уровня;

– изучить структуру, цели и принципы деятельности пресс-служб судов и управлений Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации на предмет их оптимальности и эффективности;

– изучить практику взаимодействия судебных органов со СМИ по повышению имиджа судьи и работников аппарата судов;

– рассмотреть основные виды и помехи в передаче информации о деятельности судебных органов в СМИ;

[1] Дмитриев Ю.А., Кучерена А.Г. Гражданское общество в России. Проблемы становления и развития: Учебное пособие. М., 2012.

[2] См.: Дорский А.Ю. Правовое обеспечение PR. СПб., 2005.

– изучить особенности и неиспользованные возможности взаимодействия пресс-служб судов с электронными СМИ и сетевыми ресурсами;

– изучить возможности сетевых ресурсов в коммуникационной деятельности пресс-служб судов и управлений Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации;

– раскрыть содержание деятельности (формы, методы, способы, технологии работы пресс-службы по информированию СМИ и общественности, участию в правовом просвещении населения);

– создать возможности для обучения современным технологиям связей со СМИ и общественностью специалистов аппаратов федеральных судов и журналистов в рамках программ повышения квалификации, семинаров и круглых столов;

– разработать программу формирования эффективной системы коммуникаций между органами судебной власти, общественностью и масс-медиа с учетом инновационных приемов и технологий, направленных на выработку коммуникационных навыков судей и работников аппаратов судов, повышение их стрессоустойчивости и улучшение психофозиологического состояния и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время отсутствуют комплексные исследования, всесторонне рассматривающие принципы, способы, методы функционирования судебных органов по осуществлению правосудия во взаимодействии с институтами гражданского общества. В связи с этим возникает задача дать целостное представление о структуре, месте и роли пресс-служб в информационной работе судов, моделях и технологиях их деятельности, актуализировать имеющиеся исследования с учетом законодательного регулирования и практики связей с общественностью в судебной системе.

Список литературы

1. Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом / В.Г. Афанасьев. Изд. 2-е. – М.: URSS ЛИБРОКОМ, 2013. – 407 с.

2. Буданцев Ю.П. Массовые коммуникации: основы системной коммуникологии / Ю. П. Буданцев, предисловие В. В. Барабаша и В. Л. Музыканта – М.: Российский университет дружбы народов, 2017. – 343 с.

3. Дмитриев Ю.А., Кучерена А.Г. Гражданское общество в России. Проблемы становления и развития: Учебное пособие / Ю.А. Дмитриев, А.Г. Кучерена. – М.: Изд-во: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2012. – 255 с.

4. Дорский А.Ю. Правовое обеспечение PR. – СПб.: Питер, 2005. – 208 с.

5. Коган В.З. Теория информационного взаимодействия: Философско-социологические очерки / В.З. Коган. – Новосибирск, 1991. – 320 с.

6. Комаровский В.С. Связи с общественностью в политике и государственном управление / В.С. Комаровский. – М.: Издательство РАГС, 2001. – 314 с.

7. Коренной А.А. Информация и коммуникация. – Киев: Наукова думка, 1986. – 141 с.

List of references

1. Afanasyev V.G. *Sotsial'naya informatsiya i upravleniye obshchestvom* [Social Information and Society Management] / V.G. Afanasyev. Ed. 2nd. – M .: URSS LIBROCOM], 2013 .– 407 p.

2. Budantsev Yu.P. *Massovyye kommunikatsii: osnovy sistemnoy kommunikologii / YU. P. Budantsev, predisloviye V. V. Barabasha i V. L. Muzykanta – M.: Rossiyskiy universitet druzhby narodov,* [Mass communications: the foundations of systems communication] / Yu.P. Budantsev, foreword by V.V. Barabash and V.L. Muzykant – Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, 2017. – 343 p.

3. Dmitriev Yu.A., Kucherena A.G. *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii. Problemy stanovleniya i razvitiya: Uchebnoye posobiyeъ / YU. A. Dmitriyev, A. G. Kucherena. – M.: Izd-vo: YUNITI-DANA; Zakon i pravo*[Civil society in Russia. Problems of formation and development: Textbook] / Yu. A. Dmitriev, A. G. Kucherena. – M.: Publishing House: UNITY-DANA; Law and Law, 2012 .– 255 p.

4. Dorsky A.Yu. *Pravovoye obespecheniye PR.* – SPb.: Piter [Legal support PR]. – St. Petersburg: Peter, 2005 .– 208 p.

5. Kogan V.Z. [Teoriya informatsionnogo vzaimodeystviya: Filosofsko-sotsiologicheskiye ocherki] / V.Z. Kogan. [Theory of information interaction: Philosophical and sociological essays] / V.Z. Kogan. – Novosibirsk, 1991 .– 320 p.

6. Komarovsky V.S. *Svyazi s obshchestvennost'yu v politike i gosudarstvennom upravleniye* / V. S. Komarovskiy. – M.: Izdatel'stvo RAGS [Public Relations in Politics and Public Administration] / V. S. Komarovsky. – M.: Publishing House RAGS, 2001. – 314 p.

7. Root A.A. *Informatsiya i kommunikatsiya. – Kiyev: Naukova dumka* [Information and communication]. – Kiev: Naukova Dumka, 1986. – 141 p.

УДК 343.244.2

Анна Михайловна Репьева,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук
anna-repeva@yandex.ru

Anna Michailovna Repeva,
senior lecturer, Department of criminal law and criminology,
Barnaul law Institute, Ministry of internal Affairs of Russia,
Ph. D. in law

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ВЕКТОР РАЗВИТИЯ

В статье представлены некоторые проблемные аспекты, связанные с особенностями регламентации принудительных мер воспитательного воздействия. Автором на основе анализа нормативных правовых актов, мнений ученых-правоведов, изучения этимологии и словообразования данной правовой конструкции представлено определение рассматриваемого института уголовного права. Доказывается, что правильное понимание правовой природы принудительных мер воспитательного воздействия и их выстроенная система могут служить инструментом исправления несовершеннолетнего, совершившего преступление. В работе рассмотрены виды принудительных мер воспитательного воздействия, проанализирована эффективность, а также предложено авторское видение их возможной корректировки и дальнейшего развития, путем как исключения некоторых из них, так и добавления такой меры, как помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение открытого типа. Кроме того, дается аргументация предположения четко разграничить в зависимости от тяжести преступления возможность освобождения: от уголовной ответственности либо наказания.

Ключевые слова: принудительные меры воспитательного воздействия, несовершеннолетний, освобождение от уголовной ответственности, исправление, воздействие.

COERCIVE MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE: THE VECTOR OF DEVELOPMENT

The article presents some problematic aspects related to the peculiarities of regulation of coercive measures of educational impact. Based on the analysis of normative legal acts, opinions of legal scientists, study of etymology and word formation of this legal structure, the author presents the definition of the institution of criminal law under consideration. It was proved that a proper understanding of the legal nature of coercive educational measures and their structured system could serve as an instrument for the correction of a minor who had committed a crime. The work considers the types of coercive measures of educational impact, analyzes the effectiveness, as well as proposes an author 's vision of their possible adjustment and further development, by both excluding some of them and adding such a measure as placement in a special educational institution of open type. In addition, the assumption is made to clearly distinguish, depending on the gravity of the crime, the possibility of exemption: from criminal responsibility or punishment.

Keywords: compulsory measures of educational influence, minor, exemption from criminal liability, correction, impact.

Изучение и анализ действующей на сегодняшний момент особенностей регламентации применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего показывает острую необходимость прогнозирования функционирования института освобождения от уголовной ответственности подростка с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Объясняется это неправильным или неполным законодательным закреплением перечня видов и возможностей применения рассматриваемых мер, а также необходимостью достаточно глубокого и тщательного изучения психологических особенностей формирования мировоззрения подростка с целью подбора именно той меры, которая в итоге станет эффективным средством воздействия на него с целью исправления.

Необходимо отметить, в первую очередь, что за сухой формулировкой «меры воспитательного воздействия» должен лежать целый комплекс проводимых мероприятий. Анализ нормативных правовых актов, так или иначе затрагивающих рассматриваемый институт уголовного права, позволяет констатировать отсутствие законодательно закреплённого определения. Изучив этимологию и словообразование, можно заключить, что, по сути, любое влияние, которое скажется на положительных изменениях в поведении подростка – это и будет одна из мер воздействия. Совокупность этих мер образует комплекс, систему воздействия.

Большинство ученых, исследующих принудительные меры воспитательного воздействия, определяют их как меры государственного принуждения, которые не являются наказанием и применяются к несовершеннолетним, совершившим преступление, с целью их исправления[1]. Как мы видим, даваемые определения не включают даже какого-либо намека на освещение этих мер, кроме того, определение с точки зрения методологии довольно упрощено по своей сути.

Нам же видится, что принудительные меры воспитательного воздействия – это деятельность государственных органов по осуществлению комплекса разнообразных мер, вызванных решением об освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетнего, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, с целью его исправления и удержания от совершения в дальнейшем правонарушений, а также выявления и устранения их причин и условий.

Что касается разновидностей мер, предлагаемых законодателем в ст. 90 УК РФ, то, с одной стороны, их недостаточная вариативность для более дифференцированного подхода и одновременно низкая превентивная составляющая уже имеющихся, подводят к мысли формирования нового перечня и, соответственно, внесения изменений в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ)[2].

Итак, видится возможным существование следующих видов принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетнего:

1) возложение обязанности загладить причиненный вред;

2) ограничение досуга и установление особых требований к поведению;

3) помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение открытого типа (далее – СУВУОТ).

Прокомментируем свою позицию относительно последнего. На сегодняшний момент в ряде норм законодательства предусмотрено существование для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением, нуждающихся в особых условиях воспитания, обучения и требующих специального педагогического подхода, такой образовательной организации, как СУВУОТ (ст. ст. 22, 66 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании»[3], ст. 15 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»[4]). Не совсем ясно, почему уголовное законодательство, уделяя внимание специальным учебно-воспитательным учреждениям закрытого типа (далее – СУВУЗТ), проигнорировало возможность применения к не-

[1] См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков и др.; под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2017. 736 с. [Электронный ресурс]. URL: Консультант Плюс: Высшая школа / Справочные правовые системы. 2018. Режим доступа: http: // www.consultant.ru (дата обращения: 25.03.2018); Бурлака С.А. Необходим федеральный закон о принудительных мерах воспитательного воздействия // Российский следователь. 2015. № 15. С. 42.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2019. № 31. Ст. 4467.

[3] Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598; 2019. № 30. Ст. 4134.

[4] Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (в ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177; 2019. № 30. Ст. 4134.

совершеннолетнему преступнику возможность и необходимость помещения в СУВУОТ. Как нам видится, существование в системе образования таких учреждений может стать хорошей основой исправительно-воспитательного воздействия на несовершеннолетнего.

По факту, можно четко разграничивать в зависимости от тяжести преступления помещение подростка в СУВУОТ или СУВУЗТ с учетом применения возможности освобождения либо от уголовной ответственности, либо наказания. Это подтверждается тем, что выбор судом этих принципиально разных мер должен отвечать принципам справедливости и соразмерности. Иначе, в ситуации, когда подросток совершил преступление небольшой или средней тяжести, суд (безусловно, с учётом изучения личности) может освободить от уголовной ответственности с помещением в СУВУОТ для интенсивного воздействия и корректировки поведения несовершеннолетнего. При совершении тяжкого преступления – суд может освободить лишь от уголовного наказания и уже с помещением в СУВУЗТ.

Одновременное указание в ст. ст. 90 и 92 УК РФ такого основания помещения, как совершение преступления средней тяжести, дает возможность широкого судебного усмотрения, что зачастую приводит к путанице, не способствует единообразному применению норм уголовного законодательства. Видится в этой связи необходимость внесения в ст. ст. 90 и 92 УК РФ соответствующих изменений.

Остановимся также на обосновании тех мер, которые мы посчитали нужным исключить из перечня, действующих на сегодняшний момент. Эффективность существования предупреждения и передачи под надзор родителей или лиц, их заменяющих (существующие на сегодняшний момент), нам представляется слабой. Данная точка зрения может быть подкреплена следующими доводами:

– порицание в форме разъяснения несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступлений (именно так раскрывает содержание предупреждения УК РФ), должно осуществляться в целом в ходе заседания суда и каждодневно в ходе воспитательного процесса, а не как мера принудительного воздействия, назначаемая в качестве альтернативы уголовной ответственности;

– содержание меры в виде передачи подростка под надзор родителей или лиц, их заменяющих (возложение на указанных лиц обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю за его поведением), по сути повторяет требования семейного законодательства. Иначе получается следующая ситуация, родители на протяжении всего периода взросления подростка не смогли ему привить нормы и традиции человеческого общежития, морали и правопослушного поведения, в результате чего несовершеннолетний совершил преступление, а УК РФ допускает, что альтернативой привлечения к ответственности может быть, по сути, его оставление в кругу этих же лиц без каких-либо особых изменений условий его повседневной жизни. Возникает справедливый вопрос: насколько серьезно это повлияет на его мировоззрение и отношение к совершенному деянию?

Стоит отдельно оговориться и о закрепленном в качестве одной из мер воспитательного воздействия – надзоре и контроле со стороны специализированного государственного органа. Во-первых, до сих пор в законодательстве не прописано, кто выступает в качестве такого специализированного органа: органы прокуратуры, подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав? Исходя из расширительного и системного толкования норм законодательства, а именно пп. «в» п. 7 Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав[1] – это именно тот орган, о котором ведет речь ст. 90 УК РФ. Однако на сегодняшний момент, существуют проблемы, в части реализации этих полномочий.

[1] Об утверждении примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав: постановление Правительства РФ от 06.11.2013 № 995 (ред. от 29.11.2018) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 45. Ст. 5829; 2018. № 50. Ст. 7753.

Так, к примеру, члены комиссии свои полномочия реализуют, в большей части, без освобождения от основных обязанностей, и, как следствие, не обладают ресурсами для должного воплощения мер воздействия. Следовательно, правовой статус данных категорий должностных лиц, привлекаемых к работе в составе комиссий, должен быть соответствующим образом скорректирован. Полагаем, что после внесения такого рода изменений в соответствующие нормативные правовые акты ситуация коренным образом изменится.

Безусловно, нами затронуты не все проблемные моменты института принудительных мер воспитательного воздействия, а лишь ряд из них. Однако даже совершенствование тех направлений, которые предложены в статье, как нам кажется, положительным образом скажется на исправлении подростка, а также сокращении числа преступлений, повторно совершаемых несовершеннолетними.

Список литературы

1. Бурлака С.А. Необходим федеральный закон о принудительных мерах воспитательного воздействия // Российский следователь. – 2015. – № 15. – С. 41-44.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков и др.; под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 736 с. [Электронный ресурс]. – URL: Консультант Плюс: Высшая школа / Справочные правовые системы. 2019. Режим доступа: http: // www.consultant.ru (дата обращения: 09.07.2019).

List of references

1. Burlaka S.A. *Neobkhodim federal'nyy zakon o prinuditel'nykh merakh vospitatel'nogo vozdeystviya // Rossiyskiy sledovatel'* [A federal law on compulsory educational measures is needed // Russian Investigator]. – 2015. – No. 15. – S. 41-44.

2. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy) [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)] / K.A. Barysheva, Yu.V. Gracheva, G.A. Yesakov et al .; under the editorship of G.A. Yesakova. 7th ed., Revised. and add. – M.: Prospect, 2017 .-- 736 p. [Electronic resource]. – URL: Consultant Plus: High School / Reference Legal Systems. 2019. Access mode: http://www.consultant.ru (accessed date: 07/09/2019).

УДК 340.12

Наталья Ивановна Уздимаева,
доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарева», г. Саранск,
кандидат юридических наук
E-mail: nyzdimaeva@mail.ru

Nataliya Ivanovna Uzdimaeva,
associate professor of theory and history of state and law,
National Research Mordovia State University, Saransk, candidate of legal sciences

ПРАВОВАЯ САМОЗАЩИТА ГЛАЗАМИ ЮРИСТОВ И НЕ ТОЛЬКО... (АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ НА СТЫКЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И НЕЮРИДИЧЕСКИХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК)

В статье анализируются возможности применения научной методологии неюридических гуманитарных наук для исследования правовой самозащиты. Такой междисциплинарный подход к изучению проблемы правовой самозащиты позволяет, по мнению автора, обогатить догматический анализ, являющийся доминантой в рамках научных исследований соответствующей категории. Определяется возможность применения для исследования правовой самозащиты философии, гносеологии, аксиологии, антропологии, социологии, статистики, истории, психологии.

Ключевые слова: правовая самозащита, методология познания, философский подход, гносеология, догматика, аксиологический подход, антропологическое измерение, социологический метод, статистический метод, исторический анализ, психологический подход, интегративная методология.

LEGAL SELF-PROTECTION IN THE EYES OF LAWYERS AND NOT ONLY... (ACTUAL PROBLEMS OF THE METHODOLOGY OF KNOWLEDGE AT THE JOINT OF JURISPRUDENCE AND NON-LEGAL HUMANITIES)

The article analyzes the possibilities of applying the scientific methodology of non-legal humanities for the study of legal self-defense. Such an interdisciplinary approach to the study of the problem of legal self-defense allows, according to the author, to enrich the dogmatic analysis, which is the dominant in the framework of scientific research of the corresponding category. The possibility of applying philosophy, epistemology, axiology, anthropology, sociology, statistics, history, psychology for the study of legal self-defense is determined.

Keywords: legal self-defense, methodology of cognition, philosophical approach, epistemology, dogma, axiological approach, anthropological dimension, sociological method, statistical method, historical analysis, psychological approach, integrative methodology.

Специализация правового знания – безусловная тенденция большинства направлений доктринальных исследований в современной юридической науке. Это вполне применимо и к конструкции правовой самозащиты, которая в механизме правовой защиты занимает особую ячейку, являясь одновременно и элементом частноправового принуждения, и неюрисдикционной формой защиты нарушенного права. Однако содержание правовой самозащиты неоднозначно, а потому вопросов, требующих изучения здесь более чем достаточно. И решение их во многом зависит от адекватности избранной научной методологии познания.

Последняя опирается, прежде всего, на философскую гносеологию, цель которой – познание изначальной сущности анализируемого явления, что применительно к самозащите напрямую связано с ее категориальным статусом и соответствующими смыслами. В этом плане правовая самозащита сочетает разбросанные по отраслевым юридическим наукам ее специфические проявления, тем самым синтезируя в единое целое бытийные проявления самозащиты, интегрируя их, что в полной мере соответствует признакам юридической категории, исследованным еще в советский период А.М. Васильевым[1].

[1] См. подробнее: Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 238.

Не вдаваясь в подробный анализ категориальных составляющих правовой самозащиты, обозначим, что последняя проявляет себя как неюрисдикционная форма защиты нарушенного права (совокупность мер по обеспечению нарушенного или находящегося под угрозой нарушения права), способ проявления правовой активности (инициативная деятельность лица по борьбе с правонарушениями), соответствующее субъективное право (возможность самому и лично защищать принадлежащие права, свободы и законные интересы), комплексный правовой институт (связанные между собой разноотраслевые нормы о самозащите), юридическая гарантия (условие обеспечения полноценной реализации нарушенного или находящегося под угрозой нарушения права), охранительное средство (конкретная деятельность по обеспечению нарушенного права с целью его защиты) и т. д. Отсюда проявление самозащиты де-факто объективируется как трансформация ее проявлений, каждое из которых требует собственного научного осмысления.

Такое осмысление происходит путем конкретизации и дополнительного анализа, осуществляемого через переход с высшего уровня гносеологии (общего) на теоретико-правовой. Последний имеет интеграционный характер за счет объединения отраслевых аспектов самозащиты. Как видим, философская гносеология обеспечивает переход от общего к юридическому, в связи с чем «выпячиваются» и «очищаются» новые связи правового бытия, ранее не столь очевидные и не всегда в полной мере доступные для восприятия. В этом смысле бесценна значимость философского научного знания, позволяющего не только изучить, но и связать в единое целое базовые компоненты правового бытия.

Как нельзя кстати, при исследовании самозащиты диалектическое познание, в основе которого получение научного знания, акцентированного на системных взаимосвязях, сопровождающих трансформацию самозащиты от одного понятийного выражения к другому. Исходящая по сути из бесконечности социальных трансформаций[1], диалектика позволяет объяснить комплексные и системные изменения в правовой самозащите – от инстинктивной потребности защитить себя и свое до ее реализации в сложносоставных правоотношениях, складывающихся на основе предусмотренных законом норм, разрешающих самозащиту и устанавливающих механизм ее реализации. Такие механизмы должны разрабатываться под систематически реализующиеся варианты самозащиты индивида, которые сегодня не в полной мере регламентированы правом. Именно диалектика позволяет найти общее и особенное в том, что собственно предшествует самозащите, сопровождает ее, а также в последующем вычленить и систематизировать при помощи и на основе догматики чисто юридические основания и содержание правовой самозащиты. Собственно в создании такой юридической модели правовой самозащиты и заключается цель ее исследования на догматическом уровне. Догматический подход к изучению и регулированию самозащиты на сегодня апробирован в отраслевом законодательстве нашего государства и в законодательных системах других государств (Германии, Франции и др.). Он ориентирован на создание научной и практических конструктивных моделей правовой реальности с однозначным содержанием[2]. Но из-за наслоения в ее содержании «неюридического» создать чисто юридическую теорию правовой самозащиты на данном этапе оказалось невозможным. Именно поэтому мы объективно вынуждены обращаться к методологии других гуманитарных наук. За счет такой интеграции научного знания возможно сформировать полновесную концепцию правовой самозащиты.

Таким образом, как показывает практика, нельзя ограниваться только общефилософской гносеологией и правовой догматикой. Последняя не просто формализует и «высушивает» результат познания, но и отрывает его от правовой реальности, что во многом становится фактором, препятствующим активному использованию правовой самозащиты в реальной жизни. А ведь именно в этом смысл всех научных изысканий в исследуемой сфере. Теория

[1] Захарцев С.И. Философия права и диалектика // Мир политики и социологии. 2012. № 11. С. 181.

[2] См.: Глухарева Л.И. Юридическая догматика и догматическое мышление в российской доктрине права // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. № 4. С. 106.

(догма) в данном случае создается ради ее конкретного применения. Такая посылка соответствует новым методологический веяниям – а именно, идеям рационалистического постклассицизма, которые, на наш взгляд, весьма продуктивно дополняют классические подходы в методологии, когда новое знание получается преимущественно путем трансформации и адаптации старого к новым современным реалиям[1].

В юриспруденции такая позиция позволяет расширять поле межпредметного познания путем «подтягивания» к праву и в право ряд совершенно новых методологических подходов, эффективно зарекомендовавших себя в других гуманитарных науках. Особенно продуктивна такая методология в условиях отсутствия точного понимания содержания юридической категории (а на этом этапе мы сейчас находимся, если вести речь о правовой самозащите), в условиях недостаточности сугубо правового догматического знания.

Достаточно актуальны сегодня для исследования правовой самозащиты и новейшие данные антропологии, исследующей человека и человеческое во всей их целостности. В этом контексте самозащита не должна рассматриваться только как результат человеческой деятельности. Она исходит из бытийных условий существования личности, обусловлена целью человеческой деятельности и во многом ею же предопределена. Как научное направление методологического характера антропология учитывает не только социально-культурное в человеке, но и его «биологию». Последняя практически не применима в праве (если не учитывать правовой биологизм, разрешающий считать право средством удовлетворения естественных потребностей личности), но, как ни парадоксально, может иметь сопутствующее значение при осуществлении некоторых видов самозащиты. В частности, мужчине, рост которого достигает около 2 метров, сильному и габаритному, использовать самозащиту в виде необходимой обороны при непосредственном нападении проще, чем невысокого роста хрупкой даме.

Однако более значим для исследования самозащиты культурный антропологизм, связывающий обусловленность человеческой жизнедеятельности, в том числе в правовой сфере, с влиянием на личность окружающей его социокультурной среды (национальных языка, быта и культуры, религии, быта и т. д.). Связь самозащиты с этими факторами нередко прямая. Если она разрешена и даже приветствуется в конкретной среде, то такое влияние среды нужно не только учитывать, но и использовать.

Необходимость сопряжения философского и социокультурного начал в методологии юриспруденции – прием, использование которого позволяет получить адекватное (истинное) представление о сущности изучаемого правового явления[2]. Только при таком подходе мы сможем объяснить причинность и взаимную обусловленность в правовой среде, модификации в системе правозащитной деятельности вообще.

Продуктивен при анализе правовой самозащиты аксиологический подход. Посредством него мы можем обосновать значимость и необходимость деятельности, которую субъекты права осуществляют в порядке правовой самозащиты. Причем не только, и не столько в научном, сколько в практическом смысле. Эмпирическая аксиологичность правовой самозащиты связана с тем, что она объединяет индивида и государство в деле правозащиты, когда первый не только «помогает себе», но и «облегчает жизнь» государству, освобождая его от обязанности использовать государственные ресурсы для защиты своих граждан в ситуациях, при которых лицо вполне способно сделать это самостоятельно. Стандарты аксиологии также помогают определить позитивные мотивы правовой самозащиты и с учетом этого стимулировать ее, отражая в нормативных правовых актах такие самозащитные механизмы, в осуществлении которых личность будет испытывать насущную потребность. Аксиологическое познание позволяет констатировать величайшую ценность самозащиты,

[1] См. подробнее о значении постклассической методологии познания: Скоробогатов А.В. Концепт «право» в юридическом дискурсе // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 234.

[2] Жуков В.Н. Антропология права: в поисках новой методологии // Государство и право. 2019. № 2. С. 58.

трансформировать ее моральные основания в правовые, поскольку самозащита напрямую связана с такими морально-правовыми идеалами, как свобода, справедливость, безопасность, равенство.

Далее отметим, что при исследовании самозащиты весьма важны социологический и статистический методы. Они позволяют оценивать эффективность, как правового регулирования самозащиты, так и выявить влияющие на нее социальные факторы. Благодаря им мы определяем отношение граждан к институту самозащиты, можем обосновать ее необходимость, оценить потенциальную готовность индивидов к самозащитной деятельности, найти источники и ресурсы правовой самозащиты. Именно результаты социологических и статистических исследований наглядно демонстрируют нам качество и состояние защищенности индивидумов, наиболее «проблемные» с точки зрения реализуемости права и свободы граждан, условия, как благоприятствующие, так и препятствующие их осуществлению. Выявляя такие зоны, мы можем менять вектор правовой политики государства в заданной сфере, как на уровне регулирования правовой самозащиты, так и в деле ее стимулирования через систему воспитательных мер. Тем самым в рамках социально-реализованного бытия права будут отражены «ценности, нормы и действия», а сами нормы о самозащите будут в полной мере адаптированы к регулируемой ими социальной среде[1].

Позитивное значение при этом имеют исследования практики применения норм о самозащите, которые позволяют собственно формулировать типовые модели самозащитного поведения в правовой сфере. Целесообразно использовать опыт регулирования самозащиты в зарубежных странах (сравнительное правоведение) и из исторического прошлого.

Исторический анализ позволяет анализировать «зарождение» самозащиты не только в древних государствах, но и уже в первобытном обществе. Собственно с самозащиты начинается защита вообще. Ее древнейший аналог – принцип Талиона, трансформировавшийся впоследствии во многих государствах в необходимую оборону, которая до настоящего времени считается нередко чуть ли не единственной разновидностью самозащиты.

Новейшая тенденция современной юридической методологии, которая применима и для исследования самозащиты – использование научных положений и подходов психологии, а именно психоанализа, где личность рассматривается как единство ее внутреннего мира и деятельности, отражающей вовне (поведение) субъективный мир личности[2]. К самозащите в большей степени применимы выросшие из психологии самоанализа идеи бихевиоризма, которые связывают причины человеческих действий (стимулы) с собственно поведением человека (реакция). В соответствующей связке стимула и реакции удобно выстраивать модель самозащитного поведения с учетом «ролей» субъектов правового общения. Выполнение и распределение таких ролей между различными субъектами права направляет индивидуальную активность субъектов, эффективно при создании моделей самозащитного поведения, уже используемых по факту, но не закрепленных на законодательном уровне, либо для нормативизации новых форм самозащиты в государственных законах.

Завершая исследование, хотелось бы обратить внимание на высокий потенциал использования в научном познании правовой самозащиты новых информационных технологий, ставших сегодня неотъемлемой частью правовой жизни общества[3]. Позитивный опыт их фактического использования в деле реализации права на самозащиту уже есть – например, работают он-лайн приемные при федеральных органах исполнительной власти, обратившись

[1] См. подробнее о социализации самого права: Соколова А.А., Трофимов В.В. Социально-интерактивный уровень социализации права как результирующего этапа процесса правообразования // Вестник РУДН. Сер. Юрид. науки. 2018. Т. 22. № 2. С. 151.

[2] Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: психологический подход // Мир политики и социологии. 2013. № 9. С. 202.

[3] Малько А.В. Политико-правовая жизнь современного общества // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 2. С. 13.

в которые граждане могут реализовать возможности самозащиты. Их совершенствование и поиск иных адекватных информационных средств – задача новаторских реформ в познании правовой самозащиты.

Список литературы

1 Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: психологический подход / Ю.П. Боруленков // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 201-210.

2 Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. –М.: Юрид. лит., 1976. – 264 с.

3 Глухарева Л.И. Юридическая догматика и догматическое мышление в российской доктрине права / Л.И. Глухарева // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2017. – № 4. – С. 102-116.

4 Жуков В.Н. Антропология права: в поисках новой методологии / В.Н. Жуков // Государство и право. – 2019. – № 2. – С. 57-61.

5 Захарцев С.И. Философия права и диалектика / С.И. Захарцев // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 180-189.

6 Малько А.В. Политико-правовая жизнь современного общества / А.В. Малько // Правовая политика и правовая жизнь. – 2017. – № 2. – С. 8-16.

7 Скоробогатов А.В. Концепт «право» в юридическом дискурсе / А.В. Скоробогатов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4. –С. 233-240.

8 Соколова А.А., Трофимов В.В. Социально-интерактивный уровень социализации права как результирующего этапа процесса правообразования / А. А. Соколова, В. В. Трофимов // Вестник РУДН. Сер. Юрид. науки. – 2018. – Т. 22. –№ 2. – С. 146-171.

List of references

1 Borulenkov Yu.P. Metodologiya yuridicheskogo poznaniya: psikhologicheskiy podkhod / Yu.P. Borulenkov // Mir politiki i sotsiologii. [Methodology of legal knowledge: a psychological approach] / Yu.P. Borulenkov // World of Politics and Sociology. – 2013. – No. 9. – P. 201-210.

2 Vasiliev A.M. Pravovyye kategorii. Metodologicheskiye aspekty razrabotki sistemy kategoriy teorii prava. – M.: Yurid. Lit. [Legal categories. Methodological aspects of developing a system of categories of legal theory]. – M.: Jurid. lit., 1976. – 264 p.

3 Glukhareva L.I. Yuridicheskaya dogmatika i dogmaticheskoye myshleniye v rossiyskoy doktrine prava / L. I. Glukhareva // Vestnik RGGU. Ser. Ekonomika. Upravleniye. Pravo. [Legal dogmatics and dogmatic thinking in the Russian doctrine of law / L.I. Glukhareva // Bulletin of the RSUH. Ser. Economy. Control. Right]. – 2017. – No. 4. – pp. 102-116.

4 V. Zhukov. Antropologiya prava: v poiskakh novoy metodologii / V. N. Zhukov // Gosudarstvo i pravo [Anthropology of law: in search of a new methodology] / V. N. Zhukov // State and Law. – 2019. – No. 2. – P. 57–61.

5 Zakhartsev S. I. Filosofiya prava i dialektika / S. I. Zakhartsev // Mir politiki i sotsiologii. [Philosophy of Law and Dialectics] / S. I. Zakhartsev // World of Politics and Sociology. – 2012. – No. 11. – pp. 180–189.

6 Malko A.V. Politiko-pravovaya zhizn' sovremennogo obshchestva / A. V. Mal'ko // Pravovaya politika i pravovaya zhizn' [Political and legal life of modern society] / A.V. Malko // Legal policy and legal life. – 2017. – No. 2. – pp. 8-16.

7 Skorobogatov A.V. Kontsept «pravo» v yuridicheskom diskurse / A. V. Skorobogatov // Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava [The concept of “law” in legal discourse] / A. V. Skorobogatov // Actual problems of economics and law. – 2013. – No. 4. – pp. 233-240.

8. Sokolova A.A., Trofimov V.V. Sotsial'no-interaktivnyy uroven' sotsializatsii prava kak rezul'tiruyushchego etapa protsessa pravoobrazovaniya / A.A. Sokolova, V.V. Trofimov // Vestnik RUDN. Ser. Yurid. nauki. [Socio-interactive level of socialization of law as a result of the legal process] / A.A. Sokolova, V.V. Trofimov // Vestnik RUDN. Ser. Jurid. Sciences. 2018. –T. 22. –№ 2. – pp. 146-171.

УДК 340

Татьяна Алексеевна Пестикова,
Государственное бюджетное учреждение здравоохранения
«Тамбовская областная больница имени В.Д. Бабенко», юрисконсульт;
Магистрант 2 курса Института права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
E-mail: pestikovat@gmail.com

Tatiana Alekseevna Pestikova,
Tambov Regional Clinical Hospital named after V.D. Babenko, Lawer;
3rd year undergraduate Tambov State University named after G.R. Derzhavina,
Institute of Law and National Security

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ КАК ЭЛЕМЕНТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВА

Сущность понятия «контрактная система» и ее элементы до сих пор вызывают споры среди ученых. Некоторые из них утверждают, что контрактная система включает в себя непосредственно самих ее участников, а также действия ими осуществляемые. Другие ученые выделяют третий элемент – единую информационную систему в сфере закупок как неотъемлемую часть контрактной системы, основу информационного обеспечения закупок. Однако, абсолютно очевидно, что контрактная система является неотъемлемой частью экономической системы государства, способной существенно влиять на ее устройство. Следовательно, дальнейшее совершенствование правовых основ контрактной системы, а также четкое соблюдение уже существующих нормативных правовых актов, необходимо, ввиду ее непосредственного влияния на экономическую безопасность государства.

Ключевые слова: контрактная система, экономическая система, принципы контрактной системы, эффективность обеспечения закупок, конкуренция, правовое регулирование.

LEGAL REGULATION OF THE CONTRACT SYSTEM AS AN ELEMENT OF THE STATE ECONOMIC SYSTEM

The essence of the concept of «contract system» and its elements still cause controversy among scientists. Some of them argue that the contract system includes directly its participants themselves, as well as the actions they carry out. Other scientists single out the third element – a unified information system in the field of procurement, as an integral part of the contract system, the basis of information support for procurement. However, it is absolutely obvious that the contract system is an integral part of the state economic system, capable of significantly affecting its structure. Consequently, further improvement of the legal foundations of the contract system, as well as strict observance of existing regulatory legal acts, is necessary, in view of its direct impact on the economic security of the state.

Key words: contract system, economic system, principles of the contract system, procurement effectiveness, competition, legal regulation.

Эффективность обеспечения государственных и муниципальных нужд в товарах, работах и услугах, а, следовательно, и рациональность расходования бюджетных денежных средств в значительной мере зависит от состояния системы государственных закупок. В этой связи принципиально важное значение имеет рационализация государственных закупок, в части расходования бюджетных денежных средств, осуществляемая через призму совершенствования всей контрактной системы государства, являющейся неотъемлемой частью его экономической системы.

Одним из основных показателей функционирования контрактной системы является эффективность ее правового регулирования, которое базируется на принципах, обеспечивающих, в первую очередь, состоятельность закупок, как непрерывного процесса, регламентированного от момента планирования закупки до момента исполнения контракта.

Современное Российское государство строится и развивается в условиях рыночной экономики, сменившей советское плановое хозяйство. Контрактная система в сфере закупок,

по сути своей система уникальная, так как сочетает в себе элементы, присущие рыночной экономической системе: свобода выбора, развитие конкуренции, а также элементы плановой экономики, ввиду того, что одним из основополагающих факторов обеспечения эффективности государственных закупок является их планирование в целом и каждой отдельной закупки, в частности. Следовательно, возникает вопрос: работают ли законодательные меры по обеспечению эффективности и рациональности закупок на практике?

В попытках четко регламентировать процесс осуществления государственных закупок, законодатель породил так называемую «избыточность правового регулирования», что выражается в значительном количестве нормативных правовых актов о контрактной системе, которые в свою очередь не всегда согласуются между собой, а значит, не могут грамотно толковаться и применяться на практике. Так, например, вопросам, касающимся нормирования в сфере государственных закупок, посвящено четыре нормативных правовых акта Правительства Российской Федерации, два из которых особенно схожи по смыслу и содержанию, ввиду чего целесообразным представляется их объединение в единый нормативный правовой акт: Постановление Правительства РФ от 18.05.2015 № 476 (ред. от 31.07.2019) «Об утверждении общих требований к порядку разработки и принятия правовых актов о нормировании в сфере закупок, содержанию указанных актов и обеспечению их исполнения»[1] и Постановление Правительства РФ от 19.05.2015 № 479 (ред. от 31.07.2019) «Об утверждении требований к порядку разработки и принятия правовых актов о нормировании в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд, содержанию указанных актов и обеспечению их исполнения»[2].

В целом, если абстрагироваться от практического применения правовых норм о закупках, а рассматривать контрактную систему как объект правового регулирования, то основные направления ее совершенствования отождествляются с такими общесистемными свойствами контрактной системы, как «наблюдаемость» и «управляемость». Относительно «устойчивости» контрактной системы, необходимо отметить, что применительно к российской контрактной системе, она обуславливается общим состоянием экономики и доходной части бюджета страны, то есть характеризуется исключительно финансово-экономическими показателями. Управляемость же, в свою очередь, наглядно демонстрируется той степенью, в которой нормативные правовые акты в сфере закупок способны обеспечить эффективное проведение конкретной закупки.

Фактически, основной целью правового регулирования контрактной системы является создание и корректное функционирование единого цикла государственного заказа с последующим исполнением государственного контракта, который, с экономической точки зрения, позволит обеспечить выполнение обязательств государства, соизмеримое его потребностям качество поставляемых товаров, работ и услуг, эффективное использование материальных ресурсов, надежное управление технологическими и экономическими рисками, а также существенное снижение коррупции в государственном секторе.

Наиболее значимым в данном случае является законодательная идея о выделении принципов контрактной системы, которые нашли свое отражение в Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[3] (далее – Закон о контрактной системе).

[1] Об утверждении общих требований к порядку разработки и принятия правовых актов о нормировании в сфере закупок, содержанию указанных актов и обеспечению их исполнения: постановление Правительства РФ от 19.05.2015. № 479 (ред. от 31.07.2019) // Собр. законодательства РФ. 2015. № 22. Ст. 3218.

[2] Об утверждении требований к порядку разработки и принятия правовых актов о нормировании в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд, содержанию указанных актов и обеспечению их исполнения: постановление Правительства РФ от 19.05.2015. № 479 (ред. от 31.07.2019) // Собр. законодательства РФ. 2015. № 22. Ст. 3218.

[3] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 01.10.2019) // Российская газета. 2013. № 80.

Среди прочих, следует выделить принцип обеспечения конкуренции и принцип эффективности обеспечения закупок[1].

Принцип обеспечения конкуренции является едва ли не главенствующим, так как фактически выражает сущность контрактной системы. Данный принцип раскрывается законодателем через постулат добросовестной ценовой и неценовой конкуренции между участниками закупок, направленной на определение лучших условий исполнения обязательств по государственным контрактам. В данном случае целесообразно говорить об особом трактовании конкуренции, отличном, например, от смысла «конкуренции» в понимании Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»[2] (далее – Закон о защите конкуренции).

Сравнительный анализ понятия конкуренции, содержащегося в Законе о контрактной системе и Законе о защите конкуренции, позволяет утверждать, что при использовании данного термина во втором случае основной акцент делается не на действия хозяйствующих субъектов, а на последствиях совершения таких действий в отношении товарных рынков[3]. В то время как при толковании Закона о контрактной системе можно заключить, что законодатель определяет конкуренцию в сфере закупок, только исходя из понятия добросовестного ценового или неценового состязания, т. е. действий участников непосредственно в процессе осуществления закупок.

Кроме того, следует отметить, что законодательство о закупках не содержит определения такого ключевого понятия, как «добросовестная ценовая и неценовая конкуренция», таким образом, оставляя его трактовку на усмотрение контролирующих и судебных органов.

Эффективность осуществления закупок понятие скорее эфемерное, трудно реализуемое на практике. Теоретические и законодательные основы оптимизации закупочного процесса определены достаточно четко, однако в ходе осуществления закупок, возникает значительное количество специфических нюансов, не позволяющих добиться желаемого эффекта, это может быть и сговор поставщиков, так называемые «картели», активную борьбу с которыми в последние годы ведет Федеральная антимонопольная служба, и отсутствие заявок на участие. Одновременно следует отметить, что взаимосвязь двух указанных принципов весьма велика, так как они напрямую зависят друг от друга. В случаях любого нарушения принципа обеспечения конкуренции, неизбежно пострадает и эффективность. В целом эффективность закупочного процесса обеспечивается следующими факторами:

– постоянное совершенствование нормативно-правового регулирования контрактной системы, основывающееся на современных экономических и политических вызовах, в частности по вопросам импортозамещения, а также на практических ошибках, допускаемых заказчиками при осуществлении закупок;

– мониторинг заключения и исполнения контракта, осуществляемый, помимо надзорных органов, общественными организациями;

– методическое сопровождение деятельности государственных заказчиков со стороны федеральных органов исполнительной власти на этапе заключения и исполнения контрактов;

– своевременное выявление контрактов, в которых наблюдается существенное отклонение от параметров сопоставимых контрактов, в частности типовых контрактов, утвержденных соответствующими нормативными правовыми актами, а также своевременная оценка причин и последствий указанных несоответствий, и как следствие – устранение указанных нарушений;

---

[1] Архалович О.В. Принципы контрактной системы в сфере закупок // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2013. № 3. С. 124.

[2] О защите конкуренции: федер. закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 29.07.2019) // Российская газета. 2013. № 162.

[3] Тасалов Ф.А. Принцип развития конкуренции в контрактных системах России и США: понятие, значение, гарантии реализации // Закон. 2014. № 5. С. 25.

– соблюдение провозглашаемых Законом о контрактной системе требований, в части расторжения контрактов в одностороннем порядке с недобросовестным поставщиком, а также своевременное включение такового в Реестр.

Кроме того, важнейшим показателем действия контрактной системы, а равно и одним из ее основных функциональных назначений является оценка эффективности реализации государственных контрактов с учетом степени достижения ожидаемого социально-экономического результата. Указанный показатель представляется исключительно статистическим, так как включает конкретные значения: общее количество заключенных контрактов, факты нарушения условий контрактов с применением штрафных санкций, количество контрактов, расторгнутых в связи с односторонним отказом стороны от исполнения контракта, и др.

Таким образом, развитие системы управление государственными и муниципальными закупками основано на детализации и усилении регламентации процедуры планирования, реализации и контроля процесса обеспечения государственных и муниципальных нужд, причем указанные процессы должны осуществляться не за счет увеличения числа нормативных правовых актов, а посредством совершенствования уже существующих.

Список литературы

1. Архалович О.В. Принципы контрактной системы в сфере закупок // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2013. № 3. С. 124-127.

2. Тасалов Ф.А. Принцип развития конкуренции в контрактных системах России и США: понятие, значение, гарантии реализации // Закон. 2014. № 5. С. 24-29.

List of references

1. Arkhalovich OV Printsipy kontraktnoy sistemy v sfere zakupok // Yuridicheskaya nauka i pravoprimenitel'naya praktika [The principles of the contract system in the field of procurement // Legal science and law enforcement practice]. 2013. No. 3. P. 124-127.

2. Tasalov F.A. Printsip razvitiya konkurentsii v kontraktnykh sistemakh Rossii i SSHA: ponyatiye, znacheniye, garantii realizatsii // Zakon [The principle of development of competition in the contract systems of Russia and the USA: concept, value, guarantee of implementation // Law]. 2014. No. 5. pp. 24-29.

СЕКЦИЯ III
(МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ)

ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

УДК 37.032

Дарья Пунхановна Гасанова,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,
Институт права и национальной безопасности, магистрант 1 курса
e-mail: darya_gasanova@mail.ru

Darya Punhanovna Gasanova,
Tambov State University named after G.R. Derzhavina,
Institute of Law and National Security, 1st year undergraduate

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена характеристике юридического образования как фактора правовой социализации молодежи, прежде всего, студентов юридических вузов. Дается определение понятию правовая социализация, выделяются особенности юридического образования как основного агента правовой социализации. Рассматриваются изменения в системе российского юридического образования, произошедшие за последние 10 лет, с выделением их положительных и отрицательных последствий. Предлагаются направления совершенствования юридического образования в целях достижения успешной правовой социализации будущих юристов. Сделан вывод о том, что эффективная правовая социализация выпускников юридических вузов выступает одним из критериев качественного образования.

Ключевые слова: социализация личности, правовая социализация, агенты социализации, юридическое образование, социализация молодежи, реформа юридического образования.

LEGAL EDUCATION AS A FACTOR OF LEGAL SOCIALIZATION OF YOUTH

The article is devoted to the characterization of legal education as a factor in the legal socialization of young people, primarily students of law schools. A definition is given to the concept of legal socialization, features of legal education as the main agent of legal socialization are highlighted. The changes in the system of Russian legal education that have occurred over the past 10 years are examined, with the identification of their positive and negative consequences. The directions of improving legal education are proposed in order to achieve successful legal socialization of future lawyers. It is concluded that the effective legal socialization of graduates of law schools is one of the criteria for quality education.

Key words: personality socialization, legal socialization, socialization agents, legal education, socialization of youth, legal education reform.

Каждый человек в течение жизни осваивает различные виды социальных норм и правил, приобретает общественно полезные навыки и умения, вырабатывает свои ценностные ориентиры. Семья, образование, религия и другие социальные институты формируют в человеке социально значимые качества, которые позволяют ему успешно адаптироваться в обществе. Другими словами, живя и воспитываясь в социуме, каждый индивид на пути к становлению личностью проходит через процесс социализации.

В современном государстве, которое провозглашено демократическим и правовым, всё большее значение приобретает правовая социализация личности. Чем больше человек знает о своих правах, способах и формах их защиты, тем успешнее и эффективнее он может их

реализовать, тем активнее и устойчивее его гражданская позиция. Для современной молодежи, особенно для студентов юридических колледжей и вузов, вопрос о правовой социализации является первоочередным, определяющим их дальнейшую профессиональную деятельность. В связи с этим, на наш взгляд, одной из актуальных тем изучения института правовой социализации является рассмотрение юридического образования как фактора правовой социализации молодежи. Актуальность данной темы также обусловлена реформированием системы юридического образования в России в последние годы и влиянием этих изменений на эффективность правовой социализации будущих юристов.

Ни в юриспруденции, ни в социологии нет единого определения понятия «правовая социализация». Достаточно сложное и объемное определение данного термина предлагает А.Н. Жинко, который под правовой социализацией понимает «единство объективного и субъективного целенаправленных процессов усвоения и адаптации личности, развивающихся социальных и правовых ценностей в нормальной правовой жизни в обществе, на основе которых формируются осознанные позитивные социально-правовые и психологические установки, определяющие поведение индивида в данном социальном и правовом пространстве, которые требуют создания или активизации как благоприятных факторов и условий материальной и социальной жизни человека, так и действенной системы воспитательных усилий»[1].

По нашему мнению, под правовой социализацией можно понимать целенаправленное и последовательное усвоение индивидом правовых ценностей и норм, на основе которых у него формируется система знаний и представлений о правовой жизни общества, вырабатывается ориентир на законопослушное поведение и соотношение своих действий (бездействия) в соответствии с правовыми нормами, и которые он реализует в общественных отношениях (в том числе и в профессиональной деятельности).

Приоритет юридического образования как одного из главных каналов правовой социализации объясняется следующим:

во-первых, юридические вузы являются профессиональными учреждениями по подготовке специалистов в области права, поэтому дают наиболее качественные и полные правовые знания в соответствии с государственными образовательными стандартами;

во-вторых, в процессе получения юридического образования студенты приобретают не только теоретические знания, но и практические навыки и умения, в частности через прохождение практик и стажировок в государственных органах и коммерческих организациях, где могут получить опыт работы с юридическими документами, общения с коллегами и клиентами;

в-третьих, образовательный процесс является заранее четко спланированным и организованным, что обеспечивает его последовательность и систематичность;

наконец, юридическое образование в целом направлено не только на передачу правовых знаний и умений, но и на повышение правосознания студентов, формирование их правовой культуры и системы ценностей, выработку осознания высокой социальной ответственности перед обществом в силу значимости юридической профессии. Можно сказать, что в процессе правовой социализации формируется определенный образ мышления и стиль жизни будущего юриста.

Американский философ и педагог Дж. Дьюи, внесший большой вклад в развитие гражданского и демократического образования, утверждал, что именно образование является главным агентом социализации, целью которого является создание лучшего гражданина[2]. Перефразируя слова ученого, полагаем, что конечной целью юридического образования должно стать формирование лучшего специалиста в области права, т.е. лучшего судьи, адвоката, прокурора, государственного служащего и т.д.

---

[1] Жинко А.Н. Правовая социализация личности в контексте правового воспитания и юридического образования: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Краснодар, 2012. С. 10-11.

[2] Бессарабов Р.А. Правовая социализация и юридическое образование // Юристъ-Правоведъ. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2010. № 4. С. 100.

Важно отметить, что механизм действия правовой социализации состоит из двух взаимосвязанных элементов: с одной стороны, это передача правовых знаний и навыков, формирование юридической компетентности, с другой стороны, – изменение внутреннего отношения индивида к правовым явлениям. Процесс правовой социализации не может быть полным без корректировки оценочно-мотивировочного поведения личности. По нашему мнению, одним из важнейших результатов правовой социализации, свидетельствующих о её эффективности, является формирование осознанного позитивного отношения к праву, когда человек поступает в соответствии с законом не из-за страха наказания и не по принуждению, а из-за четкого осознания необходимости права как регулятора общественных отношений. Также и основной мотивацией студента юридического вуза должна быть не престижность и «модность» юридической профессии, а желание отстаивать принципы законности и справедливости, помогать людям в разрешении сложных жизненных ситуаций. Возникает закономерный вопрос о том, как добиться органичного сочетания этих двух составляющих механизма правовой социализации.

Система юридического образования в России претерпела заметные изменения в последние несколько лет. Начало реформе было положено в 2009 году изданием Указа Президента РФ от 26.05.2009 № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации». В данном документе отражены приоритетные направления деятельности по повышению качества юридического образования, такие как: аккредитация федеральных государственных и негосударственных образовательных учреждений, увеличение объема практической части образовательной программы, формирование у обучающихся нетерпимости к коррупционному поведению и уважительного отношения к праву и закону[1].

За прошедшие 10 лет были осуществлены значительные преобразования в данной сфере, в частности внедрена болонская система, предусматривающая двухуровневую систему обучения – бакалавриат и магистратуру; сократилось количество непрофильных ВУЗов, осуществляющих подготовку юристов; приняты новые образовательные стандарты; уменьшилось количество аудиторных занятий. Перечисленные изменения имеют как положительные, так и отрицательные последствия.

С одной стороны, переход к европейской системе обучения свидетельствует о транснациональном характере юридической профессии, позволяет студентам российских вузов продолжать обучение и в зарубежных странах по уже знакомой им рейтинговой системе. Кроме того, уменьшение количества аудиторных занятий позволяет делать обучение более гибким и интерактивным, использовать дистанционные образовательные технологии. Институт магистратуры делает обучение более специализированным и практико-ориентированным. Позитивным явлением можно назвать и сокращение непрофильных ВУЗов, которые пользуясь популярностью юриспруденции как направления подготовки среди молодежи, открывают юридические факультеты, хотя качественного образования дать не могут в силу отсутствия компетентности.

С другой стороны, сокращение продолжительности обучения с 5 до 4 лет повлекло и сокращение количества учебных дисциплин, а также семинарских занятий, которые предназначены, в первую очередь, для формирования практических навыков. Вызывает вопрос и решение о реформировании современного юридического образования именно по европейскому образцу, не заимствуя при этом лучших практик из дореволюционной и советской школ права.

Отметим, что в дореволюционной России большое значение придавали правовой культуре и нравственному облику будущих юристов. Известный русский правовед XIX века, профессор Императорского Московского университета и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета П.Г. Редкин одним из первых сформулировал задачи юридиче-

[1] Указ Президента РФ от 26.05.2009 № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации» // Российская газета 2009. № 97.

ского образования. Выступая с речью на собрании Московского университета 15 июня 1846 г., он назвал главные требования к процессу обучения студентов-юристов: «сознать своё личное призвание в современной действительности, в особенной среде своего народа и в общей жизни человечества; развить свою личную, народную и общечеловеческую сущность; приготовить всего себя на служение в жизни своему народу и всему человечеству, на исполнение в деятельности всех обязанностей собственного звания, на удовлетворение особенным современным требованиям своего народа и общим требованиям всего человечества…»[1]. Именно такого подхода в обучении, через осознание значимости и ценности юридической профессии для общества, на наш взгляд, не хватает современному юридическому образованию.

Ещё одним недостатком в двухуровневой цепочке бакалавр-магистр является возможность получения высшего образования в магистратуре лицами, не имеющими базового юридического образования. Говорить о полной правовой социализации в данном случае не представляется возможным, поскольку именно на первой ступени обучения закладываются фундаментальные правовые знания, формируется определенное мировоззрение.

По нашему мнению, для того, чтобы вуз успешно выполнял функции агента правовой социализации, необходимо стремиться к следующему:

а) обеспечить баланс между лекционными и практическими занятиями, причем семинарские занятия должны подразумевать не только проверку изучения теоретических положений той или иной учебной дисциплины, но и оттачивание практических юридических навыков;

б) учить студента не просто заучивать учебный материал и правовые нормы, а развивать у него способность аналитически мыслить, выстраивать свою правовую позицию по тому или иному вопросу;

в) активно использовать интерактивные формы обучения;

г) познакомить студента с достоверными источниками правовой информации, что очень важно в современном информационном обществе, поскольку от качества выбранных информационных ресурсов и учебных материалов, зависит и качество образования;

д) уделять больше внимания нравственному воспитанию будущих юристов, формированию у них внутреннего осознания важности и ответственности выбранной профессии;

е) прививать студентам навыки профессионального поведения и общения, в том числе с помощью такой учебной дисциплины как профессиональная этика.

Правовая социализация важная для любого современного человека, но особенно для молодых людей, которые планируют связать свою жизнь с юриспруденцией. Перед юридическими вузами сегодня стоит сложная задача – подготовить не просто компетентного специалиста в области права, а думающего, мыслящего человека, с высокой правовой культурой и сложившемся мировоззрением. Правовая социализация не ограничивается лишь знанием правовых норм и наличием юридических навыков. На наш взгляд, необходимо менять часто встречающееся сегодня «легкое» отношение к юридической профессии. Чаще всего критериями качественного юридического образования выступают востребованность выпускников на рынке труда, их мобильность и финансовая стабильность. Полагаем, что одним из критериев качественного образования выступает и эффективная правовая социализация личности.

Список литературы

1. Бессарабов Р.А. Правовая социализация и юридическое образование [Текст] / Р.А. Бессарабов // Юристъ-Правоведъ. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2010. – № 4. – С. 99-103.

2. Жинко А.Н. Правовая социализация личности в контексте правового воспитания и юридического образования [Текст]: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Жинко Андрей Николаевич. – Краснодар, 2012. – 31 с.

[1] Редкин П.Г. Какое общее образование требуется современностью от русского правоведца. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Московского университета 15 июня 1846 г. М., 1846. С. 13.

3. Редкин П.Г. Какое общее образование требуется современностью от русского правоведца. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Московского университета 15 июня 1846 г. [Текст] – М., 1846. – 190 с.

List of references

1. Bessarabov R.A. *Pravovaya sotsializatsiya i yuridicheskoye obrazovaniye [Tekst] / R.A. Bessarabov //* [Legal socialization and legal education] [Text] / R.A. Bessarabov // Yurist"-Pravoved". – Rostov-on-Don: Publishing house Rost. legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. – No. 4. – P. 99-103.

2. Zhinko A.N. *Pravovaya sotsializatsiya lichnosti v kontekste pravovogo vospitaniya i yuridicheskogo obrazovaniya [Tekst]: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.01 /* [Legal socialization of an individual in the context of legal education and legal education [Text]: abstract of thesis. ... of the candidate of legal sciences: 12.00.01] / Zhinko Andrey Nikolaevich. – Krasnodar, 2012 .– 31 p.

3. Redkin P.G. *Kakoye obshcheye obrazovaniye trebuyetsya sovremennost'yu ot russkogo pravovedtsa. Rech', proiznesennaya v torzhestvennom sobranii imperatorskogo Moskovskogo universiteta 15 iyunya 1846 g* [What general education is required by the modern Russian lawyer. Speech delivered at the ceremonial meeting of the Imperial Moscow University on June 15, 1846]. [Text] – M., 1846. – 190 p.

УДК 340.131.6

Асмик Камсаровна Егиазарян,
студент 4 курса очной формы обучения Института права и национальной безопасности
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина
E-mail: a.kamsarovna@yandex.ru

Asmik Kamsarovna Egiazaryan,
4th year full-time student at the Institute of Law and National Security
of Tambov State University named after G.R. Derzhavina

ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается понятие «социализация» и «правовая социализация». Анализируется двухзвенная структура процесса правовой социализации, состоящая из ознакомления индивида с принятыми в обществе правовыми нормами и ценностями и формирования у индивида определенного отношения к праву. Рассматривается понятие «первичная социализация». Толкуется понятие «маргинальность». Характеризуется сущность девиантного поведения. Анализируется категории положительного и отрицательного девиантного поведения. Описывается аддиктивное поведение как один из видов девиантного поведения, называются причины развития аддиктивного поведения. Рассматриваются типы аддиктивного поведения: нехимические аддикции; химические аддикции; промежуточные аддикции. Анализируется сущность маргинального поведения, особенности поведения индивида-маргинала, а также выделяется шесть типов маргиналов, а именно: этномаргиналы, экономические маргиналы, религиозные маргиналы, социальные маргиналы, политические маргиналы, биомаргиналы.

Ключевые слова: социализация, правовая социализация, девиантное поведение, маргинальность, аддиктивное поведение.

LEGAL SOCIALIZATION AND DEVIANT BEHAVIOR OF YOUTH

The article considers the concepts of “socialization” and “legal socialization”. The two-tier structure of the process of legal socialization is analyzed, which consists of familiarizing the individual with the legal norms and values accepted in society and forming an individual attitude to the law. The concept of "primary socialization" is considered. The concept of “marginality” is interpreted. The essence of deviant behavior is characterized. The categories of positive and negative deviant behavior are analyzed. Addictive behavior is described as one of the types of deviant behavior, the reasons for the development of addictive behavior are called. The types of addictive behavior are considered: non-chemical addictions; chemical addictions; intermediate addictions. The essence of marginal behavior, the characteristics of the behavior of an individual-marginal are analyzed, and six types of marginal are identified, namely: ethnomarginal, economic marginal, religious marginal, social marginal, political marginal, biomarginal.

Key words: socialization, legal socialization, deviant behavior, marginality, addictive behavior.

Окружающий нас мир динамичен, он постоянно преобразовывается и заменяет старые формы обустройства жизни на новые, более современные, эффективны и удобные. Не обходится и без значительных экономических, политических и социальных потрясений, ведь изменения затрагивают каждую сферу общества и каждого человека, живущего в обществе. Безусловно, при таком состоянии мира особую актуальность приобретает правовая социализация личности, а также проблемы, с которыми в той или иной форме неминуемо приходится сталкиваться каждому индивиду.

В первую очередь отметим, что под социализацией в широком смысле понимают процесс внедрения личности в общество, усвоение ею социальных ролей, норм, правил, ценностей и навыков, которые позволят ей функционировать как полноценному члену общества. Правовая социализация – один из элементов общего процесса социализации, в который входит процедура усвоения индивидом сущности правовых норм и принципов, а также получение им навыков регулирования собственного поведения на основе правовых установлений.

Фактически, под правовой социализацией можно понимать включение индивида в правовую культуру общества.

Исходя из обозначенного определения, можно сделать вывод о том, что процесс правовой социализации состоит из двух звеньев: первое звено – индивид знакомится с принятыми в обществе правовыми нормами и ценностями, второе звено – у индивида формируется определенное отношение к праву. Стоит заметить, что оба указанных процесса происходят одновременно, а не поэтапно.

Исходя из периодизации социализации по возрастному критерию, правовая социализация молодежи относится к «первичной социализации», которая включает в себя период формирования личности от рождения до зрелого возраста. Отметим и то, что подростковый/молодежный период характеризуется формированием системы ценностей индивида, поэтому любые изменения в сферах жизни и деятельности общества могут привести к изменениям в ценностной системе личности из-за того, что нормы правовой культуры усвоены не до конца. Особо сильное влияние оказывают социально-экономические, мировоззренческие и идеологические кризисы, которые на различных этапах истории переживает та или иная социальная группа или все общество в целом. По этому поводу М.А. Гусарова отмечала, что из-за специфического правосознания молодежи ей свойственна «социальная дезориентированность, психологическая растерянность и маргинальность»[1].

Термином «маргинальность» обозначают двоякое положение индивида между определенными социальными группами. При этом лицо как таковое не может отнести себя ни к одной из этих социальных групп и остается в «подвешенном» состоянии. Интересной является мысль Н.А. Шалагиновой, которая в своей статье указывает, что «в наиболее упрощенном виде к «отрицательным» девиациям можно отнести различные виды сформированных психозависимостей (аддиктивное поведение) и «маргинальные» формы поведения»[2].

Девиантное поведение – это отклоняющееся от общепризнанных и общепринятых норм и правил поведения, несоответствие ожиданиям общества, нарушение индивидом стереотипной социальной роли. Здесь же следует сказать о том, что девиантное поведение нельзя рассматривать исключительно в отрицательном ключе, так как существует и положительная девиация. Такой вид девиации также не соответствует общепринятым стандартам, однако обладает положительной направленностью. В качестве примера можно привести альтруизм и благотворительность. Обозначенное поведение одобряется и поддерживается обществом, несмотря на то, что оно не вписывается в установленные рамки. Заслуживает внимания точка зрения П.И. Остапенко: «позитивные девиации – ведущая сила общеисторического прогресса и развития каждого человека, что в них заключены созидательные начала науки, техники, искусства, культуры, социальной и нравственной жизни людей и их взаимоотношений. Не подлежит сомнению, что фактически без положительных проявлений девиантного поведения социальные структуры могут прийти в упадок, ведь гениальность отдельных личностей можно рассматривать как позитивную девиантность»[3].

Тем не менее, девиантное поведение чаще воспринимается в отрицательном смысле как комплекс двух основных видов девиации: аддиктивного поведения и маргинального поведения.

Под *аддиктивным поведением* понимают вид девиантного поведения, сущностью которого является фактический отказ от реальности с помощью использования искусственных средств для изменения собственного психического состояния. В большинстве случаев у лич-

[1] Гусарова М.А. Особенности правовой социализации современной российской молодежи в период аномизации // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 3. С.149.

[2] Шалагинова Н.А. Социальная маргинальность как предпосылка девиации // Философия права. 2017. № 4 (83). С.130.

[3] Остапенко П.И. Положительные девиации как элемент развития современного российского общества // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2013. № 85. С.638.

ности, характеризующейся аддиктивным поведением, проявляется сильная склонность к риску, так называемая «жажда острых ощущений». Также отметим, что такая форма девиации широко распространена среди молодежи. В качестве причин развития аддиктивного поведения исследователи называют усложнение социальной системы жизни общества, распространение «культуры потребления», индивидуально-психологические причины, социальные причины, проявляющиеся в частности в виде влияния на молодого человека со стороны семьи или отдельной группы лиц.

А.С. Павлова, Т.Д. Еремеева в своей исследовательской работе выделили основные типы аддиктивного поведения: «нехимические аддикциии (азартные игры; интернет аддикция; игровая зависимость; сексуальные расстройства; созависимость; шопоголизм; трудоголизм); химические аддикции (алкоголизм; наркомания; токсикомания; табакокурение); промежуточные аддикции (переедание; голодание)»[1].

Маргинальное поведение проявляется в результате конфликта индивида и общества, в результате чего индивид отказывается разделять общепризнанные ценности, участвовать в полезной для общества деятельности. Лицо сознательно противопоставляет себя обществу. Нередко такое поведение становится предпосылкой правонарушений, цель которых – показать пренебрежение к принципам и ценностям, установленным в обществе. Как замечает А.В. Миронов, «чувство стыда перестает выступать сдерживающим фактором деструктивных изъявлений, так как действия маргинальной личности выстраиваются вопреки общественному мнению, которое транслирует моральные ограничения, что должно подчеркнуть ситуацию тотального разрыва с сообществом. Маргинальная личность использует данный способ самовыражения в качестве идентификационного кода в противостоянии с государством, возлагая на него вину за несовершенное устройство социальной системы»[2].

В юридической и социологической литературе выделяют шесть основных типов маргиналов:

1. Этномаргиналы, чье положение возникло в результате миграции в другую страну, другие энические условия;

2. Экономические маргиналы, причиной появления которых обычно называют экономический кризис, инфляцию, сокращение рабочих мест;

3. Религиозные маргиналы – лица, стоящие вне традиционных конфессий;

4. Социальные маргиналы, которые возникают из-за незавершенности социального перемещения;

5. Политические маргиналы – лица, не соблюдающие общепринятые нормы и не разделяющие ценности политической культуры;

6. Биомаргиналы – лица, чье здоровье перестало быть предметом заботы со стороны государства.

Таким образом, под правовой социализацией следует понимать один из элементов общего процесса социализации, в который входит процедура усвоения индивидом сущности правовых норм и принципов, а также получение им навыков регулирования собственного поведения на основе правовых установлений. Девиантное поведение – это отклоняющееся от общепризнанных и общепринятых норм и правил поведение, несоответствие ожиданиям общества, нарушение индивидом стереотипной социальной роли. Девиация может быть положительной и отрицательной. В свою очередь отрицательная девиация подразделяется на аддиктивное и маргинальное поведение.

[1] Павлова А.С., Еремеева Т.Д. Аддиктивное поведение подростков // Вестник совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2018. №1 (20). С.14.

[2] Миронов А.В. Маргинальное поведение в ракурсе морально-политической конфронтации // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С.39.

Список литературы

1. Гусарова М.А. Особенности правовой социализации современной российской молодежи в период аномизации [Текст] / М.А. Гусарова // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 3. С.149-153.

2. Миронов А.В. Маргинальное поведение в ракурсе морально-политической конфронтации [Текст] / А.В. Миронов // Социум и власть. – 2018. – № 2 (70). – С.34-41.

3. Остапенко П.И. Положительные девиации как элемент развития современного российского общества [Текст] / П.И. Остапенко // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – № 85. – С.636-645.

4. Павлова А.С., Еремеева Т.Д. Аддиктивное поведение подростков [Текст] / А.С. Павлова, Т.Д. Еремеева // Вестник совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. – 2018. – №1 (20). – С. 13-15.

5. Шалагинова, Н.А. Социальная маргинальность как предпосылка девиации [Текст] / Н.А. Шалагинова // Философия права. – 2017. – № 4 (83). – С.128-132.

List of references

1. Gusarova M.A. *Osobennosti pravovoy sotsializatsii sovremennoy rossiyskoy molodezhi v period anomizatsii [Tekst] / M.A. Gusarova // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo.* [Features of legal socialization of modern Russian youth during the period of anomization] [Text] / M.A. Gusarova // Society: politics, economics, law. 2011. No. 3. S.149-153.

2. Mironov A.V. *Marginal'noye povedeniye v rakurse moral'no-politicheskoy konfrontatsii [Tekst] / A.V. Mironov // Sotsium i vlast'* [Marginal behavior from the perspective of moral and political confrontation] [Text] / A.V. Mironov // Socium and power. – 2018. – No. 2 (70). – pp. 34-41.

3. Ostapenko P.I. *Polozhitel'nyye deviatsii kak element razvitiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Tekst] / P.I. Ostapenko // Politematicheskiy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta.* – [Positive deviations as an element of the development of modern Russian society [Text] / P.I. Ostapenko // Political Mathematical Electronic Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University]. – 2013. – No. 85. – pp.636-645.

4. Pavlova A.S., Eremeeva T.D. *Addiktivnoye povedeniye podrostkov [Tekst] / A.S. Pavlova, T.D. Yeremeyeva // Vestnik soveta molodykh uchonykh i spetsialistov Chelyabinskoy oblasti*. [Addictive behavior of adolescents [Text] / A.S. Pavlova, T.D. Eremeeva // Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region]. – 2018. – No. 1 (20). – pp.13-15.

5. Shalaginova, N.A. *Sotsial'naya marginal'nost' kak predposylka deviatsii [Tekst] / N.A. Shalaginova // Filosofiya prava* [Social marginality as a prerequisite for deviation] [Text] / N.A. Shalaginova // Philosophy of Law. – 2017. – No. 4 (83). – pp.128-132.

УДК 340.0

Сюзанна Норайровна Казарян,
студентка 1 курса Института права и национальной безопасности,
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина
E-mail: sjuzannakazarjan@rambler.ru

Suzanna Norayrovna Kazaryan,
1st year student of the Institute of law and national security,
Tambov State University named after GR. Derzhavin

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА НА ОБЪЕДИНЕНИЕ

В статье анализируются особенности конституционного права на объединение по объему правомочия, субъектному составу, функциям и его реализации. Также выделяется ряд особенностей реализации права человека и гражданина на объединение – это воплощение идей, защита своих интересов, взаимодействие с государством посредством органов публичной власти, возможность влияния на будущее государства. Отмечается важность взаимодействия молодежи через общественные объединения с органами публичной власти, так как данное взаимодействие является условием развития гражданского общества. Выделяются три формы их взаимодействия: общественный контроль, решение государственных задач общими усилиями и участие общественных объединений с правотворческой инициативой.

В статье отмечается, что право на объединение особенно важно реализовать для молодежи, так как оно воспитывает личность, вырабатывает способность принимать решения, формирует опыт самореализации через социальное взаимодействие.

Ключевые слова: гражданское общество, общественные объединения, органы публичной власти, взаимодействие, общественный контроль.

FEATURES OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT OF HUMAN AND CITIZEN TO ASSOCIATION

The article analyzes the features of constitutional law on association in terms of competence, subject composition, functions and its implementation. A number of features of the realization of the human and citizen’s right to association are also highlighted: this is the embodiment of ideas, protection of one’s interests, interaction with the state through public authorities, and the possibility of influencing the future of the state. The importance of the interaction of youth through public associations with public authorities is noted, since this interaction is a condition for the development of civil society. Three forms of their interaction are distinguished: public control, the solution of state problems by joint efforts, and the participation of public associations with a law-making initiative.

The article notes that the right to association is especially important to realize for young people, as it educates the individual, develops the ability to make decisions, and forms the experience of self-realization through social interaction.

Key words: civil society, social enterprises, public authorities, interaction, public control.

Важное место в системе конституционных прав занимает право на объединение. Данное право является существенным и для российской молодежи, так как оно, стимулируя молодежь осуществлять различную деятельность, воспитывает личность в человеке, вырабатывает способность принимать ответственные решения, формирует принципиальную гражданскую позицию к преобразованиям нашего государства. Безусловно, чтобы использовать соответствующие правовые возможности, необходимо изучить право на объединение, проанализировать особенности реализации данного права.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 19.05.1995 №82-ФЗ «право граждан на объединение включает в себя право создавать на добровольной основе общественные объединения для защиты общих интересов и достижения общих целей, право вступать в существующие общественные объединения либо воздерживаться от вступления в них, а также право бес-

препятственно выходить из общественных объединений. Создание общественных объединений способствует реализации прав и законных интересов граждан».[1]

Изучая данное конституционное право, необходимо выделить его особенности по различным критериям.

Во-первых, право на объединение включает в себя *конкретные правомочия, с помощью которых появляется возможность реализации своих идей и претворения их в жизнь на благо личности, общества, государства*:

1) представлять и защищать свои права, законные интересы своих членов и участников, а также других граждан в органах государственной власти, органах местного самоуправления и общественных объединениях;

2) вступать в общественные объединения, которые уже существуют и реализовывают свою деятельность в жизни;

3) участвовать в выработке решений органов государственной власти и органов местного самоуправления;

4) проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование и др.

Во-вторых, *субъектный состав* права на объединения является широким, ведь согласно Конституции РФ данное право признается за каждым, т. е. субъектами права на объединение помимо граждан России могут выступать иностранные граждане, апатриды и бипатриды.

В-третьих, конституционное право на объединение имеет свои особенные *функции*:

1) является средством реализации интересов человека и гражданина;

2) способствует формированию таких институтов как гражданское общество, общественные объединения;

4) выступает «каналом» общения граждан и органов государственной власти, государственных органов, должностных лиц;

5) интегрирует, социализирует личность в сферу управления делами государства;

6) является механизмом самозащиты личности и др.

В-четвертых, важной особенностью права на объединение является его *реализация*. При реализации данного права образуется важнейший *институт*, элемент гражданского общества- *общественные объединения*. Именно данный институт доказывает, что реализуя конституционное право на объединение, субъектам права предоставляется, в том числе одна из основных возможностей – возможность взаимодействовать с государством посредством органов публичной власти. Данное взаимодействие является наиболее важным для молодых людей, так как судьба государства в руках молодежи. В связи с этим необходимо выделить три основные конкретные формы взаимодействия общественных объединений с органами публичной власти, то есть 3 формы реализации права при взаимодействии с государством:

Первая форма – контроль со стороны общественных объединений за деятельностью органов публичной власти. Категория «контроль» подразумевает две основные цели: выявить должностные правонарушения и помочь заметить ошибки органов власти для прогрессирования их деятельности и тем самым одновременно улучшить жизнь граждан. В научной литературе понятие «общественный контроль» стремительно употребляется в последнее время. Стоит согласиться с мнением А.А. Плотникова, что «наличие такого рода контроля со стороны общественных объединений интерпретируется как эффективная форма противодействия злоупотреблениям, возможным в деятельности государственного аппарата»[2].

Рассмотрим контроль, например, за исполнительной властью.

Во-первых, это функционирование политических партий, которые представляют интересы разных социальных групп. Выбирая Президента РФ, голосуя за определенную партию

[1] Об общественных объединениях: ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1955. № 21. Ст. 1930.

[2] Плотников А.А. Общественный контроль и его потенциал в противодействии коррупции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2013. № 2. С. 106.

на выборах законодательных органов государственной власти, избиратели опосредованно контролируют общественно-политическую нацеленность исполнительной власти.

Во-вторых, разветвленная линия развития профессиональных союзов, позволяющая отстаивать свои интересы.

В-третьих, разветвленная сеть организаций, некоммерческого характера и общественных объединений, целями которых является выявление правонарушений и достижение прозрачности в деятельности органов публичной власти (Комитет по борьбе с коррупцией, Фонд борьбы с коррупцией, Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл – Россия»).

Вторая форма – взаимодействие государственных органов и общественных объединений при реализации управленческих задач. Стоит согласиться с мнением З.М. Зотовой, которая считает, что «обеспечение взаимодействия органов власти с общественными объединениями требует определенных организационных решений»[1]. Например, в Администрации Тамбовской области существует отдел взаимодействия с общественными объединениями и реализации социально значимых проектов, который реализует государственную программу Тамбовской области «Развитие институтов гражданского общества». Одной из задач программы является создание благоприятных условий для проявления и развития инновационного потенциала, возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодых людей в интересах социально-экономического развития Тамбовской области. Безусловно, в последнее время активно прослеживается общая работа органов исполнительной власти и членов общественных объединений, например, при содействии развитию и совершенствованию системы патриотического воспитания общества в Тамбовской области.

И наконец, *третья форма* – это участие общественных объединений с правотворческой инициативой и возможность их влияния на законотворчество, например, выступление общественных объединений с правотворческой инициативой по вопросам принятия муниципальных правовых актов. Безусловно, здесь речь будет идти о наделении правотворческой инициативы общественных профессиональных объединений. Стоит отметить, что уже в некоторых субъектах Российской Федерации за общественными объединениями закреплено право законодательной инициативы на региональном уровне (Республика Алтай, Белгородская область, Самарская область, Кабардино-Балкарская Республика). Поэтому целесообразно полагать, что развитие в дальнейшем данной формы взаимодействия органов публичной власти и общественных объединений необходимо в целях повышения эффективности муниципальных правовых актов, так как общественные объединения, осуществляя свою деятельность в социально значимой сфере, хорошо осведомлены проблемами данной области, а, соответственно, смогут предложить правильные и точные правовые пути их решения.

Выделив 3 формы.

Таким образом, необходимо отметить: 1) главной особенностью реализации права на объединение является возможность взаимодействовать граждан и человека с государством с целью совместных решений социальных, политических, управленческих вопросов; 2) конституционное право на объединение очень важно для граждан и человека, но особенно важным является для такой части населения как молодежь. Ведь реализуя данное право в российском обществе молодежь сможет создать гармоничное и соответствующее социальным интересам будущее для общества, а также получить большой опыт самореализации через социальное взаимодействие.

Список литературы

1. Зотова, З.М. Власть и общество: проблемы взаимодействия [Текст]: учебник / З.М. Зотова. – М., 2001. – 346 с.

[1] Зотова З.М. Власть и общество: проблемы взаимодействия. М., 2001. С. 212.

2. Плотников А.А. Общественный контроль и его потенциал в противодействии коррупции [Текст] // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2013. – № 2. – С. 105-110.

List of references

1. Zotova, Z.M. Vlast' *i obshchestvo: problemy vzaimodeystviya [Tekst]: uchebnik / Z.M. Zotova* [Power and society: problems of interaction [Text]: textbook] / Z.M. Zotova. – M .: 2001. – 346 p.

2. Plotnikov A.A. *Obshchestvennyy kontrol' i yego potentsial v protivodeystvii korruptsii [Tekst] // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.* [Public control and its potential in combating corruption [Text] // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University]. – 2013. – No. 2. – pp. 105-110.

УДК 340

Мария Олеговна Бренёва,
студент 3 курса Института права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
E-mail: maria.brenewa@yandex.ru

Maria Olegovna Breneva,
student 3 Course
The institute of law and national security
Tambov State University named G.R. Derzhavin

НИЗКИЙ УРОВЕНЬ ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН ПРОЯВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

В данной статье рассматривается проблема низкого уровня правовой социализации молодежи, который можно считать одной из причин проявления экстремизма среди данной социальной группы. Автор формулирует понятие социализации, а также одной из ее разновидностей – социализации в сфере права. Помимо этого, в данной статье предлагается рассмотреть уровни правовой социализации, раскрыть сущность и роль каждого из них. Основной уклон в представленной теме исследования будет сделан на низкий уровень правовой социализации, поскольку именно этот недостающий уровень правосознания и правопонимания порождает среди молодежи экстремистские настроения. В заключении предлагаются меры по профилактике молодежного экстремизма, осуществляющиеся за счет мероприятий, проводимых с целью повышения и поддержания достойного уровня правовой социализации.

Ключевые слова: правовая социализация, уровни правовой социализации, правосознание, молодежный экстремизм.

LOW LEVEL OF LEGAL SOCIALIZATION AS ONE OF THE CAUSES OF YOUTH EXTREMISM

The article deals with the problem of the low level of legal socialization of young people, which can be considered one of the reasons for the manifestation of extremism among this social group. The author formulates the concept of socialization, as well as one of its varieties – socialization in the field of law. In addition, this article proposes to consider the levels of socialization in this area, to reveal the legal essence and role of each of them. The main bias in the presented research topic will be made on the low level of legal socialization, since it is this missing level of legal awareness and legal understanding among young people that generates extremist sentiments among this group of people. In conclusion, measures are proposed to prevent youth extremism, carried out through activities carried out to improve and maintain a decent level of legal socialization.

Key words: legal socialization, levels of legal socialization, legal awareness, youth extremism.

Понятие социализации принято рассматривать как многоплановый процесс, представляющий собой интеграцию индивида в социальную среду посредством усвоения присущей ей социальных норм, а также ценностей и общепринятых правил.

Многоплановость социализации означает овладение личностью норм, присущей той или иной сфере общественных отношений. Одной из важных составляющих социализации можно безошибочно считать правовую социализацию, от уровня которой зависит степень правосознания подрастающего поколения.

Актуальность исследования данной проблемы не может вызывать сомнений, поскольку в настоящее время происходит масштабное «вымывание» духовных и моральных ценностей общества, а бурно развивающийся процесс технизации и гомутеризации личности приводит к увеличению разрыва между поколениями.

Как уже было отмечено, существует несколько уровней правовой социализации.

Её высший уровень представляет собой привычное правоисполнительное поведение личности, а также устойчивое соблюдение правовых норм, осуществляемых лицом по причине нравственной потребности совершать только правомерные действия.

Средний уровень правовой социализации можно охарактеризовать как полное владение личностью правовыми нормами, умение грамотно и своевременно воспользоваться ими. При этом соблюдение правовых норм рассматривается не как устойчивая нравственная особенность личности, а как действия данного лица, осуществляемые из-за страха наказания либо по причине чувства солидарности с правом.

Уделяя особое внимание низкому уровню правовой социализации, хотелось бы отметить, что сущность данного уровня можно определить как нежелание личности повышать свой уровень правопонимания, а также как отсутствие у лица интереса действовать в рамках и во имя закона. Данный уровень правосознания отличается неким импульсом, который несет в себе негативный заряд в общество.

По нашему мнению, низкий уровень правовой социализации порождает деформацию правовой культуры, что в свою очередь способствует искаженному складыванию знаний, неспособных раскрыть всю полноту реальной правовой действительности. В итоге это негативно отражается в современных политико-правых процессах, отрицании права как социального блага и эффективного регулятора общественных отношений[1]. Такие неблагоприятные условия являются предпосылкой преступного поведения молодежи, которое довольно часто находит свое отражение в преступности экстремистской направленности, содержащее в себе особую социальную опасность.

Недостаточные действия со стороны социальных институтов, которые принимают непосредственное участие в правовой социализации личности, а также нежелание самого индивида повышать свое правосознание, порождает в данной демографической группе отсутствие стойкого морально-нравственного иммунитета и твердой гражданской позиции[2]. В итоге происходит утрата традиционных нравственных и моральных установок, развивается интолерантность к социуму, имеет место неадекватное восприятие мер воспитания[3], что существенным образом сказывается и на формировании ценностных ориентиров для молодых людей.

Говоря о молодежи как об особой социальной группе, отметим, что в силу незавершенного процесса психического развития, данная категория общества не осознает факта, что нежелание повышать уровень своего правосознания влечет за собой утрату основных жизненных ориентиров, необходимых для становления внутреннего стержня, совершенствования своего внутреннего мира. Молодые люди, нежелающие предпринять никаких попыток для повышения уровня правовой социализации, в итоге получают серьезные деформации правосознания и вполне легко подвергаются вовлечению в экстремистские группировки.

В целях подтверждения представленных суждений, нами был проведен социологический опрос среди респондентов с возрастной категорией от 16 до 27 лет, которым был задан следующий вопрос: «Является ли низкий уровень правовой социализации причиной проявления молодежного экстремизма? Результаты опроса были следующими: большинство респондентов абсолютно согласны с данным утверждением – 49%(44 человека), 31%(28 человек) ответили «Скорее да, чем нет». Вариант «Скорее нет, чем да» выбрали 14% опрошенных (13 человек). Оставшаяся масса респондентов не согласна с данным утверждением – 6% (5 человек).

В качестве мер по повышению уровня правовой социализации, рассматриваемых в качестве первоочередных, можно считать:

– разработку и внедрение программы правовой социализации населения с учетом масштабов молодёжной аудитории;

---

[1] Карнаушенко Л.В. Деформация правосознания российской молодежи: социокультурные и социально-психологические факторы // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 4. С. 16.

[2] Левикова С.И. Молодежный экстремизм как характерная черта неблагополучных общественных систем // Российская молодежь: проблемы и решения. Центр социального прогнозирования Москва. 2005. С. 440.

[3] Фридинский С.Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 6. С. 72.

– регулярное повышение уровня правовой информированности;

– создание комплекса действий, предназначенного для преодоления такой деформации правосознания, как правовой нигилизм;

– законодательное обеспечение деятельности всех субъектов правового воспитания молодежи, усилия которых должны быть нацелены на грамотную и своевременную профилактику по противодействию экстремизму в данной среде.

По нашему мнению, системное и регулируемое законодательством проведение данных мероприятий будет оказывать благоприятное воздействие формирование высоконравственной, убежденной личности, присущей активная жизненная позиция, а также сформирует у молодых людей устойчивое негативное отношение к такому пагубному социальному явлению как экстремизм.

Список литературы

1. Бачинин, В.А. Энциклопедия философии и социологии права. – СПБ.: Издво Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.1093с.

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Наука, 1994. 323с.

3. Карнаушенко Л.В. Деформация правосознания российской молодежи: социокультурные и социальнопсихологические факторы // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 4. С. 16.

4. Кочергин Р.О. Некоторые аспекты криминологического обоснования существования молодежного экстремизма, основанного на национальном или религиозном признаках: Criminological foundation of young people extremizm based onnational and religious notes // Человек. 2008 № 1 С. 117-120.

5. Левикова С.И. Молодежный экстремизм как характерная черта неблагополучных общественных систем // Российская молодежь: проблемы и решения. Центр социального прогнозирования Москва. 2005. С. 440.

6. Стариков Н.В., Мамина И.В. Молодежный экстремизм и ксенофобия: проблемы распространения и пути противодействия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2008 № 5 С. 202-206.

7. Фридинский С.Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности // Юристъ-Правоведъ. 2008 № 6 С. 72-74.

List of references

1. Bachinin, V.A. *Entsiklopediya filosofii i sotsiologii prava. – SPB.: Izdvo R.Aslanova «Yuridicheskiy tsentr Press»* [Encyclopedia of Philosophy and Sociology of Law. – SPB .: Publishing house of R. Aslanov “Legal Center Press]”, 2006.1093p.

2. Berger P., Luckman T. *Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti. M.: Nauka* [Social construction of reality. M.: Nauka, 1994.332 s.

3. Karnaushenko L.V. *Deformatsiya pravosoznaniya rossiyskoy molodezhi: sotsiokul'turnyye i sotsial'nopsikhologicheskiye faktory // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii.* [Deformation of the legal consciousness of Russian youth: sociocultural and socio-psychological factors // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2014. No. 4. P. 16.

4. Kochergin R.O. *Nekotoryye aspekty kriminologicheskogo obosnovaniya sushchestvovaniya molodezhnogo ekstremizma, osnovannogo na natsional'nom ili religioznom priznakakh: Criminological foundation of young people extremizm based onnational and religious notes // Chelovek.* [Some aspects of the criminological substantiation of the existence of youth extremism based on national or religious signs: Criminological foundation of young people extremizm based onnational and religious notes] // Man. 2008 No. 1 pp. 117-120.

5. Levikova S.I. *Molodezhnyy ekstremizm kak kharakternaya cherta neblagopoluchnykh obshchestvennykh sistem // Rossiyskaya molodezh': problemy i resheniya. Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya Moskva.* [Youth extremism as a characteristic feature of dysfunctional social systems // Russian youth: problems and solutions. Center for Social Forecasting Moscow]. 2005.p. 440.

6. Starikov N.V., Mamina I.V. *Molodezhnyy ekstremizm i ksenofobiya: problemy rasprostraneniya i puti protivodeystviya // Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Youth extremism and xenophobia: problems of distribution and ways of counteraction // Scientific reports of Belgorod State University]. 2008 No. 5 pp. 202-206.

7. Fridinsky S.N. Molodezhnyy ekstremizm kak osobo opasnaya forma proyavleniya ekstremistskoy deyatel'nosti // Yurist"-Pravoved". [Youth extremism as a particularly dangerous form of manifestation of extremist activity // Lawyer-Jurisprudence]. 2008 No. 6 pp. 72-74.

УДК 342.745

Мария Сергеевна Муминова,
студентка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
E-mail: mms27598@mail.ru

Maria Sergeevna Muminova,
student of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Tambov State University named after G.R. Derzhavin»

ПРОБЛЕМА ПРАВОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ В ВОПРОСЕ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ, ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

В данной статье рассматривается понятие и значение части 3 статьи 44 Конституции Российской Федерации. Автором анализируются нормативно-правовые акты, регулирующие обязанность заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, а также беречь памятники истории и культуры. Проводится исследование способов защиты и сохранения памятников истории и культуры в зависимости от того, имеют ли они материальное выражение, или нет. Рассматриваются трудности сохранения, преумножения и передачи исторического и культурного наследия, которое не имеет физической формы. Автором также исследуется влияние уровня правосознания на исполнение данной конституционной обязанности на примере социальной группы «молодежь». Приводятся причины снижения интеллектуального и культурного уровня общества, деформации исторической памяти и разрыва социальных связей.

Ключевые слова: правосознание, историческое и культурное наследие, молодежь, сохранение памятников истории и культуры, правовое воспитание молодежи.

THE PROBLEM OF LEGAL AWARENESS OF YOUNG PEOPLE IN CONSERVATION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE AND HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS

This article examined the concept and meaning of part 3 article 44 of the Constitution of the Russian Federation. The author analyzes the legal acts regulating the obligation to take care of preserving the historical and cultural heritage, as well as preserving historical and cultural monuments. Explores the ways to protect and preserve historical and cultural monuments, depending on whether they have a material expression or not. The difficulties of preserving, multiplying and transmitting historical and cultural heritage that does not have a physical form are considered. The author also investigates the influence of the level of legal awareness on the fulfillment of this constitutional obligation using the example of the young people social group, givesthe reasons for the decline in the intellectual and cultural level of society, the deformation of historical memory and the breakdown of social ties.

Key words: legal awareness, historical and cultural heritage, young people, conservation of historical and cultural monuments, legal education of young people.

Конституция Российской Федерации в части 3 статьи 44 закрепляет обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, а также беречь памятники истории и культуры. Это положение получает свое развитие и в Федеральном законе от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Согласно данному нормативно-правовому акту, объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия. Кроме того, гарантируется сохранность объектов культурного наследия в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации[1]. Задачей жегосударства является

[1] Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» Федеральный закон от 25 июня 2002 г.№ 73-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 2002 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 14 июня 2002 г. // Парла-

необходимость обеспечить выявление, охрану, сохранение, популяризацию и передачу будущим поколениям археологического наследия, элементами которого считаются все останки и предметы, а также любые другие следы человеческой деятельности прошлых эпох[1].

Говоря о памятниках истории и культурыподразумеваются, как правило, те объекты, которые имеют материальное выражение. То есть это объекты недвижимого имущества и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры[2].

Физическая форма существования предполагает более легкий способ защиты и сохранения объектов культурного наследия, поскольку законодатель может установить конкретные правила по их охране.К примеру, органы государственной власти наделены полномочиями ограничивать пользование объектами культурного наследия в целях их сохранения, осуществлять государственную охрану и надзор в данной области, организовывать историко-культурные заповедники, осуществлять реставрацию памятников культуры и т.д.

За причинение вреда объекту культурного наследия предусмотрена уголовная, административная и иная юридическая ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также обязанность возместить стоимость восстановительных работ и мероприятий, необходимых для сохранения такого объекта.

Однако существует проблема сохранения исторического и культурного наследия. В отличие от памятников истории и культуры, оно не всегда может иметь материальное выражение. Как правило, это история государства и отдельных его областей, многовековые традиции, культура многочисленных народов России. Низкий уровень правосознания, отсутствие интереса к своей истории могут привести к потере значительной части нашего исторического и культурного наследия, что в свою очередь, согласно Основам государственной культурной политики, послужит причиной снижения интеллектуального и культурного уровня общества, девальвации общепризнанных ценностей, роста агрессии и нетерпимости, деформации исторической памяти и разрыва социальных связей[3].

Отсутствие материального выражения исторического и культурного наследия представляет собой значительную проблему в вопросах его сохранения и передачи будущим поколениям. В данном случае проследить за исполнением конституционной обязанности становится крайне сложно, поскольку оно зависит в большей степени от уровня правосознания конкретного человека, чем от охранительной деятельности государства, направленной на защиту материальных объектов исторического наследия.

В невозможности достижения прямой корреляции между нормой права и правосознанием человека состоит одна из главных проблем современной правовой культуры, и в отношении сохранения культурного и исторического наследия в частности.

мент. газ. – 2002. – 29 июня ; Рос. газ. – 2002. – 29 июня ; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 26. – С. 2519.

[1] Зражевская Т.Д. Правовые механизмы реализации конституционной обязанности заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (археологический аспект). Воронеж, 2019. С. 19-23.

[2] Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 2002 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 14 июня 2002 г. // Парламент. газ. – 2002. – 29 июня ; Рос. газ. – 2002. – 29 июня ; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 26. – С. 2519.

[3]Основы государственной культурной политики :утв. Указом Президента РФ от 24 дек. 2014 г. № 808 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 52, ч. 1, ст. 7753.

Поскольку молодежь обладает для государства наибольшим потенциалом, то имеет смысл, прежде всего, воздействовать на уровень правосознания именно этой группы населения. В связи с этим государственная политика предусматривает различные способы привлечения молодого населения страны к проблемам сохранения исторического и культурного наследия, памятников истории и культуры. Так, например, в учебных заведениях вводятся обязательные часы, отведенные под такие предметы, как всеобщая и отечественная история и краеведение,культурология, основы религиозных культур и светской этики, правоведение.

Тем не менее, принимаемые меры не представляются достаточными и требуют существенного расширения и доработки. Поэтому важно выработать такую государственную политику, которая сможет должным образом воздействовать на правосознание современного поколения, причем не только посредством отрицательного стимулирования – наказания, но и путем повышения уровня правосознания.

Список литературы

1. Зражевская, Т.Д. Правовые механизмы реализации конституционной обязанности заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (археологический аспект) / Т.Д. Зражевская // Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – 2019. – Воронеж. – С. 19-23.

List of references

1. Zrazhevskaya, T.D. *Pravovyye mekhanizmy realizatsii konstitutsionnoy obyazannosti zabotit'sya o sokhranenii istoricheskogo i kul'turnogo naslediya, berech' pamyatniki istorii i kul'tury (arkheologicheskiy aspekt) / T.D. Zrazhevskaya // Materialy mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* [Legal mechanisms for the implementation of the constitutional obligation to care for the preservation of historical and cultural heritage, to preserve historical and cultural monuments (archaeological aspect) / T.D. Zrazhevskaya // Materials of the interregional scientific-practical conference]. – 2019. – Voronezh. – pp. 19-23.

УДК 342.722.1

Вероника Сергеевна Стерликова,
студент 4 курса очной формы обучения Института права и национальной безопасности
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина,
E-mail: Sterlikova-98@mail.ru

Veronika Sergeevna Sterlikova,
4th year full-time student of the Institute of law and national security
of Tambov state University named after G. R. Derzhavin

ОСОБЕННОСТИ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 19 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается понятие «равенство» и «правовое равенство». Характеризуется принцип равенства всех перед законом и судом, уточняется соотношение обозначенного принципа и правовых иммунитетов отдельных категорий лиц. Рассматривается запрет дискриминации. Особенное внимание уделяется дискриминации по возрасту. Анализируется существующее положении лиц предпенсионного возраста, а также меры, введенные государством для устранения такой дискриминации. Рассматривается дискриминация поналичию инвалидности, в которой выделяется два аспекта. Анализируется позиция Российской Федерации и Европейского суда по правам человека в отношении дискриминации по признаку сексуальной ориентации. Приводится позиция Европейского суда по правам человека. Анализируется принцип равенства мужчины и женщины, рассматриваются три точки зрения по данному вопросу: наличие фактического равенства между мужчиной и женщиной, дискриминация женщин, дискриминация мужчин.

Ключевые слова: принцип равенства, дискриминация, правовой иммунитет, равенство мужчин и женщин, равенство перед законом, равенство перед судом.

FEATURES OF THE PRINCIPLE OF EQUALITY UNDER ARTICLE 19 OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article considers the concepts of “equality” and “legal equality”. The principle of the equality of all before the law and the court is characterized, the ratio of the indicated principle and the legal immunities of certain categories of persons is specified. The prohibition of discrimination is being considered. Particular attention is paid to age discrimination. It analyzes the current situation of persons of pre-retirement age, as well as measures introduced by the state to eliminate such discrimination. Disability discrimination is examined, which highlights two aspects. It analyzes the position of the Russian Federation and the European Court of Human Rights regarding discrimination based on sexual orientation. The position of the European Court of Human Rights is given. The principle of equality between men and women is analyzed, three points of view on this issue are considered: the existence of actual equality between a man and a woman, discrimination against women, discrimination against men.

Keywords: principle of equality, discrimination, legal immunity, equality of men and women, equality before the law, equality before the court.

Что следует понимать под равенством? Большинство исследователей полагает, что в юридическом смысле равенство представляет собой определенное положение людей в обществе, при котором каждый из них обладает одинаковыми правами в политической, социальной, экономической и иных сферах. Как утверждал В.С. Нерсесянц, «равенство – это процедура условного снятия различий (их принципиального игнорирования, редукции) и условного отождествления»[1].

В современном понимании принцип равенства можно характеризовать именно как правовое равенство, а не фактическое. Достижение фактического равенства невозможно, так как оно исходит из разницы правовых статусов индивидов. В этом ключе считаем необходимым

[1] Нерсесянц В.С. К праву. О происхождении равенства (из неопубликованного) // История государства и права. 2009. № 17. С. 3.

согласиться с дефиницией понятия «правовое равенство», которое было выведено В.С. Нерсесянцем: «Правовое равенство представляет собой определенную абстракцию, то есть является результатом сознательного (мыслительного) абстрагирования от фактических различий, которые присущи уравниваемым субъектам правовой формы общения»[1].

Действующая статья 19 Конституции РФ состоит из трех частей, в каждой из которых провозглашается принцип равенства в различных интерпретациях. Проанализируем каждую из частей.

*I. Все равны перед законом и судом.*Равенство перед законом заключается в том, что положения закона распространяются на всех членов общества, вне зависимости от их правового статуса. Равенство перед судом заключается в праве каждого обратиться в суд за судебной защитой.

Стоит заметить, что в юридической науке исследователи до сих пор не смогли прийти к единому мнению о том, каким образом следует расценивать существование правовых иммунитетов и соотносить с принципом равенства перед законом и судом. Так, ряд исследователей, среди которых, например, Ю.И. Стецовский, полагают, что наличие в российском праве правовых иммунитетов, относящихся к отдельным лицам, занимающим конкретные должности, противоречит самой сущности принципа равенства всех перед законом и судом.

Представители иной точки зрения убеждены, что правовые иммунитеты никаким образом не противоречат принципу равенства перед законом и судом. Они обосновывают свое мнение необходимостью существование таких иммунитетов для защиты иных социально-значимых целей.

Полагаем, что обе точки зрения достаточно обоснованы и имеют право на существование. Конечно, нет ничего удивительного в том, что из какого-либо общего правила есть исключения, однако по нашему мнению, принцип равенства перед законом и судом не может являться таким правилом. Мы убеждены, что данный принцип является абсолютным, что подтверждается его расположением во второй главе Конституции РФ. Полагаем, что закон должен быть един для всех, вне зависимости от правового статуса личности или иных факторов.

II. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности[2].

Часть 2 ст. 19 Конституции РФ запрещает любую форму дискриминации. Стоит обратить внимание на тот факт, что список оснований дискриминации в статье не является исчерпывающим, то есть законодатель заранее продумал возможность изменения правовых отношений и возникновение новых форм дискриминации.

Полагаем, что особое внимание следует уделить «другим обстоятельствам» дискриминации. В юридической литературе к ним относится дискриминация по признаку возраста, наличия инвалидности, сексуальной ориентации. От дискриминации по признаку возраста в частности в большей степени страдают пожилые люди. В настоящее время очевидной становится социально-правовая незащищенность лиц предпенсионного возраста, вынужденных искать работу. Проблема заключается и в том, что они во многих случаях не востребованы на рынке труда.

Безусловно, законодатель предпринял некоторые меры, чтобы смягчить нежелательные последствия проведенной реформы. Например, в УК РФ введена ст. 144.1, которая предполагает уголовную ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необосно-

[1] Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 4.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. №31. Ст. 4398.

ванное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста. Несмотря на предпринятые меры, вряд ли можно говорить о победе над дискриминацией по возрасту, так как обозначенные меры носят обрывочный, некомплексный характер.

Дискриминация по признаку наличия инвалидности также является в настоящее время значительной проблемой. В данном случае считаем необходимым указать позицию Европейского суда по правам человека, который рассматривает «дискриминацию по признаку наличия инвалидности рассматривается в двух аспектах: во-первых, с точки зрения допустимости ограничения прав и свобод исключительно на основании инвалидности, и во-вторых, с точки зрения отказа в предоставлении заявителю необходимой поддержки («разумного приспособления») в реализации своих прав и свобод»[1].

Дискриминация по признаку сексуальной ориентации в современной России освещается в меньшей степени. Значительную роль в признании запрета дискриминации по признаку сексуальной ориентации сыграл Европейский суд по правам человека. Отметим, что известны случаи, когда Россия и Европейский суд по правам человека расходились во мнениях по данному вопросу. Примером может послужить дело «Алексеев против России», в котором «Суд отверг утверждение властей о необходимости ограничения права заявителя на свободу собраний в связи с неприязненным отношением к сексуальным меньшинствам со стороны религиозных групп, возражавших против проведения заявителем шествий в защиту прав сексуальных меньшинств в Москве»[2].

III. Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации. В отношении дискриминации по половому признаку существует множество точек зрения: есть исследователи, отрицающие ее существование; есть исследователи, которые полагают, что ущемляются права женщин; есть исследователи, считающие, что существует ряд прав, в которых ущемляются интересы мужчин.

Ученые, отрицающие существование дискриминации по половому признаку, ссылаются на закрепленный в Конституции РФ принцип равенства мужчины и женщины, а также на международные договоры, пакты и конвенции, также провозглашающие равенство мужчины и женщины в правах и свободах, а также в их реализации.

Многие исследователи склоняются к тому, что женщина находится в более ущемленном положении. Примером в данном случае могут послужить многочисленные случаи домашнего насилия в отношении женщин, которое могут рассматриваться в качестве дискриминации по половому признаку. К сожалению, в России не только не сделано никаких попыток, чтобы пресечь такую форму дискриминации, но и совершен ряд действий, которые облегчили ответственность лиц, совершающих домашнее насилие. Речь идет о декриминализации домашнего насилия, осуществленной в 2016-2017 гг, в результате которой побои такого типа были переведены из категории уголовных преступлений в категорию административных проступков. По данным Федеральной службы государственной статистики за 2017 год от насильственных действий, совершенных в отношении члена семьи, пострадали 25,7 тысяч женщин и 10,4 тысяч мужчин[3].

Дискриминация также проявляется и в оплате труда мужчин и женщин. Например, среди руководителей, имеющих высшее образование, в 2017 году мужчина получал среднюю зарплату в размере 93 086 руб., тогда как женщина, занимающая такую же должность и имеющая такой же уровень образования, – всего 65 285 руб.[4].

Существует и иное мнение по поводу половой дискриминации. Например, Д.Т. Караманукян полагает, что в некоторых вопросах права мужчин ущемляются. Так, автор ссылает-

[1] Бартенев Д.Г. Запрет дискриминации: практический обзор подходов Европейского суда по правам человека // Международное правосудие. 2019. № 1. С. 43-66.

[2] Там же. С. 58.

[3] Женщины и мужчины России: Статистический сборник. М. : Росстат, 2018. С. 241.

[4] Там же. С. 146.

ся на УК РФ, который «закрепляет положение, согласно которому беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, обязательные работы не назначаются… Однако ситуация, когда отец-одиночка имеет ребенка в возрасте до трех лет, не охватывается диспозицией данной статьи, что, по сути, выступает проявлением той самой дискриминации»[1].

Таким образом, подводя итоги, следует сказать, что ст. 19 Конституции РФ утверждает принцип равенства, который включает три составляющие: равенство перед законом и судом; запрет дискриминации; равенство мужчины и женщины. Несмотря на то, что данные положения закреплены как в основном законе страны, так и конкретизированы в законодательстве, до сих пор существует ряд проблем в реализации принципа равенства. Меры по борьбе с дискриминацией во многих случаях не имеют никакого практического применения, а ряд отдельных мер наоборот усиливает дискриминацию, в результате чего в настоящее время нельзя, на наш взгляд, утверждать, что принцип равенства реализуется в полном его объеме.

Список литературы

1. Бартенев, Д.Г. Запрет дискриминации: практический обзор подходов Европейского суда по правам человека [Текст] / Д.Г. Бартенев // Международное правосудие. – 2019. – № 1. – С. 43-66.

2. Бугакова, Н. С., Воронина, И. В., Максимова, М. В. Женщины и мужчины России: Статистический сборник [Текст] / Н. С. Бугакова, И. В. Воронина, М. В. Максимова. – М.: Росстат, 2018. – 208 с.

3. Караманукян Д. Т. Законодательные предпосылки гендерной дискриминации в Российской Федерации [Текст] / Д.Т. Караманукян // Вестник Омской юридической академии. – 2019. – № 1. – С. 6-12.

4. Нерсесянц В. С. К праву. О происхождении равенства (из неопубликованного) [Текст] / В.С. Нерсесянц // История государства и права. – 2009. – № 17. – С. 2-7.

5. Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция [Текст] / В.С. Нерсесянц // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3-15.

List of references

1. Bartenev, D.G. *Zapret diskriminatsii: prakticheskiy obzor podkhodov Yevropeyskogo suda po pravam cheloveka [Tekst] / D.G. Bartenev // Mezhdunarodnoye pravosudiye.* [Prohibition of discrimination: a practical review of the approaches of the European Court of Human Rights] [Text] / D.G. Bartenev // International justice. – 2019 .– No. 1. – P. 43-66.

2. Bugakova, N. S., Voronin, I. V., Maksimova, M. V. *Zhenshchiny i muzhchiny Rossii: Ctatisticheskiy sbornik* [Women and men of Russia: Statistical collection] [Text] / N. S. Bugakova, I. V. Voronin, M. V. Maksimova . – M .: Rosstat, 2018 .– 208 p.

3. Karamanukyan D. T. *Zakonodatel'nyye predposylki gendernoy diskriminatsii v Rossiyskoy Federatsii [Tekst] / D.T. Karamanukyan // Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii* [Legislative background of gender discrimination in the Russian Federation] [Text] / D.T. Karamanukyan // Bulletin of the Omsk Law Academy. – 2019.- No. 1. – pp. 6-12.

4. Nersesyants V. S. *K pravu. O proiskhozhdenii ravenstva (iz neopublikovannogo) [Tekst] / V.S. Nersesyants // Istoriya gosudarstva i prava.* [To the law. On the origin of equality (from unpublished) [Text] / V.S. Nersesyants // History of state and law]. – 2009. – No. 17. – pp. 2-7.

5. Nersesyants V. S. *Filosofiya prava: libertarno-yuridicheskaya kontseptsiya [Tekst] / V.S. Nersesyants // Voprosy filosofii* [Philosophy of Law: Libertarian-Legal Concept [Text] / V.S. Nersesyants // Questions of philosophy]. – 2002. – No. pp. – pp. 3-15.

[1] Караманукян Д.Т. Законодательные предпосылки гендерной дискриминации в Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. 2019. № 1. С. 6-12.

УДК 340

Софья Васильевна Хованова,
студентка 4-го курса, Институт права и национальной безопасности,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
E-mail: khovanova_sofa@mail.ru

Sofya Vasilievna Khovanova,
4rd year student, Institute of law and national security,
Tambov state University named after G. R. Derzhavin

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ МОЛОДЁЖИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

В настоящее время одной из важных проблем в российском современном обществе является низкий уровень правовой культуры граждан.Данная проблема актуальна, ведь Российская Федерация – правовое государство, и соответственно само общество является правовым. Высокий уровень правовой культуры – главный показатель развития государства и общества. В данной научной статье производиться анализ такого негативного явления как правовой нигилизм, который наиболее ярко проявляется среди молодежи. Рассматриваются формы проявления правового нигилизма молодежи, его характерные черты, а также причины, по которым в нашей стране формируется данное явление. Автором предлагаются возможные пути борьбы с таким фактором как правовой нигилизм молодежи в Российской Федерации, который негативно влияет на общество и государство в целом.

Ключевые слова: право, правовой нигилизм, молодежь, правовая культура, правовое образование.

LEGAL NIHILISM OF YOUTH AS A SOCIAL PROBLEM OF THE RUSSIAN STATE

Currently, one of the important problems in the Russian modern society is the low level of legal culture of citizens. This problem is relevant, because the Russian Federation is a legal state, and accordingly the society itself is legal. A high level of legal culture is the main indicator of the development of the state and society. This scientific article analyzes such a negative phenomenon as legal nihilism, which is most pronounced among young people. The forms of manifestation of legal nihilism of youth, its characteristic features, as well as the reasons why this phenomenon is formed in our country are considered. The author suggests possible ways to combat such a factor as the legal nihilism of young people in the Russian Federation, which has a negative impact on society and the state as a whole.

Key words: law, legal nihilism, youth, legal culture, legal education.

Согласно Конституции РФ – Российская Федерация является демократическим, а также правовым государством (ст. 1)[1]. Это означает, что одними из главных категорий в нашей стране являются право и закон, уважение прав и свобод человека и гражданина, а также их защита, обеспечивающаяся государством. Законодательство и законность являются центральным местом.

Однако, существует явление, которое подрывает, а также затрудняет работоспособность законов в нашей стране – это правовой нигилизм, который особо активно проявляется в такой социальной группе как молодежь.

Правовой нигилизм молодежи на современном этапе вызывает серьёзные опасения среди многих исследователей. Так, к числу современных угроз безопасности страны помимо националистического настроения, ксенофобии,сепаратизма, экстремизма и т.д. относят и правовой нигилизм молодежи.

Социальная опасность правового нигилизма молодежи заключается в том, что та часть населения, которая нарушает правовые запреты и предписания, а также ведет нигилистический образ жизни, побуждает других к аналогичному поведению.

[1] Конституция Российской Федерации: офиц.текст // Российская газета. – 1993. – № 237.

Выделяется ряд форм проявления правового нигилизма молодежи:

1. Осознанное, умышленное нарушение законодательства РФ (преступление), а также массовое неисполнение правовых норм;

2. Пропаганда в обществе псевдоправовой литературы и отрицательно настроенных идей: возникновение теорий и идей, оправдывающих противоправное поведение человека, которое запрещено законодательством РФ;

3. Конфликт между законодательством федерального уровня и законодательством субъектов – «противостояние законов»;

4. Снижение авторитета правоохранительных и судебных органов у молодежи, неуважительное отношение к ним.

Стоит отметить, что, как правило, стереотипы молодого человека сильнее, чем чувство долга и гражданской ответственности. Таким образом, складывается некий приоритет ценностей, который молодые люди ставят выше, чем закон.

Для правового нигилизма молодежи характерны следующие отличительные черты:

Во-первых, он носит демонстративный, неконтролируемый и агрессивный характер.

Во-вторых, правовой нигилизм молодежи – это массовое и широко распространенной явление.

В-третьих, проявление в самых разных формах. Он может быть как криминальным, так и легитимным, проявляется как «наверху», так и «внизу» общества, как в профессиональных слоях, так и на бытовом уровне.

К причинам формирования правового нигилизма среди молодежи также стоит отнести: ограниченный уровень правового обучения в образовательных организациях, кризис института семьи (рост количества разводов, падение нравственных ценностей и др.), неблагоприятное влияние информационных ресурсов на еще не сложившееся сознание детей и подростков (большое количество программ, ток-шоу, а также художественных кинокартин, которые имеют криминальный подтекст).

Также характерной чертой правового нигилизма среди молодежи является пассивная позиция в решении политических вопросов, а именно – голосования на выборах. К сожалению, большая часть молодых людей в настоящее время не только не голосует, но и вообще не интересуется политической жизнью страны.

Больше всего ситуацию усугубляет отсутствие необходимой и должной защиты законопослушных граждан со стороны государства. Таким образом, молодой гражданин часто остается один на один с проблемами собственной безопасности. Одним из негативных факторов, который влияет на рост правового нигилизма среди молодежи, стоит назвать нестабильность судебной практики в нашей стране. В результате чего у молодого поколения может сформироваться ангажированное, т.е. предвзятое отношение к судам, а также ко всей системе государственной службы.

Таким образом, под правовым нигилизмом молодежи стоит понимать «деструктивно-социально вредное явление, которое характеризуется высокой степенью деформации правового сознания индивидов, проявляющаяся в апатичном, халатном, безразличном отношении к роли и значению права через критическое отношение к его потенциальным возможностям до полного неверия, явно негативного отношения к нему, путем игнорирования норм действующего законодательства»[1].

Каковы же пути борьбы с правовым нигилизмом молодежи в нашей стране?

1. Правовое образование молодых граждан должно стать приоритетным направление органов государственной власти РФ (как на федеральном, так и на региональном уровнях). Необходимо увеличить количество часов на изучение дисциплины «Право» в учебных планах образовательных учреждений.«Нацеленность государственных мер на формирование ак-

[1] Семенова Е.В. Правовой нигилизм и его профилактика в студенческой среде // Вестник ШГПУ. 2016. №3 (31). С.75.

тивной гражданской позиции молодежи может проявляться в широком использовании стимулирующих и поощрительных средств воздействия в различных сферах общественных отношений»[1].

2. В средствах массовой информации, в социальных сетях целесообразно широкое освещение вопросов, связанных с правом. Необходимо доводить до широкого круга молодых граждан информацию о проводящихсяправовых мероприятиях, викторинах, конкурсах, юридических консультаций, правовыхлекториев и семинаров.

3. Посещение молодыми людьми реальных судебных процессов (для лиц, достигших шестнадцатилетнего возраста).

4. Проведение в школах, университетах регулярной работы по профилактике правонарушений. С приглашением судебных и правоохранительных органов.

В настоящее время в Российской Федерации отсутствует единая государственная система правового информирования и просвещения населения. В связи с этим, помощь, которая может оказываться через альтернативный источник информации – Интернет, может носить псевдоюридический и неквалифицированный характер. Таким образом, целесообразно рассмотреть вопрос о создании единой системы правового информирования граждан нашей страны, с помощью которой население сможет повысить свой уровень правовой культуры. Думается, что эта политика должна носить комплексный характер. Её цель – сформировать в современном обществе уважительное, добросовестное отношение к правовым нормам.

Правовое образование и воспитание должны стать важнейшим фактором развития личности, становления гражданского общества, построения демократически правового государства, обеспечения национальной и социальной безопасности Российской Федерации, ведь только комплексный подход позволит решить проблемы правового нигилизма молодежи.

Таким образом, правовое воспитание молодежи должно идти с детства, с воспитания в семье, школе, университете, так как именно это и является необходимой составляющей всесторонне развитой личности, формирования её гражданской позиции.

Государство должно гарантировать социальную стабильность, безопасность, а также реализацию гражданами Российской Федерации своих прав и свобод.

«Правовой вакуум» можно преодолеть с помощью усилий всех институтов правовой социализации. Значительная роль принадлежит средствам массовой информации и образовательным институтам, от которых в большей степени зависит благополучное протекание процесса правовой социализации.

Список литературы

1. Бутакова Я. С. Правовой нигилизм в молодежной среде как тенденция современной правовой культуры / Я. С. Бутакова // Культура. Образование. Право. Вып. 2. Материалы Международной научно-практической конференции 28-29 апреля 2009 г., г. Екатеринбург / отв. ред. А. А. Воронина. Екатеринбург. 2009. С. 119-123.

2. Семенова Е.В. Правовой нигилизм и его профилактика в студенческой среде // Вестник ШГПУ. 2016. №3 (31). С. 72-76.

List of references

1. Butakova Ya.S. *Pravovoy nigilizm v molodezhnoy srede kak tendentsiya sovremennoy pravovoy kul'tury / Ya.S. Butakova // Kul'tura. Obrazovaniye. Pravo. Vyp. 2. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 28-29 aprelya 2009 g., g. Yekaterinburg / Ros. gos. prof.-ped. un-t* [Legal nihilism in the youth environment as a trend in modern legal culture / Ya.S. Butakova // Culture. Education. Right. Vol. 2. Materials of the International scientific-practical conference April 28-29], 2009, Ekaterinburg / resp. ed. A.A. Voronin. Yekaterinburg. 2009.pp. 119-123.

2. Semenova E.V. *Pravovoy nigilizm i yego profilaktika v studencheskoy srede // Vestnik SHGPU* [Legal nihilism and its prevention in the student community] // Bulletin of ShSPU. 2016. No3 (31). pp. 72-76.

[1] Бутакова, Я.С. Правовой нигилизм в молодежной среде как тенденция современной правовой культуры / Я.С. Бутакова // Культура. Образование. Право. Вып. 2. Материалы Международной научно-практической конференции 28-29 апреля 2009 г., г. Екатеринбург / отв. ред. А. А. Воронина. – Екатеринбург, 2009. – С.122.

УДК 340.1

Андрей Иванович Горнов,
магистрант 1 курса заочной формы обучения
направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция,
«Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право»
Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
E-mail: ai-gornov@yandex.ru

научный руководитель: *В.В. Трофимов* – д. ю. н., доцент,
директор Научно-исследовательского института
государственно-правовых исследований,
профессор кафедры теории и истории государства и права
ТГУ им. Г.Р. Державина

Andrey Ivanovich Gornov,
Master's Degree Student, extramural form of study
Field of education 40.04.01 Jurisprudence,
"Criminal law, criminology, penal law",
Institute of law and national security of the
Tambov state University named after G.R. Derzhavin

academic supervisor: *Vasilii Vladislavovich Trofimov*,
Doctor of Law, associate Professor,
Director of Scientific Research Institute of State – Legal Research,
professor of the department of theory and history of state and law
in Tambov State University named after G.R. Derzhavin

ПРАВОВАЯ АСОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ КАК РИСКОГЕННАЯ СРЕДА ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В данном исследовании правовая асоциализация молодежи рассматривается в качестве рискогенной среды правовой жизни современного общества. Делаются выводы о влиянии молодого поколения на правовую жизнь в виде заполнения ее как конструктивными (положительными), так и негативными началами, которые могут повлечь за собой возникновение перспективных рисков общественно-правового развития. Именно поэтому важно на данном этапе иметь комплекс мероприятий, направленный на борьбу с рискобразующими факторами. Проблема правовой асоциализации молодежи в контексте социальных рисков наиболее полно будет раскрыта при помощи изучения ее через рискологический подход (науки – рискологии), поскольку при его реализации будет использован комплекс знаний, состоящий из научных достижения и концепций теории рисков, полученных из ряда социально-гуманитарных и технических наук. Также, в настоящем исследовании на основе понятия правовой социализации сформулировано определение правовой асоциализации, выделены признаки данного явления, получен вывод о хронологической параллельности протекания у личности данных процессов. Вместе с тем, делаются выводы о благотворном влиянии правовой политики (в частности, направленной на повышение правовой культуры) на противодействие правовой асоциализации. Успешная социальная адаптация молодежи, а также ее заинтересованность в социально-правовых процессах будут реализованы должным образом при помощи форм коммуникации власти и гражданского общества, которые на практике пока что не дают конструктивной отдачи.

Ключевые слова: правовая асоциализация, риск, рискология, правовая жизнь общества, гражданское общество, правовая политика.

LEGAL ASOCIALIZATION OF YOUTH AS AN ENVIRONMENT RISKIC FOR LEGAL LIFE OF A MODERN SOCIETY

In this study, the legal asocialization of young people is considered as a risky environment for the legal life of modern society. Conclusions are drawn about the influence of the young generation on legal life in the form of filling it with both constructive (positive) and negative principles, which may entail the emer-

gence of promising risks for social and legal development. That is why it is important at this stage to have a set of measures aimed at combating risk-generating factors. The problem of legal asocialization of youth in the context of social risks will be most fully disclosed by studying it through a riskological approach (science – riskology), since its implementation will use a knowledge package consisting of scientific achievements and concepts of risk theory derived from a number of social and humanitarian and technical sciences. Also, in this study, on the basis of the concept of legal socialization, the definition of legal asocialization is formulated, the signs of this phenomenon are highlighted, the conclusion is drawn about the chronological parallelism of the occurrence of these processes in the personality. At the same time, conclusions are drawn about the beneficial effect of legal policy (in particular, aimed at improving the legal culture) on counteracting legal asocialization. Successful social adaptation of young people, as well as their interest in social and legal processes, will be implemented properly using forms of communication between the authorities and civil society, which in practice have not yet given a constructive impact.

Keywords: legal asocialization, risk, risk management, legal life of a society, civil society, legal policy

Как социальная группа, молодежь обладает присущими ей естественными характеристиками в виде нестабильности, неустойчивости, неопределенности, комплекс которых закономерно может привести к возникновению текущих и потенциальных рисков в общественной жизни. Являясь носителем интеллектуального потенциала общества, имея социальную перспективу, молодежь характеризуется особым образом жизни, принимает на себя ряд социальных ролей и статусов, а также вносит свой вклад в современную общественную систему, имеющий историко-культурную обусловленность и связанный с ключевыми характеристиками молодости как особого этапа жизненного пути[1].

На нормальное протекание правовой жизни молодой человек окажет позитивное влияние в случае достижения необходимого уровня правовой социализации, подразумевающей, с одной стороны, восприятие личностью реалий правовой жизни современного общества, а, с другой стороны, формирование на основе этого восприятия определенного ценностного отношения к праву, детерминирующего характер правового поведения[2].

Ю.В. Кузнецов, И.Ю. Салмина под правовой социализацией личности понимают обусловленную совокупность правовых явлений, формирование культурно и нравственного зрелого члена общества, отвечающего уровню общественных требований, способного ориентироваться в правовой системе и действовать с полным осознанием взаимной ответственности социальных субъектов за свои поступки[3]. Любые изменения уровня правовой социализации зависят как от самой личности, так и от общества, которые выступают в качестве активных участников данного процесса. Важнейшим результатом правовой социализации является формирование правосознания, которое составляет собственно образовательный момент в процессе социализации (образование и воспитание здесь нераздельно связаны)[4].

Итак, исходя из определения правовой социализации термин *правовая асоциализация* представляет из себя *процесс развития у личности искаженного правосознания, а также низкого уровня ее культурно-нравственного развития, что в совокупности способствует формированию негативных в социально-правовом смысле моделей поведения участника общественной жизни, которые потенциально могут привести к возникновению рисков деформаций социальной действительности*.

На основе определения обозначим *сущностные характеристики правовой асоциализации*: 1) происходит в те же хронологические рамки, что и правовая социализация; 2) форми-

[1] См.: Курышева О.В. Психологическая характеристика молодежи как возрастной группы // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Философия. 2014. № 1 (21). С. 68.

[2] См.: Самыгин П.С., Попов М.Ю., Самыгин С.И. Правовая социализация молодежи в условиях кризисного состояния современного российского общества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Том 16. № 2. С. 295.

[3] См.: Кузнецов Ю.В., Салмина И.Ю. Правовая социализация молодежи как фактор развития гражданского общества // Вестник МГТУ. Том 13. №2. 2010. С. 433.

[4] Там же. С. 433.

руется на основе негативного социального воздействия (опыта); 3) выражается в закреплении среди личностных характеристик субъекта антиобщественных установок вследствие того, что субъект своевременно не принял социально-правовые нормы поведения в систему своих ценностей; 4) проявляется в слабом (деформированном) понимании своей социальной роли, своего статуса в качестве участника правовых отношений; 5) результатом правовой асоциализации является формирование у личности негативных моделей социальных норм, образцов и правил поведения.

Безусловно, рассматриваемое явление нельзя назвать положительным фактором общественного прогресса, *правовая асоциализация молодежи имеет яркий негативный оттенок*: подвергнутый правовой асоциализации субъект не будет принимать активное участие в проводимых преобразованиях общественной системы, он потеряет свои перспективы не только как потенциальный субъект законотворческой инициативы, но и как участник политической и экономической форм социальной жизни, поскольку правовая асоциализация найдет отражение на подавляющем большинстве общественных процессов. Это повлечет за собой рост числа правонарушений (и другого негатива в правовой жизни), кризисы в экономической сфере, снижение духовно-нравственной степени общества, и, конечно, приведет к возникновению неопределенностей в правовой системе, наряду с формированием неадекватного (искаженного) отношения широкого числа личностей к социально-правовым ценностям. Рискобразующими в процессе социализации являются дефекты в социальном контроле, в усвоении (выполнении) социальных ролей, поскольку результатом этого будет формирование у личности деформированной структуры потребностей, которая приведет к асоциализации. М.И. Еникеев отмечает, что «внешние условия, допускающие возможность систематического бесконтрольного поведения, переходят во внутреннюю неспособность личности к самоограничению»[1], для противодействию этому важно создавать «социальные условия развития активной, способной к саморегуляции личности, которые были бы гарантированы системой правовых норм»[2].

Правовая асоциализация молодежи как рискогенная предпосылка должна подвергаться предметному изучению в контексте *рискологии*, которую понимают в качестве науки «о законах и закономерностях действия целеполагающих и целеосуществляющих систем по определению возможных опасностей, которые могут встретиться в их будущей деятельности»[3]. В плоскости данной науки анализируется структура риска, его особенности, механизм его действия, рискобразующие причины и факторы, формируются средства для манипуляции с отношениями, в которых заложен риск (способы его избежать, исключить, а в случае необходимости, минимизировать его негативные следствия). Рискология имеет собственную, уникальную сферу исследования, оригинальные методологические и теоретические основы, что позволяет говорить о ее мультидисциплинарном статусе.

Широкий круг представителей молодого поколения, подвергнутый правовой асоциализации может провоцировать развитие явлений негативно-теневой стороны правовой жизни общества. Важно отметить, что правовая жизнь общества как юридическая категория приобретает научный интерес именно в связи с рассмотрением правовых и неправовых явлений в одной целостной системе, позволяя прослеживать их взаимосвязи. Несомненно, правовая асоциализация молодежи является рискогенной средой, имея несколько вариантов негативных последствий для правовой жизни, поскольку имеющая искаженное правосознание молодежь не обеспечит правовую жизнь необходимым для устойчивого развития количеством позитивных явлений, такая молодежь будет иметь низкий социальный потенциал. К приме-

[1] Еникеев М.И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: Учебник для вузов. М.: Норма, 2005. С. 198.

[2] Зеленков П.Г. Правовое сознание в процессах социализации и десоциализации личности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. С. 40.

[3] Буянов В.П., Кирсанов К.А., Михайлов Л.М. Рискология (управление рисками): Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Экзамен», 2003. С. 29.

ру, в качестве последствий правовой асоциализации могут выступать: формирование деформаций правового сознания (правовой дилентантизм, правовой нигилизм и др.); делинкветное поведение личности (незначительные нарушения и проступки); девиантное поведение личности, то есть поступок (или система поступков), противоречащий морально-правовым нормам, стандартным для общественной жизни (правонарушения, аморальные действия). Каждая из перечисленных форм проявления правовой асоциализации в перспективе может выступать в качестве дополнительных рискобразующих сред в общественной жизни, что обязательно наложит негативный отпечаток на национальную правовую систему, ее эффективность, поскольку низкий уровень правосознания только приведет к росту юридических конфликтов из-за снижения качества правотворческих, правоприменительных и интерпретационных процессов[1] и т. д. В результате, носитель искаженного правосознания воспринимает право, как неэффективную, либо вредную социально-нормативную систему. О.А. Пастушенко справедливо отмечает, что «если для носителя положительного правосознания право является регулятивно-охранительной системой, обеспечивающей реализацию и защиту личных прав, то в деформированном правосознании право выступает в качестве системы ограничительно-карательного характера, ущемляющего личность в ее правах»[2], асоциализированное правосознание способствует недооценке эффективности права как способа социальных преобразований.

Определенное противодействие правовой асоциализации молодежи окажет привитие молодому поколению *правовой культуры*, высокая степень которой повысит уровень правовой социализации. Н.Н. Харитонова отмечает, что современной правовой культуре присущи такие качественные характеристики, как: определяющее значение прав и свобод человека и гражданина в правовой организации общественной и государственной жизни; утверждение в массовом правосознании чувства уважения к закону и правопорядку, идей и ценностей господства права; практическая реализация принципов конституционализма и верховенства правового закона; согласованное и эффективное функционирование всех источников позитивного права и всех ветвей государственной власти; правовая активность граждан и их общественных объединений в осуществлении своих прав и надлежащем исполнении своих юридических обязанностей; активная законотворческая, правозащитная и правоприменительная деятельность (в рамках своих правомочий) всех звеньев государственного механизма; разветвленная система легализованных форм, средств и процедур воздействия гражданского общества на государство и контроль за его деятельностью[3]. Проводимая в стране правовая политика должна быть направлена на формирование у всех участников общественной жизни (в частности, молодежи) подобных качеств, а также на повышение заинтересованности участия в политико-правовой жизни общества, что может оказать текущий и перспективный антирисковый эффект. Одним из действий, возможно простимулирующих заинтересованность российских граждан государственным строительством может быть изменение некоторых положений Конституции РФ, запрос на которые прослеживается в результатах социологического опроса (2018 г.) Фонда «Общественное мнение» – 66% респондентов считают, что основной документ надо пересмотреть и внести в него поправки (пять лет назад так считали только 44%)[4]. Ранее точечное изменение Конституции РФ предлагал председатель Конституционного Суда РФ В.И. Зорькин[5].

---

[1] См.: Руденко К.И. Факторы деформации правосознания молодежи // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9. С. 17.

[2] Пастушенко О.А. Трансформации правосознания в современном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 5. С. 60.

[3] См.: Харитонова Н.Н. Конституционно-правовая культура как составная часть общей культуры и правовой культуры // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 114-115.

[4] Дергачев Владимир. Социологи увидели рекордный запрос россиян на поправки в Конституцию. 2018. URL: https://www.rbc.ru/politics/26/10/2018/5bd2ff009a79470a6d34e3d7 (дата обращения – 17.09.2019).

[5] См. подробнее: Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 10 октября.

Несомненно, целенаправленная, научно обоснованная, системная и последовательная *правовая политика* позволит контролировать влияние социальных рисков (где-то устранит рискообразующую среду, снизит рискогенность некоторых социальных связей) на молодежь. Однако, Е.В. Богатова и А.В. Ткаченко видят определенную стратегическую проблему отсутствия теоретически разработанной и законодательно закрепленной правовой политики в сфере коммуникации молодого поколения с обществом, также ученые делают вывод об отсутствии целенаправленного предметного изучения различными науками (юриспруденцией, социологией, политологией) именно молодежной правовой политики[1]. В современных условиях стремительно актуализируется необходимость в разработке средств, позволяющих снизить степень нестабильности и неустойчивости в молодежной социальной среде. Предметному исследованию необходимо подвергать как весь комплекс молодежных отношений в целом, так и отдельные их деструктивные проявления (напр., выработка научно обоснованных инструментов по борьбе с молодежным экстремизмом, противодействие политическим манипуляциям в молодежной среде и т. д.).

В законодательстве уделяется внимание молодежной политике, например, распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р утверждены Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, в которой отмечается, что государство и общество должны создать базовые условия для полноценной самореализации молодежи в социально-экономической и общественно-политической сферах жизни России, чтобы молодежь, развивая индивидуальные качества, проявляла высокий уровень социальной активности, которая положительно повлияет на успешную адаптацию молодых субъектов в общественно-правовой жизни.

Затронув законодательное регулирование молодежной политики нельзя не упомянуть о необходимости развития форм коммуникации гражданского общества и государства, принимать участие в которых при должной заинтересованности будет молодое поколение. Однако, в настоящее время существующие формы (референдум, народная правотворческая инициатива, лоббизм, петиции и т. д.) встречают немало проблем: какие-то не реализуются вообще, какие-то недостаточно. Среди причин этому, пожалуй, основной является факт отсутствия механизмов для функционирования форм участия граждан в правообразующем процессе, хотя законодательная база (самая минимальная) имеется[2]. Это само по себе не способствует развитию социально-правовой активности, а также повышению уровня правовой социализации молодежи.

Таким образом, происходящие трансформации во многих сферах жизни общества предопределяют необходимость изучения и решения проблем адаптации молодежи в условиях рискогенности окружающей среды. Конструктивными мерами по снижению уровня правовой асоциализации, являются: изучение социальных рисков молодежи в контексте специальной отрасли знания (рискологии), повышение уровня правовой культуры молодого поколения, а также проведение соответствующей правовой политики.

Список литературы

1. Богатова Е.В., Ткаченко А.В. Участие молодежи в реализации общественных инициатив // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 89-94.

2. Буянов В.П., Кирсанов К.А., Михайлов Л.М. Рискология (управление рисками): Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Экзамен», 2003. 384 с.

3. Дергачев Владимир. Социологи увидели рекордный запрос россиян на поправки в Конституцию. 2018. URL: https://www.rbc.ru/politics/26/10/2018/5bd2ff009a79470a6d34e3d7 (дата обращения – 17.09.2019).

[1] См.: Богатова Е.В., Ткаченко А.В. Участие молодежи в реализации общественных инициатив // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 90.

[2] См. подробнее: Трофимов В.В. Коммуникация гражданского общества и публичной власти на платформе правового сотворчества как социальный инструмент выравнивания и стабилизации курса государственно-правового развития (введение в проблему) // ПРАВО: история и современность. 2018. № 1. С. 79.

4. Еникеев М.И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: Учебник для вузов. М.: Норма, 2005. 640 с.

5. Зеленков П.Г. Правовое сознание в процессах социализации и десоциализации личности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. С. 37-42.

6. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 10 октября.

7. Кузнецов Ю.В., Салмина И.Ю. Правовая социализация молодежи как фактор развития гражданского общества // Вестник МГТУ. Том 13. №2. 2010. С. 431-438.

8. Курышева О.В. Психологическая характеристика молодежи как возрастной группы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. 2014. № 1 (21). С. 67-75.

9. Пастушенко О.А. Трансформации правосознания в современном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 5. С. 56-61.

10. Руденко К.И. Факторы деформации правосознания молодежи // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9. С. 17-20.

11. Самыгин П.С., Попов М.Ю., Самыгин С.И. Правовая социализация молодежи в условиях кризисного состояния современного российского общества // Вестник РУДН. Серия: Социология, май 2016, том 16, № 2. С. 295-303.

12. Трофимов В.В. Коммуникация гражданского общества и публичной власти на платформе правового сотворчества как социальный инструмент выравнивания и стабилизации курса государственно-правового развития (введение в проблему) // ПРАВО: история и современность. 2018. № 1. С. 73-82.

13. Харитонова Н.Н. Конституционно-правовая культура как составная часть общей культуры и правовой культуры // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 113-119.

List of references

1. Bogatova E.V., Tkachenko A.V. *Uchastiye molodezhi v realizatsii obshchestvennykh initsiativ // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Youth participation in the implementation of public initiatives // Legal policy and legal life]. 2019.No 2.P. 89-94.

2. Buyanov V.P., Kirsanov K.A., Mikhailov L.M. *Riskologiya (upravleniye riskami): Uchebnoye posobiye. 2-ye izd., ispr. i dop. M.: Izdatel'stvo «Ekzamen»* [Riskology (risk management)]: Textbook. 2nd ed., Rev. and add. M .: Publishing house "Examination", 2003. 384 p.

3. Dergachev Vladimir. *Sotsiologi uvideli rekordnyy zapros rossiyan na popravki v Konstitutsiyu* [Sociologists saw a record request from Russians for amendments to the Constitution]. 2018. URL: https://www.rbc.ru/politics/26/10/2018/5bd2ff009a79470a6d34e3d7 (accessed September 17, 2019).

4. Enikeev M.I. *Yuridicheskaya psikhologiya. S osnovami obshchey i sotsial'noy psikhologii: Uchebnik dlya vuzov.* [Legal psychology. With the basics of general and social psychology: Textbook for universities]. M.: Norma, 2005.640 p.

5. Zelenkov P.G. *Pravovoye soznaniye v protsessakh sotsializatsii i desotsializatsii lichnosti // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Legal consciousness in the processes of socialization and desocialization of the individual // Bulletin of the Russian State Pedagogical University n.a. A.I. Herzen]. pp. 37-42.

6. Zorkin V.D. *Bukva i dukh Konstitutsii // Rossiyskaya gazeta* [The letter and spirit of the Constitution // Russian newspaper]. 2018.10 October.

7. Kuznetsov Yu.V., Salmina I.Yu. [Legal socialization of youth as a factor in the development of civil society // Bulletin of MSTU]. Volume 13. No. 2. 2010.pp. 431-438.

8. Kurysheva O.V. *Pravovaya sotsializatsiya molodezhi kak faktor razvitiya grazhdanskogo obshchestva // Vestnik MGTU* [Psychological characteristics of youth as an age group // Bulletin of the Volgograd State University]. Series 7, Philosophy. 2014. No. 1 (21). S. 67-75.

9. Pastushenko O.A. *Transformatsii pravosoznaniya v sovremennom obshchestve // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. 2014. № 5. S. 56-61. 10. Rudenko K.I. Faktory deformatsii pravosoznaniya molodezhi // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya.* [Transformations of legal consciousness in modern society // Humanitarian, socio-economic and social sciences]. 2014. No. 5. pp. 56-61.

10. Rudenko K.I. *Faktory deformatsii pravosoznaniya molodezhi // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Factors of deformation of the legal consciousness of youth // Theory and practice of social development]. 2015. No. 9. P. 17-20.

11. Samygin P.S., Popov M.Yu., Samygin S.I. *Pravovaya sotsializatsiya molodezhi v usloviyakh krizisnogo sostoyaniya sovremennogo rossiyskogo obshchestva // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [Legal socialization of youth in a crisis state of modern Russian society] // Vestnik RUDN. Series: Sociology, May 2016, Volume 16, No. 2. P. 295-303.

12. Trofimov V.V. *Kommunikatsiya grazhdanskogo obshchestva i publichnoy vlasti na platforme pravovogo sotvorchestva kak sotsial'nyy instrument vyravnivaniya i stabilizatsii kursa gosudarstvenno-pravovogo razvitiya (vve-*

deniye v problemu) // PRAVO: istoriya i sovremennost'. [Communication of civil society and public authorities on the platform of legal co-creation as a social tool for leveling and stabilizing the course of state-legal development (introduction to the problem) // LAW: history and modernity]. 2018. No. 1. S. 73-82.

13. Kharitonova N.N. *Konstitutsionno-pravovaya kul'tura kak sostavnaya chast' obshchey kul'tury i pravovoy kul'tury // Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiuma Srednerusskiy universitet. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Constitutional and legal culture as an integral part of the general culture and legal culture // Bulletin of the educational consortium Central Russian University. Series: Humanities]. 2018. No. 2. pp. 113-119.

УДК 342.8

Карина Каримова,
студент 2 курса кафедры экономики
«Липецкий государственный технический университет», г. Липецк
E-mail: ngkirang@mail.ru

Karina Karimova,
2nd year student of the Department of Economics

Екатерина Сергеевна Кротова,
Студент 4 курса кафедры истории, теории государства и права и конституционного права
«Липецкий государственный технический университет», г. Липецк
E-mail: ekaterina.krotowa2017@yandex.ru

Ekaterina Sergeevna Krotova,
4th year student of the Department of history, theory of state and law and constitutional law
"Lipetsk state technical University", Lipetsk

Ольга Николаевна Митрофанова,
научный руководитель – ст.преподаватель кафедры государственного,
муниципального управления и бизнес-технологий
«Липецкий государственный технический университет», г. Липецк
E-mail: olga-mitrof@yandex.ru

Olga Nikolaevna Mitrofanova,
Supervisor – Senior Lecturer, Department of State, Municipal Management
and Business Technologies
“Lipetsk State Technical University”, Lipetsk

ВЫБОРЫ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРЯМОЙ ДЕМОКРАТИИ

В данной статье рассмотрен вопрос проявления выборов как формы прямой демократии, их роль в формировании различных органов государственной власти. Через выборы граждане оказывают влияние на развитие государственных органов и, тем самым, осуществляют свое право на участие в делах государства.

Ключевые слова: демократия, прямая демократия, выборы, народ, легитимация, голосование.

ELECTIONS AS A FORM OF DIRECT DEMOCRACY

In this article the question of manifestation of elections as a form of direct democracy, their role in formation of various bodies of the state power is considered. Through elections, citizens influence the development of state bodies and thus exercise their right to participate in state Affairs.

Key words: democracy, direct democracy, elections, people, legitimation, voting.

С конца 20 века, из-за интенсивности принятия политических реформ, выборы стали основной формой реализации и проявления государственно-правового развития общества. В настоящее время трансформация демократии является одной из целей успешного развития современной политики[1].

Переход нашей страны к демократическому строю начался около 30 лет назад, еще при существовании СССР. Тема прямой демократии и демократии в целом очень актуальна в условиях современной России. Важнейшая роль в формировании и поддержании государственности отведена институту прямого народовластия. На сегодняшний день существует

[1] Зашихина И.М. Демократия и ее формы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demokratiya-i-ee-formy (дата обращения: 27.05.2019).

множество дискуссий и споров на тему наличия демократии в России. Но для того чтобы прийти к логичному заключению необходимо разобраться что из себя представляет демократия, как она проявляется и существует ли в современной России.

Переходя к рассуждениям, необходимо дать определение непосредственно демократии. Демократия (греч. demokratia, от demos – народ, и kratos – власть) – это форма государственного правления, когда в управлении принимает участие весь народ, без различия звания и состояния. Государство, управляемое властью народа, который выражает свою волю через избранных представителей в парламенте или путем всенародного голосования на общем народном собрании. В демократической стране народ, защищает свои интересы, борется с аристократией или с государственной властью.

Прямая (непосредственная) демократия – форма политической организации и устройства общества, при которой основные решения инициируются, принимаются и исполняются непосредственно гражданами страны; прямое осуществление принятия решений самим населением общего и местного характера; непосредственное правотворчество народа[1].

Основа политического режима имеет сложную структуру, нужны ли политическим режимам те, кем они будут управлять? Единственно разумной идеей кажется та, которая гласит что режимы, где правит народ, должны иметь народные массы, которые придерживаются демократических установок[2].

Нельзя оставить незамеченным тот факт, что прямая демократия не является противопоставлением государству, а скорее наоборот служит его укреплению во многих сферах деятельности. Одним из фактов является что в демократичной стране будет наблюдаться подъем в различных сферах жизни, в том числе и экономическом росте страны в целом. А также при демократическом политическом режиме граждане полностью защищены от давления и преследования со стороны правительства. Правительство не пользуется своим положением и никак не ущемляет права и свободу личности. Что и наблюдается в нашей стране, в РФ принята и действует конституция, благодаря которой Россия может оставаться демократичной страной. Так же одним из проявлений демократии являются выборы. Народ в государстве с демократическим политическим строем имеет право на участие в управлении этим государством. В жизни это реализуется, в первую очередь в том, что по достижении совершеннолетия, каждый имеет право на участие в выборах на различном уровне.

Выборы – избрание кандидата путем голосования. Особенностью прямых выборов является осуществление выбор непосредственно голосующим. Косвенные выборы подразумевают референдум через посредников[3]. Выборы являются одной из наиболее популярных форм участия граждан в общественно-политической жизни государства, организации, влиятельный институт стабильного функционирования политической системы управления и режима в целом. Выборы служат средством законного утверждения в должности руководителя органа управления или представителя. На данный момент выборы считаются наиболее демократичной системой замещения руководящих должностей в любых объединениях людей. Они расцениваются как инструмент легитимации государственной власти, который будет обеспечивать отбор политической верхушки[3].

Политико-правовое значение выборов закреплено в конституции и выражает отношение народа к власти, его волеизъявление, способы реализации права граждан избирать и быть избранными, участие в управлении делами власти и т.д.

---

[1] Комарова В.В. Механизм непосредственной демократии современной России: (система и процедуры) М., 2006. – С. 328-329.

[2] Купряшин, Г. Л. Основы государственного и муниципального управления: учебник и практикум для академического бакалавриата. – М., 2016. – С. 120.

[3] Митрофанова О.Н. Правовая культура как элемент формирования правового государства. В сборнике: Актуальные проблемы становления правового государства в Российской Федерации: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции – Уфа, 2018. – С. 151-159.

Федеральный закон от 12 июня 2002 г. содержит наиболее полную формулировку понятия выборов, выражающую их главное содержание. Выборы расцениваются как форма прямого волеизъявления граждан, осуществляемого в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов РФ, уставами муниципальных образований в целях формирования органов государственной и местной власти или наделения полномочиями должностного лица.

Выборы бывают нескольких видов:

1. Прямые выборы, когда граждане голосуют непосредственно за кандидата (список кандидатов).

2. Непрямые (косвенные) выборы. Выборы, когда половина членов Совета Федерации Федерального Собрания РФ избирается депутатами законодательных органов государственной власти субъектов РФ.[1]

В демократичном государстве все органы государственной власти, как выборные, так и назначаемые, зависят от воли избирателей. От сюда следует понимать, что выборы на любом их уровне должны показывать сознательное выражение гражданами своей воли, контроль над реализацией этой воли и возможность воздействия на прекращение деятельности избранных лиц в том случае, если она не реализуется.

В конституции к числу высших норм непосредственной демократии относят выборы и референдум. Во-первых, это наиболее "старые" из всех форм прямой демократии, история применения выборов и референдумов насчитывает несколько тысячелетий и в процессе которых народ осуществлял свои избирательные права. В силу этого они относятся к числу атрибутивных форм прямой демократии и с той или иной степенью своей эффективности применяются и в демократических, и в прочих режимах. Во-вторых, это действительно наиболее эффективные формы прямой демократии, осуществляющие выборы различного уровня: Президента Российской Федерации, Государственной Думы, законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации, местных представительных органов власти и глав муниципальных образований и муниципальных судей. Референдум как выражение прямой демократии носит более воспитательный характер, он воспринимается как школа политического воспитания граждан. Всё разнообразие возможных действий граждан, а также общественных объединений закреплены в отраслевом законодательстве.

По сравнению с проявлением демократии на федеральном или региональном уровне большое значение имеет решение вопросов на местном уровне путём прямого волеизъявления населением муниципальных образований. Именно в рамках небольших по численности населения и территориям муниципальных образований есть реальные возможности решения вопросов местного значения путём прямого волеизъявления граждан. Сегодняшняя модель местного самоуправления основана на создании российских демократических традиций самоуправления. Кроме того, именно такое выражение прямой демократии может способствовать развитию органов местного самоуправления.[2]

Но несмотря на высокий уровень развития нашей странны, у нас имеются проблемы демократии, а именно – массовая некомпетентность. Следствием этой некомпетентности является незаинтересованность избирателей. Но тем не менее эта проблема решаема, решение состоит в полной интернетизации страны, с целью постоянного политического просвещения. Так же, способствовать положительной тенденции развития граждан могут народные опросы, территориально общественное самоуправление, общественная экспертиза проектов, публичные слушания, публичные обсуждения законопроектов. Граждане страны должны обеспечивать общественную поддержку проводимым в стране социально-экономическим преоб-

[1] Статья ВЦИОМ «Массовые демократические ценности и демократия в российских регионах» URL: https:// wciom.ru /fileadmin/file/monitoring/2014 /123/2014_123_2_W.M._Reisinger_J._Pacheco1.pdf

[2] Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 28 е изд., перераб. М., 2012. С. 818

разованиям, это позволит показать важность и необходимость применения этих преобразований для выстраивания современного российского демократического государства.

Список литературы

1. Зашихина И.М. Демократия и ее формы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demokratiya-i-ee-formy (дата обращения: 27.05.2019).

2. Комарова В.В. Механизм непосредственной демократии современной России: (система и процедуры) / В.В. Комарова. – М.: Формула права, 2006. – 558 с.

3. Купряшин, Г. Л. Основы государственного и муниципального управления: учебник и практикум для академического бакалавриата / Г. Л. Купряшин. – Москва: Издательство Юрайт, 2016. — 500 с.

4. Митрофанова О.Н. Правовая культура как элемент формирования правового государства. В сборнике: Актуальные проблемы становления правового государства в Российской Федерации: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 151-159.

5. Статья ВЦИОМ «Массовые демократические ценности и демократия в российских регионах» URL: https:// wciom.ru /fileadmin/file/monitoring/2014 /123/2014_123_2_W.M._Reisinger_J._Pacheco1.pdf

6. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологи ческих выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. — 28 е изд., перераб. — М.: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство Оникс», 2012. — 1376 с.

List of references

1. Zashikhina I.M. *Demokratiya i yeye formy // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [Democracy and its forms // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2009. No5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demokratiya-i-ee-formy (date of access: 05/27/2019).

2. Komarova V.V. *Mekhanizm neposredstvennoy demokratii sovremennoy Rossii: (sistema i protsedury) / V.V. Komarova. – M.: Formula prava* [The mechanism of direct democracy of modern Russia: (system and procedures) / V.V. Komarova. – M.: Formula of law], 2006. – 558 p.

3. Kupryashin, G. L. *Osnovy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata* [Fundamentals of state and municipal administration: a textbook and workshop for academic undergraduate] / G. L. Kupryashin. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2016 .-- 500 p.

4. Mitrofanova O.N. *Pravovaya kul'tura kak element formirovaniya pravovogo gosudarstva. V sbornike: Aktual'nyye problemy stanovleniya pravovogo gosudarstva v Rossiyskoy Federatsii: materialy VIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Legal culture as an element of the formation of the rule of law. In the collection: Actual problems of the formation of the rule of law in the Russian Federation: materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference] – Ufa: RIC BashSU, 2018. – P. 151-159.

5. *Stat'ya VTSIOM «Massovyye demokraticheskiye tsennosti i demokratiya v rossiyskikh regionakh»* [VTsIOM article “Mass Democratic Values and Democracy in Russian Regions”] URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2014 /123/2014_123_2_W.M._Reisinger_J._Pacheco1.pdf

6. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologi cheskikh vyrazheniy/* [Explanatory dictionary of the Russian language: approx. 100,000 words, terms and phraseological expressions / S. I. Ozhegov; Ed. prof. L.I. Skvortsova. – 28th ed., Revised. – M.: Publishing House "Mir and Education": LLC "Publishing House Onyx"], 2012. – 1376 p.

УДК 3.34

Анастасия Игоревна Катунина,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,
Институт права и национальной безопасности, магистрант 1 курса
e-mail: n.catunina2013@yandex.ru

Anastasia Igorevna Katunina,
Tambov State University named after G.R. Derzhavin,
Institute of Law and National Security, 1st year student

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОРА СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В данной статье рассмотрена государственная молодежная политика России на современном этапе как фактор социализации молодого поколения. Определена актуальность темы молодого поколения и значимость его для будущего государства.Рассмотрены подходы к изучению понятия «молодежная политика», приводится определение, изложенное в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Озвучены основные положения в данной сфере, согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р. Приведена нормативная база, регулирующая государственную молодежную политику, названы основные государственные программы, направленные на решение социально-экономических проблем молодого поколения. Выявлены особенности молодежной политики, проведен анализ проблем, которые возникают в данной сфере.

Ключевые слова: государство, молодежь, государственная молодежная политика, социализация, направления государственной молодежной политики.

PECULIARITIES AND PROBLEMS OF THE STATE YOUTH POLICY AS A FACTOR OF SOCIALIZATION OF THE YOUNG GENERATION IN MODERN RUSSIA

This article considers the state youth policy of Russia at the present stage as a factor of socialization of young generation. The urgency of the topic of young generation and its importance for the future state is determined. Approaches to the study of the concept of "youth policy" are considered, the definition stated in the Order of the Government of the Russian Federation of 29.11.2014 № 2403-r "Fundamentals of the state youth policy of the Russian Federation for the period up to 2025" is given. The basic provisions in this sphere are sounded according to the Order of the Government of the Russian Federation from 29.11.2014 № 2403-r. The regulatory framework governing the state youth policy is given, the main state programs aimed at addressing the socioeconomic problems of the younger generation are named. The peculiarities of youth policy are revealed, the analysis of problems that arise in this sphere is carried out.

Key words: state, youth, state youth policy, socialization, directions of state youth policy.

Для большинства современных государств вопрос адаптации молодежи является важным, поскольку от заботы о профессиональном и морально-нравственном воспитании молодого поколения зависит будущее страны. Поэтому большую роль играет молодежная политика, которая реализуется государством.

В литературе под молодежной политикой понимают такое направление деятельности государства, общественных организаций, политических партий, а также других участников общественных отношений, где целью выступает оказание воздействия на социализацию, социальное развитие молодежи, а в дальнейшем – на будущее состояние общества в целом. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации до 2025 года» дает определение понятия «государственная молодежная политика[1]». Так, это такое направление деятельности

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года //Собрание законодательства РФ. 15.12.2014, № 50, ст. 7185.

России, которое представляет собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, формационно-аналитического, кадрового и научного характера, которые реализуются на основе взаимодействия с институтами гражданского общества, гражданами, активного межведомственного взаимодействия, направленных на гражданско-политическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышения ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, упрочения ее лидерских позиций на мировой арене. Данный документ определяет важные положения государственной молодежной политики Российской Федерации. К таким положениям относятся: оказание поддержки молодым семьям; развитие предпринимательства среди молодежи, а также экономической самостоятельности; снижение уровня безработицы среди молодого поколения; оказание содействия в сфере охраны здоровья молодежи; популяризация здорового образа жизни, предупреждение девиаций; создание условий для патриотического, духовно-нравственного воспитания молодого поколения.

В субъектах Российской Федерации в данной сфере правоотношений приняты региональные законы, призванные урегулировать конкретные области жизни молодежи. В частности, к таким можно отнести поддержку молодых семей, талантливую молодежь.

В Тамбовской области действует Закон от 3 мая 2007 г. № 191-З «О молодежной политике в Тамбовской области[1]», который осуществляет регулирование отношений, связанных с государственной политикой Тамбовской области в отношении молодежи, определяет цели и основные направления реализации молодежной политики, принципы, закрепляет перечень субъектов, в отношении которых осуществляется молодежная политика, обозначает меры реализации данной политики в соответствии с полномочиями субъекта Российской Федерации, а также согласно федеральным целям и принципам молодежной политики.

Государственные программы имеют цель решения проблем молодых граждан. В качестве основных можно назвать следующие: «Развитие здравоохранения», «Социальная поддержка граждан», «Развитие образования» на 2013-2020 гг., «Содействие занятости населения», «Жилище», «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами населения Тамбовской области», «Развитие институтов гражданского общества»

Колоссальные изменения в российском обществе вследствие всевозможных преобразований экономики и политико-правовой системы изменили общепринятую модель социализации молодежи. В данный момент большую роль в социализации играет адаптация. Государственная молодежная политика – один из факторов, который гарантирует положительный исход, который ведет к адаптации. Ранее выступавшие как важнейшие в социализации институты семьи и образования, в российском обществе как «ступени социализации» снижаются в своем значении. Складывается «дисфункциональный тип социализации, который обладает доминированием неконтролируемой составляющей социализации. Это влечет за собой сокращение объема воспроизводства гражданских ценностей при сопутствующем расширенном образовании как индивидуально-достижительных, криминогенных, а также нигилистических ориентаций[2]»

Формирование государственной молодежной политики осуществляется органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также при активном участии детских и молодежных общественных объединений и иных юридических лиц.

Главным приоритетом государственной молодежной политики выступает создание условий для формирования личности гармоничной, которая постоянно совершенствуется, яв-

[1] Закон Тамбовской области от 03.05.2007 № 191-З «О молодежной политике в Тамбовской области» // Тамбовская жизнь. N 168-171(24029-24032).2007.

[2] Кубякин Е. Социализация российской молодежи в условиях глобализации информационного пространства // Власть. 2011. № 3.

ляется конкурентноспособной, обладающей крепким нравственным стержнем, а также способна адаптироваться к постоянно меняющимся условиям.

В качестве особенностей государственной молодежной политики можно выделить следующее: вовлечение в социокультурную, экономическую, общественно-политическую жизнь общества. Молодое поколение выступает как объект государственных интересов, а также является одним из важных факторов прогрессирования государства и общества. В Российской Федерации молодежная политика выделилась в самостоятельную сферу государственной деятельности недавно

Существуют определенный принципы, на основе которых и действует государственная молодежная политика: учет потребностей и интересов разных групп молодежи; взаимодействие бизнеса, государства и гражданского общества; информационная открытость; участие молодого поколения в разработке и реализации направлений молодежной политики. Для реализации направлений предусматриваются проекты, которые имеют направленность как адресную, так и содержательную. В свою очередь, направления делятся на основные цели и виды работ.

Были выявлены проблемы государственной молодежной политики: отсутствие комплексного решения в нормативно-правовой сфере и программном обеспечении; отсутствие единой системы органов, которые отвечали бы за молодежную политику; неправомерное распределение финансовых средств посредством поддержкой грантами; кадровое, инфраструктурное обеспечение сферы; нет необходимого взаимодействия с молодым поколением; отсутствие воспитательной деятельности.

Подходя к оценке эффективности молодежной политики в России, можно говорить об отсутствии системного подхода, поскольку меры, которые принимаются государственными органами, а также общественными организациями, чаще всего остаются нереализованными, положения носят декларативный характер.

Демографический прогноз, приведенный Федеральной службой государственной статистики, говорит о существенном снижении численности молодого поколения в возрасте от 14-30 лет к 2025 году. Так, численность молодежи с 35, 2 млн человек в 2012 году сократится до 25, 6 млн человек в 2025 году[1]. Такое снижение численности российской молодежи пусть и не приведет к резкому сокращению трудовых ресурсов, однако в последующие 20-25 лет вызовет риски для социальной сферы и экономической.

Проблемой является также ресурсная обеспеченность молодежной политики, поскольку целевой финансирование находится на низком уровне. Выделяемые средства идут на систематизацию, координацию, модерацию молодежной политики.

Снижение качества здоровья молодежи (несбалансированное питание, слабое вовлечение в занятия спортом); молодежная безработица, низкая территориальная мобильность (является причиной снижения получения качественного образования, а также в дальнейшем трудоустройства молодого населения);

Согласно краткой характеристике состояния преступности в Российской Федерации за январь-сентябрь 2018 года, приведенной Министерством внутренних дел России, каждое двадцать седьмое преступление совершается несовершеннолетними либо при их соучастии[2]. Правонарушения в молодежной среде являются факторами, которые снижают человеческий капитал молодого поколения, т.е. криминализация, наркотизация молодого поколения негативно скажутся на будущем страны. Организация работы с молодыми заключенными и малолетними правонарушителями вследствие низкого бюджетного обеспечения молодежной политики, включая и низкий уровень системности, сложности самой пробле-

[1] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики..URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/ statistics/population/demography/ (датаобращения: 16.09.2019)

[2] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-сентябрь 2018 года. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/14696015 (дата обращения: 16.09.2019).

мы правонарушений молодого поколения, не позволяет эффективно снижать число таких правонарушений.

Меры, которые проводятся федеральными и региональными органами государственной власти зачастую ставятся в зависимость от наличия необходимых средств в бюджете региона, что сказывается на реализации молодежной политики.

Одной из проблем государственной молодежной политики выступает то, что она ориентирована на конкретные группы молодежи (молодые семьи, безработная молодежь и др.). Поскольку программы либо проекты имеют цель помочь молодому поколению, которое столкнулось с какими-либо социально-экономическими проблемами, что оставляет другие молодежные группы без государственной поддержки.

В силу специфического отношения молодежи со стороны старшего поколения как к социальной группе, которая не способна отвечать за свои действия и принимать решения, государство в лице государственных органов, которые осуществляют реализацию государственной молодежной политики, зачастую из собственных представлений о молодом поколении, принимают ошибочные решения. Из-за этого нормативная база не отвечает интересам тех, в отношении кого она принимается, следовательно, не вызывает доверия, желания поддержать принятую или принимаемую государственную программу, либо исполняется формально.

Таким образом, при решении поставленных проблем, возможно изменить сложившуюся ситуацию к лучшему. Только комплексный подход, совершенствование нормативной базы, кадровое обеспечение, изучение опыта зарубежных стран и учет особенностей российского общества и государства, построение гибкого взаимодействия между государством и другими участниками, которые ответственны за проведение молодежной политики в России, позволят эффективно воздействовать на поставленные проблемы. Также считается необходимым принять единый закон для государственной политики, который давал бы понятие, закреплял полномочия субъектов, определял бы предметы ведения в сфере региональной молодежной политики, предусматривал характер организации направлений деятельности[1].

Список литературы

1. Бутова Т.В. Проблемы реализации молодежной политики на муниципальном уровне // Интернет-журнал Науковедение. – 2014. – № 3 (22). – С.10.

2. Кубякин Е. Социализация российской молодежи в условиях глобализации информационного пространства // Власть. – 2011. – № 3.

List of references

1. Butova T.V. *Problemy realizatsii molodezhnoy politiki na munitsipal'nom urovne // Internet-zhurnal Naukovedeniye* [Problems of the implementation of youth policy at the municipal level] // Internet-journal Naukovedenie.-2014. – № 3 (22). – S. 10.

2. Kubyakin E. *Sotsializatsiya rossiyskoy molodezhi v usloviyakh globalizatsii informatsionnogo prostranstva // Vlast'*. [Socialization of Russian youth in the globalization of the information space // Power]. – 2011. – No. 3.

[1]Бутова Т.В. Проблемы реализации молодежной политики на муниципальном уровне // Интернет-журнал Науковедение.-2014.-№ 3 (22). – С.10.

УДК 37.032

Алина Викторовна Колодина,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Институт права и национальной безопасности, магистрант 1 курса
E-mail: alina97black@mail.ru

Alina Viktorovna Kolodina,
Tambov state University named after G. R. Derzhavin,
Institute of Law and National Security, 1st year undergraduate

РОЛЬ ИНСТИТУТА ОБРАЗОВАНИЯ В ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

В данной статье рассматривается влияние института образования на правовую социализацию молодежи. Отмечается непрерывность правового образования, которая установлена государственными образовательными стандартами. Анализируется уровень правовых знаний, получаемых учащимися общеобразовательных школ, которые являются основными формами учебных заведений, способствующих социализации молодежи. Исследуются некоторые проблемы, сложившиеся в сфере правового образования в российских школах. Рассматривается значение образования для правовой социализации студентов техников и вузов неюридических специальностей.

Ключевые слова: социализация молодежи, правовая социализация, институт образования, правовая социализация молодежи, правовые знания, правовое образование.

THE ROLE OF EDUCATION IN THE LEGAL SOCIALIZATION OF YOUNG PEOPLE

This article examines the impact of the Institute of education on the legal socialization of young people. The continuity of legal education, which is established by the state educational standards, is noted. The article analyzes the level of legal knowledge received by students of secondary schools, which are the main forms of educational institutions that contribute to the socialization of young people. Some problems in the sphere of legal education in Russian schools are investigated. The importance of education for the legal socialization of students of technical and non-legal specialties is considered.

Keyword: socialization of youth, legal socialization, Institute of education, legal socialization of youth, legal knowledge, legal education.

Различные социальные институты, так или иначе, влияют на правовую социализацию молодежи. Среди них, несомненно, важную роль занимает институт образования, который транслирует в молодежную среду ценностные ориентации и установки правового поведения.

В «Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», принятых в 2011 году, отмечается, что на формирование правовой культуры и позитивного типа правосознания и поведения значительное влияние оказывает «качественный уровень воспитания и обучения в образовательных учреждениях различного типа и вида, в том числе закрепление и развитие у учащихся основ правосознания»[1]. Исходя из этого, институт образования должен обеспечивать получение молодыми людьми качественных правовых знаний, которые необходимы для их правовой социализации.

И.А. Егорова и Ф.С. Сафуанова выделяют следующие направления формирования правосознания молодежи: «юридические знания, отношение к праву в целом, отношение к правовой действительности, к практике реализации правовых норм, ценностные ориентации, регулирующие поведение и свобода правомерного поведения»[2]. Бесспорно, юридические

[1] «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. 2011. № 151.

[2] Егоров И.А., Сафуанов Ф.С. Показатели формирования правосознания и правовой культуры в образовательных стандартах // Коченовские чтения «Психология и право в современной России»: Сборник тезисов к 3-й Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. 2012. С. 202.

знания являются основой, неким базисом в правовой социализации человека. Вместе с тем, стоит отметить, что для достижения высокого уровня правовой социализации молодого поколения важное значение имеют не только сами правовые знания как таковые, но и культурные, нравственные стороны образования, с помощью которых у молодых людей формируются собственные ценностные ориентации. Именно ценностные ориентации, отношение к праву, к правовой действительности, в конечном счете, влияют на правовое поведение молодых людей, ведь высокий уровень правовых знаний сам по себе не гарантирует правомерное поведение человека. На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что в процессе образования необходимо уделять большое значение не только передачи правовых знаний молодым людям, но и ориентировать их на правомерное поведение, а также оказывать влияние на формирование у них положительного отношения к праву в целом. Т.В. Муслумова, отмечает существование тесной связи образования и преступности и подчеркивает, что «низкий культурный и профессиональный уровень выступает в качестве фактора дезадаптации личности, способствует совершению преступлений»[1]. Все это еще раз указывает на значимость института образования в правовой социализации молодежи.

Изучая различные аспекты правовой социализации молодежи, П.С. Самыгин отмечает следующее: «Социологические исследования показывают, что образовательные институты, наряду со средствами массовой информации, являются основным источником правовых знаний для различных групп учащейся молодежи»[2]. При этом основной формой учебных заведений, которые способствуют правовой социализации всех молодых людей, являются общеобразовательные школы. Правовая социализация в них носит как целенаправленный, так и стихийный характер, ведь в процессе обучения помимо правовых знаний усваивается и сопутствующий социальный опыт, который проявляется в реальных отношениях. Именно в школе человек получает первые систематизированные правовые знания, которые в последующем начинает применять на практике, соотнося действия и поступки с требованиями правовых норм. Правовые знания, полученные в школе, становятся ядром правового сознания молодежи как субъекта социализации. Исходя из этого, представляется необходимым повышение качества школьного образования в области права, которое в настоящее время имеет различные недостатки.

Так, одной из проблем правового образования в системе общего среднего образования является то, что в некоторых школах «право» не преподается в качестве отдельной дисциплины. Основы права в таких учебных заведениях изучаются в рамках предмета «обществознание». Однако данный предмет включает в себя комплекс общественных дисциплин, изучающих различные стороны жизни общества. Несомненно, что в рамках данного предмета достаточно сложно получить необходимый объем правовых знаний. Исходя из этого, представляется необходимым введения в каждом учебном заведении среднего общего образования отдельного предмета «право», что позволит школьникам получить уровень знаний и навыков, достаточный для дальнейшей реализации своих прав и обязанностей и формирования правосознания.

Еще одной проблемой является уровень подготовки педагогических кадров, которые зачастую не имеют профессионального юридического образования. Вследствие чего, как отмечает П.С. Самыгин, «…педагоги, являясь носителями несистематизированных правовых знаний, допускают грубые ошибки, непрофессионально трактуют на уроках законодательство, правовые нормы, правовую идеологию государства»[3]. Для решения данной проблемы необходимо, чтобы преподаватели правовых дисциплин в учреждениях среднего общего обра-

[1] Муслумова Т.В. Правовая культура подрастающего поколения: социально-философский анализ: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 09.00.11. Уфа, 2004. С. 57.

[2] Самыгин П.С. Правовая социализация современной российской молодёжи: монография / П.С. Самыгин, Ю.И. Исакова, И.В. Печкуров. М.: Русайнс, 2018. С. 45.

[3] Самыгин П.С. Состояние правового образования в России как фактор правовой социализации учащейся молодежи // Теория и практика общественного развития. 2007. № 1. С. 46.

зования имели соответственную профессиональную подготовку, а также обладали высоким уровнем правовой культуры.

Вместе с тем, важную роль в правовой социализации молодежи играет и последующее обучение. Государственные образовательные стандарты, установленные для школьников, а также студентов средних специальных и высших учебных заведений, предусматривают реализацию концепции непрерывного правового образования, начиная с общеобразовательной школы, техникума, вуза, включая послевузовское образование.

Правовое образование в техникумах и вузах может быть как профильным (для студентов юридической специальности), так и не профильным. Для правовой социализации студентов, получающих неюридическое образование, основными моментами, как отмечает С.В. Ионцева, будут «повышение общей правовой грамотности, понимание основных категорий в конкретной правовой области, свободная и самостоятельная работа с правовыми источниками, позволяющая использовать полученные знания на практике»[1]. Помимо этого необходима передача студентам знаний о способах защиты своих прав, а также ориентация молодежи на правомерное поведение.

В заключение, стоит отметить, что на основе проведенного анализа представляется необходимым наделение учащейся молодежи знаниями действующего законодательства, конституционных прав и обязанностей человека и гражданина, норм гражданского, трудового, семейного и других отраслей права, правоохранительной системы государства и принципов ее функционирования.

Таким образом, институт образования играет важную роль в правовой социализации молодежи на всех уровнях обучения. Данный социальный институт оказывает влияние на формирование ценности права и уважения к закону, что также свидетельствует о его значимости и необходимости дальнейшего развития и совершенствования.

Список литературы

1. Егоров И.А., Сафуанов Ф.С. Показатели формирования правосознания и правовой культуры в образовательных стандартах [Текст] / И.А. Егоров, Ф.С. Сафуанов // Кореновские чтения «Психология и право в современной России»: Сборник тезисов к 3-й Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. – 2012. – С. 202-204.

2. Ионцева С.В. Особенности преподавания правовых дисциплин студентам непрофильных направлений высших учебных заведений [Текст] / С.В. Ионцева // Ценности и смыслы. – 2017. – С. 60-66.

3. Муслумова Т.В. Правовая культура подрастающего поколения: социально-философский анализ [Текст]: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 09.00.11 / Т.В. Муслумова – Уфа, 2004. – 391 с.

4. Самыгин П.С. Состояние правового образования в России как фактор правовой социализации учащейся молодежи [Текст] / П.С. Самыгин // Теория и практика общественного развития. – 2007. – № 1. – С. 45-48.

5. Самыгин П.С. Правовая социализация современной российской молодёжи [Текст]: монография / П.С. Самыгин, Ю.И. Исакова, И.В. Печкуров. – М.: Русайнс, 2018. – 170 с.

List of references

1. Egorov I.A., Safuanov F.S. *Pokazateli formirovaniya pravosoznaniya i pravovoy kul'tury v obrazovatel'nykh standartakh* [Indicators of the formation of justice and legal culture in educational standards [Text] / I.A. Egorov, F.S. Safuanov // Cochenov Readings “Psychology and Law in Modern Russia”: Abstracts for the 3rd All-Russian Conference on Legal Psychology with international participation]. – 2012 .– S. 202-204.

2. Iontseva S.V. *Osobennosti prepodavaniya pravovykh distsiplin studentam neprofil'nykh napravleniy vysshikh uchebnykh zavedeniy [Tekst] / S.V. Iontseva // Tsennosti i smysly* [Features of teaching legal disciplines to students of non-core areas of higher education [Text] / S.V. Iontseva // Values and meanings]. – 2017 .– pp. 60-66.

3. Muslumova T.V. *Pravovaya kul'tura podrastayushchego pokoleniya: sotsial'no-filosofskiy analiz [Tekst]: avtoref. dis. … d-ra filos. nauk: 09.00.11 /* [Legal culture of the younger generation: socio-philosophical analysis [Text]: author. dis. ... Dr. Philos. Sciences: 09.00.11 / T.V. Muslumova – Ufa], 2004 .– 391 p.

[1] Ионцева С.В. Особенности преподавания правовых дисциплин студентам непрофильных направлений высших учебных заведений // Ценности и смыслы. 2017. С. 65.

4. Samygin P.S. *Sostoyaniye pravovogo obrazovaniya v Rossii kak faktor pravovoy sotsializatsii uchashcheysya molodezhi [Tekst] / P.S. Samygin // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya.* [The state of legal education in Russia as a factor in the legal socialization of students [Text] / P.S. Samygin // Theory and practice of social development]. – 2007. – No. 1. – pp. 45-48.

5. Samygin P.S. *Pravovaya sotsializatsiya sovremennoy rossiyskoy molodozhi [Tekst]: monografiya / P.S. Samygin, YU.I. Isakova, I.V. Pechkurov. – M.: Rusayns* [Legal socialization of modern Russian youth [Text]: monograph / P.S. Samygin, Yu.I. Isakova, I.V. Pechkurov. – M.: Rusyns], 2018 .– 170 p.

УДК 342.8

Екатерина Сергеевна Кротова,
Студент 4 курса кафедры истории, теории государства и права и конституционного права
«Липецкий государственный технический университет», г. Липецк
E-mail: ekaterina.krotowa2017@yandex.ru

Ekaterina Sergeevna Krotova,
4th year student of the Department of history, theory of state and law and constitutional law
"Lipetsk state technical University", Lipetsk

Валерия Евгеньевна Бутар,
Студент 2 курс кафедра менеджмента
«Липецкий государственный технический университет», г. Липецк
E-mail: Butar1999@mail.ru

Valeria Evgenievna Butar,
2 year Department of Management
“Lipetsk State Technical University”, Lipetsk

Ольга Николаевна Митрофанова,
научный руководитель – ст.преподаватель кафедры государственного,
муниципального управления и бизнес-технологий
«Липецкий государственный технический университет», г. Липецк
E-mail: olga-mitrof@yandex.ru

Olga Nikolaevna Mitrofanova,
Supervisor – Senior Lecturer, Department of State, Municipal Management
and Business Technologies
“Lipetsk State Technical University”, Lipetsk

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрена гражданская активность, как одна из форм участия человека в политическом процессе Российской Федерации. Выделяется структура гражданской активности с присущими ей определенными характеристиками. Сделан вывод о роли принятия политического участия гражданином в деятельности страны.

Ключевые слова: гражданская активность, формы гражданской активности, участие в политической жизни, политическое поведение, правовая деятельность индивида.

MODERN FORMS OF CIVIC ENGAGEMENT IN THE POLITICAL PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article considers civil activity as one of the forms of human participation in the political process of the Russian Federation. The structure of civic activity with its specific characteristics is highlighted. It is concluded about the role of political participation of citizens in the country.

Key words: civil activity, forms of civil activity, participation in political life, political behavior, legal activity of the individual.

Актуальной проблемой на нынешнем этапе в России является изучение гражданской деятельности и гражданского участия. Идеи о гражданской деятельности изучаются учёными из разных областей науки: Политология, социология, психология и право. Например, вопросы гражданского сознания и гражданской деятельности рассматриваются в исследованиях такими учеными, как: Э. Арато, Дж. Коэн, Е.А. Врублевская, М.С. Роднина, С.Н. Захарова, З.Я. Капустина, А.Н. Леонтьева, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского и других. Гражданская деятельность – одна из форм общественной деятельности, выражающаяся в заботливом

отношении к проблемам общества, способности и желании проявить гражданскую точку зрения, отстаивать групповые и личные права и интересы, это осознание личной ответственности за благосостояние государства. Он будет зависеть от культурных, политических, культурных ценностей человека и общества[1].

Проявлением интереса граждан к политике должно быть неотъемлемое качество современного демократического общества. Он предоставляет людям право быть субъектами политики, влиять на решение основных социальных проблем и определять условия их существования[2].

В настоящее время термин «конституционное государство» подразумевает демократическое государство с высоким уровнем правовой и политической культуры, участие народа в выборе власти, отстаивание взглядов и убеждений в рамках закона. Всё этот проявляется в деятельности политических партий, общественных объединений, свободе печати. Гражданская деятельность может проявляться как результат работы государственных учреждений, средств массовой информации и т.д., так и при помощи обмена мнениями, дискуссиями, обсуждениями различных точек зрения.

Формы коллективной самоорганизации граждан – общественные комитеты, союзы, движения, инициативные группы, экспертные общественные комиссии, советы и другие. Сфера действий достаточно широка – от сбора подписей, подачи петиций и окончания с уличными демонстрациями и актами гражданского неповиновения[3].

Участие в политической жизни – это деятельность гражданина, которая может влиять на создание, заявление и выполнение правительственных решений, возможность выбора представителей в органах государственной власти. Размер участия может определяться политическими правами, совершение которых делит граждан на две категории. Политическая элита, все те, для кого политика – первичная деятельность, то есть профессиональная, относятся к первой категории. Вторую категорию составляют простые граждане. Выразив активность, они в большинстве случаев добровольно вступают в политическую жизнь, упоминая правительство. Некоторые ученые изучают политическое участие как работу в политике граждан обеих категорий. Другие сочетают политическое участие только с действиями простых граждан, подчеркивая при этом обусловленность границ между двумя категориями.

Большинство людей предпочитают стоять в стороне. Однако это неправильно. Каждый должен стремиться к пониманию политических дел страны, поскольку все мы являемся частью одного общества. Это значит, что государственная политика касается всех нас, и все мы от нее зависим. Именно поэтому люди не должны игнорировать тот или иной предмет политики и не должны быть халатны к его условиям.

Правовая деятельность индивида является одной из основных частей общественной деятельности, включающей в себя разнообразное ее выражение, играющее решающую роль в развитии российского государства как правового. Сфера участия определяется политическими правами и свободами. В Демократическом обществе к ним относится: право выбора и избрания в органы государственной власти, право непосредственно и через своих представителей участвовать в управлении государственными делами; право объединяться в общественные организации, в том числе в политические партии; право на проведение собраний, де-

[1] Волкова Н.В., Волкова Н.В., Гусева Л.А. Гражданская активность как зеркало политических, духовных и культурных ценностей общества // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 5.; URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=10681 (дата обращения: 16.05.2019).

[2] Гусарова М.А., Торопова А.А. Проблемы формирования гражданской активности будущих юристов в условиях становления гражданского общества и правового государства в России // Общество: политика, экономика, право. 2012. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-grazhdanskoy-aktivnosti-buduschih-yuristov-v-usloviyah-stanovleniya-grazhdanskogo-obschestva-i-pravovogo (дата обращения: 27.05.2019).

[3] Зашихина И.М. Демократия и ее формы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demokratiya-i-ee-formy (дата обращения: 27.05.2019).

монстраций, шествий и пикетов; право на доступ к государственной службе; право на обращение в органы государственной власти.

Возможность принять участие в выборах, демонстрациях, митингах с точки зрения огласки действий принадлежит к открытым формам политического поведения, а политическая пассивность, способности уйти из политической жизни – к закрытым формам[1].

Формы политического поведения делятся на 2 типа. Традиционные формы (соответствующие развитым политическим принципам, менталитету, характерному для этой политической культуры) и новаторские формы (формирование новых стандартов политического поведения, создание новых качеств политических отношений).

Политическое поведение делится на три типа – индивидуальный, групповой и массовый. Индивидуальное политическое поведение – это действия одного человека, имеющего социальную и политическую ценность. Групповое политическое поведение сочетается с работой политических организаций или спонтанно возникающей политически активной группы лиц. Наиболее распространенными видами политического поведения являются выборы, референдумы, митинги, демонстрации. В групповом поведении, и ещё сильнее в массовом, наблюдается повторяемость, эмоциональная заражение, сопереживание, овладение индивидуальными групповыми стандартами поведения.

В современной политической жизни отмечаются следующие формы политического участия:

– Участие в голосовании.
– Участие представителя в работе российских органов власти и местных органов власти.
– Создание организаций, движений и участие в них.
– Участие в деятельности политических партий.
– Участие в акциях самопроизвольного волеизъявления и защита политических прав и свобод.[2]

Наиболее популярная форма политического участия – участие в голосовании. Выборы являются общественной и наиболее массовой формой политического участия. Участие в выборах не требует от граждан профессионального образования, особых способностей, умений и умений, больших затрат времени, отрыва от работы, семьи, друзей. Между тем с помощью выборов решается главный вопрос политики – вопрос о власти. Поэтому участие в голосовании входит в число основных, ведущих форм политического участия граждан.

Законы, регулирующие проявления гражданской деятельности:

– Обращения и письма от граждан к власти, встречи с политическими деятелями Ст. 33 К РФ.

– Участие граждан в деятельности политических партий, организаций, движений Ст. 30 КРФ.

– Участие граждан на выборах Ст. 32 К РФ.
– Прямые действия граждан (встречи, демонстрации) Ст. 31 К РФ.[3]

Таким образом, юридическая деятельность индивида является одной из главных критериев правовой жизни и служит определяющим фактором её состояния. Размер проявления гражданской деятельности оказывает влияние на сохранение и укрепление политических отношений в обществе, их развитии и т.д. Гражданская деятельность тесно связана с гражданской обязанностью. Это значит, что каждый гражданин должен честно выполнять обязанно-

[1] Фролов А.А., Сетевые формы организации гражданской активности в современной России – Ярославль, 2015. – 26с. [Электронный ресурс] URL: http://www.miit.ru/content/Диссертация.pdf?id_wm=740942

2 Митрофанова О.Н. Правовая культура как элемент формирования правового государства. В сборнике: Актуальные проблемы становления правового государства в Российской Федерации: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 151-159.

[3] Фролов А.А., Сетевые формы организации гражданской активности в современной России – Ярославль, 2015. – 26с. [Электронный ресурс] URL: http://www.miit.ru/content/Диссертация.pdf?id_wm=740942

сти, чувствовать моральную ответственность за работу перед другими и обществом, осознавать последствия незаконного поведения.

Список литературы

1. Волкова Н.В., Волкова Н.В., Гусева Л.А. Гражданская активность как зеркало политических, духовных и культурных ценностей общества // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 5.; URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=10681 (дата обращения: 16.05.2019).

2. Гусарова М.А., Торопова А.А. Проблемы формирования гражданской активности будущих юристов в условиях становления гражданского общества и правового государства в России // Общество: политика, экономика, право. 2012. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-grazhdanskoy-aktivnosti-buduschih-yuristov-v-usloviyah-stanovleniya-grazhdanskogo-obschestva-i-pravovogo (дата обращения: 27.05.2019).

3. Митрофанова О.Н. Правовая культура как элемент формирования правового государства. В сборнике: Актуальные проблемы становления правового государства в Российской Федерации: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 151-159.

4. Фролов А.А., Сетевые формы организации гражданской активности в современной России – Ярославль, 2015. – 26с. [Электронный ресурс] URL: http://www.miit.ru/content/Диссертация.pdf?id_wm=740942

List of references

1. Volkova N.V., Volkova N.V., Guseva L.A. Civic activism as a mirror of political, spiritual and cultural values of society // Modern problems of science and education. – 2015. – No. 5.; URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=10681 (accessed: 05.16.2019).

2. Gusarova M.A., Toropova A.A. Problems of formation of civic activity of future lawyers in the context of the formation of civil society and the rule of law in Russia // Society: politics, economics, law. 2012. No2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-grazhdanskoy-aktivnosti-buduschih-yuristov-v-usloviyah-stanovleniya-grazhdanskogo-obschestva-i-pravovogo (accessed: 05.27.2019).

3. Mitrofanova O.N. Legal culture as an element of the formation of the rule of law. In the collection: Actual problems of the formation of the rule of law in the Russian Federation: materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference – Ufa: RIC BashSU, 2018. – P. 151-159.

4. Frolov AA, Network forms of organization of civic activity in modern Russia – Yaroslavl, 2015. – 26p. [Electronic resource] URL: http://www.miit.ru/content/Thesis.pdf?id_wm=740942

УДК 340

Яна Анатольевна Козина,
студентка магистратуры, очной формы отделения ТГУ им. Г.Р. Державина,
Институт права и национальной безопасности,
E-mail: K_Yana68@mail.ru

Yana Anatolyevna Kozina,
students-magistr, full-time department,
TSU them. G.R. Derzhavina, Institute of Law and National Security.

ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕГАТИВНОМУ ИНФОРМАЦИОННОМУ ВЛИЯНИЮ НА ЛИЧНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В данной статье рассматривается негативное информационное влияние социальных телекоммуникационных сетей на личность. Отмечается, что проникновение социальных телекоммуникационных сетей в жизнь общества предполагает их влияние на социализацию и на воспитание молодежи. Несмотря на важность социальных телекоммуникационных сетей для современной молодежи, они могут содержать в себе ряд негативных аспектов, что оказывает негативное информационное влияние на личность в целом. В настоящее время, на законодательном уровне нет достаточных гарантий защиты человека от угроз, связанных с негативными информационными воздействиями социальных телекоммуникационных сетей. Данные гарантии должны быть закреплены на законодательном уровне, думается, что граждане будут чувствовать свою правовую защищенность и уровень негативной информации встречающейся пользователям в социальных телекоммуникационных сетях постепенно сведется к минимуму.

Ключевые слова: правовая социализация, информационное влияние, социальные телекоммуникационные сети, опрос ВЦИОМ, способы защиты личности.

LEGAL SOCIALIZATION OF YOUTH AS A FACTOR OF COUNTERING NEGATIVE INFORMATION INFLUENCE ON PERSONALITY IN SOCIAL TELECOMMUNICATION NETWORKS: FORMULATION OF THE PROBLEM

This article discusses the negative informational impact of social telecommunications networks on an individual. It is noted that the penetration of social telecommunication networks into the life of society implies their influence on socialization and on the education of young people. Despite the importance of social telecommunication networks for today's youth, they may contain a number of negative aspects, which has a negative information impact on the person as a whole. Currently, at the legislative level there are no sufficient guarantees of protection of a person against threats associated with the negative information effects of social telecommunication networks. These guarantees should be enshrined at the legislative level, it seems that citizens will feel their legal security and the level of negative information encountered by users in social telecommunication networks will gradually be reduced to a minimum.

Key words: legal socialization, information influence, social telecommunication networks, VTSIOM survey, ways to protect individuals.

В современном мире человек сталкивается с массой информации, которая постоянно воздействует на него, через рекламу, телевидение, журналы и интернет. Достаточно большое количество источников информации помимо положительных аспектов для человека могут нести за собой и негативное влияние на личность.

К негативным аспектам социальных телекоммуникационных сетей можно отнести: во-первых, неадекватное восприятие окружающей действительности; во-вторых, действия людей, которые, направлены на информационно-психологическое воздействие на других без учета их интересов.

По мнению психотерапевтов, люди, которые проводят в Интернете большую часть суток, в жизни испытывают трудности с общением. Они обладают низкой самооценкой и очень застенчивы, плохо адаптируются в обществе. Такие люди в Интернете чувствуют себя в полной безопасности. Они знают, что им не будет никакого наказания за необдуманные комментарии или за нецензурное общение с оппонентами. В результате подобных действий происходит негативное влияние интернета на общество в целом.

В социальных телекоммуникационных сетях происходит нарушение конфиденциальности информации, тем самым распространяется дезинформация. Негативное информационное влияние проявляется в следующем: пропаганда самоубийств, алкоголизма, наркомании, половая распущенность. Из вышесказанного мы пришли к выводу, что данная тема актуальна и нуждается в более подробном анализе девиантного потенциала социальных телекоммуникационных сетей как в теоретическом, так и в практическом плане[1].

Современное общество характеризуется возрастающей интенсификацией процессов компьютеризации. Информационные технологии проникают во многие сферы человеческой деятельности. По мнению А. Е. Войскунского[2], информационная среда, наряду с природной, пространственно-географической, социальной, культурной, ландшафтно-архитектурной и др., играет все более значительную роль в профессиональной деятельности и в повседневной жизни современного человека. Именно период конца XX – начала XXI века ознаменован появлением нового феномена – виртуального мира, виртуальной реальности. Само слово «виртуальный» имеет латинский корень virt, в значении которого изначально присутствовали такие компоненты, как «доблесть», «добродетель», «энергия», «сила»[3].

Возникает вопрос, как информационная среда, а именно как социальные телекоммуникационные сети влияют на личность?

Для наиболее детального рассмотрения данного вопроса мы проанализировали опрос проводимый сотрудниками ВЦИОМ. Результаты этого опроса о влиянии интернета на жизнь человека следующие:

– 60% опрошенных считают, что интернет оказывает на жизнь людей влияние положительное;

– 25% участвовавших в опросе людей относят интернет к негативным явлениям нашей жизни (мешает здоровому образу жизни);

– 10% респондентов полагают, что интернет на их жизнь влияет очень слабо или вообще влияния не оказывает;

– 5% о влиянии интернета не смогли сказать ничего.

Мы пришли к выводу, что большинство респондентов по данному вопросу положительно относятся к социальным телекоммуникационным сетям, но, тем не менее, 25% опрошенных видят негативные стороны в Интернете.

Не смотря на то, что социальные телекоммуникационные сети дают нам безграничные возможности саморазвития, они также негативно влияют на личность.

Молодые люди сами создают свой виртуальный социум, виртуальные сообщества, в которых действуют лишь ими же придуманные законы. Но в реальной жизни этих законов зачастую нет.[4]

Социальные сети формируют иллюзию коммуникативного и интерактивного пространства, при этом мы не можем игнорировать тот факт, что через данный механизм идет

[1] Андреева Н.Н. Телекоммуникационные социальные сети как модель взаимодействия в современном обществе // Евразийский союз ученых. № 8-8. С. 150-153.

[2] Войскунский А. Е. Преобразование общения, опосредованного компьютером: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1990.

[3] Носов Н. А. Виртуальная психология. М., 2001.

[4] Никонова В.Е. Социальные сети как средство социализации // Научное сообщество студентов XXI столетия. № 10(36). URL: http://sibac.info/archive/social/10(36).

ретрансляция норм, правил и ценностей. Подросток в социальных сетях очень часто перенимает ложные ценности и убеждения. Часто пропагандируется нездоровый образ жизни, асоциальное поведение[1].

Для борьбы с негативным информационным влиянием на личность в социальных телекоммуникационных сетях, необходимо разработать способы противодействия данному факту, через правовую социализацию молодежи.

По-нашему мнению, основными способами защиты личности от негативного влияния социальных телекоммуникационных сетей могут быть следующие:

1) Блокирование контента в сети (удаление информации негативно влияющей на сознание граждан);

2) Международное сотрудничество, а именно объединение стран для борьбы с негативной информацией в социальных телекоммуникационных сетях;

3) Проведение различного рода бесед с молодежью, касательно этического, морального и правового воспитания (проведение бесед в школах, университетах, в том числе, проведение мероприятий направленных на противодействие распространения негативной информации).

Обратимся к понятию правовой социализации. Правовая социализация – это процесс приобретения личностью правовых знаний и тем самым, опыта правового общения[2]. Мы считаем, что цель правовой социализации-это своего рода выработка адекватных и гармоничных позиций по отношению к праву и закону и, тем самым, привитие навыков законопослушного поведения.

Правовая социализация молодежи как фактор противодействия негативному информационному влиянию на личность в социальных телекоммуникационных сетях может заключаться в следующем. Через социальные телекоммуникационные сети все чаще осуществляется противообщественные действия. При отсутствии норм и законов, которые будут регулировать действия пользователей в сети интернет, в сознании людей укрепляется двойной стандарт, а именно законы необходимо соблюдать, но только не в сети, т.к. общие законы к сети не применимы, а специальных законов ещё не существует[3].

Предлагаем создать закон, непосредственно регулирующий, социальные телекоммуникационные сети, а именно такой закон, который будет раскрывать следующие вопросы: что подразумевает под собой негативная информация в социальных телекоммуникационных сетях и какая следует ответственность за распространение данной информации.

Подводя итог вышесказанному, отметим, в настоящее время, на законодательном уровне, к сожалению, нет достаточных гарантий защиты человека от угроз, связанных с негативными информационными воздействиями социальных телекоммуникационных сетей. Данные гарантии должны быть закреплены на законодательном уровне, тем самым граждане будут чувствовать свою правовую защищенность и тем самым уровень негативной информации встречающейся пользователям в социальных телекоммуникационных сетях постепенно сведется к минимуму.

Список литературы

1. Андреева Н.Н. Телекоммуникационные социальные сети как модель взаимодействия в современном обществе // Евразийский союз ученых. № 8-8. С. 150-153.

2. Войскунский А.Е. Преобразование общения, опосредованного компьютером: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1990.

[1] Ненашев С.М. Негативные воздействия на пользователей социальных сетей как элемент информационной войны// Финансовый Университет при Правительстве РФ. № 1. 2016 С. 39-45.

[2] Энциклопедия современной юридической психологии. URL: https://rus-jur-psyho-enc.slovaronline.com/351-правовая_социализация.

[3] Самыгин П.С. Правовая социализация молодежи в условиях кризисного состояния современного российского общества// Вестник РУДН. Серия: Социология, май 2016, том 16, № 2. С.295-303.

3. Ненашев С.М. Негативные воздействия на пользователей социальных сетей как элемент информационной войны// Финансовый Университет при Правительстве РФ. № 1. 2016 С. 39-45.

4. Никонова В.Е. Социальные сети как средство социализации// Научное сообщество студентов XXI столетия. № 10(36). URL: http://sibac.info/archive/social/10(36).

5. Носов Н. А. Виртуальная психология. М., 2001.

6. Самыгин П.С. Правовая социализация молодежи в условиях кризисного состояния современного российского общества// Вестник РУДН. Серия: Социология, май 2016, том 16, № 2. С.295-303.

7. Энциклопедия современной юридической психологии. URL: https://rus-jur-psyho-enc.slovaronline.com/351-правовая_социализация.

List of references

1. Andreeva N.N. *Telekommunikatsionnyye sotsial'nyye seti kak model' vzaimodeystviya v sovremennom obshchestve // Yevraziyskiy soyuz uchenykh* [Telecommunication social networks as a model of interaction in modern society // Eurasian Union of Scientists]. No. 8-8. pp. 150-153.

2. Voiskunsky A. E. *Preobrazovaniye obshcheniya, oposredovannogo komp'yuterom: Dis. ... kand. psikhol. nauk.* [Transformation of computer-mediated communication: Dis. ... cand. psychol. Sciences]. M., 1990.

3. Nenashev S. M. *Negativnyye vozdeystviya na pol'zovateley sotsial'nykh setey kak element informatsionnoy voyny// Finansovyy Universitet pri Pravitel'stve RF* [Negative impact on users of social networks as an element of the information war // Financial University under the Government of the Russian Federation]. No. 1. 2016 pp. 39-45.

4. Nikonova V.E. *Sotsial'nyye seti kak sredstvo sotsializatsii// Nauchnoye soobshchestvo studentov XXI stoletiya.* [Social networks as a means of socialization // Scientific community of students of the XXI century]. No. 10 (36). URL: http://sibac.info/archive/social/10(36).

5. Nosov N.A. *Virtual'naya psikhologiya* [Virtual Psychology]. M., 2001.

6. Samygin P.S. *Pravovaya sotsializatsiya molodezhi v usloviyakh krizisnogo sostoyaniya sovremennogo rossiyskogo obshchestva// Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [Legal socialization of youth in a crisis state of modern Russian society // Vestnik RUDN. Series: Sociology], May 2016, Volume 16, No. 2. P.295-303.

7. .*Entsiklopediya sovremennoy yuridicheskoy psikhologii.* [Encyclopedia of modern legal psychology]. URL: https://rus-jur-psyho-enc.slovaronline.com/351-legal_ socialization .

УДК 340

Евгения Алексеевна Чернышова,
Магистрант 1 курса ТГУ им. Г.Р. Державина
79537144627@mail.ru

Evgeniya Alekseevna Chernyshova,
The undergraduate of 1 course of TSU them. G. R. Derzhavin

ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В статье анализируются вопросы взаимосвязи понятий правовой социализации и девиантного поведения. Рассматриваются причины девиантного поведения в современных условиях развития общества, предлагаются способы решения сложившихся проблем.

Ключевые слова: девиантное поведение, правовая социализация, аномия, правовая культура, правосознание.

LEGAL SOCIALIZATION AND DEVIANT BEHAVIOR OF YOUTH AT THE PRESENT STAGE OF SOCIETY DEVELOPMENT

The article analyzes the relationship between the concepts of legal socialization and deviant behavior. The reasons of deviant behavior in modern conditions of development of society are considered, ways of the solution of the developed problems are offered.

Key words: deviant behavior, legal socialization, anomie, legal culture, legal consciousness.

В свете современных тенденций развития общества все более четко проявляется взаимосвязь таких понятий, как правовая социализация и девиантное поведениемолодежи. Под девиантным поведением понимают поведение, которое отклоняется от общепринятых, наиболее распространённых и устоявшихся общественных норм.

Проблемы девиантного поведения поднимаются на самом высоком уровне, в частности онинашли свое отражение в «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (далее – Стратегия), утвержденной Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753[1]. В разделе третьем Стратегии «Цель, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму» указывается, что одним из основных направлений государственной политики по противодействию экстремизму в сфере образования и государственной молодежной политики является мониторинг девиантногоповедения молодежи.

Исходя из этого анализ указанных категорий в их соотношении и выявление способов решения сложившихся проблем является очень важным и актуальным. Выявление соотношения рассматриваемых понятий в их взаимосвязи необходимо начать с рассмотрения такой категории, как правовая социализация.

Правовая социализация является одним из элементов общей социализации личности, в который включается поэтапное освоение личностью сложившихся в обществе правовых принципов и норм поведения, а также развитие самоконтроля поведения на основе правовых установок, сложившихся в обществе[2]. Специфика правовой социализации сводится к сложному процессу встраивания личности в систему правовых отношений общества и освоения ими конкретных юридических и социальных норм, в ходе которого происходит адаптация и интериоризация социального опыта. То есть, можно говорить о том, что правовая социализация направлена на освоение основных правовых принципов и норм права, а также на форми-

[1]Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) // СПС КонсультантПлюс.

[2] Самыгин П.С. Правовая культура молодежи в контексте модернизации правовой системы России // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 210.

рование способности к внутреннему анализу собственного поведения на основе усвоенных официальных и неофициальных правовых установлений.

Представляетсянеобходимым рассмотреть вопрос относительно структуры правовой социализации молодежи и выделить ее основные этапы.

В первую очередь, это правовое образование, сводящееся к формированию правосознания личности. Не менее важным элементов структуры выступает также нравственно-правовое воспитание личности с целью формирования правовой культуры молодежи, что является необходимым этапом на пути правильной правовой социализации личности в современном обществе.Можно сказать, что степень усвоения установок, заложенных в понятия правосознания и правовой культуры определяется посредством оценки правомерного поведения личности, вызванного не страхом ответственности за совершения неправомерных действий, а стойким сформированным убеждением в справедливости существующей системы правовых норм и заложенных нравственных ценностей.Данные понятия находят свое соотношение в контексте нравственно-правовой культуры, право и нравственность оказывают регулятивное воздействие на сферу свободы и объективно направлены настимулирование правомерной активности личности, создание всех необходимых предпосылок для еесоциализации. В тоже время необходимо отметить, что, как верно отмечается в работе Ю.В. Кузнецова и И.Ю. Салминой, полная нравственно-правовая социализация личности является лишь идеалом, стремление к которому человеку предписывает долг его практического разума[1]. Однако необходимо понимать то, что достижение подобного результата в полной мере невозможно, в силу того, что понятие полной нравственно-правовой социализации является в известной мере идеализированной теоретической конструкцией.

Отдельно необходимо выделить и провести анализ вопроса относительно социальных условий, в которых проходит процесс социализации молодежи. Как отмечается рядом ученых, «общепризнанным в социологической науке является тот факт, что на правовую социализацию личности определяющее воздействие оказывают происходящие в обществе трансформационные процессы»[2], к числу которых можно отнести различные виды общественно-экономических и политических, идеологических кризисов, периодически проходящих в обществе на определенных этапов его развития.При этом данный факт приобретает особую значимость в контексте негативных тенденций динамических процессов в обществе применительно к молодежи, у которой в силу естественных причин еще не до конца сформировались и окрепли правосознание и правовая культура, то есть, еще не завершился процесс правовой социализации. В данном контексте уместно привести позицию, высказываемую М.А. Гусаровой, в соответствии с которой неотъемлемыми характеристиками молодежи в подобные кризисные периоды становятся «социальная дезориентированность, психологическая растерянность и маргинальность»[3].

Видится необходимым затронуть вопрос относительно двух самостоятельных видов правовой социализации. Принято выделять, во-первых, целенаправленное воздействие на личность, и, во-вторых, стихийные процессы социализации. Разница между приведенными видами социализации, как нам видится, является явно видимой, однако дополнительно отметим, что первый вариант является собственно целенаправленным воспитанием, а второй выражается в спонтанном взаимодействии личности с различными социальными группами и отдельными индивидами, характерном для общества, находящегося в состоянии нестабильности, кризисности и аномии.

[1] Кузнецов Ю.В., Салмина И.Ю. Правовая социализация молодежи как фактор развития гражданского общества // Вестник МГТУ. 2010. №2. С. 435.

[2] Самыгин П.С., Попов М.Ю., Самыгин С.И. Правовая социализация молодежи в условиях кризисного состояния современного российского общества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. №2. С. 300.

[3] Гусарова М.А. Особенности правовой социализации современной российской молодежи в период аномизации // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 3. С. 150.

Возникновение ситуации, при которой происходит значительное увеличение роли стихийности в процессе социализации, является крайне нежелательной, поскольку в такой ситуации эффективность правовой социализации и посредством воспитания резко снижается, что приводит к распространению форм девиантного поведения среди молодежи[1].

Особую тревогу вызывает распространение форм девиантного поведения среди современной молодежи. К сожалению, данная проблема является актуальной для современной ситуации в нашем государстве.

Как верно отмечается в работе Э.С.Рахматуллина, существует целый ряд причин, определяющих актуальность представленной проблемы для современной России[2].

Все эти причины органично разбиваются на два крупных блока. Первый блок причин включает в себя экономические аспекты, в частности, имущественный разрыв между верхами и низами общества, приводящий низы к мыслям о необходимости и обязательности нарушения сложившихся правовых норм в целях получения более высокого социального статуса и имущественных благ. Второй блок связан с социальными вопросами, в первую очередь с такими явлениями как маргинализациянаселения и усиление социальной мобильности, проходящей в «неправильном» направлении, что приводит к росту числа лиц, которые не прошли успешную правовую социализацию и имеют склонности к проявлению элементов девиантного поведения.

Анализ указанных причин приводит к мысли о том, что девиантное, а так же делинквентное поведение в сложившейся современной ситуации в российском обществе охватывает собой большое количество различных групп населения и целых социальных слоев, что фактически означает проникновение элементов вышеуказанного поведения в большинство сфер общественной жизни, что является крайне опасной тенденцией. В случае становления девиантного поведения в качестве массового, оно начинает восприниматься как правильный стиль поведения, что является крайне опасным и требующим серьезного анализа и искоренения явлением.

Это особенно относится к молодежи, как наиболее пластичной и психологически неустойчивой возрастной группе населения. Представление о морали и праве в силу целого ряда причин, в том числе и возрастных, находятся у молодежи на вербальном уровне, не стали еще осознанными, тем более автоматическими регуляторами их поведения.

В то же время, то состояние, в котором находится современное российское общество, нельзя назвать иначе, чем кризисное, что в свою очередь позволяет характеризовать российское общество как общество, в котором распространяется явление аномии, то есть происходит распад системы социальных норм, которые необходимы для нормального функционирования и дальнейшего поступательного развития общества, ведущее в дальнейшем к разрушению системы моральных и правовых ценностей, а равно и к нарушению процесса социализации молодежи, повышению роли стихийных элементов в этом процессе, что в дальнейшем неизбежно ведет к повышению числа случаев проявления девиантного, в том числе делинквентного, поведения. Помимо этого, также и системные аспекты правой социализации становятся более противоречивыми по своей форме, поскольку такие социальные институты, являющиеся базовыми агентами социализации, в том числе правовой, как семья, школа и СМИ оказывают зачастую даже негативное влияние на этот процесс[3].

В тоже время государством предпринимаются меры, направленные на решение сложившихся проблем в сфере правовой социализации личности и борьбы с проявлениями де-

[1] Троцук И.В. Проблема насилия в российском обществе: «нормальные» и «патологичные» проявления // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 3. С. 50.

[2] Рахматуллин З.С. Девиантное поведение в ряду социальных проблем // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Т. 151, кн.5, ч.2. 2009. С.129.

[3] Заячковский О.А. Проблемы правовой социализации в условиях аномии российского общества // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 9. С. 20.

виантного поведения молодежи, в частности, это находит отражение в уже упоминавшейся Стратегии противодействия экстремизму, к примеру, в форме проведения социологических исследований социальной обстановки в образовательных организациях, что может помочь выявить проблемы на ранней стадии и успешно с ними бороться.

Подводя итог, можно сказать, что решение сложившихся проблем видится в первую очередь в социально-экономическом развитии страны, что будет способствовать искоренению явлений маргинализации общества и социального неравенства в экономическом аспекте, росту удельного веса среднего класса, без чего невозможно развитие в обществе высокого уровня правосознания и правовой культуры, а равно и качественное прохождение этапа правовой социализации молодежи. Видится необходимым и обоснованным дальнейшее развитие правовых, социологических, психологических исследованийи исследований смешанного характера в данной тематике в целях более детального осмысления сложившихся в данной сфере проблем.

Список литературы

1. Гусарова М.А. Особенности правовой социализации современной российской молодежи в период аномизации // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 3. С. 149-157.

2. Заячковский О.А. Проблемы правовой социализации в условиях аномии российского общества // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 9. С. 18-25.

3. Кузнецов Ю. В., Салмина И. Ю. Правовая социализация молодежи как фактор развития гражданского общества // Вестник МГТУ. 2010. №2. С. 433-440.

4. Рахматуллин З.С. Девиантное поведение в ряду социальных проблем // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Т. 151, кн.5, ч.2. 2009. С. 127-135.

5. Самыгин П.С. Правовая культура молодежи в контексте модернизации правовой системы России // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 207-213.

6. Самыгин П.С., Попов М. Ю., Самыгин С. И. Правовая социализация молодежи в условиях кризисного состояния современного российского общества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. №2. С. 297-305.

7. Троцук И.В. Проблема насилия в российском обществе: «нормальные» и «патологичные» проявления // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 3. С. 47-56.

List of references

1. Gusarova M.A. *Osobennosti pravovoy sotsializatsii sovremennoy rossiyskoy molodezhi v period anomizatsii // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Features of legal socialization of modern Russian youth in the period of anomization // Society: politics, economics, law]. 2011. No. 3. P. 149-157.

2. Zayachkovsky O.A. *Problemy pravovoy sotsializatsii v usloviyakh anomii rossiyskogo obshchestva // Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Problems of legal socialization in the conditions of anomie of Russian society // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant]. 2010. No. 9. P. 18-25.

3. Kuznetsov Yu. V., Salmina I. Yu. *Pravovaya sotsializatsiya molodezhi kak faktor razvitiya grazhdanskogo obshchestva // Vestnik MGTU* [Legal socialization of youth as a factor in the development of civil society // Bulletin of MSTU]. 2010. No2. S. 433-440.

4. Rakhmatullin Z.S. *Deviantnoye povedeniye v ryadu sotsial'nykh problem // Uchenyye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Deviant behavior in a number of social problems // Scientific notes of Kazan State University. Humanitarian sciences]. v. 151, book 5, part 2. 2009.pp. 127-135.

5. Samygin P.S. *Pravovaya kul'tura molodezhi v kontekste modernizatsii pravovoy sistemy Rossii // Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya* [Legal culture of youth in the context of modernization of the legal system of Russia // Social and humanitarian knowledge]. 2005. No. 4. pp. 207-213.

6. Samygin P.S., Popov M. Yu., Samygin S.I. *Pravovaya sotsializatsiya molodezhi v usloviyakh krizisnogo sostoyaniya sovremennogo rossiyskogo obshchestva // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [Legal socialization of youth in a crisis state of modern Russian society // Bulletin of RUDN University]. Series: Sociology. 2016. No2. pp. 297-305.

7. Trotsuk I.V. *Problema nasiliya v rossiyskom obshchestve: «normal'nyye» i «patologichnyye» proyavleniya // Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii* [The problem of violence in Russian society: “normal” and “pathological” manifestations // Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions]. 2007. No. 3. pp. 47-56.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

5 апреля 2019 года научно-образовательный ежегодник «Государственно-правовые исследования» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ в Роскомнадзоре: ПИ № ФС77-75478 от 05 апреля 2019 года).

18 июня 2019 года научно-образовательному ежегоднику «Государственно-правовые исследования» присвоен Международный стандартный номер сериального издания (International Standard Serial Number) ISSN: 2658-5383.

Ежегодник как научное периодическое издание открыт для приема авторских научных материалов: научных статей, новых авторских учебно-методических разработок, рецензий на научные издания, обзоров научных конференций и др.

Материалы для публикации предоставляются на адрес электронной почты НИИ государственно-правовых исследований, в рамках которого действует редакция научно-образовательного ежегодника «Государственно-правовые исследования» – ri.sls@tsutmb.ru. Главный редактор – директор НИИ государственно-правовых исследований, доктор юридических наук, доцент В.В. Трофимов.

Требования к оформлению и к подаче научных статей (иных научных материалов)

В начале статьи авторы указывают на *русском и английском языках*:

а) фамилию, имя, отчество, должность и место работы, ученую степень, ученое звание, почетные звания;

б) адрес электронной почты;

в) название статьи (на русском и английском языках);

г) УДК (для его определения рекомендуется использовать таблицу «УДК-классификатор», размещаемую в сети Интернет);

д) аннотацию (объемом 100–150 слов), раскрывающую содержание статьи;

е) ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний).

Далее – текст научной публикации.

Сноски указываются по тексту – постраничные.

Кроме того, автор предоставляет к статье библиографический список (кроме нормативных правовых актов, судебных решений), который составляется в порядке русского алфавита из научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи. В списке приводится полное библиографическое описание источников. Составленный к статье список литературы дублируется в форме транслитерации ФИО авторов (редакторов), названий научных статей (материалов); также названия выходных данных соответствующих материалов в квадратных скобках указываются в виде перевода на английский язык.

При оформлении библиографического списка и сносок рекомендуется использовать следующие стандарты:

– ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления;

– ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.

Для примера:

Монографии:

Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции. – М.: Эксмо, 2018. – 320 с.

Schwab K., Davis N. *Tekhnologii chetrvyortoy promyshlennoy revolutsii* [Technology of the Fourth Industrial Revolution]. – M.: Eksmo Publ., 2018. – 320 p.

Научные статьи:

Ковальчук М.В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. – 2011. – Т. 6. – № 1-2. – С. 13-23.

Kovalchuk M.V. *Konvergentsiya nauk i tekhnologiy – proryv v budushcheye* [The convergence of sciences and technologies – a breakthrough into the future // Russian Nanotechnology. – 2011. – V. 6. – № 1-2. – Pp. 13-23].

Другие авторские научные материалы приводятся в списке литературы по аналогичным требованиям.

Общий объем материала может составлять 10 000 печатных знаков, до 8 страниц машинописного текста или более (но не превышая 1 п. л., примерно 40 000 печатных знаков).

Текст статьи (редактор Word версии выше 2000), шрифт Times New Roman, размер 14 пт., выравнивание абзацев – по ширине с автоматическим переносом слов, отступ первой строки – на 1,25 см, междустрочный интервал – полуторный, поля: 2 см – со всех сторон; для сносок – размер 12 пт., междустрочный интервал – одинарный.

Редакция ежегодника принимает научные материалы, осуществляя рецензирование направляемых авторских материалов (внутреннее – главным образом, силами привлекаемых для этих целей членов редакционной коллегии; внешнее – привлекая рецензентов из числа ученых – экспертов в той или иной научной области), а также руководствуясь как общепринятыми для данной деятельности правилами, так и внутренними редакционными правилами. Редакция оставляет за собой право отбора предоставленных материалов для публикации.

Адрес редакции: 392008, Российская Федерация, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Советская, 181 б, каб. 216 (Научно-исследовательский институт государственно-правовых исследований).

Телефон для справок: **8 (4752) 45-13-14 (доб. 3103)** – Научно-исследовательский институт государственно-правовых исследований ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

По всем интересующим вопросам просьба писать на адрес электронной почты НИИ государственно-правовых исследований – ri.sls@tsutmb.ru.

ФОТООТЧЕТ О МЕРОПРИЯТИИ

ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
100 ЛЕТ
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«Актуальный вектор государственно-правовых исследований: проблема применения междисциплинарного подхода в теории и практике государства и права»

100 ЛЕТ
25 ЛЕТ
3–4 октября 2019 года

100 ЛЕТ
25 ЛЕТ

SUPERCAM

Научное издание

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЕЖЕГОДНИК

Выпуск 3 2020
(2019/2020 учебный год)

АКТУАЛЬНЫЙ ВЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Материалы Международной научной конференции

Тамбов, 3-4 октября 2019 года

Главный редактор

Трофимов Василий Владиславович

Компьютерная верстка *Т.Ю. Шаталовой*
Дизайн обложки *Т.О. Прокофьевой*

Подписано в печать 3.12.2019. Дата выхода в свет _____.
Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 63,01. Тираж 1000 экз.
Заказ 58/19. Цена свободная

Адрес редакции:
392008, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Советская, 181б, каб. 216

Издатель:
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
392008, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

Отпечатано *с готового оригинал-макета* в ООО «Принт-Сервис».
392324, Тамбовская область, Тамбовский район,
с. Покрово-Пригородное, ул. Советская, д. 122

ТЕМЫ НОМЕРА:

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ МОДЕЛЬ ПОЗНАНИЯ
И ЕЕ РОЛЬ В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

КОНВЕРГЕНЦИЯ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО,
ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО ВИДОВ ЗНАНИЯ

ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ